

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07017710 4

РУС

КУРСЪ

РУССКОЙ ИСТОРИИ.

Проф. В. Ключевского.

Часть II.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1906.

25-10-1910

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
451710
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 1908 L

XEROY WITH
OLIVE
VIA RAIL

100
101
102
103
104
105
106
107
108
109
110
111
112
113
114
115
116
117
118
119
120

Въ 1903 г. авторъ приступилъ къ печатанію первой части своего курса съ твердымъ рѣшеніемъ напечатать его безъ всякихъ вынужденныхъ измѣненій и урѣзокъ, а при встрѣчѣ съ какими-либо внѣшними затрудненіями отказаться совсѣмъ отъ его печатанія. По обстоятельствамъ вторая часть выходитъ значительно позднѣе, чѣмъ предполагалось. Въ текущемъ году авторъ надѣется издать и третью часть (до конца царствованія императрицы Екатерины II).

Авторъ считаетъ себя обязаннымъ высказать свое отношеніе къ непрекращающимся литографированнымъ изданіямъ своего курса. Онъ получаетъ отъ многихъ требованіе на такія изданія, какъ будто они выходятъ съ его вѣдома и даже при его участіи. Такое предположеніе совершенно невѣрно. Въ первые годы своей преподавательской дѣятельности въ Московскомъ Университетѣ (до 1888 г.) онъ разрѣшалъ изданіе своихъ лекцій по числу наличныхъ слушателей и только для ихъ употребленія, какъ экзаменное пособіе. Но внѣшнія затрудненія вынудили его отказаться отъ этого и ограничиться чтеніями въ аудиторіи, гдѣ еще могло звучать свободное слово профессора. Между тѣмъ литографированныя изданія продолжаютъ появляться досель. Сколько было такихъ изданій, гдѣ и къмъ они изготовляются, какъ распространяются въ публикѣ и что собственно издается подъ именемъ автора,—объ этомъ онъ знаетъ очень мало и потому ни за что не ручается и не отвѣчаетъ.

Въ 1902 г. въ Петербургъ было напечатано, не для обращенія въ публикѣ и повидимому въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, полное изданіе университетскаго курса автора. Экземпляръ этого изданія имѣется въ Императорской Публичной библиотекѣ. Авторъ не принималъ участія въ этомъ изданіи, даже не зналъ о немъ долгое время, не имѣетъ его экземпляра и не искалъ его имѣть. Такъ какъ авторъ никогда и никому не доверялъ своихъ матеріаловъ, служившихъ ему для его чтеній, то въ основѣ этого изданія, какъ и прочихъ, вышедшихъ помимо автора, могутъ лежать лишь тѣ же пестрыя студенческія записи, приблизительно и на свой страхъ воспроизводящія изложеніе профессора.

искаго между его младшими братьями и племянниками.

1174 г. дяди, восторжествовав над племянниками, звали изъ Чернигова укрывавшихся тамъ своихъ женъ. агинь поѣхалъ провожать сынъ черниговскаго князя Олегъ; довезъ тетокъ до Москвы и оттуда воротился въ «свою ость» Лопасню. Лопасня— село въ 70 верстахъ отъ Москвы югу по серпуховской дорогѣ. Такъ близко подходила давшая черниговская граница къ суздальскому городку сквѣ. Изъ разсказа той же лѣтописи видно, что Москва ила и другое болѣе раннее названіе *Кучкова*. Названіе она получила отъ мѣстнаго вотчинника, боярина и по данію суздальскаго тысящаго Степана Кучка или Кучка, которому принадлежали окрестныя села и деревни и память которомъ, замѣчу мимоходомъ, сохранялась послѣ въ на ній московскаго урочища *Кучкова поля* (нынѣ улицы Ётенка и Лубянка).

Съ временемъ возникновенія и съ географическимъ положеніемъ Москвы тѣсно связана и ея дальнѣйшая политическая судьба. Какъ городокъ новый и далекій отъ суздальскихъ центровъ Ростова и Владиміра, Москва позднѣе друхъ суздальскихъ городовъ могла стать стольнымъ городомъ обого княжества и притомъ должна была достаться младшему князю. Дѣйствительно, въ продолженіе большей части III в. въ Москвѣ не замѣтно постояннаго княженія: князья являлись въ Москвѣ лишь на короткое время, и все это или младшіе сыновья своихъ отцовъ. Сначала сидѣлъ здѣсь второе время одинъ изъ младшихъ Всеволодовичей Владиміръ; потомъ видимъ здѣсь другого Владиміра, одного изъ младшихъ сыновей великаго князя Юрія Всеволодовича: то—тотъ Владиміръ, который былъ захваченъ татарами Батыею при взятіи ими Москвы зимою 1237-1238 г. Позднѣе изъ сыновей Ярослава Всеволодовича Москва досталась млад-

нему Михаилу Хоробриту, по смерти котораго въ 1248 г. опять много лѣтъ не замѣтно въ Москвѣ особаго князя. Наконецъ, уже въ поколѣннн правнуковъ Всеволода III, по смерти Александра Невскаго (1263 г.) въ Москвѣ является младшій и малолѣтнн сынъ его Даниль. Съ тѣхъ поръ Москва становится стольнымъ городомъ особаго княжества съ постояннымъ княземъ: Даниль сталъ родоначальникомъ московскаго княжескаго дома.

Таковы раннн извѣстнн о Москвѣ. По нимъ трудно было бы угадать ея дальнѣйшую политическую судьбу. Ея судьба представлялась неожиданной и дальнѣйшимъ поколѣннмъ сѣвернорусскаго общества. Задавая себѣ вопросъ, какимъ образомъ Москва такъ быстро поднялась и стала политическимъ центромъ сѣверовосточной Руси, древнерусское общество затруднялось найти отвѣтъ: быстрый политическнй подъемъ Москвы и ему казался исторической загадкой. Это впечатлѣнн отразилось въ одномъ изъ многихъ народныхъ сказаннн, предметомъ которыхъ служить первоначальная судьба этого города и его князей. Одно изъ этихъ сказаннн, записанное уже въ XVII в., начинается приблизительно въ такомъ тонѣ: «Кто думалъ-гадалъ, что Москвѣ царствомъ быти, и кто же зналъ, что Москвѣ государствомъ слыти? Стояли на Москвѣ-рѣкѣ села красныя боярина хорошаго Кучка Степана Ивановича». Вы чувствуете, что записанное позднимъ книжникомъ народное сказаннн еще не утратило признаковъ размѣренной рѣчи, былиннаго стиха. Причина загадочности первыхъ успѣховъ города Москвы заключается въ томъ, что древнн памятники нашей исторнн отмѣтили далеко не первые моменты его роста, а уже крупныя внѣшння прнобрѣтеннн, какихъ добилась Москва послѣ долгихъ и незамѣтныхъ подготовительныхъ уснлнн. Но ущѣляли нѣкоторые косвенныя указаннн, въ которыхъ вскрываются таин-

ственные историческія силы, работавшія надъ подготовкой успѣховъ Московскаго княжества съ первыхъ минутъ его существованія. Дѣйствіе этихъ силъ выражалось прежде всего въ экономическихъ условіяхъ, питавшихъ ростъ города, а эти условія вытекали изъ географическаго положенія его края въ связи съ ходомъ русской колонизаціи волжско-окскаго междурѣчья.

Въ ходѣ заселенія междурѣчья Оки и верхней Волги можно замѣтить два направленія, между которыми легче провести географическую, чѣмъ хронологическую раздѣльную черту. Повидимому раньше и усиленнѣе заселялись главные рѣки, окаймляющія междурѣчье. По обѣимъ изогнутымъ линіямъ, по верхней Волгѣ отъ Ржева до Нижняго, по средней Окѣ отъ Калуги до Муромъ ко времени татарскаго нашествія вытянулись двѣ довольно густыя цѣпи городовъ, основными звеньями которыхъ были старинныя русскія поселенія, какъ Ярославль, Рязань, Муромъ. По первой линіи шелъ колонизаціонный притокъ съ новгородскаго сѣверо-запада и смоленскаго запада, по второй съ днѣпровскаго вгосапада и съ верхнеокскаго юга, изъ страны вятичей. Вслѣдъ за окрайными рѣчными магистралями заселялись и внутренніе ихъ притоки, прорѣзывающіе междурѣчье, хотя и здѣсь были незапамятно-старинные центры, какъ Ростовъ и Суздаль. Большая часть здѣшнихъ городовъ возникла съ половины XII вѣка или немного раньше. Появленіе города на притокѣ служило признакомъ скопленія вдоль рѣки значительнаго сельскаго населенія, нуждавшагося въ укрѣпленномъ убѣжищѣ. Географическое размѣщеніе внутреннихъ городовъ междурѣчья, постройку которыхъ можно относить къ XII и XIII в., показываетъ, что пришлое населеніе осаживалось по притокамъ всего междурѣчья разбросанными полосами (идя съ З на В: Волокъ Ламскій, Вышгородъ и

Географическое положение Москвы и его выгоды.

можетъ быть Боровскъ на Протвѣ, Звенигородъ, Москва, Клинь, Дмитровъ, Переяславль, Юрьевъ Польскій, Владиміръ, Боголюбовъ, Нерехта, Стародубъ, Гороховецъ). При просторныхъ лѣсистыхъ и болотистыхъ промежуткахъ между притоками важное значеніе получали поселки, возникавшіе на концахъ короткихъ перволокъ изъ одного притока въ другой: здѣсь завязывались узловые пункты сухопутнаго и рѣчного сообщенія. Въ этомъ отношеніи географическое положеніе города Москвы было особенно выгодно. Верхнимъ притокомъ своимъ Истрой рѣка Москва подходит близко къ Ламѣ, притоку Шоши, впадающей въ Волгу. Такимъ образомъ рѣка Москва Ламскимъ волокомъ соединяла верхнюю Волгу со средней Окой. Съ другой стороны, городъ Москва возникъ на самомъ изломѣ рѣки, при ея поворотѣ на ЮВ, гдѣ она притокомъ своимъ Яузой почти вплоть подходит къ Клязьмѣ, по которой шель черезъ Москву поперечный путь съ З на В. Этимъ путемъ въ 1155 году шель съ чудотворной иконой Божіей Матери Андрей Боголюбскій, направляясь черезъ Рогожскія поля на Клязьмѣ во Владиміръ съ р. Вазузы, куда онъ поднялся Днѣпромъ изъ Вышгорода подъ Киевомъ. Въ концѣ XIV в. отъ Москвы шла, пролегая Кучковымъ полемъ, «великая дорога володимерская», о которой упоминаетъ одна старая лѣтопись по случаю сѣтенія москвичами чудотворной иконы Божіей Матери въ 1395 г. Наконецъ съ третьей стороны черезъ Москву пролежала изъ Лопасни дорога съ кievскаго и черниговскаго юга на Переяславль Залѣсскій и Ростовъ. Такъ г. Москва возникъ въ пунктѣ пересѣченія трехъ большихъ дорогъ. Изъ такого географическаго положенія проистекли важныя экономическія выгоды для города и его края.

Москва—
узловой
пунктъ.

Равняя на-
селенность
Московска-
го края. Прежде всего это положеніе содѣйствовало сравнительно болѣе ранней и густой населенности края. Москва возникла

на рубежѣ между югозападной днѣпровской и сѣверовосточной волжской Русью, на раздѣльной линіи говорювь о и а. Это былъ первый край, въ который попадали колонисты съ югозапада, переваливъ за Угру; адѣсь слѣдовательно они осаживались наибольшими массами, какъ на первомъ своемъ привалѣ. Блѣдныя слѣды этого усиленнаго осадка колонизаціи въ области рѣки Москвы находимъ въ старыхъ генеалогическихъ преданіяхъ. Родословныя росписи старинныхъ боярскихъ фамилій, съ теченіемъ времени основавшихся въ Москвѣ, обыкновенно начинаются сказаніемъ о томъ, какъ и откуда родоначальники этихъ фамилій пришли служить московскому князю. Соединяя эти отдѣльныя фамильныя преданія, мы получимъ цѣлый важный историческій фактъ: съ конца XIII в., еще прежде чѣмъ городъ Москва начинаетъ играть замѣтную роль въ судьбѣ сѣверной Руси, въ него со всѣхъ сторонъ собираются знатные служилые люди изъ Муромъ, изъ Нижняго, Ростова, Смоленска, Чернигова, даже изъ Кіева и съ Волыни. Такъ еще ко князю Юрію Даниловичу пріѣхалъ на службу изъ Кіева знатный бояринъ Родіонъ, ставшій родоначальникомъ фамиліи Квашининыхъ, и привелъ съ собой цѣлый свой дворъ въ 1700 человекъ, стоявшій изряднаго укрѣпленнаго города. Знатные слуги шли по теченію народной массы. Генеалогическія сказанія боярскихъ родословныхъ отразили въ себѣ лишь общее движеніе, господствовавшее въ тогдашнемъ русскомъ населеніи. Въ Москву, какъ въ центральный водоемъ, со всѣхъ краевъ Русской земли, угрожаемыхъ внѣшними врагами, стекались народныя силы благодаря ея географическому положенію.

Москву часто называютъ географическимъ центромъ Европейской Россіи. Если взять Европейскую Россію въ ея нынѣшнихъ предѣлахъ, это названіе не окажется вполне точнымъ ни въ физическомъ, ни въ этнографическомъ смыслѣ:

Москва—этнографическій центръ Вѣликороссіи.

для того, чтобы быть действительнымъ географическимъ центромъ Европейской Россіи, Москвѣ слѣдовало бы стоять нѣсколько восточнѣе и нѣсколько южнѣе. Но надо представить себѣ, какъ размѣщена была масса русскаго населенія, именно великорусскаго племени, въ XIII и XIV вв. Колонизація скучивала это населеніе въ междурѣчьи Оки и верхней Волги и здѣсь населеніе долго задерживалось насильственно, не имѣя возможности выходить отсюда ни въ какую сторону. Разселенію на сѣверъ за Волгу мѣшало перерывающее движеніе новгородской колонизаціи, пугавшей мирныхъ переселенцевъ своими разбойничьими ватагами, которыя распространяли новгородскіе предѣлы къ востоку отъ Новгорода. Вольный городъ въ тѣ вѣка высылалъ съ Волхова разбойничьи шайки удальцовъ ушкуйниковъ, которые на своихъ рѣчныхъ судахъ, ушкуяхъ, грабили по верхней Волгѣ и ея сѣвернымъ притокамъ, мѣшая своими разбоями свободному распространенію мирнаго населенія въ сѣверномъ Заволожьи. Паисій Ярославовъ въ своей лѣтописи Спасо-Каменнаго монастыря на Кубенскомъ озерѣ (XV в.) имѣлъ въ виду именно эти XIII и XIV вѣка, когда писалъ, что тогда еще не вся Заволжская земля была крещена и много было некрещеныхъ людей: онъ хотѣлъ сказать, какъ скудно было тамъ русское христіанское населеніе. Съ сѣверовостока, востока и юга скоплавшееся въ междурѣчьи русское населеніе задерживалось господствовавшими тамъ инородцами, мордвой и черемисой, а также разбойничавшими за Волгой вятчанами и наконецъ татарами; на западъ и югозападъ русское населеніе не могло распространяться, потому что съ начала XIV в. тамъ стояла уже объединившаяся Литва, готовясь къ своему первому усиленному натиску на восточную Русь. Такимъ образомъ масса русскаго населенія, скучившись въ центральномъ междурѣчьи, долго не имѣла вы-

хода отсюда. Москва и возникла въ срединѣ пространства, на которомъ сосредоточивалось тогда наиболѣе густое русское населеніе, т. е. въ центрѣ области тогдашняго распространія великорусскаго племени. Значить, Москву можно считать если не географическимъ, то этнографическимъ центромъ Руси, какъ эта Русь размѣщена была въ XIV в. Это центральное положеніе Москвы прикрывало ее со всѣхъ сторонъ отъ внѣшнихъ враговъ; внѣшніе удары падали на сосѣднія княжества Рязанское, Нижегородское, Ростовское, Ярославское, Смоленское и очень рѣдко достигали до Москвы. Благодаря такому прикрытію Московская область стала убѣжищемъ для окрайнаго русскаго населенія, всюду страдавшаго отъ внѣшнихъ нападений. Послѣ татарскаго погрома болѣе столѣтій, до перваго Ольгердова нападенія въ 1368 г., Московская страна была, можетъ быть, единственнымъ краемъ сѣверной Руси, не страдавшимъ или такъ мало страдавшимъ отъ вражескихъ опустошеній; по крайней мѣрѣ за все это время здѣсь, за исключеніемъ захватившаго и Москву татарскаго нашествія 1293 г., не слышно по лѣтописямъ о такихъ бѣдствіяхъ. Столь рѣдкій тогда покой вызвалъ даже обратное движеніе русской колонизаціи междурѣчья съ В на З, изъ старыхъ ростовскихъ поселеній въ пустынные углы Московскаго княжества. Признаки этого поворота встрѣчаемъ въ житіи преп. Сергія Радонежскаго. Отецъ его, богатый ростовскій бояринъ Кирилль обвинялъ отъ разорительныхъ поѣздокъ со своимъ княземъ въ Орду, отъ частыхъ набѣговъ татарскихъ и другихъ бѣдствій, бросилъ все и вмѣстѣ съ другими ростовцами переселился въ глухой и мирный московскій городокъ Радонежь. Около того же времени многіе изъ ростовскихъ городовъ и селъ переселились въ московскіе предѣлы. Сынъ Кирилла, рѣшившійся отречься отъ міра, уединился неподалеку въ дремучемъ лѣсу скудо-

воднаго перевала съ верхней Клязьмы въ Дубну, Сестру и Волгу. Лѣтъ 15 прожилъ здѣсь преп. Сергій съ немногими сподвижниками; но потомъ ихъ лѣсное убѣжище быстро преобразилось: откуда-то нашло множество крестьянъ, исходили они тѣ лѣса вдоль и поперекъ и начали садиться вокругъ монастыря и невозбранно рубить лѣса, наставили починковъ, дворовъ и селъ, устроили поля чистыя и «исказили пустыню», съ грустью прибавляетъ биографъ и сподвижникъ Сергія, описывая одинъ изъ переливовъ сельскаго населенія въ Московскую область, повидимому не лишенный какой-либо связи съ рассказанной имъ же ростовской эмиграціей. Таково одно условіе, вытекавшее изъ географическаго положенія Московскаго края и содѣйствовавшее его успѣшному заселенію.

Р. Москва—
транзитный
путь.

То же географическое положеніе Москвы заключало въ себѣ другое условіе, благоприятствовавшее раннимъ промышленнымъ ея успѣхамъ. Я только что упомянулъ о рѣкѣ Москвѣ, какъ водномъ пути между верхней Волгой и средней Окой. Въ старое время эта рѣка имѣла немаловажное торговое значеніе. Изогнутой діагональю прорѣзывая Московское княжество съ сѣверозапада на юговостокъ и нижнимъ теченіемъ связывая г. Москву съ бассейномъ Оки, а верховьями близко подходя къ правымъ притокамъ верхней Волги, она служила соединительной хордой, стягивавшей концы обширной рѣчной дуги, образуемой двумя главными торгово-промышленными путями междурѣчья. Одно явленіе указываетъ на такое торговое значеніе рѣки Москвы. Очень рано на самомъ перевалѣ съ верхней Волги въ Москву возникъ торговый пунктъ Волокъ на Ламѣ (Волоколамскъ). Этотъ городъ былъ построенъ новгородцами и служилъ имъ складочнымъ мѣстомъ въ ихъ торговыхъ сношеніяхъ съ бассейномъ Оки и съ областью средней Волги.

Такъ географическое положеніе Москвы, сдѣлавъ ее пунктомъ пересѣченія двухъ скрещивавшихся движеній, переселенческаго на СВ и торгово-транзитнаго на ЮВ, доставляло московскому князю важныя экономическія выгоды. Сгущенность населенія въ его удѣлѣ увеличивала количество плательщиковъ прямыхъ податей. Развитіе торговаго транзитнаго движенія по рѣкѣ Москвѣ оживляло промышленность края, втягивало его въ это торговое движеніе и обогащало казну мѣстнаго князя торговыми пошлинами.

Рядомъ съ этими экономическими слѣдствіями, вытекавшими изъ географическаго и этнографическаго положенія Москвы, изъ того же источника вышелъ рядъ важныхъ слѣдствій политическихъ. Съ географическимъ положеніемъ города Москвы тѣсно связано было генеалогическое положеніе его князя. Какъ городъ новый и крайній, Москва доставляла одной изъ младшихъ линій Всеволодова племени. Поэтому московскій князь не могъ питать надежды дожить до старшинства и по очереди занять старшій великокняжескій столъ. Чувствуя себя безправнымъ, точнѣе, обездоленнымъ среди родичей и не имѣя опоры въ обычаяхъ и преданіяхъ старины, онъ долженъ былъ обеспечивать свое положеніе иными средствами, независимо отъ родословныхъ отношеній, отъ очереди старшинства. Благодаря тому московскіе князья рано вырабатываютъ своеобразную политику, съ первыхъ шаговъ начинаютъ дѣйствовать не по обычаю, раньше и рѣшительнѣе другихъ сходить съ привычной колеи княжескихъ отношеній, ищутъ новыхъ путей, не задумываясь надъ старинными счетами, надъ политическими преданіями и приличіями. Это обнаруживается какъ въ ихъ отношеніяхъ къ другимъ князьямъ, такъ и въ веденіи ими внутреннихъ дѣлъ своего княжества. Они являются зоркими наблюдателями того, что происходитъ вокругъ нихъ, внимательно

Политическія слѣдствія.

Москва—младшій удѣлъ.

Значеніе этого для ея князей.

высматриваютъ, что лежитъ плохо, и прибираютъ это къ рукамъ. Первые московскіе князья выступаютъ смѣлыми хищниками. Не даромъ одинъ изъ нихъ Михайль Ярославичъ перешелъ въ потомство съ прозваніемъ *Хоробрита*, т. е. забіяки: онъ въ 1248 г. врасплохъ напалъ на своего дядю вел. кн. Святослава и вопреки всякому праву согналъ его съ владимірскаго стола. Первый московскій князь Александрова племени Даниилъ, по разсказу лѣтописца, точно такъ же врасплохъ напавъ на своего рязанскаго сосѣда князя Константина, побѣдилъ его «нѣкоею хитростью», т. е. обманомъ, взялъ его въ плѣнъ и отнялъ у него Коломну. Сынъ этого Даниила Юрій въ 1303 г., напавъ на другого сосѣда, князя можайскаго, такъ же взялъ его въ плѣнъ и захватилъ можайскій удѣлъ въ самыхъ верховьяхъ р. Москвы, потомъ убилъ отцова плѣнника Константина и удержалъ за собой Коломну: теперь вся Москва-рѣка до самаго устья стала московской. Московскій князь—врагъ всякому великому князю, кто бы онъ ни былъ: казалось, самая почва Москвы питала въ ея князьяхъ неуваженіе къ прежнимъ понятіямъ и отношеніямъ старшинства. Даниилъ долго и упорно боролся съ великими князьями, собственными старшими братьями, съ Димитріемъ переяславскимъ, потомъ съ Андреемъ гордецкимъ. Но по смерти Димитрія онъ сблизился съ добрымъ и бездѣтнымъ его сыномъ Иваномъ и такъ подружился, что Иванъ, умирая въ 1302 г., отказалъ свой удѣлъ московскому своему сосѣду и младшему дядѣ помимо старшихъ родичей. Даниилъ принялъ наслѣдство и отстоялъ его отъ притязаній старшаго брата, вел. кн. Андрея. Но враги старшинства, московскіе князья были гибкіе и сообразительные дѣльцы. Какъ скоро измѣнялись обстоятельства, и они измѣняли свой образъ дѣйствій. Татарскій разгромъ надолго, на весь XIII в., повергъ народное хозяйство сѣверной Руси

въ страшный хаосъ. Но съ XIV в. разстроенныя отношенія здѣсь начали улаживаться, народное хозяйство стало приходить въ нѣкоторый порядокъ. Съ тѣхъ поръ и московскіе князья, начавъ свое дѣло беззащитными хищниками, продолжаютъ его мирными хозяевами, скопидомными, домовитыми устроителями своего удѣла, заботятся о водвореніи въ немъ прочнаго порядка, заселяютъ его промышленными и рабочими людьми, которыхъ перезываютъ къ себѣ изъ чужихъ княжествъ, толпами покупаютъ въ Ордѣ русскихъ плѣнниковъ и на льготныхъ условіяхъ сажаютъ тѣхъ и другихъ на своихъ московскихъ пустошахъ, строятъ деревни, села, слободы. Съ XIV в. можемъ слѣдить за ходомъ этого хозяйственнаго домостроительства московскихъ князей по длинному ряду ихъ духовныхъ грамотъ, начинающемуся двумя завѣщаніями третьяго московскаго князя изъ Александрова племени Ивана Калиты. Эти грамоты объясняютъ намъ, почему къ половинѣ XV в. въ сѣверной Руси привыкли смотрѣть на московскаго князя, какъ на образцоваго хозяина, на Московское княжество, какъ на самый благоустроенный удѣлъ. Слѣды этого взгляда находимъ въ одномъ памятникѣ половины XV в. Это сухой генеалогическій перечень русскихъ князей, начиная отъ Рюрика. Здѣсь между прочимъ читаемъ, что Всеволодъ Большое Гнѣздо родилъ Ярослава, Ярославъ родилъ Александра Великаго, Храбраго, Александръ Данила, а Данилъ Ивана Калиту, «иже исправи землю Русскую отъ татей». Итакъ сѣверное русское общество считало Ивана Калиту правителемъ, умѣвшимъ очистить свою землю отъ воровъ, водворить въ ней общественную безопасность. На встрѣчу этому взгляду идутъ указанія съ другой стороны. Въ припискѣ на одной рукописи, писанной въ Москвѣ въ концѣ княженія Ивана Калиты, читаемъ хвалу правдолюбію этого князя, давшего Русской землѣ

«тишину велю и правый судъ». Канонистъ А. С. Павловъ приписываетъ тому же князю введеніе въ дѣйствіе *Земледѣльческаго закона*, византійскаго земско-полицейскаго и уголовного устава, составленнаго, какъ предполагають, императорами-иконоборцами въ VIII вѣкѣ. Если такъ, то можно думать, что Иванъ Калита особенно заботился объ устройствѣ сельскаго населенія въ своихъ владѣніяхъ. Такъ благодаря своему генеалогическому положенію, чувствуя себя наиболѣе безправнымъ княземъ среди родичей, московскій удѣльный владѣтель рано выработалъ себѣ образъ дѣйствій, который держался не на преданіяхъ старины, а на разчетливомъ соображеніи обстоятельствъ текущей минуты.

Успѣхи
Московска-
го княже-
ства до по-
ловинны
XV в.

Таковы были первоначальныя условія быстраго роста Московскаго княжества. Этихъ условій было два: географическое положеніе Москвы и генеалогическое положеніе ея князя. Первое условіе сопровождалось выгодами экономическими, которыя давали въ руки московскому князю обильныя матеріальныя средства, а второе условіе указывало ему, какъ всего выгоднѣе пустить въ оборотъ эти средства, помогло ему выработать своеобразную политику, основанную не на родственныхъ чувствахъ и воспоминаніяхъ, а на искусномъ пользованіи текущей минутой. Располагая такими средствами и держась такой политики, московскіе князья въ XIV и въ первой половинѣ XV в. умѣли добиться очень важныхъ политическихъ успѣховъ. Перечислимъ ихъ.

Расширеніе
территоріи.

I. Пользуясь своими средствами, московскіе князья постепенно выводили свое княжество изъ первоначальныхъ тѣсныхъ его предѣловъ. Въ самомъ началѣ XIV в. на сѣверѣ Руси, можетъ быть, не было удѣла незначительнѣе московскаго. Предѣлы его далеко не совпадали даже съ границами нынѣшней Московской губерніи. Изъ существовавшихъ тогда городовъ этой губерніи въ составъ удѣльной

московской территоріи не входили Дмитровъ, Клинь, Волоколамскъ, Можайскъ, Серпуховъ, Коломна, Верея. Удѣль князя Даніила до захвата Можайска и Коломны занималъ срединное пространство этой губерніи по среднему теченію р. Москвы съ продолженіемъ на В по верхней Клязьмѣ, которое клиномъ вдавалось между дмитровскими и коломенскими, т. е. рязанскими волостями. Въ этомъ удѣлѣ едва ли было тогда больше двухъ городовъ, Москвы и Звенигорода: Руза и Радонежь тогда были, кажется, еще простыми сельскими волостями. Изъ 13 нынѣшнихъ уѣздовъ губерніи во владѣніяхъ кн. Даніила можно предполагать только четыре: Московскій, Звенигородскій, Рузскій и Богородскій съ частью Дмитровскаго. Даже послѣ того какъ третій московскій князь изъ племени Александра Невскаго Иванъ Калита сталъ великимъ княземъ, московскій удѣль оставался еще очень незначительнымъ. Въ первой духовной этого князя, написанной въ 1327 г., перечислены всѣ его вотчинныя владѣнія. Они состояли изъ пяти или семи городовъ съ уѣздами. То были: Москва, Коломна, Можайскъ, Звенигородъ, Серпуховъ, Руза и Радонежь, если только эти двѣ послѣднія волости были тогда городами (Переяславль не упомянутъ въ грамотѣ). Въ этихъ уѣздахъ находилась 51 сельская волость и до 40 дворцовыхъ селъ. Вотъ весь удѣль Калиты, когда онъ сталъ великимъ княземъ. Но въ рукахъ его были обильныя матеріальныя средства, которыя онъ и пустилъ въ выгодный оборотъ. Тогдашнія тяжкія условія землевладѣнія заставляли землевладѣльцевъ продавать свои вотчины. Вслѣдствіе усиленнаго предложенія земли были дешевы. Московскіе князья, имѣя свободныя деньги, и начали скупать земли у частныхъ лицъ и у церковныхъ учрежденій, у митрополита, у монастырей, у другихъ князей. Покупая села и деревни въ чужихъ удѣлахъ, Иванъ Калита купилъ цѣлыхъ три

удѣльныхъ города съ округами, Бѣлозерскъ, Галичь и Угличъ, оставивъ впрочемъ эти удѣлы до времени за прежними князьями на какихъ-либо условіяхъ зависимости. Преемники его продолжали это мозаическое собраніе земель. Въ каждой слѣдующей московской духовной грамотѣ перечисляются новопріобрѣтенныя села и волости, о которыхъ не упоминаетъ предшествующая. Новые «примыслы» выплываютъ въ этихъ грамотахъ одни за другимъ неожиданно, выносимые какимъ-то непрерывнымъ, но скрытымъ пріобрѣтательнымъ процессомъ, безъ видимаго плана и большею частью безъ указанія, какъ они пріобрѣтались. Димитрій Донской какъ-то вытягалъ у смольнянъ Медынь; но неизвѣстно, какъ пріобрѣтены до него Верея, Боровскъ, Серпуховъ, половина Волоколамска, Кашира и до полудесяти селъ, разбросанныхъ по великокняжеской Владимірской области и по разнымъ чужимъ удѣламъ. При Калитѣ и его сыновьяхъ земельныя пріобрѣтенія совершались путемъ частныхъ полюбовныхъ сдѣлокъ, обыкновенно прикупамъ; но потомъ на подмогу этимъ мирнымъ способамъ снова пущенъ былъ въ ходъ насильственный захватъ съ помощью Орды или безъ нея. Димитрій Донской захватилъ Стародубъ на Клязьмѣ и Галичь съ Дмитровомъ, выгнавъ тамошнихъ князей изъ ихъ вотчинъ. Сынъ его Василій «умздилъ» татарскихъ князей и самого хана и за «многое злато и сребро» купилъ ярлыкъ на Муромъ, Тарусу и цѣлое Нижегородское княжество, князей ихъ выживалъ изъ ихъ владѣній или жаловалъ ихъ же вотчинами на условіи подручнической службы. Съ конца XIV в. въ видимо безпорядочномъ, случайномъ расширеніи московской территоріи становится замѣтенъ нѣкоторый планъ, можетъ быть, самъ собою сложившійся. Захватомъ Можайска и Коломны московскій князь пріобрѣлъ все теченіе Москвы; пріобрѣтеніе

великокняжеской области и потомъ Стародубскаго княжества дѣлало его хозяиномъ всей Клязьмы. Съ приобрѣтеніемъ Калуги, Мещеры при Донскомъ, Козельска, Лихвина, Алексина, Тарусы, Мурома и Нижняго при его сынѣ все теченіе Оки отъ впаденія Упы и Жиадры до Коломны и отъ Горюха Мещерскаго до Нижняго оказалось во власти московскаго князя, такъ что Рязанское княжество очутилось съ трехъ сторонъ среди волостей московскихъ и владимірскихъ, которыя съ Калиты были въ московскихъ же рукахъ. Точно такъ же съ приобрѣтеніемъ Ржева, Углича и Нижегородскаго княжества при тѣхъ же князьяхъ и Романова при Василии Темномъ, при постоянномъ обладаніи Костромой, какъ частью великокняжеской Владимирской области, едва ли не большее протяженіе верхней Волги принадлежало Москвѣ; и здѣсь княжества Тверское и Ярославское съ разныхъ сторонъ были охвачены московскими владѣніями. Такъ прежде всего московскій князь старался овладѣть главными рѣчными путями междурѣчья, внутренними и крайними. Наконецъ съ приобрѣтеніемъ княжествъ Бѣлозерскаго и Галицкаго открылся широкій просторъ для московскихъ земельныхъ промысловъ въ верхнемъ Заволжьѣ. Тамъ московскій князь нашелъ много удобствъ для своего дѣла. Обширныя и глухія лѣсистыя пространства по Шекснѣ съ ея притоками, по притокамъ озеръ Бѣлаго и Кубенскаго, по верхней Сухонѣ въ первой половинѣ XV в. были раздѣлены между многочисленными князьями бѣлозерской и ярославской линіи. Слабые и бѣдные, бѣднѣя все болѣе отъ семейныхъ раздѣловъ и татарскихъ тягостей, иногда совместно вчетверомъ или впятеромъ владѣя фамиліальнымъ городкомъ или даже простой сельской волостью, они не были въ состояніи поддерживать державныя права и владѣтельную обстановку удѣльныхъ князей и нечувствительно

спускались до уровня частныхъ и даже некрупныхъ землевладельцевъ. Чтобы привести ихъ подъ свою руку, москвскому князю не нужно было ни оружія, ни даже денегъ: они сами искали московской службы и послушно поступались своими вотчинами, которыя получали отъ новаго государя обратно въ видѣ служебнаго пожалованія. Такъ уже Василій Темный распоряжается отчинами князей Заозерскихъ, Кубенскихъ, Бохтюжскихъ, какъ своими промыслами.

Заселеніе
Заволжья.

Успѣшному распространенію московской территоріи въ эту сторону много помогло одно народное движеніе. Съ усиленіемъ Москвы верхнее Поволжье стало безопаснѣе и съ новгородской, и съ татарской стороны. Это давало возможность избытку долго скоплявшагося въ междурѣчьи населенія отливать за Волгу въ просторныя лѣсныя пустыни тамошняго края. Развѣдчиками въ этомъ переселенческомъ движеніи явились съ конца XIV в. монахи центральныхъ монастырей, преимущественно Троицкаго Сергіева; пробираясь въ костромскія и вологодскія дебри, они основывали по рѣчкамъ Комелѣ, Обнорѣ, Пеллмѣ, Авнегѣ, Глушицѣ обители, которыя становились опорными пунктами крестьянскихъ переселеній: черезъ нѣсколько лѣтъ по этимъ рѣкамъ возникали одноименныя волости съ десятками деревень. Съ этими монастырями-колоніями повторялось то же, что испытала ихъ метрополія, обитель преп. Сергія: онѣ обсаживались крестьянскими поселеніями, искажавшими ихъ любимую дремучую пустыню. При совмѣстномъ съ новгородцами владѣніи Вологодой и какъ правитель Костромской области по своему великокняжескому званію, московскій князь былъ въ правѣ считать своими эти волости, заселявшіяся выходцами изъ московскихъ владѣній.

Способы
расширенія
Московскаго
княжества.

Такъ можно различить пять главныхъ способовъ, которыми пользовались московскіе князья для расширенія своего

княжества: это были скупа, захватъ вооруженный, захватъ дипломатическій съ помощью Орды, служебный договоръ съ удѣльными княземъ и расселеніе изъ московскихъ владѣній за Волгу. По духовной Василя Темнаго, составленной около 1462 года, можно видѣть плоды полуторавѣковыхъ скопидомныхъ усилій московскихъ князей по собиранію чужихъ земель. Въ этой духовной великое княженіе Владимірское впервые смѣшано съ Московскимъ княжествомъ, со старинными вотчинными владѣніями и новыми примыслами въ одну безразличную владѣльческую массу. На всемъ пространствѣ окско-вожскаго междурѣчья немосковскими оставались только части Тверского и Ярославскаго княжествъ да половина Ростова, другая половина котораго была куплена Василю Темнымъ. Но московскія владѣнія выходили за предѣлы междурѣчья на югъ вверхъ по Окѣ и Цнѣ, а на сѣверовостокѣ углублялись въ Вятскую землю и доходили до Устюга, который въ концѣ XIV в. уже принадлежалъ Москвѣ. Владѣнія кн. Данила далеко не заключали въ себѣ и 500 кв. миль, такъ какъ во всей Московской губерніи не болѣе 590 кв. м. Если по духовной Василя Темнаго очертите предѣлы московскихъ владѣній, вы увидите, что въ нихъ можно считать по меньшей мѣрѣ 15000 кв. м. Таковы были территоріальные успѣхи, достигнутые московскими князьями къ половинѣ XV в. Благодаря этимъ успѣхамъ къ концу княженія Темнаго Московское княжество размѣрами своими превосходило любое изъ великихъ княжествъ, тогда еще существовавшихъ на Руси.

II. Пользуясь своими орудствами и расчетливой фамиліе-приобрѣтеніе велико-княжескаго стола. ной политикой, московскіе князья въ XIV в. постепенно сами выступали изъ положенія безправныхъ удѣльных князей. Младшіе, но богатые, эти князья предприняли смѣлую борьбу со старшими родичами за великокняжескій

столь. Главными ихъ соперниками были князья тверскіе, старшіе ихъ родичи. Дѣйствуя во имя силы, а не права, московскіе князья долго не имѣли успѣха. Князь Юрій московскій оспаривалъ великое княженіе у своего двоюроднаго дяди Михаила тверского и погубилъ въ Ордѣ своего соперника, но потомъ самъ сложилъ тамъ свою голову, убитый сыномъ Михаила. Однако окончательное торжество осталось за Москвою, потому что средства боровшихся сторонъ были неравны. На сторонѣ тверскихъ князей были право старшинства и личныя доблести, средства юридическія и нравственныя; на сторонѣ московскихъ были деньги и умѣнье пользоваться обстоятельствами, средства матеріальныя и практическія, а тогда Русь переживала время, когда послѣднія средства были дѣйствительнѣе первыхъ. Князья тверскіе никакъ не могли понять истиннаго положенія дѣлъ и въ началѣ XIV в. все еще считали возможной борьбу съ татарами. Другой сынъ Михаила тверского Александръ призывалъ свою братію, русскихъ князей, «другъ за друга и братъ за брата стоять, а татарамъ не выдавать и всѣмъ вмѣстѣ противиться имъ, оборонять Русскую землю и всѣхъ православныхъ христіанъ». Такъ отвѣчалъ онъ на увѣщаніе русскихъ князей покориться татарамъ, когда изгнанникомъ укрывался въ Псковѣ послѣ того, какъ въ 1327 г., не вытерпѣвъ татарскихъ насилій, онъ со всѣмъ городомъ Тверью поднялся на татаръ и истребилъ находившееся тогда въ Твери татарское посольство. Московскіе князья иначе смотрѣли на положеніе дѣлъ. Они пока вовсе не думали о борьбѣ съ татарами; видя, что на Орду гораздо выгоднѣе дѣйствовать «смирной мудростью», т. е. угодничествомъ и деньгами, чѣмъ оружіемъ, они усердно ухаживали за ханомъ и сдѣлали его орудіемъ своихъ замысловъ. Никто изъ князей чаще Казиты не ѣздилъ на поклонъ къ хану, и тамъ

онъ былъ всегда желаннымъ гостемъ, потому что прїѣзжалъ туда не съ пустыми руками. Въ Ордѣ привыкли уже думать, что когда прїѣдетъ московскій князь, будетъ «многое золото и серебро» и у великаго хана-царя, и у его ханшъ, и у всѣхъ именитыхъ мурзъ Золотой Орды. Благодаря тому московскій князь, по генеалогіи младшій среди своей братіи, добился старшаго великокняжескаго стола. Ханъ поручилъ Калитѣ наказать тверского князя за возстаніе. Тотъ исправно исполнилъ порученіе: подъ его предводительствомъ татары разорили Тверское княжество «и просто рации, добавляетъ лѣтопись, всю землю Русскую положиша пусту», не тронувъ, конечно, Москвы. Въ награду за это Калита въ 1328 г. получилъ великокняжескій столъ, который съ тѣхъ поръ уже не выходилъ изъ-подъ московскаго князя.

III. Приобрѣтеніе великокняжескаго стола московскимъ княземъ сопровождалось двумя важными послѣдствіями для Руси, изъ коихъ одно можно назвать нравственнымъ, другое политическимъ. Нравственное состояло въ томъ, что московскій удѣльный владѣлецъ, ставъ великимъ княземъ, первый началъ выводить русское населеніе изъ того унынія и оцѣпенѣнія, въ какое повергли его внѣшнія несчастія. Образцовый устроитель своего удѣла, умѣвшій водворить въ немъ общественную безопасность и тишину, московскій князь, получивъ званіе великаго, далъ почувствовать выгоды своей политики и другимъ частямъ сѣверовосточной Руси. Этимъ онъ подготовилъ себѣ широкую популярность, т. е. почву для дальнѣйшихъ успѣховъ. Лѣтописецъ отмѣчаетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ московскій князь получилъ отъ хана великокняжеское званіе, сѣверная Русь начала отдыхать отъ постоянныхъ татарскихъ погромовъ, какіе она терпѣла. Рассказывая о возвращеніи Калиты отъ хана въ 1328 г. съ пожадованіемъ, лѣтописецъ прибавляетъ: «бысть оттолѣ

Слѣдствіемъ
этого успѣ-
ха.

Пріостанов-
ка татар-
скихъ на-
шествій.

Московский
союз кня-
зей.

тишина велика по всей Русской землѣ на сорокъ лѣтъ и престапа татарове воевати землю Русскую». Это, очевидно, замѣтка наблюдателя, жившаго во второй половинѣ XIV в. Оглянувшись назадъ за сорокъ лѣтъ, этотъ наблюдатель отмѣтилъ, какъ почувствовалось въ эти десятилѣтія господство Москвы въ сѣверной Россіи: время съ 1328 по 1368 г., когда впервые напалъ на сѣверовосточную Русь Ольгердъ литовскій, считалось порою отдыхомъ для населенія этой Руси, которое за то благодарило Москву. Въ эти спокойные годы успѣли народиться и вырасти цѣлыхъ два поколѣнія, къ нервамъ которыхъ впечатлѣнія дѣтства не привили безотчетнаго ужаса отцовъ и дѣдовъ передъ татаринимъ: они и вышли на Куликово поле. Политическое слѣдствіе приобрѣтенія московскимъ княземъ великаго княженія состояло въ томъ, что московскій князь, ставъ великимъ, первый началъ выводить сѣверную Русь изъ состоянія политическаго раздробленія, въ какое привелъ ее удѣльный порядокъ. До тѣхъ поръ удѣльные князья, не смотря на свое родство, оставались чуждыми другъ другу, обособленными владѣтелями. При старшихъ сыновьяхъ Александра Невскаго, великихъ князьяхъ Дмитріи и Андреѣ составлялись союзы удѣльныхъ князей противъ того и другого брата, собирались княжескіе съѣзды для рѣшенія спорныхъ дѣлъ. Но это были случайныя и минутныя попытки возстановить родственное и владѣльческое единеніе. Направленные противъ старшаго князя, который по идеѣ, какъ названный отецъ, долженъ былъ объединять младшихъ, эти союзы не поддерживали, а скорѣе ослабляли родственную связь Всеволодовичей. Вокругъ Москвы со времени великокняженія Калиты образуется княжескій союзъ на болѣе прочныхъ основаніяхъ, руководимый самимъ московскимъ княземъ. Сначала этотъ союзъ былъ финансовый и подневольный. Татары по завоеваніи Руси

на первыхъ порахъ сами собирали наложенную ими на Русь дань, ордынской *выходъ*, для чего въ первые 35 лѣтъ ига три раза производили черезъ присылаемыхъ изъ Орды *численниковъ* поголовную, за исключеніемъ духовенства, перепись народа, *число*; но потомъ ханы стали поручать сборъ выхода великому князю владимірскому. Такое порученіе собирать ордынскую дань со многихъ, если только не со всѣхъ князей и доставлять ее въ Орду получили и Иванъ Даниловичъ, когда сталъ великимъ княземъ владимірскимъ. Это полномочіе послужило въ рукахъ великаго князя могучимъ орудіемъ политическаго объединенія удѣльной Руси. Не охотникъ и не мастеръ бить свою братію мечомъ, московскій князь получилъ возможность бить ее рублемъ. Этотъ союзъ, сначала только финансовый, потомъ сталъ на болѣе широкое основаніе, получивъ еще политическое значеніе. Простой отвѣтственный прикащикъ хана по сбору и доставкѣ дани, московскій князь сдѣланъ былъ потомъ полномочнымъ руководителемъ и судьей русскихъ князей. Лѣтописецъ рассказываетъ, что когда дѣти Калиты по смерти отца въ 1341 г. явились къ хану Узбеку, тотъ встрѣтилъ ихъ съ честью и любовью, потому что очень любилъ и чтилъ ихъ отца, и обѣщалъ никому мимо нихъ не отдавать великаго княженія. Старшему сыну Семену, назначенному великимъ княземъ, даны были «подъ руки» всѣ князья русскіе. Лѣтописецъ прибавляетъ, что Семень былъ у хана въ великомъ почетѣ и всѣ князья русскіе, и рязанскіе, и ростовскіе, и даже тверскіе столь подручны ему были, что все по его слову творили. Семень умѣлъ пользоваться выгодами своего положенія и давали чувствовать ихъ другимъ князьямъ, какъ показываетъ усвоенное ему прозваніе *Гордаго*. По смерти Семена въ 1353 г. его братъ и преемникъ Иванъ получилъ отъ хана вмѣстѣ съ великокняжескимъ званіемъ

и судебную власть надъ всѣми князьями сѣверной Руси: ханъ велѣлъ имъ во всемъ слушаться великаго князя Ивана и у него судиться, а въ обидахъ жаловаться на него хану. Въ княженіе Иванова сына Димитрія этотъ княжескій союзъ съ Москвою во главѣ, готовый превратиться въ гегемонію Москвы надъ русскими князьями, еще болѣе расширился и укрѣпился, получивъ національное значеніе. Когда при Димитріи возобновилась борьба Москвы съ Тверью, тверской князь Михаилъ Александровичъ искалъ себѣ опоры въ Литвѣ и даже въ Ордѣ, чѣмъ погубилъ популярность, какой дотогѣ пользовались тверскіе князья въ населеніи сѣверной Руси. Когда въ 1375 г. московскій князь шелъ на Тверь, къ его полкамъ присоединилось 19 князей. Многіе изъ нихъ, напримѣръ, князья ростовскіе, бѣлозерскій, стародубскій, все потомки Всеволода III, были давнишними или недавними подручниками московскаго князя; но нѣкоторые изъ нихъ добровольно примкнули къ нему изъ патріотическаго побужденія. Таковы были князья черниговской линіи Святославичей, брянскій, новосильскій, оболенскій. Они сердились на тверскаго князя за то, что онъ неоднократно навелъ на Русь Литву, столько зла надѣлавшую православнымъ христіанамъ, и соединился даже съ поганымъ Мамаемъ. Наконецъ почти вся сѣверная Русь подъ руководствомъ Москвы стала противъ Орды на Куликовомъ полѣ и подъ московскими знаменами одержала первую народную побѣду надъ агарянствомъ. Это сообщило московскому князю значеніе *національнаго вождя* сѣверной Руси въ борьбѣ съ внѣшними врагами. Такъ Орда стала слѣпымъ орудіемъ, помощью котораго создавалась политическая и народная сила, направившаяся противъ нея же.

Перенесеніе
митропо-
личьей ка-
седры въ
Москву.

IV. Самымъ важнымъ успѣхомъ московскаго князя было то, что онъ приобрѣлъ своему стольному городу значеніе

церковной столицы Руси. И въ этомъ приобрѣтеніи ему помогло географическое положеніе города Москвы. Татарскимъ разгромомъ окончательно опустошена была старинная Киевская Русь, пуготѣвшая съ половины XII в. Волгѣ за населеніемъ на сѣверъ ушелъ и высшій іерархъ русской Церкви, кievскій митрополитъ. Лѣтописецъ рассказываетъ, что въ 1299 г. митрополитъ Максимъ, не стерпѣвъ насилія татарскаго, собрался со всѣмъ своимъ клиросомъ и уѣхалъ изъ Кіева во Владиміръ на Клязьму; тогда же и весь Кіевъ городъ разбѣжался, добавляетъ лѣтописъ. Но остатки южнорусской паствы въ то тяжелое время не менѣе, даже болѣе прежняго нуждались въ заботахъ высшаго пастыря русской Церкви. Митрополитъ изъ Владиміра долженъ былъ время отъ времени посѣщать южнорусскія епархіи. Въ эти поѣздки онъ останавливался на перепутьи въ городѣ Москвѣ. Такъ, странствуя по Руси, проходя мѣста и города, по выраженію житія, часто бывалъ и подолгу живалъ въ Москвѣ преемникъ Максима митрополитъ Петръ. Благодаря тому у него завязалась тѣсная дружба съ княземъ Иваномъ Калитой, который правилъ Москвой еще при жизни старшаго брата Юрія во время его частыхъ отлучекъ. Оба они вмѣстѣ заложили каменный соборный храмъ Успенія въ Москвѣ. Можетъ быть, святитель и не думалъ о перенесеніи митрополичьей катедры съ Клязьмы на берега Москвы. Городъ Москва принадлежалъ ко Владимірской епархіи, архіереемъ которой былъ тотъ же митрополитъ со времени переселенія на Клязьму. Бывая въ Москвѣ, митрополитъ Петръ гостилъ у мѣстнаго князя, жилъ въ своемъ епархіальномъ городѣ, на старинномъ дворѣ кн. Юрія Долгорукаго, откуда потомъ перешелъ на то мѣсто, гдѣ вскорѣ былъ заложенъ Успенскій соборъ. Случилось такъ, что въ этомъ городѣ владыку и застигла смерть (въ 1326 г.). Но эта случайность стала

Значеніе
этой пере-
мѣны.

завѣтомъ для дальнѣйшихъ митрополитовъ. Преемникъ Петра Θεогностъ уже не хотѣлъ жить во Владимірѣ, поселился на новомъ митрополичьемъ подворьѣ въ Москвѣ, у чудотворцева гроба въ новопостроенномъ Успенскомъ соборѣ. Такъ Москва стала церковной столицей Руси задолго прежде, чѣмъ сдѣлалась столицей политической. Нити церковной жизни, далеко расхлотившіяся отъ митрополичьей касседры по Русской землѣ, притягивали теперь ея части къ Москвѣ, а богатая матеріальная средства, которыми располагала тогда русская Церковь, стали стекаться въ Москву, содѣйствуя ея обогащенію. Еще важнѣе было нравственное впечатлѣніе, произведенное этимъ перемѣщеніемъ митрополичьей касседры на населеніе сѣверной Руси. Здѣсь съ большимъ довѣріемъ стали относиться къ московскому князю, полагая, что всѣ его дѣйствія совершаются съ благословенія верховнаго святителя русской Церкви. Слѣдъ этого впечатлѣнія замѣтенъ въ разсказѣ лѣтописца. Повѣствуя о перенесеніи касседры изъ Владиміра въ Москву, этотъ лѣтописецъ замѣчаетъ: «инымъ же княземъ многимъ немного сладостно бѣ, еже градъ Москва митрополита имяше въ себѣ живуща». Еще ярче выступаетъ это нравственно-церковное впечатлѣніе въ памятникахъ позднѣйшаго времени. Митрополитъ Петръ умеръ страдальцемъ за Русскую землю: путешествовалъ въ Орду ходатайствовать за свою паству, много труда понесъ въ своихъ заботахъ о пасомыхъ. Церковь русская причислила его къ сонму святыхъ предстателей Русской земли, и русскіе люди клялись его именемъ уже въ XIV в. Жизнь этого святителя описана его другомъ и современникомъ, ростовскимъ епископомъ Прохоромъ. Этотъ биографъ кратко и просто рассказываетъ о томъ, какъ скончался въ Москвѣ св. Петръ въ отсутствіе кн. Ивана Калиты. Въ концѣ XIV или въ началѣ XV в. одинъ изъ преемниковъ св. Петра

сербъ Киприанъ написалъ болѣ витіеватое жизнеописаніе святителя. Здѣсь встрѣчаемъ уже другое описаніе его кончины: св. Петръ умираетъ въ присутствіи Ивана Калиты, увѣщаетъ князя достроить основанный ими обоими соборный храмъ Успенія Божіей Матери и при этомъ святитель изрекаетъ князю такое пророчество: «если, сынъ, меня послушаешь и храмъ Богородицы воздвигнешь и меня упокоишь въ своемъ городѣ, то и самъ прославишься болѣе другихъ князей, и прославятся сыны и внуки твои, и городъ этотъ славенъ будетъ среди всѣхъ городовъ русскихъ, и святители станутъ жить въ немъ, и взойдутъ руки его на плеча враговъ его, да и кости мои въ немъ положены будутъ». Очевидно, Киприанъ заимствовалъ эту подробность, неизвѣстную Прохору, изъ народнаго сказанія, успѣвшаго сложиться подъ влияніемъ событій XIV в. Русское церковное общество стало сочувственно относиться къ князю, дѣйствовавшему объ руку съ высшимъ пастыремъ русской Церкви. Это сочувствіе церковнаго общества, можетъ быть, всего болѣе помогло московскому князю укрѣпить за собою національное и нравственное значеніе въ сѣверной Руси.

Слѣды этого сочувствія находимъ и въ другомъ нѣсколь-
 ко позднѣйшемъ памятникѣ. Около половины XV в. началъ Разсказы
о Пафнутіи.
 подвизаться въ основанномъ имъ монастырѣ инокъ Пафнутіи Боровскій, одинъ изъ самыхъ своеобразныхъ и крѣпкихъ характеровъ, какіе извѣстны въ древней Руси. Онъ любилъ рассказывать ученикамъ, что видѣлъ и слышалъ на своемъ вѣку. Эти рассказы, записанные слушателями, дошли до насъ. Между прочимъ преп. Пафнутіи рассказывалъ, какъ въ 1427 г. былъ моръ великій на Руси, мерли «болячкой-прыщемъ»; можетъ быть, это была чума. Обмирала тогда одна инокиня и очнувшись рассказывала, кого видѣла въ раю и кого въ аду, и о комъ что рассказывала, разсудивъ по ихъ жизни, нахо-

дили, что это правда. Видѣла она въ раю вел. князя Ивана Даниловича Калиту: такъ онъ прованъ былъ, добавлялъ повѣствователь, за свое нищелюбіе, потому что всегда носилъ за поясомъ мѣшокъ съ деньгами (калиту), изъ котораго подавалъ нищимъ, сколько рука захватить. Можетъ быть, ироническому прозвищу, какое современники дали князю-скопидому, позднѣйшія поколѣнія стали усвоить уже нравственное толкованіе. Подходить разъ ко князю нищій и получаетъ отъ него милостыню; подходитъ въ другой разъ, и князь даетъ ему другую милостыню; нищій не унялся и подошелъ въ третій разъ; тогда и князь не стерпѣлъ и, подавая ему третью милостыню, съ сердцемъ сказалъ: «на, возьми, несытыя зѣнки!» — «Самъ ты несытыя зѣнки, возразилъ нищій: и здѣсь царствуешь, и на томъ свѣтѣ царствовать хочешь». Это — тонкая хвала въ грубой формѣ: нищій хотѣлъ сказать, что князь милостыней, нищелюбіемъ старается заработать себѣ царство небесное. Изъ этого ясно стало, продолжалъ рассказчикъ, что нищій посланъ былъ отъ Бога искусить князя и возвѣстять ему, что «по Бозѣ быше дѣло его, еже творить». Видѣла еще инокиня въ аду литовскаго короля Витовта въ образѣ большого человѣка, которому страшный черный муринъ (бѣсъ) клалъ въ ротъ клещами раскаленные червонцы, приговаривая: «наѣдайся же, окаянный!» Добродушный юморъ, которымъ проникнуты эти рассказы, не позволяетъ сомнѣваться въ ихъ народномъ происхожденіи. Не омущайтесь хронологіей разсказа, не останавливайтесь на томъ, что въ 1427 г. инокиня даже въ аду не могла повстрѣчать Витовта, который умеръ въ 1430 г. У народной памяти своя хронологія и прагматика, своя концепція историческихъ явленій. Народное сказаніе, забывая хронологію, противопоставляло литовскаго короля, врага Руси и православія, Ивану Даниловичу Калитѣ, другу

меньшей, нищей братіи, правнукъ котораго Василій Димитріевичъ сдержалъ напоръ этого грознаго короля на православную Русь. Народная мысль живо восприняла эту близость обѣихъ властей, княжеской и церковной, и внесла участіе чувства въ легендарную разработку образовъ ихъ носителей, Калиты и московскаго первосвятителя. Въ тѣхъ же повѣстяхъ о Пафнутія есть коротенькій, но выразительный разсказецъ. Разъ Калита видѣлъ во снѣ гору высокую, покрытую снѣгомъ; снѣгъ растаялъ, а потомъ и гора скрылась. Калита спросилъ св. Петра о значеніи сна.—«Гора, отвѣчалъ святитель, это—ты, князь, а снѣгъ на горѣ—я старикъ: я умру раньше твоего». Церковный колоритъ, которымъ окрашены приведенные разсказы, указываетъ на участіе духовенства въ ихъ созданіи. Очевидно, политическіе успѣхи московскаго князя освящались въ народномъ представленіи содѣйствіемъ и благословеніемъ высшей церковной власти на Руси. Благодаря тому эти успѣхи, достигнутые не всегда чистыми средствами, стали прочнымъ достояніемъ московскаго князя.

Соединяя всѣ изложенные факты, мы можемъ представить Выводы. себѣ отношеніе, какое въ продолженіе XIV в. установилось среди сѣвернаго русскаго населенія къ московскому княжеству и его князю: подъ вліяніемъ событій XIV в. въ этомъ населеніи на нихъ установился тройкій взглядъ. 1) На старшаго великаго князя московскаго привыкли смотрѣть, какъ на образцоваго правителя-хозяина, установителя земской тишины и гражданскаго порядка, а на Московское княжество, какъ на исходный пунктъ новаго строя земскихъ отношеній, первымъ плодомъ котораго и было установленіе большей внутренней тишины и внѣшней безопасности. 2) На старшаго московскаго князя привыкли смотрѣть, какъ на народнаго вождя Руси въ борьбѣ съ внѣшними врагами, а на Москву, какъ

на виновницу первыхъ народныхъ успѣховъ надъ невѣрной Литвой и погаными «сыродцами» агарянами. 3) Наконецъ; въ московскомъ князѣ сѣверная Русь привыкла видѣть старшаго сына русской Церкви, ближайшаго друга и сотрудника главнаго русскаго іерарха, а Москву считать городомъ, на которомъ покоится особенное благословеніе величайшаго святителя Русской земли и съ которымъ связаны религіозно-нравственные интересы всего православнаго русскаго народа. Такое значеніе приобрѣлъ къ половинѣ XV в. удѣльный московорѣцкій князекъ, который полтора ста лѣтъ назадъ выступалъ мелкимъ хищникомъ, изъ-за угла подстерегавшимъ своихъ сосѣдей.

Лекція XXII.

Взаимныя отношенія московскихъ князей.—Порядокъ наследованія.— Видимое юридическое безразличіе движимаго имущества и удѣльныхъ владѣній.—Отношеніе московскаго княжескаго порядка наследованія къ юридическому обычаю древней Руси.—Отношенія московскихъ князей по родству и владѣнію.—Усиленіе старшаго наследника.—Формы подчиненія ему младшихъ удѣльныхъ князей.—Вліяніе татарскаго ига на княжескія отношенія.—Установленіе преемства московской великокняжеской власти въ прямой нисходящей линіи.—Встрѣча фамиліальныхъ стремленій московскихъ князей съ народными нуждами Великоороссіи.—Значеніе московской убоицы при Василии Темномъ.—Характеръ московскихъ князей.

Начавъ изучать исторію Московскаго княжества въ XIV и въ первой половинѣ XV в., мы прослѣдили территориальныя приобрѣтенія и ростъ политическаго и національнаго значенія его князей. Но это былъ лишь одинъ изъ процессовъ, создавшихъ силу Москвы,—процессъ, которымъ обозначились *отчасти* успѣхи московскихъ князей, распространеніе ихъ владѣній и ихъ вліянія за первоначальныя предѣлы ихъ вотчины. Но территориальный и национальный ростъ Московскаго княжества сопровождался еще политическимъ подъемомъ одного изъ его князей,—того, который носилъ званіе великаго и былъ признаваемъ старшимъ въ московской княжеской семьѣ. Въ то время, когда Московское княжество вбирало въ себя разъединенныя части Русской земли, этотъ фактически или фигетивно старшій князь собиралъ

Взаимныя
отношенія
московскихъ
князей.

въ своихъ рукахъ раздробленные элементы верховной власти, и какъ первый процессъ превратилъ Московское княжество въ національное Русское государство, такъ результатомъ второго было превращеніе московскаго великаго князя, только старшаго по званію изъ удѣльныхъ, въ единственнаго, т. е. единодержавнаго русскаго государя. Въ то время, когда Москва поднималась, поглощая другія русскія княжества, ея великій князь возвышался, подчиняя себѣ свою ближайшую братію, удѣльныхъ московскихъ князей. Это подчиненіе становилось возможно потому, что внѣшніе успѣхи, достигнутые Московскимъ княжествомъ, наибольшей долей своей доставались великому князю, который со своимъ московскимъ удѣломъ соединялъ обладаніе и Владимірскаго великокняжескою областью. Этотъ второй процессъ, которымъ обозначились *внутренніе* политическіе успѣхи Московскаго княжества, намъ и предстоитъ изучить. Чтобы лучше понять его, надо еще разъ представить себѣ порядокъ княжескаго владѣнія, дѣйствовавшій въ Московскомъ, какъ и въ другихъ княжествахъ.

Слѣдя за возвышеніемъ Москвы, мы видимъ на первомъ планѣ дѣятельность московскаго великаго князя; но московскій великій князь былъ не единственнымъ, а только старшимъ изъ московскихъ князей. Вотчина московскихъ Даниловичей не была цѣльной владѣльческой единицей: подобно вотчинамъ другихъ княжескихъ линій она представляла группу независимыхъ удѣльныхъ княжествъ. Въ то время, когда начиналась объединительная роль Москвы, въ семьѣ ея князей еще вполне дѣйствовали старыя удѣльныя отношенія. Но по мѣрѣ того, какъ расширялись владѣнія и внѣшнее значеніе Москвы, измѣнялись и внутреннія отношенія между московскимъ великимъ княземъ и его младшими удѣльными родичами и измѣнялись въ пользу перваго. Чтобы изучить

ходъ этого измѣненія, мы рассмотримъ сначала порядокъ наслѣдованія, дѣйствовавшій въ семьѣ московскихъ князей до половины XV в., и потомъ взаимныя отношенія князей-соваслѣдниковъ по владѣнью.

Порядокъ наслѣдованія, дѣйствовавшій въ линіи московскихъ князей XIV и XV в., открывается изъ длиннаго ряда дошедшихъ до насъ ихъ духовныхъ грамотъ. Начиная съ Калиты и кончая Иваномъ III, почти каждый московскій князь оставлялъ послѣ себя духовную; отъ нѣкоторыхъ осталось даже по двѣ и по три духовныхъ, такъ что за изучаемое время ихъ сохранилось всего до 16. Это довольно обильный матеріалъ для изученія московскаго порядка наслѣдованія. Самое появленіе этихъ грамотъ уже достаточно его характеризуетъ. Какъ вамъ извѣстно, есть два порядка наслѣдованія—по закону или обычаю и по завѣщанію. Первый состоитъ изъ правилъ, устанавливающихъ однообразный и обязательный переходъ имущества независимо отъ усмотрѣнія наслѣдодателя, хотя бы и не вопреки его волѣ. Если у московскихъ князей наслѣдованіе всякій разъ опредѣлялось завѣщаніемъ, значитъ, не существовало такихъ обязательныхъ обычныхъ правилъ или устанавливались новыя правила, несогласныя съ обычаемъ. Итакъ воля завѣщателя—вотъ юридическое основаніе порядка наслѣдованія, дѣйствовавшаго въ московскомъ княжескомъ домѣ, какъ и въ другихъ линіяхъ Всеволодова племени. Это основаніе вполне отвѣчало юридической сущности удѣльнаго владѣнія, которая заключалась въ понятіи о княжествѣ, какъ личной собственности князя-владѣльца. Если князь—личный собственникъ владѣемаго имъ удѣла, то и преемство владѣнія могло опредѣляться только личной волей владѣльца. Такой порядокъ простирался лишь на вотчину и примыслы московскихъ князей, дѣлившіеся на удѣлы, но не на Владимірскую великокняжескую

Порядокъ
наслѣдова-
нія.

волость, которая по старому обычаю доставалась старшему князю, а старшимъ теперь былъ тотъ, кого признавалъ такимъ ханъ. Наслѣдниками по московскимъ духовнымъ грамотамъ являются прежде всего сыновья завѣщателя, за отсутствіемъ сыновей его братья, наконецъ жены, однѣ или съ дочерьми, даже при сыновьяхъ и братьяхъ. Вел. князь Иванъ Калита раздѣлилъ свою вотчину на четыре части, изъ которыхъ три отдалъ тремъ своимъ сыновьямъ, а четвертую второй своей женѣ съ дочерьми; изъ нихъ одна и по смерти матери продолжала владѣть долей завѣщаннаго имъ совмѣстнаго удѣла. Сынъ Калиты великій князь Семень, умирая бездѣтнымъ, завѣщалъ весь свой удѣлъ женѣ помимо братьевъ. Княгини вдовы постоянно, по завѣщанію, участвуютъ въ наслѣдствѣ, хотя неодинаково съ прямыми наслѣдниками. Онѣ получаютъ отъ князей-завѣщателей, мужей своихъ, владѣнія двоякаго рода: 1) *опричинны*, т. е. владѣнія, принадлежавшія имъ вполнѣ, 2) *прожитки*, которыми онѣ пользовались лишь «до своего живота», пожизненно. Это постоянное участіе княгинь вдовъ въ наслѣдствѣ въ силу завѣщанія составляло вторую черту юридическаго характера удѣльнаго княжескаго владѣнія, какъ частной собственности владѣльца. Еще яснѣе вскрывается этотъ частно-правовой характеръ удѣльнаго княжества въ завѣщательномъ порядкѣ его частей между наслѣдниками. Вотчина завѣщателя не дѣлилась по завѣщанію на сплошныя пространства; въ раздѣлѣ господствовала чрезвычайная черезполосность. Причиной этого былъ самый способъ раздѣла. Московское княжество состояло изъ нѣсколькихъ пластовъ или разрядовъ владѣній, различавшихся между собою по своему хозяйственному значенію или историческому происхожденію. Эти разряды великій князь Дмитрій Донской въ своей духовной перечисляетъ въ такомъ порядкѣ: городъ Москва, дворцовыя

села подмосковныя, дворцовыя села въ чужихъ немосковскихъ удѣлахъ и въ великокняжеской области Владимірской, затѣмъ остальные владѣнія, города и сельскія волости, притомъ сначала владѣнія московскія старинныя и наконецъ позднѣйшія внѣмосковскія пріобрѣтенія. Каждый наслѣдникъ получалъ особую долю въ каждомъ изъ этихъ разрядовъ московскихъ владѣній, точно такъ же какъ онъ получалъ особую долю въ каждомъ разрядѣ движимаго имущества завѣщателя. Какъ всякому сыну отецъ-завѣщатель назначалъ изъ своей домашней рухляди особую шапку, шубу и кафтанъ съ кушакомъ, такъ каждый наслѣдникъ получалъ особый жеребій въ городѣ Москвѣ и въ подмосковныхъ дворцовыхъ селахъ, особую долю въ старинныхъ московскихъ владѣніяхъ и въ новыхъ примыслахъ. Отсюда и происходила черезполосица княжескаго владѣнія. Безразличіе въ раздѣлѣ движимаго имущества, домашней рухляди, и вотчинныхъ владѣній составляетъ третью черту въ юридическомъ характерѣ, съ какимъ является удѣльное владѣніе въ московскихъ духовныхъ. Князь-завѣщатель дѣлилъ такъ черезполосно свою вотчину, очевидно, по хозяйственнымъ, а не по государственнымъ соображеніямъ, по расчету своихъ семейныхъ, а не общественныхъ интересовъ. Онъ смотрѣлъ на свои владѣнія, только какъ на различныя статьи своего хозяйства, а не какъ на цѣлое общество, управляемое имъ во имя общаго блага. Даже по своей формѣ духовныя грамоты московскихъ князей совершенно походили на завѣщанія частныхъ лицъ того времени. Раскроемъ, напримѣръ, первую духовную грамоту второго московскаго великаго князя Ивана Калиты, составленную около 1327 г., когда онъ собирался ѣхать въ Орду. Грамота эта начинается такими словами:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, се азъ грѣшный, худый рабъ Божій Иванъ пишу душевную грамоту, идя въ

Орду, никимъ не нужень (никѣмъ не принуждаемый), цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемъ здоровьи. Аже Богъ что розгадаетъ о моемъ животѣ, дамъ рядъ сыномъ своимъ и княгинѣ своей. Приказываю сыномъ своимъ отчину свою Москву, я се есмь имъ роздѣлъ учинилъ (т. е. городъ Москву я отдаю всѣмъ сыновьямъ вмѣстѣ, а сверхъ того вотъ что дамъ имъ каждому въ отдѣльности)». Затѣмъ перечисляются города, села и волости, составлявшіе удѣлъ каждого сына. Какъ завѣщанія частныхъ лицъ совершались при свидѣтеляхъ и скрѣплялись церковной властью, такъ и духовныя грамоты московскихъ великихъ князей писались при «послухахъ», которыми обыкновенно были ихъ бояре, и подписывались московскимъ митрополитомъ. Итакъ основными чертами господствовавшаго среди московскихъ князей порядка наслѣдованія были: личная воля завѣщателя, какъ единственное основаніе этого порядка, участіе въ раздѣлѣ наслѣдства всѣхъ членовъ семьи князя-завѣщателя, не исключая жены и дочерей, и видимое юридическое безразличіе движимаго и недвижимаго имущества, домашней рухляди и территориальныхъ владѣній.

Движимое и
отчина въ
завѣща-
ніяхъ.

Изъ всѣхъ этихъ чертъ вась можетъ смутить преимущественно это безразличіе, какъ признакъ грубости общественнаго сознанія. Но необходимо осторожно всматриваться въ изучаемые старинные документы, чтобы не ошибиться въ пониманіи людей, ихъ составлявшихъ. И Калита, конечно, понималъ, что владѣть Москвой съ ея населеніемъ далеко не то же, что владѣть своимъ сундукомъ съ его содержимымъ. Пониманіе этого такъ просто само по себѣ, что трудно отказать въ немъ кому-либо, даже людямъ XIV в. Калита различалъ въ своемъ лицѣ владѣльца и властелина, собственника и правителя. Онъ считалъ своей личной собственностью землю подъ городомъ Москвой съ ея угодьями, право возво-

дять на этой землѣ постройки, промышлять и торговать или за все это брать пошлины. Всѣмъ этимъ онъ и распоряжается въ своихъ духовныхъ наравнѣ съ платьемъ и посудой. Но онъ еще судить и наказывать обывателей Москвы за преступленія и проступки, разбираетъ ихъ искъ, издавалъ обязательныя для нихъ распоряженія съ цѣлью поддержанія общественнаго порядка, облагалъ ихъ сборами на общественныя нужды, на примѣръ, данью для уплаты ордынскаго выхода. Все онъ считалъ не своей собственностью, а дѣломъ властелина, отъ Бога поставленнаго «люди своя уймати отъ лихаго обычая», какъ писалъ потомъ преп. Кириллъ Бѣлозерскій одному изъ удѣльныхъ московскихъ князей. Потому Калита ничего и не говоритъ объ этихъ державныхъ правахъ въ своихъ духовныхъ: эти грамоты—частныя завѣщательныя распоряженія, а не земскіе уставы. И великое княженіе Владимірское, гдѣ московскіе князья были только правителями, они не вносили въ свои духовныя, пока съ Дмитрія Донскаго не стали присвоить его себѣ на вотчинномъ правѣ. Наслѣдовались по завѣщанію вещи, хозяйства, а не лица, не общества, какъ политическіе союзы, которые и тогда отличались отъ хозяйственныхъ статей. И все-таки московскаго князя по разсматриваемымъ духовнымъ грамотамъ нельзя признать государемъ въ настоящемъ политическомъ смыслѣ слова по двумъ причинамъ: пространство Московскаго княжества считалось вотчиной его князей, а не государственной территоріей; державныя права ихъ, составляющія содержаніе верховной власти, дробились и отчуждались вмѣстѣ въ вотчиню, наравнѣ съ хозяйственными статьями. У этихъ князей нельзя отвергать присутствія государственныхъ понятій, но понятій, еще не успѣвшихъ получить формъ и средствъ дѣйствія, которыя соответствовали бы ихъ природѣ. Итакъ указанное безразличіе движимаго и

недвижимаго имущества въ завѣщаніяхъ московскихъ князей характеризуетъ не столько ихъ общественное сознаніе, сколько ихъ владѣльческія привычки, еще не освободившіяся отъ удѣльнаго смѣшенія владѣнія съ управленіемъ.

Княжеское
наслѣдова-
ніе и обы-
чай.

Если въ московскомъ князѣ XIV—XV в., даже великомъ князѣ, было такъ много частнаго владѣльца, закрывавшаго въ немъ собою государя, то можно спросить: какъ относился устанавливаемый въ московскихъ княжескихъ завѣщаніяхъ порядокъ наслѣдованія къ юридическому обычаю, дѣйствовавшему въ частномъ обществѣ древней Руси, въ ея гражданскомъ оборотѣ? Объ этомъ всего удобнѣе было бы судить по случаямъ законнаго наслѣдованія; но такого случая съ достаточно выясненными обстоятельствами не встрѣчаемъ въ московскомъ княжескомъ домѣ изучаемаго времени. Въ духовныхъ грамотахъ видимъ и сходство, и отступленія отъ этого обычая. Книгини сверхъ назначаемой имъ мужьями-завѣщателями опричнины получаютъ еще въ пожизненное владѣніе доли изъ удѣловъ своихъ сыновей вполне согласно съ Русской Правдой, по которой вдовѣ «у своихъ дѣтей взяти часть», подразумевается, «до живота», а что ей далъ мужъ, тому она «госпожа», т. е. полная собственница. Точно такъ же не встрѣчаемъ въ московскихъ духовныхъ случаяхъ участія въ наслѣдствѣ братьевъ при дѣтяхъ, какъ вообще не было обычно въ древней Руси призывать боковыхъ наслѣдниковъ, когда есть прямые. Но въ тѣхъ же духовныхъ жены и дочери являются наслѣдницами, притомъ иногда на правѣ полной собственности, при сыновьяхъ и братьяхъ вопреки древнерусскому обычаю. Значить, наслѣдованіе по завѣщанію у московскихъ князей не вполне совпадало съ наслѣдованіемъ по закону. Это разногласіе можно объяснить семейными соображеніями, подобными тѣмъ, какія побуждали московскихъ князей вопреки удѣльному

началу строгой раздѣльности владѣнія завѣщать городъ Москву не одному, именно старшему, а всѣмъ сыновьямъ, однако съ раздѣленіемъ на отдѣльные участки. При общемъ стремленіи удѣльныхъ князей къ обособленію и взаимному отчужденію отцы хотѣли, чтобы сыновья чаще встрѣчались въ общемъ фамильномъ гнѣздѣ, у могилъ родителей, и не забывали, что они дѣти одного отца и одной матери.

Теперь посмотримъ, какія *отношенія* устанавливались между князьями-сонаслѣдниками, когда закрывалъ глаза ихъ отецъ-завѣщатель и они вступали во владѣніе доставшимися имъ участками отцовою вотчины. Эти отношенія можно изучить по договорнымъ грамотамъ московскихъ князей, которыхъ такъ же дошло до насъ нѣсколько десятковъ отъ XIV и XV вв. По этимъ грамотамъ каждый князь-сонаслѣдникъ является полнымъ хозяиномъ доставшагося ему удѣла; онъ владѣетъ имъ вполне независимо, какъ владѣльцъ своей отчины его отецъ. Формулой этой независимости можно признать слова великаго князя Дмитрія Донского въ договорной его грамотѣ 1388 г. съ двоюроднымъ братомъ, удѣльнымъ княземъ серпуховскимъ Владиміромъ Андреевичемъ: «тобѣ знати своя отчина, а мнѣ знати своя отчина». На основаніи этой формулы и опредѣляются взаимныя отношенія князей-сонаслѣдниковъ по владѣнію. Каждый князь обязывался не вмѣшиваться въ удѣльныя дѣла другого, не могъ безъ разрѣшенія владѣльца пріобрѣтать земли въ чужомъ удѣлѣ, не могъ даже безъ позволенія мѣстнаго владѣльца проѣхать черезъ его владѣнія «на свою утѣху», т. е. на охоту. Но при изложенномъ порядкѣ раздѣла княжескихъ вотчинъ между наслѣдниками и при частныхъ способахъ пріобрѣтенія земель князьями обыкновенно бывало такъ, что одинъ князь владѣлъ селами и деревнями въ удѣлѣ другого. У такихъ владѣній являлось два владѣльца,

Отношенія
князей по
родству и
владѣнію.

какъ бы сказать, территоріальный и личный. Положеніе такихъ селъ опредѣлялось условіемъ договорныхъ грамотъ, которое имѣло характеръ обычнаго правила: «судомъ и данью тянуть по землѣ и по водѣ», т. е. такія села были подсудны и платили дань, прямой поземельный налогъ, мѣстному территоріальному владѣльцу, въ удѣлѣ котораго они находились, а не своему князю-собственнику, который довольствовался полученіемъ съ нихъ частнаго владѣльческаго оброка. Впрочемъ и это правило допускало исключеніе: иногда села князя, находившіяся въ чужомъ удѣлѣ, только данью тянули къ мѣстному территоріальному владѣльцу, а по суду завѣсѣли отъ своего князя-собственника. Итакъ каждый удѣльный князь былъ независимымъ владѣльцемъ своего удѣла.

Но легко понять, что удѣльные князья извѣстной княжеской линіи не могли стать вполне чуждыми другъ другу владѣльцами потому уже, что были близкіе родственники другъ другу. Обыкновенно это были родные или двоюродные братья либо дяди съ племянниками. Родственная близость устанавливала между князьями извѣстныя невольныя связи. Подчиняясь этой близости, они въ договорныхъ грамотахъ обыкновенно обязывались «быть вѣмъ за одинъ до живота». Согласно съ завѣтомъ отца, приказывавшаго старшему сыну молодшую его братію, чтобы онъ по Бозѣ былъ ей «печальникъ», попечитель, младшіе удѣльные князья обязывались чтить старшаго вмѣсто отца, старшій обязывался держать младшихъ братьевъ въ братствѣ безъ обиды и заботиться о дѣтяхъ ихъ, если они осиротѣютъ. При торжествѣ семейныхъ отношеній надъ родовыми между удѣльными князьями особенно важное значеніе въ княжеской семьѣ получала вдова-мать. Завѣщатели приказывали дѣтямъ слушаться во всемъ своей матери, ни въ чемъ не выступать изъ ея воли, чтить ее вмѣсто отца. Но легко видѣть, что

все это родственныя, а не владѣльческія отношенія, скорѣе нравственные завѣты или благодушныя обѣщанія, чѣмъ дѣйствительныя политическія обязательства. Родство завязывало и владѣльческія отношенія: пожизненныя владѣнія вдовы по смерти ея дѣлились между ея сыновьями или внуками; свекрови обыкновенно завѣщали свои опричинныя снохамъ, матери сыновьямъ и т. п. Но это были частныя гражданскія и не всегда обязательныя отношенія. Существовали ли какія-либо обязательныя отношенія по владѣнію съ характеромъ политическихъ связей? По договорнымъ грамотамъ московскихъ князей XIV и первой половины XV в. старшій великій князь въ силу только своего старшинства не имѣлъ постоянного обязательнаго, т. е. политическаго авторитета для младшихъ своихъ родичей, ни надѣлялъ, ни судилъ ихъ, какъ прежде, если это не были его дѣти. Притомъ тогда не существовало уже на Руси и единаго великаго князя. Съ развитіемъ удѣльнаго порядка владѣнія раздѣлилось и великокняжеское достоинство. Князья, владѣтели тогдашней сѣверной Руси, принадлежали къ различнымъ княжескимъ линиямъ, большая часть которыхъ шла отъ Всеволода III суздальскаго. Каждая обособившаяся княжеская линия заводила своего великаго князя: у князей тверскихъ былъ свой великій князь, свой у ростовскихъ, ярославскихъ, рязанскихъ и въ другихъ линияхъ. Правда, первымъ изъ этихъ великихъ князей, старѣйшимъ изъ старшихъ, можно было считать великаго князя московскаго, потому что съ Ивана Калиты онъ владѣлъ непрерывно и великокняжеской Владимірской областью, которая въ XIII в. была общимъ достояніемъ Всеволодова племени и которою по очереди владѣли старшіе изъ Всеволодовичей. Но въ XIV в. подъ вліяніемъ началъ, на которыхъ былъ построенъ удѣльный порядокъ владѣнія, и Владимірское великое княжество утра-

тило свой прежній родовой характеръ. Въ духовной своей 1389 г. великій князь Димитрій Донской благословилъ своего старшаго сына этимъ княженіемъ, какъ своею отчиной, а внукъ его Василій Темный включилъ Владимірскую область въ составъ своей наслѣдственной московской вотчины. Такъ исчезъ послѣдній остатокъ прежняго нераздѣльнаго княжескаго владѣнія. Постоянныхъ политическихъ связей по владѣнію между князьями старшимъ и младшими въ каждой линіи, какъ и между князьями разныхъ линій, не существовало, судя по договорнымъ московскимъ грамотамъ; завязывались лишь связи временныя, семейныя, какъ пожизненное обезпеченіе матери и т. п. Димитрій Донской въ своей духовной впервые установилъ нѣкоторую солидарность по владѣнію между своими сыновьями, но случайнаго характера, стѣснивъ право бездѣтнаго сына распоряжаться своимъ удѣломъ на случай смерти: выморочный удѣлъ дѣлится между остальными братьями умершаго по усмотрѣнію княгини-матери; только удѣлъ старшаго брата, великаго князя, въ такомъ случаѣ безраздѣльно переходитъ къ слѣдующему брату, а удѣлъ послѣдняго мать дѣлитъ между наличными сыновьями. Такія же временныя и случайныя связи возникали изъ потребностей внѣшней обороны и изъ отношеній къ Ордѣ. Въ интересахъ внѣшней безопасности князя-родственники, обыкновенно ближайшіе, составляли наступательный и оборонительный союзъ другъ съ другомъ. Въ договорныхъ грамотахъ младшіе удѣльные князья говорили своему старшему: «быти тобѣ съ нами, а намъ съ тобою». Великій князь обязывался не заключать договоровъ безъ вѣдома младшихъ и наоборотъ. Великій князь и младшіе его родичи обязывались имѣть общихъ друзей и общихъ враговъ. Старшій говорилъ въ грамотѣ младшимъ: «сяду я на коня (пойду въ походъ), и вамъ садиться на коней; когда я самъ

не пойду, а васъ пошлю, вамъ идти безъ ослушанія». Но это были временныя соглашенія, какія заключаются между независимыми владѣльцами по международному праву. Поэтому условія эти измѣнялись съ каждымъ поколѣніемъ князей, даже съ каждой переменѣй въ наличномъ составѣ княжескаго союза или просто съ измѣненіемъ обстоятельствъ. Благодаря этой измѣчивости княжескихъ отношеній до насъ и дошло такое множество договорныхъ грамотъ. Великій князь Василій Темный только съ двоюродными братьями своими, удѣльными князьями можайскими Иваномъ и Михаиломъ Андреевичами заключилъ въ продолженіе своего княженія 17 договоровъ; еще болѣе договоровъ пришлось заключить тому же великому князю со своимъ дядей Юріемъ галицкимъ и его сыновьями Василюмъ Косымъ и Димитріемъ Краснымъ. Другой рядъ владѣльческихъ отношеній между князьями завязывался подъ влияніемъ ихъ зависимости отъ Орды. Ордынскій ханъ, какъ я уже говорилъ, сначала собиралъ дань съ Русской земли посредствомъ своихъ агентовъ, потомъ нашелъ болѣе удобнымъ поручать сборъ этой дани великимъ князьямъ русскимъ. Каждый великій князь собиралъ татарскую контрибуцію, *выходъ*, съ удѣльныхъ князей своей линіи и доставлялъ ее въ Орду; Калитѣ поручено было собирать дань даже съ князей другихъ линій. Этимъ преимуществомъ, которое давало великимъ князьямъ возможность держать въ зависимости князей удѣльныхъ, первые очень дорожили и старались не допускать младшихъ родичей до непосредственныхъ сношеній съ Ордой. Это стремленіе выражалось въ договорныхъ княжескихъ грамотахъ словами великаго князя, обращенными къ удѣльнымъ: «мнѣ знать Орду, а тобѣ Орды не знать». Финансовая зависимость удѣльныхъ князей отъ великаго современемъ могла превратиться въ зависимость политическую. Но князья очень

хорошо помнили, что эта связь навязана имъ извнѣ. и твердо стояли на той мысли, что она должна исчезнуть съ исчезновениемъ этой сторонней силы. Вотъ почему въ упомянутомъ договорѣ Дмитрія Донского съ серпуховскимъ удѣльнымъ княземъ мы встрѣчаемъ условіе: «оже ны Богъ избавить. ослободить отъ Орды, ино мнѣ два жеребья дани, а тобѣ треть», т. е. великій князь будетъ удерживать свои двѣ трети ордынской дани въ своихъ рукахъ, а удѣльный свою треть въ своихъ. Значить, московскіе князья предполагали, что какъ скоро спадетъ татарское иго, должна исчезнуть и финансовая зависимость удѣльныхъ князей отъ великаго. Такимъ образомъ, рассматривая договорныя грамоты XIV и XV вв., мы не находимъ никакой постоянной политической связи, которая подчиняла бы удѣльныхъ князей великому. При такихъ отношеніяхъ какимъ же способомъ могла завязаться политическая зависимость удѣльныхъ князей отъ великаго? Вотъ вопросъ, разрѣшеніемъ котораго вскрывается процессъ образованія верховной государственной власти въ Московскомъ княжествѣ.

Договорныя грамоты не отвѣчаютъ дѣйствительности.

Для изучающаго взаимныя отношенія московскихъ князей XIV и XV вв. ихъ договорныя грамоты—довольно коварный источникъ. Изложенныя условія ихъ уже не отвѣтствовали современной имъ дѣйствительности. Съ этой стороны московскія договорныя грамоты представляютъ въ нѣкоторомъ смыслѣ историческій анахронизмъ: онѣ воспроизводятъ княжескія отношенія, несомнѣнно дѣйствовавшія нѣкогда, именно въ первую пору удѣльнаго порядка, въ XIII и развѣ въ началѣ XIV в., не позднѣе. Съ тѣхъ поръ какъ Москва начала пріобрѣтать рѣшительный перевѣсъ надъ другими княжествами, эти условія скоро устарѣли и повторялись въ договорныхъ грамотахъ, какъ затверженные формулы, по старой памяти, вслѣдствіе обычной неповоротли-

вості мышленія канцелярій, ихъ неумѣнья поспѣвать за жизнью. Этотъ недостатокъ раздѣляли со своими дьяками и сами князья. Вотъ опасность, которая грозитъ изслѣдователю договорныхъ грамотъ. Эта отсталость понятій отъ дѣйствительности выступаетъ въ княжескихъ договорахъ особенно явственно. Здѣсь сѣверные князья XIV в. продолжаютъ говорить языкомъ родства, какимъ ихъ вѣжные предки XI—XII в. опредѣляли свои взаимныя отношенія. Но родственныя выраженія имѣютъ чисто условный смыслъ. Удѣльный дядя, старшій, но слабѣйшій князь, обязуется считать младшаго родича, племянника, но великаго князя, своимъ старшимъ братомъ; степенями родства измѣряется неравенство силы и власти. Для новыхъ отношеній еще не были найдены подходящія слова и эти отношенія ушли отъ ходячихъ понятій, значить, были созданы условіями, дѣйствовавшими помимо сознанія людей, захваченныхъ ихъ дѣйствиємъ.

Дѣйствительныя отношенія московскихъ князей съ Ди-
митрія Донского, или даже при ближайшихъ его предшест-
венникахъ, становились уже на другія основанія. Подъ Усиленіе старшаго наследника.
прикрытіємъ терминологіи условнаго родства и началось постепенное превращеніе удѣльныхъ князей изъ самостоятельныхъ владѣльцевъ въ слугъ своего условно или дѣйствительно старшаго родича, великаго князя. Великій князь московскій, какъ мы видѣли, пріобрѣталъ все большее преобладаніе надъ удѣльными младшими родичами. Любопытно, что это преобладаніе старшаго великаго князя, разрушившее потомъ удѣльный порядокъ, создавалось изъ условій этого же самаго порядка. Мы видѣли изъ московскихъ духовныхъ грамотъ, что порядокъ наслѣдованія въ средѣ московскихъ князей опредѣлялся исключительно личной волей завѣщателя. Но эти завѣщатели постепенно выработали и усвоили себѣ извѣстныя постоянныя правила, которыми

они руководились въ раздѣлѣ своей вотчины между наслѣдниками. Такъ уже съ первой московской духовной грамоты, написанной Иваномъ Калитой, мы замѣчаемъ стремленіе московскихъ князей-завѣщателей дѣлить свою вотчину на неравныя части: размѣры каждой части соотвѣтствовали степени старшинства получавшаго ее наслѣдника. Чѣмъ старше былъ наслѣдникъ, тѣмъ большая доля наслѣдства доставалась ему. Въ этомъ неравенствѣ раздѣла, очевидно, сказывалось смутное воспоминаніе о нѣкогда дѣйствовавшемъ между князьями порядкѣ владѣнія по очереди старшинства. Но и въ этомъ случаѣ старое преданіе припомнилось, потому что отвѣчало семейнымъ соображеніямъ: старшій сынъ послѣ отца становился для младшихъ своихъ братьевъ вмѣсто отца, а потому долженъ быть сильнѣе ихъ. Благодаря этому обычаю, усвоенному московскими завѣщателями, старшій наслѣдникъ, т. е. старшій сынъ завѣщателя, получалъ изъ отцовскаго наслѣдства большую долю сравнительно съ младшими братьями-сонаслѣдниками. Этотъ излишекъ давался ему «на старѣйшій путь», т. е. по праву старшинства. Сначала онъ является очень малозначительнымъ, состоитъ изъ немногихъ лишнихъ городовъ или селъ, изъ нѣсколькихъ лишнихъ доходовъ; но съ завѣщанія Дмитрія Донскаго этотъ излишекъ на старѣйшій путь получаетъ все большіе размѣры. По духовной Дмитрія Донскаго владѣнія его были раздѣлены между пятью его сыновьями; въ духовной опредѣляется и доходность каждаго удѣла. Завѣщатель указываетъ, сколько долженъ вносить каждый изъ его наслѣдниковъ въ составъ каждой тысячи рублей ордынской дани. Очевидно, взносъ каждаго наслѣдника соразмѣрялся съ доходностью его удѣла. Старшій сынъ, великій князь Василій долженъ былъ вносить въ составъ тысячи не пятую часть, а $3\frac{1}{2}$ р., т. е. больше трети всей суммы. Послѣ

Дмитрія Донского съ каждымъ поколѣніемъ излишекъ старшаго наслѣдника на старѣйшій путь растетъ все болѣе. Возьмемъ духовную великаго князя Василя Темнаго, составленную въ 1462 г. Василій также раздѣлилъ свою вотчину между пятью сыновьями. Старшему, великому князю Ивану онъ далъ одному 14 городовъ съ уѣздами, притомъ самыхъ значительныхъ, а остальнымъ сыновьямъ всѣмъ вмѣстѣ только 11 или 12. Чтобы еще яснѣе представить себѣ этотъ процессъ, мы перейдемъ за предѣлы изучаемаго періода и перелистуемъ духовную грамоту великаго князя Ивана III, составленную около 1504 года. Иванъ III раздѣлилъ свою вотчину также между пятью сыновьями. Старшему изъ наслѣдниковъ, великому князю Василию онъ отказалъ одному 66 городовъ съ уѣздами, а всѣмъ остальнымъ вмѣстѣ только 30. И этотъ завѣщатель опредѣляетъ долю каждаго наслѣдника въ составѣ каждой тысячи рублей на ордынскіе расходы. Великій князь, старшій наслѣдникъ, одинъ долженъ былъ вносить въ тысячу 717 руб., т. е. около $\frac{3}{4}$ всей суммы, почти втрое больше, чѣмъ всѣ младшіе братья вмѣстѣ. Къ такому результату привелъ рано усвоенный московскими завѣщателями обычай нарушать равенство раздѣла вотчины между наслѣдниками въ пользу старшаго изъ нихъ. Излишекъ на старѣйшій путь, сначала столь мало замѣтный, въ началѣ XV в. достигъ такихъ размѣровъ, которые давали старшему наслѣднику рѣшительное матеріальное преобладаніе надъ младшими. Князья-завѣщатели не давали старшимъ сыновьямъ никакихъ лишнихъ политическихъ правъ, не ставили ихъ младшихъ братьевъ въ прямую политическую отъ нихъ зависимость; но они постепенно сосредоточивали въ рукахъ старшаго наслѣдника такую массу владѣльческихъ *средствъ*, которая давала имъ возможность подчинить себѣ младшихъ удѣльныхъ родичей ихъ

и безъ лишнихъ политическихъ *правъ*. Такимъ чисто-материальнымъ, имущественнымъ преобладаніемъ и положено было основаніе политической власти московскаго великаго князя, старшаго наслѣдника. Посредствомъ такого вотчиннаго фактическаго преобладанія, безъ политическихъ преимуществъ, этотъ великій князь и превратился въ государя не только для простыхъ обывателей московскихъ удѣловъ, но и для самихъ удѣльныхъ князей. Значить, политическая власть великаго князя московскаго, уничтожившая потомъ удѣльный порядокъ владѣнія, создавалась изъ условій этого же самаго порядка, при помощи права князей-завѣщателей располагать своими вотчинами по личному усмотрѣнію.

Формы подчиненія младшихъ князей.

Усиленіе старшаго наслѣдника посредствомъ старѣйшаго пути сопровождалось въ Москвѣ, какъ и въ Твери, стремленіемъ сильнѣйшихъ подчинить себѣ слабѣйшихъ удѣльныхъ князей. Это подчиненіе по обстоятельствамъ принимало различныя формы, достигало неодинаковыхъ степеней зависимости. Простѣйшую форму представляла личная служба удѣльнаго князя великому по договору. Эту форму встрѣчаемъ въ договорѣ Димитрія Донскаго съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ серпуховскимъ 1362 года: здѣсь удѣльный князь, оставаясь независимымъ въ своемъ удѣлѣ, обязывается служить великому безъ ослушанія «по згадцѣ», по обоюдному договору, а великій князь «кормить», вознаграждать слугу по его службѣ. Здѣсь служебное обязательство нисколько не связывается съ удѣльнымъ владѣніемъ слуги. Другую форму представляло положеніе *окупныхъ* князей, у которыхъ великій князь покупалъ ихъ удѣлы, оставляя за ними пользованіе ихъ бывшими вотчинами съ извѣстными служебными обязательствами. Такъ поступилъ Калита съ князьями бѣлозерскимъ и галицкимъ, Василій Темный

съ ростовскими: здѣсь владѣльческая зависимость была источникомъ служебныхъ обязательствъ. Въ подобномъ положеніи находились и князья, у которыхъ великій князь отнималъ удѣлы, но самихъ принималъ на свою службу, возвращая подъ ея условіемъ отнятыя вотчины или части ихъ въ видѣ пожалованія. Въ такое положеніе стали князья стародубскіе при Донскомъ, тарусскіе и муромскіе при его сынѣ Василии. Наконецъ, великіе князья стремились подчинить себѣ удѣльныхъ въ силу общаго принципиальнаго требованія, чтобы удѣльные князья повиновались великому именно потому, что они удѣльные.—повиновались, обезпечивая повиновеніе своими вотчинами. Самое рѣшительное выраженіе этого требованія встрѣчаемъ въ договорѣ великаго князя тверскаго Бориса Александровича съ Витовтомъ 1427 года: всѣ князья тверскіе, дяди, братья, племянники великаго князя обязаны быть у него въ послушаніи; онъ воленъ кого жаловать, кого казнить; кто изъ нихъ вступитъ въ службу къ другому князю, лишается своей вотчины. На подобныхъ условіяхъ съ нѣкоторыми измѣненіями подчинились Василию Темному князья суздальскіе. Здѣсь вотчины удѣльныхъ князей не отнимались и не покупались, а князья сами по договору отказывались отъ нихъ и получали ихъ обратно, какъ пожалованіе; въ отличіе отъ второй формы подчиненія здѣсь служебныя обязательства становились источникомъ владѣльческой зависимости; но въ отличіе отъ первой формы служебный договоръ обезпечивался удѣломъ, служебныя отношенія связывались съ владѣльческими. Въ Московскомъ княжествѣ двѣ послѣднія формы зависимости удѣльныхъ князей нашли особенно успѣшное примѣненіе, и Василий Темный въ концѣ своего княженія могъ съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ сказать новгородскому владыкѣ, что ему дана власть надъ всѣми князьями русскими.

Мы прослѣдили два процесса, которыми создавалось политическое и національное значеніе Московскаго княжества и его старшаго князя. Одинъ процессъ расширялъ территорію и внѣшнее влияніе этого княжества, другой собиралъ элементы верховной власти въ лицѣ старшаго изъ московскихъ князей. Эти успѣхи были закрѣплены встрѣчей благоприятныхъ условій, выпавшихъ на долю этихъ князей и поддержавшихъ дѣйствіе первоначальныхъ причинъ усиленія Москвы.

Вліяніе татарскаго ига.

Прежде всего татары стали въ отношеніе къ поработанной ими Руси, устранявшее или облегчавшее многія затрудненія, какія создавали себѣ и своей странѣ сѣвернорусскіе князья. Ордынскіе ханы не навязывали Руси какихъ-либо своихъ порядковъ, довольствуясь данью, даже плохо вникали въ порядокъ, тамъ дѣйствовавшій. Да и трудно было вникнуть въ него, потому что въ отношеніяхъ между тамошними князьями нельзя было усмотрѣть никакого порядка. Съ этой стороны верхневолжскіе Всеволодовичи стояли гораздо ниже своихъ предковъ, днѣпровскихъ Ярославичей. У тѣхъ мелькали въ головахъ хоть шаткія идеи старшинства и земскаго долга; эти идеи иногда направляли ихъ отношенія и сообщали имъ хотя бы тѣнь права. Всеволодовичи XIII в. въ большинствѣ плохо помнили старое родовое и земское преданіе и еще меньше чтили его, были свободны отъ чувства родства и общественнаго долга. Юрій московскій въ Ордѣ возмущилъ даже татаръ своимъ родственнымъ безчувствіемъ при видѣ изуродованнаго трупа Михаила тверскаго, валяшагося нагимъ у палатки. Въ опустошенномъ общественномъ сознаніи оставалось мѣсто только инстинктамъ самосохраненія и захвата. Только образъ Александра Невскаго нѣсколько прикрывалъ ужасъ одичанія и братскаго озлобленія, слишкомъ часто прорывавшагося въ средѣ русскихъ правителей,

родныхъ или двоюродныхъ братьевъ, дядей и племянниковъ. Еслибы они были предоставлены вполнѣ самимъ себѣ, они разнесли бы свою Русь на безсвязные, вѣчно враждующіе между собою удѣльные лоскуты. Но княжества тогдашней сѣверной Руси были не самостоятельныя владѣнія, а данническіе «улусы» татаръ; ихъ князья звались холопами «вольнаго царя», какъ величали у насъ ордынскаго хана. Власть этого хана давала хотя призракъ единства мельчавшимъ и взаимно отчуждавшимся вотчиннымъ угламъ русскихъ князей. Правда, и въ волжскомъ Сараѣ напрасно было искать права. Великокняжескій владимірскій столъ былъ тамъ предметомъ торга и переторжки; покупной ханскій ярлыкъ покрывалъ всякую неправду. Но обижаемый не всегда тотчасъ хватался за оружіе, а вѣдалъ искать защиты у хана и не всегда безуспѣшно. Гроза ханскаго гнѣва сдерживала забіякъ; милостью, т. е. произволомъ хана не разъ предупреждалась или останавливалась опустошительная усобица. Власть хана была грубымъ татарскимъ ножомъ, разрѣзавшимъ узлы, въ какіе умѣли потомки Всеволода III запутывать дѣла своей земли. Русскіе лѣтописцы не напрасно называли поганыхъ агарянъ батогомъ Божимъ, вразумляющимъ грѣшниковъ, чтобы привести ихъ на путь покаянія. Всѣхъ удачнѣе пользовались этимъ батогомъ великіе князья московскіе противъ своей братіи. Особенно явственно обнаружилось это во время единственной усобицы, разыгравшейся между московскими князьями въ княженіе Василія Темнаго. Эта усобица произошла вслѣдствіе притязанія кн. Юрія галицкаго, дяди Василіева, занять великокняжескій столъ мимо племянника. Этотъ дядя, опираясь на свое старшинство и ссылаясь на духовную своего отца Дмитрія Донскаго, не хотѣлъ признать старшимъ десятилѣтняго племянника и въ 1431 г. воюя въ Орду тагаться съ нимъ. Успѣхъ Юрьева

притязанія перенесъ бы великое княженіе въ другую линію московскаго княжескаго дома, разстроилъ бы порядки, заво-
дившіеся Москвой цѣлое столѣтіе, и грозилъ безконечной
усобицей. Ханъ разсѣкъ узель: отуманенный льстиво-насмѣш-
ливою рѣчью ловкаго московскаго боярина Всеволожскаго,
доказывавшаго, что источникъ права—его ханская милость,
а не старые лѣтописцы и не мертвыя грамоты (т. е. духовная
Донскаго), ханъ рѣшилъ дѣло въ пользу Василія.

Преемство
въ прямой
нисходящей
линіи.

Другое благоприятное условіе заключалось въ новомъ
порядкѣ преемства великокняжеской власти. Значеніе, какое
приобрѣтало Московское княжество своими успѣхами, все
доставалось великому князю, старшему изъ московскихъ
князей, который сверхъ своего московскаго удѣла владѣлъ
еще великокняжеской Владимірской областью. Съ Ивана
Калиты въ продолженіе ста лѣтъ такимъ великимъ княземъ
становился почти всегда старшій сынъ предшествовавшаго
великаго князя, у котораго въ минуту смерти обыкновенно
не оказывалось на лицо младшихъ братьевъ. Случилось
такъ, что московскій княжескій домъ не разростался въ
боковыя вѣтви, младшіе дяди вовремя уходили со сцены,
не становясь поперекъ дороги старшимъ племянникамъ.
Потому переходъ великокняжескаго достоинства въ нисхо-
дящей линіи до смерти Калитина правнука вел. кн. Василія
Димитріевича не вызывалъ спора среди московскихъ князей,
а князьямъ другихъ линій, соперничавшимъ съ московскими,
ни суздальскимъ, ни тверскимъ, не удалось перебить у нихъ
великаго княженія. Случайность, повторяясь, становится пре-
цедентомъ, который силой привычки превращается въ обя-
зательное требованіе, въ правило. Неоспариваемый переходъ
великокняжеской власти отъ отца къ сыну, повторявшійся
въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній, сталъ, по выраженію
лѣтописи, «отчествомъ и дѣдствомъ», обычаемъ, освящен-

ными примѣрами отцовъ и дѣдовъ, на который общество начало смотрѣть, какъ на правильный порядокъ, забывая о прежнемъ порядкѣ преемства по старшинству. И это условіе рѣзко вскрылось въ той же московской усобицѣ. Продолженная по смерти Юрія его сыновьями, она взволновала все русское общество, руководящіе классы котораго, духовенство, князья, бояре и другіе служилые люди рѣшительно стали за Василия. Галицкіе князья встрѣчены были въ Москвѣ, какъ чужіе и какъ похитители чужого, и чувствовали себя здѣсь одиноко, окруженные недоверіемъ и недоброжелательствомъ. Когда сынъ Юрія Шемяка, по смерти отца наследникъ его притязаній, нарушилъ свой договоръ съ Василиемъ, послѣдній отдалъ дѣло на судъ духовенства. Духовный соборъ изъ пяти епископовъ съ нѣсколькими архимандритами (тогда не было митрополита на Руси) въ 1447 г. обратился къ нарушителю договора съ грознымъ посланіемъ и здѣсь іерархи высказали свой взглядъ на политическій порядокъ, какой долженъ существовать на Руси. Духовенство рѣшительно возстало противъ притязаній Шемякина отца на великокняжескій столъ, признавая исключительное право на него за племянникомъ, старшимъ сыномъ предшествовавшего великаго князя. Притязаніе Юрія, помыслившаго незаконно о великомъ княженіи, посланіе сравниваетъ съ грѣхомъ праотца Адама, возымѣвшаго желаніе «равнобожества», внутреннее сатаной. «Сколько трудовъ понесъ отецъ твой, писали владыки, сколько истомы потерпѣло отъ него христіанство, но великокняжескаго стола онъ все-таки не получилъ, чего ему не дано Богомъ, ни *земскою изначала пошлюной*». Итакъ духовенство считало единственно правильнымъ порядкомъ преемство великокняжескаго стола въ нисходящей линіи, а не по очереди старшинства, и даже наперекоръ исторіи признавало такой порядокъ исконной *земскою*

пошлиной, т. е. стариннымъ обычаемъ Русской земли. Этотъ новый порядокъ пролагалъ дорогу къ установленію единовластія, усиливая одну прямую старшую линію московскаго княжескаго дома, устраняя и ослабляя боковыя младшія. И усобица еще не кончилась, а глава русской іерархіи уже провозглашалъ единовластіе законнаго московскаго великаго князя совершившимся фактомъ, предъ которымъ обязано преклониться все русское общество, и князья, и простые люди. Новопосвященный митрополитъ Іона въ извѣстительномъ окружномъ посланіи 1448 г. о своемъ посвященіи призываетъ князей, *пановъ*, бояръ, воеводъ и все христіанское «людетво» бить челомъ своему государю вел. князю Василию, отдаться въ его волю; если же они этого не сдѣлаютъ и допустятъ Шемяку возобновить усобицу, съ нихъ взыщется вся пролитая кровь христіанская, въ землѣ ихъ никто не будетъ больше зваться христіаниномъ, ни одинъ священникъ не будетъ священствовать, всѣ церкви Божіи будутъ затворены.

Московскіе
князья и
Великорос-
сія.

Въ дѣятельной поддержкѣ, оказанной обществомъ во время усобицы новому порядку преемства великокняжеской власти, сказалось самое важное условіе, упрочившее политическіе и національные успѣхи Московскаго княжества. Какъ скоро изъ среды удѣльныхъ князей поднялся одинъ съ такими средствами, какими обладалъ, со стремленіями, какія проводилъ преемственный рядъ великихъ князей московскихъ, вокругъ него начали сосредоточиваться политическіе помыслы и народныя интересы всего сѣвернорусскаго населенія. Это населеніе ждало такого вождя и это ожиданіе шумно проявилось въ усобицѣ. Здѣсь фамильныя усилія московскихъ великихъ князей встрѣтились съ народными нуждами и стремленіями. Первоначальной движущей пружиной дѣятельности этихъ князей былъ династическій интересъ, во имя

котораго шло и внѣшнее усиленіе ихъ княжества, и внутреннее сосредоточеніе власти въ одномъ лицѣ. Но этотъ фамилный своекорыстный интересъ былъ живо поддержанъ всѣмъ населеніемъ сѣверной Руси съ духовенствомъ во главѣ, лишь только почувствовали здѣсь, что онъ совпадаетъ съ «общимъ добромъ всего нашего православнаго христіанства», какъ писалъ въ одномъ посланіи тотъ же митрополитъ Іона. Эта поддержка объясняется фактомъ, незамѣтно совершившимся въ сѣверной Руси подъ шумъ княжескихъ усобицъ и татарскихъ погромовъ. Мы знаемъ, какія обстоятельства заставили массу русскаго населенія передвинуться изъ старой днѣпровской Руси въ область верхней Волги. Это передвиженіе сопровождалось раздробленіемъ народныхъ силъ, выразившимся въ удѣльномъ дробленіи верхневолжской Руси. Очутившись въ новыхъ условіяхъ, въ непривычной обстановкѣ, среди чуждаго имъ туземнаго населенія, пришельцы съ юга не могли ни возстановить стараго, ни скоро установитъ новаго общаго порядка и разсыпались по многочисленнымъ все мельчавшимъ удѣламъ. Но они не смыкались въ замкнутые удѣльные міры, отчужденные другъ отъ друга, какъ были отчуждены удѣльные князья. Народное броженіе продолжалось и сами князья поддерживали его своими усобицами: лѣтописи прямо говорятъ, что ссоры тверскихъ и другихъ князей заставляли обывателей ихъ княжествъ уходить въ болѣе спокойные края. А съ конца XIV в. поднялось усиленное переселенческое движеніе изъ междурѣчья на сѣверъ за Волгу. Размѣщаясь мелкими поселками, ведя болѣе двухъ вѣковъ дробную работу по мѣстамъ, но при сходныхъ экономическихъ и юридическихъ условіяхъ, переселенцы со временемъ сложились всюду въ сходные общественные типы, освоились между собою, выработали на значительныхъ пространствахъ извѣстныя взаимныя

связи и отношенія, юридическій бытъ и хозяйственный оборотъ, нравы, ассимилировали окрестныхъ инородцевъ, и изъ всѣхъ этихъ этнографическихъ элементовъ, прежде разсыпанныхъ и разъединенныхъ, къ половинѣ XV в. среди политическаго раздробленія сложилась новая національная формація. Такъ завязалась и окрѣпла въ составѣ русскаго населенія цѣлая плотная народность—великорусское племя. Оно складывалось тяжело и терпѣливо. Въ продолженіе 234 лѣтъ (1228—1462) сѣверная Русь вынесла 90 внутреннихъ усобицъ и до 160 внѣшнихъ войнъ, при частыхъ повѣтріяхъ, неурожаяхъ и неисчислимыхъ пожарахъ. Выросши среди внѣшнихъ грозъ и внутреннихъ бѣдъ, быстро уничтожавшихъ плоды многолѣтней кропотливой работы, оно чувствовало потребность въ политическомъ сосредоточеніи своихъ неустроенныхъ силъ, въ твердомъ государственномъ порядкѣ, чтобы выйти изъ удѣльной неурядицы и татарскаго порабощенія. Эта потребность и была новой скрытой, но могущественной причиной успѣховъ вел. князя московскаго, присоединившейся къ первоначальнымъ и основнымъ, какими были: *экономическія выгоды* географическаго положенія г. Москвы и Московскаго княжества, *церковное значеніе*, приобретенное Москвой при содѣйствіи того же условія, и согласованный съ обстоятельствами времени *образъ дѣйствій* московскихъ князей, внушенный ихъ генеалогическимъ положеніемъ.

Значеніе
московской
усобицы.

Той же потребностью объясняется неожиданный и чрезвычайно важный для сѣверной Руси исходъ московской усобицы. Начавъ княженіе чуть не ребенкомъ, мягкій и благодушный, Василій, казалось, совсѣмъ не годился для боевой роли, какая ему была суждена. Не разъ побитый, ограбленный и заточенный, наконецъ ослѣпленный, онъ однако вышелъ изъ 19-тилѣтней борьбы съ приобретеніями,

которые далеко оставили за собою все, что заработали продолжительными усилиями его отецъ и дѣдъ. Когда онъ вступалъ на спорный великокняжескій столъ, московская вотчина была раздѣлена на цѣлый десятокъ удѣловъ, а когда онъ писалъ свою духовную, вся эта вотчина была въ его рукахъ кромѣ половины одного изъ прежнихъ удѣловъ (верейская половина Можайскаго княжества). Сверхъ того ему принадлежало Суздальское княжество, вотчины котораго служили ему или бѣгали по чужимъ странамъ, московскіе намѣстники сидѣли по рязанскимъ городамъ, Новгородъ Великій и Вятка были во всей его волѣ. Наконецъ онъ не только благословилъ своего старшаго сына великимъ княженіемъ, что еще колебался сдѣлать его отецъ, но и прямо включилъ великокняжескую область въ составъ своей наслѣдственной вотчины. Такіе успѣхи достались Темному потому, что все вліятельное, мыслящее и благонамѣренное въ русскомъ обществѣ стало за него, за преемство великокняжеской власти въ нисходящей линіи. Приверженцы Василия не давали покоя его соперникамъ, донимали ихъ жалобами, протестами и просками, брали на свою душу его клятвы, пустили въ дѣло на его защиту всѣ матеріальныя и нравственныя средства, какими располагали. Внуку Донского попалъ въ такое счастливое положеніе, не имъ созданное, а имъ только унаслѣдованное, въ которомъ цѣли и способы дѣйствія были достаточно выяснены, силы направлены, средства заготовлены, орудія приспособлены и установлены,—и машина могла уже работать автоматически, независимо отъ главнаго механика. Какъ скоро населеніе сѣверной Руси почувствовало, что Москва способна стать политическимъ центромъ, около котораго оно могло собрать свои силы для борьбы съ внѣшними врагами, что московскій князь можетъ быть народнымъ вождемъ въ этой борьбѣ, въ умахъ и отношеніяхъ удѣльной Руси совер-

шился переломъ, рѣшившій судьбу удѣльнаго порядка: всё дотолѣ затаенныя или дремавшія національныя и политическія ожиданія и сочувствія великорусскаго племени, долго и безуспѣшно искавшія себѣ надежнаго пункта прикрѣпленія, тогда сошлись съ династическими усиліями московскаго великаго князя и понесли его на высоту національнаго государя Великороссіи. Такъ можно обозначить главные моменты политическаго роста Московскаго княжества.

Характеръ
московскихъ
князей.

Часто даютъ преобладающее значеніе въ ходѣ возвышенія Московскаго княжества личнымъ качествамъ его князей. Окончивъ обзоръ политическаго роста Москвы, мы можемъ оцѣнить и значеніе этихъ качествъ въ ея исторіи. Нѣтъ надобности преувеличивать это значеніе, считать политическое и національное могущество Московскаго княжества исключительно дѣломъ его князей, созданіемъ ихъ личнаго творчества, ихъ талантовъ. Историческіе памятники XIV и XV вв. не даютъ намъ возможности живо воспроизвести обликъ каждаго изъ этихъ князей. Московскіе великіе князья являются въ этихъ памятникахъ довольно блѣдными фигурами, преимущественно смѣнявшимися на великокняжескомъ столѣ подъ именами Ивана, Семена, другого Ивана, Дмитрія, Василія, другого Василія. Всмотриваясь въ нихъ, легко замѣтить, что передъ нами проходятъ не своеобразныя личности, а однообразныя повторенія одного и того же фамильнаго типа. Всѣ московскіе князья до Ивана III какъ двѣ капли воды похожи другъ на друга, такъ что наблюдатель иногда затрудняется рѣшить, кто изъ нихъ Иванъ и кто Василій. Въ ихъ дѣятельности замѣтны нѣкоторыя индивидуальныя особенности; но онѣ объясняются различіемъ возраста князей или исключительными внѣшними обстоятельствами, въ какія попадали иные изъ нихъ; эти особенности не идутъ далѣе того, насколько измѣняется дѣятельность одного и того же лица отъ такихъ

условій. Слѣдя за преемственной смѣной московскихъ князей, можемъ уловить въ ихъ обликахъ только типическія фамиліныя черты. Наблюдателю они представляются не живыми лицами, даже не портретами, а скорѣе манекенами; онъ разсматриваетъ въ каждомъ его позу, его костюмъ, но лица ихъ мало что говорятъ зрителю.

Прежде всего московскіе Даниловичи отличаются замѣчательно устойчивой посредственностью—не выше и не ниже средняго уровня. Племя Всеволода Большого Гнѣзда вообще не блестяло избыткомъ выдающихся талантовъ, за исключеніемъ развѣ одного Александра Невского. Московскіе Даниловичи даже среди этого племени не шли въ передовомъ ряду по личнымъ качествамъ. Это князья безъ всякаго блеска, безъ признаковъ какъ героическаго, такъ и нравственнаго величія. Во-первыхъ, это очень мирные люди: они неохотно вступаютъ въ битвы, а вступая въ нихъ, чаще проигрываютъ ихъ; они умѣютъ отождиваться отъ непріятеля за дубовыми, а съ Дмитрія Донскаго за каменными стѣнами московскаго Кремля, но еще охотнѣе при нападеніи врага уѣзжаютъ въ Переяславль или куда-нибудь подальше, на Волгу, собирать полки, оставляя въ Москвѣ для ея защиты владыку митрополита да жену съ дѣтьми. Не блестя ни крупными талантами, ни яркими доблестями, эти князья равно не отличались и крупными пороками или страстями. Это дѣлало ихъ во многихъ отношеніяхъ образцами умѣренности и аккуратности; даже ихъ склонность выпить лишнее за обѣдомъ не возвышалась до столь извѣстной страсти древнерусскаго человѣка, высказанной устами Владиміра Святого. Это средніе люди древней Руси, какъ бы сказать, больше хронологическіе знаки, чѣмъ историческія лица. Лучшей ихъ фамиліной характеристикой могутъ служить черты, какими характеризуетъ великаго

князя Семена Гордаго одинъ изъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ: «великій князь Симеонъ былъ прозванъ Гордымъ, потому что не любилъ неправды и крамолы и всѣхъ виновныхъ самъ наказывалъ, пилъ медъ и вино, но не напивался допьяна и терпѣть не могъ пьяныхъ, не любилъ войны, но войско держалъ наготовѣ». Въ шести поколѣнiяхъ одинъ Димитрій Донской далеко выдался впередъ изъ строго выровненнаго ряда своихъ предшественниковъ и преемниковъ. Молодость (умеръ 39 лѣтъ), исключительныя обстоятельства, съ 11 лѣтъ посадившiя его на боевого коня, четырехсторонняя борьба съ Тверью, Литвой, Рязанью и Ордой, наполнившая шумомъ и тревогами его 30-лѣтнее княженiе, и болѣе всего великое побоище на Дону положили на него яркiй отблескъ Александра Невскаго, и лѣтопись съ замѣтнымъ подъемомъ духа говоритъ о немъ, что онъ былъ «крѣпокъ и мужественъ и взоромъ дивенъ зѣло». Біографъ современникъ отмѣтилъ и другiя, мирныя качества Димитрiя, набожность, семейныя добродѣтели, прибавивъ: «аще книгамъ не ученъ сый добръ, но духовныя книги въ сердцѣ своемъ имяше». При этомъ единственномъ исключенiи художнику высокаго стиля вообще мало дѣла съ московскими князьями. Но не блистая особыми доблестями, эти князья совмѣщали въ себѣ много менѣе дорогихъ, но болѣе доходныхъ качествъ, отличались обилiемъ дарованiй, какими обыкновенно надѣляются недаровитые люди. Прежде всего эти князья дружно живутъ другъ съ другомъ. Они крѣпко держатся завѣта отцовъ: «жити за одинъ». Въ продолженiе четырехъ поколѣнiй, со смерти Данила до смерти Василя Димитрiевича, Московское княжество было, можетъ быть, единственнымъ въ сѣверной Руси, не страдавшимъ отъ усобицъ собственныхъ князей. Потомъ московскiе князья очень почтительные сыновья: они свято почитаютъ память и завѣтъ своихъ родителей.

Поэтому среди них рано складывается наследственный запасъ понятій, привычекъ и приемовъ княженія, образуется фамильный обычай, отцовское и дѣдовское преданіе, которое замѣняло имъ личный разумъ, какъ намъ школьная выучка нерѣдко замѣняетъ самодѣятельность мысли. Отсюда твердость поступи у московскихъ князей, ровность движенія, послѣдовательность дѣйствія; они дѣйствуютъ болѣе по памяти, по затверженному завѣту отцовъ, чѣмъ по личному замыслу, и потому дѣйствуютъ навѣрняка, безъ капризныхъ перерывовъ и съ постояннымъ успѣхомъ, какъ недаровитому ученику крѣпкая память позволяетъ тверже отвѣчать урокъ сравнительно съ бойкимъ мальчикомъ, привыкшимъ говорить своими словами. Работа у московскихъ князей идетъ ровной и непрерывной нитью, какъ шла пряжа въ рукахъ ихъ женъ, повинувась движенію веретена. Сынъ цѣлко хватается за дѣло отца и по мѣрѣ силъ ведетъ его дальше. Уваженіе къ отцовскому завѣту въ ихъ холодныхъ духовныхъ грамотахъ порой согрѣвается до степени теплаго набожнаго чувства. «А пишу вамъ се слово,—такъ Семень Гордый заканчиваетъ свое завѣщаніе младшимъ братьямъ,—того дѣля, чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша и свѣча бы не погасла». Въ чемъ же состояло это фамильное преданіе, эта наследственная политика московскихъ князей? Они хорошіе хозяева-скопидомы по мелочамъ, понемногу. Недаромъ первый изъ нихъ, добившійся успѣха въ невзрачной съ нравственной стороны борьбѣ, перешелъ въ память потомства съ прозваніемъ Калиты, денежнаго кошелья. Готовясь предстать предъ престоломъ Всевышняго Судіи и диктуя дьяку духовную грамоту, какъ эти князья внимательны во всемъ подробностямъ своего хозяйства, какъ хорошо помнить всякую мелочь въ немъ! Не забудутъ ни шубки, ни стада, ни пояса золотого, ни коробки сердоли-

ковой, все запишутъ, всему найдутъ мѣсто и наслѣдника. Сберечь отцовское стяжаніе и прибавить къ нему что-нибудь новое, новую шубку построить, новое сельцо прикупить— вотъ на что повидимому были обращены ихъ правительственные помыслы, какъ они обнаруживаются въ ихъ духовныхъ грамотахъ. Эти свойства и помогли ихъ политическимъ успѣхамъ.

У каждаго времени свои герои, ему подходящіе, а XIII и XIV вѣка были порой всеобщаго упадка на Руси, временемъ узкихъ чувствъ и мелкихъ интересовъ, мелкихъ, ничтожныхъ характеровъ. Среди внѣшнихъ и внутреннихъ бѣдствій люди становились робки и малодушны, впадали въ уныніе, покидали высокіе помыслы и стремленія; въ лѣтописи XIII—XIV в. не услышимъ прежнихъ рѣчей о Русской землѣ, о необходимости оберегать ее отъ поганыхъ, о томъ, что не сходило съ языка южнорусскихъ князей и лѣтописцевъ XI—XII в. Люди замыкались въ кругу своихъ частныхъ интересовъ и выходили оттуда только для того, чтобы попользоваться на счетъ другихъ. Когда въ обществѣ падаютъ общіе интересы и помыслы его руководителей замыкаются въ сердоликовую коробку, положеніемъ дѣль обыкновенно овладѣваютъ тѣ, которые энергичнѣе другихъ дѣйствуютъ во имя интересовъ личныхъ, а такими чаще всего бываютъ не наиболѣе даровитые, а наиболѣе угрожаемые, тѣ, кому наиболѣе грозитъ это паденіе общихъ интересовъ. Московскіе князья были именно въ такомъ положеніи: по своему генеалогическому значенію это были наиболѣе безправные, приниженные князья, а условія ихъ экономическаго положенія давали имъ обильныя средства дѣйствовать во имя личной выгоды. Потому они лучше другихъ умѣли приноровиться къ характеру и условіямъ своего времени и рѣшительнѣе стали дѣйствовать ради личнаго интереса.

Съ ними было то же, что бываетъ съ промышленниками, у которыхъ ремесло усиленно развиваетъ смѣлливость и находчивость на счетъ другихъ, высшихъ качествъ и стремлений. Купецъ, чѣмъ энергичнѣе входитъ въ свое купеческое дѣло, забывая другіе интересы, тѣмъ успѣшнѣе ведетъ его. Я хочу сказать, что фамильный характеръ московскихъ князей не принадлежалъ къ числу коренныхъ условій ихъ успѣховъ, а былъ самъ произведеніемъ тѣхъ же условій: ихъ фамильныя свойства не создали политическаго и національнаго могущества Москвы, а сами были дѣломъ историческихъ силъ и условій, создавшихъ это могущество, были таковой же второстепенной, производной причиной возвышенія Московскаго княжества, какою, на примѣръ, было содѣйствіе плотнаго московскаго боярства, привлеченнаго въ Москву удобнымъ ея положеніемъ,—боярства, которое не разъ и выручало своихъ князей въ трудныя минуты. Условія жизни нерѣдко складываются такъ своенравно, что крупныя люди разбиваются на мелкія дѣла подобно кн. Андрею Боголюбскому, а людямъ не крупнымъ приходится дѣлать большія дѣла подобно князьямъ московскимъ.

Лекція XXIII.

Вольныя городскія общины.—Новгородъ Великій.—Его мѣстоположеніе; стороны и концы.—Область Новгорода; пятинны и волости.—Условія и развитіе новгородской вольности.—Договорныя отношенія Новгорода къ князьямъ.—Управленіе.—Вѣче и его отношеніе къ князьямъ.—Посадникъ и тысяцкій.—Судъ.—Совѣтъ господъ.—Областное управленіе.—Пригороды и ихъ отношеніе къ главному городу.—Заключеніе.

Мы кончили изученіе удѣльнаго порядка владѣнія и того процесса, которымъ одно изъ удѣльныхъ княжествъ поднялось надъ другими и потомъ поглотило всѣ другія. Мы останавливаемся на половинѣ XV в., на томъ моментѣ въ исторіи Московскаго княжества, когда оно готовилось завершить этотъ процессъ и поглотить послѣднія самостоятельныя княжества, еще остававшіяся въ сѣверной Руси. Но Московское княжество, нѣкогда одно изъ многихъ удѣльныхъ и потомъ вобравшее въ себя всѣ удѣлы, не было единственной политической формой на Руси въ тѣ вѣка. Рядомъ съ нимъ существовали двѣ другія формы, въ которыхъ общественные элементы находились совсѣмъ въ другихъ сочетаніяхъ. То были 1) казачество, 2) вольныя городскія общины. Казачество въ XV в. еще только завязывалось. Напротивъ вольныя городскія общины тогда уже доживали свой вѣкъ. Для полноты изученія русскаго общества, строя Русской земли въ удѣльные вѣка, мы сдѣлаемъ бѣглый обзоръ исторіи и устройства этихъ общинъ. Ихъ было три

на Руси въ удѣльное время: Новгородъ Великій, его «младшій братъ» Псковъ и его колонія Вятка, основанная въ XII в. Не изучая исторіи каждой изъ этихъ общинъ порознь, мы познаваемимся съ ними по судьбѣ старшей изъ нихъ—Новгородской, отмѣтивъ только важнѣйшія особенности склада и быта вольнаго Покова. Новгородъ Великій былъ родоначальникомъ и типическимъ представителемъ остальныхъ двухъ вольныхъ городскихъ общинъ.

Политическій строй Новгорода *Великаго*, т. е. старшаго мѣстоположеніе Новгорода В. города въ своей землѣ, былъ тѣсно связанъ съ мѣстоположеніемъ города. Онъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Волхова, недалеко отъ истока ея изъ озера Ильменя. Новгородъ составился изъ нѣсколькихъ слободъ или поселковъ, которые сначала были самостоятельными обществами, а потомъ соединились въ одну большую городскую общину. Слѣды этого самостоятельнаго существованія составныхъ частей Новгорода сохранялись и позднѣе въ распредѣленіи города на концы. Волховъ дѣлитъ Новгородъ на двѣ половины или *стороны*: на правую—по восточному берегу и лѣвую—по западному; первая называлась *Торговой*, потому что здѣсь находился главный городской рынокъ, торгъ; вторая носила названіе *Софійской* съ той поры, какъ въ концѣ X в., по принятіи христіанства Новгородомъ, на этой сторонѣ построенъ былъ соборный храмъ св. Софіи. Обѣ стороны соединялись большимъ волховскимъ мостомъ, находившимся недалеко отъ торговаго мѣста и называвшимся въ отличіе отъ другихъ *великимъ*. Къ торгу примыкала площадь, называвшаяся *Ярославовымъ* или *Княжымъ* дворомъ, потому что здѣсь нѣкогда находилось подворье Ярослава, когда онъ княжилъ въ Новгородѣ при жизни отца. На этой площади возвышалась *степень*, помостъ, съ котораго новгородскіе сановники обращались съ рѣчами къ собиравшемуся на вѣчѣ

народу. Близъ стѣпени находилась вѣчевая башня, на которой висѣлъ вѣчевой колоколь, а внизу ея помѣщалась вѣчевая канцелярія. Торговая сторона состояла изъ двухъ концовъ: *Плотницкаго* сѣвернѣе и *Славенскаго* южнѣе. Славенскій конецъ получилъ свое названіе отъ древнѣйшаго поселка, вошедшаго въ составъ Новгорода, *Славна*; потому и вся Торговая сторона называлась также *Славенскою*. Городской торгъ и Ярославовъ дворъ находились въ Славенскомъ концѣ. На Софійской сторонѣ, тотчасъ по переходѣ черезъ волховскій мостъ, находился *Отъинецъ*, обнесенное стѣною мѣсто, гдѣ стоялъ соборный храмъ св. Софіи. Софійская сторона дѣлилась на три конца: *Неревскій* къ сѣверу, *Загородскій* къ западу и *Гончарскій* или *Людинъ* къ югу, ближе къ озеру. Названія концовъ Гончарскаго и Плотницкаго указываютъ на ремесленный характеръ древнихъ слободъ, изъ которыхъ образовались концы Новгорода. Не даромъ киевляне въ XI в. бранили Новгородцевъ презрительной кличкой плотниковъ. За валомъ и рвомъ, опоясывавшими всѣ пять концовъ, разсѣяны были составлявшіе продолженіе города многочисленные посады и слободы монастырей, цѣпью окаймлявшихъ Новгородъ. О населенности Новгорода можно приблизительно судить по тому, что въ сгорѣвшей въ 1211 г. части города числилось 4300 дворовъ.

Новгородъ со своими пятью концами былъ политическимъ средоточіемъ обширной территоріи, къ нему тянувшей. Эта территорія состояла изъ частей двухъ разрядовъ: изъ *пятины* и *волостей*; совокупность тѣхъ и другихъ составляла область или землю св. Софіи. Пятины были слѣдующія: на СЗ отъ Новгорода между рѣками Волховомъ и Лугой простиралась по направленію къ Финскому заливу пятина *Вотская*, получившая свое названіе отъ обитавшаго здѣсь финскаго племени *Води* или *Воти*; на СВ справа отъ

Волкова шла далеко къ Бѣлому морю по обѣ стороны Онежскаго озера пятина *Обонежская*; къ ЮВ между рѣками Мстою и Ловатью простиралась пятина *Деревская*; къ ЮЗ между рѣками Ловатью и Лугой, по обѣ стороны рѣки Шелони, шла *Шелонская* пятина; на отлетѣ за пятнами Обонежской и Деревской простиралась далеко на В и ЮВ пятина *Бѣжецкая*, получившая свое названіе отъ селенія Бѣжичей, бывшаго нѣкогда однимъ изъ ея административныхъ средоточій (въ нынѣшней Тверской губерніи). Эта пятина захватывала сѣверную часть нынѣшней Тверской губерніи, западную Ярославской и юговосточный уголъ Новгородской. Это пятинное дѣленіе Новгородской области появляется уже въ актахъ московскаго времени, съ конца XV в., но неизвѣстно по памятникамъ вольнаго Новгорода. По этимъ памятникамъ Новгородская область изстари дѣлилась на округа, носившіе одинаковыя названія съ пятнами; только они звались не пятнами, а *землями*, въ XII в. *рядами*: *Вотская* земля, *Обонежскій* и *Бѣжецкій* рядъ или просто *Шелонь*, *Дерева*. Неясный слѣдъ пятиннаго или соотвѣтственнаго ему дѣленія лѣтъ за 50 до паденія Новгорода находимъ и въ житіи преп. Варлаама Важскаго, составленномъ въ концѣ XVI в., гдѣ читаемъ: «бысть тогда (около 1426 г.) В. Новградъ по жребіямъ раздѣленъ, аже нарицаются *пятины*». Вѣроятно, Москва не любя ломать мѣстную старину, удержала и въ Новгородѣ готовое областное дѣленіе. Особенностью пятиннаго дѣленія Новгородской области было то, что всѣ пятинны, кромѣ Бѣжецкой, начинались вполнѣ у самаго Новгорода или, какъ Деревская, недалеко отъ него и въ видѣ расширяющихся радиальныхъ полосъ бѣжали во всѣ стороны. Такъ Деревницкій погостъ Обонежской пятинны находился въ двухъ верстахъ отъ Новгорода, а погостъ Спасскій той же пятинны

въ 700 верстахъ на Выго-озерѣ около Бѣлаго моря. Только въ Бѣжецкой пятинѣ по книгамъ XVI в. ближайшій погостъ находился отъ Новгорода въ 100 верстахъ. Это наводитъ на мысль, что округа, рано или поздно получившіе названіе пятинъ, состояли изъ древнѣйшихъ и ближайшихъ къ Новгороду владѣній и потомъ постепенно расширились.

Волости. Владѣнія, болѣе отдаленныя и позднѣе прибрѣтенныя, не вошли въ пятинное дѣленіе и образовали рядъ *волостей*, находившихся на особомъ положеніи. Такъ города Волокъ-Ламскій, Бѣжичи, Торжокъ, Ржева, Великія Луки со своими округами не принадлежали ни къ какой пятинѣ. Въ положеніи этихъ городовъ была та особенность, что они состояли въ совмѣстномъ владѣніи у Новгорода— первые три съ великими князьями владимірскими и потомъ московскими, а послѣдніе два съ князьями смоленскими и потомъ литовскими, когда Смоленскъ былъ захваченъ Литвой. За пятинами Обонежской и Бѣжецкой простиралась на СВ волость *Заволочье* или *Двинская земля*. Она называлась Заволочьемъ, потому что находилась за *волокомъ*, обширнымъ водораздѣломъ, отдѣляющимъ бассейны Онеги и Сѣверной Двины отъ бассейна Волги. Теченіемъ рѣки Вычегды съ ея притоками опредѣлялось положеніе *Пермской земли*. За Двинской землей и Пермью далѣе къ сѣверовостоку находились волость *Печора* по обѣимъ сторонамъ рѣки этого имени, а по ту сторону сѣвернаго Уральскаго хребта волость *Югра*. На сѣверномъ берегу Бѣлаго моря была волость *Тре* или *Терскій берегъ*. Таковы были главныя волости новгородскія, не входившія въ пятинное дѣленіе. Онѣ рано прибрѣтены были Новгородомъ: такъ уже въ XI в. новгородцы ходили собирать дань за Двину на Печору, а въ XII в. на Терскій берегъ. Новгородская территорія расширялась преимущественно по-

средствомъ военно-промышленной колонизаціи. Въ Новгородѣ составлялись компаніи вооруженныхъ промышленниковъ, которые направлялись по рѣкамъ въ разныя стороны отъ города, чаще всего на финскій сѣверовостокъ, основывали тамъ поселенія, облагали данью покоренныхъ туземцевъ и заводили лѣсные и другіе промыслы.

Теперь изучимъ условія и ходъ развитія новгородской вольности. Въ началѣ нашей исторіи Новгородская земля по устройству своему была совершенно похожа на другія области Русской земли. Точно такъ же и отношенія Новгорода къ князьямъ мало отличались отъ тѣхъ, въ какихъ стояли другіе старшіе города областей. На Новгородѣ съ тѣхъ поръ, какъ первые князья покинули его для Кіева, наложена была дань въ пользу великаго князя кіевского. По смерти Ярослава Новгородская земля присоединена была къ великому княжеству Кіевскому и великій князь обыкновенно посылалъ туда для управленія своего сына или ближайшаго родственника, назначая въ помощники ему посадника. До второй четверти XII в. въ бытѣ Новгородской земли не замѣтно никакихъ политическихъ особенностей, которыя выдѣляли бы ее изъ ряда другихъ областей Русской земли; только впоследствии новгородцы въ договорахъ съ князьями ссылались на грамоты Ярослава I, по которымъ они платили дань великимъ князьямъ. Это было письменное опредѣленіе финансовыхъ отношеній, которыя въ другихъ старшихъ городахъ устанавливались устными договорами князей съ вѣчемъ. Но со смерти Владиміра Мономаха новгородцы все успѣшнѣе приобрѣтаютъ преимущества, ставшія основаніемъ новгородской вольности. Успѣшному развитію этого политическаго обособленія Новгородской земли помогали различныя условія, которыя нигдѣ, ни въ какой другой русской области не приходили въ такое своеобразное сочетаніе, въ какомъ

Развитіе
новгород-
ской воль-
ности.

они дѣйствовали въ судьбѣ Новгорода. Одни изъ этихъ условій были связаны съ географическимъ положеніемъ края, другія вышли изъ исторической обстановки, въ какой жилъ Новгородъ, изъ внѣшнихъ его отношеній. Укажу сперва географическія условія. 1) Новгородъ былъ политическимъ средоточіемъ края, составлявшаго отдаленный сѣверо-западный уголь тогдашней Руси. Это отдаленное положеніе Новгорода ставило его внѣ круга русскихъ земель, бывшихъ главной ареной дѣятельности князей и ихъ дружинъ. Это освобождало Новгородъ отъ непосредственнаго давленія со стороны князя и его дружины и позволяло новгородскому быту развиваться свободнѣе, на большемъ просторѣ. 2) Новгородъ былъ экономическимъ средоточіемъ края, наполненнаго лѣсами и болотами, въ которомъ хлѣбопашество никогда не могло стать основаніемъ народнаго хозяйства. Наконецъ 3) Новгородъ лежитъ близко къ главнымъ рѣчнымъ бассейнамъ нашей равнины, къ Волгѣ, Днѣпру и Западной Двинѣ, а Волховъ соединяетъ его прямымъ воднымъ путемъ съ Финскимъ заливомъ и Балтійскимъ моремъ. Благодаря этой близости къ большимъ торговымъ дорогамъ Руси Новгородъ рано втянулся въ разносторонніе торговые обороты. Такимъ образомъ промышленность и торговля стали основаніемъ мѣстнаго народнаго хозяйства. Столь же благоприятно для развитія новгородской вольности складывались и внѣшнія отношенія. Въ XII в. усобицы князей уронили княжескій авторитетъ. Это давало возможность мѣстнымъ земскимъ мірамъ свободнѣе опредѣлять свои отношенія къ князьямъ. Новгородъ шире всѣхъ воспользовался этой выгодой. Ставъ на окраинѣ Руси, съ нѣсколькихъ сторонъ окруженный враждебными инородцами и притомъ занимаясь преимущественно внѣшней торговлей, Новгородъ всегда нуждался въ князѣ и его боевой дружинѣ для обороны своихъ границъ

и торговых путей. Но именно въ XII в., когда запутавшіеся княжескіе счеты уронили княжескій авторитетъ, Новгородъ нуждался въ князѣ и его дружинѣ гораздо менѣе, чѣмъ нуждался прежде и чѣмъ сталъ нуждаться потомъ. Потому на новгородской границѣ стали два опасныхъ врага, Ливонскій орденъ и объединенная Литва. Въ XII в. еще не грозила ни та, ни другая опасность: Ливонскій орденъ основался въ самомъ началѣ XIII в., а Литва стала объединяться съ конца этого столѣтія. Совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ этихъ благоприятныхъ условій опредѣлились и отношенія Новгорода къ князьямъ, и устройство его управленія, и его общественный складъ, и наконецъ характеръ его политической жизни. Съ этихъ четырехъ сторонъ мы и рассмотримъ исторію города.

Въ X и XI вв. князья еще очень мало дорожили Новгородской землей: ихъ интересы были привязаны къ южной Руси. Когда Святославъ, собираясь во второй болгарскій походъ, сталъ дѣлить Русскую землю между своими сыновьями, къ нему пришли и новгородцы просить князя. Святославъ, по лѣтописи, сказалъ имъ: «да пойдетъ ли кто къ вамъ?» Это пренебреженіе къ отдаленному отъ Кіева городу было одною изъ причинъ, почему Новгородъ не сдѣлался достояніемъ ни одной вѣтви Ярославова племени, хотя новгородцы, тяготясь частыми смѣнами своихъ нѣзжихъ князей, много хлопотали о приобрѣтеніи постоянного князя. Другою причиною было то, что Новгородская область по смерти Ярослава не образуетъ особаго княженія, а служитъ придаткомъ къ великому княженію Кіевскому и раздѣляетъ превратности судебъ этого княжества, считавшагося общимъ достояніемъ Ярославичей. Позднѣе князья стали обращать больше вниманія на богатый городъ. Но тотчасъ послѣ смерти Мономаха, какъ только упала его тяжелая рука, обстоятельства помогли Новгороду дебиться важныхъ политиче-

Гарантии
вѣрности.

скихъ льготъ. Княжескія усобицы сопровождались частыми смѣнами князей на новгородскомъ столѣ. Пользуясь этими усобицами и смѣнами, новгородцы внесли въ свой политическій строй два важныя начала, ставшія гарантіями ихъ вольности: избирательность высшей администраціи и *рядъ*, т. е. договоръ съ князьями. Частыя смѣны князей въ Новгородѣ сопровождались перемѣнами и въ личномъ составѣ новгородской администраціи. Князь правилъ въ Новгородѣ при содѣйствіи назначаемыхъ имъ или великимъ княземъ кievскимъ помощниковъ, посадника и тысяцкаго. Когда князь покидалъ городъ добровольно или по неволѣ, и назначенный имъ посадникъ обыкновенно слагалъ съ себя должность, потому что новый князь приводилъ или назначалъ своего посадника. Но въ промежутокъ между двумя княженіями новгородцы, оставаясь безъ высшаго правительства, привыкали выбирать на-время исправляющаго должность посадника и требовать отъ новаго князя утвержденія его въ должности. Такъ самымъ ходомъ дѣлъ завелся въ Новгородѣ обычай выбирать посадника. Этотъ обычай начинаетъ дѣйствовать тотчасъ послѣ смерти Мономаха, когда, по разсказу лѣтописи, въ 1126 г. новгородцы «дали посадничество» одному изъ своихъ согражданъ. Послѣ выборъ посадника сталъ постояннымъ правомъ, которымъ очень дорожили новгородцы. Понятна перемѣна въ самомъ характерѣ этой должности, происшедшая вслѣдствіе того, что она давалась не на княжескомъ дворѣ, а на вѣчевой площади. Изъ представителя и блюстителя интересовъ князя предъ Новгородомъ посадникъ долженъ былъ превратиться въ представителя и блюстителя интересовъ Новгорода предъ княземъ. Послѣ и другая важная должность тысяцкаго также стала выборной. Въ новгородскомъ управленіи важное значеніе имѣлъ мѣстный епископъ. До половины XII в. его рукополагалъ рус-

скій митрополитъ съ соборомъ епископовъ въ Киевѣ, слѣдовательно подь вліяніемъ великаго князя. Но со второй половины XII в. новгородцы начали выбирать изъ мѣстнаго духовенства и своего владыку, собираясь «всѣмъ городомъ» на вѣче и посылая избраннаго въ Киевъ къ митрополиту для рукоположенія. Первымъ такимъ выборнымъ епископомъ былъ игуменъ одного изъ мѣстныхъ монастырей Аркадій, избранный новгородцами въ 1156 г. Съ тѣхъ поръ за кievскимъ митрополитомъ осталось лишь право рукополагать присланнаго изъ Новгорода кандидата. Такъ во второй и третьей четверти XII в. высшая новгородская администрація стала выборной. Въ то же время новгородцы начали точнѣе опредѣлять и свои отношенія къ князьямъ. Усобицы князей давали Новгороду возможность и приучали его выбирать между князьями соперниками и налагать на выбраннаго князя извѣстныя обязательства, стѣснявшія его власть. Сами князья поддерживали эту привычку. Въмѣстѣ съ успѣхами самоуправленія общественная жизнь Новгорода принимала все болѣе безпокойное, шумное теченіе и дѣлала положеніе новгородскаго князя все менѣе прочнымъ, такъ что князья иногда сами отказывались править своевольнымъ городомъ, даже тайкомъ ночью бѣгали изъ него. Одинъ князь въ XII в. сказалъ другому, позванному править на Волховѣ: «не хлопчи о Новгородѣ; пусть управляются сами, какъ умѣютъ, и ищутъ себѣ князя, гдѣ хотятъ». Всеволодъ III, безцеремонно нарушавшій всѣ вольности, пріобрѣтенныя Новгородомъ, иногда позволялъ имъ выбирать князя по своей волѣ, а въ 1196 г. онъ и другіе князья дали Новгороду свободу: «гдѣ имъ любо, ту собѣ князя поймають», берутъ князя изъ какой имъ угодно княжеской линіи.

Новгородскими *рядами*, въ которыхъ излагались при-^{Договоры съ князьями.}говоры съ князьями, выбраннмъ княземъ обязательства, и опредѣля-

лось его значеніе въ мѣстномъ управленіи. Неясныя слѣды такихъ договоровъ, скрѣплявшихся крестнымъ цѣлованіемъ со стороны князя, появляются уже въ первой половинѣ XII вѣка. Позднѣе они яснѣе обозначаются въ разсказѣ лѣтописца. Въ 1209 г. новгородцы усердно помогали великому князю Всеволоду суздальскому въ его походѣ на Рязанскую землю. Въ награду за это Всеволодъ сказалъ новгородцамъ: «любите, кто вамъ добръ, и казните злыхъ». При этомъ, добавляеть лѣтописецъ, Всеволодъ далъ новгородцамъ «всю волю и уставы старыхъ князей, чего они хотѣли». Итакъ Всеволодъ возстановилъ какіе-то старые уставы князей, обезпечивавшіе права новгородцевъ, и предоставилъ городу судебную власть въ извѣстныхъ дѣлахъ, точнѣе, право самовольной расправы съ неугодными согражданами. Въ 1218 г. изъ Новгорода ушелъ правившій имъ Мстиславъ Мстиславичъ Удалой, князь торопецкій. На мѣсто его прибылъ его смоленскій родичъ Святославъ Мстиславичъ. Этотъ князь потребовалъ смѣны выборнаго новгородскаго посадника Твердислава. «А за что, спросили новгородцы, какая его вина?»— «Такъ, безъ вины», отвѣчалъ князь. Тогда Твердиславъ сказалъ, обращаясь къ вѣчу: «радъ я, что нѣтъ на мнѣ вины, а вы, братья, и въ посадникахъ, и въ князьяхъ вольны». Тогда вѣче сказало князю: «вотъ ты лишаешь мужа должности, а вѣдь ты намъ крестъ цѣловалъ безъ вины мужа должности не лишать». Итакъ уже въ началѣ XIII в. князья крестнымъ цѣлованіемъ скрѣпляли извѣстныя права новгородцевъ. Условіе не лишать новгородскаго сановника должности безъ вины, т. е. безъ суда, является въ позднѣйшихъ договорахъ однимъ изъ главныхъ обезпеченій новгородской вольности.

Льготы, которыхъ добились новгородцы, излагались въ договорныхъ грамотахъ. Первые договорныя грамоты, въ

вторыхъ излагались политическія льготы Новгорода, дошли до насъ отъ второй половины XIII в. Ихъ три: онѣ содержатъ въ себѣ условія, на которыхъ правилъ Новгородскою землею Ярославъ Ярославичъ тверской. Двѣ изъ нихъ написаны въ 1265 г. и одна въ 1270 г. Позднѣйшія договорныя грамоты съ нѣкоторыми измѣненіями и прибавками повторяютъ условія этихъ договоровъ съ Ярославомъ. Изучая ихъ, мы видимъ основанія политическаго устройства Новгорода, главныя условія его вольности. Здѣсь новгородцы обязываютъ князя цѣловать крестъ, на чемъ цѣловали дѣды и отцы и его отецъ Ярославъ. Главное общее обязательство, падавшее на князя, состояло въ томъ, чтобы онъ правилъ, «держалъ Новгородъ въ старинѣ по пошлинѣ», по старому обычаю. Значить, условія, изложенныя въ грамотахъ Ярослава, были не нововведеніемъ, а завѣтомъ старины. Договоры опредѣляли: 1) судебно-административныя отношенія князя къ городу, 2) финансовыя отношенія города къ князю, 3) отношенія князя къ новгородской торговлѣ.

Князь былъ въ Новгородѣ высшей правительственной и судебной властью, руководилъ управленіемъ и судомъ, опредѣлялъ частныя гражданскія отношенія согласно съ мѣстнымъ обычаемъ и закономъ, скрѣплялъ сдѣлки и утверждалъ въ правахъ. Но всѣ эти судебныя и административныя дѣйствія онъ совершалъ не одинъ и не по личному усмотрѣнію, а въ присутствіи и съ согласія выборнаго новгородскаго посадника: «безъ посадника ти, княже. суда не судити, ни волостей раздавати, ни грамоть ти даяти». На низшія должности, замѣщаемыя не по вѣчевому выбору, а по княжескому назначенію, князь избиралъ людей изъ новгородскаго общества, а не изъ своей дружины. Всѣ такія должности, «волости», раздавалъ онъ съ согласія посадника. Князь не могъ отнять безъ суда должности у выборнаго или назна-

Князь въ управленіи и судѣ.

ченнаго на нее лица. Всѣ судебныя и правительственныя дѣйствія совершалъ онъ лично въ Новгородѣ и ничѣмъ не могъ распоряжаться съ Низу, изъ Суздальской земли, находясь въ своей вотчинѣ. «А изъ Суздальской ти земли Новагорода не рядити, ни волостей ти не роздавати». Такъ вся судебная и правительственная дѣятельность князя шла подъ постояннымъ и бдительнымъ надзоромъ новгородскаго представителя.

Финансовыя
отношенія.

Съ мелочной подозрительностью опредѣляли новгородцы свои финансовыя отношенія къ князю, его доходы, стараясь въ этомъ отношеніи возможно крѣпче связать ему руки. Князь получалъ «даръ» съ новгородскихъ волостей, не входившихъ въ составъ древнѣйшихъ коренныхъ владѣній Новгорода, каковы Волокъ, Торжокъ, Вологда, Заволочье и др. Сверхъ того онъ получалъ еще даръ отъ новгородцевъ, ѣдучи въ Новгородъ, по станціямъ, но не получалъ его, уѣзжая изъ Новгородской земли. Боясь отпаденія или захвата Заволочья, новгородцы старались не допускать прямыхъ сношеній князя съ этой обширной и важной для нихъ волостью и требовали въ договорахъ, чтобы князь отдавалъ свои заволочскіе сборы на откупъ новгородцамъ. Если же онъ самъ хотѣлъ собирать ихъ, то посылалъ бы въ Заволочье своего сборщика изъ Новгорода и этотъ сборщикъ не отвозилъ бы собранную дань прямо на Низъ, т. е. въ Суздальскую землю, въ вотчину князя, а завозилъ бы напередъ въ Новгородъ, откуда она и передавалась князю: такъ Новгородъ получалъ возможность контролировать эту операцію. Послѣ татарскаго нашествія и на Новгородъ былъ наложенъ ордынскій *выгодъ*, дань. Татары поручали сборъ этого выхода, названнаго *чернымъ боромъ*, т. е. повальнымъ, поголовнымъ налогомъ, великому князю владимірскому, который обыкновенно привилъ и Новгородомъ. Новгородцы сами собирали черный

боръ и передавали его великому князю, который доставлялъ его въ Орду. Кромѣ того князь пользовался въ Новгородской землѣ судными и проѣзжими пошлинами и разными рыбными ловлями, сѣнокосами, бортями, звѣриными гонами; но всѣми этими доходами и угодами онъ пользовался по правиламъ, точно опредѣленнымъ, въ урочное время и въ условныхъ размѣрахъ. Князь по договорамъ не могъ имѣть въ Новгородской землѣ своихъ источниковъ дохода, независимыхъ отъ Новгорода. Новгородцы всего болѣе старались помѣшать князю завязать непосредственныя юридическія и хозяйственныя связи въ Новгородской землѣ, которыя шли бы помимо выборныхъ новгородскихъ властей и давали бы князю возможность пустить здѣсь прочныя корни. Въ договорныхъ грамотахъ особымъ условіемъ запрещалось князю съ его княгиней, боярами и дворянами приобрѣтать или заводить села и слободы въ Новгородской землѣ и принимать людей въ закладъ, т. е. въ личную зависимость.

Съ такою же точностью были опредѣлены отношенія князя и къ новгородской торговлѣ. Торговля внутренняя и внѣшняя была жизненнымъ нервомъ города. Князь нуженъ былъ Новгороду не только для обороны границъ, но и для обезпеченія торговыхъ его интересовъ: онъ долженъ былъ давать въ своемъ княжествѣ свободный и безопасный путь новгородскимъ купцамъ. Князь обязывался пускать ихъ въ свои владѣнія «гостить безъ рубежа», безъ задержки. Было точно опредѣлено, какія пошлыны взимать князю съ каждой новгородской ладьи или торговаго воза, явившихся въ его княжество. Въ Новгородѣ рано появляются заморскіе купцы съ Запада. Около половины XII в. здѣсь основались купцы съ острова Готланда изъ г. Виоби, который былъ тогда средоточіемъ торговли по балтійскимъ берегамъ. Готландцы построили въ Новгородѣ на Торговой сторонѣ у торговаго двора

Отношеніе
къ торго-
влѣ.

съ церковью скандинавскаго святого Олафа, съ «варяжскою божицей», какъ ее называли новгородцы. Потомъ купцы изъ нѣмецкихъ городовъ, составлявшіе торговое общество на томъ же Готландѣ, построили въ той же части Новгорода другой дворъ, на которомъ въ 1184 г. поставлена была «нѣмецкая ропата», церковь св. Петра. Съ усиленіемъ Ганзы въ XIV в. нѣмцы въ Новгородѣ вытѣснили готовъ и стали нанимать ихъ новгородскій дворъ, и тогда высшее руководство нѣмецкой торговлей въ Новгородѣ перешло отъ Висби къ Любеку, главѣ ганзейскаго союза. Новгородцы очень дорожили своей балтійской торговлей и давали большія льготы обѣимъ иноземнымъ конторамъ, хотя при корпоративной сплоченности и разсчитанномъ порядкѣ веденія дѣлъ заморскія торговыя компаніи извлекали изъ Новгорода несравненно больше выгодъ, чѣмъ умѣли извлечь Новгородъ изъ нихъ. По договорнымъ грамотамъ князь могъ участвовать въ торговлѣ города съ заморскими купцами только чрезъ новгородскихъ посредниковъ; онъ не могъ затворять нѣмецкаго торговаго двора, ни ставить къ нему своихъ приставовъ. Такимъ образомъ новгородская внѣшняя торговля была ограждена отъ произвола со стороны князя.

Неполнота
договор-
ныхъ гра-
мотъ.

Нельзя сказать, чтобы въ изложенныхъ договорныхъ грамотахъ дѣйствительныя отношенія князя къ Новгороду были опредѣлены полно и всесторонне. Одна изъ главнѣйшихъ цѣлей, если не самая главная, для чего нуженъ былъ князь Новгороду, это—защита отъ внѣшнихъ враговъ, а объ этомъ въ договорѣ съ Ярославомъ тверскимъ нѣтъ ни слова и лишь въ позднѣйшихъ говорится мимоходомъ, что въ случаѣ размирья съ нѣмцами, Литвой или съ какой другой землей князь обязанъ пособлять Новгороду безъ хитрости. Значеніе князя по договорамъ неясно, потому что неясно его назначеніе, выразившееся въ его правахъ и обя-

занностяхъ. Но права и обязанности князя въ грамотахъ не излагаются прямо, а лишь предполагаются; грамоты формулируютъ только границы правъ и слѣдствія обязанностей т. е. способы вознагражденія за ихъ исполненіе, *корма* за боевыя и правительственныя услуги князя. Въ недобѣрчивомъ, скрупулезно-детальномъ развѣсѣ кормовыхъ статей и состоитъ основное содержаніе новгородскихъ договоровъ съ князьями. Припомнимъ значеніе князя, вождя дружины, въ старинныхъ торговыхъ городахъ Руси IX в. Это былъ наемный военный сторожъ города и его торговли. Точно такое же значеніе сохранялъ для Новгорода и князь удѣльнаго времени. Это значеніе князя выражено въ псковской лѣтописи, которая одного новгородскаго князя XV в. называетъ «воеводой, княземъ *кормленнымъ*, о комъ было имъ стояти и боронитися». Значеніе князя, какъ наемника, новгородцы, вѣрные своей старинѣ-пошлинѣ, старались поддерживать договорами до конца своей вольности. Такъ смотрѣли на князя ихъ отцы и дѣды; иначе не хотѣли или не умѣли посмотреть на него дѣти и внуки. Но такой старообразный взглядъ Новгорода на князя удѣльнаго времени, какъ увидимъ, совсѣмъ не сходился со взглядомъ тогдашняго князя на Новгородъ.

Переходимъ къ устройству новгородскаго управленія и Управленіе
Новгорода в. суда. Они строились въ связи съ опредѣленіемъ отношеній вольнаго города къ князю. Эти отношенія, видѣли мы, опредѣлялись договорами; но договорами опредѣлялись еще въ XII в. и отношенія другихъ старшихъ городовъ на Руси къ князьямъ. Слѣдовательно Новгородъ въ удѣльные вѣка развивалъ лишь порядокъ политическихъ отношеній, какой завязывался всюду на Руси гораздо раньше; но этотъ порядокъ прежде времени погибъ въ остальныхъ областяхъ, а въ Новгородѣ имѣлъ время развиться въ сложную систему

правительственныхъ учреждений. Въ этомъ и сходство его съ волостными городами Киевской Руси, и вмѣстѣ отличіе отъ нихъ. Разсмотримъ основанія этой системы.

Новгородъ—
государственная
союзная
община.

У Новгорода не было *своихъ* постоянныхъ князей. По идеѣ общее достояніе княжескаго рода, владѣемое по очереди старшими его представителями, великими князьями, онъ сталъ ничьимъ на дѣлѣ. Выбирая князей по произволу на условіяхъ найма и корма, онъ былъ всею чужой и все князья были ему чужіе. По мѣрѣ того, какъ устанавливались у него договорныя отношенія къ князьямъ, новгородскій князь постепенно выступалъ изъ состава мѣстнаго общества, теряя органическія связи съ нимъ. Онъ со своей дружиной входилъ въ это общество лишь механически, какъ сторонняя временная сила. Онъ и жилъ внѣ города, на *Городищѣ*, какъ называлось его подворье. Благодаря тому политическій центр тяжести въ Новгородѣ долженъ былъ съ княжескаго двора перемѣститься въ среду мѣстнаго общества, на вѣчевую площадь. Вотъ почему, несмотря на присутствіе князя, Новгородъ въ удѣльные вѣка былъ собственно державной общиной. Далѣе, въ Новгородѣ мы встрѣчаемъ то же военное устройство, какое еще до князей сложилось изъ другихъ старшихъ городахъ Руси. Новгородъ составлялъ *тысячу*, вооруженный полкъ подъ командой тысяцкаго. Эта тысяча дѣлилась на *сотни*, военныя части города. Каждая сотня со своимъ выборнымъ сотскимъ представляла особое общество, пользовавшееся извѣстной долей самоуправленія, имѣвшее свой сходъ, свое вѣче. Въ военное время это былъ рекрутскій округъ, въ мирное—округъ полицейскій. Но сотня не была самой мелкой административной частью города: она подраздѣлялась на *улицы*, изъ которыхъ каждая со своимъ выборнымъ *улицскимъ* старостой составляла также особый мѣстный міръ, пользовавшийся самоуправленіемъ. Съ другой

стороны, сотни складывались въ болѣе крупныя союзы, *концы*. Каждый городской конецъ состоялъ изъ двухъ сотенъ. Во главѣ конца стоялъ выборный *кончанскій* староста, который велъ текущія дѣла конца. Но онъ правилъ концомъ не одинъ, а при содѣйствіи коллегіи знатныхъ обывателей конца, которая составляла кончанскую управу. Эта управа была исполнительнымъ учрежденіемъ, дѣйствовавшимъ подъ надзоромъ кончанскаго вѣча, имѣвшаго распорядительную власть. Союзъ концовъ и составлялъ общину Великаго Новгорода. Такимъ образомъ Новгородъ представлялъ многостепенное соединеніе мелкихъ и крупныхъ мѣстныхъ міровъ, изъ которыхъ большіе составлялись сложеніемъ меньшихъ.

Совокупная воля всѣхъ этихъ союзныхъ міровъ выра-^{вѣче и его отношеніе къ князю.}жалась въ общемъ вѣчѣ города. По происхожденію своему новгородское вѣче было городскимъ собраніемъ, совершенно однороднымъ со сходами другихъ старшихъ городовъ Руси. Можно было бы предполагать, что большій политическій просторъ позволялъ новгородскому вѣчу сложиться въ болѣе выработанныя формы. Однако въ разсказахъ древней новгородской лѣтописи вѣче благодаря этому простору является только болѣе шумнымъ и произвольнымъ, чѣмъ гдѣ-либо. Въ устройствѣ его до конца вольности города оставались важныя пробѣлы. Вѣче созывали иногда князь, чаще который-нибудь изъ главныхъ городскихъ сановниковъ, посадникъ или тысяцкій. Впрочемъ иногда, особенно во время борьбы партій, вѣче созывали и частныя лица. Оно не было постоянно дѣйствующимъ учрежденіемъ, созывалось, только когда являлась въ немъ надобность. Никогда не было установлено постоянного срока для его созыва. Вѣче собиралось по звуку вѣчевого колокола. Звукъ этого колокола новгородское ую хорошо отличало отъ звона церковныхъ колоколовъ. Вѣче собиралось обыкновенно на площади, называвшейся Яро-

славовымъ дворомъ. Обычнымъ вѣчевымъ мѣстомъ для выбора новгородскаго владыки была площадь у Софійскаго собора, на престолѣ котораго клали избирательные жеребьи. Вѣче не было по составу своему представительнымъ учрежденіемъ, не состояло изъ депутатовъ: на вѣчевую площадь бѣжалъ всякій, кто считалъ себя полноправнымъ гражданиномъ. Вѣче обыкновенно состояло изъ гражданъ одного старшаго города; но иногда на немъ являлись и жители младшихъ городовъ земли, впрочемъ только двухъ, Ладоги и Пскова. Это были или пригородскіе депутаты, которыхъ посылали въ Новгородъ, когда на вѣчѣ возникалъ вопросъ, касавшійся того или другого пригорода, или случайные посѣтители Новгорода изъ пригорожанъ, приглашенные на вѣче. Въ 1384 г. пригорожане Орѣхова и Корелы прибыли въ Новгородъ жаловаться на посаженнаго у нихъ новгородцами кормленника, литовскаго князя Патрикія. Собрались два вѣча, одно за князя, другое за пригорожанъ. Это было, очевидно, обращеніе обижаемыхъ провинціаловъ за управой къ державной столицѣ, а не участіе ихъ въ законодательной или судебной власти вѣча. Вопросы, подлежащіе обсужденію вѣча, предлагались ему со *степени* княземъ или высшими сановниками, степеннымъ посадникомъ либо тысяцкимъ. Вѣче вѣдало всю область законодательства, всѣ вопросы внѣшней политики и внутренняго устройства, а также судъ по политическимъ и другимъ важнѣйшимъ преступленіямъ, соединеннымъ съ наиболѣе тяжкими наказаніями, лишеніемъ жизни или конфискаціей имущества и изгнаніемъ (*потомъ* и *разграбленіе* Русской Правды). Вѣче постановляло новые законы, приглашало князя или изгоняло его, выбирало и судило главныхъ городскихъ сановниковъ, разбирало ихъ споры съ княземъ, рѣшало вопросы о войнѣ и мирѣ и т. п. Въ законодательной дѣятельности вѣча принималъ участіе и князь;

но здѣсь въ компетенціи обѣихъ властей трудно провести раздѣльную черту между правомѣрными и фактическими отношеніями. По договорамъ князь не могъ замышлять войны «безъ новгородскаго слова»; но не встрѣчаемъ условія, чтобы Новгородъ не замышлялъ войны безъ княжескаго согласія, хотя внѣшняя оборона страны была главнымъ дѣломъ новгородскаго князя. По договорамъ князь не могъ безъ посадника раздавать доходныхъ должностей, *волостей и кормленій*, а на дѣлѣ бывало, что вѣче давало кормленія безъ участія князя. Точно также князь не могъ отнимать должностей «безъ вины», а вину должностнаго лица онъ обязанъ былъ объявить на вѣчѣ, которое тогда производило дисциплинарный судъ надъ обвиняемымъ. Но иногда роли обвинителя и судьи мѣнялись: вѣче привлекало на судъ предъ княземъ неудобнаго областного кормленщика. По договорамъ князь не могъ безъ посадника давать грамоты, утверждавшихъ права должностныхъ или частныхъ лицъ; но нерѣдко такія грамоты исходили отъ вѣча помимо князя и даже безъ его имени и только рѣшительнымъ пораженіемъ новгородской рати Василій Темный заставилъ новгородцевъ въ 1456 г. отказаться отъ «вѣчныхъ грамотъ».

На вѣчѣ по самому его составу не могло быть ни прав-^{Анархиче- скій харак- теръ вѣча.}ильнаго обсужденія вопроса, ни правильнаго голосованія. Рѣшеніе составлялось на глазъ, лучше сказать, на слухъ, скорѣе по силѣ криковъ, чѣмъ по большинству голосовъ. Когда вѣче раздѣлялось на партіи, приговоръ вырабатывался насильственнымъ способомъ, посредствомъ драки: ославившая сторона и признавалась большинствомъ. Это была своеобразная форма *поля*, суда Божія, какъ обрасываніе съ волховскаго моста осужденныхъ вѣчевымъ приговоромъ было пережиточной формой древняго испытанія водой. Иногда весь городъ «раздирался» между боровшимися партіями и

тогда собирались одновременно два вѣча, одно на обычномъ мѣстѣ, на Торговой сторонѣ, другое на Софійской; но это были уже мятежныя междоусобныя сборища, а не нормальныя вѣча. Случалось не разъ, раздоръ кончался тѣмъ, что оба вѣча, двинувшись другъ противъ друга, сходились на большомъ волховскомъ мосту и начинали побоище, если духовенство вовремя не успѣвало разнять противниковъ. Такое значеніе волховскаго моста, какъ очевидца городскихъ усобицъ, выразилось въ поэтической формѣ, въ легендѣ, занесенной въ нѣкоторыя русскія лѣтописи и въ записки одного иностранца, бывавшаго въ Россіи въ началѣ XVI в., барона Герберштейна. По его разсказу, когда новгородцы при Владимірѣ Святкомъ сбросили идолъ Перуна въ Волховъ, разсерженный богъ, доплывъ до моста, выкинулъ на него палку со словами: «вотъ вамъ, новгородцы, отъ меня на память». Съ тѣхъ поръ новгородцы въ урочное время сходятся съ палками на волховскомъ мосту и начинаютъ драться, какъ бѣшеные.

Посадникъ
и тысяцкій.

Исполнительными органами вѣча были два высшихъ выборныхъ сановника, которые вели текущія дѣла управленія и суда, *посадникъ и тысяцкій*. Пока они занимали свои должности, они назывались *степенными*, т. е. стоящими на ступени, а покинувъ степенную службу, получали званіе посадниковъ и тысяцкихъ *старыхъ*. Довольно трудно разграничить вѣдомство обоихъ сановниковъ: посадники степенные и старые въ походахъ командуютъ новгородскими полками; тысяцкіе дѣлаютъ одни дѣла съ посадниками. Кажется, посадникъ былъ собственно гражданскимъ управителемъ города, а тысяцкій военнымъ и полицейскимъ; вотъ почему нѣмцы въ удѣльные вѣка называли посадника бургграфомъ, а тысяцкаго герцогомъ. Оба сановника получали свои правительственныя полномочія на неопредѣленное вре-

мя: одни правили годъ, другіе меньше, иные по нѣсколькѣ лѣтъ. Кажется, не раньше XV в. установился постоянный срокъ для занятія этихъ должностей. По крайней мѣрѣ одинъ фламандскій путешественникъ Guillebert de Lannoy, посѣтившій Новгородъ въ началѣ XV в., говоритъ о посадникѣ и тысяцкомъ, что эти сановники смѣнялись ежегодно. Посадникъ и тысяцкій правили съ помощью цѣлаго штата подчиненныхъ имъ низшихъ агентовъ, называвшихся *приставами, биргачами, подвойскими, позовниками, изветниками*, которые исполняли разные судебныя и административно-полицейскія распоряженія, объявляли рѣшенія вѣча, призывали къ суду, извѣщали судъ о совершенномъ преступленіи, производили обыски и т. п. Въ пользу посадника и тысяцкаго за ихъ службу шель поземельный налогъ *порагье* (радо—шлугъ).

Кромѣ дѣлъ собственно правительственныхъ посадникъ и тысяцкій принимали дѣятельное участіе въ судопроизводствѣ. Изображеніе новгородскаго суда находимъ въ сохранившейся части Новгородской Судной грамоты, устава, составленнаго и утвержденнаго вѣчемъ въ послѣдніе годы новгородской вольности. Источники ея — «старина», т. е. юридическій обычай и давняя судебная практика Новгорода, постановленія вѣча и договоры съ князьями. Въ новгородскомъ судоустройствѣ прежде всего вниманіе останавливается на обиліи подсудностей. Судъ не сосредоточивался въ особомъ вѣдомствѣ, а былъ распредѣленъ между разными правительственными властями: онъ составлялъ доходную статью, въ которой нуждались всѣ вѣдомства. Былъ свой судъ у новгородскаго владыки, свой у княжескаго намѣстника, у посадника, свой у тысяцкаго. Возникновеніе инстанцій вносило новое осложненіе въ судопроизводство. По договорнымъ грамотамъ князь не могъ судить безъ посадника, и по Судной

Судъ.

грамотѣ посадникъ судить съ намѣстникомъ князя, а безъ намѣстника суда не *кончатъ*, слѣдовательно только начинаетъ его. На практикѣ эта совмѣстная юрисдикція посадника и намѣстника разрѣшалась тѣмъ, что уполномоченные органы того и другого, *тіуны*, каждый отдѣльно разбирали подлежавшія имъ дѣла въ своихъ *одринахъ* или камерахъ при содѣйствіи избранныхъ тяжущимися сторонами двухъ *приставовъ*, засѣдателей, но не рѣшали дѣлъ окончательно, а переносили ихъ въ высшую инстанцію или на *докладъ*, т. е. для составленія окончательнаго рѣшенія, или на *пересудъ*, т. е. на ревизію, для пересмотра дѣла и утвержденія положеннаго *тіуномъ* рѣшенія. Въ судѣ этой докладной и ревизіонной инстанціи съ посадникомъ и намѣстникомъ или съ ихъ *тіунами* сидѣли 10 присяжныхъ засѣдателей, по боярину и житьему отъ каждаго конца. Они составляли постоянную коллегію *докладчиковъ*, какъ они назывались, и собирались на дворѣ новгородскаго архіепископа «во владычнѣ комнатѣ» три раза въ недѣлю подъ страхомъ денежной пени за неявку. Наконецъ судопроизводство усложнялось еще комбинаціями разныхъ юрисдикцій въ смѣнныхъ дѣлахъ, гдѣ встрѣчались стороны различныхъ подсудностей. Въ тяжбѣ церковнаго человѣка съ міряниномъ городской судья судилъ вмѣстѣ съ владычнымъ намѣстникомъ или его *тіуномъ*. Княжескаго человѣка съ новгородцемъ судила на Городищѣ особая коммиссія изъ двухъ бояръ, княжескаго и новгородскаго, и если они не могли согласиться въ рѣшеніи, дѣло докладывалось самому князю, когда онъ пріѣзжалъ въ Новгородъ, въ присутствіи посадника. Тысяцкій повидимому судилъ дѣла преимущественно полицейскаго характера. Но онъ же былъ первымъ изъ трехъ старшинъ въ совѣтѣ, который стоялъ во главѣ возникшаго въ XII в. при церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ купческаго общества и вѣдалъ торговый

судъ. Этотъ же совѣтъ съ участіемъ посадника кстати разбиралъ дѣла между новгородцами и купцами нѣмецкаго двора въ Новгородѣ. Столь заботливо расчлененное судоустройство повидимому прочно обезпечивало право и общественное спокойствіе. Но статьи Судной грамоты объ огромныхъ штрафахъ за грабежи и навады на оспариваемыя земли и за *наводку*, подговоръ толпы къ нападенію на судъ, производять другое впечатлѣніе. Усиленная строгость законодательства въ поддержаніи общественнаго порядка не говоритъ за то, что общество пользуется достаточнымъ порядкомъ .

Вѣче было законодательнымъ учрежденіемъ, посадникъ Совѣтъ го-
сподъ. и тысяцкій—его исполнительными судебно-административными органами. По характеру своему вѣче не могло правильно обсуждать предлагаемые ему вопросы, а тѣмъ менѣ возбуждать ихъ, имѣть законодательный починъ; оно могло только отвѣчать на поставленный вопросъ, отвѣчать простымъ *да* или *нѣтъ*. Нужно было особое учрежденіе, которое предварительно разрабатывало бы законодательные вопросы и предлагало вѣчу готовые проекты законовъ или рѣшеній. Такимъ подготовительнымъ и распорядительнымъ учрежденіемъ былъ новгородскій *совѣтъ господъ*, *Heugenrath*, какъ называли его нѣмцы, или *господа*, какъ онъ назывался въ Псковѣ. Господа вольнаго города развилась изъ древней боярской думы князя съ участіемъ городскихъ старѣйшинъ. Такую думу встрѣчаемъ мы при Владимірѣ Святѣмъ въ Киевѣ. Новгородскіе князья для обсуждения важныхъ вопросовъ въ XII в. приглашали къ себѣ на совѣтъ вмѣстѣ со своими боярами городскихъ сотскихъ и старостъ. По мѣрѣ того, какъ князь терялъ органическія связи съ мѣстнымъ обществомъ, онъ съ боярами былъ постепенно вытѣсненъ изъ мѣстнаго правительственнаго совѣта. Тогда постояннымъ предсѣдателемъ этого совѣта господъ остался мѣстный вла-

дыка-архіепископъ, въ палатахъ котораго онъ и собирався. Новгородскій совѣтъ послѣ того состоялъ изъ княжескаго намѣстника и городскихъ властей: изъ степенныхъ посадника и тысяцкаго, изъ старостъ кончанскихъ и сотскихъ. Но рядомъ со степенными въ совѣтъ сидѣли и старые посадники и тысяцкіе. Частыя смѣны высшихъ сановниковъ подъ вліяніемъ борьбы партій были причиной того, что въ совѣтѣ господъ было всегда много старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ. Вотъ почему новгородскій совѣтъ въ XV в. накануне паденія новгородской вольности состоялъ болѣе чѣмъ изъ 50 членовъ. Всѣ они кромѣ предсѣдателя назывались *боярами*. Совѣтъ, сказали мы, готовилъ и вносилъ на вѣче законодательные вопросы, представлялъ готовые проекты законовъ, не имѣя своего собственнаго голоса въ законодательствѣ; но по характеру социально-политическаго строя Новгорода этотъ совѣтъ на дѣлѣ имѣлъ болѣе важное значеніе. Состоя изъ представителей высшаго новгородскаго класса, имѣвшаго могущественное экономическое вліяніе на весь городъ, этотъ подготовительный совѣтъ часто и предпринималъ вносимые имъ на вѣче вопросы, проводя среди гражданъ подготовленные имъ самимъ отвѣты. Въ исторіи политической жизни Новгорода боярскій совѣтъ имѣлъ гораздо больше значенія, чѣмъ вѣче, бывшее обыкновенно послушнымъ его орудіемъ: это была скрытая, но очень дѣятельная пружина новгородскаго управленія.

Областное
управленіе.

Центральное управленіе и судъ въ Новгородѣ осложнялись двойственностію властей—вѣчевой и княжеской. Въ областномъ управленіи встрѣчаемъ двойственность началъ—централизаціи и мѣстной автономіи. Новгородъ былъ державный городъ, повелѣвавшій обширной территоріей; но онъ предоставлялъ частямъ этой территоріи значительную самостоятельность. При взаимномъ антагонизмѣ этихъ началъ

установилось довольно своеобразное отношеніе областного управленія къ центральному. Сохранились слѣды, впрочемъ ^{Отношеніе пятинъ къ концамъ.} неясныя, указывающіе на то, что коренныя области, вошедшія потомъ въ пятинное дѣленіе Новгородской земли, зависѣли въ управленіи отъ частей Новгорода, между которыми онѣ были расписаны. На эту зависимость указываетъ упомянутый мною баронъ Герберштейнъ; впрочемъ это свидѣтельство очень неясно выражено. Передаю его слова въ возможно близкомъ къ подлиннику изложеніи. Лѣтъ 40 съ чѣмъ-нибудь спустя послѣ паденія Новгорода Герберштейну рассказывали въ Москвѣ, что нѣкогда, во времена своей вольности, этотъ городъ имѣлъ обширную область, раздѣленную на пять частей; каждая изъ этихъ частей не только относилась во всѣхъ общественныхъ и частныхъ дѣлахъ къ подлежащему начальству своей части (*quaequam quaelibet pars non solum de publicis ac privatis rebus cognoscendis ad ordinatum ac competentem suae partis magistratum referebat*), но и сдѣлки съ согражданами каждый могъ совершать только въ своей части города, и никому не позволялось обращаться съ чѣмъ-либо къ другому начальству того же города (*verum in sua dumtaxat civitatis regione contrahere res quisunque ac comode cum aliis civibus suis conficere poterat etc.*) Герберштейнъ хотѣлъ сказать или ему говорили, что каждая *территориальная* часть Новгородской земли во всѣхъ дѣлахъ обращалась къ управленію своей *городской* части, т. е. городского конца. Такое же отношеніе частей территории къ концамъ города существовало и въ Псковской землѣ. Здѣсь старые пригороды издавна были распределены между концами города. Въ 1468 г., когда накопилось много новыхъ пригородовъ, на вѣчѣ было рѣшено также раздѣлить ихъ по жребію между концами, по два пригорода на каждый конецъ. И въ новгородскихъ документахъ есть кое-какія указанія на администра-

тивную зависимость загородныхъ земель отъ городскихъ концовъ. Такъ по писцовымъ книгамъ конца XV в. извѣстны сѣмщики подгородныхъ земель въ Вотской пятинѣ, тянувшіе тягломъ въ Неревскій конецъ, съ которыми она соприкасалась. Новгородская Судная грамота говоритъ о сельскихъ волостныхъ людяхъ «кончанскихъ и улицкихъ», которыхъ старосты концовъ и улицъ обязаны были ставить на судъ въ искахъ на нихъ стороннихъ лицъ. Впрочемъ пятина или соотвѣтствующая ей округъ не была цѣльной административной единицей, не имѣла своего мѣстнаго ад-
 Пригороды. министративнаго средоточія. Она распадалась по пригородамъ на части, называвшіяся ихъ *волостями*, а въ московское время *уздами* или *присудами*; каждая волость имѣла свое особое административное средоточіе въ извѣстномъ пригородѣ, такъ что кончанское управленіе было единственной связью, соединявшей пятину въ одно административное цѣлое. Пригородъ со своей волостью былъ такой же мѣстный самоуправляющийся міръ, какими были новгородскіе концы и сотни. Его автономія выражалась въ мѣстномъ пригородскомъ вѣчѣ. Впрочемъ этимъ вѣчемъ руководилъ посадникъ, который обыкновенно присылался изъ старшаго города. Назначеніе пригородскихъ посадниковъ изъ Новгорода было одной изъ формъ, въ которыхъ выражалась политическая зависимость пригородовъ отъ старшаго города. Вмѣстѣ съ этою открываются и другія формы въ разсказѣ о томъ, какъ Псковъ сталъ самостоятельнымъ городомъ. До половины XIV в. онъ былъ пригородомъ Новгорода, въ 1347 г. по договору съ Новгородомъ получилъ независимость отъ него, сталъ называться младшимъ его братомъ. По этому договору новгородцы отказались отъ права посылать въ Псковъ посадника и вызывать псковичей въ Новгородъ на судъ гражданскій и церковный; новгородскій вла-

дѣла, къ епархіи котораго принадлежалъ Псковъ, долженъ былъ для церковнаго суда назначать туда своимъ намѣстникомъ природнаго псковича. Значить, судебныя учрежденія старшаго города служили высшей инстанціей для пригороданъ. По договорнымъ грамотамъ *сотокіе и рядовичи* безъ княжескаго намѣстника и посадника не судятъ нигдѣ. Это значить, что старосты городскіе и сельскіе подобно новгородскимъ тиунамъ посадника и намѣстника только начинали судебныя дѣла, а для окончательнаго рѣшенія переносили ихъ къ докладу въ судъ докладчиковъ въ Новгородѣ. Третья форма политической зависимости пригорода отъ старшаго города состояла въ правѣ послѣдняго облагать пригородское населеніе сборами на свои нужды. Далѣе, Новгородъ раздавалъ свои пригороды въ кормленіе князьямъ, которыхъ призывалъ къ себѣ на службу; во время войны пригороды по приказу Новгорода высылали свои ополченія, которыми иногда командовали новгородскіе воеводы. За ослушаніе Новгородъ наказывалъ пригороды денежной пеней и даже «казнью», которая состояла въ военной экзекуціи, скитавшей села въ волости непокорнаго пригорода. Такъ казнены были въ 1435 г. Ржева и Великія Луки за отказъ платить дань Новгороду. Несмотря на то политическая зависимость пригородовъ, выражавшаяся въ столь разнообразныхъ формахъ, была всегда очень слаба: пригороды иногда отказывались принимать посадниковъ, которыхъ присылалъ главный городъ; Торжокъ не разъ ссорился съ Новгородомъ и принималъ къ себѣ князей противъ его воли; въ 1397 г. вся Двинская земля «задалась» за великаго князя московскаго Василія по первому его зову и цѣловала ему крестъ, отпавъ отъ Новгорода. Вообще въ устройствѣ областнаго управленія Новгородской земли замѣтенъ рѣшительный перевѣсъ центробѣжныхъ силъ, парализовавшихъ дѣйствіе политическаго центра.

Противо-
рѣчія полн-
тического
строга.

Въ началѣ сегодняшняго чтенія я сказалъ, что устройство Новгородской земли въ удѣльные вѣка было дальнѣйшимъ развитіемъ основъ, лежавшихъ въ общественномъ быту старшихъ городовъ Кіевской Руси; только это развитіе осложнилось мѣстными условіями. Тамъ и здѣсь встрѣчаемъ ту же двойственность власти—вѣча и князя—и гѣже договорныя отношенія между ними. Но въ Новгородѣ эти отношенія разработаны и опредѣлены подробнѣе, отлиты въ стереотипныя формулы письменнаго договора, управленіе расчленено и сплелось въ сложную, даже запутанную сѣть учреждений, и все это, и отношенія, и учрежденія, направлено въ одну сторону, противъ князя, безъ котораго однако вольный городъ не могъ обойтись. Князь долженъ былъ стоять около Новгорода, служа ему, а не во главѣ его, правя имъ. Онъ для Новгорода или наемникъ, или врагъ; въ случаѣ вражды къ нему, какъ къ враждебной державѣ, посылали съ вѣча на Городище ультиматумъ, грамоту, «исписавше всю вину его», съ заключеніемъ: «поѣди отъ насъ, а мы собѣ князя промыслимъ». Но такъ какъ князь въ Новгородѣ былъ единственной централизующей силой, которая могла объединить и направить сословныя и мѣстные интересы къ общей цѣли, то ослабленіе его власти помогало накопиться въ общественномъ быту Новгорода обильному запасу противорѣчій и условій раздора. Жизненные стихіи Новгородской земли сложились въ такое сочетаніе, которое сдѣлало изъ нея обширный наборъ крупныхъ и мелкихъ мѣстныхъ міровъ, устроившихся по образцу центра, съ большей или меньшей долей уступленной или присвоенной державности,—наборъ, неустойчивый внутри и только механически сжатый внѣшними опасностями. Нужна была внутренняя нравственная сила, чтобы сообщить землѣ нѣкоторую прочность. Такой силы будемъ искать въ общественномъ составѣ Новгорода.

Лекція XXIV.

Классы новгородскаго общества.—Новгородское боярство и его происхождение.—Житые люди.—Бунцы и черные люди.—Холопы, смерды и половники.—Земцы; происхождение и значеніе этого класса.—Основаніе сословнаго дѣленія новгородскаго общества.—Политическій бытъ Новгорода.—Происхождение и борьба партій княжескихъ и социальныхъ.—Характеръ и значеніе новгородскихъ усебицъ.—Особенности исконнаго политическаго строя и быта.—Различный характеръ исконнаго и новгородскаго политическаго порядка.—Недостатки новгородскаго политическаго быта.—Общая причина паденія вольности Новгорода.—Предсказанія.

Мы изучали политическія формы жизни Новгорода Великаго. Теперь войдемъ въ ея содержаніе и прежде всего остановимся на составѣ новгородскаго общества.

Новгородская Судная грамота, въ которой можно видѣть ^{составъ общества.} завершенное дѣло новгородской юридической мысли, въ первой статьѣ своей о судѣ церковномъ ставитъ какъ бы общее правило: «судити всѣхъ равно, какъ боярина, такъ и житего, такъ и молодчего челоувѣка»; по договору съ Казимиромъ литовскимъ это правило обязательно и для совѣстнаго суда посадника и намѣстника. Можно подумать, что въ этой формулѣ равенства всѣхъ состояній передъ закономъ выразилось вѣковое развитіе новгородскаго общества въ демократическомъ направленіи. Въ такомъ случаѣ Новгородъ надобно признать непохожимъ на его сверстни-

ковъ, на старшіе волостные города Кіевской Руси, въ которыхъ общественный бытъ отличался аристократическимъ, патриціанскимъ характеромъ.

Въ составѣ новгородскаго общества надобно различать классы городскіе и сельскіе. Населеніе Новгорода Великаго состояло изъ *бояръ, житицъ людей, купцовъ и черныхъ людей.*

Происхо-
ждение бо-
ярства.

Во главѣ новгородскаго общества стояло *боярство*. Мы знаемъ, что въ другихъ областяхъ Русской земли боярство создавалось вольной службой князю. Въ Новгородѣ князь со своей дружиной былъ сторонней, пришлой силой, не входившей органически въ составъ мѣстнаго общества. Какимъ же образомъ могло возникнуть боярство въ Новгородѣ, когда здѣсь не было самого корня, изъ котораго выросъ этотъ классъ въ другихъ областяхъ Руси? Отвѣчая на этотъ вопросъ, надо припомнить, что еще до князей старшіе города на Руси управлялись военной старшиной, выходившей изъ мѣстной промышленной знати. Новгородское боярство образовалось изъ такого же класса. Въ другихъ областяхъ Руси съ появленіемъ князей городская военно-промышленная знать была вытѣснена изъ управления княжеской дружиной. По разнымъ обстоятельствамъ въ Новгородѣ эта знать не утратила своего правительственнаго значенія и при князьяхъ. Уже въ XI в. князья, правившіе Новгородомъ, назначали на мѣстныхъ правительственныхъ должности людей изъ мѣстнаго же общества. Такимъ образомъ новгородская администрація по личному составу своему стала туземной еще прежде, чѣмъ сдѣлалась выборной. Посредствомъ такихъ назначеній изъ княжескихъ сановниковъ туземнаго происхожденія къ началу XII в. въ Новгородѣ и сложился вліятельный классъ или кругъ знатныхъ фамилій, имѣвшій двоякое руководящее значеніе въ мѣстномъ

обществѣ: члены его занимали правительственныя должности въ городѣ по назначенію князя, а въ столкновеніяхъ послѣд-
няго съ городомъ этотъ классъ становился во главѣ горо-
жанъ противъ князя. Занимая по назначенію князя должно-
сти, которыя въ другихъ областяхъ давались княжескимъ
боярамъ, и новгородская знать усвоила себѣ значеніе и зва-
ніе бояръ. Князь Всеволодъ въ данномъ имъ Новгороду
церковномъ уставѣ (1135 г.) прямо называетъ новгородскихъ
сотскихъ «своими мужами», а княжи мужи—бояре. Значитъ,
и въ Новгородѣ боярство вышло изъ того же политическа-
го источника, изъ какого оно выходило въ другихъ обла-
стяхъ Русской земли: этимъ источникомъ была служба кня-
зю, занятіе высшихъ правительственныхъ должностей по
назначенію князя. Усвоивъ себѣ званіе бояръ на княжеской
службѣ, мѣстная правительственная знать удержала его и
послѣ, когда стала получать свои правительственныя полно-
мочія не отъ князя, а отъ мѣстнаго вѣча.

Не такъ ясно выступаетъ въ новгородскихъ памятни-
кахъ второй классъ по мѣсту на социальной лѣстницѣ Нов-
города, *житые* или *житыи* люди. Можно замѣтить, что въ
управленіи этотъ классъ стоялъ ближе къ мѣстному бояр-
ству, чѣмъ къ низшимъ слоямъ населенія. Значеніе его нѣ-
сколько объясняется въ связи съ экономическимъ значені-
емъ мѣстнаго боярства. Права городомъ по вѣчевому выбо-
ру, это боярство вмѣстѣ съ тѣмъ руководило и народнымъ
хозяйствомъ въ Новгородской землѣ. Это были крупные
землевладѣльцы и капиталисты, принимавшіе двойное уча-
стіе въ торговлѣ. Обширныя земельныя имущества служили
имъ не столько пашней, сколько промысловыми угодьями:
отсюда ставили они на новгородскій рынокъ товары, быв-
шіе главными статьями русскаго вывоза за море: мѣха, ко-
жи, воскъ, смолу, золу, строевой дѣсъ и пр. Посредниками

Житые
люди.

между ними и иноземцами служили новгородскіе купцы. Точно такъ же и своими капиталами они пользовались не для непосредственныхъ торговыхъ операций, а для кредитныхъ оборотовъ, ссужали ими торговцевъ или вели торговля дѣла при посредствѣ агентовъ изъ купцовъ. Въ новгородскихъ памятникахъ и преданіяхъ мѣстный бояринъ чаще всего является съ фizioноміей капиталиста-дисконтера. У одного посадника въ XIII в. народъ, разграбившій его домъ, нашелъ долговья «доски», на которыхъ значилось отданныхъ займы денегъ «безъ числа». Такимъ непрямымъ участіемъ въ торговлѣ можно объяснить отсутствіе старосты отъ бояръ въ совѣтѣ новгородскаго купеческаго общества, образовавшагося около 1135 г. при церкви св. Іоанна Предтечи на гостинномъ дворѣ. *Житы* были повидимому люди средняго состоянія, *средніе жилицкіе* по московской соціальной терминологіи, стоявшіе между боярствомъ и молодчими или черными людьми. Они принимали болѣе прямое участіе въ торговлѣ, и ихъ вмѣстѣ съ черными людьми представлялъ въ совѣтѣ купческаго общества тысяцкій. Капиталисты средней руки и постоянные городскіе обыватели, домовладѣльцы, это были и землевладѣльцы, иногда очень крупныя. Упомянутый уже мною рыцарь Ланнуа пишетъ, что въ Новгородѣ кромѣ бояръ есть еще такіе горожане (bourgeois), которые владѣютъ землями на 200 лье въ длину, чрезвычайно богатые и вліятельные. Это свидѣтельство можетъ относиться только къ *житымъ* людямъ. По личному землевладѣнію, какъ наиболѣе характерной чертѣ въ общественномъ положеніи *житыхъ* людей, Москва, переселяя ихъ тысячами въ свои области послѣ паденія Новгорода, верстала ихъ не въ городское посадское населеніе, какъ купцовъ, а въ служилые люди съ мѣстнымъ надѣломъ. Личное землевладѣніе оближало ихъ съ

новгородскимъ боярствомъ; но они не принадлежали къ тому рано замкнувшемуся кругу знатныхъ фамилій, изъ котораго вѣче привыкло выбирать высшихъ сановниковъ города, хотя вмѣстѣ съ боярами они исполняли, какъ представители концовъ, судебныя, дипломатическія и другія правительственныя порученія. Классъ настоящихъ торговцевъ назывался *кутцами*. Они уже стояли ближе къ городскому простонародью, слабо отдѣлялись отъ массы городскихъ черныхъ людей. Они работали съ помощью боярскихъ капиталовъ, либо кредитуясь у бояръ, либо служа имъ комиссіонерами въ торговыхъ оборотахъ. Впрочемъ и въ ихъ сословной организаціи не было равенства. Купеческое общество при церкви св. Іоанна Предтечи образовало высшій разрядъ, своего рода первую гильдію новгородскаго купечества. По уставу этого общества, данному княземъ Всеволодомъ около 1135 г., чтобы стать «пошлымъ купцомъ», полноправнымъ и потомственнымъ членомъ «Иванскаго купечества», надобно было дать вкладу 50 гривенъ серебра—цѣлый капиталъ при тогдашней цѣнности этого металла. Обществу даны были важныя привилегіи, а совѣтъ его, состоявшій изъ двухъ купеческихъ старостъ подъ предсѣдательствомъ тысяцкаго, вѣдалъ всѣ торговыя дѣла и торговый судъ въ Новгородѣ независимо отъ посадника и совѣта господъ. Есть слѣды и другихъ разрядовъ или гильдій, стоявшихъ ниже Иванскаго купечества: таково «купецкое сто», упоминаемое въ духовной одного новгородца XIII в. Черные люди были мелкіе ремесленники и рабочіе, которые брали работу или деньги для работы у высшихъ классовъ, бояръ и житыхъ людей. Таковъ составъ общества въ главномъ городѣ. Тѣ же самые классы встрѣчаемъ мы и въ пригородахъ, по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ.

Купцы.

Черные
люди.

Въ глубинѣ сельскаго, какъ и городского общества въ Новгородской землѣ видимъ *голоповъ*. Этотъ классъ былъ

Холопы и
крестьяне.

тамъ очень многочисленъ. Развитію его способствовало особенно боярское и жите землевладѣніе. Крупныя вотчины заселялись и эксплуатировались преимущественно холопами. Все свободное крестьянское населеніе въ Новгородской землѣ носило общее названіе *смердовъ*; но въ составѣ его различаются два разряда: смерды въ тѣсномъ смыслѣ слова, обрабатывавшіе государственныя земли Новгорода Великаго, и *половники*, сидѣвшіе на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Названіе свое половники получили отъ обычнаго въ древней Руси условія поземельной аренды—обрабатывать землю *исполу*, изъ половины урожая. Впрочемъ въ Новгородской землѣ половники снимали земли и на болѣе льготныхъ условіяхъ, изъ третьяго или четвертаго снопа, смотря по цѣнности земли и земледѣльческаго труда въ данномъ мѣстѣ. Половники, подобно закупамъ Русской Правды, являются въ Новгородской землѣ въ болѣе подневольномъ состояніи сравнительно съ вольными крестьянами въ княжеской Руси, стояли въ положеніи, близкомъ къ холопамъ, и эта зависимость не была исконной, а устанавливалась въ XIII—XV в., въ періодъ расцвѣта новгородской вольности. Это можно замѣтить по новгородскимъ договорамъ съ князьями. Сначала здѣсь постановлялось, что судьи князя не судятъ холопа безъ его господаря. Потомъ это условіе осложняется присоединеніемъ къ холопу половника: землевладѣльцу косвенно присвоилась вотчинная юрисдикція надъ его крестьянствомъ. Договоръ съ княземъ Ярославомъ 1270 г. постановилъ не вѣрять доносу холоповъ на своихъ господъ; позднѣйшіе договоры распространяютъ это условіе и на смердовъ. Наконецъ договоръ съ тверскимъ княземъ Михаиломъ 1308 года требуетъ обратной выдачи вмѣстѣ съ холопами и новгородскихъ половниковъ, бѣжавшихъ въ Тверскую область. Въ Московской землѣ подобныя стѣсненія крестъ-

янскаго перехода и то въ видѣ частной или мѣстной мѣры становятся извѣстны не ранѣе половинны XV в. Въ новгородской Судной грамотѣ появляются слѣды письменныхъ обязательствъ, ограничивавшихъ свободу крестьянъ и такъ же неизвѣстныхъ въ княжеской Руси того времени. Грамота говоритъ о волостныхъ, сельскихъ людяхъ владычныхъ (архіепископа), монастырскихъ, боярскихъ, житыхъ, которыхъ господари, ихъ хозяева, обязаны ставить на судъ въ случаѣ частнаго ихъ обвиненія въ уголовномъ преступленіи. Эти люди не были холопы, однако «давались въ грамоту» землевладѣльцамъ, входили въ личную зависимость на тѣхъ или иныхъ условіяхъ. Значить, въ вольной Новгородской землѣ сельское населеніе, работавшее на господскихъ земляхъ, было поставлено въ большую зависимость отъ землевладѣльцевъ, чѣмъ гдѣ-либо въ тогдашней Руси.

Другою особенностью новгородскаго землевладѣнія былъ Земцы.
классъ крестьянъ-собственниковъ. Этого класса мы не встрѣчаемъ на всемъ пространствѣ княжеской Руси: тамъ всѣ крестьяне работали либо на государственныхъ, либо на частныхъ господскихъ земляхъ. Въ областяхъ вольныхъ городовъ, напротивъ, встрѣчаемъ сельскій классъ населенія, очень похожій на крестьянъ, но владѣвшій землей на правѣ собственности. Онъ назывался *земцами* или *своеземцами*. Этотъ классъ въ Новгородской землѣ повидимому былъ довольно многочисленъ. По поземельной новгородской книгѣ, составленной въ 1500 г., въ уѣздахъ Новгородскомъ, Ладожскомъ и Орѣховскомъ значится около 400 земцевъ, на земляхъ которыхъ обрабатывалось свыше 7000 десятинъ; на cadaго своеземца приходилось среднимъ числомъ пашни десятинъ по 18. Итакъ это вообще мелкіе землевладѣльцы съ небольшими хозяйствами. Но землевладѣніе земцевъ отличалось нѣкоторыми своеобразными чертами.

Они рѣдко владѣли землей въ одиночку. Чаще всего своеземцы сидятъ гнѣздами, землевладѣльческими товариществами, связанными родствомъ или договоромъ. Многие владѣютъ и пахутъ совмѣстно, иные раздѣльно, живя вмѣстѣ, въ одной деревнѣ, или особыми деревнями, но приобрѣтаютъ землю обыкновенно сообща, въ складчину; раздѣльное владѣніе—уже слѣдствіе раздѣла совмѣстно приобрѣтенной земли. Встрѣчаемъ одно имѣніе, въ которомъ папши было всего 84 десятины и которое принадлежало 13 совладѣльцамъ. Своземцы или сами обрабатывали свои земли, или сдавали ихъ въ аренду крестьянамъ половникамъ. По роду занятій и размѣрамъ участковъ своеземцы ничѣмъ не отличались отъ крестьянъ; но они владѣли своими землями на правахъ полной собственности. Такой характеръ ихъ землевладѣнія ясно обозначается въ писцовыхъ книгахъ. Своземцы мѣняли и продавали свои земли, выкупали у родичей, отдавали въ приданое за дочерьми; даже женщины, вдовы и сестры, являются владѣлицами и совладѣлицами такихъ земель. Наконецъ псковскія лѣтописи въ рассказѣ о событіяхъ, которыми сопровождалось паденіе Пскова, прямо называютъ земли своеземцевъ ихъ «вотчинами». Каково было происхожденіе этого своеобразнаго класса въ областяхъ вольныхъ городскихъ общинъ? Слѣды этого происхожденія еще сохранились въ городскихъ поземельныхъ книгахъ, составленныхъ уже московскими писцами послѣ паденія Новгорода, въ послѣдніе годы XV в. Въ городѣ Орѣшкѣ по книгѣ 1500 г. рядомъ съ «городчанами» обозначено 29 дворовъ своеземцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые принадлежали къ разряду *лутчицъ* людей. Эти своеземцы ясно отличены въ книгѣ отъ горожанъ, даже отъ «лутчицъ» горожанъ. Читая описаніе сельскихъ погостовъ уѣзда, находимъ, что эти орѣшковскіе дворовладѣльцы-своеземцы владѣли еще землями

въ Орѣховскомъ и другихъ ближнихъ уѣздахъ. Одни изъ нихъ жили въ городѣ, сдавая свои земли въ аренду крестьянамъ; другіе только числились въ городскомъ обществѣ, а жили въ своихъ деревняхъ, отдавая городскіе свои дворы въ аренду «дворникамъ» (постояльцамъ), которые за нихъ и тянули городское тягло вмѣстѣ съ горожанами. Любопытно, что въ одномъ разрядѣ съ землями своеземцевъ поземельная книга перечисляетъ и земли «купецкія». Среди своеземцевъ появляются изрѣдка поповичи, отцы которыхъ служили при городскихъ церквахъ. Итакъ сельскій классъ своеземцевъ образовался преимущественно изъ горожанъ: это были не сельскіе обыватели, приобрѣтавшіе дворы въ городахъ, а чаще горожане, приобрѣтавшіе земли въ уѣздѣ. Въ Новгородской и Псковской землѣ право земельной собственности не было привилегіей высшаго служилаго или правительственнаго класса, какъ въ княжеской Руси; оно усвоено было и другими классами свободнаго населенія. Городскіе, какъ и сельскіе обыватели приобрѣтали мелкіе земельные участки въ собственность съ цѣлю не только земледѣльской, но и промышленной ихъ эксплуатаціи, разводя ленъ, хмѣль и лѣсныя борти, ловя рыбу и звѣря; но какъ люди небогатые, они складывались для этого въ товарищества, въ землевладѣльческія компаніи. Такія землевладѣльческія товарищества носили въ Новгородской и Псковской землѣ спеціальныя юридическія названія *сябровъ* (сосѣдей) и *складниговъ*. Къ типу такого землевладѣнія въ складчину принадлежало и земецкое и этимъ коллективнымъ способомъ приобрѣтенія и владѣнія оно отличалось отъ личнаго боярскаго и житяго. Значить, городской промышленный капиталъ, главный рычагъ народнаго хозяйства въ Новгородской землѣ, создалъ здѣсь и особый своеобразный классъ земельныхъ собственниковъ, какового не встрѣчается въ княжеской Руси.

Основаніе
сословнаго
дѣленія.

Обозрѣвши составъ общества въ Новгородской землѣ, остается рѣшить вопросъ: были ли перечисленные общественные классы простыя экономическія состоянія, или сословія въ юридическомъ смыслѣ слова, съ особыми правами и обязанностями, съ неодинаковымъ правомѣрнымъ, а не фактическимъ только значеніемъ въ управленіи и жизни вольнаго города? И то и другое: въ исторіи Новгорода наблюдаемъ довольно рѣдкій случай совпаденія экономической и политической классификаціи общества. Боюсь, что объясненіе возможности такого совпаденія покажется вамъ нѣскольکو сложнымъ и даже запутаннымъ.

При изученіи основанія, на которомъ держалось общественное дѣленіе въ Новгородѣ, вниманіе прежде всего останавливается на видимой рѣзкой разницѣ между политическимъ и социальнымъ строемъ Новгорода, между формами его политическаго быта и дѣйствительными общественными отношеніями. Формы его политическаго быта носили демократическій отпечатокъ: передъ судомъ были равны лица всѣхъ свободныхъ состояній; всѣ свободные обыватели имѣли мѣсто и равные голоса на вѣчѣ. Но общественный бытъ Новгорода созидался не на почвѣ равенства. Значеніе каждаго класса въ новгородской политической жизни зависѣло отъ его экономическаго положенія; политическій авторитетъ каждаго состоянія на дѣлѣ опредѣлялся его торговымъ вѣсомъ. На верху общества лежалъ классъ бояръ, крупныхъ капиталистовъ, къ которымъ примыкали капиталисты средней руки, житые люди: оба эти класса и были политическими руководителями мѣстнаго общества. Ниже ихъ стояли купцы, настоящіе торговцы: они работали чужимъ капиталомъ. Еще ниже лежалъ слой черныхъ людей, ремесленниковъ и рабочихъ, экономически зависѣвшихъ также отъ высшихъ классовъ. Еще менѣ послѣднихъ значили въ по-

литической жизни земли сельскіе классы, дальше городскіх стоявшие отъ главнаго источника власти и богатства, отъ торговаго капитала, кромѣ развѣ земцевъ, которые по своему происхожденію больше принадлежали къ городскому обществу. Такимъ образомъ новгородская соціально-политическая дѣйствица выстроилась соответственно имущественному неравенству состояній. Это соотвѣтствие отражалось и въ сословно-юридическихъ опредѣленіяхъ. Боярство образовало правительственный классъ, исключительно, монополюно комплектовавший по выборамъ вѣча личный составъ высшаго управленія. Это было только обычаемъ, и вѣче могло выбрать посадника изъ какого ему было угодно класса. Но политическій обычай замѣнялъ тогда законъ, и демократическое вѣче, чья старину, ни разу, сколько извѣстно, не дало посадничества ни купцу, ни смерду. Бояре вмѣстѣ съ жителями ставили изъ своей среды представителей отъ концовъ, присяжныхъ докладчиковъ въ судъ посадника и намѣстника, также въ выборныя комиссіи по внѣшнимъ сношеніямъ и внутреннимъ дѣламъ, производившимся съ участіемъ депутаціи отъ державнаго города. Все это важныя политическія права, созданныя обычаемъ, закрѣпленныя длиннымъ рядомъ договоровъ съ князьями и отчасти Судной грамотой. Можно думать, что и въ отбываніи повинностей, въ податномъ обложеніи оба правящие класса пользовались нѣкоторыми льготами и извѣтїями. То же значеніе ихъ сказывалось и въ частныхъ отношеніяхъ. Договоры съ князьями и Судная грамота ставили основное правило «судити всѣхъ равно»; однако купецъ или черныи человекъ не могъ явиться со своимъ искомъ въ «тїуню одрину» безъ подысканнаго имъ пристава изъ «добрыхъ людей», т. е. изъ тѣхъ же бояръ и житыхъ. Купцы имѣли свое сословное устройство, свой торговый судъ и свое выборное управленіе, су-

дѣлилось только въ Новгородѣ, каждый въ своемъ *ствѣ*, а также раздѣляли съ высшими классами преимущество имѣть на своихъ земляхъ холоповъ и половниковъ съ правами полицейскаго надзора и участія въ судѣ надъ ними. Смерда и половника нельзя признать равноправными состояніями съ бояриномъ или житымъ. Не говоримъ о духовенствѣ, которое въ Новгородѣ, какъ и вездѣ на Руси, имѣло свое точно опредѣленное сословное устройство, свои права и законы.

Такъ экономическое неравенство общественныхъ классовъ служило основой и опорой неравенства юридическаго, а то и другое покрывалось народной верховной властью, по своей формѣ совѣмъ не соотвѣтствовавшей ни такому складу общества, ни общественному положенію высшихъ сановниковъ, облакаемыхъ властью отъ вѣча. Запомнимъ это важное въ исторіи Новгорода противорѣчіе его жизни, на бѣду новгородцевъ не единственное.

Мы разсмотрѣли отношенія Новгорода къ князьямъ, строй его управленія и складъ общества, главные элементы его политической жизни. Теперь взглянемъ на эту жизнь, какъ она шла въ совмѣстномъ дѣйствіи своихъ силъ, какъ ея ходъ обнаруживался въ явленіяхъ, отмѣченныхъ древней лѣтописью.

Политическій бытъ.

Внѣшнія и внутреннія условія, въ какихъ жилъ вольный городъ, укоренили въ его политическомъ быту два противорѣчія, сообщившія своеобразный характеръ его политической жизни и не оставшіяся безучастными въ рѣшеніи судьбы его вольности. Я только что указала одно изъ этихъ противорѣчій, состоявшее въ несогласіи политическаго строя Новгорода съ социальнымъ. Раньше начало обнаруживаться другое противорѣчіе, заключающееся въ отношеніяхъ Новгорода къ князьямъ. Городъ нуждался въ князѣ для внѣшней

обороны и поддержанія внутренняго порядка, искалъ его, иногда готовъ былъ силою удержать его у себя и въ то же время относился къ нему съ крайнимъ недовѣрjemъ, старался стѣснить его права, оставить ему возможно меньше мѣста въ правительственномъ своемъ обиходѣ, гналъ его отъ себя, когда былъ имъ недоволенъ. Эти противорѣчiя и вызывали необыкновенный шумъ и движенiе въ политической жизни города. Ни одинъ изъ старинныхъ городовъ древней Руси не далъ такой тревожной исторiи, какъ Новгородъ. Съ самыхъ раннихъ поръ видимъ здѣсь оживленную борьбу политическихъ партiй; но въ разное время характеръ ея былъ неодинаковъ. Въ этомъ отношенiи внутреннюю политическую жизнь города можно раздѣлить на два перiода.

До XIV вѣка въ Новгородѣ часто смѣнялись князья и Партiи княжескiя. эти князья соперничали другъ съ другомъ, принадлежа къ враждебнымъ княжескимъ линиямъ. Подъ влiянiемъ этихъ княжескихъ смѣнъ въ Новгородѣ образовались мѣстные политическiе кружки, которые стояли за разныхъ князей и которыми руководили главы богатѣйшихъ боярскихъ фамилiй города. Такъ первый перiодъ въ исторiи политической жизни Новгорода былъ ознаменованъ борьбою княжескихъ партiй. Но не князья сами по себѣ вызывали эту борьбу: ими прикрывались важные мѣстные интересы, для которыхъ враждебные другъ другу князья служили только орудiями или знаменами. Князь нуженъ былъ Новгороду не только для внѣшней обороны, но и для расширенiя и обезпеченiя торговыхъ оборотовъ. Въ договорахъ съ князьями новгородцы настойчиво требовали, чтобы они не замышляли «рубезка», не задерживали новгородскихъ купцовъ въ своихъ земляхъ, давали имъ «путь чистъ». Во время размолвки съ Новгородомъ суздальскiй князь ловилъ новгородскихъ купцовъ, торговавшихъ въ его владѣнiяхъ, и тогда партiя въ Новго-

родѣ, къ которой принадлежали задержанные купцы, поднималась, чтобы заставить вѣче мириться съ суздальскимъ княземъ. Эти торговыя связи и раздѣляли новгородскихъ капиталистовъ-бояръ и купцовъ въ борьбѣ за князей на враждебныя партіи. Богатые торговые дома, имѣвшіе дѣла преимущественно съ Суздальскимъ или Смоленскимъ краемъ, стояли за суздальскаго или смоленскаго Мономаховича, а черниговскій Ольговичъ нуженъ былъ, когда на кievскомъ столѣ сидѣлъ князь изъ черниговской линіи, тѣмъ новгородскимъ капиталистамъ, которые вели дѣла преимущественно съ Черниговскимъ краемъ или съ Кіевскою землею. Значить, борьба княжескихъ партій, наполнявшая смутами исторію Новгорода до XIV вѣка, была собственно борьбой новгородскихъ торговыхъ домовъ, соперничавшихъ другъ съ другомъ.

Партіи
соціальныя.

Съ XIV в. прекращается частая смѣна князей на новгородскомъ столѣ; вмѣстѣ съ этимъ измѣняется и характеръ политической жизни въ Новгородѣ. Читая разсказъ мѣстной лѣтописи, легко замѣтить эту перемѣну. Со смерти Ярослава I до татарскаго нашествія новгородская лѣтопись, по счету С. М. Соловьева, описываетъ до 12 смуть въ городѣ; изъ нихъ только двѣ не были связаны съ княжескими смѣнами, т. е. не были вызваны борьбою мѣстныхъ политическихъ круговъ за того или другого князя. Съ татарскаго нашествія до вступленія Ивана III на великокняжескій столъ въ мѣстной лѣтописи описано болѣе 20 смуть; изъ нихъ всего четыре связаны съ княжескими смѣнами, вызваны были борьбой новгородскихъ партій за того или другого князя; всѣ остальные имѣли совсѣмъ другой источникъ. Этимъ новымъ источникомъ смуть, замѣтно обнаруживающимся съ XIV вѣка, была соціальная рознь, борьба низшихъ бѣдныхъ классовъ новгородскаго общества съ высшими богатыми. Новгородское общество дѣлится съ тѣхъ поръ

на два враждебные лагеря, изъ которыхъ въ одномъ стояли *льншіе* или *вятшіе* люди, какъ называется новгородская летопись мѣстную богатую знать, а въ другомъ люди *меньшіе*, т. е. чернь. Такъ въ XIV в. борьба торговыхъ домовъ Новгорода смѣняется борьбою общественныхъ классовъ. Эта новая борьба имѣла свой корень также въ политическомъ и экономическомъ строѣ города; здѣсь вступило въ дѣйствіе другое противорѣчіе, мною упомянутое. Рѣзкое имущественное неравенство между гражданами—очень обычное явленіе въ большихъ торговыхъ городахъ, особенно съ республиканскими формами устройства. Въ Новгородѣ это неравенство при политическомъ равноправіи, при демократическихъ формахъ устройства, чувствовалось особенно рѣзко, получило острый характеръ, производило раздражающее дѣйствіе на низшіе классы. Это дѣйствіе усиливалось еще тяжелой экономической зависимостью низшаго рабочаго населенія отъ бояръ-капиталистовъ. Бѣдняки, неоплатно задолжавшіе, спасаясь отъ долговой неволи, собирались въ шайки и съ бѣглыми холопами пускались разбойничать по Волгѣ, ссоря свой городъ съ низовскими князьями, особенно съ Москвой. Встрѣчаясь на вѣчѣ, равноправные сограждане, меньшіе люди Новгорода тѣмъ съ большей горечью чувствовали на себѣ экономическій гнетъ со стороны немногихъ богатыхъ семей, а по старинѣ изъ нихъ же должны были выбирать себѣ управителей. Этимъ былъ воспитанъ въ низшихъ классахъ новгородскаго общества упорный антагонизмъ противъ высшихъ. Малые люди вдвойнѣ озлобляются на большихъ, когда нуждаются въ ихъ деньгахъ и тяготятся ихъ властью. Раздвоеніе между верхомъ и низомъ новгородскаго общества не разъ проявлялось и до XIV в. Такъ въ 1255 г. по поводу ссоры города съ Александромъ Невскимъ меньшіе отдѣлились отъ вятшихъ, а тѣ сговорились побить меньшихъ. Но здѣсь

меньшіе являются еще не политической партией, а подвластным непокорнымъ сословіемъ, чернью, которую правящій классъ хотѣлъ покарать за ослушаніе. Они получили характеръ такой партіи, когда само боярство расколосось и во главѣ новгородскаго престоноародья стали такъ же нѣкоторыя богатыя боярскія фамиліи, отдѣлившись въ политической борьбѣ отъ своей братіи.

Господство
боярства.

Такъ новгородское боярство оставалось руководителемъ мѣстной политической жизни во все продолженіе исторіи вольнаго города. Благодаря тому съ теченіемъ времени все мѣстное управленіе перешло въ руки немногихъ знатныхъ домовъ. Изъ нихъ новгородское вѣче выбирало посадниковъ и тысяцкихъ; ихъ члены наполняли новгородскій правительственный совѣтъ, который собственно и давалъ направленіе мѣстной политической жизни. Читая новгородскую лѣтопись, легко замѣтить это господство боярскаго аристократіи въ Новгородѣ, которая является даже съ признаками замкнутой правительственной олигархіи. Въ продолженіе XIII в. новгородское вѣче 23 раза выбирало посадника. На эту должность выбрано было 15 лицъ, такъ какъ нѣкоторые посадники по нѣскольку разъ смѣщались и вновь выбирались на должность. Десятеро изъ нихъ принадлежали къ двумъ знатнымъ фамиліямъ, изъ которыхъ одна шла отъ новгородскаго боярина Михалка Степанича, а другая имѣла своимъ родоначальникомъ другого новгородскаго боярина Мирошку Нединича; оба они были посадниками въ Новгородѣ въ концѣ XII и въ началѣ XIII столѣтія. Обѣ эти фамиліи постоянно враждовали между собою, стоя во главѣ двухъ враждебныхъ политическихъ партій: Михалчичи были вождами Софійской стороны, гдѣ преимущественно сосредоточивалась новгородская боярская знать, а Нединичи верховодили демократической Торговой стороной, гдѣ обык-

новенно поднимались возстанія новгородскихъ меньшихъ людей противъ боярства. Значить, первенствующая должность новгородскаго посадника въ продолженіе XIII вѣка оставалась почти исключительно въ рукахъ двухъ боярскихъ фамилій. Изъ фамиліи Михалчичей въ продолженіе двухъ столѣтій съ конца XII в. до конца XIV в. выбрано было 12 однихъ посадниковъ, не говоря о другихъ важныхъ должностяхъ, которыя замѣщались членами того же боярскаго дома. Такъ противорѣчіе, укоренившееся въ политическомъ строѣ Новгорода, повело къ тому, что этотъ вольный городъ при демократическихъ формахъ своего устройства сталъ аристократической республикой, и мѣстное общество, вѣчно неспокойное и недоувѣрчивое къ своей знати, во все время своей политической вольности оставалось въ рукахъ немногихъ знатныхъ фамилій богатыхъ капиталистовъ.

Древняя новгородская лѣтопись, сухая и тусклая по усобицамъ. изложенію, не скупится на краски въ описаніи «усобныхъ ратей» въ родномъ городѣ и наглядно изображаетъ, какъ разыгрывалась на площади внутренняя нескладница новгородской политической жизни. Автономія кончанскихъ и улицкихъ обществъ проявлялась въ пренебреженіи къ верховному вѣчу державнаго города. Въ 1359 г. Славенскому князю не понравился посадникъ Андреянъ Захарыничъ, и князь самовольно назначилъ другого вопреки волѣ города. Пользуясь близостью своей къ вѣчевой площади, славяне въ доспѣхахъ «подсѣли» на вѣче и разогнали безоружныхъ жрѣчанъ Софійской стороны, многихъ бояръ избили и «волупили», ограбили, а одного и убили. Волховской мостъ разметали; обѣ стороны стояли другъ противъ друга по берегамъ рѣки 3 дня, пока духовенство не уговорило ихъ разойтись. Однако много сель у славянъ пограбили, много и невиноватыхъ людей погибло, посадничество дали третьему

боярину и на томъ помирились; «не попустилъ Богъ діаволу до конца порадоваться, но возвеличено было христіанство въ родъ и родъ»: такъ закончила лѣтопись свой разсказъ. Взаимное озлобленіе обѣихъ сторонъ, престонародной Торговой и Софійской боярской, рѣзко и характерно выразилось въ возстаніи 1418 г. «Человѣкъ нѣкій» Степанко, совсѣмъ простой, малый человѣкъ, схватилъ на улицѣ одного боярина и закричалъ прохожимъ: «господа! пособите мнѣ на этого злодѣя». Боярина притащили на вѣче, избили чуть не до смерти и сбросили съ моста, какъ государственнаго преступника. Случившійся у моста рыбакъ жалился надъ бояриномъ и взялъ его къ себѣ въ челнъ. За это народъ разграбилъ домъ рыбака. Спасенный отъ народной казни бояринъ хотѣлъ отмстить за обиду и схватилъ обидчика. Тогда созвонили вѣче на Ярославовомъ дворѣ и стали другъ противъ друга «чернь» и «бояре». Чернь въ доспѣхахъ со знаменемъ разграбила домъ боярина и Кузьмодемьянскую улицу, гдѣ онъ жилъ. Боясь худшаго, бояре заставили освободить Степанка, и по ихъ просьбѣ архіепископъ отправилъ его съ попомъ и своимъ бояриномъ на вѣче. Опьянѣвъ отъ политическаго разгула, вѣчевая толпа не утомилась и принялась сводить счеты со знатью, разграбила нѣсколько боярскихъ улицъ, также монастырь св. Николая, гдѣ находились боярскія житницы. Только Прусская улица, главное гнѣздо знати, отбилась. Тогда толпа прибѣжала на свою Торговую сторону, крича: «Софійская сторона хочетъ дома наши грабить». Поднялся звонъ по всему городу; съ обѣихъ сторонъ вооруженные люди повалили на главный мостъ. Завязалось настоящее сраженіе, начали падать убитые. Къ тому же разразилась страшная гроза. Обѣ стороны были въ ужасѣ. Тогда владыка съ соборомъ духовенства въ церковномъ облаченіи протѣснился къ мосту и сталъ посреди

него, благословляя крестомъ на обѣ подравшіяся стороны. потомъ послалъ свое благословеніе на Ярославовъ дворъ къ степеннымъ посаднику и тысяцкому, руководившимъ Торговой стороной, и по слову святителя обѣ стороны разошлись.

Въ эти усобицы новгородское вѣче получало значеніе, пхъ значе-
ніе. какого оно не имѣло при нормальномъ теченіи дѣлъ. Въ обычномъ порядкѣ оно законодательствовало и частью наблюдало за ходомъ управленія и суда, смѣняло выборныхъ сановниковъ, которыми было недовольно; въ поземельной тяжбѣ, затянувшейся по винѣ судей, истецъ всегда могъ взять съ вѣча приставовъ, чтобы понудить судъ рѣшить дѣло въ узаконенный срокъ. Но когда народъ подозрѣвалъ или видѣлъ со стороны выборныхъ властей либо всего правящаго класса замыслы или дѣйствія, казавшіяся ему преступными или опасными, тогда вѣче, преобразуясь въ верховное судилище, получало не всенародный, а простонародный составъ, становилось одностороннимъ, представляло одну лишь Торговую *черную* сторону во главѣ съ боярами демократической партіи. Такъ какъ движеніе въ такихъ случаяхъ шло противъ наличныхъ властей, то оно получало видъ народнаго мятежа. Анархическій его характеръ усиливался еще примѣненіемъ къ политическимъ преступленіямъ пережившихъ свой смыслъ древнихъ формъ судопроизводства: сбрасываніе съ волховского моста было остаткомъ стариннаго вида суда Божія, испытанія водой, а въ грабежѣ боярскихъ домовъ, вынуждавшемъ домовладѣльцевъ бѣжать изъ города, сказывалась смутная память о древней казни за тяжкія преступленія, которая въ Русской Правдѣ называется *потокомъ* и *разграбленіемъ*. Нельзя, конечно, назвать прочнымъ общественный порядокъ, который приходится поддерживать средствами анархіи; но у новгородскаго

вѣча мятежь былъ единственнымъ средствомъ сдерживать правительство, когда оно по мнѣнію народа угрожало народному благу. Къ такому средству прибѣгаль не одинъ Новгородъ, какъ вамъ извѣстно изъ исторіи средневѣковой Европы.

Корень указанныхъ недостатковъ новгородскаго политическаго строя и быта лежалъ не въ природѣ вольной городской общины, а въ условіяхъ, которыхъ могло и не быть. Доказательствомъ этого можетъ служить Псковъ. Прежде пригородъ Новгорода, а съ XIV в. такой же вольный городъ, какъ и Новгородъ, Псковъ далеко не былъ его копіей. Мимоходомъ отмѣчу его особенности, прежде чѣмъ закончу рѣчь объ его старшемъ братѣ.

Псковъ. Переходя въ изученіи исторіи вольныхъ городовъ отъ новгородскихъ лѣтописей къ псковскимъ, испытываешь чувство успокоенія, точно при переходѣ съ толкучаго рынка въ тихій переулокъ. Псковскіе лѣтописцы описываютъ преимущественно явленія мирнаго характера, поиски князя, строеніе церквей, городскихъ стѣнъ и башенъ, знаменія отъ иконъ, пожары и повѣтрія, изрѣдка недоразумѣнія съ новгородскимъ владыкой, епархіальнымъ архіереємъ Пскова, изъ-за церковнаго суда и сборовъ съ духовенства. Особенно часты извѣстія о храмоздательствѣ: въ 19 лѣтъ (1370—1388) псковичи построили 14 каменныхъ церквей. Въ Псковѣ не замѣтно ни бурныхъ сценъ и побоищъ на вѣчевой площади передъ Троицкимъ соборомъ, ни новгородскаго задора въ отношеніяхъ къ князьямъ, ни соціального антагонизма и партійной борьбы. Разъ прибили посадниковъ на вѣчѣ за неудачную мѣру; въ другой разъ собирались кнутомъ избезчестовать на вѣчѣ псковскихъ священниковъ, протестовавшихъ противъ участія духовенства въ военныхъ расходахъ; однажды спихнули съ вѣчевой ступени московскаго намѣстника, не прощеннаго

Псковомъ. Впрочемъ подобныя излишества—рѣдкія явленія въ политической исторіи Пскова. Но при довольно мирномъ теченіи внутренней жизни этому городу во вы́шнихъ дѣлахъ досталась тяжелая боевая участь. Съ тѣхъ поръ какъ въ сосѣдствѣ съ Псковской землей объединилась Литва и основался Ливонскій орденъ, Псковъ, стоя на рубежѣ Русской земли, въ продолженіе трехъ вѣковъ ведетъ съ ними упорную двустороннюю борьбу, располагая средствами своей небольшой области, простиравшейся верстъ на 300 неширокой полосой съ юга на сѣверъ, отъ верховьевъ р. Великой до р. Наровы. При двусмысленномъ и нерѣдко прямо враждебномъ отношеніи Новгородѣ, для котораго Псковъ со своими стѣнами въ четыре ряда служилъ передовымъ оплотомъ съ запада и юга, эта борьба была крупной исторической заслугой не только передъ Новгородомъ, но и передъ всей Русской землей тѣхъ вѣковъ. Эта же борьба въ связи съ ограниченномъ пространствомъ области создала главныя особенности политическаго строя и быта Пскова.

Этимъ условіямъ, вопервыхъ, Псковъ обязанъ былъ ббль-Управленіе. шей сравнительно съ Новгородомъ сосредоточенностью управления и земскаго состава своей области. Подобно Новгороду Псковъ дѣлился на концы, которыхъ извѣстно по лѣтописи шесть, съ подраздѣленіемъ на сотни. Между концами по дѣламъ военнаго управления распредѣлены были, по два на каждый, пригороды, которыхъ во второй половинѣ XV в. было 12 (Изборскъ, Гдовъ, Островъ, Опочка и др.). Это были небольшія укрепленныя поселенія; большинство ихъ оборонительной сѣтью размѣщено было въ югозападномъ углу области, вблизи наиболѣе угрожаемыхъ границъ съ Литвой и Ливоніей. Къ каждому изъ нихъ были приписаны сельскія волости; но это были небольшіе административные округа, непохожіе на обширныя области важнѣйшихъ новгородскихъ пригородовъ.

И псковскіе пригороды пользовались долей самоуправленія; но будучи болѣе стратегическими пунктами, чѣмъ мѣстными земскими центрами, они не могли достигнуть самостоятельности, какую обнаруживали нѣкоторые новгородскіе пригороды. Подъ дѣйствіемъ тѣхъ же условій и центральное управленіе въ Псковѣ получило больше единства и силы. Какъ пригородъ, Псковъ не составлялъ *тысячи*, военной единицы старшихъ городовъ, и не устроилъ ея, когда самъ сталъ вольнымъ городомъ; потому въ его управленіи не было должности тысяцкаго. За то съ той поры или нѣсколько позднѣе Псковъ началъ выбирать двухъ посадниковъ, которые вмѣстѣ со старыми посадниками и сотскими, а также, вѣроятно, и со старостами концовъ, подъ предсѣдательствомъ князя или его намѣстника составляли правительственный совѣтъ, подобный новгородскому, а въ тѣсномъ составѣ, безъ кончанскихъ старостъ,—судебную коллегію, *восподу*, соотвѣтствовавшую новгородскому суду докладчиковъ и засѣдавшую въ *судебнѣ* «у князя на сѣнехъ». Пригородское положеніе Пскова отразилось на авторитетѣ его князя, когда городъ сталъ вольнымъ. До того времени псковской князь, присланный ли изъ Новгорода, или призванный самимъ Псковомъ, былъ намѣстникомъ или подручникомъ новгородскаго князя либо вѣча. Онъ и теперь сохранилъ то же значеніе; только его прежнее отношеніе перешло къ псковскому вѣчу: онъ не раздѣлялъ власти съ этимъ вѣчемъ, а служилъ ему, какъ наемный вождь боевой дружины, обязанъ былъ защищать страну, исполняя порученія Пскова наравнѣ съ посадниками, и за то получалъ опредѣленный кормъ. Права новгородскаго князя, участіе въ законодательствѣ и управленіи, въ назначеніи и смѣнѣ должностныхъ лицъ, перенесены были не на псковскаго князя, а достались безраздѣльно тамошнему вѣчу, которое сверхъ законодательства и суда по чрезвычай-

нымъ и политическимъ дѣламъ принимало еще дѣятельное участіе въ текущемъ управленіи. Внѣшнія опасности дѣлали такое сосредоточеніе власти необходимымъ, а тѣсныя предѣлы области—возможнымъ.

Дѣйствіе указанныхъ условій, сообщившихъ земскую Составъ общества. плотность и цѣльность Псковской области, еще явственнѣе сказалось въ составѣ псковского общества. И въ Псковѣ было вліятельное боярство, образовавшее правительственный классъ, въ семьяхъ котораго высшія правительственныя должности преимущественно передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе; и на псковскомъ вѣчѣ случались острые столкновенія простого народа со знатью. Но боярская аристократія въ Псковѣ не вырождается въ олигархію, политическія столкновенія не разрастаются въ социальный антагонизмъ, не зажигаютъ партійной борьбы; обычныя тревоги и неровности народныхъ правленій сдерживаются и сглаживаются. Можно замѣтить и нѣкоторыя причины такого направленія общественныхъ отношеній, какъ бы сказать, столь мягкаго тона псковской политической жизни. Ограниченное пространство Псковской земли не давало такого простора для развитія крупнаго боярскаго землевладѣнія, какой открывался для того въ безпредѣльной Новгородской области. Потому политическая сила псковского боярства не находила достаточной опоры въ его экономическомъ положеніи, и это сдерживало политическія притязанія правительственнаго класса. Въ связи съ тѣмъ не замѣтно ни рѣзкаго сословнаго неравенства, ни хронической социальной розни, какъ въ Новгородѣ. Бояре наравнѣ съ прочими классами «обрубались», несли съ своихъ земель военныя тягости по вѣчевой разверсткѣ. Псковъ, какъ и Новгородъ, жилъ торговлей и землевладѣльческій капиталъ отступалъ здѣсь еще болѣе, чѣмъ тамъ, передъ капиталомъ торговымъ. Это обближало

здѣсь классы, рѣзко раздѣленные въ Новгородѣ: псковскіе купцы по мѣстной лѣтописи являются въ числѣ лучшихъ людей и притомъ рядомъ съ боярами, выше житыхъ. Но самыя характерныя особенности встрѣчаемъ въ составѣ чернаго населенія, преимущественно сельскаго. И въ Псковской землѣ было развито землевладѣніе земцевъ и сябровъ. Но здѣсь нѣтъ слѣдовъ холопства и полусвободныхъ состояній, подобныхъ новгородскимъ половникамъ. Въ этомъ отношеніи Псковская область была, можетъ быть, единственнымъ исключеніемъ въ тогдашней Россіи. Въ псковскомъ законодательствѣ замѣтно даже усиленное вниманіе къ интересамъ *изорника*, какъ назывался тамъ крестьянинъ, работавшій на землѣ частнаго владѣльца. Это вольный хлѣбопашецъ, снимавшій землю по годовому договору изъ четвертаго или втораго снопа и пользовавшійся правомъ перехода отъ одного владѣльца къ другому. Суда—обычное и повсемѣстное условіе найма земли крестьяниномъ у частнаго владѣльца въ древней Руси, и вездѣ оно ставило перваго въ большую или меньшую личную зависимость отъ послѣдняго. И псковской изорникъ обыкновенно бралъ у земледѣльца суду, *покруту*. Но долговое обязательство не стѣсняло личной свободы изорника. По Русской Правдѣ закупъ, бѣжавшій отъ хозяина безъ расплаты, становился полнымъ его холопомъ. По псковскому закону въ случаѣ побѣга изорника безъ возврата покруты землевладѣлецъ въ присутствіи властей и стороннихъ людей бралъ покинутое бѣглецомъ имущество въ возмѣщеніе суду по оцѣнкѣ, а если оно не покрывало долга, господинъ могъ искать доплаты на изорникѣ, когда тотъ возвращался изъ бѣговъ,—и только, безъ дальнѣйшихъ послѣдствій для бѣглеца.

Таковы постановленія объ изорникѣ въ псковской Судной грамотѣ или Правдѣ. Этотъ замѣчательный памятникъ

Псковская
Правда.

псковского вѣчевого законодательства получили окончательный составъ во второй половинѣ XV в. Основнымъ источникомъ его были «псковскія пошрины», мѣстные юридическіе обычаи. Грамота очень трудна для объясненія: единственный доселѣ извѣстный полный списокъ ея страдаетъ описками и недописками, мѣстами перепутываетъ порядокъ словъ; въ языкѣ его не мало мѣстныхъ идиотизмовъ, терминовъ, не встрѣчающихся въ другихъ древнерусскихъ памятникахъ; предусматриваемые закономъ случаи нерѣдко излагаются слишкомъ скато, только намеками, въ свое время для вѣсхъ ясными, но теперь малопонятными. За то трудность изученія вознаграждается интересомъ содержанія. Въмѣстѣ съ другими подобными законодательными уставами или юридическими сводами древней Руси псковская Правда удѣляетъ значительное мѣсто судоустройству и судопроизводству, но при этомъ даетъ обильный запасъ нормъ и матеріальнаго права, особенно гражданскаго. Встрѣчаемъ обстоятельныя постановленія о договорахъ купли-продажи, найма и займа, о торговыхъ и землевладѣльческихъ товариществахъ, о семейныхъ отношеніяхъ по имуществу. Въ заемныхъ записяхъ обыкновенно обозначался размѣръ процента, *востамца*. Кредиторъ, потребовавшій досрочной уплаты долга, лишается условленнаго процента; въ досрочной уплатѣ по желанію должника процентъ взимается по расчету времени. Должникъ могъ не платить долга, отказавшись отъ залога, которымъ заемъ обезпеченъ; но онъ могъ искупить своего залога присягой или судебнымъ поединкомъ, если кредиторъ отказывался отъ взысканія долга, чтобы овладѣть залогомъ. Получившій по завѣщанію недвижимое имущество въ пользованіе, въ *кормлю*, и продавшій его обязанъ его выкупить, а за незаконную продажу теряетъ право пользованія, какъ за кражу: «а свою кормлю покралъ». Правда различаетъ юридическія понятія,

требовавшія развитого правосознанія, предусматриваетъ юридическіе случаи, какіе могли возникнуть въ живомъ и сложномъ гражданскомъ оборотѣ торговаго города. Въ ея опредѣленіяхъ имущественныхъ и обязательственныхъ отношеній сказывается чутье правды, стремившееся установить равновѣсіе борющихся частныхъ интересовъ и на немъ построить порядокъ, ограждаемый не только законами, но и правами. Поэтому въ ряду судебныхъ доказательствъ она даетъ предпочтительное значеніе присягѣ, отдавая обыкновенно на волю истца рѣшить тяжбу этимъ способомъ: «хочетъ самъ поцѣлуетъ, или у креста положить», т. е. предоставитъ цѣловать крестъ отвѣтчику, положивъ у креста опорную вещь или ея цѣну. Такое довѣріе закона къ совѣсти тяжущихся должно было имѣть опору въ характерѣ самаго быта. Герберштейнъ, собиравшій свои наблюденія и свѣдѣнія о Россіи немного лѣтъ спустя послѣ паденія вольности Пскова, съ большой похвалою отзывается о благовоспитанныхъ и человѣчныхъ нравахъ псковичей, говоря, что они въ торговыхъ сдѣлкахъ отличались честностью и прямою, не тратя лишнихъ словъ, чтобы подвести покупателя, а коротко и ясно показывая настоящее дѣло.

Псковъ и
Новгородъ.

Въ псковскихъ нравахъ и заключалась нравственная сила, смягчавшая дѣйствіе противорѣчій, какія мы замѣтили въ политическомъ быту Новгорода, хотя элементы ихъ были налицо и въ Псковѣ: князь, то призываемый, то изгоняемый, вліятельное и зажиточное боярство, руководившее управленіемъ, торговый капиталъ, способный угнетать рабочую массу, и народное вѣче, дававшее рабочей массѣ возможность угнетать капиталистовъ. Но въ Псковѣ эти элементы не разрастались чрезмерно, сохраняли способность ко взаимному соглашенію и дружному дѣйствію и тѣмъ выработали нѣкоторый политическій тактъ, эту нравственную силу, обнару-

живавшуюся въ настроеніи общества и въ складномъ соотношеніи общественныхъ классовъ, въ гуманныхъ и благовоспитанныхъ нравахъ, которые замѣчали въ псковичахъ иноземные наблюдатели. А въ Новгородѣ эта сила сосредоточивалась въ одномъ классѣ, въ духовенствѣ, и дѣйствовала торжественными выходами на волховской мостъ, примирительными вторженіями въ новгородскія побойща. Различіе политическихъ порядковъ въ томъ и другомъ городѣ всего яснѣе выражалось въ отношеніи боярства къ вѣчу въ обоихъ городахъ. По псковской Судной грамотѣ вѣче постановляетъ новые законы по предложенію посадниковъ, какъ представителей боярскаго совѣта господъ, предварительно обсуждавшаго проекты законовъ. Въ Новгородѣ «новгородскимъ словомъ», закономъ, признавалось постановленіе, состоявшееся на вѣчѣ въ присутствіи и съ согласія городскихъ властей, правительственной знати, во главѣ которой стоялъ такой же боярский совѣтъ господъ; иначе рѣшеніе вѣча являлось незаконнымъ, мятежнымъ актомъ, поступкомъ неразумной черни, какъ выразился совѣтъ господъ въ одномъ документѣ. Но при постоянномъ антагонизмѣ между вѣчевой простонародной массой и правительственной знатію не простонародью приходилось добиваться соглашенія съ правительствомъ, а наоборотъ боярамъ пройсками привлекать на свою сторону часть простонародья, чтобы придать рѣшенію вѣча видъ народной воли. Такъ въ Псковѣ совѣтъ господъ съ боярствомъ позади являлся однимъ изъ органовъ законодательной власти, а въ Новгородѣ боярство съ совѣтомъ господъ во главѣ—политической партией, не болѣе. Потому псковской политической порядокъ можно назвать смягченной, умѣренной аристократіей, а новгородскій—поддѣльной, фиктивной демократіей.

Непримиренныя противорѣчія политической жизни Новгорода стали роковой причиной внутренняго разрушенія его

Политические недостатки Новгорода.

вольности. Ни въ какомъ другомъ краю древней Руси не встрѣтимъ такого счастливаго подбора условий, благоприятныхъ для широкаго развитія политической жизни. Новгородъ рано освободился отъ давленія княжеской власти и сталъ въ сторонѣ отъ княжескихъ усобицъ и половецкихъ разбоевъ, не испыталъ непосредственнаго гнета и страха татарскаго, въ глаза не видалъ ордынскаго баскака, былъ экономическимъ и политическимъ центромъ громадной промышленной области, рано вступилъ въ дѣятельныя торговыя сношенія и могъ вступить въ тѣсныя культурныя связи съ европейскимъ Западомъ, былъ нѣсколько вѣковъ торговымъ посредникомъ между этимъ Западомъ и азиатскимъ Востокомъ. Духъ свободы и предприимчивости, политическое сознание «мужей вольныхъ», поднимаемое идеей могущественной общины «господина Великаго Новгорода» — нигдѣ болѣе въ древней Руси не соединялось столько матеріальныхъ и духовныхъ средствъ, чтобы воспитать въ обществѣ эти качества, необходимыя для устройства крѣпкаго и справедливаго общественнаго порядка. Но Великій Новгородъ такъ воспользовался доставшимися ему дарами исторической судьбы, что внѣшнія и внутреннія условія, въ первоначальномъ своемъ сочетаніи создавшія политическую вольность города, съ теченіемъ времени приведены были въ новую комбинацію, подготовлявшую ея разрушеніе. Мы еще разъ бросимъ бѣглый взглядъ на изученную нами судьбу Новгорода въ краткомъ обзорѣ недостатковъ, укоренившихся въ его политической жизни.

Соціальная
роль.

Природа Новгородской земли, рано вызвавъ оживленный и разносторонній торгово-промышленный оборотъ, открывала населенію обильные источники обогащенія. Но богатства распредѣлялись съ крайней неравномѣрностью, которая, закрѣпившись политическимъ неравенствомъ, разбила общество

на дробныя части и создала *соціальную рознь*, глубокой антагонизмъ между имущими и неимущими, между правящими и работающими классами. Смуты, какими эта рознь наполняла жизнь Новгорода въ продолженіе вѣковъ, приучали степенную или равнодушную часть общества не дорожить столь дорого стоявшей вольностью города и скрѣпя сердце или себѣ на умѣ обращаться къ князю, отъ него ждать водворенія порядка и управы на своевольную вѣчевую толпу и своекорыстную знать.

Политическая свобода помогла Новгороду широко развернуть свои общественныя силы, особенно на торгово-промышленномъ поприщѣ. Начало автономіи легло и въ основу политическаго быта мѣстныхъ міровъ, изъ которыхъ сложилась Новгородская земля. Но при неумѣломъ или своекорыстномъ обращеніи центра съ мѣстными мірами эта общность политической основы стала причиной *земской розни* въ Новгородской области. Неурядицы и злоупотребленія, шедшія изъ Новгорода въ пригороды и волости, побуждали ихъ стремиться къ обособленію, а мѣстная автономія давала къ тому возможность, и Новгородъ не обнаружилъ ни охоты, ни умѣнья привязать ихъ къ себѣ крѣпкими правительственными узами либо прочными земскими интересами. Описывая новгородскія злоупотребленія, лѣтописецъ съ горечью замѣчаетъ, что не было тогда въ Новгородѣ правды и праваго суда, были по всей области разоръ и поборы частые, крикъ и вопль, «и всѣ люди проклинали старѣйшинъ нашихъ и городъ нашъ». Крупныя области Новгородской земли издавна стремились оторваться отъ своего центра: Псковъ уже въ XIV в. добился полной политической независимости; отдаленная новгородская колонія Вятка съ самыхъ первыхъ поръ своей жизни стала въ независимое отношеніе къ метрополи; Двинская земля также

Земская
рознь.

не разъ пыталась оторваться отъ Новгорода. Въ минуту послѣдней рѣшительной борьбы Новгорода за свою вольность не только Псковъ и Вятка, но и Двинская земля не оказали ему никакой поддержки или даже послали свои полки противъ него на помощь Москвѣ.

Зависимость отъ
Низа.

Мы видѣли, какъ много содѣйствовало успѣхамъ новгородской вольности политическое обособленіе Новгорода отъ княжеской Руси. Но оставалась *экономическая зависимость* отъ Низа, отъ центральной княжеской Великороссіи. Новгородъ всегда нуждался въ привозномъ хлѣбѣ съ Низа. Это заставляло его поддерживать постоянно добрыя отношенія къ Низовой Руси. Суздальскіе князья, враждуя съ Новгородомъ, легко вынуждали у него покорность, задерживая въ Торжкѣ обозы съ хлѣбомъ, направлявшіеся въ Новгородъ. Потому новгородцы не могли быть долго во враждѣ съ низовыми князьями: по выраженію лѣтописца, тогда «ни жито къ нимъ не идяше ни откогдаже». Въ Новгородѣ начиналась дороговизна, наступалъ голодъ; простонародье поднималось на бояръ и заставляло ихъ идти на мировую съ княземъ. Въ 1471 г. прекращеніе подвоза хлѣба Иваномъ III и возстаніе простого народа въ Новгородѣ довершили торжество Москвы, начатое побѣдой на Шелони. Но Новгородъ не умѣлъ и не могъ приобрести себѣ искреннихъ и надежныхъ друзей ни среди князей, ни въ Низовой Руси. Чужой для князей, точнѣе ничей, но богатый Новгородъ былъ для нихъ лакомымъ кускомъ, возбуждавшимъ ихъ аппетитъ, а новгородское устройство было для нихъ досаднымъ препятствіемъ, мѣшавшимъ воспользоваться этимъ кускомъ. Разнообразныя причины рано поселили и въ населеніи княжеской Руси очень враждебное отношеніе къ Новгороду. Эти причины были: своеобразный политическій бытъ Новгорода, частые походы новгородскихъ «молодцовъ», разоравшихъ

встрѣчные города Низовой Руси по Волгѣ и ея притокамъ, раннія и тѣсныя торговыя и культурныя связи Новгорода съ нѣмецкимъ католическимъ Западомъ, наконецъ и болѣе всего союзъ съ литовскимъ королемъ-папезжникомъ. Вотъ тѣмъ объясняется радость, съ какою Низовая Русь привѣтствовала разгромъ Новгорода при Иванѣ III. Здѣсь на новгородцевъ привыкли смотрѣть, какъ на крамольниковъ и вѣроотступниковъ, вознесшихся гордостью. Въ глазахъ низоваго лѣтописца новгородцы хуже невѣрныхъ. «Невѣрные, по его словамъ, искони не знаютъ Бога; эти же новгородцы такъ долго были въ христіанствѣ, а подъ конецъ начали отступать къ латинству; великій князь Иванъ пошелъ на нихъ не какъ на христіанъ, а какъ на иноплемениковъ и вѣроотступниковъ». Въ то время, какъ Ивановы полки громили новгородцевъ въ низовыхъ областяхъ, самъ народъ добровольно собирался большими толпами и ходилъ на Новгородскую землю за добычей, такъ что, по замѣчанію лѣтописца, весь край былъ опустошенъ до самаго моря.

Наконецъ существеннымъ недостаткомъ новгородскаго устройства была *слабость военныхъ силъ*. Новгороду рано, особенно съ XIII в., пришлось вести многостороннюю внѣшнюю борьбу со шведами, ливонскими нѣмцами, Литвой и русскими князьями, изъ-за него соперничавшими. Потому онъ самъ неразумно усложнялъ свои внѣшнія затрудненія ссорами со своимъ бывшимъ пригородомъ Псковомъ. Въ этой борьбѣ Новгородъ выработалъ себѣ военное устройство съ тысяцкимъ во главѣ. Главную силу составляло народное ополченіе, *полкъ*, набравшійся на время войны по *разрубѣ*, разверсткѣ, изъ обывателей главнаго города, пригородовъ и сельскихъ волостей. Внѣшнюю борьбу облегчали Новгороду князья съ ихъ дружинами, которыхъ онъ призывалъ къ себѣ, и Псковъ, на который по его пограничному положенію

Слабость
военныхъ
силъ.

падала наибольшая тяжесть борьбы. Съ половины XIV вѣка во внѣшнихъ отношеніяхъ Новгорода наступило затишье, изрѣдка прерывавшееся столкновениями на западныхъ границахъ. Но онъ не воспользовался столѣтнимъ покоемъ, чтобы обновить и усилить свое старое военное устройство, напротивъ, повидимому, допустилъ его до упадка въ привычной надеждѣ среди соперничавшихъ князей всегда найти себѣ союзника. Но къ половинѣ XV в. на Руси уже не стало соперниковъ, боровшихся за Новгородъ: за него боролись только Москва и Литва. Не приготовивъ своей силы, достаточной для обороны, Новгородъ до времени лавировалъ между обѣими соперницами, откупаясь отъ той и другой. Москва грозила Новгороду уничтоженіемъ вольности. Чтобы спасти ее, оставалось искать спасенія у Литвы; но союзъ съ Литвой казался измѣной родной вѣрѣ и землѣ въ глазахъ не только остальной Руси, но и значительной части самого новгородскаго общества. Въ послѣдніе годы независимости новгородцы больно почувствовали свой недомотръ. Въ походѣ 1456 г. 200 москвичей подъ Русой на голову разбили 5000 новгородскихъ конныхъ ратниковъ, совсѣмъ не умѣвшихъ биться коннымъ строемъ. Въ 1471 г., начавъ рѣшительную борьбу съ Москвой и потерявъ уже двѣ гвѣнныя рати, Новгородъ наскоро посадить на коней и двинулъ въ поле тысячъ 40 всякаго оброда, гончаровъ, плотниковъ и другихъ ремесленниковъ, которые, по выраженію лѣтописи, отъ роду и на лошади не бывали. На Шелони $4\frac{1}{2}$ тысячъ московской рати было достаточно, чтобы разбить на голову эту толпу, положивъ тысячъ 12 на мѣстѣ.

Общая причина паденія вольнаго города.

Таковы недостатки новгородскаго государственнаго строя и быта. Не подумайте, что я изложилъ ихъ, чтобы объяснить паденіе Новгорода. Эти недостатки важны для насъ не какъ причины его паденія, а какъ слѣдствія противорѣчій

его политическаго склада, какъ доказательство, что въ ходѣ историческихъ дѣлъ есть своя логика, извѣстная закономѣрность. Около половины XV в. мыслящіе люди Новгорода, предчувствуя его паденіе, расположены были видѣть причину приближавшейся бѣды въ городскихъ раздорахъ. Новгородскій архіепископъ Іона, отговаривая Василія Темнаго не задолго до его смерти отъ похода на Новгородъ, обѣщала великому князю испросить у Бога его сыну Ивану свободу отъ Орды за сохраненіе свободы Новгорода и при этомъ, вдругъ заплакавъ, произнесъ: «кто можетъ озлобить толикое множество людей моихъ, смирить величіе моего города? Только усобицы смятутъ ихъ, раздоръ низложитъ ихъ». Но въ судьбѣ Новгорода усобицами, какъ и другими недостатками его быта можно объяснить развѣ только легкость его покоренія Москвой. Новгородъ палъ бы, еслибы и былъ отъ нихъ свободенъ: участь вольнаго города была рѣшена не мѣстными условіями, а болѣе общей причиной, болѣе широкимъ и гнетущимъ историческимъ процессомъ. Я указываю на этотъ процессъ, заанчивая исторію Московскаго княжества въ удѣльные вѣка. Къ половинѣ XV в. образованіе великорусской народности уже завершилось; ей недоставало только единства политическаго. Эта народность должна была бороться за свое существованіе на востокъ, на югъ и на западъ. Она искала политическаго центра, около котораго могла бы собрать свои силы для этой тяжелой и опасной борьбы. Мы видѣли, какъ такимъ центромъ сдѣлалась Москва, какъ удѣльными династическія стремленія московскихъ князей встрѣтились съ политическими потребностями всего великорусскаго населенія. Эта встрѣча рѣшила участь не только Новгорода Великаго, но и другихъ самостоятельныхъ политическихъ міровъ, какіе еще оставались на Руси къ половинѣ XV в. Уничтоженіе личности

земскихъ частей независимо отъ ихъ политической формы было жертвой, которой требовало общее благо земли, теперь становившейся строго централизованнымъ и однообразно устроеннымъ государствомъ, и московскій государь явился исполнителемъ этого требованія. А Новгородъ, по основамъ своего народнаго быта органическая часть Великороссіи, **жилъ** отдѣльной отъ нея жизнью и хотѣлъ продолжать такъ жить, не раздѣляя ея интересовъ и тягостей: въ 1477 г., переговариваясь съ Иваномъ III, новгородцы ставили условіе, чтобъ ихъ «въ Низовскую землю къ берегу» на службу не посылали — защищать южную окраину Московскаго государства отъ татаръ. Новгородъ при лучшемъ политическомъ устройствѣ могъ бы вести болѣе упорную борьбу съ Москвой, но исходъ этой борьбы былъ бы все тотъ же: вольный городъ неминуемо палъ бы подъ ударами Москвы.

Предсказа-
нія.

Когда разрушается сильный физическій организмъ, его разрушеніе скъазывается тяжкими вздохами и стопами; когда гибнетъ общественный союзъ, жившій долгой и сильной жизнью, его гибель обыкновенно предвѣщается или сопровождается легендой, въ которую отливается усиленная работа мысли современниковъ надъ тѣмъ, что ими ожидалось или что съ ними случилось. Въ нашей исторіи не много такихъ катастрофъ, которыя были бы окружены такимъ роемъ сказаній, какъ паденіе Новгорода, изъ коихъ нѣны не лишены фактической основы. Ожиданіе близкой бѣды еще въ началѣ княженія Ивана III привело новгородскіе умы и нервы въ напряженное состояніе: это напряженіе обнаруживалось въ пророчествахъ о близкой судьбѣ города. Въ новгородскомъ монастырѣ на подгородномъ урочищѣ Клопскѣ въ сороковыхъ годахъ XV столѣтія подвизался блаженный Михаилъ, извѣстный въ нашихъ святцахъ подъ именемъ Клопскаго. Въ 1440 г. посѣтилъ его мѣстный

архієпископъ Евѣимій. Блаженный сказалъ владыкъ: «а сегодня радость большая въ Москвѣ». — «Какая, отче, радость?» — У великаго князя московскаго родился сынъ, которому дали имя Иванъ; разрушить онъ обычай Новгородской земли и принести гибель нашему городу». — Незадолго до паденія Новгорода съ далекаго острова Бѣлаго моря пришелъ въ Новгородъ основатель Соловецкаго монастыря преп. Зосима ходатайствовать предъ властями о нуждахъ своей обители. Пошелъ онъ и къ боярынь Марѣ Борецкой, вдовѣ посадника, пользовавшейся большимъ вліяніемъ въ новгородскомъ обществѣ; но она не приняла старца и велѣла холопамъ прогнать его. Уходя со двора надменной боярыни, Зосима покачалъ головой и сказалъ спутникамъ: «придутъ дни, когда живущіе въ этомъ дворѣ не будутъ ступать по нему ногами своими, когда затворятся его ворота и не откроются болѣе, и запустѣетъ этотъ дворъ», — что и случилось, представляетъ жизнеописатель преп. Зосимы. Марѣа послѣ одумалась, узнавъ, какъ радушно новгородскіе бояре принимаютъ обиженнаго ею пустытника. Она усердно просила Зосиму придти къ ней и благословить ее. Зосима согласился. Марѣа устроила для него обѣдъ со знатными гостями, первыми новгородскими сановниками, вождями литовской партіи, душой которой была Марѣа. Среди обѣда Зосима взглянулъ на гостей и вдругъ съ изумленіемъ молча опустилъ глаза въ землю. Взглянувъ въ другой разъ, онъ опять сдѣлалъ то же; взглянувъ въ третій разъ — и опять, наклонившись, покачалъ головой и прослезился. Съ той минуты онъ не дотронулся до пищи, несмотря на просьбы хозяйки. По выходѣ изъ дома ученикъ Зосимы спросилъ его, что значило его поведение за столомъ. Зосима отвѣчалъ: «взглянулъ я на бояръ и вижу — нѣкоторые изъ нихъ безъ головъ сидятъ». Это были тѣ новгородскіе бояре, которымъ Иванъ III въ 1471 г. послѣ

Шелонской битвы велѣлъ отрубить головы, какъ главнымъ своимъ противникамъ. Задумавъ передаться литовскому королю, новгородцы выпросили себѣ у него въ замѣстники подручника его, князя Михаила Олельковича. Готовилась борьба съ Москвой. Посадникъ Немирь, принадлежавшій къ литовской партіи, пріѣхалъ въ Клопскій монастырь къ упомянутому блаженному Михаилу. Михаилъ спросилъ посадника, откуда онъ. — Былъ, отче, у своей пратени (тещиной матери). — Что у тебя, сынокъ, за дума, о чемъ это ты все ѣздишь думать съ женщинами? — Слышно, сообщилъ посадникъ, лѣтомъ собирается идти на насъ князь московскій, а у насъ есть свой князь Михаилъ. — То, сынокъ, не князь, а грязь, возразилъ блаженный: шлите-ка скорѣй пословъ въ Москву, добивайте челомъ московскому князю за свою вину, а не то придется онъ на Новгородъ со всѣми силами своими, выйдете вы противъ него, и не будетъ вамъ Божьяго пособія, и перебьетъ онъ многихъ изъ васъ, а еще больше того въ Москву сведетъ, а князь Михаилъ отъ васъ въ Литву уѣдетъ и ни въ чемъ вамъ не поможетъ. — Все такъ и случилось, какъ предсказалъ блаженный.

Лекція XXV.

Главныя явленія III періода русской исторіи.—Положеніе Русской земли въ половинѣ XV в.—Границы Московскаго княжества.—Переѣзъ въ дальнѣйшемъ ходѣ собиранія Руси Москвой.—Территориальныя пріобрѣтенія Ивана III и его преемника.—Политическое объединеніе Великороссіи—основной фактъ III періода.—Ближайшія слѣдствія этого факта.—Переѣзъ во внѣшнемъ положеніи Московскаго княжества и во внѣшней политикѣ его великихъ князей.—Мысль о народномъ русскомъ государствѣ и ея выраженіе во внѣшней политикѣ Ивана III.

Обратимся къ изученію третьяго періода нашей исторіи. Онъ начинается съ половины XV в., точнѣе говоря, со вступленія Ивана III на великокняжескій столъ въ 1462 г., и продолжается до начала XVII в. (1613 г.), когда на московскомъ престолѣ является новая династія. Я назвалъ этотъ періодъ временемъ Московской Руси или Великорусскаго государства.

Сѣверная Русь, дотогѣ разбитая на самостоятельныя мѣстные міры, объединяется подѣ одной государственной властью, носителемъ которой является московскій государь; но онъ правитъ при содѣйствіи новаго класса, вокругъ него образовавшагося, боярства. Основой народнаго хозяйства въ этомъ государствѣ остается попрежнему земледѣльческій трудъ вольнаго крестьянина, работающаго на государственной или частной землѣ; но государственная земля все болѣе

Главныя
явленія.

переходить въ руки новаго военнаго класса, создаваемаго государствомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе стѣсняется свобода крестьянскаго труда, замѣняясь хозяйственной зависимостью крестьянина отъ служилаго землевладѣльца. Таковы главныя явленія, которыя въ этомъ періодѣ намъ предстоитъ изучить.

Прежде всего попытаемся выяснитъ основной, такъ сказать, центральный фактъ, отъ котораго шли или въ которому сводились всѣ эти явленія. Что даетъ намъ право положить грань новаго періода на половинѣ XV в.? Съ этого времени происходятъ важныя перемѣны въ Русской землѣ и всѣ эти перемѣны идутъ отъ Московскаго государства и отъ московскаго государя, который правилъ этимъ государствомъ. Вотъ главныя дѣйствующія силы, которыя въ продолженіе полутора ста лѣтъ этого періода ставятъ Русскую землю въ новое положеніе. Но когда Иванъ III наслѣдовалъ на московскомъ столѣ своему отцу, въ Русской землѣ еще не было ни Московскаго государства въ тѣхъ границахъ, которыя оно имѣло въ концѣ XVI вѣка, ни московскаго государя съ тѣмъ политическимъ значеніемъ, съ какимъ онъ является 100 лѣтъ спустя. Оба эти фактора еще не были готовы въ 1462 году, оба являются результатами медленнаго и труднаго процесса, совершающагося въ этотъ самый періодъ. Чтобы лучше понять появленіе этихъ факторовъ, надобно представить себѣ политическое положеніе Русской земли около половины XV в.

Русская
земля въ
половинѣ
XV в.

Весь почти сѣверъ нашей равнины съ сѣверозападнымъ ея угломъ къ Финскому заливу составлялъ область вольнаго Новгорода Великаго, къ которой на югозападѣ, со стороны Ливоніи, примыкала маленькая область другого вольнаго города, Пскова. Вся западная Русь, т. е. Вѣлоруссія, вмѣстѣ съ частью Великороссіи, областью Смоленской, и Русь Малая съ сосѣдними краями нынѣшнихъ великорусскихъ губерній

Курской, Орловской, даже съ частями Тульской и Калужской, входили въ составъ Литовско-Польскаго государства. За Тулой и Рязанской землей начиналось обширное степное пространство, тянувшееся до береговъ Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго морей, на которомъ осѣдлому населенію Руси не удавалось основаться прочно и гдѣ господствовали татары, гнѣздившіеся въ Крыму и на нижней Волгѣ. На востокѣ за средней и верхней Волгой господствовали татары Казанскаго царства, отдѣлившіеся отъ Золотой Орды въ первой половинѣ XV в., затѣмъ вятчане, мало слушавшіеся московскаго князя, хотя Вятка числилась въ его владѣніяхъ, и разные инородцы Пермской земли. Собственно центральное пространство равнины представляло кучу большихъ и малыхъ княжествъ, среди которыхъ находилось и княжество Московское. Обозначимъ въ общихъ чертахъ его границы. Московское княжество. Сѣверная часть нынѣшней Московской губерніи, именно Клинскій уѣздъ, принадлежала еще Тверскому княжеству. Далѣе на сѣверъ и сѣверовостокъ за Волгой московскія владѣнія соприкасались или перемежались съ владѣніями новгородскими, ростовскими, ярославскими, простираясь до слиянія Сухоны и Юга. Съ югозападной стороны граница съ Литвою шла по Угрѣ, въ Калужской губерніи; Калуга находилась на югозападной окраинѣ Московскаго княжества, а она всего въ 170 верстахъ отъ Москвы. Среднимъ теченіемъ Оки между Калугой и Коломною Московское княжество граничило съ великимъ княжествомъ Рязанскимъ, а нижнее теченіе Оки отъ устья Цны и теченіе Волги отъ Нижняго до устья Суры и Ветлуги отдѣляло его отъ Мордвы и Черемисы, находившихся подъ властью казанскихъ татаръ. Этотъ стѣсненный югозападный уголъ территории и былъ головною частью княжества, передовымъ его оплотомъ, указывавшимъ, въ какія стороны были обращены его боевыя силы: здѣсь

находилось ихъ средоточіе. Городъ Москва въ половинѣ XV в. лежалъ вблизи трехъ окраинъ княжества: на сѣверѣ верстахъ въ 80 начиналось княжество Тверское, самое враждебное Москвѣ изъ русскихъ княжествъ; на югѣ верстахъ во 100 по берегу средней Оки шла сторожевая линія противъ самаго безпокойнаго врага—татаръ; на западѣ верстахъ во 100 съ чѣмъ-нибудь за Можайскомъ въ Смоленской области стояла Литва, самый опасный изъ враговъ Москвы. Съ сѣверной, западной и южной стороны неприятельскимъ полкамъ достаточно было немногихъ переходовъ, чтобы дойти до Москвы. Собираясь изучать исторію Москвы съ половины XV в., вспомнимъ хорошенько это неудобство ея внѣшняго положенія въ то время.

Итакъ Русская земля распадалась на множество мелкихъ и крупныхъ политическихъ міровъ, независимыхъ другъ отъ друга, и среди этихъ міровъ Московское княжество было далеко не самымъ крупнымъ: Литовское княжество, по большинству населенія состоявшее изъ Руси, и область Новгородъ Великаго были гораздо обширнѣе его. Раздробленная внутри Русская земля распадалась на двѣ половины по своему внѣшнему политическому положенію: юго-западная половина была подъ властью соединенныхъ Польши и Литвы, сѣверовосточная платила дань хану Золотой Орды. Значить, положеніе Русской земли въ половинѣ XV вѣка можно опредѣлить двумя чертами: политическое порабощеніе извнѣ и политическое раздробленіе внутри. На всемъ пространствѣ нашей равнины, гдѣ только обитала Русь, кромѣ Вятки, не было деревни, которая не находилась бы подъ чуждымъ, иноземнымъ игомъ.

Политическій составъ восточной Руси.

Въ такой обстановкѣ Иванъ III продолжалъ дѣло своихъ предшественниковъ, великихъ князей московскихъ. Еще до него на протяженіи полутора столѣтій мы наблюдали въ

исторіи сѣверной Руси два параллельные процесса: собраніе земли и сосредоточеніе власти, постепенное территориальное расширеніе вотчины московскихъ князей на счетъ другихъ княжествъ и постепенное матеріальное усиленіе великаго князя московскаго на счетъ удѣльныхъ. Какъ ни были велики успѣхи, достигнутые Москвой, ни тотъ, ни другой изъ этихъ процессовъ далеко еще не былъ доведенъ до конца, когда Иванъ III вступилъ на столъ отца и дѣда. Территориальное собраніе Руси Москвой не подвинулось еще настолько, чтобы захватить всѣ самостоятельные мѣстные міры, какіе существовали въ центральной и сѣверной Руси. Эти міры, ждавшіе своей очереди быть поглощенными Москвой, по ихъ политическому устройству можно раздѣлить на два разряда: то были или вольные города (Новгородъ, Псковъ, Вятка), или княжества. Послѣднія принадлежали двумъ княжескимъ линиямъ— стараго Святослава черниговскаго и Всеволода III суздальскаго и образовали 4 группы удѣльныхъ княжествъ съ особымъ великимъ княземъ во главѣ каждой: то были княжества Рязанское, Ростовское, Ярославское и Тверское. Съ другой стороны, ни Иванъ III, ни его старшій сынъ Василій не были единственными властителями Московскаго княжества, дѣлили обладаніе имъ съ ближайшими родичами, удѣльными московскими князьями, и власть великаго князя не разрослась еще настолько, чтобы превратить этихъ удѣльныхъ владѣтелей въ простыхъ подданныхъ московскаго государя. Великій князь пока поднимался надъ удѣльными не объемомъ власти, а только количествомъ силы, пространствомъ владѣній и суммой доходовъ. У Ивана III было 4 удѣльныхъ брата и двоюродный удѣльный дядя Михаилъ верейскій; у Василя III также было 4 брата. Отношенія между ними попрежнему опредѣлялись договорами, и здѣсь встрѣчаемъ все прежнія опредѣленія, повторяются знакомыя

намъ формулы княжескихъ отношеній, давно уже не соответствовавшія дѣйствительности. Договаривающіяся стороны продолжаютъ притворяться, будто не замѣчая совершившихся перемѣнъ, какъ будто между ними все оставалось по старому, хотя Иванъ III по пустому поводу пригрозилъ тюрьмой сыну Михаила верейскаго и отнялъ у старика дяди удѣлъ за побѣгъ этого сына въ Литву.

Перемѣна
въ моск.
собраніи
Руси.

Иванъ III продолжалъ старое дѣло территоріальнаго собиранія Руси, но уже не постарому. Въ удѣльное время территоріальныя приобрѣтенія московскихъ князей носили характеръ или захватовъ, или частныхъ хозяйственныхъ сдѣлокъ съ сосѣдними князьями. Мѣстныя общества еще не принимали замѣтнаго дѣятельнаго участія въ этомъ территоріальномъ объединеніи Руси, хотя по временамъ и проявлялось ихъ нравственное тяготѣніе къ Москвѣ. Съ половины XV в. становится замѣтно прямое вмѣшательство самихъ мѣстныхъ обществъ въ дѣло. Можно замѣтить, что не вездѣ одни и тѣ же классы мѣстныхъ обществъ обнаруживаютъ открытое влеченіе къ Москвѣ. Въ Новгородѣ московская партія состояла преимущественно изъ простонародья съ нѣсколькими боярами, стоявшими во главѣ его; эта сторона ищетъ управы на своевольную новгородскую знать у московскаго великаго князя. Въ княжеской Руси, напротивъ, высшіе служилые классы общества тяготѣютъ къ Москвѣ, соблазнясь выгодами службы у богатаго и сильнаго князя. Такъ въ Твери еще задолго до послѣдняго удара, нанесеннаго ей Москвой, мѣстные бояре и рядовые служилые люди начали переходить на московскую службу. Когда Иванъ III только еще собирался въ походъ на Тверь за ея союзъ съ Литвой, многіе тверскіе бояре и дѣти боярскіе стали покидать своего князя и толпами переходить въ Москву; даже два тверскихъ удѣльныхъ князя перешли тогда на московскую службу.

Когда Иванъ III подступилъ къ Твери (1485 г.), новая толпа тверскихъ князей и бояръ переѣхала въ московскій лагерь и била челомъ Ивану на службу. Тверской лѣтописецъ называетъ этихъ перелетовъ крамольниками и считаетъ ихъ главными виновниками паденія Тверского княжества. По замѣчанію другого лѣтописца, Иванъ взялъ Тверь измѣной боярекою. То же самое явленіе повторилось и въ другомъ великомъ княжествѣ—Рязанскомъ. Это княжество присоединено было къ Москвѣ при Ивановомъ преемникѣ въ 1517 г. Но задолго до этого московскій государь имѣлъ тамъ опору въ главномъ рязанскомъ бояринѣ Коробинѣ, который и подготовилъ низложеніе своего князя. Далѣе, союзъ князей, образовавшійся подъ рукою московскаго государя изъ ближнихъ и дальнихъ его родичей еще въ удѣльные вѣка, теперь расширился и скрѣпился новыми интересами, усилившими авторитетъ московскаго государя. Прежде въ этомъ союзѣ, завязавшемся по волѣ хана, замѣтно было дѣйствіе преимущественно матеріальной силы или случайныхъ, временныхъ отношеній: союзные князья большею частью становились подъ руку московскаго государя, уступая его матеріальному давленію и его вліянію въ Ордь или движимые патріотическими побужденіями, по которымъ нѣкоторые изъ нихъ соединились съ Димитріемъ Донскимъ противъ Твери и Мамаю. Теперь этотъ союзъ расширился подъ дѣйствіемъ новой связи, входящей въ его составъ, интереса религіознаго. Дѣйствіе этого интереса обнаруживается среди православныхъ князей, подвластныхъ Литвѣ. Мы покинули Югозападную Русь въ минуту ея разгрома татарами въ 1240 г. Съ половины XIII ст. въ сосѣдствѣ съ этой Русью начинаетъ подниматься княжество Литовское. Въ XIII и XIV вв. литовскіе князья постепенно подчиняютъ себѣ разединенныя и опустошенныя княжества Западной Руси. Эта

Русь со своими князьями не оказывала особенно упорного сопротивления Литвѣ, которая освобождала ее отъ татарской неволи. Съ тѣхъ поръ начинается могущественное культурное и политическое вліяніе Западной Руси на Литву. Уже къ концу XIV в. Литва и по составу населенія, и по складу жизни представляла изъ себя больше русское, чѣмъ литовское княжество. Но въ 1386 г. литовскій великій князь Ягелло (Яковъ), воспитанный въ православіи своею матерью, рожденной княжной тверской Юліаніей, женился на наслѣдницѣ Польскаго королевства Ядвига и принялъ католичество. Этотъ династическій союзъ Литвы и Польши завязалъ роковой для соединеннаго государства религіозно-политическій узелъ. Съ тѣхъ поръ началась при содѣйствіи польско-литовскаго правительства католическая пропаганда въ Западной Руси. Пропганда эта особенно усилилась во второй половинѣ XV в., когда Литвою правилъ сынъ Ягелла Казиміръ IV. Православное русское общество оказывало стойкое противодѣйствіе католическимъ миссіонерамъ. Въ Западной Руси начиналось сильное броженіе, «замятня великая» между католиками и православными. «Все наше православное христіанство хотятъ окрестить», писали отсюда: за это наша Русь вельми ся съ Литвою не любятъ». Увлекаемые этимъ религіознымъ движеніемъ, и православные князья Западной Руси, еще не утратившіе прежней самостоятельности въ своихъ владѣніяхъ подъ легкою властью великаго князя литовскаго, начали одинъ за другимъ приставать къ Москвѣ, какъ къ своему религіозному центру. Тѣ изъ нихъ, которые могли присоединиться къ Москвѣ со своими владѣніями по ихъ близости къ московскимъ границамъ, принимали условія зависимости, выработавшіяся въ Москвѣ для добровольно поддававшихся удѣльныхъ князей: они дѣлались постоянными и подчиненными союзниками московскаго государя, обяза-

вались служить ему, но сохраняли при себѣ свои дворы, дружины, и не только оставались или становились вотчинниками своихъ владѣній, но и пользовались въ нихъ административными правами, держали свое особое управленіе. Въ такое положеніе становились передававшіеся Москвѣ владѣльцы мелкихъ княжествъ по верхней Окѣ, потомки св. Михаила черниговскаго, князья Бѣлевскіе, Новосильскіе, Воротынскіе, Одоевскіе и другіе. Примѣру ихъ послѣдовали потомки Всеволода III, князья черниговскій и новгородъ-сѣверскій, сынъ Ивана Андреевича можайскаго и внукъ Шемяки. Отцы ихъ, когда ихъ дѣло въ борьбѣ съ Василиемъ Темнымъ было проиграно, бѣжали въ Литву и тамъ получили обширныя владѣнія по Деснѣ, Семи, Сожу и Днѣпру съ городами Черниговомъ и Новгородомъ Сѣверскимъ. Отецъ одного и внукъ другого были злѣйшими недругами Василия Темнаго, своего двоюроднаго брата, а сынъ и внукъ, стоя за православіе, забыли наследственную вражду и стали подчиненными союзниками Васильева сына. Такъ московскій союзъ князей, расширяясь, превращался въ военную гегемонію Москвы надъ союзными князьями.

Таковы новыя явленія, которыя замѣчаются въ территориальномъ собираніи Руси Москвой съ половины XV в. Сами мѣстныя общества начинаютъ открыто обращаться къ Москвѣ, увлекая за собой и свои правительства или увлекаемыя ими. Благодаря этому тяготѣнію московское собираніе Руси получило иной характеръ и ускоренный ходъ. Теперь оно перестало быть дѣломъ захвата или частнаго соглашенія, а сдѣлалось національно-религіознымъ движеніемъ. Достаточно короткаго перечня территориальныхъ приобрѣтеній, сдѣланныхъ Москвой при Иванѣ III и его сынѣ Василии, чтобы видѣть, какъ ускорилось это политическое объединеніе Руси. Съ половины XV в. и вольные города со

Приобрѣтенія
Ивана
III и Васи-
лія III.

своими областями, и княжества быстро входятъ въ составъ московской территоріи. Въ 1463 г. всѣ князья Ярославскіе, великій съ удѣльными, били Ивану III челомъ о принятіи ихъ на московскую службу и отказались отъ своей самостоятельности. Въ 1470-хъ годахъ покоренъ былъ Новгородъ Великій съ его обширной областью въ Сѣверной Руси. Въ 1472 г. приведена была подъ руку московскаго государя Пермская земля, въ части которой (по р. Вычегдѣ) начало русской колонизаціи положено было еще въ XIV в., во времена св. Стефана Пермскаго. Въ 1474 г. князья Ростовскіе продали Москвѣ остававшуюся за ними половину Ростовскаго княжества; другая половина еще раньше была приобрѣтена Москвой. Эта сдѣлка сопровождалась вступленіемъ князей Ростовскихъ въ составъ московскаго боярства. Въ 1485 г. безъ боя присягнула Ивану III осажденная имъ Тверь. Въ 1489 г. окончательно покорена Вятка. Въ 1490-хъ годахъ князья Вяземскіе и цѣлый рядъ мелкихъ князей черниговской линіи, Одоевскіе, Новосильскіе, Воротынскіе, Мезецкіе, а также сейчасъ упомянутые сыновья московскихъ бѣглицъ, князья черниговскій и сѣверскій, всѣ со своими владѣніями, захватывавшими восточную полосу Смоленской и большую часть Черниговской и Сѣверской земель, признали надъ собой, какъ уже сказано было, верховную власть московскаго государя. Въ княженіе Иванова преемника присоединены были къ Москвѣ въ 1510 г. Псковъ съ его областью, въ 1514 г. Смоленское княжество, захваченное Литвой въ началѣ XV в., въ 1417 г. княжество Рязанское; наконецъ въ 1417—1523 гг. княжества Черниговское и Сѣверское включены были въ число непосредственныхъ владѣній Москвы, когда сѣверскій Шемячичъ выгналъ своего черниговскаго сосѣда и товарища по изгнанію изъ его владѣній, а потомъ и самъ попалъ въ московскую тюрьму. Мы не будемъ пере-

числѣть территоріальныхъ приобрѣтеній, сдѣланныхъ Москвой въ царствованіе Ивана IV за предѣлами тогдашней Велико-россіи, по средней и нижней Волгѣ и въ степяхъ по Дону и его притокамъ. Довольно того, что было приобрѣтено отцомъ и дѣдомъ царя, чтобы видѣть, насколько расширилась территория Московскаго княжества. Не считая шаткихъ, неукрѣпленныхъ зауральскихъ владѣній въ Югрѣ и землѣ вогуличей, Москва владѣла отъ Печоры и горъ сѣвернаго Урала до устьевъ Невы и Наровы и отъ Васильсурока на Волгѣ до Любеча на Днѣпрѣ. При восшествіи Ивана III на великокняжескій столъ московская территория едва ли заключала въ себѣ болѣе 15.000 квадр. миль. Приобрѣтенія Ивана III и его сына увеличили эту территорию по меньшей мѣрѣ тысячъ на 40 квадр. миль.

Такова перемѣна, происшедшая въ положеніи Московскаго княжества. Территориальное расширение само по себѣ — успѣхъ чисто внѣшній, географическій; но оно оказало могущественное дѣйствіе на политическое положеніе Московскаго княжества и его князя. Важно было не количество новыхъ пространствъ. Въ Москвѣ почувствовали, что завершается большое давнее дѣло, глубоко касающееся внутренняго строя земской жизни. Это чувство выразили тогдашніе органы московской публицистики, лѣтопись и юродивый. Лѣтопись называетъ вел. князя Василія III послѣднимъ собирателемъ Руси. Только что упомянутый Шемячичъ сѣверскій былъ послѣдній московскій родомъ князь не изъ семьи Темнаго, находившійся на положеніи удѣльнаго. Когда его посадили въ тюрьму, на московскихъ улицахъ появился блаженный съ метлой въ рукахъ. На вопросъ, зачѣмъ у него метла, онъ отвѣчалъ: «государство не совсѣмъ еще чисто; пора вымести послѣдній соръ». Если вы представите себѣ новыя границы Московскаго княжества, созданныя перечи-

Основной фактъ.

сленными территориальными приобретениями, вы увидите, что это княжество вобрало въ себя цѣлую народность. Мы знаемъ, какъ въ удѣльные вѣка путемъ колонизаціи въ центральной и сѣверной Руси сложилось новое племя въ составѣ русскаго населенія, образовалась новая народность— *великорусская*. Но до половины XV в. эта народность оставалась лишь фактомъ этнографическимъ, безъ политическаго значенія: она была разбита на нѣсколько самостоятельныхъ и разнообразно устроенныхъ политическихъ частей; единство національное не выражалось въ единствѣ государственномъ. Теперь вся эта народность соединяется подъ одной государственной властью, вся покрывается одной политической формой. Это сообщаетъ новый характеръ Московскому княжеству. До сихъ поръ оно было однимъ изъ нѣсколькихъ великихъ княжествъ сѣверной Руси; теперь оно остается здѣсь единственнымъ и потому становится національнымъ: его границы совпадаютъ съ предѣлами великорусской народности. Пренія народныя сочувствія, тянувшія Великую Русь къ Москвѣ, теперь превратились въ политическія связи. Вотъ тотъ основной фактъ, отъ котораго пошли остальные явленія, наполняющія нашу исторію XV и XVI вѣковъ. Можно такъ выразить этотъ фактъ: *завершеніе территориальнаго собиранія сѣверовосточной Руси Москвой превратило Московское княжество въ національное великорусское государство* и такимъ образомъ сообщило великому князю московскому значеніе національнаго великорусскаго государя. Если вы припомните главныя явленія нашей исторіи XV и XVI вв., вы увидите, что внѣшнее и внутреннее положеніе Московскаго государства въ это время слагается изъ послѣдствій этого основного факта.

Переимѣна
во внѣш-
немъ поло-

Вслѣдствіе этого, во-первыхъ, измѣнилось *внѣшнее положеніе* Московскаго княжества. До сихъ поръ оно почти со

всѣхъ сторонъ было прикрыто отъ внѣшнихъ враговъ дру- жени и въ
политикѣ
Москвы.
гими русскими же княжествами или землями вольныхъ город-
скихъ общинъ: съ сѣвера княжествомъ Тверскимъ, съ сѣве-
ростока и востока Ярославскимъ, Ростовскимъ и до конца
XIV в. Нижегородскимъ, а съ юга Рязанскимъ и мелкими
княжествами по верхней Огѣ, съ запада Смоленскимъ (до
захвата его Витовтомъ въ 1404 г.), съ сѣверозапада землями
Новгорода и Пскова. Съ половины XV в. всѣ эти внѣшнія
прикрытія исчезаютъ, и Московское княжество становится
глазъ на глазъ съ иноземными государствами, не принадле-
жавшими къ семьѣ русскихъ князей. Въ связи съ этой
перемѣной во внѣшнемъ положеніи княжества измѣнилась
и *внѣшняя политика* московскихъ князей. Теперь, дѣйствуя
на болѣе широкой сценѣ, они усваиваютъ себѣ новыя задачи,
какія не стояли передъ московскими князьями удѣльныхъ
вѣковъ. До сихъ поръ внѣшнія отношенія московскихъ кня-
зей ограничивались тѣснымъ кругомъ своей же братіи, дру-
гихъ русскихъ князей, великихъ и удѣльныхъ, да татарами.
Съ Ивана III московская политика выходитъ на болѣе
широкую дорогу: Московское государство заводитъ сложные
дипломатическія сношенія съ иноземными западно-европей-
скими государствами, Польшей и Литвой, Швеціей, съ орде-
нами Тевтонскимъ и Ливонскимъ, съ императоромъ герман-
скимъ и др.

Вмѣстѣ съ расширеніемъ дипломатической сцены измѣ- Идея націо-
нальнаго го-
сударства.
няется и программа внѣшней политики. Эта переиѣна тѣсно
связана съ одной идеей, пробуждающейся въ московскомъ
обществѣ около этого времени, идеей національнаго госу-
дарства. Эта идея требуетъ тѣмъ большаго вниманія съ
нашей стороны, чѣмъ рѣже приходится намъ отмѣчать пря-
мое участіе идей въ образованіи фактовъ нашей древней
исторіи. Сознаніе или скорѣе чувство народнаго единства

Русской земли—не новый фактъ XV—XVI вѣковъ: это дѣло Кіевской Руси XI—XII в., и заканчивая изученіе политическаго строя Русской земли въ тѣ вѣка, я указывалъ на это чувство, даже пытался отмѣтить нѣкоторыя его особенности. Я говорилъ, что въ то время оно выражалось не столько въ сознаниі характера и историческаго назначенія народа, сколько въ мысли о Русской землѣ, какъ *общемъ отечествѣ* (лекц. XII). Трудно сказать, какое дѣйствіе оказали на нее тревоги удѣльных вѣковъ. Но она несомнѣнно тлѣла въ народѣ, питаемая церковными и другими связями. Разрывъ русской народности на двѣ половины, югозападную и сѣверовосточную, удѣльное дробленіе послѣдней, иноземное иго—эти неблагоприятныя условія едва ли могли содѣйствовать проясненію мысли о народномъ единствѣ, однако были способны пробудить или поддержать смутную потребность въ немъ, и мы уже знаемъ, какую крупную роль сыграла она въ ходѣ успѣховъ Московскаго княжества. Я веду рѣчь не объ этой потребности, а объ идеѣ національнаго государства, о стремленіи къ политическому единству на народной основѣ. Эта идея возникаетъ и усиленно разрабатывается прежде всего въ московской правительственной средѣ по мѣрѣ того, какъ Великороссія объединялась подъ московской властью. Любопытно слѣдить, въ какомъ видѣ и съ какою степенью пониманія дѣла проявлялась эта идея, которая не могла не оказать вліянія на ходъ жизни Московскаго княжества. Видно, во-первыхъ, что она вырабатывается подъ давленіемъ измѣнявшихся внѣшнихъ сношеній московскаго великаго князя. Потому первой провозвѣстницей ея является московская дипломатія Иванова времени и уже отсюда, изъ государева дворца и кремлевской канцеляріи, она проникаетъ въ московское общество. Прежде столкновенія московскихъ великихъ князей съ ихъ русскими сосѣдями затрогивали

только мѣстные интересы и чувства москвича, тверича, рязанца, разъединившіе ихъ другъ съ другомъ. Боролась Москва съ Тверью, Рязанью; теперь борются Русь съ Польшей, со Швеціей, съ нѣмцами. Прѣжнія войны Москвы—усобицы русскихъ князей; теперь это—борьба народовъ. Внѣшнія отношенія Москвы къ иноплеменнымъ сосѣдямъ получаютъ одинаковое общее значеніе для всего великорусскаго народа: они не разъединяли, а сближали его мѣстныя части въ сознаниі общихъ интересовъ и опасностей и поселяли мысль, что Москва—общій сторожевой постъ, откуда слѣдятъ за этими интересами и опасностями, одинаково близкими и для москвича, и для тверича, для всякаго русскаго. Внѣшнія дѣла Москвы усиленно вызывали мысль о народности, о народномъ государствѣ. Эта мысль должна была положить свой отпечатокъ и на общественное сознаниі московскихъ князей. Они вели свои дѣла во имя своего фамилнаго интереса. Но равнодушіе или молчаливое сочувствіе, съ какимъ мѣстныя общества относились къ московской уборкѣ ихъ удѣльныхъ князей, открытое содѣйствіе высшаго духовенства, усилія Москвы въ борьбѣ съ поработителями народа—все это придавало эгоистической работѣ московскихъ собирателей земли характеръ народнаго дѣла, патріотическаго подвига, а совпаденіе ихъ земельныхъ стяжаній съ предѣлами Великороссіи волей-неволей заставляло ихъ слить свой династическій интересъ съ народнымъ благомъ, выступить борцами за вѣру и народность. Вобравъ въ составъ своей удѣльной вотчины всю Великороссію и принужденный дѣйствовать во имя народнаго интереса, московскій государь сталъ заявлять требованіе, что всѣ части Русской земли должны войти въ составъ этой вотчины. Объединявшаяся Великороссія рождала идею народнаго государства, но не ставила ему предѣловъ, которые въ каждый данный моментъ были случайностью,

раздвигаясь съ успѣхами московскаго оружія и съ колонизаціоннымъ движеніемъ великорусскаго народа.

Ея выраже-
ніе въ по-
литикѣ Ива-
на III.

Вотъ эта идея все настойчивѣе начинаетъ пробиваться въ московскихъ дипломатическихъ бумагахъ со времени Ивана III. Приведу изъ нихъ нѣсколько, можетъ быть, не самыхъ выразительныхъ чертъ. Иванъ III два раза воевалъ со своимъ литовскимъ сосѣдомъ великимъ княземъ Александромъ, сыномъ Казимира IV. Обѣ войны вызваны были одинаковымъ поводомъ, переходомъ мелкихъ князей Черниговской земли на московскую службу. Первая война началась тотчасъ по смерти Казимира въ 1492 г. и прервалась въ 1494. Женитьба Александра на дочери Ивановой не помѣшала второй войнѣ (1500-1503 гг.), когда переходъ служилыхъ князей изъ Литвы возобновился въ усиленной степени. Посредникомъ между враждующими сторонами явился пріѣхавшій въ Москву посоль отъ папы и венгерскаго короля Владислава, старшаго брата Александрова. Въ то же время (1501) Александръ литовскій былъ избранъ по смерти другаго брата Яна Альбрехта и на польскій престолъ. Посоль жаловался въ Москвѣ на то, что московскій государь захватываетъ вотчины у Литвы, на которыя онъ не имѣетъ никакого права. Московское правительство возражало на эту жалобу: «короли венгерскій и литовскій объявляютъ, что хотятъ стоять противъ насъ за свою вотчину; но они что называютъ своей вотчиной? Не тѣ ли города и волости, съ которыми русскіе князья пришли къ намъ служить или которые наши люди у Литвы побрали? Папѣ, надѣмся, хорошо извѣстно, что король Владиславъ и Александръ вотчичи Польскаго королевства да Литовской земли отъ своихъ предковъ, а Русская земля отъ нашихъ предковъ изъ старины наша отчина. Папа положилъ бы себѣ то на разумъ, гораздо ли король поступаетъ, что не за свою вотчину воевать съ

нами хотять». По этой дипломатической діалектикѣ вся Русская земля, а не одна только великорусская ея половина объявлена была вотчиной московскаго государя. Это же заявленіе повторено было Москвой и позаклученіи перемирія съ Александромъ въ 1503 г., когда литовскій великій князь сталъ жаловаться на московскаго за то, что тотъ не возвращаетъ ему захваченныхъ у Литвы земель, говоря, что ему, Александру, жаль своей вотчины. «А мнѣ, возражалъ Иванъ, развѣ не жаль своей вотчины, Русской земли, которая за Литвой, Кіева, Смоленска и другихъ городовъ»? Во время мирныхъ переговоровъ въ 1503 г. московскіе бояре отъ имени Ивана III упрямо твердили польско-литовскимъ посламъ: «Ано и не то одно наша отчина, кои города и волости нынѣ за нами: и вся Русская земля изъ старины отъ нашихъ прародителей наша отчина». Въ то же время Иванъ III объявлялъ въ Крыму, что у Москвы съ Литвою прочнаго мира быть не можетъ, пока московскій князь не воротитъ своей отчины, всей Русской земли, что за Литвой, что борьба будетъ перемежаться только перемиріями для возстановленія силъ, чтобы перевести духъ. Эта мысль о государственномъ единствѣ Русской земли изъ историческаго воспоминанія теперь превращается въ политическое притязаніе, которое Москва и спѣшила заявить во всѣ стороны, какъ свое неотъемлемое право.

Таковы были два ближайшія слѣдствія, вышедшія изъ указаннаго основнаго факта. Благодаря новымъ территориальнымъ приобрѣтеніямъ московскихъ князей 1) измѣнилось внѣшнее положеніе Московскаго княжества, 2) усложнились задачи внѣшней московской политики, которая теперь, когда Великая Русь образовала единое политическое цѣлое, поставила на очередь вопросъ о политическомъ объединеніи всей Русской земли, и изъ этого вопроса вышла вѣковая борьба

Войны съ
Польшей.

двухъ сосѣднихъ славянскихъ государствъ, Руси и Польши. Простой перечень войнъ Москвы съ Польшей-Литвой при Иванѣ III и его двухъ ближайшихъ преемникахъ показываетъ, сколько тяжелаго историческаго предвидѣнія было въ его крымскомъ заявленіи: двѣ войны при немъ самомъ, двѣ при его сынѣ Василии, одна война въ правленіе Васильевой вдовы Елены, при Иванѣ IV война съ Ливоніей, сопровождавшаяся продолжительной войной, точнѣе говоря, двумя войнами съ Польшей, поглотившими около 20 лѣтъ его царствованія. Изъ 90 лѣтъ (1492—1582) не менѣе 40 ушло на борьбу съ Литвой-Польшей.

Лекція XXVI.

Внутреннія слѣдствія основного факта III періода.—Ростъ политическаго самосознанія московскаго государя.—Софья Палеологъ и ея значеніе въ Москвѣ.—Новыя титулы.—Новая генеалогія и сказаніе о коронованіи Владиміра Мономаха.—Идея божественнаго происхожденія великокняжеской власти.—Вотчина и государство.—Колебанія между обѣими формами ирравленія.—Порядокъ престолонаслѣдія.—Расширеніе власти великаго князя.—Запоздалость и вредъ удѣльнаго владѣнія.—Нерѣшительное отношеніе къ нему Ивана III и его преемниковъ.—Составъ верховной власти московскаго государя.—Перемена во взглядѣ московскаго общества на своего государя.—Выводы.

Я указалъ ближайшія внѣшнія слѣдствія, какія выпли изъ основного факта изучаемаго періода. Но этотъ фактъ подѣйствовалъ и на болѣе скрытыя сферы московской государственной жизни, на политическія понятія и внутреннія государственныя отношенія, и это дѣйствіе требуетъ особеннаго вниманія.

Указанный фактъ замѣтно отразился на политическомъ самосознаніи московскаго государя и великорусскаго общества. Мы не можемъ, конечно, ожидать, чтобы новое положеніе, въ какомъ очутился московскій государь, какъ бы сильно оно ни почувствовалось, тотчасъ вызвало въ московскихъ правительственныхъ умахъ соотвѣтственный рядъ новыхъ и отчетливыхъ политическихъ понятій. Ни въ одномъ тогдашнемъ памятникѣ мы не найдемъ прямого и цѣльнаго

Ростъ политическаго сознанія.

выраженія понятій, отлагавшихся въ умахъ подъ влияніемъ измѣнившагося положенія. Тогдашніе политическіе дѣльцы не привыкли въ своей дѣятельности ни исходить изъ отвлеченныхъ теорій, ни быстро переходить отъ новыхъ фактовъ къ новымъ идеямъ. Новая идея развивалась туго, долго оставаясь въ фазѣ смутнаго помысла или шаткаго настроенія. Чтобы понять людей въ этомъ состояніи, надобно искать болѣе простыхъ, первичныхъ проявленій человѣческой души, смотрѣть на внѣшнія подробности ихъ жизни, на костюмъ, по которому они строятъ свою походку, на окружающую ихъ обстановку, по которой они подбираютъ себѣ осанку: эти признаки выдаютъ ихъ помыслы и ощущенія, еще неясные для нихъ самихъ, не созрѣвшіе для болѣе понятнаго выраженія. Почувствовавъ себя въ новомъ положеніи, но еще не отдавая себѣ яснаго отчета въ своемъ новомъ значеніи, московская государственная власть оцущью искала дома и на-сторонѣ формъ, которыя бы соотвѣтствовали этому положенію, и уже облекшись въ эти формы, старалась съ помощью ихъ уяснить себѣ свое новое значеніе. Съ этой стороны получаютъ немаловажный историческій интересъ нѣкоторыя дипломатическія формальности и новыя придворныя церемоніи, появляющіяся въ княженіе Ивана III.

Софья Палеологъ.

Иванъ былъ женатъ два раза. Первая его жена была сестра его сосѣда, великаго князя тверскаго, Марья Борисовна. По смерти ея (1467) Иванъ сталъ искать другой жены подальше и поважнѣе. Тогда въ Римѣ проживала сирота племянница послѣдняго византійскаго императора Софья Ѳоминачна Палеологъ. Несмотря на то, что греки со времени флорентійской уніи сильно уронили себя въ русскихъ православныхъ глазахъ, несмотря на то, что Софья жила такъ близко къ ненавистному папѣ, въ такомъ подозрительномъ церковномъ обществѣ, Иванъ III, одолѣвъ въ себѣ религиоз-

ную брезгливость, выписалъ царевну изъ Италіи и женился на ней въ 1472 г. Эта царевна, извѣстная тогда въ Европѣ своей рѣдкой полнотою, привезла въ Москву очень тонкій умъ и получила здѣсь весьма важное значеніе. Бояре XVI в. приписывали ей всѣ неприятыя имъ нововведенія, какія съ того времени появились при московскомъ дворѣ. Внимательный наблюдатель московской жизни баронъ Герберштейнъ, два раза прѣзжавшій въ Москву посломъ германскаго императора при Ивановомъ преемникѣ, наслушавшись боярскихъ толковъ, замѣчаетъ о Софьѣ въ своихъ запискахъ, что это была женщина необыкновенно хитрая, имѣвшая большое вліяніе на великаго князя, который по ея внушенію сдѣлалъ многое. Ея вліянію приписывали даже рѣшимость Ивана III сбросить съ себя татарское иго. Въ боярскихъ розсказаньяхъ и сужденіяхъ о царевнѣ не легко отдѣлится наблюденіе отъ подозрѣнія или преувеличенія, руководимаго недоброжелательствомъ. Софья могла внушить лишь то, чѣмъ дорожила сама и что понимали и цѣнили въ Москвѣ. Она могла привезти сюда преданія и обычаи византійскаго двора, гордость своимъ происхожденіемъ, досаду, что идетъ замужъ за татарскаго данника. Въ Москвѣ ей едва ли нравились простота обстановки и безцеремонность отношеній при дворѣ, гдѣ самому Ивану III приходилось выслушивать, по выраженію его внука, «многія поносныя и укоризненныя слова» отъ строптивыхъ бояръ. Но въ Москвѣ и безъ нея не у одного Ивана III было желаніе измѣнить всѣ эти старые порядки, столь не соотвѣтствовавшіе новому положенію московскаго государя, а Софья съ привезенными ею греками, издавшими и византійскіе, и римскіе виды, могла дать цѣнныя указанія, какъ и по какимъ образцамъ ввести желательныя перемѣны. Ей нельзя отказать во вліяніи на декоративную обстановку и закулисную жизнь московскаго

двора, на придворныя интриги и личныя отношенія; но на политическія дѣла она могла дѣйствовать только внушеніями, вторившими тайнымъ или смутнымъ помысламъ самого Ивана. Особенно понятливо могла быть воспринята мысль, что она, царевна, своимъ московскимъ замужствомъ дѣлаетъ московскихъ государей преемниками византійскихъ императоровъ со всѣми интересами православнаго Востока, какіе держались за этихъ императоровъ. Потому Софья цѣнилась въ Москвѣ и сама себя цѣнила не столько какъ великая княгиня московская, сколько какъ царевна византійская. Въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ хранится шелковая пелена, шитая руками этой великой княгини, которая вышила на ней и свое имя. Пелена эта вышита въ 1498 г. Въ 26 лѣтъ замужства Софья, кажется, пора уже было забыть про свое дѣвичество и прежнее византійское званіе; однако въ подписи на пеленѣ она все еще величаетъ себя «царевною царегородскою», а не великой княгиней московской. И это было не даромъ: Софья, какъ царевна, пользовалась въ Москвѣ правомъ принимать иноземныя посольства. Такимъ образомъ бракъ Ивана и Софьи получалъ значеніе политической демонстраціи, которою заявляли всему свѣту, что царевна, какъ наслѣдница павшаго византійскаго дома, перенесла его державныя права въ Москву, какъ въ новый Царьградъ, гдѣ и раздѣляетъ ихъ со своимъ супругомъ.

Новые ти-
тулы.

Почувствовавъ себя въ новомъ положеніи и еще рядомъ съ такой знатной женой, наслѣдницей византійскихъ императоровъ, Иванъ нашелъ тѣсной и некрасивой прежнюю кремлевскую обстановку, въ какой жили его невзыскательные предки. Вслѣдъ за царевной изъ Италіи выписаны были мастера, которые построили Ивану новый Успенскій соборъ, Грановитую палату и новый каменный дворецъ на мѣстѣ прежнихъ деревянныхъ хоромъ. Въ то же время въ Кремлѣ

при дворѣ сталъ заводиться тотъ сложный и строгій церемоніаль, который сообщалъ такую чопорность и натянутость придворной московской жизни. Точно такъ же, какъ у себя дома, въ Кремлѣ, среди придворныхъ слугъ своихъ, Иванъ началъ выступать болѣе торжественной поступью и во внѣшнихъ сношеніяхъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ само собою, безъ бою, при татарскомъ же содѣйствіи, свалилось съ плечъ ордынское иго, тяготѣвшее на сѣверовосточной Руси 2¹/₂ столѣтія (1238—1480). Въ московскихъ правительственныхъ, особенно дипломатическихъ бумагахъ съ той поры является новый, болѣе торжественный языкъ, складывается пышная терминологія, незнакомая московскимъ дьякамъ удѣльныхъ вѣковъ. Между прочимъ для едва воспринятыхъ политическихъ понятій и тенденцій не замедлили подыскать подходящее выраженіе въ новыхъ титулахъ, какіе появляются въ актахъ при имени московскаго государя. Это—цѣлая политическая программа, характеризующая не столько дѣйствительное, сколько искомое положеніе. Въ основу ея положены тѣ же два представленія, извлеченныя московскими правительственными умами изъ совершавшихся событій, и оба эти представленія—политическія притязанія: это—мысль о московскомъ государѣ, какъ о національномъ властителѣ *всей* Русской земли, и мысль о немъ, какъ о политическомъ и церковномъ преемникѣ византійскихъ императоровъ. Много Руси оставалось за Литвой и Польшей, и однако въ сношеніяхъ съ западными дворами, не исключая и литовскаго, Иванъ III впервые отважился показать европейскому политическому міру притязательный титулъ *государя всей Руси*, прежде употреблявшійся лишь въ домашнемъ обиходѣ, въ актахъ внутренняго управленія, и въ договорѣ 1494 г. даже заставилъ литовское правительство формально признать этотъ титулъ. Послѣ того какъ спало съ Москвы татарское иго,

въ сношеніяхъ съ неважными иностранными правителями, напирѣвъ, съ ливонскимъ магистромъ, Иванъ III титулуеть себя *царемъ* всея Руси. Этотъ терминъ, какъ извѣстно, есть сокращенная южнославянская и русская форма латинскаго слова *цесарь* или по старинному написанію *цъсарь*, какъ отъ того же слова по другому произношенію *кесарь* произошло нѣмецкое Kaiser. Титулъ царя въ актахъ внутренняго управленія при Иванѣ III иногда, при Иванѣ IV обыкновенно соединялся со сходнымъ по значенію титуломъ *самодержца*: это славянскій переводъ византійскаго императорскаго титула *αὐτοκράτωρ*. Оба термина въ древней Руси значили не то, что стали значить потомъ, выражали понятіе не о государѣ съ неограниченной внутренней властью, а о властителѣ, независимомъ ни отъ какой сторонней вѣдшей власти, никому не платящемъ дани. На тогдашнемъ политическомъ языкѣ оба эти термина противопологались тому, что мы разумѣемъ подъ словомъ *вассалъ*. Памятники русской письменности до татарскаго ига иногда и русскихъ князей называютъ царями, придавая имъ этотъ титулъ въ знакъ почтенія, не въ смыслѣ политическаго термина. Царями по преимуществу древняя Русь до половины XV в. звала византійскихъ императоровъ и хановъ Золотой Орды, наиболѣе извѣстныхъ ей независимыхъ властителей, и Иванъ III могъ принять этотъ титулъ, только переставъ быть данникомъ хана. Сверженіе ига устраняло политическое къ тому препятствіе, а бракъ съ Софьей давалъ на то историческое оправданіе: Иванъ III могъ теперь считать себя единственнымъ оставшимся въ мірѣ православнымъ и независимымъ государемъ, какими были византійскіе императоры, и верховнымъ властителемъ Руси, бывшей подъ властью ордынскихъ хановъ. Усвоивъ эти новые пышные титулы, Иванъ нашель, что теперь ему не пригоже назы-

ваться въ правительственныхъ актахъ просто по-русски Иваномъ, государемъ великимъ княземъ, а началъ писаться въ церковной книжной формѣ: «Іоаннъ, Божією милостію государь всея Руси». Къ этому титулу, какъ историческое его оправданіе, привѣшивается длинный рядъ географическихъ эпитетовъ, обозначающихъ новые предѣлы Московскаго государства: «Государь всея Руси и великій князь Владимірскій и Московскій и Новгородскій и Псковской и Тверской и Пермскій и Югорскій и Болгарскій и иныхъ», т. е. земель. Почувствовавъ себя и по политическому могуществу, и по православному христіанству, наконецъ и по брачному родству преемникомъ павшаго дома византійскихъ императоровъ, московскій государь нашелъ и наглядное выраженіе своей династической связи съ ними: съ конца XV в. на его печатяхъ появляется византійскій гербъ, двуглавый орелъ.

Тогда мыслили не идеями, а образами, символами, об-
 рядами, легендами, т. е. идеи развивались не въ логическія сочетанія, а въ символическія дѣйствія или предполагаемые факты, для которыхъ искали оправданія въ исторіи. Къ прошлому обращались не для объясненія явленій настоящаго, а для оправданія текущихъ интересовъ, подыскивали при-
 мѣры для собственныхъ притязаній. Московскимъ политикамъ начала XVI в. мало было брачнаго родства съ Византійей: хотѣлось породниться и по крови, притомъ съ самымъ корнемъ или мировымъ образцомъ верховной власти—съ самимъ Римомъ. Въ московской лѣтописи того вѣка появляется новое родословіе русскихъ князей, ведущее ихъ родъ прямо отъ императора римскаго. Повидимому въ началѣ XVI в. составилось сказаніе, будто Августъ, кесарь римскій, обладатель всей вселенной, когда сталъ изнемогать, раздѣлилъ вселенную между братьями и сродниками своими и

Генеалогія
Рюрика.

брата своего Пруса посадилъ на берегахъ Вислы-рѣки по рѣку, называемую Нѣманъ, что и донинѣ по имени его зовется Прусской землей, «а отъ Пруса четырнадцатое колѣно—великій государь Рюрикъ». Московская дипломатія дѣлала изъ этого сказанія практическое употребленіе: въ 1563 г. бояре царя Ивана, оправдывая его царскій титулъ въ переговорахъ съ польскими послами, приводили словами лѣтописи эту самую генеалогію московскихъ Рюриковичей.

Сказаніе о
Вл. Монома-
хъ.

Хотѣли освѣтить исторіей и идею византійскаго наслѣдства. Владиміръ Мономахъ былъ сынъ дочери византійскаго императора Константина Мономаха, умершаго за 50 лѣтъ слишкомъ до вступленія своего внука на кіевскій столъ. Въ московской же лѣтописи, составленной при Грозномъ, повѣствуется, что Владиміръ Мономахъ, вокняжившись въ Кіевѣ, послалъ воеводъ своихъ на Царьградъ воевать этого самаго царя греческаго Константина Мономаха, который съ цѣлью прекратить войну отправилъ въ Кіевъ съ греческимъ митрополитомъ крестъ изъ животворящаго древа и царскій вѣнецъ со своей головы, т. е. Мономахову шапку, съ сердоликовой чашей, изъ которой Августъ, царь римскій, веселился, и съ золотой цѣпью. Митрополитъ именемъ своего царя просилъ у князя кіевского мира и любви, чтобы все православіе въ покоѣ пребывало «подъ общею властью нашего царства и твоего великаго самодержавства Великія Руси». Владиміръ былъ вѣнчанъ этимъ вѣнцомъ и сталъ зваться Мономахомъ, боговѣнчаннымъ царемъ Великой Руси. «Оттолѣ—такъ заканчивается рассказъ—тѣмъ царскимъ вѣнцомъ вѣнчались всѣ великіе князи владимірскіе». Сказаніе было вызвано вѣнчаніемъ Ивана IV на царство въ 1547 г., когда были торжественно приняты и введены какъ во внѣшнія сношенія, такъ и во внутреннее управленіе титулы царя и самодержца, появлявшіеся при Иванѣ III какъ бы въ видѣ

пробы лишь въ нѣкоторыхъ, преимущественно дипломатическихъ актахъ. Основная мысль сказанія: значеніе московскихъ государей, какъ церковно-политическихъ преемниковъ византійскихъ царей, основано на установленномъ при Владимірѣ Мономахѣ совмѣстномъ властительствѣ греческихъ и русскихъ царей-самодержцевъ надъ всѣмъ православнымъ міромъ. Вотъ почему Иванъ IV нашелъ необходимымъ укрѣпить принятіе царскаго титула соборнымъ письменнымъ благословеніемъ греческихъ святителей со вселенскимъ патриархомъ константинопольскимъ во главѣ: московскому акту 1547 года въ Кремлѣ придавали значеніе вселенскаго церковнаго дѣянія. Любопытно, что и въ этотъ актъ восточныхъ іерарховъ внесено московское сказаніе о царскомъ вѣнчаніи Владиміра Мономаха. Есть византійское извѣстіе XIV в., что русскій великій князь носилъ чинъ стольника (τὸ τοῦ ἐκὶ τραπέζης ὀφείλιον) при дворѣ греческаго царя, владыки вселенной (ὁ τῆς οἰκουμένης χύριος καὶ ἀρχὼν), какъ учила о немъ византійская іерархія, а Василій Темный въ одномъ посланіи къ византійскому императору называетъ себя «свatomъ святаго царства его». Теперь по московской теоріи XV—XVI в. этотъ стольникъ и свать вселенскаго царя превратился въ его товарища, а потомъ преемника. Эти идеи, на которыхъ въ продолженіе трехъ поколѣній пробовала свои силы московская политическая мысль, проникли и въ мыслящее русское общество. Инокъ одного изъ московскихъ монастырей Филоеѣй едва ли высказывалъ только свои личныя мысли, когда писалъ отцу Грознаго, что всѣ христіанскія царства сошлись въ одномъ его царствѣ, что во всей поднебесной одинъ онъ православный государь, что Москва—третій и послѣдній Римъ.

Изложенныя подробности, не всѣ одинаково важныя сами по себѣ, всѣ любопытны, какъ своего рода символы политическаго происхожденія власти.

Идея божественнаго происхожденія власти.

ческаго мышленія, какъ выраженіе усиленной работы политической мысли, какая началась въ московскихъ государственныхъ умахъ при новыхъ условіяхъ положенія. Въ новыхъ титулахъ и церемоніяхъ, какими украшала или обставляла себя власть, особенно въ генеалогическихъ и археологическихъ легендахъ, какими она старалась освѣтить свое прошлое, сказывались успѣхи ея политическаго самосознанія. Въ Москвѣ чувствовали, что значительно выросли, и искали исторической и даже богословской мѣрки для опредѣленія своего роста. Все это вело къ попыткамъ проникнуть въ сущность верховной власти, въ ея основанія, происхожденіе и назначеніе. Увидѣвъ себя въ новомъ положеніи, московскій государь нашелъ недостаточнымъ прежній источникъ своей власти, какимъ служила *отчина и дѣдина*, т. е. преемство отъ отца и дѣда. Теперь онъ хотѣлъ поставить свою власть на болѣе возвышенное основаніе, освободить ее отъ всякаго земнаго юридическаго источника. Идея божественнаго происхожденія верховной власти была нечужда и предкамъ Ивана III; но никто изъ нихъ не выражалъ этой идеи такъ твердо, какъ онъ, когда представлялся къ тому случай. Въ 1486 г. нѣкій нѣмецкій рыцарь Поппель, странствуя по малоизвѣстнымъ въ Европѣ отдаленнымъ краямъ, какимъ-то образомъ попалъ въ Москву. Видъ столицы невѣдомаго Московскаго государства поразилъ его, какъ политическое и географическое открытіе. На католическомъ Западѣ знали преимущественно Русь Польско-Литовскую, и многіе даже не подозрѣвали существованія Руси Московской. Вернувшись домой, Поппель разсказывалъ германскому императору Фридриху III, что за Польско-Литовской Русью есть еще другая Русь, Московская, независимая ни отъ Польши, ни отъ татаръ, государь которой будетъ, пожалуй, посильнѣе и побогаче самого короля польскаго. Удивленный такимъ не-

ожиданнымъ извѣстіемъ, императоръ послалъ Поппеля въ Москву просить у Ивана руки одной изъ его дочерей для своего племянника и въ вознагражденіе за это предложить московскому князю королевскій титулъ. Иванъ благодарилъ за любезное предложеніе, но въ отвѣтъ на него велѣлъ сказать послу: «а что ты намъ говорилъ о королевствѣ, то мы Божією милостію государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, а поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы. Молимъ Бога, чтобы намъ и дѣтямъ нашимъ далъ до вѣка такъ быть, какъ мы теперь государи на своей землѣ, а поставленія какъ прежде ни отъ кого не хотѣли, такъ и теперь не хотимъ». Подобно дѣду царь Иванъ, въ бесѣдѣ съ польско-литовскими послами жалуясь на то, что король Сигизмундъ Августъ не признаетъ его титуловъ и правъ, ими выказанныхъ, говорилъ, что эти права даны ему Богомъ и ни въ чемъ признаніи не нуждаются.

Таковы успѣхи, достигнутые московскимъ политическимъ самосознаніемъ путемъ столь разнообразныхъ усилій. Объединеніе Великороссіи повело къ мысли о соединеніи всей Руси подъ одною властью и къ стремленію придать этой власти не только всероссійское, но и вселенское значеніе. Но во имя чего объединили Великороссію и хотѣли объединить всю Русь? Иванъ III настойчиво заявлялъ и его преемники повторяли, что вся Русская земля—ихъ *отчина*. Значить, новый союзъ, образуемый объединявшейся Великороссіей, подводился подъ старую политическую форму: ни изъ чего не видно, чтобы Иванъ III понималъ отчину какъ-нибудь иначе, не такъ, какъ понимали эту форму его удѣльные предки. Но общественные союзы имѣютъ свою природу, требующую соответственныхъ ей политическихъ формъ. Въ удѣльной вотчинѣ, гдѣ свободные обыватели

Вотчина в
государ-
ство.

находились въ князю во временныхъ договорныхъ отноше-
 нияхъ, ежеминутно способныхъ порваться, князь былъ соб-
 ственникомъ только территоріи, земельного пространства съ
 хозяйственными угодьями. Страна, населенная цѣлымъ на-
 родомъ, для котораго она стала отечествомъ, соединившись
 подъ одною властью, не могла оставаться вотчинной собствен-
 ностью носителей этой власти. Въ Москвѣ заявляли притя-
 заніе на всю Русскую землю, какъ на цѣльный народъ, во
 имя государственнаго начала, а обладать ею хотѣли, какъ
 отчиной, на частномъ удѣльномъ правѣ. Въ этомъ состояло
 внутреннее противорѣчіе того объединительнаго дѣла, кото-
 рое съ такимъ видимымъ успѣхомъ довершали Иванъ III
 и его преемникъ. Иванъ III, первый изъ московскихъ кня-
 зей, громко объявлявшій всю Русскую землю своей вотчи-
 ной, кажется, чувствовалъ это противорѣчіе и искалъ изъ
 него выхода, усиливаясь согласовать свою вотчинную власть
 съ требованіями измѣнившагося положенія. Увидѣвъ себя
 государемъ цѣлаго православнаго народа, онъ сознавалъ,
 хотя и смутно, тѣ новыя обязанности, какія ъ ложились на
 него, какъ на поставленнаго свыше блюстителя народнаго
 блага. Мысль объ этомъ мелькнула при одномъ случаѣ, о
 которомъ впрочемъ узнаемъ далеко не изъ перваго источ-
 ника. Въ 1491 г. по договору Иванъ велѣлъ своимъ удѣль-
 нымъ братьямъ послать ихъ полки на помощь своему крым-
 скому союзнику хану Менгли-Гирею. Удѣльный князь Андрей
 углицкій не послушался, не послалъ своихъ полковъ. Въ
 Москвѣ сначала смолчали и, когда князь Андрей пріѣхалъ
 въ столицу, приняли его ласково, но потомъ неожиданно
 схватили и посадили въ тюрьму. Митрополитъ по долгу сана
 ходатайствовалъ передъ великимъ княземъ за арестованнаго;
 но Иванъ отказался дать ему свободу, говоря, что этотъ
 князь и раньше нѣсколько разъ злоумышлялъ противъ него.

«Да это бы еще ничего, добавилъ Иванъ: но когда я умру, онъ будетъ искать великаго княженія подь внукомъ моимъ, и если даже не добудетъ княженія, то смутитъ дѣтей моихъ, и стануть они воевать другъ съ другомъ, а татары будутъ Русскую землю бить, жечь и плѣнить и дань опять наложатъ, и кровь христіанская польется попржнему, и всё мои труды останутся напрасны, и вы попржнему будете рабами татаръ». Такъ повѣствуетъ Татищевъ въ своемъ летописномъ сводѣ, не указывая, откуда заимствовалъ слова великаго князя. Во всякомъ случаѣ съ тѣхъ поръ, какъ обезпеченъ былъ успѣхъ московскаго собиранія Руси, въ Иванѣ III, его старшемъ сынѣ и внука начинають бороться вотчинникъ и государь, самовластный хозяинъ и носитель верховной государственной власти. Это колебаніе между двумя началами или порядками обнаруживалось въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ, поставленныхъ самымъ этимъ собираніемъ, о порядкѣ преемства власти, объ ея объемѣ и формѣ. Ходъ политической жизни объединенной Великороссіи болѣе чѣмъ на столѣтіе испорченъ былъ этимъ колебаніемъ, приведшимъ государство къ глубокимъ потрясеніямъ, а династію собирателей къ гибели.

Мы уже знаемъ, какъ еще до Ивана III фактическимъ, Престоло-
наследіе. не юридическимъ путемъ устанавливался въ московскомъ княжескомъ домѣ порядокъ преемства великокняжеской власти въ прямой нисходящей линіи. Все зависѣло отъ обстоятельства и хана; но обстоятельства и воля хана обыкновенно складывались въ пользу таковаго порядка и образовали обычай, въ силу котораго великое княженіе уже съ Димитрія Донскаго стало не только московской отчиной, но именно отчиной старшаго сына московскаго великаго князя. Василій Темный, столько потерпѣвшій въ борьбѣ за этотъ порядокъ, придумалъ средство упрочить его, еще при своей жизни

назначивъ старшаго своего сына Ивана великимъ княземъ-соправителемъ. Иванъ хотѣлъ послѣдовать примѣру отца и старшаго сына своего отъ первой жены Ивана такъ же назначилъ своимъ соправителемъ. Но соправитель умеръ, оставивъ сына Дмитрія, когда и у Софьи подросталъ сынъ Василій. У Ивана III получились двѣ нисходящія и равносильныя линіи: представитель старшей (внукъ) на одно колѣно былъ ниже представителя младшей (сынъ). Боаре по нелюбви къ Софѣѣ были за внука. Софья съ сыномъ завела темную придворную интригу, которая открылась, и разсерженный Иванъ рѣшилъ назначить соправителемъ и наслѣдникомъ внука. Но онъ не довольствовался простымъ изъявленіемъ своей воли: недавній обычай назначать наслѣдника, предварительно объявивъ его соправителемъ, онъ хотѣлъ освятить торжественнымъ церковнымъ вѣнчаніемъ избранника на великое княженіе. Изъ византійскихъ коронаціонныхъ обрядниковъ выбрали подходящія церемоніи, дополнили ихъ подходящими къ случаю подробностями и составили «чинъ» поставленія Дмитрія Ивановича на великое княженіе, дошедшій до насъ въ современной рукописи. Вѣнчаніе происходило въ Успенскомъ соборѣ въ 1498 г. Великій князь-дѣдъ возложилъ на великаго князя-внука *шапку*, вѣнецъ, и *бармы*, оплечье, широкій отложной воротникъ. Во время вѣнчанія митрополитъ, обращаясь къ дѣду, называлъ его «преславнымъ царемъ самодержцемъ». Торжественная минута вызвала въ московскомъ князѣ потребность оглянуться назадъ и призвать старину, исторію, въ оправданіе новаго порядка престолонаслѣдія—въ прямой нисходящей линіи. Обратясь къ митрополиту, Иванъ сказалъ: «Отецъ митрополитъ! Божиимъ изволеніемъ отъ нашихъ прародителей, великихъ князей, старина наша оттолѣ и до сихъ мѣстъ: отцы наши, великіе князья, сыновьямъ своимъ

старшимъ давали великое княженіе; и я было сына своего первого Ивана при себѣ благословилъ великимъ княженіемъ; но Божьею волей сынъ мой Иванъ умеръ; у него остался сынъ первый Дмитрій, и я его теперь благословляю при себѣ и послѣ себя великимъ княженіемъ Владимірскимъ, Московскимъ и Новгородскимъ, и ты бы его, отецъ, на великое княженіе благословилъ». По прямому смыслу этихъ словъ Иванъ рѣшилъ при назначеніи преемника держаться прямой нисходящей линіи въ самомъ строгомъ смыслѣ слова. Торжественное церковное вѣнчаніе, освящавшее такой порядокъ престолонаслѣдія, можно считать тогдашней формой изданія основныхъ законовъ. Такіе законы и впереди всѣхъ законъ о престолонаслѣдіи были особенно необходимы въ моментъ превращенія непомѣрно расширившейся вотчины Даниловичей въ Московское государство: государство тѣмъ и отличается отъ вотчины, что въ немъ воля вотчинника уступаетъ мѣсто государственному закону. Но Иванъ самъ же нарушилъ свое столь торжественное установленіе. Софья успѣла поправить свои дѣла: вѣнчанный внукъ былъ разжалованъ и заключенъ подъ стражу, а сынъ пожалованъ и посаженъ на великое княженіе «самодержцемъ». — «Развѣ я не воленъ въ своемъ внукѣ и въ своихъ дѣтяхъ? Кому хочу, тому и дамъ княженіе» — сказалъ однажды Иванъ по другому случаю; здѣсь въ немъ говорилъ своеправный хозяинъ вотчинникъ, а не государь, которымъ изданъ первый *Судебникъ*. Та же мысль о произвольномъ выборѣ преемника между нисходящими выражена и въ договорѣ, заключенномъ между Василіемъ и Юріемъ, старшими сыновьями Ивана III, еще при его жизни и по его волѣ: отецъ благословляетъ великимъ княжествомъ сына, котораго захочетъ, не взирая на старшинство. Преемникамъ Ивана III данъ былъ примѣръ, которому они слѣдовали съ печальнымъ

постоянствомъ—одной рукой созидать, а другой разрушать свое созданіе, пока не разрушили созданнаго ими государства.

Расширѣніе
власти вел.
князя.

Такое же колебаніе замѣтно и въ опредѣленіи объема и формы верховной власти. Усиленная работа политической мысли повела не къ одному лишь накопленію новыхъ украшеній вокругъ великаго князя и его титула: отъ этой работы оставались и нѣкоторые практическіе осадки. Новое значеніе верховной власти, постепенно уясняясь, отражалось не только на придворномъ церемоніалѣ, но и на государственномъ правѣ. Мы знаемъ, какъ великіе князья московскіе уже съ первой половины XIV в. постепенно усиливали вотчинное преобладаніе старшаго своего наслѣдника надъ младшими князьями удѣльными. Иванъ III въ своемъ завѣщаніи довелъ это усиленіе до небывалыхъ размѣровъ: старшему своему сыну и наслѣднику великаго княженія онъ одному завѣщалъ болѣе 60 городовъ съ уѣздами или цѣлыхъ земель съ городами и пригородами, а четыремъ удѣльнымъ его братьямъ всѣмъ вмѣстѣ было дано не болѣе 30 городовъ, притомъ болѣею частью малозначительныхъ. Теперь великій князь московскій сталъ гораздо богаче и сильнѣе всѣхъ удѣльныхъ своихъ родичей, вмѣстѣ взятыхъ. Это было практическое средство, къ которому прибѣгали и предшественники Ивана III для обезпеченія политическаго преобладанія старшаго наслѣдника. Иванъ III и здѣсь сдѣлалъ важное нововведеніе, въ которомъ сказалось дѣйствіе государственныхъ идей, усиленно проникавшихъ въ сознаніе московскаго государя. Усиливая матеріальное преобладаніе старшаго сына, великаго князя, онъ въ своей духовной далъ ему и существенныя политическія преимущества надъ младшими удѣльными братьями. Въ этомъ отношеніи духовная Ивана есть первый актъ своего рода въ исторіи нашего государственнаго права: въ немъ видимъ попытку

опредѣлить составъ верховной власти. Перечислю эти политическія преимущества, данныя великому князю надъ удѣльными. 1) До сихъ поръ всѣ князья-сонаслѣдники совмѣстно по долямъ или участкамъ владѣли городомъ Москвой, собирали съ нея дань и пошрины, прямыя и косвенныя налоги; въ духовной Ивана III важнѣйшія статьи финансоваго управленія столицей, торговыя пошрины и сборы съ торговыхъ помѣщеній предоставлены одному великому князю, который только выдавалъ изъ нихъ по 100 рублей (не менѣе 10 тыс. р. на наши деньги) въ годъ каждому изъ удѣльныхъ своихъ братьевъ. 2) До сихъ поръ удѣльные князья творили судъ и расправу по всѣмъ дѣламъ каждый въ своемъ участкѣ столицы и въ принадлежавшихъ ему подмосковныхъ селахъ; по духовной Ивана III судъ по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ во всей Москвѣ и въ подмосковныхъ станахъ, доставшихся въ удѣлъ братьямъ, принадлежалъ исключительно великому князю. 3) До сихъ поръ каждый владѣтельный князь, великій, какъ и удѣльные, билъ или могъ бить свою монету, и въ нашихъ нумизматическихъ кабинетахъ вы найдете много экземпляровъ удѣльной монеты XIV и XV в.; по духовной Ивана III право чеканить монету предоставлено было одному великому князю московскому. 4) До сихъ поръ согласно съ удѣльнымъ порядкомъ владѣнія удѣльные князья могли располагать своими вотчинами въ завѣщаніяхъ по личному усмотрѣнію. Дмитрій Донской впервые ввелъ нѣкоторое ограниченіе въ это право, постановивъ въ своей духовной, что удѣльный князь, умирая безсыновнымъ, не могъ никому завѣщать свой удѣлъ, который по смерти безсыновнаго владѣльца дѣлился между оставшимися братьями по усмотрѣнію матери. Въ духовной Ивана III это ограниченіе направлено исключительно въ пользу великаго князя: выморочный удѣлъ

весь безъ раздѣла переходилъ къ послѣднему. Часть удѣла, выдѣленная княгинѣ-вдовѣ «на прожитокъ», оставалась въ ея пользованіи только до ея смерти, «до живота», а потомъ также отходила къ великому князю.

Вредъ
удѣльнаго
владѣнія.

Видимъ, что духовная Ивана III опредѣляетъ верховную власть великаго князя только съ одной стороны, по отношенію къ князьямъ удѣльнымъ. Великій князь, прежде превосходившій удѣльныхъ родичей только размѣрами своихъ владѣній, количествомъ матеріальныхъ средствъ, теперь сосредоточилъ въ своемъ лицѣ и наибольшее количество политическихъ правъ. Преемникъ Ивана III вступалъ на великокняжескій столъ болѣе государемъ, чѣмъ самъ Иванъ. Удѣльные братья, въ первую половину Иванова княженія еще способные надѣлать большихъ хлопотъ великому князю, потомъ являются передъ нимъ безсильными и безправными владѣтелями. Они бѣднѣли и падали все болѣе, вели хищническое управленіе въ своихъ удѣлахъ и все-таки нуждались, не были въ состояніи нести расходовъ на татаръ, занимали деньги, у кого и сколько могли, иногда по 2 рубля на соль, и не платили процентовъ, умирали въ большихъ долгахъ, возлагая уплату ихъ на великаго князя, которому отказывали свои удѣлы. Въ такихъ чертахъ рисуется ихъ хозяйственное положеніе въ ихъ духовныхъ грамотахъ. Еще печальнѣе было положеніе удѣльныхъ братьевъ великаго князя Василія. Они иногда помышляли о побѣгѣ въ Литву, но по обнаруженіи замысла униженно ходатайствовали о прощеніи черезъ митрополита, монаховъ, московскихъ бояръ, называли себя холопами великаго князя, своего «государя». Съ ними и не стѣснялись въ Москвѣ ни при Иванѣ, ни при Василіи: они знали, что за ослушаніе и за крамолу по одному доносу, даже только по подозрѣнію, ихъ ждетъ московская тюрьма. Но удѣльное право формально призна-

вали оба эти великіе князя, заключали съ удѣльными договорами на старыхъ условіяхъ, какъ съ независимыми владѣтелями, только обязывая ихъ быть неотступными отъ великихъ князей «никуда ни къ кому некоторыми дѣлами», ни съ кѣмъ не заключать договоровъ, вообще не сносятся безъ вѣдома великихъ князей и подъ ихъ дѣтьми, своими племянниками, великихъ княжествъ не подыскиваются: по-прежнему дѣйствуютъ личныя обязательства вмѣсто закона. Однако безопасны сами по себѣ, по своей политической и нравственной слабости, неспособны и своихъ удѣловъ устроить, не то чтобы царствомъ править, какъ отозвался о своихъ удѣльныхъ братьяхъ вел. кн. Василій, они не перестали быть вредными при тогдашнемъ ходѣ дѣлъ и при складѣ общества того времени. Удѣльныя преданія были еще слишкомъ свѣжи и кружили слабыя удѣльныя головы при всякомъ удобномъ случаѣ. Удѣльный князь былъ крамольникъ если не по природѣ, то по положенію: за него цѣплялась всякая интрига, заплетавшаяся въ обродной придворной толпѣ. Въ московскомъ Кремлѣ отъ него ежеминутно ожидали смуты; всего болѣе боялись его побѣга за границу, въ Литву, хотя эта опасность была, можетъ быть, лучшимъ средствомъ освободить государство отъ этихъ ни на что непригодныхъ остатковъ безнравственной старины, какъ это средство избавило Василія Темнаго отъ его злѣйшихъ враговъ, князей Можайскаго и Шемячича. Формальное, т. е. притворное признаніе удѣльнаго права, не соответствовавшее дѣйствительнымъ отношеніямъ, внося фальшь въ государственную жизнь, мѣшало московскимъ государямъ уяснить себѣ и проводить одно изъ основныхъ началъ государственнаго порядка, единство, цѣльность верховной власти. Печальный опытъ отца и свой собственный заставилъ Ивана III тревожно задумываться надъ мыслью о

Нерѣши-
тельность
моск. госу-
дарей.

такой власти. Московскій посланецъ отъ его имени говорилъ въ Вильнѣ его дочери, вел. княгинѣ литовской: «слыхала я, каково было нестроенье въ Литовской землѣ, коли было государей много, а и въ нашей землѣ, слыхала ты, каково было нестроение при моемъ отцѣ, а послѣ отца каковы были дѣла и у меня съ братьями, надѣюсь, слыхала же, а иное и сама помнишь». Но воспримчивые къ идеѣ самодержавія, московскіе государи очень туго усвоили себѣ мысль о единодержавіи. Мы скоро увидимъ, какъ Иванъ IV, торжественно принявшій постоянный титулъ царя и самодержца, въ полемикѣ съ кн. Курбскимъ принялся за напряженную разработку новаго взгляда на самодержавіе, незнакомаго древней Руси; но и онъ не могъ отрѣшиться отъ удѣльныхъ привычекъ. Въ духовной 1572 г., назначивъ своимъ преемникомъ старшаго сына Ивана, онъ отказалъ ему все царство Русское, но при этомъ выдѣлилъ и второму сыну Ѳеодору удѣлъ, набранный изъ городовъ въ разныхъ частяхъ государства (Суздаль, Кострома, Волоколамскъ, Козельскъ, Мценскъ и др.). Правда, этотъ удѣлъ не становился особымъ самостоятельнымъ княжествомъ; его владѣтель не получалъ значенія автономнаго государя подобно удѣльнымъ князьямъ прежняго времени, а во всемъ подчиненъ былъ царю и самый удѣлъ его оставался подъ верховной властью старшаго брата, какъ единственнаго государя, составлялъ неотдѣлимую часть единаго нераздѣльнаго Русскаго царства; «а удѣлъ сына моего Ѳеодора, гласила духовная, ему жъ (старшему сыну, царю Ивану) къ великому государству». Въ умѣ завѣщателя, очевидно, присутствовала мысль о нераздѣльности верховной власти и государственной территоріи. Въ той же духовной впервые въ исторіи нашего государственнаго права рѣшительно выражено было понятіе объ удѣльномъ князѣ, какъ о простомъ слугѣ государя. Въ

самыхъ настойчивыхъ выраженіяхъ отецъ внушаетъ младшему сыну безусловную и безпрекословную покорность передъ старшимъ, приказываетъ ни въ чемъ ему не преколовить, во всемъ жить изъ его слова, во всемъ быть въ его волѣ до крови и до смерти, даже въ случаѣ обиды отъ старшаго брата рати не поднимать и самому собой не обороняться, а бить ему челомъ, чтобъ гнѣвъ сложить изволигъ. Словомъ, удѣльный князь—владѣтельный подданный государя и больше ничего. Но дѣло было въ самомъ званіи удѣльнаго князя, а не въ степени его подчиненія государю по завѣщательнымъ отеческимъ наставленіямъ, не имѣвшимъ никакого практическаго значенія. Когда старшій сынъ Грознаго погибъ, второй заступилъ его мѣсто наследника, а родившемуся незадолго до смерти отца царевичу Дмитрію назначенъ былъ маленькій удѣлъ Угличъ. Но отецъ не успѣлъ еще закрыть глазъ, а у колыбели этого удѣльнаго князя уже завязалась смута, которая, долго тлѣя, наконецъ разгорѣлась въ такую бѣду, едва не разрушившую всѣхъ плоды 300-лѣтней терпѣливой работы московскихъ Даниловичей. Такъ до конца династіи въ Кремлѣ не могли оторваться отъ мысли, что каждый членъ владѣтельнаго рода долженъ имѣть удѣлъ, хоть маленькій и хоть съ призрачной властью, но все же свой удѣлъ, и такой смѣлый мыслитель и преобразователь, какъ Иванъ Грозный, остался вѣрнѣе фамиліи московской логикѣ и политикѣ,—логикѣ полумыслей и политикѣ полумърь.

Сведемъ все сказанное, чтобъ видѣть, какъ сложилась верховная власть въ Московскомъ государствѣ къ концу изучаемаго періода.

Одному изъ маленькихъ удѣловъ окско-волжскаго междурѣчья счастливое сочетаніе различныхъ условий помогло расширяться на всю область тогдашняго распредѣленія

Составъ
верховой
власти.

великорусскаго племени. Столь успешное расширеніе побуждало владѣтелей этого удѣла постепенно расширять и свой взглядъ на себя, на свою власть, чтобы привести ее въ мѣру все улучшавшагося положенія. Разнообразныя пособія вовлечены были въ эту работу московской политической мысли: общехристіанскія воззрѣнія и византійскія преданія, туземныя историческія воспоминанія и уроки, выносимыя изъ переживаемыхъ событій, даже чаянія будущаго. Изъ такого матеріала выработался довольно сложный, но недостаточно опредѣленный образъ верховной власти, въ которомъ съ нѣкоторой ясностью обозначились три черты: божественное происхожденіе, вселенское представительство православія на основѣ церковно-исторической связи съ павшей Византіей и національное всероссійское значеніе на основѣ прямого преемства отъ вел. князя Владиміра Мономаха. Но эти черты были привнесены въ составъ власти, а не развились изъ ея исторически сложившагося содержанія. Это содержаніе состояло въ вотчинномъ правѣ московскаго государя на Русскую землю, какъ принадлежащую, такъ и имѣющую принадлежать ему въ будущемъ. Въ этомъ правѣ можно различить три опредѣленія: независимое отъ сторонней силы вотчинное полновластіе, выраженное въ заимствованныхъ титулахъ царя и самодержца; наследованіе по завѣщанію въ прямой нисходящей линіи съ выборомъ наследника изъ нисходящихъ по усмотрѣнію завѣщателя; недѣлимость *царства*, какъ власти и какъ области, съ сохраненіемъ подчиненнаго царю удѣльнаго владѣнія. Исходя изъ чисто вотчинныхъ основаній, эти опредѣленія при надлежащей законодательной обработкѣ и очисткѣ отъ вотчинной примѣси могли стать основами государственнаго порядка; изъ нихъ два послѣднихъ тѣмъ и были вызваны, что вотчина расширилась до размѣровъ, въ которыхъ она

не могла оставаться вотчиной и превращалась въ государство.

Мы доселѣ перечисляли послѣдствія основного факта, ^{Взгляд общества на государя.} обнаружившіяся съ одной стороны во внѣшнемъ положеніи и внѣшней политикѣ Московскаго государства, съ другой— въ политическомъ сознаніи московскаго государя и въ составѣ его верховной власти. Но этотъ фактъ отразился и на отношеніи московскаго общества къ своему государю. До конца XV в. это отношеніе отличалось простотой удѣльнаго времени и еще не замѣтно было слѣдовъ того почитанія, своего рода культа, которымъ впослѣдствіи былъ окруженъ московскій государь. Въ 1480 г., во время нашествія хана Ахмата, Иванъ III, постоявъ съ полками на Окѣ, покинулъ армию и воротился въ Москву. Столица была въ смятеніи; горожане сносили въ Кремль свои пожитки, ожидая татарской осады. Увидѣвъ возвращавшагося великаго князя, они подступили къ нему съ жалобами и говорили ему, по свидѣтельству лѣтописи: «когда ты, государь, княжишь надъ нами въ мирное время, тогда насъ много понапрасну обременяешь поборами, а теперь самъ, разсердивъ хана, не заплативъ ему выхода, насъ же выдаешь татарамъ». Престарѣлый ростовскій архіепископъ Вассіанъ встрѣтилъ великаго князя еще болѣе рѣзкими упреками, началъ «зло говорить ему», называя его «бѣгуномъ», трусомъ, и грозя, что на немъ взыщется кровь христіанская, которая прольется отъ татаръ. Приведемъ еще эпизодъ изъ княженія Иванова преемника. И въ это время еще не исчезли прежнія простыя отношенія подданныхъ къ государю. Тогда въ Москвѣ заподозрили по доносу въ зломъ умыслѣ государева брата, удѣльнаго дмитровскаго князя Юрія, и рѣшили дожидаться его пріѣзда въ столицу, чтобы арестовать его. Узнавъ объ этомъ, Юрій обратился къ волоколамскому игумену преп. Іосифу,

жадуясь ему, что въ Москвѣ слушаютъ навѣтниковъ, и прося игумена съѣздить въ Москву, походатайствовать за него передъ великимъ княземъ. Іосифъ уговаривалъ удѣльнаго князя не противиться великому: «преклони главу твою предъ помазанникомъ Божиимъ и покорись ему». Юрій отвѣчалъ на это: «будь мнѣ вмѣсто отца родного; я по твоему наставленію не буду противъ государя, готовъ все терпѣть отъ него, даже самую смерть, только съѣзди къ нему». Іосифъ послалъ къ великому князю двухъ старцевъ своего монастыря. Не соблюдая обычныхъ правилъ вѣжливости, не поздоровавшись и не спросивъ о здоровьѣ игумена, Василій встрѣтилъ посланныхъ сердитыми словами: «зачѣмъ пришли, какое вамъ до меня дѣло?» Тогда одинъ изъ старцевъ началъ наставительно пенять великому князю, что государю не подобаетъ такъ выходить изъ себя, не разузнавъ напередъ, въ чемъ дѣло, а слѣдуетъ распросить хорошенько и выслушать съ кротостью и смиреніемъ. Великій князь смутился, всталъ и улыбаясь сказалъ: «ну, простите, старцы, я пошутилъ». Затѣмъ, снявъ шапку, онъ поклонился старцамъ и спросилъ о здоровьѣ игумена. Тогда уже пошла рѣчь о дѣлѣ, и великій князь уважилъ ходатайство Іосифа, помирился съ братомъ. Это было до 1515 года, когда умеръ Іосифъ. Такъ еще въ началѣ XVI в. по временамъ проявлялись простыя удѣльныя отношенія подданныхъ къ своему государю; но эти отношенія исчезали быстро вмѣстѣ съ послѣдними удѣлами. Уже при Иванѣ III, еще болѣе при Василии, верховная власть окружала себя тѣмъ ореоломъ, который такъ рѣзко отдѣлялъ московскаго государя отъ всего остального общества. Посолъ императора германскаго Герберштейнъ, наблюдавшій Москву при Василии, замѣчаетъ, что этотъ великій князь dokonчилъ то, что началъ его отецъ, и властью своею надъ подданными превосходить едва ли не

всѣхъ монарховъ на свѣтѣ. Онъ добавляетъ, что въ Москвѣ говорятъ про великаго князя: воля государева—Божія воля, государь—исполнитель воли Божіей. Когда москвичей спрашиваютъ о какомъ-нибудь неизвѣстномъ имъ или сомнительномъ дѣлѣ, они отвѣчаютъ затверженными выраженіями: мы того не знаемъ, знаютъ то Богъ да великій государь. По словамъ Герберштейна, они даже величали своего государя ключникомъ и постельничимъ Божиимъ, примѣняя языкъ московскаго двора къ столь возвышеннымъ отношеніямъ. Такъ уже ко времени Василюва преемника Ивана IV въ Москвѣ были готовы тотъ кодексъ политическихъ понятій, которымъ такъ долго жила потомъ Московская Русь.

Припоминая изученныя нами сегодня явленія, не можемъ сказать, чтобы полтора вѣка со смерти Василя Темнаго прошли даромъ для политическаго сознанія и власти московскаго государя. Идеи государственнаго объединенія всей Русской земли, національнаго значенія московскаго государя, свыше возложеннаго на него полномочія блюсти народное благо,—эти идеи вмѣстѣ съ первыми попытками установить составъ верховной власти, единой и недѣлимой, надобно признать значительными успѣхами для московскихъ умовъ того времени. Впрочемъ значеніе этихъ успѣховъ ограничилось бы исторіей понятій, если бы они не сопровождались соответственнымъ движеніемъ общественнаго и государственнаго порядка, къ изученію котораго мы обращаемся.

Выводы.

Лекція XXVII.

Московское боярство.—Перемѣна въ его составѣ съ половины XV в.—Условія и правила родословнаго распорядка боярскихъ фамилій.—Политическое настроеніе боярства въ новомъ его составѣ.—Определеніе московскаго боярства, какъ класса.—Мѣстничество.—Мѣстническое *отечество*.—Мѣстническій счетъ простой и сложный.—Законодательныя ограниченія мѣстничества.—Идея мѣстничества.—Когда оно сложилось въ систему.—Значеніе его, какъ политической гарантіи для боярства.—Недостатки его въ этомъ отношеніи.

Внутреннія
отношенія.

Изучая политическія послѣдствія основнаго факта періода, превращенія Московскаго княжества въ великорусское государство, я указалъ дѣйствіе этого факта на политическое сознаніе московскаго государя и великорусскаго общества. Этотъ фактъ утвердилъ въ умѣ московскаго государя новый взглядъ на свою власть, какъ и въ умахъ великорусскаго народа новый взглядъ на своего государя. Почувствовавъ себя на высотѣ національнаго властителя, московскій государь страшно выросъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, какъ и въ глазахъ своего народа. Но заронивъ въ умы новыя политическія *понятія*, тотъ же фактъ вызвалъ и новыя политическія *отношенія*. Политическое объединеніе Великороссіи глубоко измѣнило положеніе и взаимныя отношенія классовъ объединеннаго русскаго общества и прежде всего составъ и настроеніе его верхняго слоя, боярства, а перемѣна въ составѣ и настроеніи этого класса

измѣнила его отношеніе къ государю и измѣнила не въ томъ направленіи, въ какомъ измѣнилось отношеніе къ нему остального общества.

Чтобы понять эту перемѣну, надобно припомнить поло-^{Составъ бо-}
 женіе московскаго боярства въ удѣльные вѣка. Уже тогда ^{арства.}
 Москва привлекла къ себѣ многочисленное и блестящее боярство, какого не было ни при какомъ другомъ княжескомъ дворѣ сѣверной Руси. Съ конца XIII столѣтія на берега р. Москвы стекаются со всѣхъ сторонъ знатные слуги и изъ сосѣднихъ сѣверныхъ княжествъ, и съ далекаго русскаго юга, изъ Чернигова, Кіева, даже съ Волыни, и изъ-за границы, съ нѣмецкаго запада и татарскаго юго-востока, изъ Крыма и даже изъ Золотой Орды. Благодаря этому приливу уже къ половинѣ XV в. московскій великій князь былъ окруженъ плотной стѣной знатныхъ боярскихъ фамилій. По стариннымъ родословнымъ книгамъ московскаго боярства такихъ фамилій можно насчитать до четырехъ десятковъ. Наиболѣе видныя изъ нихъ были Кошкины, Морозовы, Бутурлины и Челяднины, Вельяминовы и Воронцовы, Ховрины и Головины, Сабуровы и др. Въ своихъ отношеніяхъ къ великому князю это боярство сохраняло тотъ же характеръ случайныхъ, вольныхъ совѣтниковъ и соратниковъ князя по уговору, какими были бояре при князьяхъ XII в. Съ половины XV в. составъ московскаго боярства глубоко измѣняется. Родословныя боярскія росписи XVI в. вскрываютъ эту перемѣну. Къ концу XVI в. по этимъ книгамъ на московской службѣ можно насчитать до 200 родовитыхъ фамилій. Выключивъ изъ этого числа фамиліи, основавшіяся въ Москвѣ еще до Ивана III, найдемъ, что болѣе 150 фамилій вошло въ составъ московскаго боярства съ половины XV в. По происхожденію своему это боярство было очень пестро. Старыя родословныя книги его

производить впечатлѣніе каталога русскаго этнографическаго музея. Вся русская равнина со своими окраинами была представлена этимъ боярствомъ во всей полнотѣ и пестротѣ своего разноплеменнаго состава, со всѣми своими русскими, нѣмецкими, греческими, литовскими, даже татарскими и финскими элементами. Важнѣе всего то, что рѣшительное большинство въ этомъ новомъ составѣ боярства принадлежало титулованнымъ княжескимъ фамиліямъ. Усиленное собраніе Руси Москвой съ Ивана III сопровождалось вступленіемъ на московскую службу множества князей, покидавшихъ упраздненные великокняжескіе и удѣльные столы. Съ тѣхъ поръ во всѣхъ отрасляхъ московскаго управленія, въ государственной думѣ совѣтниками, въ приказахъ судьями, т. е. министрами, въ областяхъ намѣстниками, въ полкахъ воеводами являются все князья и князья. Служилое княжье если не задавило, то закрыло старый слой московскаго нетитулованнаго боярства. Эти князья за немногими исключеніями были наши Рюриковичи или литовскіе Гедиминовичи. Вслѣдъ за князьями шли въ Москву ихъ ростовскіе, ярославскіе, рязанскіе бояре.

Родослов-
ный распо-
рядокъ.

Столь пестрые и сбродные этнографическіе и социальныя элементы не могли скоро слиться въ плотную и однообразную массу. Новое московское боярство образовало длинную іерархическую лѣствицу, на которой боярскія фамиліи размѣщались уже не по уговору, а по своему служебному достоинству. Это достоинство опредѣлялось различными условіями. Въ Москвѣ восторжествовала мысль, что князь, только потому что онъ князь, долженъ стоять выше простаго боярина, хотя бы онъ былъ только вчерашнимъ слугой московскаго государя, а бояринъ имѣлъ длинный рядъ предковъ, служившихъ въ Москвѣ. Такъ давность службы была принесена въ жертву знатности происхожденія. Таково было

первое условіе. Но и князья не всё выстроились въ одну линію на московской службѣ: потомки прежнихъ великихъ князей стали выше, потомки бывшихъ удѣльныхъ—ниже. Князья Пѣнковы всегда становились выше по службѣ своихъ ближайшихъ родичей князей Курбскихъ или Прозоровскихъ, потому что Пѣнковы шли отъ великихъ князей ярославскихъ, а Курбскіе и Прозоровскіе—отъ князей ярославскихъ удѣльныхъ. Итакъ служебное положеніе титулованнаго слуги въ Москвѣ опредѣлялось его значеніемъ въ минуту перехода на московскую службу. Таково второе условіе. Последовательное примѣненіе этого второго условія приводило къ одному исключенію изъ перваго, т. е. ставило иныхъ князей ниже простыхъ бояръ. Многие удѣльные князья теряли свои удѣлы еще до перехода на московскую службу. Въ Москву они переходили уже со службы при какомъ-либо другомъ дворѣ, великокняжескомъ или удѣльномъ. Какъ слуги младшихъ князей, они въ Москвѣ становились ниже здѣшнихъ старинныхъ бояръ, служившихъ старшему изъ всѣхъ князей, какимъ считался великій князь московскій, какъ обладатель старѣйшей Владимірской области. Отсюда вытекало третье условіе: московское положеніе князей, перестававшихъ быть владѣтельными до перехода на московскую службу, равно какъ и положеніе простыхъ бояръ, переходившихъ въ Москву изъ другихъ княжествъ, опредѣлялось сравнительнымъ значеніемъ княжескихъ дворовъ, при которыхъ тѣ и другіе служили передъ переходомъ на московскую службу. На этихъ условіяхъ основывались правила родословнаго распорядка титулованныхъ и простыхъ слугъ въ Москвѣ. Положеніе на московской службѣ опредѣлялось для владѣтельныхъ князей значеніемъ *столовъ*, на которыхъ они сидѣли, для простыхъ бояръ и служилыхъ князей значеніемъ *дворовъ*, при которыхъ они служили. Слѣдовательно

1) потомокъ великихъ князей становился выше потомка удѣльныхъ, 2) владѣтельный потомокъ удѣльнаго князя выше простаго боярина, 3) московскій великокняжескій бояринъ выше служилаго князя и боярина удѣльнаго. Благодаря такому распорядку московское боярство въ новомъ своемъ составѣ распалось на нѣсколько іерархическихъ слоевъ. Верхній слой образовали потомки бывшихъ великихъ князей русскихъ и литовскихъ. Здѣсь встрѣчаемъ князей Пѣнковыхъ ярославскихъ, князей Шуйскихъ суздальскихъ, старшихъ князей Ростовскихъ, литовскихъ князей Бѣльскихъ, Мстиславскихъ и Патрикѣевыхъ, отъ которыхъ пошли князья Голицыны и Куракины. Изъ стариннаго нетитулованнаго боярства Москвы въ этомъ слое удержались одни Захарьины, вѣтъ стараго московскаго боярскаго рода Кошкиныхъ. Второй слой составилъ изъ потомковъ значительныхъ удѣльныхъ князей Микулинскихъ изъ тверскихъ, Курбскихъ изъ ярославскихъ, Воротынскихъ, Одоевскихъ и Бѣлевскихъ изъ черниговскихъ, Пронскихъ изъ рязанскихъ. Къ нимъ примкнули и знатнѣйшія фамиліи стариннаго московскаго боярства: Вельяминовы, Давыдовы, Бутурлины, Челяднины и др. Второстепенное московское боярство и потомство мелкихъ удѣльныхъ князей вмѣстѣ съ боярами изъ княжествъ Тверскаго, Ростовскаго и другихъ образовали третій и дальнѣйшіе разряды. Впрочемъ мы сейчасъ увидимъ, что по отношеніямъ, установившимся въ высшей московской служилой средѣ, легче было опредѣлить сравнительный служебный вѣсъ отдѣльныхъ лицъ и фамилій, чѣмъ провести точныя раздѣльныя черты между цѣлыми разрядами.

Политическое настроеніе.

Въ новомъ своемъ составѣ московское боярство стало проникаться и новымъ политическимъ настроеніемъ. Первостепенная знать, ставшая во главѣ этого боярства, шла отъ бывшихъ великихъ и удѣльныхъ князей. Не ду-

майте, что съ исчезновеніемъ великихъ и удѣльныхъ княжествъ тотчасъ безъ слѣда исчезалъ и удѣльный порядокъ, существовавшій въ сѣверной Руси. Нѣтъ, этотъ порядокъ долго еще дѣйствовалъ и подъ самодержавной рукой московскаго государя. Политическое объединеніе сѣверной Руси на первыхъ порахъ выражалось только въ единствѣ московской верховной власти, но не сопровождалось немедленной коренной перестройкой мѣстнаго управленія, гдѣ еще довольно устоячиво хранились остатки удѣльнаго порядка. Власть московскаго государя становилась не на мѣсто удѣльныхъ властей, а надъ ними, и новый государственный порядокъ ложился поверхъ дѣйствовавшаго прежде, не разрушая его, а только образуя новый высшій рядъ учреждений и отношеній. Даже высшія мѣстные управления въ Твери, Ростовѣ, Нижнемъ Новгородѣ и пр. не упразднялись, а только переносились въ Москву и здѣсь продолжали дѣйствовать особнякомъ, не сливаясь съ центральными московскими учреждениями. Точно такъ же и удѣльные князья, переставая быть самостоятельными владѣтелями своихъ удѣловъ, обыкновенно оставались въ нихъ простыми вотчинниками-землевладѣльцами, иногда очень крупными, и часто даже продолжали пользоваться долей своей прежней правительственной власти, судили и радили по старымъ мѣстнымъ обычаямъ и законамъ, сохраняли свои удѣльные полки, иные даже официально назывались *удѣльниками*, а не служебными князьями. Еще при Грозномъ до опричнины встрѣчались землевладѣльцы изъ высшей знати, которые въ своихъ обширныхъ вотчинахъ правили и судили безапелляціонно, даже не отдавая отчета царю. Благодаря тому переходъ князя на московскую службу съ удѣльнаго и даже великокняжескаго стола не былъ для него крутымъ переворотомъ, потерей всего, что имѣлъ онъ прежде. При дворѣ московскаго государя, въ Кремлѣ, онъ

видѣлъ себя въ новой обстановкѣ, къ какой не привыкли его владѣтельные предки; но у себя дома, среди своихъ дворовыхъ слугъ, въ кругу своего вотчиннаго хозяйства, этотъ князь не переставалъ чувствовать себя узломъ прежнихъ отношеній, поддерживалъ прежнія понятія и привычки. Съ другой стороны, титулованное боярство заняло всѣ высшія должности въ московскомъ управленіи, командовало московскими полками, правило областями Московскаго государства. Извѣстны случаи, когда бывшій владѣтельный князь продолжалъ править своимъ княжествомъ въ качествѣ намѣстника московскаго государя. Все это помогло новымъ титулованнымъ московскимъ боярамъ, потомкамъ князей великихъ и удѣльныхъ, усвоить взглядъ на себя, каковаго не имѣли старые нетитулованные московскіе бояре. Послѣдніе были вольными и переходными слугами князя *по договору*; первые стали видѣть въ себѣ властныхъ правителей земли, государства *по происхожденію*. Руководя всѣмъ въ объединенной сѣверной Руси, потомки бывшихъ великихъ и удѣльныхъ князей и въ Москвѣ продолжали смотрѣть на себя, какъ на такихъ же хозяевъ Русской земли, какими были ихъ владѣтельные предки; только предки, разсыянные по удѣламъ, правили Русской землей по частямъ и по одиночкѣ, а потомки, собравшись въ Москвѣ, стали править всей землей и всѣ вмѣстѣ. Среди титулованнаго боярства XVI в. утверждается взглядъ на свое правительственное значеніе не какъ на пожалованіе московскаго государя, а какъ на свое наслѣдственное право, доставшееся имъ отъ предковъ независимо отъ этого государя, установившееся само собою, ходомъ событій. Сами московскіе государи поддерживали среди нихъ этотъ взглядъ, не трогая ихъ удѣльныхъ порядковъ и преданій, и даже отецъ Грознаго, не доллюбливавшій знатнаго боярства, призналъ его наслѣдственное

правительственное право, назвавъ своихъ совѣтниковъ въ предсмертномъ къ нимъ обращеніи «извѣчными боярами» своего дома. Увидѣвъ себя въ сборѣ вокругъ московскаго Кремля, новое титулованное боярство взглянуло на себя, какъ на собраніе наслѣдственныхъ и привычныхъ, т. е. общепризнанныхъ властителей Русской земли, а на Москву, какъ на оборный пунктъ, откуда они попрежнему будутъ править Русской землей, только не по частямъ и не въ одну точку, какъ правила предки, а совмѣстно и совокупно,— будутъ править всѣ вмѣстѣ и всей землей въ совокупности. Значить, въ новомъ московскомъ боярствѣ преданіе власти, шедшее изъ удѣльныхъ вѣковъ, не прервалось, а только преобразилось. Теперь, когда потомки прежнихъ владѣтельныхъ князей собрались въ Москвѣ, ихъ прежняя власть, унаслѣдованная отъ отцовъ, изъ одиночной, личной и мѣстной превратилась въ собирательную, сословную и всеземскую. Такъ московская боярская знать въ новомъ своемъ составѣ усвоила себѣ и новый взглядъ на свое политическое значеніе, незнакомый боярству удѣльныхъ вѣковъ, и по этому взгляду настроилась политически.

Итакъ, обратившись къ изученію состава общества въ ^{Мѣстничество.} Московскомъ государствѣ XV—XVI вв., встрѣчаемся еще съ однимъ слѣдствіемъ основного факта этого періода. Образование національнаго великорусскаго государства отразилось въ боярскомъ сознаніи своего рода теоріей аристократическаго правительства. Основное положеніе этой теоріи можно выразить такъ: московскій государь для управления соединенной подъ его властью Русской землей призываетъ родовитыхъ сотрудниковъ, предки которыхъ нѣкогда владѣли частями этой земли. Объединеніе Великоросси, сообщивъ великому князю московскому значеніе всеземскаго, національнаго государя, и собраннымъ подъ его рукой мѣстнымъ прави-

телямъ внушило идею всеземскаго правительственнаго класса. Такой взглядъ боярства на свое значеніе не остался только политическимъ притязаніемъ, но облекся въ цѣлую систему служебныхъ отношеній, извѣстную въ нашей исторіи подъ названіемъ *мстничества*. Прежде чѣмъ обратиться къ его изученію, объясню, что я разумѣю подъ московскимъ боярствомъ.

Боярство
какъ
классъ.

Я пользуюсь этимъ словомъ не въ томъ значеніи, какое оно имѣло на официальномъ московскомъ языкѣ XVI в. Тогда имъ обозначался не общественный классъ, а высшій служебный чинъ боярина: *сказать* кому *боярство* значило объявить официально лицу, что оно пожаловано въ бояре. Я говорю о боярствѣ въ условномъ смыслѣ верхняго слоя многочисленнаго военно-служилаго класса въ Московскомъ государствѣ изучаемаго времени. Для опредѣленія состава этого слоя можно принять за основаніе официальную родословную книгу, содержащую въ себѣ поименныя росписи важнѣйшихъ служилыхъ родовъ въ порядкѣ поколѣній. Этотъ *Государевъ Родословецъ*, какъ онъ назывался, составленъ былъ при Грозномъ и на него опирались при разборѣ генеалогическихъ споровъ московскихъ служилыхъ людей. Фамиліи, помѣщенные въ этомъ родословцѣ, назывались *родословными*. Эту родословную знать мы и называемъ московскимъ боярствомъ. Можно замѣтить два условія или признака принадлежности къ этой знати. Фамилія входила въ родословный кругъ, если приблизительно до начала XVI в., когда этотъ кругъ складывался, въ своихъ поколѣнныхъ рядахъ имѣла лицъ, служившихъ въ Москвѣ боярами, окольничими и въ другихъ высшихъ чинахъ. Потому, чтобы фамилія не выпала изъ этого круга, надобно было членамъ ея держаться на столичной службѣ, занимая высшія должности по центральному, областному и военному управленію.

Изложу главные основанія мѣстничества. Этимъ словомъ въ собственномъ смыслѣ слѣдуетъ называть тотъ порядокъ служебныхъ отношеній, какой сложился между родословными фамиліями въ Московскомъ государствѣ XV и XVI в.

Чтобы понять такое сложное и запутанное явленіе, какъ <sup>Мѣстниче-
ское отече-
ство.</sup> старинное *московское* мѣстничество, надобно отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ современныхъ понятій о государственной службѣ или, лучше сказать, сопоставить тогдашнія и нынѣшнія условія назначенія на правительственныя должности. Теперь при назначеніи лицъ на службу по одному вѣдомству ихъ ставятъ въ отношеніе равенства или подчиненія одного другому по ихъ сравнительной служебной годности, а эта годность опредѣляется способностями, степенью школьной и служебной подготовки, заслугами, т. е. продолжительностью и успѣшностью прежней службы, и вообще *личными* качествами; по крайней мѣрѣ другія соображенія признаются побочными и негласными. Во всякомъ случаѣ служебное отношеніе между назначаемыми лицами устанавливается при самомъ ихъ назначеніи на должности и устанавливается на основаніи сравнительной оцѣнки нужныхъ для службы личныхъ качествъ, производимой начальствомъ. Въ Москвѣ XVI в. при замѣщеніи высшихъ должностей служилыми людьми соображались не съ личными качествами назначаемыхъ, а съ относительнымъ служебнымъ значеніемъ фамилій, къ которымъ они принадлежали, и съ генеалогическимъ положеніемъ каждаго изъ нихъ въ своей фамиліи. Князья Одоевскіе на службѣ по одному вѣдомству вообще ставились выше Бутурлиныхъ: таково было взаимное іерархическое отношеніе обѣихъ этихъ фамилій. Но старшіе Бутурлины могли приближаться къ младшимъ князьямъ Одоевскимъ и даже равняться съ ними, и сообразно съ тѣмъ мѣнялось ихъ служебное соотношеніе. Значить, каждая родо-

словная фамилія и каждое отдѣльное лицо такой фамиліи занимали опредѣленное и постоянное положеніе среди другихъ фамилій и отдѣльныхъ лицъ, съ которыми должны были сообразоваться ихъ должностныя назначенія и которое слѣдовательно не зависѣло отъ этихъ назначеній. Иерархическое отношеніе между сослуживцами не устанавливалось при ихъ назначеніи на должности по усмотрѣнію назначавшей ихъ власти, а заранѣе указывалось помимо нея фамильнымъ положеніемъ назначаеваемыхъ. Это фамильное значеніе лица по отношенію къ другимъ лицамъ какъ своей собственной, такъ и чужихъ фамилій называлось его *отечествомъ*. Это значеніе приобрѣталось предками и становилось наследственнымъ достояніемъ всѣхъ членовъ фамиліи.

Мѣстническій счетъ простой.

Итакъ, повторю, мѣстническое отечество—это унаследованное отъ предковъ отношеніе по службѣ служилаго лица и цѣлой служилой фамиліи къ другимъ служилымъ лицамъ и фамиліямъ. Былъ выработана особый способъ опредѣлять отечество съ математической точностью. Отечество каждаго высчитывалось. Правила этого вычисленія—цѣлая система, которую можно назвать мѣстнической арифметикой. По двойственному назначенію отечества, указывавшаго отношеніе лица къ его родичамъ и чужеродцамъ, и мѣстническій счетъ былъ двойкій: простой—по *родословцу*, или *мѣствицею*, и двойной—по родословцу и по *разрядамъ* вмѣстѣ. Мы уже знакомы съ родословцемъ. Разрядами назывались росписи назначеній на высшія должности придворныя, по центральному и областному управленію, начальниками приказовъ, т. е. министерствъ, намѣстниками и воеводами городовъ, также полковыми походными воеводами и т. п. Эти записи велись въ *Разрядномъ* приказѣ, соотвѣтствующемъ нынѣшнему Военному министерству или точнѣе Главному Штабу, и сводились въ погодныя разрядныя книги. Въ 1556 г.,

какъ это выяснено г. Милюковымъ, составленъ былъ *Государевъ Разрядъ*, официальная разрядная книга за 80 лѣтъ назадъ, начиная съ 1475 г. Счетъ по родословцу опредѣлялъ генеалогическое отношеніе лица къ его родичамъ; этотъ счетъ былъ снятъ съ отношеній между членами стариннаго русскаго дома, т. е. семьи, состоявшей изъ отца съ женатыми сыновьями или изъ жившихъ вмѣстѣ родныхъ братьевъ съ семействами. Члены такой сложной семьи строго наблюдали отношенія старшинства, выражавшіяся между прочимъ въ ихъ разсадкѣ за обѣденнымъ столомъ. Возьмемъ семью изъ родныхъ братьевъ съ дѣтьми. Первое мѣсто принадлежало старшему брату, домохозяину, большаку, два за нимъ слѣдующія—двумъ его младшимъ братьямъ, четвертое мѣсто его старшему сыну. Если у большака былъ третій братъ, онъ не могъ сѣсть ни выше, ни ниже старшаго племянника, былъ ему ровня (ровесникъ). Это равенство указывалось, вѣроятно, обычнымъ порядкомъ нарожденія: четвертый братъ рождался обыкновенно около времени появленія на свѣтъ перваго сына у старшаго брата и потому отчислялся уже ко второму поколѣнію—*дѣтей*, тогда какъ три старшіе брата составляли первое поколѣніе—*отцовъ*. Такимъ распорядкомъ мѣстъ объясняются основныя правила мѣстнической ариметики. По этой ариметикѣ старшій сынъ отъ своего отца—четвертое мѣсто, т. е. между тѣмъ и другимъ должны оставаться два свободныхъ мѣста для втораго и третьаго отцова брата. Каждый слѣдующій братъ мѣстомъ ниже предшествующаго старшаго: значить, родные братья садятся рядомъ въ порядкѣ старшинства. Изъ этихъ двухъ правилъ вытекало третье: четвертый изъ братьевъ или третій дядя равенъ старшему племяннику. Это правило выражалось формулой: «перваго брата сынъ четвертому (считая и отца) дядѣ въ версту», т. е.

сверстники, ровня, ровесникъ (*верста*—мѣра, уравненіе). Значить, они не сидѣли рядомъ, а должны были сѣсть врознь или насупротивъ. Общее основаніе этихъ правилъ: отечество каждаго изъ родичей опредѣлялось его сравнительнымъ разстояніемъ отъ общаго предка. Это разстояніе измѣрялось особыми мѣстническими единицами, *мѣстами*. Отсюда и самое названіе *мѣстничества*. По мѣстнической связи генеалогіи со службой и *мѣсто* имѣло двойное значеніе, генеалогическое и служебное. Въ генеалогическомъ смыслѣ это—ступень, занимаемая каждымъ членомъ фамиліи на фамильной лѣствицѣ старшинства по его разстоянію отъ родоначальника, измѣряемому количествомъ предшествующихъ ему въ прямой восходящей линіи рожденій. Первоначальное понятіе о мѣстѣ въ смыслѣ служебномъ, очевидно, сложилось среди бояръ за княжескимъ столомъ, гдѣ они расаживались въ порядкѣ служебно-генеалогическаго старшинства; но потомъ это понятіе было перенесено и на всѣ служебныя отношенія, на правительственныя должности. Отсюда употребляемое нами выраженіе *искать мѣста*. Генеалогическое разстояніе между лицами одной и той же или разныхъ фамилій, назначенными на извѣстныя должности по одному вѣдомству, должно было соответствовать іерархическому разстоянію между этими должностями. Для этого каждая сфера служебныхъ отношеній, каждое правительственное вѣдомство, мѣста въ государевой думѣ, должности административныя, городовыя намѣстничества, какъ и должности полковыхъ воеводъ, были также расположены въ извѣстномъ порядкѣ старшинства, составляли іерархическую лѣствицу. Вотъ, на примѣръ, въ какомъ порядкѣ слѣдовали одна за другой должности полковыхъ воеводъ. Московская армія, большая или малая, ходила въ походъ обыкновенно пятью *полками* или отрядами. Это были

большой полкъ, правая рука, передовой и сторожевой полки, т. е. авангардъ и аррьергардъ, и *лѣвая рука*. Каждый полкъ имѣлъ одного или нѣсколькихъ воеводъ, смотря по численному составу полка, по числу *сотенъ*, ротъ въ немъ. Эти воеводы назывались *большими* или первыми, *другими* или вторыми, *третьими* и т. д. Должности этихъ воеводъ по старшинству слѣдовали въ такомъ порядкѣ: первое мѣсто принадлежало первому воеводѣ большого полка, второе—первому воеводѣ правой руки, третье—первымъ воеводамъ передового и сторожевого полковъ, которые были ровни, четвертое—первому воеводѣ лѣвой руки, пятое—второму воеводѣ большого полка, шестое—второму воеводѣ правой руки и т. д. Если изъ двухъ родственниковъ, назначенныхъ воеводами въ одной арміи, старшій по генеалогіи, по отечеству, былъ двумя мѣстами выше младшаго, то при назначеніи старшаго первымъ воеводой большого полка младшаго надобно было назначить первымъ воеводой сторожевого либо передового полка, не выше и не ниже. Если его назначали мѣстомъ выше, большимъ воеводой правой руки, старшій родичъ былъ челомъ, что такое повышеніе младшаго родича грозитъ ему, челобитчику, «потерькой» чести, отечества, что всѣ, свои и чужіе, считавшіеся ему ровнями, стануть его «утягивать», понижать, считать себя выше его на одно мѣсто, такъ какъ онъ стоялъ рядомъ, однимъ мѣстомъ выше человѣка, который ниже ихъ двумя мѣстами. Если младшаго назначали ниже, большимъ воеводой лѣвой руки, онъ былъ челомъ о безчестьи, говоря, что ему такъ служить со своимъ родичемъ «не вмѣстно», что онъ «потеряетъ», а родичъ «найдетъ» передъ нимъ, выиграетъ одно мѣсто. Привожу этотъ схематическій примѣръ, чтобы показать, какъ въ лѣстничномъ счетѣ генеалогія лицъ должна была соответствовать іерархіи мѣстъ.

Счетъ слож-
ный.

Сложнѣе былъ счетъ, опредѣлявшій мѣстныя отношенія между чужеродцами. Если члены двухъ разныхъ фамилій назначались на службу, гдѣ они должны были дѣйствовать вмѣстѣ съ подчиненіемъ одного другому, они для провѣрки назначенія высчитывали, какое между ними разстояніе по служебному отечеству, принимая за основаніе обыкновенно службу своихъ «родителей», т. е. родственниковъ по восходящей линіи, какъ прямыхъ, такъ и боковыхъ. Для этого они брали разряды и искали въ нихъ *случая*, прецедента, такого назначенія изъ прежнихъ лѣтъ, гдѣ бы ихъ предки также назначены были служить вмѣстѣ. Встрѣтивъ такой случай, они вычисляли ранговое разстояніе, какое лежало между доставшимися ихъ родителямъ должностями. Это разстояніе принималось за основаніе для учета служебнаго отношенія обѣихъ фамилій, ихъ сравнительнаго отечества, фамиліи чести. Опредѣливъ это отношеніе фамилій по разрядамъ, оба назначенные «совмѣстника» брали свои родословныя и по нимъ высчитывали свое генеалогическое разстояніе каждый отъ того своего предка, который встрѣтился на службѣ въ найденномъ случаѣ съ предкомъ другого совмѣстника. Если разстояніе это было одинаково у обѣихъ совмѣстниковъ, то они могли быть назначены на такія же должности, т. е. съ такимъ же іерархическимъ разстояніемъ, какое было между должностями ихъ предковъ. Но если одинъ изъ совмѣстниковъ дальше отстоялъ отъ своего предка, чѣмъ его соперникъ отъ своего, онъ долженъ былъ опуститься ниже соперника на соответствующее число мѣстъ. Если въ найденномъ случаѣ предки совмѣстниковъ, кн. Одоевскій и Бутурлинъ, служили первый большимъ воеводой большого полка, другой большимъ же воеводой лѣвой руки, значить, кн. Одоевскій по фамиліи чести относился къ Бутурлину, какъ отецъ къ сыну, «былъ ему что отецъ».

т. е. отдѣлялся отъ него двумя мѣстами, потому что большой воевода лѣвой руки—четвертое мѣсто, какъ и старпій сынъ отъ отца. Установивъ по разрядамъ общее служебное отношеніе фамилій, предстояло еще опредѣлить по родословной частное генеалогическое положеніе лицъ, каждаго въ своей фамиліи. Если потомокъ кн. Одоевскаго отстоялъ отъ своего предка на шесть мѣстъ, а потомокъ Бутурлина отъ своего на пять, то потомокъ Бутурлина не могъ служить первымъ воеводой лѣвой руки при назначеніи потомка кн. Одоевскаго первымъ воеводой большого полка: Бутурлинъ долженъ былъ подняться на одно мѣсто выше. Въ постоянное мѣстническое отношеніе фамилій по разрядамъ вводился измѣнчивый коэффициентъ поколѣній, опредѣлявшій генеалогическое положеніе каждаго отдѣльнаго лица въ своей фамиліи. Итакъ родословцемъ опредѣлялось взаимное служебное отношеніе лицъ одной и той же фамиліи, разрядами—отношеніе разныхъ фамилій, родословцемъ и разрядами вмѣстѣ—отношеніе лицъ разныхъ фамилій.

Изложенной схемы мѣстническаго счета, думаю, доста- Законода-
тельные ог-
раженія.
точно, чтобы понять, какъ мѣстничество осложняло должно-
стныя назначенія. Особенно въ распорядкѣ мѣстъ полковыхъ воеводъ дьякамъ Разряднаго приказа трудно было составить подборъ лицъ, который предусматривалъ бы всѣ разнообразныя генеалогическія и разрядныя отношенія, примирялъ всѣ возможныя фамилійныя притязанія. Рѣдкая полковая роспись обходилась безъ споровъ, челобитій о счетѣ мѣстъ, безъ жалобъ на «поруху въ отечествѣ». Путаница увеличивалась еще тѣмъ, что знатные молодые дворяне мѣстничались съ полковыми воеводами, къ которымъ ихъ прикомандировывали въ штабъ или для особыхъ порученій. Этими затрудненіями вызывались законодательныя ограниченія мѣстничества. Такъ приговоромъ государя и боярской

думы въ 1550 г. съ участіемъ даже митрополита нѣкоторыя должности полковыхъ воеводъ были изъяты изъ мѣстническаго счета, объявлены «безъ мѣсть». Было, напримѣръ, постановлено, что большому воеводѣ правой руки, который тремя мѣстами былъ выше второго воеводы большого полка, до этого воеводы дѣла и счета нѣтъ, а первые воеводы передового и сторожевого полковъ не меньше воеводъ правой руки. Также и служба знатныхъ дворянъ подъ командой менѣе знатнаго воеводы не ставилась имъ въ счетъ при дальнѣйшихъ назначеніяхъ, когда они сами становились воеводами. Иногда всѣ назначенія полковыхъ воеводъ или при какомъ-либо придворномъ торжествѣ объявлялись безъ мѣсть.

Идея мѣстничества.

Изъ того же мѣстническаго счета открывается и идея мѣстничества, строго консервативная и аристократическая. Позднѣйшія поколѣнія родословныхъ людей должны были размѣщаться на службѣ и за столомъ государя, какъ размѣщались первыя поколѣнія. Отношенія между фамиліями, разъ установившіяся, не должны были измѣняться. Какъ нѣкогда стали на службѣ отцы и дѣды, такъ должны стоять дѣти и всѣ дальнѣйшіе потомки. Итакъ мѣстничество устанавливало не фамильную наслѣдственность служебныхъ должностей, какъ это было въ феодальномъ порядкѣ, а наслѣдственность служебныхъ отношеній между фамиліями. Этимъ объясняется значеніе правительственныхъ должностей въ мѣстничествѣ. Должность сама по себѣ здѣсь ничего не значила: она была тѣмъ же по отношенію къ отечеству, чѣмъ служить арифметическое число по отношенію къ алгебраическому выраженію, т. е. конкретной случайностью. Кн. Одоевскій готовъ былъ занять какую угодно должность, лишь бы Бутурлинъ съ нимъ вмѣстѣ стоялъ на должности еще ниже, и бывали случаи, когда одно и то же лицо въ похо-

дать послѣдовательно занимало полковыя воеводскія должности все въ порядкѣ пониженія: это не было пониженіемъ лица по службѣ, а зависѣло отъ его мѣстническаго отношенія къ товарищамъ, воеводамъ другихъ полковъ. Все дѣло было не въ должности, а во взаимномъ отношеніи лицъ по должностямъ. Слѣдовательно должности въ мѣстничествѣ имѣли значеніе, совершенно обратное тому, какое онѣ имѣютъ теперь. Теперь правительственное значеніе лица опредѣляется его должностью, т. е. степенью власти и ответственности, съ ней сопряженной; въ мѣстничествѣ генеалогическимъ положеніемъ лица указывалась должность, какую оно получало. Теперь по извѣстной поговоркѣ мѣсто красить человѣка; тогда думали, что человѣкъ долженъ красить свое мѣсто.

Князья Одоевскіе стали выше Бутурлиныхъ и многих Когда оно сложилось. другихъ старинныхъ фамилій московскаго боярства въ силу одного изъ указанныхъ мною правилъ московскаго родословнаго распорядка, потому что въ концѣ XV в. эти князья пришли въ Москву прямо съ своего удѣла. Московское мѣстничество было практическимъ приложеніемъ этихъ правилъ къ служебнымъ отношеніямъ московскихъ служилыхъ людей. Поэтому можно приблизительно опредѣлить время, когда оно сложилось. Элементы мѣстничества встрѣтимъ еще въ удѣльные вѣка при московскомъ, какъ и при другихъ княжескихъ дворахъ, замѣтимъ присутствіе мысли о служебномъ старшинствѣ, найдемъ указанія на застольное и должностное размѣщеніе бояръ по этому старшинству, на ихъ требованіе, чтобы ихъ разсаживали за княжескимъ столомъ, какъ сидѣли ихъ отцы, на признаніе *случаевъ* обязательными прецедентами. Но при удѣльной бродячести вольныхъ служилыхъ людей служебный ихъ распорядокъ лишенъ былъ устойчивости. Положеніе ихъ при княжескихъ

дворахъ опредѣлялось временными личными договорами съ княземъ. Лишь только бояре усядутся, уладятся мѣстами и службой, новый знатный пришелецъ урядится съ княземъ «въ рядъ и крѣпость возьметъ», «заѣдетъ», сядетъ выше многихъ старыхъ служакъ и спутаетъ устанавившійся распорядокъ мѣстъ. Въ 1408 г. пріѣхалъ въ Москву на службу внукъ Гадимина литовскаго кн. Патригій. Сынъ его Юрій, ставшій въ Москвѣ родоначальникомъ князей Голицыныхъ и Куракиныхъ, «заѣхалъ», посаженъ былъ выше многихъ московскихъ бояръ, потому что вел. князь московскій, выдавая за него свою сестру, «мѣсто ему уприсялъ» у своихъ бояръ. У Юрія былъ старшій братъ кн. Ѳеодоръ Хованскій. На Юрьевой свадьбѣ его «посѣлъ», сѣлъ выше старый московскій бояринъ Ѳеодоръ Сабуръ, прапрадѣдъ котораго вступилъ на московскую службу при Калитѣ. Кн. Хованскій при этомъ сказалъ Сабуру: «сядь-ка повыше моего брата меньшого кн. Юрья». — «У твоего брата богъ въ кикѣ (счастье въ кичкѣ, въ женѣ), а у тебя бога въ кикѣ нѣтъ», возразилъ Сабуръ, и сѣлъ выше Хованскаго. Возможность завоевывать высокія мѣста жениной кичкой, эта кичливость прекратилась въ Москвѣ, когда при массовомъ наплывѣ сюда служилаго князья, смѣнившемъ прежніе одиночныя заѣзды, пришлось замѣнить личное соглашеніе князя съ новымъ пріѣзжимъ слугой «уложеніемъ», общимъ способомъ оцѣнки служебнаго достоинства служилыхъ людей. Только въ Москвѣ элементы мѣстничества успѣли сложиться въ цѣлую систему, и его сложеніе надобно относить къ эпохѣ, когда шель этотъ наплывъ, т. е. къ княженію Ивана III и его сына Василія. Къ этому времени стали готовы двѣ основы мѣстничества: личный уговоръ замѣнился уложеніемъ; исполнился комплектъ фамилій, между которыми дѣйствовали мѣстническія отношенія. Съ той поры собравшіяся въ

Москвѣ боярскія фамиліи стали въ стройные ряды. Поэтому линіи предковъ, на служебныя отношенія которыхъ потомки въ мѣстническихъ спорахъ XVI и XVII в. ссылались въ оправданіе своихъ родословныхъ и разрядныхъ притязаній, обыкновенно не восходили раньше княженія Ивана III. Бóльшая часть знатнѣйшихъ московскихъ фамилій, служившихъ главными звеньями мѣстнической цѣпи, до Ивана III еще и не значились въ московскомъ родословцѣ.

Теперь мы можемъ уяснить себѣ политическое значеніе мѣстничества для московскаго боярства. Оно ставило служебныя отношенія боярь въ зависимость отъ службы ихъ предковъ, т. е. дѣлало политическое значеніе лица или фамиліи независимымъ ни отъ личнаго усмотрѣнія государя, ни отъ личныхъ заслугъ или удачъ служившихъ людей. Какъ стояли предки, такъ вѣчно должны стоять и потомки, и ни государева милость, ни государственныя заслуги, ни даже личные таланты не должны измѣнять этой роковой наслѣдственной разстановки. Служебное соперничество становилось невозможно: должностное положеніе каждаго было предопредѣлено, не завоевывалось, не заслуживалось, а наслѣдовалось. Служебная карьера лица не была его личнымъ дѣломъ, его частнымъ интересомъ. За его служебнымъ движеніемъ слѣдилъ весь родъ, потому что каждый его служебный выигрышъ, каждая мѣстническая *находка* повышала всѣхъ его родичей, какъ всякая служебная *потерька* понижала ихъ. Каждый родъ выступалъ въ служебныхъ столкновеніяхъ, какъ единое цѣлое; родовая связь устанавливала между родичами и служебную солидарность, взаимную отвѣтственность, круговую поруку родовой чести, подъ гнетомъ которой личныя отношенія подчинялись фамильнымъ, нравственныя побужденія приносились въ жертву

Политическое его значеніе.

интересамъ рода. Въ 1598 г. кн. Репнинъ-Оболенскій по росписи занималъ въ походѣ мѣсто ниже кн. Ив. Сицкого, чего ему не слѣдовало дѣлать по служебному положенію своего рода, и не билъ челомъ царю объ обидѣ на Сицкого, потому что они съ Сицкимъ были «своязки и великіе други». Тогда обидѣлся всѣ его родичи, и кн. Ноготковъ-Оболенскій «во всѣхъ Оболенскихъ князей мѣсто» билъ челомъ царю, что кн. Репнинъ то сдѣлалъ, дружась съ кн. Иваномъ, чтобъ тѣмъ его воровскимъ нечелобитьемъ поруку и укоръ учинить всему ихъ роду Оболенскихъ князей отъ всѣхъ чужихъ родовъ. Царь разобралъ дѣло и рѣшилъ, что кн. Репнинъ былъ на службѣ съ кн. Ив. Сицкимъ по дружбѣ и потому одинъ «виноватъ» кн. Ивану, т. е. себя одного понизилъ передъ Сицкимъ и его родичами, а роду его всѣмъ князьямъ Оболенскимъ въ томъ поруки въ отечествѣ нѣтъ никому. Такимъ образомъ мѣстничество имѣло оборонительный характеръ. Имъ служилая знать защищалась какъ отъ произвола сверху, со стороны государя, такъ и отъ случайностей и просковъ снизу, со стороны отдѣльныхъ честолюбивыхъ лицъ, стремившихся подняться выше своего отечества, наследственнаго положенія. Вотъ почему бояре такъ дорожили мѣстничествомъ: за мѣста, говорили они въ XVII вѣкѣ, наши отцы помирали. Боярина можно было избить, прогнать со службы, лишитъ имущества, но нельзя было заставить занять должность въ управленіи или сѣсть за государевымъ столомъ ниже своего отечества. Значитъ, мѣстничество, ограничивая сферу своего дѣйствія родословными людьми, выдѣляло изъ военно-служилой массы классъ, изъ котораго верховная власть волею-неволею должна была преимущественно выбирать лицъ для занятія правительственныхъ должностей, и такимъ образомъ оно создавало этому классу политическое право или, точнѣе,

привилегію на участіе въ управленіи, т. е. въ дѣятельности верховной власти. Этимъ мѣстничество сообщало боярству характеръ правящаго класса или сословной аристократіи. Сама власть поддерживала такой взглядъ на мѣстничество, значить, признавала боярство такой аристократіей. Вотъ одинъ изъ многихъ случаевъ, гдѣ выразился взглядъ на мѣстничество, какъ на опору или гарантію политическаго положенія боярства. Въ 1616 г. кн. Волконскій, человекъ неродовитый, но много служившій, билъ челомъ государю, что ему по своей *службѣ* меньше боярина Головина быть не вмѣстно. Головинъ отвѣтилъ челобитчику встрѣчной жалобой, что кн. Волконскій его и родичей его обезчестилъ и опозорилъ, и просилъ государя «дать ему оборонъ». По указу государя бояре въ думѣ разобрали дѣло и приговорили послать князя въ тюрьму, сказавъ ему, что онъ человекъ неродословный, а по государеву указу неродословнымъ людямъ съ родословными суда и счета въ отечествѣ не бываетъ; что же касается до службы Волконскаго, то «за службу жадуеть государь помѣстьемъ и деньгами, а не отечествомъ». Итакъ государь можетъ сдѣлать своего слугу богатымъ, но не можетъ сдѣлать его родовитымъ, потому что родовитость идетъ отъ предковъ, а покойныхъ предковъ уже нельзя сдѣлать ни болѣе, ни менѣе родовитыми, чѣмъ они были при жизни. Такъ, когда московское боярство изъ пестрыхъ, обродныхъ элементовъ стало складываться въ цѣльный правительственный классъ, его складъ вышелъ своеобразно аристократическимъ.

Своеобразный отпечатокъ клали на аристократическое Недостатки его. значеніе боярства два недостатка, какими страдало мѣстничество. Вводя въ государственную службу цензъ породы, оно ограничивало верховную власть въ самой цекотливой ея прерогативѣ, въ правѣ подбора подходящихъ проводни-

ковъ и исполнителей своей воли: она искала способныхъ и послушныхъ слугъ, а мѣстничество подставляло ей породистыхъ и зачастую безтолковыхъ неслуховъ. Оцѣнивать служебную годность происхожденіемъ или службою предковъ значило подчинять государственную службу обычаямъ, который коренился въ нравахъ и понятіяхъ частнаго быта, а въ сферѣ публичнаго права становился по существу своему противогосударственнымъ. Такимъ обычаемъ и было мѣстничество, и государственная власть могла терпѣть его, пока или сама не понимала настоящихъ задачъ своихъ, или не находила въ неродословныхъ классахъ пригодныхъ людей для службы. Петръ Великій смотрѣлъ на мѣстничество строго государственнымъ взглядомъ, назвавъ его «зѣло жестокимъ и вредительнымъ обычаемъ, который какъ законъ почитали». Такъ мѣстничество поддерживало ежеминутную молчаливую досаду московскаго государя на свое боярство. Но подготавливая вражду, оно не увеличивало, а скорѣе ослабляло силы класса, для котораго служило главной, если не единственной политической опорой. Сплачивая родичей въ ответственные семейныя корпораціи, оно разрознивало самыя фамиліи, мелочнымъ сутяжничествомъ за мѣста вносило въ ихъ среду соперничество, зависть и неприязнь, чувствомъ узко понимаемой родовой чести притупляло чутье общественнаго, даже сословнаго интереса и такимъ образомъ разрушало сословіе нравственно и политически. Значить, мѣстничество было вредно и государству, и самому боярству, которое такъ имъ дорожило.

Намъ предстоитъ теперь видѣть, какъ политическое настроеніе московскаго боярства, нашедшее себѣ такую ненадежную опору, выразилось въ отношеніяхъ, какія устанавливались между боярствомъ и государемъ съ конца XV в.

Лекція XXVIII.

Отношенія боярства въ новомъ его составѣ къ своему государю.—
Отношенія московскихъ бояръ къ вел. князю въ удѣльные вѣка.—
Перемена въ этихъ отношеніяхъ съ Ивана III.—Столкновенія.—
Неясность причинъ разлада.—Восѣды Версени съ Максимовъ Гре-
комъ.—Боярское правленіе.—Переноска царя Ивана съ кн. Курб-
скимъ.—Сужденія кн. Курбскаго.—Возраженія царя.—Характеръ пе-
реписки.—Династическое происхожденіе разлада.

Мы видѣли, какъ въслѣдствіе политическаго объединенія
Великороссіи измѣнились и составъ, и настроеніе москов-
скаго боярства. Эта перемена неизбежно должна была из-
мѣнить и добрыя отношенія, существовавшія между мо-
сковскимъ государемъ и его боярствомъ въ удѣльные вѣка.

Эта перемена отношеній была неизбежнымъ послѣдстви-
емъ того же самаго процесса, которымъ созданы были
власть московскаго государя и его новое боярство. Въ
удѣльные вѣка бояринъ вѣхалъ на службу въ Москву, ища
здѣсь служебныхъ выгодъ. Эти выгоды росли для служилаго
человѣка вмѣстѣ съ успѣхами его хозяина. Это устанавли-
вало единство интересовъ между обѣими сторонами. Вотъ
почему московскіе бояре во весь XIV в. дружно помогали
своему государю въ его внѣшнихъ дѣлахъ и усердно радѣли
ему во внутреннемъ управленіи. Тѣсная связь, задушевность
отношеній между обѣими сторонами яркой чертой проходитъ
по московскимъ памятникамъ того вѣка. Великій князь
Семень Гордый пишетъ, обращаясь въ духовной къ своимъ

Отношенія
бояръ къ в.
князю въ
удѣльные
вѣка.

младшимъ братьямъ съ предсмертными наставленіями: «слушали бы вы во всемъ отца нашего владыки Алексѣя да старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ». Еще задушевиѣе выступаютъ эти отношенія въ написанной современникомъ біографіи вел. кн. Дмитрія Донского, который и великокняжескимъ столомъ обязанъ былъ своимъ боярамъ. Обращаясь къ своимъ дѣтямъ, великій князь говорилъ: «бояръ своихъ любите, честь имъ достойную воздавайте по ихъ службѣ, безъ воли ихъ ничего не дѣлайте». Обратившись затѣмъ къ самимъ боярамъ, великій князь въ сочувственныхъ словахъ напомнилъ имъ, какъ онъ работалъ вмѣстѣ съ ними въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ, какъ они укрѣпляли княженіе, какъ стали страшны недругамъ Русской земли. Между прочимъ Дмитрій сказалъ своимъ сотрудникамъ: «я всѣхъ васъ любилъ и въ чести держалъ, веселился съ вами, съ вами и скорбѣлъ, и вы назывались у меня не боярами, а князьями земли моея».

Переѣзжа
отношеній.

Эти добрыя отношенія и стали разстраиваться съ конца XV в. Новые титулованные бояре шли въ Москву не за новыми служебными выгодами, а большею частью съ горькимъ чувствомъ сожалѣнія объ утраченныхъ выгодахъ удѣльной самостоятельности. Теперь только нужда и неволя привязывали новое московское боярство къ Москвѣ, и оно не могло любить этого новаго мѣста своего служенія. Разошедшись въ интересахъ, обѣ стороны еще болѣе разошлись въ политическихъ чувствахъ, хотя эти чувства выходили изъ одного источника. Одни и тѣже обстоятельства, съ одной стороны, поставили московскаго великаго князя на высоту національнаго государя съ широкой властью, съ другой—навязали ему правительственный классъ съ притязательными политическими вкусами и стремленіями и соотвѣстительной для верховной власти основной организа-

цей. Почувствовавъ себя въ сборѣ вокругъ московскаго Кремля, титулованные бояре стали смотрѣть на себя, какъ не смѣли смотрѣть московскіе бояре удѣльнаго времени. Почувствовавъ себя государемъ объединенной Великой Руси, великій князь московскій съ трудомъ переносилъ и прежнія свои отношенія къ боярамъ, какъ вольнымъ слугамъ по договору, и совсѣмъ не могъ ужиться съ новыми ихъ притязаніями на раздѣлъ власти. Одна и та же причина—объединеніе Великороссіи—сдѣлала московскую верховную власть менѣе терпѣливой и уступчивой, а московское боярство болѣе притязательнымъ и заносчивымъ. Такимъ образомъ одни и тѣ же историческія обстоятельства разрушили единство интересовъ между обѣими политическими силами, а разъединеніе интересовъ разстроило гармонію ихъ взаимныхъ отношеній. Отсюда и вышелъ рядъ столкновеній между московскимъ государемъ и его боярами. Эти столкновенія вносятъ драматическое оживленіе въ монотонную и церемонную жизнь московскаго двора того времени и производятъ впечатлѣніе политической борьбы московскаго государя съ его непокорнымъ боярствомъ. Впрочемъ это была довольно своеобразная борьба какъ по приѣмамъ борьбы, такъ и по руководившимъ ею побужденіямъ. Отстаивая свои притязанія, бояре не поднимались открыто противъ своего государя, не брали въ руки оружія, даже не вели дружной политической оппозиціи противъ него. Столкновенія разрѣшались обыкновенно придворными интригами и опалами, немилостями, происхожденіе которыхъ иногда трудно разобрать. Это скорѣе придворная вражда, иногда довольно молчаливая, чѣмъ открытая политическая борьба, скорѣе пантомима, чѣмъ драма.

Эти столкновенія съ особенной силой обнаруживались Столеновенія.
два раза и каждый разъ по одинаковому поводу, по во-

просу о престолонаслѣдіи. Иванъ III, какъ мы знаемъ, сперва назначилъ своимъ наслѣдникомъ внука Дмитрія и вѣнчалъ его на великое княженіе, а потомъ развѣнчалъ, назначивъ преемникомъ сына своего отъ второй жены Василия. Въ этомъ семейномъ столкновеніи боярство стало за внука и противодействовало сыну изъ нелюбви къ его матери и къ принесеннымъ ею византійскимъ понятіямъ и внушеніямъ, тогда какъ на сторонѣ Василия оказались все малые, худые служилые люди. Столкновение доходило до сильнаго раздраженія съ обѣихъ сторонъ, вызвало шумныя ссоры при дворѣ, рѣзкія выходки со стороны бояръ, кажется, даже что-то похожее на крамолу. По крайней мѣрѣ сынъ Василия, царь Иванъ, жаловался послѣ, что бояре на его отца вмѣстѣ съ племянникомъ послѣдняго Дмитріемъ «многія пагубныя смерти умышляли,» даже самому государю дѣду «многія поносныя и укоризненныя слова говорили.» Но какъ шло дѣло, чего именно добивались бояре, въ подробностяхъ это остается не совсѣмъ яснымъ; только черезъ годъ послѣ вѣнчанія Дмитрія (1499) пострадали за противодействіе Василию знатнѣйшіе московскіе бояре: князю Семену Ряполовскому-Стародубскому отрубили голову, а его сторонниковъ кн. И. Ю. Патрикѣева съ сыномъ Василиемъ, знаменитымъ впослѣдствіи старцемъ Вассіаномъ Косымъ, насильно постригли въ монашество. Та же глухая придворная вражда, сопровождавшаяся опалами, шла и въ княженіе Василия. Этотъ великій князь съ понятнымъ недовѣріемъ относился къ боярамъ, какъ государь, котораго они не хотѣли видѣть на престолѣ и съ трудомъ на немъ терпѣли. Между прочимъ за что-то посадили въ тюрьму первостепеннаго боярина кн. В. Д. Холмскаго, женатаго на сестрѣ великаго князя и отецъ котораго былъ еще удѣльнымъ тверскимъ владѣтелемъ, а второстепенному думному чловѣку Берсею Бек-

леминеву отсѣкли голову за непригожія рѣчи о великомъ князѣ и его матери. Но особенно сильно разгорѣлась вражда при Грозномъ и опять по тому же поводу, по вопросу о престолонаслѣдіи. Вскорѣ по завоеваніи царства Казанскаго, въ концѣ 1552 года или въ началѣ 1553, царь Иванъ опасно занемогъ и велѣлъ боярамъ присягнуть новорожденному сыну своему царевичу Дмитрію. Многіе первостепенные бояре отказались отъ присяги или принесли ее неохотно, говоря, что не хотятъ служить «малому мимо стараго», т. е. хотятъ служить двоюродному брату царя, удѣльному князю Владиміру Андреевичу старицкому, котораго они имѣли въ виду посадить на царство въ случаѣ смерти царя. Пробужденное этимъ столкновеніемъ озлобленіе царя противъ бояръ черезъ нѣсколько лѣтъ повело къ полному разрыву между обѣими сторонами, сопровождавшемуся жестокими опалами и казнями, которымъ подверглось боярство.

Во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ, прорывавшихся въ продолженіе трехъ поколѣній, можно разглядѣть поводы, ихъ вызывавшіе, но побужденія, руководившія ссорившимися сторонами, питавшія взаимную неприязнь, не высказываются достаточно внятно ни той, ни другой стороной. Иванъ III глухо жаловался на неуступчивость, строптивость своихъ бояръ. Отправляя въ Польшу пословъ скорѣ послѣ дѣла о наслѣдникѣ, Иванъ между прочимъ давалъ имъ такое наставленіе: «смотрите, чтобы во всемъ между вами гладко было, пили бы бережно, не допьяна, и во всемъ бы себя берегли, а не поступали бы такъ, какъ кн. Семень Ряполовскій *высокоумничалъ* съ кн. Василіемъ, сыномъ Ивана Юрьевича (Патрикѣва)». Нѣсколько явственнѣе выступаютъ чувства и стремленія оппозиціонной боярской знати въ княженіе Василія. До насъ дошелъ отъ того времени

Неясность
причинъ
разлада.

памятникъ, вскрывающій политическое настроеніе боярской стороны: это—отрывокъ слѣдственнаго дѣла объ упомянутомъ сейчасъ думномъ человѣкѣ Ив. Ник. Берсень Беклемишевѣ (1525). Берсень, далеко не принадлежавшій къ первостепенной знати, былъ человѣкъ упрямый, неуступчивый. Въ то время проживалъ въ Москвѣ вызванный съ Афона для перевода съ греческаго Толковой Псалтири ученый монахъ Максимъ Грекъ, человѣкъ бывалый, образованный, знакомый съ католическимъ Западомъ и его наукой, учившійся въ Парижѣ, Флоренціи и Венеціи. Онъ привлекъ къ себѣ любознательныхъ людей изъ московской знати, которые приходили къ нему побесѣдовать и поспорить «о книгахъ и цареградскихъ обычаяхъ,» такъ что Максимова келья въ подмосковномъ Симоновомъ монастырѣ стала похожа на ученый клубъ. Любопытно, что наиболѣе обычными гостями Максима были все люди изъ оппозиціонной знати: между ними встрѣчаемъ и кн. Андр. Холмскаго, двоюроднаго племянника упомянутаго опальнаго боярина, и В. М. Тучкова, сына боярина Тучкова, наиболѣе грубившаго Ивану III, по свидѣтельству Грознаго. Но самымъ близкимъ гостемъ и собесѣдникомъ Максима былъ Иванъ Никитичъ Берсень, съ которымъ онъ часто и подолгу сиживалъ съ глазу на глазъ. Берсень находился въ это время въ немилости и удаленіи отъ двора: оправдывая свое колочее прозвище (*берсень*—крыжовникъ), Иванъ Никитичъ разъ въ Думѣ что-то рѣзко возразилъ государю при обсужденіи вопроса о Смоленскѣ. Великій князь разсердился и выгналъ его изъ совѣта, сказавъ: «пошелъ, смердь, вонъ, ты мнѣ не надобенъ.» Въ бесѣдахъ съ Максимомъ Берсень и изливалъ свои огорченные чувства, въ которыхъ можно видѣть отраженіе политическихъ думъ тогдашняго боярства. Передамъ ихъ бесѣды, какъ онѣ за-

писаны были на допросахъ. Это очень рѣдкій случай, когда мы можемъ подслушать интимный политическій разговоръ въ Москвѣ XVI вѣка.

Опальный совѣтникъ, конечно, очень раздраженъ. Онъ ничѣмъ недоволенъ въ Московскомъ государствѣ, ни людьми, ни порядками. «Про здѣшніе люди есми молвилъ, что нынѣ въ людяхъ правды нѣтъ.» Всего болѣе недоволенъ онъ своимъ государемъ и не хочетъ скрывать своего недовольства передъ иностранцемъ.

Бесѣды
Берсея
съ М.
Грекомъ.

—«Вотъ, говорилъ Берсея старцу Максиму, у васъ въ Царьградѣ цари теперь басурманскіе, гонители; настали для васъ злыя времена, и какъ-то вы съ ними перебиваетесь?»

—«Правда, отвѣчалъ Максимъ, цари у насъ нечестивые, однако въ церковныя дѣла у насъ они не вступаютъ.»

—«Ну, возразилъ Берсея, хоть у васъ цари и нечестивые, да ежели такъ поступаютъ, стало быть, у васъ еще есть Богъ.»

И какъ бы въ оправданіе проглоченной мысли, что въ Москвѣ уже нѣтъ Бога, опальный совѣтникъ пожаловался Максиму на московскаго митрополита, который въ угоду государю не ходатайствуетъ по долгу сана за опальныхъ, и вдругъ, давая волю своему возбужденному пессимизму, Берсея обрушился и на своего собесѣдника.

—«Да вотъ и тебя, господинъ Максимъ, взяли мы со Св. Горы, а какую пользу отъ тебя получили?»

—«Я—сиротина, отвѣчалъ Максимъ обидчиво: какой же отъ меня и пользы быть?»

—«Нѣтъ, возразилъ Берсея, ты человекъ разумный и могъ бы намъ пользу принести, и пригоже намъ было тебя спрашивать, какъ государю землю свою устроить, какъ людей награждать и какъ митрополиту вести себя.»

— «У васъ есть книги и правила, сказалъ Максимъ, можете и сами устроиться».

Берсень хотѣлъ сказать, что государь въ устроеніи своей земли не спрашивалъ и не слушалъ разумныхъ совѣтовъ и потому строилъ ее неудовлетворительно. Это «несовѣтіе», «высокоуміе», кажется, всего больше огорчало Берсень въ образѣ дѣйствій в. кн. Василія. Онъ еще снисходительно относился къ Васильеву отцу: Иванъ III, по его словамъ, былъ добръ и до людей ласковъ, а потому и Богъ помогалъ ему во всемъ; онъ любилъ «встрѣчу», возраженіе противъ себя. А нынѣшній государь, жаловался Берсень, не таковъ: людей мало жалуетъ, упрямъ, встрѣчи противъ себя не любить и раздражается на тѣхъ, кто ему встрѣчу говоритъ».

Итакъ Берсень очень недоволенъ государемъ; но это недовольство совершенно консервативнаго характера: съ недавняго времени старые московскіе порядки стали шататься и шатать ихъ сталъ самъ государь—вотъ на что особенно жаловался Берсень. При этомъ онъ излагалъ цѣлую философію политическаго консерватизма.

— «Самъ ты знаешь, говорилъ онъ Максиму, да и мы слышали отъ разумныхъ людей, что которая земля переставливаетъ свои обычаи, та земля недолго стоитъ, а здѣсь у насъ старые обычаи нынѣшній великій князь перемѣнилъ: такъ какого же добра и ждать отъ насъ?»

Максимъ возразилъ, что Богъ наказываетъ народы за нарушеніе Его заповѣдей, но что обычаи царскіе и земскіе перемѣняются государями по соображенію обстоятельствъ и государственныхъ интересовъ.

— «Такъ-то такъ, возразилъ Берсень, а все-таки лучше старыхъ обычаевъ держаться, людей жаловать и стариковъ почитать; а нынѣ государь нашъ, запершись самъ третьей у постели, всякія дѣла дѣлаетъ».

Этой переменной обычаевъ Берсень объясняетъ внѣшнія затрудненія и внутреннія неурядицы, какія тогда переживала Русская земля. Первой виновницей этого отступничества отъ старыхъ обычаевъ, сѣятельницей этой измѣны родной старинѣ Берсень считаетъ мать великаго князя.

— «Какъ пришли сюда греки, говорилъ онъ Максиму, такъ земля наша и замѣшалась, а до тѣхъ поръ земля наша Русская въ мирѣ и тишинѣ жила. Какъ пришла сюда мать вел. князя вел. княгиня Софья съ вашими греками, такъ и пошли у насъ нестроенія великия, какъ и у васъ въ Царѣ-городѣ при вашихъ царяхъ».

Максимъ Грекъ счелъ долгомъ заступиться за землячку и возразилъ:

— «Великая княгиня Софья съ обѣихъ сторонъ была роду великаго—по отцу царскаго роду царегородскаго, а по матери великаго дуксуса феррарійскаго Италійской страны».

— «Господинъ! какова бы она ни была, да къ нашему нестроению пришла,—такъ заключилъ Берсень свою бесѣду.

Итакъ, если Берсень точно выражалъ взгляды современнаго ему оппозиціоннаго боярства, оно было недовольно нарушеніемъ установленныхъ обычаевъ правительственныхъ порядковъ, недовѣріемъ государя къ своимъ боярамъ и тѣмъ, что рядомъ съ боярской думой онъ завелъ особый интимный кабинетъ изъ немногихъ довѣренныхъ лицъ, съ которыми предварительно обсуждалъ и даже предпрѣшалъ государственные вопросы, подлежавшіе восхожденію въ боярскую думу. Берсень не требуетъ никакихъ новыхъ правъ для боярства, а только ототавляетъ старые обычаи, нарушаемые государемъ; онъ — оппозиціонный консерваторъ, противникъ государя, потому что стоитъ противъ вводимыхъ государемъ переменъ.

Боярское
правление.

По смерти Василія, въ малолѣтство его сына, требовавшее продолжительной опеки, власть надолго попала въ руки бояръ. Теперь они могли распорядиться государствомъ по своему, осуществить свои политическіе идеалы и согласно съ ними перестроить государственный порядокъ. Но они не пытались строить никакого новаго государственнаго порядка. Раздѣлившись на партіи князей Шуйскихъ и Бѣльскихъ, бояре повели ожесточенныя усобицы другъ съ другомъ изъ личныхъ или фамилныхъ счетовъ, а не за какой-либо государственный порядокъ. Въ продолженіе десяти лѣтъ со смерти правительницы Елены (1538) они вели эти усобицы, и это десятилѣтіе прошло не только бесплодно для политическаго положенія боярства, но и уронило его политическій авторитетъ въ глазахъ русскаго общества. Всѣ увидѣли, какая анархическая сила это боярство, если оно не сдерживается сильной рукой; но причина его разлада съ государемъ и на этотъ разъ не выяснилась.

Переписка
царя съ
Курбскимъ.

Въ царствованіе Грознаго, когда возобновилось столкновение, обѣ соорившіяся стороны имѣли случай высказать яснѣе свои политическіе взгляды и объяснить причины взаимнаго нелюбья. Въ 1564 г. бояринъ кн. А. М. Курбскій, сверстникъ и любимецъ царя Ивана, герой казанской и ливонской войны, командуя московскими полками въ Ливоніи, проигралъ тамъ одну битву и боясь царскаго гнѣва за эту ли неудачу, или за связь съ павшими Сильвестромъ и Адашевымъ, убѣжалъ къ польскому королю, покинувъ въ Дерптѣ, гдѣ былъ воеводой, свою жену съ малолѣтнимъ сыномъ. Онъ принялъ дѣятельное участіе въ польской войнѣ противъ своего царя и отечества. Но бѣглый бояринъ не хотѣлъ молча разстаться съ своимъ покинутымъ государемъ: съ чужбины, изъ Литвы онъ написалъ рѣзкое укоризненное, «досадительное» посланіе Ивану, укоряя его

въ жестокомъ обращеніи съ боярами. Царь Иванъ, самъ «словесной мудрости риторъ», какъ его звали современники, не хотѣлъ остаться въ долгу у бѣглеца и отвѣчалъ ему длиннымъ оправдательнымъ посланіемъ, «широковѣщательнымъ и многошумящимъ», какъ назвалъ его кн. Курбскій, на которое послѣдній возражалъ. Переписка съ длинными перерывами шла въ 1564—1579 гт. Кн. Курбскій написалъ всего четыре письма, царь Иванъ—два; но его первое письмо составляетъ по объему больше половины всей переписки (62 изъ 100 страницъ по изданію Устрялова). Кромѣ того Курбскій написалъ въ Литвѣ обвинительную *Исторію князя великаго московскаго*, т. е. царя Ивана, гдѣ также выражалъ политическія воззрѣнія своей боярской братіи. Такъ обѣ стороны какъ бы исповѣдались другъ другу, и можно было бы ожидать, что онѣ полно и откровенно высказали свои политическія воззрѣнія, т. е. вскрыли причины взаимной непріязни. Но и въ этой полемикѣ, веденой обѣими сторонами съ большимъ жаромъ и талантомъ, не находимъ прямого и яснаго отвѣта на вопросъ объ этихъ причинахъ, и она не выводитъ читателя изъ недоумѣнія. Письма кн. Курбскаго наполнены преимущественно личными или сословными упреками и политическими жалобами; въ *Исторіи* онъ высказываетъ и нѣсколько общихъ политическихъ и историческихъ сужденій.

Свою *Исторію* царя Ивана онъ начинаетъ заунывнымъ раздумьемъ. «Много разъ докучали мнѣ вопросомъ: какъ все это приключилось отъ столь добраго прежде и прекраснаго царя, для отечества пренебрегавшаго своимъ здоровьемъ, понесшаго тяжкіе труды и бѣды въ борьбѣ съ врагами креста Христова и отъ всѣхъ пользовавшагося доброй славой? И много разъ со вздохомъ и слезами молчалъ я на этотъ вопросъ,—не хотѣлось отвѣчать; наконецъ выну-

Сужденія
Курбскаго.

ждень былъ сказать хоть что-нибудь объ этихъ происшествіяхъ и такъ отвѣчалъ на учащенные вопросы: если бы рассказывать съ начала и по порядку, много пришлось бы мнѣ писать о томъ, какъ въ предобрый русскихъ князей родъ посѣялъ дьяволъ злые нравы, особенно злыми ихъ женами чародѣйками, какъ это было и у израильскихъ царей, болѣе же всего тѣми, которыя взяты были изъ иноплеменниковъ». Значить, во взглядѣ на ближайшее московское прошлое и кн. Курбскій стоитъ на точкѣ зрѣнія Берсена, видитъ корень зла въ царевнѣ Софьѣ, за которой слѣдовала такая же иноземка Елена Глинская, мать царя. Впрочемъ и безъ того какъ-то предобрый нѣкогда русскихъ князей родъ выродился въ московскій, «этотъ шагъ издавна кровоспѣственный родъ», какъ выразился Курбскій въ письмѣ къ царю. «Обычай у московскихъ князей издавна, пишетъ онъ въ Исторіи, желать братій своихъ крови и губить ихъ убогихъ ради и окаянныхъ вотчинъ, несмысленства ради своего». Попадаютъ у Курбскаго и политическія сужденія, похожія на принципы, на теорію. Онъ считаетъ нормальнымъ только такой государственный порядокъ, который основанъ не на личномъ усмотрѣніи самовластиа, а на участіи «синелита», боярскаго совѣта въ управленіи; чтобы вести государственный дѣла успѣшно и благочинно, государю необходимо совѣтоваться съ боярами. Царю подобаетъ быть главой, а мудрыхъ совѣтниковъ своихъ любить, «яко свои уды»: такъ выражаетъ Курбскій правильныя, благочинныя отношенія царя къ боярамъ. Вся его Исторія построена на одной мысли—о благотворномъ дѣйствиіи боярскаго совѣта: царь правилъ мудро и славно, пока былъ окруженъ добродородными и правдивыми совѣтниками. Впрочемъ государь долженъ дѣлиться своими царскими думами не съ одними великородными и правдивыми совѣтниками:

кн. Курбскій допускаетъ и народное участіе въ управленіи, стоитъ за пользу и необходимость земскаго собора. Въ своей Исторіи онъ высказываетъ такой политическій тезисъ: «если царь и почтенъ царствомъ, но не получилъ отъ Бога какихъ-либо дарованій, онъ долженъ искать добраго и полезнаго совѣта не только у своихъ совѣтниковъ, но и у всенародныхъ человѣкъ, потому что даръ духа дается не по богатству вѣншему и не по могуществу власти, но по правотѣ душевной». Подъ этими *всенародными* *человѣками* Курбскій могъ разумѣть только собраніе людей, призываемыхъ для совѣта изъ разныхъ сословій, отъ всей земли: келейныя совѣщанія съ отдѣльными лицами едвали ему были желательны. Вотъ почти и всѣ политическія воззрѣнія Курбскаго. Князь стоитъ за правительственное значеніе боярскаго совѣта и за участіе земскаго собора въ управленіи. Но онъ мечтаетъ о вчерашнемъ днѣ, запоздалъ со своими мечтами. Ни правительственное значеніе боярскаго совѣта, ни участіе земскаго собора въ управленіи не были уже въ то время идеалами, не могли быть политическими мечтами. Боярскій совѣтъ и земскій соборъ были уже въ то время политическими фактами, первый фактомъ очень старымъ, а второй—явленіемъ еще недавнимъ, и оба—фактами, хорошо знакомыми нашему публицисту. Искони государи русскіе и московскіе думали о всякихъ дѣлахъ, законодательствовали со своими боярами. Въ 1550 г. сованъ былъ и первый земскій соборъ, и кн. Курбскій долженъ былъ хорошо помнить это событіе, когда царь обратился за совѣтомъ ко «всенароднымъ человѣкамъ», къ простымъ земскимъ людямъ. Итакъ кн. Курбскій стоитъ за существующіе факты; его политическая программа не идетъ за предѣлы дѣйствующаго государственнаго порядка: онъ не требуетъ ни новыхъ правъ для бояръ, ни новыхъ обезпеченій для ихъ старыхъ

правъ, вообще не требуетъ перестройки наличнаго государства. Въ этомъ отношеніи онъ развѣ только немного идетъ дальше своего предшественника И. Н. Берсея Беклемишева и рѣзко осуждая московское прошлое, ничего не умѣетъ придумать лучше этого прошлаго.

Возраженія
царя.

Теперь послушаемъ другую сторону. Царь Иванъ пишетъ менѣ спокойно и складно. Раздраженіе тѣснить его мысль множествомъ чувствъ, образовъ и помысловъ, которыхъ онъ не умѣетъ уложить въ рамки послѣдовательнаго и спокойнаго изложенія. Новая фраза, навернувшаяся котати, заставляетъ его повертывать рѣчь въ другую сторону, забывая главную мысль, не договаривая начатаго. Поэтому нелегко уловить его основныя мысли и тенденціи въ этой пѣтѣ нервной діалектики. Разгораясь, рѣчь его становится жгучей. «Письмо твое принято, пишетъ царь, и прочитано внимательно. Ядъ аспіда у тебя подъ языкомъ, и письмо твое наполнено медомъ словъ, но въ немъ—горечь полыни. Такъ ли привыкъ ты, христіанинъ, служить христіанскому государю? Ты пишешь въ началѣ, чтобы разумѣвалъ тотъ, кто обрѣтается противнымъ православію и совѣсть прокаженную имѣетъ. Подобно бѣсамъ отъ юности моея вы поколебали благочестіе и Богомъ данную мнѣ державную власть себѣ похитили». Это возраженіе—основной мотивъ въ письмахъ царя. Мысль о похищеніи царской власти боярами больше всего и возмущаетъ Ивана. Онъ возражаетъ не на отдѣльныя выраженія кн. Курбскаго, а на весь политическій образъ мыслей боярства, защитникомъ котораго выступилъ Курбскій. «Вѣдъ ты, пишетъ ему царь, въ своей бѣсосоставной грамотѣ твердишь все одно и то же, переворачивая «разными словесы», и такъ, и этакъ, любезную тебѣ мысль, чтобы рабамъ помимо господъ обладать властью—хотя въ письмѣ Курбскаго ничего этого не было написано. «Это ли, про-

должаетъ царь, совѣтъ прокаженная, чтобы царство свое въ своей рукѣ держать, а рабамъ своимъ не давать властвовать? Это ли противно разуму—не хотѣть быть обладаемому своими рабами? Это ли православіе пресвѣтлое—быть подъ властью рабовъ?» Все *рабы* и *рабы* и никого больше кромѣ *рабова*. Курбскій толкуетъ царю о мудрыхъ совѣтникахъ, о синклитѣ, а царь не признаетъ никакихъ мудрыхъ совѣтникововъ, для него не существуетъ никакого синклита, а есть только люди, служащіе при его дворѣ, дворовые холопы. Онъ знаетъ одно, что «земля правится Божиимъ милосердіемъ и родителей нашихъ благословеніемъ, а потомъ нами, своими государями, а не судьями и воеводами, не князями и стратигами». Всѣ политическіе помыслы царя сводятся къ одной идеѣ, къ мысли о самодержавной власти. Самодержавіе для Ивана не только нормальной, свыше установленный государственный порядокъ, но и исконный фактъ нашей исторіи, идущій изъ глубины вѣковъ. «Самодержавства нашего начало отъ святаго Владиміра; мы родились и выросли на царствѣ, своимъ обладаемъ, а не чужое похитили; русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ своими царствами, а не бояре и вельможи». Царь Иванъ былъ первый, кто высказалъ на Руси такой взглядъ на самодержавіе: древняя Русь не знала такого взгляда, не соединяла съ идеей самодержавія внутреннихъ политическихъ отношеній, считая самодержцемъ только властителя, независимаго отъ внѣшней силы. Царь Иванъ обратилъ первый вниманіе на эту внутреннюю сторону верховной власти и глубоко проникся своимъ новымъ взглядомъ: черезъ все свое длинное-предлинное первое посланіе проводить онъ эту идею, оборачивая одно слово, по его собственному признанію, «сѣмо и овамо», то туда, то сюда. Всѣ его политическія идеи сводятся къ одному этому идеалу, къ образу самодержавнаго

царя, не управляемаго ни «попами», ни «рабами». «Какъ же самодержецъ наречется, аще не самъ строить?» Многовластіе—безуміе. Этой самодержавной власти Иванъ даетъ божественное происхожденіе и указываетъ ей не только политическое, но и высокое религіозно-нравственное назначеніе: «Тщусь со усердіемъ людей на истину и на свѣтъ наставить, да познають единого истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ государя, а отъ междоусобныхъ браней и строптиваго житія да отстануть, доими царства разрушаются; ибо если царю не повинуются подвластные, то никогда междоусобныя брани не прекратятся». Столь возвышенному назначенію власти должны соотвѣтствовать многоразличныя свойства, требуемыя отъ самодержца. Онъ долженъ былъ осмотрителенъ, не имѣть ни звѣрской ярости, ни безсловеснаго смиренія, долженъ карать татей и разбойниковъ, быть и милостивымъ, и жестокимъ, милостивымъ къ добрымъ и жестокимъ къ злымъ: не то—онъ и не царь. «Царь—гроза не для добрыхъ, а для злыхъ дѣлъ; хочешь не бояться власти—дѣлай добро, а дѣлаешь зло—бойся, ибо царь не зря носитъ мечъ, а для кары злыхъ и для ободренія добрыхъ». Никогда у насъ до Петра Великаго верховная власть въ отвлеченномъ самосознаніи не поднималась до такого отчетливаго, по крайней мѣрѣ до такого энергическаго выраженія своихъ задачъ. Но когда дѣло дошло до практическаго самоопредѣленія, этотъ полетъ политической мысли кончился крушеніемъ. Вся философія самодержавія у царя Ивана свелась къ одному простому заключенію: «жаловать своихъ холопей мы вольны и казнить ихъ вольны же». Для подобной формулы вовсе не требовалось такого напряженія мысли. Удѣльные князья приходили къ тому же заключенію безъ помощи возвышенныхъ теорій самодержавія и даже выражались почти тѣмъ же словами: «я,

князь такой-то, воленъ, кого жалую, кого казню». Здѣсь и въ царѣ Иванѣ, какъ нѣкогда въ его дѣдѣ, вотчинники торжествовали надъ государемъ.

Такова политическая программа царя Ивана. Столь рѣзко и своеобразно выраженная идея самодержавной власти, однако, не развивается у него въ опредѣленный, разработанный политическій порядокъ; изъ нея не вытекаютъ практическія послѣдствія. Царь нигдѣ не говоритъ, согласенъ ли его политическій идеалъ съ существующимъ государственнымъ устройствомъ, или требуетъ новаго, можетъ ли, напримѣръ, его самодержавная власть дѣйствовать объ руку съ наличнымъ боярствомъ, только измѣнивъ его политическіе нравы и привычки, или должна создать совсѣмъ иные орудія управленія. Можно только почувствовать, что царь тяготится своимъ боярствомъ. Но противъ самодержавія, какъ его тогда понимали въ Москвѣ, самодержавія, идущаго отъ св. Владиміра, не возставало прямо и боярство. Бояре признавали самодержавную власть московскаго государя, какъ ее создала исторія. Они только настаивали на необходимости и пользѣ участія въ управленіи другой политической силы, созданной той же исторіей, боярства, и даже призывали въ помощь обѣимъ этимъ силамъ третью—земское представительство. Несправедливо было со стороны царя обвинять бояръ и въ самоволіи «попа невѣжи» Сильвестра и «собаки» Адашева: Иванъ могъ пенять за это только на самого себя, потому что самъ далъ неподобающую власть этимъ людямъ, къ боярству и не принадлежавшимъ, сдѣлалъ ихъ временщиками. Изъ-за чего же шелъ споръ? Обѣ стороны отстаивали существующее. Чувствуется, что онѣ какъ будто не вполне понимали другъ друга, что какое-то недоразумѣніе раздѣляло обоеихъ спорщиковъ. Это недоразумѣніе заключалось въ томъ, что въ ихъ перепискѣ

Характеръ
переписки.

столкнулись не два политическіе образа мыслей, а два политическія настроенія; они не столько полемизируютъ другъ съ другомъ, сколько исповѣдуются одинъ другому. Курбскій такъ прямо и назвалъ царское посланіе исповѣдь, насмѣшливо замѣтивъ, что не будучи пресвитеромъ, не считаетъ себя достойнымъ и краемъ уха послушать царской исповѣди. Каждый изъ нихъ твердить свое и плохо слушаетъ противника.—За что ты бьешь насъ, вѣрныхъ слугъ своихъ? спрашиваетъ князь Курбскій.—Нѣтъ, отвѣчаетъ ему царь Иванъ, русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ своими царствами, а не бояре и не вельможи. Въ такой простѣйшей формѣ можно выразить сущность знаменитой переписки. Но плохо понимая одинъ другого и свое настоящее положеніе, оба противника доспорились до предвидѣнія будущаго, до пророчества и—предсказали другъ другу обоюдную гибель. Въ посланіи 1579 г., напомнивъ царю гибель Саула съ его царскимъ домомъ, Курбскій продолжаетъ: «не губи себя и дому твоего... облитые кровью христіанской исчезнутъ вскорѣ со всѣмъ домомъ». Курбскій представлялъ свою родовитую братію какимъ-то избраннымъ племенемъ, на которомъ почіетъ особое благословеніе, и колоть глаза царю затрудненіемъ, какое онъ самъ себѣ создалъ, перебивъ и разогнавъ «сильныхъ во Израилѣ», богоданныхъ воеводъ своихъ, и оставшихъ съ худородными «воеводишками», которые пугаются не только появленія непріятеля, но и шестеста листьевъ, колеблемыхъ вѣтромъ. На эти попреки царь отвѣтилъ исторической угрозой: «когда бы вы были чада Авраамовы, то и дѣла творили бы Авраамовы; но можетъ Богъ и изъ камней воздвигнуть чадъ Аврааму.» Эти слова написаны были въ 1564 году, въ то самое время, когда царь задумывалъ смѣлое дѣло, подготовку новаго правящаго класса

который долженъ былъ придти на смѣну ненавистному боярству.

Итакъ обѣ спорившія стороны были недовольны другъ Династическое происхождение разлада. другомъ и государственнымъ порядкомъ, въ которомъ дѣйствовали, которымъ даже руководили. Но ни та, ни другая сторона не могла придумать другого порядка, который бы соответствовалъ ея желаніямъ, потому что все, чего желали онѣ, уже практиковалось или было испробовано. Если однако онѣ спорили и враждовали другъ съ другомъ, это происходило отъ того, что настоящей причиной раздора былъ не вопросъ о государственномъ порядкѣ. Политическія сужденія и упреки высказывались лишь въ оправданіе обоюднаго недовольства, шедшаго изъ другого источника. Мы уже знаемъ, что раздоръ съ особенной силой обнаруживался два раза и по одинаковому поводу, по вопросу о наслѣдникѣ престола: государь назначалъ одного, бояре хотѣли другого. Такъ разладъ обѣихъ сторонъ имѣлъ собственно не политическій, а династическій источникъ. Дѣло шло не о томъ, какъ править государствомъ, а о томъ, кто будетъ имъ править. И здѣсь съ обѣихъ сторонъ сказались преломленные ходомъ дѣлъ привычки удѣльнаго времени. Тогда бояринъ выбиралъ себѣ князя, переѣзжая отъ одного княжескаго двора къ другому. Теперь, когда уѣхать изъ Москвы стало некуда или неудобно, бояре хотѣли выбирать между наслѣдниками престола, когда представлялся случай. Свое притязаніе они могли оправдывать отсутствіемъ закона о престолонаслѣдіи. Здѣсь имъ помогъ самъ московскій государь. Сознавъ себя національнымъ государемъ всея Руси, онъ на половину своего самосознанія остался удѣльнымъ вотчинникомъ и не хотѣлъ ни поступиться кому-либо своимъ правомъ предсмертнаго распоряженія вотчиной, ни закономъ ограничить своей личной воли: «кому хочу, тому и дамъ княжество». Стороннее вмѣшательство въ эту личную

волю государя трогало его больше, чѣмъ могъ трогать какой-либо общій вопросъ о государственномъ порядкѣ. Отсюда обоюдное недовѣріе и раздраженіе. Но когда приходилось выражать эти чувства устно или письменно, затрогивались и общіе вопросы, и тогда обнаруживалось, что дѣйствовавшій государственный порядокъ страдалъ противорѣчіями, частично отвѣчалъ противоположнымъ интересамъ, никого вполне не удовлетворяя. Эти противорѣчія и вскрылись въ опрочиннѣ, въ которой царь Иванъ искалъ выхода изъ непріятнаго положенія.

Лекція XXIX.

Обстоятельства, подготовившія учрежденіе опричнины.— Необычайный отъездъ царя изъ Москвы и его посланія въ столицу.— Возвращеніе царя.— Указъ объ опричнинѣ.— Жизнь царя въ Александровской слободѣ.— Отношеніе опричнины къ земщинѣ.— Назначеніе опричнины.— Противорѣчіе въ строѣ Московскаго государства.— Мысль о смѣнѣ боярства дворянствомъ.— Безцѣльность опричнины.— Сужденія о ней современниковъ.

Изложу напередъ обстоятельства, при которыхъ явилась эта злополучная *опричнина*.

Едва вышедши изъ малолѣтства, еще не имѣя 20 лѣтъ, ^{Обстоятельства, подготовившія опричнину.} царь Иванъ съ необычной для его возраста энергіей принялся за дѣла правленія. Тогда по указаніямъ умныхъ руководителей царя митрополита Макарія и священника Сильвестра изъ боярства, разбившагося на враждебные кружки, выдвинулось и стало около престола нѣсколько дѣльных, благомыслящихъ и даровитыхъ совѣтниковъ, «избранная рада», какъ называетъ кн. Курбскій этотъ совѣтъ, очевидно, получившій фактическое господство въ боярской думѣ, вообще въ центральномъ управленіи. Съ этими довѣренными людьми царь и началъ править государствомъ. Въ этой правительственной дѣятельности, обнаруживающейся съ 1550 г., смѣлыя внѣшнія предпріятія шли рядомъ съ широкими и хорошо обдуманнми планами внутреннихъ преобразованій. Въ 1550 г. былъ созванъ первый земскій соборъ, на кото-

ромъ обсуждали, какъ устроить мѣстное управленіе, и рѣшили пересмотрѣть и исправить старый Судебникъ Ивана III и выработать новый, лучший порядокъ судопроизводства. Въ 1551 г. созванъ былъ большой церковный соборъ, которому царь предложилъ обширный проектъ церковныхъ реформъ, имѣвшій цѣлью привести въ порядокъ религіозно-нравственную жизнь народа. Въ 1552 г. было завоевано царство Казанское и тотчасъ послѣ того начали выработать сложный планъ мѣстныхъ земскихъ учреждений, которыми предназначено было замѣнить коронныхъ областныхъ управителей, «кормленщиковъ»: вводилось земское самоуправленіе. Въ 1558 г. начата была ливонская война съ цѣлью пробиться къ Балтійскому морю и завязать непосредственныя сношенія съ западной Европой, попользоваться ея богатой культурой. Во всѣхъ этихъ важныхъ предпріятіяхъ, повторю, Ивану помогали сотрудники, которые сосредоточивались около двухъ лицъ, особенно близкихъ къ царю, священника Сильвестра и Алексѣя Адашева, начальника Челобитнаго приказа, по нашему статсъ-секретаря у принятія прошеній на Высочайшее имя. Разныя причины, частью домашнія недоразумѣнія, частью несогласіе въ политическихъ взглядахъ охладили царя къ его избраннымъ совѣтникамъ. Разгоравшаяся неприязнь ихъ къ родственникамъ царицы Захарьинымъ повела къ удаленію отъ двора Адашева и Сильвестра, а случившуюся при такихъ обстоятельствахъ въ 1560 г. смерть Анастасіи царь приписалъ огорченіямъ, какія потерпѣла покойная отъ этихъ дворцовыхъ дрязгъ. «Зачѣмъ вы разлучили меня съ моей женой? болѣзненно спрашивалъ Иванъ Курбскаго въ письмѣ къ нему 18 лѣтъ спустя послѣ этого семейнаго несчастья: только бы у меня не отняли юницы моей, крововыхъ жертвъ (боярскихъ казней) не было бы». Наконецъ бѣгство кн. Курбскаго, ближайшаго и даровитѣй-

шаго сотрудника, произвело окончательный разрывъ. Нервный и одинокій, Иванъ потерялъ нравственное равновѣсіе, всегда шаткое у нервныхъ людей, когда они остаются одинокими.

При такомъ настроеніи царя въ московскомъ Кремлѣ случилось странное, небывалое событіе. Разъ въ концѣ 1564 г. тамъ появилось множество саней. Царь, ничего никому не говоря, собрался со всей своей семьей и съ нѣкоторыми придворными куда-то въ дальній путь, захватилъ съ собой утварь, иконы и кресты, платье и всю свою казну и выѣхалъ изъ столицы. Видно было, что это ни обычная богомольная, ни увеселительная поѣздка царя, а цѣлое переселеніе. Москва оставалась въ недоумѣніи, не догадываясь, что задумалъ хозяинъ. Побывавъ у Троицы, царь со всѣмъ багажомъ остановился въ Александровской слободѣ: нынѣ это—Александровъ, уѣздный городъ Владимірской губ. Отсюда черезъ мѣсяць по отъѣздѣ царь прислалъ въ Москву двѣ грамоты. Въ одной, описавъ беззаконія боярскаго правленія въ свое малолѣтство, онъ клалъ свой государевъ гнѣвъ на все духовенство и бояръ, на всѣхъ служилыхъ и приказныхъ людей, поголовно обвиняя ихъ въ томъ, что они о государѣ, государствѣ и обо всемъ православномъ христіанствѣ не радѣли, отъ враговъ ихъ не обороняли, напротивъ, сами притѣсняли христіанъ, расхищали казну и земли государевы, а духовенство покрывало виновныхъ, защищало ихъ, ходатайствуя за нихъ предъ государемъ. И вотъ царь, гласила грамота, «отъ великой жалости сердца», не стерпѣвъ всѣхъ этихъ измѣнъ, покинулъ свое царство и пошелъ поселиться гдѣ-нибудь, гдѣ ему Богъ укажетъ. Это—какъ будто отреченіе отъ престола съ цѣлью испытать силу своей власти въ народѣ. Московскому простонародью, купцамъ и всѣмъ тяглымъ людямъ столицы царь прислалъ другую грамоту,

Отъѣздъ царя изъ Москвы и его посланія.

которую имъ прочитали всенародно на площади. Здѣсь царь писалъ, чтобы они сомнѣнія не держали, что царской опалы и гнѣва на нихъ нѣтъ. Все замерло, столица мгновенно прервала свои обычныя занятія: лавки закрылись, приказы опустѣли, пѣсни замолкли. Въ смятеніи и ужасѣ городъ завопилъ, прося митрополита, епископовъ и бояръ ѣхать въ слободу, бить челомъ государю, чтобы онъ не покидалъ государства. При этомъ простые люди кричали, чтобы государь вернулся на царство оборонять ихъ отъ волковъ и хищныхъ людей, а за государскихъ измѣнниковъ и лихо-дѣевъ они не стоятъ и сами ихъ истребить.

Возвращеніе
царя.

Въ слободу отправилась депутація изъ высшаго духовенства, бояръ и приказныхъ людей съ архіепископомъ новгородскимъ Пименомъ во главѣ, сопровождаемая многими купцами и другими людьми, которые шли бить челомъ государю и плакаться, чтобы государь правилъ, какъ ему угодно, на всей своей государственной волѣ. Царь принялъ земское челобитье, согласился воротиться на царство, «паки взять свои государства», но на условіяхъ, которыя обѣщаль объявить послѣ. Черезъ нѣсколько времени, въ февралѣ 1565 г., царь торжественно воротился въ столицу и созвалъ государственный совѣтъ изъ бояръ и высшаго духовенства. Его здѣсь не узнали: небольшіе сѣрые пронизательные глаза погасли, всегда оживленное и пріятливое лицо осунулось и высматривало нелюдимо, на головѣ и въ бородѣ отъ прежнихъ волосъ уцѣлѣли только остатки. Очевидно, два мѣсяца отсутствія царь провелъ въ страшномъ душевномъ состояніи, не зная, чѣмъ кончится его затѣя. Въ совѣтъ онъ предложилъ условія, на которыхъ принималъ обратно брошенную имъ власть. Условія эти состояли въ томъ, чтобы ему на измѣнниковъ своихъ и ослушниковъ опалы класть, а иныхъ и казнить, имущество ихъ брать на себя

въ казну, чтобы духовенство, бояре и приказные люди все это положили на его государевой волѣ, ему въ томъ не мѣшали. Царь какъ будто выпросилъ себѣ у государственнаго совѣта полицейскую диктатуру: своеобразная форма договора государя съ народомъ!

Для расправы съ измѣнниками и ослушниками царь ^{Указъ объ опричнинѣ.} предложилъ учредить *опричнину*. Это былъ особый дворъ, какой образовалъ себѣ царь, съ особыми боярами, съ особыми дворецкимъ, казначеями и прочими управителями, дьяками, всякими приказными и дворовыми людьми, съ цѣлымъ придворнымъ штатомъ. Лѣтописецъ усиленно ударяетъ на это выраженіе «особной дворъ», на то, что царь приговорилъ все на этомъ дворѣ «учинити себѣ особно». Изъ служилыхъ людей онъ отобралъ въ опричнину 1000 чело- вѣкъ, которымъ въ столицѣ на посадѣ за стѣнами Бѣлаго города, за линіей нынѣшнихъ бульваровъ, отведены были улицы (Пречистенна, Сивцевъ вражекъ, Арбатъ и лѣвая отъ города сторона Никитской) съ нѣсколькими слободами до Новодѣвичьяго монастыря; прежніе обыватели этихъ улицъ и слободъ изъ служилыхъ и приказныхъ людей были высе- лены изъ своихъ домовъ въ другія улицы московскаго по- сада. На содержаніе этого двора, «на свой обиходъ» п сво- ихъ дѣтей, царевичей Ивана и Феодора, онъ выдѣлилъ изъ своего государства до 20 городовъ съ уѣздами и нѣсколько отдѣльныхъ волостей, въ которыхъ земли розданы были опричникамъ, а прежніе землевладѣльцы выведены были изъ своихъ вотчинъ и помѣстій и получили земли въ не- опричныхъ уѣздахъ. До 12,000 этихъ выселенцевъ зимой съ семействами шли пѣшкомъ изъ отнятыхъ у нихъ усадебъ на отдаленныя пустыя помѣстья, имъ отведенныя. Эта выдѣленная изъ государства опричная часть не была цѣль- ная область, сплошная территорія, составилае изъ сель,

волостей и городовъ, даже только частей иныхъ городовъ, разбѣянныхъ тамъ и сямъ, преимущественно въ центральныя и сѣверныя уѣздахъ (Вязьма, Козельскъ, Суздаль, Галичъ, Вологда, Старая Руса, Каргополь и др.; послѣ взята въ опричнину Торговая сторона Новгорода). «Государство же свое Московское», т. е. всю остальную землю, подвластную московскому государю, съ ея воинствомъ, судомъ и управой царь приказалъ вѣдать и всякія дѣла земскія дѣлать боярамъ, которымъ велѣлъ быть «въ земскихъ», и эта половина государства получила названіе *земщины*. Всѣ центральныя правительственныя учрежденія, оставшіяся въ земщинѣ, *приказы*, должны были дѣйствовать попрежнему, «управу чинить по старинѣ», обращаясь по всякимъ важнымъ земскимъ дѣламъ въ думу земскихъ бояръ, которая правила земщиной, докладывая государю только о военныхъ и важнѣйшихъ земскихъ дѣлахъ. Такъ все государство раздѣлилось на двѣ части, на земщину и опричнину: во главѣ первой осталась боярская дума, во главѣ второй непосредственно сталъ самъ царь, не отказываясь и отъ верховнаго руководства думой земскихъ бояръ. «За подъемъ же свой», т. е. на покрытіе издержекъ по выѣзду изъ столицы, царь взыскалъ съ земщины, какъ бы за служебную командировку по ея дѣламъ, подъемныя деньги—100,000 р. (около 5,000,000 р. на наши деньги). Такъ наложила старая лѣтопись не дошедшій до насъ «указъ объ опричиннѣ», повидимому заранѣе заготовленный еще въ Александровской слободѣ и прочитанный на засѣданіи государственнаго совѣта въ Москвѣ. Царь спѣшилъ: не медля, на другой же день послѣ этого засѣданія, пользуясь предоставленнымъ ему полномочіемъ, онъ принялся на измѣнниковъ своихъ опалы класть, а иныхъ казнить, начавъ съ ближайшихъ сторонниковъ бѣглаго кн. Курбскаго: въ одинъ этотъ день

шестеро изъ боярской знати были обезглавлены, а седьмой посаженъ на козъ.

Началось устроение опричнины. Прежде всего самъ царь, Жизнь въ Слободѣ. какъ первый опричникъ, поторопился выйти изъ церемоннаго, чиннаго порядка государевой жизни, установленнаго его отцомъ и дѣдомъ, покинуль свой наслѣдственный кремлевскій дворецъ, перевезся на новое укрѣпленное подворье, которое велѣлъ построить себѣ гдѣ-то среди своей опричнины между Арбатомъ и Никитской, въ то же время приказалъ своимъ опричнымъ боярамъ и дворянамъ ставить себѣ въ Александровской слободѣ дворы, гдѣ имъ предстояло жить, а также зданія правительственныхъ мѣстъ, предназначенныхъ для управления опричниной. Скоро онъ и самъ поселился тамъ же, а въ Москву сталъ приѣзжать «не на великое время». Такъ возникла среди глухихъ лѣсовъ новая резиденція, опричная столица съ дворцомъ, окруженнымъ рвомъ и валомъ, со сторожевыми заставами по дорогамъ. Въ этой берлогѣ царь устроилъ дикую пародію монастыря, подобралъ три сотни самыхъ отъявленныхъ опричниковъ, которые составили *братію*, самъ принялъ званіе игумена, а кн. Аѳ. Вяземскаго облекъ въ санъ келаря, покрылъ этихъ штатныхъ разбойниковъ монашескими скуфейками черными рясами, сочинилъ для нихъ общежительный уставъ, самъ съ царевичами по утрамъ лазилъ на колокольню звонить къ заутренѣ, въ церкви читалъ и пѣлъ на клиросѣ и клалъ такіе земные поклоны, что со лба его не сходили кровоподтеки. Послѣ обѣдни за трапезой, когда веселая братія объѣдалась и опивалась, царь за аналоемъ читалъ поученія отцовъ церкви о постѣ и воздержаніи, потому одиноко объѣдалъ самъ, послѣ обѣда любилъ говорить о законѣ, дремалъ или шелъ въ застѣножъ присутствовать при пыткѣ заподозрѣнныхъ.

Опричнина
и земщина.

Опричнина при первомъ взглядѣ на нее, особенно при такомъ поведеніи царя, представляется учрежденіемъ, лишеннымъ всякаго политическаго смысла. Въ самомъ дѣлѣ, объявивъ въ посланіи всѣхъ бояръ измѣнниками и расхитителями земли, царь оставилъ управленіе землей въ рукахъ этихъ измѣнниковъ и хищниковъ. Но и у опричнины былъ свой смыслъ, хотя и довольно печальный. Въ ней надо различать территорію и цѣль. Слово *опричнина* въ XVI в. было уже устарѣлымъ терминомъ, который тогдашняя московская лѣтопись перевела выраженіемъ *особный дворъ*. Не царь Иванъ выдумалъ это слово, заимствованное изъ стараго удѣльнаго языка. Въ удѣльное время такъ назывались особыя выдѣленные владѣнія, преимущественно тѣ, которыя отдавались въ полную собственность князьямъ-вдовамъ, въ отличіе отъ данныхъ въ пожизненное пользованіе, отъ *прожитковъ*. Опричнина царя Ивана была дворцовое хозяйственно-административное учрежденіе, завѣдывавшее землями, отведенными на содержаніе царскаго двора. Подобное учрежденіе возникло у насъ позднѣе, въ концѣ XVIII в., когда императоръ Павелъ закономъ 5 апрѣля 1797 года объ императорской фамиліи выдѣлилъ «изъ государственныхъ владѣній особыя недвижимыя имѣнія», въ количествѣ свыше 460 тыс. душъ крестьянъ муж. пола, состоявшія «въ государственномъ исчисленіи подъ наименованіемъ дворцовыхъ волостей и деревень» и получившія названіе *удѣльныхъ*. Разница была лишь въ томъ, что опричнина съ дальнѣйшими присоединеніями захватила чуть не половину всего государства, тогда какъ въ удѣльное вѣдомство имп. Павла вошла лишь $\frac{1}{28}$ тогдашняго населенія имперіи. Самъ царь Иванъ смотрѣлъ на учрежденную имъ опричнину, какъ на свое частное владѣніе, на особый дворъ или удѣлъ, который онъ выдѣлилъ изъ состава госу-

дарства: онъ предназначалъ послѣ себя земщину старшему своему сыну, какъ царю, а опричнину младшему, какъ удѣльному князю. Есть извѣстіе, что во главѣ земщины поставленъ былъ крещеный татаринъ, плѣнный казанскій царь Едигерь-Симеонъ. Позднѣе, въ 1574 г. царь Иванъ вѣнчалъ на царство другого татарина, касимовскаго хана Саинъ-Булата, въ крещеніи Симеона Бекбулатовича, давъ ему титулъ государя великаго князя *всѣя Руси*. Переводя этотъ титулъ на нашъ языкъ, можно сказать, что Иванъ назначалъ того и другого Симеона предсѣдателями думы земскихъ бояръ. Симеонъ Бекбулатовичъ правилъ царствомъ два года; потомъ его сослали въ Тверь. Всѣ правительственные указы писались отъ имени этого Симеона, какъ настоящаго всероссійскаго царя, а самъ Иванъ довольствовался скромнымъ титуломъ государя князя, даже не великаго, а просто князя *московскаго*, не *всѣя Руси*, ѣздилъ къ Симеону на поклонъ, какъ простой бояринъ, и въ челобитныхъ своихъ къ Симеону величалъ себя княземъ *московскимъ* Иванцомъ Васильевымъ, который бѣгъ челомъ «съ своими дѣтишками», съ царевичами. Можно думать, что здѣсь не все—политическій маскарадъ. Царь Иванъ противопоставлялъ себя, какъ князя московскаго удѣльнаго, государю *всѣя Руси*, стоявшему во главѣ земщины; выставляя себя особымъ, опричнымъ княземъ *московскимъ*, Иванъ какъ будто признавалъ, что вся остальная Русская земля составляла вѣдомство совѣта, состоявшаго изъ потомковъ ея бывшихъ властителей, князей великихъ и удѣльныхъ, изъ которыхъ состояло высшее московское боярство, засѣдавшее въ земской думѣ. Послѣ Иванъ переименовалъ опричнину во *дворъ*, бояръ и служилыхъ людей опричныхъ въ бояръ и служилыхъ людей *дворовыхъ*. У царя въ опричнинѣ была своя дума, «свои бояре»; опричной областью

управляли особые приказы, однородные со старыми земскими. Дѣла общегосударственныя, какъ бы сказать, имперскія, вела съ докладомъ царю земская дума. Но иные вопросы царь приказывалъ обсуждать всѣмъ боярамъ, земскимъ и опричнымъ, и «бояре обон» ставили общее рѣшеніе.

Назначеніе
опричными.

Но, спрашивается, зачѣмъ понадобилась эта реставрація или эта пародія удѣла? Учрежденію съ такой обветшалой формой и съ такимъ архаичнымъ названіемъ царь указалъ небывалую дотогѣ задачу: опричнина получила значеніе политическаго убѣжища, куда хотѣлъ укрыться царь отъ своего крамольнаго боярства. Мысль, что онъ долженъ бѣжать отъ своихъ бояръ, постепенно овладѣла его умомъ, стала его безотвязной думой. Въ духовной своей, написанной около 1572 года, царь пресерьезно изображаетъ себя изгнанникомъ, скитальцемъ. Здѣсь онъ пишетъ: «по множеству беззаконій моихъ распростерся на меня гнѣвъ Божій, изгнанъ я боярами ради ихъ самовольства изъ своего достоянія и скитаюсь по странамъ». Ему приписывали серьезное намѣреніе бѣжать въ Англію. Итакъ опричнина явилась учрежденіемъ, которое должно было ограждать личную безопасность царя. Ей указана была политическая цѣль, для которой не было особаго учрежденія въ существовавшемъ московскомъ государственномъ устройствѣ. Цѣль эта состояла въ томъ, чтобы истребить крамолу, гнѣздившуюся въ Русской землѣ, преимущественно въ боярской средѣ. Опричнина получила назначеніе высшей полиціи по дѣламъ государственной измѣны. Отрядъ въ тысячу человекъ, зачисленный въ опричнину и потомъ увеличенный до 6 тысячъ, становился корпусомъ дозорщиковъ внутренней крамолы. Малюта Скуратовъ, т. е. Григорій Яковлевичъ Плещеевъ-Бѣльскій, родичъ св. митрополита Алексія, былъ какъ бы шефомъ этого корпуса, а царь выпросилъ себѣ у духо-

венства, бояръ и всей земли полицейскую диктатуру для борьбы съ этой крамолой. Какъ специальный полицейскій отрядъ, опричнина получила особый мундиръ: у опричника были привязаны къ сѣдлу собачья голова и метла; это были знаки его должности, состоявшей въ томъ, чтобы выслѣживать, вынюхивать и выметать измѣну и грызть государевыхъ злодѣевъ-кромольниковъ. Опричникъ ѣздилъ весь въ черномъ съ головы до ногъ, на ворономъ конѣ въ черной же сбруѣ; потому современники прозвали опричнину «тьмой кромѣшной», говорили о ней: «яко ночь темна». Это былъ какой-то орденъ отшельниковъ, подобно инокамъ отъ земли отрекшихся и съ землей боровшихся, какъ иноки борются съ соблазнами міра. Самый приемъ въ опричную дружину обставленъ былъ не то монастырской, не то конспиративной торжественностью. Кн. Курбскій въ своей *Исторіи* царя Ивана пишетъ, что царь со всей Русской земли собралъ себѣ «человѣковъ скверныхъ и всякими злостями исполненныхъ» и обязалъ ихъ страшными клятвами не знаться не только съ друзьями и братьями, но и съ родителями, а служить единственно ему, и на этомъ заставлялъ ихъ цѣловать крестъ. Припомнимъ при этомъ, что я сказалъ о монастырскомъ чинѣ жизни, какой установилъ Иванъ въ слободѣ для своей избранной опричной *братіи*.

Таково было происхожденіе и назначеніе опричнины. Но объяснивъ ея происхожденіе и назначеніе, все-таки до-вольно трудно понять ея политическій смыслъ. Легко видѣть, какъ и для чего она возникла, но трудно уяснить себѣ, какъ могла она возникнуть, какъ могла придти царю самая мысль о такомъ учрежденіи. Вѣдь опричнина не отвѣчала на политическій вопросъ, стоявшій тогда на очереди, не устраняла затрудненія, которымъ была вызвана. Затрудненіе

Противорѣ-
чіе въ строе
государ-
ства.

создавалось столкновениями, какія возникали между государемъ и боярствомъ. Источникомъ этихъ столкновений были не противорѣчивыя политическія стремленія обѣихъ государственныхъ силъ, а одно противорѣчіе въ самомъ политическомъ строѣ Московскаго государства. Государь и боярство не расходились другъ съ другомъ непримиримо въ своихъ политическихъ идеалахъ, въ планахъ государственнаго порядка, а только натолкнулись на одну несообразность въ установившемся уже государственномъ порядкѣ, съ которой не знали что дѣлать. Что такое было на самомъ дѣлѣ Московское государство въ XVI вѣкѣ? Это была абсолютная монархія, но съ аристократическимъ управленіемъ, т. е. правительственнымъ персоналомъ. Не было политическаго законодательства, которое опредѣляло бы границы верховной власти; но былъ правительственный классъ съ аристократической организацией, которую признавала сама власть. Эта власть росла вмѣстѣ, одновременно и даже объ руку съ другой политической силой, ее стѣснявшей. Такимъ образомъ характеръ этой власти не соответствовалъ свойству правительственныхъ орудій, посредствомъ которыхъ она должна была дѣйствовать. Бояре возмнили себя властными совѣтниками государя всея Руси въ то самое время, когда этотъ государь, оставаясь вѣрнѣе возрѣнію удѣльнаго вотчинника, согласно съ древнерусскимъ правомъ пожаловалъ ихъ, какъ дворовыхъ слугъ своихъ, въ званіе холоповъ государевыхъ. Обѣ стороны очутились въ такомъ неестественномъ отношеніи другъ къ другу, котораго онѣ, кажется, не замѣчали, пока оно складывалось, и съ которыми не знали что дѣлать, когда его замѣтили. Тогда обѣ стороны почувствовали себя въ неловкомъ положеніи и не знали, какъ изъ него выдти. Ни боярство не умѣло устроиться и устроить государственный порядокъ безъ государевой вла-

сти, къ какой оно привыкло, ни государь не зналъ, какъ безъ боярскаго содѣйствія управиться съ своимъ царствомъ въ его новыхъ предѣлахъ. Обѣ стороны не могли ни ужиться одна съ другой, ни обойтись другъ безъ друга. Не умѣя ни поладить, ни разстаться, онѣ попытались раздѣлиться, жить рядомъ, но не вмѣстѣ. Такимъ выходомъ изъ затрудненія и была опричнина.

Но такой выходъ не устранялъ самаго затрудненія. Оно заключалось въ неудобномъ для государя политическомъ положеніи боярства, какъ правительственнаго класса, его стѣснявшаго. Выдти изъ затрудненія можно было двумя путями: надобно было или *устранить* боярство, какъ правительственный классъ, и замѣнить его другими, болѣе гибкими и послушными орудіями управленія, или *разгедити* его, привлечь къ престолу наиболѣе надежныхъ людей изъ боярства и съ ними править, какъ и правилъ Иванъ въ началѣ своего царствованія. Перваго онъ не могъ сдѣлать скоро, второго не сумѣлъ или не захотѣлъ сдѣлать. Въ бесѣдахъ съ приближенными иноземцами царь неосторожно признавался въ намѣреніи измѣнить все управленіе страной и даже истребить вельможъ. Но мысль преобразовать управленіе ограничилась раздѣленіемъ государства на земщину и опричнину, а поголовное истребленіе боярства осталось нелѣпой мечтой возбужденнаго воображенія: мудро было выдѣлить изъ общества и истребить цѣлый классъ, переплетавшійся разнообразными бытовыми нитями со слоями, подъ нимъ лежавшими. Точно также царь не могъ скоро создать другой правительственный классъ замѣнъ боярства. Такія перемѣны требуютъ времени, навыка: надобно, чтобы правящій классъ привыкъ къ власти и чтобы общество привыкло къ правящему классу. Но несомнѣнно, царь подумывалъ о такой замѣнѣ и въ своей опричинѣ

Мысль о
смыслѣ бо-
ярства дво-
рянствомъ.

видѣлъ подготовку къ ней. Эту мысль онъ вынесъ изъ дѣтства, изъ неурядицы боярскаго правленія; она же побудила его приблизить къ себѣ и А. Адашева, взявъ его, по выраженію царя, изъ палочниковъ, «отъ гноища», и учинивъ съ вельможами въ чаяніи отъ него прямой службы. Такъ Адашевъ сталъ первообразомъ опричника. Съ образомъ мыслей, господствовавшимъ потомъ въ опричнинѣ, Иванъ имѣлъ случай познакомиться въ самомъ началѣ своего царствования. Въ 1537 г. или около того выѣхалъ изъ Литвы въ Москву нѣкто Ив. Пересвѣтовъ, причитавшій себя къ роду героя-инока Пересвѣта, сражавшагося на Куликовомъ полѣ. Этотъ выходецъ былъ авантюристъ-кондотьери, служившій въ наемномъ польскомъ отрядѣ тремъ королямъ, польскому, венгерскому и чешскому. Въ Москвѣ онъ потерпѣлъ отъ большихъ людей, потерялъ «собинку», нажитое службой имущество, и въ 1548 или 1549 г. подалъ царю обширную челобитную. Это—рѣзкій политическій памфлетъ, направленный противъ бояръ въ пользу «воиновъ», т. е. рядового военно-служилаго дворянства, къ которому принадлежалъ самъ челобитчикъ. Авторъ предостерегаетъ царя Ивана отъ ловленія со стороны ближнихъ людей, безъ которыхъ онъ не можетъ «ни часу быти»; другого такого царя во всей подсолнечной не будетъ, лишь бы только Богъ соблюлъ его отъ «ловленія вельможь». Вельможи у царя худы, крестъ цѣлуютъ, да измѣняютъ; царь междуособную войну «на свое царство пушаетъ», назначая ихъ управителями городовъ и волостей, а они отъ крови и слезъ христіанскихъ богатѣютъ и лѣнивѣютъ. Кто приближается къ царю вельможествомъ, а не воинской заслугой или другой какою мудростью, тотъ чародѣй и еретикъ, у царя счастье и мудрость отнимается, того жечь надо. Авторъ считаетъ образцовымъ порядокъ, заведенный царемъ Махметъ-салта-

номъ, который возведетъ правителя высоко, «да и пхнеть его въ зашею надолъ», приговаривая: не умѣлъ въ доброй славѣ жить и вѣрно государю служить. Государю пристойно со всего царства доходы собирать себѣ въ казну, изъ казны войнамъ сердце веселить, къ себѣ ихъ припускать близко и во всемъ имъ вѣрить. Челобитная какъ будто была писана переднимъ числомъ въ оправданіе опричнины: такъ ея идеи были на-руку «худороднымъ кромѣшникамъ», и самъ царь не могъ не сочувствовать направленію мыслей Пересвѣтова. Онъ писалъ одному изъ опричниковъ, Васюку Грязному: «По грѣхамъ нашимъ учинилось и намъ того какъ угаить, что отца нашего и наши бояре учили намъ измѣнять и мы васъ, *страдниковъ*, приближали, ожидая отъ васъ службы и правды». Эти опричные страдники, худородные люди изъ рядового дворянства, и должны были служить тѣми чадами Авраама изъ камня, о которыхъ царь писалъ кн. Курбскому. Такъ по мысли царя Ивана дворянство должно было смѣнить боярство, какъ правящій классъ, въ видѣ опричника. Въ концѣ XVII в. эта смѣна, какъ увидимъ, и совершилась, только въ иной формѣ, не столь ненавистной.

Во всякомъ случаѣ, избирая тотъ или другой выходъ, Безцѣль-
ность
опричнины. предстояло дѣйствовать противъ политическаго положенія опричнины. цѣлаго класса, а не противъ отдѣльныхъ лицъ. Царь поступилъ прямо наоборотъ: заподозрѣвъ все боярство въ измѣнѣ, онъ бросился на заподозрѣнныхъ, вырывая ихъ по одиночкѣ, но оставилъ классъ во главѣ земскаго управленія; не имѣя возможности сокрушить неудобный для него правительственный строй, онъ сталъ истреблять отдѣльныхъ подозрительныхъ или ненавистныхъ ему лицъ. Опричники ставились не на мѣсто бояръ, а противъ бояръ; они могли быть по самому назначенію своему не правителями, а только палачами земли. Въ этомъ состояла политическая безцѣль-

ность опричнины: вызванная столкновениемъ, причиною котораго былъ порядокъ, а не лица, она была направлена противъ лицъ, а не противъ порядка. Въ этомъ смыслѣ и можно сказать, что опричнина не отвѣчала на вопросъ, стоявшій на очереди. Она могла быть внушена царю только невѣрнымъ пониманіемъ положенія боярства, какъ и своего собственнаго положенія. Она была въ значительной мѣрѣ плодомъ черезчуръ пугливаго воображенія царя. Иванъ направлялъ ее противъ страшной крамолы, будто бы гнѣздившейся въ боярской средѣ и грозившей истребленіемъ всей царской семьи. Но дѣйствительно ли такъ страшна была опасность? Политическая сила боярства и помимо опричнины была подорвана условіями, прямо или косвенно созданными московскимъ собираніемъ Руси. Возможность дозволеннаго, законнаго отъѣзда, главной опоры служебной свободы боярина, во времени царя Ивана уже исчезла: кромѣ Литвы отъѣхать было некуда; единственный уцѣлѣвшій удѣльный князь Владиміръ старицкій договорами обязался не принимать ни князей, ни бояръ и никакихъ людей, отъѣзжавшихъ отъ царя. Служба бояръ изъ вольной стала обязательной, невольной. Мѣстничество лишало классъ способности къ дружному совмѣстному дѣйствию. Поземельная перетасовка важнѣйшихъ служилыхъ князей, производившаяся при Иванѣ III и его внуку посредствомъ обмѣна старинныхъ княжескихъ вотчинъ на новыя, перемѣшала князей Одоевскихъ, Воротынскихъ, Мезецкихъ съ опасныхъ окраинъ, откуда они могли завести сношенія съ заграничными недругами Москвы, куда-нибудь на Клязьму или верхнюю Волгу, въ чуждую имъ среду, съ которой у нихъ не было никакихъ связей. Знатнѣйшіе бояре правили областями, но такъ, что своимъ управленіемъ приобрѣтали себѣ только ненависть народа. Такъ боярство не имѣло подъ собой

твердой почвы ни въ управленіи, ни въ народѣ, ни даже въ своей сословной организаціи, и царь долженъ былъ знать это лучше самихъ бояръ. Серьезная опасность грозила при повтореніи случая 1553 года, когда многіе бояре не хотѣли присягать ребенку, сыну опасно больного царя, имѣя въ виду возвести на престолъ удѣльнаго Владиміра, дядю царевича. Едва перемогавшійся царь прямо сказалъ присягнувшимъ боярамъ, что въ случаѣ своей смерти онъ предвидитъ судьбу своего семейства при царѣ-дядѣ. Это—участь, обычно постигавшая принцевъ-соперниковъ въ восточныхъ деспотіяхъ. Собственные предки царя Ивана, князья московскіе, точно такъ же расправлялись со своими родичами, становившимися имъ поперекъ дороги; точно такъ же расправился и самъ царь Иванъ со своимъ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ старичикомъ. Опасность 1553 г. не повторилась. Но опричнина не предупреждала этой опасности, а скорѣе усиливала ее. Въ 1553 г. многіе бояре стали на сторону царевича, и династическая катастрофа могла не состояться. Въ 1568 г. въ случаѣ смерти царя едвали оказалось бы достаточно сторонниковъ у его прямого наслѣдника: опричнина сплотила боярство инстинктивно—чувствомъ самосохраненія.

Безъ такой опасности боярская крамола не шла далѣе Сужденія о ней современниковъ. помысловъ и попытокъ бѣжать въ Литву: ни о заговорахъ, ни о покушеніяхъ со стороны бояръ не говорятъ современники. Но если бы и существовала дѣйствительно мятежная боярская крамола, царю слѣдовало дѣйствовать иначе: онъ долженъ былъ направлять свои удары исключительно на боярство, а онъ билъ не однихъ бояръ и даже не бояръ преимущественно. Кн. Курбскій въ своей *Исторіи*, перечисляя жертвы Ивановой жестокости, насчитываетъ ихъ свыше 400. Современники-иностранцы считали даже за 10 тысячъ. Совершая казни, царь Иванъ по набожности

заносилъ имена казненныхъ въ помянники (синодики), которые разсылали по монастырямъ для поминовенія душъ покойныхъ съ приложеніемъ поминальныхъ вѣладовъ. Эти помянники очень любопытные памятники; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ число жертвъ возрастаетъ до 4 тысячъ. Но боярскихъ именъ въ этихъ мартирологахъ сравнительно немного; зато сюда заносились перебитые массами и совсѣмъ повинные въ боярской крамолѣ дворовые люди, подьячіе, писари, монахи и монахини—«скончавшіеся христіане мужскаго, женскаго и дѣтскаго чина, имена коихъ Ты Самъ, Господи, вѣси», какъ заунывно причитаетъ синодикъ послѣ каждой группы избитыхъ массами. Наконецъ очередь дошла и до самой тьмы кровѣшной: погибли ближайшіе опричные любимцы царя, кн. Вяземскій и Басмановы, отецъ съ сыномъ. Глубоко пониженнымъ, сдержанно-негодующимъ тономъ повѣствуютъ современники о смутѣ, какую внесла опричнина въ умы, непривычные къ такимъ внутреннимъ потрясеніямъ. Они изображаютъ опричнину, какъ социальную усобицу. Воздвигнулъ царь, пишутъ они, крамолу междоусобную, въ одномъ и томъ же городѣ однихъ людей на другихъ напустилъ, однихъ опричными назвалъ, своими собственными учинилъ, а прочихъ земщиною наименовалъ и заповѣдалъ своей части другую часть людей насилловать, смерти предавать и дома ихъ грабить. И была туга и ненависть на царя въ міру, и кровопролитіе и казни учинились многія. Одинъ наблюдательный современникъ изображаетъ опричнину какой-то непонятной политической игрой царя: всю державу свою какъ топоромъ пополамъ разсѣкъ и этимъ всѣхъ смутилъ, такъ Божіими людьми играя, ставъ заговорщикомъ противъ самого себя. Царь захотѣлъ въ земщинѣ быть государемъ, а въ опричинѣ остаться вотчинникомъ, удѣльнымъ княземъ. Современники не могли уяснить себѣ

этого политическаго двуличія; но они поняли, что опричнина, выводя крамолу, вводила анархію, оберегая государя, колебала самыя основы государства. Направленная противъ воображаемой крамолы, она подготавлила дѣйствительную. Наблюдатель, слова котораго я сейчасъ привелъ, видитъ прямую связь между Смутнымъ временемъ, когда онъ писалъ, и опричниной, которую помнилъ: «великій расколъ земли всей сотворилъ царь, и это раздѣленіе, думаю, было прообразомъ нынѣшняго всеземскаго разгласія». Такой образъ дѣйствій царя могъ быть слѣдствіемъ не политическаго разсчета, а исказившагося политическаго пониманія. Столкнувшись съ боярами, потерявъ къ нимъ всякое довѣріе послѣ болѣзни 1553 года и особенно послѣ побѣга кн. Курбскаго, царь преувеличилъ опасность, испугался: «за себя еси сталъ». Тогда вопросъ о государственномъ порядкѣ превратился для него въ вопросъ о личной безопасности, и онъ, какъ не въ мѣру испугавшійся человекъ, закрывъ глаза, началъ бить направо и налево, не разбирая друзей и враговъ. Значить, въ направленіи, какое далъ царь политическому столкновенію, много виноватъ его личный характеръ, который потому и получаетъ нѣкоторое значеніе въ нашей государственной исторіи.

Лекція XXX.

Характеристика царя Ивана Грознаго.

Дѣтство. Царь Иванъ родился въ 1530 году. Отъ природы онъ получилъ умъ бойкій и гибкій, вдумчивый и немного насмѣшливый, настоящій великорусскій, московскій умъ. Но обстоятельства, среди которыхъ протекло дѣтство Ивана, рано испортили этотъ умъ, дали ему неестественное, болѣзненное развитіе. Иванъ рано осиротѣлъ, на четвертомъ году лишился отца, а на восьмомъ потерялъ и мать. Онъ съ дѣтства видѣлъ себя среди чужихъ людей. Въ душѣ его рано и глубоко врэзалось и всю жизнь сохранялось чувство сиротства, брошенности, одиночества, о чемъ онъ твердилъ при всякомъ случаѣ: «родственники мои не заботились обо мнѣ». Отсюда его робость, ставшая основной чертой его характера. Какъ всѣ люди, выросшіе среди чужихъ, безъ отцовскаго призора и материнскаго привѣта, Иванъ рано усвоилъ себѣ привычку ходить оглядываясь и прислушиваясь. Это развило въ немъ подозрительность, которая съ лѣтами превратилась въ глубокое недоувѣріе къ людямъ. Въ дѣтствѣ ему часто приходилось испытывать равнодушіе или пренебреженіе со стороны окружающихъ. Онъ самъ вспоминалъ послѣ въ письмѣ къ кн. Курбскому, какъ его съ младшимъ братомъ Юріемъ въ дѣтствѣ стѣсняли во всемъ, держали ихъ какъ убогихъ людей, плохо кормили и одѣвали, ни въ чемъ воли не да-

вали, все заставляли дѣлать насильно и не по возрасту. Въ торжественные, церемональные случаи, при выходѣ или приѣмѣ пословъ, его окружали царственной пышностью, становились вокругъ него съ раболѣпнымъ смиреніемъ, а въ будни тѣ же люди не церемонились съ нимъ, порой баловали, порой дразнили. Играютъ они, бывало съ братомъ Юріемъ въ спальнѣ покойнаго отца, а первенствующій бояринъ кн. И. В. Шуйскій развалится передъ ними на лавкѣ, обопрется локтемъ о постель покойнаго государя, ихъ отца, и ногу на нее положить, не обращая на дѣтей никакого вниманія, ни отческаго, ни даже властительнаго. Горечь, съ какою Иванъ вспоминалъ объ этомъ 25 лѣтъ спустя, даетъ почувствовать, какъ часто и сильно его сердили въ дѣтствѣ. Его ласкали, какъ государя, и оскорбляли, какъ ребенка. Но въ обстановкѣ, въ какой шло его дѣтство, онъ не всегда могъ тотчасъ и прямо обнаружить чувство досады или злости, сорвать сердце. Эта необходимость сдерживаться, дуться въ рукавъ, глотать слезы питала въ немъ раздражительность и затаенное, молчаливое озлобленіе противъ людей, злость со стиснутыми зубами. Къ тому же онъ былъ испуганъ въ дѣтствѣ. Въ 1542 г., когда правила партія князей Бѣльскихъ, сторонники кн. И. Шуйскаго ночью врасплохъ напали на стоявшаго за ихъ противниковъ митрополита Иосафа. Владыка скрылся во дворецъ великаго князя. Мятежники разбили окна у митрополита, бросились за нимъ во дворецъ и на разсвѣтѣ вломились съ шумомъ въ спальню маленькаго государя, разбудили и напугали его.

Безобразныя сцены боярскаго своеволія и насилій, среди Вліяніе боярскаго правленія. которыхъ росъ Иванъ, были первыми политическими его впечатлѣніями. Они превратили его робость въ нервную пугливость, изъ которой съ лѣтами развилась наклонность преувеличивать опасность, образовалось то, что называется

страхомъ съ великими глазами. Вѣчно тревожный и подозрительный, Иванъ рано привыкъ думать, что окружень только врагами, и воспиталъ въ себѣ печальную наклонность высматривать, какъ плетется вокругъ него безконечная сѣть козней, которою, чудилось ему, стараются опутать его со всѣхъ сторонъ. Это заставляло его постоянно держаться насторожѣ; мысль, что вотъ-вотъ изъ-за угла на него бросится недругъ, стала привычнымъ, ежеминутнымъ его ожиданіемъ. Всего сильнѣе работалъ въ немъ инстинктъ самосохраненія. Всѣ усилія его бойкаго ума были обращены на разработку этого грубаго чувства.

Ранняя раз-
витость и
возбужда-
емость.

Какъ всѣ люди, слишкомъ рано начавшіе борьбу за существованіе, Иванъ быстро росъ и преждевременно выросъ. Въ семнадцать-двадцать лѣтъ, при выходѣ изъ дѣтства, онъ ужъ поражалъ окружающихъ непомѣрнымъ количествомъ пережитыхъ впечатлѣній и передуманныхъ мыслей, до которыхъ его предки не додумывались и въ зрѣломъ возрастѣ. Въ 1546 г., когда ему было шестнадцать лѣтъ, среди ребяческихъ игръ, онъ, по разсказу лѣтописи, вдругъ заговорилъ съ боярами о женитьбѣ, да заговорилъ такъ обдуманно, съ такими предусмотрительными политическими соображеніями, что бояре расплакались отъ умиленія, что царь такъ молодъ, а ужъ такъ много подумалъ, ни съ кѣмъ не посоветовавшись, отъ всѣхъ утаившись. Эта ранняя привычка къ тревожному уединенному размышленію про-себя, втихомолку, надорвала мысль Ивана, развила въ немъ болѣзненную впечатлительность и возбуждаемость. Иванъ рано потерялъ равновѣсіе своихъ духовныхъ силъ, умѣнье направлять ихъ, когда нужно, раздѣлять ихъ работу или сдерживать одну противодѣйствіемъ другой, рано привыкъ вводить въ дѣятельность ума участіе чувства. О чемъ бы онъ ни размышлялъ, онъ подгонялъ, подзадоривалъ свою мысль страстью. Съ помощью тако-

го самовнушенія онъ былъ способенъ разгорячить свою голову до отважныхъ и высокихъ помысловъ, раскалить свою рѣчь до блестящаго краснорѣчія, и тогда съ его языка или изъ-подъ его пера, какъ отъ горячаго желѣза подь молоткомъ кузнеца, сыпались искры остроты, колкія насмѣшки, мѣткія словца, неожиданные обороты. Иванъ—одинъ изъ лучшихъ московскихъ ораторовъ и писателей XVI в., потому что былъ самый раздраженный москвичъ того времени. Въ сочиненіяхъ, написанныхъ подь диктовку страсти и раздраженія, онъ больше заражаетъ, чѣмъ убѣждаетъ, поражаетъ жаромъ рѣчи, гибкостью ума, изворотливостью диалектики, блескомъ мысли; но это—фосфорическій блескъ, лишенный теплоты; это не вдохновеніе, а горячка головы, нервическая прыть, слѣдствіе искусственнаго возбужденія. Читая письма царя къ кн. Курбскому, поражаешься быстрой смѣной въ авторѣ самыхъ разнообразныхъ чувствъ: порывы великодушія и раскаянія, проблески глубокой задушевности чередуются съ грубой шуткой, жесткимъ озлобленіемъ, холоднымъ презрѣніемъ къ людямъ; минуты усиленной работы ума и чувства смѣнялись полнымъ упадкомъ утомленныхъ душевныхъ силъ, и тогда отъ всего его остроумія не оставалось и простого здраваго смысла. Въ эти минуты умственнаго изнеможенія и нравственной опущенности онъ способенъ былъ на затѣи, лишенные всякой сообразительности. Быстро перегорая, такіе люди современемъ, когда въ нихъ слабѣетъ возбуждаемость, прибѣгаютъ обыкновенно къ искусственному средству, къ вину, и Иванъ въ годы опричнины, кажется, не чуждался этого средства. Такой нравственной неровностью, чередованіемъ высокихъ подъемовъ духа съ самыми постыдными паденіями объясняется и государственная дѣятельность Ивана. Царь совершилъ или задумывалъ много хорошаго, умнаго, даже великаго, и рядомъ

съ этимъ надѣлалъ еще больше поступковъ, которые сдѣлали его предметомъ ужаса и отвращенія для современниковъ и послѣдующихъ поколѣній. Разгромъ Новгорода по одному подозрѣнiю въ измѣнѣ, московскія казни, убійство сына и митрополита Филиппа, безобразія съ опричниками въ Москвѣ и въ Александровской слободѣ—читая обо всемъ этомъ, подумаешь, что это былъ звѣрь отъ природы.

Правствен-
ная неурав-
новѣшен-
ность.

Но онъ не былъ такимъ. По природѣ или воспитанiю онъ былъ лишенъ устойчиваго нравственнаго равновѣсiя и при малѣйшемъ житейскомъ затрудненiи охотнѣе склонялся въ дурную сторону. Отъ него ежеминутно можно было ожидать грубой выходки; онъ не умѣлъ сладить съ малѣйшимъ неприятнымъ случаемъ. Въ 1577 г. на улицѣ въ завоеванномъ ливонскомъ городѣ Кокенгаузенѣ онъ благодушно бесѣдовалъ съ пасторомъ о любимыхъ своихъ богословскихъ предметахъ, но едва не приказалъ казнить его, когда тотъ неосторожно сравнилъ Лютера съ апостоломъ Павломъ, ударилъ пастора хлыстомъ по головѣ и ускакалъ со словами: «поди ты къ чорту со своимъ Лютеромъ». Въ другое время онъ велѣлъ изрубить присланнаго ему изъ Персiи слона, не хотѣвшаго стать передъ нимъ на колѣна. Ему не доставало внутренняго природнаго благородства; онъ былъ воспримчивѣе къ дурнымъ, чѣмъ къ добрымъ впечатлѣнiямъ; онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ недобрыхъ людей, которые скорѣе и охотнѣе замѣчаютъ въ другихъ слабости и недостатки, чѣмъ дарованiя или добрыя качества. Въ каждомъ встрѣчномъ онъ прежде всего видѣлъ врага. Всего труднѣе было приобрѣсти его довѣрiе. Для этого такимъ людямъ надобно ежеминутно давать чувствовать, что ихъ любятъ и уважаютъ, всецѣло имъ преданы, и кому удавалось увѣрить въ этомъ царя Ивана, тотъ пользовался его довѣрiемъ до излишества. Тогда въ немъ вскрывалось свойство, облегчаю-

щее такимъ людямъ тягость постоянно напряженнаго злого настроенія: это — привязчивость. Первую жену свою онъ любилъ какой-то особенно чувствительной, не домостроевской любовью. Такъ же безотчетно онъ привязывался къ Сильвестру и Адашеву, а потомъ и къ Малютѣ Скуратову. Это соединеніе привязчивости и недовѣрчивости выразительно сказалось въ духовной Ивана, гдѣ онъ даетъ дѣтямъ наставленіе, «какъ людей любить и жаловать и какъ ихъ *беречься*». Эта двойственность характера и лишала его устойчивости. Житейскія отношенія больше тревожили и злили его, чѣмъ заставляли размышлять. Но въ минуты нравственнаго успокоенія, когда онъ освобождался отъ внѣшнихъ раздражающихъ впечатлѣній и оставался наединѣ съ самимъ собой, со своими задушевными думами, имъ овладѣвала грусть, къ какой способны только люди, испытавшіе много нравственныхъ утратъ и житейскихъ разочарованій. Кажется, ничего не могло быть формальнѣе и бездушнѣе духовной грамоты древняго московскаго вел. князя съ ея мелочнымъ расписаниемъ движимаго и недвижимаго имущества между наследниками. Царь Иванъ и въ этомъ стереотипномъ актѣ выдержалъ свой лирическій характеръ. Эту духовную онъ начинаетъ возвышенными богословскими размышленіями и продолжаетъ такими задушевными словами: «Тѣло изнемогло, болѣзнуеть духъ, раны душевныя и тѣлесныя умножились и нѣтъ врача, который бы исцѣлилъ меня; ждалъ я, кто бы поскорбѣлъ со мной, и не явилось никого, утѣшающихъ я не нашель, заплатили мнѣ зломъ за добро, ненавистью за любовь». Бѣдный страдалецъ, царственный мученикъ, подумываешь, читая эти жалобно-скорбныя строки; а этотъ страдалецъ года за два до того, ничего не разслѣдовавъ, по одному подозрѣнію, такъ зря, безчеловѣчно и безбожно разгромилъ большой древній городъ съ цѣлою областью, какъ ни-

когда не громили никакого русского города татары. Въ самыя злыя минуты онъ умѣлъ подниматься до этой искусственной задушевности, до крокодилова плача. Въ разгаръ казней входитъ онъ въ московскій Успенскій соборъ. Митрополитъ Филиппъ встрѣчаетъ его, готовый по долгу сана *печаловаться*, ходатайствовать за несчастныхъ, обреченныхъ на казнь. «Только молчи, говорилъ царь, едва сдерживаясь отъ гнѣва: одно тебѣ говорю—молчи, отецъ святой, молчи и благослови насъ».—«Наше молчаніе, отвѣчалъ Филиппъ, грѣхъ на душу твою налагаетъ и смерть наноситъ».—«Ближніе мои, скорбно возразилъ царь, встали на меня, ищутъ мнѣ зла; какое тебѣ дѣло до нашихъ царскихъ предначертаній»!

Описанныя свойства царя Ивана сами по себѣ могли бы послужить только любопытнымъ матеріаломъ для психолога—скорѣе для психіатра, скажутъ иные: вѣдь такъ легко нравственную распущенность, особенно на историческомъ разстояніи, признать за душевную болѣзнь и подъ этимъ предлогомъ освободить память мнимо-больныхъ отъ исторической отвѣтственности. Къ сожалѣнію, одно обстоятельство сообщило описаннымъ свойствамъ значеніе гораздо болѣе важное, чѣмъ какое обыкновенно имѣютъ психологическіе курьезы, появляющіеся въ людской жизни, особенно такой обильный всякими душевными курьезами, какъ русская: Иванъ былъ *царь*. Черты его личнаго характера дали особое направленіе его политическому образу мыслей, а политическій его образъ мыслей оказалъ сильное, притомъ вредное вліяніе на его политическій образъ дѣйствій, испортилъ его.

Ранняя
мысль о
власти.

Иванъ рано и много, раньше и больше, чѣмъ бы слѣдовало, сталъ думать своей тревожной мыслью о томъ, что онъ—государь московскій и всея Руси. Скандалы боярскаго

правления постоянно поддерживали въ немъ эту думу, общали ей тревожный, острый характеръ. Его сердили и обижали, выталкивали изъ дворца и грозили убить людей, къ которымъ онъ привязывался, пренебрегая его дѣтскими мольбами и слезами, у него на глазахъ выказывали непочтение къ памяти его отца, можетъ быть, дурно отзывались о покойномъ въ присутствіи сына. Но этого сына всё признавали законнымъ государемъ; ни отъ кого не слышалъ онъ и намека на то, что его царственное право можетъ подвергнуться сомнѣнію, спору. Каждый изъ окружающихъ, обращаясь къ Ивану, называлъ его великимъ государемъ; каждый случай, его тревожившій или раздражавшій, заставлялъ его вспоминать о томъ же и съ любовью обращаться къ мысли о своемъ царственномъ достоинствѣ, какъ къ политическому средству самообороны. Ивана учили грамотѣ, вѣроятно, такъ же, какъ учили его предковъ, какъ вообще учили грамотѣ въ древней Руси, заставляя твердить Часословъ и Псалтирь съ безконечнымъ повтореніемъ *задовъ*, прежде пройденнаго. Изреченія изъ этихъ книгъ затверживались механически и на всю жизнь вѣзывались въ память. Кажется, дѣтская мысль Ивана рано начала проникать въ это механическое зубреніе Часослова и Псалтиря. Здѣсь онъ встрѣчалъ строки о царѣ и царствѣ, о помазанникѣ Божіемъ, о нечестивыхъ совѣтникахъ, о блаженномъ мужѣ, который не ходитъ на ихъ совѣтъ и т. п. Съ тѣхъ поръ какъ сталъ Иванъ понимать свое сиротское положеніе и думать объ отношеніяхъ своихъ къ окружающимъ, эти строки должны были живо затрогивать его вниманіе. Онъ понималъ эти библейскіе афоризмы посвоему, прилагая ихъ къ себѣ, къ своему положенію. Они давали ему прямые и желанные отвѣты на вопросы, какіе возбуждались въ его головѣ житейскими столкновеніями, подсказывали нравственное оправ-

даніе тому чувству злости, какое вызывали въ немъ эти столкновения. Легко понять, какіе быстрые успѣхи въ изученіи Св. Писанія долженъ былъ сдѣлать Иванъ, примѣняя къ своей экзегетикѣ такой нервный, субъективный методъ, изучая и толкуя слово Божіе подъ диктовку раздраженнаго, капризнаго чувства. Съ тѣхъ поръ книги должны были стать любимымъ предметомъ его занятій. Отъ Псалтиря онъ перешелъ къ другимъ частямъ Писанія, перечиталъ много, что могъ достать изъ тогдашняго книжнаго запаса, вращавшагося въ русскомъ читающемъ обществѣ. Это былъ начитаннѣйшій москвичъ XVI вѣка. Не даромъ современники называли его «словесной мудрости риторомъ». О богословскихъ предметахъ онъ любилъ бесѣдовать, особенно за обѣденнымъ столомъ, и имѣлъ, по словамъ лѣтописи, особливую остроту и память отъ Божественнаго Писанія. Разъ въ 1570 г. онъ устроилъ въ своихъ палатахъ торжественную бесѣду о вѣрѣ съ пасторомъ польскаго посольства, чехомъ-евангеликомъ Рокитой, въ присутствіи посольства, бояръ и духовенства. Въ пространной рѣчи онъ изложилъ протестантскому богослову обличительные пункты противъ его ученія и приказалъ ему защищаться «вольнo и смѣло», безъ всякихъ опасеній, внимательно и терпѣливо выслушалъ защитительную рѣчь пастора и послѣ написалъ на нее пространное опроверженіе, до насъ дошедшее. Этотъ отвѣтъ царя по мѣстамъ отличается живостью и образностью. Мысль не всегда идетъ прямымъ логическимъ путемъ, натолкнувшись на трудный предметъ, туманится или сбивается въ сторону, но порой обнаруживаетъ большую диалектическую гибкость. Тексты Писанія не всегда приводятся встатьи; но очевидна обширная начитанность автора не только въ Писанія и отеческихъ твореніяхъ, но и въ переводныхъ греческихъ хронографахъ, тогдашнихъ русскихъ учебникахъ всеобщей исторіи.

Главное, что читалъ онъ особенно внимательно, было духовнаго содержанія; вездѣ находилъ онъ и отмѣчалъ одни и тѣже мысли и образы, которые отмѣчали его настроенію, вторили его собственнымъ думамъ. Онъ читалъ и перечитывалъ любимыя мѣста и они неизгладимо врѣзывались въ его память. Не менѣе иныхъ нынѣшнихъ записныхъ ученыхъ Иванъ любилъ пестрить свои сочиненія цитатами встати и нектати. Въ первомъ письмѣ къ кн. Курбскому онъ на каждомъ шагу вставляетъ отдѣльныя строки изъ Писанія, иногда выписываетъ подрядъ цѣлыя главы изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ или апостольскихъ посланій и очень часто безъ всякой нужды искажаетъ библейскій текстъ. Это происходило не отъ небрежности въ списываніи, а отъ того, что Иванъ, очевидно, выписывалъ цитаты наизусть.

Такъ рано зародилось въ головѣ Ивана политическое размышленіе, занятіе, котораго не знали его московскіе предки ни среди дѣтскихъ игръ, ни въ дѣловыхъ заботахъ зрѣлаго возраста. Кажется, это занятіе шло втихомолку, тайкомъ отъ окружающихъ, которые долго не догадывались, въ какую сторону направлена встревоженная мысль молодого государя, и вѣроятно не одобрили бы его усидчиваго вниманія къ книгамъ, если бы догадались. Вотъ почему они такъ удивились, когда въ 1546 г. семнадцатилѣтній Иванъ вдругъ заговорилъ съ ними о томъ, что онъ задумалъ жениться, но что прежде женитьбы онъ хочетъ поискать прародительскихъ обычаевъ, какъ прародители его, цари и великіе князья и сродникъ его Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ на царство, на великое княженіе сядились. Пораженные неожиданностью думъ государя, бояре, прибавляетъ лѣтописецъ, удивились, что государь такъ молодъ, а ужъ прародительскихъ обычаевъ искалъ. Первымъ помысломъ Ивана при выходѣ изъ прavitельственной опеки

Идея
власти.

боярь было принять титулъ *царя* и вѣнчаться на царство торжественнымъ церковнымъ обрядомъ. Политическія думы царя вырабатывались тайкомъ отъ окружающихъ, какъ тайкомъ складывался его сложный характеръ. Впрочемъ по его сочиненіямъ можно съ нѣкоторой точностью возстановить ходъ его политическаго самовоспитанія. Его письма къ кн. Курбскому—наполовину политическіе трактаты о царской власти и наполовину полемическіе памфлеты противъ боярства и его притязаній. Попробуйте бѣгло перелистовать его первое длинное-преддлинное посланіе: оно поразитъ васъ видимой пестротой и беспорядочностью своего содержанія, разнообразіемъ книжнаго матеріала, кропотливо собраннаго авторомъ и щедрой рукой разсыпаннаго по этимъ нескончаемымъ страницамъ. Чего тутъ нѣтъ, какихъ именъ, текстовъ и примѣровъ! Длинные и короткія выписки изъ Св. Писанія и отцовъ Церкви, строки и цѣлыя главы изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, Моисея, Давида, Исаи, изъ новозавѣтныхъ церковныхъ учителей, Василія Великаго, Григорія Назіанзина, Іоанна Златоуста, образы изъ классической мифологіи и эпоса, Зевсъ, Аполлонъ, Антеноръ, Эней, рядомъ съ библейскими именами Іисуса Навина, Гедеона, Авимелеха, Іефея, безсвязные эпизоды изъ еврейской, римской, византийскаго, готовъ, савроматовъ, француговъ, вычитанными изъ хронографовъ, и наконецъ порой невзначай брошенная черта изъ русской лѣтописи,—и все это, перепутанное, переполненное анахронизмами, съ калейдоскопической пестротой, безъ видимой логической послѣдовательности всплываетъ и исчезаетъ передъ читателемъ, повинуюсь прихотливымъ поворотамъ мысли и воображенія автора, и вся эта, простите за выраженіе, ученая каша одобрена богословскими или по-

литическими афоризмами, настойчиво подкладываемыми, и порой посомена тонкой ироніей или жесткимъ, иногда мѣткимъ сарказмомъ. Какая хаотическая память, набитая наборомъ всякой всячины,—подумаешь, перелистовавъ это посланіе. Не даромъ кн. Курбскій назвалъ письмо Ивана бабьей болтовней, гдѣ тексты Писанія переплетены съ рѣчами о женскихъ тѣлогрѣяхъ и о постеляхъ. Но вникните пристальнѣе въ этотъ гнѣисный потокъ текстовъ, размышлений, воспоминаній, лирическихъ отступленій, и вы безъ труда уловите основную мысль, которая красной нитью проходитъ по всемъ этимъ видимо столь нестройнымъ страницамъ. Съ дѣтства затверженные авторомъ любимые библейскіе тексты и историческіе примѣры всё отвѣчаютъ на одну тему, всё говорятъ о царской власти, о ея божественномъ происхожденіи, о государственномъ порядкѣ, объ отношеніяхъ къ совѣтникамъ и поданнымъ, о гибельныхъ слѣдствіяхъ разновластія и безначалія. *Нѣсть власти, аще не отъ Бога. Всяка душа вѣдетъ предержащихъ да повинуется. Горе граду, имъ же градомъ мнози обладаютъ* и т. п. Упорно вчитываясь въ любимые тексты и бесконечно о нихъ размышляя, Иванъ постепенно и незаметно создалъ себѣ изъ нихъ идеальный міръ, въ который уходилъ, какъ Моисей на свою гору, отдыхать отъ житейскихъ страховъ и огорченій. Онъ съ любовью созерцалъ эти величественные образы ветхозавѣтныхъ избранниковъ и помазанниковъ Божіихъ, Моисея, Саула, Давида, Соломона. Но въ этихъ образахъ онъ какъ въ зеркалѣ старался разглядѣть самого себя, свою собственную царственную фигуру, уловить въ нихъ отраженіе своего блеска или перенести на себя самого отблескъ ихъ свѣта и величія. Понятно, что онъ залюбовался собой, что его собственная особа въ подобномъ отраженіи представилась ему ова-

ренной блескомъ и величіемъ, какого и не чуяли на себѣ его предки, простые московскіе князья-хозяева. Иванъ IV былъ первый изъ московскихъ государей, который узрѣлъ и живо почувствовалъ въ себѣ царя въ настоящемъ библейскомъ смыслѣ помазанника Божія. Это было для него политическимъ откровеніемъ, и съ той поры его царственное я сдѣлалось для него предметомъ набожнаго поклоненія: онъ самъ для себя сталъ святыней и въ помыслахъ своихъ создалъ цѣлое богословіе политическаго самообожанія въ видѣ ученой теоріи своей царской власти. Тономъ вдохновеннаго свыше и вмѣстѣ съ обычной тонкой ироніей писалъ онъ во время переговоровъ о мирѣ врагу своему Стефану Баторію, коля ему глаза его избирательной властью: «Мы, смиренный Іоаннъ, царь и великій князь всея Руси по Божію изволенію, а не по многомятежному челоуѣческому хотѣнію».

Недостатокъ практической разработки.

Однако изъ всѣхъ этихъ усилій ума и воображенія царь вынесъ только простую, голую идею царской власти безъ практическихъ выводовъ, какихъ требуетъ всякая идея; теорія осталась неразработанной въ государственный порядокъ, въ политическую программу. Увлеченный враждой и воображаемыми страхами, онъ упустилъ изъ виду практическія задачи и потребности государственной жизни и не умѣлъ приладить своей отвлеченной теоріи къ мѣстной исторической дѣйствительности. Безъ этой практической разработки его возвышенная теорія верховной власти превратилась въ капризъ личнаго самовластія, исказилась въ орудіе личной злости, безотчетнаго произвола. Потому стоявшіе на очереди практическіе вопросы государственнаго порядка остались неразрѣшенными. Въ молодости, какъ мы видѣли, начавъ править государствомъ, царь съ избранными своими совѣтниками повелъ смѣлую внѣшнюю и внутрен-

ною политику, цѣлью которой было съ одной стороны добиться берега Балтійскаго моря и войти въ непосредственныя торговыя и культурныя сношенія съ западной Европой, а съ другой—привести въ порядокъ законодательство и устроить областное управленіе, создать мѣстные земскіе міры и призвать ихъ къ участию не только въ мѣстныхъ судебно-административныхъ дѣлахъ, но и въ дѣятельности центральной власти. Земскій соборъ, впервые созданный въ 1550 г., развиваясь и входя обычнымъ органомъ въ составъ управленія, долженъ былъ укрѣпить въ умахъ идею земскаго царя взамѣнъ удѣльнаго вотчинника. Но царь не ужился со своими совѣтниками. При подозрительномъ и болѣзненно возбужденномъ чувствѣ власти онъ считалъ добрый прямой совѣтъ посягательствомъ на свои верховныя права, несогласіе со своими планами—знакомъ крамолы, заговора и измѣны. Удаливъ отъ себя добрыхъ совѣтниковъ, онъ отдался одностороннему направленію своей мнительной политической мысли, вездѣ подозрѣвавшей козни и крамолы, и неосторожно возбудилъ старый вопросъ объ отношеніи государя къ боярству,—вопросъ, котораго онъ не въ состояніи былъ разрѣшить и котораго потому не слѣдовало возбуждать. Дѣло заключалось въ исторически-сложившемся противорѣчьи, въ несогласіи правительственнаго положенія и политическаго настроенія боярства съ характеромъ власти и политическимъ самосознаніемъ московскаго государя. Этотъ вопросъ былъ неразрѣшимъ для московскихъ людей XVI в. Потому надобно было до поры до времени заминать его, сглаживая вызвавшее его противорѣчіе средствами благоразумной политики, а Иванъ хотѣлъ разомъ разорубить вопросъ, обостривъ самое противорѣчіе, своей односторонней политической теоріей поставивъ его ребромъ, какъ ставятъ тезисы на ученыхъ диспутахъ, принципиально, но непрактично.

Усвоивъ себѣ чрезвычайно исключительную и нетерпѣливую, чисто-отвлеченную идею верховной власти, онъ рѣшилъ, что не можетъ править государствомъ, какъ правили его отецъ и дѣдъ, при содѣйствіи бояръ; но какъ иначе онъ долженъ править, этого онъ и самъ не могъ уяснить себѣ. Превративъ политическій вопросъ о порядкѣ въ ожесточенную вражду съ лицами, въ безцѣльную и неразборчивую рѣзню, онъ своей опричниной внесъ въ общество страшную смуту, а сыноубійствомъ подготовилъ гибель своей династіи. Между тѣмъ успѣшно начатыя внѣшнія предпріятія и внутреннія реформы разстроились, были брошены недоконченными по винѣ неосторожно обостренной внутренней вражды. Отсюда понятно, почему этотъ царь двоился въ представленіи современниковъ, пережившихъ его царствованіе. Такъ одинъ изъ нихъ, описавъ славныя дѣянія царя до смерти царицы Анастасіи, продолжаетъ: «а потомъ словно страшная буря, налетѣвшая со стороны, смутила покой его добраго сердца и я не знаю, какъ перевернула его многомудренный умъ въ нравъ свирѣпый, и сталъ онъ мятежникомъ въ собственномъ государствѣ». Другой современникъ, характеризуя грознаго царя, пишетъ, что это былъ «мужъ чуднаго разсужденія, въ наукѣ книжнаго почитанія доволенъ и многорѣчивъ, зѣло ко ополченію дерзостенъ и за свое отечество стоятеленъ, на рабы, отъ Бога данныя ему, жестосердъ, на пролитіе крови дерзостенъ и неумолимъ, множество народа отъ мала и до велика при царствѣ своемъ погубилъ, многіе города свои поплѣнилъ и много иного содѣялъ надъ рабами своими; но тотъ же царь Иванъ и много добраго совершилъ, воинство евое весьма любилъ и на нужды его изъ казны своей неоскудно подавалъ».

Значеніе
царя Ивана.

Такимъ образомъ положительное значеніе царя Ивана въ исторіи нашего государства далеко не такъ велико, какъ

можно было бы думать, судя по его замысламъ и начинаніямъ, по шуму, какой производила его дѣятельность. Грозный царь больше задумывалъ, чѣмъ сдѣлалъ, сильнѣе по дѣйствовалъ на воображеніе и нервы своихъ современниковъ, чѣмъ на современный ему государственный порядокъ. Жизнь Московскаго государства и безъ Ивана устроилась бы такъ же, какъ она строилась до него и послѣ него; но безъ него это устроеніе пошло бы легче и ровнѣе, чѣмъ оно шло при немъ и послѣ него, важнѣйшіе политическіе вопросы были бы разрѣшены безъ тѣхъ потрясеній, какія были имъ подготовлены. Важнѣе отрицательное значеніе этого царствованія. Царь Иванъ былъ замѣчательный писатель, пожалуй даже бойкій политическій мыслитель; но онъ не былъ государственный дѣлецъ. Одностороннее, себялюбивое и мнительное направленіе его политической мысли при его нервной возбужденности лишило его пракческаго такта, политическаго главоуѣра, чутья дѣйствительности, и успѣшно предпринявъ завершеніе государственнаго порядка, заложеннаго его предками, онъ незамѣтно для себя самого кончилъ тѣмъ, что поколебалъ самыя основанія этого порядка. Карамзинъ преувеличилъ очень немного, поставивъ царствованіе Ивана,—одно изъ прекраснѣйшихъ по началу,—по конечнымъ его результатамъ наряду съ монгольскимъ игомъ и бѣдствіями удѣльнаго времени. Враждѣ и произволу царь жертвовалъ и собой, и своей династіей, и государственнымъ благомъ. Его можно сравнить съ тѣмъ ветхозавѣтнымъ слѣпымъ богатыремъ, который, чтобы погубить своихъ враговъ, на самого себя повалилъ зданіе, на крышѣ коего эти враги сидѣли.

Лекція XXXI.

Составъ удѣльнаго общества.—Составъ московскаго служилаго класса.—Элементы служилые.—Элементы неслужилые: горожане-земле-владѣльцы, приказные, служилые по прибору.—Иноземцы.—Количественное отношеніе составныхъ элементовъ по племенному происхожденію.—Лѣствица чиновъ.—Численность военно-служилаго класса.—Вышнее положеніе государства.—Войны на СЗ.—Борьба съ Крымомъ и ногами.—Оборона сѣверо-восточныхъ границъ.—Береговая служба.—Линія оборонительныхъ укрѣпленій.—Сторожевая и станичная служба.—Тяжесть борьбы.—Вопросъ о хозяйственномъ и военномъ устройствѣ служилаго класса и помѣстная система.

Мы изучили положеніе, какое заняло Московское боярство при своемъ новомъ составѣ въ отношеніи къ государю и въ государственномъ управленіи. Но политическое значеніе боярства не ограничивалось его правительственной дѣятельностью. Бояринъ былъ не только высшій сановникъ, правительственный совѣтникъ и сотрудникъ, но и соратникъ своего государя. По этому военному значенію боярство было только верхнимъ слоемъ многочисленнаго военно-служилаго класса, формировавшагося въ Московскомъ государствѣ въ продолженіе XV и XVI вв. Какъ слой правительственный, боярство выдѣлялось изъ этого класса; но оно входило въ его составъ, какъ слой военно-служилый, составляя его штабъ и высшую команду. Теперь изучимъ составъ и положеніе этого военно-служилаго класса, разумѣя и боярство, какъ его составную часть.

Составъ военно-служилаго класса въ Московскомъ государствѣ тѣхъ вѣковъ былъ очень сложенъ. Чтобы понять его составные элементы, надо припомнить составъ общества въ удѣльномъ княжествѣ. Идеи подданства, какъ мы видѣли, въ удѣльномъ княжествѣ не существовало: господствовали договорныя отношенія свободныхъ обывателей удѣла къ его князю, основанныя на обоюдныхъ выгодахъ. Общество дѣлилось на классы по роду услугъ, какія оказывали лица удѣльному князю: одни служили ему ратную службу и назывались *боярами* и *слугами вольными*; другіе служили по дворцовому хозяйству князя, были его дворовыми людьми и назывались *слугами дворными*; наконецъ, третьи снимали у князя его земли, городскія или сельскія, за что платили ему подать, тягло, и носили названіе *людей тяглыхъ, земскихъ* или *черныхъ*. Таковы три основные класса, изъ которыхъ состояло свободное гражданское общество въ удѣльномъ княжествѣ: слуги вольные съ боярами во главѣ, слуги дворные и люди черные, городскіе и сельскіе. Холопы, какъ несвободные люди, не составляли общественнаго класса въ юридическомъ смыслѣ слова. Особое положеніе занимали разные разряды лицъ, состоявшихъ при Церкви, съ духовенствомъ во главѣ: это былъ не особый классъ, а цѣлое общество *церковныхъ людей*, параллельное мірскому, со своимъ управленіемъ и судомъ, съ исключительными привилегіями; въ составъ его входили классы однородные съ мірскими, церковные бояре и слуги, крестьяне на церковныхъ земляхъ и т. п.

Всѣ слои удѣльнаго общества или цѣликомъ вошли, или внесли свои вѣлады въ составъ служилаго класса въ Московскомъ государствѣ. Ядро его образовали бояре и слуги вольные, служившіе при московскомъ княжескомъ дворѣ въ удѣльные вѣка; только договорныя отношенія теперь замѣ-

Составъ
удѣльнаго
общества.

Служилые
элементы
служилаго
класса.

нились обязательными государственными повинностями по закону. Съ половины XV в. составъ этого первоначальнаго московскаго двора, т. е. военно-служилаго класса осложнился новыми военными же элементами, вошедшими въ него со стороны. То были: 1) потомки князей великихъ и удѣльныхъ, сведенныхъ или сошедшихъ со своихъ столовъ и вошедшихъ въ составъ московскаго двора; 2) бояре и вольные слуги бывшихъ великихъ и удѣльныхъ князей, вмѣстѣ со своими хозяевами перешедшіе на московскую службу. Оба эти элемента цѣликомъ вошли въ составъ класса, хотя нѣкоторое время сохраняли свое мѣстное обособленіе и даже въ актахъ XVI в. писались: *князи ростовскіе, князи стародубскіе, дворъ тверской* и т. д.

Кромѣ этихъ военныхъ или вольныхъ слугъ въ составъ класса вошли еще элементы невоенные и невольные по происхожденію. То были: 1) бывшіе дворцовые, большею частью даже несвободные слуги великихъ и удѣльныхъ князей, разные приказные и ремесленные люди, служившіе при княжескихъ дворахъ для хозяйственныхъ надобностей, ключники, казначеи, тиуны, дьяки съ подъячими, конюхи, псаря, садовники и т. п. Приблизительно съ половины XV в. эти дворцовые слуги стали получать отъ московскаго государя земли наравнѣ съ военно-служилыми людьми и вошли въ одинъ разрядъ съ ними, отбывая по землѣ ратную службу.

2) У прежнихъ удѣльныхъ бояръ и дворянъ были свои вооруженные дворовые слуги, холопы, съ которыми господа ходили въ походы. Московское правительство иногда отбирало этихъ привычныхъ къ оружію боярскихъ слугъ, *послужилцевъ* (бывшихъ служителей), на государственную службу, надѣляя ихъ землей и заставляя по землѣ нести ратную повинность наравнѣ съ прочими служилыми людьми.

ми. Такъ послѣ покоренія Новгорода Великаго въ Москвѣ съ княжескихъ и боярскихъ дворовъ забрано было 47 семействъ такихъ слугъ, которые были испомѣщены въ Вотской пятинѣ и впоследствии являются въ составѣ мѣстнаго дворянства.

3) И неслужилое тяглое общество земскихъ или черныхъ людей вмѣстѣ съ духовенствомъ также внесло свой вкладъ въ составъ московскаго военно-служилаго класса. Тяглые люди вмѣстѣ съ поповичами различными путями проникали въ этотъ классъ. а) Съ половины XV в. устанавливается правило, что всѣ личные землевладѣльцы должны нести по землѣ воинскую повинность. Завоевывая вольные города, Новгородъ, Псковъ, Вятку, московское правительство находило тамъ горожанъ, владѣвшихъ землей, бояръ, житыхъ людей, земцовъ, и какъ землевладѣльцевъ верстало ихъ въ службу, однихъ оставляя на мѣстѣ, а другихъ переводя въ центральные уѣзды Московскаго государства, гдѣ ихъ надѣляли вотчинами или помѣстьями взаменъ покинутыхъ земель. Я уже говорилъ въ свое время о массовыхъ переселеніяхъ новгородцевъ въ московскіе предѣлы. Въ 1488 г. переведено было сюда болѣе семи тысячъ житыхъ людей. Со многими изъ нихъ, вѣроятно, было поступлено такъ же, какъ съ боярами, житыми людьми и купцами новгородскими, переселенными въ московскіе края въ слѣдующемъ году числомъ болѣе тысячи «головъ», по выраженію лѣтописи: всѣмъ имъ даны были помѣстья въ Московскомъ, Владимірскомъ, Муромскомъ, Ростовскомъ и другихъ центральныхъ уѣздахъ. На ихъ мѣсто и были посланы въ Новгородскую землю тѣ боярскіе послужилцы, о которыхъ я сейчасъ говорилъ. Такія же переселенія дѣлались изъ Пскова и Вятки послѣ ихъ покоренія. Такъ значительное количество землевладѣльцевъ-горожанъ изъ вольныхъ

Элементы
неслужило-
го.

городовъ очутилось въ составѣ помѣстнаго дворянства по средней и нижней Окѣ, въ Алексинѣ, Боровскѣ, Муромѣ и т. д. б) Съ усложненіемъ приказной администраціи и письменнаго канцелярскаго дѣлопроизводства размножился и классъ дьяковъ съ подъячими. Они набирались преимущественно изъ грамотныхъ людей, принадлежавшихъ къ духовному сословію или къ городскому простонародью. Еще кн. Курбскій съ боярской досадой писалъ, что большинство московскихъ дьяковъ его времени, самыхъ преданныхъ слугъ московскаго государя, вышло «изъ поповичей и простого всенародства». Эти дьяки съ подъячими получали за свою приказную службу или приобрѣтали сами вотчины и помѣстья и по общему правилу, какъ землевладѣльцы, обязаны были отбывать ратную службу, ставя за себя наемныхъ или крѣпостныхъ ратниковъ. Дѣти ихъ часто уже не сидѣли въ канцеляріяхъ, а съ своихъ вотчинъ и помѣстій отбывали личную ратную службу наравнѣ съ прочими служилыми людьми. в) Сверхъ постоянныхъ служилыхъ людей, на которыхъ ратная служба падала *по отечеству*, какъ наследственная сословная повинность, московское правительство, нуждаясь въ ратникахъ для внѣшней обороны, набирало ихъ на время войны и изъ тяглыхъ классовъ, городскихъ и сельскихъ. Церковные и свѣтскіе землевладѣльцы, не отправлявшіе личной ратной службы, архіерейскія каѳедры, монастыри, бояре, занятые при дворѣ, вдовы посылали со своихъ земель въ походы соответственное число вооруженныхъ слугъ, если не нанимали на-время охотниковъ. Съ городскихъ и сельскихъ обывателей, тяглыхъ и нетяглыхъ, иногда набирали ратныхъ людей по человѣку съ извѣстнаго числа дворовъ, «отъ отцовъ дѣтей и отъ братьи братью и отъ дядь племянниковъ.» По южнымъ городамъ, смежнымъ со степью, особенно по рѣкѣ Дону, жили казаки,

которыхъ правительство также приурочивало къ ратной службѣ. Всѣ эти разряды людей представляли обильный резервъ боевыхъ силъ, изъ котораго правительство по мѣрѣ надобности *прибирало* ратныхъ людей, пополняя этими людьми *по прибору* ряды постоянныхъ служилыхъ людей по отечеству. Такъ въ 1585 г. въ Елифанскомъ уѣздѣ 289 донскихъ казаковъ зарежь были поверстаны въ званіе *дѣтей боярскихъ*, составлявшее низшій чинъ провинціального дворянства, и получили тамъ помѣстные надѣлы. Наконецъ приказный человекъ половины XVII в. Котошихинъ въ своемъ описаніи Московскаго государства вспоминаетъ, что въ давніе прошлые годы, когда бывали войны у государства съ сосѣдями, московское правительство набирало ратниковъ изъ людей всякихъ чиновъ, даже изъ холоповъ и крестьянъ, изъ коихъ многіе за свою ратную службу и за «положное терпѣніе» выходили изъ холопства и крестьянства, получали отъ правительства мелкіе поземельные участки въ помѣстное или вотчинное владѣніе и такимъ путемъ входили въ ряды дѣтей боярскихъ. Таковы были разнообразныя туземныя струи, вносившія въ составъ московскаго служилаго люда боевыя силы изъ разныхъ классовъ общества.

Но какъ въ удѣльные вѣка, такъ и теперь не прекращался приливъ ратныхъ слугъ изъ-за границы, изъ татарскихъ ордъ, изъ Польши, особенно изъ Литвы. Московское правительство иногда цѣлыми массами принимало этихъ выѣзжихъ слугъ. При Василии, отцѣ Грознаго, съ кн. Глинскимъ выѣхала изъ Литвы толпа западно-руссковъ, которые цѣлымъ гнѣдомъ были испомѣнены въ Муромскомъ уѣздѣ и назывались «Глинскаго людьми» или просто «Литвой». Точно также въ 1535 г., въ правленіе Елены, выѣхало на службу государя московскаго 300 се-

иноземцы.

мействъ Литвы съ женами и съ дѣтьми. По опискамъ провинціальныхъ дворянъ, сохранившимся отъ времени Грознаго, встрѣчаемъ среди помѣщиковъ Коломенскаго и другихъ уѣздовъ «литвяковъ нововыѣзжихъ». Еще обильнѣе былъ приливъ съ татарской стороны. Вслѣдъ за Василемъ Темнымъ, когда онъ вышелъ изъ казанскаго плѣна, пріѣхалъ служить ему съ отрядомъ татаръ казанскій царевичъ Касимъ. Около половины XV в. этимъ татарамъ отданъ былъ Мещерскій Городецъ на Окѣ съ уѣздомъ, гдѣ среди иновѣрцевъ мещеры и мордвы версть на 200 вокругъ города испомѣщена была дружина Касимова; съ тѣхъ поръ и самый городъ сталъ зваться именемъ царевича. Точно такъ же при Грозномъ испомѣщены были многіе татарскіе мурзы около г. Романова на Волгѣ, доходы съ котораго шли на содержаніе этихъ поселенцевъ. Многіе татары, становясь русскими помѣщиками, принимали крещеніе и сливались съ русскими служилыми людьми. Въ тѣхъ же провинціальныхъ спискахъ начала XVII в. встрѣчаемъ въ уѣздахъ Московскомъ, Боровскомъ, Калужскомъ и смежныхъ сотни новокрещенъ изъ татаръ, Ивана Салтанова сына Турчанинова или Федора Девлеткозина сына Рѣзанова и т. п., отчества которыхъ показываютъ, что отцы ихъ, ставъ тамъ помѣщиками и вотчинниками, еще въ XVI в. оставались магометанами. Сохранилась одна челобитная, бросающая нѣкоторый свѣтъ на пути этого перелива татарскихъ силъ въ составъ русскаго служилаго люда. Въ 1589 г. нововыѣзжій татаринъ новокрещенъ Кирѣйка билъ челомъ государю, что выѣхалъ онъ изъ Крыма на Донъ къ казакамъ и служилъ тамъ государю съ казаками 15 лѣтъ, крымскихъ людей грабилъ и на крымскихъ людей воевалъ съ казаками хаживалъ, а съ Дону пришелъ въ Путивль и здѣсь женился тому 5 лѣтъ; такъ государь смилосердился бы, велѣлъ бы

его дворъ въ Путивлѣ «обѣдять», освободить отъ податей, и ему служить царскую службу вмѣстѣ съ путивльскими бѣлодворцами.

Такъ разнородны были составные элементы московскаго племенной составъ класса. военно-служилого класса. Довольно трудно опредѣлить количественное отношеніе между этими элементами. До насъ дошла официальная родословная книга, составленная въ правленіе царицы Софьи послѣ отбѣны мѣстничества, на основаніи стараго московскаго родословца и поколѣбныхъ росписей, поданныхъ въ Разрядный приказъ служилыми людьми разныхъ фамилій. Въ этой такъ называемой *Баргатиной книгѣ* перечислено до 930 служилыхъ фамилій, которыя составляли, какъ бы сказать, основной корпусъ московскаго служилого класса, тотъ слой, что повдѣе стали называть *столобовымъ* дворянствомъ. Книга не даетъ достаточныхъ указаній, по которымъ можно было бы опредѣлить количественное отношеніе между фамиліями по социальному происхожденію ихъ родоначальниковъ; но она сообщаетъ данныя, безъ сомнѣнія, неполныя и не всегда точныя, которыя позволяютъ составить хотя приблизительное понятіе о составѣ класса по племенному происхожденію его фамилій. По такому расчету фамилій русскихъ, т. е. великорусскихъ, оказывается 33%, происхожденія польско-литовскаго, т. е. въ значительной степени западно-русскаго, 24%, происхожденія нѣмецкаго, западно-европейскаго 25%, происхожденія татарскаго и вообще восточнаго 17% и 1% остается неопредѣлимъ.

Разнообразіе составныхъ элементовъ, социальныхъ и Лѣтвица чинновъ. этнографическихъ, должно было сообщать служилому московскому классу XV и XVI в. чрезвычайную пестроту. Современемъ эти столь разнообразныя элементы помощью одинаковыхъ правъ и обязанностей сольются въ одно сословіе,

а сословныя права и обязанности при содѣйствіи одинаковаго воспитанія, одинаковыхъ понятій, нравовъ и интересовъ сомкнуть это сословіе въ плотный однородный слой населенія, который подъ именемъ дворянства надолго станетъ во главѣ русскаго общества и оставить въ немъ глубокіе слѣды своего вліянія. Но въ XVI в. еще не было ничего подобнаго: говоря о тогдашнемъ военно-служиломъ людѣ, нельзя говорить объ однородномъ плотномъ сословіи. Пестрота составныхъ элементовъ класса отражалась и на его служебной организаціи. Различныя слои его къ концу XVI в. составили служебную іерархію, по ступенямъ которой служилые люди размѣщались «по отечеству и по службѣ», по родословной знатности и по боевой годности, образуя нѣсколько разрядовъ или *чиновъ*. Эти ступени составляли три группы чиновъ, горизонтально лежавшія одна на другой. Вотъ ихъ перечень, начиная сверху: 1) чины думныя, *бояре, окольныхчіе* и *думные дворяне*; 2) чины служилые московскіе, т. е. столичныя—*толники, стряпчіе, дворяне московскіе, жильцы*; 3) чины городовыя или уѣздныя, провинціальныя—*дворяне выборные, дѣти боярскіе дворовыя* и *дѣти боярскіе городовыя*. Дворяне выборные были наиболѣе зажиточныя и исправныя по службѣ, отборныя изъ уѣздныхъ дѣтей боярскихъ, какіе бывали не въ каждомъ уѣздѣ; они по очереди на извѣстный срокъ вызывались въ Москву для исполненія столичныхъ порученій, служили младшими офицерами въ своихъ уѣздныхъ отрядахъ, вмѣстѣ съ московскими чинами входили въ составъ царева полка, когда государь самъ шелъ въ походъ, вообще составляли переходную ступень отъ городскихъ чиновъ къ столичнымъ. Лѣствица перечисленныхъ служилыхъ чиновъ XVI в. очень похожа на позднѣйшую табель о рангахъ, однако отличающаяся

нея тѣмъ, что служебные чины нашего времени приобретаются, разумѣется, въ законномъ порядкѣ, служебной подготовкой, образовательнымъ цензомъ и потомъ личной службой, а въ Московскомъ государствѣ ими жаловали не столько за личную службу, сколько «по отечеству», по службѣ отцовъ и дѣдовъ, составлявшей цензъ генеалогическій; слѣдовательно тогдашніе чины въ значительной степени были наслѣдственными. Человѣкъ знатнаго боярскаго рода обыкновенно начиналъ службу въ чинѣ дворянина московскаго, штабъ-офицера, или даже стольника, полковника, и постепенно поднимался выше. Незнатный городской сынъ боярскій могъ дослужиться до чина жильца или дворянина московскаго, но чрезвычайно рѣдко поднимался выше. Значить, родовитый человѣкъ начиналъ съ того, чѣмъ иногда и очень рѣдко кончалъ неродовитый.

Трудно опредѣлить численность всего военно-служилаго московскаго класса въ концѣ XVI в., когда завершалась его вербовка. Англійскій посолъ Флетчеръ, бывшій въ Москвѣ въ 1588—1589 г., насчитываетъ до 100,000 ратниковъ, получавшихъ ежегодное жалованье и находившихся на постоянной службѣ; но онъ не указываетъ количества многочисленныхъ городскихъ дѣтей боярскихъ, которыхъ мобилизовали только для извѣстнаго похода и потомъ отпускали по домамъ. Флетчеръ не говоритъ и о служилыхъ инородцахъ, казанскихъ татарахъ, черемисахъ и мордвѣ, которыхъ Маржеретъ немного позднѣе Флетчера насчитываетъ до 28,000. По разрядной книгѣ полоцкаго похода 1563 г. въ рати, какую повелъ съ собой царь подъ этотъ городъ, числилось свыше 30,000 боевыхъ людей. Но книга не считала вооруженныхъ дворовыхъ людей, съ которыми шли въ походъ служилые помѣщики и вотчинники, и потому разрядную цифру арміи, взявшей Полоцкъ, надобно удвоить, если

Численность класса.

не утронуть; современники очевидно преувеличивали, доводя ее силу до 280, даже до 400 тысячъ. Въ 1581 г., когда Баторій осадилъ Псковъ съ гарнизономъ не менѣе 30,000 человекъ, а въ Новгородѣ стоялъ кн. Голицынъ съ 40 тысячами, подъ Старицей у царя было по лѣтописи собрано 300,000. Къ этимъ массамъ надо прибавить еще многія тысячи, которыя защищали взятыя незадолго до того Баторіемъ Полоцкъ, Соколь, Великія Луки и другіе города и большая часть которыхъ погибла при взятіи этихъ городовъ. Тотъ же французскій капитанъ Маржереть, перечисляя разнообразныя составныя части московской рати. говоритъ, что онѣ въ совокупности достигаютъ невѣроятнаго числа (*un nombre incroyable*).

Вѣдшее
положеніе
государ-
ства.

Наборъ столь многочисленнаго военно-служилаго класса сопровождался глубокими перемѣнами въ общественномъ строѣ Московскаго государства. Этотъ наборъ со всѣми своими послѣдствіями былъ тѣсно связанъ съ тѣмъ же основнымъ фактомъ, изъ котораго вышли уже изученныя нами явленія тѣхъ вѣковъ, т. е. съ территоріальнымъ расширеніемъ Московскаго государства. Новыя границы государства поставили его въ непосредственное сосѣдство съ внѣшними иноплеменными врагами Руси, шведами, литовцами, поляками, татарами. Это сосѣдство ставило государство въ положеніе, которое дѣлало его похожимъ на вооруженный лагерь, съ трехъ сторонъ окруженный врагами. Ему приходилось бороться на два растянутые и изогнутые фронта, сѣверозападный европейскій и юговосточный, обращенный къ Азій. На сѣверозападѣ борьба изрѣдка прерывалась кратковременными перемиріями; на юговостокѣ въ тѣ вѣка она не прерывалась ни на минуту. Такое состояніе непрерывной борьбы стало уже нормальнымъ для государства въ XVI в. Герберштейнъ, наблюдавшій Московію при отцѣ

Грознаго, вынесъ такое впечатлѣніе, что для нея миръ—случайность, а не война.

На европейскомъ фронтѣ шла борьба со Швеціей и Войны на СЗ. Ливоніей за восточные берега Балтійскаго моря, съ Литвой-Польшей за западную Русь. Въ 1492—1595 гг. было 3 войны съ Швеціей и 7 войнъ съ Литвой-Польшей совместно съ Ливоніей. Эти войны поглотили не менѣе 50 лѣтъ; слѣдовательно на западъ въ эти 103 года мы круглымъ счетомъ годъ воевали и годъ отдыхали.

Зато на азіатской сторонѣ шла изнурительная непрерывная борьба. Здѣсь не было ни мировъ, ни перемирій, ни правильныхъ войнъ, а шло вѣчное обоюдостороннее подсиживание. Флетчеръ, намъ уже извѣстный, пишетъ, что война съ татарами крымскими, ногаями и другими восточными инородцами бываетъ у Москвы каждый годъ. Золотая Орда въ XV в. уже распадалась и окончательно разрушилась въ началѣ XVI в. Изъ ея развалинъ образовались новыя татарскія гнѣзда, царства Казанское и Астраханское, ханство Крымское и орды Ногайскія за Волгой и по берегамъ морей Азовскаго и Чернаго, между Кубанью и Днѣпромъ. По завоеваніи Казани и Астрахани наиболѣе безпокойствъ причинялъ Москвѣ Крымъ по своей связи съ турками, которые завоевали его въ 1475 г. и положили здѣсь конецъ господству генуэзцевъ, владѣвшихъ Кафой-Феодосіей, Судакомъ-Сурожемъ и другими колоніями по берегамъ Крыма. Прикрытый широкими пустынными степями, отрѣзанный отъ материка *переконью*, широкимъ и глубокимъ шести-верстнымъ рвомъ, прорѣзывавшимъ узкій перешеекъ, съ высокимъ укрѣпленнымъ валомъ, Крымъ образовалъ неприступную съ суши разбойничью берлогу. Литвинъ Михалонъ, писавшій о татарахъ, литовцахъ и москвитянахъ въ половинѣ XVI в., насчитываетъ въ Крыму не болѣе 30 на юв.

тысячъ конныхъ ратниковъ; но къ нимъ всегда готовы были присоединиться безчисленные татарскіе улусы, кочевавшіе по обширнымъ припонтійскимъ и прикаспійскимъ степямъ отъ Урала до нижняго Дуная. Въ 1571 и 1572 гг. ханъ крымскій дважды нападалъ на Москву съ полчищами во 120,000 чел. Крымское ханство представляло огромную шайку разбойниковъ, хорошо приспособленную для набѣговъ на Польшу, Литву и Московію. Эти набѣги были ея главнымъ жизненнымъ промысломъ. Тотъ же Флетчеръ пишетъ, что татары крымскіе обыкновенно нападаютъ на предѣлы Московскаго государства разъ или дважды въ годъ, иногда около Троицына дня, чаще во время жатвы, когда легче было ловить людей, разсѣянныхъ по полямъ. Но нерѣдки были и зимніе набѣги, когда морозъ облегчалъ переправу черезъ рѣки и топи. Въ началѣ XVI в. южная степь, лежащая между Московскимъ государствомъ и Крымомъ, начиналась скоро за Старой Рязанью на Окѣ и за Ельцомъ на Быстрой Соснѣ, притокѣ Дона. Татары, все-какъ вооруженные луками, кривыми саблями и ножами, рѣдко пиками, на своихъ малорослыхъ, но сильныхъ и выносливыхъ степныхъ лошадяхъ, безъ обоза, питаясь небольшимъ запасомъ сушеного пшена или сыра да кобылиной, легко переносились черезъ эту необъятную степь, пробѣгая чуть не тысячу верстъ пустыннаго пути. Частыми набѣгами они прекрасно изучили эту степь, приспособились къ ея особенностямъ, высмотрѣли удобнѣйшія дороги, *санжи* или *шляги*, и выработали превосходную тактику степныхъ набѣговъ; избѣгая рѣчныхъ переправъ, они выбирали пути по водораздѣламъ; главнымъ изъ ихъ путей къ Москвѣ былъ *Муравскій* шляхъ, шедшій отъ Перекопа до Тулы между верховьями рѣкъ двухъ бассейновъ, Днѣпра и Сѣвернаго Донца. Скрывая свое движеніе отъ московскихъ степныхъ разбѣ-

довъ, татары крались по лощинамъ и оврагамъ, ночью не разводили огней и во всѣ стороны рассылали ловкихъ развѣдчиковъ. Такъ имъ удавалось незамѣтно подкрадываться къ русскимъ границамъ и дѣлать страшныя опустошенія. Углубившись густою массой въ населенную страну верстъ на сто, они поворачивали назадъ и развернувъ отъ главнаго корпуса широкія крылья, сметали все на пути, сопровождая свое движеніе грабежомъ и пожарами, захватывая людей, скоть, всякое цѣнное и удобопереносное имущество. Это были обычные ежегодные набѣги, когда татары налетали на Русь внезапно, отдѣльными стаями въ нѣсколько сотенъ или тысячъ человекъ, кружась около границъ подобно дикимъ гусямъ, по выраженію Флетчера, бросаясь туда, гдѣ чуялась добыча. Полонъ—главная добыча, которой они искали, особенно мальчики и дѣвочки. Для этого они брали съ собой ременные веревки, чтобы связывать плѣнниковъ, и даже большія корзины, въ которыя сажали забранныхъ дѣтей. Плѣнники продавались въ Турцію и другія страны. Кафа была главнымъ невольничьимъ рынкомъ, гдѣ всегда можно было найти десятки тысячъ плѣнниковъ и плѣнницъ изъ Польши, Литвы и Московіи. Здѣсь ихъ грузили на корабли и развозили въ Константинополь, Анатолію и въ другіе края Европы, Азии и Африки. Въ XVI в. въ городахъ по берегамъ морей Чернаго и Средиземнаго можно было встрѣтить немало рабынь, которыя укачивали ховайскихъ ребятъ польской или русской колыбельной пѣсней. Во всемъ Крыму не было другой прислуги, кромѣ плѣнниковъ. Московскіе полоняники за свое умѣнье бѣгать цѣнились на крымскихъ рынкахъ дешевле польскихъ и литовскихъ; выводя живой товаръ на рынокъ гуськомъ, цѣлыми десятками скованными за шею, продавцы громко кричали, что это рабы самые свѣжіе, простые, нехитрые, только что

приведенные изъ народа королевскаго, польскаго, а не московскаго. Плѣнные приливали въ Крымъ въ такомъ количествѣ, что одинъ еврей-мѣняла, по разсказу Михалона, сидя у единственныхъ воротъ перекопи, которыя вели въ Крымъ, и видя нескончаемыя вереницы плѣнныхъ, туда проводимыхъ изъ Польши, Литвы и Московіи, спрашивалъ у Михалона, есть ли еще люди въ тѣхъ странахъ, или ужъ не осталось никого.

Береговая
служба.

Взаимные счеты и недоразумѣнія, раздѣлявшіе Польшу-Литву и Москву, близорукость ихъ правительствъ и пренебреженіе къ интересамъ своихъ народовъ мѣшали обоимъ государствамъ устроить дружную борьбу со степными хищниками. Московское государство съ своей стороны напрягало всѣ силы и изобрѣтало разнообразныя способы для обороны своихъ южныхъ границъ. Первымъ изъ нихъ была *береговая служба*: ежегодно весной мобилизовались значительныя силы на берегъ Оки. Разрядныя книги XVI в. ярко рисуютъ тревожную жизнь на южныхъ границахъ государства и усилія правительства для ихъ обороны. Ранней весной въ Разрядномъ Приказѣ закипала оживленная работа. Дьяки съ подьячими разсылали повѣстки въ центральныя и крайныя уѣзды съ приказомъ собрать ратныхъ людей, городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, назначая имъ сборные пункты и сборный срокъ, обыкновенно 25 марта, день Благовѣщенія. Посланные, собравъ ратниковъ по списку всѣхъ сполна, ѣхали съ ними на государеву службу; укрывавшихся, сыскавая, били кнутомъ. Городовые дворяне и дѣти боярскіе выступали въ походъ «конны, людны и оружны», съ указнымъ числомъ коней, вооруженныхъ дворовыхъ людей и въ указномъ вооруженіи. Пересмотрѣвъ ихъ на сборныхъ пунктахъ, присланные изъ Москвы воеводы въ случаѣ тревожныхъ вѣстей изъ степи соединяли ратниковъ

въ пять корпусовъ, *полковъ*: большой полкъ становился у Серпухова, правая рука у Калуги, лѣвая у Каширы, передовой полкъ у Коломны, сторожевой у Алексина. Кромѣ того выдвигался впередъ шестой полкъ, летучій *ертоулъ*, для развѣдочныхъ развѣздовъ. При дальнѣйшихъ тревожныхъ вѣстяхъ эти полки въ извѣстномъ порядкѣ трогались съ Оки и вытягивались къ степной границѣ. Такимъ образомъ ежегодно поднималось на ноги до 65 тысячъ рати. Если не приходило изъ степи тревожныхъ вѣстей, полки стояли на своихъ мѣстахъ иногда до глубокой осени, пока распутица не являлась имъ на смѣну посторожить Московское государство отъ вѣйшихъ враговъ.

Другимъ средствомъ обороны было построение на опасныхъ границахъ укрѣпленныхъ линій, которыя не давали бы татарамъ врываться внутрь страны до сбора полковъ. Такія линіи, *черты*, какъ онѣ тогда назывались, состояли изъ цѣпи городовъ, остроговъ и острожковъ, обнесенныхъ рублеными стѣнами либо тыномъ, стоячими остроганными сверху бревнами, со рвами, валами, лѣсными *застѣками*, завалами изъ подсѣченныхъ деревьевъ въ заповѣдныхъ лѣсахъ—все это съ цѣлью затруднить движеніе степныхъ конныхъ полчищъ. На юговосточной сторонѣ древнѣйшая изъ такихъ линій и ближайшая къ Москвѣ шла по Окѣ отъ Нижняго Новгорода до Серпухова, отсюда поворачивала на югъ до Тулы и продолжалась до Козельска. Впереди этой линіи тянулась верста на 400 отъ Оки подъ Рязанью мимо Венева, Тулы, Одоева, Лихвина до р. Жиздры подъ Козельскомъ цѣпь засѣкъ со рвами и валами въ безлѣсныхъ промежуткахъ, съ острожками и укрѣпленными воротами. Вторая линія, построенная въ царствованіе Грознаго, шла отъ Алатыря на р. Сурь, захватывая въ свою цѣпь Темниковъ, Шацкъ, Рязжскъ, Данковъ, Новосиль, Орель, уклонялась къ

Оборонительныя черты.

югу на Новгородъ Сѣверскій и отсюда круто поворачивала къ юговостоку на Рыльскъ и Путивль, такъ же имѣя впереди, гдѣ было можно, засѣки, рвы, острожки. При царѣ Ѳедорѣ въ исходѣ XVI в. возникла третья линия, чрезвычайно ломаная, точнѣе, представлявшая три ряда городовъ, постепенно углублявшіеся въ степь: Кромы, Ливны и Елецъ, Курскъ, Осколь и Воронежъ, Бѣлгородъ и Валуйки — два послѣдніе въ южныхъ частяхъ нынѣшнихъ губерній Курской и Воронежской. Съ построениемъ г. Борисова въ 1600 г. цѣпь укрѣпленныхъ украинскихъ городовъ подошла къ среднему теченію Сѣвернаго Дона, въ какія-нибудь 15 лѣтъ продвинулась къ югу съ верхней Оки и Тихой Сосны верстъ на 500—600 до черты, за которой неподалеку начинались уже татарскія кочевья. Первоначальное, коренное население этихъ городовъ и остроговъ составлялось изъ военного люда, казаковъ, стрѣльцовъ, дѣтей боярскихъ, разныхъ служебъ служилыхъ людей; но къ нимъ присоединялись и простые обыватели изъ ближнихъ городовъ. Старинная повѣсть о чудотворной Курской иконѣ Божіей Матери даетъ нѣсколько указаній на постройку и заселеніе этихъ украинскихъ городовъ. Курскъ вмѣстѣ съ Ливнами и Воронежемъ входилъ въ третью оборонительную линію, въ цѣпь городовъ, называвшихся «польскими» или «отъ поля», со степной стороны. Онъ возникъ на мѣстѣ древняго города, носившаго то же имя и известнаго уже въ XI в. Въ Батыево нашествіе онъ былъ разоренъ до основанія, и съ тѣхъ поръ весь тотъ край запусылъ надолго, покрывся большими лѣсами, въ которыхъ обильно развелись звѣри и дикія пчелы, привлекавшіе къ себѣ промышленниковъ изъ Рыльска и другихъ окрестныхъ городовъ. Но татарскіе набѣги мѣшали основываться здѣсь прочному поселенію несмотря на то, что недалеко отъ Курскаго городища въ XV в. явилась чудотвор-

ная икона, собиравшая къ себѣ много богомольцевъ. Наконецъ слухъ о чудесахъ отъ иконы, стоявшей въ малой хижинѣ среди пустыни, дошелъ до царя Ѳедора и онъ повелѣлъ въ 1597 г. на пустѣвшемъ 3¹/₂ столѣтїя городищѣ построить городъ. Слыша, что тотъ край исполненъ всякимъ довольствомъ, хлѣбомъ и звѣремъ и медомъ, много народа приходило изъ Мценска, Орла и другихъ окрестныхъ городовъ и селилось въ Курскъ и его уѣздѣ.

Одновременно съ укрѣпленными линїями устроилась ^{Сторожевая и станичная служба.} *сторожевая и станичная служба*, бывшая третьимъ и очень важнымъ оборонительнымъ средствомъ. Опишу ее, какъ она отправлялась около 1571 г., когда для ея упорядоченїя образована была особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ боярина кн. М. И. Воротынскаго, составившая уставъ той и другой службы. Изъ передовыхъ городовъ второй и частью третьей оборонительной линїи выдвигались въ разныхъ направленїяхъ на извѣстные наблюдательные пункты *сторожки и станицы* въ два, въ четыре и больше вонныхъ ратниковъ, дѣтей боярскихъ и казаковъ, наблюдать за движенїями въ степи ногайскихъ и крымскихъ татаръ, «чтобъ воинскїе люди на государевы украины безвѣстно войною не приходили». Наблюдательные пункты удалялись отъ городовъ дня на четыре или дней на пять пути. Передъ 1571 г. такихъ сторожекъ было 73 и онѣ образовали 12 цѣпей, сѣтью тянувшихся отъ р. Суры до р. Сейма и отсюда поворачивавшихъ на рр. Ворсклу и Сѣверный Донецъ. Сторожевые пункты отстояли одинъ отъ другого на день, чаще на полдня пути, чтобы возможно было постоянное сообщенїе между ними. Сторожки были *ближнія и дальнія*, называвшіяся по городамъ, изъ которыхъ онѣ выходили. Ближе къ Окѣ, въ заднемъ ряду, становились сторожки дѣдиловскїя, одна епифанская, мценскїя и новосильскїя, нагѣво

отъ нихъ—мещерскія, шацкія и ряжскія, направо—орловскія и карачевскія, южнѣе, далѣе въ степь—сосенскія (по р. Быстрой Соснѣ), отъ Ельца и Ливенъ, донскія, рыльскія, путивльскія и наконецъ—донецкія, самыя дальнія. Сторожа должны были стоять на своихъ мѣстахъ неподвижно, «съ коней не ссѣдая», преимущественно оберегая рѣчные броды, *перелазы*, гдѣ татары лазили черезъ рѣки въ своихъ набѣгахъ. Въ то же время станичники, по два человѣка, объѣзжали свои *урочища*, пространства, порученныя ихъ береженію, версты по шести, по десяти и по пятнадцати направо и налѣво отъ наблюдательнаго пункта. Высмотрѣвъ движеніе татаръ, станичники тотчасъ давали о томъ знать въ ближніе города, а сами, пропустивъ татаръ, *развѣзжамы*, рекогносцировали сакмы, которыми прошелъ непріятель, чтобы смѣтить его численность по глубинѣ конскихъ слѣдовъ. Была выработана цѣлая система передачи степныхъ вѣстей сторожами и станичниками. Капитанъ Маржеретъ говоритъ, что сторожа становились обыкновенно у большихъ одинокихъ степныхъ деревьевъ; одинъ изъ нихъ наблюдалъ съ вершины дерева, другіе кормили осѣдланыхъ лошадей. Замѣтивъ пылъ на степной сакмѣ, сторожъ садился на готоваго коня и скакалъ къ другому сторожевому дереву, сторожъ котораго, едва завидѣвъ скачущаго, скакалъ къ третьему и такъ далѣе. Такимъ образомъ вѣсть о непріятелѣ довольно быстро достигала украинскихъ городовъ и самой Москвы.

Тяжесть
борьбы.

Такъ шагъ за шагомъ отвоевывали степь у степныхъ разбойниковъ. Въ продолженіе всего XVI в. изъ году въ годъ тысячи пограничнаго населенія пропадали для страны, а десятки тысячъ лучшаго народа страны выступали на южную границу, чтобы прикрыть отъ плѣна и разоренія обывателей центральныхъ областей. Если представить себѣ, сколько времени и силъ матеріальныхъ и духовныхъ ггло

въ этой однообразной и грубой, мучительной погонѣ за лукавымъ степнымъ хищникомъ, едвали кто спросить, что дѣлали люди Восточной Европы, когда Европа Западная достигала своихъ успѣховъ въ промышленности и торговлѣ, въ обществѣ, въ наукахъ и искусствахъ.

Хозяйственное и военное устройство служилаго класса было согласовано какъ съ условіями внѣшней борьбы, такъ ^{вопросъ} ^{объ устрой-} ^{ствѣ служи-} ^{лаго класса.} и съ наличными экономическими средствами государства. Постоянныя внѣшнія опасности создали для московскаго правительства необходимость многочисленной вооруженной силы. По мѣрѣ того, какъ эта сила набиралась, возникалъ и все настойчивѣе требовалъ разрѣшенія вопросъ, какъ содержать эту вооруженную массу. Въ удѣльные вѣва содержаніе немногочисленнаго служилаго люда при княжескихъ дворахъ обезпечивалось тремя главными источниками. То были: 1) *денежное жалованье*, 2) *вотчины*, прибрѣтенію которыхъ служилыми людьми содѣйствовали князья, 3) *кормленія*, доходы съ извѣстныхъ правительственныхъ должностей, на которыя назначались служилые люди. Въ XV и XVI вв. эти удѣльные источники были уже недостаточны для хозяйственнаго обезпеченія все разрастающагося служилаго класса. Возникла настоятельная нужда въ новыхъ экономическихъ средствахъ. Но московское объединеніе сѣверной Руси не дало такихъ средствъ, не сопровождалось замѣтнымъ подъемомъ народнаго благосостоянія; торговля и промышленность не сдѣлали значительныхъ успѣховъ. Натуральное хозяйство продолжало господствовать. Успѣшнымъ собираніемъ Руси московскій государь-хозяинъ прибрѣлъ одинъ новый капиталъ: то были обширныя пространства земли пустой или жилой, населенной крестьянами. Только этотъ капиталъ онъ и могъ пустить въ оборотъ для обезпеченія своихъ служилыхъ людей. Съ дру-

гой стороны, свойства враговъ, съ которыми приходилось бороться Московскому государству, особенно татаръ, требовали быстрой мобилизаціи, постоянной готовности встрѣтить непріятели на границахъ. Отсюда естественно возникла мысль разсыпать служилыхъ людей по внутреннимъ, особенно по крайнимъ областямъ съ большей или меньшей густотой. смотря по степени ихъ нужды въ оборонѣ, сдѣлать изъ землевладѣльцевъ живую изгородь противъ степныхъ набѣговъ. Для этого и пригодились обширныя земельныя пространства, приобретенныя Московскимъ государствомъ. Такимъ образомъ земля сдѣлалась въ рукахъ московскаго правительства средствомъ хозяйственнаго обезпеченія ратной службы; служилое землевладѣніе стало основаніемъ системы народной обороны. Изъ этого соединенія народной обороны съ землевладѣніемъ выработалась *помѣстная система*. Эта система является въ исторіи русскаго общественнаго строя съ половины XV в. вторымъ кореннымъ фактомъ, вышедшимъ изъ территориальнаго расширенія Московскаго государства, считая первымъ фактомъ усиленный наборъ многочисленнаго служилаго класса. Въ нашей исторіи немного фактовъ, имѣющихъ такое значеніе въ образованіи государственнаго порядка и общественнаго быта, какое имѣла эта помѣстная система. Къ ея изученію мы и обращаемся.

Лекція XXXII.

Помѣстное землевладѣніе.—Мнѣнія о происхожденіи помѣстнаго права.—Происхожденіе помѣстнаго землевладѣнія.—Помѣстная система.—Ея правила.—Помѣстные и денежныя оклады.—Помѣстное верстаніе.—Прожитки.

Помѣстной системой мы называемъ порядокъ служилого, т. е. обязаннаго ратной службой землевладѣнія, установленнаго въ Московскомъ государствѣ XV и XVI в. Въ основаніи этого порядка лежало *помѣстье*. Помѣстьемъ въ Московской Руси назывался участокъ казенной или церковной земли, данный государемъ или церковнымъ учрежденіемъ въ личное владѣніе служилому человѣку подъ условіемъ службы, т. е. какъ вознагражденіе за службу и выгнѣть какъ средство для службы. Подобно самой службѣ это владѣніе было временнымъ, обыкновенно пожизненнымъ. Условнымъ, личнымъ и временнымъ характеромъ своимъ помѣстное владѣніе отличалось отъ *вотчины*, составлявшей полную и наследственную земельную собственность своего владѣльца.

Происхожденіе и развитіе помѣстнаго землевладѣнія—одна изъ самыхъ трудныхъ для изученія и самыхъ важныхъ по значенію вопросовъ въ исторіи русскаго права и государственнаго устройства. Понятно, что историки-юристы наши много занимались этимъ вопросомъ. Изъ высказан-

Помѣстное
землевла-
дѣніе.

Мнѣнія о
происхо-
жденіи по-
мѣстнаго
права.

ныхъ ими мнѣній приведу два наиболѣе авторитетныя. Неволинъ въ своей *Исторіи російскихъ гражданскихъ законовъ* допускаетъ существованіе такого условнаго землевладѣнія и даже правилъ для него до половины XV в., до княженія Ивана III. Но основанія помѣстнаго права, по его мнѣнію, являются только со времени этого великаго князя, когда входитъ въ употребленіе и самое слово *помѣстье*, и въ развитіи помѣстной системы изъ этихъ основаній Неволинъ считаетъ возможнымъ участіе греческаго вліянія, византійскаго государственнаго права, проводникомъ котораго въ московскую государственную жизнь былъ бракъ Ивана III съ греческой царевной. «По крайней мѣрѣ, говоритъ Неволинъ, слово *помѣстье* составлено по примѣру греческаго *τοπίου*: такъ назывались въ Византійской имперіи поземельные участки, которые были даваемы лицамъ отъ правительства подъ условіемъ воинской службы и переходили подъ тѣмъ же условіемъ отъ отца къ дѣтямъ». Но прилагательное отъ слова *помѣстье* является въ древнерусскомъ языкѣ раньше появленія царевны Софьи на Руси: въ окружномъ посланіи митрополита Іоны 1454 г. *помѣстными* называются удѣльные князья въ противоположность великимъ. Потому едва ли терминъ и понятіе русскаго помѣстья были подражаніемъ слову и институту византійскаго государственнаго права. Другой историкъ Градовскій, даетъ вопросу болѣе сложное рѣшеніе. Помѣстное владѣніе предполагаетъ верховнаго собственника, которому земля принадлежитъ какъ неотъемлемая собственность. Русская государственная жизнь въ первый періодъ нашей исторіи не могла-де выработать идеи такого верховнаго землевладѣльца: русскій князь того времени считался государемъ, но не владѣльцемъ земли. Понятіе о князѣ, какъ верховномъ землевладѣльцѣ, возникло только въ монголь-

скій періодъ. Русскіе князья, какъ представители власти хана, пользовались въ своихъ удѣлахъ правами, какія имѣлъ ханъ на всемъ подвластномъ ему пространствѣ. Поэтому русскіе князья унаслѣдовали отъ хана эти государственныя права въ свою полную собственность, и это наслѣдство поколебало начало частной собственности. Но Градовскій, какъ и Невоянъ, объясняя происхождение помѣстной системы, говоритъ собственно о происхожденіи *помѣстнаго права*, идеи помѣстнаго, условнаго владѣнія землей. Но право и основанная на немъ система общественныхъ отношеній—два совершенно различные исторические момента. Не входя въ разборъ спорнаго вопроса о происхожденіи права, останавливаю ваше вниманіе только на фактахъ, объясняющихъ развитіе системы.

Какъ и все въ Московскомъ государствѣ, помѣстное землевладѣніе возникло еще въ удѣльное время: оно имѣло свой первоначальный источникъ въ поземельномъ хозяйствѣ московскаго князя. Чтобы объяснить происхождение такого землевладѣнія, надобно припомнить опять составъ общества въ удѣльномъ княжествѣ. Мы видѣли, что при дворѣ удѣльнаго князя было два рода слугъ: 1) слуги *вольные*, военные, 2) слуги *дворные*, дворцовые, называвшіеся еще «слугами подъ дворскимъ». Слуги вольные составляли боевую дружину князя и служили ему по договору. Обязательства, какія они на себя принимали, не простирались на ихъ вотчины: служебныя отношенія слугъ вольныхъ были совершенно обособлены отъ отношеній поземельныхъ. Слуга вольный могъ покинуть князя, которому онъ служилъ, и перейти на службу къ другому князю, не теряя своихъ владѣльческихъ правъ на вотчину, находившуюся въ покинутомъ княжествѣ. Это раздѣленіе служебныхъ и поземельныхъ отношеній слугъ вольныхъ очень точно и на-

Происхожде-
ніе по-
мѣстнаго
землевла-
дѣнія.

стойчиво проведено въ договорныхъ грамотахъ князей удѣльнаго времени. Такъ въ договорѣ сыновей Калиты 1341 г. младшіе братья говорятъ старшему Семену: «а боярамъ и слугамъ вольнымъ воля; кто поѣдетъ отъ насъ къ тобѣ или отъ тебе къ намъ, недлюбя ны не держати». Это значить, что если слуга вольный покинетъ службу при дворѣ одного брата и перейдетъ къ другому, оставленный братъ не долженъ мстить за это покинувшему его слугѣ. Итакъ вольная служба не связывалась съ землевладѣніемъ. Слуги подъ дворскимъ, дворецкимъ, составляли хозяйственную службу князя. Эта служба, напротивъ, обыкновенно обуславливалась землевладѣніемъ. Слуги дворные были ключники, тиуны, разные дворцовые прикащики, псаря, конюхи, садовники, бортники и другіе ремесленники и рабочіе люди. Они рѣзко отличались отъ слугъ вольныхъ, военныхъ, и князья въ договорахъ обязывались не принимать ихъ, какъ и черныхъ людей, т. е. крестьянъ, въ военную службу. Одни изъ этихъ слугъ дворныхъ были лично свободные люди, другіе принадлежали къ холопамъ князя. Тѣмъ и другимъ удѣльный князь за ихъ службу или для обезпеченія исправнаго ея отбыванія давалъ участки земли въ пользованіе. Отношеніе такихъ слугъ къ князю по землѣ изображено въ духовной грамотѣ удѣльнаго князя серпуховскаго Владиміра Андреевича 1410 г. Князь-завѣщатель говоритъ здѣсь о своихъ дворовыхъ людяхъ, которымъ розданы были земли въ пользованіе, что кто изъ тѣхъ бортниковъ, садовниковъ, псарей не захочетъ жить на тѣхъ земляхъ, «инъ земли лишенъ, поди прочь, а сами сыну князю Ивану не надобѣ, на котораго грамоты полные не будетъ, а земли ихъ сыну князю Ивану». Люди, на которыхъ не было полной грамоты,—это слуги лично свободные, не холопы *полные*. Грамота князя Владиміра хочеть

сказать, что для тѣхъ и другихъ дворцовыхъ слугъ, какъ свободныхъ, такъ и холоповъ, пользованіе князей землей неразрывно связано было со службой по княжескому хозяйству. Даже лично-свободные слуги по своимъ дворцовымъ обязанностямъ становились неполноправными, не могли, напримѣръ, приобрѣтать земли въ полную собственность на вотчинномъ правѣ, на какомъ владѣли землей слуги вольные. Въ той же духовной князя Владиміра серпуховскаго мы читаемъ условіе: «а что мои ключники некупленные, а покупили деревни за моимъ ключемъ, сами ключники дѣтямъ моимъ не надобѣ, а деревни ихъ дѣтемъ моимъ, во чьемъ будутъ удѣлѣ». Значить, эти ключники были лично-свободные люди; служа князю, они покупали деревни въ его княжествѣ, т. е. приобрѣтали ихъ въ собственность; но эта собственность не признавалась полной: какъ скоро приобрѣтатели покидали службу при князѣ, они, несмотря на свою личную свободу, лишались купленныхъ ими деревень. Древнерусская юридическая норма «по ключу по сельскому холопъ», не лишая ихъ личной свободы, ограничивала ихъ право землевладѣнія. Такимъ образомъ различные роды службы при дворѣ удѣльнаго князя вознаграждались разными способами. Это было однимъ изъ отличій службы вольной отъ дворной. Вольные слуги получали отъ князя за свою службу *кормы* и *доводы*, т. е. доходныя административныя и судебныя должности: по договорнымъ грамотамъ князей тотъ слуга и признавался вольнымъ, «кто въ кормленьи бывалъ и въ доводѣ». Напротивъ слуги дворные не назначались на такія доходныя должности: служба ихъ вознаграждалась земельными дачами, только подъ условіемъ службы, или правомъ приобрѣтать земли куплей подъ тѣмъ же условіемъ. Съ половины XV в., съ московскимъ объединеніемъ сѣверной Руси,

произошли важныя перемѣны въ строе служилого класса. Во-первыхъ, служба слугъ вольныхъ, оставаясь военной, перестаетъ быть вольной, становится обязательной: они лишаются права покидать службу великому князю московскому и переѣзжать въ удѣлы, а тѣмъ паче за русскую границу. вмѣстѣ съ тѣмъ слугамъ военнымъ, переставшимъ быть вольными, московскій государь за ихъ службу даетъ земли на особенномъ правѣ, отличномъ отъ вотчиннаго. Въ первое время такія земли не назывались еще помѣстьями; но владѣніе ими отличалось уже условнымъ характеромъ. Такой характеръ особенно ясно обнаруживается въ одномъ замѣчаніи духовной грамоты вел. кн. Василія Темнаго 1462 г. Однимъ изъ усерднѣйшихъ боевыхъ слугъ этого князя въ борьбѣ съ Шемякой былъ нѣкто Федоръ Басенокъ. Мать вел. князя Софья Витовтовна дала этому Басенку два своихъ села въ Коломенскомъ уѣздѣ, предоставивъ сыну своему по смерти ея распорядиться этими селами. Сынъ въ своей духовной и пишетъ о селлахъ Басенка, что послѣ Басенкова живота тѣ села должны отойти къ его великой княгинѣ-женѣ. Значить, села, пожалованныя слугѣ вольному, даны были ему только въ пожизненное владѣніе: это—одинъ изъ признаковъ и признакъ существенный владѣнія помѣстнаго. Наконецъ, въ-третьихъ, дворцовая служба, въ удѣльные вѣка столь рѣзко отдѣлявшаяся отъ вольной, военной, съ половины XV в. стала смѣшиваться съ послѣдней, соединяться со службой ратной. Слуги дворные, какъ и бывшіе слуги вольные, одинаково стали зваться служилыми людьми московскаго государя и ходить въ походы наравнѣ съ ними. Тѣмъ и другимъ слугамъ правительство раздавало казенныя земли въ пользованіе совершенно на томъ же правѣ, на какомъ получали ихъ слуги дворные XIV в., только подъ условіемъ ратной слу-

збы, которой прежде не несли послѣдніе. Какъ скоро произошли эти перемѣны въ служебныхъ отношеніяхъ и въ служиломъ землевладѣніи, это землевладѣніе получило характеръ помѣстного. Земельныя дачи, обусловленные дворцовой и ратной службой бывшихъ вольныхъ и дворцовыхъ слугъ, и получили въ XV и XVI вв. названіе *помѣстій*.

Итакъ, повторю, помѣстное владѣніе развилось изъ зем- Помѣстная
система.
левладѣнія дворцовыхъ слугъ при удѣльныхъ князьяхъ и отличалось отъ этого землевладѣнія тѣмъ, что условливалось не только дворцовой, но и ратной службой. Это отличіе становится замѣтно съ половины XV в.: не раньше этого времени помѣстье получаетъ значеніе средства обезпеченія какъ дворцовой, такъ и ратной службы; впрочемъ тогда же оба эти рода службы сливаются, теряютъ юридическое различіе. Съ той поры возникаетъ юридическая идея помѣстья, какъ земельного участка, обезпечивающаго государственную службу служилого человѣка, ратную и дворцовую—безразлично. Съ этого же времени, т. е. со второй половины XV в., помѣстное землевладѣніе складывается въ стройную и сложную систему, вырабатываются точныя правила испомѣщенія, раздачи земель въ помѣстное владѣніе. Эти правила стали необходимы, когда правительство, создавъ усиленнымъ наборомъ многочисленную вооруженную массу, начало устроить ее содержаніе земельными дачами. Слѣды усиленной и систематической раздачи казенныхъ земель въ помѣстное владѣніе появляются уже во второй половинѣ XV в. До насъ дошла переписная книга Вотьской пятины Новгородской земли, составленная въ 1500 г. Въ двухъ уѣздахъ этой пятины, Ладожскомъ и Орѣховскомъ, встрѣчаемъ по этой книгѣ уже 106 московскихъ помѣщиковъ, на земляхъ которыхъ находилось около 3 тысячъ дворовъ съ 4 тысячами жившихъ въ

нихъ крестьянъ и дворовыхъ людей. Эти цифры показываютъ, какъ торопливо шло испомѣщеніе служилыхъ людей и какого развитія достигло московское помѣстное владѣніе на сѣверозападной окраинѣ государства, въ Новгородской землѣ въ теченіе какихъ-нибудь двадцати лѣтъ по завоеваніи Новгорода. Въ названныхъ уѣздахъ Вотьской пятины по указанной книгѣ едва ли не большая половина всей пахотной земли была уже во владѣніи помѣщиковъ, переведенныхъ изъ центральной Московской Руси. Слѣды такого же усиленнаго развитія помѣстнаго владѣнія встрѣчаемъ и въ центральныхъ уѣздахъ государства. Отъ первыхъ лѣтъ XVI в. сохранилось нѣсколько межевыхъ грамотъ, разграничивающихъ Московскій и ближайшіе къ нему уѣзды одинъ отъ другого. По границамъ этихъ уѣздовъ грамоты указываютъ рядомъ съ вотчинниками множество мелкихъ помѣщиковъ: это были дѣяки съ подъячими, псаря, конюхи, — словомъ тѣ же дворцовые слуги, которымъ въ XIV в. князья давали земли въ пользованіе за службу. Въ XVI в. служилые люди иногда испомѣщались одновременно цѣлыми массами. Наиболѣе извѣстный случай такого испомѣщенія относится къ 1550 году. Для разныхъ служебъ при дворѣ правительство тогда набрало изъ разныхъ уѣздовъ 1000 наиболѣе исправныхъ служилыхъ людей изъ городскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Служилымъ людямъ, которыхъ служба привязывала къ столицѣ, нужны были для хозяйственныхъ надобностей подмосковныя вотчины или помѣстья. Этой тысячѣ набранныхъ по уѣздамъ для столичной службы служилыхъ людей правительство и раздало помѣстья въ Московскомъ и ближайшихъ уѣздахъ, присоединивъ къ этой массѣ нѣсколько людей высшихъ чиновъ, бояръ и окольничихъ, у которыхъ не было подмосковныхъ. Размѣры помѣстныхъ участковъ были неодинаковы и соответствовали

чинамъ помѣщиковъ: бояре и окольнічіе получили по 200 четвертей пашни въ полѣ (300 десятинъ въ 3 поляхъ); дворяне и дѣти боярскіе городовые, раздѣленные на нѣсколько статей или разрядовъ, получили по 200, 150 и по 100 четвертей въ каждомъ полѣ. Такимъ образомъ 1078 служилымъ людямъ разныхъ чиновъ въ томъ году роздано было заразъ 176,775 десятинъ пашни въ 3 поляхъ. Вскорѣ послѣ завоеванія Казани правительство привело въ порядокъ помѣстное владѣніе и поземельную службу, составило списки служилыхъ людей съ раздѣленіемъ ихъ на статьи по размѣрамъ помѣстнаго владѣнія и по окладамъ денежнаго жалованья, которое съ того же времени приведено было въ правильное соотношеніе съ размѣромъ ратной службы. До насъ дошли отрывки этихъ списковъ, составленныхъ около 1556 г. Здѣсь при имени каждаго служилаго лица обозначено, сколько у него вотчины и помѣстья, съ какимъ числомъ дворовыхъ людей обязанъ онъ являться на службу и въ какомъ вооруженіи и какъ великъ назначенный ему окладъ денежнаго жалованья. Съ этого времени помѣстное владѣніе и является стройной и сложной системой, основанной на точно опредѣленныхъ и постоянныхъ правилахъ. Изложу въ схематическомъ видѣ основанія этой системы, какъ они установились къ началу XVII в.

Поземельнымъ устройствомъ и всѣми поземельными отношеніями служилыхъ людей завѣдывало особое центральное учрежденіе, *Помѣстный* приказъ, какъ приказъ *Разрядный* завѣдывалъ ихъ военно-служебными отношеніями, насколько тѣ и другія отношенія были тогда разграничены. Служилые люди владѣли землей *по мѣсту* службы, какъ и служили *по мѣсту*, гдѣ владѣли землей: такъ можно понимать слово *помѣстье*, каково бы ни было происхожденіе этого термина, и кажется, такъ же понимали его у насъ

Правила
системы.

и въ старину. Служба привязывала служилыхъ людей либо къ столицѣ, либо къ нѣвѣстной области. Поэтому и служилые люди раздѣлялись на два разряда: къ первому принадлежали высшіе чины, служившіе «съ Москвы», а также *выборъ* изъ городовъ, о которомъ у насъ уже была рѣчь. Второй разрядъ составляли низшіе чины, служившіе «изъ городовъ», городовые или уѣздные дворяне и дѣти боярскіе. Московскіе чины кромѣ помѣстій и вотчинъ въ дальнихъ уѣздахъ должны были имѣть по закону подмосковныя дачи. Городовые дворяне и дѣти боярскіе получали помѣстья преимущественно тамъ, гдѣ служили, т. е. гдѣ должны были защищать государство, образуя мѣстную землевладѣльческую милицію. Служебныя обязанности служилаго человѣка падали не только на его помѣстье, но и на вотчину; слѣдовательно служба была не помѣстная, а поземельная. Въ половинѣ XVI в. была точно опредѣлена самая мѣра службы съ земли, т. е. тяжесть ратной повинности, падавшей на служилаго человѣка по его землѣ. По закону 20 сентября 1555 г. съ каждаго 100 четей доброй, угожей пашни въ полѣ, т. е. со 150 десятинъ доброй пахотной земли долженъ былъ являться въ походъ одинъ ратникъ «на конѣ и въ доспѣхѣхъ полномъ», а въ дальній походъ съ двумя конями. Землевладѣльцы, у которыхъ было больше 100 четвертей пашни въ помѣстьяхъ и вотчинахъ, выводили съ собой въ походъ или выставляли, если не шли сами, соразмѣрное пашнѣ количество вооруженныхъ дворовыхъ людей. Помѣстные оклады или надѣлы назначались «по отечеству и по службѣ», по родовитости служилаго лица и по качеству его службы, а потому были очень разнообразны. Притомъ *новиту*, начинавшему службу, обыкновенно давали не весь окладъ сразу, а только часть его, дѣлая потомъ прибавки по службѣ. Поэтому *оклады* отличались отъ *дачъ*. Размѣры тѣхъ и

другихъ опредѣлялись различными условіями. Оклады были прямо пропорціональны чинамъ: чѣмъ выше чинъ служилаго человѣка, тѣмъ крупнѣе его помѣстный окладъ. Размѣръ дачи обусловливался размѣромъ вотчины и продолжительностью службы; дачи были обратно пропорціональны вотчинамъ: чѣмъ значительнѣе была вотчина у служилаго человѣка, тѣмъ меньше его помѣстная дача, ибо помѣстье было собственно подспорьемъ или замѣной вотчины. Наконецъ, и къ окладу, и къ дачѣ дѣлались *придачи* по продолжительности и исправности службы. Всѣ эти условія схематически можно выразить такъ: *окладъ по чину, дача по вотчинѣ и служебному возрасту, придача и къ окладу, и къ дачѣ—по количеству и качеству службы.*

Таковы общія черты помѣстной системы. Обращаясь къ Помѣстные
оклады. подробностямъ, находимъ указанія, что люди высшихъ чиновъ, бояре, окольниковѣе и думные дворяне, получали помѣстья отъ 800 до 2000 четвертей (1200—3000 десятинъ), стольники и дворяне московскіе—отъ 500 до 1000 четв. (750—1500 дес.) Въ царствованіе Михаила состоялся законъ, запрещающій назначать стольникамъ, стряпчимъ и дворянамъ московскимъ помѣстные оклады свыше 1000 четвертей. Оклады провинціальныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ были еще разнообразнѣе въ зависимости отъ чиновъ, продолжительности службы, густоты служилаго населенія и запаса удобныхъ для испомѣщенія земель въ томъ или другомъ уѣздѣ: напримѣръ, въ Коломенскомъ уѣздѣ по книгѣ 1577 г. низшій окладъ—100 четвертей, высшій—400 ; 100 четей, какъ мы видѣли, признавались мѣрою, какъ бы единицей измѣренія служебной повинности служилаго человѣка. Если по той же книгѣ высчитать средній окладъ коломенскаго служилаго человѣка, получимъ 289 десятинъ пашни; но въ Рязскомъ уѣздѣ, который имѣлъ болѣе густое слу-

жилое населеніе, средній окладъ понижается до 166 десятинъ. Впрочемъ размѣръ помѣстнаго оклада имѣлъ очень условное, даже фиктивное хозяйственное значеніе: помѣстныя дачи далеко ему не соотвѣтствовали. По коломенской книгѣ 1577 г. первому по списку сыну боярскому, какъ наиболѣе исправному, назначенъ высшій окладъ въ 400 четв. пашни, а на дѣлѣ въ принадлежавшихъ ему коломенскихъ помѣстьяхъ числилось дѣйствительной пашни только 20 четей, да «перелогу и лѣсомъ поросло»—229 четей. Пашня запускалась подъ перелогъ и даже подъ кустарь и лѣсъ по недостатку хозяйственныхъ средствъ, инвентаря и рабочихъ рукъ у землевладѣльца, но и тогда она принималась въ счетъ пахотнаго надѣла при назначеніи помѣстнаго оклада и при расчетѣ отношенія помѣстнаго оклада къ дачѣ. Переступимъ нѣсколько за предѣлы изучаемаго времени, чтобы нагляднѣе видѣть разницу между окладами и дачами. По книгѣ Бѣлевскаго уѣзда 1622 г. значится 25 чел. *выбора*, составлявшаго высшій разрядъ уѣздныхъ служилыхъ людей: это были наиболѣе состоятельные и исправные служилые люди уѣзда, получавшіе высшіе помѣстные оклады и дачи. Оклады бѣлевскимъ выборнымъ дворянамъ по той книгѣ назначены были въ размѣрѣ отъ 500 до 850 четей. Окладное количество земли, назначенной этимъ дворянамъ, достигаетъ 17,000 четвертей (25,500 дес.); между тѣмъ въ дачахъ, т. е. въ дѣйствительномъ владѣніи за ними состояло только 4133 чети (6200 дес.). Значитъ, дачи составляли только 23 % окладнаго назначенія. Возьмемъ еще книги двухъ уѣздовъ, входившихъ въ одну хозяйственную полосу съ Бѣлевскимъ, чтобы видѣть, какъ при одинаковыхъ или сходныхъ географическихъ и хозяйственныхъ условіяхъ разнообразились и помѣстныя дачи: среднее помѣстье въ дачѣ для всѣхъ городовыхъ дѣтей боярскихъ Бѣлевскаго

уѣзда—150 десятинъ, Елецкаго—123 десятины, Мценскаго—68 дес. Наконецъ изъ книгъ тѣхъ же уѣздовъ можно видѣть отношеніе землевладѣнія вотчиннаго къ помѣстному по крайней мѣрѣ въ тѣхъ же верхне-окскихъ уѣздахъ: вотчины составляли въ Бѣлевскомъ уѣздѣ 24 % всего служилаго городского землевладѣнія, въ Мценскомъ 17 %, въ Елецкомъ 0, 6 %, а въ Курскомъ, прибавимъ, даже 0, 14, тогда какъ въ Коломенскомъ уѣздѣ, если судить только по одному Большому стану, за коломничанами и дѣтьми боярскими другихъ городовъ значилось по писцовой книгѣ 1577 г. вотчинъ 39 % всего служилаго городского землевладѣнія, не считая того, чѣмъ владѣли тамъ церковныя учрежденія и люди высшихъ столичныхъ чиновъ. Итакъ, чѣмъ далѣе на югъ, въ глубь степи, тѣмъ болѣе вотчинное владѣніе отступало передъ помѣстнымъ. Запомнимъ этотъ выводъ: онъ объяснитъ намъ многое при изученіи общественаго склада и экономическихъ отношеній въ южныхъ и центральныхъ уѣздахъ государства.

Къ окладу помѣстному обыкновенно присоединялся денежный въ извѣстной пропорціи. О денежномъ жалованьи служилымъ людямъ говорить уже Герберштейнъ, извѣстія котораго относятся ко времени отца Грознаго; возможно, что это подспорье помѣстной службѣ дѣлалось и раньше, еще при дѣдѣ Грознаго. Размѣры денежныхъ окладовъ зависѣли отъ тѣхъ же условій, какими опредѣлялись оклады помѣстные; поэтому должно было существовать извѣстное отношеніе между тѣми и другими. По документамъ XVI в. трудно уловить это отношеніе; но въ XVII в. оно становится замѣтно. По крайней мѣрѣ въ спискахъ служилыхъ людей того вѣка встрѣчаемъ замѣчаніе, что извѣстному человѣку «справленъ помѣстный окладъ противъ денежнаго жалованья». Тогда же установилось правило увеличивать денеж-

Оклады
денежные.

ный окладъ въ связи съ помѣстнымъ: «денежная придача безъ помѣстные не бываетъ». Приказный человекъ половины XVII в. Котошихинъ говоритъ, что денежный окладъ назначался по рублю на каждыя пять четей оклада помѣстнаго. Впрочемъ по документамъ видно, что эта пропорція и тогда не поддерживалась неизмѣнно. И денежные оклады, подобно помѣстнымъ, не всегда соответствовали дѣйствительнымъ дачамъ, были связаны съ характеромъ и ходомъ самой службы. Люди высшихъ чиновъ, постоянно занятые столичной службой или ежегодно мобилизуемые, получали назначенные имъ денежные оклады сполна и ежегодно; напротивъ, дѣти боярскіе городовые получали его во время Герберштейна черезъ два года въ третій, по Судебнику 1550 г. или въ третій же или въ четвертый годъ, а одинъ московскій памятникъ начала XVII в. замѣчаетъ, что городовымъ дѣтямъ боярскимъ, когда службы нѣтъ, даютъ денежное жалованье разъ въ пять лѣтъ и даже рѣже. Вообще денежное жалованье, какъ воспособленіе къ помѣстнымъ доходамъ, выдавалось служилымъ людямъ, когда надобно было поставить ихъ на ноги, приготовить къ походу. При ослабленіи служебной тягости денежный окладъ выдавался съ убавкой, напримѣръ, наполовину, «вполы», а то и вовсе не выдавался, если служилый человекъ занималъ должность, дававшую ему доходъ или освобождавшую его отъ исполненія ратной повинности. О служилыхъ людяхъ высшихъ чиновъ, получавшихъ ежегодное жалованье, въ книгахъ писалось, что они «емлютъ жалованье изъ чети», а о низшихъ городовыхъ—«емлютъ жалованье съ городомъ». Подъ *четями* разумѣлись финансовые приказы, между которыми распределено было денежное содержаніе служилыхъ людей. То были чети Устюжская, Галицкая, Владимірская, Костромская, Новгородская. Получали жалованье «съ горо-

домъ» городовые дѣти боярскіе, когда нужно было подгото-
вить ихъ къ мобилизаціи.

Уже въ XVI в. дворянская служба становилась сослов-
ной и наслѣдственной повинностью. По Судебнику 1550 г. Помѣстное
верстаніе.
отъ этой повинности свободны были только тѣ дѣти бояр-
скіе и ихъ сыновья, еще не поступившіе на службу, кото-
рыхъ отставлялъ отъ службы самъ государь. Тогда же
установился и порядокъ передачи этой повинности отъ
отцовъ дѣтямъ. Помѣшники, служившіе съ помѣстій и вот-
чинъ, если онѣ были, держали при себѣ до возраста и
готовили къ службѣ своихъ сыновей. Дворянинъ XVI в.
начиналъ свою службу обыкновенно съ 15 лѣтъ. До этого
онъ числился въ *недоросляхъ*. Поспѣвъ на службу и запи-
санный въ служилый списокъ, онъ становился *новикомъ*.
Тогда его, смотря по первымъ служебнымъ опытамъ, *вер-*
стали помѣстьемъ, а по дальнѣйшимъ успѣхамъ и денеж-
нымъ окладомъ *новичнымъ*, къ которому потомъ бывали
придачи за службу, покуда новикъ не становился настоя-
щимъ служилымъ человекомъ съ полнымъ *свершениымъ*
окладомъ денежнаго жалованья. Верстаніе новиковъ было
двойное: въ *отводь* и въ *припускъ*. Старшихъ сыновей,
поспѣвавшихъ на службу, когда отецъ еще сохранялъ силы
служить, вертали въ отводъ, отдѣляли отъ отца, надѣляя
ихъ особыми помѣстьями; одного изъ младшихъ, который
поспѣвалъ на службу, когда отецъ уже дряхлѣлъ, припу-
скали къ нему въ помѣстье, какъ замѣстителя, который по
смерти отца вмѣстѣ съ землей долженъ былъ наслѣдовать
и его служебныя обязанности; обыкновенно онъ еще при
жизни отца ходилъ за него въ походы, «служилъ съ
отцова помѣстья». Иногда нѣсколько сыновей владѣли
совмѣстно отцовымъ помѣстьемъ, имѣя въ немъ свои
выти, доли.

Прожиткв. Таковы были главные правила помѣстнаго верстанія. Съ теченіемъ времени выработались мѣры для обезпеченія семействъ, остававшихся послѣ служилыхъ людей. Когда умиралъ служилый человѣкъ, его помѣстье уже въ XVI в. нерѣдко оставляли за недорослями-сиротами, если не было неверстанаго взрослого сына, которому вмѣстѣ съ отцовымъ помѣстьемъ по смерти отца передавали и попеченіе о малолѣтнихъ братьяхъ и сестрахъ. Но изъ помѣстья выдѣлялись извѣстныя доли *на прожитокъ* (пенсію) вдовѣ и дочерямъ умершаго, вдовѣ до смерти, вторичнаго замужства или до постриженія, дочерямъ до 15 лѣтъ, когда онѣ могли выйти замужъ: въ 1556 г. было указано «больше 15 лѣтъ за дѣвками помѣстья не держать». Но если къ тому сроку у дѣвицы подыскивался женихъ изъ служилыхъ же людей, она могла справиться за нимъ своей прожитокъ. Такъ въ служилой семьѣ всѣ дѣти служили: достигнувъ призывнаго возраста, сынъ—на коня защищать отечество, дочь—подъ вѣнецъ готовить резервъ защитниковъ. Размѣръ прожитковъ зависѣлъ отъ рода смерти покидавшаго пенсіонерокъ помѣщика. Если онъ умиралъ дома своей смертью, вдовѣ его выдѣлялось 10% изъ его помѣстья, дочерямъ по 5%; если онъ былъ убитъ на походѣ, эти оклады прожитковъ удвоились.

Таковы главные основанія помѣстной системы. Теперь изучимъ ея дѣйствіе.

Лекція ХХІІІ.

Ближайшія слѣдствія помѣстной системы.—I. Вліяніе помѣстного принципа на вотчинное землевладѣніе. Мобилизація вотчинъ въ XVI в.—II. Помѣстная система, какъ средство искусственнаго развитія частнаго землевладѣнія.—III. Образование уѣздныхъ дворянскихъ обществъ.—IV. Появленіе служилаго землевладѣльческаго пролетаріата.—V. Неблагопріятное вліяніе помѣстного землевладѣнія на города.—VI. Вліяніе помѣстной системы на судьбу крестьянъ.

Я изложилъ основанія помѣстной системы въ томъ видѣ, каковой она приняла къ началу XVII в. Развитие этой системы служилаго землевладѣнія сопровождалось разнообразными и важными послѣдствіями, которыя сильно чувствовались въ государственномъ и народно-хозяйственномъ быту не только древней, но и новой Руси, чувствуются еще и доселѣ. Въ нашей исторіи очень немного фактовъ, которые производили бы болѣе глубокой переворотъ какъ въ политическомъ складѣ, такъ и въ хозяйственномъ быту общества. Я перечислю теперь только ближайшія изъ этихъ послѣдствій, которыя успѣли обнаружиться уже къ концу XVI в.

I. Помѣстное землевладѣніе измѣнило юридическій характеръ и землевладѣнія вотчиннаго. Пережъна эта была произведена распространеніемъ на вотчинное землевладѣніе принципа, на которомъ построено было землевладѣніе помѣстное.

Помѣстье и
вотчина.

Въ удѣльное время, какъ мы видѣли, государственная служба, точнѣе, вольная служба при дворѣ князя не была связана съ землевладѣніемъ. Поземельныя отношенія боярина и вольнаго слуги строго отдѣлялись отъ его личныхъ служебныхъ отношеній къ князю; вольный слуга могъ служить въ одномъ удѣлѣ и владѣть землею въ другомъ. Этимъ строгимъ раздѣленіемъ поземельныхъ и служебныхъ отношеній въ удѣльные вѣка условливалось тогдашнее государственное значеніе земли. Тогда земля платила, несла тягло; служили только лица. Это правило примѣнялось такъ послѣдовательно, что бояре и вольные слуги, покупавшіе земли черныхъ людей, т. е. крестьянъ, жившихъ на казенной княжеской землѣ, обязаны были тянуть тягло вмѣстѣ съ крестьянами, а въ противномъ случаѣ теряли купленные земли, которыя возвращались чернымъ людямъ даромъ. Точно такъ же барская папша, которую служилый землевладѣлецъ пахалъ на себя своими дворовыми людьми, подлежала общимъ поземельнымъ повинностямъ, и только со второй половины XVI в. часть ея, пропорціонально помѣстному окладу владѣльца, *объялась*, освобождалась отъ тягла. Въ томъ и другомъ случаѣ привилегированное положеніе служилаго землевладѣльца по службѣ не отражалось на его землевладѣніи. Теперь служба связалась съ землею, т. е. служебныя повинности распредѣлялись на лица по землѣ. Поэтому теперь рядомъ съ землей *платящей* явилась земля *служащая* или, говоря точнѣе, земля платящая въ рукахъ служилаго челоуѣка становилась и землей служащей. Благодаря этому соединенію службы съ землею произошла двоякая перемѣна въ вотчинномъ землевладѣніи: 1) стѣснено было право приобрѣтенія вотчинъ, т. е. ограниченъ былъ кругъ лицъ, имѣвшихъ это право; 2) стѣснено было право распоряженія вотчинами. Какъ скоро государственная служба, какъ повинность, стала падать на

лица по землѣ, утвердилась мысль, что кто служить, тотъ долженъ имѣть землю. На этой мысли и была построена помѣстная система. Прямымъ послѣдствіемъ этой мысли было другое правило: кто владѣетъ землей, тотъ долженъ служить. Въ удѣльное время право земельной собственности принадлежало на Руси всѣмъ свободнымъ классамъ общества; но какъ скоро восторжествовало указанное правило, внесенное принципомъ помѣстнаго владѣнія, землевладѣніе на личномъ вотчинномъ правѣ должно было стать привилегіей служилыхъ лицъ. Вотъ почему въ Московскомъ государствѣ XVI в. мы уже не встрѣчаемъ въ гражданскомъ обществѣ землевладѣльцевъ вотчинниковъ, которые бы не принадлежали къ служилому классу. Вотчины церковныя не были личной собственностью, а принадлежали церковнымъ учрежденіямъ; впрочемъ и они отбывали ратную повинность черезъ своихъ церковныхъ слугъ, которые подобно государевымъ служилымъ людямъ получали помѣстья отъ этихъ учреждений. Итакъ кто владѣлъ землей въ Московскомъ государствѣ на вотчинномъ правѣ, тотъ долженъ былъ служить или переставалъ быть земельнымъ вотчинникомъ. Далѣе, ограничено было право распоряженія вотчинами. На вотчинное землевладѣніе налагалась служебная повинность въ одинаковой степени, какъ и на землевладѣніе помѣстное. Слѣдовательно, вотчиной могло владѣть только лицо, физическое или юридическое, способное нести военную службу лично или черезъ своихъ вооруженныхъ слугъ. Отсюда законъ сталъ ограничивать право распоряженія вотчинами, чтобы помѣщать ихъ переходу въ руки, неспособныя къ службѣ, или помѣщать ихъ выходу изъ рукъ способныхъ, т. е. предотвратить ослабленіе служебной годности служилыхъ фамилій. Это стѣсненіе коснулось права отчужденія и права завѣщанія вотчинъ, именно родовыхъ, т. е. наслѣд-

ственныхъ, а не благопріобрѣтенныхъ. Государство старалось обезпечить и поддержать служебную годность не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ служилыхъ фамилій. Отсюда и вытекали ограниченія, какимъ подвергалось право отчужденія и завѣщанія родовыхъ вотчинъ. Эти ограниченія наиболѣе полно изложены въ двухъ законахъ 1562 и 1572 г. Оба эти указа ограничивали право отчужденія вотчинъ княжескихъ и боярскихъ. Князья и бояре по этимъ законамъ не могли продавать, мѣнять, вообще какимъ-либо образомъ отчуждать свои старинныя наследственные вотчины. На дѣлѣ допускались случаи, въ которыхъ вотчинники могли продавать свои родовыя вотчины, впрочемъ ни въ какомъ случаѣ не болѣе половины; но это дозволенное отчужденіе стѣснялось правомъ выкупа родовыхъ вотчинъ родичами. Это право опредѣлено уже въ Судебникѣ царя Ивана и въ дополнительныхъ къ нему указахъ. Отчужденіе родовыхъ вотчинъ обуславливалось молчаливымъ согласіемъ родичей. Вотчинникъ, продавая родовую вотчину, отказывался отъ права выкупать ее за себя и за своихъ нисходящихъ потомковъ. Боковые родственники, подписываясь свидѣтелями на купчей, этимъ самымъ отказывались отъ права выкупа проданной вотчины; но это право сохранялось за остальными родичами, которые не давали своихъ подписей на купчей: они могли выкупить проданную вотчину въ продолженіе 40 лѣтъ. Притомъ родичъ, выкупившій свою родовую вотчину, лишался уже права дальнѣйшаго отчужденія ея въ чужой родъ, а былъ обязанъ передавать ее путемъ продажи или завѣщанія только членамъ своей фамиліи. Еще болѣе стѣснено было наследованіе родовыхъ вотчинъ. Вотчинникъ могъ отказать свою вотчину нисходящимъ потомкамъ или за неимѣніемъ ихъ ближайшимъ боковымъ родичамъ, разумѣя подъ послѣдними степени родства, не допускающія

брака; но право завѣщанія, какъ и право наслѣдованія по закону, ограничено было немногими поколѣніями, именно могло простирается только до четвертаго колѣна, т. е. не далѣе боковыхъ внучатъ: «а далѣ внучать вотчинъ не отдавать роду». Вотчинникъ могъ отказать свою вотчину или только часть вотчины, если она была крупная, своей женѣ, но только на прожитокъ, во временное владѣніе, не предоставляя ей права дальнѣйшаго распоряженія; по прекращеніи этого владѣнія завѣщанное отходить къ государю, а душу вдовы «велить государь изъ своая казны устроить». Наконецъ, закономъ 1572 г. запрещено было вотчинникамъ отказывать свои вотчины «по душѣ» въ большіе монастыри, «гдѣ вотчинъ много». Благодаря этимъ отъсненіямъ вотчинное землевладѣніе значительно приблизилось къ землевладѣнію помѣстному. Какъ легко замѣтить, всѣ изложенныя ограниченія вызваны были двумя цѣлями: поддержать служебную годность служилыхъ фамилій и не допускать перехода служилыхъ земель въ руки, неспособныя къ службѣ или непривычныя къ ней. Последняя цѣль прямо высказывалась въ указахъ XVI в., ограничивавшихъ право завѣщанія. Эти указы оправдывали налагаемыя ими отъсненія тѣмъ, чтобы «въ службѣ убытка не было и земля бы изъ службы не выходила». Таково было первое послѣдствіе помѣстной системы, отразившееся на юридическомъ значеніи вотчиннаго землевладѣнія. Вотчина подобно помѣстью переставала быть полной частной собственностью и становилась владѣніемъ обязаннымъ, условнымъ.

Впрочемъ надо оговориться, что это ограниченіе правъ вотчиннаго землевладѣнія не было исключительнымъ дѣломъ землевладѣнія помѣстнаго: по крайней мѣрѣ едвали не большая часть княжескихъ вотчинъ XVI в. подверглась дѣйствію еще другого условія, ограничивавшаго также эти права.

Мобилиза-
ція вот-
чинъ.

Послѣдніе ускоренные шаги государственнаго объединенія Московской Руси произвели въ средѣ служилыхъ князей и значительной части нетитулованныхъ бояръ быструю мобилизацію земельной собственности. Въ этомъ движеніи участвовали не одни государственные расчеты московскаго правительства, но и хозяйственные побужденія самихъ служилыхъ землевладѣльцевъ. Тогда во множествѣ исчезали вотчины, владѣемые изстари, унаслѣдованныя отъ отцовъ и дѣдовъ, во множествѣ стали являться вотчины новыя, недавно купленныя, вымѣненныя, чаще всего пожалованныя. Благодаря этому движенію юридическое понятіе о частной гражданской вотчинѣ, завязавшееся въ періодъ удѣльнаго дробленія Руси или унаслѣдованное отъ предыдущихъ вѣковъ, но еще не успѣвшее устояться, укрѣпиться при недавнемъ господствѣ родового владѣнія,—теперь это понятіе снова замутилось и поколебалось. Причина этого колебанія оказалась и въ законѣ 1572 г., въ которомъ отъ старинныхъ вотчинъ боярскихъ отличены вотчины «государскаго данья», т. е. жалованныя государемъ, и объ нихъ постановлено, что въ случаѣ бездѣтной смерти владѣльца съ ними должно поступать, какъ обозначено въ жалованной грамотѣ: если грамота утверждаетъ вотчину за бояриномъ съ правомъ передачи женѣ, дѣтямъ и роду, такъ и поступать; если же въ грамотѣ вотчина написана только самому боярину лично, то по смерти его она возвращается къ государю. Впрочемъ и это условіе имѣло нѣкоторую внутреннюю связь съ помѣстнымъ землевладѣніемъ, вытекало изъ соображеній или интересовъ государственной службы. Оба условія вели къ тому, что вотчина подобно помѣстью переставала быть полной частной собственностью и становилась владѣніемъ обязательнымъ, условнымъ.

II. Помѣстное землевладѣніе стало средствомъ искус-<sup>Искусствен-
ное разви-
тіе частнаго
землевл-
дѣнія.</sup> ственнаго развитія частнаго землевладѣнія на Руси. Огромное количество казенной земли роздано было служилымъ людямъ на помѣстномъ правѣ. При настоящей обработкѣ исторіи русскаго землевладѣнія нельзя опредѣлить точно количественное отношеніе помѣстныхъ земель къ вотчиннымъ ни въ XVI, ни въ XVII вв. Можно только догадываться, что уже къ концу XVI в. помѣстное землевладѣніе количественно намного превосходило вотчинное. Даже тамъ, гдѣ можно предполагать давнее и усиленное развитіе вотчиннаго землевладѣнія, оно въ первой половинѣ XVII в. уступало помѣстному: въ Московскомъ уѣздѣ по книгамъ 1623—24 г. за помѣщиками числилось 55% всей служилой земли, тамъ значившейся. Опираясь на это данное, сдѣлаю нѣсколько фантастическій расчетъ, имѣющій значеніе не историческаго вывода, а только методологическаго приѣма, помогающаго воображенію представить хотя приблизительные размѣры изучаемаго факта. Я уже приводилъ извѣстіе лѣтописи о 300 тысячахъ ратниковъ, собранныхъ царемъ Иваномъ подъ Старицей въ концѣ войны съ королемъ Баторіемъ. Въ этой массѣ навѣрное было не мало людей даточныхъ, рекрутовъ изъ неслужилыхъ классовъ; поэтому убавимъ ее на одну треть. За каждымъ служилымъ ратникомъ въ походѣ предполагалось по закону 150 дес. пашни, не считая луговой земли. Знаемъ также, что среди провинціальнаго дворянства вотчины встрѣчались очень рѣдко; да не особенно богато было ими и дворянство столичное, даже большинство боярства. Потому въ составѣ 30 миліоновъ пахотной земли, которые можно предполагать за 200-тысячною ратью, собранной подъ Старицей, помѣстной земли можно считать гораздо болѣе половины. При тогдашней территоріи Московскаго государства и особенно при тогдашнихъ

размѣрахъ дѣсной площади на ней можно по такому примѣрному расчету представить себѣ, какое относительно огромное количество угодий пашни путемъ испомѣщенія перешло къ служилымъ людямъ къ концу XVI в., т. е. во 100 лѣтъ съ чѣмъ-нибудь. Желательно было бы хотя приблизительно рассчитать, сколько сельскихъ рабочихъ силъ занимало все это количество земли, перешедшей къ служилымъ владѣльцамъ. Обратимся опять къ извѣстіямъ XVII в. Самъ Котошихинъ отказывается даже приблизительно смѣтять, сколько было крестьянъ за всѣми служилыми людьми его времени; онъ только говоритъ, что за иными боярами было по 10, по 15 и болѣе тысячъ крестьянскихъ дворовъ. Но онъ приводитъ нѣсколько цифръ, помогающихъ выясненію дѣла. По его словамъ, казенныхъ и дворцовыхъ земель въ царствованіе Алексѣя оставалось уже немного: казенныхъ или черныхъ не болѣе 20 тысячъ, дворцовыхъ не болѣе 30 т. крестьянскихъ дворовъ. Всѣ остальные населенныя земли находились уже въ частномъ владѣніи; изъ нихъ за церковными властями, патриархомъ и епископами, числилось 35 т. дворовъ, за монастырями около 90 т. Но по переписнымъ книгамъ 1678—79 гг. всѣхъ крестьянскихъ дворовъ числилось 750 тыс. или нѣсколько болѣе; исключивъ 175 т. дворовъ церковныхъ, казенныхъ и дворцовыхъ, за служилыми людьми всѣхъ чиновъ можно считать около 575 т., т. е. болѣе $\frac{3}{4}$ всего количества крестьянскихъ дворовъ. Для насъ теперь не важно, сколько считалось помѣстныхъ и сколько вотчинныхъ крестьянъ во время Котошихина и по переписи 1678—79 гг. Во второй половинѣ XVII в. уже завершался давно начавшійся двусторонній процессъ превращенія помѣстій въ вотчины и сліянія помѣстій съ вотчинами. Во-первыхъ, помѣстное владѣніе постепенно прямо превращалось въ вотчинное посредствомъ выслуги. Важныя государствен-

ныя заслуги, оказанныя служилымъ лицомъ, награждались тѣмъ, что извѣстная доля его помѣстнаго оклада обыкновенно 20 0/0, жаловалась ему въ вотчину. Кромѣ того разрѣшалось помѣщикамъ покупать у казны помѣстныя земли въ вотчину. Рядомъ съ этими отдѣльными переходами одного вида землевладѣнія въ другой шло постепенное общее сляніе обоихъ видовъ. Если начала помѣстнаго владѣнія проникали въ вотчинное, то и помѣстье воспринимало особенности вотчины. Землю, недвижимость, заставляли исполнять роль денегъ, замѣнять денежное жалованье за службу. Поэтому помѣстье вопреки своей юридической природѣ личнаго и временнаго владѣнія стремилось стать фактически наслѣдственнымъ. По устанавливавшемуся уже въ XVI в. порядку верстанія и испомѣщенія помѣстье либо дѣлилось между всѣми сыновьями помѣщика, либо справлялось только за младшими, въ службу послѣвшими, либо переходило къ малолѣтнимъ дѣтямъ въ видѣ прожитка. Еще отъ 1532 года сохранилась духовная, въ которой завѣщатель проситъ душеприкащиковъ ходатайствовать о передачѣ его помѣстья его женѣ и сыну, а въ одной духовной 1547 г. братья-наслѣдники наравнѣ съ вотчиной отца подѣлили между собой и его помѣстье. Законъ 1550 г., испомѣщая подь Москвой извѣстную тысячу служилыхъ людей, установилъ, какъ правило, переходъ подмосковнаго помѣстья отъ отца къ сыну, годному къ службѣ. Бывали случаи и менѣе прямого наслѣдованія: одно помѣстье перешло отъ отца къ сыну, послѣ котораго оно было справлено за его матерью, а послѣ нея досталось ей внуку. Съ начала XVII в. помѣстья иногда прямо завѣщаются женамъ и дѣтямъ, какъ вотчины, а при царѣ Михаилѣ былъ узаконенъ переходъ помѣстья въ родъ въ случаѣ бездѣтной смерти помѣщика. Отсюда уже при Михаилѣ появляется въ указахъ совсѣмъ не помѣстное вы-

раженіе *родовыя помѣстья*. Кромѣ завѣщанія постепенно входила въ обычай и облегчалась закономъ *мѣна* помѣстій. Потомъ разрѣшена была *сдача* помѣстій зятьямъ въ видѣ приданого или родичамъ и даже стороннимъ людямъ съ обязательствомъ кормить сдатчика или сдатчицу, а въ 1674 г. отставные помѣщики получили право сдавать помѣстья и за деньги, т. е. продавать ихъ. Такъ къ праву пользования, которымъ первоначально ограничивалось помѣстное владѣніе, присоединились и права распоряженія, и если къ концу XVII в. законъ тѣсно приблизилъ помѣстье къ вотчинѣ, то въ понятіяхъ и практикѣ помѣстныхъ владѣльцевъ между обоими видами землевладѣнія исчезло всякое различіе. Наконецъ въ XVIII в. по законамъ Петра Великаго и императрицы Анны помѣстья стали собственностью владѣльцевъ, окончательно слились съ вотчинами, и самое слово *помѣщикъ* получило значеніе земельного собственника изъ дворянъ, замѣнивъ собою слово *вотчинника*: это также показываетъ, что помѣстье было преобладающимъ видомъ земельного владѣнія въ Московскомъ государствѣ. Значитъ, безъ помѣстной системы, путемъ естественнаго народно-хозяйственнаго оборота у насъ не образовалось бы столько частныхъ земельныхъ собственниковъ, сколько ихъ оказалось въ XVIII в. Въ этомъ отношеніи помѣстная система имѣла для русскаго дворянства то же значеніе, какое получило для крестьянъ Положеніе 19 февраля 1861 года: этимъ Положеніемъ искусственно, при содѣйствіи государства, создано крестьянское землевладѣніе, т. е. огромное количество земли на правахъ собственности передано крестьянскимъ обществамъ.

Уѣзныя
дворянскія
общества.

III. Развитие помѣстнаго землевладѣнія создало уѣзныя дворянскія общества, мѣстныя землевладѣльческія корпораціи. Напрасно образованіе такихъ обществъ считаютъ дѣломъ

законодательства XVIII в., императрицы Екатерины II преимущественно. Мѣстные дворянскія общества были уже готовы въ XVI в. Когда надобно было «разобрать» дворянъ и дѣтей боярскихъ извѣстнаго города, т. е. сдѣлать имъ смотръ, поверстать ихъ помѣстными окладами или раздать имъ денежное жалованье, и если это происходило на мѣстѣ, а не на сторонѣ, не въ Москвѣ и не въ другомъ сборномъ пунктѣ, городовые служилые люди съѣзжались въ свой уѣздный городъ. Здѣсь они выбирали изъ своей среды *окладчиковъ*, людей надежныхъ и свѣдущихъ, человѣкъ по 10, по 20 и болѣе на уѣздъ, и приводили ихъ ко кресту на томъ, что имъ про своихъ товарищей сказывать производившимъ разборъ или верстанье командирамъ или уполномоченнымъ обо всемъ въ правду. Эти присяжные окладчики показывали объ уѣздныхъ служилыхъ людяхъ, кто каковъ отечествомъ и службою, каковы за кѣмъ помѣстья и вотчины, къ какой кто годенъ службѣ, къ *полковой*, походной, конной, или къ *городовой*, *осадной*, пѣшей, сколько у кого дѣтей и сколь они велики, какъ кто служитъ, является ли въ походъ съ надлежащимъ *служебнымъ нарядомъ*, т. е. съ положеннымъ количествомъ ратныхъ людей и коней и въ узаконенномъ вооруженіи, «кто къ службамъ лѣнивъ за бѣдностью и кто лѣнивъ безъ бѣдности» и т. п. При полученіи денежнаго жалованья служилые люди уѣзда связывались между собою порукой. Обыкновенно за каждого ручался «въ службѣ и въ деньгахъ» кто-либо изъ окладчиковъ, такъ что у каждого окладчика подбирался отрядъ, связанный его поручительствомъ, какъ бы его взводъ. Впрочемъ и рядовые дворяне и дѣти боярскіе бывали поручителями. Иногда порука принимала болѣе сложный видъ: за Венюкова ручались трое сослуживцевъ; онъ въ свою очередь ручался за каждого изъ своихъ поручите-

лей и еще за четвертаго товарища; точно такъ же поступалъ и каждый изъ этихъ четверыхъ. Такъ порука складывалась въ цѣпь поручителей, охватывавшую весь служилый уѣздъ. Можно думать, что въ подборѣ звеньевъ этой цѣпи, какъ и въ порукѣ окладчиковъ, участвовало сосѣдство по землевладѣнію. Это была порука не *круговая*, какъ въ податныхъ крестьянскихъ обществахъ, гдѣ каждый ручался за всѣхъ и всѣ за cadaго, а порука *сосѣдская*, какъ бы связать, *цѣпная*, рука съ рукой или плечо съ плечомъ, соответственно военному и поземельному строю служилыхъ людей. Наконецъ уѣздное дворянство черезъ своихъ уполномоченныхъ принимало довольно широкое участіе въ мѣстномъ управленіи. Такими уполномоченными были *городовые прикащики*, которыхъ выбирали по одному или по два на уѣздъ дворяне и дѣти боярскіе «всѣмъ городомъ» или «всесою землею», т. е. всѣмъ уѣзднымъ сословнымъ обществомъ. Какъ представитель мѣстнаго военного и землевладѣльческаго общества, городской прикащикъ смотрѣлъ за городскими укрѣпленіями и вѣдалъ подати и повинности, падавшія на землевладѣніе и имѣвшія прямое или косвенное отношеніе къ оборонѣ уѣзднаго города и къ дѣламъ мѣстнаго дворянства, обязаннаго оборонять свой городъ, какъ его ближайшій гарнизонъ: прикащикъ распределялъ эти подати и повинности и слѣдилъ за ихъ сборомъ и отбываніемъ, смотрѣлъ за постройкой и ремонтомъ городскихъ укрѣпленій и заготовкой военныхъ припасовъ, собиралъ «посошныхъ людей» съ тяглаго населенія на военныя надобности и т. п. Сверхъ того городской прикащикъ былъ дворянскимъ ассистентомъ на судѣ намѣстника, какъ излюбленные старосты и цѣловальники присутствовали на томъ же судѣ отъ тяглыхъ земскихъ обществъ. Онъ же временно исполнялъ иногда судебныя обязанности намѣстника и разныя по-

лицейскія порученія, охранялъ спорныя имущества, оберегалъ землевладѣльцевъ отъ намѣстничьяго произвола. Словомъ, онъ велъ разнообразныя текущія дѣла мѣстнаго управленія, такъ или иначе касавшіяся мѣстнаго дворянскаго общества и служилаго землевладѣнія, былъ своего рода уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Со временемъ уѣздныя дворянскія общества приобрѣли и нѣкоторое политическое значеніе: уѣздные дворяне всѣмъ городомъ обращались къ государю съ челобитьями о своихъ нуждахъ; дворянскіе окладчики являлись депутатами на земскихъ соборахъ и ходатайствовали передъ центральнымъ правительствомъ о нуждахъ своихъ обществъ. Такимъ образомъ служба и соединенное съ нею служилое землевладѣніе были связями, которыми скрѣплялись уѣздныя дворянскія общества.

IV. Усиленное развитіе помѣстнаго землевладѣнія создало въ служилой средѣ слой прежде незамѣтный, который можно назвать служилымъ землевладѣльческимъ пролетаріатомъ. Чѣмъ болѣе размножался служилый классъ, тѣмъ болѣе истощались земельныя средства московскаго правительства. Это истощеніе происходило отъ разныхъ причинъ. Въ помѣстную раздачу первоначально шли дворцовыя земли, бывшія въ непосредственномъ распоряженіи государя для надобностей его дворца, а также вотчины, по разнымъ причинамъ терявшія своихъ владѣльцевъ, напримѣръ, конфискованныя. Потомъ въ помѣстный оборотъ вошли и земли *черныя*, казенныя, доходы съ которыхъ шли на общегосударственныя нужды. Такой переходъ черныхъ земель въ частное владѣніе объясняется тѣмъ, что помѣстья, какъ средство содержанія служилыхъ людей, замѣняли кормленія: въ поземельныхъ описяхъ XV—XVI вв. встрѣчаемъ запрещеніе отдавать извѣстныя земли въ помѣстье, потому что

съ нихъ шель кормъ намѣстнику. Разработка всѣхъ этихъ земель была очень слаба: по приблизительному расчету, основанному на отрывочныхъ данныхъ, только пятая часть этихъ земель эксплуатировалась: земледѣльческій трудъ изнемогалъ передъ лѣсомъ и болотомъ. Притомъ географическое расположеніе земель, удобныхъ для испомѣщенія, не соотвѣтствовало стратегическимъ цѣлямъ, на которыя была рассчитана помѣстная система. Помѣщику, больше ратнику, чѣмъ сельскому хозяину, нужна была земля *угожая*, съ выгодной пашней и угодьями, и *живущая*, населенная, съ достаточными рабочими крестьянскими руками, а земли, совмѣщавшія въ себѣ оба эти удобства, были тогда на средней Окѣ и на сѣверъ отъ нея совсѣмъ не въ изобиліи. Но съ завоеваніемъ Казанскаго царства, по мѣрѣ передвижки передовыхъ оборонительныхъ линій въ глубь безлюдныхъ, хотя и плодородныхъ степей, оба эти удобства совмѣщались все рѣже и испомѣщеніе все болѣе затруднялось: на землѣ, нуждавшейся и въ ратникѣ, и въ сельскомъ хозяинѣ, приходилось сажать массу помѣщиковъ, которымъ было не до сельскаго хозяйства. Къ этому прибавилось новое неудобство, созданное тѣмъ же расширеніемъ государственной территоріи на югъ и юговостокъ. Съ половины XVI в. обнаруживается усиленный отливъ сельскаго населенія съ центрального суглинеа на южный донской, верхнедонецкій и средневожскій черноземъ. Этотъ отливъ сузилъ хозяйственную опору служилымъ людямъ, тамъ испомѣщавшимся; но при первой встрѣчѣ на дикомъ степномъ полѣ и крестьянинъ-новосель, и помѣщикъ-переведенецъ, одинаково нуждаясь другъ въ другѣ, не могли сразу сладиться одинъ съ другимъ въ отношеніяхъ землевладѣльца и оброчника-арендатора. Мы сейчасъ увидимъ, какъ они устроились. Этотъ же отливъ расширилъ площадь пустопорожныхъ земель въ центральныхъ,

сравнительно густо населенныхъ уѣздахъ. Но такія необорудованныя земли неохотно разбирались въ помѣстья: онѣ требовали капитала, охоты и умѣнья ихъ разработать; всего этого недоставало служилымъ людямъ того времени. Вотъ почему помѣстные дачи рѣдко равнялись окладамъ и потому же въ документахъ второй половины XVI в. встрѣчаемъ множество новиковъ, которые исправно служили по нѣскольку лѣтъ, но оставались безпомѣстными, не могли прискаты или получить удобныхъ помѣстій. Одно сопоставленіе наглядно укажетъ, насколько потребность въ удобной для испомѣщенія землѣ превышала ея наличность. При разборѣ, верстаньи и раздачѣ денежнаго жалованья составлялись книги или списки уѣздныхъ служилыхъ людей, называвшіяся *десятьями*, съ раздѣленіемъ служилыхъ людей на чины и *статги*, разряды, и съ обозначеніемъ ихъ помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ, а также ихъ *службы* (вооруженія, походныхъ слугъ и коней). По коломенской десятнѣ 1577 г. назначено было дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ Коломенскаго уѣзда окладнаго помѣстнаго надѣла 84 т. десятинъ. Но въ этомъ уѣздѣ очень много земли значилось за монастырями, боярами и другихъ чиновъ людьми, не принадлежавшими къ дворянскому обществу уѣзда. Пространство Коломенскаго уѣзда въ XVI в. едвали намного превосходило нынѣшніе его предѣлы, а по статистическимъ даннымъ 1880-хъ годовъ пашни въ этомъ уѣздѣ было всего 102 т. десятинъ. Едвали дачи коломничанъ могли быть доведены до окладныхъ размѣровъ изъ земель Коломенскаго уѣзда. Къ концу XVI в. уже сильно чувствовался недостатокъ удобной земли для испомѣщенія, и на это жаловались въ Москвѣ Флетчеру въ царствованіе Ѳедора. Правительство вынуждено было все болѣе сокращать помѣстные дачи и даже оклады. Въ концѣ этого вѣка среди провинціального

дворянства встрѣчаемъ чрезвычайно мелкихъ помѣщиковъ, у которыхъ оклады падали ниже предѣльной мѣры, назначенной по закону для поставки одного вооруженнаго коннаго ратника (150 дес.): назначали по 120 и по 60 десятинъ оклада. Еще скуднѣе бывали дачи, приближавшіяся уже къ крестьянскимъ участкамъ: встрѣчаются помѣщики съ 30, 22, даже съ 10 дес. пахотной земли. Такъ образовалась значительная масса бѣдныхъ провинціальныхъ дворянъ, безпомѣстныхъ или малопомѣстныхъ. Десятни уѣзднаго дворянства XVI в. съ отмѣченными въ нихъ отъѣздами окладчиковъ даютъ много выразительныхъ указаній на успѣхъ, съ какимъ развивался этотъ дворянскій пролетаріатъ. Многие помѣщики въ своихъ помѣстьяхъ не имѣли ни одного крестьянскаго двора, жили одними своими дворами, «однодворцами»; отсюда позднѣе произошли классъ и званіе *однодворцевъ*. Въ десятняхъ встрѣчаемъ такія заявленія окладчиковъ: такой-то сынъ боярскій «худъ (малогодень, худо вооруженъ), не служить, отъ службы отбылъ, на службу ходить пѣшгъ»; другой «худъ, не служить, службы отбылъ и впередъ служить нечѣмъ и помѣстья за нимъ нѣтъ»; третій «худъ, не служить и помѣстья за нимъ нѣтъ и служить нечѣмъ, живетъ въ городѣ у церкви, стоитъ дьячкомъ на клиросѣ»; четвертый «не служить, отъ службы отбылъ, служба худа, служить ему впередъ нечѣмъ и поруки по немъ нѣтъ, помѣстья сказалъ 15 четей»; пятый «обнищаль, волочится межъ дворъ»; шестой «жилъ во крестьянѣхъ за Протасовымъ, помѣстья за собою сказалъ 40 четей»; седьмой «мужикъ, жилъ у Фролова въ дворникахъ, портной мастерничко: бояре осматривали и приговорили изъ службы выкинуть вонъ».

Помѣстье
в городѣ.

V. Помѣстное землевладѣніе оказало неблагоприятное дѣйствіе и на другіе классы русскаго общества. Прежде

всего оно подорвало развитіе русскихъ городовъ и городской промышленности. Въ XVI в. встрѣчаемъ въ централь-ныхъ и сѣверныхъ уѣздахъ государства не мало городовъ со значительнымъ посадскимъ, торгово-промышленнымъ населеніемъ. Чѣмъ далѣе на югъ, тѣмъ скуднѣе становилось это населеніе; въ ближайшихъ къ степи городахъ, въ области верхней Оки и верхняго Дона, даже вовсе не встрѣчаемъ посадскихъ людей. Города этого края—чисто военные, укрѣпленныя поселенія, наполнявшіяся служилымъ людомъ разныхъ чиновъ. Но и впоследствии, когда южная граница отодвинулась далеко на югъ, въ этихъ городахъ туго водворялось торгово-промышленное населеніе. Помѣстная система, увлекая массу служилыхъ людей изъ города въ деревню, лишала городскую промышленность и городской ремесленный трудъ сбыта и спроса, главныхъ, наиболѣе доходныхъ потребителей. Служилые люди, обживаясь въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, старались завести своихъ дворовыхъ ремесленниковъ, все необходимое получать на мѣстѣ, не обращаясь въ городъ. Такимъ образомъ у городскихъ торговцевъ, ремесленниковъ и рабочихъ исчезъ цѣлый классъ заказчиковъ и потребителей. Вотъ чѣмъ между прочимъ объясняется необыкновенно медленный, вялый ростъ нашихъ городовъ и городской промышленности въ XVI и XVII вв. и не только въ южной заокской, но и въ центральной окско-волжской полосѣ.

VI. Еще важнѣе дѣйствіе помѣстной системы на положеніе крестьянскаго населенія: она подготовила радикальную, даже роковую переи́мну въ судьбѣ этого класса. Помѣщани и крестьяне. Еще разъ напомнимъ вамъ, что завоеваніе царствъ Казанскаго и Астраханскаго открыло русскому земледѣльческому труду обширныя пространства *дикаго поля*, невоздѣланнаго степного чернозема по верхней Окѣ, верхнему Дону и по обѣ стороны

средней Волги. На отодвигавшихся все далѣе окраинахъ строились новыя укрѣпленныя *черты*, куда переводились служилые люди изъ внутреннихъ городовъ и гдѣ они получали помѣстья. Для заселенія своихъ пустынныхъ степныхъ дачъ они искали крестьянъ-сѣмщиковъ и рабочихъ. На встрѣчу этимъ поискамъ изъ старыхъ центральныхъ областей шло усиленное переселенческое движеніе крестьянъ, искавшихъ черноземной нови. Но съ половины XVI в. правительство по финансовымъ и полицейскимъ соображеніямъ начало стѣснять свободу крестьянскихъ переселеній. «Старымъ тяглецамъ», которые уже обсиѣлись на своихъ мѣстахъ и были записаны въ писцовыя книги, какъ отвѣтственные дворовладѣльцы, а потому назывались «людьми письменными», запрещено было переходить на другія земли; перешедшихъ велѣно было возвращать въ покинутыя ими деревни. Это было не личное закрѣпощеніе крестьянъ, а полицейское прикрѣпленіе ихъ къ мѣсту жительства, что, какъ увидимъ, совсѣмъ не одно и то же и даже исключало одно другое. Но крестьянскій дворъ имѣлъ тогда очень сложный составъ: при дворовладѣльцахъ, записанныхъ въ книги и отвѣчавшихъ за податную исправность дворовъ, жили за ихъ тягломъ кромѣ ихъ дѣтей еще неотдѣленные братья, племянники, также захребетники, сосѣди и подсосѣдники, люди «нетяглые и неписьменные». Такихъ людей землевладѣльцамъ и разрѣшалось перезывать на свои пустоши и старыя селища. Но эти люди, жившіе дотолѣ за чужими хозяйствами, садились на новыя мѣста съ пустыми руками, нуждались въ обзаведеніи, въ ссудѣ и подмогѣ. Этими людьми преимущественно и заселялись многочисленныя новыя помѣстья на обширной полосѣ къ югу отъ средней Оки, между первой и второй оборонительной линіей и даже южнѣе, по Быстрой Соснѣ, верхнему Осколу и верх-

нему Донцу. Такъ масса захребетниковъ, жившихъ за чужимъ тягломъ, становилась самостоятельными хозяевами. Значить, развитіе помѣстной системы на степныхъ окраинахъ вело къ *разрушенію крестьянскаго двора*, къ упрощенію его личнаго состава въ центральныхъ уѣздахъ. Но откуда брались у степныхъ помѣщиковъ средства для хозяйственнаго обзаведенія бездомныхъ насельниковъ ихъ пустынныхъ помѣстій? Мы уже знаемъ, что еще при отцѣ Грознаго служилые люди періодически получали денежное жалованье. Въ 1550-хъ годахъ, когда съ отминой кормленій для нихъ закрывался такой важный источникъ содержанія, установлены были новые денежные оклады, очевидно, повышенные. По десятиямъ второй половины XVI в. можно замѣтить, что денежные оклады устанавливались въ обратномъ отношеніи къ доходности недвижимыхъ имуществъ служилыхъ людей; поэтому крайнихъ степныхъ помѣщиковъ окладывали выше сравнительно съ землевладѣльцами населенныхъ внутреннихъ уѣздовъ. До насъ дошли отъ того времени десятии пяти поевскихъ и заокскихъ уѣздовъ (Муромскаго, Коломенскаго, Каширскаго, Рязскаго и Елифанскаго) съ обозначеніемъ денежныхъ окладовъ. Книги относятся къ 1590-мъ годамъ, кромѣ коломенской (1577 г.). По этимъ книгамъ среднимъ числомъ приходилось единовременной денежной дачи по 1830 р. на уѣздъ. По закону 1555 г. городovýmъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ денежное жалованье раздавалось разъ въ четыре или въ три года; но во вторую половину царствованія Грознаго, когда шла почти непрерывная война, при учащенныхъ и расширенныхъ мобилизаціяхъ раздавали жалованье городovýmъ и въ болѣе короткіе сроки. Мы примемъ для расчета трехлѣтнюю раздачу. Въ 15 такихъ раздачъ съ 1555 г. до конца столѣтія на каждый изъ пяти уѣздовъ досталось средней суммой по

27,450 р., а въ переводѣ на наши деньги (по пропорціи 1:60) приблизительно по 1,647,000 р. Примемъ эти уѣзды за примѣрные. На указанной полосѣ между первой и второй укрѣпленной линіей, т. е. между средней Окой и высотой Алатырь—Орель, въ нынѣшнихъ губерніяхъ Рязанской, Тульской и Орловской со смежными частями сосѣднихъ губерній, въ концѣ XVI в. можно насчитать до 26 уѣздовъ. Итакъ въ указанныя 45 лѣтъ казна перевела на среднюю Оку и далѣе на югъ въ помѣстные усадьбы до 43 мил. рубл. на наши деньги, а если взять въ расчетъ заселявшіеся тогда же уѣзды за второй линіей, въ губерніяхъ Курской, Тамбовской, Воронежской, Симбирской, то эту сумму можно увеличить по крайней мѣрѣ еще на половину. Изъ этого денежнаго фонда, столь значительнаго для тогдашняго московскаго бюджета, заокскіе помѣщики устроили на дикомъ полѣ свои *усадьбы* съ 20, 30, 60, 75, 80 десятинами усадебной земли, на которой сажали и обзаводили деревни пришлыхъ крестьянъ изъ людей «неписменныхъ и нетяглыхъ». Какъ дѣло хозяйственныхъ, колонизаторскихъ усилій помѣщиковъ, эти усадьбы рано приобрѣтали характеръ наследственныхъ имѣній, обыкновенно цѣликомъ переходили ко вдовамъ съ малолѣтними сыновьями своихъ строителей, а если послѣдніе были убиты на службѣ, то и съ мужнинымъ денежнымъ окладомъ; сынъ-недоросль по достиженіи служебнаго возраста обязанъ былъ съ «помѣстья отцовы усадьбы служба служить и мать кормить». Въ этихъ заокскихъ помѣстьяхъ особенно явственно проявились двѣ характерныя черты помѣстной системы: рѣшительное преобладаніе мелкаго землевладѣнія и стремленіе закрѣпить поземельныя обязательства крестьянъ личной долговой зависимостью. Захребетникъ большого крестьянскаго двора, превращенный въ самостоятельнаго дворовладѣльца посредствомъ неоплат-

ной барской ссуды, оказывался на степной нови въ без-
выходномъ положеніи. По близости не было крупныхъ имѣ-
ній, ни церковныхъ, ни боярскихъ, владѣльцамъ которыхъ
выгодно было поддерживать крестьянское право выхода,
перезывая къ себѣ чужихъ крестьянъ; переселенца, задол-
жавшаго мелкому помѣщику, выкупить было некому, а сойти
«на поле», въ степь, въ «вольные казаки» не съ чѣмъ, по
неимѣнію оружія и навыка къ нему. Можно думать, что въ
заокскихъ помѣщичьихъ усадахъ раньше, чѣмъ гдѣ-либо,
встрѣтились условія, завязавшія первый узелъ крѣпостной
неволи крестьянъ, положеніе которыхъ въ XV и XVI вв.
будетъ предметомъ нашихъ дальнѣйшихъ занятій.

Лекція XXXIV.

Вопросъ о монастырскихъ вотчинахъ.—Распространеніе монастырей.—Монастыри въ сѣверовосточной Россіи.—Пустынные монастыри.—Монастыри-колоніи.—Колонизаторская дѣятельность Троицкаго Сергіева монастыря.—Значеніе пустынныхъ монастырей.—Древнерусскій мѣсяцесловъ.—Древнерусская агиографія.—Составъ и характеръ древнерусскаго житія.—Мірскіе монастыри.—Основатели пустынныхъ монастырей.—Странничество и поселеніе отшельника въ пустынь.—Пустынный общежительный монастырь.

Вопросъ о
монастыр-
скихъ вот-
чинахъ.

Въ прошлый часъ, излагая слѣдствія помѣстной системы, я указалъ на затрудненіе, обнаружившееся въ ея устройствѣ уже къ концу XVI в.: это—недостатокъ удобной для исполненія земли. Недостатокъ этотъ почувствовался съ двухъ сторонъ. На степномъ югѣ, гдѣ государству нужно было особенно много военно-служилыхъ людей, правительство располагало для ихъ хозяйственнаго обезпеченія обширными пространствами земли плодородной, но слабо заселенной, еще нуждавшейся въ усиленномъ хозяйственномъ обзаведеніи. Въ центральныхъ уѣздахъ земли, менѣе плодородныя, были достаточно заселены и обзаведены, но ихъ уже мало оставалось въ распоряженіи правительства. Здѣсь господствовало крупное вотчинное землевладѣніе, боярское и церковное. Въ изучаемый нами періодъ, когда устанавливалась помѣстная система, особенно успѣшно развивалось въ Московской Руси землевладѣніе монастырское, создавая государству своими

успѣхами большія затрудненія въ дѣлѣ обезпеченія военно-служилого класса. Это привело московское правительство въ столкновение съ церковной іерархіей: поднялся вопросъ о церковныхъ, собственно о монастырскихъ вотчинахъ. Но съ этимъ вопросомъ, по его значенію для государства только экономическимъ, аграрнымъ, сплелось столько разнообразныхъ интересовъ политическихъ, социальныхъ, церковно-нравственныхъ, даже богословскихъ, что онъ разросся въ цѣлое государственное и церковное движеніе, которое внесло много оживленія въ жизнь Московской Руси, придадо особый характеръ цѣлому вѣку нашей исторіи. Потому это движеніе важно само по себѣ, независимо отъ своей связи съ экономическими нуждами государства. Уклоненіе въ сторону, на которое я рѣшаюсь, нѣсколько исправить пробѣлы нашего изученія. Доселѣ мы такъ настойчиво сосредоточивали наше вниманіе на фактахъ политическихъ и экономическихъ, что теперь, когда эти самые факты вовлекаютъ насъ въ другія, болѣе глубокія теченія общественной жизни, намъ трудно отказаться слѣдовать за ними.

Приступая къ изученію вопроса о монастырскихъ вотчинахъ, прежде всего неволью спрашиваешь себя, какъ могло случиться, что общества людей, отрекавшихся отъ міра и всѣхъ его благъ, явились у насъ обладателями обширныхъ земельныхъ богатствъ, стѣснявшихъ государство. Условія такого земельного обогащенія древнерусскихъ монастырей выясняются въ исторіи ихъ распространенія и устройства. Познакомлю васъ съ ходомъ того и другого, прежде чѣмъ обращусь къ самому вопросу.

Монашество появилось на Руси вмѣстѣ съ христіанствомъ. Распространеніе монастырей. Митрополитъ Иларіонъ, первый изъ русскихъ посвященныхъ въ этотъ санъ (въ 1051 г.), вспоминая близкое къ нему время водворенія христіанства при Владимірѣ Св., писалъ

въ одномъ изъ своихъ сочиненій, что уже тогда «монастыреве на горахъ сташа». Какіе именно монастыри разумѣлъ митрополитъ, сколько ихъ было при кн. Владимірѣ и какъ они были устроены,—это остается неизвѣстнымъ. Письменные извѣстія объ отдѣльныхъ монастыряхъ появляются съ княженія Ярослава I. Слѣдя за распространеніемъ монастырей, приведенныхъ въ извѣстность, замѣчаемъ, что первоначально они идутъ вслѣдъ за русско-христіанской жизнью, а не ведутъ ея за собою, не вносятъ ея въ предѣлы, дотогдѣ ей чуждые. Потому въ первые два вѣка христіанской жизни Руси мы встрѣчаемъ наибольшее количество монастырей въ центральной полосѣ тогдашней Русской земли (по среднему и верхнему Днѣпру, по Ловати и Волхову, гдѣ наиболѣе сгущено было русское населеніе и съ наименьшими затрудненіями распространялось христіанство. Изъ 70 монастырей, извѣстныхъ до конца XII в., на эту полосу приходится до 50. Всего усерднѣе обзаводятся монастырями старѣйшіе общественные центры, господствовавшіе надъ концами древняго рѣчнаго «пути изъ варягъ въ греки», Кіевъ и Новгородъ: до конца XII в. въ первомъ извѣстно 15 монастырей, во второмъ до 20; остальные разсѣяны по второстепеннымъ областнымъ средоточіямъ южной и сѣверной Руси, какими были Галичъ, Черниговъ, Переяславль Русскій, Смоленскъ, Полоцкъ, Ростовъ, Владиміръ на Клязьмѣ и др. Почти всѣ эти монастыри ютятся внутри городовъ или жмутся къ ихъ стѣнамъ, не уходя отъ нихъ далеко въ степную или лѣсную глушь.

Но являясь пока спутниками, а не проводниками христіанства, монастыри этимъ самымъ съ особенной чуткостью отражали переливы исторической жизни. Въ этомъ отношеніи, слѣдя за географическимъ распространеніемъ монастырей, замѣчаемъ большую разницу между первыми вѣками

христіанской жизни Руси: изъ 20 монастырей, извѣстныхъ до XII в., только 4 встрѣчаемъ въ сѣверной Россіи, отдѣляя ее отъ южной чертой по широтѣ г. Кадуги; напротивъ изъ 50 извѣстныхъ новыхъ монастырей XII в. южной Руси принадлежитъ только 9. Числомъ монастырей Новгородъ, видѣли мы, перебилъ первенство у самого Кіева: но почти всѣ монастыри, которыми онъ наполнялся и опоясывался, относятся уже къ XII в. Вмѣстѣ съ русско-христіанской жизнью быстро расширяется кругъ монастырей и въ другихъ краяхъ сѣверной Руси: они появляются въ Смоленскѣ, Псковѣ, Старой Русѣ, Ладогѣ, Переяславлѣ Залѣскомъ, Суздаль, Владимірѣ на Клязьмѣ.

Указавъ, какъ движеніемъ монастырей обозначился на-
Монастыри на СВ.
 чавшійся въ XII в. отливъ русской жизни съ юга на сѣ-
 верь, я въ дальнѣйшемъ обзорѣ ограничусь монастырями сѣверо-
 восточной Руси, изъ которой потомъ образовалось Московское
 государство и гдѣ возникъ вопросъ о монастырскомъ землевладѣніи. Здѣсь въ XIII в. продолжаетъ расширяться кругъ городскихъ и подгородныхъ монастырей, указывая на размноженіе центровъ общественной жизни. Въ упомянутыхъ уже сѣверныхъ городахъ къ существовавшимъ прежде монастырямъ прибавляются новые и въ то же время являются первые монастыри въ другихъ городахъ, Твери, Ярославлѣ, Костромѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Устюгѣ, Москвѣ. Удѣльное дробленіе сѣверо-восточной Руси содѣйствуетъ этому распространенію монастырей. Во многихъ городахъ, гдѣ прежде не сидѣли князья, устанавливаются княжескіе столы. Первый князь новаго удѣла старался украсить свою резиденцію хотя одной обителью: городъ, особенно стольно-княжескій, не считался благоустроеннымъ, если не имѣлъ монастыря и собора.

Пустынные
монастыри.

Но съ XIII в. замѣчаемъ важную переѣну въ способѣ распространѣнія монастырей и именно на сѣверѣ. Доселѣ почти всѣ монастыри какъ въ южной, такъ и въ сѣверной Россіи, говорилъ я, строились въ городахъ или въ ихъ ближайшихъ окрестностяхъ. Рѣдко появлялась *пустынь*, монастырекъ, возникавшій вдали отъ городовъ, въ пустынной, незаселенной мѣстности, обыкновенно среди глухого лѣса. Въ первые вѣка нашей христіанской жизни пустынножительство развивалось у насъ очень туго; пустынная обитель мелькаетъ рѣдкимъ, случайнымъ явленіемъ среди городскихъ и подгородныхъ монастырей. Болѣе чѣмъ изъ 100 монастырей, приведенныхъ въ извѣстность до конца XIII в., такихъ пустынокъ не насчитаемъ и десятка, да и изъ тѣхъ большинство приходится именно на XIII в. Зато съ XIV в. движеніе въ лѣсную пустыню разбивается среди сѣвернаго русскаго монашества быстро и сильно: пустынные монастыри, возникшіе въ этомъ вѣкѣ, числомъ сравнялись съ новыми городскими (42 и 42), въ XV в. превзошли ихъ болѣе чѣмъ вдвое (57 и 27), въ XVI в. въ 1½ раза (51 и 35). Такимъ образомъ въ эти три вѣка построено было въ предѣлахъ Московской Руси, сколько извѣстно, 150 пустынныхъ и 104 городскихъ и пригородныхъ монастыря.

Монастыри-
колоднѣ.

Городскіе и пустынные монастыри различались между собою не одной только внѣшней обстановкой, но и общественнымъ значеніемъ, духомъ складывавшагося въ тѣхъ и другихъ быта, даже въ большинствѣ случаевъ самымъ происхожденіемъ. Городскіе и подгородные монастыри обыкновенно созидались набожнымъ усердіемъ высшихъ церковныхъ іерарховъ, также князей, бояръ, богатыхъ горожанъ, — людей, которые оставались въ сторонѣ отъ основанныхъ ими обителей, не входили въ составъ созданнаго ими монастырскаго братства. Ктиторы обстраивали монастырь, созывали

братію и давали ей средства содержанія. Живя среди міра, въ ежедневномъ съ нимъ общеніи и для его религіозныхъ нуждъ, такіе монастыри и назывались «мірскими». Другіе имѣли болѣе самобытное происхожденіе, основывались людьми, которые отрелигіозились отъ міра, уходили въ пустыню, тамъ становились руководителями собиравшагося къ нимъ братства и сами вмѣстѣ съ нимъ изыскивали средства для построенія и содержанія монастыря. Иные основатели такихъ пустынныхъ монастырей становились отшельниками прямо изъ міра, еще до постриженія, подобно преподобному Сергію Радонежскому; но большинство проходило иноческій искусь въ какомъ-либо монастырѣ, обыкновенно также пустынномъ, и оттуда потомъ уходили для лѣснаго уединенія и создавали новыя пустынные обители, являвшіяся какъ бы колоніями старыхъ. Три четверти пустынныхъ монастырей XIV и XV в. были такими колоніями, образовались путемъ выселенія ихъ основателей изъ другихъ монастырей, болѣею частью пустынныхъ же. Пустынный монастырь воспитывалъ въ своемъ братствѣ, по крайней мѣрѣ въ наиболѣе воспріимчивыхъ его членахъ, особое настроеніе; складывался особый взглядъ на задачи иночества. Основатель его нѣкогда ушелъ въ лѣсъ, чтобы спастись въ безмолвномъ уединеніи, убѣжденный, что въ міру среди людской «молвы» то невозможно. Къ нему собирались такіе же искатели безмолвія и устроили пустынку. Строгость жизни, слава подвиговъ привлекала сюда издалика не только богомольцевъ и владчиковъ, но и крестьянъ, которые селились вокругъ богатѣвшей обители, какъ религіозной и хозяйственной своей опоры, рубили окрестный лѣсъ, ставили починки и деревни, расчищали нивы и «искажали пустыню», по выраженію житія преп. Сергія Радонежскаго. Здѣсь монастырская колонизація встрѣчалась съ крестьянской и служила ей невольной путеводительницей.

Такъ на мѣстѣ одинокой хижины отшельника выросталъ многолюдный, богатый и шумный монастырь. Но среди братіи нерѣдко оказывался ученикъ основателя, тяготившійся этимъ неиноческимъ шумомъ и богатствомъ: вѣрный духу и преданію своего учителя, онъ съ его же благословенія уходилъ отъ него въ нетронутую пустыню, а тамъ тѣмъ же порядкомъ возникала новая лѣсная обитель. Иногда это дѣлалъ даже не разъ и самъ основатель, бросая свой монастырь, чтобы въ новомъ лѣсу повторить свой прежній опытъ. Такъ изъ одиночныхъ разобщенныхъ мѣстныхъ явленій складывалось широкое колонизаціонное движеніе, которое, исходя изъ нѣсколькихъ центровъ, въ продолженіе четырехъ столѣтій проникало въ самые неприступные медвѣжьи углы и усѣивало монастырями обширныя лѣсныя дебри средней и сѣверной Россіи.

Троицкій
Сергіевъ
монастырь.

Нѣкоторые монастыри явились особенно дѣятельными метрополіями. Первое мѣсто между ними занималъ монастырь Троицкій Сергіевъ, возникшій въ сороковыхъ годахъ XIV в. Преп. Сергій былъ великій устроитель монастырей: своимъ смиреніемъ, терпѣливымъ вниманіемъ къ людскимъ нуждамъ и слабостямъ и неослабнымъ трудолюбіемъ онъ умѣлъ не только установить въ своей обители образцовый порядокъ иноческаго общежитія, но и воспитать въ своей братіи духъ самоотверженія и энергію подвижничества. Его призывали строить монастыри и въ Москву, и въ Серпуховъ, и въ Коломну. Онъ пользовался всякимъ случаемъ завести обитель, гдѣ находилъ то нужнымъ. Въ 1365 г. в. кн. Дмитрій Донской послалъ его въ Нижній Новгородъ мирить ссорившихся князей-братьевъ Константиновичей и на пути, мимоходомъ онъ нашелъ время въ глуши Гороховскаго уѣзда, на болотѣ при р. Клязьмѣ, устроить пустынку, воздвигнуть въ ней храмъ св. Троицы и поселить «старцевъ пустынныхъ»

отшельниковъ, а пытались они лыками и сѣно по болоту косили». Обитель Сергія и развила широкую колонизаторскую дѣятельность: въ XIV в. изъ нея вышло 13 пустынныхъ монастырей-колоній и 2 въ XV. Потомъ ея ослабѣвшую дѣятельность въ этомъ отношеніи продолжалъ ея колоніи и колоніи колоній, преимущественно монастырь преп. Кирилла Бѣлозерскаго, выпеднаго изъ основаннаго преп. Сергіемъ подмосковнаго Симонова монастыря (въ концѣ XIV в.). Вообще въ продолженіе XIV и XV вв. изъ Сергіева монастыря или изъ его колоній образовалось 27 пустынныхъ монастырей, не говоря о 8 городскихъ. Этими колоніями и намѣчены были главныя направленія монастырской колонизаціи въ тѣ два вѣка и частью даже въ XVI ст. Если вы проведете отъ Троицкаго Сергіева монастыря двѣ линіи, одну по р. Костромѣ на р. Вычегду, другую по р. Шеконѣ на Бѣлозеро, этими линіями будетъ очерчено пространство, куда съ конца XIV в. усиленно направлялась монастырская колонизація изъ монастырей центрального междурѣчья Оки-Волги и ихъ колоній. Небольшія лѣсныя рѣчки, притоки Костромы, верхней Сухоны и Кубенскаго озера, Нурма-Обнора, Монза, Лежа съ Комелой, Пельшма, Глушица, Купшта унизывались десятками монастырей, основатели которыхъ выходили изъ Троицкой Сергіевой обители, изъ Ростова (св. Стефанъ Пермскій), изъ монастырей Каменнаго на Кубенскомъ озерѣ и Кириллова Бѣлозерскаго. Водораздѣлъ Костромы и Сухоны, покрытый тогда дремучимъ Комельскимъ лѣсомъ, сталъ русской заволжской Ойвадой. Движеніе шло полосами по рѣкамъ, не соблюдая географической послѣдовательности, дѣлая широкіе скачки отъ Троицкаго Сергіева монастыря къ Бѣлозеру (монастырь Кирилла Бѣлозерскаго), а съ Бѣлозера прямо на Соловецкій островъ, сливаясь съ боковымъ теченіемъ, шедшимъ туда же къ

Бѣлому морю изъ Новгорода. Во второй половинѣ XV в. монастырская колонизація перешла изъ Бѣлозерскаго края въ бассейнъ р. Онеги: постриженникъ Кириллова монастыря преп. Александръ Ошевневъ поставилъ Ошевенскій монастырь къ сѣверу отъ Каргополя на притокѣ р. Онеги, получивъ пособіе отъ радѣтелей изъ Новгорода, а между тѣмъ еще въ 1429 г. болѣе ранній постриженникъ того же монастыря Савватій поставилъ первую келью на Соловецкомъ островѣ, гдѣ вскорѣ послѣ его смерти выходецъ изъ Новгорода Зосима устроилъ знаменитый бѣломорскій монастырь. Колонія болѣе ранняя иногда уходила въ извѣстномъ направленіи дальше позднѣйшихъ. Въ промежуткахъ между метрополіями и этими ранними колоніями и между полосами колоній оставалось много угловъ столь же пустынныхъ, какъ и дальнѣйшія пространства, въ которыя еще не проникала ни крестьянская, ни даже монастырская колонизація. Выходцы изъ разныхъ монастырей въ своихъ пустынныхъ поискахъ обращались по временамъ и къ этимъ обойденнымъ промежуточнымъ заолустьямъ. Такъ продолжалось дѣло и въ XVI в. Въ перестававшихъ дремать, но все еще глухихъ лѣсахъ по Шекснѣ и ея притокамъ, по Костромѣ съ Нурмой-Обнорой, по Сухонѣ съ ея притоками Песью Денъгой и Маркушей появляются новыя монастырскія точки. Старыя метрополіи высылаютъ сюда новыя колоніи; иныя колоніи въ свою очередь становятся дѣятельными метрополіями. Основанный въ концѣ XV в. на р. Нурмѣ монастырь преп. Корнилія Комельскаго, выходеца изъ обители преп. Кирилла Бѣлозерскаго, въ XVI в. выдвинулъ основателей 6 новыхъ монастырей на берега Обноры, Бѣлоозера, притока Шексны Андоги и даже Сойги, притока Вычегды. Невѣдомый инокъ Пахомій, вѣроятно, въ самомъ началѣ XVI в. далеко оставилъ за собой Шексну и по Онегѣ продвинулся за Каргополь, поставивъ въ 50

верстахъ отъ него къ сѣверу монастырь на р. Кенѣ, а постриженникъ Пахоміевъ двинскій крестьянинъ Антоній переминулся на Двину подъ Холмогоры и въ 78 верстахъ отъ нихъ къ югу основалъ среди озеръ на притоку Двины Спсійскій монастырь (около 1520 г.).

Такъ при разностороннихъ мѣстныхъ уклоненіяхъ движеніе пустынныхъ монастырей сохраняло свое общее направленіе на бѣломорскій сѣверъ, «къ Студеному морю-окиану», какъ выражаются житія заволжскихъ пустынниковъ. Это движеніе имѣло очень важное значеніе въ древнерусской колонизаціи. Вопервыхъ, лѣсной пустынный монастырь самъ по себѣ, въ своей тѣсной деревянной или каменной оградѣ, представлялъ земледѣльческое поселеніе, хотя и непохожее на мірскія, крестьянскія села: монахи расчищали лѣсъ, разводили огороды, пахали, косили, какъ и крестьяне. Но дѣйствіе монастыря простиралось и на населеніе, жившее за его оградой. Мы скоро увидимъ, какъ вокругъ пустыннаго монастыря образовывались мірскія, крестьянскія селенія, которыя вмѣстѣ съ иноческой братіей составляли одинъ приходъ, тянувшій къ монастырской церкви. Впослѣдствіи монастырь исчезалъ, но крестьянскій приходъ съ монастырской церковью оставался. Такимъ образомъ движеніе пустынныхъ монастырей есть движеніе будущихъ сельскихъ приходовъ, которые притомъ въ большинствѣ были первыми въ своей округѣ. Вотъ, куда шли монахи, туда же направлялось и крестьянское населеніе; передъ тѣми и другими лежала одна дорога—въ привольные пустыри сѣвера и сѣверо-востока, гдѣ крестьянинъ могъ на просторѣ производить свою *пашу*, расчистить дикаго лѣса подъ пашню, а монахи совершать свое безмолвіе. Не всегда возможно указать, гдѣ которое изъ обоихъ движеній шло впереди другого, гдѣ монахи влекли за собой крестьянъ и гдѣ было наоборотъ; но

Значеніе
пустынныхъ мона-
стырей.

очевидна связь между тѣмъ и другимъ движеніемъ. Значить, направленія, по которымъ двигались пустынные монастыри, могутъ служить показателями тѣхъ невѣдомыхъ путей, по которымъ расходилось крестьянское населеніе.

Что такое былъ древнерусскій пустынный монастырь, какъ онъ возникалъ и устроился, какія были у него условія земельного обогащенія и почему именно въ его средѣ возникъ вопросъ о секуляризаціи монастырскихъ земель? Прежде чѣмъ отвѣтить на всѣ эти вопросы, я долженъ познакомить васъ съ главнымъ источникомъ по исторіи древнерусскихъ монастырей, съ древнерусской агиографіей.

Древнерусскій мѣсяцесловъ.

Въ разное время русская Церковь *канонизовала* свято пожившихъ отечественныхъ подвижниковъ, т. е. причисляла ихъ къ лику святыхъ, устанавливая церковное празднованіе ихъ памяти. Въ царствованіе Грознаго митрополита Макарія созывалъ въ 1547 и 1549 гг. нарочитые церковные соборы, которые установили церковное празднованіе 39 русскимъ святымъ, сопричисливъ ихъ къ отечественнымъ святымъ, прежде того канонизованнымъ, число которыхъ русская церковная историографія полагаетъ до 22. Не будетъ лишнимъ отмѣтить общественное положеніе всѣхъ этихъ подвижниковъ, имена коихъ образовали раннюю основу мѣсяцеслова русскихъ святыхъ: здѣсь встрѣчаемъ 16 князей и княгинь, 1 боярина и 3 литовскихъ мученика, состоявшихъ на службѣ у князя Ольгерда, 14 высшихъ іерарховъ, митрополитовъ и епископовъ, 4 юродивыхъ и 23 основателя и подвижника монастырей. Имена святыхъ этого послѣдняго класса, канонизованныхъ послѣ макарьевскихъ соборовъ до учрежденія Св. Синода, занимаютъ въ русскомъ мѣсяцесловѣ еще болѣе видное мѣсто: изъ 146—такихъ именъ болѣе половины, именно 74.

Древнерусская агиография старалась въ житіяхъ увѣ-
 вчить въ назиданіе потомству память обо всѣхъ отече-
 ственныхъ подвижникахъ благочестія; о нѣкоторыхъ соста-
 вилось по нѣскольку житій и отдѣльныхъ сказаній. Далекое
 не всѣ эти повѣствованія дошли до насъ; многія ходятъ по
 рукамъ на мѣстахъ, оставаясь неизвѣстными русской цер-
 ковной историографіи. Я знаю до 250 агиографическихъ про-
 изведеній болѣе чѣмъ о 170 древнерусскихъ святыхъ. При-
 вожу эти цифры, чтобы дать вамъ нѣкоторое представленіе
 о наличномъ запасѣ русской агиографіи. Дошедшія до насъ
 древнерусскія житія и сказанія, болѣею частію еще не
 изданныя, читаются во множествѣ списковъ—знакъ, что они
 входили въ составъ наиболѣе любимаго чтенія древней Руси.
 Эта распространенность объясняется литературными особен-
 ностями агиографіи.

Древнерус-
ская агио-
графия.

Въ каждомъ изъ насъ есть болѣе или менѣе напряжен-
 ная потребность духовнаго творчества, выражающаяся въ
 склонности обобщать наблюдаемые явленія. Человѣческій
 духъ тяготеетъ хаотическимъ разнообразіемъ воспринима-
 емыхъ имъ впечатлѣній, скучаетъ непрерывно льющимся
 ихъ потокомъ; они кажутся намъ навязчивыми случайно-
 стями и намъ хочется уложить ихъ въ какое-либо русло,
 нами самими очерченное, дать имъ направленіе, нами ука-
 занное. Этого мы достигаемъ посредствомъ обобщенія конкрет-
 ныхъ явленій. Обобщеніе бываетъ двоякое. Кто эти мелочныя,
 разбитыя или разорванныя явленія объединяетъ отвлеченной
 мыслью, сводя ихъ въ цѣльное міросозерцаніе, про того мы
 говоримъ, что онъ философствуетъ. У кого житейскія впечат-
 лѣнія охватываются воображеніемъ или чувствомъ, склады-
 ваясь въ стройное зданіе образовъ или въ цѣльное жизненное
 настроеніе, того мы называемъ поэтомъ. Въ духовномъ запасѣ,
 какимъ располагала древняя Русь, не было достаточно средствъ,

Древнерус-
ское житіе.

чтобы развить наклонность къ философскому мышленію. Но у нея нашлось довольно матеріала, надъ которымъ могли поработать чувство и воображеніе. Это была жизнь русскихъ людей, которые по примѣру восточныхъ христіанскихъ подвижниковъ посвящали себя борьбѣ съ соблазнами міра. Древнерусское общество очень чутко и сочувственно отнеслось къ такимъ подвижникамъ, какъ и сами подвижники очень воспріимчиво усвоили себѣ восточные образцы. Можетъ быть, тѣ и другіе поступили такъ по одинаковой причинѣ: соблазны своей русской жизни были слишкомъ элементарны или слишкомъ трудно доставались, а люди любить бороться съ неподатливой или требовательной жизнью. *Житія*, жизнеописанія такихъ подвижниковъ, и стали любимымъ чтеніемъ древнерусскаго грамотнаго человѣка. Житія описываютъ жизнь святыхъ князей и княгинь, высшихъ іерарховъ русской Церкви, потомъ подчиненныхъ ея служителей, архимандритовъ, игуменовъ, простыхъ иноковъ, всего рѣже лицъ изъ блага духовенства, всего чаще основателей и подвижниковъ монастырей, выходившихъ изъ разныхъ классовъ древнерусскаго общества, въ томъ числѣ и изъ крестьянъ: основатель Сійскаго монастыря на Сѣверной Двинѣ преп. Антоній былъ даже кабалнымъ холопомъ изъ крестьянъ. Люди, о которыхъ повѣствуютъ житія, были все болѣе или менѣе историческія лица, привлекшія на себя вниманіе современниковъ или воспоминаніе ближайшаго потомства: иначе мы и не знали бы объ ихъ существованіи. Въ народной памяти они образовали сонмъ новыхъ сильныхъ людей, заслонившій собой богатырей, въ которыхъ языческая Русь воплотила свое представленіе о сильномъ человѣкѣ. Но житіе—не биографія и не богатырская былина. Отъ послѣдней оно отличается тѣмъ, что описываетъ дѣйствительную, былевую жизнь, только съ извѣстнымъ подборомъ

материала, въ потребныхъ типическихъ, можно было бы сказать, стереотипныхъ ея проявленіяхъ. У агіографа, составителя житія, свой стиль, свои литературные приемы, своя особая задача. Житіе—это цѣлое литературное сооруженіе, нѣкоторыми деталями напоминающее архитектурную постройку. Оно начинается обыкновенно пространнымъ, торжественнымъ предисловіемъ, выражающимъ взглядъ на значеніе святыхъ жизней для людского общежитія. Свѣтильникъ не скрывается подъ спудомъ, а ставится на вершинѣ горы, чтобы свѣтить всѣмъ людямъ; полезно зѣло повѣтвовать житіе божественныхъ мужей; если мы лѣннимся вспоминать о нихъ, то о нихъ вопіютъ ихъ чудеса; праведники и по смерти живутъ вѣчно: такими размышленіями подготавливаетъ агіографъ своего читателя къ назидательному разумѣнію изображаемой святой жизни. Потомъ повѣствуется дѣятельность святаго, предназначеннаго съ младенческихъ лѣтъ, иногда еще до рожденія стать богоизбраннымъ сосудомъ высокихъ дарованій; эта дѣятельность сопровождается чудесами при жизни, запечатлѣвается чудесами и по смерти святаго. Житіе заканчивается похвальнымъ словомъ святому, выражающимъ обыкновенно благодареніе Господу Богу за ниспосланіе міру новаго свѣтильника, освѣтившаго житейскій путь грѣшнымъ людямъ. Всѣ эти части соединяются въ нѣчто торжественное, богослужбное: житіе и предназначалось для прочтенія въ церкви на всенощномъ бдѣніи наканунѣ дня памяти святаго. Житіе обращено собственно не къ слушателю или читателю, а къ молящемуся. Оно болѣе чѣмъ поучаетъ: поучая, оно настраиваетъ, стремится превратить душеполезный моментъ въ молитвенную наклонность. Оно описываетъ индивидуальную личность, личную жизнь; но эта случайность цѣнится не сама по себѣ, не какъ одно изъ многообразныхъ проявленій человѣческой

природы, а лишь какъ воплощеніе вѣчнаго идеала. Цѣль житія—наглядно на отдѣльномъ существованіи показать, что все, чего требуетъ отъ насъ заповѣдь, не только исполнимо, но не разъ и исполнялось, стало быть, обязательно для совѣсти, ибо изъ всѣхъ требованій добра для совѣсти необязательно только невозможное. Художественное произведеніе по своей литературной формѣ, житіе обрабатываетъ свой предметъ дидактически: это—назиданіе въ живыхъ лицахъ, а потому живыя лица являются въ немъ поучительными типами. Житіе—не біографія, а назидательный панегирикъ въ рамкахъ біографіи, какъ и образъ святаго въ житіи—не портретъ, а икона. Потому въ ряду основныхъ источниковъ древнерусской исторіи житія святыхъ древней Руси занимаютъ свое особое мѣсто. Древнерусская лѣтопись отмѣчаетъ текущія явленія въ жизни своей страны; повѣсти и сказанія передаютъ отдѣльныя событія, особенно сильно подѣйствовавшія на жизнь или воображеніе народа; памятники права, судебники и грамоты, формулируютъ общія правовыя нормы или устанавливаютъ частныя юридическія отношенія, изъ нихъ возникавшія: только древнерусское житіе даетъ намъ возможность наблюдать личную жизнь въ древней Руси, хотя и возведенную къ идеалу, переработанную въ типъ, съ котораго корректный агіографъ старался стряхнуть всѣ мелочныя конкретныя случайности личного существованія, сообщающія такую жизненную свѣжесть простой біографіи. Его стереотипныя подробности о провиденціальномъ воспитаніи святаго, о борьбѣ съ бѣсами въ пустынь—требованія агіографическаго стиля, не біографическія данныя. Онъ и не скрывалъ этого. Не зная ничего о происхожденіи и ранней порѣ жизни своего святаго, онъ иногда откровенно начиналъ свой рассказъ: а изъ какого града или веси и отъ каковыхъ родителей произошелъ такой свѣтильникъ, того

мы не обрѣли въ писаніи, Богу то вѣдомо, а намъ довольно знать, что онъ горняго Іерусалима гражданинъ, отца имѣеть Бога, а мать—святую Церковь, сродники его—всенощныя многослезныя молитвы и непрестанныя воздыханія, ближніе его—неуспѣшныя труды пустынные. Но время подвиговъ святаго обыкновенно хорошо было извѣстно агіографу по устному преданію, письменнымъ воспоминаніямъ очевидцевъ, даже по личнымъ наблюденіямъ: нерѣдко онъ самъ стоялъ близко къ святому, даже «возливалъ воду на его руки», т. е. жилъ съ нимъ въ одной кельѣ, былъ его послушникомъ, а потому при всемъ его загробномъ благоговѣніи къ памяти небожителя сквозь строгія условности житійнаго изложенія проглядываютъ обаятельныя черты живой личности. Наконецъ очень цѣнны для историографіи часто сопровождающія житіе посмертныя чудеса святаго, особенно подвизавшагося въ пустынномъ монастырѣ. Это—нерѣдко своеобразная мѣстная лѣтопись глухого уголка, не оставившаго по себѣ слѣда ни въ общей лѣтописи, даже ни въ какой грамотѣ. Такія записи чудесъ иногда велись по порученію игумена и братіи особыми на то назначенными лицами, съ опросомъ исцѣленныхъ и свидѣтельскими показаніями, съ прописаніемъ обстоятельствъ дѣла, являясь скорѣе дѣловыми документами, книгами форменныхъ протоколовъ, чѣмъ литературными произведеніями. Несмотря на то въ нихъ иногда ярко отражается бытъ мѣстнаго мірка, притекавшаго къ могилѣ или ко гробу святаго со своими нуждами и бо-
лѣзнями, семейными не порядками и общественными неурядицами.

Я не буду говорить о томъ, въ какой мѣрѣ древнерусскіе монастыри отвѣчали первоначальной идеѣ христіанскаго монашества и какое вліяніе оказали на нихъ греческіе монастыри той эпохи, когда Русь принимала христіанство: это

мірскіе монастыри.

спеціальныя вопросы русской церковной исторіи. Я коснусь лишь условій, содѣйствовавшихъ развитію монастырскаго землевладѣнія. Въ этомъ отношеніи немало значило то, какъ и гдѣ возникали монастыри. Мы уже видѣли отчасти, какъ они возникали. Высшій іерархъ, митрополитъ или епископъ, строилъ монастырь, чтобы отдохнуть тамъ отъ пастырскихъ трудовъ и упокоиться по оставленіи паствы. Владѣтельный князь украшалъ обителями свой стольный городъ, свое княжество, чтобы создать «прибѣжище» для окрестныхъ обывателей и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть постоянныхъ богомольцевъ за себя съ семьей и за своихъ родителей, иногда руководясь при этомъ и особенными побужденіями исполнить обѣтъ, данный въ трудномъ случаѣ, или ознаменовать память о какомъ-либо счастливомъ событіи своего княженія. Бояринъ или богатый купецъ создавалъ себѣ въ монастырѣ мѣсто, гдѣ надѣялся съ наибольшей пользой для души молиться и благотворить при жизни и лечь по смерти. Построивъ церковь и кельи и собравъ братію, основатель обезпечивалъ содержаніе своей обители недвижимыми имѣніями или средствами для ихъ приобрѣтенія. Новгородскій бояринъ Своеземцевъ, богатый землевладѣлецъ, въ XV в. построилъ около своего городка на р. Вагѣ монастырь, въ которомъ и самъ постригся подъ именемъ Варлаама, приписавъ къ нему значительныя земли изъ своихъ важскихъ вотчинъ и оставивъ братіи посмертный завѣтъ ежегодно въ день его кончины вдоволь кормить бѣдныхъ, сколько бы ихъ ни набралось въ монастырь на праздникъ; послѣ трапезы, отпуская изъ монастыря, еще надѣляли ихъ печенымъ и зерновымъ хлѣбомъ. Иногда монастырь строился при содѣйствіи цѣлаго общества, городского или сельскаго. Монастырь былъ нуженъ городу и сельскому округу, чтобы обывателямъ было гдѣ постричься въ старости и при смерти и «устроить душу» посмертнымъ

поминовеніемъ. Изъ одной грамоты 1582 г. узнаемъ, что на Сѣверной Двинѣ близъ Холмогоръ былъ «убогой» монастырь, о которомъ крестьяне тамошней Чухченемской волости показали, что у него было 14 деревенокъ, что тотъ монастырь строили и деревни къ нему «подпушалаи и прикупали» ихъ прады и дѣды и отцы, проча его себѣ и своимъ дѣтямъ и внучатамъ «на постриганіе и на поминокъ»; монастыремъ и его деревнями завѣдывали они же, волостные крестьяне, и монастырскую казну держали у себя въ волости. Казна тавого монастыря составлялась преимущественно изъ вкладовъ за постриженіе и поминъ души и такъ же обращалась на приобрѣтеніе недвижимыхъ имуществъ съ разными доходными угодьями и заведеніями. Въ XVI в. былъ построенъ монастырь, который можно назвать не только мірскимъ, но и «земскимъ». Преп. Трифонъ, подвизавшійся въ Пермской странѣ, узнавъ, что въ сосѣдней Вятской землѣ, многолюдной и богатой, нѣтъ монастыря, возгорѣлъ желаніемъ доставить ей это средство душевнаго спасенія. Онъ предложилъ вятскимъ земскимъ старостамъ и судьямъ возложить это дѣло на него, какъ старца, уже потрудившагося въ монастырскомъ строительствѣ. Вятчане съ радостью приняли предложеніе, и Трифонъ ѣздилъ въ Москву бить челомъ о построеніи монастыря отъ всей Вятской земли, «отъ всѣхъ вятскихъ городовъ». Но скоро вятчане охладѣли къ дѣлу и перестали помогать Трифону. Его выручилъ вятскій воевода Овцынъ. На первый день Пасхи онъ позвалъ къ себѣ всѣхъ знатныхъ и богатыхъ вятчанъ. Былъ здѣсь и Трифонъ. Когда всѣ «быша въ веселіи», воевода пригласилъ гостей помочь Трифону, кто сколько можетъ. Гости радушно согласились. Тотчасъ явился «нѣкій скорописецъ» съ подписной книгой. Воевода первый подписалъ значительную сумму; гости отъ него не отстали. Христосо-

ванье съ воеводой и воеводское угощенье съ подпиской продолжались еще два дня и собрано было болѣе 600 р. (около 30,000 р. на наши деньги). Въ Москвѣ Трифонъ выхлопоталъ своему монастырю «села и деревни съ людьми», озера, рыбныя ловли и сѣнные покосы. Братія, которую строители набирали въ такіе мірскіе монастыри для церковной службы, имѣла значеніе наемныхъ богомольцевъ и получала «служеное», жалованіе изъ монастырской казны, а для вкладчиковъ монастырь служилъ богадѣльней, въ которой они своими вкладами покупали право на пожизненное «прекормленіе и покой». Люди, искавшіе подъ старость въ мірскомъ монастырѣ покоя отъ мірскихъ заботъ, не могли исполнять строгихъ, дѣятельныхъ правилъ иноческаго устава. Когда въ одномъ такомъ монастырѣ попытались ввести подобныя правила, иноки съ плачемъ заявили строителю, что новыя требованія имъ не подъ силу: эта братія, какъ объяснилъ дѣло самъ строитель, поселяне и старики, непривычныя къ порядку жизни настоящихъ иноковъ, состарившіяся въ простыхъ обычаяхъ. Въ вятскомъ земскомъ монастырѣ дѣло шло еще плачевнѣе. Трифонъ ввелъ въ немъ строгій уставъ, запретилъ монахамъ держать столъ съ виномъ по кельямъ, предписавъ довольствоваться одинаковой пищей въ общей трапезѣ. Братія, набившаяся въ богатый монастырь, была такова, что строгія требованія настоятеля подняли ее на открытый мятежъ: Трифона бранили въ глаза, запирали и даже били и наконецъ выгнали изъ монастыря.

Основатели
пустынныхъ
монастырей.

Осуществленія идеи настоящаго иночества надобно искать въ пустынныхъ монастыряхъ. Основатели ихъ выходили на свой подвигъ по внутреннему призванію и обыкновенно еще въ молодости. Древнерусскія житія изображаютъ разнообразныя и часто характерныя условія прохожденія пустыннаго подвижничества въ древней Руси; но самый путь, ко-

торымъ шли подвижники, былъ довольно однообразенъ. Будущій основатель пустынного монастыря готовился къ своему дѣлу продолжительнымъ искусомъ обыкновенно въ пустынномъ же монастырѣ подъ руководствомъ опытнаго старца, часто самого основателя этого монастыря. Онъ проходилъ разныя монастырскія службы, начиная съ самыхъ черныхъ работъ, при строгомъ постѣ, «изнуря плоть свою по вся дни, бодрствуя и молясь по вся ноци». Такъ усвоилось первое и основное качество инока, отречение отъ своей воли, послушаніе безъ разсужденія. Проходя эту школу физическаго труда и нравственнаго самоотверженія, подвижникъ, часто еще юный, вызывалъ среди братіи удивленные толки, опасную для смиренія «молву», а пустынная молва, по замѣчанію одного житія, ничѣмъ не отличается отъ мятежной городской славы. Испушаемому подвижнику приходилось бѣжать изъ воспитавшей его обители, искать безмолвія въ настоящей глухой пустынѣ, и настоятель охотно благословлялъ его на это. Основатели пустынныхъ монастырей даже поощряли своихъ учениковъ, въ которыхъ замѣчали духовную силу, по окончаніи искуса уходить въ пустыню, чтобы основывать тамъ новые монастыри. Пустынный монастырь признавался совершеннѣйшей формой общенія, основаніе такого монастыря—вышимъ подвигомъ инока. Древнерусское *оситіе* недостаточно выясняетъ, изъ какихъ практическихъ побужденій составилъ такой взглядъ, было ли то исканіе пустыннаго безмолвія ради спасенія души, или стремленіе почувствовавшаго свою силу инока имѣть *свой* монастырь, изъ послушника превратиться въ хозяина, или наконецъ желаніе пойти навстрѣчу общественной потребности. Мы уже видѣли, что съ XIV в. монастырское движеніе усиленно направлялось изъ центральныхъ областей на сѣверъ за Волгу. Причина понятна: сѣверное

Заволожье—это былъ тогда край, наиболѣе привольный для пустынножителей, гдѣ они при поселеніи наименѣе могли опасаться столкновеній съ землевладѣльцами и сельскими обществами. Но въ ту же сторону, оттуда же и съ того же времени направлялась и крестьянская колонизація: монахи и крестьянинъ были попутчики, шедшіе рядомъ, либо одинъ впереди другого. Указанныя сейчасъ побужденія пустынножителей не исключали другъ друга, а либо переходили одно въ другое, либо сливались одно съ другимъ, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ. По крайней мѣрѣ въ житіяхъ есть намеки на то, что отшельники, строя церкви и при нихъ монастыри, верѣдко имѣли въ виду доставить расхившимся по заволожскимъ лѣсамъ переселенцамъ возможность помолиться, постричься и похорониться въ недалекомъ храмѣ съ обителью. Связь пустынноческаго движенія съ крестьянской колонизаціей выступаетъ въ агиографіи довольно явственно. Постриженникъ Каменнаго монастыря на Кубенскомъ озерѣ преп. Діонисій, подвизаясь въ концѣ XIV и въ началѣ XV в. въ глухихъ дебряхъ по р. Глушицѣ, лѣвому притоку верхней Сухоны, строитъ въ разныхъ мѣстахъ одинъ храмъ за другимъ «на прихождение православному христіанству», потому что «не баше тогда церкви на томъ мѣстѣ», а деревни вокругъ все множились. Около того же времени другой инокъ Феодоръ, обходя пустыни около Бѣлаозера, нашелъ тамъ на устьѣ р. Кожки «новопашенныя мѣста починки», свѣжія рощисти подъ пашню, выпросилъ себѣ у удѣльнаго князя эти починки съ покосами и рыбными ловлями и устроилъ монастырь, который сталъ для окрестныхъ новоселовъ сборнымъ мѣстомъ молитвы и постриженія.

Поселеніе
въ пустынь.

Но отшельникъ не всегда переходилъ изъ воспитавшей его обители прямо въ пустыню, гдѣ суждено ему было

основать свой монастырь. Многие долго странствовали по другим монастырямъ и пустынямъ: ученикъ Сергія Радонежскаго Павелъ, постригшись 22 лѣтъ отъ роду, 50 лѣтъ странствовалъ по разнымъ пустынямъ, прежде чѣмъ основать свою обитель на р. Обнорѣ. Странничество было распространено среди сѣвернаго русскаго монашества тѣхъ вѣковъ и рисуется въ житіяхъ яркими чертами. Странникъ уходилъ иногда тайкомъ, чтобы видѣть обычаи разныхъ монастырей и поклониться святымъ мѣстамъ Русской земли. Кириллъ Новозерскій, скитаясь по пустынямъ, ходилъ босой, питался травой, кореньями и сосновой корой и «со звѣрами живяше 20 лѣтъ», наконецъ сталъ помышлять о покоѣ и основалъ свой монастырь въ Бѣлозерскомъ краю (1517 г.): Найти мѣсто, гдѣ бы «удинитися отъ чловѣкъ», было важной заботой для отшельника: манили дебри, гдѣ бы были «лѣса черные, блатъ, мхи и чащи непроходимыя». На выбранномъ мѣстѣ ставилась кельица малая или просто устроялась землянка. Павелъ Обнорскій три года прожилъ въ дуплѣ большой старой липы, а Корнилій, пришедши въ Комельскій лѣсъ, поселился въ одинокой избѣ, покинутой разбойниками. Но отшельнику рѣдко приходилось долго оставаться въ безмолвіи: его открывали окрестные крестьяне и другіе пустытники, которыхъ много скрывалось по воложскимъ лѣсамъ. Около кельи отшельника строились другія для желавшихъ съ нимъ сожителствовать, и составлялось пустынное братство.

Въ древней Руси различали три вида иноческой жизни: *Пустынный общежитіе*, *житіе особое* и *отходное*. Общежительный монастырь—это монашеская община съ нераздѣльнымъ имуществомъ и общимъ хозяйствомъ, съ одинаковой для всѣхъ пищей и одеждой, съ распредѣленіемъ монастырскихъ работъ между всей братіей; ничего не считать своимъ, но все

Пустынный
общежи-
тельный
монастырь.

имѣть общее—главное правило общежитія. Отходному житію посвящали себя люди, стремившіеся жить въ полномъ пустынномъ уединеніи, пощеніи и молчаніи; оно считалось высшей ступенью иночества, доступной лишь тѣмъ, кто достигалъ иноческаго совершенства въ школѣ общаго житія. Особное житіе вообще предшествовало монастырскому общежитію и было подготовительной къ нему ступенью. Оно было очень распространено въ древней Руси, какъ простѣйшій видъ иночества, и принимало различныя формы. Иногда люди, отрекавшіеся или помышлявшіе отречься отъ міра, строили себѣ кельи у приходскаго храма, заводили даже игумена, какъ духовнаго руководителя, но жили отдѣльными хозяйствами и безъ опредѣленнаго устава. Такой монастырь «особнякъ» составлялъ не братство, а товарищество, объединявшееся сосѣдствомъ, общимъ храмомъ, иногда и общимъ духовникомъ. Другіе селились въ пустынь человека по два, по три или болѣе въ отдѣльныхъ кельяхъ по сосѣдству, образуя небольшіе отшельническіе поселки. Но когда среди нихъ появлялся сильный, пріобрѣтавшій извѣстность подвижникъ, вокругъ него сосредоточивались эти разсѣяныя пустынки, образовывалось скученное поселеніе, заводились общія работы, пришельцы помогали хозяину въ трудахъ надъ окрестнымъ лѣсомъ, «древіе посѣвая и землю очищая къ насѣянію плодовъ земныхъ», отшельники начинали «обще ясти во единой хранинѣ», по выраженію одного житія, являлась нужда построить для умножившейся братіи просторный храмъ съ общей трапезой. Такъ особое житіе само собою переходило въ общежитіе. Наконецъ братія слава въ Москву челобитье о монастырскомъ строеніи, какъ читаемъ въ житіи Антонія Сійскаго, «пожаловаль бы государь, велѣлъ богомолье свое монастырь строити на пустомъ мѣстѣ, на дикомъ лѣсу, братію собирать и пашню пахати». Разрѣ-

шеніе пашню пахать значило, что дикій казенный лѣсъ, окружавшій монастырь, отдавался ему во владѣніе для расчистки подъ пашню. Съ минуты этого пожалованія товарищество безформеннаго особняка превращалось въ учрежденіе, становилось юридическимъ лицомъ. На первыхъ порахъ, когда монастырь устроился и обзаводился, братія вела усиленно трудовую жизнь, терпѣла «монастырскую страду». По задачамъ иночества монахи должны были питаться отъ своихъ трудовъ, «свои труды ясти и пити», а не жить подавками мірянъ. Среди основателей и собиравшейся къ нимъ рядовой братіи пустынныхъ монастырей встрѣчались люди изъ разныхъ классовъ общества, дворяне, купцы, промышленники и ремесленники, иногда люди духовнаго происхожденія, очень часто крестьяне. Общежительный монастырь подъ руководствомъ дѣятельнаго основателя представлялъ рабочую общину, въ которой занятія строго распредѣлялись между всѣми, каждый зналъ свое дѣло и работы каждаго шли «на братскую нужу». Уставъ бѣлозерскихъ монастырей Кирилла и Ферапонта, какъ онъ изложенъ въ житіи послѣдняго, живо изображаетъ этотъ распорядокъ монастырскихъ занятій, «чинъ всякаго рукодѣлія»: кто книги пишетъ, кто книгамъ учится, кто рыболовныя сѣти плететь, кто вельи строить; одни дрова и воду носили въ хлѣбню и поварню, гдѣ другіе готовили хлѣбъ и варево; хотя и много было служебъ въ монастырѣ, вся братія сама ихъ исправляла, отнюдь не допуская до того мірянъ, монастырскихъ служекъ. Но первой хозяйственной заботой основателя пустыннаго монастыря было приобрѣтеніе окрестной земли, обработка ея—главнымъ хозяйственнымъ дѣломъ собиравшейся въ немъ братіи. Пока на монастырскую землю не садились крестьяне, монастырь самъ обрабатывалъ ее, всѣмъ своимъ составомъ, со строителемъ

во главѣ выходя на лѣсныя и полевыя работы. Земледѣльческое хозяйство приходилось заводить на дикомъ нетронутомъ лѣсу, расчищая его подъ пашни и огороды. Въ одномъ монастырскомъ сказаніи XVI в. такими чертами изображается образцовая дѣятельность основателя пустынного монастыря: довольно лѣтъ подвизался онъ въ своей обители, построилъ церкви и кельи поставилъ, «и многая по чину монастырскому взградивъ, и нивы и пашни къ монастырю приобрѣте, и человекѣи многіе (слуги-міряне) и скоты на службу въ обитель сію устрои, и не преста отъ труда своего, аще и въ многолѣтней сѣдинѣ, и не даде тѣлу своему ни мало покоя, еще второе о Бозѣ умышляетъ, дабы ему далъ Богъ обрѣсти мѣсто потребно къ рыбной ловлѣ». Такъ помысли о пустынномъ безмолвіи завершались образованіемъ монашеской земледѣльческой общины. Причиной такого, какъ бы сказать, уклонна иночества была его связь съ крестьянской колонизаціей. Пустынники шли вслѣдъ за крестьянами или пролагали имъ дороги въ заволжскихъ лѣсахъ; пустынный общежительный монастырь служилъ нуждамъ переселенцевъ, религіознымъ и хозяйственнымъ, широко пользовался ихъ трудомъ, изъ ихъ среды пополнялъ свою братію. Та же причина въ ряду другихъ условій содѣйствовала и дальнѣйшему уклоненію большинства русскихъ монастырей отъ идеи иночества, о чемъ буду говорить въ слѣдующій часть.

Лекція XXXV.

Способы земельного обогащенія монастырей.—Земли жалованныя.—Вклады по душѣ и для постриженія.—Купли и другія сдѣлки.—Вредныя слѣдствія монастырскаго землевладѣнія для самого монашества.—Монастырскіе кормы.—Упадокъ монастырской дисциплины.—Неудобства монастырскаго землевладѣнія для служилыхъ людей и государства.—Вопросъ о монастырскихъ вотчинахъ.—Нилъ Сорскій и Іосифъ Волоцкій.—Соборъ 1503 г.—Литературная полемика по вопросу.—Законодательныя попытки сдержать земельное обогащеніе монастырей.

Мы видѣли, какъ древнерусскій общежительный монастырь становился земледѣльческой общиной. Теперь намъ предстоитъ рассмотретьъ, какъ многіе изъ этихъ монастырей превращались въ крупныхъ землевладѣльцевъ.

Житіе изображаетъ древнерусскаго пустынножителя въ минуты его жизни, когда онъ приближался къ своему иноческому идеалу. Но сохранились документы, въ которыхъ тотъ же пустынножитель является въ ежедневномъ быту, среди своихъ будничныхъ хлопотъ. Здѣсь онъ заботливый хозяинъ, пекущійся о прокормленіи собранной братіи. Около половины XVI в. на южномъ берегу оз. Ильмена близъ пустони Леохнова началъ подвизаться отшельникъ Антоній изъ тверскихъ дворянъ. Потомъ къ нему собралось нѣсколько сподвижниковъ и къ концу вѣка возникъ монастырь. Жизнь Антонія описана въ житіи обычными чертами строгаго пу-

Земли
жалован-
ныя.

стынножительства. Но изъ сохранившихся актовъ монастыря видно, какъ заботливо и съ какимъ трудомъ устроилъ Антоній поземельное хозяйство своей пустынки. Стѣсненный помѣщичьими землями, онъ жаловался, что ему некуда выпустить монастырскую животину, выпрашивалъ себѣ сѣнные покосы, брошенные крестьянами и зароставшіе дѣсомъ, также дворцовыя пустоши, покинутыя помѣщиками, бралъ ихъ «изъ оброку для пашни и животиннаго выпуска», съ обязательствомъ ихъ распахать и обстроить, «хоромы поставить». Выпрошенные луга и пустоши называются въ документахъ «государевой жалованной землей». Между служилымъ землевладѣльцемъ и тяглымъ хлѣбопашцемъ пустынный монастырь оперируетъ съ землей, какъ соперникъ того и другого, съ тою лишь немаловажною разницей, что монастырь прочнѣе ихъ обоихъ умѣлъ укрѣплять за собой приобретаемыя земли. Способы этого укрѣпленія особенно явственно выступаютъ въ другомъ случаѣ. Въ 1618 г. Троицкаго Сергіева монастыря старецъ Трифилій да крестьянинъ Ивашка выпросили себѣ въ Москвѣ въ дворцовомъ вѣдомствѣ «для пустыннаго строенья» дѣсное урочище Пелегово за р. Унжей на дикомъ мѣстѣ, «отъ людей поотдагло». Предприниматели брали урочище на 6-лѣтнюю льготу съ обязательствомъ въ эти льготные годы «пустыню строить, храмъ воздвигнуть, братію и крестьянъ на пашню призывать, дѣсъ расчищать и пашню пахать къ той пустынѣ и всякими угодами владѣть», а по истеченіи льготнаго срока платить въ казну ежегодно около 10 р. на наши деньги. Черезъ 9 лѣтъ строитель отдалъ свою пустынь въ Сергіевъ монастырь, который съ крестьянъ сосѣдней волости взялъ запись—никакихъ споровъ о землѣ съ пустынью не затѣвать и своимъ строеньемъ ея не называть. Между тѣмъ пустынь уже наставила починковъ и насажала крестьянъ на

своей землѣ и даже воспользовалась «промежной землей», нейтральной полосой, пролегавшей между нею и волостью, и начала тамъ «дворы строить и бобылей призывать», стѣсняя своихъ сосѣдей. При такой колонизаторской домовитости казна охотно уступала строителямъ пустынныхъ монастырей обширныя дико-лѣсныя пространства, чтобы ввести ихъ въ народно-хозяйственный оборотъ. Въ концѣ XV в. монастырю Павла Обнорскаго пожаловано было «чернаго непашеннаго», нетронутаго Комельскаго лѣса въ Вологодскомъ краю на 8 верстѣ въ длину и на 3—4 версты въ ширину. Въ началѣ XVI в. нѣкій старецъ Ефремъ основалъ монастырь въ глухомъ краю на верхней Вагѣ; преемнику основателя царь въ 1559 г. далъ грамоту съ правомъ «отъ той пустыни лѣсъ сѣчи и людей на томъ на дикомъ лѣсу садити и пашню пахати на всѣ стороны отъ монастыря по пяти верстѣ». А игумену Теодору, построившему пустынку на дикомъ лѣсу гдѣ-то между Вологодой, Каргополомъ и Вагой, въ 1546 г. позволено было лѣсъ расчищать и заселять на 12 верстѣ отъ монастыря во всѣ стороны. Такія огульные земельныя пожалованія соединялись со щедрыми судными и податными льготами для крестьянъ, селившихся на пожалованныхъ земляхъ, и потому заселеніе ихъ шло очень успѣшно. Когда преп. Павелъ въ концѣ XIV в. началъ подвизаться на пустынной Обнорѣ, далеко кругомъ его кельи не было мірскаго жилья. Въ 1489 г., когда монастырю было пожаловано до 30 кв. верстѣ Комельскаго лѣса, съ крестьянъ 4 монастырскихъ деревень велѣно было «податей никакихъ не имати», и спустя 56 лѣтъ на отведенномъ монастырю лѣсу стояло уже до 45 старыхъ и новыхъ деревень и починковъ, самимъ монастыремъ поставленныхъ. Землевладѣльческіе успѣхи монастыря при такой щедрости набожнаго правительства и при тогдашней неопредѣленности

поземельныхъ отношеній нерѣдко приводили къ прискорбнымъ столкновеніямъ. Окрестные землевладѣльцы и крестьяне говорили про строителя: «сей старецъ близъ насъ поселился, по малѣ времени завладѣть нами и селитвами нашими; на нашей землѣ монастырь поставилъ и пашню строить и хочетъ завладѣть нашими землями и селами, которыя близъ монастыря». Въ началѣ XVII в. вотчинный крестьянинъ Иосифова волоколамскаго монастыря Симонъ, въ Смутное время брошенный отцомъ и ушедшій кормиться въ Устюгъ, поселился въ глухомъ лѣсу на рѣчкѣ Кичменгѣ, притокъ р. Юга, въ урочищѣ Волмахъ, откуда до ближайшихъ крестьянскихъ поселеній было не меньше 20 верстъ. Жилъ онъ, какъ всѣ лѣсные отшельники, «во многихъ трудѣхъ и подвижѣхъ, лѣсъ посѣвая и землю очищая», и когда къ нему стали собираться сожители, пошелъ въ Москву хлопотать о разрѣшеніи «въ непроходимомъ черномъ лѣсу обитель составить и братію собрати». Царь далъ ему жалованную грамоту съ правомъ владѣть тѣмъ лѣсомъ на 10 верстъ во всѣ стороны отъ его аршинной («яко лактя единого») келейки на р. Кичменгѣ. Тогда окрестные крестьяне испугались, что привольный лѣсъ, гдѣ они промышляли на просторѣ, ускользнетъ изъ ихъ рукъ. Симонъ построилъ церковь въ своей пустынѣ: они сожгли ее. Симонъ построилъ другую: крестьяне захватывали его въ пустынѣ наединѣ, просьбами, угрозами и даже пытками старались выманить у него царскую жалованную грамоту и наконецъ звѣрски его убили. Разказы объ озлобленномъ отношеніи окрестныхъ обывателей къ строителямъ монастырей изъ опасенія потерять земли и угодья не рѣдки въ древнерусскихъ житіяхъ. Усердные не по разуму правители иногда оправдывали такое опасеніе, противъ воли самихъ строителей навязывая имъ даже населенныя земли. Преп. Корнилій Комель-

скій, основавшій монастырь на р. Нурмѣ, былъ строгій и нестяжательный пустынникъ. Отецъ Грознаго очень чтилъ старца, который въ молодости служилъ при дворѣ его бабушки. Житіе Корнилія передаетъ короткую бесѣду его съ вел. кн. Василиемъ. «Слышала я, отче, что у твоего монастыря нѣтъ сель и деревень; но проси, и я дамъ, что тебѣ нужно». Корнилій отвѣчалъ, что ему ничего не нужно, а только просить онъ дать ему немного земли съ лѣсомъ близъ монастыря, чтобы онъ со своею братіей могъ «отъ поту лица своего ѣсть хлѣбъ свой». Великій князь исполнилъ просьбу старца да отъ себя прибавилъ прилегавшіе къ монастырю деревни и починки «со всякимъ угодіемъ», освободивъ ихъ обывателей отъ всякихъ податей и поборовъ. Сохранилась пожалованная тогда Корнилію грамота, укрѣплявшая за монастыремъ 29 деревень и починковъ, обывателей которыхъ «вѣдаетъ и судить старецъ Корнилій съ братьею сами во всемъ». Пустынникъ, которому собственный монастырь казался слишкомъ шумнымъ и который искалъ полного безмолвія, волей-неволей сталъ управителемъ чуть не цѣлой сельской волости со всѣми ея дрягями.

Вотчины *жалованныя*, испрошенныя у мірской власти, Вклады по душѣ. были основнымъ фондомъ земельного богатства монастырей. Деревни и починки, пожалованные преп. Корнилію помимо его просьбы, имѣли уже характеръ вклада. *Вклады* были другимъ еще болѣе обильнымъ источникомъ земельного обогащенія монастырскаго монашества. Они входили въ составъ довольно сложной системы *строенія души*, выработанной древнерусскою набожностью, точнѣе, древнерусскимъ духовенствомъ. Въ духовной жизни древней Руси я не знаю другой черты, которая такъ выпукло обнаруживала бы степень пониманія христіанства древнерусскимъ человѣкомъ. *Строить душу* значило обезпечить человѣку загробную

молитву Церкви о его грѣхахъ, о спасеніи его души. Вы помните, что замѣчаетъ православный катихизисъ въ изложеніи XI члена Символа вѣры о душахъ умершихъ съ вѣрою, но не успѣвшихъ принести плоды, достойные покаянія: для достиженія блаженнаго воскресенія имъ могутъ вспомошествовать приносимыя за нихъ молитвы, особенно соединенныя съ приношеніемъ безкровной жертвы, и благотворенія, съ вѣрою совершаемыя въ память ихъ. Православное ученіе о молитвѣ за усопшихъ древнерусская рядовая совѣсть усвоила недостаточно вдумчиво и осторожно: возможность молитвы о душахъ умершихъ, не успѣвшихъ принести плоды покаянія, приободрила къ мысли, что и нѣтъ нужды спѣшить съ этимъ дѣломъ, что на все есть свое время. Въ одной былинѣ древнерусскій богатырь, собираясь подъ старость въ Іерусалимъ, чтобы пристойно завершить свои неблаговидные подвиги, говорить:

Смолоду было много бито, граблено,
А теперь пора душа спасти.

Сострадательная заботливость Церкви о не успѣвшихъ позаботиться о себѣ послужила для податливой на соблазнъ и трусливой совѣсти поводомъ къ мнѣнію, что можно отомолиться чужой молитвой, лишь были бы средства нанять ее и лишь бы она была не кой-какая, а истовая, технически усовершенствованная молитва. Привилегированными мастерами такой наемной молитвы были признаны монастыри: свѣтъ инокамъ ангелы, свѣтъ мірянамъ иноки,—говорили въ древней Руси. Такой взглядъ на монастыри, укрѣпившійся въ древнерусскомъ обществѣ, былъ большимъ несчастіемъ для монастырскаго монашества, разстраивавшимъ его быть и мѣшавшимъ ему понять свое истинное назначеніе. Средствомъ для найма монастырской молитвы и служили

вклады ради спасенія души, «въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ». Они принимали разнообразныя формы и дѣлались всевозможными вещами, церковными предметами, колоколами, свѣчами, сосудами, иконами, богослужебными книгами, также хозяйственными принадлежностями, хлѣбомъ, домашнимъ скотомъ, платьемъ, всего обычнѣе деньгами и недвижимыми имуществами. Различны были и блага, какія надѣялись приобрести вкладами. Всего ближе къ церковному ученію о молитвѣ за усопшихъ были вклады *по душѣ*, для заупокойнаго поминовенія. Такой вкладъ входилъ, какъ норма, въ составъ древнерусскаго права наслѣдованія: изъ имущества состоятельнаго покойника обязательно выдѣлялась доля на помять его души, хотя бы онъ не оставлялъ по себѣ никакихъ предсмертныхъ распоряженій; его молчаливая воля по этому предмету предполагалась, какъ необходимая юридическая презумпція. Древнерусскому человѣку вообразить себя на томъ свѣтѣ безъ заказнаго поминовенія на землѣ было такъ же страшнo, какъ ребенку остаться безъ матери въ незнакомомъ пустынномъ мѣстѣ. Выработана была подробная такса заупокойныхъ богослуженій, панихидъ «большихъ и меньшихъ», литій, обѣденъ. Поминовеніе по *сенанику* (синодику) отличалось отъ «годоваго поминовенія впрокъ», которое стоило дороже; смотря по вкладу усопшаго записывали въ вѣчные сенаники *налойный, литейный, олтарный, костынный, вседневный* и *сельный съ селники*, т. е. съ покойниками, по которымъ были вклады селами. Въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ въ 1630-хъ гг. за записъ въ литейный синодикъ брали по 50 р. (не менѣе 500 р. на наши деньги) съ каждаго имени. Преп. Іосифъ Волоцкій въ посланіи къ княгинѣ-вдовѣ Голениной изложилъ своего рода догму поминальныхъ вкладовъ. Княгиня въ теченіе 15 лѣтъ передала въ монастырь Іосифа по своему отцѣ, мужѣ и

двухъ сыновьяхъ деньгами и другими вкладами болѣе 70 рублей (не менѣе 4 тыс. на наши деньги). Ей хотѣлось, чтобы ея покойниковъ поминали особо, а не на общихъ панихидахъ заурядъ съ другими усопшими вкладчиками, и имена ихъ были бы внесены въ вѣчный синодикъ. Изъ монастыря ей отвѣчали, что для этого требуется особый значительный вкладъ. Княгиня въ сердцахъ назвала это требованіе «грабежомъ». Иосифъ въ своемъ письмѣ и опровергаетъ это вспылчивое выраженіе. Онъ точно высчитываетъ, что и на общихъ «панаеидахъ», заупокойныхъ литіяхъ и вседневныхъ обѣдняхъ покойники княгини въ сложности поминаются не меньше 6 разъ на день, а въ иной день и по 10 разъ, что пѣть за всякаго по особой панихидѣ и обѣднѣ—дѣло невозможное; даромъ священникъ ни одной обѣдни, ни панихиды не служить, а надобно каждому заплатить за обѣдню въ праздникъ болѣе 1 руб. (на наши деньги), а въ будни половину того. Въ концѣ письма Иосифъ говоритъ, что въ годовое поминанье не записываютъ «безъ ряды», особаго договора съ условіемъ либо ежегоднаго урочнаго взноса деньгами или хлѣбомъ, либо единовременнаго вклада селомъ.

Вклады
для постри-
женія.

Кромѣ вкладовъ по душѣ монастыря обогащались еще взносами для постриженія. Такимъ взносомъ какъ бы обезпечивалось пожизненное содержаніе постриженника въ монастырѣ. Этотъ источникъ расширялся по мѣрѣ того, какъ въ древнерусскомъ обществѣ укрѣплялся обычай постригаться подъ старость или передъ смертью: думали, что во что-нибудь зачтется, если отречься отъ міра хотя за нѣсколько минутъ раньше, чѣмъ сама природа закроетъ человѣку глаза на этотъ міръ. Рѣдкій государь въ древней Руси умиралъ, не постригшись хотя бы передъ самой смертью; то же дѣлали по возможности и частныя лица, особенно знатныя и самостоя-

тельными. Вступленіе въ иночество обыкновенно соединялось со вкладомъ въ монастырь при самомъ постриженіи въ вкладомъ, назначеннымъ заранѣе на случай постриженія; въ послѣднемъ случаѣ вкладчикъ оговаривалъ свой вкладъ условіемъ: «а похочу изъ постричься, и игумену меня постричь за тѣмъ же вкладомъ». Іосифъ Волоцкій признавался, что его монастырь началъ обстраиваться съ тѣхъ поръ, какъ стали въ немъ стричься въ чернцы добрые люди изъ князей, бояръ, дворянъ и купцовъ, которые давали много, отъ 10 до 200 р. (до 12 тыс. на наши деньги). На Трифона, основавшаго въ концѣ XVI в. монастырь на Вяткѣ, жаловались, что онъ за постриженіе владу просить дорого и съ убогаго человѣка меньше 10 р. (болѣе 100 р.) не возьметъ. Вкладъ при постриженіи считался тѣмъ обязательнѣе, что по смерти вкладчика онъ превращался въ поминальный. Въ письмѣ къ княгинѣ-вдовѣ Іосифъ Волоцкій высказываетъ, какъ общее правило, что если богатый человѣкъ при постриженіи не дастъ владу по силѣ, его не велѣно помянуть въ томъ монастырѣ. Иногда вкладной договоръ обставлялся разнородными условіями, получалъ довольно сложный юридическій составъ. Одинъ вкладчикъ, напримѣръ, съ женой и 4 сыновьями въ 1568 г. отдалъ въ Троицкій Сергіевъ монастырь свою небольшую подмосковную вотчину, и за это его у Троицы «постричи и келейкою пожаловати упокоити» и семью (жену) его тоже постричь въ приписномъ къ Сергіеву женскомъ монастырѣ и келейку ей пожаловать, а двухъ сыновей ихъ принять въ слуги монастыря и «деревеньку имъ пожаловать, на чемъ имъ можно прожити», а кто изъ нихъ захочетъ постричься, того постричь и тоже келейкою поустроить за тѣмъ же вкладомъ. Такъ вкладомъ пристроилась къ монастырю цѣлая дворянская семья, давая ему готовыхъ и будущихъ постриженниковъ и даже воен-

ныхъ слугъ-помѣщиковъ. Иногда вкладъ въ монастырь дѣлался съ условіемъ не только поминать, но и похоронить вкладчика въ томъ монастырѣ; нѣкоторые монастыри становились семейными кладбищами знатныхъ родовъ, члены которыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе приносили въ обители «вѣчнаго покоя» за свои души и могилы свои вотчинные села, деревни и сѣнные покосы.

Купца.

Не всѣ въ древней Руси смотрѣли на церковное поминовеніе и на вклады за него, какъ смотрѣлъ на это преп. Іосифъ. Въ одной рукописи XVII в., въ предисловіи къ синодику Сійскаго монастыря я встрѣтилъ такое наставленіе игуменамъ: «Если скончается монахъ вашей паствы или мірянинъ, въ нищетѣ жившій, не говорите: не дасть [вкладу, такъ не писать его въ поминаніе; тогда вы ужъ не пастыри, а наемники и мздоимцы; если состоятельный чловѣкъ, умирая, ничего не дасть церкви Божіей ни отцу своему духовному, а все оставить плотскому своему роду— это не вашъ грѣхъ, ты же, пастуше словесныхъ овецъ, имѣй опасливое попеченіе о душахъ ихъ». Однако взглядъ Іосифа оставался господствующимъ и поддерживалъ непрерывный притокъ въ монастыри денежныхъ и земельныхъ вкладовъ. Впрочемъ и денежные вклады шли прежде всего на приобрѣтеніе вотчинъ, и сами вкладчики подыскивали земли для монастыря, чтобы купить ихъ на вкладываемыя ими деньги: съ вкладомъ связано было ихъ поминовеніе, а денежный капиталъ легко могъ быть израсходованъ, тогда какъ монастырская земля была неотчуждаема и должна была напоминать о поминовеніи вкладчика-сельника, «чтобы душа его во вѣки безпамятна не была», какъ писалось во вкладныхъ. Отъ разныхъ монастырей древней Руси сохранилось большое количество купчихъ на земли; въ архивѣ Троицкаго Сергіева монастыря рядъ ихъ идетъ отъ преем-

ника Сергіева иг. Никона. Но нерѣдко купля-продажа замѣнялась сдѣлками другого рода или съ ними соединялась. Такъ иногда вотчина отчуждалась монастырю за деньги подѣ видомъ заклада: вотчинникъ занималъ деньги подѣ залогъ вотчины; при неуплатѣ въ срокъ или при отказѣ отъ уплаты закладная по условію превращалась въ купчую. Подобный характеръ прикрытой продажи получала и мѣна вотчинами: монастырь покупалъ малоцѣнную землю и мѣнялъ ее на болѣе цѣнную, доплачивая разницу стоимости деньгами. На такую мѣну съ придачей или привлатой ходили и вклады по душѣ со *сдачей*. Вотчинные вклады обыкновенно дѣлались заранѣе съ условіемъ жить владчику на владной вотчинѣ до смерти или до постриженія. Это былъ своего рода прожитокъ или *пожитъ*, какъ называлось подобное временное владѣніе въ помѣстномъ правѣ. Но нерѣдко вотчинникъ получалъ съ монастыря еще сдачу при самомъ владѣніи вотчины, въ стоимости которой такимъ образомъ различались двѣ составныя доли, одна собственно вкладная на поминъ души, другая продажная, оплачиваемая сдачей. Всѣ такія сдѣлки основывались на общихъ нормахъ древнерусскаго гражданскаго права; но при участіи религіозныхъ мотивовъ въ монастырской практикѣ онѣ складывались въ такія сложныя комбинаціи, какія едвали возможны были во внѣцерковномъ юридическомъ оборотѣ. Приведу примѣръ изъ архива Троицкаго Сергіева монастыря, самаго крупнаго и оборотливаго землевладѣльца между монастырями древней Руси. Въ 1624 г. вдова знатнаго происхожденія дала къ Троицѣ хорошую старинную вотчину мужа съ условіемъ поминать его, ихъ дѣтей и родителей, а ее по смерти положить у Троицы, съ записью въ сенаникъ и проч. При этомъ вкладчица взяла у монастыря значительную сумму, чтобы расплатиться съ долгами, и поставила условіе: кто изъ ея

рода захочетъ выкупить владную вотчину, обязанъ уплатить взятую вдовой у монастыря сумму и сверхъ того внести большой денежный вкладъ взаменъ той доли стоимости выкупаемой вотчины, какая назначалась на поминоуеніе. Владчица живетъ во владной вотчинѣ до своей смерти, а послѣ нея монастырь дастъ ея человѣку во владномъ селѣ или въ какой-либо вотчинѣ монастыря, гдѣ самъ тотъ человѣкъ похочетъ, бѣлую, нетяглую землю, чѣмъ ему съ семьей сыту быть до его смерти. Здѣсь совмѣщены разнородныя юридическія и церковно-нравственныя нормы: и вкладъ по душѣ съ его обычными условіями и душевными благами, на него приобрѣтаемыми, и сдача, и выкупъ родовой вотчины съ обязательствами, на ней лежащими, и пожизненный прожитокъ не только для самой вкладчицы, но и для ея крѣпостного слуги съ семьей.

Вредныя
слѣдствія

Я перечислилъ далеко не всѣ землевладѣльческія операціи монастырей: это—дѣло спеціальнаго изслѣдованія. Въ нашей исторической литературѣ есть такое изслѣдованіе, изданное слишкомъ 40 лѣтъ тому назадъ и доселѣ сохраняющее большую научную цѣну: это—сочиненіе Вл. Милютина *О недвижимыхъ имуществѣхъ духовенства въ Россіи*; оно говоритъ о монастыряхъ въ ряду другихъ церковныхъ учрежденій. Я веду рѣчь только о монастырскихъ вотчинахъ. Сказаннаго мною, думаю, достаточно, чтобы замѣтить, какое направленіе принимала жизнь старыхъ пустынныхъ общежительныхъ монастырей къ половинѣ XVI в. Изъ трудовыхъ земледѣльческихъ общинъ, питавшихся своими трудами, гдѣ каждый братъ работалъ на всѣхъ и всѣ духовно поддерживали каждого изъ своей братіи, многіе изъ этихъ монастырей, если не большинство, разрослись въ крупныя землевладѣльческія общества со сложнымъ хозяйствомъ и привилегированнымъ хозяйственнымъ управле-

нiемъ, съ многообразными житейскими суетами, поземельными тяжбами и запутанными мiрскими отношенiями. Окруженное монастырскими слободами, слободками и селами, братство такого монастыря представляло изъ себя черноризческое барство, на которое работали сотни и тысячи крестьянскихъ рукъ, а оно властно правило своими многочисленными слугами, служками и крестьянами и потому молилось о всемъ мiрѣ и особенно о мiрянахъ—владчикахъ своего монастыря. Въ большихъ монастыряхъ, какъ Троицкiй Сергiевъ, Иосифовъ Волоколамскiй, было много родовитыхъ постриженниковъ изъ князей, бояръ и дворянъ, которые и подъ монашеской рясой сохраняли воспитанныя въ мiру чувства и привычки людей правящаго класса. Неправильно понятая идея церковной молитвы за усопшихъ повела къ непогнбному земельному обогащенiю монастырей и поставила ихъ въ безысходный кругъ противорѣчiй. Уже въ началѣ XVI в., во времена Иосифа Волоцкаго, какъ писалъ онъ самъ, во всѣхъ монастыряхъ было земли много отъ того, что князья и бояре давали имъ села на вѣчное поминанiе. Общества отшельниковъ, убѣгавшихъ отъ мiра, мiръ превратилъ въ привилегированныя наемныя молебни о мiрскихъ грѣхахъ и лонился въ мирныя обители съ своими заказами. Это было главное противорѣчiе, обострившее всѣ остальные. Инокъ, полагавшiй въ основу своего подвига смиренiе и послушанiе, «еже не имѣти никоея же своя воля», видѣлъ себя членомъ корпорацiи, властвовавшей надъ многочисленнымъ населенiемъ монастырскихъ земель. Большия монастыри были очень богатые общества, каждый членъ которыхъ однако давалъ обѣтъ нищеты, отрекаясь отъ всякой собственности. Единственное оправданiе монастырскаго землевладѣнiя было указано церковнымъ правиломъ: «церковное богатство—нищихъ богатство». Мiръ, т. е. общество и государство, щедро на-

дѣляя монастыри вотчинами, этимъ возлагалъ на нихъ обязанность устроить общественную благотворительность. Строители монастырей, наиболѣе чтимые въ древней Руси, глубоко проникнуты были сознаниемъ святости этого иноческаго долга передъ міромъ, приносившимъ иночеству такія жертвы: они шли навстрѣчу народнымъ нуждамъ, не отказывали просящимъ, въ неурожайные годы кормили голодающихъ. Такъ поступалъ Кирилловъ бѣлозерскій монастырь при своемъ основателѣ и его ближайшихъ преемникахъ: во время одного голода въ монастырѣ кормилось ежедневно до новаго урожая болѣе 600 человекъ. Преп. Іосифъ, исчисляя княгинѣ Голениной расходы своего монастыря, писалъ, что на нищихъ и странниковъ у него ежегодно расходится деньгами по 150 р. (около 9,000), иногда и больше, да хлѣбомъ по 3.000 четвертей, что у него въ трапезѣ каждый день кормится 600—700 душъ. Житіе его рассказываетъ, что во время голода къ воротамъ монастыря подступило изъ окрестныхъ селъ до 7000 народа, прося хлѣба. Другіе побросали передъ монастыремъ своихъ голодныхъ дѣтей, а сами разошлись. Іосифъ приказалъ келарю ребятъ подобрать и содержать въ монастырской страннопріимницѣ, а взрослымъ раздавать хлѣбъ. Черезъ нѣсколько дней келарь доложилъ: ржи нѣтъ. И братію кормить нечѣмъ. Іосифъ велѣлъ казначею купить ржи. Тотъ возразилъ: денегъ нѣтъ. Игуменъ приказалъ занимать деньги и покупать рожь, а братскую трапезу сократить до крайней скудости. Братія зароптала: «какъ это можно прокормить столько народа! только насъ переморить, а людей не прокормить». Но про подвигъ Іосифа узнали окрестные землевладѣльцы, также удѣльные московскіе князья и самъ вел. князь Василій и щедрыми вспоможеніями выручили игумена. Многіе монастыри скоро забывали нищелюбивый завѣтъ своихъ основателей, и ихъ благотворительная дѣя-

тельность не развилась въ устойчивыя учрежденія, а случайныя, неупорядоченныя подаванія монастырскихъ богомольцевъ создали при большихъ монастыряхъ особый классъ профессиональныхъ нищихъ. Богадѣльни были при немногихъ монастыряхъ, и когда царь на Стоглавомъ соборѣ возбуждалъ вопросъ о безпризорныхъ нищихъ, убогихъ и увѣчныхъ, отцы собора дали совѣтъ собрать такихъ въ богадѣльни и содержать на счетъ царской казны и на приношенія христороубцевъ, но объ участи церковныхъ учреждений въ ихъ содержаніи умолчали. Куда же дѣвали богатые монастыри свои деньги, обильно приливаншія къ нимъ отъ вкладчиковъ и изъ обширныхъ вотчинъ? Обличители XVI в. настойчиво повторяютъ, что монастыри вопреки церковнымъ правиламъ дисконтировали, отдавали деньги въ ростъ, особенно въ ссуду своимъ крестьянамъ. Вассіанъ Косой изображаетъ ихъ суровыми займодавцами, которые налагали «лихву на лихву», проценты на проценты, у несостоятельнаго должника крестьянина отнимали корову или лошадь, а самого съ женой и дѣтьми сгоняли съ своей земли или судебнымъ порядкомъ доводили до конечнаго разоренія. Это обвиненіе въ «займоданіяхъ многолихвенныхъ убогимъ челоувѣкомъ» было отчасти поддержано и на Стоглавомъ соборѣ. Царь спрашивалъ: «церковную и монастырскую казну въ ростъ дають—угодно ли это Богу»? Отцы собора отвѣчали постановленіемъ: архіереямъ и монастырямъ деньги и хлѣбъ давать крестьянамъ своихъ сель безъ роста, чтобы крестьяне за ними жили, отъ нихъ не бѣгали и села ихъ не пустовали бы. Такъ частію по винѣ земельного богатства монастыри начинали превращаться изъ убѣжищъ нищей братіи въ ссудо-лихвенныя конторы.

Ни въ чемъ такъ наглядно и рѣзко не проявлялось противорѣчіе вотчинно-монастырскаго быта монашескому обѣту, монастырскіе кормы.

какъ въ монастырскихъ *кормахъ*. Это было цѣлое учрежденіе, покоившееся на вѣковомъ обычаѣ и даже на договорномъ основаніи. Значительный земельный вкладъ по душѣ обыкновенно соединялся съ условіемъ, чтобы монастырь, т. е. его правленіе, ежегодно устраивалъ братіи кормъ въ память того, по чьей душѣ дѣлался вкладъ, иногда два корма, въ день ангела и въ день *памяти*, кончины вкладчика. Значить, кормъ входилъ въ составъ церковнаго поминовенія. Иногда вотчину отказывали въ монастырь съ тѣмъ, чтобы оброка она не платила, а только доставляла въ монастырь столовые припасы и деньги на поминки по вкладчикѣ. Различали кормы большіе, средніе и малые; всѣ они были расцѣнены подобно записи въ разные синодики. Изъ одной грамоты 1637 года видимъ, что большой ежегодный кормъ въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ стоилъ 50 р. (не менѣе 500 р.). Кромѣ заупокойныхъ ежегодныхъ были еще случайные кормы молебенные, когда знатные богомольцы приѣзжали въ обитель отслужить молебенъ за здравіе, по объѣту, данному по какому-либо случаю, или просто изъ усердія къ угоднику и при этомъ *учредить* братію, т. е. хорошо покормить ее и подать ей денежную *милостыню*. Богатые люди для такихъ кормовъ привозили въ монастырь свои припасы. Да человекъ маломощный и не былъ въ состояніи устроить такого *учрежденія*. Одинъ молодой придворный вел. кн. Василія Темнаго по объѣту думалъ учредить многочисленную братію Троицкаго Сергіева монастыря. Но потомъ имъ овладѣло раздумье: если онъ исполнитъ свой объѣтъ, то совсѣмъ разорится, не останется у него и половины его состоянія. Къ кормовымъ монастырскимъ днямъ надобно еще прибавить праздники господскіе, богородичныя и «великихъ святыхъ», которыхъ числилось въ году до 40, когда братія также получала усиленный столъ. Кормъ тѣмъ

и отличался отъ вседневнаго, будничнаго продовольствія братіи, что улучшалось качество пищи и увеличивалось количество «ѣствъ», блюдо: вмѣсто чернаго хлѣба подавали бѣлый пшеничный, ѣствъ было за обѣдомъ не 2 или 3, а 4, «ѣли дважды днемъ съ рыбою», пили квасъ медвяной или сыченый, а не «простой братскій» и т. п. Въ монастыряхъ велись особыя *кормовыя книги*, гдѣ перечислялись дни кормовъ заупокойныхъ и праздничныхъ, иногда съ описаніемъ состава усиленнаго стола и съ указаніемъ, по какомъ вкладчикѣ полагается заупокойный кормъ въ извѣстное число. По одной кормовой книгѣ Іосифова Волоколамскаго монастыря первой половины XVI в. значится 51 день въ году съ заупокойными кормами. Въ рукописной кормовой книгѣ Соловецкаго монастыря, относящейся ко времени царя Алексѣя, кормовыхъ заупокойныхъ и праздничныхъ дней значится 191, больше половины года. Вообще столовый обиходъ въ землевладѣльческихъ монастыряхъ былъ разработанъ особенно тщательно. Въ уставахъ о трапезахъ Троицкаго Сергіева и Тихвинскаго монастырей конца XVI в. сдѣлана подробная подневная роспись на весь годъ, что ѣсть и пить монахамъ за обѣдомъ и ужиномъ; здѣсь обозначено до 36 разныхъ ѣствъ горячихъ и холодныхъ, мучныхъ, рыбныхъ и другихъ, изъ напитковъ квасы, меды, пиво сыченое, вино.

Привожу эти подробности, чтобы объяснить недоумѣніе, возбуждаемое упомянутыми документами о монастырскихъ трапезахъ. Монахъ, обрекавшій себя на строгій постъ и всякое воздержаніе, садился за трапезу, удовлетворявшую изысканнымъ требованіямъ тогдашней гастрономіи и служившую завершеніемъ братской молитвы о упокоеніи души щедрого вкладчика. Это было одно изъ тѣхъ противорѣчій, въ какия поставлены были монастыри своими вотчинами. Упадокъ дисциплины въ старыхъ монастыряхъ—общее явленіе XVI в.,

Упадокъ
монастыр-
ской дис-
циплины.

рѣзко отмѣченное въ литературныхъ памятникахъ и въ правительственныхъ актахъ того времени. Этотъ упадокъ былъ слѣдствіемъ переменъ въ подборѣ монастырскаго братства, а переменна произведена была монастырскимъ землевладѣніемъ. Къ лѣснымъ отшельникамъ, основавшимъ эти монастыри, приходили люди, желавшіе дѣлать съ ними труды пустынножителства и «душа своя спасти». Пустынникъ встрѣчалъ пришельцевъ суровымъ вопросомъ: «хотите ли и можете ли терпѣть труды мѣста сего, голодъ и жажду и всякіе недостатки?» Когда преп. Сергію отвѣчали, что хотятъ и могутъ, онъ говорилъ пришельцамъ: «знайте, что вамъ предстоитъ здѣсь, будьте готовы терпѣть скорби, бѣды, печали, всякую тугу и нужду, приготовьтесь не къ покою и безпечалию, но къ трудамъ, посту, всякимъ искушеніямъ и подвигамъ духовнымъ». Эти люди пришли къ Сергію съ пустыми руками, безъ вкладовъ, какъ и онъ пришелъ на свое мѣсто. Совсѣмъ другая бесѣда шла у преп. Іосифа съ его братіей, составившейся изъ зажиточныхъ владчиковъ, когда онъ задумалъ покинуть свой уже разбогатѣвшій монастырь: «и мы разоидемя по дворамъ, а вѣдь мы отдали все свое имущество этой обители и тебѣ и надѣялись, что ты будешь насъ покоить до смерти, а по смерти поминать, и сколько было у насъ силы, мы ее истощили въ работѣ на монастырь, и какъ теперь у насъ не стало ни имѣнія, ни силы, ты насъ хочешь оставить, а намъ прочь пойти не съ чѣмъ». Чѣмъ болѣе чтили подвижника, тѣмъ больше текло изъ міра вкладовъ въ его обитель, а по мѣрѣ накопленія земельныхъ вкладовъ въ нее все больше тѣснилось людей, которые искали не пустыннаго труда и безмолвія, а монастырскаго покоя и довольства. Они и уронили въ XVI в. строгую монастырскую дисциплину временъ Сергія Радонежскаго и Кирилла Бѣлозерскаго. Царь Иванъ прямо указалъ

на этотъ упадокъ Стоглавому собору: «въ монастыри постригаются не ради спасенія души, а покоя ради тѣлеснаго, чтобы всегда бражничать». И отцы собора подтвердили заявленіе царя, признавъ, что къ Сергіеву монастырю уставъ непримѣнимъ, потому что «то мѣсто чудотворное и гости безпрестанные день и ночь»; соборъ рѣшилъ и въ другихъ большихъ монастыряхъ князьямъ и боярамъ, постригающимся со вѣлами великими, законѣвъ не полагать, поконить ихъ ѣствою и питіемъ, держать для нихъ «квасы сладкіе и черствые и выкислые, кто какова требуетъ». Такъ добрая идея, неправильно понятая и примѣненная, въ своемъ послѣдовательномъ развитіи приводитъ къ разстройству порядка, усвоившаго ее съ такимъ неправильнымъ пониманіемъ и примѣненіемъ.

Не такъ очевидно, но не менѣе сильно затрогивало монастырское землевладѣніе интересы государства и служилаго класса, сходные по отношенію къ этому землевладѣнію. Обиліе денегъ давало монастырямъ возможность, возвышая покупныя цѣны, перебивать продажныя земли у другихъ покупателейъ, особенно у слабосильныхъ служилыхъ людей, и доставило монастырямъ господство на земельномъ рынкѣ: дѣти боярскіе жаловались правительству, что «мимо монастырей вотчинъ никому ни у кого купити не мочно». Мы уже видѣли, какія земельныя операціи совершали монастыри посредствомъ вкладовъ со сдачей и мѣны съ придачей. При неумѣренной заботливости объ устроеніи души земельныя вклады часто соединялись съ ущербомъ для законныхъ наслѣдниковъ, родичей и даже собственной семьи вкладчика, и получали одіозный характеръ. Иные отказывали въ монастыри свои вотчины по душѣ, чтобы эти вотчины «ближнему ихъ роду не достались», а чтобы родичи не могли воспользоваться своимъ правомъ выкупа, завѣщатели

Монастырскія вотчины и государство.

или владчики назначали такія высокія выкупныя цѣны владнымъ вотчинамъ, что выкупъ ихъ становился невозможнымъ. Иной отказывалъ въ монастырь все свое имѣніе, оставляя жену безъ всякаго обезпеченія, и только просилъ братію «жену его надѣлать, какъ имъ, государямъ, Богъ извѣститъ». Особенно тяжело читается вкладная (1580 г.) одной вдовы: свою вотчину, отпа своего благословеніе, она отказывала въ монастырь по душѣ отца и по своей; у нея было два сына, одинъ 4 лѣтъ, другой полугоду, и она проситъ архимандрита съ братіей «пожаловать, тѣхъ моихъ дѣтишекъ по дворомъ не пустить». Такими разнообразными путями служилыя вотчины, бывшія подспорьемъ помѣстій, уходили изъ служилыхъ рукъ въ монастыри, вынуждая правительство для поддержанія военно-служебной годности своихъ слугъ возмѣщать ихъ вотчинное оскуднѣніе усиленными помѣстными и денежными окладами. Чтобы остановить или хотя бы только упорядочить этотъ уходъ земли изъ служилой среды въ неслужилую, въ XVI в. стали запрещать монастырямъ безъ доклада государю покупать, брать въ закладъ и по душѣ вотчины у служилыхъ людей. Монастырское землевладѣніе создавало государству и служилому классу еще другое затрудненіе. Мы уже видѣли, какъ боялись за свои земли казенные крестьяне, по сосѣдству съ которыми возникалъ монастырь. Это опасеніе раздѣляли и сосѣдніе землевладѣльцы, и оно нерѣдко оправдывалось для тѣхъ и другихъ: земли ихъ такъ или иначе отходили къ монастырю. Испрашивая себѣ широкія привилегіи по податямъ и повинностямъ, монастыри могли заселять свои пустоши на льготныхъ условіяхъ, перезывая крестьянъ съ сосѣднихъ казенныхъ и владѣльческихъ земель, отнимая тяглыхъ и оброчныхъ плательщиковъ у крестьянскихъ обществъ и у служилыхъ землевладѣльцевъ. Уже къ половинѣ XVI в.

монастырское землевладѣніе достигло обременительныхъ для государства размѣровъ. Одинъ изъ англичанъ, бывшихъ въ Москвѣ въ это время, писалъ, что въ Московіи строится множество обителей, получающихъ большіе доходы съ своихъ земель, ибо монахи владѣютъ третьей частью всей земельной собственности въ государствѣ (*tertiam fundorum partem totius imperii tenent monachi*). Это—пропорція, схваченная на глазъ, а не добытая точнымъ исчисленіемъ; но неполныя поземельныя описи, сохранившіяся отъ того вѣка, показываютъ, что она вообще не особенно далека отъ дѣйствительности, а по мѣстамъ близко къ ней подходила. Нѣкоторые монастыри выдѣлялись изъ ряда другихъ своимъ земельнымъ богатствомъ. За Кирилловымъ бѣлозерскимъ монастыремъ въ 1582 г. числилось до 20,000 десятинъ пашни, не считая пустырей и лѣса. Англійскій посоль Флетчеръ, пріѣхавшій въ Москву въ 1588 г., пишетъ, что русскіе монастыри сумѣли занять лучшія и пріятнѣйшія мѣста въ государствѣ, что нѣкоторые изъ нихъ получаютъ поземельнаго дохода отъ 1000 до 2000 р. (не менѣе 40—80 тыс. на наши деньги). Но первымъ богачомъ изъ всѣхъ церковныхъ землевладѣльцевъ Флетчеръ признаетъ Троицкій Сергіевъ монастырь, который будто бы получалъ поземельныхъ и другихъ доходовъ до 100.000 р. ежегодно (до 4 мил. р.). Такая масса земельного богатства ускользала отъ непосредственнаго распоряженія государственной власти въ то время, когда усиленное развитіе помѣстнаго владѣнія все больнѣе давало ей чувствовать недостатокъ земли, удобной для хозяйственнаго обезпеченія вооруженныхъ силъ страны.

Монастырское землевладѣніе было вдвойнѣ неосторожной жертвой, принесенной набожнымъ обществомъ недостаточно ясно понятой идеѣ иночества: оно мѣшало нравственному

Вопросъ о монастырскихъ вотчинахъ.

благоустроению самих монастырей и в то же время нарушало равновесие экономических сил государства. Раньше почувствовалась внутренняя нравственная его опасность. Уже в XIV в. стригольники возставали против вкладов по душѣ и всяких приносовъ въ церкви и монастыри за умершихъ. Но то были еретики. Скоро самъ глава русской іерархіи выразилъ сомнѣніе, подобаетъ ли монастырямъ владѣть селами. Одинъ игуменъ спрашивалъ митрополита Кипріана, что ему дѣлать съ селомъ, которое князь далъ въ его монастырь. Святые отцы, отвѣчалъ митрополитъ, не предали инокамъ владѣть людьми и селами; когда чернецы будутъ владѣть селами и обяжутся мірскими попеченіями, чѣмъ они будутъ отличаться отъ мірянъ? Но Кипріанъ останавливается передъ прямымъ выводомъ изъ своихъ положеній и идетъ на сдѣлку: онъ предлагаетъ село принять, но завѣдывать имъ не монаху, а мірянину, который привозилъ бы оттуда въ монастырь все готовое, жито и другіе припасы. И преподобный Кирилль Бѣлозерскій былъ противъ владѣнія селами и отклонялъ предлагаемые земельные вклады, но вынужденъ былъ уступить настояніямъ вкладчиковъ и ропоту братіи, и монастырь уже при немъ началъ пріобрѣтать вотчины. Но сомнѣніе, разъ возникнувъ, повело къ тому, что колеблющіеся мнѣнія обособились въ два рѣзко различныхъ взгляда, которые, встрѣтившись, возбудили шумный вопросъ, волновавшій русское общество почти до конца XVI в. и оставившій яркіе слѣды въ литературѣ и законодательствѣ того времени. Въ поднѣвшемся спорѣ обозначились два направленія монашества, исходившія изъ одного источника, изъ мысли о необходимости преобразовать существующіе монастыри. Общежитіе прививалось въ нихъ очень туго; даже въ тѣхъ изъ нихъ, которые считались общежительными, общее житіе разру-

палось примѣсю особнаго. Одни хотѣли въ корнѣ преобразовать всѣ монастыри на основѣ нестяжательности, освободивъ ихъ отъ вотчинъ; другіе надѣялись исправить монастырскую жизнь возстановленіемъ строгаго общежитія, которое примерило бы монастырское землевладѣніе съ монашескимъ отреченіемъ отъ всякой собственности. Первое направленіе проводилъ преподобный Ниль Сорскій, второе преподобный Іосифъ Волоцкій.

Постриженникъ Кириллова монастыря, Ниль долго жилъ ^{Ниль Сорскій.} на Афонѣ, наблюдалъ тамошніе и цареградскіе скиты и, вернувшись въ отечество, на рѣкѣ Сорѣ въ Бѣлозерскомъ краю основалъ первый скитъ въ Россіи. *Скитское* жителство—средняя форма подвижничества между общежитіемъ и уединеннымъ отшельничествомъ. Скитъ похожъ и на особнякъ своимъ тѣснымъ составомъ изъ двухъ-трехъ келій, рѣдко больше, и на общежитіе тѣмъ, что у братіи пища, одежда, работы — все общее. Но существенная особенность скитскаго житія—въ его духѣ и направленіи. Ниль былъ строгій пустынножитель; но онъ понималъ пустынное житіе глубже, чѣмъ понимали его въ древнерусскихъ монастыряхъ. Правила скитскаго житія, извлеченныя изъ хорошо изученныхъ имъ твореній древнихъ восточныхъ подвижниковъ и изъ наблюденій надъ современными греческими скитами, онъ изложилъ въ своемъ скитскомъ уставѣ. По этому уставу подвижничество—не дисциплинарная выдержка инока предписаніями о виѣшнемъ поведеніи, не физическая борьба съ плотью, не изнуреніе ея всякими лишеніями, постомъ до голода, сверхсильнымъ тѣлеснымъ трудомъ и безчисленными молитвенными поклонами. «Кто молится только устами, а объ умѣ небрежетъ, тотъ молится воздуху: Богъ уму внимаетъ». Скитскій подвигъ—это *умное* или *мысленное дѣланіе*, сосредоточенная внутренняя ра-

бота духа надъ самимъ собой, состоящая въ томъ, чтобы «умомъ блюсти сердце» отъ помысловъ и страстей, извнѣ навѣваемыхъ или возникающихъ изъ неупорядоченной природы человѣческой. Лучшее оружіе въ борьбѣ съ ними—мысленная, духовная молитва и безмолвіе, постоянное наблюденіе за своимъ умомъ. Этой борьбой достигается такое воспитаніе ума и сердца, силой котораго случайные, мимолетные порывы вѣрующей души складываются въ устойчивое настроеніе, дѣлающее ее непреступной для житейскихъ тревогъ и соблазновъ. Истинное соблюденіе заповѣдей по уставу Нила не въ томъ только, чтобы дѣломъ не нарушать ихъ, но въ томъ, чтобы и въ умѣ не помышлять о возможности ихъ нарушенія. Такъ достигается высшее духовное состояніе, та, по выраженію устава, «неизреченная радость», когда умолкаетъ языкъ, даже молитва отлетаетъ отъ устъ и умъ, кормчій чувствъ, теряетъ власть надъ собой, направляемый «силою иною», какъ плѣнникъ: тогда «не молитвой молится умъ, но превыше молитвы бываетъ»; это состояніе—предчувствіе вѣчнаго блаженства, и когда умъ сподобится почувствовать это, онъ забываетъ и себя, и всѣхъ, здѣсь, на землѣ сущихъ. Таково скитское «умное дѣланіе» по уставу Нила. Передъ смертью (1508 г.) Нилъ завѣщалъ ученикамъ бросить трупъ его въ ровъ и похоронить «со всякимъ безчестіемъ», прибавивъ, что онъ изъ всѣхъ силъ старался не удостоиться никакой чести и славы ни при жизни, ни по смерти. Древнерусская агиографія исполнила его завѣтъ, не составила ни житія его, ни церковной ему службы, хотя Церковь причислила его къ лику преподобныхъ. Вы поймете, что въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, особенно въ монашествѣ, направленіе преп. Нила не могло стать сильнымъ и широкимъ движеніемъ. Оно могло собрать вокругъ пустытника тѣсный кру-

жокъ единомысленныхъ учениковъ-друзей, влить живительную струю въ литературныя течения вѣка, не измѣнивъ ихъ русла, бросить нѣсколько свѣтлыхъ идей, способныхъ освѣтить всю бѣдноту русской духовной жизни, но слишкомъ для нея непривычныхъ. Нилъ Сорскій и въ бѣлозерской пустынѣ остался аеонскимъ созерцательнымъ скитникомъ, подвизавшимся на «умной, мысленной», но чуждой почвѣ.

Зато вполне туземная, родная почва была подъ ногами Иосифъ Волоцкий. его противника преп. Иосифа. Современники оставили намъ достаточно чертъ для опредѣленія этой совершенно реальной, вполне положительной личности. Ученикъ и племянникъ его Досифей въ своемъ надгробномъ словѣ Иосифу изображаетъ его съ портретной точностью и детальностью, хотя нѣсколько приподнятымъ тономъ и изысканнымъ языкомъ. Проходя суровую школу иночества въ монастырѣ Пафнутія Боровскаго, Иосифъ возвышался надъ всѣми его учениками, совмѣщая въ себѣ, какъ никто въ обители, разнообразныя качества духовныя и тѣлесныя, остроту и гибкость ума соединяя съ основательностью, имѣлъ плавный и чистый выговоръ, пріятный голосъ, пѣлъ и читалъ въ церкви, какъ голосистый соловей, такъ что приводилъ слушателей въ умиленіе: никто нигдѣ не читалъ и не пѣлъ, какъ онъ. Свящ. Писаніе зналъ онъ наизусть, въ бесѣдахъ оно было у него все на языкѣ, и въ монастырскихъ работахъ онъ былъ искуснѣе всѣхъ въ обители. Онъ былъ средняго роста и красивъ лицомъ, съ округлой и не слишкомъ большой бородой, съ темнорусыми, потомъ посѣдѣвшими волосами, былъ веселъ и пріветливъ въ обращеніи, сострадательнъ къ слабымъ. Церковное и келейное правило, молитвы и земные поклоны совершалъ онъ въ положенное время, отдавая остальные часы монастырскимъ службамъ и

ручнымъ работамъ. Въ пищу и питіи соблюдалъ мѣру, ѣлъ разъ въ день, иногда черезъ день, и повсюду разносился слава его добродѣтельнаго житія и добрыхъ качествъ, кои онъ былъ исполненъ. Видно, что это былъ человекъ порядка и дисциплины, съ сильнымъ чутьемъ дѣйствительности и людскихъ отношеній, съ невысокимъ мнѣніемъ о людяхъ и съ великой вѣрой въ силу устава и навыка, лучше понимавшій нужды и слабости людей, чѣмъ возвышенныя качества и стремленія души человѣческой. Онъ могъ покорять себѣ людей, выправлять и вразумлять ихъ, обращаясь къ ихъ здравому смыслу. Въ одномъ изъ житій его, написанныхъ современниками, читаемъ, что силой его слова смягчались одичалые нравы у многихъ сановниковъ, часто съ нимъ бесѣдовавшихъ, и они начинали жить лучше: «вся же тогда Волоцкая страна къ доброй жизни предлагашеся». Тамъ же рассказано, какъ Іосифъ убѣждалъ господъ въ выгодѣ снисходительнаго отношенія ихъ къ своимъ крестьянамъ. Обременительная барщина разорить хлѣбопашца, а обнищавшій хлѣбопашецъ—плохой работникъ и плательщикъ. Для уплаты оброка онъ продастъ свой скотъ: на чемъ же онъ будетъ пахать? Его участокъ запустѣетъ, станетъ бездоходнымъ, и разореніе крестьянина падетъ на самого господина. Все умныя сельско-хозяйственныя соображенія—и ни слова о нравственныхъ побужденіяхъ, о человѣколюбіи. При такомъ обращеніи съ людьми и дѣлами Іосифъ, по его признанію, не имѣвшій ничего своего при поселеніи въ волоколамскомъ лѣсу, могъ оставить послѣ себя одинъ изъ самыхъ богатыхъ монастырей въ тогдашней Россіи. Если ко всему этому прибавимъ непреклонную волю и физическую неутомимость, получимъ довольно полный образъ игумена-хозяина и администратора,—типъ, подъ который подходило съ большей или меньшей удачей боль-

шинство основателей древнерусских общежительных монастырей. При устройении монастыря, когда у него еще не было мельницы, хлѣбъ мололи ручными жерновами. Этимъ дѣломъ послѣ заутрени усердно занимался самъ Іосифъ. Одинъ пришлый монахъ, разъ заставъ игумена за такой неприличной его сану работой, воскликнулъ: «что ты дѣлаешь, отче! пусти меня»,—и сталъ на его мѣсто. На другой день онъ опять нашелъ Іосифа за жерновами и опять замѣстилъ его. Такъ повторялось много дней. Наконецъ монахъ покинулъ обитель со словами: «не перемолоть мнѣ этого игумена».

На церковномъ соборѣ 1503 г. оба борца встрѣтились и столкнулись. Скитское міросозерцаніе Нила все сполна было противъ монастырскаго землевладѣнія. Его возмущали, какъ онъ писалъ, эти монахи, кружащіяся ради стяжаній: по ихъ винѣ жизнь монашеская, нѣкогда превозделѣнная, стала «мерзостной». Проходу нѣтъ отъ этихъ лжемонаховъ въ городахъ и весяхъ; домовладѣльцы смущаются и негодуютъ, видя, какъ безстыдно эти «прошаки» толкуются у ихъ дверей. Нилъ и сталъ умолять вел. князя, чтобы у монастырей сель не было, а жили бы чернецы по пустынямъ и кормились бы своимъ рукодѣльемъ. Вел. князь поставилъ этотъ вопросъ на соборѣ. Нилъ и стоявшіе за него бѣлозерскіе пустынники говорили объ истинномъ смыслѣ и назначеніи иночества; Іосифъ ссылаясь на примѣры изъ исторіи восточной и русской Церкви и при этомъ высказалъ такой рядъ практическихъ соображеній: «Если у монастырей сель не будетъ, то какъ честному и благородному человѣку постричься, а если не будетъ добродныхъ старцевъ, откуда взять людей на митрополию, въ архіепископы, епископы и на другія церковныя властныя мѣста? Итакъ, если не будетъ честныхъ и благородныхъ

Соборъ
1503 г.

старцевъ, то и вѣра поколеблется». Этотъ силлогизмъ впервые высказывался при обсужденіи церковно-практическаго вопроса. Церковные авторитеты не ставили монастырямъ задачи быть питомниками и рассадниками высшихъ церковныхъ іерарховъ и не признавали непрѣмнымъ оплотомъ вѣры іерархію родовитаго происхожденія, какъ это было въ Польшѣ. Первое положеніе Іосифъ заимствовалъ изъ практики русской Церкви, въ которой высшіе іерархи обыкновенно выходили изъ монастырей; второе положеніе было личной мечтой или личнымъ предразсудкомъ Іосифа, предокъ котораго, выходець изъ Литвы, сдѣлался волоколамскимъ дворяниномъ вотчинникомъ. Соборъ согласился съ Іосифомъ и свое заключеніе представилъ Ивану III въ нѣсколькихъ докладахъ, очень учено составленныхъ, съ каноническими и историческими справками. Но вотъ что въ этихъ докладахъ возбуждаетъ недоумѣніе: на соборѣ оспаривали только монастырское землевладѣніе, а вел. князю отцы собора заявили, что они не благоволятъ отдавать и архіерейскія земли, противъ которыхъ на соборѣ никто не говорилъ. Дѣло объясняется молчаливой тактикой стороны, восторжествовавшей на соборѣ. Іосифъ зналъ, что за Ниломъ и его нестяжателями стоитъ самъ Иванъ III, которому были нужны монастырскія земли. Эти земли трудно было отстоять: соборъ и связалъ съ ними вотчины архіерейскія, которыхъ не оспаривали, обобщилъ вопросъ, распространивъ его на всѣ церковныя земли, чтобы затруднить его рѣшеніе и относительно монастырскихъ вотчинъ. Иванъ III молча отступилъ передъ соборомъ. Итакъ дѣло о секуляризаціи монастырскихъ вотчинъ, поднятое кружкомъ заволжскихъ пустынниковъ по релігіозно-нравственнымъ побужденіямъ, встрѣтило молчаливое оправданіе въ экономическихъ нуждахъ государства и разбилось о про-

тиводѣйствіе высшей церковной іерархіи, превратившей его въ одіозный вопросъ объ отнятіи у Церкви всѣхъ ея недвижимыхъ имуществъ.

Послѣ собора вопросъ о монастырскихъ вотчинахъ перенесенъ былъ съ практической почвы на болѣе безопасную литературную. Загорѣлась оживленная полемика, длившаяся почти до конца XVI в. Она очень любопытна: въ ней столкнулись разнообразные и важные интересы, занимавшіе тогдашнее русское общество, высказались наиболѣе мыслящіе умы вѣка; съ ней прямо или косвенно связались самыя яркія явленія русской духовной жизни того времени. Но ея изложеніе не входитъ въ планъ курса. Съ ея ходомъ можно хорошо познакомиться по прекрасному труду покойнаго профессора А. С. Павлова *Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи*. Ограничусь немногими чертами. Самыми видными противниками «осифлянтъ», какъ звали послѣдователей Іосифа, выступили въ полемику князь-инокъ Вассіанъ Косой и пришелецъ съ Афона Максимъ Грекъ. Сочиненія Вассіана—обличительные памфлеты: поборая по своему учителю Нилу Сорскомъ, яркими, нерѣдко правдиво-рѣзкими чертами изображаетъ онъ немонашескую жизнь вотчинныхъ монастырей, хозяйственную суетливость монаховъ, ихъ угодливость передъ сильными и богатыми, корыстолюбіе, лихоимство и жесткое обращеніе съ своими крестьянами. Въ немъ говорить не одно негодованіе пустытника-нестяжателя, но часто и раздраженіе бывшаго боярина изъ рода князей Патрикеевыхъ противъ людей и учреждений, опустошавшихъ боярское землевладеніе. Вассіанъ клонитъ свою рѣчь къ тѣмъ же обвиненіямъ, какія потомъ прямо высказалъ единомышленникъ его кн. Курбскій: любостыжательные монахи своимъ сельскимъ хозяйничаньемъ разорили крестьянскія земли, а

литературная полемика.

внушеніями о спасительности вкладовъ по душѣ сдѣлали воинскій чинъ, служилыхъ землевладѣльцевъ хуже каликъ, убогихъ. Сочиненія Максима Грека противъ монастырскаго землевладѣнія свободны отъ полемическихъ излишествъ. Онъ спокойно разбираетъ предметъ по существу, хотя по мѣстамъ и не обходится безъ колкихъ замѣчаній. Вводя строгое общежитіе въ своемъ монастырѣ, Іосифъ надѣялся исправить монастырскій бытъ и устранить противорѣчіе между иноческимъ отреченіемъ отъ собственности и земельными богатствами монастырей болѣе діалектической, чѣмъ практической комбинаціей: въ общежитіи-де все принадлежитъ монастырю и ничего отдѣльнымъ монахамъ. Это все равно, возражаетъ Максимъ, какъ если бы кто, вступивъ въ шайку разбойниковъ и награбивъ съ ними богатство, потомъ пойманный сталъ оправдываться на пыткѣ: я невиноватъ, потому что все „осталось у товарищей, а я у нихъ ничего не взялъ. Качества истиннаго монаха никогда не совмѣстятся съ отношеніями и привычками любостяжательнаго монашества: такова основная мысль полемики Максима Грека.

Литература тогда значила еще меньше для правительственной дѣятельности, чѣмъ стала значить позднѣе. При всѣхъ полемическихъ усиліяхъ и успѣхахъ нестяжателей московское правительство послѣ собора 1503 г. покинуло наступательные планы противъ монастырскихъ вотчинъ и ограничилось обороной, особенно послѣ того, какъ попытка царя Ивана около 1550 г. воспользоваться ближайшими къ Москвѣ землями митрополичьей казедры для хозяйственнаго устройства служилыхъ людей встрѣтила рѣшительный отпоръ со стороны митрополита. Длинный рядъ указовъ и пространныя разсужденія на Стоглавомъ соборѣ о монастырскихъ не порядкахъ, не рѣшая вопроса по существу,

пробовали различныя мѣры съ цѣлью остановить дальнѣйшее земельное обогащеніе монастырей на счетъ служилаго класса, «чтобъ въ службѣ убытка не было и земля бы изъ службы не выходила»; усиливался и правительственный надзоръ за монастырскими доходами и расходами. Всѣ отдѣльныя мѣры завершились приговоромъ церковнаго собора съ участіемъ бояръ 15 января 1580 г. Было постановлено: архіереямъ и монастырямъ вотчинъ у служилыхъ людей не покупать, въ закладъ и по душѣ не брать и никакими способами своихъ владѣній не увеличивать; вотчины, купленные или взятыя въ закладъ у служилыхъ людей архіереями и монастырями до этого приговора, отобрать на государя, который за нихъ заплатитъ или нѣтъ—его воля. Вотъ все, чего могло или умѣло добиться отъ духовенства московское правительство XVI в. въ дѣлѣ о церковныхъ вотчинахъ.

Въ слѣдующій часъ мы увидимъ связь такого исхода дѣла съ судьбою крестьянъ, къ которымъ обращаемся въ своемъ изученіи.

Лекція XXXVI.

Связь монастырскаго землевладѣнія съ крѣпостнымъ правомъ.—Крестьяне въ XV—XVI в.—Виды сельскихъ поселеній.—Отношеніе жилой пашни къ пустотѣ.—Разряды землевладѣльцевъ.—Отношенія крестьянъ 1) къ землевладѣльцамъ, 2) къ государству.—Общественное устройство крестьянъ.—Вопросъ о сельской общинѣ.—Крестьянинъ въ своемъ земледѣльческомъ хозяйствѣ.—Подмога, ссуда, льготы.—Крестьянскіе участки.—Повинности.—Заключеніе.

Монастырское землевладѣніе и крѣпостное право.

Послѣднее чтеніе я закончилъ обѣщаніемъ указать связь между вопросомъ о монастырскихъ вотчинахъ и судьбою крестьянъ. Какая же связь, вѣроятно, спрашивали вы себя, могла быть между столь разнородными порядками явленій? Связь была и притомъ двоякая. Вопервыхъ, монастырскія вотчины составились изъ земель служилыхъ людей и изъ земель казенныхъ и дворцовыхъ, составлявшихъ запасный фондъ для обезпеченія служилыхъ людей. При неудачѣ попытокъ воротить отходившія къ монастырямъ земли въ казну или на службу все, что государственное хозяйство теряло на монастырскомъ землевладѣніи, ему приходилось выручать на крестьянскомъ трудѣ, усиливая его податное напряженіе. А потомъ, льготныя земли монастырей были постоянной угрозой для доходности земель казенныхъ и служилыхъ, маня къ себѣ крестьянъ съ тѣхъ и другихъ своими льготами. Правительство вынуждено было для ослабленія этой опасности полицейскими мѣрами стѣснять крестьянское право перехода. Это стѣсненіе—еще не крѣпост-

ная неволя крестьянъ; но оно, какъ увидимъ, подготовило полицейскую почву для этой неволи. Такимъ образомъ монастырское землевладѣніе въ одно и то же время содѣйствовало и увеличенію тягости крестьянскаго труда, и уменьшенію его свободы. Этой внутренней связью обоихъ фактовъ можно объяснить и сходство ихъ внѣшней исторіи. Всѣ эти бесплодные литературные споры о монастырскихъ вотчинахъ и робкія законодательныя усилія стѣснить ихъ расширеніе—какъ живо напоминаютъ они столь же бесплодные толки въ печати о вредѣ крѣпостного права и суетливыя заботы правительства о его смягченіи въ царствованіе Екатерины II, Александра I и Николая I. Обращаемся къ крестьянамъ XV—XVI в.

Если вы станете изучать сельское крестьянское населеніе по поземельнымъ описямъ XVI в., это населеніе съ внѣшней стороны представится вамъ въ такомъ видѣ. Вокругъ села съ церковью, состоящаго изъ 4—10 крестьянскихъ дворовъ, рѣдко болѣе, а иногда только изъ барской усадьбы съ дворами причта и нѣсколькими кельями старцевъ и старицъ, нищихъ, питающихся отъ церкви, разбросаны тамъ и сямъ деревни, починки и пустоши, которые тянули къ этому селу, какъ къ своему церковному и хозяйственно-административному центру. Селеніе съ церковью, при которой были только дворы причта да кельи нищихъ, въ центральныхъ областяхъ, какъ и на новгородскомъ сѣверѣ, носило названіе *повоста*. Село безъ церкви, но съ дворомъ землевладѣльца или съ какими-либо его хозяйственными постройками, хотя бы безъ крестьянскихъ дворовъ, называлось *селыцомъ*. Поселки, возникавшіе на нови, на поднятомъ впервые земельномъ участкѣ, носили названіе *починковъ*; починокъ обыкновенно состоялъ изъ одного крестьянскаго двора. Съ теченіемъ времени починокъ обжи-

Сельскія поселенія.

вался и разрастался, рядомъ съ первоначальнымъ дворомъ возникали одинъ или два другихъ; тогда онъ становился *деревней*. Деревня превращалась въ *пустошь*, если въ ней не оставалось жилыхъ дворовъ и пашня забрасывалась или поддерживалась только часть ея наѣздомъ изъ ближней деревни. Въ волости Вохнѣ Московскаго уѣзда, принадлежавшей удѣльному князю Владиміру Андреевичу, а потомъ перешедшей къ Троицкому Сергіеву монастырю, въ концѣ XVI в. было 3 погоста жилыхъ и 2 пустыхъ, гдѣ церкви «стояли безъ пѣнія» и безъ причта, 1 жилое сельцо, гдѣ монастырскій прикащикъ пахалъ на себя 24 десятины худой земли, 111 деревень и 36 пустошей.

Жилая
пашня и
пустота.

Смежные пахотные участки сосѣднихъ селеній по закону должны были во избѣжаніе погравы огораживаться обѣими сторонами «по половинамъ». У каждаго крестьянскаго двора былъ свой особый земельный участокъ съ соотвѣтствующимъ ему пространствомъ луговой земли, сѣнокоса, который измѣрялся копнами сѣна (20 копенъ на десятину). Тогда господствовало трехпольно-переложное земледѣліе. Пахотная земля дѣлилась на три поля, озимое, яровое и паровое. Но рѣдко гдѣ вся пахотная земля дѣйствительно распахивалась: вслѣдствіе истощенія почвы и переливовъ населенія большія или меньшія пространства пахоты забрасывались, запускались въ *перелогъ* на неопредѣленное время. Въ центральныхъ областяхъ и на новгородско-псковскомъ сѣверо-западѣ перелогъ рѣшительно переросталъ «пашню паханую»: тамъ въ вотчинахъ приходилась десятина пашни на 2—6 десятинъ перелога, въ помѣстьяхъ на $\frac{1}{2}$ —29 десятинъ, на монастырскихъ земляхъ на 1—14 десятинъ, а на земляхъ архіерейскихъ даже на 4—56 десятинъ. Но «пустота» состояла не изъ одного свѣже-запущеннаго перелога: въ составъ ея входили обширныя площади лѣса па-

шеннаго и непашеннаго, т. е. выросшаго на давнемъ перелогѣ или на непашаномъ мѣстѣ. Чтобы яснѣе представить вамъ отношеніе пашни къ переложно-лѣсной пустотѣ, приведу нѣсколько цифръ изъ писцовой книги 1577 г., описывающей земли Коломенскаго уѣзда. Здѣсь на земляхъ монастырскихъ и служилыхъ, помѣстныхъ и вотчинныхъ, пашни паханой съ лугами числилось 46 тыс. десятинъ въ трехъ поляхъ, а подъ перелогомъ и лѣсомъ 275 тыс. десятинъ, т. е. земля «жилая», обрабатываемая, составляла шестую долю пустоты, иначе говоря, изъ 7 десятинъ обрабатывалась только одна (11,3%). Расчитывая это отношеніе по роду землевладѣльцевъ, находимъ, что у служилыхъ вотчинниковъ приходилось пашни съ лугомъ 1 десятина на 3—4 десятины перелога и лѣса (12,1%), у помѣщиковъ одна на 6—7 (22,1%), у монастырей одна на 10 десятинъ (9%). Такъ было въ одномъ изъ центральныхъ старозаселенныхъ уѣздовъ. Почти такое же преобладаніе пустоты встрѣчаемъ въ уѣздѣ еще болѣе центральномъ: по книгѣ 1584 г. въ Сурожскомъ стану Московскаго уѣзда служилые вотчинники пахали и косили по 1 дес. на 3 дес. перелога и лѣса (25%), помѣщики по 1 дес. на 7 (12%), монастыри по 1 дес. на 6 (14%). Въ разработкѣ земли монастыри здѣсь, какъ видите, отстаютъ въ сложности отъ свѣтскихъ землевладѣльцевъ. Но въ другихъ мѣстахъ встрѣчаемъ на ихъ земляхъ болѣе благоприятное отношеніе: такъ въ упомянутой волости Вохнѣ Троицкаго Сергіева монастыря по книгѣ конца XVI в. обрабатывалось по 1 дес. на $\frac{1}{2}$ дес. пустоты (48,4%), а изъ 31 тыс. десятинъ того же монастыря въ уѣздѣ Переяславля Залѣскаго пахали и косили 10 тыс. дес. (32%). Если такъ было въ центральныхъ областяхъ, то далѣе отъ Москвы на сѣверъ и востокъ можно ожидать еще болѣе угнетающихъ размѣровъ пустоты,

которая въ иныхъ мѣстахъ достигала 94⁰/₀. Впрочемъ и здѣсь встрѣчаемъ рѣзкія исключенія. Волость Нерехта Костромскаго уѣзда была стариннымъ владѣніемъ Троицкаго Сергіева монастыря. Въ этой волости за селомъ Ѳеодоровскимъ съ деревнями по книгѣ 1592 г. значилось перелому и лѣсу 30⁰/₀—отношеніе обратное тому, что мы видѣли въ мѣстностяхъ ближе къ Москвѣ. Это показываетъ, что степень разработки земли зависѣла не столько отъ качества почвы, сколько отъ другихъ мѣстныхъ и историческихъ условий. Несмотря на исключительныя хозяйства, пахотныя участки во многихъ мѣстахъ представлялись незначительными и разсѣянными островками среди обширныхъ нетронутыхъ или заброшенныхъ пустырей. Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что изучая московскія поземельныя описи XVI в., мы имѣемъ дѣло съ бродячимъ и мелко разбросаннымъ сельскимъ населеніемъ, которое, не имѣя средствъ или побужденій широко и усидчиво разрабатывать лежавшія предъ нимъ обширныя лѣсныя пространства, пробавлялось скудными пахотными участками и сорвавъ съ нихъ нѣсколько урожаевъ, бросало ихъ на безсрочный отдыхъ, чтобы на другой цѣлинѣ повторить прежнія операціи.

Землевла-
дѣльцы.

Земли, на которыхъ жили крестьяне, по роду землевладѣльцевъ дѣлились на 3 разряда: на земли *церковныя*, принадлежавшія церковнымъ учрежденіямъ, *служилыя* или *боярскія*, находившіяся во владѣніи служилыхъ людей, и *государевы*. Послѣднія подраздѣлялись на 2 разряда: на государевы *дворцовыя*, приписанныя ко дворцу и какъ бы составлявшія его частную собственность, и государевы *черныя*, т. е. государственныя, не находившіяся ни въ чьемъ частномъ владѣніи. Различіе между землями дворцовыми и черными было больше хозяйственное, чѣмъ юридическое: доходы съ нихъ специально назначались на содержаніе госу-

дарева двора и поступали больше натурой, чѣмъ деньгами. Поэтому земли одного разряда часто переходили въ другой и въ XVII в. тѣ и другія смѣшались, соединившись подъ однимъ дворцовымъ управленіемъ. Такимъ образомъ въ Московскомъ государствѣ XVI в. существовало 3 разряда землевладѣльцевъ: государь, церковныя учрежденія и служилые люди. На всемъ пространствѣ Московскаго государства мы не встрѣчаемъ другихъ частныхъ землевладѣльцевъ, т. е. не существовало крестьянъ-собственниковъ. Крестьяне всюду жили на чужихъ земляхъ, церковныхъ, служилыхъ либо государственныхъ; даже сидя на черныхъ земляхъ, не составлявшихъ ничьей частной собственности, крестьяне не считали этихъ земель своими. Про такія земли крестьянинъ XVI в. говорилъ: «та земля великаго князя, а моего владѣнья»; «та земля Божья да государева, а роспаша и ржи наши». Итакъ черные крестьяне очень ясно отличали право собственности на землю отъ права пользованія ею. Значить, по своему поземельному положенію, т. е. по юридическому и хозяйственному отношенію къ землѣ крестьянинъ XVI в. былъ безземельнымъ хлѣбопашцемъ, работавшимъ на чужой землѣ. Изъ такого положенія развились своеобразныя отношенія юридическія, хозяйственныя и государственныя.

Разсмотримъ прежде всего юридическія отношенія крестьянъ по землѣ, т. е. ихъ отношенія къ землевладѣльцамъ. Крестьянинъ былъ вольный хлѣбопашецъ, сидѣвшій на чужой землѣ по договору съ землевладѣльцемъ; его свобода выражалась въ крестьянскомъ *выгодѣ* или *отказѣ*, т. е. въ правѣ покинуть одинъ участокъ и перейти на другой, отъ одного землевладѣльца къ другому. Первоначально право это не было стѣснено закономъ; но самое свойство поземельныхъ отношеній налагало обоюдное ограниченіе какъ

Крестьяне
и землевла-
дѣльцы.

на это право крестьянина, такъ и на произволь землевладельца въ отношеніи къ крестьянину: землевладелецъ, напримѣръ, не могъ согнать крестьянина съ земли передъ жатвой, какъ и крестьянинъ не могъ покинуть свой участокъ, не рассчитавшись съ хозяиномъ по окончаніи жатвы. Изъ этихъ естественныхъ отношеній сельскаго хозяйства вытекала необходимость однообразнаго, закономъ установленнаго срока для крестьянскаго выхода, когда обѣ стороны могли рассчитаться другъ съ другомъ. Судебникъ Ивана III установилъ для этого одинъ обязательный срокъ—недѣлю до Юрьева дня осенняго (26 ноября) и недѣлю, слѣдующую за этимъ днемъ. Впрочемъ въ Псковской землѣ въ XVI в. существовалъ другой законный срокъ для крестьянскаго выхода, именно Филиппово заговѣнье (14 ноября). Значить, крестьянинъ могъ покинуть участокъ, когда кончались всѣ полевые работы и обѣ стороны могли свести взаимные счеты. Свобода крестьянина выражалась также въ томъ, что сядясь на чужую землю, онъ заключалъ съ землевладельцемъ поземельный договоръ. Условія этого аренднаго договора излагались въ *порядныхъ грамотахъ* или *записяхъ*. Крестьянинъ договаривался съ землевладельцемъ, какъ свободное, юридически равноправное съ нимъ лицо. Онъ бралъ у хозяина большій или меньшій участокъ земли, сообразуясь со своими рабочими средствами. Потому участки эти были чрезвычайно разнообразны. Крестьянинъ снималъ известную долю *обжа* или *выти*. Обжа и выть—податныя единицы земельной мѣры, изъ коихъ первой опредѣлялось пространство пахотной земли на новгородскомъ Сѣверѣ, а второй въ центральныхъ областяхъ. Обжей назывался вообще участокъ отъ 10 до 15 десятинъ въ трехъ поляхъ смотря по качеству почвы. Выть была единицей нѣсколько болѣе значительной, хотя также очень измѣнчивой по той же причинѣ

или по мѣстнымъ обычаямъ. Нормальный или казенный размѣръ выти доброй земли—18 десятинъ, средней—21, худой—24 десятины въ трехъ поляхъ. Впрочемъ въ хозяйственномъ оборотѣ бывали выти и большихъ, и меньшихъ размѣровъ. Крестьянинъ, сказалъ я, бралъ у землевладѣльца известную долю обжи или выти, рѣдко цѣлую выть или обжу, и въ порядной грамотѣ излагалъ условія, на которыхъ снималъ землю. Новаго «приходца» принимали осторожно, съ разборомъ: нерѣдко онъ долженъ былъ представить нѣсколько поручителей, которые «ручали» бы его въ томъ, что онъ будетъ за нихъ порукой жить въ такомъ-то селѣ или деревнѣ «во крестьянѣхъ», землю пахать и дворъ строить, новые хоромы ставить и старыя починивать, а не сбѣжать. Поручители были либо крестьяне того же владѣльца, къ которому рядился пришелецъ, либо даже сторонніе люди. Если съемщикъ садился на пустоши, а не входилъ въ готовый дворъ съ жилымъ, разработаннымъ участкомъ, онъ обязывался хоромы поставить и пашню пахать, поля огородить, пожни и дуга расчищать, жить тихо и смирно, корчмы не держать и никакимъ воровствомъ не воровать; въ случаѣ неисполненія обязательствъ крестьянинъ или его поручители платили *заставу*, неустойку. Потомъ порядной опредѣляли платежи и повинности, какія долженъ былъ нести крестьянинъ за пользованіе снимаемой землей. Новый поселенецъ либо подчинялся общему положенію наравнѣ съ другими крестьянами, среди которыхъ онъ селился, либо заключалъ особыя личныя условія. Въ иныхъ имѣніяхъ всѣ повинности крестьянина соединялись въ известномъ денежномъ или хлѣбномъ оброкѣ; въ другихъ вмѣсто денежныхъ и натуральныхъ платежей крестьянинъ обязывался исполнять условленныя работы на землевладѣльца. Но чаще встрѣчаемъ смѣшанныя условія: сверхъ

оброка деньгами или хлѣбомъ крестьянинъ обязывался еще отбывать въ пользу землевладѣльца барщину, которая называлась *издѣльемъ* или *боярскимъ дѣломъ*. Совмѣщеніе оброка и барщины объясняется тѣмъ, что они выходили изъ разныхъ хозяйственныхъ источниковъ. Денежный и хлѣбный оброкъ въ древней Руси былъ собственно арендной платой за пользованіе чужой землей. Издѣлье имѣло совсѣмъ другое происхожденіе. Крестьянинъ, сядя на чужой землѣ, часто бралъ у хозяина *ссуду* или *подмогу*; за это вмѣсто платежа процентовъ крестьянинъ обязывался дополнительно работать на хозяина, чаще всего обрабатывать извѣстное количество барской земли. Итакъ барщина въ древней Руси вышла изъ соединенія поземельнаго найма съ денежнымъ или другимъ займомъ. Но таково было только первоначальное значеніе издѣлья: съ теченіемъ времени оно вошло въ составъ обычныхъ повинностей крестьянина, какъ и ссуда стала обычнымъ условіемъ поземельныхъ крестьянскихъ договоровъ. Мы рассмотримъ размѣры и виды крестьянскаго оброка, когда будемъ говорить о хозяйственномъ положеніи крестьянъ. Итакъ крестьяне XVI в. по отношеніямъ своимъ къ землевладѣльцамъ были вольными и переходными арендаторами чужой земли, государственной, церковной или служилой.

Крестьяне
и государ-
ство.

Теперь рассмотримъ отношенія крестьянъ къ государству. Въ XVI в. крестьянство еще не было сословіемъ въ политическомъ смыслѣ слова. Оно было тогда временнымъ вольнымъ состояніемъ, точнѣе, положеніемъ, а не постояннымъ обязательнымъ званіемъ съ особенными, ему одному присвоенными правами и обязанностями. Существенную его особенность составляло *занятіе*: вольный человекъ становился крестьяниномъ съ той минуты, какъ «наставлялъ соху» на тягломъ участкѣ, и переставалъ быть крестьяни-

номъ, какъ скоро бросалъ хлѣбопашество и принимался за другое занятіе. Слѣдовательно обязанности въ то время спадали съ лица вмѣстѣ съ отказомъ отъ правъ, съ ними связанныхъ. Совсѣмъ иное видимъ въ позднѣе образовавшихся сословіяхъ: отказомъ отъ сословныхъ правъ или потерей ихъ лицо не освобождалось отъ сословныхъ обязанностей; крестьянинъ тянулъ свое тягло, хотя бы не обрабатывалъ своего участка; дворянинъ служилъ, хотя бы оставался безземельнымъ. Въ XVI в. поземельное тягло, падавшее на крестьянина, нельзя назвать его сословной обязанностью. Здѣсь соблюдались довольно тонкія различія, съ образованіемъ сословія постепенно стиравшіяся. Крестьянское поземельное тягло падало собственно не на крестьянина по тяглою землѣ, имъ обрабатываемой, а на самую тяглую землю, кто бы ею ни владѣлъ и кто бы ее ни обрабатывалъ. Бояринъ, въ XV в. купившій у крестьянскаго общества тяглую землю, долженъ былъ съ нея тянуть тягло наравнѣ съ крестьянами, не становясь крестьяниномъ, потому что у него другое занятіе, которымъ опредѣлялось его общественное положеніе,—государственная военно-правительственная служба. Точно такъ же и холопъ, пахавшій тяглую землю своего господина, не становился крестьяниномъ, потому что не былъ вольнымъ человѣкомъ. Связь повинностей и званія съ занятіемъ указана и въ Судебникѣ 1550 года: онъ отличаетъ поземельныя обязанности крестьянина отъ личныхъ, которыми обыкновенно сопровождался, *но не обуславливался* поземельный договоръ. Крестьянинъ, отказавшійся отъ своего участка въ законный осенній срокъ, но оставившій на немъ озимую рожь, платилъ за нее поземельную подать и пошлину и послѣ отказа, пока не скинать урожая; но за это время, съ ноябрьскаго отказа до окончанія жатвы въ іюль слѣдующаго года онъ

на землевладѣльца не былъ обязанъ работать, ибо это—его личное обязательство, не составлявшее непремѣннаго условія крестьянской порядной: возможны были и бывали поземельные контракты и безъ этого условія, а бобыль могъ принять на себя такое обязательство, селясь въ имѣніи владѣльца, но не снимая у него пахотнаго участка. Точно такъ же крестьянинъ могъ продаться съ пашни въ полное холопство даже не въ срокъ и оставить на своемъ участкѣ озимой или яровой хлѣбъ; съ этого хлѣба онъ платилъ крестьянскую подать, хотя уже, какъ холопъ, пересталъ быть крестьяниномъ, тяглымъ человекомъ; но при переходѣ въ холопство онъ не платилъ землевладѣльцу *пожилого* или *подворнаго* за покинутый имъ крестьянскій дворъ: это его личное обязательство, покрытое холопствомъ. Такой смыслъ постановленія Судебника объясняется и обратнымъ случаемъ, не нормированнымъ въ этомъ кодексѣ, но приводимомъ въ одномъ неизданномъ актѣ Махрищскаго монастыря за 1532 г., когда не крестьянинъ уходилъ отъ землевладѣльца, а землевладѣлецъ покидалъ своихъ крестьянъ. Вотчинникъ въ началѣ этого года продалъ монастырю свое сельцо, гдѣ у него было уже посѣяно озимое, съ правомъ посѣять и ярь и оставаться въ сельцѣ до конца года (до Рожд. Христ.), платя поземельные налоги за ярь и озимое. Крестьяне сельца обязаны были пахать его барскую пашню по прежнему личному съ нимъ уговору, но никого изъ нихъ онъ не могъ выслать изъ сельца безъ вѣдома монастыря по своему землевладѣльческому праву, а кто изъ нихъ уходилъ по своей волѣ, пожилое и другіе налоги платилъ въ монастырь, а не продавцу, уже потерявшему на то право. Продавецъ могъ въ августѣ посѣять рожь и на 1533 годъ и платить казенный налогъ только за озимое, «доколѣ рожь изъ земли не выйдеть». Итакъ государство

начинало знать крестьянина, какъ государственнаго тяглица, плательщика поземельной подати, лишь только онъ, сѣвъ на тяглую землю, принимался за ея обработку, бросалъ сѣмена во вспаханный имъ тяглый участокъ. Если онъ не сидѣлъ на тягомъ участкѣ, не обрабатывалъ тяглой земли, онъ не платилъ и подати, какъ и тяглая земля не танула, если не работала, запереложивалась. Значить, крестьянская подать въ древней Руси падала не на крестьянскій трудъ и не на землю вообще, а на приложеніе крестьянскаго труда къ тяглой землѣ.

Эта государственная подать служила основаніемъ и общественнаго устройства крестьянъ. Для уплаты податей и отбыванія повинностей крестьяне соединялись въ административные округа, которые назывались *станами* и *волостями*. Мы потомъ увидимъ различіе между тѣми и другими. Станы и волости первоначально и составляли сельскія общества, крестьянскіе міры, связанные круговой порукой въ уплатѣ податей. Этими округами управляли намѣстники и волостели, органы центрального правительства; но у нихъ было и свое мірское управленіе, свои мірскіе распорядительные сходы, выбиравшіе исполнительныя управы. Волостная управа состояла изъ старосты или сотскаго съ окладчиками, которые «сидѣли на разметѣ», на разверсткѣ податей и повинностей между членами общества. Вѣдомство мірскаго управленія состояло изъ дѣлъ поземельнаго хозяйства волости, въ составѣ котораго важнѣйшей статьей и были подати и повинности. Выборные вели текущія дѣла, въ случаѣ надобности поговоря съ волостью, «со всѣми крестьяны». Кромѣ разверстки податей и повинностей староста «передъ всей братіей» окладчиками раздавалъ по приговору схода пустые участки въ волости новымъ поселенцамъ, испрашивалъ и давалъ имъ льготы,

и общественное устройство.

собирали и клали передъ этой братіей «на столецъ» наемныя деньги съ арендныхъ участковъ, отстаивали въ судѣ волостную землю отъ стороннихъ захватовъ и притязаній, ходатайствовали о нуждахъ своей волости передъ центральнымъ правительствомъ или жаловался на неправды его мѣстныхъ органовъ, если волость была черная, не имѣвшая ходатая въ своемъ вотчинникѣ. Самымъ тяжелымъ дѣломъ волостного міра, вызывавшимъ къ дѣйствию круговую поруку, была уплата податей міромъ за несостоятельныхъ или выбылыхъ членовъ общества. Назначалась обыкновенно извѣстная опредѣленная сумма податей на все общество по числу окладныхъ единицъ значившейся за нимъ по переписи жилой земли, «пашни паханой». Общество разверстывало эту сумму по отдѣльнымъ тяглымъ дворамъ, соображаясь съ земельнымъ участкомъ каждаго двора. Но иные крестьяне покидали свои участки и выходили изъ общества; другіе оказывались не въ состояніи платить падавшія на нихъ по ихъ пашнѣ доли общественныхъ платежей и переходили на меньшіе участки или въ безпашенные бобыли. За тѣхъ и другихъ до новой переписи обязано было платить подать все общество. Такое волостное устройство существовало въ удѣльные вѣка и сохранялось приблизительно до XVI в. Съ объединеніемъ Московскаго государства и съ развитіемъ служилаго и церковнаго землевладѣнія волость, какъ цѣльное сельское общество, постепенно разрушалась. Частныя землевладѣльцы, служилые помѣщики и вотчинники, церковныя учрежденія, прибрѣтавшіе земли въ черныхъ и дворцовыхъ волостяхъ и прежде тянувшіе одинаковое тягло съ окрестными волостными крестьянами, теперь запасались для своихъ земель разнообразными льготами: мѣстныя власти, намѣстники и волостели, не судили ни ихъ самихъ ни въ чемъ, ни ихъ крестьянъ кромѣ наиболѣе

тяжкихъ уголовныхъ дѣлъ, и приставовъ своихъ «не всылали къ нимъ ни по что»; они сами получали право суда и полицейскаго надзора надъ своими крестьянами, которые при этомъ также освобождались иногда отъ обязанности тянуть наравнѣ съ другими крестьянами своей волости въ ихъ мірскіе разметы. Село такого привилегированнаго землевладѣльца съ приписанными къ нему деревнями и починками выдѣлялось изъ состава волости, какъ особый судебно-административный округъ, со своимъ вотчиннымъ управленіемъ, съ барскимъ прикащикомъ или монастырскимъ поселскимъ старцемъ; но рядомъ съ ними дѣйствуютъ сельскій староста и другіе мірскіе выборные, которые ведутъ поземельныя дѣла своего міра съ участіемъ вотчинныхъ управителей, раскладываютъ налоги, нанимаютъ землю у стороннихъ землевладѣльцевъ и даже скрѣпляютъ такія сдѣлки ручательствомъ не своего вотчинника, а сосѣднихъ дворянъ. Такія села и образовали новыя сельскія общества, на которыя распадалась старыя станы и волости. Судебникъ 1497 г. принимаетъ за сельское общество безразлично и цѣлую волость, и отдѣльное село и этимъ отмѣчаетъ эпоху, когда волость, какъ общество, начала разлагаться на села. Впрочемъ разложеніе далеко не было повсемѣстнымъ: только крупныя или особенно покровительствуемыя землевладѣльцы получали привилегіи, выдѣлявшія ихъ земли изъ волостного строя; у остальныхъ крестьяне и въ концѣ XVI в. «тягло государское всякое тянули съ волостью вмѣстѣ». Но и сельское вотчинное общество держалось на томъ же основаніи, какое объединяло прежнюю волость: это было то же государственное поземельное тягло. Значитъ, и для селъ, и для волостей связью, соединявшей ихъ въ общества, служило поземельное тягло, а не прямо сама земля: это были сельскіе союзы финансовыя, податныя, а не собственно поземельныя.

Вопросъ о
сельской
общинѣ.

Слушая мои слова о сельскихъ обществахъ XV—XVI в., вы навѣрное думали, что я не все сказалъ, и готовы спросить меня: что такое были эти общества по характеру своего землевладѣнія, похожи ли они на нынѣшнія сельскія общины съ общимъ владѣніемъ землей? Вопросъ о происхожденіи русской сельской общины нѣкогда вызвалъ въ нашей литературѣ оживленный споръ и на этотъ предметъ установились два взгляда, которые держатся доселѣ. Одни вслѣдъ за Чичеринымъ, поднявшимъ этотъ вопросъ въ пятидесятыхъ годахъ XIX в., думаютъ, что наша великорусская сельская община—учрежденіе довольно поздняго времени и получила свое окончательное образованіе только въ послѣдней четверти XVIII в. подъ дѣйствіемъ поземельнаго укрѣпленія крестьянъ и подушной подати. Другіе постѣдуютъ другому профессору нашего университета Бѣляеву, который, возражая Чичерину, утверждалъ, что сельская община—исконное явленіе русской жизни, что начала, на которыхъ основаны общинныя учрежденія нашего времени, дѣйствовали уже съ самыхъ раннихъ поръ исторической жизни Руси, задолго до прибытія Рюрика. Чтобы найтись среди этихъ взглядовъ, надобно отдать себѣ отчетъ въ спорномъ предметѣ. Въ древней Руси сельское общество называли *миромъ* и не знали слова *община*, какъ стали звать его въ литературѣ. прошлаго столѣтія, разумѣя подъ этимъ словомъ сельское общество, какъ оно сложилось къ эпохѣ крестьянской реформы, со всѣми особенностями поземельнаго строя общины. Существенными особенностями, въ которыхъ выражалось ея основное начало, общинное владѣніе землей, можно признать 1) обязательную уравнительность на дѣловъ, 2) строго-сословное значеніе общины и 3) круговую поруку. Земля распредѣлялась соразмѣрно съ рабочей и податной мочью крестьянъ: рядомъ съ формальнымъ, счетнымъ

надѣломъ по ревизскимъ душамъ существовалъ еще надѣлъ дѣйствительный по тягламъ, т. е. земля дѣлилась между дворами по наличнымъ рабочимъ силамъ каждаго двора и дѣлилась принудительно, навязывалась. Это потому, что размѣромъ надѣла опредѣлялась для каждаго крестьянина соответственная тяжесть сословныхъ обязанностей, падавшихъ на крестьянство; какъ скоро это соответствие ходомъ народненія и вымиранія нарушалось, земля передѣлялась для восстановленія равновѣсія. Такимъ образомъ земля была не источникомъ повинностей, а вспомогательнымъ средствомъ для ихъ исполненія. Ни этой принудительной уравнительности участковъ съ ихъ передѣлами, ни сословнаго характера поземельныхъ крестьянскихъ обязанностей не находимъ въ сельскихъ обществахъ XV—XVI в. Крестьянинъ бралъ себѣ участокъ «по силѣ», т. е. по своему усмотрѣнiю, договариваясь о томъ во владѣльческомъ или дворцовомъ имѣнiи съ самимъ владѣльцемъ или съ его прикащикомъ безъ участія сельскаго общества. Податная тяжесть вольнаго сѣмщика опредѣлялась размѣромъ снятаго участка; слѣдовательно, земля служила источникомъ крестьянскихъ обязанностей, а не вспомогательнымъ только средствомъ для ихъ исполненія. Самые участки имѣли постоянный, неизмѣнный составъ. То были большей частью отдѣльныя деревни въ одинъ-два двора съ принадлежавшими къ каждой изъ нихъ угодьями, предѣлы которыхъ изъ вѣка въ вѣкъ опредѣлялись обычнымъ выраженiемъ поземельныхъ актовъ: «куда соха, коса и топоръ ходили». Самъ крестьянинъ не былъ прикрѣпленъ ни къ участку, ни къ сельскому обществу, ни даже къ состоянiю, свободно мѣнялъ свою пашню на другую, выходилъ изъ общества и даже изъ крестьянства. Изъ акта XV в. узнаемъ, что одна деревня въ продолженiе 35 лѣтъ перемѣнила шестерыхъ владѣльцевъ изъ

крестьянъ. Такъ въ сельскихъ обществахъ XV—XVI в. не находимъ двухъ существенныхъ признаковъ общиннаго владѣнія землей. Можетъ быть, зародышъ такого владѣнія надобно видѣть въ очень рѣдкомъ явленіи, какое встрѣчаемъ въ описи земель Троицкаго Сергіева монастыря 1592 г. по Дмитровскому уѣзду. Но какой это слабый зародышъ! На этихъ земляхъ, скудныхъ почвой и пашней, крестьяне, пахавшіе по 5 или даже только по $3\frac{3}{4}$ десятины худой земли на дворъ, сверхъ подворной пашни всѣмъ сельцомъ или всей деревней, двумя-четырьмя дворами пахали еще «по мѣрѣ всѣ сопча» по $5-7\frac{1}{2}$ дес., а въ одномъ сельцѣ 16 дворовъ пахали сообща 22 десятины, по $1\frac{3}{8}$ на дворъ. Это какъ будто пробная общественная запашка. Самый порядокъ отбыванія поземельныхъ повинностей приучалъ крестьянъ видѣть въ землѣ связь, соединявшую ихъ другъ съ другомъ: повинности разверстывались повытно и отбывались сообща крестьянами, сидѣвшими на одной вытѣ; разверстка производилась выборными села или волости. Въ томъ же направленіи дѣйствовала и круговая порука. Она служила средствомъ обезпеченія податной исправности сельскихъ обществъ, но не была исключительною особенностью сельскаго общиннаго быта: на ней, какъ увидимъ, строилось все мѣстное земское управленіе въ XVI вѣкѣ. Однако эта порука вела уже тогда если не къ періодическимъ общимъ передѣламъ, то къ частичнымъ раздѣламъ земли. Въ иныхъ деревняхъ по описямъ встрѣчаемъ пустые дворы, и пашни «впустѣ» у нихъ нѣтъ: это значитъ, что опустѣвшій участокъ или дѣлили между жилыми дворами, или отдавали одному двору вмѣстѣ съ лежавшимъ на пустотѣ тягломъ. Всѣмъ этимъ я хочу сказать, что въ сельскихъ обществахъ XVI в. нельзя найти общиннаго владѣнія землей съ обязательнымъ порядкомъ ея распредѣленія, а имъ было предо-

ставлено лишь распоряженіе крестьянской землей, насколько то требовалось для облегченія имъ исправнаго платежа податей. Но это распоряженіе воспитывало понятія и привычки, которыя потомъ при другихъ условіяхъ легли въ основу общиннаго владѣнія землей. Такими условіями и были согласно съ мнѣніемъ Чичерина обязательный трудъ и принудительная разверстка земли по наличнымъ рабочимъ силамъ. Дѣйствіе этихъ условій становится замѣтно уже въ XVI в. и не трудно догадаться, что оно должно было проявиться сперва не въ крестьянской средѣ, тогда еще не закрѣпощенной, а въ холопшей. Издавна землевладельцы заставляли часть своей дворни обрабатывать барскую пашню, обзаводили дворами и хозяйствомъ и надѣляли землей. Въ документахъ XVI в. находимъ указанія на то, что этотъ надѣлъ былъ не подворный, а «съ одного», на всѣ дворы сообща, огульно, при чемъ, вѣроятно, самимъ этимъ «страдникамъ», какъ назывались пахотные холопы, предоставлялось или разверстывать, дѣлить и передѣлять данную имъ землю между собою, или дѣлиться урожаемъ соразмѣрно участію въ совмѣстной ея обработкѣ.

Теперь войдемъ въ экономическое положеніе крестьянъ, рассмотримъ, какъ они жили въ тѣсномъ кругу своего хозяйства. Крестьянинъ былъ вольный и переходной сѣмщикъ чужой земли, свобода котораго обезпечивалась правомъ выхода и правомъ ряда, договора съ землевладельцемъ. Таково было положеніе крестьянина по закону; но уже въ XVI в. оно было далеко не таково на дѣлѣ. Вольный и переходной арендаторъ, крестьянинъ большею частью приходилъ на чужую землю съ пустыми руками, безъ капитала, безъ земледѣльческаго инвентаря. Распространеніе помѣстнаго землевладѣнія на заокскія и средневожскія поля значительно увеличило массу безынвентарнаго крестьянства; на

Земледѣль-
ческое хо-
зяйство
крестьянъ.

тамошнія пустыя помѣстья привлекались, какъ мы видѣли (лекц. XXXIII), изъ центральныхъ уѣздовъ преимущественно неписьменные люди, не имѣвшіе своего хозяйства. Селясь на чужой землѣ, такой крестьянинъ нуждался въ воспособленіи со стороны землевладѣльца, особенно когда садился на пустоши, на нетронутомъ или давно запустѣвшемъ участкѣ. Рѣдкій поселенецъ обходился безъ этого воспособленія. Оно было почти общимъ условіемъ крестьянскихъ поземельныхъ договоровъ и принимало различные виды. Садясь осенью о Егорьевѣ днѣ на «жилой», уже обожженный и распаханый участокъ, крестьянинъ входилъ въ готовый дворъ съ постройками и получалъ отъ землевладѣльца *подмогу* или *суду* деньгами, скотомъ, чаще хлѣбомъ «на сѣмены и на ѣмены», на посѣвъ и на прокормъ до жатвы. Подмога и суда иногда смѣшиваются въ крестьянскихъ порядныхъ; но между ними было различіе. Подмога давалась собственно на первоначальное дворовое обзаведеніе, на жилыя и хозяйственныя постройки, на огородаху полей, и была безвозвратной судой, если крестьянинъ обзаводился, какъ слѣдовало по договору. Суда скотомъ и прочимъ инвентаремъ или деньгами для его приобрѣтенія назначалась на веденіе хозяйства и числилась за крестьяниномъ, какъ долгъ, подлежащій уплатѣ при уходѣ его отъ владѣльца. Денежная суда въ XV и началѣ XVI в. называлась *серебромъ издѣльнымъ*, потому что соединялась съ *издѣлемъ*, работою крестьянина (*издѣльнаго серебряника*, какъ назывался получившій серебро) на владѣльца; этимъ оно отличалось отъ серебра *ростоваго*, займа съ уплатой роста, процентовъ. Потому землевладѣльцы и различали «деньги въ селахъ въ ростъ и въ пашнѣ». Если крестьянинъ садился на пустой участокъ, который нужно было распахать и обстроить, то полу-

часть сверхъ подмоги и ссуды еще льготу полную или частичную и болѣе или менѣе продолжительную, смотря «по пустотѣ», по степени заброшенности участка, требовавшаго болѣе или менѣе сложныхъ подготовительныхъ работъ. Льгота давалась на годъ, на два и болѣе и освобождала сѣмщика какъ отъ «государева тягла», казенныхъ податей, такъ и отъ господскаго оброка денежнаго и хлѣбнаго и всякаго издѣлья, либо только отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ повинностей. О степени нужды въ ссудѣ можно судить по отдѣльнымъ случаямъ: у Алексѣевыхъ, некрупныхъ вотчинниковъ Московскаго и Боровскаго уѣздовъ, въ 1511 г. числилось за ихъ крестьянами въ раздатѣ до 2000 р. на наши деньги. Крестьянское хозяйство особенно выразительно характеризуется обиліемъ указаній въ актахъ XVI в. на крестьянъ, засѣвавшихъ свои поля господскими сѣменами. Въ вотчинной книгѣ Кириллова бѣлозерскаго монастыря, составленной во второй половинѣ XVI в. и перечисляющей монастырскія села и деревни съ обозначеніемъ вытей арендуемой монастырскими крестьянами земли, показано около 1½ тыс. вытей; 70% этихъ крестьянскихъ вытей засѣвались монастырскими сѣменами, т. е. находились въ пользованіи людей, безъ помощи вотчинника не имѣвшихъ чѣмъ засѣять свои поля. Разсчитавъ на нынѣшнія хлѣбныя цѣны всѣ сѣмена, какія по книгѣ числились за крестьянами, рожь, пшеницу, ячмень и овесъ, найдемъ, что ихъ было выдано не менѣе, какъ на 52 тыс. руб. Эта сѣменная ссуда оставалась за крестьяниномъ, пока онъ жилъ на монастырской землѣ, даже переходила отъ отца къ сыну, числилась за крестьянскимъ дворомъ, какъ его постоянный долгъ, проценты съ котораго вносились въ составъ ежегоднаго поземельнаго оброка монастырю: значитъ, сѣменной заемщикъ тяготился возвратомъ хлѣбной ссуды.

Крестьян-
ские участ-
ки.

Основой хозяйства для крестьянина служилъ земельный участокъ, имъ обрабатываемый. Излагая юридическія отношенія крестьянъ XVI в. къ землевладѣльцамъ, я говорилъ, что крестьянинъ, договариваясь съ землевладѣльцемъ, бралъ у него какую-либо долю выти или обжи, рѣдко полную выть или обжу, еще рѣже больше того. Для изученія крестьянскаго хозяйства необходимо точнѣе опредѣлить размѣры крестьянскихъ земельныхъ участковъ. Они были очень разнообразны, измѣняясь по мѣсту и времени, по качеству почвы, по рабочей силѣ крестьянскихъ дворовъ и по другимъ условіямъ, трудно уловимымъ для отдаленнаго наблюдателя. Прослѣдить это разнообразіе на всемъ пространствѣ Московскаго государства XVI в.—въ настоящую минуту дѣло невозможное по состоянію научной разработки памятниковъ, относящихся къ этому предмету. Рядъ ученыхъ изслѣдователей внесъ и вносятъ въ научный оборотъ массу архивныхъ документовъ, дающихъ обильный матеріалъ для изученія распредѣленія пахотной земли по крестьянскимъ рукамъ, иначе говоря, для полнаго обзора подворныхъ крестьянскихъ надѣловъ въ разныхъ областяхъ Московскаго государства XVI и XVII в. Но все это пока еще трудно объединить, свести къ цѣльнымъ выводамъ, и во всемъ этомъ обширномъ матеріалѣ еще многого недостаетъ для такого полнаго обзора. Остается ограничиться отдѣльными указаніями памятниковъ, наибольшими и наименьшими величинами и гадательно выведенными средними. Встрѣчаемъ подворные надѣлы и въ 24, даже въ 47 десятинъ, и въ 3 десятины; даже у одного и того же владѣльца, Троицкаго Сергіева монастыря, въ одной вотчинѣ крестьяне пользовались сейчасъ указаннымъ огромнымъ надѣломъ въ 47 десятинъ, въ другомъ довольствовались всего $4\frac{1}{2}$ дес. въ трехъ поляхъ. Къ концу

XVI в. замѣтна наклонность къ сокращенію надѣловъ. Въ Тверскомъ уѣздѣ по описаніямъ первой половины вѣка господствовали довольно крупные надѣлы, десятины въ 12 или около того, и между прочимъ въ волости Кушалинѣ средній размѣръ подворнаго участка доходилъ до $8\frac{1}{2}$ десятинъ, а по писцовой книгѣ 1580 г. тамъ не приходилось и 4 десятинъ на дворъ. Вообще средней величиной запашки крестьянскаго двора въ XVI в. признается 5—10 десятинъ, а къ концу вѣка даже $3-4\frac{1}{2}$ десятины и нѣсколько болѣе для южныхъ степныхъ уѣздовъ. Но при тогдашней подвижности и крайне неравномѣрномъ распредѣленіи крестьянскаго труда среднія величины не даютъ точнаго представленія о дѣйствительности. По подробнымъ описаніямъ нѣкоторыхъ имѣній въ селѣ съ десятками деревень и починковъ не находимъ двухъ поселковъ съ одинаковыми подворными участками: въ одной деревнѣ на дворъ отведено 7 десятинъ, а рядомъ въ другой 36 или даже $52\frac{1}{2}$ десятины. Вообще отъ изученія поземельныхъ документовъ XVI в. остается впечатлѣніе, что обычные крестьянскіе участки были менѣе значительны, чѣмъ можно было бы ожидать. Еслибы можно было эти подворные участки разсчитать на ревизскія души, помня, что душевой составъ тогдашняго крестьянскаго двора былъ значительно сложнѣе современнаго, можетъ быть, оказалось бы, что подъ руками тогдашняго русскаго крестьянина было не больше, если не меньше, пахотной земли, чѣмъ сколько отведено его отдаленному потомку по Положенію 19 февраля 1861 года.

Еще труднѣе взвѣсить тяжесть повинностей, лежавшихъ ^{на нихъ} на тягломъ крестьянскомъ участкѣ. Главное затрудненіе состоитъ въ ихъ сложности: участокъ несъ на себѣ государево тягло деньгами, натурой и трудомъ, потомъ платилъ владѣльцу оброкъ денежный и хлѣбный и разные мелкіе

дополнительные поборы яйцами, курами, сырами, овчинами и т. п. и наконец дѣлалъ господское издѣлье. Уставная грамота Соловецкаго монастыря крестьянамъ одного изъ его сель объясняетъ, изъ какихъ работъ состояло это издѣлье: крестьяне пахали и засѣвали монастырскую пашню, чинили монастырскій дворъ и гумно, ставили новые хоромы вмѣсто обветшалыхъ, возили дрова и лучину на монастырскій дворъ, ставили подводы, чтобы вести монастырскій хлѣбъ въ Вологду, а оттуда привозить соль. Если хлѣбный оброкъ еще можно кой-какъ, съ нѣкоторой степенью точности переложить на наши деньги, то эти издѣльные повинности и дополнительные поборы натурой не поддаются даже приблизительному учету. Затрудненіе увеличиваютъ еще старинныя окладныя единицы, обжа и выти, измѣнчивыя и не вездѣ одинаковыя по размѣрамъ, притомъ совсѣмъ для насъ непривычныя, мѣшающія намъ живо понять тяжесть даже точно высчитаннаго по нимъ поземельнаго обложенія, и потому приходится перелагать ихъ на дворы или десятины, что не всегда удается. Ограничусь немногими данными, которыя дѣлаютъ такое переложеніе возможнымъ. Но здѣсь я опять сдѣлаю небольшую методологическую остановку. Я приведу вамъ нѣсколько цифръ о поземельныхъ повинностяхъ крестьянъ, укажу, сколько они платили своимъ землевладѣльцамъ. Но вы спросите: что это—много или мало? Наиболѣе понятная намъ мѣрка давно минувшихъ жизненныхъ положеній—сравненіе съ настоящимъ. Съ чѣмъ же мы будемъ сравнивать поземельные платежи XVI в.? Съ современными арендными цѣнами, прежде всего подумаете вы. Едва-ли. Современная аренда—актъ чисто гражданскаго права. Но крестьянинъ XVI в., снимая тяглый участокъ у землевладѣльца или у сельскаго общества, путемъ этой частной гражданской сдѣлки вступалъ въ извѣ-

стныя обязательства передъ государствомъ, принималъ на себя всю тяжесть государева тягла, казенныхъ повинностей, нававшихъ на тяглую землю. Позднѣе, когда вольные хлѣбопашцы на чужой землѣ стали крѣпостными, государево тягло преобразилось въ подушную подать, а арендныя условія крестьянъ съ землевладѣльцами замѣнились обязательнымъ помѣщичьимъ оброкомъ и барщиной. Еще позднѣе, съ отмѣной крѣпостного права, крѣпостные оброкъ и барщина были замѣнены выкупными и дополнительными къ нимъ платежами. Таково преемство историческихъ фактовъ. Оно указываетъ, что соизмѣримыя величины въ нашемъ изученіи—это повинности крестьянъ XVI в. въ пользу землевладѣльцевъ и выкупные платежи крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Такая историческая перспектива поможетъ намъ яснѣе разглядѣть немногія явленія, которыя вскрываютъ хозяйственное положеніе крестьянъ въ XVI в. Наша задача получаетъ такую постановку: въ какой мѣрѣ наканунѣ закрѣпощенія крестьянскій трудъ былъ обремененъ въ пользу частнаго землевладѣнія сравнительно съ тягостями, какія оставляло оно на крестьянахъ при освобожденіи, приступавшихъ къ выкупу своихъ надѣловъ? Начну съ простѣйшихъ отношеній. Въ 1580 годахъ нѣкоторыя села Нижегородскаго уѣзда платили владѣльцу всего оброка по 9 четвертей ржи и овса съ выти: по переводѣ этого оброка на хлѣбныя цѣны начала 1880 годовъ, когда еще не были облегчены выкупные платежи, придется около 2¹/₂ рублей на десятину—немного болѣе средняго выкупного платежа съ десятины по той губерніи (1 р. 88 к.). Потомъ, одно сельцо въ Дмитровскомъ уѣздѣ платило (1592 г.) Троицкому Сергіеву монастырю съ выти средней земли по 1 рублю, т. е. по 3 р. съ десятины на наши деньги, а въ другихъ селахъ того же монастыря и тамъ же

однѣ выти платили денежный оброкъ по 27 р. съ выти худой земли и мелкихъ сборовъ по 4 р. 50 к., всего по 2 р. 10 к. съ десятины, другія вмѣсто денежнаго оброка пахали монастырской пашни по 2 дес. въ каждомъ полѣ съ выти, т. е. вполнѣ отработывали по двѣ круговыхъ десятины, пахали, бороновали, удобряли, убирали озимую, яровую и паровую десятину. Отсюда видимъ, что денежный платежъ съ дмитровской десятины былъ даже нѣсколько ниже выкупного платежа по Московской губерніи (2 р. 50 к.) и что отработка круговой десятины, замѣнявшая оброкъ (13 р. 50 к.), въ концѣ XVI в. была вдвое или втрое дешевле, чѣмъ въ 1880 годахъ, когда въ центральныхъ губерніяхъ она обходилась отъ 25 до 40 р. Значитъ, земледѣльческій трудъ цѣнился гораздо дешевле, чѣмъ три вѣка спустя. Приведу еще примѣръ изъ сѣвернаго Заволжья. Въ 1567 г. одинъ служилый человекъ отказалъ Кириллову монастырю свое село Воскресенское въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ съ 47 деревнями и починками и со 144 крестьянскими дворами въ нихъ. Изъ сохранившейся подробной описи видимъ, какъ разнообразны были здѣсь подворные участки: были дворы и съ 22, и съ 2, даже съ $1\frac{1}{2}$ десятинами, т. е. съ участками втрое-вчетверо меньше средняго душевого надѣла по Новгородской губерніи. Въ среднемъ приходилось на дворъ по 7 десятинъ въ трехъ поляхъ. Вотчинныя повинности состояли изъ оброка денежнаго и хлѣбнаго, изъ праздничныхъ денегъ и изъ *бѣлокъ* по пяти штукъ съ выти. Переложивъ все это на современные деньги, кромѣ бѣлокъ, оценить которыхъ не могу, найдемъ, что на десятину падало платежей 1 р. 69 к., немного болѣе выкупного платежа по Новгородской губ. (1 р. 26 к.). Приведенные случаи не возбуждаютъ недоумѣній. Но встрѣчаемъ данныя, способныя озадачить изучающаго. Въ селѣ Купалинѣ, принадлежав-

шесть къ тверскимъ дворцовымъ землямъ вел. кн. Симеона Бекбулатовича, кратковременнаго правителя земщины во времена опричнины, по книгѣ 1580 г. падало всѣхъ денежныхъ и хлѣбныхъ сборовъ по 5 р. 34 к. на десятину—сумма, болѣе чѣмъ втрое превышающая выкупной платежъ съ десятины бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ по Тверской губерніи. При этомъ пашни приходилось безъ малаго по 4 десятины на дворъ; если этотъ средній подворный участокъ разложить на души по среднему душевому составу двора, выведенному по Тверской губерніи изъ данныхъ X ревизіи 1858 г. (2, 6 души), то на душу придется не болѣе $1\frac{1}{2}$ десятинъ, почти втрое менѣе средняго душевого надѣла въ той губерніи по Положенію 19 февраля, а вѣдь составъ крестьянскаго двора въ XVI в. навѣрное былъ значительно, чѣмъ въ XIX в. Въ тѣхъ же дворцовыхъ земляхъ были села, гдѣ на дворъ приходилось меньше 3 десятинъ, т. е. не больше одной десятины на душу. Наконецъ встрѣчаемъ порядныя, въ которыхъ крестьяне поряжались платить денежный оброкъ, въ 4—12 разъ превышавшій выкупные платежи. Такую высоту оброка можно объяснить только какими-нибудь особенно доходными угодьями или другими выгодами участковъ, не указанными въ контрактахъ. При отрывочности дошедшихъ до насъ данныхъ трудно различить случаи нормальные и исключительные. Впрочемъ есть указанія, склоняющія скорѣе къ мысли о господствѣ высокихъ нормъ оброка. Французъ капитанъ Маржеретъ, служившій царямъ Борису и Лжедмитрію I, въ своемъ сочиненіи о Россіи изображалъ положеніе дѣлъ въ Московскомъ государствѣ конца XVI и начала XVII в. Онъ имѣлъ въ виду, кажется, дворцовыя и черныя земли, когда писалъ, что съ крестьянъ отдаленныхъ отъ столицы мѣстностей вмѣсто сборовъ натурой собираютъ деньги по весьма

высокимъ окладамъ: если вѣрить ему, быть въ 7—8 десятинъ платила столько, что по разсчету на наши деньги приходилось платежей по 11—22 р. на десятину. Здѣсь разумѣлись и оброки, и казенныя подати, которыхъ къ концу XVI в. насчитываютъ до 1½ руб. съ десятины и даже больше. Въ эпоху освобожденія крестьянъ выкупные платежи съ подушной податью, государственнымъ общественнымъ сборомъ и съ мирскими повинностями едва ли гдѣ достигали и минимальнаго размѣра платежей по Маржерету. Въ XVI в. нерѣдко крестьянинъ обязывался давать за землю вмѣсто оброка долю урожая, пятый, четвертый или третій снощ. Изъ остатка онъ долженъ былъ выдѣлить сѣмена для посѣва, обновлять свой живой и мертвый инвентарь, платить казенныя подати и кормить себя съ семьей. Трудно уяснить себѣ, какъ онъ изворачивался со своими нуждами, особенно при господствѣ незначительныхъ надѣловъ. Тяжесть повинностей и недостатокъ средствъ отнимали у крестьянина охоту и возможность расширять свой скудный окладной участокъ; но онъ искалъ подспорья въ ускользавшихъ отъ тяглового обложенія угодахъ и промыслахъ, какіе доставляло обиліе водъ, лѣса и перелога. Этимъ можно объяснить признаки нѣкоторой зажиточности, тогда замѣтные даже въ малоземельныхъ хозяйствахъ. Не лишень интереса небольшой неизданный документъ, лежащій, правда, за предѣлами изучаемаго періода, но бросающій ретроспективный свѣтъ на конецъ XVI вѣка: это—составленная въ 1630 г. опись «крестьянскихъ животныхъ», скота, ульевъ, пчель, хлѣба въ клѣткахъ и высѣянной ржи въ одномъ селѣ Троицкаго Сергіева монастыря въ Муромскомъ уѣздѣ. Въ селѣ 14 крестьянскихъ дворовъ, въ которыхъ жило 37 чел. муж. пола. Они засѣяли ржи до 21 десятины; слѣдовательно всей пашни у нихъ было около 62 дес. въ трехъ поляхъ.

по 4,4 дес. на дворъ и по 1,7 дес. на душу—прямо нищенскій надѣлъ; 38 лѣтъ назадъ село пахало почти втрое больше. Однако даже въ малоземельномъ дворѣ, засѣвавшимъ $1\frac{1}{2}$ — $1\frac{1}{2}$ дес. озимаго поля, находимъ 3—4 улья пчель, 2—3 лошади съ жеребятами, 1—3 коровы съ подтелками, 3—6 овецъ, 3—4 свиньи, въ клѣткахъ 6—10 четвертей всякаго хлѣба. Только два двора вели крупную запашку въ 12 и 15 десятинъ въ трехъ поляхъ; у нихъ было 2 и 5 ульевъ, 4 и 10 лошадей, по 3 коровы съ подтелками, 5 и 9 овецъ, 5 и 6 свиней и въ клѣткахъ 30 и 4 четверти всякаго хлѣба.

Сводя изложенныя черты, можно такъ представить хо-*Замеченіе.* зайственное положеніе крестьянина XVI вѣка: это былъ въ большинствѣ малоземельный и малоусидчивый хлѣбопашецъ, весьма задолженный, въ хозяйствѣ котораго все, и дворъ, и инвентарь, и участокъ, было наемное или заемное, который обстраивался и работалъ съ помощью чужого капитала, платя за него личнымъ трудомъ, и который подъ гнетомъ повинностей склоненъ былъ сокращать, а не расширять свою дорого оплачиваемую запашку.

Въ слѣдующій часъ мы увидимъ, какое положеніе со-
здалось къ началу XVII в. для крестьянства изъ всѣхъ
условій его быта.

Лекція XXXVII.

Мѣніе о прикрѣпленіи крестьянъ въ концѣ XVI в.—Законъ 1597 г. о бѣглыхъ крестьянахъ и предполагаемый указъ объ общемъ прикрѣпленіи крестьянъ.—Порядки конца XVI и начала XVII в.—Хозяйственныя условія, подготовлявшія крѣпостную неволю крестьянъ.—Поземельное прикрѣпленіе черныхъ и дворцовыхъ крестьянъ.—Ростъ ссуды и усиленіе личной зависимости крестьянъ владѣльческихъ.—Крестьянскіе сказы и побѣги и законодательныя мѣры противъ нихъ.—Положеніе владѣльческаго крестьянства въ началѣ XVII в.—Выводы.

Мѣніе о
прикрѣпле-
ніи крестьянъ.

Обращаемся къ изученію одного изъ самыхъ важныхъ и самыхъ трудныхъ вопросовъ въ нашей историографіи,—къ вопросу о томъ, когда и какъ возникла крѣпостная неволя крестьянъ.

Излагая послѣдствія помѣстной системы, я сказалъ, что она подготовила коренную переменъ въ судьбѣ крестьянства. Эту переменъ обыкновенно изображаютъ такими чертами. До конца XVI в. крестьяне были вольными хлѣбопашцами, пользовавшимися правомъ свободного перехода съ одного участка на другой, отъ одного землевладѣльца къ другому. Но отъ этихъ переходовъ происходили большія неудобства какъ для общественнаго порядка, такъ и для государственнаго хозяйства и особенно для хозяйства мелкихъ служилыхъ землевладѣльцевъ, у которыхъ богатые вотчинники и помѣщики сманивали крестьянъ, оставляя

ихъ безъ рабочихъ рукъ, слѣдовательно безъ средствъ исправно отбывать государственную службу. Вслѣдствіе этихъ затрудненій правительство царя Федора издало указъ, отмѣнявшій право крестьянскаго выхода, лишившій крестьянъ возможности покидать разъ занятыя ими земли. Всѣ печальныя послѣдствія крѣпостнаго права, обнаружившіяся позднѣе, вышли изъ этого прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ. Такъ какъ первый указъ, отмѣнявшій крестьянское право выхода, былъ изданъ, когда государствомъ правилъ именовъ царя Федора шуринъ его Борисъ Годуновъ, то на этого правителя падаетъ вся отвѣтственность за эти послѣдствія: онъ—первый виновникъ крѣпостнаго права, крѣпостникъ-учредитель. Въ такомъ взглядѣ на происхожденіе крѣпостнаго права можно различить два главныхъ положенія: 1) въ концѣ XVI стол. правительство одною общей законодательной мѣрой измѣнило юридическое положеніе крестьянъ, отнявъ у нихъ право выхода, прикрѣпивъ ихъ къ землѣ, и 2) вслѣдствіе этого прикрѣпленія крестьяне попали въ неволю къ землевладѣльцамъ.

Въ изложенномъ изображеніи дѣла не все ясно и точно. Выходить прежде всего, какъ будто одновременно однимъ и тѣмъ же актомъ установлено было и поземельное прикрѣпленіе крестьянъ, и крѣпостное право. Но это—два состоянія различнаго характера и происхожденія, во многихъ отношеніяхъ даже исключаящія одно другое. Въ исторіи несвободныхъ состояній подъ поземельнымъ прикрѣпленіемъ крестьянъ разумѣютъ государственную мѣру, привязывающую крестьянъ къ землѣ независимо отъ ихъ личнаго отношенія къ землевладѣльцу, или, точнѣе, подчиняющую это отношеніе поземельному прикрѣпленію; подъ крѣпостнымъ правомъ разумѣютъ право человѣка на личность другого, основанное первоначально, при самомъ его зарожденіи, на

Заковъ
1597 г.

частномъ юридическомъ актѣ, на *крѣпости*, независимо отъ отношенія крѣпостного къ землѣ,—право, отдававшее крѣпостного человѣка, по выраженію нашего Свода Законовъ, «въ частную власть и обладаніе» господина. Значить, изложенное нами мнѣніе соединяетъ въ одинъ моментъ акты столь несходные, какъ поземельное прикрѣпленіе и личная крѣпость. Это во-первыхъ. Далѣе, не только не сохранилось общаго указа, отмѣнявшаго крестьянскій выходъ, но въ уцѣлѣвшихъ актахъ нѣтъ и намека на то, чтобы такой указъ былъ когда-либо изданъ. Первымъ актомъ, въ которомъ видятъ указаніе на прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, какъ на общую мѣру, считаютъ указъ 24 ноября 1597 г. Но этотъ указъ содержаніемъ своимъ не оправдываетъ сказанія объ общемъ прикрѣпленіи крестьянъ въ концѣ XVI в. Изъ этого акта узнаемъ только, что если крестьянинъ убѣжалъ отъ землевладѣльца не раньше 5 лѣтъ до 1 сентября (тогдашняго новаго года) 1597 года и землевладѣлецъ вчинить искъ о немъ, то по суду и по сыску таковаго крестьянина должно возвратитъ назадъ, къ прежнему землевладѣльцу, «гдѣ кто жилъ», съ семьей и имуществомъ, «съ женой и съ дѣтьми и со всѣми животы». Если же крестьянинъ убѣжалъ раньше пяти лѣтъ, а землевладѣлецъ тогда же, до 1 сентября 1592 г., не вчинилъ о немъ иска, такого крестьянина не возвращать и исковъ и челобитій объ его сыскѣ не принимать. Больше ничего не говорится въ царскомъ указѣ и боярскомъ приговорѣ 24 ноября. Указъ, очевидно, говоритъ только о бѣглыхъ крестьянахъ, которые покидали своихъ землевладѣльцевъ «не въ срокъ и безъ отказа», т. е. не въ Юрьевъ день и безъ законной явки со стороны крестьянина объ уходѣ, соединенной съ обоюднымъ расчетомъ крестьянина и землевладѣльца. Этимъ указомъ устанавливалась для иска и возврата бѣг-

лыхъ временная давность, такъ сказать, обратная, простиравшаяся только назадъ, но не ставившая постояннаго срока на будущее время. Такая мѣра, какъ выяснилъ смыслъ указа Сперанскій, принята была съ цѣлью прекратить затрудненія и безпорядки, возникавшіе въ судопроизводствѣ вслѣдствіе множества и запоздалости исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Указъ не вносилъ ничего новаго въ право, а только регулировалъ судопроизводство о бѣглыхъ крестьянахъ. И раньше, даже въ XV в. удѣльные княжескія правительства принимали мѣры противъ крестьянъ, которые покидали землевладѣльцевъ безъ расплаты съ ними. Однако изъ указа 24 ноября вывели заключеніе, что за пять лѣтъ до его изданія, въ 1592 году, должно было послѣдовать общее законоположеніе, лишившее крестьянъ права выхода и прикрѣплявшее ихъ къ землѣ. Уже Погодинъ, а вслѣдъ за нимъ и Бѣляевъ основательно возражали, что указъ 24 ноября не даетъ права предполагать такое общее распоряженіе за пять лѣтъ до 1597 года; только Погодинъ не совсемъ точно видѣлъ въ этомъ указѣ 24 ноября установленіе пятилѣтней давности для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ и на будущее время. Впрочемъ и Бѣляевъ думалъ, что если не въ 1592 г., то не раньше 1590 года должно было состояться общее распоряженіе, отмѣнявшее крестьянскій выходъ, потому что отъ 1590 г. сохранился актъ, въ которомъ за крестьянами еще признавалось право выхода, и можно надѣяться, что со временемъ такой указъ будетъ найденъ въ архивахъ. Можно съ увѣренностью сказать, что никогда не найдется ни того, ни другого указа, ни 1590, ни 1592 года, потому что ни тотъ ни другой указъ не былъ изданъ. Нѣкоторые высказывали даже мысль, что указъ 24 ноября 1597 г. и есть тотъ самый законъ, которымъ крестьяне впервые были прикрѣплены къ землѣ, но

не прямо, а ковенно: безъ предварительнаго запрещенія правительство признало незаконными всѣ крестьянскіе переходы, совершившіеся въ послѣднія пять лѣтъ до изданія этого указа, и дозволило покинувшихъ свои участки крестьянъ возвращать на нихъ какъ бѣглецовъ. Погодинъ, не признавая прикрѣпленія крестьянъ при царѣ Ѳедорѣ по особому общему закону, думалъ, что крѣпостное право установилось нѣсколько позднѣе, постепенно, какъ-то само собой, не юридически, помимо права, ходомъ самой жизни. Разберемъ въ явленіяхъ, какія встрѣчаемъ въ поземельныхъ актахъ XVI и начала XVII в., чтобы видѣть, что собственно случилось съ крестьянами въ то время.

Порядныя
XVI-XVII в.

До насъ дошло значительное количество порядныхъ записей, въ которыхъ крестьяне уговариваются съ землевладѣльцами, садясь на ихъ земли. Эти порядныя идутъ съ половины XVI в. до половины XVII в. и даже далѣе. Если вы, читая эти записи, забудете сказаніе о прикрѣпленіи крестьянъ при царѣ Ѳедорѣ, то записи и не напомнятъ вамъ объ этомъ. Крестьяне въ началѣ XVII в. договариваются съ землевладѣльцами совершенно такъ же, какъ они договаривались во второй половинѣ XVI в. Крестьянинъ обязывался въ случаѣ ухода заплатить землевладѣльцу пожилое за пользованіе дворомъ, возвратитъ ссуду и вознаградитъ землевладѣльца за льготы, которой пользовался. Возможность для крестьянина уйти отъ землевладѣльца предполагается въ порядныхъ сама собою, какъ право крестьянина. Предположеніе, что въ концѣ XVI в. крестьяне были лишены этого права и прикрѣплены къ землѣ, дѣлаетъ непонятнымъ цѣлый рядъ порядныхъ, составленныхъ по узаконенной формѣ. Такъ одинъ монастырь, переводя въ 1599 г. своихъ крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое, заключаетъ съ ними новый договоръ, ридится

съ ними, какъ съ вольными съемщиками. Другой актъ того же года рассказываетъ, что монастырь долго искалъ одного своего крестьянина, убѣжавшаго безъ расплаты, наконецъ, отыскавши его въ вотчинѣ одного служилаго человѣка, потребовалъ назадъ. Вдова землевладѣльца выдала бѣглеца. Во время Русской Правды крестьянинъ за такой побѣгъ былъ бы обращенъ въ полнаго холопа. Теперь, послѣ предполагаемаго прикрѣпленія, монастырь не только не наказываетъ бѣглеца, но заключаетъ съ нимъ новый договоръ и даже даетъ ему на обзаведеніе новую ссуду и льготы. Такія же явленія замѣчаемъ и въ царствованіе Михаила. По договору, заключенному въ 1630 г., одинъ крестьянинъ сѣлъ на землю Тихвинскаго монастыря со льготой и подмогой, освобожденъ былъ на годъ отъ казенныхъ податей и вотчиннаго оброка, взялъ у монастыря на обзаведеніе 10 рублей (болѣе ста рублей на наши деньги) и 10 четвертей разнаго хлѣба. Въ порядной встрѣчаемъ условіе: «если, говоритъ крестьянинъ, я не буду жить за монастыремъ на своемъ участкѣ по своему приговору или если стану гдѣ на сторонѣ рядиться въ крестьяне, монастырю взять на мнѣ за денежную и за хлѣбную подмогу и за льготу 30 рублей по сей порядной записи»,—и только. Порядная и не предполагаетъ мысли о незаконности ухода крестьянина съ участка, снятаго имъ у монастыря; крестьянинъ обязуется только заплатить неустойку, чтобы вознаграждать землевладѣльца за сдѣланные имъ расходы. Итакъ по поряднымъ грамотамъ незамѣтно общаго прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ и въ первой половинѣ XVII в., по крайней мѣрѣ въ царствованіе Михаила. Съ другой стороны, нѣкоторые крестьяне являются прикрѣпленными къ землѣ, лишенными права выхода уже задолго до предполагаемаго указа объ общемъ поземельномъ прикрѣпленіи крестьянъ.

Въ 1552 г. дана была чернымъ крестьянамъ Важскаго уѣзда царская грамота, которая предоставляла сельскимъ обществамъ того уѣзда право возвращать своихъ «старыхъ», т. е. давнихъ тягловцовъ, вышедшихъ на монастырскія земли безсрочно и безпошлинно, и сажать ихъ на покинутые участки, хотя тутъ же дается имъ право призывать на свои пустоши крестьянъ со стороны. Это распоряженіе касалось черныхъ, государственныхъ крестьянъ. Но и всѣ тяглые крестьяне являются тогда же какъ бы прикрѣпленными къ землѣ или къ тяглу. Въ 1560-хъ годахъ богатымъ соловарамъ Строгановымъ отданы были обширныя пустыя земли по Камѣ и Чусовой съ правомъ населять ихъ новоприходцами, призывая послѣднихъ со всѣхъ сторонъ. Строгановы не могли только принимать къ себѣ крестьянъ «тяглыхъ и письменныхъ», т. е. посаженныхъ на тягло и записанныхъ въ податныя поземельныя книги: такихъ поселенцевъ Строгановы обязаны были выдавать назадъ по требованію мѣстныхъ начальствъ съ семьями и со всѣмъ имуществомъ. Итакъ предположеніе объ указѣ, отмѣнившемъ крестьянскій выходъ и прикрѣпившемъ крестьянъ къ землѣ въ концѣ XVI в., не оправдывается ни съ той, ни съ другой стороны, ни предшествующими, ни послѣдующими явленіями.

Условія,
подготовившія
воду
крестьянъ.

Чтобы понять, въ чемъ дѣло, надобно прежде всего остановиться на вопросѣ: было ли что отмѣнить законодателю XVI в.? Внимательно изучая поземельные договоры того времени, встрѣчаемъ указанія на крестьянскій «отказъ», на свободный и законно совершенный переходъ крестьянина отъ одного землевладѣльца къ другому; но легко замѣтить и то, что такіе случаи были чрезвычайно рѣдки. Порядныя записи, въ которыхъ такой переходъ указывается прямо или подразумевается, — исключительныя явленія: такіе договоры совершались тѣми немногими крестьянами, которые могли

расплатиться съ землевладѣльцами или которые впервые сѣдѣлись на крестьянское тягло изъ вольныхъ людей. Большая часть порядныхъ записей, намъ извѣстныхъ, написана была такими вольными людьми, переходившими въ разрядъ тяглыхъ. Огромная масса тяглыхъ крестьянъ уже не пользовалась правомъ перехода не потому, что это право было отмѣнено общимъ закономъ, а потому что сами крестьяне лишились или частными мѣрами были лишены *возможности* имъ пользоваться. Это лишеніе было дѣломъ продолжительнаго и сложнаго процесса, въ которомъ и завязались основныя, первичныя условія крѣпостнаго права. Изложу этотъ процессъ въ самыхъ общихъ чертахъ. Приблизительно съ конца XIV до начала XVII вѣка среди крестьянства центральной окско-волжской Руси идетъ непрерывающееся переселенческое движеніе, сначала одностороннее—на сѣверъ за верхнюю Волгу, потомъ, съ половины XVI в., съ завоеваніемъ Казани и Астрахани, двустороннее—еще на сѣверо-востокъ по Дону, по средней и нижней Волгѣ. Среди этого движенія въ составѣ крестьянства обозначились два слоя, сѣдичій, осѣдлый—это *старожилыцы*, и переходжій, бродячій—*приходцы*. Тѣ и другіе имѣли различную судьбу на земляхъ черныхъ и дворцовыхъ, очень мало различавшихся между собою, и на земляхъ владѣльческихъ, служилыхъ и церковныхъ. Старожилство означало давность мѣстожителства или принадлежности къ обществу, городскому или сельскому. Но первоначально оно не опредѣлялось точнымъ числомъ лѣтъ: старожильцами считались и крестьяне, сѣдѣвшіе на своихъ участкахъ 5 лѣтъ, и крестьяне, говорившіе про занимаемыя ими земли, что ихъ отцы сѣдѣлись на тѣхъ земляхъ. Само по себѣ старожилство не имѣло юридическаго значенія въ смыслѣ ограниченія личной свободы старожильцевъ; но оно получало такое значеніе въ

связи съ какимъ-либо другимъ обязательствомъ. Въ обществахъ черныхъ и дворцовыхъ крестьянъ такова была круговая порука въ уплатѣ податей. Старожильцы образовали въ такихъ обществахъ основной составъ, на которомъ держалась ихъ податная исправность: разбродъ старожильцевъ велъ къ обремененію остававшихся и къ недоимкамъ. Насущною нуждою этихъ обществъ было затруднить своимъ старожильцамъ переходъ на болѣе льготныя земли, особенно церковныя. Выходъ затруднялся и уплатой довольно значительнаго пожилого, которое разсчитывалось по числу лѣтъ, прожитыхъ уходившимъ старожильцемъ на участкѣ; расчетъ становился даже невозможнымъ, если во дворѣ десятки лѣтъ преемственно жили отецъ и сынъ. На встрѣчу тягловымъ нуждамъ черныхъ и дворцовыхъ обществъ шло и правительство, уже въ XVI в. начинавшее укрѣплять людей къ состояніямъ, къ тяглу или къ службѣ, чтобы обезпечить себѣ прочный контингентъ тяглыхъ и служилыхъ людей. Двустороннія условія привели къ тому, что частныя и временныя мѣры, обобщаясь, завершились къ началу XVII в. общимъ прикрѣпленіемъ старожильцевъ не только къ состоянію, но и къ мѣсту жительства. Изъ одного акта 1568 г. видимъ, что общимъ правиломъ было возвращать въ дворцовыя села ушедшихъ крестьянъ, если то были старожильцы тѣхъ селъ. вмѣстѣ съ такимъ значеніемъ старожительства въ концѣ XVI в. повидимому установленъ былъ для него и точный срокъ давности. Уставная грамота, данная городу Торопцу въ 1591 г., говоритъ о «заповѣдныхъ лѣтахъ», въ продолженіе которыхъ торопчане могли возвращать въ посады вышедшихъ изъ него старинныхъ своихъ тяглецовъ на старинныя ихъ мѣста. Если подъ этими заповѣдными лѣтами разумѣется срокъ давности, дававшій тяглу чело-вѣку званіе старожильца, то можно думать, что именно

этотъ срокъ вскрывается въ одномъ актѣ, составленномъ нѣсколько позднѣе. Въ 1626 г. дана была Спасскому монастырю въ Ярославлѣ правая грамота по дѣлу о запискѣ въ посадское тягло людей и крестьянъ, жившихъ на монастырской землѣ въ Ярославлѣ. Въ 1624 г. при описи г. Ярославля указано было разыскать, какіе люди жили на монастырской землѣ въ посадѣ, и если окажется, что они были люди вольные или старинные монастырскіе, а не государевы тяглые, или хотя и бывали въ тяглѣ за государемъ, «а вышли изъ-за государя больше десяти лѣтъ или въ свое мѣсто оставили на своихъ мѣстахъ жильцовъ тяглыхъ людей», тѣхъ людей писать за монастыремъ попрежнему и къ посаду не приписывать, равно и про ярославцевъ, ушедшихъ съ посада, разыскать, куда и когда они ушли, и если ушли «не больше десяти лѣтъ», воротить ихъ въ Ярославль и посадить на покинутыя ими мѣста. Замѣстительство, приравненное здѣсь къ старожильству, прямо указываетъ на круговую поруку, какъ на источникъ прикрѣпленія старожильцевъ. Наконецъ и всѣ тяглые и письменные люди черныхъ волостей, записанные въ тягло по книгамъ, признаны были, какъ старожильцы, прикрѣпленными къ своимъ землямъ или обществамъ. Въ наказѣ 1610 г. Левшину, управителю посада Чухломы и черныхъ волостей Чухломского уѣзда, это прикрѣпленіе выражено рѣшительно и указанъ его источникъ—стремленіе поддержать податную исправность плательщиковъ и остановить сокращеніе податной пашни. Левшину предписывалось крестьянъ изъ государевыхъ волостей никуда не выпускать и за государя крестьянъ ни изъ-за кого не вывозить до указу; такъ какъ «прожиточные крестьяне горланы съ себя убавляли пашни, съ выти стали жить на полвыти или на трети, не хотя государевыхъ податей платити, а тѣ свои доли наметывали на молодыхъ

людей, а вмѣсто той своей пашни пашутъ на пустошахъ и сѣно косятъ на пустыхъ доляхъ», то Левшину это разслѣдовать и распорядиться, чтобы крестьяне убавочныя пашни пахали, тяглою пашни съ себя не сбавливали, платили бы со своихъ выгтей по животамъ и по промысламъ. Такимъ образомъ государственные и дворцовые крестьяне были прикрѣплены къ землѣ и образовали замкнутый классъ: ни ихъ не выпускали на владѣльческія земли, ни въ ихъ среду не пускали владѣльческихъ крестьянъ, и это обособленіе является въ подмогу круговой поруки для обезпеченія податной исправности сельскихъ обществъ. Такое прикрѣпленіе, разумѣется, не имѣло ничего общаго съ крѣпостнымъ правомъ. Это—чисто полицейская мѣра.

Ссуды. Какъ на казенныхъ земляхъ круговая порука привела къ поземельному прикрѣпленію крестьянъ, такъ на земляхъ владѣльческихъ ссуда подготовила крѣпостное право. Около половины XV в. застаемъ владѣльческихъ крестьянъ съ признаками довольно льготнаго положенія несмотря на широкое распространеніе ссуды или издѣльнаго серебра. Переходъ крестьянъ не былъ стѣсненъ ни срокомъ, ни обязанностью немедленной уплаты занятаго серебра: крестьянинъ-серебряникъ могъ уплачивать свой долгъ землевладѣльцу въ два года по уходѣ безъ процентовъ. Старожилцы даже пользовались особыми льготами за то, что усидчиво сидѣли на своихъ мѣстахъ или добровольно на нихъ возвращались. Но съ конца XV в. положеніе этихъ крестьянъ изображается совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Преп. Іосифъ Волоколамскій убѣждаетъ окрестныхъ землевладѣльцевъ во вредѣ непосильныхъ работъ и оброковъ, какими они привыкли обременять своихъ крестьянъ. Вассіанъ Косой въ полемикѣ съ землевладѣльческимъ монашествомъ жестоко нападаетъ на него за то, что оно разоряетъ своихъ крестьянъ жаднымъ

ростовщицествомъ и безчеловѣчно выбиваетъ разоренныхъ изъ своихъ селъ. Герберштейнъ, дважды прѣзжавшій въ Москву при отцѣ Грознаго и хорошо ознакомившійся съ порядками въ его государствѣ, пишетъ, что крестьяне здѣсь работаютъ на своихъ господъ шесть дней въ недѣлю, что положеніе ихъ самое жалкое и имущество ихъ не ограждено отъ произвола родовитыхъ и даже рядовыхъ служилыхъ людей. Въ первой половинѣ XVI в. крестьяне еще свободно переходили съ мѣста на мѣсто. Въ житіи Герасима Болдинскаго читаемъ, что когда къ основанному имъ подъ Вязьмой монастырю начали стекаться изъ окрестныхъ волостей крестьяне, слыша о хозяйственномъ благоустройствѣ обители, и основали около нея слободу, прѣзжавшій черезъ Вязьму сановникъ изъ Москвы, узнавъ про то, разсердился, зачѣмъ эти монастырскіе слобожане не тянутъ тягла вмѣстѣ съ мірскими крестьянами, велѣлъ призвать ихъ къ себѣ и бить нещадно, а когда Герасимъ вступился за своихъ, бояринъ обругалъ преподобнаго, пославъ ему «нелѣпыя глаголы», а задержанныхъ поселенцевъ приказалъ бить пуще прежняго. Различныя условія содѣйствовали ухудшенію положенія владѣльческихъ крестьянъ: и усиленіе поземельныхъ тягостей съ расширеніемъ государства, и развитіе служилого помѣстнаго землевладѣнія съ отягченіемъ службы помѣщиковъ отъ учащавшихся войнъ, и распространеніе ссуднаго крестьянскаго хозяйства, особенно на помѣстныхъ и церковныхъ земляхъ, и нерадѣніе законодательства о регулированіи поземельныхъ отношеній крестьянъ, которымъ только предписывалось во всемъ своего владѣльца слушать, папню на него пахать и оброкъ ему платить, чѣмъ онъ ихъ избороचितъ. Но до половины XVI в. въ поземельныхъ описяхъ и актахъ центральныхъ уѣздовъ государства крестьянство является населеніемъ, довольно

плотно сидѣвшимъ по многодворнымъ селамъ и деревнямъ на хорошихъ надѣлахъ, съ ограниченнымъ количествомъ перелога и пустошей. Иностранцы, проѣзжавшіе въ половинѣ XVI в. изъ Ярославля въ Москву, говорятъ, что край этотъ усѣянъ деревушками, замѣчательно переполненными народомъ. Во второй половинѣ вѣка, особенно въ его послѣднія десятилѣтія, картина рѣзко измѣняется. Сельское населеніе центра сильно рѣдѣетъ: старыя деревни превращаются въ пустоши; починки попадаютъ рѣдко или совсѣмъ отсутствуютъ; по городамъ, селамъ и деревнямъ отмѣчается въ актахъ небывалое дотогѣ множество пустыхъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ, гдѣ и постройки уже исчезли; въ Муромѣ на посадѣ въ 8 лѣтъ (1566—1574 г.) изъ 587 тяглыхъ дворовъ осталось только 111; англичанинъ Флетчеръ по пути между Вологдой и Москвой встрѣчалъ села, тянувшіяся на версту, съ избами по сторонамъ дороги, но безъ одинаго обывателя; площадь пашни переложной и лѣсомъ зароставшей расширяется; остававшіеся на старыхъ мѣстахъ крестьяне сидятъ на сокращенныхъ пахотныхъ участкахъ; одновременно съ сокращеніемъ крестьянской запашки увеличивается барская пашня, обрабатываемая холопами за недостаткомъ крестьянскихъ рукъ. На счетъ центра заселялись юговосточныя окраины, верхняя Ока, верхнее Подонье, среднее и нижнее Поволжье. При такой перемѣнѣ въ распредѣленіи населенія положеніе центральнаго владѣльческаго крестьянства затруднялось и въ хозяйственномъ, и въ юридическомъ отношеніи. Государственныя и владѣльческія повинности становились тяжелѣе по мѣрѣ убыли рабочихъ силъ. Судное хозяйство расширялось, а съ нимъ усиливалась и долговая зависимость крестьянъ. И старыя землевладѣльцы центральныхъ областей, надо полагать, поддерживали дѣло новыхъ степныхъ помѣщиковъ,—

разрѣженіе стариннаго крестьянскаго двора, образуя усиленной ссудой новыхъ домохозяевъ изъ неотдѣленныхъ членовъ старыхъ семей, изъ сыновей, младшихъ братьевъ и племянниковъ. На владѣльческихъ земляхъ такъ же, какъ и на черныхъ и дворцовыхъ, существовалъ слой старожильцевъ, но съ инымъ характеромъ. Тамъ старожильцы—основные кадры, которые поддерживали тягловую способность сельскихъ обществъ, несли на своихъ плечахъ всю тяжесть круговой поруки; здѣсь это—наиболѣе задолжавшіе, неплатные должники. Я уже говорилъ, какъ разлагались стянутыя круговой порукой старыя волостныя общества съ появленіемъ среди нихъ привилегированныхъ частныхъ имѣній, вотчинъ и помѣстій, образовавшихъ въ ихъ составѣ особыя общества, новыя юридическія лица. Въ 1592 г. всѣ крестьяне помѣстья Астафья Орловскаго въ Вологодскомъ уѣздѣ заняли у другого дворянина «въ мірской расходъ на все помѣстье» 4 руб. (болѣе 200 р. на наши деньги) и совершили заемъ безъ всякаго участія своего помѣщика. Но въ круговой крестьянской порукѣ по уплатѣ податей землевладѣльцѣ долженъ былъ принять участіе: облагая своихъ крестьянъ работою и оброкомъ по усмотрѣнію, нерѣдко обладая правомъ суда и полицейскаго надзора надъ ними, даже правомъ льготить ихъ отъ государственнаго тягла, онъ неизбѣжно становился отвѣтственнымъ посредникомъ въ ихъ дѣлахъ о казенныхъ платежахъ и повинностяхъ, даже когда волость сохраняла свою тягловую цѣльность и всѣ волостные крестьяне безъ различія землевладѣльцевъ «тягло государственное всякое тянули съ волостью вмѣстѣ, по волостной ровности», т. е. по уравнительной разверсткѣ. Въ этомъ обособленіи вотчинъ и помѣстій—начало и причина отвѣтственности землевладѣльцевъ за казенные платежи своихъ крестьянъ, которая потомъ стала одною изъ составныхъ нормъ крѣпостнаго права. Уже въ XVI в. землевла-

дѣльцу приходилось иногда самому платить подати за своихъ крестьянъ. Въ 1560 г. власти Михалицкаго монастыря жаловались царю, что ихъ крестьяне терпятъ многія обиды отъ сосѣднихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ и онѣ, власти, принуждены постоянно давать своимъ разоряемымъ крестьянамъ льготы въ монастырскихъ повинностяхъ. «да и тягли многія (казенные налоги) во много лѣтъ, измогаясь и займаю, за тѣхъ своихъ крестьянъ платили сами собою». Собственный интересъ побуждалъ благоразумнаго землевладѣльца становиться хозяйственнымъ попечителемъ своихъ крестьянъ раньше, чѣмъ законъ далъ ему право быть ихъ обладателемъ. Этимъ и объясняется положеніе старожильцевъ на владѣльческихъ земляхъ. Землевладѣлецъ не сталъ бы слишкомъ щедро льготить крестьянина и даже платить за него подати, еслибъ видѣлъ въ немъ кратковременнаго сидѣльца, котораго ближайшій Юрьевъ день осенній можетъ унести съ его участка. Его заботой было усадить крестьянина возможно прочнѣе, сдѣлать старожильцемъ. Естественныя побужденія клонили къ тому и самого крестьянина. Обстроившись и обжившись на своемъ мѣстѣ, домовитый хлѣбопашецъ не могъ имѣть охоты безъ нужды бросать свой участокъ, въ который вложилъ много своего труда, въ усадьбѣ котораго нерѣдко родился. Нѣкоторые признаки указываютъ на присутствіе значительнаго класса старожильцовъ и на владѣльческихъ земляхъ до половины XVI в. Потомъ, съ завоеваніемъ Поволжья, крестьянство было взбудоражено переселенческимъ движеніемъ съ центральнаго суглинка на южный черноземъ. Уходъ младшихъ членовъ семьи, людей неписемныхъ, на новыя мѣста обезсиливалъ старый крестьянскій дворъ и вынуждалъ его сокращать запашку. На владѣльческихъ земляхъ множество крестьянскихъ дворовъ, значившихся жилыми по описямъ первой половины вѣка,

въ концѣ его являются пустыми: хлѣбопашца, которому наскучила работа надъ неподатливымъ лѣснымъ, хотя и отческимъ суглинкомъ, манила степная черноземная новь съ новыми ссудами и льготами. Навстрѣчу опасности остаться безъ «живущаго», съ одними «пустошами, что были деревни», центральные землевладѣльцы шли съ усиленными ссудами, льготами и неустойками; и ссуда, и неустойка за уходъ и за неисполненіе обязательствъ къ концу XVI в. постепенно увеличиваются: первая съ полтины поднимается до 5 р. (225 р.), вторая—съ 1 р. до 5 и 10 р. На отдѣльныхъ примѣрахъ можно видѣть, какъ трудно было разсчитаться крестьянину, засидѣвшемуся у землевладѣльца до старожильства, т. е. просидѣвшему больше 10 лѣтъ. Возьмемъ наиболѣе легкія условія разсчета. Крестьянинъ порядился на участокъ и взялъ 3 р. ссуды безъ льготы, что бывало нечасто. Проживъ 11 лѣтъ и ставъ старожильцемъ, онъ при уходѣ долженъ былъ возвратить ссуду и уплатить за свой дворъ пожилое, въ лѣсныхъ мѣстахъ по 14 коп. за годъ (въ полевыхъ мѣстахъ, гдѣ было далеко до «хороннаго», строевого лѣса,—вдвое), и пошлинъ 6 коп. Всѣ эти платежи во второй половинѣ XVI в. составили бы на наши деньги сумму больше 200 р. Меньше этого пришлось бы платить рѣдкому старожильцу. Приведу примѣръ краткосрочнаго сидѣнья. Въ 1585 г. два казенныхъ или дворцовыхъ крестьянина сѣли на пустую монастырскую деревню съ обязательствомъ въ три льготные года поставить дворъ и хоромы, обстронься, распахать и унавозить запустѣвшую пашню, и за это получили 5 р. ссуды. Если бы они отсидѣли льготные годы, не исполнивъ обязательствъ, и захотѣли бы уйти, они должны были бы заплатить пожилое за три года, ссуду и 10 р. неустойки, какъ уговорились съ монастыремъ: все это на наши деньги составило бы сумму

около 700 руб. Едва ли бы они оказались въ состояніи уплатить такой долгъ. Какъ свободные люди, они могли уйти и безъ расплаты; но тогда монастырь вчинилъ бы противъ нихъ искъ о взысканіи, судъ присудилъ бы ихъ къ уплатѣ и по ихъ несостоятельности выдалъ бы ихъ монастырю «до искупа», т. е. превратилъ бы ихъ на много лѣтъ въ срочныхъ холоповъ кредитора, зарабатывающихъ свой долгъ. Такъ ссуда создавала отношенія, въ которыхъ владѣльческому крестьянину приходилось выбирать между безсрочно-обязаннымъ крестьянствомъ и срочнымъ холопствомъ. Это было не полицейское прикрѣпленіе къ землѣ, какое установила круговая порука для государевыхъ черныхъ крестьянъ, а хозяйственная долговая зависимость отъ лица, отъ землевладѣльца-кредитора по общему гражданскому праву. Эту разницу надобно особенно принять во вниманіе, чтобы избѣжать недоразумѣній.

Свои и побѣги.

Итакъ крестьянское право выхода къ концу XVI в. замирало само собой, безъ всякой законодательной его отмѣны. Имъ продолжали пользоваться лишь немногіе крестьяне, поселеніе которыхъ не соединялось ни съ какими затратами для землевладѣльцевъ и которымъ потому легко было расчитаться съ ними, заплативъ только пожилое. Для остальныхъ крестьянъ вольный переходъ выродился въ три формы: *побѣгъ*, *свозъ* и *сдача*—замѣстительство уходившаго другимъ жильцомъ. Въ поземельныхъ описяхъ XVI в. первыя двѣ изъ этихъ формъ обозначаются выраженіями: «выбѣжалъ», «спешъ» или «сбѣгъ безвѣстно», «скитается», «вывезень» тѣмъ-то или туда-то. Между этими формами была разниа качественная и количественная. Побѣгъ возвращалъ задолжавшему крестьянину свободу, но былъ незаконенъ; свозъ допускался закономъ, но не возвращалъ крестьянину свободы; сдача возвращала свободу и допускалась

закономъ, но была затруднительна сама по себѣ и возможна лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. На дворцовыхъ земляхъ вел. кн. Симеона Бекбулатовича въ Тверскомъ уѣздѣ по книгѣ 1580 г. изъ 306 случаевъ крестьянскаго перехода не отмѣчено ни одного замѣстительства. Случаи нормальнаго перехода безъ сторонней помощи и нарушенія закона довольно рѣдки: ихъ—17%. Чаше случались побѣги не въ срокъ и безъ отказа, безъ установленной явки, безъ уплаты пожлого, вообще безъ расплаты съ землевладѣльцемъ: ихъ—21%. Господствующей формой перехода былъ свозъ: на земляхъ Бекбулатовича такихъ случаевъ отмѣчено 61% слишкомъ. Это понятно. Крестьянинъ рѣдко могъ расплатиться съ землевладѣльцемъ: обыкновенно его выручалъ другой землевладѣлецъ, который вносилъ за него пожилое и ссуду и вывозилъ его на свою землю. Такой крестьянинъ, мѣняя участокъ, не мѣнялъ своего юридическаго положенія, а лишь переходилъ отъ одного кредитора къ другому. Свозы крестьянъ чрезвычайно усилились въ продолженіе XVI в. Въ этой операціи принимали участіе землевладѣльцы всѣхъ разрядовъ, и монастыри, и бояре, и мелкіе вотчинники и помѣщики; даже черныя и дворцовыя волости свозили крестьянъ у свѣтскихъ землевладѣльцевъ, притомъ «насилствомъ», противъ воли господъ, нуждаясь въ тяглецахъ на пустыя участки. Благодаря этой погонѣ за крестьянами въ XVI в. возникла ожесточенная борьба землевладѣльцевъ за крестьянскія руки. Время около 26 ноября, Юрьева дня осенняго, было порой, когда въ селахъ и деревняхъ разыгрывались сцены насилія и беспорядковъ. Приващикъ богатаго свѣтскаго землевладѣльца, слуга или посельскій богатаго монастыря ѣхалъ въ села черныхъ крестьянъ или мелкихъ помѣщиковъ и «отказывалъ» крестьянъ, подговоривъ ихъ къ переселенію, платилъ за нихъ ссуду и пожилое и

свозилъ на землю своего господина. Крестьянскія общества и мелкіе землевладѣльцы, лишаясь тягловъ и рабочихъ рукъ, старались силой удержать ихъ, ковали свозимыхъ крестьянъ въ желѣза, насчитывали на нихъ лишніе платежи и грабили ихъ пожитки, или же собирали своихъ людей и встрѣчали самихъ отбѣщиковъ съ какимъ могли оружіемъ въ рукахъ. Жалобы мелкихъ помѣщиковъ и государственныхъ крестьянъ ярко рисуютъ эти юрьевскія столкновѣнія.

Мѣры про-
тивъ нихъ.

Объ формы, въ какія выродилось крестьянское право перехода, а не самое это право, московское правительство съ конца XVI в. старалось стѣснить или даже уничтожить. И побѣги, и свозы, не улучшая положенія крестьянъ, сопровождались важными неудобствами для государства и государственнаго хозяйства, а особенно для сельскихъ обществъ съ круговой порукой и для обязанныхъ службой мелкихъ землевладѣльцевъ. Крестьянскій выходъ превратился въ одностороннюю привилегію или въ игру крупныхъ землевладѣльцевъ, не поддерживавшую свободы крестьянъ, но сильно вредившую интересамъ государства. Сельскія общества казенныхъ крестьянъ, теряя своихъ тягловъ, становились неисправными податными плательщиками; мелкіе служилые землевладѣльцы, лишаясь рабочихъ рукъ, переставали быть исправными ратниками. Наконецъ крестьянскіе свозы и побѣги косвенно содѣйствовали переходу тяглыхъ крестьянъ въ классъ холоповъ. Судебникъ 1497 г., опредѣляя условія крестьянскаго выхода, назначаетъ только срокъ для него съ уплатой пожилого за дворъ. Въ Судебникѣ 1550 г. встрѣчаемъ важное добавленіе: «а который крестьянинъ съ пашни продается кому въ полную въ холопи, и онъ выйдетъ безсрочно и пожилого съ него нѣтъ». Крестьянинъ, запутанный свозами въ своихъ долговыхъ обязатель-

ствахъ, разрушившій свое хозяйство побѣгами, невольно могъ искать выхода изъ своихъ затрудненій въ этой добавкѣ Судебника. Но становясь полнымъ холопомъ, тяглый крестьянинъ переставалъ быть податнымъ плательщикомъ, пропадалъ для казны. Противъ этихъ невыгодныхъ послѣдствій крестьянскаго выхода и было направлено московское законодательство конца XVI и начала XVII в. Въ царствованіе Бориса Годунова 28 ноября 1601 г. изданъ былъ указъ, по которому дозволялось вывозить крестьянъ другъ у друга только мелкимъ землевладѣльцамъ, служилымъ людямъ второстепенныхъ и низшихъ чиновъ, и то не болѣе двухъ крестьянъ заразъ; землевладѣльцы Московскаго уѣзда, въ большинствѣ люди высшихъ чиновъ и крупные вотчинники, равно церковныя учрежденія, а также черныя и дворцовыя волости совсѣмъ лишены были права вывозить чьихъ-либо крестьянъ на свои земли. Этотъ указъ является мѣрой, направленной противъ землевладѣльцевъ въ пользу крестьянъ: онъ гласитъ, что царь позволилъ давать крестьянамъ выходъ по причинѣ налоговъ и взысканій, которыми землевладѣльцы ихъ обременяли. Указъ начинается объявленіемъ о дозволеніи выхода крестьянамъ, а далѣе ведетъ рѣчь вовсе не о выходѣ, а о вывозѣ крестьянъ землевладѣльцами: подъ выходомъ разумѣли уже только вывозъ, которымъ замѣнился выходъ. Указъ 24 ноября 1602 г. повторилъ прошлогоднее ограниченіе вывоза, но мотивировалъ его не какимъ-либо общимъ закономъ, прежде изданнымъ, а желаніемъ прекратить бои и грабежи, которыми обыкновенно сопровождался съвозъ крестьянъ однимъ землевладѣльцемъ у другого. Такъ какъ эти беспорядки происходили отъ нежеланія землевладѣльцевъ отпускать перезываемыхъ крестьянъ, то оба указа, и 1601 г., и 1602 г., надобно понимать въ томъ смыслѣ, что они опредѣляютъ, кому у кого дается право вывозить кре-

стьянъ, т. е. вывозить безъ согласія ихъ владѣльцевъ, только по соглашенію съ вывозимыми крестьянами. Слѣдовательно вывозъ крестьянъ съ дозволенія ихъ владѣльцевъ былъ признанъ постояннымъ правиломъ, изъятіе изъ котораго допущалось этими указами, какъ временная мѣра, только на тѣ два года, когда они были изданы. Притомъ второй указъ дозволялъ вывозить крестьянъ «во крестьяне-жь», т. е. даже въ дозволенныхъ границахъ вывозъ не могъ выводить крестьянъ изъ ихъ тяглаго состоянія: крестьянинъ и у новаго владѣльца долженъ былъ оставаться крестьяниномъ, не переходя въ нетяглые дворовые люди. При первомъ самозванцѣ указомъ 1 февраля 1606 г. прямо запрещенъ былъ переходъ крестьянъ въ холопство. Въ продолженіе 1601—1603 г. на Руси были неурожаи. Это заставило многихъ крестьянъ бѣжать отъ своихъ землевладѣльцевъ, отказавшихся поддерживать ихъ хозяйство въ голодные годы. Многіе бѣглецы, принятые другими землевладѣльцами, поступили къ нимъ въ холопство. Указъ 1 февраля предписывалъ всѣхъ крестьянъ, бѣжавшихъ до голодныхъ лѣтъ и отдавшихся въ холопство, возвращать къ старымъ владѣльцамъ попрежнему въ крестьянство. Этимъ отмѣнялась статья Судебника 1550 г., дозволявшая крестьянамъ продаваться съ пашни въ холопство. Крестьяне, бѣжавшіе отъ своихъ землевладѣльцевъ, отказавшихся кормить ихъ въ голодные годы, не возвращались на прежнія мѣста, оставаясь въ томъ состояніи, въ какое вступили послѣ побѣга. Всѣ эти указы не признаютъ крестьянъ прикрѣпленными ни къ землѣ, ни къ землевладѣльцамъ, не касаются и права выхода, а говорятъ только о крестьянахъ свозныхъ и бѣглыхъ. Не отмѣняя права выхода, законодательство направлялось только противъ невыгодныхъ для государственнаго порядка послѣдствій этого права: 1) оно старалось прекратить переходъ крестьянъ

въ нетягкое состояніе, въ холопство; 2) оно пыталось уничтожить игру въ крестьянъ, какую вели крупные землевладѣльцы, сманивая ихъ съ земель казенныхъ крестьянскихъ обществъ или мелкихъ землевладѣльцевъ; наконецъ 3) по искамъ землевладѣльцевъ оно преслѣдовало незаконныя побѣги крестьянъ, нарушавшіе право собственности землевладѣльцевъ. Такое отношеніе законодательства, не вмѣшивавшагося въ юридическое существо сдѣлокъ землевладѣльцевъ съ крестьянами, а только стремившагося предотвратить злоупотребленія, поддерживало чисто гражданскій характеръ этихъ сдѣлокъ. На то же указываетъ и пятилѣтняя исковая давность, установленная закономъ 1 февраля 1606 г. для дѣлъ о крестьянскихъ побѣгахъ: «а на бѣглыхъ крестьянъ... далѣ пяти лѣтъ суда не давати». Законодательныя мѣры противъ бѣглыхъ крестьянъ завершились указомъ 9 марта 1607 г., который впервые попытался вывести крестьянскіе побѣги изъ области гражданскихъ правонарушеній, преслѣдуемыхъ по частному почину потерпѣвшаго, превративъ ихъ въ уголовное преступленіе, въ вопросъ государственнаго порядка: розыскъ и возвратъ бѣглыхъ крестьянъ независимо отъ исковъ землевладѣльцевъ онъ возложилъ на областную администрацію подѣ страхомъ тяжкой отвѣтственности за неисполненіе этой новой для нея обязанности, а за пріемъ бѣглыхъ, прежде безнаказанный, назначилъ сверхъ вознагражденія потерпѣвшему землевладѣльцу большой штрафъ въ пользу казны по 10 р. (около 100 р. на наши деньги) за каждый дворъ или за одинокаго крестьянина, а подговорившій къ побѣгу сверхъ денежной пени подвергался еще торговой казни (кнутъ). Однако и этотъ указъ допустилъ давность для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, только удлинненную до 15 лѣтъ. Зато онъ прямо призналъ личное, а не поземельное прикрѣпленіе владѣль-

ческих крестьянъ: тѣмъ изъ нихъ, которые за 15 лѣтъ до указа записаны въ поземельныхъ описяхъ, въ писцовыхъ книгахъ 1592—1593 гг., указано «быть за тѣми, за кѣмъ писаны». Однако указъ или не удался, или понятъ былъ только въ смыслѣ запрещенія крестьянскихъ побѣговъ и вывозовъ, а не какъ отмѣна законнаго выхода крестьянъ. Крестьянскія порядныя и послѣ того совершались на прежнихъ условіяхъ; самое допущеніе 15-лѣтней исковой давности для бѣглыхъ поддерживало за крестьянскими поземельными договорами характеръ чисто гражданскихъ отношеній. Указъ былъ изданъ, когда разгоралась смута, несомнѣнно помѣшавшая его дѣйствию. Онъ затягивалъ узелъ обязательныхъ отношеній крестьянъ къ господамъ, когда колебались всѣ основы государственнаго порядка, когда тяглые и несвободные классы обрасывали съ плечъ свои старыя обязательства и еще менѣе стѣснялись новыми.

Владѣльч-
скіе крестья-
не въ нач.
XVII в.

Такимъ образомъ вопросъ о владѣльческихъ крестьянахъ до конца смуты оставался нерѣшеннымъ. Хозяйственная зависимость ихъ отъ землевладѣльцевъ все усиливалась, фактически лишая ихъ права выхода. Но законодательство не отмѣняло этого права прямо и рѣшительно, а только стѣсняло невыгодныя для государства формы, въ которыя оно вырождалось; не устанавливая крѣпостной неволи крестьянъ, оно старалось пресѣкать нарушенія законныхъ отношеній между обѣими сторонами. Такое положеніе дѣла помогло къ началу XVII в. укорениться среди землевладѣльцевъ взгляду на крестьянъ, какъ на своихъ крѣпостныхъ. Выраженіе этого взгляда встрѣчаемъ уже въ царствованіе Бориса Годунова въ извѣстіи современнаго наблюдателя, иноземца Шпиля, который писалъ, что еще при прежнихъ государяхъ московскихъ землевладѣльцы привыкли считать своихъ крестьянъ за крѣпостныхъ (Die Pauern.... von ihren Herren

für Leibeigene gehalten worden). Согласно съ этимъ взглядомъ во второй половинѣ вѣка землевладѣльцы въ своихъ духовныхъ приказываютъ своимъ крестьянамъ наравнѣ съ дворовыми людьми работать на ихъ вдовъ до смерти послѣднихъ. Къ исходу смуты выяснились въ вопросѣ двѣ идеи: 1) о необходимости прекратить выходы, т. е. вывозъ крестьянъ безъ согласія ихъ владѣльцевъ, какъ главный источникъ безпорядковъ и злоупотребленій въ сельской жизни, и 2) о томъ, что владѣльческій крестьянинъ, если и крѣпокъ, то не землѣ, а землевладѣльцу. Запрещенія крестьянскаго выхода требуютъ и договоръ Салтыкова съ Сигизмундомъ 4 февраля 1610 г., и договоръ московскихъ бояръ съ нимъ же 17 августа того же года, и земскій приговоръ ополченія Ляпунова (30 июня 1611 г.), которое собралось подъ Москвой выручать ее изъ рукъ поляковъ. Мысль о личномъ прикрѣпленіи настойчиво выступаетъ въ рядѣ вкладныхъ монастырскихъ грамотъ начала XVII в., въ которыхъ вкладчики на случай выкупа вкладной вотчины родичами ставятъ имъ условіе: что монастырскія власти крестьянъ посадятъ, дворовъ устроятъ, пашни распашутъ, лѣсу расчистятъ и сѣнныхъ покосовъ раскосятъ, взять за то по ихъ сказкѣ, во что то вотчинное строеніе стало, «а посаженныхъ крестьянъ вывести вонъ въ троицкія вотчины». Но это была не норма, а только терпимая закономъ практика, которая всегда могла быть отмѣнена судомъ. Въ 1622 г. Ларіоновъ продалъ Маматову свою вотчину съ условіемъ, что въ случаѣ выкупа ея родичами Ларіоновъ оплачиваетъ ссуды, выданныя Маматовымъ посаженнымъ имъ крестьянамъ, «а крестьянъ (Маматову) вывести вонъ, а буде тѣхъ крестьянъ съ вотчиною *отсудятъ* вотчичу», то на Ларіоновѣ взять за крестьянъ, за человекъ и за животы, смотря по крестьянскимъ животамъ. Эта оговорка показы-

ваетъ, что въ началѣ третьяго десятилѣтія XVII в. вопросъ о личной крестьянской крѣпости не былъ рѣшенъ даже въ принципѣ.

выводы.

Итакъ законодательство до конца изучаемаго періода не устанавливало крѣпостного права. Крестьянъ владѣльческихъ и дворцовыхъ оно прикрѣпляло къ землѣ или къ сельскимъ обществамъ по полицейско-фискальнымъ соображеніямъ, обезпечивая податную ихъ исправность и тѣмъ облегчая дѣйствіе круговой поруки. Крестьянъ владѣльческихъ оно ни прикрѣпляло къ землѣ, ни лишало права выхода, т. е. не прикрѣпляло прямо и безусловно къ самимъ владѣльцамъ. Но право выхода и безъ того уже очень рѣдко дѣйствовало въ своемъ первоначальномъ чистомъ видѣ: уже въ XVI в. подъ дѣйствіемъ ссуды оно начало принимать формы, болѣе или менѣе его искажавшія. Законодательство имѣло въ виду только эти формы вырожденія крестьянскаго права, слѣдило за ихъ развитіемъ и противъ каждой ставило поправку съ цѣлью предупредить вредъ, какимъ она грозила казнѣ или общественному порядку. Вслѣдствіе неоплатной задолженности крестьянъ при усиленіи переселенческаго движенія учащались крестьянскіе побѣги и запутывались иски о бѣглыхъ: усиливая мѣры противъ бѣглыхъ и ихъ приѣма, правительство законами объ исковой давности старалось ослабить и упорядочить иски и споры изъ-за бѣглыхъ. Право вывоза вызывало безпорядки и запутанныя тяжбы между землевладѣльцами: вывозъ былъ стѣсненъ чиновной классификаціей отъѣзчиковъ и согласіемъ владѣльца, у котораго отъѣзывали крестьянъ. Судебникъ 1550 г. позволялъ крестьянину продаваться съ пашни въ холопство, лишая казну податного плательщика: указы 1602 и 1606 гг. установили *вѣчность крестьянскую*, безвыходность тяглаго крестьянскаго состоянія. Такъ крестьянинъ,

числѣсь по закону вольнымъ со своимъ устарѣлымъ правомъ выхода, на дѣлѣ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, не могъ уйти ни съ отказомъ, ни безъ отказа, не могъ по своей волѣ ни перемѣнить владѣльца посредствомъ вывоза, ни даже перемѣнить званія посредствомъ отказа отъ своей свободы. Въ такомъ положеніи ему оставалось только сдаться. Но такое рѣшеніе крестьянскій вопросъ получилъ нѣсколько позднѣе, за предѣлами изучаемаго нами періода. Въ первыя два десятилѣтія XVII в., когда уже дѣйствовали всѣ экономическія условія неволи владѣльческихъ крестьянъ, не была еще найдена юридическая норма, которая закрѣпила бы эту фактическую неволю, превративъ ее въ крѣпостную зависимость. Я напередъ обозначу эту искомую норму, объясненіе которой и послужить намъ исходной точкой при дальнѣйшемъ изученіи исторіи крѣпостного права: она состояла въ томъ, что *крестьянинъ, рѣдѣсь съ землевладѣльцемъ на его землю со осудой отъ него, самъ отказывался въ порядной записи навсегда отъ права какимъ-либо способомъ прекратить принимаема на себя обязательства*. Внесеніе такого условія въ порядную и сообщило ей значеніе личной крѣпости.

Лекція XXXVIII.

Обзоръ пройденнаго.—Управленіе въ Московскомъ государствѣ XV—XVI в.—Неблагопріятныя условія его устройства.—Общій взглядъ на его устройстве и характеръ.—Управленіе удѣльнаго княжества.—Бояре введенныя и боярская дума.—Намѣстники и волостели.—Значеніе кормленій.—Перемѣны въ центральномъ управленіи Московскаго государства съ половины XV вѣка.—Приказы и боярская дума.—Характеръ ихъ дѣятельности.

Обзоръ.

Мы изучили внѣшнее положеніе Московскаго государства и внутреннее социальное его устройство за полтора столѣтій, видѣли, какъ расширялась его территория и какъ устанавливались въ немъ положеніе и взаимныя отношенія общественныхъ классовъ. Нетрудно замѣтить внутреннюю связь между обоими процессами. Внѣшнія войны все учащались и становились тяжелѣе, требуя все болѣе усиленныхъ жертвъ со стороны народа; общественныя отношенія складывались подъ гнетомъ все накапливавшихся государственныхъ повинностей; разверстка тягла служебнаго и податнаго служила главнымъ средствомъ начинавшагося сословнаго расчлененія общества. Такой ходъ дѣлъ могъ давать мало благопріятныхъ условій для успѣховъ народнаго труда и общественнаго благосостоянія. Важнѣе всего то, что напряженіе матеріальныхъ силъ народа для внѣшней борьбы оставляло слишкомъ мало простора для развитія духовныхъ

интересовъ, давило общественную мысль, мѣшая ей уяснить себѣ новыя задачи, какія становились передъ формировавшимся національнымъ государствомъ. И мы видѣли, какъ по винѣ внѣшнихъ затрудненій и внутренней нравственной слабости случайно, робко, нерѣдко противорѣчиво разрешались возникавшіе вопросы общественнаго благоустройства, съ какимъ скуднымъ запасомъ идей и съ какими недоразумѣніями устроилось государственное и хозяйственное положеніе боярства и всего служилого класса, монастырскаго духовенства и крестьянства.

Всѣ эти затрудненія не могли не отразиться на устрой-^{Неблагопріятныя усло-}ствѣ государственнаго управленія, къ которому мы теперь ^{вля.} обращаемся. И для этого дѣла было такъ же мало благопріятныхъ условий: не могли приготовить ихъ много удѣльные порядки и понятія, съ которыми московскіе государи и великорусское общество приступали къ государственному устройенію объединявшейся Великороссіи. Умамъ, воспитаннымъ въ понятіяхъ княжеской вотчины, въ обычаяхъ удѣльной усадьбы, трудно было усвоить себѣ общіе интересы народа, которые призвано вѣдать государственное управленіе. Самое понятіе о народѣ, какъ политическомъ и нравственномъ союзѣ, въ удѣльные вѣка раскололось на представленія о территоріальныхъ землячествахъ тверичей, москвичей, новгородцевъ и о профессиональныхъ общественныхъ цехахъ бояръ и вольныхъ слугъ, «селенскихъ богомольцевъ», невольныхъ и полувольныхъ «слугъ что подъ дворскимъ», тяглыхъ черныхъ плательщиковъ, посадскихъ и сельскихъ. Стороннихъ источниковъ, изъ которыхъ можно было бы почерпать пригодныя политическія соображенія, брать подходящіе образцы и примѣры, не было. Католическій и протестантскій Западъ былъ слишкомъ чуждъ и подозрителенъ для православной Великороссіи по своимъ вѣрованіямъ

обычаямъ и порядкамъ. Старая учительница Россіи въ дѣлахъ религіи, риторики и придворной интриги Византія—но ея уже не существовало въ тотъ моментъ, когда началось устройство великорусскаго государства. Да и прежде Царьградъ въ политическомъ отношеніи былъ для Руси дряхлымъ хромымъ инвалидомъ, обучавшимъ правильной походкѣ едва становившагося на ноги ребенка.

Общій
взглядъ.

Наименѣе благоприятнымъ условіемъ для устройства управленія въ Московскомъ государствѣ представляется отношеніе, въ какое сталъ московскій государь къ главному своему правительственному орудію, къ боярству. Этотъ классъ былъ наиболѣ ревнивымъ и упрямымъ хранителемъ удѣльныхъ преданій и предрасудковъ, принесенныхъ имъ въ Москву и столь здѣсь неприятныхъ по многимъ еще свѣжимъ воспоминаніямъ. Эти преданія и воспоминанія не обѣщали дружной совмѣстной работы въ устройствѣ московскаго управленія. Отношеніе, установившееся между обѣими сторонами, какъ мы видѣли, если не было прямой и открытой борьбой, то можетъ быть названо глухимъ антагонизмомъ или «нелюбьемъ», какъ говорили въ старину. Московское государство строилось, когда это нелюбие укореялось все глубже, превращалось съ обѣихъ сторонъ въ дурную политическую привычку, а въ царствованіе Грознаго со стороны дурного царя грозило перейти въ анархію. Отразилось ли столь неестественное отношеніе хозяина, главнаго государственнаго строителя, къ его ближайшимъ сотрудникамъ на самомъ строеніи государства, на его ходѣ и характерѣ? Этого не замѣтно. Государственное управленіе образовывалось, дѣйствовало и преобразовывалось; руководили этимъ дѣломъ государь и его бояре; но ни въ образованіи, ни въ дѣятельности правительственныхъ учреждений не уцѣлѣло явственныхъ слѣдовъ разлада, раздѣлявшаго строи-

телей. Отъ дѣятельности московскаго управленія въ XVI в. осталось значительное количество документовъ; изучая ихъ, и не подумаешь, что политическія силы, направлявшія эту дѣятельность, не всегда ладили другъ съ другомъ. Раздоръ шелъ гдѣ-то за кулисами управленія. Въ кремлевскихъ дворцовыхъ палатахъ, на московскихъ боярскихъ подворьяхъ, въ литературѣ раздавались обоюдныя жалобы или обвиненія противниковъ, проповѣдывались различныя политическія теоріи, составлялись планы побѣга за границу, изучались родословныя, чтобы тѣвными дѣйствительныхъ или вымышленныхъ предковъ вроде Августа Кесаря оправдать свои политическіе помыслы или притязанія, — словомъ, спорили, сержидились, размышляли и доказывали. При царѣ Иванѣ и московская площадь стала свидѣтельницей этой политической размолвки: много боярскихъ головъ, нерѣдко цѣлыми семьями, положено было здѣсь на плаху. Но на дѣловой правительственной сценѣ все оставалось тихо; въ канцеляріяхъ, въ *приказахъ*, не спорили и не разсуждали, а распоряжались и писали, всего больше писали. Здѣсь шла ровная, безшумная работа, направлявшаяся обычаемъ, а не идеями. Люди, которые составляли дошедшіе до насъ канцелярскіе документы, очевидно, обладали большимъ практическимъ навыкомъ, знали дѣла, умѣли устанавливать порядокъ и формы дѣлопроизводства и дорожили разъ установленной формой, были люди рутинны, а не теоретики, и ихъ политическія идеи и сочувствія повидимому не принимали никакого участія въ выработкѣ этой рутинны, этихъ правительственныхъ формъ и порядковъ. Все дѣлалось именемъ и по указу государя великаго князя всея Руси; воля этого государя являлась высшимъ и безспорнымъ двигателемъ правительственнаго механизма, народный интересъ этой *всея Руси* подразумѣвался, не проявляясь, какъ высшая цѣль

его движенія, всѣми одинаково признаваемая и одинаково понимаемая.

Удѣльное
управленіе.

Такое общее впечатлѣніе производятъ дѣловые документы правительственныхъ учрежденій, устанавливавшихъ и поддерживавшихъ московскій государственный порядокъ въ XVI в. Теперь войдемъ въ нѣкоторыя подробности, сдѣлаемъ очеркъ правительственныхъ формъ, въ какія отлился общественный складъ въ тогдашнемъ Московскомъ государствѣ. Московское управленіе того времени все развилось изъ удѣльнаго. Чтобы представить себѣ это послѣднее, надобно припомнить строй удѣльнаго княжества и характеръ удѣльнаго князя. Какъ мы уже видѣли (лекція XX), удѣльное княжество было собственно не государство, а хозяйство князя; иначе говоря, государство въ то время было не что иное, какъ княжеское хозяйство. Поэтому удѣльное управленіе было собственно эксплуатаціей различныхъ статей этого хозяйства. Населеніе удѣла для князя — не общество, не союзъ подданныхъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей общаго блага и общественного порядка: оно было лишь орудіемъ или предметомъ хозяйственной эксплуатаціи княжества. Правительственныя дѣйствія, имѣющія цѣлью охрану права и общественного благосостоянія, поддержаніе законнаго порядка, какъ-то судъ, полиція, даже часть самое законодательство, разсматривались, какъ доходныя статьи княжескаго хозяйства, были сопряжены съ извѣстными сборами въ пользу правительства и его агентовъ: такъ произошли всѣ тѣ пошлины, судебныя, торговыя, свадебныя и другія, какія поступали въ княжескую казну или на содержаніе отдѣльныхъ управителей удѣльнаго времени. На такомъ строѣ удѣльнаго княжества построилась и держалась удѣльная администрація. Различныя учрежденія въ ея системѣ имѣли цѣлью извлеченіе дохода изъ разныхъ

земель и угодьевъ въ княжествѣ, а люди, работавшіе на этихъ земляхъ, какъ бы причислялись къ угодьямъ, составляя живую механическую силу, вводящую въ хозяйственный оборотъ эти мертвыя земли и угодья. Мы уже видѣли также (та же лекція), что всѣ земли въ удѣлѣ по своимъ хозяйственнымъ отношеніямъ къ князю дѣлились на три разряда: однѣ изъ нихъ были приписаны къ княжескому дворцу, обрабатывались непосредственно на князя, который получалъ съ нихъ необходимые для дворца припасы; другія земли отдавались на извѣстныхъ условіяхъ въ частное владѣніе лицамъ или учрежденіямъ (церковнымъ), составляли ихъ привилегированную собственность; наконецъ третьи сдавались въ пользованіе горожанамъ и крестьянамъ за извѣстныя повинности. Первые земли назывались *дворцовыми*, вторыя—*боярскими* и *церковными*, третьи *тяглыми* или *черными*. По роду этихъ земель различалось управленіе центральное и мѣстное.

Княжескій дворець былъ средоточіемъ удѣльнаго управленія. Разныя части дворцоваго хозяйства поручались отдѣльнымъ боярамъ и вольнымъ слугамъ, даже холопамъ князя. Дворцовые слуги и дворцовыя земли съ угодьями составляли вѣдомство боярина *дворецкаго*, дворцовыя лошади, конюхи и дворцовыя дуга—вѣдомство боярина *конюшаго*. Различныя угодья на княжихъ земляхъ, бортныя лѣса (лѣсное пчеловодство), рыбныя ловли, звѣринныя гоны, вѣдались особыми дворцовыми сановниками, *чашникомъ*, *стольникомъ*, *ловчимъ*. Такъ при удѣльномъ дворцѣ слагалась цѣлая система административныхъ вѣдомствъ, которыя всѣ имѣли хозяйственное происхожденіе и назначеніе. Главные управители, которымъ поручались эти вѣдомства, называются въ актахъ удѣльнаго времени *боярами введенными*, а совокупность ихъ вѣдомствъ соста-

Бояре введенные и дуга.

вляла дворцовое или центральное управление княжества въ удѣльномъ смыслѣ этого слова. Особо важныя правительственныя дѣла, которыя не могли быть рѣшены отдѣльными боярами введенными, касались не одного, а нѣсколькихъ дворцовыхъ вѣдомствъ или выходили изъ компетенціи ихъ всѣхъ, восходили къ самому князю и рѣшались имъ вмѣстѣ съ тѣми боярами, вѣдомства которыхъ они касались, или съ совѣтомъ всѣхъ наличныхъ бояръ. Дѣла послѣдняго рода, чрезвычайныя, собиравшія всѣхъ на совѣтъ, даже съ участіемъ высшаго духовенства, были вопросы о войнѣ и мирѣ, о духовномъ завѣщаніи князя, объ устройствѣ судьбы отдѣльныхъ членовъ княжеской семьи и т. п. Это и есть княжеская дума удѣльнаго времени, совѣтъ бояръ при князѣ, измѣнчивый по составу, составлявшійся особо для каждаго текущаго или экстреннаго дѣла, которое восходило къ князю. Эта дума не имѣла привычныхъ намъ формъ государственнаго учрежденія съ уставомъ и постояннымъ составомъ участниковъ, съ точно опредѣленной компетенціей и неизмѣннымъ порядкомъ дѣлопроизводства, съ канцеляріей и протоколами. Это былъ не государственный совѣтъ, а скорѣе княжескій обычай совѣщаться съ боярами о всякомъ незаурядномъ дѣлѣ. Но изъ этихъ совѣщаній, вызываемыхъ частными случаями правительственной практики, исходили частныя же, сепаратныя распоряженія, которыя однако служили прецедентами для дальнѣйшихъ однородныхъ случаевъ и повторяясь, превращались въ общую норму, въ законъ. Такъ складывалось удѣльное законодательство, органомъ котораго была боярская дума съ княземъ во главѣ. Таково было устройство центральнаго удѣльнаго управления, состоявшаго изъ отдѣльныхъ дворцовыхъ вѣдомствъ бояръ введенныхъ и изъ боярскаго совѣта, собиравшагося въ болѣе или менѣе тѣсномъ или

широкомъ составѣ, изъ двухъ-трехъ или изъ всѣхъ наличныхъ бояръ.

Земли, не приписанныя къ княжескому дворцу, частновладѣльческія и черныя, входили въ кругъ мѣстнаго управленія, которому предоставлено было въ княжествѣ все, чего княжескій дворець не эксплуатировать самъ. Это управленіе находилось въ рукахъ *намѣстниковъ* и *волостелей*. Значительныя княжества дѣлились на административныя округа, называвшіеся *уѣздами*. Впрочемъ уѣздъ не былъ административнымъ округомъ въ нашемъ смыслѣ слова, подчиненнымъ одной мѣстной власти съ ея орудіями. Уѣздъ состоялъ изъ города и сельскихъ обществъ, называвшихся *волостями* и *станами*. Станъ—та же сельская волость, только пригородная, ближайшая къ уѣздному городу, находившаяся въ *околовородѣ*, какъ выражаются документы. Впрочемъ и обширныя волости дѣлились на станы, какъ и обширныя станы—на волости. Въ Коломенскомъ уѣздѣ по книгамъ XVI в. встрѣчаемъ 11 становъ и 9 волостей. Намѣстникъ правилъ городомъ и подгородными станами; волости управлялись волостелями, которые обыкновенно ни въ чемъ не зависѣли отъ намѣстника своего уѣзднаго города: только въ нѣкоторыхъ уѣздахъ намѣстнику принадлежалъ судъ по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ, случившимся въ волостяхъ его уѣзда. Намѣстники и волостели правили съ помощью подчиненныхъ имъ агентовъ, *тиуновъ*, творившихъ судъ ихъ именемъ, *доводчиковъ*, вызывавшихъ на судъ, и *праветчиковъ*, чинившихъ исполненіе по судебнымъ приговорамъ: доводчики нѣкоторыми своими функциями напоминаютъ нашихъ судебныхъ слѣдователей, а праветчики—судебныхъ приставовъ. Тиуны, доводчики и праветчики—не государственные чиновники: обыкновенно это были дворовые люди, холопы намѣстниковъ и волостелей.

Кормлен-
щики.

Главною цѣлью удѣльнаго областного управленія было извлеченіе доходовъ изъ управляемаго округа. Каждый правительственный актъ намѣстника и волостеля, какъ и ихъ подчиненныхъ агентовъ, сопряженъ былъ съ извѣстнымъ сборомъ, такъ что правительственныя отправленія имѣли значеніе не столько дѣйствій, направленныхъ къ поддержанію порядка и охраненію права, сколько значеніе источниковъ дохода или доходныхъ статей для управителей. Въ этомъ смыслѣ должность областного управителя называлась *кормленіемъ*: управитель кормился на счетъ управляемыхъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Содержаніе его состояло изъ *кормовъ* и изъ *пошлинъ*. Кормы вносились цѣлыми обществами въ опредѣленные сроки, пошлинами отдѣльныя лица оплачивали правительственные акты, въ которыхъ они нуждались. Кормы были *възжій*, единовременный, и ежегодные постоянные, именно *рождественскій*, *петровский* и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *великоденскій*— «на великъ день». Възжій кормъ вносили при въѣздѣ управителя на кормленіе, при самомъ вступленіи его въ должность: кормленщикъ получалъ на въѣздъ отъ горожанъ и сельскихъ людей, «что кто принесеть». Кормы рождественскій и другіе праздничные точно опредѣлялись грамотами *установными*, какія давались цѣлымъ округамъ, или *жалованными*—отдѣльнымъ кормленщикамъ на жалуемые имъ въ кормленіе округа. Эти кормы разверстывались по *сохамъ*. Соха—податная единица, заключавшая въ себѣ извѣстное число тяглыхъ городскихъ дворовъ, опредѣлявшееся ихъ зажиточностью, или извѣстное пространство тяглой крестьянской пашни, измѣнявшееся по качеству земли и по роду землевладѣльцевъ. Въ московское время помѣстная и вотчинная соха заключала въ себѣ 1200 десятинъ доброй земли въ трехъ поляхъ, 1500 дес. земли

средней и 1800 дес. худой; сохи земель дворцовыхъ, монастырскихъ и черныхъ были нѣсколько меньше, съ убавкой на 25—37%. Такъ доброй земли въ монастырской и дворцовой сохѣ числилось 900 дес. въ трехъ поляхъ, въ черной—750; количество десятинъ средней и худой земли въ каждой изъ этихъ сохъ пропорціонально увеличивалось. Въ удѣльное время кормы вообще взаимались натурой: такъ рождественскаго корма намѣстнику бѣлозерскому по уставной грамотѣ 1488 г. съ каждой сохи (безъ различія разрядовъ) шло по полти мяса (полоть—десятая часть говяжьяго стяга), по 10 печеныхъ хлѣбовъ, по бочкѣ овса. Подобные же кормы, только въ уменьшенныхъ размѣрахъ, шли волостелямъ, тиунамъ и прочимъ подчиненнымъ агентамъ управленія. Кормы—окладные сборы, взимавшіеся въ опредѣленномъ постоянномъ размѣрѣ, по окладу. Другимъ, не менѣе обильнымъ источникомъ дохода для кормленщиковъ были сборы неокладные, пошлыны, къ которымъ причислялись и пени за преступления. Правительственная дѣятельность областныхъ управителей ограничивалась собственно дѣлами полицейскими и судебными, раскрытіемъ преступленій, преслѣдованіемъ преступниковъ и судомъ по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ. Потому и пошлыны были 1) судебныя, которыя составляли или извѣстный процентъ (напримѣръ 10% съ суммы иска), или *противъ исцова*, т. е. пеню съ виноватаго, равнявшуюся суммѣ самаго иска, 2) таможенныя—съ продаваемыхъ товаровъ, 3) свадебныя, взимавшіяся при выдачѣ замужъ обывательницы въ предѣлахъ округа или за его предѣлы: въ первомъ случаѣ кормленщикъ получалъ *свадебный уборъ* (платокъ), во второмъ *выводную кунницу* (мѣхъ). Ограничимся однимъ примѣромъ, хотя и довольно исключительнымъ, чтобы составить себѣ приблизительное понятіе о

доходности кормленій. Въ московское время натуральные кормы были переложены на деньги, какъ это и сдѣлано въ упомянутой бѣлозерской уставной грамотѣ. Въ 1528 г. служилому челоуѣку Кобыякову дана была въ кормленіе волость Сольца Малая, занимавшаяся солевареніемъ. Въ жалованной грамотѣ волостелю перечисленно до 14 доходныхъ статей, кормовъ и пошлинъ, не считая вѣзжаго корма. Почти всѣ доходы здѣсь переложены на деньги. По минимальному расчету на наши деньги, гдѣ такой расчетъ возможенъ, волостель получалъ въ годъ только съ кормовыхъ статей около 1350 рублей: это едва ли составляло и половину дохода. Впрочемъ кормленщикъ, по крайней мѣрѣ въ дворцовыхъ волостяхъ, взымалъ всѣ поборы не исключительно на себя: доля ихъ шла въ казну въ пользу князя и центральныхъ управителей, бояръ введенныхъ, которые также пользовались доходами отъ своихъ должностей. На это указываетъ духовная грамота великаго князя московскаго Семена Гордаго: отказывая весь свой удѣлъ своей княгинѣ, завѣщатель дѣлаетъ распоряженіе, чтобы его бояре, которые останутся на службѣ у его княгини и будутъ править волостями, отдавали ей половину доходовъ съ управляемыхъ ими округовъ.

Значеніе
кормленій.

Намѣстничества давались обыкновенно болѣе знатымъ служилымъ людямъ, боярамъ, волостельства—людямъ менѣе родовитымъ изъ слугъ вольныхъ. Кормленіе—не вознагражденіе за правительственный трудъ, а награда за *службу* придворную и военную, какая лежала на служиломъ челоуѣкѣ и отправлялась безмездно: управленіе городомъ или волостью не считалось службой. Такая награда была однимъ изъ средствъ содержанія служилаго челоуѣка и отличалась отъ должностного жалованья въ нашемъ смыслѣ тѣмъ, что получалась прямо съ населенія, которымъ правиль

кормленщикъ, а не выдавалась изъ общихъ доходовъ государственной казны. Нѣкогда кормленщики, вѣроятно, сами и собирали свои кормы, для чего въ урочное время, въ назначенные праздники, объѣзжали свои округа, какъ въ первые вѣка нашей исторіи дѣлали князья и ихъ областные намѣстники, отправляясь на полюдь. Намъ съ нашими общественными понятіями не легко уже вникнуть въ смыслъ и характеръ кормовыхъ правительственныхъ должностей удѣльнаго времени, носившихъ столь рѣзкое наше слухъ названіе. Впрочемъ нагляднымъ образчикомъ этихъ старинныхъ административныхъ объѣздовъ могутъ служить знакомыя намъ праздничныя хожденія духовенства по приходамъ, такъ же идущія изъ глубокой старины и совершающіяся почти въ тѣ же праздники. Кормленія отвѣчали господствовавшему тогда натуральному хозяйству и служебному положенію служилыхъ людей, какъ и ихъ общественнымъ понятіямъ. При сосредоточеніи сборовъ, назначенныхъ на содержаніе мѣстнаго управленія, уѣздныя казначейства превратились бы въ склады мяса, печенаго хлѣба и сѣна: все это портилось бы прежде, чѣмъ успѣвало попасть въ руки потребителя. По той же причинѣ и при недостаткѣ денежныхъ знаковъ періодическое вознагражденіе—отъ времени до времени—было удобнѣе постоянного краткосрочнаго. Истратившись на службѣ, покормится намѣстникъ или волостель въ уѣздѣ годъ или два, пополнить свои «животы» и съ восстановленнымъ достаткомъ вернется въ столицу *служить*, исполнять бездоходныя военныя и другія порученія государя въ ожиданіи новой кормовой очереди. Удѣльное кормленіе, какъ и нынѣшнее жалованье, было средствомъ для службы; но была существенная разница въ тогдашнемъ и нынѣшнемъ взглядѣ на отношеніе этого средства къ самой дѣятельности, съ которой оно связывалось. Для кормленщика его прави-

тельственные дѣйствія служили только поводомъ къ полученію дохода, составлявшаго настоящую цѣль кормленія. И нынѣшній служащій обычно расположенъ смотрѣть на свой окладъ, какъ на дѣйствительную цѣль своей службы, а на служебные труды свои, только какъ на предлогъ къ полученію оклада. Но надъ этимъ низменнымъ ремесленнымъ взглядомъ на окладъ высится официальная идея самой службы, какъ служенія общему благу, народнымъ нуждамъ и интересамъ, а должностной окладъ—только служебно-цензовое вознагражденіе за трудъ, знаніе, время и издержки, какіе въ требуемой по штату мѣрѣ служащій приноситъ въ жертву государю и отечеству, какъ и всякій гражданинъ косвенно по мѣрѣ силъ жертвуетъ тѣмъ же въ видѣ налоговъ.

Приказы. Удѣльное управленіе по отношенію, какое существовало въ немъ между центромъ и областью, не подходитъ ни подъ одинъ изъ основныхъ административныхъ порядковъ: это не была ни централизація, ни мѣстное самоуправленіе. Дѣятельность мѣстныхъ земскихъ властей остается мало замѣтной и еще менѣе вліятельной при намѣстникахъ и волостеляхъ, которымъ князь передавалъ чуть не всю свою власть надъ двумя разрядами земель въ княжествѣ безъ отчета, контроля и устава, такъ что центръ, завѣдуя собственно только однимъ изъ трехъ разрядовъ земель, самъ являлся тоже какъ бы областью, которая находила свою связь съ прочими областями только въ лицѣ князя. Но по мѣрѣ того какъ Московское княжество превращалось въ великорусское государство, въ немъ усложнялись и административныя задачи, а вмѣстѣ съ тѣмъ все живѣе ощущались неудобства удѣльнаго порядка; то и другое должно было измѣнить управленіе какъ въ центрѣ, такъ и въ области. Перестройка центрального управленія началась съ дворцо-

выхъ вѣдомствъ. Эти вѣдомства были собственно единоличными и временныя правительственныя порученія: каждое изъ нихъ управлялось тѣмъ или другимъ лицомъ, бояриномъ введеннымъ, которому князь поручалъ, «приказывалъ» извѣстную часть своего дворцоваго хозяйства. Эти единоличные порученія главныхъ прикащиковъ теперь и превратились въ сложныя и постоянныя присутственныя мѣста, получившія названіе *избъ* или *приказовъ*. Это было нѣчто вродѣ современныхъ министерствъ или департаментовъ, на какіе дѣлятся министерства. Судебникъ 1497 г. изображаетъ приказы въ самый моментъ ихъ превращенія изъ личныхъ порученій въ учрежденія, въ постоянныя вѣдомства. Онъ предписываетъ судить боярамъ и окольными, а на судѣ у нихъ быть дьякамъ, а «посудовъ» не брать ни отъ суда, ни отъ «печалованія», т. е. отъ частнаго ходатайства или услуги помимо суда, предписываетъ давать управу всякому «жалобнику», ищущему управы, а кого управить «непригоже», т. е. кого разсудить судья не въ правѣ, о томъ сказать великому князю или отослать его къ тому судѣ, «которому которые люди приказаны вѣдати». *Судьи*—начальники приказовъ, какъ они и послѣ назывались. У каждаго судьи свой дьякъ, секретарь, разумѣется, съ подьячими, т. е. своя канцелярія, и свои *люди*, т. е. дѣла, которыя ему приказано вѣдати, *свое вѣдомство*. Отмѣчено и отношеніе приказовъ къ верховной власти: дѣло, превышавшее компетенцію судьи, требовавшее законодательнаго рѣшенія, докладывалось вел. князю, какъ законодательной власти. Но и въ Судебникѣ еще не сгладились слѣды прежняго порядка временныхъ личныхъ порученій. Онъ запрещаетъ судѣ приказа оставаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ еще недавно, властнымъ ходатаемъ по частнымъ дѣламъ за условленное вознагражденіе: *посудъ—посудитъ*, обѣщать. Дѣла, подлежащія суду вел.

князя, по статьѣ Судебника могли разрѣшаться лицами, «кому князь великій велить»: это, очевидно, удѣльные прикащики ad hoc, на данный случай. Такъ Судебникъ 1497 г. довольно опредѣлительно указываетъ эпоху возникновенія первыхъ приказовъ, время, когда совершился переходъ отъ управленія посредствомъ лицъ къ управленію посредствомъ учреждений. Впрочемъ этотъ переходъ не былъ рѣзкой замѣной одного порядка администраціи другимъ, основаннымъ на иныхъ началахъ. Перемѣна носила болѣе технической, точнѣе, бюрократическій характеръ, чѣмъ политическій: приказы были постепеннымъ развитіемъ, осложненіемъ дворцовыхъ вѣдомствъ. Въ XIV в. при несложномъ княжескомъ хозяйствѣ для управленія той или другой его отраслью достаточно было одного лица, которое дѣйствовало больше посредствомъ устныхъ распоряженій, или обращаясь для письменныхъ актовъ къ помощи немногочисленнаго общаго штата дворцовыхъ дьяковъ. По мѣрѣ того какъ государственное хозяйство становилось сложнѣе, административныя задачи дѣлались разнообразнѣе, развивалось и письменное дѣлопроизводство. Тогда боярину введенному понадобилась особая канцелярія съ дьякомъ и подьячими, секретаремъ и подсекретарями, иногда еще и товарищъ для совмѣстнаго веденія дѣлъ. Какъ скоро въ вѣдомствѣ складывался такой штатъ, съ той минуты и возникалъ приказъ, какъ постоянное учрежденіе. Такъ вѣдомство удѣльнаго дворецкаго превратилось въ приказъ *Большого Дворца*, вѣдомство боярина конюшаго— въ *Конюшенный* приказъ и т. д. Но рядомъ съ приказами, которые развивались изъ прежнихъ дворцовыхъ вѣдомствъ, возникали приказы новые, для которыхъ не было соответственныхъ частей при удѣльномъ дворцѣ. Эти приказы вызывались новыми потребностями государственной жизни. Теперь, съ одной стороны, возникали такіа правительствен-

ныя задачи, которыя не укладывались въ тѣсныя рамки дворцоваго хозяйства, съ другой—все сильнѣе чувствовалась потребность стянуть къ центру такія правительственныя дѣла, которыя прежде находились въ безотчетномъ распоряженіи областныхъ правителей. Такъ въ центрѣ накоплялось много новыхъ правительственныхъ дѣлъ и задачъ. По мѣрѣ ихъ накопленія и возникали одинъ за другимъ новые приказы въ продолженіе XV и XVI в. Въ удѣльное время князь въ несложныхъ внѣшнихъ своихъ сношеніяхъ обходился безъ особаго лица, для нихъ назначеннаго: каждый вопросъ внѣшней политики разрѣшался самимъ княземъ съ боярами введенными. Когда внѣшнія отношенія Московскаго государства усложнились, въ Москвѣ появился приказъ, ихъ вѣдавшій, *Посольская* изба, министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Въ удѣльное время военно-служебныя дѣла служилыхъ людей по своей простотѣ такъ же не требовали особаго вѣдомства. Въ XV и XVI в., когда служилый классъ разрастался все болѣе, а войны учащались, военнымъ дѣломъ и классомъ стало завѣдывать особое мѣсто, получившее названіе *Разряда* или *Разряднаго* приказа. Съ развитіемъ служилаго землевладѣнія, помѣстнаго и вотчиннаго, возникъ *Помѣстный* приказъ. Таковъ одинъ рядъ новыхъ приказовъ, вызванныхъ усложненіемъ центрального управленія. Другой рядъ возникалъ вслѣдствіе правительственной централизаціи. Въ удѣльное время много правительственныхъ дѣлъ отдано было въ безконтрольное распоряженіе областныхъ правителей; теперь интересы государственнаго порядка потребовали установленія извѣстнаго надзора за дѣйствіями кормленщиковъ. Удѣльные намѣстники и волостели вѣдали всѣ уголовныя дѣла; теперь важнѣйшія преступленія изъяты были изъ ихъ компетенціи и для рѣшенія такихъ дѣлъ созданъ былъ особый приказъ *Разбойный*. Удѣльные обла-

стные правители вѣдали всѣ дѣла о холопахъ; теперь эти дѣла подчинены были особому центральному учрежденію, *Холопъему* приказу. Такъ мозаически пристраивались новые приказы къ старымъ, и къ концу XVI в. они образовали сложное зданіе московской приказной администраціи, въ которой считалось не менѣе 30 особыхъ учреждений. Московское управленіе складывалось, какъ строились государевы московскіе дворцы: вмѣстѣ съ ростомъ царской семьи и хозяйства къ основному корпусу прибавлялись пристройки и надстройки, терема, свѣтлицы, новыя крыльца и переходы. Изъ сказаннаго видно, что московскіе приказы имѣли троякое происхожденіе: одни развивались изъ дворцовыхъ вѣдомствъ удѣльнаго времени; другіе были вызваны новыми правительственными задачами, возникшими съ образованіемъ Московскаго государства; наконецъ третьи были созданы стремленіемъ стянуть важнѣйшія правительственныя дѣла изъ областей къ центру. Гораздо труднѣе произвести точную группировку приказовъ по свойству подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ. Такъ какъ приказы возникли не вдругъ по одному плану, а появлялись постепенно по мѣрѣ надобности съ усложненіемъ административныхъ задачъ, то распределеніе правительственныхъ дѣлъ между ними представляется чрезвычайно неправильнымъ и запутаннымъ на нашъ взглядъ, привыкшій къ строгой регламентаціи и точному распределенію дѣлъ по существу. Потому чрезвычайно трудно привести приказы въ систему, указать основанія распределенія дѣлъ между ними. Въ этомъ распределеніи московскіе государственные люди руководствовались не политическими принципами, а практическими удобствами. Такъ незамѣтно мысли о раздѣленіи суда и администраціи: хотя было четыре специальныхъ судебныхъ приказа по гражданскимъ дѣламъ, *Московский, Владимирскій, Дмитровскій* и *Ря-*

занскій, однако судебныя дѣла и между ними гражданскія вѣдались и въ другихъ приказахъ повидимому чисто-административнаго характера. По существу дѣль приказы можно распределить на два основныхъ разряда, какъ и распределялъ ихъ еще въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія Неволинъ. Къ первому отдѣлу относились приказы общегосударственныя, которые вѣдали общія государственныя дѣла на всемъ пространствѣ государства или въ значительной его части: таковы были приказы Посольскій, Разрядный, Разбойный, Холопій, приказъ *Большого Пригода*, вѣдавшій государственныя доходы, преимущественно неокладные, и пр. Другую группу составляли приказы, которые можно назвать территориальными: они вѣдали всякія или, лучше сказать, различныя дѣла, но только въ извѣстныхъ частяхъ государства. Сюда можно отнести наибольшее количество приказовъ. Таковы были *Казанскій Дворецъ*, возникшій послѣ завоеванія Казани и управлявшій бывшими царствами Казанскимъ, Астраханскимъ и Сибирскимъ, потомъ выдѣлившійся изъ него приказъ *Сибирскій*, а также мѣстные дворцы, которые вѣдали подъ руководствомъ приказа Большого Дворца дворцовыя дѣла въ областяхъ государства, бывшихъ прежде независимыми княжествами или областями, *Новгородскій*, *Тверской* и другіе. Этой группировкѣ нельзя приписать ни достаточной точности и полноты, ни особеннаго значенія. Систематическая классификація приказовъ вообще не удавалась ихъ изслѣдователямъ, какъ не удавалась она и ихъ творцамъ, московскимъ государямъ. Для насъ важнѣе видѣть, по какимъ отраслямъ управленія размножались приказы болѣе усиленно и по какимъ менѣе. Сравнительное вниманіе правительства въ этомъ отношеніи—показатель и уровня политическаго сознанія, и наиболѣе настоятельныхъ государственныхъ потребностей. Мы распространимъ свой расчетъ

и на приказы XVII вѣка: характеръ государственнаго строительства и при новой династіи измѣнился очень мало; да и многіе приказы, впервые появляющіеся въ документахъ XVII в., навѣрное или вѣроятно существовали раньше. Насчитываемъ до 15 приказовъ по военному управленію, не менѣе 10 по государственному хозяйству и до 13 по дворцовому вѣдомству. При видѣ такой организаціи становится яснымъ направленіе московской правительственной дѣятельности. Видимъ, что особенныя усилія были обращены на устройство отраслей управленія, составляющихъ безраздѣльную область государства, а также на расширеніе удѣльной кремлевской обстановки, какою окруженъ былъ московскій государь со своимъ необъятнымъ дворцовымъ хозяйствомъ. Между тѣмъ въ обширной сферѣ внутренняго благоустройства и благочинія, непосредственно соприкасающейся съ народными нуждами и интересами, находимъ всего 12 приказовъ, да и изъ тѣхъ одни, какъ *Аптекарскій* и *Книгопечатный*, были незначительныя конторы съ очень ограниченнымъ кругомъ дѣйствія, другіе служили только потребностямъ столицы или администраціи: таковы были два *Земскихъ Двора*, полицейскія управленія г. Москвы, и извѣстный съ начала XVI в. *Ямской* приказъ, министерство почтъ, назначенный преимущественно для разсылки приказныхъ бумагъ и для развозки чиновниковъ по казенной надобности. Попеченіе объ общемъ благосостояніи, пути сообщенія, народное здравіе и продовольствіе, общественное призрѣніе, содѣйствіе промышленности и торговлѣ, наконецъ народное просвѣщеніе,—всѣ эти элементарныя условія общественнаго благосостоянія не находили себѣ прямыхъ органовъ въ строѣ приказнаго управленія, а со стороны Церкви, точнѣе, церковныхъ властей, насколько касалось ихъ общее благосостояніе, государство не встрѣчало не только поощренія,

но даже и поддержки въ дѣлахъ этого рода. Мы уже видѣли, какъ холодно отнесся Стоглавый соборъ къ возбужденному царемъ вопросу объ общественномъ призрѣніи. Приказъ *Строенія богадѣленъ* возникъ только во второй половинѣ XVII в. и то по почину и на средства царя, а исполненіе приговора того же Стоглаваго собора объ учрежденіи городскихъ церковныхъ училищъ, кажется, всего меньше заботило отцовъ собора, постановившихъ учредить эти училища и обладавшихъ слишкомъ достаточными для того матеріальными средствами. Правительство государственное и церковное всего требовало отъ народа и ничего или почти ничего не давало ему. Можетъ быть, ожидать отъ того и другого чего-либо большаго въ XVI в. значило бы предвратить время; но установить отсутствіе того, чего желательно было бы ожидать отъ нихъ, безспорно значитъ опредѣлить ихъ политическій возрастъ, какъ и мѣру ихъ внутренней нравственно-общественной силы.

Дѣятельность приказовъ объединялась высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, руководившимъ отдѣльными вѣдомствами, государевой *боярской думой*. Въ удѣльное время, какъ мы видѣли, эта дума составлялась изъ тѣхъ или другихъ, вообще немногихъ бояръ, призываемыхъ княземъ особо по каждому важному дѣлу. Теперь эта дума изъ тѣснаго и измѣнчиваго по составу совѣта съ колеблющимся вѣдомствомъ превратилась въ постоянное сложное учрежденіе съ болѣе устойчивымъ составомъ и опредѣленнымъ кругомъ дѣлъ. Высшіе сановники и знатнѣйшіе слуги, за сѣдавшие въ удѣльной думѣ, всѣ носили званіе *бояръ*. Когда въ Московскомъ государствѣ боярство распалось на нѣсколько слоевъ, неодинаковыхъ по своему происхожденію и политическому значенію, тогда и въ личномъ составѣ думы произошло раздѣленіе на іерархическіе чины, соответство-

Боярская
дума

вашіе генеалогической знатности, думныхъ совѣтниковъ. Представители знатнѣйшихъ боярскихъ семействъ садились въ думу съ прежнимъ званіемъ бояръ, люди второстепенной знати, состоявшей преимущественно изъ потомковъ стариннаго нетитулованнаго московскаго боярства, вводились въ совѣтъ въ званіи *околыничихъ*, иногда дослуживаясь и до боярскаго чина; наконецъ, при в. кн. Васи́лѣ Ивановичѣ, а можетъ быть и раньше, въ составѣ думы появляется еще новый чинъ, получившій названіе «дѣтей боярскихъ что въ думѣ живутъ», потомъ называвшійся короче *думными дворянами*; обыкновенно это были дѣльцы, дослуживавшіеся до мѣста въ думѣ изъ захудалыхъ боярскихъ семействъ или изъ дворянской массы, не принадлежавшей къ боярству. Значитъ, думные чины представляли собой различныя генеалогическіе слои служилаго класса, сложившагося въ XV—XVI в. Въ думѣ присутствовали еще думные дѣяки, статсъ-секретари и докладчики думы. При такой новой организаціи боярская дума состояла уже не изъ 3—4 бояръ введенныхъ, какъ въ удѣльное время, а изъ нѣсколькихъ десятковъ членовъ, носившихъ разныя званія. Всѣ они назначались въ думу государемъ. Можно различить два элемента въ ея составѣ, аристократическій и бюрократическій. Въ званія бояръ и околыничихъ назначались обыкновенно старшіе представители важнѣйшихъ боярскихъ семействъ; какъ скоро они достигали извѣстнаго возраста, имъ «сказывали думу», вводили въ совѣтъ, соображаясь съ мѣстными обычаями и отношеніями. Напротивъ, думные дворяне и думные дѣяки, большею частью люди незнатные, получали назначеніе по усмотрѣнію государя за личныя качества или государственныя заслуги. Этотъ второй элементъ пока мало замѣтенъ и мало вліятеленъ; во весь XVI в. дума сохраняла строго боярскій, аристократическій составъ. Но правитель-

ственное значеніе думныхъ людей не ограничивалось ихъ сидѣньемъ въ думѣ. Всѣ служилые люди, носившіе званія бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ, въ силу своихъ званій были членами государственнаго совѣта и назывались *думными людьми*; но тѣ же думные люди управляли московскими приказами, командовали полками въ походахъ и правили областями въ качествѣ намѣстниковъ и воеводъ. Полковой воевода или уѣздный намѣстникъ конечно не могли постоянно засѣдать въ московской думѣ; поэтому на ежедневныя ея засѣданія являлись большей частью только начальники московскихъ приказовъ, *судьи*, какъ они назывались, которыхъ должность привязывала къ столицѣ. Сами думные дьяки не были исключительно секретарями и докладчиками думы: каждый изъ нихъ управлялъ извѣстнымъ приказомъ. То были обыкновенно главные дьяки или начальники важнѣйшихъ приказовъ, Посольскаго, Разряднаго, Помѣстнаго и иногда либо Новгородскаго Разряда, либо Казанскаго Дворца, такъ что думныхъ дьяковъ обыкновенно бывало трое или четверо. Дѣла посольскія, разрядныя и помѣстныя непосредственно вела сама дума; потому приказы, въ которыхъ сосредоточивались эти дѣла, были какъ бы отдѣленіями думской канцеляріи; потому же во главѣ ихъ и стояли дьяки, а не бояре или окольничіе. Главное мѣсто между этими приказами принадлежало Большому Московскому Разряду: завѣдуя служебными назначеніями служилыхъ людей, онъ сообщалъ другимъ приказамъ касавшіяся ихъ распоряженія государя и его совѣта, какъ и вносилъ въ думу дѣла, восходившія къ государю помимо приказовъ, такъ что думный разрядный дьякъ имѣлъ значеніе государственнаго секретаря. Постоянное присутствіе въ думѣ начальниковъ важнѣйшихъ приказовъ сообщало ей видъ совѣта министровъ. Дума вѣдала очень обширный кругъ

дѣлъ судебныхъ и административныхъ; но собственно это было законодательное учрежденіе. Каждый новый законъ исходилъ изъ думы съ обычною помѣтой: «государь указалъ и бояре приговорили». Законодательное значеніе думы теперь уже не держалось только на давнемъ обычаѣ, а прямо утверждено было въ Судебникѣ 1550 года, одна статья котораго гласить: «А которыя будутъ дѣла новыя, а въ семь Судебникѣ не написаны, и какъ тѣ дѣла съ государева доклада и со всѣхъ бояръ приговору вершатся, и тѣ дѣла въ семь Судебникѣ приписывати». Всѣ дополнительные къ Судебнику указы и были приговорами думы. Далѣе, дума руководила дѣйствіями приказовъ и имѣла контроль надъ областнымъ управленіемъ. Она же рѣшала множество судебныхъ дѣлъ, какъ высшая или единственная инстанція. Члены думы собирались на засѣданія во дворцѣ, въ Кремлѣ или гдѣ находился государь, обыкновенно рано по утрамъ, лѣтомъ при восходѣ солнца, зимой еще до разсвѣта; засѣданія длились часовъ по пяти-шести, между заутрени и обѣдней, и нерѣдко возобновлялись вечеромъ, когда думные люди, соснувъ послѣ обѣда, съ первымъ ударомъ колокола къ вечернѣ опять съѣзжались во дворецъ. На засѣданіи совѣтники разсаживались по чинамъ, окольные ниже бояръ и т. д., а люди одного чина по породѣ, въ мѣстническомъ порядкѣ; дьяки присутствовали стоя; иногда царь сажалъ и ихъ. Засѣданіе думы обозначалось выраженіями «сидѣть за дѣлы» или, если на засѣданіи присутствовалъ самъ царь, «слушать дѣлъ съ бояры». Ходить съ докладами въ думу значило «всходить съ дѣлами въ верхъ передъ бояръ». Приемные и жилые покои дворца вообще назывались *верломъ*. Дума сама очень рѣдко возбуждала вопросы, подлежащія ея обсужденію. Законодательный починъ обыкновенно шелъ снизу или сверху, а не изъ среды самого совѣта. Текущія дѣла вносились въ

думу начальниками приказовъ, каждымъ по своему вѣдомству; что не могло быть доложено ни изъ какого приказа, что не входило въ текущее приказное дѣлопроизводство, то вносили въ думу самъ государь; ему принадлежалъ починъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ вѣршней политики и внутренняго государственнаго строенія. Государь часто самъ предсѣдательствовалъ въ думѣ, «сидѣлъ съ бояры о дѣлахъ»; нерѣдко онъ приказывалъ боярамъ «безъ себя сидѣть» объ извѣстномъ дѣлѣ. Иногда бояре не рѣшались безъ государя произнести окончательнаго приговора о томъ, чего имъ «безъ государева указу вершить было немочно», и тогда дѣло докладывалось отсутствовавшему государю. Но если бояре, засѣдая безъ государя, по данному имъ полномочію находили возможнымъ рѣшить законодательный вопросъ, то ихъ приговоръ получалъ силу закона, не восходя къ государю на утверженіе. Таковъ былъ обычный порядокъ думскаго законодательства. Начальникъ приказа вносилъ въ думу запросъ о новомъ законѣ на имя государя въ обычной формулѣ: «и о томъ великій государь что укажетъ»? Государь, если не рѣшалъ дѣла самъ или съ боярами, *указывалъ* о томъ сидѣть боярамъ, приговоръ которыхъ и становился закономъ. Предварительный указъ государя, ставившій вопросъ на очередь, и боярскій приговоръ—таковы два необходимые момента законодательнаго процесса; они и обозначены въ формулѣ *государь указалъ и бояре приговорили*; третій моментъ, утвержденіе приговора всѣхъ бояръ отсутствовавшимъ государемъ, представляется случайностью или исключеніемъ. Были, кажется, только два рода боярскихъ приговоровъ, которые всегда представлялись на утвержденіе государя въ случаѣ его отсутствія на засѣданіи: это приговоры о мѣстническихъ дѣлахъ и о наказаніи за тяжкія преступленія; пересмотръ дѣлъ второго рода обыкновенно

сопровождался отъѣной или смягченіемъ наказанія. Иногда въ особо важныхъ случаяхъ, обычный составъ думы расширялся и въ нее входилъ сторонній правительственный факторъ, глава русской церковной іерархіи, одинъ или съ высшимъ духовенствомъ, епископами. Этотъ высшій іерархъ, до конца XVI в. митрополитъ, а потомъ патриархъ, со своими епископами составлялъ особый правительственный совѣтъ, вѣдавшій дѣла русской Церкви и называвшійся *Освященнымъ соборомъ*. Этотъ соборъ дѣйствовалъ или независимо отъ государевой думы, или вмѣстѣ съ нею, или по ея указанію. Совмѣстное или подчиненное дѣйствіе Освященнаго собора вызывалось церковными дѣлами, близко касавшимися интересовъ государства, или дѣлами государственными, соприскасавшимися съ вѣдомствомъ Церкви. Для рѣшенія такихъ дѣлъ созывались соединенныя собранія боярской думы и Освященнаго собора. Такія собранія носили специальное названіе *соборовъ*, которые надобно отличать отъ земскихъ.

Характеръ
ея дѣятель-
ности.

Обсужденіе дѣлъ въ думѣ излагалось думными дьяками въ протоколахъ или «спискахъ государеву сидѣнью о всякомъ земскомъ указѣ»; но это, кажется, не было постояннымъ правиломъ и отъ XVI в. до насъ не дошло такихъ записей. Только мѣстническія тяжбы, которыя рѣшала дума, записывались подробно для дальнѣйшихъ справокъ. Дьяки всегда помѣчали только приговоры думы, которые потомъ облекались въ форму указа или закона. Приведу для примѣра случай изъ XVII в., достаточно выясняющій не только отношеніе помѣты къ указу, но и административный темпераментъ времени. На неумѣлое донесеніе нераспорядительнаго уѣзднаго воеводы положена была помѣта: «отписать съ опалой». Помѣта была разработана въ указъ, начинающійся внушительными словами: «И ты, дуракъ безумный, худой воеводишка! Пишешь» и пр. По отсутствію протоко-

ловъ мы мало знаемъ о томъ, какъ шли совѣщанія въ думѣ и какъ составлялись приговоры. Но извѣстно, что тамъ бывали пренія, даже возраженія самому государю, «встрѣчи». О вел. князѣ Иванѣ III рассказывали, что онъ любилъ встрѣчу и жаловалъ за нее. Сынъ его Василій не былъ такъ сдержанъ и почтителенъ къ чужому мнѣнью: изъ бесѣдъ Берсена-Беллемишева узнаемъ о бурной сценѣ, устроенной великимъ княземъ строптивому оппоненту, котораго онъ съ бранью выгналъ изъ совѣта, положивъ на него опалу. Иногда, въ тревожныя времена, при борьбѣ придворныхъ партій, пренія разгорались, по словамъ лѣтописи, въ «брань велю и крикъ и шумъ великъ и слова многія бранныя». Это были рѣдкіе, исключительные случаи. Обычное теченіе дѣлъ въ думѣ отличалось строгой чинностью, твердостью формъ и отношеній. По крайней мѣрѣ такое впечатлѣніе выносится изъ уцѣлѣвшихъ остатковъ дѣятельности думы. Ея строй, авторитетъ и обычный порядокъ дѣлопроизводства какъ будто рассчитаны были на непоколебимое взаимное довѣріе ея предсѣдателя и совѣтниковъ, свидѣтельствовали о томъ, что между государемъ и его боярствомъ не можетъ быть разногласія въ интересахъ, что эти политическія силы срослись между собою, привыкли дѣйствовать дружно, идти рука объ руку и что идти иначе они не могутъ и не умѣютъ. Бывали столкновенія; но они шли внѣ думы и очень слабо отражались на ея устройствѣ и дѣятельности. Бывали споры, но не о власти, а о дѣлѣ; сталкивались дѣловыя мнѣнія, не политическія притязанія. По своему историческому складу боярская дума не сдѣлалась ареной политической борьбы. Государь ежедневно дѣлалъ много правительственныхъ дѣлъ безъ участія боярскаго совѣта, какъ и боярскій совѣтъ рѣшалъ много дѣлъ безъ участія государя. Это вызывалось соображеніями правительственнаго удобства, а не вопросомъ

о политическихъ правахъ и прерогативахъ, было простымъ раздѣленіемъ труда, а не разграниченіемъ власти. Случай съ Берсенемъ—одна изъ немногихъ вспышекъ нервной раздражительности, вырвавшаяся наружу изъ этой безшумной и замкнутой лабораторіи московскаго государственнаго права и порядка. Здѣсь повидимому каждый зналъ свое мѣсто по чину и породѣ и каждому знали цѣну по дородству разума, по головѣ. Съ виду казалось, въ этой отвердѣвшей обстановкѣ не было мѣста политическимъ страстямъ и увлеченіямъ, ни въ какую голову не могла запасть мысль о борьбѣ за власть и значеніе; лица и партіи со своими себялюбивыми или своекорыстными помыслами должны были почезать подъ давленіемъ государственнаго интереса и политическаго приличія или обычая. Такимъ же характеромъ отличалась и дѣятельность московскихъ приказовъ. Въ этой кучѣ учреждений, возникавшихъ въ разное время, безъ общаго плана, по указаніямъ и нуждамъ текущей минуты, было много путаницы и толкотни, изводилось много бумаги и времени, дѣлалось немало административныхъ грѣховъ; но не слышно отзвуковъ политической борьбы. Во главѣ приказовъ большею частью ставились люди, которые застѣдали и въ боярской думѣ, и тамъ они были такими же послушными рутинными дѣльцами, какъ *здѣсь* являлись сдержанными лояльными совѣтниками.

Лекція XXXIX.

Пере́мѣны въ областномъ управленіи.—Нормировка кормленій.— Докладъ и судине мужи.—Губное управленіе.—Его составъ.— Вѣдомство и процессъ.—Характеръ и значеніе.—Два вопроса.—Отношеніе губнаго управленія къ кормленщикамъ.—Земская реформа.— Ея причины.—Введеніе земскихъ учрежденій.—Вѣдомство и отвѣтственность земскихъ властей.—Вѣрное управленіе.—Характеръ и значеніе реформы.

Я изложилъ пере́мѣны, происшедшія въ центральномъ управленіи Московскаго государства съ половины XV в. Не трудно замѣтить общее направленіе, въ какомъ шла правительственная перестройка. Въ удѣльное время центральное управленіе было собственно дворцовымъ, ограждало и проводило личные и хозяйственные интересы удѣльнаго князя. Съ половины XV в. въ Московскомъ государствѣ оно постепенно выходитъ изъ тѣсной сферы княжескаго дворцоваго хозяйства и принаровняется къ потребностямъ общегосударственнымъ, усваиваетъ задачи общенароднаго блага. Разумѣется, эта пере́мѣна не была слѣдствіемъ какого-либо перелома въ политическихъ понятіяхъ московскаго государя или московскаго правительственнаго класса. Наоборотъ, самыя эти понятія измѣнялись подъ вліяніемъ перестройки управленія, вынуждавшейся ходомъ дѣлъ, какъ говорится, силою вещей. Этотъ процессъ, какъ бы сказать, историческаго вымоганія новыхъ понятій особенно наглядно отразился на пере́мѣнахъ, происшедшихъ въ областномъ управленіи.

Пере́мѣны въ областномъ управленіи.

Московского государства съ половины XV в. Здѣсь сквозь новыя государственныя нужды въ усложнявшіеся правительственныхъ учрежденіяхъ и отношеніяхъ пробиваются непривычныя для тогдашнихъ умовъ идеи о различіи общихъ и мѣстныхъ интересовъ, центра и областей, о необходимости надзора за мѣстными властями и о способахъ регулированія ихъ дѣятельности. Эти идеи носятъ еще первичный, элементарный характеръ, представляются частичными попытками; однако, онѣ постепенно складываются въ цѣлый планъ, направленный къ стѣсненію, а потомъ и къ отмѣнѣ кормленій. Такъ должности по областному управленію, бывшія удѣльными средствами содержанія служилыхъ людей, преобразовывались въ мѣстные органы центрального управленія.

Нормировка
кормленій.

Можно различить три главные момента въ ходѣ этого переустройства областного управленія. Первый моментъ обозначился тѣмъ, что центральное правительство стало точнѣе опредѣлять законодательнымъ путемъ установившіяся въ силу обычая или практики права и отвѣтственность областныхъ управленій и, регулируя порядокъ кормленія, стѣсняло произволъ кормленщиковъ. Такую регламентацію областного управленія встрѣчаемъ какъ въ общихъ узаконеніяхъ обоихъ Судебниковъ, такъ и въ мѣстныхъ уставныхъ грамотахъ, какія жаловала центральная власть цѣлымъ областямъ или отдѣльнымъ городскимъ и сельскимъ обществамъ. Самое появленіе такихъ узаконеній и грамотъ, регулировавшихъ дѣятельность мѣстныхъ управителей, показывало, что центральная власть начинала заботиться объ огражденіи интересовъ мѣстныхъ обывателей отъ своихъ собственныхъ агентовъ, т. е. начинала сознавать свое назначеніе охранять благо общества. Кормленщикъ, намѣстникъ или волостель, получалъ при назначеніи на кормленіе *наказный* или *доходный списокъ*, своего рода таксу,

подробно опредѣлявшую его доходы, кормы и пошрины. Притомъ натуральные кормы переложены были на деньги: такъ по бѣлозерской уставной грамотѣ 1488 г. намѣстникъ за рождественскій кормъ получалъ съ сохи вмѣсто 10 печеныхъ хлѣбовъ или ковригъ 10 денегъ (около 5 рублей). вмѣсто воза сѣна 2 алтына (около 6 рублей) и т. д. Затѣмъ запрещено было кормленщикамъ самимъ собирать свои кормы съ населенія: это поручено было выборнымъ отъ общества, сотскимъ въ городахъ и подгородныхъ станахъ, старостамъ въ прочихъ сельскихъ волостяхъ. Съ теченіемъ времени становились опредѣленнѣе и самые сроки кормленій. Въ XVI в. московское правительство повидимому стремилось сокращать ихъ: въ эпоху второго Судебника общимъ правиломъ былъ, кажется, годовой срокъ, хотя бывали случаи кормленій двухлѣтныхъ и трехлѣтныхъ. Изложенныя мѣры стѣсняли намѣстниковъ и волостелей, какъ кормленщиковъ, упорядочивая ихъ отношенія къ плательщикамъ, предупреждая или смягчая обоюдныя неудовольствія и столкновенія сторонъ.

Ко второму моменту въ преобразованіи мѣстнаго управленія можно отнести мѣры, въ которыхъ сказывалась попытка придать кормленщикамъ характеръ мѣстныхъ правителей въ государственномъ смыслѣ слова и въ этомъ направленіи измѣнить ихъ судебно-административную дѣятельность. Эти мѣры стѣсняли не только произволь, но и самый объемъ власти кормленщика, изъясняя наиболѣе важныя дѣла изъ ихъ компетенціи. Средствомъ этого ограниченія служилъ двойной надзоръ за ихъ дѣйствіями, шедшій сверху и снизу. Надзоръ сверху выражался въ докладѣ. Такъ называлось въ древнерусскихъ документахъ перенесеніе судебного или административнаго дѣла изъ низшей инстанціи въ высшую, изъ подчиненнаго учрежденія въ

Докладъ и
судные му-
жи.

руководящее для окончательнаго рѣшенія, *вершенія*. говоря языкомъ этихъ документовъ. Такъ путемъ доклада переносились дѣла изъ приказовъ «въ верхъ», въ боярскую думу или къ государю; точно также и областные управители обязаны были докладывать извѣстныя дѣла центральнымъ приказамъ. Областной управитель только разбиралъ дѣло, но рѣшеніе по дѣлу давалось центральнымъ учрежденіемъ, подлежащимъ приказомъ или самой боярской думой, причемъ, разумѣется, пересматривалось и все дѣлопроизводство съ точки зрѣнія его добросовѣстности и правильности. Въ продолженіе XV и XVI в. все большее количество дѣлъ, прежде вершившихся на мѣстѣ, въ области, идетъ отъ областныхъ кормленщиковъ на докладъ въ центральныя учрежденія. Такъ докладъ ограничивалъ власть областныхъ управителей. Во второй половинѣ XV в. по первому Судебнику лишь нѣкоторые изъ намѣстниковъ и волостелей обязаны были посылать въ столицу на докладъ извѣстныя дѣла о холопствѣ и важнѣйшія уголовныя—о разбоѣ, душегубствѣ и татѣбѣ съ поличнымъ. По второму Судебнику это ограниченіе распространено на всѣхъ намѣстниковъ и волостелей. Точно также съ конца XV в. едва ли не большая часть судныхъ поземельныхъ дѣлъ рѣшается въ центрѣ, а не въ области. Съ другой стороны, судебныя дѣйствія намѣстниковъ и волостелей подчинены были надзору представителей мѣстныхъ обществъ. Сохранившіеся акты удѣльнаго времени изображаютъ дѣятельность лишь органовъ княжеской власти, какими были въ мѣстномъ управленіи намѣстники и волостели. Но едва замѣтно мелькаетъ въ тогдашнихъ грамотахъ другой рядъ властей, въ которыхъ выражалась самодѣятельность мѣстныхъ обществъ. Города и пригородные станы издавна выбирали своихъ сотскихъ, сельскія волости—своихъ старостъ. По актамъ удѣльнаго

времени трудно сказать, каково было значеніе этихъ земскихъ властей; вѣроятно, они вели хозяйственныя дѣла своихъ мировъ, а также охраняли общественную безопасность «отъ лихихъ людей», отъ татей и разбойниковъ. Съ объединеніемъ Московской Руси этихъ земскихъ выборныхъ стали привлекать и къ дѣламъ государственнаго хозяйства: на сотскихъ, старостъ и выборныхъ окладчиковъ, какъ мы видѣли, возлагали раскладку казенныхъ податей и повинностей, какъ и сборъ кормовъ, шедшихъ областнымъ управителямъ. Можетъ быть, въ силу давняго обычая эти власти имѣли и судебное значеніе, вѣдали какія-либо судныя дѣла своихъ обществъ, не входившія въ юрисдикцію кормленщиковъ. Но до второй половины XV в. сохранившіеся памятники законодательства не указываютъ такого значенія мирскихъ выборныхъ, ни особой ихъ юрисдикціи, ни участія въ судѣ областныхъ управителей. Зато съ этого времени земскія учрежденія становятся все болѣе дѣятельными участниками мѣстнаго управленія и суда. Прежде всего земскіе выборные вводятся въ судъ намѣстниковъ и волостелей. Первый Судебникъ и уставныя грамоты его времени предписываютъ, чтобы на судѣ у областныхъ кормленщиковъ присутствовали сотскіе, старосты и *добрые* или *лучше люди*; Судебникъ прибавляетъ еще дворскаго, выборнаго управителя, завѣдывавшаго въ нѣкоторыхъ городахъ тюрьмами и другими казенными зданіями, а также утверждавшаго нѣкоторыя гражданскія сдѣлки, на примѣръ, переходъ недвижимыхъ имуществъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. Призывая этихъ земскихъ «судныхъ мужей» на судъ областныхъ кормленщиковъ, законъ возстановлялъ или общалъ давній народный обычай, требовавшій при совершеніи юридическаго акта присутствія свидѣтелей для удостовѣренія его подлинности или дѣйствительности. Таково же

было первоначальное значеніе и судныхъ мужей: они присутствовали на судѣ, какъ его свидѣтели—ассистенты. Если дѣло, разсмотрѣнное намѣстникомъ или волостелемъ, шло на докладъ въ высшую инстанцію и одна сторона оспаривала, «живила» *судный списокъ*, судебный протоколъ, то староста съ другими судными мужами призывался засвидѣтельствовать, такъ ли шелъ судъ, какъ онъ записанъ въ судномъ спискѣ, который при этомъ сличали съ противнемъ, копией протокола, выдававшейся суднымъ мужамъ при первомъ производствѣ дѣла у кормленщика за его печатью. Если судные мужи показывали, что судъ шелъ такъ, какъ онъ изложенъ въ судномъ спискѣ, и этотъ списокъ сходился съ копией «слово въ слово», сторона, оспаривавшая протоколъ, проигрывала дѣло; въ противномъ случаѣ отвѣтственность за неправильное судопроизводство падала на судью. Добрые люди выбирались особо для каждаго дѣла, какъ понятые. Въ XVI в. они превращаются въ постоянное учрежденіе, первоначально въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно на новгородскомъ Сѣверѣ, а потомъ и повсюду: по второму Судебнику въ судѣ областныхъ управителей должны были присутствовать особые выборные, земскіе старосты съ присяжными засѣдателями, *цѣловальниками*, которыхъ надобно отличать отъ прежнихъ сотскихъ, старостъ и десятскихъ, вѣдавшихъ сборъ и раскладку податей и вообще хозяйственныя дѣла своихъ міровъ. Теперь и компетенція присяжныхъ судныхъ мужей расширилась: они стали принимать болѣе дѣятельное участіе въ отправленіи правосудія. Имъ вмѣнялось въ обязанность на судѣ кормленщиковъ «правды стеречи» или «всякаго дѣла беречи вправду, по крестному цѣлованію, безъ всякія хитрости». Такимъ образомъ они должны были наблюдать за правильностью судопроизводства, охраняя правовой порядокъ, мѣстный юри-

дическій обычай отъ произвола или неопытности кормленщиковъ, не знавшихъ или не хотѣвшихъ знать мѣстной правды,—словомъ, быть носителями мірской совѣсти. Кромѣ того Судебникъ 1550 г. давалъ имъ право блюсти справедливые интересы тяжущихся сторонъ. Это значеніе выражено въ двухъ его постановленіяхъ: одно требовало, чтобы на судѣ кормленщиковъ присутствовали старосты и цѣловальники тѣхъ же волостей, изъ которыхъ были истецъ и отвѣчикъ; по другому постановленію, когда приставъ намѣстника или волостеля отдавалъ обвиняемаго или осужденнаго на поруки и при этомъ не находилъ поручителей, то онъ не имѣлъ права ковать этого человѣка въ желѣза, не явивъ старостѣ и цѣловальникамъ; въ противномъ случаѣ послѣдніе по требованію родственниковъ могли освободить арестованнаго и даже взыскать для него съ пристава безчестье за неправильный арестъ. Такъ земскіе выборные, ставъ постоянными присяжными засѣдателями на судѣ намѣстниковъ и волостелей, являются посредниками между кормленщиками и своими земскими мірами. Наконецъ оба контроля, сверху и снизу, которымъ подвергались дѣйствія кормленщиковъ, соединялись въ порядкѣ принесенія на нихъ жалобъ обывателями, установленномъ Судебниками и уставными грамотами. Обыватели сами назначали срокъ, когда намѣстникъ или волостель долженъ былъ стать или послать своего человѣка на судъ передъ великимъ княземъ, чтобы отвѣчать на обвиненіе въ московскомъ приказѣ или передъ государственной думой.

Итакъ, повторю, второй моментъ въ переустройствѣ управления обозначился установленіемъ двусторонняго надзора за дѣйствіями областныхъ кормленщиковъ. Участіе земскихъ выборныхъ въ отправленіи правосудія было только вспомогательнымъ коррективомъ суда кормленщикомъ. Уже

Губное
управленіе.

въ первой половинѣ XVI в. обозначился и третій моментъ изучаемаго процесса, состоявшій въ порученіи мѣстнымъ мірамъ самостоятельнаго веденія дѣла, которое неудовлетворительно вели кормленщики, именно дѣла охраны общественной безопасности. Этимъ и началась замѣна кормленщиковъ выборными земскими властями. До царя Ивана IV намѣстники и волостели вѣдали и уголовныя дѣла, сначала безъ доклада, а потомъ переноса важнѣйшія изъ нихъ на пересмотръ, рѣшеніе или утвержденіе въ столицу. Наиболѣе тяжкія уголовныя преступленія, разбой, душегубство, татѣя, поджогъ и т. п.—всѣ такія *лихія дѣла*, какъ они тогда назывались, были для намѣстниковъ и волостелей самыми доходными судебными статьями, доставляли имъ наиболѣе значительныя пошрины: за такія преступленія осужденный подлежалъ «продажѣ», конфискаціи всего имущества въ пользу кормленщика за вычетомъ вознагражденія истцу, тогда какъ другія правонарушенія давали ему только «противень противъ исцова» или «вполы исцова», т. е. пеню, равную иску или его половинѣ. Значитъ, личный интересъ областного правителя побуждалъ его преслѣдовать лихія дѣла и *карать* за нихъ; но у него не было ни побужденій, ни даже средствъ *предупреждать* ихъ. Когда совершалось убійство, волостель, а чаще намѣстникъ, которому обыкновенно принадлежалъ судъ по уголовнымъ дѣламъ, требовалъ отъ общества, на землѣ котораго совершено преступленіе, выдачи преступника; въ противномъ случаѣ общество платило ему виру въ 4 рубля (въ концѣ XV и въ началѣ XVI в. не менѣе 400 р. на наши деньги). Подвергались преслѣдованію отдѣльныя лихія дѣла, но не было учрежденія, которое вело бы постоянную, организованную борьбу съ лихими людьми, рецидивистами, профессиональными разбойниками и татями. Кормленщики, очевидно, не годились для такой

борьбы. Между тѣмъ страшное развитіе разбойничества, о которомъ говорятъ памятники тѣхъ вѣковъ, требовало особыхъ органовъ управленія для огражденія общественной безопасности и предупрежденія преступленій. Правительство пробовало сначала посылать въ области особыхъ сыщиковъ для преслѣдованія лихихъ людей; но эти сыщики, требуя себѣ содѣйствія отъ мѣстныхъ обществъ, сами ложились на нихъ новымъ бременемъ, чинили обывателямъ великіе убытки и волокиту великую. Потому въ Москвѣ рѣшили поручить уголовную полицію самимъ мѣстнымъ обществамъ. Въ малолѣтство Грознаго, во время боярскаго правленія, правительство начало давать городскимъ и сельскимъ обществамъ такъ называемыя *губныя грамоты*, предоставлявшія имъ преслѣдованіе и казнь лихихъ людей. Такъ старинная обязанность земскихъ обществъ выдавать намѣстнику душегубцевъ теперь превратилась въ ихъ отвѣтственное право ловить и казнить разбойниковъ. И это дѣло устроилось очень постепенно, съ большими колебаніями. Въ иныхъ мѣстахъ правительство поручало «разбойничьи дѣла дѣлать» выборнымъ присяжнымъ засѣдателямъ на судѣ кормленщиковъ или наличнымъ сотскимъ и старостамъ подъ руководствомъ извѣстныхъ уже намъ городскихъ прикащиковъ; въ другихъ мѣстахъ оно предписывало выбирать для этого дѣла особыя спеціальныя власти. Уголовно-полицейскій округъ, въ которомъ преслѣдованіе лихихъ людей представлялось самому обществу, назывался *губой*. Первоначально губное окружное дѣленіе совпадало съ мелкимъ административнымъ. Такъ по губнымъ грамотамъ 1539 г. бѣлозерской и каргопольской, самымъ раннимъ актамъ этого рода, до насъ дошедшимъ, обыватели всѣхъ классовъ, «свѣстясь межъ собою всѣ за одинъ», для поимки и казни разбойниковъ выбирали въ каждой волости тѣхъ уѣздовъ *головъ*

изъ дѣтей боярскихъ, челоуѣка по 3 или по 4 на волость, а имъ въ помощь старость, десятскихъ и лучшихъ людей, которые выбирались изъ тяглаго населенія. Такъ въ губномъ дѣлѣ устанавливалась совмѣстная дѣятельность служилаго и тяглаго общества съ подчиненіемъ послѣдняго первому. Но при этомъ изъ сель крупныхъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ составлялись особыя губы, независимыя отъ волостныхъ, со своими губными головами и цѣловальниками. Такъ изъ 5 сель Кириллова монастыря въ его же Бѣлозерскомъ уѣздѣ образована была въ 1549 г. особая губа съ 2 губными старостами, «выборными головами» изъ служилыхъ людей и съ цѣловальниками изъ крестьянъ тѣхъ же сель. Но эти монастырскіе губные головы по важнымъ губнымъ дѣламъ должны были сѣзжаться съ волостными и становыми губными головами въ г. Бѣлозерскѣ, гдѣ и вершили такія дѣла всѣ вмѣстѣ. Эти сѣзды естественно вели къ объединенію мелкихъ губныхъ единицъ, къ установленію всеуѣздной губной власти. Во второй половинѣ XVI в. такая власть и явилась въ видѣ всеуѣздныхъ губныхъ старость, по одному или по два на весь уѣздъ, который теперь образовалъ одну цѣльную губу. Надъ бѣлозерскими волостными и становыми губными головами, установленными въ 1539 г., грамота 1571 г. поставила двухъ всеуѣздныхъ губныхъ старость. Подобное объединеніе губныхъ учрежденій происходило и въ вотчинахъ крупныхъ частныхъ землевладѣльцевъ. Въ многочисленныхъ селахъ Троицкаго Сергіева монастыря, разсѣянныхъ по 22 центральнымъ уѣздамъ, было нѣсколько своихъ монастырскихъ губъ съ выборными губными прикащиками и цѣловальниками, съ губными избами, т. е. правленіями, и съ тюрьмами при нихъ для татей и разбойниковъ,—все на монастырскомъ содержаніи. Въ 1586 г. надъ всѣми этими монастырскими

губами поставленъ былъ общій губной староста изъ монастырскихъ служилыхъ людей.

Ставъ всеуѣзднымъ, губное управление образовало сложную сѣть руководящихъ и подчиненныхъ полицейскихъ органовъ, раскинувшуюся по всему уѣзду. Во главѣ ихъ стояли губные старосты, избравшіеся на всеобщемъ уѣздномъ съѣздѣ, но только изъ служилыхъ людей, по одному или по два на уѣздъ. Они вели дѣла вмѣстѣ съ губными пѣловальниками, которыхъ выбирали изъ своей среды одни тяглые люди, посадскіе и сельскіе, въ прежнихъ мелкихъ губныхъ округахъ, посадахъ, волостяхъ, станахъ и селахъ. Старостамъ подчинены были сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе, избравшіеся по сотнямъ, полусотнямъ и десяткамъ, полицейскимъ участкамъ, на которые дѣлились по числу дворовъ губные округа.

Въ губныхъ учрежденіяхъ сказался ростъ сознанія государственныхъ задачъ: они были плодомъ мысли, что преступленіе не есть частное дѣло, а касается всего общества, затрагиваетъ общее благо, а потому и преслѣдованіе его есть обязанность государства и требуетъ особыхъ органовъ и пріемовъ управленія. Развитіе этой мысли вело къ постепенному расширенію губнаго вѣдомства, захватывавшаго все бѣльшій кругъ уголовныхъ дѣяній. По второму Судебнику и по первымъ губнымъ грамотамъ этому вѣдомству изъ всѣхъ лихихъ дѣлъ предоставленъ былъ только разбой, къ которому потомъ были прибавлены татьба, а въ XVII в. душегубство, поджогъ, оскорбленіе родителей и др. Для губныхъ дѣлъ установленъ былъ особый порядокъ дѣлопроизводства. Кормленщики вели судныя дѣла обвинительнымъ или состязательнымъ процессомъ, который собственно и назывался *судомъ*. Дѣло возбуждалось частнымъ искомъ или обвиненіемъ и рѣшалось признаніемъ отвѣтчика,

Его составъ.

Вѣдомство и процессъ.

свидѣтельскими показаніями, полемъ, присягой, письменными документами. Губной староста велѣ дѣла розыскнымъ или слѣдственнымъ порядкомъ. Дѣло возбуждалось и безъ частного иска, поимкой тати съ поличнымъ, *повальнымъ обыскомъ*, опросомъ мѣстныхъ обывателей о прежнемъ поведеніи обвиняемаго, о его общественной благонадежности, и *оговоромъ*, указаніемъ преступника съ пытки на соучастниковъ преступленія. Эти улики имѣли силу судебныхъ доказательствъ сами по себѣ, безъ сравнительной судебной оцѣнки каждой изъ нихъ. Частное обвиненіе въ разбоѣ, не подержанное ни оговоромъ, ни прямыми уликами, вело къ повальному обыску, а облюхованный въ обыску, хотя бы бездоказательно, все-таки подвергался пыткамъ и если не сознавался въ преступленіи, «по обыску» осуждался на пожизненное тюремное заключеніе, а изъ имущества его вознаграждался истецъ. Цѣль губного процесса строго полицейская—предупрежденіе и пресѣченіе «лиха», искорененіе лихихъ людей. Губная грамота грозила губнымъ властямъ: «а сыщутся лихіе люди мимо ихъ, и на нихъ исцовы иски велѣтъ имати безъ суда, да имъ же отъ насъ (государя) быти казненымъ». Потому губного старосту заботило не возстановленіе права въ каждомъ случаѣ его нарушенія, а обезпеченіе общественной безопасности. Вступая въ должность, онъ обязанъ былъ созвать въ уѣздный городъ на съѣздъ уѣздныхъ жителей изъ всѣхъ классовъ общества, изъ духовенства бѣлаго и чернаго, изъ дворянства, городского и сельскаго населенія, и опросить ихъ подъ присягой, кто у нихъ въ губѣ лихіе люди, тати и разбойники или ихъ укрыватели, и кого въ этомъ общемъ предварительномъ обыску называли лихими людьми, тѣхъ брали и ставили передъ губнымъ старостой, а ихъ имущество переписавъ берегли до окончанія дѣла. Такъ начиналась сложная и

шумная губная процедура по всему уѣзду съ арестами, пыточными оговорами, очными ставками, «исповыми исками», повторительными повальными обысками и пытками, конфискаціями, висѣлицами.

Въ этой громоздкой организаціи и ея хлопотливой дѣятельности настойчиво проводилась двойная тенденція. Во-первыхъ, всѣ классы общества призывались содѣйствовать выборнымъ губнымъ властямъ, ловить и уличать лихихъ людей; это была общая мобилизація мѣстныхъ міровъ для охраны общественной безопасности, составлявшей общій интересъ всѣхъ сословій. Во-вторыхъ, преслѣдованіе лихихъ людей, которое сначала предоставлялось отдѣльнымъ городскимъ и волостнымъ мірамъ какъ право, по ихъ челобитью, потомъ, съ превращеніемъ губного дѣла въ повсемѣстное и всеуѣздное учрежденіе, стало для нихъ отвѣтственной повинностью. Такой характеръ учрежденія обнаруживался, съ одной стороны, въ томъ, что всесословнымъ выборомъ губного старосты уѣздное общество ручалось за своего избранника и это было обязательное ручательство, требовавшееся и для старосты, котораго иногда назначало само правительство, обязывая избирателей отвѣчать и за его дѣятельность, расплачиваться за неисправность назначеннаго, какъ и избраннаго; съ другой стороны, общимъ предварительнымъ обыскомъ обыватели губного округа ручались передъ правительствомъ и другъ за друга въ томъ, что они не допустятъ лихихъ людей въ своей средѣ, под угрозой въ противномъ случаѣ платить пени и иски потерпѣвшихъ отъ не предотвращеннаго ими лихого дѣла «безъ суда вдвое». Такъ въ основу губного управления положено было начало государственной отвѣтственности, выражавшееся въ двойной обязательной порукѣ мѣстныхъ міровъ—за своихъ выборныхъ и за самихъ себя, за каждаго изъ своихъ членовъ.

Характеръ
и значеніе.

Два вопро-
са.

Это было новое начало въ московскомъ государственномъ строѣ, еще покоившемся на удѣльномъ смѣшеніи частнаго права съ государственнымъ. Но здѣсь возникаютъ два вопроса. Охрана общественной безопасности—дѣло не мѣстное, а общегосударственное: почему же это дѣло нашли нужнымъ поручить выборнымъ представителямъ мѣстныхъ обществъ, а не прямымъ органамъ центральной власти? Далѣе, общество въ Московскомъ государствѣ XVI в. разбито было на множество экономическихъ состояній, различавшихся родомъ занятій, родомъ, размѣрами и отчасти принадлежностью капитала. Это были неустойчивыя, подвижныя состоянія: лица могли переходить изъ одного разряда въ другой и мѣнять или соединять занятія. Государство едва начинало налагать на эти классы сословный отпечатокъ, распредѣляя свои службы и повинности между ними по ихъ экономическимъ различіямъ. Въ этой социально-политической дифференціаціи стали обозначаться три основныя состоянія, въ которыя по роду повинностей смыкались дробныя общественныя классы: то были *служилые* землевладѣльцы, обязанные ратной службой, тяглые *посадскіе* обыватели, торгово-промышленные люди, тянувшіе тягло «по животамъ (имуществу) и промысламъ», и тяглые *уздные*, сельскіе пахотные люди, тянувшіе поземельное тягло по папнѣ. Не говоримъ о духовенствѣ, которое издавна было обособлено своимъ церковнымъ служеніемъ. Былъ ли всесословный характеръ губнаго управленія признакомъ, что въ государствѣ или народѣ чувствовалась потребность поддержать или укрѣпить совмѣстную дѣятельность зарождавшихся сословій въ управленіи? Отвѣтъ на эти вопросы находимъ въ происхожденіи и устройствѣ земскихъ учрежденій царя Ивана IV.

При введеніи губного управленія повидимому еще не предполагалось ни отмѣнять кормленія, ни даже ограничивать права кормленщиковъ. Законодательство старалось точно разграничить оба вѣдомства, губное и кормовое, и безобидно опредѣлить ихъ взаимныя отношенія. Судебникъ 1550 г. заботливо ограждаетъ компетенцію кормленщиковъ отъ вмѣшательства губныхъ старостъ, которымъ предоставляетъ вѣдать только дѣла о разбоѣ, дѣла же о татьбѣ предписываетъ судить по губнымъ грамотамъ, которыя то отдають татинныя дѣла вмѣстѣ съ разбойными въ вѣдѣніе губныхъ старостъ, то предписываютъ послѣднимъ судить эти дѣла совмѣстно съ кормленщиками, при чемъ участіе тѣхъ и другихъ въ такомъ судѣ строго разграничивается: кормленщики правили на осужденномъ свои «продажи», взысканія, а губные удовлетворяли истцовъ изъ его имущества и подвергали его уголовной карѣ, кнуту и т. д. Но въ обществѣ поняли нововведеніе, какъ мѣру, направленную прямо противъ кормленщиковъ. Съ чувствомъ глубокаго внутренняго удовлетворенія рассказываетъ объ этомъ псковской лѣтописецъ подъ 1541 г. Онъ пишетъ, что государь показалъ милость своей отчинѣ, началъ давать городамъ и волостямъ грамоты—лихихъ людей обыскивать межъ себя самимъ крестьянамъ по крестному цѣлованію и казнить ихъ смертью, не вода къ намѣстникамъ и ихъ тиунамъ, и «была намѣстникамъ нелюбка велика на христіанъ». Псковичи также взяли такую грамоту (до насъ не дошедшую), и начали псковскіе цѣловальники и сотскіе судить и казнить лихихъ людей. Намѣстникъ псковской сильно злился на псковичей за то, что «у нихъ какъ зеркало государева грамота», какъ бѣльмо на намѣстничьемъ глазу, вѣроятно, хотѣлъ сказать лѣтописецъ. «И бысть крестьяномъ радость и льгота отъ лихихъ людей», добавляетъ повѣствователь и въ перечнѣ этихъ лихихъ людей ставитъ и самихъ намѣстниковъ съ ихъ слугами.

Губное
управленіе
и кормлен-
щикои.

Земская ре-
форма.

Земская реформа была четвертымъ и послѣднимъ моментомъ въ переустройствѣ мѣстнаго управленія. Она состояла въ попыткѣ совсѣмъ отмѣнить кормленія, замѣнивъ намѣстниковъ и волостелей выборными общественными властями, поручивъ самимъ земскимъ мірамъ не только уголовную полицію, но и все мѣстное земское управленіе вмѣстѣ съ гражданскимъ судомъ.

Ея причины.

Различныя побужденія привели къ этой перемѣнѣ. Система кормленій сопряжена была съ большими неудобствами какъ для ратной службы, т. е. для обороны страны, такъ и для мѣстнаго управленія. Мы уже знаемъ, что военнослужилый классъ въ Московскомъ государствѣ имѣлъ двойственное значеніе, составляя главную боевую его силу и вмѣстѣ служилъ органомъ управленія. Кормовыя мѣста питали множество ратныхъ людей. Но въ XVI в. государство принуждено было чуть не ежегодно поднимать значительныя силы на ту или другую свою окраину. Мобилизація крайне затруднялась тѣмъ, что множество ратныхъ людей было разбросано по кормленіямъ, а порядокъ управленія страдалъ отъ того, что его органы должны были покидать дѣла для похода. Такъ обѣ вѣтви управленія мѣшали одна другой: военные люди становились неисправными управителями, а становясь управителями, переставали быть исправными военными людьми. Къ тому же новыя потребности общественнаго порядка, усложняя ~~задачи~~ управленія, требовали отъ управителей все большей внимательности къ интересамъ государства и нуждамъ населенія, къ чему у кормленщиковъ не было ни привычки, ни охоты. Отсюда развились разнообразныя злоупотребленія управителей и страшное недовольство управляемыхъ. Среди мѣръ, какія придумывало московское правительство для обузданія слишкомъ распукавшагося аппетита кормленщиковъ, особенно важенъ былъ

своеобразный порядок должностной ответственности, выработавшийся из стариннаго права управляемых жаловаться высшему правительству на незаконныя дѣйствія подчиненныхъ управителей. По окончаніи кормленія обыватели, потерпѣвшіе отъ произвола управителей, могли обычнымъ гражданскимъ порядкомъ жаловаться на дѣйствія кормленщика, которыя находили неправильными. Обвиняемый правитель въ такой тяжбѣ являлся простымъ гражданскимъ отвѣтчикомъ, обязаннымъ вознаградить своихъ бывшихъ подвластныхъ за причиненныя имъ обиды, если истцы умѣли оправдать свои претензіи; при этомъ кормленщикъ платилъ и судебныя пени и протори. По тогдашнему порядку судопроизводства истцы могли даже вызывать своего бывшего управителя на поединокъ, поле. Литвинъ Михалонъ, знакомый съ современными ему московскими порядками половины XVI в., негодуя на безнаказанный произволъ пановъ въ своемъ отечествѣ, съ восторгомъ пишетъ въ своемъ сочиненіи о такомъ московскомъ способѣ держать областную администрацію въ границахъ законнаго приличія. Но это было приличіе, охраняемое скандаломъ: съ точки зрѣнія общественной дисциплины что могло быть предосудительнѣе и соблазнительнѣе зрѣлища судебной драки бывшего губернатора или его замѣстителя, двороваго его человѣка, съ наемнымъ бойцомъ, выставленнымъ людьми, которыми онъ недавно правилъ отъ имени верховной власти. Установившійся способъ защиты управляемыхъ обществъ отъ произвола управителей служилъ источникомъ безконечнаго сутяжничества. Съѣздъ съ должности кормленщика, не умѣвшаго ладить съ управляемыми, былъ сигналомъ ко вчиненію запутанныхъ исковъ о переборахъ и другихъ обидахъ. Московскіе приказные судьи не мирволили своей правительственной братіи. Изображая положеніе дѣлъ передъ

реформой мѣстнаго управленія, лѣтописецъ говоритъ, что намѣстники и волостели своими злобознанными дѣлами опустошили много городовъ и волостей, были для нихъ не пастырями, не учителями, а гонителями и разорителями, что со своей стороны и «мужичье» тѣхъ городовъ и волостей натворило кормленщикамъ много коварствъ и даже убійствъ ихъ *людямъ*: какъ сѣдетъ кормленщикъ съ кормленія, мужики ищутъ на немъ многими исками, и при этомъ совершается много «кровапролитія и оскверненія душамъ», разумѣется, отъ поединковъ и крестоцѣлованій. такъ что многіе намѣстники и волостели, проигрывая такіа тяжбы, лишались не только нажитыхъ на кормленіи животовъ, но и старыхъ своихъ наслѣдственныхъ имуществъ, вотчинъ, платя убытки истцовъ и судебныя пени.

Введеніе
вечскихъ
учрежденій

Съ цѣлью прекратить это соблазнительное сутяжничество царь на земскомъ соборѣ 1550 г. «заповѣдалъ» своимъ боярамъ, приказнымъ людямъ и кормленщикамъ помириться «со всѣми хрестьяны» своего царства на срокъ, т. е. предложилъ служилымъ людямъ покончить свои административныя тяжбы съ земскими людьми не обычнымъ исковымъ, боевымъ, а безгрѣшнымъ *мировымъ* порядкомъ. Заповѣдь царя исполнена была съ такою точностью, что въ слѣдующемъ 1551 г. онъ могъ уже сообщить отцамъ церковнаго, такъ называемаго Стоглаваго собора, что бояре, приказные люди и кормленщики «со всѣми землями помирились во всякихъ дѣлахъ». Эта мировая ликвидація административныхъ тяжбъ и была подготовительной мѣрой къ отмѣнѣ кормленій. По обычному преобразовательному приему московскаго правительства сдѣланы были предварительные пробные опыты. Въ февралѣ 1551 г., когда только что собрался Стоглавый соборъ, дана была крестьянамъ Плесской волости Владимірскаго уѣзда уставная грамота, изъ которой видимъ,

что крестьяне этой волости «пооброчились», рѣшили взамѣнъ намѣстничьихъ кормовъ и пошлинъ платить въ казну оброкъ, за что имъ предоставлено было право судиться «межь себя» у старостъ и цѣловальниковъ, «кого собѣ изберутъ всею волостью». Эту льготу плесскіе крестьяне выхлопотали себѣ только на годъ, но потомъ продолжили ее и на другой годъ, удвоивъ оброкъ. Въ 1552 г., мѣсяца за три до казанскаго похода, посадскимъ людямъ и крестьянамъ Важскаго уѣзда на поморскомъ Сѣверѣ дана была такая же грамота, отмѣнявшая у нихъ управленіе намѣстника и передававшая управу во всякихъ дѣлахъ излюбленнымъ ими головамъ. Вскорѣ по завоеваніи Казани правительство съ развязанными для внутреннихъ дѣлъ руками и съ необычайно приподнятымъ духомъ принялось за дальнѣйшую разработку вопроса о кормленіяхъ. Мнѣніе боярскаго думы, которой царь поручилъ это дѣло, склонилось въ пользу отмѣны кормленій, такъ что царь въ ноябрѣ 1552 г. могъ уже официально объявить о принятомъ правительствомъ рѣшеніи устроить мѣстное управленіе безъ кормленщиковъ. Тогда и выработанъ былъ общій планъ земскаго самоуправленія. Среди послѣдовавшихъ по случаю паденія Казанскаго царства торжествъ и щедрыхъ наградъ героямъ подвига, служилымъ людямъ, не было забыто и неслужилое земство, которое понесло на себѣ финансовыя тяготы похода: «а кормленіями, замѣчаютъ лѣтописи, государь пожаловалъ всю землю». Это значитъ, что земское самоуправленіе рѣшено было сдѣлать повсемѣстнымъ учрежденіемъ, предоставивъ земскимъ мірамъ ходатайствовать объ освобожденіи ихъ, буде они того пожелаютъ, отъ кормленщиковъ. Земскія общества одно за другимъ стали переходить къ новому порядку управленія. Убѣдившись по предварительнымъ опытамъ реформы, что земство въ ней нуждается, правительство

рѣшило сдѣлать ее общей мѣрой и въ 1555 г. издало законъ, не дошедшій до насъ въ подлинномъ видѣ, а только въ изложеніи лѣтописца. Такою общею мѣрой реформа является уже въ грамотѣ, данной слободѣ переяславскихъ рыболововъ 15 августа 1555 г., въ которой царь говоритъ, что онъ велѣлъ «во всѣхъ городѣхъ и волостѣхъ учинити старость излюбленныхъ, которыхъ себѣ крестьяне межъ себя излюбятъ и выберутъ всею землею» и которые умѣли бы ихъ разсудить въ правду, «безпосудно и безволочитно», а также сумѣли бы собрать и доставить въ государеву казну оброкъ, установленный взамѣнъ намѣстничьихъ поборовъ. Отсюда видны основанія или условія реформы. Переходъ къ самоуправленію предоставлялся земскимъ мірамъ, какъ *право*, и потому не былъ для нихъ обязательнъ, отдавался на волю каждаго міра. Но кормленіе служилыхъ управителей было *земскою повинностью*, которую земскіе міры, желавшіе замѣнить кормленщиковъ своими выборными, обязаны были выкупать, какъ потомъ выкупались дворянскія земли, отведенныя въ надѣлъ крестьянамъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости. Всѣ доходы кормленщиковъ, кормы и пошлыны, перекладывались въ постоянный государственный оброкъ, который земство платило прямо въ казну. Эта перекладка получила названіе *откупа*, а жалованныя грамоты на освобожденіе отъ кормленщиковъ назывались *откупными*. Земская повинность была тѣсно связана и вводилась одновременно съ общей реорганизаціей обязательной службы служилыхъ людей: тогда установлены были нормальные размѣры этой повинности и вознагражденія за нее—помѣстные и денежные оклады. Помѣстное землевладѣніе, усиленно развивавшееся со времени отмѣны кормленій, становилось главнымъ средствомъ содержанія служилого класса; новый источникъ дохода, создававшійся откуп-

ными платежами, служилъ мобилизаціоннымъ подспорьемъ. Изъ новаго государственнаго оброка служилые люди получали «праведные уроки», постоянные денежные оклады «по отечеству и по дородству», т. е. по родовитости и по служебной годности.

Земская реформа была крутымъ политическимъ переломомъ; но практически ее упрощалъ второй Судебникъ, установивъ обязательное и повсемѣстное присутствіе земскихъ старостъ и цѣловальниковъ въ судѣ кормленщиковъ. Оставалось только вывести изъ мѣстнаго суда самихъ кормленщиковъ, передавъ ихъ функціи этимъ земскимъ засѣдателямъ и превративъ ихъ въ самостоятельную судебную коллегію. Въ этомъ собственно и состояла реформа, не потребовавшая ни новыхъ органовъ, ни новаго судебного округа дѣленія. Земскіе выборные дѣйствовали въ посадахъ, станахъ, волостяхъ и слободахъ,—въ прежнихъ мелкихъ округахъ намѣстниковъ и волостелей; только на Сѣверѣ встрѣчаемъ крупныя земскія округа, вмѣщавшіе въ себя по нѣскольку волостей, даже цѣлыя уѣзды, какъ Важскій или Холмогорскій въ Двинской землѣ. Каждый округъ выбиралъ одного, двухъ или больше излюбленныхъ старостъ съ нѣсколькими цѣловальниками. Вѣдомство разнообразилось по мѣстнымъ условіямъ. Въ него входили собственно судныя дѣла исковыя, т. е. гражданскія и тѣ изъ уголовныхъ, которыя, какъ бой (побой) и грабежъ, велись состязательнымъ, исковымъ порядкомъ, а не губнымъ, слѣдственнымъ. Но въ иныхъ мѣстахъ и губныя дѣла, поджогъ, душегубство, разбой и татба, вѣдались земскими судьями совмѣстно съ губными старостами, а на Сѣверѣ, въ Двинской землѣ, гдѣ за недостаткомъ служилыхъ людей не изъ кого было выбрать губныхъ старостъ, губныя дѣла поручались однимъ земскимъ старостамъ. На земскихъ выборныхъ судьяхъ

Вѣдомство
и отвѣт-
ственность.

лежать и сборъ откупного оброка, которымъ окупалось земское самоуправленіе; но иногда на нихъ же возлагали сборъ и доставку въ казну и другихъ окладныхъ налоговъ. Излюбленные старосты или выборные судьи съ цѣловальниками вели порученныя имъ судныя и казенныя дѣла подь личною отвѣтственностью и мірской порукой: недобросовѣстное или неумѣлое исполненіе судебнo-административныхъ обязанностей наказывалось смертною казнью «безъ отпросу» и конфискаціей имущества виновныхъ, которое шло пострадавшимъ отъ ихъ неисправности истцамъ и тѣмъ, «кто на нихъ доведеть»; подразумевалось, что и все общество, выбиравшее старосту и цѣловальниковъ, отвѣчало за ихъ неисправную дѣятельность въ случаѣ ихъ несостоятельности. При такой строгой отвѣтственности земскіе выборные судьи вели порученныя имъ дѣла не только безпосудно и безволокитно, но и безмездно: грамоты только общають именованъ царя, что если земскіе судьи будутъ дѣлать свое дѣло исправно, судить прямо и казенный оброкъ собирать и привозить въ срокъ и сполна «и намъ и землѣ управа ихъ будетъ люба, государь съ ихъ земель никакихъ пошлинъ и податей брать не велить да и сверхъ того пожалуетъ».

Вѣрное
управленіе.

Я изложилъ важнѣйшія перемены въ устройствѣ мѣстнаго московскаго управленія за изучаемое время. Онѣ совершались въ одномъ строго опредѣленномъ направленіи: опредѣленіе правъ кормленщиковъ или таксація кормленій, докладъ, введеніе земскихъ засѣдателей въ судъ кормленщиковъ, наконецъ замѣна послѣднихъ выборными старостами, губными и потомъ излюбленными,—все это были повидимому послѣдовательные моменты одного процесса, развитія мѣстнаго самоуправления. Но были ли эти моменты успѣхами мѣстной общественной самодѣятельности? Характеръ зем-

скаго самоуправленія, введеннаго при царѣ Иванѣ, всего яснѣе выразался въ томъ участіи, какое тотъ же царь заставилъ мѣстныхъ земскія общества принять въ финансовомъ управленіи. Земскіе старосты собирали прямые налоги. Сборъ налоговъ косвенныхъ, таможенныхъ пошлинъ, также эксплуатація доходныхъ казенныхъ статей (питейное дѣло, соляные и рыбные промыслы и т. п.) отдавались *на вѣру*. Для этого земскія тяглыя общества обязаны были изъ своей среды выбирать или ставить по назначенію правительства *вѣрныхъ*, т. е. присяжныхъ головъ и цѣловальниковъ, которымъ вѣрялся сборъ такихъ доходовъ. Исправность сбора обезпечивалась кромѣ вѣры, присяги, еще имущественною отвѣтственностью сборщиковъ и поручительствомъ ставившаго ихъ земскаго общества. Въ значительныхъ торговыхъ пунктахъ такія порученія возлагались на надежныхъ людей изъ московскаго купечества и изъ мѣстнаго торговаго класса. Правительство начало пробовать этотъ новый способъ эксплуатаціи казенныхъ статей въ то самое время, когда думало о развитіи земскихъ учреждений. Такъ въ 1551 г. таможенные сборы въ г. Бѣлозерскѣ отданы были на вѣру двумъ москвичамъ и двадцати бѣлозерцамъ на годъ. Если вѣрный голова съ цѣловальниками не добиралъ напередъ назначенной или ожидаемой по смѣтѣ суммы казеннаго сбора, они должны были доплачивать недоборъ изъ собственныхъ средствъ вдвое; при ихъ несостоятельности за нихъ платили избиратели. Со временемъ это *вѣрное* управленіе разрослось въ цѣлую сѣть учреждений, тяжело опутавшую земскія общества. Ежегодно множество лицъ отрывались отъ своихъ частныхъ дѣлъ, чтобы по выбору, по очереди или по назначенію исполнять эти тяжкія казенныя порученія съ опасностью разориться.

Характеръ
и значеніе
реформы

Теперь намъ ясенъ характеръ земской реформы царя Ивана. Мѣстное самоуправленіе обыкновенно противополгается централизаціи; но обѣ системы управленія могутъ быть поставлены въ такое отношеніе другъ къ другу, которое искажаетъ существо той и другой. Мѣстное самоуправленіе въ настоящемъ смыслѣ слова есть болѣе или менѣе самостоятельное веденіе мѣстныхъ дѣлъ представителями мѣстныхъ обществъ съ правомъ облагать населеніе, распоряжаться общественнымъ имуществомъ, мѣстными доходами и т. п. Какъ нѣтъ настоящей централизаціи тамъ, гдѣ мѣстные органы центральной власти, ею назначаемые, дѣйствуютъ самостоятельно и безотчетно, такъ нѣтъ и настоящаго самоуправления тамъ, гдѣ выборныя мѣстныя власти ведутъ не мѣстныя, а общегосударственныя дѣла по указаніямъ и подъ надзоромъ центральнаго правительства. Въ первомъ случаѣ имѣемъ дѣло съ децентрализаціей, каково было управленіе намѣстниковъ и волостей; во второмъ мѣстное самоуправленіе является орудіемъ централизаціи. Дѣло не столько въ выборѣ или назначеніи мѣстныхъ властей, сколько въ свойствѣ самыхъ функцій, ими отправляемыхъ, и въ степени ихъ зависимости отъ центральной власти. Разсматривая кругъ дѣлъ губныхъ и излюбленныхъ земскихъ старостъ, сборъ государственныхъ податей, судъ и полицію, видимъ, что это были все дѣла не мѣстныя, земскія въ собственномъ смыслѣ, а общегосударственныя, которыя прежде вѣдали мѣстные органы центральнаго правительства, намѣстники и волостели. Слѣдовательно сущность земскаго самоуправления XVI в. состояла не столько въ правѣ обществъ вѣдать свои мѣстныя земскія дѣла, сколько въ обязанности исполнять извѣстныя общегосударственныя, *приказныя* порученія, выпрять изъ своей среды отвѣтственныхъ исполнителей «къ государеву дѣлу». Это была новая земская повинность,

особый родъ государственной службы, возложенной на тяг-
 лое населеніе. Естественно, такая служба была соединена со
 строгимъ надзоромъ и отчетностью мѣстныхъ органовъ
 передъ центральнымъ правительствомъ. Главной пружиной
 земскихъ учрежденій и было начало мірской отвѣтствен-
 ности, круговой поруки, проведенной строго и послѣдова-
 тельно, и потому основнымъ побужденіемъ къ ихъ введенію
 надобно считать потребность въ установленіи *государ-
 ственной отвѣтственности* мѣстныхъ управителей, ка-
 кой не подлежали кормленщики, неспіе только отвѣтствен-
 ность *гражданскую* передъ управляемыми мѣстными обще-
 ствами. Такое сочетаніе централизація и самоуправления
 было вынуждено политической необходимостью. Успѣшное
 объединеніе Великороссіи ставило объединителей въ большое
 затрудненіе. Собиравшуюся землю надобно было не только
 защищать, но и устроить, а готовыхъ средствъ и пригод-
 ныхъ орудій устройства не доставало. Московскіе собиратели
 были застигнуты врасплохъ собственными успѣхами, не были
 подготовлены къ послѣдствіямъ своего дѣла, отставали отъ
 задачъ, какія оно имъ ставило. Тогда московское правитель-
 ство и обратилось къ обычному приему своей устроительной
 политики—требовать недостающихъ матеріаловъ устройства
 отъ самого населенія: требовался новый расходъ—оно вводило
 новый налогъ; потребовались новые отвѣтственные и даро-
 вые органы мѣстнаго управленія—обязательная поставка
 ихъ была возложена на мѣстное общество. Для обезпеченія
 отвѣтственности этихъ общественныхъ судебно-административ-
 ныхъ рекрутовъ ихъ сдѣлали выборными: выбирать
 тогда значило отвѣчать за выборныхъ. Итакъ земское само-
 управленіе XVI вѣка было вызвано обнаружившимся при
 новыхъ государственныхъ задачахъ и потребностяхъ недо-
 статочностью или непригодностью прежнихъ мѣстныхъ пра-

вительственныхъ учреждений. Для разрѣшенія этихъ новыхъ задачъ на помощь центральному правительству и было призвано земство съ его круговой порукой.

Такъ мы отвѣтили на одинъ изъ поставленныхъ вопросовъ—о мѣстныхъ органахъ управленія съ немѣстными вѣдомствами. Другого вопроса—о сословномъ характерѣ мѣстныхъ учреждений коснемся въ слѣдующемъ чтеніи.

Лекція XL.

Управленіе и общество.—Дробность и сословный характеръ мѣстнаго самоуправленія.—Неудача всесловнаго начала.—Необходимость объединенія мѣстныхъ учреждений.—Земскіе соборы.—Сказаніе о соборѣ 1550 г.—Разборъ сказанія.—Составъ соборовъ 1566 и 1598 г.—Служилые и торгово-промышленные люди въ ихъ составѣ.—Земскій соборъ и земля.—Значеніе соборнаго представителя.—Порядокъ соборныхъ совѣщаній.—Значеніе соборнаго крестоцѣлованія.—Связь соборовъ съ мѣстными мірами.—Происхожденіе и значеніе земскихъ соборовъ.—Мысль о всеземскомъ соборѣ.—Московское государство въ концѣ XVI в.

Изучивъ управленіе губное, земское и вѣрное, попытаемся теперь представить себѣ, какъ сформировалось общество въ рамкахъ этихъ новыхъ учреждений.

Эти учрежденія, какъ мы видѣли, имѣли двойственный Дробность мѣстнаго управленія. характеръ: они были мѣстныя по источнику, изъ котораго органы мѣстнаго самоуправления, выборные люди, получали свои полномочія; но они не были мѣстными по свойству дѣлъ, какія вѣдали эти выборные мѣстныхъ земскихъ міровъ,—дѣлъ общегосударственныхъ, приказныхъ, а не мѣстныхъ земскихъ. Какъ мѣстныя учрежденія по происхожденію своего личнаго состава, они еще болѣе прежняго раздробили мѣстное управленіе и притомъ какъ въ территориальномъ, такъ и въ вѣдомственномъ отношеніи. Уѣздъ въ Московскомъ государствѣ и прежде не былъ вполнѣ цѣльной административной единицей: управленіе сельскихъ волосте-

лей было слабо связано съ управленіемъ городскихъ намѣстниковъ, власть которыхъ и то не вездѣ простиралась на весь уѣздъ только по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ. Теперь мѣстные земскіе міры, сельскіе и городскіе, со своими излюбленными старостами и вѣрными головами совсѣмъ обособились другъ отъ друга, разбившись на мелкія земскія единицы, посады, волости, станы, слободы и отдѣльныя села съ деревнями, не имѣя объединяющаго органа въ уѣздѣ. Только два управленія, губное и дворянское, во главѣ которыхъ стояли представители мѣстныхъ служилыхъ міровъ, губные старосты и городовые прикащики, были соединены въ крупныя округа, имѣли средоточіе въ уѣздномъ городѣ. Впрочемъ и это было не вездѣ: въ Рязанскомъ уѣздѣ служилые люди были разбиты на 4 общества, по станамъ, а въ Новгородскомъ было 10 губныхъ округовъ съ особыми губными старостами въ половинахъ каждой пятины. Эта территоріальная дробность мѣстнаго управленія соединялась еще съ его вѣдомственной сложностью. Въ немъ дѣйствовали рядомъ четыре вѣдомства: губное, церковное, простиравшееся и на мірянъ, состоявшихъ на службѣ при церковныхъ учрежденіяхъ или жившихъ на церковныхъ земляхъ, служилое дворянское и земское въ собственномъ смыслѣ, къ которому принадлежало все тяглое населеніе, жившее въ городахъ и селахъ на земляхъ казенныхъ, дворянскихъ и частновладѣльческихъ нецерковныхъ. Притомъ и земское вѣдомство развѣтвлялось на три особыя управленія, судебное, хозяйственное и вѣрное. Хозяйственныя дѣла тяглыхъ городскихъ и волостныхъ обществъ по раскладкѣ и сбору казенныхъ податей и отбыванію повинностей, по распоряженію общественными землями вели старинныя земскіе старосты, сотскіе и десятскіе. Они продолжали дѣйствовать и при новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ царя Ивана:

Судебникъ 1550 г. опредѣлительно отличаетъ ихъ отъ старость и цѣловальниковъ, «которые у намѣстниковъ и у волостей и у ихъ тиуновъ въ судѣ сидятъ».

Всѣ эти вѣдомства, за исключеніемъ губного, носили ^{его сослов-}сословный характеръ. Земскимъ старостамъ и цѣловальни- ^{ный харак-}камъ подвѣдомы были собственно земскіе, тяглые люди и тяглыя земли; церковные и служилые землевладѣльцы зависѣли отъ нихъ или, точнѣе, соприкасались съ ними только по своимъ землямъ, населеннымъ тяглыми людьми, или по дворамъ на тяглой городской землѣ, если льготныя грамоты не освобождали ихъ отъ участія въ земскомъ поземельномъ тяглѣ: это была зависимость поземельная, а не личная или сословная. Между тѣмъ въ законодательствѣ царя Ивана по устройству мѣстнаго управленія и помимо всесословныхъ губныхъ учреждений сказывалось стремленіе установить связь между разными вѣдомствами и тѣмъ поддержать совмѣстную общественную дѣятельность обособлявшихся классовъ. По постановленію Стоглаваго собора въ судѣ архіерейскихъ бояръ по дѣламъ гражданскимъ и нѣкоторымъ уголовнымъ—о бояхъ и грабежахъ—должны были засѣдать рядомъ съ поповскими старостами, благочинными, и земскіе старосты съ цѣловальниками и съ земскимъ дьякомъ. Подобно тому въ 1556 г. предписано было въ Новгородской землѣ всѣмъ сословіямъ, духовенству, служилымъ людямъ и крестьянамъ для сбора казенныхъ податей выбрать изъ каждой пятины по одному служилому челоуѣку и по три—по четыре челоуѣка изъ лучшихъ людей другихъ классовъ, да изъ сельскихъ погостовъ по челоуѣку, и этимъ «выборнымъ старостамъ» подъ присягой и подъ страхомъ имущественнаго взысканія собирать всякія казенныя подати. Такая организація казенныхъ сборовъ была очень похожа на устройство губной полиціи. Но направленіе государственнаго строительства не благо-

пріятствовало проведенію всесословнаго начала въ мѣстное управленіе. Совершалась разверстка государственныхъ повинностей между общественными классами; она смыкала подвижныя, измѣнчивыя гражданскія состоянія въ плотныя государственныя союзы, обязанные служить потребностямъ и интересамъ государства, а не нуждамъ мѣстныхъ обществъ. Государство искало въ землѣ не только матеріальныхъ средствъ для дѣятельности, но и самихъ дѣятелей, отвѣтственныхъ органовъ мѣстнаго управленія. Поставка такихъ органовъ тоже пала на мѣстныя общества, какъ особая повинность, для исполненія которой приведенъ былъ въ дѣйствіе выборный механизмъ. Изъ классовъ, раздѣленныхъ своими особыми интересами и обязанностями, трудно было образовать цѣльное земство съ дружной совмѣстной дѣятельностью. Управленіе обыкновенно устроится въ большемъ или меньшемъ соответствіи съ составомъ общества и его отношеніемъ къ государству. Въ Московскомъ государствѣ общество дѣлилось на сословныя группы по роду тягостей, возложенныхъ на него государствомъ: и мѣстное самоуправленіе, ставъ орудіемъ централизаціи, распадалось на сословныя вѣдомства. Такая дробность—главный недостатокъ мѣстныхъ учреждений XVI в. Она устанавливала очень неудобное отношеніе мѣстнаго управленія къ центральному. Ничѣмъ не объединяемые на мѣстѣ, разобщенныя сословныя міры не находили средоточія и въ правительственномъ центрѣ. Выборныя мѣстныя власти, всѣ эти губныя старосты, городовыя прикащики, излюбленные судьи, земскіе старосты и вѣрныя головы непосредственно обращались по своимъ дѣламъ въ московскіе приказы и притомъ въ разные по роду дѣлъ или по территориальному распорядку приказныхъ вѣдомствъ. Этотъ недостатокъ единства отчасти восполнялся политическимъ органомъ, который возникъ

въ тѣсной связи съ мѣстными учрежденіями XVI в. и въ которомъ центральное правительство встрѣчалось съ представителями мѣстныхъ обществъ. Этому органу въ нашей ^{земскіе со-}литературѣ усвоено названіе *земскаго собора*, а въ памятникахъ XVII в. онъ называется иногда «совѣтомъ всея земли». До конца XVI в. земскій соборъ созывали четыре раза: въ 1550, 1566, 1584 и 1598 гг. Надобно разсказать, при какихъ обстоятельствахъ и въ какомъ составѣ созывались эти собранія, чтобы понять ихъ характеръ и значеніе.

Первый соборъ былъ созванъ Иваномъ IV въ пору крайняго правительственнаго возбужденія царя. Вѣнчаніе на царство съ принятіемъ царскаго титула, женитьба и вслѣдъ за тѣмъ страшные московскіе пожары, народный мятежь, казанскіе и крымскіе набѣги,—всѣ эти тревоженія съ самаго начала 1547 г. поочередно то поднимали, то повергали въ уныніе его неустойчивый духъ. Онъ долго не могъ оправиться отъ впечатлѣнія московскихъ пожаровъ и черезъ три слишкомъ года на Стоглавомъ соборѣ описывалъ свой тогдашній испугъ съ живостью только что пережитой минуты: тогда «вниде страхъ въ душу мою и трепеть въ кости моя, и смирися духъ мой, и умилихся и познахъ своя согрѣшенія». Тогда онъ рѣшился покончить и съ боярскимъ правленіемъ, и со своей легкомысленной юностью, и хлопотливо принялся за государственныя дѣла. Онъ началъ искать вокругъ себя людей и средствъ, которые помогли бы ему поправить положеніе дѣлъ. При такомъ настроеніи царя созванъ былъ соборъ 1550 г. До насъ не дошло дѣянія или протокола этого собора и мы не знаемъ ни его состава, ни подробностей его дѣятельности. Но о немъ сохранился такой разсказъ. На двадцатомъ году своего возраста царь Иванъ, видя государство въ великой тугѣ и печали отъ насилія сильныхъ, умыслилъ всѣхъ привести

Сказаніе
о соборѣ
1550 г.

въ любовь. Посовѣтовавшись съ митрополитомъ, какъ бы уничтожить крамолы и утолить вражду, царь «повелѣлъ собрать свое государство изъ городовъ всякаго чина». Въ воскресный день царь вышелъ съ крестами на московскую Красную площадь и послѣ молебна съ лобнаго мѣста сказалъ митрополиту: «Молю тебя, святой владыко, будь мнѣ помощникъ и любви поборникъ. Знаю, что ты добрыхъ дѣлъ и любви желатель. Самъ ты знаешь, что я послѣ отца своего остался четырехъ лѣтъ, а послѣ матери осьми лѣтъ». Изобразивъ затѣмъ яркими чертами безпорядки боярскаго правленія въ продолженіе своего несовершеннолѣтія, царь вдругъ бросилъ въ глаза присутствовавшимъ на площади боярамъ запальчивыя слова: «О неправедные лихоимцы и хищники, неправедный судъ по себѣ творящіе! какой теперь отвѣтъ дадите намъ—вы, многія слезы на себя воздвигшіе? Я чистъ отъ этой крови; ждите своего воздаянія». Потомъ царь поклонился на всѣ стороны и продолжалъ: «Люди Божіи и намъ дарованные Богомъ! Молю вашу вѣру къ Богу и къ намъ любовь; нынѣ намъ вашихъ обидъ и разореній и налоговъ исправить невозможно.... молю васъ, оставьте другъ другу вражды и тяготы свои.... я самъ буду вамъ судія и оборона, буду неправды разорять и хищенія возвращать».

Разборъ
сказанія.

Этотъ рассказъ возбуждаетъ много недоразумѣній. Прежде всего, какъ понять выраженіе *повелѣлъ собрать свое государство изъ городовъ всякаго чину?* Здѣсь больше намековъ, чѣмъ словъ. Раскрывая эти намеки, можно такъ перевести эту лапидарную фразу; царь повелѣлъ вызвать изъ областей своего государства представителей всѣхъ чиновъ. Но не видно, были ли это выборные люди и какіе именно чины, званія или классы они представляли. Трудно также понять, почему тронная рѣчь, которою царь открылъ соборъ.

была произнесена не въ палатѣ кремлевскаго дворца, а на Красной площади. Было ли это только первое, публичное засѣданіе собора въ обстановкѣ древне-русскаго народнаго митинга съ крестнымъ ходомъ и молебномъ, или вся дѣятельность собора ограничилась рѣчью царя. Сохранившееся сказаніе ничего больше не говоритъ о соборѣ, а только приводитъ другую рѣчь, какую сказалъ царь въ тотъ же день Алексѣю Адашеву, поручая ему принимать и разсматривать челобитныя отъ бѣдныхъ и обиженныхъ. Вѣроятно, тогда учрежденъ былъ Челобитный приказъ, т. е. Коммиссія прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, и Адашевъ былъ назначенъ начальникомъ этого новаго приказа. И самая рѣчь царя производитъ странное впечатлѣніе. Въ ней много темперамента; но она могла быть болѣе послѣдовательной. Читая ее, прежде всего подумаешь, что это былъ царскій призывъ всего народа, всѣхъ его классовъ ко взаимному всепрощенію и дружной дѣятельности на общую пользу: принимая бразды правленія въ свои руки, государь становился прямо передъ своимъ народомъ и призывалъ высшаго пастыря Церкви и всю свою землю въ лицѣ ея представителей помочь ему въ установленіи государственнаго порядка и правосудія; верховная власть хотѣла прямо и откровенно объясниться съ народомъ, указать ему направленіе, въ какомъ она будетъ дѣйствовать, примирить враждебныя стремленія различныхъ элементовъ. Но призвавъ митрополита быть «любви поборникомъ», царь продолжалъ рѣзкимъ, бранчивымъ обличеніемъ всего боярства въ самовластиі и хищничествѣ и соборъ, созданный съ цѣлью всѣхъ помирить, открылъ воззваніемъ чуть не къ междоусобной войнѣ. Да еще вопросъ, есть ли эта рѣчь историческій фактъ, а не просто чье-нибудь ораторское произведеніе, подобное рѣчамъ, какія античная исторіографія любила влагать въ

уста своимъ Фемистокловъ и Катоновъ. Дѣло въ томъ, что въ первую половину царствованія Ивана, при митрополитѣ Макаріи и при его участіи, былъ продолженъ и дополненъ большой русско-исторической сборникъ, *Степенная Книга*, названная такъ потому, что разсказъ въ ней расположенъ по великокняженіямъ, а великокняженія—по *степенямъ*, т. е. поколѣніямъ, въ генеалогическомъ порядкѣ. Въ списокъ Степенной, писанномъ еще при Макаріи, нѣтъ ни царской рѣчи и никакого извѣстія о соборѣ 1550 года; но то и другое оказалось въ повднемъ списокъ Степенной XVII вѣка, и притомъ, какъ выяснилъ проф. Платоновъ, на особомъ листѣ, вклеенномъ въ текстъ рукописи и писанномъ другимъ почеркомъ. Впрочемъ, каково бы ни было происхожденіе соборной царской рѣчи, трудно заподозрить самое событіе. Въ слѣдующемъ 1551 году для устройства церковнаго управленія и религіозно-нравственной жизни народа созванъ былъ большой церковный соборъ, обыкновенно называемый *Стоглавымъ*, по числу главъ, въ которыя сведены его дѣянія въ особой книгѣ, въ *Стоглавѣ*. На этомъ соборѣ между прочимъ было читано собственноручное «писаніе» царя и также сказана имъ рѣчь. Это многословное писаніе, составленное въ духѣ византійско-московскаго витійства, имѣетъ тѣсную внутреннюю связь съ рѣчью на Красной площади: въ немъ слышатся тѣ же нестройныя ноты покаянія, прощенія и раздраженія, мира, смиренія и вражды. И въ рѣчи, обращенной къ церковному собору, царь говорилъ, что въ предыдущее лѣто онъ съ боярами билъ челомъ отцамъ собора о своемъ согрѣшеніи и святители благословили и простили его и бояръ въ ихъ винахъ. Царь, очевидно, разумѣлъ соборъ предыдущаго 1550 года, на которомъ присутствовали и русскіе іерархи. По всѣмъ этимъ чертамъ первый земскій соборъ въ Москвѣ представляется какимъ-то

небывалымъ въ европейской исторіи актомъ всенароднаго покаянія царя и боярскаго правительства въ ихъ политическихъ грѣхахъ. Умиротвореніе народа и самого царя, встревоженныхъ внѣшними и внутренними бѣдами, было, очевидно, важнѣйшимъ нравственнымъ моментомъ, объясняющимъ цѣль и значеніе перваго земскаго собора. Но изъ дальнѣйшихъ словъ царя на Стоглавомъ соборѣ видимъ, что въ 1550 г. было возбуждено немало и другихъ чисто практическихъ дѣлъ, обсуждались и рѣшались важные законодательные вопросы. Царь докладывалъ святителямъ, что прошлогодняя его заповѣдь боярамъ помириться на срокъ со всѣми христіанами царства во всякихъ прежнихъ дѣлахъ исполнена. Мы уже знаемъ, что это было предписаніе кормленщикамъ покончить спѣшно мировымъ порядкомъ всѣ тяжбы съ земскими обществами о кормленіяхъ и что это именно предписаніе надобно разумѣть въ обращенной къ народу мольбѣ царя на Красной площади «оставить другъ другу вражды и тяготы свои». Потомъ царь положилъ на Стоглавомъ соборѣ новый Судебникъ, представляющій исправленную и распространенную редакцію стараго дѣдовскаго Судебника 1497 г., на пересмотръ котораго онъ получилъ отъ святителей благословеніе на томъ же прошлогоднемъ соборѣ. Къ этому царь прибавилъ, что онъ устроилъ по всѣмъ землямъ своего государства старостъ и цѣловальниковъ, сотскихъ и пятидесятскихъ и «уставныя грамоты пописалъ», и просилъ отцовъ собора разсмотрѣть эти акты и, обсудивъ ихъ, подписать Судебникъ и уставную грамоту, «которой въ казнѣ быти». Значить, съ земскимъ соборомъ 1550 года прямо или косвенно связанъ былъ цѣлый рядъ законодательныхъ мѣръ, нами уже изученныхъ, цѣлый планъ перестройки мѣстнаго управленія. Этотъ планъ начинался срочной ликвидаціей тяжбъ земства съ кормленщиками,

продолжался пересмотром Судебника съ обязательнымъ повсемѣстнымъ введеніемъ въ судъ кормленщиковъ выборныхъ старостъ и цѣловальниковъ и завершился уставными грамотами, отмѣнявшими кормленія. Рядъ этихъ грамотъ, какъ мы знаемъ, появляется именно съ февраля 1551 г., когда царь докладывалъ о нихъ Стоглавому собору. Изъ словъ царя можно заключить, что при составленіи мѣстныхъ уставныхъ грамотъ была выработана еще общая, какъ бы сказать, нормальная уставная грамота, которая, какъ образцовая, должна была храниться въ государственномъ архивѣ и которую царь предложилъ отцамъ Стоглаваго собора на разсмотрѣніе вмѣстѣ съ новоисправленнымъ Судебникомъ: она содержала повидимому общія основныя положенія, примѣнявшіяся въ отдѣльныхъ грамотахъ къ мѣстнымъ условіямъ. На нее указываютъ и мѣстныя грамоты, предписывая излюбленнымъ судьямъ «судити и управа чинити по Судебнику и по уставной грамотѣ, какъ есмь уложили о судѣ во всей землѣ». Изъ всего сказаннаго можно заключить, что главнымъ предметомъ занятій перваго земскаго собора были вопросы объ улучшеніи мѣстнаго управленія и суда.

Соборы
1566 и
1598 гг.

Такъ вскрывается связь перваго земскаго собора съ устройствомъ мѣстнаго управленія. Но надобно еще видѣть отношеніе земскаго собора къ самимъ мѣстнымъ обществамъ: только тогда можно будетъ достаточно выяснить, какъ зародилась въ московскихъ умахъ идея соборнаго представительства. Для этого предстоитъ разсмотрѣть составъ земскихъ соборовъ XVI в. Матеріалы для такого изученія даютъ соборы 1566 и 1598 гг. Первый былъ созванъ во время войны съ Польшей за Ливонію, когда правительство хотѣло знать мнѣніе чиновъ по вопросу, мириться ли на предложенныхъ польскимъ королемъ условіяхъ. Второму

собору предстояло избрать царя, когда пресѣклась царствовавшая дотолѣ династія Калиты. Сохранились акты или протоколы обоихъ соборовъ, *приговорный списокъ* 1566 г. и *утвержденная грамота* 1598 г. объ избраніи Бориса Годунова на царство. Въ обоихъ актахъ помѣщены поименные перечни членовъ этихъ соборовъ. На первомъ соборѣ присутствовало 374 члена, на второмъ 512. Во главѣ обоихъ соборовъ становились два высшія правительственныя учрежденія, церковное и государственное, Осященный соборъ и Боярская дума; призывались начальники и подчиненныхъ центральныхъ учреждений, московскихъ приказовъ съ ихъ дьяками, а также мѣстные органы центрального управленія, городовые воеводы. Все это были правительственныя лица, а не представители общества, не земскіе люди. Изъ всѣхъ классовъ общества на обоихъ соборахъ всего сильнѣе было представлено служилое сословіе: на соборѣ 1566 г. военно-служилыхъ людей, не считая входившихъ въ составъ правительственныхъ учреждений, было почти 55% всего личнаго состава собранія, на соборѣ 1598 г. 52%. Представительство этого класса по источнику представительныхъ полномочій было двойное, должностное и выборное. Эта двойственность объясняется организаціей служилого класса, тогдашняго дворянства. Мы уже знаемъ, что въ составъ его надо различать два слоя: высшіе военно-служилые чины образовали дворянство московское, столичное, низшее — дворянство городовое, провинціальное. Столичные чины образовали особый корпусъ, исполнявшій разнообразныя военныя и административныя порученія центрального правительства. Пополняясь путемъ выслуги изъ рядовъ городского дворянства, этотъ корпусъ въ XVI в. не терялъ служебной связи съ послѣднимъ. Столичные дворяне въ походахъ обыкновенно назначались командирами, *головами*

Служилые
люди на
соборахъ.

уѣздныхъ сотенъ, ротъ, составлявшихся каждая изъ служилыхъ людей одного какого-либо уѣзда. Въ XVI в. головами уѣздныхъ сотенъ назначались обыкновенно тѣ изъ столичныхъ дворянъ, у которыхъ были помѣстья и вотчины въ тѣхъ же уѣздахъ. Ихъ можно назвать походными предводителями уѣздного дворянства, какъ городскихъ прикащиковъ мы назвали дворянскими предводителями въ административномъ смыслѣ (выше стр. 299). На соборѣ 1566 г. уѣздныя дворянскія общества были представлены только своими головами-земляками, столичными дворянами, сохранявшими повсемельную связь съ ними. Эти головы командовали отрядами, двинутыми противъ Польши, и явились въ Москву прямо съ театра войны, по поводу которой былъ созванъ соборъ. Нѣкоторые изъ нихъ и указали на это въ своемъ соборномъ мнѣнii, заявивъ, что они не хотятъ помереть запертыми въ Полоцкѣ: «мы, холопы государевы, нынѣ на коняхъ сидимъ и за его государское съ коня померемъ», добавили они. Ихъ потому и призвали на соборъ, что они лучше другихъ знали положенiе дѣла, занимавшаго соборъ. Но ни изъ чего не видно, чтобы уѣздные отряды избирали ихъ своими представителями на соборъ. Каждого изъ нихъ полковой воевода назначилъ на походъ головой уѣздной сотни, какъ лучшаго служилаго землевладельца въ уѣздѣ, а какъ голову, его призвали или послали на соборъ представителемъ его сотни, т. е. уѣздного дворянскаго общества. Назначенiе на должность по служебной годности и призывъ или посылка на соборъ по должности—такова конструкция тогдашняго соборнаго представительства, столь далекая отъ нашихъ политическихъ понятiй и обычаевъ. Мы увидимъ, что этой особенностью всего выразительнѣе выясняется характеръ и значенiе земскаго собора XVI в. Въ этомъ отношенiи избирательный соборъ

сдѣлать, правда, нѣкоторый шагъ впередъ въ сторону нашихъ понятій о представительствѣ. И на немъ было много столичныхъ дворянъ, представлявшихъ уѣздныя дворянскія общества по своему должностному положенію. Но рядомъ съ ними встрѣчаемъ довольно незначительное число дворянъ (около 40 на 267 членовъ собора) изъ военно-служилыхъ людей, которыхъ съ нѣкоторою вѣроятностью можно считать *выборными* соборными депутатами уѣздныхъ дворянскихъ обществъ изъ ихъ же среды. Это—новый элементъ въ составѣ собора 1598 г., незамѣтный на прежнемъ; но онъ столь малозначителенъ, что является какъ бы мѣстной случайностью или исключеніемъ, не нарушавшимъ основного принципа соборнаго представительства.

Соборное представительство городского торгово-промыш-<sup>Люди торго-
вопромыш-
ленные.</sup> леннаго класса построено было на одинаковыхъ основаніяхъ съ представительствомъ служилыхъ землевладѣльцевъ и въ немъ эти основанія выражены были даже болѣе явственно. На соборѣ 1566 г. было призвано только столичное купечество, притомъ лишь высшихъ статей, въ числѣ 75 человекъ. Не видно и невѣроятно, чтобы это были выборные представители своихъ статей или вообще какихъ-либо корпорацій: скорѣе, это—вся наличность высшего московскаго купечества, какую въ данную минуту можно было призвать на соборъ. Но за этимъ купечествомъ стоялъ весь торгово-промышленный міръ, какъ за столичнымъ дворянствомъ стояли уѣздныя дворянскія общества. Подобно тому же дворянству московская купеческая знать набиралась изъ лучшихъ людей, выдѣлявшихся изъ рядового торговаго люда, столичнаго и провинціальнаго. И эта торговая знать тоже несла службу, только въ другой сферѣ управленія. Намъ уже извѣстно, что такое была *вѣрная* служба: это—цѣлая система финансовыхъ порученій, исполненіе которыхъ

казна возлагала на земскіе классы, не имѣя пригодныхъ для того приказныхъ органовъ. Высшее столичное купечество въ этой казенной службѣ имѣло такое же руководящее значеніе, какое въ службѣ ратной принадлежало столичному дворянству: на него возлагались наиболѣе важныя и властныя, но и самыя отвѣтственные казенныя порученія. Эта служба и поддерживала его связь съ мѣстными городскими обществами, изъ которыхъ оно вербовалось. Ярославскій или коломенскій капиталистъ, возведенный въ чинъ московскаго гостя, коммерціи совѣтника, продолжалъ жить и торговать въ своемъ городѣ, и правительство возлагало на него веденіе важныхъ казенныхъ операцій обыкновенно въ его же родномъ краю, съ хозяйственнымъ бытомъ котораго онъ былъ хорошо знакомъ по собственнымъ дѣламъ. Такъ тузы мѣстныхъ рынковъ становились отвѣтственными агентами центрального финансоваго управленія и являлись въ областныхъ городахъ направителями наиболѣе цѣнныхъ казенныхъ операцій, питейныхъ, таможенныхъ и другихъ, верстали мѣстныхъ посадскихъ людей податными окладами, закупали на государя мѣстные товары и вообще вели разнообразныя торгово-промышленныя предпріятія казны. Это былъ своего рода финансовый штабъ московскаго правительства, руководившій областными торгово-промышленными мірами. Если такимъ образомъ въ соборномъ актѣ 1566 г. отразилось фискально-служебное значеніе столичнаго купечества, то въ спискѣ его представителей на соборѣ 1598 г. выразился съ нѣкоторымъ измѣненіемъ основной принципъ соборнаго представительства. Къ тому времени и столичное купечество подобно дворянству получило окончательную сословную организацію, раздѣлилось на чины по своей капиталистической мочи и казенно-служебной годности. Высшее купечество составилось изъ *гостей*

и изъ торговыхъ людей двухъ *сотенъ, востинной и су-конной*, гильдій своего рода; рядовая торгово-промышленная масса столицы образовала нѣсколько *черныхъ сотенъ и слободъ*, которыхъ можно приравнять къ промысловымъ цехамъ. На соборъ 1598 г. вызваны были 21 человекъ гостей, старосты высшихъ сотенъ и 13 сотскихъ черносотенныхъ обществъ. Гости, очевидно, были призваны поголовно, по своему званію, сколько можно было ихъ тогда призвать: ихъ и въ XVII в. было немного, обыкновенно десятка два-три. Но сотенные старосты и сотскіе были призваны или посланы на соборъ по должностному положенію; только должности свои они получали по общественному выбору, а не по назначенію начальства, какъ головы дворянскихъ сотенъ. Такъ суммарный призывъ 1566 г. теперь замѣнился для купеческихъ сотенъ призывомъ ихъ должностныхъ представителей.

Въ описанномъ сложномъ составѣ обоихъ соборовъ можно различить четыре группы членовъ: одна представляла собою высшее церковное управленіе, другая—высшее управленіе государства; третья состояла изъ военно-служилыхъ людей, четвертая изъ людей торгово-промышленныхъ. Тѣ же группы отчетливо различаетъ въ составѣ собора 1566 г. и современный лѣтописецъ. Онъ пишетъ, что государь на соборѣ говорилъ со своими богомольцами, архіепископами и со всѣмъ Освященнымъ соборомъ, «и со всѣми бояры и съ приказными людьми, да и со князи и съ дѣтьми боярскими и съ служилыми люди, да и съ гостями и съ купцы и со всѣми торговыми людьми». Первые двѣ группы были правительственныя учрежденія; двѣ послѣднія состояли изъ лицъ двухъ общественныхъ классовъ. Только лицамъ этихъ послѣднихъ группъ и можно придавать представительное значеніе. Но эти лица не были представите-

Земскій со-
боръ и зем-
ля.

лями своихъ классовъ въ нашемъ смыслѣ слова, выборными депутатами, специально уполномоченными представлять ихъ только на соборѣ. Это были все должностные или служилые люди, поставленные во главѣ мѣстныхъ обществъ по назначенію или выбору и исполнявшіе военно-административныя, либо финансовыя порученія правительства. Значить, основой соборнаго представительства былъ не общественный выборъ по довѣрію, а правительственный призывъ по должности или званію. Я уже оговорился, что исключеніе, замѣченное на соборѣ 1598 г. не колебало этой основы. Если хотя приблизительно таковъ же былъ составъ собора 1550 г., то выясняется общая фізіономія земскихъ соборовъ XVI вѣка. На нихъ правительство встрѣчалось съ обществомъ, призывало на совѣтъ людей двухъ его классовъ, столичнаго дворянства и столичнаго же купечества. Но люди этихъ классовъ являлись на соборѣ не представителями общества или земли, а носителями службы, общественными орудіями центральнаго управленія. Иначе говоря, оба эти класса имѣли тогда значеніе представителей земли только по своему правительственному положенію, а не по земскому полномочію: это были верхушки мѣстныхъ обществъ, снятыя правительствомъ, пересаженные въ столицу, чтобы служить добавочными орудіями управленія тѣми же обществами. Значить, земскій соборъ XVI вѣка былъ въ точномъ смыслѣ *совѣщаніемъ правительства съ собственными агентами*. Таковъ первичный типъ земскаго представительства на Руси. Тогда иначе и не понимали народнаго представительства, какъ въ смыслѣ собранія разностепенныхъ носителей власти, органовъ управленія, а не уполномоченныхъ общества или народа. Но по понятіямъ того времени такое собраніе было все таки народное представительное собраніе, имѣющее власть рѣшать

судьбы народа. Такой взгляд на народное представительство сложился потому, что тогда и народъ понимали далеко не понинѣшнему. Нынѣ понимаютъ такъ, что народное представительство есть выраженіе воли народа черезъ избираемыхъ имъ представителей и что народъ, какъ политическое цѣлое, и есть государство, а правительство—это только организація, связующая народъ въ такое цѣлое и создаваемая самимъ же народомъ. Въ Москвѣ XVI вѣка думали, что не народу подобаетъ назначать выразителей своей воли, что для того есть готовыя, волею Божіей установленныя извѣчныя власти—правительство съ его подчиненными слугами, которое и есть настоящее государство, говоря проще, народъ не можетъ имѣть своей воли, а обязанъ хотѣть волею власти, его представляющей. На соборѣ, избравшемъ Бориса Годунова на царство, изъ непривелигированныхъ классовъ присутствовали только 13 сотскихъ и притомъ только отъ столичныхъ черносотенныхъ обществъ; между тѣмъ акты объ избраніи говорятъ про участіе въ этомъ дѣлѣ «всенароднаго множества», «всѣхъ православныхъ христіанъ, *всѣхъ городовъ* Россійскаго государства» и даже «всего многобезчисленнаго *народнаго* христіанства отъ конецъ до конецъ всѣхъ государствъ Россійскаго царствія». Здѣсь говорить не одно приказно-книжное краснорѣчіе, болѣзнь высшихъ московскихъ канцелярій: предполагалось, что всенародное множество духовно присутствуетъ на соборѣ и говорить устами своихъ невыборныхъ, прирожденныхъ столичныхъ представителей. Юридическія фикціи занимали гораздо больше мѣста въ общественномъ сознаніи тогдашняго русскаго человѣка, чѣмъ теперь. Фикція представительства рядовой народной массы высшими столичными чинами складывалась не безъ участія русскихъ церковныхъ законовѣдовъ, какъ и самый земскій соборъ стро-

ился отчасти по подобію Освященнаго собора, у котораго заимствовалъ и свое названіе *собора*. Въ древнерусскомъ церковномъ обществѣ преобладала мысль, что настоящая дѣятельная Церковь—это іерархія. Потому церковный соборъ по своему составу былъ собраніемъ только пастырей и учителей Церкви. И земскій соборъ XVI вѣка вышелъ собраніемъ руководителей всѣхъ частей государственнаго управленія, представителей всѣхъ вѣдомствъ, дѣйствовавшихъ внѣ собора раздѣльно, въ кругу своихъ особыхъ задачъ. Въ земскомъ соборѣ видѣли, какъ бы сказать, представительство государственной организаціи. То живое, конкретное содержаніе, которое жило и работало въ рамкахъ этой организаціи, управляемое общество или народъ, разсматривалось не какъ политическая сила, способная говорить на соборѣ устами своихъ уполномоченныхъ, не какъ *гражданство*, а какъ *наства*, о благѣ которой могутъ думать сообща только ея настоятели. Земскій соборъ былъ выразителемъ ея интересовъ, но не ея воли; члены собора представляли собою общество, насколько управляли имъ. Нужно было пережить страшное потрясеніе, испытанное государствомъ въ началѣ XVII вѣка, чтобы переломить этотъ взглядъ на народное представительство и сообщить дальнѣйшимъ земскимъ соборамъ настоящій, не фиктивный представительный составъ.

Соборный
представитель.

При изложенномъ составѣ соборовъ не можетъ быть вопроса о системѣ соборнаго представительства, о томъ, было ли это представительство сословій, чиновъ или еще какое другое. Если соборъ представлялъ что-либо, то только столицу; но въ этой столицѣ сосредоточивались властные, руководящіе элементы всей земли. Поэтому и можно сказать, что соборъ представлялъ землю посредствомъ столицы и самую столицу представлялъ лишь настолько, насколько она

представляла землю. Тѣмъ же составомъ собора опредѣлялось и значеніе соборнаго представителя. Онъ шелъ на соборъ по должности, по служебному званію или положенію. Правительство ли въ силу этого призывало его на соборъ, или его посылало туда общество, во главѣ котораго онъ стоялъ,—это въ сущности было все равно, какъ скоро лицо, становившееся во главѣ извѣстнаго общества изъ его же среды по назначенію или по выбору, въ силу своего положенія признавалось естественнымъ, непремѣннымъ представителемъ своего общества во всѣхъ случаяхъ, когда оно нуждалось въ представителѣ. Оба источника представительныхъ полномочій, общественный выборъ и правительственный призывъ по должности, тогда не противоположались одинъ другому, какъ враждебныя начала, а служили вспомогательными средствами другъ для друга: когда правительство не знало, кого назначить на извѣстное дѣло, оно требовало выбора и, наоборотъ, когда у общества не было кого выбрать, оно просило о назначеніи. Дѣло было не въ источникѣ соборныхъ полномочій, а въ отысканіи надежнаго исполнителя соборнаго рѣшенія. На соборѣ нуженъ былъ не мірской челобитчикъ, уполномоченный ходатайствовать передъ властью о нуждахъ и желаніяхъ своихъ избирателей, а правительственный или общественный дѣлецъ, способный отвѣчать на запросы власти, дать совѣтъ, по какимъ дѣламъ она его потребуетъ. Потому на соборъ призывали изъ общества не людей, пользовавшихся довѣріемъ мѣстныхъ міровъ и общественныхъ классовъ по своимъ личнымъ качествамъ и отношеніямъ, а людей, стоявшихъ во главѣ этихъ міровъ или классовъ, по своему положенію знакомыхъ съ ихъ дѣлами и мнѣніями и способныхъ исполнять рѣшеніе, принятое на соборѣ. Такое положеніе среди мѣстныхъ обществъ занимали столичное дворянство и высшее

столичное купечество. Высказывая свое мнѣніе на соборѣ или принимая его рѣшеніе въ присутствіи центрального правительства, люди этихъ классовъ, какъ его исполнительные органы, тѣмъ самымъ обязывались проводить его мнѣніе или рѣшеніе на тѣхъ служебныхъ постахъ, какіе укажетъ имъ правительство. Такой типъ представителя складывался практикой соборовъ XVI в. Представителя-челобитчика «обо всякихъ нуждахъ своей братіи», какимъ преимущественно являлся выборный человекъ на земскихъ соборахъ XVII в., совсѣмъ еще не замѣтно на соборахъ XVI в. Значить, цѣлью собора XVI в. было объединить мнѣнія и дѣйствія высшаго правительства и его подчиненныхъ органовъ, давать первому справки о томъ, что думаютъ о положеніи дѣлъ и какъ относятся къ соборному вопросу люди, которые будутъ отвѣтственными проводниками рѣшенія, принятаго властью на основаніи наведенныхъ справокъ и выслушанныхъ мнѣній.

Соборная
совѣщанія.

Эта цѣль всего явственнѣе выступаетъ въ приговорной грамотѣ собора 1566 г. Изъ нея видимъ, что соборъ былъ открытъ рѣчью царя, который поставилъ на обсужденіе собора вопросъ, какъ ему стоять противъ своего недруга, мириться ли, отступившись отъ ливонскихъ городовъ, взятыхъ королемъ подъ свою защиту, или продолжать за нихъ войну. Соборный актъ составилъ изъ письменныхъ мнѣній, поданныхъ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ группами, на которыя раздѣлился соборъ. Эти группы образовали: 1) духовенство монашествующее, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и старцы въ числѣ 32 лицъ, т. е. Освященный соборъ, 2) бояре, окольничіе и другіе сановники съ 7 дьяками высшаго ранга въ числѣ 30 человекъ, т. е. Боярская дума, 3) дворяне первой статьи или степени въ числѣ 97 человекъ и 4) дворяне и дѣти боярскіе второй статьи въ

числѣ 99 человекъ—тѣ и другіе принадлежали къ столичному дворянству, 5) три торопецкихъ помѣщика и 6) шесть великолукскихъ—тѣ и другіе тоже столичные дворяне, выдѣлившіеся въ двѣ особы мѣстныя группы, 7) дьяки московскихъ приказовъ, 33 человекъ, и 8) гости и купцы, *москвичи* и *смолянне*, тѣ и другіе—столичные купцы двухъ высшихъ разрядовъ, соотвѣтствовавшихъ сотнямъ гостинной и суконной въ соборной грамотѣ 1598 г.,—всѣхъ съ гостями 75 человекъ. Членъ думы печатникъ Висковатый не согласился съ остальными думными людьми и «мысль свою сказалъ» особо, подалъ отдѣльное мнѣніе, а смоленская гильдія, раздѣляя мнѣніе своей братіи, остального столичнаго купечества, внесла отъ себя дополнительное замѣчаніе. Видимъ, что члены собора группировались довольно разнообразно, по учрежденіямъ, по чинамъ, общественнымъ классамъ и даже частью по мѣстностямъ. Замѣчаемъ далѣе, что соборъ былъ хорошо освѣдомленъ по вопросу, который ему предложено было обсудить: высшія группы, даже духовенство, входятъ въ такія подробности международныхъ, политическихъ, географическихъ и стратегическихъ, что, очевидно, правительство сообщило собору достаточныя данныя для разносторонняго сужденія о дѣлѣ. Члены каждой группы обсуждали вопросъ особо, «межи себя говорили о литовскомъ дѣлѣ». Но и въ резолюціяхъ, и въ ихъ мотивировкѣ, даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ столько сходства, что возникаетъ мысль, не предшествовали ли групповому обсужденію вопроса общія совѣщанія, на которыхъ выработаны были наиболѣе вѣскія соображенія, усвоенныя всѣми группами или ихъ большинствомъ. Но при этомъ мнѣнія группъ не теряли своей профессиональной своеобразности: каждая группа смотрѣла на вопросъ съ своей точки зрѣнія, указанной ея общественнымъ положеніемъ. Мнѣніе духовен-

ства очень рѣшительно; оно разсматриваетъ дѣло преимущественно съ нравственно-религіозной стороны и не безъ діалектики. Велико смиреніе государя: во всемъ онъ уступаетъ. Столько городовъ уступилъ тамъ-то и тамъ-то; плѣнныхъ полочанъ отпускаетъ даромъ, своихъ выкупаетъ. Велика его правда передъ королемъ; больше уступить ничего нельзя. Уступить королю ливонскіе города—разореніе церквамъ, которыя государь въ Ливоніи поставилъ, Пскову тѣснота будетъ великая и всѣмъ купцамъ торговля затворится. Неправда короля та, что взявшись защищать ливонскіе города отъ Москвы, онъ побралъ ихъ московскими же руками. Ливонскіе нѣмцы отдались ему, обезсилѣвъ отъ московскаго наступленія; а безъ того могъ ли онъ хоть одинъ городъ ливонскій взять? А Ливонская земля отъ прародителей, отъ великаго государя Ярослава Владиміровича—достояніе нашего государя. Потому духовенство приходитъ къ воинственному заключенію—не мириться, за ливонскіе города стоять, «а какъ стоять, въ томъ его государева воля, какъ его Богъ вразумить: нашъ долгъ за государя Бога молить, а совѣтовать о томъ намъ не пригоже». Бояръ и другихъ думныхъ сановниковъ больше занимаютъ виды политическіе и дипломатическіе. Они предусматриваютъ опасности перемирія, въ продолженіе котораго король соберется съ силами и укрѣпится въ Ливоніи. Лучше продолжать войну, особенно въ виду внѣшнихъ затрудненій Польши, «а намъ всѣмъ за государя головы свои класть». Впрочемъ во всемъ воля Божія да государева, «а намъ какъ показалось, такъ мы государю и изъявляемъ свою мысль». Дворяне разныхъ группъ комбинируютъ посвоему соображенія старшихъ, духовенства и думныхъ людей. Они какъ будто даже смущены тѣмъ, что ихъ спрашиваютъ о такомъ важномъ государственномъ дѣлѣ. Воля государя, какъ сдѣлать свое госуда-

рево дѣло, а они, холопы государевы, вѣдь только служилые люди, на коняхъ сидятъ и съ коня за государя помрутъ; велитъ государь, и они на его дѣло готовы, за одну десятину отвоеванной у недруга земли головы свои покладутъ. Одно соображеніе болѣе всего убѣждаетъ ихъ въ правдѣ государевой: пока государь Ливонской земли не воевалъ, король за нее вступаться не умѣлъ, а нынѣ вступается. Мнѣніе приказныхъ дьяковъ также очень воинственно. Полоцкъ и ливонскіе города государь взялъ своею саблею, а другіе города обезсилѣли отъ нашей же войны; потому ихъ король и засѣлъ: такъ съ какой же стати государю отъ нихъ отступаться? Не имѣя боевыхъ головъ, дьяки пишутъ въ заключеніе: «а мы, холопы, къ которымъ его государскимъ дѣламъ пригодимся, головами своими готовы». Гости и купцы взглянули на дѣло съ экономической стороны. Государь и всѣ люди «животы свои положили», достатки свои потратили, добиваясь ливонскихъ городовъ: какъ же отъ нихъ отступиться? Мы люди неслужилые, заканчиваетъ записка, службы не знаемъ, но не стоимъ не токмо за свои животы, а и головы свои за государя кладемъ вездѣ, чтобы государева рука вездѣ была высока. Надобно еще отмѣтить разницу въ терминахъ, какими обозначены въ приговорной грамотѣ мнѣнія соборныхъ группъ: духовныя лица даютъ государю свой *советъ*; всѣ остальные члены собора только изъясняютъ свою *мысль*. Это, очевидно, сравнительная оцѣнка мнѣнія духовенства и всѣхъ мірскихъ членовъ собора. Ободренный единодушно выраженной готовностью всего собора служить государеву дѣлу, царь заломилъ королю непомерныя требованія, которыя всѣ были отвергнуты польскимъ правительствомъ, и война продолжалась. Но въ 1570-г., не созывая новаго собора, царь заключилъ перемиріе на условіи *statu quo*, хотя бояре настаивали на прежнемъ соборномъ приговорѣ.

Соборное
крестоцѣло-
ваніе.

Такъ шло дѣло на соборѣ. Но самымъ существеннымъ моментомъ въ соборной грамотѣ является общая резолюція, которой она оканчивается. Здѣсь духовенство заявляетъ, что оно «къ сей грамотѣ, къ своимъ рѣчамъ» руки приложило, а прочіе члены собора «на сей грамотѣ, на своихъ рѣчахъ» государю своему крестъ цѣловали. Цѣловать крестъ на своихъ рѣчахъ значило обязаться подъ присягой исполнять соборный приговоръ. Рукоприкладство духовенства замѣняло присягу, которая была ему воспрещена. Обѣ формы скрѣпленія соборнаго приговора показываютъ, что этотъ приговоръ имѣлъ не только нравственное, но и юридическое значеніе, былъ не просто результатомъ совѣщанія, а формальнымъ обязательствомъ и притомъ общимъ, круговымъ, связывавшимъ всѣхъ членовъ собора въ нѣчто цѣлое, въ корпорацію своего рода, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ соборному приговору: всѣ они въ концѣ резолюціи обязывались государю своему служить правдою и добра хотѣть ему и его дѣтямъ «и ихъ землямъ» и противъ его недруговъ стоять, «кто во что пригодится, до своего живота по сему крестному цѣлованію». Это обязательство ставитъ насъ прямо предъ вопросомъ о происхожденіи и значеніи земскихъ соборовъ XVI вѣка.

Соборъ и
мѣстные
міры.

Не будучи представительнымъ собраніемъ въ нашемъ смыслѣ слова, соборъ однако не терялъ права считаться *земскимъ*. Въ составѣ его легко различить два элемента, распорядительный и исполнительный. Первый выражался въ высшихъ центральныхъ учрежденіяхъ, второй—въ лицахъ столичнаго дворянства и высшего столичнаго купечества. Мѣстные міры, служилые и земскіе, на соборѣ 1566 г. не имѣли прямого представительства, не были представлены ни специальными соборными уполномоченными, ни даже выборными своими властями. Но оба столичныя класса

поддерживали ихъ связь съ соборомъ, не только социальную, но и административную. Мѣстное самоуправленіе создавалось мірскимъ *выборомъ*, столичное дворянство и купечество—правительственнымъ *наборомъ*: это были выжимки, извлеченныя изъ мѣстныхъ обществъ на пополненіе служебнаго столичнаго персонала. Но становясь орудіями центрального управленія, они не порывали связи съ мѣстными мірами, продолжали тамъ свои хозяйственныя дѣла, а столица навязывала имъ новыя мѣстныя заботы и отношенія, разсылая ихъ по уѣздамъ съ разнообразными отвѣтственными порученіями. И самая эта отвѣтственность, скрѣпленная соборнымъ крестоцѣлованіемъ, сближала центральное правительство съ мѣстнымъ самоуправленіемъ общностью основнаго начала: это была отвѣтственность передъ *государствомъ*—принципъ новый, введенный въ мѣстное управленіе при Грозномъ взаменъ прежней отвѣтственности *гражданской*, какой подлежали кормленщики по жалобамъ обиженныхъ. Только эта отвѣтственность на соборѣ была поставлена нѣсколько иначе, чѣмъ въ мѣстномъ управленіи. Тамъ внизу мѣстный міръ ручался передъ правительствомъ за своего выборнаго управителя, а здѣсь наверху правительственные агенты корпоративно ручались за проведеніе соборнаго приговора въ тѣхъ мѣстныхъ мірахъ, куда ихъ поплетъ правительство. Но при этой разницѣ цѣль правительства была и здѣсь, и тамъ одна и та же—заручиться отвѣтственными исполнителями. Такое соединеніе власти со службой посредствомъ соборнаго крестоцѣлованія было высшей формой государственной отвѣтственности или корпоративной поруки, положенной въ основаніе мѣстнаго самоуправления.

Земскій соборъ XVI вѣка былъ не народнымъ представительствомъ, а расширеніемъ центрального правительства. Происхожденіе соборовъ.

Это расширеніе достигалось тѣмъ, что въ составъ Боярской думы, т. е. государственнаго совѣта, въ особо важныхъ случаяхъ вводился элементъ по происхожденію не правительственный, а общественный, но съ правительственнымъ назначеніемъ: это были верхи мѣстныхъ обществъ, служилыхъ и промышленныхъ, стянутые въ столицу. На соборѣ они не составляли особаго собранія или совѣщанія, становившагося или дѣйствовавшаго отдѣльно отъ центральнаго правительства, а входили прямо въ его составъ и лишь при подачѣ мнѣній образовали нѣсколько группъ, параллельныхъ правительственнымъ, подававшихъ голоса наряду съ Освященнымъ соборомъ, боярами и приказными людьми. Земскій соборъ XVI вѣка—это Боярская дума, т. е. правительство, съ участіемъ людей изъ высшихъ классовъ земли или общества. Такое пополненіе правительства было потребностью времени. Царь Иванъ вынесъ изъ боярской опеки до боли удрученное чувство негодности системы правительственныхъ кормленій: въ ней онъ видѣлъ источникъ всѣхъ виѣшнихъ и внутреннихъ бѣдствій народа, и ему уже грезилась гибель государства. Тогда онъ сталъ думать не о замѣнѣ родовитыхъ кормленщиковъ новымъ правительственнымъ классомъ, а только о постановкѣ всего управленія на новыя основанія и объ освѣженіи правительства новыми силами, взятыми снизу, изъ управляемаго общества. Въ 1550 г. онъ говорилъ А. Адашеву, назначая его начальникомъ Челобитнаго приказа: «взялъ я тебя изъ самыхъ малыхъ людей, слыша о твоихъ добрыхъ дѣлахъ, и приблизилъ къ себѣ и не тебя одного, но и другихъ такихъ же, кто бы печаль мою утолилъ и на людей, врученныхъ мнѣ Богомъ, призрѣлъ; прѣдси къ намъ истину, избери судей правдивыхъ изъ бояръ и вельможъ». Въ посланіи къ Стоглавому собору онъ также умолялъ духовенство и «любимыхъ своихъ

князей и вельможъ», воиновъ и все православное христіанство: «помогайте мнѣ и пособствуйте всѣ единодушно». Мы уже знаемъ, какъ это воззваніе было осуществлено въ реформѣ мѣстнаго управленія: дѣла, отнесенныя въ вѣдомство мѣстныхъ учреждений, должны были вести правительственные органы изъ среды мѣстныхъ же обществъ по ихъ выбору и подъ двойной отвѣтственностью, личной—самихъ выборныхъ и круговой—всѣхъ избирателей. Въ центрѣ дѣло строилось нѣсколько сложнѣе. Здѣсь въ помощь боярскому и приказному управленію прибрано было изъ мѣстныхъ обществъ два штата исполнительныхъ органовъ, военно-административный и казенно-финансовый. Разсылаемые изъ центра, они дѣйствовали на мѣстахъ съ помощью мѣстныхъ выборныхъ, имъ подчиненныхъ. То были для столичныхъ дворянъ уѣздные дворянскіе окладчики, для столичныхъ гостей и купцовъ—мѣстные цѣловальники. Для столичныхъ агентовъ мірской выборъ замѣнялся правительственнымъ порученіемъ; личная отвѣтственность падала на тѣхъ и другихъ, на столичныхъ и мѣстныхъ агентовъ, обезпечивая ихъ исполнительность. Въ вопросахъ чрезвычайной важности, требовавшихъ особенно дружной энергіи всѣхъ наличныхъ правительственныхъ силъ, правительство призывало своихъ ближайшихъ столичныхъ агентовъ въ свой составъ, чтобы видѣть, за что они могутъ взяться, что имъ въ мочь и что не въ мочь. Специальное соборное крестоцѣлованіе такого агента замѣняло для верховной власти специальный выборъ соборнаго народнаго депутата: оно создавало ей отвѣтственнаго исполнителя, который, поручившись за исполнимость соборнаго приговора, будетъ проводить отвѣтственное его исполненіе на мѣстахъ, являясь тамъ показателемъ верховной воли и тѣмъ объединяя разрозненную дѣятельность сословныхъ міровъ и drobныхъ

мѣстныхъ учрежденій. Этимъ и отличались по своему происхожденію наши соборы отъ западно-европейскихъ представительныхъ собраній, съ которыми ихъ обыкновенно сопоставляютъ. Тамъ эти собранія вышли изъ потребности установить мирное отношеніе стойкихъ за свои вольности средне-вѣковыхъ сословій между собою и къ правительству. Наши соборы вызваны были необходимостью для правительства считать вмѣстѣ со своими органами наличныя общественныя средства, потребныя для извѣстнаго дѣла, и обезпечить себѣ точное исполненіе принятаго рѣшенія. Нашъ соборъ родился не изъ политической борьбы, какъ народное представительство на Западѣ, а изъ административной нужды. Итакъ *земскіе соборы возникли у насъ въ одно время и въ связи съ мѣстными реформами царя Ивана и являются совмѣстными совѣщаніями Боярской думы, т. е. центрального правительства, съ людьми столичныхъ классовъ, служившими ему ближайшими ответственными органами; такія совѣщанія устраивались для выработки общаго постановленія по особо важнымъ вопросамъ государственной жизни и для принятія членами собора ответственного круговаго ручательства въ исполненіи соборнаго приговора.*

Ихъ значе-
ніе.

Боюсь, какъ бы вы въ моемъ взглядѣ на происхожденіе земскихъ соборовъ не усмотрѣли желанія умалить ихъ значеніе. Мы часто приступаемъ къ ихъ изученію съ большими ожиданіями. *Земское представительное собраніе въ Москвѣ XVI вѣка!* Но чтобы возможно было такое собраніе, надобно предположить цѣлый рядъ политическихъ и юридическихъ понятій о народѣ и государствѣ, о власти и свободѣ, о личныхъ и политическихъ правахъ, объ общемъ и частномъ интересѣ, о политическомъ представительствѣ и частномъ полномочіи,—надобно предположить въ тогдаш-

нихъ московскихъ умахъ присутствіе такихъ сложныхъ понятій, во всемъ складѣ тогдашней русской жизни—цѣлый запасъ условій, дающихся только на значительномъ уровнѣ общественнаго развитія. Какъ могли сложиться такія условія, откуда было вырости такимъ понятіямъ на верхневолжскомъ суглинкѣ, столь скудно оборудованномъ природой и исторіей? Изучая земскіе соборы XVI в., не встрѣчаемъ такихъ понятій и условій, а видимъ только, что соборъ не былъ постояннымъ учрежденіемъ, не имѣлъ ни обязательнаго для власти авторитета, ни опредѣленной закономъ компетенціи и потому не обезпечивалъ правъ и интересовъ ни всего народа, ни отдѣльныхъ его классовъ, и даже выборный элементъ незамѣтенъ или едва замѣтенъ въ его составѣ. Что же это за представительное собраніе, спросите вы, въ которомъ представителями народа являлись все должностныя служащія лица? Земскій соборъ XVI в., конечно, не удовлетворялъ отвлеченнымъ требованіямъ ни сословнаго, ни народнаго представительства. Съ этой догматической точки зрѣнія вы правы и я вслѣдъ за вами готовъ сказать: какое же это представительное собраніе, въ которомъ не было настоящихъ представителей? Но кромѣ догматики права, кромѣ общихъ формъ и принциповъ государственнаго порядка, есть еще *политика*, совокупность разнообразныхъ практическихъ средствъ достиженія государственныхъ цѣлей. Въ этой сферѣ могутъ складываться такія формы участія общества въ управленіи, которыя не подходятъ подъ привычные виды народнаго представительства. Съ этой стороны и наши земскіе соборы XVI в. находятъ свой политическій смыслъ, свое историческое оправданіе. Въ изучаемый періодъ нашей исторіи у насъ наблюдается нѣчто подобное тому, что бывало прежде и повторялось послѣ. Извѣстный правительственный порядокъ, вы-

званный своевременными нуждами страны, держался долго и по миновани ихъ, какъ анахронизмъ, и общественный классъ, руководившій и пользовавшійся этимъ отжившимъ порядкомъ, ложился на страну ненужнымъ бременемъ, его общественное руководство становилось злоупотребленіемъ. Съ половины XV в. московскіе государи продолжали править объединявшейся Великороссіей посредствомъ перешедшей изъ удѣльныхъ вѣковъ системы кормленій, къ которой съ образованіемъ московскихъ приказовъ присоединилось быстро размножавшееся дьячество. То и другое къ половинѣ XVI в. сомкнулось въ плотный приказный строй, кормившій пеструю толпу бояръ и дворянъ съ ихъ холопами, дьяковъ и подьячихъ изъ тѣхъ же дворянъ, а наиболѣе «изъ поповичей и простого всенародства», по выраженію кн. Курбскаго. Въ противовѣсъ этой приказной администраціи, своими кормежными привычками совсѣмъ не отвѣчавшей задачамъ государства, и были поставлены въ областномъ управленіи выборное начало, а въ центральномъ—правительственный наборъ: тѣмъ и другимъ средствомъ открывался постоянный притокъ въ составъ управленія мѣстныхъ общественныхъ силъ, на которыя можно было возложить безмездную и отвѣтственную административно-судебную службу. Въ обществѣ временъ Грознаго бродила мысль о необходимости сдѣлать земскій соборъ руководителемъ въ этомъ дѣлѣ исправленія и обновленія приказной администраціи. Въ припискѣ къ *Бесѣдѣ* валаамскихъ чудотворцевъ, памфлету, составленному тогда противъ монастырскаго землевладѣнія, неизвѣстный публицистъ приглашаетъ духовныя власти благословить московскихъ царей на такое доброе дѣло—созвать «вселенскій совѣтъ» изъ всѣхъ городовъ и уѣздовъ, изъ людей всякихъ чиновъ, и «погодно» держать его при себѣ, каждодневно распрашивая

хорошенько про всякое мірское дѣло, и тогда царь сможет удержать своихъ воеводъ и приказныхъ людей отъ поминка, посула и отъ всякой неправды, отъ «многочисленныхъ властелинныхъ грѣховъ», и правдою тою устроится во благоденствіи царство его. На дѣлѣ земскій соборъ XVI в. не вышелъ ни всеземскимъ, ни постояннымъ, ежегодно созываемымъ собраніемъ и не взялъ въ свои руки надзора за управленіемъ. Однако онъ не прошелъ безслѣдно ни для законодательства и управленія, ни даже для политическаго самосознанія русскаго общества. Пересмотръ Судебника и планъ земской реформы—дѣла, исполненныя, какъ мы видѣли, не безъ участія перваго собора. По смерти Грознаго земскій соборъ даже восполнилъ пробѣлъ въ основномъ законѣ, точнѣе, въ обычномъ порядкѣ престолонаслѣдія, т. е. получилъ учредительное значеніе. Верховная власть въ Московскомъ государствѣ, какъ извѣстно, передавалась удѣльнымъ вотчиннымъ порядкомъ, по завѣщанію. По духовной 1572 г. царь Иванъ назначилъ своимъ преемникомъ старшаго сына Ивана. Но смерть наслѣдника отъ руки отца въ 1581 г. упразднила это завѣщательное распоряженіе, а новаго завѣщанія царь не успѣлъ составить. Такъ второй его сынъ Ѳеодоръ, ставъ старшимъ, остался безъ юридическаго титула, безъ акта, который давалъ бы ему право на престолъ. Этотъ недостающій актъ и созданъ былъ земскимъ соборомъ. Русское извѣстіе говоритъ, что въ 1584 г., по смерти царя Ивана, пришли въ Москву изъ всѣхъ родовъ «именитые люди» всего государства и молили царевича, «чтобъ былъ царемъ». Англичанину Горсею, жившему тогда въ Москвѣ, этотъ съѣздъ именитыхъ людей показался похожимъ на парламентъ, составленный изъ высшаго духовенства и «всей знати, какая только была (all the nobility whatsoever)». Эти выраженія говорятъ за то, что соборъ

1584 г. по составу былъ похожъ на соборъ 1566 г., состоявшій изъ правительства и людей двухъ высшихъ столичныхъ классовъ. Такъ на соборѣ 1584 г. мѣсто личной воли вотчинника—завѣщателя впервые заступилъ государственный актъ *избранія*, прикрытаго привычной формой земскаго челобитья: удѣльный порядокъ престолонаслѣдія былъ не отмѣненъ, а подтвержденъ, но подъ другимъ юридическимъ титуломъ, и потому утратилъ свой удѣльный характеръ. Такое же учредительное значеніе имѣлъ и соборъ 1598 г. при избраніи Бориса Годунова. Рѣдкіе, случайные созывы собора въ XVI в. не могли не оставлять послѣ себя и немаловажнаго народно-психологическаго впечатлѣнія. Только здѣсь боярско-приказное правительство становилось рядомъ съ людьми изъ управляемаго общества, какъ со своею политической равней, чтобы изъяснить государю свою мысль; только здѣсь оно отучалось мыслить себя всевластной кастой и только здѣсь дворяне, гости и купцы, собранные въ столицу изъ Новгорода, Смоленска, Ярославля и многихъ другихъ городовъ, связывавсь общимъ обязательствомъ «добра хотѣть своему государю и его *землякъ*», пріучались впервые чувствовать себя единымъ народомъ въ политическомъ смыслѣ слова: только на соборѣ Великоросія могла сознать себя цѣльнымъ государствомъ.

Мысль о
всеевскомъ
соборѣ.

Наконецъ, мысль о привлеченіи общества къ участию въ управленіи, руководившая областными реформами въ царствованіе Ивана IV, сообщила политическое движеніе, историческій ростъ и земскому собору. Составъ его съ каждымъ созывомъ становился сложнѣе, все шире захватывалъ общество—знакъ, что уяснялась самая идея общественнаго представительства. На соборѣ 1566 г. призваны были только столичные дворяне и купцы высшихъ степеней по должности или по званію: это были фиктивные представи-

тели общества; выборныхъ уполномоченныхъ не замѣтно. Наблюдатель московскихъ событій Смутнаго времени нѣмецъ Буссовъ говорить, что и Бориса Годунова избирали государственные чины, находившіеся тогда въ Москвѣ. Но изъ акта 1598 г. видимъ, что этотъ соборъ не имѣлъ уже прежняго чисто столичнаго, именитаго состава. Среди Освященнаго собора, прежде исключительно монашескаго, появляются 11 московскихъ протопоповъ. На соборѣ становится замѣтно присутствіе выборныхъ уполномоченныхъ отъ провинціального дворянства, перваго сословія, которому досталось прямое представительство на соборѣ. Далѣе, московскія купеческія сотни или гильдіи, успѣвшія уже сложиться въ корпораціи, были призваны на соборъ не поголовно, какъ въ 1566 г., а въ лицѣ своихъ выборныхъ властей, старость. Представительство спускается въ глубь общества: призывается на соборъ и рядовое столичное населеніе черныхъ сотенъ такъ же въ лицѣ своихъ выборныхъ сотскихъ. Правда, столица и на этомъ соборѣ сохранила подавляющее преобладаніе: отъ торгово-промышленнаго населенія провинціальныхъ городовъ не видимъ ни одного уполномоченнаго. Но мысль о всеземскомъ соборѣ уже мелькаетъ въ умахъ. По крайней мѣрѣ Борисъ Годуновъ, по свидѣтельству Маржерета, передъ своимъ избраніемъ требовалъ, хотя и притворно, созыва государственныхъ чиновъ, отъ каждаго города по 8 или по 10 человекъ, дабы *весь народъ* рѣшилъ единодушно, кого возвести на престолъ. Пресѣченіе династіи должно было ускорить движеніе этой мысли. Выборный царь не могъ смотрѣть на государство взглядомъ наследственнаго, какъ на свою вотчину, и его власть, переставая быть *собственностью*, получала характеръ *должности*, возложенной на него сторонней волей, выразившейся въ соборномъ приговорѣ. Зарождалась новая идея народа, не какъ

паствы, подлежащей воспитательному попеченію правительства, а какъ носителя этой государственной воли, которая на соборѣ передавалась избранному царю. Вмѣстѣ съ ростомъ этой идеи расширялся на соборѣ и составъ выборнаго представительства, первые признаки котораго и встрѣчаемъ по пресѣченіи старой династіи, на избирательномъ соборѣ 1598 г. Начинаясь смута, все шире захватывая общество, подталкивала и эту идею. Первый самозванецъ шелъ въ личинѣ наслѣдственнаго царя; однако и онъ для суда надъ князьями Шуйскими, обвинявшимися въ распространеніи слуховъ о его самозванствѣ, созвалъ соборъ, на которомъ, по русскимъ извѣстіямъ, ни власти, т. е. духовенство, ни бояре и никто изъ *простыхъ* людей не заступался за обвиняемыхъ, а всѣ на нихъ кричали. Маржеретъ увѣряетъ, что на этомъ соборѣ присутствовали лица, выбранныя изъ всѣхъ чиновъ или сословій (*personnes choisies des tous estats*). Въ XVII в., какъ увидимъ, изучая нашу исторію этого столѣтія, соборъ разовьется въ настоящее представительное собраніе; но роковыя условія русской жизни, для противоdѣйствія которымъ были созываемы земскіе соборы, затрутъ ихъ и надолго заглушатъ мысль, пытавшуюся въ нихъ укрѣпиться, — мысль объ установленіи постоянного, закономъ нормированнаго притока здоровыхъ общественныхъ силъ въ составъ правящаго класса, ежеминутно стремящагося у насъ превратиться въ замкнутую отъ народа касту, въ чужеродное растеніе, обвивающее народное тѣло.

Мы изучили происхожденіе и ходъ устройства Московскаго государства и видѣли, что политическій разладъ государя съ боярствомъ не оказалъ замѣтнаго dѣйствія на ходъ государственнаго устройства. Реформы царя Ивана, такъ измѣнившія областное управленіе, были направлены

Ходъ
устройства
государства.

не противъ боярства, а противъ кормленщиковъ, боролись не съ политическими притязаніями, а съ чиновничьими злоупотребленіями, съ административнымъ произволомъ. Наоборотъ, государственное устройство не оказало ли дѣйствія на политическій разладъ государя съ боярствомъ, не этимъ ли объясняется образъ дѣйствій обѣихъ ссорившихся сторонъ? Царь предпринимаетъ поголовное истребленіе боярства, своей правой руки въ управленіи, но не устраняетъ отъ дѣлъ этого класса, безъ котораго онъ не могъ обойтись, а этотъ классъ терпитъ и молчитъ, боязливо подумывая только о побѣгѣ въ Литву. Отъ ожесточившагося царя льется и небоярская кровь, на всю землю его именемъ набрасывается стая опричниковъ, легитимизованныхъ мундирныхъ анархистовъ, возмущавшихъ нравственное чувство христіанскаго общества, а это общество терпитъ и молчитъ. Туга и ненависть поднялась, по словамъ современника, въ міру на царя, роптали и огорчались, однако—ни проблеска протеста. Только митрополитъ заговорилъ было за свою паству, но скоро замолкъ насильственно. Какъ будто одна сторона утратила чувство страха и отвѣтственности за излишества произвола, а другая, многомилліонная сторона забыла мѣру терпѣнія и чувство боли, застывъ въ оцѣпенѣніи отъ страха передъ какой-нибудь шеститысячной толпой озорниковъ, гнѣздившихся въ дѣсной берлогѣ Александровской Слободы. Какъ будто какой-то высшій интересъ парилъ надъ обществомъ, надъ счетами и дрызгами враждовавшихъ общественныхъ силъ, не позволяя имъ окончательнаго разрыва, заставляя ихъ противъ воли дѣйствовать дружно. Этотъ высшій интересъ—оборона государства отъ внѣшнихъ враговъ. Московское государство зарождалось въ XIV вѣкѣ подъ гнетомъ внѣшняго ига, строилось и расширялось въ XV и XVI вѣкахъ среди упорной борьбы за свое

существованіе на западѣ, югѣ и юговостокѣ. Эта внѣшняя борьба и сдерживала внутреннія вражды. Внутренніе, домашніе соперники мирились въ виду общихъ внѣшнихъ враговъ, политическія и соціальныя несогласія умолкали при встрѣчѣ съ національными и религіозными опасностями.

Особенно-
сти его
склада.

Такъ складывалось Московское государство. Оно складывалось медленно и тяжело. Мы теперь едва-ли можемъ понять и еще меньше можемъ почувствовать, какихъ жертвъ стоилъ его складъ народному благу, какъ онъ давалъ частное существованіе. Можно отмѣтить три его главныя особенности. Это, во-первыхъ, *боевой строй государства*. Московское государство—это вооруженная Великобританія, боровшаяся на два фронта, на западѣ за національное единство, на юговостокѣ за христіанскую цивилизацію, тамъ и здѣсь—за свое существованіе. Вторую особенность составлялъ *тягловой*, неправовой характеръ внутренняго управленія и общественнаго состава, съ рѣзко обособившимися сословіями. Управление вели обязательные органы, наверху служилые люди, внизу отвѣтственные сословные выборные. Сословія различались не правами, а повинностями, между ними распределенными. Каждый обязанъ былъ или оборонять государство или работать на государство, т. е. кормить тѣхъ, кто его обороняетъ. Были командиры, солдаты и работники, не было гражданъ, т. е. гражданинъ превратился въ солдата или работника, чтобы подъ руководствомъ командира оборонять отечество или на него работать. Было сословіе, которое по своему назначенію могло бы просвѣщать и солдатъ, и работниковъ, и на Стоглавомъ соборѣ царь заставилъ его дать обѣщаніе, что оно устроитъ народное образованіе; но мы не знаемъ, была ли устроена послѣ этого собора хотя одна церковно-приходская

школа. Третьей особенностью Московскаго государственнаго порядка была *верховная власть съ неопредѣленнымъ, т. е. неограниченнымъ пространствомъ дѣйствія и съ первыннымъ вопросомъ объ отношеніи къ собственнымъ органамъ*, именно къ главному изъ нихъ, къ боярской аристократіи. Ходъ дѣлъ указывалъ старой династіи демократическій образъ дѣйствій, непосредственное отношеніе къ народу; но она строила государство вмѣстѣ съ боярствомъ, привыкла дѣйствовать съ помощью родословной знати. Изъ образа дѣйствій Грознаго видно, что у нея и явились было демократическія стремленія, но остались аристократическія привычки. Она не могла примирить этихъ противоположностей и погибла въ борьбѣ съ этимъ противѣіемъ.

Теперь посмотримъ, какое мѣсто заняло Московское государство среди другихъ государствъ Европы. Тогдашняя Западная Европа не дала бы отвѣта на этотъ вопросъ, потому что слабо замѣчала самое существованіе этого государства. Это впрочемъ не мѣшало ему быть очень полезнымъ для Европы. У каждаго народа своя судьба и свое назначеніе. Судьба народа слагается изъ совокупности внѣшнихъ условій, среди которыхъ ему приходится жить и дѣйствовать. Назначеніе народа выражается въ томъ употребленіи, какое народъ дѣлаетъ изъ этихъ условій, какое онъ вырабатываетъ изъ нихъ для своей жизни и дѣятельности. Нашъ народъ поставленъ былъ судьбой у восточныхъ воротъ Европы, на стражѣ лонившейся въ нихъ кочевой хищной Азіи. Цѣлые вѣка истощалъ онъ свои силы, сдерживая этотъ напоръ азіатовъ, однихъ отбивалъ, удобряя широкія донскія и волжскія степи своими и ихними костями, другихъ черезъ двери христіанской Церкви мирно вводилъ въ европейское общество. Между тѣмъ Западная Европа, осво-

Его положеніе въ Европѣ.

бодившись отъ магометанскаго напора, обратилась за океанъ, въ Новый Свѣтъ, гдѣ нашла широкое и благодарное поприще для своего труда и ума, эксплуатируя его нетронутыя богатства. Повернувшись лицомъ на Западъ къ своимъ колониальнымъ богатствамъ, къ своей корицѣ и гвоздикѣ, эта Европа чувствовала, что сзади, со стороны урало-алтайскаго востока ей ничто не угрожаетъ, и плохо замѣчала, что тамъ идетъ упорная борьба, что перемѣнивъ двѣ главныя боевыя квартиры на Днѣпрѣ и Клязьмѣ, штабъ этой борьбы перемѣстился на берега Москвы и что здѣсь въ XVI в. образовался центръ государства, которое наконецъ перешло отъ обороны въ наступленіе на азіатскія гнѣзда, спасая европейскую культуру отъ татарскихъ ударовъ. Такъ мы очутились въ арьергардѣ Европы, оберегали тылъ европейской цивилизаціи. Но сторожевая служба вездѣ неблагоприятна и скоро забывается, особенно когда она исправна: чѣмъ бдительнѣе охрана, тѣмъ спокойнѣе спится охраняемымъ и тѣмъ менѣе расположены они цѣнить жертвы своего покоя. Таково было европейское положеніе Московскаго государства въ концѣ XVI вѣка.

О г л а в л е н і е.

Лекція XXI. Москва начинает собирать удельную Русь.

Первыя извѣстія о городѣ Москвѣ 1.—Первоначальное пространство московскаго Кремля 2.—Географическое положеніе Москвы и его выгоды 5.—Москва—узловой пунктъ 6.—Ранняя населенность московскаго края 6.—Москва—этнографическій центръ Великороссіи 7.—Рѣка Москва—транзитный путь 10.—*Политическія слѣдствія* географическаго и этнографическаго положенія Москвы 11—29.—Москва—младшій уделъ; значеніе этого для ея князей 11.—Успѣхи Московскаго княжества до половины XV 14—29.—I. Расширеніе территоріи 14.—Заселеніе Заволжья 18.—Способы расширенія Московскаго княжества 18.—II. Приобрѣтеніе великокняжескаго стола 19.—III. Слѣдствія этого успѣха: пріостановка татарскихъ нашествій 21; московскій союзъ князей 22.—IV. Перенесеніе митрополичьей кассеры въ Москву 24.—Значеніе этой перемѣны 26.—Разказы о Паанутія 27.—*Выводы* 29.

Лекція XXII. Взаимныя отношенія московскихъ князей 31—58. Порядокъ наследованія 33.—Движимое и вотчина въ завѣщаніяхъ 36.—Княжеское наследованіе и обычай 38.—Отношенія князей по родству и владѣнію 39.—Договорныя грамоты не отвѣчаютъ дѣйствительности 44.—Усиленіе старшаго наследника 44.—Формы подчиненія младшихъ князей 48.—Вліяніе татарскаго ига 50.—Преемство въ прямой нисходящей линіи 52.—Московскіе князья и Великороссія 54.—Значеніе московской усабцы 56.—*Характеръ московскихъ князей* 58.

Лекція XXIII. Вольныя городскія общины 63—92. Мѣстоположеніе Новгорода Великаго 65.—Стороны 65.—Концы 66.—Пятины 66.—Волости 68.—Развитіе новгородской вольности 69.—Гарантіи вольности 71.—Договоры съ князьями 73.—*Князь* въ управленіи и судѣ 75.—Финансовыя отношенія 76.—Отношеніе къ торговлѣ 77.—Неполнота договорныхъ грамотъ 78.—Управленіе Новгорода Великаго 79—91.—Новгородъ—державная союзная община 80.—Вѣча и его отношеніе къ князю 81.—Анархическій характеръ вѣча 83.—Посадникъ и тысящій 84.—Судъ 85.—Совѣтъ господъ 87.—Областное управленіе; отношеніе пятины къ концамъ 89.—Пригороды 90.—*Противорѣчія политическаго строя* 92.

Лекція XXIV. Классы новгородскаго общества 93—112. Составъ общества 93.—Происхожденіе боярства 94.—Житые люди 95.—Купцы 97.—Черные люди 97.—Холопы и крестьяне 97.—Земцы 99.—Основаніе сословнаго дѣленія 102.—Политическій бытъ 104.—Партіи княжескія 105.—Партіи соціальныя 106.—Господство боярства 108.—Усобицы 109.—Ихъ значеніе 111.—*Псковъ 112—118.*—Управленіе 113.—Составъ общества 115.—Псковская правда 116.—Псковъ и Новгородъ 118.—*Политическія недостатки Новгородца. 119—128.*—Соціальная рознь 120.—Земская рознь 121.—Зависимость отъ Низа 122.—Слабость военныхъ силъ 123.—Общая причина паденія вольнаго города 124.—Предсказанія 126.

Лекція XXV. Главныя явленія III періода русской исторіи.

Главныя явленія 129.—Русская земля въ половинѣ XV в. 130.—Московское княжество 131.—Политическій составъ восточной Руси 132.—Перемѣна въ московскомъ собраніи Руси 134.—Приобрѣтенія Ивана III и Василія III 137.—*Основной фактъ 139—146.*—Перемѣна во вѣншизѣ положенія и въ политикѣ Москвы 141.—Идея національнаго государства 141.—Ея выраженіе въ политикѣ Ивана III 144.—Войны съ Польшей 145.

Лекція XXVI. Ростъ политическаго самосознанія московскаго государя 147.—Софья Палеологъ 148.—Новые титулы 150.—Генеалогія Рюрика 153.—Сказаніе о Владимірѣ Мономахѣ 154.—Идея божественнаго происхожденія власти 155.—Вотчина и государство 157.—Престолонаслѣдіе 159.—Расширеніе власти вел. князя 162.—Вредъ угдѣльнаго владѣнія 164.—Неръшительность московскихъ государей 166.—Составъ верховной власти 167.—Взглядъ общества на государя 169.—*Выводы* 171.

Лекція XXVII. Внутреннія политическія отношенія.

Московское боярство. Составъ боярства 173.—Родословный распорядокъ 174.—Политическое настроеніе 176.—Мѣстничество 179.—Боярство какъ классъ 180.—Мѣстническое отечество 181.—Мѣстнической счетъ простой 182.—Счетъ сложный 186.—Законодательныя ограниченія 187.—Идея мѣстничества 188.—Когда оно сложилось 189.—Политическое его значеніе 191.—Недостатки его 193.

Лекція XXVIII. Отношенія бояръ къ вел. князю въ удѣльные вѣка 195.—Перемѣна отношеній 196.—Столкновенія 197.—Неясность причины разлада 199.—Бесѣды Берсена съ Максимомъ Грекомъ 201.—Боярское правленіе 204.—Переписка царя съ Курбскимъ 204.—Сужденія Курбскаго 205.—Возраженія царя 208.—Характеръ переписки 211.—Династическое происхожденіе разлада 213.

Лекція XXIX. Обстоятельства, подготовившія опричнину 215.—Отъѣздъ царя изъ Москвы и его посланія 217.—Возвращеніе царя 218.—Указъ объ опричиннѣ 219.—Жизнь въ слободѣ 221.—Опричина и земщина 222.—Назначеніе опричнины 224.—Противорѣчіе въ строѣ государства 225.—Мысль о смѣнѣ боярства дворянствомъ 227.—Безцѣльность опричнины 229.—Сужденія о ней современниковъ 231.—

Лекція XXX. Дѣтство Ивана Грознаго 234. Вліяніе боярскаго правленія 235.—Ранняя развитость и возбуждаемость 236.—Нравственная неуравновѣшенность 238.—Ранняя мысль о власти 240.—Идея власти 243.—Недостатокъ практической ея разработки 246.—Значеніе царя Ивана 249.

Лекція XXXI. *Составъ удѣльнаго общества.*

Служилые элементы служилаго класса 251.—Элементы не служилые 251.—Иноземцы 255.—Племенной составъ класса 257.—Дѣтвищачиновъ 257.—Численность класса 259.—Внѣшнее положеніе государства 260.—Войны на СЗ 261, на ЮВ 261.—Береговая служба 264.—Оборонительныя черты 265.—Сторожевая и станичная служба 267.—Тяжесть борьбы 268.—Вопросъ объ устройствѣ служилаго класса 269.

Лекція XXXII. Помѣстное землевладѣніе 271. Мнѣнія о происхожденіи помѣстнаго права 273.—Происхожденіе помѣстнаго землевладѣнія 273.—Помѣстная система 277.—Правила системы 279.—Помѣстные оклады 281.—Оклады денежные 283.—Помѣстное верстаніе 285.—Прожитки 286.

Лекція XXXIII. *Ближайшія слѣдствія помѣстной системы.*

I. Помѣстье и вотчина 287; мобилизація вотчинъ въ XVI в. 129.—II. Искусственное развитіе частнаго землевладѣнія 293.—III. Увадные дворянскія общества 296.—IV. Появленіе служилаго землевладѣльческаго пролетаріата 299 *).—V. Помѣстье и городъ 302.—VI. Помѣщики и крестьяне (вліяніе помѣстной системы на судьбу крестьянъ) 303.

Лекція XXXIV. Вопросъ о монастырскихъ вотчинахъ 308. Распространеніе монастырей 309.—Монастыри на СВ 311.—Пустынные монастыри 312.—Монастыри-колоніи 312.—Троицкій Сергіевъ монастырь 314.—Значеніе пустынныхъ монастырей 317.—Древнерусскій мѣсяцесловъ 318.—Древнерусская агіографія 319.—Древнерусское житіе 319.—Мірскіе монастыри 323.—Основатели пустынныхъ монастырей 326.—Поселеніе въ пустынь 328.—Пустынный общежительный монастырь 329.

Лекція XXXV. Способы земельного обогащенія монастырей 332—344. Земли жалованныя 333.—Вклады по душѣ 337.—Вклады для постриженія 340.—Купли 342. Вредныя слѣдствія направленія жизни монастырей 344—351.—Монастырскіе кормы 347.—Упадокъ монастырской дисциплины 349.—Неудобства монастырскаго землевладѣнія для служилыхъ людей и государства 351—363.—Монастырскія вотчины и государство 351.—Вопросъ о монастырскихъ вотчинахъ 353.—Нилъ Сорскій 355.—Иосифъ Волоцкій 357.—Соборъ 1503 г. 359.—Литературная полемика 361.

*) Заглавіе въ текстѣ пропущено.

Лекція XXXVI. Связь монастырскаго землевладѣнія съ крѣпостнымъ правомъ 365. Сельскія поселенія 365.—Жилая пашня и пустота 366.—Землевладѣльцы 368.—Крестьяне и землевладѣльцы 369.—Крестьяне и государство 372.—Общественное устройство 375.—Вопросъ о сельской общинѣ 378.—Земледѣльческое хозяйство крестьянъ 381.—Крестьянскіе участки 384.—Повинности 385.—Заключеніе о хозяйственномъ положеніи крестьянина XVI в. 391.

Лекція XXXVII. Мнѣніе о прикрѣпленіи крестьянъ въ концѣ XVI в. 392. Законъ 1597 г. 393.—Порядныя XVI—XVII в. 396.—Условія, подготовившія неволю крестьянъ 398.—Суды 402.—Связи и побѣги 408.—Мѣры противъ нихъ 410.—Владѣльческіе крестьяне въ началѣ XVII в. 414.—*Выводы* 416.

Лекція XXXVIII. *Управление въ Московскомъ государствѣ XV—XVI в.*

Обзоръ пройденнаго 418.—Неблагопріятныя условія устройства управленія 410.—Общій взглядъ на это устройство 420.—Удѣльное управленіе 422.—Бояре введенные и дума 423.—Кормленщики 425.—Значеніе кормленій 428.—Приказы 430.—Боярская дума 437.—Характеръ ея дѣятельности 442.

Лекція XXXIX. *Перемены въ областномъ управленіи Московскаго государства съ половины XV в.*

Перемены въ областномъ управленіи 445.—Нормировка кормленій 446.—Докладъ и судные мужи 447.—Губное управленіе 451.—Его составъ 455.—Вѣдомство и процессъ 455.—Характеръ и значеніе 457.—Два вопроса 458.—Губное управленіе и кормленщики 459.—Земская реформа 460.—Ея причины 460.—Введеніе земскихъ учреждений 462.—Вѣдомство и отвѣтственность 465.—Вѣрное управленіе 466.—Характеръ и значенія реформы.

Лекція XL. *Древне-русское общество и управленіе.*

Дробность мѣстнаго управленія 471.—Его сословный характеръ 473.—*Земскіе соборы 475—504.*—Сказаніе о соборѣ 1550 г. 375.—Разборъ сказанія 476.—Соборы 1566 и 1598 г. 480.—Служилые люди на соборахъ 481.—Люди торгово-промышленные на соборахъ 483.—Земскій соборъ и земля 485.—Соборный представитель 488.—Соборныя совѣщанія 490.—Соборное крестоцѣлованіе 494.—Соборъ и мѣстные міры 494.—Происхожденіе соборовъ 495.—Ихъ значеніе 498.—Мысль о всеземскомъ соборѣ 502.—*Заключеніе.* Ходъ устройства Московскаго государства 505.—Особенности его склада 506.—Его положеніе въ Европѣ 507.

КУРСЪ
РУССКОЙ ИСТОРИИ.

Покорнѣйшая просьба автора ко всѣмъ лицамъ, имѣющимъ въ рукахъ его изданія, указанныя въ прилагаемомъ перечнѣ, обращать вниманіе на авторскій штемпель-факсимиле, налагаемый на книги съ 1 декабря 1907 г., и въ случаѣ отсутствія штемпеля или какихъ-либо сомнѣній, — не отказать автору въ сообщеніи.

АВТОРЪ СЧИТАЕТЪ СВОИМЪ ДОЛГОМЪ ПРЕДОСТЕРЕЧЬ ОТЪ ИЗДАНИЙ, ПРЕДЛАГАЕМЫХЪ ПОДЪ ВИДОМЪ ЕГО КУРСА, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХЪ СОБОЮ БЕЗЪ ИСКЛЮЧЕНІЯ НЕДОБРОСОВѢСТНУЮ МАКУЛАТУРУ, И ТАКЖЕ ПРОСИТЬ ЛИЦЪ, ПРИОБРѢТШИХЪ ТАКІЯ ИЗДАНИЯ, НЕ ОСТАВИТЬ ЕГО УВѢДОМЛЕНІЕМЪ.

Единственный подлинный текст.

КУРСЪ
РУССКОЙ ИСТОРИИ.

Проф. В. Ключевского.

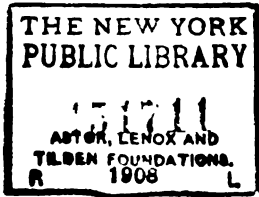
Часть III.

МОСКВА.
1908.

Вся авторскія права удерживаются.

*Каждый экземпляр долженъ иметь авторскій штампъ
и особый листъ съ извѣщеніемъ отъ издателя.*

Типографія Г. Лиснера и Д. Совко
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лиснера.

Лекція ХІІ.

Взглядъ на IV періодъ русской исторіи. — Главные факты періода. — Видимыя противорѣчія въ соотношеніи этихъ фактовъ. — Вліяніе виѣшней политики на внутреннюю жизнь государства. — Ходъ дѣлъ въ IV періодѣ въ связи съ этимъ вліяніемъ. Государство и политическое сознаніе общества. — Начало Смуты. — Конецъ династіи. — Царь Ѳедоръ и Борисъ Годуновъ. — Поводы къ Смутѣ. Самозванство.

Мы остановились передъ IV періодомъ нашей исторіи, IV періодъ. послѣднимъ періодомъ, доступнымъ изученію на всемъ своемъ протяженіи. Подъ этимъ періодомъ я разумѣю время съ начала XVII в. до начала царствованія императора Александра II (1613—1855 гг.). Моментомъ отправленія въ этомъ періодѣ можно принять годъ вступленія на престолъ перваго царя новой династіи. Смутная эпоха самозванцевъ является переходнымъ временемъ на рубежѣ двухъ смежныхъ періодовъ, будучи связана съ предшествующимъ своими причинами, съ послѣдующимъ своими слѣдствіями.

Этотъ періодъ имѣетъ для насъ особенный интересъ. Это не просто историческій періодъ, а цѣлая цѣпь эпохъ, свозъ которую проходитъ рядъ важныхъ фактовъ, составляющихъ глубокую основу современнаго склада нашей жизни, — основу, правда, разлагающуюся, но еще не замѣненную. Это, повторю, не одинъ изъ періодовъ нашей исторіи: это — вся наша *новая исторія*. Въ пятнадцатыхъ и отно-

шеніяхъ, образующихся въ эти 2¹/₂ столѣтія, замѣчаемъ ранніе зародыши идей, соприкасающихся съ нашимъ сознаниемъ, наблюдаемъ завязку порядковъ, бывшихъ первыми общественными впечатлѣніями людей моего возраста. Изучая явленія этого времени, чувствуешь, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше входишь въ область автобіографіи, подступаешь къ изученію самого себя, своего собственнаго духовнаго содержанія, насколько оно связано съ прошлымъ нашего отечества. Все это и напрягаетъ вниманіе, и предостерегаетъ мысль отъ увлеченій. Обязанные во всемъ быть искренними искателями истины, мы всего менѣе можемъ обольщать самихъ себя, когда хотимъ измѣрить своей исторической ростъ, опредѣлить свою общественную зрѣлость.

Главные
факты

Перехожу къ перечню явленій изучаемаго періода; но прежде оглянемся еще разъ на изученные вѣка нашей исторіи, представимъ себѣ ея ходъ въ краткой схемѣ. Мы уже знаемъ, что возникавшія у насъ до конца XVI в. формы политическаго быта складывались въ тѣсной связи съ географическимъ размѣщеніемъ населенія. Московское государство было создано русскимъ населеніемъ, сосредоточившимся въ самой срединѣ восточно-европейской равнины, въ гидрографическомъ ея узлѣ, въ области верхней Волги, и образовавшимъ здѣсь великорусское племя. Въ этомъ государствѣ подъ рукой Калитина рода великорусское племя и объединилось, какъ политическая народность. Московскій государь правилъ объединенной Великороссіей съ помощью московскаго боярства, составившагося изъ старинныхъ московскихъ боярскихъ родовъ, изъ бывшихъ удѣльныхъ князей и ихъ бояръ. Государственный порядокъ все рѣшительнѣе переходилъ на основу *тягла*, принудительной разверстки специальныхъ государственныхъ

повинностей между классами общества. Однако при этой разверсткѣ крестьянскій трудъ, бывшій главной производительной силой страны, оставался еще по закону свободнымъ, хотя на дѣлѣ значительная часть крестьянскаго населенія входила уже въ долговую зависимость отъ землевладѣльцевъ, грозившую ей законной крѣпостной неволей.

Со второго десятилѣтія XVII в. въ нашей исторіи послѣдовательно выступаетъ рядъ новыхъ фактовъ, которые замѣтно отличаютъ дальнѣйшее время отъ предшествующаго. Во-первыхъ, на московскомъ престолѣ садится новая династія. Далѣе, эта династія дѣйствуетъ на поприщѣ, все болѣе расширяющемся. Государственная территорія, дотолѣ заключенная въ предѣлахъ первоначальнаго расселенія великорусскаго племени, теперь переходитъ далеко за эти предѣлы и постепенно вбираетъ въ себя всю русскую равнину, распространяясь какъ до географическихъ ея границъ, такъ почти вездѣ до предѣловъ русскаго народонаселенія. Въ составъ русскаго государства постепенно входятъ Русь Малая, Бѣлая и, наконецъ, Новороссія, новый русскій край, образовавшійся путемъ колонизаціи въ южнорусскихъ степяхъ. Раскинувшись отъ береговъ морей Бѣлаго и Балтійскаго до Чернаго и Каспійскаго, до Уральскаго и Кавказскаго хребтовъ, территорія государства переваливаетъ далеко за Кавказскій хребетъ на югъ, за Уралъ и Каспій на востокъ. Выстѣ съ тѣмъ происходитъ важная перемѣна и во внутреннемъ строѣ государства: отъ руку съ новой династіей становится и идетъ новый правительственный классъ. Старое боярство постепенно разсыпается, худѣя генеалогически и скудѣя экономически, а съ его исчезновеніемъ падаютъ и тѣ политическія отношенія, какія прежде въ силу обычая сдерживали верховную власть. На его мѣсто во главѣ общества становится новый классъ, *дворянство*, составив-

шея изъ прежнихъ столичныхъ и провинціальныхъ служилыхъ людей, и въ его пестрой, разнородной массѣ растворяется рѣдѣющее боярство. Между тѣмъ раньше заложенная основа политическаго строя, классовая разверстка повинностей, укрѣпляется, превращая общественные классы въ обособленные сословія, и даже постепенно, особенно въ царствованіе Петра Великаго, расширяется, осложняя накопльвшійся запасъ специальныхъ повинностей новыми тягостями, падавшими на отдѣльные классы. Среди этого непрерывнаго напряженія народныхъ силъ окончательно гибнетъ и свобода крестьянскаго труда: владѣльческіе крестьяне попадаютъ въ крѣпостную неволю, и самая эта неволя становится новой специальной государственной повинностью, падающей на этотъ классъ. Но стѣсняемый политически, народный трудъ расширяется экономически: къ прежней сельскохозяйственной эксплуатаціи страны теперь присоединяется и промышленная ея разработка; рядомъ съ земледѣліемъ, остающимся главной производительной силой государства, является съ возрастающимъ значеніемъ въ народномъ хозяйствѣ и промышленность обрабатывающая, заводско-фабричная, поднимающая нетронутыя дотолѣ естественныя богатства страны.

Ихъ соотношеніе.

Таковы главные новые факты, обнаруживающіеся въ періодъ, который намъ предстоитъ изучать: это — новая династія, новые предѣлы государственной территоріи, новый строй общества съ новымъ правительственнымъ классомъ во главѣ, новый складъ народнаго хозяйства. Соотношеніе этихъ фактовъ способно вызвать недоумѣніе. Въ нихъ при первомъ взглядѣ легко замѣтить два параллельныхъ теченія: 1) *до половины XIX вѣка внѣшнее территориальное расширеніе государства идетъ въ обратнo-пропорціoнальномъ отношеніи къ развитію внутрeнней свободы на-*

рода; 2) политическое положеніе трудящихся классов устанавливается въ обратно-пропорціональномъ отношеніи къ экономической производительности ихъ труда, т.-е. этотъ трудъ становится тѣмъ менѣе свободенъ, чѣмъ болѣе дѣлается производителемъ. Отношеніе народнаго хозяйства къ соціальному строю народа, открывающееся во второмъ процессѣ, противорѣчитъ нашему привычному представленію о связи производительности народнаго труда съ его свободой. Мы привыкли думать, что рабскій трудъ не можетъ равняться въ энергіи съ трудомъ свободнымъ и что трудовая сила не можетъ развиваться въ ущербъ правовому положенію трудящихся классовъ. Это экономическое противорѣчіе еще обостряется политическимъ. Сопоставляя психологію народовъ съ жизнью отдѣльныхъ людей, мы привыкли думать, что по мѣрѣ усиленія массовой, какъ и индивидуальной дѣятельности и по мѣрѣ расширенія ея поприща въ массахъ, какъ и въ отдѣльныхъ людяхъ, поднимается сознаніе своей силы, а это сознаніе — источникъ чувства политической свободы. Открывающееся въ нашей исторіи вліяніе территоріальнаго расширенія государства на отношеніе государственной власти къ обществу не оправдываетъ и этого мнѣнія: у насъ по мѣрѣ расширенія территоріи вмѣстѣ съ ростомъ внѣшней силы народа все болѣе стѣснялась его внутренняя свобода. Напряженіе народной дѣятельности глушило въ народѣ его силы, на расширявшемся завоеваніями поприщѣ увеличивался размахъ власти, но уменьшалась подъемная сила народнаго духа. Внѣшніе успѣхи новой Россіи напоминаютъ полетъ птицы, которую вихрь несетъ и подбрасываетъ не въ мѣру силы ея крыльевъ. Съ обоими указанными противорѣчіями связано третье. Я сейчасъ сказалъ о поглощеніи московскаго боярства дворянствомъ. Законъ 1682 г., отмѣнившій мѣстничество, закрѣ-

пилъ это поглощеніе, формально уравниая оба служилые класса по службѣ. Боярство, аристократія породы, было правящимъ классомъ. Отиѣна мѣстничества служила первымъ шагомъ по пути къ демократизации управленія. Но на этомъ движеніе не остановилось: за первымъ шагомъ послѣдовали дальнѣйшіе. Въ эпоху Петра старое московское дворянство „по отечеству“ пополняется изъ всѣхъ слоевъ общества, даже изъ иноземцевъ, людьми разныхъ чиновъ, не только „бѣлыхъ“ нетяглыхъ, но и черныхъ тяглыхъ, даже холопами, поднимавшимися выслугой: табель о рангахъ 1722 г. широко раскрываетъ этимъ „разночинцамъ“ служебныя двери въ „лучшее старшее дворянство“. Можно было бы ожидать, что вся эта социальная перетасовка господствующаго класса поведетъ къ демократическому уравниенію общества. Но худѣя генеалогически, правящій классъ непомерно добрѣлъ политически: облагороженные разночинцы получали личныя и общественныя права, какихъ не имѣло старое родовитое боярство. Помѣстья стали собственностью дворянства, крестьяне его крѣпостными; при Петрѣ III съ сословія снята была обязательная служба; при Екатеринѣ II оно получило новое корпоративное устройство съ сословнымъ самоуправленіемъ, съ широкимъ участіемъ въ мѣстномъ управленіи и судѣ и съ правомъ „дѣлать представленія и жалобы“ самой верховной власти; при Николаѣ I это преимущество расширено было правомъ дворянскихъ собраній дѣлать власти представленія и о нуждахъ всѣхъ другихъ классовъ мѣстнаго общества. вмѣстѣ съ такими сословными приобрѣтеніями росла и политическая сила сословія. Уже въ XVII в. московское правительство начинаетъ править обществомъ посредствомъ дворянства, а въ XVIII в. это дворянство само пытается править обществомъ посредствомъ правительства. Но политическій принципъ, подъ фирмой котораго оно

хотѣло властвовать, перегнулъ его по-своему: въ XIX в. дворянство пристроено было къ чиновничеству, какъ его плодovitѣйшій разсадникъ, и въ половинѣ этого вѣка Россія управлялась не аристократіей и не демократіей, а бюрократіей, т.-е. дѣйствовавшей внѣ общества и лишенной всякаго соціального облика кучей физическихъ лицъ разнообразнаго происхожденія, объединенныхъ только чиновничествомъ. Такимъ образомъ демократизація управления сопровождалась усиленіемъ соціального неравенства и дробности. Это соціальное неравенство еще усиливалось нравственнымъ отчужденіемъ правящаго класса отъ управляемой массы. Говорятъ, культура сближаетъ людей, уравниваетъ общество. У насъ было не совсѣмъ такъ. Все усиливавшееся общеніе съ западной Европой приносило къ намъ идеи, нравы, знанія, много культуры; но этотъ притокъ скользилъ по верхушкамъ общества, осажаясь на дно частичными реформами, болѣе или менѣе осторожными и безплодными. Просвѣщеніе стало сословной монополіей господъ, до которой не могло безъ опасности для государства дотрогиваться непросвѣщенное простонародье, пока не просвѣтится. Въ исходѣ XVII в. люди, задумавшіе учредить въ Москвѣ академію, первое у насъ высшее училище, находили возможнымъ открыть доступъ въ нее „всякаго чина, сана и возраста людямъ“ безъ оговорокъ. Полтораста лѣтъ спустя, при Николаѣ I секретный комитетъ гр. Кочубея, на который возложено было чисто преобразовательное порученіе, рѣшительно высказался по поводу самоубійства обучавшагося живописи двороваго человѣка за вредъ допущенія крѣпостныхъ людей „въ такія училища, гдѣ они пріучаются къ роду жизни, къ образу мыслей и понятіямъ, не соотвѣтствующимъ ихъ состоянію“.

Изложенные три процесса, полные такихъ противорѣчій

и захватывающіе всѣ главныя явленія періода, не были *аномаліями*, отрицаніемъ исторической законѣрности: назовемъ ихъ лучше историческими *антиноміями*, исключеніями изъ правилъ исторической жизни, произведеніями своеобразнаго мѣстнаго склада условій, который однако, разъ образовавшись, въ дальнѣйшемъ своемъ дѣйствіи повинутся уже общимъ законамъ человѣческой жизни, какъ организмъ съ разстроенной нервной системой функционируетъ по общимъ нормамъ органической жизни, только производитъ соотвѣтствующія своему разстройству ненормальныя явленія.

Внѣшняя
политика и
внутренняя
жизнь.

Объясненія этихъ антиномій нашей новой исторіи надобно искать въ томъ отношеніи, какое устанавливалось у насъ между государственными потребностями и народными средствами для ихъ удовлетворенія. Когда передъ европейскимъ государствомъ становятся новыя и трудныя задачи, оно ищетъ новыхъ средствъ въ своемъ народѣ и обыкновенно ихъ находитъ, потому что европейскій народъ, живя нормальной, послѣдовательной жизнью, свободно работая и размышляя, безъ особенной натуги удѣляетъ на помощь своему государству заранѣе заготовленный избытокъ своего труда и мысли, — избытокъ труда въ видѣ усиленныхъ налоговъ, избытокъ мысли въ лицѣ подготовленныхъ умѣлыхъ и добросовѣстныхъ государственныхъ дѣльцовъ. Все дѣло въ томъ, что въ такомъ народѣ культурная работа ведется незримыми и неуловимыми, но дружными усиліями отдѣльныхъ лицъ и частныхъ союзовъ независимо отъ государства и обыкновенно предупреждаетъ его нужды. У насъ дѣло шло въ обратномъ порядкѣ. Когда царь Михайль, сѣвъ на разоренное царство, чрезъ посредство земскаго собора обратился къ землѣ за помощью, онъ встрѣтилъ въ избравшихъ его земскихъ представителей преданныхъ и покорныхъ подданныхъ, но не нашелъ въ нихъ ни пригодныхъ сотрудниковъ,

ни состоятельныхъ плательщиковъ. Тогда пробудилась мысль о необходимости и средствахъ подготовки тѣхъ и другихъ, о томъ, какъ добываются и дѣльцы, и деньги тамъ, гдѣ того и другого много; тогда московскіе купцы заговорили передъ правительствомъ о пользѣ иноземцевъ, которые могутъ доставить „кормленіе“, заработокъ бѣднымъ русскимъ людямъ, научивъ ихъ своимъ мастерствамъ и промысламъ. Съ тѣхъ поръ не разъ повторялось однообразное явленіе. Государство запутывалось въ нарождавшихся затрудненіяхъ; правительство, обыкновенно ихъ не предусматривавшее и не предупреждавшее, начинало искать въ обществѣ идей и людей, которые вырчили бы его, и не находя ни тѣхъ ни другихъ, скрѣпя сердце, обращалось къ Западу, гдѣ видѣло старый и сложный культурный приборъ, изготовлявшій и людей и идеи, спѣшно вызывало оттуда мастеровъ и ученыхъ, которые завели бы нѣчто подобное и у насъ, наскоро строило фабрики и учреждало школы, куда загоняло учениковъ. Но государственная нужда не терпѣла отсрочки, не ждала, пока загнанные школьники доучать свои буквари, и удовлетворять ее приходилось, такъ сказать, сырьемъ, принудительными жертвами, подрывавшими народное благосостояніе и стѣснявшими общественную свободу. Государственныя требованія, донельзя напрягая народныя силы, не поднимали ихъ, а только истощали: просвѣщеніе по казенной надобности, а не по внутренней потребности, давало тощіе, мерзлые плоды, и эти припадочныя порывы къ образованію порождали въ подраставшихъ поколѣніяхъ только скуку и отвращеніе къ наукѣ, какъ къ рекрутской повинности. Народное образованіе получило характеръ правительственнаго заказа или казенной поставки подростковъ для выучки по опредѣленной программѣ. Учреждались дорогіе дворянскіе кадетскіе корпуса, инже-

нерныя школы, воспитательныя общества для благородныхъ и мѣщанскихъ дѣвиць, академіи художествъ, гимназій, разводились въ барскихъ теплицахъ тропическія растенія, но на протяженіи двухъ столѣтій не открыли ни одной чисто народной общеобразовательной или земледѣльческой школы. Новая европеизированная Россія въ продолженіе четырехъ-пяти поколѣній была Россіей гвардейскихъ казармъ, правительственныхъ канцелярій и барскихъ усадебъ: послѣднія проводили въ первыя и во вторыя посредствомъ легкой перегонки въ доморощенныхъ школахъ или экзотическихъ пансіонахъ своихъ недорослей, а взамѣнъ ихъ получали оттуда отставныхъ бригадировъ съ мундиромъ. Выдавливая изъ населенія такимъ способомъ надобныхъ дѣльцовъ, государство укореняло въ обществѣ грубо-утилитарный взглядъ на науку, какъ путь къ чинамъ и взяткамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ формировало изъ верхнихъ классовъ, всего болѣе изъ дворянства, новую служилую касту, оторванную отъ народа сословными и чиновными преимуществами и предразсудками, а еще болѣе служебными злоупотребленіями. Такъ случилось, что расширеніе государственной территоріи, напрягая не въ мѣру и истощая народныя средства, только усиливало государственную власть, не поднимая народнаго самосознанія, вталкивало въ составъ управленія новыя болѣе демократическіе элементы и при этомъ обостряло неравенство и разнь общественнаго состава, осложняло народно-хозяйственный трудъ новыми производствами, обогащая не народъ, а казну и отдѣльныхъ предпринимателей, и вмѣстѣ съ тѣмъ принижало политически трудящіеся классы. Всѣ эти неправильности имѣли одинъ общій источникъ — *нестественное отношеніе внѣшней политики государства къ внутреннему росту народа*: народныя силы въ своемъ развитіи отставали отъ

задача, становившихся передъ государствомъ вслѣдствіе его ускореннаго внѣшняго роста, духовная работа народа не посигвала за матеріальной дѣятельностью государства. Государство пухло, а народъ хирѣлъ.

Едва ли въ исторіи какой-либо другой страны вліяніе ^{Общій ходъ} ^{дѣла.} международного положенія государства на его внутренній строй было болѣе могущественно и ни въ какой періодъ нашей исторіи оно не обнаруживалось такъ явственно, какъ въ тотъ, къ которому мы теперь обращаемся. Припомнимъ главныя задачи внѣшней политики Московскаго государства въ XV—XVI вв. и ихъ происхожденіе, ихъ связь съ прошлыми судьбами нашей страны. Въ I періодъ нашей исторіи подъ напоромъ внѣшнихъ враговъ разноплеменные и разсѣянныя элементы населенія кой-какъ сжались въ нѣчто цѣльное; завязывалась русская народность. Во II періодъ среди усиленныхъ внѣшнихъ ударовъ съ татарской и литовской стороны эта народность разбилась на двѣ вѣтви, великорусскую и малорусскую, и съ тѣхъ поръ каждая изъ нихъ имѣла свою особую судьбу. Великорусская вѣтвь въ лѣсахъ верхняго Поволжья сохранила свои силы и развила ихъ въ терпѣливой борьбѣ съ суровой природой и внѣшними врагами. Благодаря тому она смогла сомкнуться въ довольно устойчивое боевое государство. Въ III періодъ это государство, объединившее Великороссію, поставило себѣ задачей возстановить политическое и національное единство всей Русской земли. Постановка этой задачи и приступъ къ ея разрѣшенію—только приступъ—были главнымъ дѣломъ старой династіи московскихъ государей. Намъ уже извѣстны народныя усилія, потраченныя на это дѣло, и успѣхи, достигнутые въ этомъ направленіи къ концу XVI в. Въ стремленіи къ этой цѣли общество въ Московскомъ государствѣ усвоило ту тяжелую политическую орга-

низацію, которую мы изучали въ предшествующемъ періодѣ. Въ XVII в., послѣ территоріальныхъ потерь Смутнаго времени, внѣшняя борьба стала еще тяжелѣе; въ томъ же направленіи измѣнился и общественный строй. Подъ тяготами войнъ съ Польшей и Швеціей прежнія дробныя экономическія состоянія, чины, еще сохранявшіе признаки свободы труда и передвиженія, въ интересахъ казны и службы были сбиты въ крупныя сословія, а большая часть сельскаго населенія попала въ крѣпостную неволю. При Петрѣ I основная пружина государственнаго порядка достигла высшей степени напряженія: сословная разверстка специальныхъ повинностей стала еще тяжелѣе, чѣмъ была въ XVII в. Къ прежнимъ сословнымъ тягостямъ онѣ прибавилъ новыя, а тягчайшія прежнія, рекрутскую и податную, распространилъ на классы, дотогѣ свободныя отъ государственныхъ тягостей, на „вольныхъ людей“ и холоповъ. Такъ зарождается въ законодательствѣ смутная идея *общихъ повинностей*, если не *всесословныхъ*, то *многосословныхъ*, которая въ своей дальнѣйшей разработкѣ обѣщала значительную перемѣну въ общественномъ строѣ. Въ то же время произошелъ переломъ и во внѣшней политикѣ государства. Доселѣ его войны на западѣ были въ сущности оборонительныя, имѣли цѣлью возвратить земли, недавно отъ него отторгнутыя или считавшіяся его исконнымъ достояніемъ. Съ Полтавы онѣ получаютъ наступательный характеръ, направляются къ укрѣпленію завоеваннаго Петромъ преобладанія Россіи въ восточной Европѣ или къ поддержанію европейскаго равновѣсія, какъ элегантно выражались русскіе дипломаты. Съ поворота на этотъ притязательный путь государство стало обходиться народу въ нѣсколько разъ дороже прежняго, и безъ могучаго подъема производительныхъ силъ Россіи, совершеннаго

Петромъ, народъ не оплатилъ бы роли, какую ему пришлось играть въ Европѣ. Послѣ Петра во внутреннюю жизнь государства входитъ еще новое важное условіе. Подъ недостойными преемниками и преемницами Преобразователя престолъ заколебался и искалъ опоры въ обществѣ, прежде всего въ дворянствѣ. Въ отплату за поддержку законодательство взамѣнъ мелькнувшей при Петрѣ идеи всесословныхъ повинностей стало настойчиво проводить мысль о *спеціальныхъ сословныхъ правахъ*. Дворянство эманципируется, снимаетъ съ себя тягчайшую повинность обязательной службы и не только удерживаетъ старыя свои права, но и приобрѣтаетъ широкія новыя. Крупицы этихъ даровъ падаютъ и на долю высшаго купечества. Такъ всѣми льготами и выгодами, какими могла поступиться власть, осыпаны были верхи общества, а на низы свалили только тяжести и лишенія. Если бы народъ терпѣливо вынесъ такой порядокъ, Россія вышла бы изъ числа европейскихъ странъ. Но съ половины XVIII в. въ народной массѣ пробуждается тревожное броженіе особаго характера. Мятежами обилень былъ и XVII в., и тогда они направлялись противъ правительства, бояръ, воеводъ и приказныхъ людей. Теперь они принимаютъ соціальную окраску, идутъ противъ *исподъ*. Сама пугачевщина выступала подъ легальнымъ знаменемъ, несла съ собой идею законной власти противъ екатерининской узурпаціи съ ея пособниками-дворянами. Когда почва затряслась подъ ногами, въ правящихъ сферахъ по почину Екатерины II всплываетъ мысль объ уравниніи общества, о смягченіи крѣпостного права. Хмурясь и робѣя, пережевывая одни и тѣ же планы и изъ царствованія въ царствованіе отсрочивая вопросъ, малодушными попытками улучшенія, не оправдывавшими громкаго титула власти, довели дѣло къ половинѣ XIX в. до того, что его

разрѣшеніе стало требованіемъ стихійной необходимости, особенно когда Севастополь ударилъ по застоившимся умамъ. Итакъ, ходъ дѣлъ въ IV періодѣ можно изобразить въ такомъ видѣ: по мѣрѣ того какъ усиливалось напряженіе внѣшней оборонительной борьбы, усложнялись спеціальныя государственныя повинности, падавшія на разные классы общества, и по мѣрѣ того какъ оборонительная борьба превращалась въ наступательную, съ верхнихъ общественныхъ классовъ снимались изъ спеціальныя повинности, замѣняясь спеціальными сословными правами, и скупивались на низшихъ классахъ; но по мѣрѣ того какъ росло чувство народнаго недовольства такимъ неравенствомъ, правительство начинало подумывать о болѣе справедливомъ устройствѣ общества. Постараемся запомнить сейчасъ изложенную схему: въ ней заключается существенное значеніе изучаемаго періода, ключъ къ объясненію его важнѣйшихъ явленій; эта схема послужитъ намъ формулой, раскрытіемъ которой будетъ занято наше изученіе IV періода.

Ростъ
политиче-
скаго со-
знанія.

Таковы порядокъ явленій IV періода и ихъ взаимоотношеніе. Съ этимъ порядкомъ тѣсно связанъ ростъ политическаго сознанія въ русскомъ обществѣ, движеніе понятій, вскрывающихся въ этихъ явленіяхъ. Къ концу XVI вѣка Московское государство устроилось, обзавелось обычными формами и орудіями государственной жизни, имѣло верховную власть, законодательство, центральное и областное управленіе, значительное приказное чиновничество, все болѣе размножавшееся, общественное дѣленіе, все болѣе расчленившееся, армию, даже смутную мысль о народномъ представительствѣ; незамѣтно только государственныхъ долговъ. Но учрежденія сами по себѣ только формы: для успѣшнаго ихъ дѣйствія необходимо еще содержаніе, необходимы понятія, помогающія ихъ дѣятелямъ уяснить себѣ ихъ смыслъ

и назначеніе, необходимы, наконецъ, нормы и нравы, направляющіе ихъ дѣятельность. Все это не дается сразу въ готовомъ видѣ, а вырабатывается напряженной мыслью, труднымъ, подчасъ болѣзненнымъ опытомъ. Московскія государственныя учрежденія были готовы, когда угасала старая династія; но готовы ли были московскіе государственные умы къ тому, чтобы вести въ нихъ дѣла согласно съ задачами государства, въ цѣляхъ народнаго блага? Сдѣлаемъ, какъ бы сказать, суммарный подсчетъ политическому сознанию тогдашнихъ московскихъ людей и для того приложимъ къ этому сознанию возможно простѣйшее опредѣленіе государства, чтобы видѣть, въ какой мѣрѣ понимали они основные необходимые элементы государственнаго порядка согласно съ сущностью и задачами государства. Эти основные элементы суть: *верховная власть, народъ, законъ и общее благо*. Верховная власть въ Московскомъ государствѣ, какъ мы видѣли (лекція XXVI), усвоила себѣ въ титулахъ и сказаніяхъ нѣсколько возвышенныхъ опредѣленій; но это были не политическія прерогативы, а скорѣе торжественные орнаменты или дипломатическія предвосхищенія въ родѣ *государя всея Руси*. Въ будничномъ обиходѣ, въ ежедневномъ оборотѣ понятій и отношеній господствовала еще старая удѣльная норма, служившая реальной, исторически сложившейся основой этой власти и состоявшая въ томъ, что государство московскаго государя считалось его вотчиной, наследственной собственностью. Новыя политическія понятія, навязывавшіяся ходомъ событій, неподатливое мышленіе перегибало въ сторону этой привычной нормы. Московское объединеніе Великороссіи рождало въ умахъ идею народнаго русскаго государства; но эта идея, всею своею сущностью отрицавшая вотчину, выражалась въ прежней вотчинной схемѣ, заставлявшей мыслить государя всея Руси не какъ верховнаго правителя

русского народа, а только какъ наследственнаго хозяина, территориальнаго владѣльца Русской земли: „и вся Русская земля изъ старины отъ нашихъ прародителей наша отчѣна“, твердилъ Иванъ III. Политическое мышленіе отставало отъ территориальныхъ пріобрѣтеній и династическихъ притязаній, превращая удѣльные предразсудки въ политическія недоразумѣнія. И другіе элементы государственнаго порядка преломлялись въ тогдашнемъ сознаніи подъ дѣйствіемъ этой аномаліи, соединявшій въ одномъ существѣ верховной власти два непримиримыя свойства *царя и вотчинника*. Мысль о народѣ еще не слилась въ тогдашнемъ пониманіи съ идеей государства. Государство понимали не какъ союзъ народный, управляемый верховной властью, а какъ государево хозяйство, въ составъ котораго входили со значеніемъ хозяйственныхъ статей и классы населенія, обитавшаго на территоріи государевой вотчины. Потому народное благо, цѣль государства, подчинялось династическому интересу хозяина земли, и самый законъ носилъ характеръ хозяйственнаго распоряженія, исходившаго изъ московской кремлевской усадьбы и устанавливавшего порядокъ дѣятельности подчиненнаго, преимущественно областного управленія, а всего чаще — порядокъ отбыванія разныхъ государственныхъ повинностей обывателями. Въ московскомъ законодательствѣ до XVII вѣка не встрѣчаемъ постановленій, которыя можно было бы признать основными законами, опредѣляющими строй и права верховной власти, основныя права и обязанности гражданъ. Такъ основные элементы государственнаго порядка еще не поддерживались соответственными ихъ природѣ понятіями. Формы государственнаго строя, складывавшіяся исторически, силой стихійной законмѣрности народной жизни, не успѣли наполниться надлежащимъ содержаніемъ, оказались выше наличнаго политиче-

скаго сознанія людей, въ нихъ дѣйствовавшихъ. Въ томъ и состоитъ наибольшій интересъ изучаемаго періода, чтобы слѣдить, какъ вырабатываются въ общественномъ сознаніи и вливаются въ эти формы недостававшія имъ понятія, составляющія душу политическаго порядка, какъ остовъ государства, ими оживляемый и питаемый, постепенно превращается въ государственный организмъ. Тогда и изложенныя мной антиноміи утратятъ свою видимую несообразность, получатъ свое историческое объясненіе.

Таковъ рядъ фактовъ, который намъ предстоитъ изучить, рядъ задачъ, которыя мы должны разрѣшить. Перечисленные факты новаго періода мы будемъ наблюдать съ того момента, когда на московскомъ престолѣ воцаряется новая династія.

Но прежде чѣмъ совершилось это воцареніе, Московское государство испытало страшное потрясеніе, поколебавшее самыя глубокія его основы. Оно и дало первый и очень болѣзненный толчекъ движенію новыхъ понятій, недостававшихъ государственному порядку, построенному угасшею династіей. Это потрясеніе совершилось въ первые годы XVII в. и извѣстно въ нашей исторіографіи подъ именемъ *смуты* или *смутныхъ временъ*, по выраженію Котошихина. Русскіе люди, пережившіе это тяжелое время, называли его и именно послѣдніе его годы „великой разрухой Московскаго государства“. Признаки смуты стали обнаруживаться тотчасъ послѣ смерти послѣдняго царя старой династіи, Ѳедора Ивановича; смута прекращается съ того времени, когда земскіе чины, собравшіеся въ Москвѣ въ началѣ 1613 года, избрали на престолъ родоначальника новой династіи, царя Михаила. Значить, смутнымъ временемъ въ нашей исторіи можно назвать 14—15 лѣтъ съ 1598 по 1613 годъ; 14 лѣтъ въ этой эпохѣ „смятенія“ Русской

Начало
смуты.

земли считасть и современникъ, келарь Троицкаго монастыря Авраамій Палицынъ, авторъ сказанія объ осадѣ поляками Троицкаго Сергіева монастыря. Прежде чѣмъ перейти къ изученію IV періода, мы должны остановиться на происхожденіи и значеніи этого потрясенія. Откуда пошла эта смута или эта „московская трагедія“ (tragoedia moscovitica), какъ выражались о ней современники-иностранцы. Вотъ фабула этой трагедіи.

Конецъ
династїи.

Грозный царь Иванъ Васильевичъ года за два съ чѣмъ-нибудь до своей смерти, въ 1581 г., въ одну изъ дурныхъ минутъ, какія тогда часто на него находили, прибилъ свою сноху за то, что она, будучи беременной, при входѣ свекра въ ея комнату оказалась слишкомъ запросто одѣтой, *simplici veste induta*, какъ объясняетъ дѣло іезуитъ Антоній Посевинъ, прїѣхавшій въ Москву три мѣсяца спустя послѣ событія и знавшій его по горячимъ слѣдамъ. Мужъ побитой, наслѣдникъ отцова престола царевичъ Иванъ вступился за обиженную жену, а вспылившій отецъ печально-удачнымъ ударомъ желѣзнаго костыля въ голову положилъ сына на мѣстѣ. Царь Иванъ едва не помѣшался съ горя по сынѣ, съ неистовымъ воплемъ вскакивалъ по ночамъ съ постели, хотѣлъ отречься отъ престола и постричься; однако, какъ бы то ни было, вслѣдствіе этого несчастнаго случая преемникомъ Грознаго сталъ второй его сынъ царевичъ Ѳеодоръ.

Царь
Ѳеодоръ.

Поучительное явленіе въ исторіи старой московской династїи представляетъ этотъ послѣдній ея царь Ѳеодоръ. Калитино племя, построившее Московское государство, всегда отличалось удивительнымъ умѣньемъ обрабатывать свои житейскія дѣла, страдало фамилнымъ избыткомъ заботливости о земномъ, и это самое племя, погасая, блеснуло полнымъ отрѣшеніемъ отъ всего земного, вымерло царемъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ, который, по выраженію современ-

никовъ, всю жизнь избывалъ мірской суеты и докуки, помышляя только о небесномъ. Польскій посолъ Сапѣга такъ описываетъ Ѳедора: царь малъ ростомъ, довольно худощавъ, съ тихимъ, даже подобострастнымъ голосомъ, съ простодушнымъ лицомъ, умъ имѣеть скудный или, какъ я слышалъ отъ другихъ и замѣтилъ самъ, не имѣеть никакого, ибо, сидя на престолѣ во время посольскаго приѣма, онъ не переставалъ улыбаться, любуясь то на свой скипетръ, то на державу. Другой современникъ, шведъ Петрей въ своемъ описаніи Московскаго государства (1608—1611) также замѣчаетъ, что царь Ѳедоръ отъ природы былъ почти лишенъ разсудка, находилъ удовольствіе только въ духовныхъ предметахъ, часто бѣгалъ по церквамъ трезвонить въ колокола и слушать обѣдню. Отецъ горько упрекалъ его за это, говоря, что онъ больше похожъ на понамарскаго, чѣмъ на царскаго сына. Въ этихъ отзывахъ, несомнѣнно, есть нѣкоторое преувеличеніе, чувствуется доля каррикатуры. Набожная и почтительная въ престолу мысль русскихъ современниковъ пыталась сдѣлать изъ царя Ѳедора знакомый ей и любимый ею образъ подвижничества особаго рода. Намъ извѣстно, какое значеніе имѣло и какимъ почетомъ пользовалось въ древней Руси *юродство* Христа ради. Юродивый, *блаженный*, отрѣшался отъ всѣхъ благъ житейскихъ, не только отъ тѣлесныхъ, но и отъ духовныхъ удобствъ и приманокъ, отъ почестей, славы, уваженія и привязанности со стороны ближнихъ. Мало того, онъ дѣлалъ боевой вызовъ этимъ благамъ и приманкамъ: нищій и безпріютный, ходя по улицамъ босикомъ, въ лохмотьяхъ, поступая не по-людски, по-уродски, говоря неподобныя рѣчи, презирая общепринятая приличія, онъ старался стать посмѣшищемъ для неразумныхъ и какъ бы издѣвался надъ благами, которыя люди любятъ и цѣнятъ, и надъ самими

людьми, которыя ихъ любятъ и цѣнятъ. Въ такомъ смиреніи до самоуничженія древняя Русь видѣла практическую разработку высокой заповѣди о блаженствѣ нищихъ духомъ, которымъ принадлежитъ царствіе Божіе. Эта духовная нищета въ лицѣ юродиваго являлась ходячей мірской совѣстью, „лицевымъ“ въ живомъ образѣ обличеніемъ людскихъ страстей и пороковъ, и пользовалась въ обществѣ большими правами, полной свободой слова: сильные міра сего, вельможи и цари, самъ Грозный, терпѣливо выслушивали смѣлыя, насмѣшливыя или бранчивыя рѣчи блаженнаго уличнаго бродяги, не смѣя дотронуться до него пальцемъ. И царю Ѳеодору приданъ былъ русскими современниками этотъ привычный и любимый обликъ: это былъ въ ихъ глазахъ блаженный на престолѣ, одинъ изъ тѣхъ нищихъ духомъ, которымъ подобаеъ царство небесное, а не земное, которыхъ Церковь такъ любила заносить въ свои святцы, въ укоръ грязнымъ помысламъ и грѣховнымъ поползновеніямъ русскаго человѣка. „Благоюродивъ бысть отъ чрева матери своея и ни о чемъ попеченія имѣя, токмо о душевномъ спасеніи“: такъ отзывается о Ѳеодорѣ близкій ко двору современникъ князь И. М. Катыревъ-Ростовскій. По выраженію другого современника, въ царѣ Ѳеодорѣ мнѣшество было съ царствіемъ соплетено безъ раздвоенія и одно служило украшеніемъ другому. Его называли „освятованнымъ царемъ“, свѣше предназначеннымъ къ святости, къ вѣнцу небесному. Словомъ, въ келліи или пещерѣ, пользуясь выраженіемъ Карамзина, царь Ѳеодоръ былъ бы больше на мѣстѣ, чѣмъ на престолѣ. И въ наше время царь Ѳеодоръ становился предметомъ поэтической обработки: такъ ему посвящена вторая трагедія драматической трилогіи графа Ал. Толстого. И здѣсь изображеніе царя Ѳеодора очень близко къ его древнерусскому образу; поэтъ, очевидно,

рисовалъ портретъ блаженнаго царя съ древнерусской лѣтописной его иконы. Тонкою чертой проведена по этому портрету и наклонность къ благодушной шуткѣ, какою древнерусскій блаженный смягчалъ свои суровыя обличенія. Но сквозъ вѣшнюю набожность, какою умилялись современники въ царѣ Ѳеодорѣ, у Ал. Толстого ярко проступаетъ нравственная чуткость: это *стыцкій простачокъ*, который бессознательнымъ таинственно-озареннымъ чутьемъ умѣлъ понимать вещи, какихъ никогда не понять самымъ большимъ умникамъ. Ему грустно слышать о партійныхъ раздорахъ, о враждѣ сторонниковъ Бориса Годунова и князя Шуйскаго; ему хочется дожить до того, когда всѣ будутъ сторонниками лишь одной Руси, хочется помирить всѣхъ враговъ, и на сомнѣнія Годунова въ возможности такой общегосударственной мировой горячо возражаетъ:

Ни, ни!

Ты этого, Борисъ, не разумѣешь!
Ты вѣдай тамъ, какъ знаешь, государство,
Ты въ томъ гораздъ, а здѣсь я больше смыслю,
Здѣсь надо вѣдать сердце человѣка.

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ тому же Годунову:

Какой я царь? Меня во всѣхъ дѣлахъ
И съ толку сбить, и обмануть не трудно.
Въ одномъ лишь только я не обманусь:
Когда межъ тѣмъ, что бѣло иль черно,
Избрать я долженъ — я не обманусь.

Не слѣдуетъ выпускать изъ вида исторической подкладки назидательныхъ или поэтическихъ изображеній историческаго лица современниками или позднѣйшими писателями. Царевичъ Ѳеодоръ выросъ въ Александровской слободѣ, среди безобразія и ужасовъ опричнины. Рано по утрамъ

отецъ, игумень шутовскаго слободскаго монастыря, посылалъ его на колокольню звонить къ заутренѣ. Родившись слабымъ отъ начавшей прихварывать матери Анастасіи Романовны, онъ росъ безматернимъ сиротой въ отвратительной опричной обстановкѣ и выросъ малорослымъ и блѣднолицымъ недоросткомъ, расположеннымъ къ водянкѣ, съ неровной, старчески медленной походкой отъ преждевременной слабости въ ногахъ. Такъ описываетъ царя, когда ему шелъ 32-й годъ, видѣвшій его въ 1588—89 г. англійскій посолъ Флетчеръ. Въ лицѣ царя Ѳеодора династія вымирала воочію. Онъ вѣчно улыбался, но безжизненной улыбкой. Этой грустной улыбкой, какъ бы молившей о жалости и пощадѣ, царевичъ оборонялся отъ капризнаго отцовскаго гнѣва. Разсчитанное жалостное выраженіе лица со временемъ, особенно послѣ страшной смерти старшаго брата, въ силу привычки превратилось въ невольную автоматическую гримасу, съ которой Ѳеодоръ и вступилъ на престолъ. Подъ гнетомъ отца онъ потерялъ свою волю, но сохранилъ навсегда заученное выраженіе забитой покорности. На престолѣ онъ искалъ человѣка, который сталъ бы хозяиномъ его воли: умный шуринокъ Годуновъ осторожно всталъ на мѣсто бѣшенаго отца.

В. Годуновъ. Умирая, царь Иванъ торжественно призналъ своего „смирненіемъ обложеннаго“ преемника неспособнымъ къ управленію государствомъ и назначилъ ему въ помощь правительственную комиссію, какъ бы сказать, регентство изъ нѣсколькихъ наиболѣе приближенныхъ вельможъ. Въ первое время по смерти Грознаго наибольшей силой среди регентовъ пользовался родной дядя царя по матери Никита Романовичъ Юрьевъ; но вскорѣ болѣзнь и смерть его расчистили дорогу къ власти другому опекуну, шурина царя Борису Годунову. Пользуясь характеромъ царя и поддерж-

кой сестры-царицы, онъ постепенно оттѣснилъ отъ дѣлъ другихъ регентовъ и самъ сталъ править государствомъ именемъ зятя. Его мало назвать премьеръ-министромъ; это былъ своего рода диктаторъ или, какъ бы сказать, соправитель: царь, по выраженію Котошихина, учинилъ его надъ государствомъ своимъ во всякихъ дѣлахъ правителемъ, самъ предавшись „смирению и на молитву“. Такъ громадно было вліяніе Бориса на царя и на дѣла. По словамъ упомянутаго уже кн. Катырева-Ростовскаго, онъ захватилъ такую власть, „яко же и самому царю во всемъ послушну ему быти“. Онъ окружался царственнымъ почетомъ, принималъ иноземныхъ пословъ въ своихъ палатахъ съ величавостію и блескомъ настоящаго потентата, „не менѣшею честию предъ царемъ отъ людей почтенъ бысть“. Онъ правилъ умно и осторожно, и четырнадцатилѣтнее царствованіе Федора было для государства временемъ отдыха отъ погромовъ и страховъ опричнины. Умилосердился Господь, шипеть тотъ же современникъ, на людей своихъ и даровалъ имъ благополучное время, позволилъ царю державствовать тихо и безмятежно, и все православное христіанство начало утѣшаться и жить тихо и безмятежно. Удачная война со Швеціей не нарушила этого общаго настроенія. Но въ Москвѣ начали ходить самыя тревожныя слухи. Послѣ царя Ивана остался младшій сынъ Дмитрій, которому отецъ, по старинному обычаю московскихъ государей, далъ маленькій удѣлъ, городъ Угличъ съ уѣздомъ. Въ самомъ началѣ царствованія Федора для предупрежденія придворныхъ интригъ и волненій этотъ царевичъ со своими родственниками по матери Нагими былъ удаленъ изъ Москвы. Въ Москвѣ рассказывали, что этотъ семилѣтній Дмитрій, сынъ пятой вѣнчанной жены царя Ивана (не считая невѣнчанныхъ), слѣдовательно, царевичъ сомнительной за-

воинности съ канонической точки зрѣнія, выйдетъ весь въ батюшку времянь опричнины и что этому царевичу грозить большая опасность со стороны тѣхъ близкихъ къ престолу людей, которые сами мѣтятъ на престолъ въ очень вѣроятномъ случаѣ бездѣтной смерти царя Ѳедора. И вотъ какъ бы въ оправданіе этихъ толковъ въ 1591 г. по Москвѣ разнеслась вѣсть, что удѣльный князь Димитрій среди бѣла дня зарѣзанъ въ Угличѣ и что убійцы были тутъ же перебиты поднявшимися горожанами, такъ что не съ кого стало снять показаній при слѣдствіи. Слѣдственная комиссія, посланная въ Угличъ во главѣ съ княземъ В. И. Шуйскимъ, тайнымъ врагомъ и соперникомъ Годунова, вела дѣло безтолково или недобросовѣстно, тщательно распрашивала о побычныхъ мелочахъ и позабыла развѣдать важнѣйшія обстоятельства, не выяснила противорѣчій въ показаніяхъ, вообще страшно запутала дѣло. Она постаралась прежде всего увѣрить себя и другихъ, что царевичъ не зарѣзанъ, а зарѣзался самъ въ припадкѣ падучей болѣзни, попавши на ножъ, которымъ игралъ съ дѣтми. Потому угличане были строго наказаны за самовольную расправу съ мнимыми убійцами. Получивъ такое донесеніе комиссіи, патриархъ Іовъ, пріятель Годунова, при его содѣйствіи и возведенный два года назадъ въ патриаршій санъ, объявилъ соборнѣ, что смерть царевича приключилась судомъ Божиимъ. Тѣмъ дѣло пока и кончилось. Въ январѣ 1598 года умеръ царь Ѳедоръ. Послѣ него не осталось никого изъ Калитиной династіи, это бы могъ занять опустѣвшій престолъ. Присягнули было вдовѣ покойнаго, царицѣ Иринѣ; но она постриглась. Итакъ, династія вымерла нечисто, не своею смертью. Земскій соборъ подѣ предсѣдательствомъ того же патриарха Іова избралъ на царство правителя Бориса Годунова.

Борись и на престолѣ правилъ такъ же умно и остро- Борись на
престолѣ.
рожно, какъ прежде, стоя у престола при царѣ Ѳеодорѣ. По своему происхожденію онъ принадлежалъ къ большому, хотя и не первостепенному боярству. Годуновы — младшая вѣтвь стариннаго и важнаго московскаго боярскаго рода, шедшаго отъ выѣхавшаго изъ Орды въ Москву при Калитѣ мурзы Чета. Старшая вѣтвь того же рода, Сабуровы занимали очень видное мѣсто въ московскомъ боярствѣ; но Годуновы поднялись лишь недавно, въ царствованіе Грознаго, и опричина, кажется, много помогла ихъ возвышенію. Борись былъ посаженнымъ отцомъ на одной изъ многочисленныхъ свадебъ царя Ивана во время опричины; притомъ онъ сталъ зятемъ Малюты Скуратова Бѣльскаго, шефа опричниковъ, а женитьба царевича Ѳеодора на сестрѣ Бориса еще болѣе укрѣпила его положеніе при дворѣ. До учрежденія опричины въ Боярской думѣ не встрѣчаемъ Годуновыхъ; они появляются въ ней только съ 1573 г.; зато со смерти Грознаго они посыпались туда и все въ важныхъ званіяхъ бояръ и окольныхъ. Но самъ Борись не значился въ спискахъ опричниковъ и тѣмъ не уронилъ себя въ глазахъ общества, которое смотрѣло на нихъ, какъ на отверженныхъ людей, „кромѣшниковъ“: такъ острили надъ ними современники, играя синонимами *опричь* и *кромь*. Борись началъ царствованіе съ большимъ успѣхомъ, даже блескомъ, и первыми дѣйствіями на престолѣ вызвалъ всеобщее одобреніе. Современные витіи кудревато писали о немъ, что онъ своей политикой внутренней и внѣшней „зѣло проразсудительное къ народамъ мудроправство показа“. Въ немъ находили „велемудрый и многоразсудный разумъ“, называли его мужемъ зѣло чуднымъ и сладкорѣчивымъ и строительнымъ вельми, о державѣ своей многозаботливымъ. Съ восторгомъ отзывались о наружности и личныхъ качествахъ

царя, писали, что „никто бѣ ему отъ царскихъ синклитъ подобенъ въ благолѣпіи лица его и въ расужденіи ума его“, хотя и замѣчали съ удивленіемъ, что это былъ первый въ Россіи безкижнй государь, „грамотичнаго ученія не свѣдый до мала отъ юности, яко ни простымъ буквамъ навыченъ бѣ“. Но признавая, что онъ наружностью и умомъ всѣхъ людей превосходилъ и много похвальнаго учинилъ въ государствѣ, былъ свѣтлодушенъ, милостивъ и нищелюбивъ, хотя и неискусенъ въ военномъ дѣлѣ, находили въ немъ и нѣкоторые недостатки: онъ цвѣлъ добродѣтелями и могъ бы древнимъ царямъ уподобиться, если бы зависть и злоба не омрачили этихъ добродѣтелей. Его упрекали въ ненасытномъ властолюбіи и въ наклонности довѣрчиво слушать наушниковъ и преслѣдовать безъ разбора оболганныхъ людей, за что и воспріялъ онъ возмездіе. Считая себя малоспособнымъ къ ратному дѣлу и не довѣряя своимъ воеводамъ, царь Борисъ велъ нерѣшительную, двусмысленную внѣшнюю политику, не воспользовался ожесточенной враждой Польши со Швеціей, что давало ему возможность союзомъ съ королемъ шведскимъ пріобрѣсти отъ Польши Ливонію. Главное его вниманіе обращено было на устройство внутренняго порядка въ государствѣ, на „исправленіе всѣхъ нужныхъ царству вещей“, по выраженію келаря А. Палицына, и въ первые два года царствованія, замѣчаетъ келарь, Россія цвѣла всѣми благами. Царь крѣпко заботился о бѣдныхъ и нищихъ, расточалъ имъ милости, но жестоко преслѣдовалъ злыхъ людей и такими мѣрами пріобрѣлъ огромную популярность, „всѣмъ любезенъ бысть“. Въ устройствѣ внутренняго государственнаго порядка онъ даже обнаруживалъ необычную отвагу. Излагая исторію крестьянъ въ XVI в. (лекція XXXVII), я имѣлъ случай показать, что мнѣніе объ установленіи крѣпостной неволи

крестьянъ Борисомъ Годуновымъ принадлежить къ числу нашихъ историческихъ сказокъ. Напротивъ, Борисъ готовъ былъ на мѣру, имѣвшую упрочить свободу и благосостояніе крестьянъ: онъ, повидимому, готовилъ указъ, который бы точно опредѣлилъ повинности и оброки крестьянъ въ пользу землевладѣльцевъ. Это — законъ, на который не рѣшалось русское правительство до самаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ.

Такъ началъ царствовать Борисъ. Однако, несмотря на многолѣтнюю правительственную опытность, на милости, какія онъ щедро расточалъ по воцареніи всѣмъ классамъ, на правительственныя способности, которымъ въ немъ удивлялись, популярность его была непрочно. Борисъ принадлежалъ къ числу тѣхъ злосчастныхъ людей, которые и привлекали къ себѣ, и отталкивали отъ себя, — привлекали видимыми качествами ума и таланта, отталкивали незримыми, но чуждыми недостатками сердца и совѣсти. Онъ умѣлъ вызывать удивленіе и признательность, но никому не внушалъ довѣрія; его всегда подозрѣвали въ двуличіи и коварствѣ и считали на все способнымъ. Несомнѣнно, страшная школа Грознаго, которую прошелъ Годуновъ, положила на него неизгладимый печальный отпечатокъ. Еще при царѣ Ѳеодорѣ у многихъ составилъ взглядъ на Бориса, какъ на человѣка умнаго и дѣловитаго, но на все способнаго, не останавливающагося ни передъ какимъ нравственнымъ затрудненіемъ. Внимательные и безпристрастные наблюдатели, какъ дьякъ Ив. Тимоѣевъ, авторъ любопытныхъ записокъ о Смутномъ времени, характеризуя Бориса, отъ суровыхъ порицаній прямо переходятъ къ восторженнымъ хваламъ и только недоумѣваютъ, откуда бралось у него все, что онъ дѣлалъ добраго, было ли это даромъ природы, или дѣломъ сильной воли, умѣвшей до времени искусно носить

Толки и
слухи про
Бориса.

любую личину. Этотъ „рабоцарь“, царь изъ рабовъ, представлялся имъ загадочной смѣсью добра и зла, игрокомъ, у котораго чашки на вѣсахъ совѣсти постоянно колебались. При такомъ взглядѣ не было подозрѣнія и нареканія, котораго народная молва не была бы готова повѣсить на его имя. Онъ и хана крымскаго подъ Москву подводилъ, и добраго царя Ѳедора съ его дочерью ребенкомъ Ѳедосеей, своей родной племянницей, уморилъ, и даже собственную сестру царицу Александру отравилъ; и бывший земскій царь, полузабытый ставленникъ Грознаго Семень Бекбулатовичъ, ослѣпшій подъ старость, ослѣпленъ все тѣмъ же Б. Годуновымъ; онъ же кстати и Москву жегъ тотчасъ по убіеніи царевича Дмитрія, чтобы отвлечь вниманіе царя и столичнаго общества отъ углицкаго злодѣянія. Б. Годуновъ сталъ излюбленной жертвой всевозможной политической клеветы. Кому же, какъ не ему, убить и царевича Дмитрія? Такъ рѣшила молва, и на этотъ разъ не спроста. Незримыя уста понесли по міру эту роковую для Бориса молву. Говорили, что онъ не безъ грѣха въ этомъ темномъ дѣлѣ, что это онъ подослалъ убійцъ къ царевичу, чтобы проложить себѣ дорогу къ престолу. Современные лѣтописцы рассказывали объ участіи Бориса въ дѣлѣ, конечно, по слухамъ и догадкамъ. Прямыхъ уликъ у нихъ, понятно, не было и быть не могло: властные люди въ подобныхъ случаяхъ могутъ и умѣютъ прятать концы въ воду. Но въ лѣтописныхъ рассказахъ нѣтъ путаницы и противорѣчій, какими полно донесеніе углицкой слѣдственной комиссіи. Лѣтописцы вѣрно понимали затруднительное положеніе Бориса и его сторонниковъ при царѣ Ѳедорѣ: оно побуждало бить, чтобы не быть побитымъ. Вѣдь Нагіе не пощадили бы Годуновыхъ, если бы воцарился углицкій царевичъ. Борисъ отлично зналъ по самому себѣ, что люди, которые ползутъ къ сту-

пенькамъ престола, не любятъ и не умѣютъ быть великодушными. Однимъ развѣ лѣтописцы возбуждаютъ нѣкоторое сомнѣніе: это — неосторожная откровенность, съ какою ведетъ себя у нихъ Борисъ. Они взваливаютъ на правителя не только прямое и дѣятельное участіе, но какъ будто даже починъ въ дѣлѣ: неудачныя попытки отравить царевича, совѣщанія съ родными и присными о другихъ средствахъ извести Дмитрія, неудачный первый выборъ исполнителей, печаль Бориса о неудачѣ, утѣшеніе его Клешнинымъ, обѣщающимъ исполнить его желаніе, — все это подробности, безъ которыхъ, казалось бы, могли обойтись люди, столь привычныя къ интригѣ. Съ такимъ мастеромъ своего рода, какъ Клешнинъ, всѣмъ обязанный Борису и являющійся руководителемъ углицкаго преступленія, не было нужды быть столь откровеннымъ: достаточно было прозрачнаго намека, молчаливаго внушительнаго жеста, чтобы быть понятымъ. Во всякомъ случаѣ трудно предположить, чтобы это дѣло сдѣлалось безъ вѣдома Бориса, подстроено было какой-нибудь черезчуръ услужливой рукой, которая хотѣла сдѣлать угодное Борису, угадывая его тайные помыслы, а еще болѣе обезпечить положеніе своей партіи, державшейся Борисомъ. Прошло семь лѣтъ, — семь безмятежныхъ лѣтъ правленія Бориса. Время начинало стирать углицкое пятно съ Борисова лица. Но со смертью царя Федора подзрительная народная молва оживилась. Пошли слухи, что и избраніе Бориса на царство было нечисто, что отравивъ царя Федора, Годуновъ достигъ престола полицейскими уловками, которыя молва возводила въ цѣлую организацію. По всѣмъ частямъ Москвы и по всѣмъ городамъ разосланы были агенты, даже монахи изъ разныхъ монастырей, подбивавшіе народъ просить Бориса на царство „всѣмъ міромъ“; даже царица-вдова усердно помогала брату, тайно деньгами

и лъстивыми обѣщаніями соблазняя стрѣлцкихъ офицеровъ дѣйствовать въ пользу Бориса. Подъ угрозою тяжелаго штрафа за сопротивленіе полиція въ Москвѣ сгоняла народъ къ Новодѣвичьему монастырю челомъ бить и просить у постригшейся царицы ея брата на царство. Многочисленные пристава наблюдали, чтобъ это народное челобитіе приносилось съ великимъ воплемъ и слезами, и многіе, не имѣя слезъ наготовѣ, мазали себѣ глаза слюнями, чтобы отклонить отъ себя палки приставовъ. Когда царица подходила къ окну кельи, чтобы удостовѣриться во всенародномъ моленіи и плачѣ, по данному изъ кельи знаку весь народъ долженъ былъ падать ницъ на землю; не успѣвшихъ или не хотѣвшихъ это сдѣлать пристава пинками въ шею сзади заставляли кланяться въ землю, и всѣ, поднимаясь, завывали точно волки. Отъ неистоваго вопля разсѣдались утробы кричавшихъ, лица багровѣли отъ натуги, приходилось затыкать уши отъ общаго крика. Такъ повторялось много разъ. Умиленная зрѣлищемъ такой преданности народа, царица, наконецъ, благословила брата на царство. Горечь этихъ разсказовъ, можетъ быть, преувеличенныхъ, рѣзко выражаетъ степень ожесточенія, какое Годуновъ и его сторонники постарались поселить къ себѣ въ обществѣ. Наконецъ, въ 1604 г. пошелъ самый страшный слухъ. Года три уже въ Москвѣ шептали про невѣдомаго человѣка, называвшаго себя царевичемъ Дмитріемъ. Теперь разнеслась громкая вѣсть, что агенты Годунова промахнулись въ Угличѣ, зарѣзали подставнаго ребенка, а настоящій царевичъ живъ и идетъ изъ Литвы добывать прародительскаго престола. Замутились при этихъ слухахъ умы у русскихъ людей, и пошла смута. Царь Борисъ умеръ весной 1605 г., потрясенный успѣхами самозванца, который, вопарившись въ Москвѣ, вскорѣ былъ убитъ.

Такъ подготовлялась и началась смута. Какъ вы видите, Самозван-
ство. она была вызвана двумя поводами: насильственнымъ и таинственнымъ пресѣченіемъ старой династіи и потомъ искусственнымъ ея воскрешеніемъ въ лицѣ перваго самозванца. Насильственное и таинственное пресѣченіе династіи было первымъ толчкомъ къ смутѣ. Пресѣченіе династіи есть, конечно, несчастіе въ исторіи монархическаго государства; нигдѣ однако оно не сопровождалось такими разрушительными послѣдствіями, какъ у насъ. Погаснетъ династія, выберутъ другую, и порядокъ восстанавливается; при этомъ обыкновенно не появляются самозванцы, или на появившихся не обращаютъ вниманія и они исчезаютъ сами собою. А у насъ съ легкой руки перваго Лжедмитрія самозванство стало хронической болѣзью государства: съ тѣхъ поръ чуть не до конца XVIII в. рѣдкое царствование проходило безъ самозванца, а при Петрѣ за недостаткомъ такового народная молва настоящаго царя превратила въ самозванца. Итакъ, ни пресѣченіе династіи, ни появленіе самозванца не могли бы сами по себѣ послужить достаточными причинами смуты; были какія-либо другія условія, которыя сообщили этимъ событіямъ такую разрушительную силу. Этимъ настоящимъ причинамъ смуты надобно искать подъ внѣшними поводами, ее вызвавшими.

Лекція XLII.

Послѣдовательное вхожденіе въ смуту всѣхъ классовъ общества.— Царь Борисъ и бояре.— Лжедимитрій I и бояре.— Царь Василій и большое боярство.— Подкрестная запись царя Василія и ея значеніе.— Среднее боярство и столичное дворянство.— Договоръ 4 февраля 1610 г. и московскій договоръ 17 августа 1610 г.— Ихъ сравненіе.— Провинціальное дворянство и земскій приговоръ 30 іюня 1611 г.— Участіе низшихъ классовъ въ смутѣ.

Скрытыя причины смуты открываются при обзорѣ событій Смутнаго времени въ ихъ послѣдовательномъ развитіи и внутренней связи. Отличительной особенностью смуты является то, что въ ней послѣдовательно выступаютъ всѣ классы русскаго общества, и выступаютъ въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они лежали въ тогдашнемъ составѣ русскаго общества, какъ были размѣщены по своему сравнительному значенію въ государствѣ на соціальной лѣстницѣ чиновъ. На вершинѣ этой лѣстницы стояло боярство: оно и начало смуты.

Царь
Борисъ.

Царь Борисъ законнымъ путемъ земскаго соборнаго избранія вступилъ на престоль и могъ стать основателемъ новой династїи какъ по своимъ личнымъ качествамъ, такъ и по своимъ политическимъ заслугамъ. Но бояре, много натерпѣвшіеся при Грозномъ, теперь при выборномъ царѣ изъ своей братїи не хотѣли довольствоваться простымъ

обычаемъ, на которомъ держалось ихъ политическое значеніе при прежней династіи. Они ждали отъ Бориса болѣе прочнаго обезпеченія этого значенія, т.-е. ограниченія его власти формальнымъ актомъ, „чтобы онъ государству по предписанной грамотѣ крестъ цѣловалъ“, какъ говоритъ извѣстіе, дошедшее отъ того времени въ бумагахъ историка XVIII в. Татищева. Борисъ поступилъ съ обычнымъ своимъ двоедушіемъ: онъ хорошо понималъ молчаливое ожиданіе бояръ, но не хотѣлъ ни уступить, ни отказать прямо, и вся затѣянная имъ комедія упрямаго отказа отъ предлагаемой власти была только уловкой съ цѣлью уклониться отъ условій, на которыхъ эта власть предлагалась. Бояре молчали, ожидая, что Годуновъ самъ заговорить съ ними объ этихъ условіяхъ, о крестоцѣлованіи, а Борисъ молчалъ и отказывался отъ власти, надѣясь, что земскій соборъ выберетъ его безъ всякихъ условій. Борисъ перемолчалъ бояръ и былъ избранъ безъ всякихъ условій. Это была ошибка Годунова, за которую онъ со своей семьей жестоко поплатился. Онъ сразу далъ этимъ чрезвычайно фальшивую постановку своей власти. Ему слѣдовало всего крѣпче держаться за свое значеніе земскаго избранника, а онъ старался пристроиться къ старой династіи по вымышленнымъ завѣщательнымъ распоряженіямъ. Соборное опредѣленіе смѣло увѣряетъ, будто Грозный, поручая Борису своего сына Федора, сказалъ: „по его преставленіи тебѣ приказываю и царство сіе“. Какъ будто Грозный предвидѣлъ и гибель царевича Димитрія, и бездѣтную смерть Федора. И царь Федоръ, умирая, будто „вручилъ царство свое“ тому же Борису. Всѣ эти выдумки — плодъ пріятельскаго усердія патріарха Іова, редактировавшаго соборное опредѣленіе. Борисъ былъ не наслѣдственный вотчинникъ Московскаго государства, а народный избранникъ, начиналъ особый рядъ царей съ новымъ государствен-

нымъ значеніемъ. Чтобы не быть смѣшнымъ или ненавистнымъ, ему слѣдовало и вести себя иначе, а не пародировать погибшую династію съ ея удѣльными привычками и предразсудками. Большіе бояре съ князьями Шуйскими во главѣ были противъ избранія Бориса, опасаясь, по выраженію лѣтописца, что „быти отъ него людемъ и себѣ гоненію“. Надобно было разсѣять это опасеніе, и нѣкоторое время большое боярство, кажется, ожидало этого. Одинъ сторонникъ царя Василія Шуйскаго, писавшій по его внушенію, замѣчаетъ, что большіе бояре, князья Рюриковичи, сродники по родословцу прежнихъ царей московскихъ и достойные ихъ преемники, не хотѣли избирать царя изъ своей среды, а отдали это дѣло на волю народу, такъ какъ и безъ того они были при прежнихъ царяхъ велики и славны не только въ Россіи, но и въ дальнихъ странахъ. Но это величіе и славу надобно было обезпечить отъ произвола, не признающаго ни великихъ, ни славныхъ, а обезпеченіе могло состоять только въ ограниченіи власти избраннаго царя, чего и ждали бояре. Борису слѣдовало взять на себя починъ въ дѣлѣ, превративъ при этомъ земскій соборъ изъ случайнаго должностнаго собранія въ постоянное народное представительство, идея котораго уже бродила, какъ мы видѣли (лекція XL), въ московскихъ умахъ при Грозномъ и созыва котораго требовалъ самъ Борисъ, чтобы быть всенародно избраннымъ. Это примирило бы съ нимъ оппозиціонное боярство и — кто знаетъ? — отвратило бы бѣды, постигшія его съ семьей и Россію, сдѣлавъ его родоначальникомъ новой династіи. Но „пронырѣ лукавый“ при недостаткѣ политическаго сознанія перехитрилъ самого себя. Когда бояре увидали, что ихъ надежды обмануты, что новый царь расположенъ править такъ же самовластно, какъ правилъ Иванъ Грозный, они рѣшили тайно дѣйствовать противъ него. Рус-

скіе современники прямо объясняютъ несчастія Бориса негодованіемъ чиновачальниковъ всей Русской земли, отъ которыхъ много напастныхъ золь на него возстало. Чуя глухой ропоть бояръ, Борисъ принялъ мѣры, чтобы оградить себя отъ ихъ возней: была сплетена сложная сѣтъ тайнаго полицейскаго надзора, въ которомъ главную роль играли боярскіе холопы, доносившіе на своихъ господъ, и выпущенные изъ тюремъ воры, которые, шныряя по московскимъ улицамъ, подслушивали, что говорили о царѣ, и хватали каждого, сказавшаго неосторожное слово. Доносъ и клевета быстро стали страшными общественными язвами: доносили другъ на друга люди всѣхъ классовъ, даже духовные; члены семействъ боялись говорить другъ съ другомъ; страшно было произнести имя царя — сыщикъ хваталъ и доставлялъ въ застѣнокъ. Доносы сопровождались опалами, пытками, казнями и разореціемъ домовъ. „Ни при одномъ государѣ такихъ бѣдъ не бывало“, по замѣчанію современниковъ. Съ особеннымъ озлобленіемъ накинулся Борисъ на значительный боярскій кружокъ съ Романовыми во главѣ, въ которыхъ, какъ въ двоюродныхъ братьяхъ царя Федора, видѣлъ своихъ недоброжелателей и соперниковъ. Пятерыхъ Никитичей, ихъ родныхъ и пріятелей съ женами, дѣтьми, сестрами, племянниками разбросали по отдаленнымъ угламъ государства, а старшаго Никитича, будущаго патріарха Филарета, при этомъ еще и постригли, какъ и жену его. Наконецъ, Борисъ совсѣмъ обезумѣлъ, хотѣлъ знать домашніе помыслы, читать въ сердцахъ и хозяйничать въ чужой совѣсти. Онъ разослалъ всюду особую молитву, которую во всѣхъ домахъ за трапезой должны были произносить при заздравной чашѣ за царя и его семейство. Читая эту лицемѣрную и хвастливую молитву, проникаешься сожалѣніемъ, до чего можетъ потеряться человекъ, хотя бы и царь. Всѣми этими мѣрами

Борисъ создалъ себѣ ненавистное положеніе. Боярская знать съ вѣковыми преданіями скрылась по подворьямъ, усадьбамъ и дальнимъ тюрьмамъ. На ея мѣсто повылѣзли изъ щелей невѣдомые Годуновы съ товарищи и завистливой шайкой окружили престоль, наполнили дворъ. На мѣсто династїи стала родня, главой которой явился земскій избранныкъ, превратившійся въ мелкодушнаго полицейскаго труса. Онъ спрятался во дворцѣ, рѣдко выходилъ къ народу и не принималъ самъ челобитныхъ, какъ это дѣлали прежніе цари. Всѣхъ подозрѣвая, мучась воспоминаніями и страхами, онъ показаль, что всѣхъ боится, какъ воръ, ежеминутно опасующійся быть пойманнымъ, по удачному выраженію одного жившаго тогда въ Москвѣ иностранца.

Лжедмитрія I.

Въ гнѣздѣ наиболѣе гонимаго Борисомъ боярства съ Романовыми во главѣ, по всей вѣроятности, и была высечена мысль о самозванцѣ. Винили поляковъ, что они его подстроили; но онъ былъ только испечень въ польской печкѣ, а заквапень въ Москвѣ. Не даромъ Борисъ, какъ только услышалъ о появленіи Лжедмитрія, прямо сказалъ боярамъ, что это ихъ дѣло, что они подставили самозванца. Этотъ *невѣдомый кто-то*, возсѣвшій на московскій престоль послѣ Бориса, воздуждаетъ большой анекдотическій интересъ. Его личность доселѣ остается загадочной, несмотря на всѣ усилія ученыхъ разгадать ее. Долго господствовало мнѣніе, идущее отъ самого Бориса, что это былъ сынъ галицкаго мелкаго дворянина Юрій Отрепьевъ, въ иночествѣ Григорій. Не буду рассказывать о похожденияхъ этого человѣка, вамъ достаточно извѣстныхъ. Упомяну только, что въ Москвѣ онъ служилъ холопомъ у бояръ Романовыхъ и у князя Черкаскаго, потомъ принялъ монашество, за книжность и составленіе похвалы московскимъ чудотворцамъ взять быть къ патріарху въ книгописци

и здѣсь вдругъ съ чего-то началъ говорить, что онъ, пожалуй, будетъ и царемъ на Москвѣ. Ему предстояло за это заглохнуть въ дальнемъ монастырѣ; но какіе-то сильные люди прикрыли его, и онъ бѣжалъ въ Литву въ то самое время, когда обрушились опалы на романовскій кружокъ. Тотъ, кто въ Польшѣ назвался перевичемъ Дмитріемъ, признавался, что ему покровительствовалъ В. Щелкаловъ, большой дьякъ, тоже подвергавшійся гоненію отъ Годунова. Трудно сказать, былъ ли первымъ самозванцемъ этотъ Григорій, или кто другой, что, впрочемъ, менѣе вѣроятно. Но для насъ важна не личность самозванца, а его личина, роль, имъ сыгранная. На престолѣ московскихъ государей онъ былъ небывалымъ явленіемъ. Молодой человѣкъ роста ниже средняго, некрасивый, рыжеватый, неловкій, съ грустно-задумчивымъ выраженіемъ лица, онъ въ своей наружности вовсе не отражалъ своей духовной природы: богато одаренный, съ бойкимъ умомъ, легко разрѣшавшимъ въ Боярской думѣ самые трудные вопросы, съ живымъ, даже пылкимъ темпераментомъ, въ опасныя минуты доводившимъ его храбрость до удалства, податливый на увлеченія, онъ былъ мастеръ говорить, обнаруживалъ и довольно разнообразныя знанія. Онъ совершенно измѣнилъ чопорный порядокъ жизни старыхъ московскихъ государей и ихъ тяжелое, угнетательное отношеніе къ людямъ, нарушалъ заветныя обычаи священной московской старины, не спалъ послѣ обѣда, не ходилъ въ баню, со всѣми обращался просто, обходительно, не по-царски. Онъ тотчасъ показалъ себя дѣятельнымъ управителемъ, чуждался жестокости, самъ вникалъ во все, каждый день бывалъ въ Боярской думѣ, самъ обучалъ ратныхъ людей. Своимъ образомъ дѣйствій онъ пріобрѣлъ широкую и сильную привязанность въ народѣ, хотя въ Москвѣ кое-кто подозрѣвалъ и открыто обличалъ

его въ самозванствѣ. Лучшій и преданнѣйшій его слуга П. Ѳ. Басмановъ подъ рукой признавался иностранцамъ, что царь — не сынъ Ивана Грознаго, но его признаютъ царемъ потому, что присягали ему, и потому еще, что лучшаго царя теперь и не найти. Но самъ Лжедмитрій смотрѣлъ на себя совсѣмъ иначе: онъ держался какъ законный, природный царь, вполне увѣренный въ своемъ царственномъ происхожденіи; никто изъ близко знавшихъ его людей не подмѣтилъ на его лицѣ ни малѣйшей морщины сомнѣнія въ этомъ. Онъ былъ убѣжденъ, что и вся земля смотреть на него точно такъ же. Дѣло о князьяхъ Шуйскихъ, распространявшихъ слухи о его самозванствѣ, свое личное дѣло, онъ отдалъ на судъ всей земли и для того созвалъ земскій соборъ, первый соборъ, приблизившійся къ типу народно-представительнаго, съ выборными отъ всѣхъ чиновъ или сословій. Смертный приговоръ, произнесенный этимъ соборомъ, Лжедмитрій замѣнилъ ссылкой, но скоро вернулъ ссыльныхъ и возвратилъ имъ боярство. Царь, сознававшій себя обманщикомъ, укравшимъ власть, едва ли поступилъ бы такъ рискованно и довѣрчиво, а Борисъ Годуновъ въ подобномъ случаѣ, навѣрное, раздѣлался бы съ попавшимися келейно въ застѣнѣ, а потомъ переморилъ бы ихъ по тюрьмамъ. Но какъ сложился въ Лжедмитріи такой взглядъ на себя, это остается загадкой столько же исторической, сколько и психологической. Какъ бы то ни было, но онъ не усидѣлъ на престолѣ, потому что не оправдалъ боярскихъ ожиданій. Онъ не хотѣлъ быть орудіемъ въ рукахъ бояръ, дѣйствовалъ слишкомъ самостоятельно, развивалъ свои особые политическіе планы, во внѣшней политикѣ даже очень смѣлые и широкіе, хлопоталъ поднять противъ турокъ и татаръ всѣ католическія державы съ православной Россіей во главѣ. По временамъ онъ ставилъ на видъ

своимъ совѣтникамъ въ думѣ, что они ничего не видали, ничему не учились, что имъ надо ѣздить за границу для образованія; но это онъ дѣлалъ вѣжливо, безобидно. Всего досаднѣе было для великородныхъ бояръ приближеніе къ престолу мнимой незнатной родни царя и его слабость къ иноземцамъ, особенно къ католикамъ. Въ Боярской думѣ рядомъ съ однимъ кн. Мстиславскимъ, двумя князьями Шуйскими и однимъ кн. Голицынымъ въ званіи бояръ сидѣло цѣлыхъ пятеро какихъ-нибудь Нагихъ, а среди окольныхъ значилось три бывшихъ дьяка. Еще болѣе возмущали не однихъ бояръ, но и всѣхъ москвичей своевольные и разгульные поляки, которыми новый царь наводнилъ Москву. Въ запискахъ польскаго гетмана Жолкевскаго, принимавшаго дѣятельное участіе въ московскихъ дѣлахъ Смутнаго времени, рассказана одна небольшая сцена, разыгравшаяся въ Краковѣ, выразительно изображающая положеніе дѣлъ въ Москвѣ. Въ самомъ началѣ 1606 г. туда пріѣхалъ отъ Лжедмитрія посолъ Безобразовъ извѣстить короля о вступленіи новаго царя на московскій престолъ. Справивъ посольство по чину, Безобразовъ мигнулъ канцлеру въ знакъ того, что желаетъ поговорить съ нимъ наединѣ, и назначенному выслушать его пану сообщилъ данное ему князьями Шуйскими и Голицыными порученіе — попенять королю за то, что онъ далъ имъ въ царя человѣка низкаго и легкомысленнаго, жестокаго, распутнаго мота, недостойнаго занимать московскій престолъ и не умѣющаго прилично обращаться съ боярами; они де не знаютъ, какъ отъ него отдѣлаться, и ужъ лучше готовы признать своимъ царемъ королевича Владислава. Очевидно, большая знать въ Москвѣ что-то затѣвала противъ Лжедмитрія и только боялась, какъ бы король не заступился за своего ставленника. Своими привычками и выходками, особенно легкимъ отпо-

шеніемъ ко всякимъ обрядамъ, отдѣльными поступками распоряженіями, заграничными сношеніями Лжедмитріи возбуждалъ противъ себя въ различныхъ слояхъ московскаго общества множество нареканій и неудовольствій, хотя въ столицѣ, въ народныхъ массахъ популярность его не ослабѣвала замѣтно. Однако главная причина его паденія была другая. Ее высказалъ коноводъ боярскаго заговора, составившагося противъ самозванца, кн. В. И. Шуйскій. На собраніи заговорщиковъ наканунѣ возстанія онъ откровенно заявилъ, что призналъ Лжедмитрію только для того, чтобы избавиться отъ Годунова. Большимъ боярамъ нужно было создать самозванца, чтобы низложить Годунова, а потомъ низложить и самозванца, чтобы открыть дорогу къ престолу одному изъ своей среды. Они такъ и сдѣлали, только при этомъ раздѣлили работу между собою: роматовскій кружокъ сдѣлалъ первое дѣло, а титулованный кружокъ съ кн. В. И. Шуйскимъ во главѣ исполнилъ второй актъ. Тѣ и другіе бояре видѣли въ самозванцѣ свою ряженую куклу, которую, поддержавъ до времени на престолѣ, потомъ выбросили на задворки. Однако заговорщики не надѣялись на успѣхъ возстанія безъ обмана. Всего больше роптали на самозванца изъ-за поляковъ; но бояре не рѣшались поднять народъ на Лжедмитрію и на поляковъ вмѣстѣ, а раздѣлили обѣ стороны, и 17 мая 1606 г. вели народъ въ Кремль съ крикомъ: „поляки бьютъ бояръ и государя“. Ихъ цѣль была окружить Лжедмитрію будто для защиты и убить его.

В. Шуйскій. Послѣ царя-самозванца на престолѣ вступилъ князь В. И. Шуйскій, царь-заговорщикъ. Это былъ пожилой 54-лѣтній бояринъ небольшого роста, невзрачный, подслѣповатый, человекъ неглупый, но болѣе хитрый, чѣмъ умный, донельзя изолгавшійся и изынтриганившійся, прошедшій огонь и воду,

выдавшій и плаху и не попробовавшій ея только по милости самозванца, противъ котораго онъ исподтишка дѣйствовалъ, большой охотникъ до наушниковъ и сильно побаявавшійся колдуновъ. Свое царствованіе онъ открылъ рядомъ грамотъ, республикованныхъ по всему государству, и въ каждомъ изъ этихъ манифестовъ заключалось по меньшей мѣрѣ по одной лжи. Такъ въ записи, на которой онъ крестъ цѣловаль, онъ писалъ: „поволилъ онъ крестъ цѣловать на томъ, что ему никого смерти не предавать, не осудя истиннымъ судомъ съ боярами своими“. На самомъ дѣлѣ, какъ сейчасъ увидимъ, цѣлуя крестъ, онъ говорилъ совсѣмъ не то. Въ другой грамотѣ, писанной отъ имени бояръ и разныхъ чиновъ людей, читаемъ, что по низложеніи Гришки Отрепьева Освященный соборъ, бояре и всякіе люди избрали государя „всѣмъ Московскимъ государствомъ“ и избрали князя Василія Ивановича, всея Руси самодержца. Актъ говорить ясно о соборномъ избраніи царя; но такого избранія не было. Правда, по низверженіи самозванца бояре думали, какъ бы сговориться со всей землей и вызвать въ Москву изъ городовъ всякихъ людей, чтобы „по совѣту выбрать государя такого, который бы всѣмъ былъ любъ“. Но князь Василій боялся городовыхъ, провинціальныхъ избирателей и самъ посовѣтоваль обойтись безъ земскаго собора. Его признали царемъ келейно немногіе сторонники изъ большого титулованнаго боярства, а на Красной площади имя его прокричала преданная ему толпа москвичей, которыхъ онъ поднялъ противъ самозванца и поляковъ; даже и въ Москвѣ, по лѣтописцу, многіе не вѣдали про это дѣло. Въ третьей грамотѣ отъ своего имени новый царь не побрезговаль лживымъ или поддѣльнымъ польскимъ показаніемъ о намѣреніи самозванца перебить всѣхъ бояръ, а всѣхъ православныхъ христіанъ обратить въ люторскую

и латынскую вѣру. Тѣмъ не менѣе воцареніе кн. Василія составило эпоху въ нашей политической исторіи. Вступая на престолъ, онъ ограничилъ свою власть и условія этого ограниченія официально изложилъ въ разосланной по областямъ записи, на которой онъ цѣловаль крестъ при воцареніи.

Подирестная
запись
В. Шуйскаго.

Запись слишкомъ ската, неотчетлива, производитъ впечатлѣніе спѣшнаго черноваго наброска. Въ концѣ ея царь даетъ всѣмъ православнымъ христіанамъ одно общее клятвенное обязательство судить ихъ „истиннымъ, праведнымъ судомъ“, по закону, а не по усмотрѣнію. Въ изложеніи записи это условіе нѣсколько расчленено. Дѣла о наиболѣе тяжкихъ преступленіяхъ, караемыхъ смертю и конфискаціей имущества преступника, царь обязуется вершить непременно „съ бояры своими“, т.-е. съ думой, и при этомъ отказывается отъ права конфисковать имущество у братья и семьи преступника, не участвовавшихъ въ преступленіи. Вслѣдъ за тѣмъ царь продолжаетъ: „да и доводовъ (доносовъ) ложныхъ мнѣ не слушать, а сыскивать всякими сысками накрѣпко и ставить съ очей на очи“, а за ложный доносъ по сыску наказывать смотря по винѣ, взведенной на оболганнаго. Здѣсь рѣчь идетъ какъ будто о дѣяніяхъ менѣе преступныхъ, которыя разбирались однимъ царемъ, безъ думы, и точнѣе опредѣляется понятіе истиннаго суда. Такъ запись повидимому различаетъ два вида высшаго суда: судъ царя съ думой и единоличный судъ царя. Запись оканчивается условіемъ особаго рода: царь обязуется „безъ вины опалы своей не власти“. Опала, немилость государя падала на служилыхъ людей, которые чѣмъ-либо вызывали его недовольство. Она сопровождалась соотвѣтственными неисправности опальнаго или государеву недовольству служебными лишеніями, временнымъ удаленіемъ отъ двора,

отъ „пресвѣтлыхъ очей“ государя, пониженіемъ чина или должности, даже имущественной карой, отобраніемъ помѣстья или городского подворья. Здѣсь государь дѣйствовалъ уже не судебной, а дисциплинарной властью, охраняющей интересы и порядокъ службы. Какъ выраженіе хозяйской воли государя, опала не нуждалась въ оправданіи и при старомосковскомъ уровнѣ человѣчности подчасъ принимала формы дикаго произвола, превращаясь изъ дисциплинарной мѣры въ уголовную кару: при Грозномъ одно сомнѣніе въ преданности долгу службы могло привести опальнаго на плаху. Царь Василій далъ смѣлый обѣтъ, котораго потомъ, конечно, не исполнилъ, опалиться только за дѣло, за вину, а для разысканія вины необходимо было установить особое дисциплинарное производство.

Запись, какъ видите, очень односторонняя. Всѣ обязательства, принятыя на себя царемъ Васи́лемъ по этой записи, направлены были исключительно къ огражденію личной и имущественной безопасности подданныхъ отъ произвола сверху, но не касались прямо общихъ основаній государственнаго порядка, не измѣняли и даже не опредѣляли точнѣе значенія, компетенціи и взаимнаго отношенія царя и высшихъ правительственныхъ учреждений. Царская власть ограничивалась совѣтомъ бояръ, вмѣстѣ съ которымъ она дѣйствовала и прежде; но это ограниченіе связывало царя лишь въ судныхъ дѣлахъ, въ отношеніи къ отдѣльнымъ лицамъ. Впрочемъ, происхожденіе подкрестной записи было сложнѣе ея содержанія: она имѣла свою закулисную исторію. Лѣтописецъ рассказываетъ, что царь Василій тотчасъ по своемъ провозглашеніи пошелъ въ Успенскій соборъ и началъ тамъ говорить, чего искони вѣковъ въ Московскомъ государствѣ не важивалось: „цѣлую крестъ *всей земль* на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ ничего не дѣлати *безъ собору*,

Вахарангерь
и происхо-
жденіе.

никакого дурна". Бояре и всякіе люди говорили царю, чтобы онъ *на томъ* креста не цѣловаль, потому что въ Московскомъ государствѣ того не повелось; но онъ никого не послушалъ. Поступокъ Василя показался боярамъ революціонной выходкой: царь призываль къ участію въ своей царской судной расправѣ не Боярскую думу, исконную соотрудицу государей въ дѣлахъ суда и управленія, а земскій соборъ, недавнее учрежденіе, изрѣдка созываемое для обсужденія чрезвычайныхъ вопросовъ государственной жизни. Въ этой выходкѣ увидѣли небывалую повизну, попытку поставить соборъ на мѣсто думы, перемѣстить центръ тяжести государственной жизни изъ боярской среды въ народное представительство. Править съ земскимъ соборомъ рѣшался царь, побоявшійся воцариться съ его помощью. Но и царь Василий зналь, что дѣлаль. Обязавшись предъ товарищами накануне возстанія противъ самозванца править „по общему совѣту“ съ ними, подкинутый землѣ кружкомъ знатныхъ бояръ, онъ являлся царемъ боярскимъ, партійнымъ, вынужденнымъ смотрѣть изъ чужихъ рукъ. Онъ, естественно, искаль земской опоры для своей некорректной власти и въ земскомъ соборѣ надѣялся найти противовѣсъ Боярской думѣ. Клятвенно обязуясь передъ всей землей не карать безъ собора, онъ рассчитываль избавиться отъ боярской опеки, стать земскимъ царемъ и ограничить свою власть учрежденіемъ, къ тому непривычнымъ, т. е. освободить ее отъ всякаго дѣйствительнаго ограниченія. Подкрестная запись въ томъ видѣ, какъ она была обнародована, является плодомъ сдѣлки царя съ боярами. По предварительному негласному уговору царь дѣлиль свою власть съ боярами во всѣхъ дѣлахъ законодательства, управленія и суда. Отстоявъ свою думу противъ земскаго собора, бояре не настаивали на обнародованіи всѣхъ вынужденныхъ ими у царя усту-

покъ: съ ихъ стороны было даже неблагоприятно являть всему обществу, какъ чисто удалось имъ оципать своего стараго пѣтуха. Подкрестная запись усиленно отмѣчала значеніе Боярской думы, только какъ полномочной сотрудницы царя въ дѣлахъ высшаго суда. Въ то время высшему боярству только это и было нужно. Какъ правительственный классъ, оно дѣлило власть съ государями въ продолженіе всего XVI в.; но отдѣльныя лица изъ его среды много терпѣли отъ произвола верховной власти при царяхъ Иванѣ и Борисѣ. Теперь, пользуясь случаемъ, боярство и спѣшило устранить этотъ произволь, оградить частныя лица, т.-е. самихъ себя, отъ повторенія испытанныхъ бѣдствій, обязавъ царя призывать къ участию въ политическомъ судѣ Боярскую думу, въ увѣренности, что правительственная власть и впредь останется въ его рукахъ въ силу обычая.

При всей неполнотѣ своей подкрестная запись царя Ва.^{Ея политическое значеніе.} силія есть новый детолѣ небывалый актъ въ московскомъ государственномъ правѣ: это — первый опытъ построенія государственнаго порядка на основѣ формально ограниченной верховной власти. Въ составъ этой власти вводился элементъ или точнѣе актъ, совершенно измѣнявшій ея характеръ и постановку. Мало того, что царь Василій ограничивалъ свою власть: крестной клятвой онъ еще скрѣплялъ ея ограниченіе и являлся не только выборнымъ, но и присяжнымъ царемъ. Присяга отрицала въ самомъ существѣ личную власть царя прежней династїи, сложившуюся изъ удѣльныхъ отношеній государя-хозяина: развѣ домохозяева присягаютъ своимъ слугамъ и постояльцамъ? Вместь съ тѣмъ царь Василій отказывался отъ трехъ прерогативъ, въ которыхъ наиболѣе явственно выражалась эта личная власть царя. То были: 1) „опала безъ вины“, царская немилость безъ достаточнаго повода, по личному усмотрѣнію;

2) конфискація имущества у непричастной къ преступленію семьи и родни преступника — отказомъ отъ этого права упразднялся старинный институтъ политической отвѣтственности рода за родичей; наконецъ 3) чрезвычайный слѣдственно-полицейскій судъ по доносамъ съ пытками и оговорами, но безъ очныхъ ставокъ, свидѣтельскихъ показаній и другихъ средствъ нормального процесса. Эти прерогативы составляли существенное содержаніе власти московскаго государя, выраженное изреченіями дѣда и внука, словами Ивана III: *кому хочю, тому и дамъ княженіе* и словами Ивана IV: *жаловать своихъ холопей вольны мы и казнить ихъ вольны же*. Клятвенно стряхая съ себя эти прерогативы, Василій Шуйскій превращался изъ государя холоповъ въ правомѣрнаго царя подданныхъ, правящаго по законамъ.

Второй слой
правящаго
класса всту-
паетъ въ
смуту.

Но боярство, какъ правительственный классъ, въ продолженіе смуты не дѣйствовало единодушно, раскололось на два слоя: отъ первостепенной знати замѣтно отдѣляется среднее боярство, къ которому примыкаютъ столичное дворянство и приказные дѣльцы, дьяки. Этотъ второй слой правящаго класса дѣятельно вмѣшивается въ смуту съ воцаренія Василя. Среди него и выработался другой планъ государственнаго устройства, тоже основанный на ограниченіи верховной власти, но гораздо шире захватывавшій политическія отношенія сравнительно съ подерестной записью царя Василя. Актъ, въ которомъ изложенъ этотъ планъ, составленъ былъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Царемъ Василю мало кто былъ доволенъ. Главными причинами недовольства были некорректный путь В. Шуйскаго къ престолу и его зависимость отъ кружка бояръ, его избравшихъ и игравшихъ имъ какъ ребенкомъ, по выраженію современника. Недовольны наличнымъ царемъ — стало быть, надобенъ самозванецъ: самозванство становилось стереотип-

ной формой русскаго политическаго мышленія, въ которую отливало всякое общественное недовольство. И слухи о спасеніи Лжедмитрія I, т.-е. о второмъ самозванцѣ, пошли съ первыхъ минутъ царствованія Василія, когда второго Лжедмитрія еще не было и въ заводѣ. Во имя этого призрака уже въ 1606 г. поднялись противъ Василія Сѣверская земля и заокскіе города съ Путивлемъ, Тулой и Рязанью во главѣ. Мятежники, пораженные подъ Москвою царскими войсками, укрылись въ Тулѣ и оттуда обратились къ пану Мнишку въ его мастерскую русскаго самозванства съ просьбой выслать имъ какого-ни-на-есть человѣка съ именемъ царевича Дмитрія. Лжедмитрій II, наконецъ, нашелся и усиленный польско-литовскими и казацкими отрядами лѣтомъ 1608 г. стоялъ въ подмосковномъ селѣ Тушинѣ, подводя подъ свою воровскую руку самую сердцевицу Московскаго государства, междурѣчье Оки-Волги. Международныя отношенія еще болѣе осложнили ходъ московскихъ дѣлъ. Я упоминалъ уже о враждѣ, шедшей тогда между Швеціей и Польшей изъ-за того, что у выборнаго короля польскаго Сигизмунда III отнялъ наслѣдственный шведскій престолъ его дядя Карлъ IX. Такъ какъ второго самозванца, хотя и негласно, но довольно явно поддерживало польское правительство, то царь Василій обратился за помощью противъ тушинцевъ къ Карлу IX. Переговоры, веденные племянникомъ царя княземъ Скопинымъ-Шуйскимъ, окончились посылкой вспомогательнаго шведскаго отряда подъ начальствомъ генерала Делагарди, за что царь Василій принужденъ былъ заключить вѣчный союзъ со Швеціей противъ Польши и пойти на другія тяжкія уступки. На такой прямой вызовъ Сигизмундъ отвѣчалъ открытымъ разрывомъ съ Москвою и осенью 1609 г. осадилъ Смоленскъ. Въ тушинскомъ лагерѣ у самозванца служило много поляковъ подъ главнымъ

начальствомъ князя Рожинскаго, который былъ гетманомъ въ тушинскомъ станѣ. Презираемый и оскорбляемый своими польскими союзниками, царикъ въ мужицкомъ платьѣ и на навозныхъ саняхъ едва ускользнулъ въ Калугу изъ-подъ бдительнаго надзора, подъ каковымъ его держали въ Тушинѣ. Послѣ того Рожинскій вступилъ въ соглашеніе съ королемъ, который звалъ его поляковъ къ себѣ подѣ Смоленскъ. Русскіе тушинцы вынуждены были послѣдовать ихъ примѣру и выбрали пословъ для переговоровъ съ Сигизмундомъ объ избраніи его сына Владислава на московскій престолъ. Посольство состояло изъ боярина Мих. Гл. Салтыкова, изъ нѣсколькихъ дворянъ столичныхъ чиновъ и изъ полудюжины крупныхъ дьяковъ московскихъ приказовъ. Въ этомъ посольствѣ не встрѣчаемъ ни одного ярко-знатнаго имени. Но въ большинствѣ это были люди не худыхъ родовъ. Заброшенные личнымъ честолюбіемъ или общей смутой въ бунтовской полурусскій-полупольскій тушинскій станъ, они однако взяли на себя роль представителей Московскаго государства, Русской земли. Это была съ ихъ стороны узурпація, не дававшая имъ никакого права на земское признаніе ихъ фиктивныхъ полномочій. Но это не лишаетъ ихъ дѣла историческаго значенія. Общеніе съ поляками, знакомство съ ихъ вольнолюбивыми понятіями и нравами расширило политическій кругозоръ этихъ русскихъ авантюристовъ, и они поставили королю условіемъ избранія его сына въ цари не только сохраненіе древнихъ правъ и вольностей московскаго народа, но и прибавку новыхъ, какими этотъ народъ еще не пользовался. Но это же общеніе, соблазняя москвичей зрѣлищемъ чужой свободы, обостряло въ нихъ чувство религиозныхъ и національных опасностей, какія она несла съ собою: Салтыковъ заплакалъ, когда говорилъ передъ королемъ о сохраненіи православія. Это двойственное

побужденіе сказалось въ предосторожностяхъ, какими тушинскіе послы старались обезопасить свое отечество отъ призываемой со стороны власти, иновѣрной и иноплеменной.

Ни въ одномъ актѣ Смутнаго времени русская политическая мысль не достигаетъ такого напряженія, какъ въ договорѣ М. Салтыкова и его товарищей съ королемъ Сигизмундомъ. Этотъ договоръ, заключенный 4 февраля 1610 г. подъ Смоленскомъ, излагалъ условія, на которыхъ тушинскіе уполномоченные признавали московскимъ царемъ королевича Владислава. Этотъ политическій документъ представляетъ довольно разработанный планъ государственнаго устройства. Онъ, во-первыхъ, формулируетъ права и преимущества всего московскаго народа и его отдѣльныхъ классовъ, во-вторыхъ, устанавливаетъ порядокъ высшаго управленія. Въ договорѣ прежде всего обеспечивается неприкосновенность русской православной вѣры, а потомъ опредѣляются права всего народа и отдѣльныхъ его классовъ. Права, ограждающія личную свободу каждаго подданнаго отъ произвола власти, здѣсь разработаны гораздо разностороннѣе, чѣмъ въ записи царя Василя. Можно сказать, что самая идея личныхъ правъ, столь мало замѣтная у насъ прежде, въ договорѣ 4 февраля впервые выступаетъ съ нѣсколькими опредѣленными чертами. Всѣ судятся по закону, никто не наказывается безъ суда. На этомъ условіи договоръ настаиваетъ съ особенной силой, повторительно требуя, чтобы не сыскавъ вины и не осудивъ судомъ „съ бояры всѣми“, никого не карать. Видно, что привычка расправляться безъ суда и слѣдствія была особенно наболѣвшимъ недугомъ государственнаго организма, отъ котораго хотѣли излѣчить власть возможно радикальнѣе. По договору, какъ и по записи царя Василя, ответственность за вину политическаго преступника не падаетъ на его пе-

виновныхъ братьевъ, жону и дѣтой, не ведетъ къ конфискаціи ихъ имущества. Совершенною новизной поражаютъ два другія условія, касающіяся личныхъ правъ: большихъ чиновъ людей безъ вины не понижать, а малочиновныхъ возвышать по заслугамъ; каждому изъ народа московскаго для науки вольно ѣздить въ другія государства христіанскія, и государь имущества за то отнимать не будетъ. Мелькнула мысль даже о вѣротерпимости, о свободѣ совѣсти. Договоръ обязываетъ короля и его сына никого не отводить отъ греческой вѣры въ римскую и ни въ какую другую, потому что вѣра есть даръ Божій и ни совращать силой, ни притѣснять за вѣру не годится: русскій воленъ держать русскую вѣру, ляхъ—ляцкую. Въ опредѣленіи сословныхъ правъ тушинскіе послы проявили меньше свободомыслія и справедливости. Договоръ обязываетъ блюсти и расширять по заслугамъ права и преимущества духовенства, думныхъ и приказныхъ людей, столичныхъ и городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, частію и торговыхъ людей. Но „мужикамъ хрестьянамъ“ король не дозволяетъ перехода ни изъ Руси въ Литву, ни изъ Литвы на Русь, а также и между русскими людьми всякихъ чиновъ, т.-е. между землевладѣльцами. Холопы остаются въ прежней зависимости отъ господъ, а вольности имъ государь давать не будетъ. Договоръ, сказали мы, устанавливаетъ порядокъ верховнаго управленія. Государь дѣлитъ свою власть съ двумя учрежденіями земскимъ соборомъ и Боярскою думою. Такъ какъ Боярская дума вся входила въ составъ земскаго собора, то послѣдній въ московской редакціи договора 4 февраля, о которой сейчасъ скажемъ, называется *думою бояръ и осей земли*. Въ договорѣ впервые разграничивается политическая компетенція того и другого учрежденія. Значеніе земскаго собора опредѣляется двумя функціями. Во-первыхъ,

исправленіе или дополненіе суднаго обычая, какъ и Судебника, зависить отъ „бояръ и всей земли“, а государь даетъ на то свое согласіе. Обычай и московскій Судебникъ, по которымъ отправлялось тогда московское правосудіе, имѣли силу основныхъ законовъ. Значить, земскому собору договоръ усваивалъ учредительный авторитетъ. Ему же принадлежалъ и законодательный починъ: если патріархъ съ Освященнымъ соборомъ, Боярская дума и всѣхъ чиновъ люди будутъ бить челомъ государю о предметахъ, не предусмотрѣнныхъ въ договорѣ, государю рѣшать возбужденные вопросы съ Освященнымъ соборомъ, боярами и со всею землею „по обычаю Московскаго государства“. Боярская дума имѣетъ законодательную власть: вмѣстѣ съ ней государь ведетъ текущее законодательство, издаетъ обыкновенные законы. Вопросы о налогахъ, о жалованьи служилымъ людямъ, объ ихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, рѣшаются государемъ съ боярами и думными людьми; безъ согласія думы государь не вводитъ новыхъ податей и вообще никакихъ переменъ въ налогахъ, установленныхъ прежними государями. Дума принадлежитъ и высшая судебная власть: безъ слѣдствія и суда со всѣми боярами государю никого не врать, чести не лишать, въ ссылку не ссылатъ, въ чинахъ не понижать. И здѣсь договоръ настойчиво повторяетъ, что всѣ эти дѣла, какъ и дѣла о наслѣдствахъ послѣ умершихъ бездѣтно, государю дѣлать по приговору и совѣту бояръ и думныхъ людей, а безъ думы и приговора бояръ такихъ дѣлъ не дѣлать.

Договоръ 4 февраля былъ дѣломъ партіи или класса, даже нѣсколькихъ среднихъ классовъ, преимущественно столичнаго дворянства и дьячества. Но ходъ событій далъ ему болѣе широкое значеніе. Племянникъ царя Василія князь М. В. Скопинъ-Шуйскій со шведскимъ вспомогательнымъ

Московскій
договоръ 17
авг. 1610.

отрядомъ очистилъ отъ тушинцевъ сѣверные города и въ мартѣ 1610 г. вступилъ въ Москву. Молодой даровитый воевода былъ желаннымъ въ народѣ преемникомъ стараго бездѣтнаго дяди. Но онъ внезапно умеръ. Войско царя, высланное противъ Сигизмунда къ Смоленску, было разбито подъ Клушиномъ польскимъ гетманомъ Жолкевскимъ. Тогда дворяне съ Захаромъ Ляпуновымъ во главѣ свели царя Василія съ престола и постригли. Москва присягнула Боярской думѣ, какъ временному правительству. Ей пришлось выбрать между двумя соискателями престола, Владиславомъ, признанія котораго требовалъ шедшій къ Москвѣ Жолкевскій, и самозванцемъ, тоже подступавшимъ къ столицѣ въ расчетѣ на расположеніе къ нему московскаго простонародья. Боясь вора, московскіе бояре вошли въ соглашеніе съ Жолкевскимъ на условіяхъ, принятыхъ королемъ подъ Смоленскомъ. Однако договоръ, на которомъ 17 августа 1610 г. Москва присягнула Владиславу, не былъ повтореніемъ акта 4 февраля. Большая часть статей изложена здѣсь довольно близко къ подлиннику; другія сокращены или распространены, нѣкоторыя опущены или прибавлены вновь. Эти пропуски и прибавки особенно характерны. Первостепенные бояре вычеркнули статью о возвышеніи незнатныхъ людей по заслугамъ, замѣнивъ ее новымъ условіемъ, чтобы „московскихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцами въ отечествѣ и въ чести не тѣснить и не понижать“. Высшее боярство зачеркнуло и статью о правѣ московскихъ людей выѣзжать въ чужія христіанскія государства для науки: московская знать считала это право слишкомъ опаснымъ для завѣтныхъ домашнихъ порядковъ. Правящая знать оказалась на низшемъ уровнѣ понятій сравнительно со средними служилыми классами, своими ближайшими исполнительными органами — участь, обычно постигающая

общественныя сферы, высоко поднимающіяся надъ низкой дѣйствительностью. Договоръ 4 февраля — это цѣлый основной законъ конституціонной монархіи, устанавливающій какъ устройство верховной власти, такъ и основныя права подданныхъ, и притомъ законъ, совершенно консервативный, настойчиво оберегающій старину, какъ было прежде, при прежнихъ государяхъ, по стародавнему обычаю Московскаго государства. Люди хватаются за писанный законъ, когда чувствуютъ, что изъ-подъ ногъ ускользаетъ обычай, по которому они ходили. Салтыковъ съ товарищами живѣе первостепенной знати чувствовали совершавшіяся перемены, больше ея терпѣли отъ недостатка политическаго устава и отъ личнаго произвола власти, а испытанныя перевороты и столкновенія съ иностранцами усилленно побуждали ихъ мысль искать средствъ противъ этихъ неудобствъ и сообщали ихъ политическимъ понятіямъ болѣе широты и ясности. Старый колеблющійся обычай они и стремились закрѣпить новымъ писаннымъ закономъ, его осмыслившимъ.

Вслѣдъ за среднимъ и высшимъ столичнымъ дворянствомъ вовлекается въ смуту и дворянство рядовое, провинціальное. Его участіе въ смутѣ становится замѣтнымъ такъ же съ начала царствованія Василя Шуйскаго. Первымъ выступило дворянство заокскихъ и сѣверскихъ городовъ, т.-е. южныхъ уѣздовъ, смежныхъ со степью. Тревоги и опасности жизни вблизи степи воспитывали въ тамошнемъ дворянствѣ боевой, отважный духъ. Движеніе поднято было дворянами городовъ Путивля, Венева, Каширы, Тулы, Рязани. Первымъ поднялся еще въ 1606 г. воевода отдаленнаго Путивля кн. Шаховской, человекъ неродовитый, хотя и титулованный. Его дѣло подхватываютъ потомки старинныхъ рязанскихъ бояръ, теперь простые дворяне, Ляпуновы

Провинціальное дворянство и немскій впродолженье 30 июня 1611.

и Сунбуловы. Истымъ представителемъ этого удалого полустепного дворянства былъ Прокофій Ляпуновъ, городской рязанскій дворянинъ, человекъ рѣшительный, заносчивый и порывистый; онъ раньше другихъ чуялъ, какъ поворачиваетъ вѣтеръ, но его рука хваталась за дѣло прежде, чѣмъ успѣвала подумать о томъ голова. Когда кн. Скопинъ-Шуйскій только еще двигался въ Москвѣ, Прокофій послалъ уже поздравить его царемъ при жизни царя Василя и этимъ испортилъ положеніе племянника при дворѣ дяди. Товарищъ Прокофья Сунбуловъ уже въ 1609 г. поднялъ въ Москвѣ возстаніе противъ царя. Мятежники кричали, что царь — человекъ глухой и нечестивый, пьяница и блудникъ, что они возстали за свою братію, дворянъ и дѣтей боярскихъ, которыхъ будто бы царь съ потаковниками своими, большими боярами, въ воду сажаетъ и до смерти побиваетъ. Значить, это было возстаніе низшаго дворянства противъ знати. Въ іюль 1610 г. братъ Прокофья Захаръ съ толпой приверженцевъ, все неважныхъ дворянъ, свелъ царя съ престола, при чемъ противъ нихъ были духовенство и большіе бояре. Политическія стремленія этого провинціального дворянства недостаточно ясны. Оно вмѣстѣ съ духовенствомъ выбирало на престолъ Бориса Годунова на зло боярской знати, очень радѣло этому царю изъ бояръ, но не за бояръ, и дружно возстало противъ Василя Шуйскаго, царя чисто боярскаго. Оно прочило на престолъ сперва кн. Скопина-Шуйскаго, а потомъ кн. В. В. Голыцына. Впрочемъ, есть актъ, нѣсколько вскрывающій политическое настроеніе этого класса. Присягнувъ Владиславу, московское боярское правительство отправило въ Сигизмунду посольство просить его сына на царство и изъ страха передъ московскою чернью, сочувствовавшей второму самозванцу, ввело отрядъ Жолкевскаго въ столицу; но смерть вора

тушинскаго въ концѣ 1610 г. всѣмъ развязала руки, и поднялось сильное народное движеніе противъ поляковъ: города списывались и соединялись для очищенія государства отъ иноземцевъ. Первымъ возсталъ, разумѣется, Прокофій Ляпуновъ со своей Рязанью. Но прежде чѣмъ собравшееся ополченіе подошло въ Москвѣ, поляки перерѣзались съ москвичами и сожгли столицу (мартъ 1611 г.). Ополченіе, осадивъ уцѣлѣвшіе Кремль и Китай-городъ, гдѣ засѣли поляки, выбрало временное правительство изъ 3 лицъ, изъ двухъ казацкихъ вождей, кн. Трубецкого и Заруцкаго, и дворянскаго предводителя Прокофья Ляпунова. Въ руководство этимъ „троеначальникамъ“ данъ былъ приговоръ 30 іюня 1611 г. Главная масса ополченія состояла изъ провинціальныхъ служилыхъ людей, вооружившихся и продовольствовавшихся на средства, какія были собраны съ людей тяглыхъ, городскихъ и сельскихъ. Приговоръ составленъ былъ въ лагерѣ этого дворянства; однако онъ называется приговоромъ „всей земли“, и троеначальниковъ выбирали будто бы „всею землею“. Такимъ образомъ люди одного класса, дворяне-ополченцы, объявляли себя представителями всей земли, всего народа. Политическія идеи въ приговорѣ мало замѣтны; зато рѣзко выступаютъ сословныя притязанія. Выборные троеначальники, обязанные „строить землю и промыслять всякимъ земскимъ и ратнымъ дѣломъ“, однако по приговору ничего важнаго не могли дѣлать безъ лагернаго всеземскаго совѣта, который является высшей распорядительной властью и присвоаетъ себѣ компетенцію гораздо шире земскаго собора по договору 4-го февраля. Приговоръ 30-го іюня больше всего занятъ огражденіемъ интересовъ служилыхъ людей, регулируя ихъ отношенія поземельныя и служебныя, говорить о помѣстьяхъ, вотчинахъ, а о крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ вспоминаетъ только для того,

чтобы постановить, что бѣглые или вывезенные въ смутное время люди должны быть возвращены прежнимъ владѣльцамъ. Ополченіе два слишкомъ мѣсяца простояло подъ Москвой, еще ничего важнаго не сдѣлало для ея выручки, а уже выступило всевластнымъ распорядителемъ земли. Но когда Ляпуновъ озлобилъ противъ себя своихъ союзниковъ казаковъ, дворянскій лагерь не смогъ защитить своего вожда и безъ труда былъ разогнанъ казацкими саблями.

Участіе вавшихъ классовъ въ смутѣ

Наконецъ, вслѣдъ за провинціальными служилыми людьми и за нихъ цѣпляясь, въ смуту вмѣшиваются люди „жилицкіе“, простонародье тяглое и нетяглое. Выступивъ объ руку съ провинціальными дворянами, эти классы потомъ отдѣляются отъ нихъ и дѣйствуютъ одинаково враждебно какъ противъ боярства, такъ и противъ дворянства. Зачищивъ дворянскаго возстанія на югѣ кн. Шаховской, „всей крови заводчикъ“, по выраженію современника-гѣтописца, принимаетъ къ себѣ въ сотрудники дѣльца совѣтъ недворянскаго разбора: то былъ Болотниковъ, человекъ отважный и бывалый, боярскій холопъ, попавшійся въ плѣнъ въ татарамъ, испытанный и турецкую каторгу и воротившійся въ отечество агентомъ второго самозванца, когда онъ еще не имѣлся налицо, а былъ только задуманъ. Движеніе, поднятое дворянами, Болотниковъ повелъ въ глубь общества, откуда самъ вышелъ, набиралъ свои дружины изъ бѣдныхъ посадскихъ людей, бездомныхъ казаковъ, бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ,— изъ слоевъ, лежавшихъ на днѣ общественнаго склада, и натравлялъ ихъ противъ воеводъ, господъ и всѣхъ власть имущихъ. Поддержанный возставшими дворянами южныхъ уѣздовъ, Болотниковъ со своими сбродными дружинами побѣдоносно дошелъ до самой Москвы, не разъ побивъ царскія войска. Но здѣсь и произошло раздѣленіе этихъ на минуту и по недоразумѣнію соединившихся враждебныхъ классовъ.

Болотниковъ шелъ напроломъ: изъ его лагеря по Москвѣ распространялись прокламаціи, призывавшія холоповъ избивать своихъ господъ, за что они получаютъ въ награду женъ и имѣнія убитыхъ, избивать и грабить торговыхъ людей; ворами и мошенникамъ обѣщали боярство, воеводство, всякую честь и богатство. Прокофій Ляпуновъ и другіе дворянскіе вожди, присмотрѣвшись, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, что за народъ составляетъ рать Болотникова, покинули его, передались на сторону царя Василя и облегчили царскому войску пораженіе сбродныхъ отрядовъ. Болотниковъ погибъ, но его попытка всюду нашла откликъ: вездѣ ерестьяне, холопы, поволжскіе инородцы—все бѣглое и обездоленное поднималось за самозванца. Выступленіе этихъ классовъ и продлило смуту, и дало ей другой характеръ. До сихъ поръ это была политическая борьба, споръ за образъ правленія, за государственное устройство. Когда же поднялся общественный низъ, смута превратилась въ социальную борьбу, въ истребленіе высшихъ классовъ низшими. Самая кандидатура поляка Владислава имѣла нѣкоторый успѣхъ только благодаря участію, принятому въ смутѣ низшими классами: степенные люди, скрѣпя сердце, соглашались принять королевича, чтобы не пустить на престолъ вора тушинскаго, кандидата черни. Польскіе паны въ 1610 г. говорили на королевскомъ совѣтѣ подъ Смоленскомъ, что теперь въ Московскомъ государствѣ простой народъ поднялся, всталъ на бояръ, чуть не всю власть въ рукахъ своихъ держать. Тогда всюду обнаруживалось рѣзко социальное разъединеніе, всякій значительный городъ сталъ ареной борьбы между низомъ и верхомъ общества; повсюду „добрые“, зажиточные граждане говорили, по свидѣтельству современника, что лучше ужъ служить королевичу, чѣмъ быть побитыми отъ своихъ холопей или въ вѣчной неволѣ и нихъ мучиться,

а худые люди по городамъ вмѣстѣ съ крестьянами бѣжали къ вору тушинскому, чая отъ него избавленія отъ всѣхъ своихъ бѣдъ. Политическія стремленія этихъ классовъ со-всѣмъ неясны; да едва ли и можно предполагать у нихъ что-либо похожее на политическую мысль. Они добивались въ смутѣ не какого-либо новаго государственнаго порядка, а просто только выхода изъ своего тяжелаго положенія, искали личныхъ льготъ, а не сословныхъ обезпеченій. Холопы поднимались, чтобы выйти изъ холопства, стать вольными казаками, крестьяне — чтобы освободиться отъ обязательствъ, какія привязывали ихъ къ землевладѣльцамъ, и отъ крестьянскаго тягла, посадскіе люди — чтобы избавиться отъ посадскаго тягла и поступить въ служилые или приказные люди. Болотниковъ призывалъ подъ свои знамена всѣхъ, кто хотѣлъ добиться воли, чести и богатства. Настоящимъ царемъ этого люда былъ воръ тушинскій, олицетвореніе всякаго непорядка и беззаконія въ глазахъ благонамѣренныхъ гражданъ.

Таковъ былъ ходъ смуты. Разсмотримъ ея главнѣйшія причины и ближайшія слѣдствія.

Л е к ц і я XLIII.

Причины смуты. — Династическая ея причина: вотчинно-династическій взгляд на государство. — Взгляд на выборнаго царя. — Причина социальна-политическая: тягловой строй государства. — Общественная рознь. — Значеніе самозванства въ ходѣ смуты. — Выводы. — Второе ополченіе и очищеніе Москвы отъ поляковъ. — Избраніе Михалда. — Причиной его успѣха.

Объяснить причины смуты значитъ указать обстоятельства, ее вызвавшія, и условія, такъ долго ее поддерживавшія. Обстоятельства, вызвавшія смуту, намъ уже извѣстны: это было насильственное и таинственное пресѣченіе старой династіи и потомъ искусственное возстановленіе ея въ лицѣ самозванцевъ. Но какъ эти поводы къ смутѣ, такъ и глубокія внутреннія ея причины возымѣли свою силу только потому, что возникли на благопріятной почвѣ, воздѣланной тщательными, хотя и непредусмотрительными усиліями царя Ивана и правителя Бориса Годунова въ царствованіе Федора. Это было тягостное, исполненное тупого недоумѣнія настроеніе общества, какое создано было неприкрытыми безобразіями опричнины и темными годуновскими интригами.

Въ ходѣ смуты вскрываются ея причины. Смута была ходъ смуты. вызвана событіемъ случайнымъ, пресѣченіемъ династіи. Вы-

мираніе семьи, фамиліи, насильственное или естественное, — явленіе, чуть не ежедневно нами наблюдаемое; но въ частной жизни оно мало замѣтно. Другое дѣло, когда кончается цѣлая династія. У насъ въ концѣ XVI в. такое событіе повело къ борьбѣ политической и социальной, сначала къ политической — за образъ правленія, потомъ къ социальной — къ усобицѣ общественныхъ классовъ. Столкновение политическихъ идей сопровождалось борьбой экономическихъ состояній. Силы, стоявшія за царями, которые такъ часто смѣнялись, и за претендентами, которые боролись за царство, были различные слои московскаго общества. Каждый классъ искалъ своего царя или ставилъ своего кандидата на царство; эти цари и кандидаты были только знаменами, подъ которыми шли другъ на друга разные политическія стремленія, а потомъ разные классы русскаго общества. Смута началась аристократическими проясками большого боярства, возставшаго противъ неограниченной власти новыхъ царей. Продолжали ее политическія стремленія столичнаго гвардейскаго дворянства, вооружившагося противъ олигархическихъ замысловъ первостатейной знати во имя офицерской политической свободы. За столичными дворянами поднялось рядовое провинціальное дворянство, пожелавшее быть властителемъ страны; оно увлекло за собою неслужилые земскіе классы, поднявшіеся противъ всякаго государственнаго порядка во имя личныхъ льготъ, т.-е. во имя анархіи. Каждому изъ этихъ моментовъ смуты сопутствовало внимательство казацкихъ и польскихъ шаеъ, донскихъ, днѣпровскихъ и вислинскихъ отбросовъ московскаго и польскаго государственнаго общества, обрадовавшихся легкости грабежа въ замутившейся странѣ. Въ первое время боярство пыталось соединить классы готоваго распастся общества во имя новаго государственнаго порядка; но этотъ порядокъ не от-

въ началѣ понятіямъ другихъ классовъ общества. Тогда возникла попытка предотвратить бѣду во имя лица, искусственно воскресивъ только-что погибшую династію, которая одна сдерживала вражду и соглашала непримиримые интересы разныхъ классовъ общества. Самозванство было выходомъ изъ борьбы этихъ непримиримыхъ интересовъ. Когда не удалась, даже повторительно, и эта попытка, тогда повидному не оставалось никакой политической связи, никакого политическаго интереса, во имя котораго можно было бы предотвратить распаденіе общества. Но общество не распалось: распатался лишь государственный порядокъ. Когда надломилась политическія скрѣпы общественнаго порядка, оставались еще ерѣпкія связи національныя и религіозныя: онѣ и спасли общество. Казацкіе и польскіе отряды, медленно, но постепенно вразумляя разоряемое ими населеніе, заставили, наконецъ, враждующіе классы общества соединиться не во имя какого-либо государственнаго порядка, а во имя національной, религіозной и простой гражданской безопасности, которой угрожали казаки и ляхи. Такимъ образомъ смута, питавшаяся рознью классовъ земскаго общества, прекратилась борьбой всего земскаго общества со вмѣшавшимися во внутреннюю усобицу сторонними силами, противоземской и чуженародной.

Видимъ, что въ ходѣ смуты особенно явственно выступаютъ два условія, ее поддерживавшія: это — самозванство и социальный разладъ. Они и указываютъ, гдѣ надо искать главныхъ причинъ смуты. Я уже имѣлъ случай (л. XLII) отмѣтить одно недоразумѣніе въ московскомъ политическомъ сознаниі: государство, какъ союзъ народный, не можетъ принадлежать никому кромѣ самого народа; а на Московское государство и московскій государь, и народъ Московской Руси смотрѣли, какъ на вотчину княжеской династіи,

Государство — вотчина.

изъ владѣній которой оно выросло. Въ этомъ *вотчинно-династическомъ* взглядѣ на государство я и вижу одну изъ основныхъ причинъ смуты. Указанное сейчасъ недоразумѣнiе было связано съ общей скудостью или неготовностью политическихъ понятiй, далеко отстававшихъ отъ стихiйной работы народной жизни. Въ общемъ сознании, повторю уже сказанное, Московское государство все еще понималось въ первоначальномъ удѣльномъ смыслѣ, какъ хозяйство московскихъ государей, какъ фамилiальная собственность Калитина племени, которое его завело, распиряло и укрѣпляло въ продолженiе трехъ вѣковъ. На дѣлѣ оно было уже союзомъ великорусскаго народа и даже завязывало въ умахъ представление о всей Русской землѣ, какъ о чемъ-то цѣломъ; но мысль еще не поднялась до идеи народа, какъ государственнаго союза. Реальными связями этого союза продолжали служить воля и интересъ хозяина земли. И надобно прибавить, что такой вотчинный взглядъ на государство былъ не династическимъ притязаниемъ московскихъ государей, а просто категорiей тогдашняго политическаго мышленiя, унаслѣдованной отъ удѣльнаго времени. Тогда у насъ и не понимали государства иначе, какъ въ смыслѣ вотчины, хозяйства государя извѣстной династiи, и если бы тогдашнему заурядному московскому человѣку сказали, что власть государя есть вмѣстѣ и его обязанность, должность, что правя народомъ, государь служить государству, общему благу, это показалось бы путаницей понятiй, анархiей мышленiя. Отсюда понятно, какъ московскiе люди того времени могли представлять себѣ отношенiе государя и народа къ государству. Имъ представлялось, что Московское государство, въ которомъ они живутъ, есть государство московскаго государя, а не московскаго или русскаго народа. Для нихъ были нераздѣльными понятiями не государ-

ство и народъ, а государство и государь известной династии; они скорее могли представить себя государя безъ народа, чѣмъ государство безъ этого государя. Такое возрѣніе очень своеобразно выразилось въ политической жизни московскаго народа. Когда подданные, связанные съ правительствомъ идеей государственнаго блага, становятся недовольны правящей властью, видя, что она не охраняетъ этого блага, они встаютъ противъ нея. Когда прислуга или постояльцы, связанные съ домохозяиномъ временными условными выгодами, видятъ, что они этихъ выгодъ не получаютъ отъ хозяина, они уходятъ изъ его дома. Подданные, поднимаясь противъ власти, не покидаютъ государства, потому что не считаютъ его чужимъ для себя; слуга или квартирантъ, недовольный хозяиномъ, не остается въ его домѣ, потому что не считаетъ его своимъ. Люди Московскаго государства поступали, какъ недовольные слуги или жильцы съ хозяиномъ, а не какъ непослушные граждане съ правительствомъ. Они нерѣдко роптали на дѣйствія правившей ими власти; но пока жила старая династія, народное недовольство ни разу не доходило до возстанія противъ самой власти. Московскій народъ выработалъ особую форму политическаго протеста: люди, которые не могли ужиться съ существующимъ порядкомъ, не возставали противъ него, а выходили изъ него, „брели розно“, бѣжали изъ государства. Московскіе люди какъ будто чувствовали себя пришельцами въ своемъ государствѣ, случайными, временными обывателями въ чужомъ домѣ; когда имъ становилось тяжело, они считали возможнымъ бѣжать отъ неудобнаго домовладѣльца, но не могли освоиться съ мыслью о возможности возставать противъ него или заводить другіе порядки въ его домѣ. Такъ узломъ, связывавшимъ всѣ отношенія въ Московскомъ государствѣ, была не мысль

о пародномъ благѣ, а лицо извѣстной династіи, и государственнѣй порядокъ признавался возможнымъ только при государѣ именно изъ этой династіи. Потому когда династія пресѣклась и, слѣдовательно, государство оказалось ничьимъ, люди растерялись, перестали понимать, что они такое и гдѣ находятся, пришли въ броженіе, въ состояніе анархіи. Они даже какъ будто почувствовали себя анархистами поневолѣ, по какой-то обязанности, печальной, но неизбѣжной: некому стало повиноваться — стало-быть, надо бунтовать.

Выборный
царь.

Пришлось выбирать царя земскимъ соборомъ. Но соборное избраніе по самой новизнѣ дѣла не считалось достаточнымъ оправданіемъ новой государственной власти, вызвало сомнѣнія, тревогу. Соборное опредѣленіе объ избраніи Бориса Годунова предвидитъ возраженіе людей, которые скажутъ про избирателей: „отдѣлимся отъ нихъ, потому что они сами себѣ поставили царя“. Кто скажетъ такое слово, того соборный актъ называетъ неразумнымъ и проклятымъ. Въ одномъ очень распространенномъ памфлетѣ 1611 г. рассказываетъ, какъ автору его въ чудесномъ видѣніи было повѣдано, что Самъ Господь укажетъ, кому владѣть Россійскимъ государствомъ; если же поставятъ царя по своей волѣ, „навѣки не будетъ царь“. Въ продолженіе всей смуты не могли освоиться съ мыслью о выборномъ царѣ; думали, что выборный царь — не царь, что настоящимъ законнымъ царемъ можетъ быть только прирожденный, наследственный государь изъ потомства Калиты, и выборнаго царя старались пристроить къ этому племени всякими средствами, юридическимъ вымысломъ, генеалогической натяжкой, риторическимъ преувеличеніемъ. Бориса Годунова по его избраніи духовенство и народъ торжественно привѣтствовали, какъ наследственнаго царя, „здоровствовала ему на его госу-

даревъ *вотчинъ*“, а Василій Шуйскій, формально ограничившій свою власть, въ официальныхъ актахъ писался „самодержцемъ“, какъ титуловались природные московскіе государи. При такой неподатливости мышленія въ руководящихъ кругахъ появленіе выборнаго царя на престолѣ должно было представляться народной массѣ не слѣдствіемъ политической необходимости, хотя и печальной, а чѣмъ-то похожимъ на нарушеніе законовъ природы: выборный царь былъ для нея такой же несообразностью, какъ выборный отецъ, выборная мать. Вотъ почему въ понятіе объ „истинномъ“ царѣ простые умы не могли, не умѣли уложить ни Бориса Годунова, ни Василя Шуйскаго, а тѣмъ паче польскаго королевича Владислава: въ нихъ видѣли узурпаторовъ, тогда какъ одинъ призракъ природнаго царя въ лицѣ пророка невѣдомаго происхожденія успокоивалъ династически-легитимныя совѣсти и располагалъ къ довѣрію. Смута и прекратилась только тогда, когда удалось найти царя, котораго можно было связать родствомъ, хотя и непрямымъ, съ угасшей династіей: царь Михаилъ утвердился на престолѣ не столько потому, что былъ земскимъ всенароднымъ избранникомъ, сколько потому, что доводился племянникомъ послѣднему царю прежней династіи. Сомнѣніе въ народномъ избраніи, какъ въ достаточномъ правомѣрномъ источникѣ верховной власти, было немаловажнымъ условіемъ, питавшимъ смуту, а это сомнѣніе вытекало изъ укоренившася въ умахъ убѣжденія, что такимъ источникомъ должно быть только вотчинное пресемство въ извѣстной династіи. Потому это неуиѣнье освоиться съ идеей выборнаго царя можно признать производной причиной смуты, вышедшей изъ только-что изложенной основной.

Я отмѣтилъ социальный разладъ, какъ одну изъ рѣзко выразившихся особенностей Смутнаго времени. Этотъ раз-

Тягловъ
строй госу-
дарства.

ладъ коренился въ *тягловомъ характеръ* московскаго государственнаго порядка, и это — другая основная причина смуты. Во всякомъ правомѣрно устроенномъ государственномъ порядкѣ предполагается, какъ одна изъ основъ этой правомѣрности, надлежащее соотвѣтствіе между правами и обязанностями гражданъ личными или сословными. Московское государство XVI в. въ этомъ отношеніи отличалось пестрымъ совмѣщеніемъ разновременныхъ и разнохарактерныхъ соціально-политическихъ отношеній. Въ немъ не было ни свободныхъ и полноправныхъ лицъ, ни свободныхъ и автономныхъ сословій. Однако общество не представляло безразличной массы, какъ въ восточныхъ деспотіяхъ, гдѣ равенство всѣхъ покоится на общемъ безправіи. Общество разчленено, дѣлится на классы, сложившіеся еще въ удѣльные вѣва. Тогда они имѣли только гражданское значеніе: это были экономическія состоянія, различавшіяся занятіями. Теперь они получили политическій характеръ: между ними распредѣлялись спеціальныя, соотвѣтствовавшія ихъ занятіямъ государственныя повинности. Это еще не сословія, а простые служебные разряды, на должностномъ московскомъ языкѣ называвшіеся *чинами*. Государственная служба, падавшая на эти чины, не была для всѣхъ одинакова: одна служба давала подлежащимъ ей классамъ большую или меньшую власть распоряжаться, приказывать; другимъ классамъ ихъ служба оставляла только обязанность повиноваться, исполнять. На одномъ классѣ лежала обязанность править, другіе классы служили орудіями высшаго управленія или отбывали ратную службу, третьи несли разныя податныя обязанности. Неодинаковой расцѣнкой видовъ государственнаго служенія создавалось неравенство государственнаго и общественнаго положенія разныхъ классовъ. Низшіе слои, на которыхъ лежали верхніе, разумѣется, несли

на себѣ наибольшую тяжесть и, конечно, тяготились ею. Но и высшій правительственный классъ, которому государственная служба давала возможность командовать другими, не видѣлъ прямого законодательнаго обезпеченія своихъ политическихъ преимуществъ. Онъ правилъ не въ силу присвоеннаго ему на то права, а фактически, по давнему обычаю: это было его наследственное ремесло. Московское законодательство вообще было направлено прямо или косвенно къ опредѣленію и распредѣленію государственныхъ обязанностей, но не формулировало и не обезпечивало ничьихъ правъ ни личныхъ, ни сословныхъ; государственное положеніе лица или класса опредѣлялось лишь его обязанностями. То, что въ этомъ законодательствѣ похоже на сословныя права, было не что иное, какъ частныя льготы, служившія вспомогательными средствами для исправнаго отбыванія повинностей. Да и эти льготы давались классамъ не въ цѣломъ ихъ составѣ, а отдѣльнымъ мѣстнымъ обществамъ по особымъ условіямъ ихъ положенія. Извѣстное городское или сельское общество получало облегченіе въ налогахъ или изъятіе въ подсудности; но потребности установить общія сословныя права городского или сельскаго населенія въ законодательствѣ еще не замѣтно. Само мѣстное сословное самоуправленіе съ его выборными властями основано было на томъ же началѣ повинности и соединенной съ ней отвѣтственности личной, своею головой, или общественной, цѣлымъ міромъ: оно, какъ мы видѣли, было послушнымъ орудіемъ централизаціи. Правами обезпечиваются частныя интересы лицъ или сословій. Въ московскомъ государственномъ порядкѣ господство начала повинности оставляло слишкомъ мало мѣста частнымъ интересамъ, личнымъ или сословнымъ, принося ихъ въ жертву требованіямъ государства. Значить, въ Московскомъ государствѣ не было надлежащаго соотвѣтствія между правами

и обязанностями ни личными, ни сословными. Кое-какъ уживались съ тяжелымъ порядкомъ подъ гнетомъ вѣдшихъ опасностей, при слабомъ развитіи личности и общественнаго духа. Царствованіе Грознаго съ особенной силой дало обществу почувствовать этотъ недостатокъ государственнаго строя. Произволь царя, безпричинныя казни, опалы и конфискаціи вызвали ропотъ и не только въ высшихъ классахъ, но и въ народной массѣ, „тугу и ненависть на царя въ міру“, и въ обществѣ проснулась смутная и робкая потребность въ законномъ обезпеченіи лица и имущества отъ усмотрѣнія и настроенія власти.

Общественная рознь.

Но эта потребность вмѣстѣ съ общимъ чувствомъ тяжести государственнаго порядка сама по себѣ не могла бы привести къ такому глубокому потрясенію государства, если бы не пресѣклась династія, это государство построившая. Она служила вѣнцомъ въ сводѣ государственнаго зданія; съ ея исчезновеніемъ разрывался узелъ, которымъ сдерживались всѣ политическія отношенія. Что прежде терпѣливо переносили, покоряясь волѣ привычнаго хозяина, то казалось невыносимымъ теперь, когда хозяина не стало. Въ запискахъ дьяка И. Тимофеева читаемъ картинную притчу о бездѣтной вдовѣ богатаго и властнаго человѣка, домъ котораго расхищаетъ челядь покойника, вышедшая изъ „своего рабскаго устроенія“ и предавшаяся своеволю. Въ образѣ такой безпомощной вдовы публицистъ представилъ положеніе своей родной земли, оставшейся безъ „природнаго“ царя-хозяина. Тогда всѣ классы общества поднялись со своими особыми нуждами и стремленіями, чтобы облегчить свое положеніе въ государствѣ. Только наверху общества этотъ подъемъ происходилъ не такъ, какъ внизу его. Верхніе классы старались законодательнымъ путемъ упрочить и расширить свои сословныя права даже насчетъ нижнихъ

классовъ; въ этихъ послѣднихъ не замѣтно сословнаго интереса, стремленія пріобрѣсти права или облегчить тягости для цѣлыхъ классовъ. Здѣсь каждый дѣйствовалъ въ свою голову, спѣша выйти изъ тяжелаго положенія, въ какое поставила его суровая и неравномѣрная разверстка повинностей, и перескочить въ другое болѣе льготное состояніе или захватомъ урвать что-нибудь у зажиточныхъ людей. Наблюдательные современники усиленно отмѣчаютъ, какъ самый рѣзкій признакъ смуты, это стремленіе общественныхъ низовъ прорваться наверхъ и столкнуть оттуда верховниковъ. Одинъ изъ нихъ, келарь А. Палицынъ пишетъ, что тогда всякій стремился подняться выше своего званія, рабы хотѣли стать господами, люди невольные перескакивали къ свободѣ, рядовой военный принимался боярствовать, люди сильные разумомъ ставились ни во что, „въ прахъ вмѣняемы бываху“ этими своевольниками и ничего не смѣли сказать имъ неугоднаго. Встрѣча столь противоположныхъ стремленій сверху и снизу неминуемо вела къ ожесточенной классовой враждѣ. Эта вражда — производная причина смуты, вызванная къ дѣйствию второй основной. Починъ въ этомъ разрушеніи общественнаго порядка наблюдатели-современники приписываютъ вершинамъ общества, высшимъ классамъ и прежде всего новымъ, ненаслѣдственнымъ носителямъ верховной власти, хотя уже Грозный своей опричной подалъ ободрительный примѣръ въ этомъ дѣлѣ. Зло упрекая царя Бориса въ надменномъ намѣреніи перестроить земскій порядокъ и обновить государственное управленіе, эти наблюдатели винятъ его въ томъ, что за наушничество онъ началъ поднимать на высокія степени худородныхъ людей, непривычныхъ къ правительственному дѣлу и безграмотныхъ, едва умѣвшихъ, подписывая дѣловой актъ, медленно кос-какъ проволочить по бумагѣ свою трясущуюся

руку, точно чужую. Этимъ онъ поселилъ ненависть въ знатныхъ и опытныхъ дѣльцахъ. Такъ же поступали и другіе слѣдовавшіе за нимъ неистинные цари. Прицая за это, наблюдатели съ сожалѣніемъ вспоминаютъ прежнихъ природныхъ государей, которые знали, какому роду какую честь и за что давать, „худороднымъ же ни“. Еще больше неурядицы внесъ царь Борисъ въ общество, устройствомъ доносовъ поднимая холоповъ на господъ, а боярскими опалами выгнавъ на улицу толпы челяди опальныхъ бояръ и этимъ заставивъ ее броситься въ разбой. И царь Василій обѣими руками сѣялъ общественную смуту, однимъ указомъ усиливъ прикрѣпленіе крестьянъ, а другими стѣснивъ господскую власть надъ холопами. Высшіе классы усердно содѣйствовали правительству въ усиленіи общественнаго разлада. По свидѣтельству А. Палицына, при царѣ Федорѣ вельможами, особенно изъ родни и сторонниковъ правителя Годунова, а по примѣру ихъ и другими овладѣла неистовая страсть къ порабощенію, стремленіе заманивать къ себѣ въ кабалу всякими средствами и кого ни попало. Но настала трехлѣтній голодъ (1601 — 1604 г.), и господа, не желая или будучи не въ состояніи кормить нахватавшую челядь, выгоняли ее безъ отпущенныхъ изъ своихъ домовъ, а когда голодные холопы поряжались къ другимъ господамъ, прежніе преслѣдовали ихъ за побѣгъ и сносъ.

Самовла-
ство.

Въ неблагоразумномъ образѣ дѣйствій правительства и общества, такъ печально поддержанномъ самой природой, вскрылась такая неурядица общественныхъ отношеній, такой социальный разбродъ, съ которымъ по пресѣченіи династій трудно было сладить обычными правительственными средствами. Эта вторая причина смуты, *соціально-политическая*, въ соединеніи съ первой, династической, сильно, хотя и косвенно поддержала смуту тѣмъ, что обострила

дѣйствіе первой, выразившееся въ успѣхахъ самозванцевъ. Поэтому самозванство можно признать тоже производной причиной смуты, вышедшей изъ совокупнаго дѣйствія обѣихъ коренныхъ. Вопросъ, какъ могла возникнуть самая идея самозванства, не заключаетъ въ себѣ какого-либо народно-психологическаго затрудненія. Таинственность, какою окружена была смерть царевича Димитрія, породжала противорѣчивые толки, изъ которыхъ воображеніе выбирало наиболѣе желательные, а всего болѣе желали благополучнаго исхода, чтобы царевичъ оказался въ живыхъ и устранилъ тягостную неизвѣстность, которой заволакивалось будущее. Расположены были, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, безотчетно вѣрить, что злодѣйство не удалось, что Провидѣніе и на этотъ разъ постоянно на стражѣ міровой правды и приготовило возмездіе злодѣямъ. Ужасная судьба царя Бориса и его семьи была въ глазахъ встревоженнаго народа поразительнымъ откровеніемъ этой вѣчной правды Божіей и всего болѣе помогла успѣху самозванства. Нравственное чувство нашло поддержку въ чутьѣ политическомъ, столько же безотчетномъ, сколько доступномъ по своей безотчетности народнымъ массамъ. Самозванство было удобнѣйшимъ выходомъ изъ борьбы непримиримыхъ интересовъ, взбуряемыхъ пресѣченіемъ династіи: оно механически, насильственно соединило подѣльную, хотя и поддѣльную властью элементы готоваго распасться общества, между которыми стало невозможно органическое, добровольное соглашеніе.

Такъ можно объяснить происхожденіе смуты. Почвой для нея послужило тягостное настроеніе народа, общее чувство недовольства, вынесенное народомъ изъ царствованія Грознаго и усиленное правленіемъ Б. Годунова. Поводъ къ смутѣ данъ былъ пресѣченіемъ династіи со слѣдовавшими за тѣмъ попытками искусственнаго ея возстановленія

Выводы.

въ лицѣ самозванцевъ. Коренными причинами смуты надобно признать народный взглядъ на отношеніе старой династїи къ Московскому государству, мѣшавшій освоиться съ мыслью о выборномъ царѣ, и потомъ самый строй государства съ его тяжелымъ тягловымъ основаніемъ и неравнобѣрнымъ распредѣленіемъ государственныхъ повинностей, порождавшимъ социальную рознь: первая причина вызвала и поддерживала потребность воскресить погибшій царскій родъ, а эта потребность обеспечивала успѣхъ самозванства; вторая причина превратила династическую интригу въ социально-политическую анархію. Смутѣ содѣйствовали и другія обстоятельства: образъ дѣйствій правителей, становившихся во главѣ государства послѣ царя Федора, конституціонныя стремленія боярства, шедшія въ разрѣзъ съ характеромъ московской верховной власти и съ народнымъ на нее взглядомъ, низкій уровень общественной нравственности, какъ ее изображаютъ современные наблюдатели, боярскія оцалы, голодъ и моръ въ царствованіе Бориса, областная рознь, вмѣшательство казаковъ. Но все это были не причины, а или только симптомы смуты, или условія, ее питавшія, но ея не породившія, или, наконецъ, слѣдствія, ею же вызванныя къ дѣйствію.

Смута является на рубежѣ двухъ смежныхъ періодовъ нашей исторїи, связанная съ предшествующимъ своими причинами, съ послѣдующимъ своими слѣдствіями. Конецъ смуты былъ положенъ вступленіемъ на престолъ царя, ставшаго родоначальникомъ новой династїи: это было первое ближайшее слѣдствіе смуты.

Второе
ополченіе.

Въ концѣ 1611 года Московское государство представляло зрѣлище полного видимаго разрушенія. Поляки взяли Смоленскъ; польскій отрядъ сжегъ Москву и укрѣпился за уцѣлѣвшими стѣнами Кремля и Китай-города; шведы заняли

Новгородъ и выставили одного изъ своихъ королевичей кандидатомъ на московскій престоль; на смѣну убитому второму Лжедмитрію въ Псковѣ усѣлся третій, какой-то Сидорка; первое дворянское ополченіе подъ Москвой со смѣртью Ляпунова разстроилось. Между тѣмъ страна оставалась безъ правительства. Боярская дума, ставшая во главѣ его по изложеніи В. Шуйскаго, упразднилась сама собою, когда поляки захватили Кремль, гдѣ сѣли и нѣкоторые изъ бояръ со своимъ предсѣдателемъ кн. Мстиславскимъ. Государство, потерявъ свой центръ, стало распадаться на составныя части; чуть не каждый городъ дѣйствовалъ особнякомъ, только пересылаясь съ другими городами. Государство преобразовалось въ какую-то безформенную, мятущуюся федерацію. Но съ конца 1611 г., когда изнемогли политическія силы, начинаютъ пробуждаться силы религіозныя и національныя, которыя пошли на выручку гибнувшей земли. Призывныя грамоты архимандрита Діонисія и веларя Авраамія, расходившіяся изъ Троицкаго монастыря, подняли нижегородцевъ подъ руководствомъ ихъ старосты, мясника Кузьмы Минина. На призывъ нижегородцевъ стали стекаться оставшіеся безъ дѣла и жалованья, а часто и безъ помѣстій, служилые люди, городовые дворяне и дѣти боярскіе, которыхъ Мининъ нашелъ и вождя, кн. Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Такъ составилось второе дворянское ополченіе противъ поляковъ. По боевымъ качествамъ оно не стояло выше перваго, хотя было хорошо снаряжено благодаря обильной денежной казнѣ, самоотверженно собранной посадскими людьми нижегородскими и другихъ городовъ, къ нимъ присоединившихся. Мѣсяца четыре ополченіе устроилось, съ полгода двигалось къ Москвѣ, пополнялось по пути толпами служилыхъ людей, просившихъ принять ихъ на земское жалованье. Подъ Москвой стоялъ казацкій отрядъ кн. Трубец-

жого, остатокъ перваго ополченія. Казаки были для земской дворянской рати страшнѣе самихъ поляковъ, и на предложеніе кн. Трубецкого она отвѣчала: „отнюдь намъ вмѣстѣ съ казаками не ставать“. Но скоро стало видно, что безъ поддержки казаковъ ничего не сдѣлать, и въ три мѣсяца стоянныя подъ Москвой безъ нихъ ничего важнаго не было сдѣлано. Въ рати кн. Пожарскаго числилось больше сорока начальныхъ людей все съ родовитыми служилыми именами, но только два человека сдѣлали крупныя дѣла, да и тѣ были не служилые люди: это — монахъ А. Палицынъ и мясной торговецъ К. Мининъ. Первый по просьбѣ кн. Пожарскаго въ рѣшительную минуту уговорилъ казаковъ поддерживать дворянъ, а второй выпросилъ у кн. Пожарскаго 3 — 4 роты и съ ними сдѣлалъ удачное нападеніе на малочисленный отрядъ гетмана Хоткѣвича, уже подбиравшагося къ Кремлю со съѣстными припасами для голодавшихъ тамъ соотчичей. Смѣлый натискъ Минина прободрилъ дворянско-ополченцевъ, которые вынудили гетмана къ отступленію, уже подготовленному казаками. Въ октябрѣ 1612 г. казаки же взяли приступомъ Китай-городъ. Но земское ополченіе не рѣшилось штурмовать Кремль; сидѣвшая тамъ горсть поляковъ сдалась сама, доведенная голодомъ до людоедства. Казацкіе же атаманы, а не московскіе воеводы, отбили отъ Волоколамска короля Сигизмунда, направлявшагося къ Москвѣ, чтобы воротить ее въ польскія руки, и заставили его вернуться домой. Дворянское ополченіе здѣсь еще разъ показало въ Смуту свою малопригодность къ дѣлу, которое было его сословнымъ ремесломъ и государственной обязанностью.

Избраніе
Минина

Вожди земскаго и казацкаго ополченія, князя Пожарскій и Трубецкой разослали по всѣмъ городамъ государства повѣстки, призывавшія въ столицу духовныя власти и выборныхъ людей изъ всѣхъ чиновъ для земскаго совѣта и

государскаго избранія. Въ самомъ началѣ 1613 г. стали съѣзжаться въ Москву выборные всей земли. Мы потомъ увидимъ, что это былъ первый безспорно всеобщій земскій соборъ съ участіемъ посадскихъ и даже сельскихъ обывателей. Когда выборные съѣхались, былъ назначенъ трехдневный постъ, которымъ представители Русской земли хотѣли очиститься отъ грѣховъ Смуты передъ совершеніемъ такого важнаго дѣла. По окончаніи поста начались совѣщанія. Первый вопросъ, поставленный на соборѣ, выбрать ли царя изъ иноземныхъ королевскихъ домовъ, рѣшили отрицательно, приговорили: ни польскаго, ни шведскаго королевича, ни иныхъ нѣмецкихъ вѣръ и ни изъ какихъ неправославныхъ государствъ на Московское государство не выбирать, какъ и „Маринкина сына“. Этотъ приговоръ разрушалъ замыслы сторонниковъ королевича Владислава. Но выбрать и своего природнаго русскаго государя было не легко. Памятники, близкіе къ тому времени, изображаютъ ходъ этого дѣла на соборѣ не свѣтлыми красками. Единомыслія не оказалось. Было большое волненіе; каждый хотѣлъ по своей мысли дѣлать, каждый говорилъ за своего; одни предлагали того, другіе этого, всѣ разнорѣчили; придумывали, кого бы выбрать, перебирали великіе роды, но ни на комъ не могли согласиться, и такъ потеряли не мало дней. Многіе вельможи и даже невельможи подкупали избирателей, засылали съ подарками и обѣщаніями. По избраніи Михаила соборная депутація, просившая инокинюмать благословить сына на царство, на упрекъ ея, что московскіе люди „измалодушествовались“, отвѣчала, что теперь они „наказались“, проучены, образумились и приш. и въ соединеніе. Соборные происки, козни и раздоры совсѣмъ не оправдывали благодушнаго увѣренія соборныхъ пословъ. Соборъ распался на партіи между великородными искате-

лями, изъ которыхъ болѣе позднія извѣстія называютъ князей Голицына, Мстиславскаго, Воротынскаго, Трубецкаго, Мих. Ѳ. Романова. Самъ скромный по отечеству и характеру кн. Пожарскій тоже, говорили, искалъ престола и потратилъ не мало денегъ на происки. Наиболѣе серьезный кандидатъ по способностямъ и знатности кн. В. В. Голицынъ былъ въ польскомъ плѣну, кн. Мстиславскій отказывался; изъ остальныхъ выбирать было некого. Московское государство выходило изъ страшной смуты безъ героевъ; его выводили изъ бѣды добрые, но посредственные люди. Кн. Пожарскій былъ не Борисъ Годуновъ, а Михаилъ Романовъ — не кн. Скопинъ-Шуйскій. При недостаткѣ настоящихъ силъ дѣло рѣшается предразсудкомъ и интригой. Въ то время, какъ соборъ разбивался на партіи, не зная, кого выбрать, въ него вдругъ пошли одно за другимъ „писанія“, петиціи за Михаила отъ дворянъ, большихъ купцовъ, отъ городовъ Сѣверской земли и даже отъ казаковъ; послѣдніе и рѣшили дѣло. Видя слабосиліе дворянской рати, казаки буйствовали въ освобожденной ими Москвѣ, дѣлали, что хотѣли, не стѣсняясь временнымъ правительствомъ Трубецкаго, Пожарскаго и Минина. Но въ дѣлѣ царскаго избранія они заявили себя патріотами, рѣшительно возстали противъ царя изъ чужеземцевъ, намѣчали „примѣривали“ настоящихъ русскихъ кандидатовъ, ребенка, сына вора тушинскаго, и Михаила Романова, отецъ котораго Филаретъ былъ ставленникъ обоихъ самозванцевъ, получилъ санъ митрополита отъ перваго и провозглашенъ патріархомъ въ подмосковномъ лагерѣ второго. Главная опора самозванства, казачество, естественно, хотѣло видѣть на престолѣ московскомъ или сына своего тушинскаго царя, или сына своего тушинскаго патріарха. Впрочемъ сынъ вора былъ поставленъ на конкурсъ не серьезно, больше изъ казацкаго при-

личія, и казаки не настаивали на этомъ кандидатѣ, когда земскій соборъ отвергъ его. Самъ по себѣ и Михайлъ, 16-лѣтній мальчишъ, ничѣмъ не выдававшійся, могъ имѣть мало видовъ на престолъ, и однако на немъ сошлись такія враждебныя другъ другу силы, какъ дворянство и казачество. Это неожиданное согласіе отразилось и на соборѣ. Въ самый разгаръ борьбы партій какой-то дворянинъ изъ Галича, откуда производили перваго самозванца, подалъ на соборѣ письменное мнѣніе, въ которомъ заявлялъ, что ближе всѣхъ по родству къ прежнимъ царямъ стоитъ М. Ѡ. Романовъ, а потому его и надобно выбрать въ цари. Противъ Михайла были многіе члены собора, хотя онъ давно считался кандидатомъ и на него указывалъ еще патріархъ Гермогенъ, какъ на желательнаго преемника царя В. Шуйскаго. Письменное мнѣніе галичскаго городского дворянина раздражило многіхъ. Раздались сердитые голоса: кто принесъ такое писаніе, откуда? Въ это время изъ рядовъ выборныхъ выдѣлился донской атаманъ и подошедши къ столу, также положилъ на него писаніе. „Какое это писаніе ты подалъ, атаманъ?“ спросилъ его кн. Д. М. Пожарскій. — „*О природномъ царѣ Михайлѣ Ѡеодоровичѣ*“, отвѣчалъ атаманъ. Этотъ атаманъ будто бы и рѣшилъ дѣло: „прочетше писаніе атаманское, бысть у всѣхъ согласенъ и единомысленъ совѣтъ“, какъ пишетъ одинъ бытописатель. Михайла провозгласили царемъ. Но это было лишь предварительное избраніе, только намѣтившее соборнаго кандидата. Окончательное рѣшеніе предоставили непосредственно всей землѣ. Тайно разослали по городамъ вѣрныхъ людей вывѣдать мнѣніе народа, кого хотять государемъ на Московское государство. Народъ оказался уже достаточно подготовленнымъ. Посланные возвратились съ донесеніемъ, что у всѣхъ людей отъ мала и до велика та же мысль: быть государемъ

М. Ѳ. Романову, а опричь его никакъ никого на государство не хотѣть. Это секретно-полицейское дознаніе, соединенное, можетъ-быть, съ агитаціей, стало для собора своего рода избирательнымъ плебисцитомъ. Въ торжественный день, въ недѣлю Православія, первое воскресенье Великаго поста, 21 февраля 1613 г. были назначены окончательные выборы. Каждый чинъ подавалъ особое письменное мнѣніе, и во всѣхъ мнѣніяхъ значилось одно имя — Михаила Ѳедоровича. Тогда нѣсколько духовныхъ лицъ вмѣстѣ съ бояриномъ посланы были на Красную площадь, и не успѣли они съ Лобнаго мѣста спросить собравшійся во множествѣ народъ, кого хотять въ цари, какъ всѣ закричали: „Михаила Ѳедоровича“.

Романовы. Такъ соборное избраніе Михаила было подготовлено и поддержано на соборѣ и въ народѣ цѣлымъ рядомъ вспомогательныхъ средствъ: предвыборной агитаціей съ участіемъ многочисленной родни Романовыхъ, давленіемъ казацкой силы, негласнымъ дознаніемъ въ народѣ, выкрикомъ столичной толпы на Красной площади. Но всѣ эти избирательные приемы имѣли успѣхъ потому, что нашли опору въ отношеніи общества къ фамиліи. Михаила вынесла не личная или агитаціонная, а фамильная популярность. Онъ принадлежалъ къ боярской фамиліи, едва ли не самой любимой тогда въ московскомъ обществѣ. Романовы — недавно обособившаяся вѣтвь стариннаго боярскаго рода Кошкиныхъ. Давно, еще при вел. кн. Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ выѣхалъ въ Мосеву изъ „Прусскія земли“, какъ гласитъ родословная, знатный человекъ, котораго въ Москвѣ прозвали Андреемъ Ивановичемъ Кобылой. Онъ сталъ виднымъ бояриномъ при московскомъ дворѣ. Отъ пятаго сына его Ѳедора Кошки и пошелъ „Кошкинъ родъ“, какъ онъ зовется въ нашихъ лѣтописяхъ. Кошкины блистали при московскомъ дворѣ въ XIV и XV вв. Это была единственная нетитулованная

Боярская фамилія, которая не потонула въ потокѣ новыхъ титулованныхъ слугъ, нахлынувшихъ къ московскому двору съ половины XV в. Среди князей Шуйскихъ, Воротынскихъ, Мстиславскихъ Кошкины умѣли удержаться въ первомъ ряду боярства. Въ началѣ XVI в. видное мѣсто при дворѣ занималъ бояринъ Романъ Юрьевичъ Захаринъ, шедшій отъ Кошкина внука Захарія. Онъ и сталъ родоначальникомъ новой вѣтви этой фамиліи — Романовыхъ. Сынъ Романа Никита, родной братъ царицы Анастасіи, — единственный московскій бояринъ XVI в., оставившій по себѣ добрую память въ народѣ: его имя запомнила народная былина, изображая его въ своихъ пѣсняхъ о Грозномъ благодушнымъ посредникомъ между народомъ и сердитымъ царемъ. Изъ шести сыновей Никиты особенно выдавался старшій Федоръ. Это былъ очень добрый и ласковый бояринъ, щеголь и очень любознательный человекъ. Англичанинъ Горсей, жившій тогда въ Москвѣ, рассказываетъ въ своихъ запискахъ, что этотъ бояринъ непремѣнно хотѣлъ выучиться по-латыни, и по его просьбѣ Горсей составилъ для него латинскую грамматику, написавъ въ ней латинскія слова русскими литерами. Популярность Романовыхъ, пріобрѣтенная личными ихъ качествами, несомнѣнно, усилилась отъ гоненія, какому подверглись Никитичи при подозрительномъ Годуновѣ; А. Палицынъ даже ставитъ это гоненіе въ число тѣхъ грѣховъ, за которые Богъ наказалъ землю Русскую смутой. Вражда съ царемъ Васильемъ и связи съ Тушиномъ доставили Романовымъ покровительство и второго Лжедмитрія и популярность въ казацкихъ таборахъ. Такъ двумысленное поведеніе фамиліи въ смутные годы подготовило Михаилу двустороннюю поддержку и въ земствѣ, и въ казачествѣ. Но всего больше помогла Михаилу на соборныхъ выборахъ родственная связь Романовыхъ съ преж-

ней династіей. Въ продолженіе Смуты русскій народъ столько разъ неудачно выбиралъ новыхъ царей, и теперь только то избраніе казалось ему прочно, которое падало на лицо, хотя какъ-нибудь связанное съ прежнимъ царскимъ домомъ. Въ царѣ Михаилѣ видѣли не соборнаго избранника, а племянника царя Ѳедора, природнаго, наслѣдственнаго царя. Современный хронографъ прямо говоритъ, что Михаила просили на царство „сродственнаго его ради союза царскихъ искръ“. Не даромъ Авраамій Палицынъ зоветъ Михаила „избраннымъ отъ Бога прежде его рожденія“, а дьякъ И. Тимошеевъ въ непрерывной цѣпи наслѣдственныхъ царей ставитъ Михаила прямо послѣ Ѳедора Ивановича, игнорируя и Годунова, и Шуйскаго, и всѣхъ самозванцевъ. И самъ царь Михаилъ въ своихъ грамотахъ обычно называлъ Грознаго своимъ дѣдомъ. Трудно сказать, насколько помогъ избранію Михаила ходившій тогда слухъ, будто царь Ѳедоръ, умирая, устно завѣщалъ престолъ своему двоюродному брату Ѳедору, отцу Михаила. Но боярѣ, руководившихъ выборами, должно было склонять въ пользу Михаила еще одно удобство, къ которому они не могли быть равнодушны. Есть извѣстіе, будто бы Ѳ. И. Шереметевъ писалъ въ Польшу кн. Голицыну: „Миша де Романовъ молодъ, разумомъ еще не дошелъ и намъ будетъ поваденъ“. Шереметевъ, конечно, зналъ, что престолъ не лишитъ Михаила способности зрѣть и молодость его не будетъ перманентна. Но другія качества обѣщали показать, что племянникъ будетъ второй дядя, напоминая его умственной и физической хлостью, выйдетъ добрымъ, кроткимъ царемъ, при которомъ не повторятся испытанія, пережитыя боярствомъ въ царствованіе Грознаго и Бориса. Хотѣли выбрать не способнѣйшаго, а удобнѣйшаго. Такъ явился родоначальникъ новой династіи, положившій конецъ Смутѣ.

Лекція XLIV.

Ближайшія слѣдствія Смуты. — Новыя политическія понятія. — Ихъ проявленія въ Смуту. — Перемѣна въ составѣ правительственнаго класса. — Разстройство мѣстничества. — Новая постановка верховной власти. — Царь и боярство. — Боярская дума и земскій соборъ. — Упрощеніе верховной власти. — Боярская попытка 1681 г. — Перемѣна въ составѣ и значеніи земскаго собора. — Разореніе. —
Настроеніе общества послѣ Смуты.

Обращаемся къ изученію ближайшихъ слѣдствій смуты, образовавшихъ политическую и нравственную обстановку, въ которой пришлось дѣйствовать первому царю новой династїи. Четырнадцать бурныхъ лѣтъ, пережитыхъ Московскимъ государствомъ, не прошли безслѣдно. Эти слѣдствія, обнаруживающіяся съ первыхъ минутъ царствованія Михаила, шли изъ двухъ главныхъ перемѣнъ, произведенныхъ смутой въ положеніи государства: во-первыхъ, прервалось политическое преданіе, старый обычай, на которомъ держался порядокъ въ Московскомъ государствѣ XVI в.; во-вторыхъ, смута поставила государство въ такія отношенія къ сосѣдямъ, которыя требовали еще большаго напряженія народныхъ силъ для внѣшней борьбы, чѣмъ какое испытывало государство во XVI в. Отсюда, изъ этихъ двухъ перемѣнъ вышелъ рядъ новыхъ политическихъ понятій, утвердившихся въ московскихъ умахъ, и рядъ новыхъ полити-

ческих фактовъ, составляющихъ основное содержаніе нашей исторіи XVII в. Изучимъ тѣ и другіе.

Новыя политическія понятія.

Прежде всего изъ потрясенія, пережитаго въ Смутное время, люди Московскаго государства вынесли обильный запасъ новыхъ политическихъ понятій, съ которыми не были знакомы ихъ отцы, люди XVI в. Это печальная выгода тревожныхъ временъ: они отнимаютъ у людей спокойствіе и довольство и взамѣнъ того даютъ опыты и идеи. Какъ въ бурю листья на деревьяхъ повертываются изнанкой, такъ смутныя времена въ народной жизни, ломая фасады, обнаруживаютъ задворки, и при видѣ ихъ люди, привышіе замѣчать лицевую сторону жизни, невольно задумываются и начинаютъ думать, что они доселѣ видѣли далеко не все. Это и есть начало политическаго размышленія. Его лучшая, хотя и тяжелая школа — народные перевороты. Этимъ объясняется обычное явленіе — усиленная работа политической мысли во время и тотчасъ послѣ общественныхъ потрясеній. Понятія, какими обогатились московскіе умы въ продолженіе смуты, глубоко измѣнили старый привычный взглядъ общества на государя и государство. Мы уже знакомы съ этимъ взглядомъ. Московскіе люди XVI в. видѣли въ своемъ государѣ не столько блюстителя народнаго блага, сколько хозяина московской государственной территоріи, а на себя смотрѣли, какъ на пришельцевъ, обитающихъ до поры до времени на этой территоріи, какъ на политическую случайность. Личная воля государя служила единственной пружиной государственной жизни, а личный или династическій интересъ этого государя — единственной ея цѣлью. Изъ-за государя не замѣчали государства и народа. Смута поколебала этотъ закоснѣлый взглядъ. Въ эти тяжелые годы люди Московскаго государства не разъ были призываемы выбрать себѣ

государя; въ иные годы государство оставалось совсѣмъ безъ государя, и общество было предоставлено самому себѣ. Съ самаго начала XVII в. московскіе люди переживали такія положенія, видѣли такія явленія, которыя при ихъ отцахъ считались невозможными, прямо невысказанными. Они видѣли, какъ падали цари, за которыхъ не стоялъ народъ, видѣли, какъ государство, оставшись безъ государя, не распалось, а собралось съ силами и выбрало себѣ новаго царя. Людямъ XVI в. и въ голову не приходила самая возможность подобныхъ положеній и явленій. Прежде государство мыслилось въ народномъ сознаніи только при наличности государя, воплощалось въ его лицѣ и поглощалось имъ. Въ Смуту, когда временами не бывало государя или не знали, кто онъ, нераздѣлимая прежде понятія стали раздѣляться сами собою. *Московское государство* — эти слова въ актахъ Смутнаго времени являются для всѣхъ понятныхъ выраженіемъ, чѣмъ-то не мыслимымъ только, но и дѣйствительно существующимъ даже безъ государя. Изъ-за лица проглянула идея, и эта идея государства, отбѣляясь отъ мысли о государѣ, стала сливаться съ понятіемъ о народѣ. Въ тѣхъ же актахъ вмѣсто „государя царя и великаго князя всея Руси“ часто встрѣчаемъ выраженіе „люди Московскаго государства“. Мы видѣли, какъ трудно было московскимъ умамъ освоиться съ идеей выборнаго царя: виною этого было отсутствіе мысли, что воля народа въ случаѣ нужды можетъ быть вполне достаточнымъ источникомъ законной верховной власти, а непониманіе этого происходило отъ недостатка мысли о народѣ, какъ о политической силѣ. По отношенію къ царю всѣ его подданные считались *холопами*, дворовыми его людьми, либо *сиротами*, безродными и безпріютными людьми, живущими на его землѣ. Какая можетъ быть политическая воля у хо-

лоповъ и сиротъ и какъ она можетъ стать источникомъ богоучрежденной власти помазанника Божія? Смута впервые и тронула глубоко это застоявшееся политическое сознание, давъ больно почувствовать, насколько народные умы отстали отъ задачъ, неожиданно и грозно поставленныхъ стихійнымъ ходомъ народной жизни. Въ Смуту общество, предоставленное самому себѣ, поневолѣ приучалось дѣйствовать самостоятельно и сознательно, и въ немъ начала зарождаться мысль, что оно, это общество, народъ, не политическая случайность, какъ привыкли чувствовать себя московскіе люди, не пришельцы, не временные обыватели въ чьемъ-то государствѣ, но что такая политическая случайность есть скорѣе династія: въ 15 лѣтъ, слѣдовавшихъ за смертью царя Ѳедора, сдѣлано было четыре неудачныхъ опыта основать новую династію и удался только пятый. Рядомъ съ государевой волей, а иногда и на ея мѣсто теперь не разъ становилась другая политическая сила, вызванная къ дѣйствию смутой, воля народа, выражавшаяся въ приговорахъ земскаго собора, въ московскомъ народномъ сборищѣ, выкрикнувшемъ царя Василія Шуйскаго, въ сѣздахъ выборныхъ отъ городовъ, поднимавшихся противъ вора Тупинскаго и поляковъ. Благодаря тому мысль о государѣ-хозяинѣ въ московскихъ умахъ постепенно если не отходила назадъ, то осложнялась новой политической идеей государя-избранника народа. Такъ стали переверстываться въ сознаниі, приходить въ иное соотношеніе основныя стихіи государственнаго порядка: *государь*, *государство* и *народъ*. Какъ прежде изъ-за государя не замѣчали государства и народа и скорѣе могли представить себѣ государя безъ народа, чѣмъ государство безъ государя, такъ теперь опытомъ убѣдились, что государство, по крайней мѣрѣ въ некоторое время, можетъ быть безъ госу-

даря, но ни государь, ни государство не могут обойтись безъ народа. Къ тому же порядку понятій подходили, только съ другой, отрицательной стороны, и современные публицисты, писавшіе о Смуть, А. Палицынъ, И. Тимоеевъ и другіе, безыменные. Они видѣли корень бѣды въ недостаткѣ мужественной крѣпости у общества, умѣнья соединяться противъ властныхъ нарушителей порядка и закона. Когда Б. Годуновъ совершалъ свои беззаконія, губилъ столпы великіе, которыми земля укрѣплялась, всѣ „благороднѣйшіе“ онѣмѣли, были безгласны, какъ рыбы, не оказалось крѣпкаго во Израилѣ, никто не осмѣлился правду говорить властителю. За это общественное попустительство, за „безумное молчаніе всего міра“, по выраженію А. Палицына, и наказана земля.

Правда, на соборѣ 1613 г. среди общаго смятенія и раз- Ихъ прояв-
ленія.
дора восторжествовала старая привычная идея „природнаго“ царя, чему Михаилъ и былъ обязанъ своимъ избраніемъ. Это попятное движеніе было знакомъ того, что народный умъ, представленный на соборѣ выборными людьми, не справился съ новымъ положеніемъ и предпочелъ вернуться къ старинѣ, къ прежнему „безумному молчанію всего міра“. Мы и послѣ увидимъ не разъ, какъ мутный стихійный потокъ народной жизни затягивалъ иломъ частичныя углубленія общественнаго сознанія. Но въ отдѣльныхъ кругахъ общества мысль о необходимости дѣятельнаго и благоустроеннаго земскаго участія въ дѣлахъ всей земли проявлялась въ продолженіе смуты иногда съ большою силой. Если вникнуть въ сущность и значеніе этой мысли и припомнить, какъ туго даются людямъ новыя политическія понятія, то можно предвидѣть, что такой переломъ въ умахъ не могъ пройти безслѣдно. Слѣды его дѣйствія и обнаруживаются въ нѣкоторыхъ явленіяхъ Смутаго

времени. Въ 1609 г. мятежный рязанскій дворянинъ Сунбуловъ собралъ на московской площади толпу народа и потребовалъ отъ бояръ низложенія царя Василья. Но въ толпѣ нашлись люди, которые возражали мятежникамъ: „хотя бы царь и негоденъ вамъ былъ, однако безъ большихъ бояръ и всенароднаго собранія его съ царства свести не можно“. Значить, всенародное собраніе съ боярами во главѣ считалось единственнымъ учрежденіемъ, уполномоченнымъ рѣшать такія важныя дѣла. Новыя правительства признавали и поддерживали такой взглядъ на значеніе всенародной воли въ рѣшеніи коренныхъ политическихъ вопросовъ. Ту же самую мысль, какую на площади высказали мятежникамъ разсудительные граждане, выразилъ и самъ царь Василій. Когда Сунбуловъ съ сообщниками ворвался во дворецъ, царь встрѣтилъ ихъ словами: „Зачѣмъ вы, клятвopреступники, пришли ко мнѣ съ такимъ шумомъ и наглостью? Если хотите убить меня, я готовъ умереть; если же хотите согнать меня съ престола, то вамъ этого не сдѣлать, пока не соберутся всѣ большіе бояре и всѣхъ чиновъ люди, и какой вся земля приговоръ постановить, я готовъ поступить по тому приговору“. Въ обществѣ, которое неоднократно было призываемо къ рѣшенію важныхъ государственныхъ вопросовъ, какъ будто стала пробиваться даже мысль, что всенародное земское собраніе, правильно составленное, въ правѣ не только избирать царя, но при случаѣ и судить его. По крайней мѣрѣ такая мысль официально была высказана именемъ правительства царя Василія Шуйскаго. Въ самомъ началѣ его царствованія въ Польшу былъ посланъ нѣкто кн. Гр. Волконскій оправдать передъ польскимъ правительствомъ истребленіе перваго самозванца и избіеніе преданныхъ ему поляковъ. По официальному наказу, какой данъ былъ послу, онъ говорилъ ко-

ролю и панамъ, что люди Московскаго государства, осудя истиннымъ судомъ, въ правѣ были наказать за злыя и богомерзкія дѣла такого царя, какъ Лжедмитрій. Князь Григорій сдѣлалъ еще болѣе смѣлый шагъ, развивая свои наказныя воззрѣнія передъ польскимъ правительствомъ: онъ прибавилъ, что хотя бы теперь явился и прямой, прирожденный государь царевичъ Дмитрій, но если его на государствѣ не похотятъ, то ему силой на государствѣ быть не можно. У самого кн. Андрея Мих. Курбскаго, политическаго либерала XVI в., дыбомъ встали бы волосы, если бы онъ услышалъ такую политическую ересь.

Событія Смутнаго времени не только поселили въ умахъ новыя политическія понятія, но измѣнили и составъ правительственнаго класса, съ помощію котораго дѣйствовали цари первой династіи, и эта перемѣна много содѣйствовала успѣху самыхъ понятій. Старые московскіе государи правили своимъ государствомъ съ помощію боярскаго класса, плотно организованнаго, проникнутаго аристократическимъ духомъ и привычнаго къ власти. Политическое значеніе этого класса не было обезпечено прямымъ закономъ, держалось на старинномъ правительственномъ обычаѣ. Но этотъ обычай поддерживался двумя косвенными опорами. Одна статья Судебника 1550 г. утверждала законодательный авторитетъ Боярской думы, а въ думѣ преобладающее значеніе принадлежало боярству. Съ другой стороны, мѣстничество подчиняло должностныя назначенія въ управленіи генеалогическимъ отношеніямъ, продвигая усиленно наверхъ ту же боярскую знать. Одна опора поддерживала боярство, какъ высшее правительственное учрежденіе, другая — какъ правительственный классъ. Въ царствованіе Михаила одинъ изъ самыхъ родовитыхъ представителей этого класса, бояринъ кн. И. М. Воротынскій такъ изобразилъ правительственное

Правящій
классъ.

положеніе боярства въ прежнее время: „бывали на насъ опалы отъ прежнихъ государей, но правительства съ насъ не снимали; во всемъ государствѣ справа всякая была на насъ, а худыми людьми насъ не безчестили“. Бояринъ хотѣлъ сказать, что отдѣльнымъ лицамъ изъ боярскаго класса иногда больно доставалось отъ произвола прежнихъ государей, но самаго класса они не лишали правительственнаго значенія, не давали передъ нимъ хода худороднымъ людямъ. Князь Воротынскій хорошо выразилъ правительственную силу класса при политическомъ безсиліи лицъ. Этотъ классъ, державшій всякую справу въ государствѣ, и сталъ разрушаться съ начала Смутнаго времени, хотя починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ еще Грозному. Стройные мѣстническіе ряды боярства все болѣе рѣдѣли; на опустѣлыя мѣста врывались новые худые люди, непривычные къ власти, безъ фамиліальныхъ преданій и политическаго навыка. Вокругъ царей новой династіи не видно цѣлаго ряда старыхъ знатныхъ фамилій, которыя прежде постоянно держались наверху. При царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ нѣтъ уже ни князей Курбскихъ, ни князей Холмскихъ, ни князей Микулинскихъ, ни князей Пенковыхъ; скоро сойдутъ со сцены князья Мстиславскіе и Воротынскіе; въ спискѣ бояръ и думныхъ людей 1627 г. встрѣчамъ послѣдняго кн. Шуйскаго и пока — ни одного кн. Голицына. Точно такъ же не замѣтно наверху фамилій нетитулованныхъ, но принадлежавшихъ къ старинному московскому боярству: нѣтъ Тучковыхъ, Челяднинныхъ, падаютъ Сабуровы, Годуновы; на ихъ мѣстахъ являются все люди новыхъ родовъ, о которыхъ никто не зналъ или мало кто зналъ въ XVI в., Стрѣшчевы, Нарышкины, Милославскіе, Лопухины, Боборыкины, Языковы, Чаадаевы, Чириковы, Толстые, Хитрые и пр., а изъ титулованныхъ князья Прозоровскіе, Мосальскіе, Долгоруки,

Урусовы, да и изъ многихъ прежнихъ добрыхъ фамилій уцѣлѣли только худыя колѣна. Эта перемѣна въ составѣ правительственнаго класса была замѣчена и своими, и чужими. Въ началѣ царствованія Михаила остатокъ стараго московскаго боярства жаловался на то, что въ Смуту всплыло наверхъ много самыхъ худыхъ людей, торговыхъ мужиковъ и молодыхъ дѣтишекъ боярскихъ, т.-е. худородныхъ провинціальныхъ дворянъ, которымъ случайные цари и искатели царства надавали высшихъ чиновъ, возводя ихъ въ званія окольныхъ, думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ. Въ 1615 г. польскіе комиссары, которые вели переговоры съ московскими послами, кололи глаза московскому боярству, говоря, что теперь на Москвѣ по грѣхамъ такъ повелось, что простые мужики, поповскіе дѣти и мясники негодные мимо многихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ не попригожу къ великимъ государственнымъ и земскимъ дѣламъ припускаются. Эти политическіе новики при новой династїи все смѣлѣе пробираются наверхъ и забираются даже въ Боярскую думу, которая все болѣе худѣетъ, становится все менѣе боярской. Они и были предшественниками и предвѣстниками тѣхъ государственныхъ дѣльцовъ XVIII в., которыхъ современники такъ мѣтко прозвали „случайными“ людьми, людьми „въ случаѣ“. Итакъ, говорю, государи прежней династїи правили съ помощью цѣльнаго правительственнаго класса; государи XVII в. начали править съ помощью отдѣльныхъ лицъ, случайно выплывавшихъ наверхъ. Эти новыя лица, свободныя отъ правительственныхъ преданій, и стали носителями и проводниками новыхъ политическихъ понятій, которыя въ Смуту проникли въ московскіе умы.

Вторженіе столькихъ новыхъ людей въ знатные правящіе круги запутало мѣстническіе счеты. Мѣстничество, ^{Разстройство мѣстничества.}

какъ мы уже видѣли (лекція XXVII), выстраивало боярскую знать въ замкнутую цѣпь лицъ и фамилій, которая въ мѣстническихъ спорахъ развѣртывалась въ сложную сѣть должностныхъ и генеалогическихъ отношеній. Два совмѣстника, не зная, какъ они доводятся другъ другу, опредѣляли свое относительное мѣстническое отечество, вовлекая въ счетъ третьихъ, четвертыхъ, пятыхъ лицъ, и если одинъ изъ соперниковъ проступался по недосмотру или уступчивости, онъ затрогивалъ родовую честь этихъ третьихъ-пятыхъ, которые вмѣшивались въ дѣло, чтобы отгородиться отъ посторонняго посягательства на ихъ честь. Князю Д. М. Пожарскому пришлось быть въ одномъ случаѣ меньше Б. Салтыкова. Въ думѣ разсчитывали такъ: Пожарскій родичъ и ровня кн. Ромодановскому — оба изъ князей Стародубскихъ, а Ромодановскій бывалъ меньше М. Салтыкова, а М. Салтыковъ въ своемъ родѣ меньше Б. Салтыкова: стало-быть, кн. Пожарскій меньше Б. Салтыкова. Новые люди разрывали эту цѣпь, входя въ нее неприлаженными къ ней звеньями. Они проникали въ ряды старой знати за прямыя заслуги или подъ предлогомъ заслугъ отечеству; но мѣстничество не признавало подвиговъ. Что ему заслуга отечеству? Оно знало родоначальника съ поколѣнной таблицей потомковъ да послужныя разрядныя росписи. У него было свое отечество — родовая честь. Но и новые люди не хотѣли поступаться своими заслугами и выслугами, и въ исторіи Московскаго государства едва ли была эпоха, столь обильная мѣстническими дрязгами, какъ царствованіе Михаила. Самый видный изъ новиковъ князь Д. М. Пожарскій на себѣ самомъ испыталъ всю тяжесть столкновеній, отсюда происходившихъ. Даромъ, что онъ Московское государство очистилъ отъ воровъ-казаковъ и враговъ-поляковъ, изъ худородныхъ стольниковъ пожало-

ванъ былъ въ бояре, получилъ „вотчины великія“: къ нему придирались при всякомъ случаѣ, твердя одно, что Пожарскіе — люди не разрядные, большихъ должностей не занимали, кромѣ городничихъ и губныхъ старостъ нигдѣ прежде не бывали. Когда его учли передъ Б. Салтыковымъ, онъ ничего не возражалъ, однако царскаго указа и боярскаго приговора не послушался. Тогда ужъ Салтыковъ вчинилъ противъ него искъ о безчестьи, и спаситель отечества „отосланъ былъ головою“ къ ничтожному, но родовитому сопернику, подвергся унижительному обряду, былъ проведенъ съ торжественнымъ позоромъ пѣшкомъ подъ руки подъ конвоемъ отъ царскаго двора до крыльца соперника. Зато Татищева, бывшаго челомъ на того же кн. Пожарскаго не въ свою мѣру, высѣли кнудомъ и отослали къ князю головою. Разстройство мѣстничества, начавшееся столкновеніемъ породы съ заслугой, продолжалось отрицаніемъ самой породы, какъ основы мѣстничества. Заслуга, выслуженный высокій чинъ не давалъ знатности. Основное правило мѣстничества — за службу государь жалуетъ деньгами и помѣстьями, а не отечествомъ. Когда мѣстническое сутяжничество разгорѣлось и рѣдкое должностное назначеніе обходилось безъ спора и послушанія, правительство придумало способъ устранить вредъ, отсюда происходившій для службы: на должности, дотолѣ замѣщаемыя людьми родословными, стали назначать неродословныхъ, между которыми счета мѣстами не полагалось. Но неродословные, попавъ на родословныя должности, тотчасъ воображали себя пожалованными въ родословные и мѣстничались между собою не хуже родословной знати, даже принимались мѣстничаться съ настоящими родословными людьми. За это ихъ лишали чиновъ, сажали въ тюрьму, сѣли кнудомъ; но они не унимались,

и разъ, выведенные нескончаемымъ и досаднымъ разбирательствомъ такихъ бездѣльныхъ споровъ, думный дьякъ и бояринъ среди самаго застѣванія Боярской думы собственноручно отколотили палками неутомоннаго худороднаго спорщика, приговаривая: „не по дѣломъ бьешь челомъ, знай свою мѣру“. Но это кляузничество худородныхъ было вызвано обстоятельствами времени. Смута произвела большую переборку служилыхъ фамилій, подняла однѣ, понизила другія. Служебный чинъ самъ по себѣ мало значилъ въ мѣстничествѣ, не давалъ родовитости; но родовитаго человѣка обыкновенно возводили въ высокій чинъ, служившій показателемъ его родовитости. Малые люди, дослуживавшіеся въ Смуту до большихъ чиновъ, пытались превратить признакъ родовитости въ ея источникъ и стали усвоить мысль, что государь, жалую худородному большой чинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ ему и знатность. Эта мысль, отрицавшая самое основаніе мѣстничества, принадлежала къ новымъ политическимъ понятіямъ, возникшимъ въ Смуту, и была тогда отчетливо выражена однимъ захудалымъ служакой, сказавшимъ въ спорѣ о мѣстахъ своему родовитому сопернику: *великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ*. Эта же мысль повела къ отиѣнѣ мѣстничества въ 1682 г., потомъ легла въ основу петровской табели о рангахъ 1722 г. и всего болѣе содѣйствовала поглощенію старой боярской аристократіи чиновной дворянской бюрократіей.

Царь и бо-
ярство.

Новыя политическія понятія, зародившіеся въ умахъ въ продолженіе Смуты, оказали прямое и замѣтное дѣйствіе на государственный порядокъ при новой династіи, именно на постановку верховной власти въ ходѣ высшаго управленія. Впрочемъ перемена, здѣсь происшедшая, была только продолженіемъ или осуществленіемъ стремленій,

заявленныхъ въ Смутное время. Я ужъ не разъ повторялъ, что взаимныя отношенія государя и цѣлаго боярскаго класса устанавливались практикой, обычаемъ, а не закономъ, зависѣли отъ случая или произвола, что между московскимъ государемъ-хозяиномъ и боярами-слугами въ хозяйскомъ домѣ могла быть рѣчь объ условіяхъ службы, но не о порядкѣ домоуправленія. По пресѣченіи династіи эти дворовыя отношенія неизбежно переносились на политическую основу: для избраннаго царя изъ своихъ или чужихъ государство не могло оставаться вотчиной, да и бояре-привязки хотѣли стать участниками управленія. Уже во время Смуты боярство и высшее дворянство нѣсколько разъ пытались установить государственный порядокъ, основанный на письменномъ договорѣ съ царемъ, т.-е. на формальномъ ограниченіи верховной власти. Такія попытки мы видѣли уже при воцареніи В. Шуйскаго и въ договорѣ Салтыкова 4 февраля 1610 г. Эти попытки — слѣдствіе перерыва московскаго политическаго преданія, какой произведенъ былъ пресѣченіемъ старой династіи. Боярство и теперь, по превращеніи Смуты, не хотѣло отказаться отъ своего стремленія. Напротивъ, при политическомъ возбужденіи, какое вынесло боярство изъ временъ Грознаго и Годунова, это стремленіе разгорѣлось до жгучей потребности. Митрополитъ Филаретъ, отецъ Михаила, узнавъ о созывѣ избирательнаго собора въ Москвѣ, писалъ туда изъ польскаго плѣна, что возстановить власть прежнихъ царей значитъ подвергнуть отечество опасности окончательной гибели и онъ скорѣе готовъ умереть въ польской тюрьмѣ, чѣмъ на свободѣ быть свидѣтелемъ такого несчастія. Онъ и не подозрѣвалъ, что по возвращеніи въ отечество, гдѣ онъ сталъ потомъ подлѣ сына со властью и титуломъ государя, ему самому придется считаться со своимъ

конституціоннымъ порывомъ. При воцареніи Михаила случилось что-то, отвѣчавшее этому порыву. Эта новая попытка, потомъ какъ-то свѣянная временемъ въ московскихъ умахъ и съ государственнаго порядка, вскрывается свидѣтельствами, идущими съ разныхъ сторонъ. Объ немъ говорить одинъ современникъ-псковитянинъ, написавшій недурную повѣсть о Смутномъ времени и о воцареніи Михаила. Повѣствователь съ негодованіемъ рассказываетъ, какъ по избраніи Михаила бояре хозяйничали въ Русской землѣ, царя ни во что не ставили и не боялись его. Онъ прибавляетъ, что при вступленіи Михаила на престолъ бояре заставили его поцѣловать крестъ на томъ, чтобы никого изъ ихъ вельможныхъ и боярскихъ родовъ не казнить ни за какое преступленіе, а только ссылать въ заточеніе. Опредѣленіе передаетъ дѣло челоуѣкъ слѣдующаго поколѣнія, подьячій Посольскаго приказа Григорій Котошихинъ. Онъ бѣжалъ изъ Россіи въ 1664 г. и за границей, въ Швецію, составилъ описаніе Московскаго государства. Покинувъ Москву 19 лѣтъ спустя по воцареніи второго государя новой династіи, онъ могъ по личнымъ воспоминаніямъ или по свѣжему преданію помнить все время Михаила. Въ своемъ описаніи онъ ставитъ этого царя въ одинъ рядъ съ государями, которые по пресѣченіи старой династіи вступали на престолъ не по праву наслѣдства, а по народному избранію. По его представленію, всѣ эти выборные цари вступали на престолъ съ ограниченной властью. Обязательства, какія они на себя принимали, на какихъ „были иманы съ нихъ письма“, по его словамъ, состояли въ томъ, чтобы „имъ быть нежестокимъ и непальчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнить ни за что и мыслить о всякихъ дѣлахъ съ боярами и думными людьми сопча, а безъ ихъ вѣдома тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлать“.

О царѣ Михайлѣ Котошихинѣ прибавляетъ, что хотя онъ и писался самодержцемъ, но безъ боярскаго совѣта не могъ дѣлать ничего. То же подтверждаетъ и извѣстіе, идущее изъ XVIII в. Тогдашній русскій историкъ Татищевъ, пользовавшійся историческими документами, теперь неизвѣстными, по поводу дѣла верховниковъ въ 1730 г. составилъ небольшую историко-политическую записку, въ которой свидѣтельствуется о царѣ Михайлѣ, что хотя его избраніе на престолъ и было „порядочно всенародное“, т.-е. правильно соборное, однако съ такою же записью, какая взята была съ царя В. Шуйскаго, черезъ что царь Михайлъ ничего не могъ сдѣлать, но радъ былъ покою, т.-е. предоставилъ все управленіе боярамъ. Но въ другомъ сочиненіи тотъ же Татищевъ рѣшительно сомнѣвается въ такой записи, когда разбираетъ извѣстіе о ней Страленберга, шведа, жившаго въ Россіи при Петрѣ I, говоря, что не знаетъ ни письменныхъ, ни устныхъ о томъ свидѣтельствъ. Въ описаніи Россіи, изданномъ въ 1730 г., Страленбергъ пользовался воспоминаніями и разказами о XVII в., еще свѣжо хранившимися въ русскомъ обществѣ. Отсюда онъ узналъ, что царь Михайлъ, вступая на престолъ, долженъ былъ дать такое письменное клятвенное обязательство: блюсти и охранять православную вѣру, забыть прежніе фамиліальные счеты и недружбы, по собственному усмотрѣнію не издавать новыхъ законовъ и не измѣнять старыхъ, не объявлять войны и не заключать мира, важныя судныя дѣла вершить по закону, установленнымъ порядкомъ, наконецъ, свои родовыя вотчины отдать родственникамъ либо присоединить къ короннымъ землямъ. Подкрестная записъ Михаила неизвѣстна, и обязательства, имъ принятыхъ, въ тогдашнихъ официальныхъ документахъ не замѣтно. Въ про- странной *Утвержденной грамотѣ*, которой земскій соборъ

закрѣпилъ избраніе Михаила, и въ записи, по которой ему присягали, можно уловить три черты, очерчивающія власть новаго царя: 1) его избрали на царство, потому что онъ доводился племянникомъ послѣднему царю старой династіи Федору; 2) соборъ присягалъ не только избранному имъ царю, но и его будущей царицѣ и ихъ будущимъ дѣтямъ, видя въ своемъ избранникѣ если не наслѣдственнаго, то потомственнаго государя; 3) служилые люди обѣтъ давали быть „безъ прекословія во всякихъ государевыхъ дѣлахъ“, какъ кому государь на своей службѣ быть велить. Можетъ возникнуть сомнѣніе въ самомъ фактѣ ограниченія Михайловой власти. Однако преданіе объ этомъ пошло отъ современниковъ Михаила и держалось долѣе столѣтія. Неясные намеки помогаютъ догадаться, въ чемъ было дѣло. Наиболѣе довѣрія внушаетъ псковская повѣсть, передающая дѣло въ томъ видѣ, когда носившіеся слухи еще не успѣли разростись въ сказаніе, въ политическую легенду. Въ первые пять лѣтъ царствованія Михаила, до возвращенія его отца изъ польскаго плѣна, при дворѣ всѣмъ вѣровала родня Романовыхъ, Салтыковы, Черкасскіе, Сицкіе, Лыковы, Шереметевы. Но были еще цѣлы большіе бояре Голицыны, Куракинъ, Воротынский, навязавшіе крестоцѣловальную записъ своему собрату царю Василю Шуйскому и потомъ съ Мстиславскимъ во главѣ признавшіе королевича Владислава. Они были не безопасны для стороны Романовыхъ, могли затѣять новую смуту, если бы съ ними не подѣлились добычей. Да и для сторонниковъ Михаила власть, случайно или нечисто добытая, была костью, изъ-за которой они при случаѣ готовы были перегрызться. Общимъ интересомъ обѣихъ сторонъ было оградить себя отъ повторенія испытанныхъ уже неприяностей, когда царь или временщикъ его именемъ справлялся съ боярами, какъ

съ холопами. Такъ за кулисами земскаго собора состоялась негласная придворная сдѣлка, подобная той, какая была разбита Годуновымъ и удалась при Шуйскомъ. Эта сдѣлка прежде всего была направлена къ обезпеченію личной безопасности боярства отъ царскаго произвола. Ничего не стоило связать слабодушнаго Михаила подобными клятвенными обязательствами, особенно при содѣйствіи его матери, инокини Мары, своенравной интриганки, державшей сына въ крѣпкихъ рукахъ. Трудно только рѣшить, была ли при этомъ взята съ Михаила присяжная запись: повѣсть умалчиваетъ о записи, говоря только о присягѣ. Первые годы Михайлова правленія оправдываютъ мысль о такой сдѣлкѣ. Тогда видѣли и рассказывали, какъ своевольничали въ странѣ правящіе люди, „гнушаясь“ своимъ государемъ, вынужденнымъ смотрѣть съвозъ пальцы на дѣянія своихъ приближенныхъ. Можно понять и то, почему не была обнародована присяжная запись царя, если только она существовала. Со времени В. Шуйскаго въ выборномъ царѣ съ ограниченной властью видѣли партійнаго государя, орудіе боярской олигархіи. Теперь, передъ лицомъ земскаго собора, особенно неловко было выносить на свѣтъ подобный слишкомъ партійный актъ. Негласное ограниченіе власти, какое бы оно ни было, разумѣется, не помѣшало Михаилу удержать титулъ *самодержца* и даже впервые изобразить его на новой царской печати, имъ заказанной.

Высшимъ правительственнымъ органомъ втихомолку стакнувшася правящаго круга служила Боярская дума. Но въ царствованіе Михаила эта дума не была единственнымъ высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ при царѣ: рядомъ съ нею часто является другой высшій правительственный органъ, земскій соборъ. Мы сейчасъ увидимъ, какъ онъ измѣнился въ своемъ составѣ, сталъ настоя-

Боярская дума и земскій соборъ.

щимъ представительнымъ собраніемъ. Царствованіе Михаила было временемъ усиленной работы правительства совмѣстно съ земскимъ соборомъ. Никогда, ни прежде, ни послѣ, не собирались такъ часто выборные отъ всѣхъ чиновъ людей Московскаго государства. Едва не каждый важный вопросъ внѣшней и внутренней политики заставлялъ правительство обращаться къ содѣйствию земли. По документамъ извѣстно за время царствованія Михаила до 10 созывовъ земскаго собора. Что еще важнѣе, земскій соборъ въ это время является съ компетенціей болѣе широкой, какой онъ не имѣлъ прежде и какой ему не давалъ даже договоръ Салтыкова. Теперь земскій соборъ разсматриваетъ такія дѣла, которыя прежде вѣдала только Боярская дума, текуція дѣла государственнаго управленія, напримѣръ, вопросы о налогахъ, которые по договору Салтыкова рѣшалъ царь съ думой. Значить, соборъ прямо входилъ въ кругъ дѣлъ Боярской думы. Но къ царю съ первыхъ минутъ по его избраніи соборъ сталъ въ особое отношеніе. Какъ временное правительство, онъ съ боярами во главѣ до пріѣзда новоизбраннаго царя въ Москву распоряжается всѣмъ въ государствѣ. Однако не онъ предписываетъ условія своему избраннику, а наоборотъ. Въ переговорахъ со стороны царя, точнѣе — его руководителей, все настойчивѣе звучитъ повелительная нота: „учинились мы царемъ по вашему прошенію, а не своимъ хотѣньемъ, выбрали насъ, государя, всѣмъ государствомъ, крестъ намъ цѣловали вы своею волею, обѣщались служить и прямиать намъ и быть въ соединеніи, а теперь вездѣ грабежи и убійства, разные непорядки, о которыхъ намъ докучаютъ; такъ вы эти докучи отъ насъ отведите и все приведите въ порядокъ“. И это говорилось соборнымъ посламъ иногда „съ большимъ гнѣвомъ и слезами“. Сами просили меня

на царство, такъ давайто мнѣ средства царствовать, а лишними хлопотами меня не обременяйте: такой тонъ данъ былъ переговорамъ. Учредительное собраніе, какимъ былъ избирательный соборъ 1613 г., по отношенію къ царю какъ-то превратилось въ исполнительное, отвѣтственное передъ тѣмъ, кому оно дало власть. Соображая изложенныя извѣстія, можно утверждать согласно съ однимъ извѣстіемъ, что власть царя Михаила была стѣснена обязательствами, подобными тѣмъ, какія были наложены на власть царя В. Шуйскаго, т.-е. ограничена была Боярскою думою. Но послѣ Смуты, когда нужно было возстановлять государственный порядокъ, дума на каждомъ шагу встрѣчала затрудненія, съ которыми не могла справиться сама, и волей-неволей должна была искать содѣйствія у земскаго собора. Прямое участіе въ правительственной дѣятельности, какое принимала земля въ Смуту, не могло прекратиться тотчасъ по ея окончанію; царь, избранный народной волей, совѣтомъ всей земли, естественно, долженъ былъ и править при содѣйствіи народа, земскаго представительства. Если Боярская дума стѣсняла власть царя, то земскій соборъ, помогая думѣ, сдерживалъ ее самою, служилъ ей противовѣсомъ. Итакъ, подѣ дѣйствіемъ политическихъ понятій и потребностей, вызванныхъ Смутой, которыя не погасли и по ея прекращенію, власть царя получила очень сложную и условную, сдѣлочную конструкцію. Она была двойственна, даже двусмысленна и по своему происхожденію, и по составу. Дѣйствительнымъ ея источникомъ было соборное избраніе; но она выступала подѣ покровомъ политической факціи наследственнаго преемства по родству. Она была связана негласнымъ договоромъ съ высшимъ правительственнымъ классомъ, который правилъ черезъ Боярскую думу, но публично, передъ народомъ, въ официальныхъ

актахъ являлась самодержавной въ томъ неясномъ, скорѣе титулярномъ, чѣмъ юридическомъ смыслѣ, который не мѣшалъ даже В. Шуйскому въ торжественныхъ актахъ титуловаться самодержцемъ. Такимъ образомъ власть новаго царя составлялась изъ двухъ параллельныхъ двусмыслицъ: по происхожденію сна была наследственно-избирательной, по составу ограниченно-самодержавной.

Упрощеніе
верховой
власти.

Такая постановка верховной власти не могла быть окончательной и прочной: она могла держаться только пока не улеглись противорѣчивые интересы и отношенія, встревоженные и перепутанные Смутой. Такое положеніе и является случайнымъ эпизодомъ въ исторіи Московскаго государства. Постепенно верховная власть упрощалась, разнородные элементы въ ея содержаніи ассимилировались и поглощались одни другими. Политическія обязательства, принятыя царемъ Михаиломъ, сколько можно о томъ судить, дѣйствовали во все продолженіе его царствованія. Воротившійся изъ плѣна отецъ государевъ, возведенный въ санъ патріарха и второго государя, твердою рукою взялся за кормило правленія и не всегда смотрѣлъ на боярскія лица; но управленіе до конца жизни Филарета велось совмѣстными силами обохъ государей, при участіи Боярской думы и земскаго собора. Это двоевластіе было сдѣлкой семейныхъ понятій и политическихъ соображеній: родителю неловко было стать просто подданнымъ своего сына, а сынъ нуждался въ постоянномъ регентствѣ, которое всего естественнѣе было поручить отцу съ титуломъ второго государя. Съ идеей нераздѣльности верховной власти помирились съ помощью діалектики. Въ одномъ мѣстническомъ случаѣ вопросъ, который изъ государей больше или меньше другого, рѣшенъ былъ такъ: „каковъ онъ, государь, таковъ же и отецъ его государевъ; ихъ государское вели-

чество нераздѣльно*. Царь Михаилъ не оставилъ и не могъ оставить завѣщанія, и понятно почему. Государство при новой династїи перестало быть вотчиной государя, и прежній юридическій способъ передачи власти, завѣщанію, утратилъ силу. Но закона о престолонаслѣдіи не было; потому царь Алексѣй, какъ и его отецъ, вступилъ на престолъ путемъ, непохожимъ на тотъ, какимъ шли къ нему цари прежней династїи. Онъ принималъ власть, такъ сказать, по двумъ юридическимъ титуламъ, по наслѣдству безъ завѣщанія и по соборному избранію. Въ 1613 г. земля присягала Михаилу и его будущимъ дѣтямъ. Царь Алексѣй вступалъ на престолъ какъ преемникъ своего отца, и современники называли его „природнымъ“, т.-е. наслѣдственнымъ царемъ. Но земскій соборъ уже три раза былъ призываемъ для избранія царей (Федора, Бориса, Михаила). Соборное избраніе, какъ замѣна завѣщанія, стало признаннымъ прецедентомъ. Теперь въ четвертый разъ обратились къ тому же средству, чтобы случай превратить въ правило, въ порядокъ; соборнымъ избраніемъ только подтверждалось наслѣдованіе по закону, установленное клятвеннымъ соборнымъ приговоромъ 1613 г. Современники свидѣтельствуютъ, что по смерти Михаила собрался форменный земскій соборъ, который выбралъ на престолъ 16-лѣтняго сына Михаила и присягнулъ ему. Иностранецъ, голштинскій посолъ Оленрихъ въ своемъ описаніи Московскаго государства пишетъ, что царь Алексѣй вступилъ на престолъ по единодушному согласію всѣхъ бояръ, знатныхъ господъ и всего народа. О созывѣ собора для избранія царя Алексѣя ясно говорить и упомянутый московскій подъячій Котошихинъ. Онъ пишетъ, что по смерти Михаила „обрали“ на царство его сына духовенство, бояре, дворяне и дѣти боярскіе, гости и торговые и всякихъ чиновъ люди и чернь, вѣроятно,

столичное престоное общество, огульно опрошенное о царѣ на площади, какъ въ 1613 г. Но обязательства, принятые на себя Михаиломъ, не были повторены его сыномъ. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Котошихинъ замѣчаетъ: „а нынѣшняго царя обрали на царство, а письма онъ на себя не далъ никакого, что прежніе цари давали, и не спрашивали, потому что разумѣли его гораздо тихимъ, и потому пишется *самодержцемъ* и государство свое править по своей волѣ“. Но земскій соборъ не ограничивалъ верховной власти, и письма могли спрашивать съ Алексѣя только бояре. Значитъ, повтореніе закулисной сдѣлки и въ 1645 г. считалось возможнымъ, но было признано ненужнымъ. Царь Алексѣй оправдалъ довѣрчивость бояръ, не хотѣвшихъ связывать его при воцареніи никакими обязательствами. Онъ не напрягалъ своего полномочія, жилъ въ большомъ ладу съ этимъ классомъ, а въ новомъ боярскомъ поколѣніи, съ которымъ пришлось дѣйствовать Алексѣю, уже вывѣтрившія политическія тенденціи Смутнаго времени, внушившія сдѣлку 1613 г. Въ то время какъ незамѣтно исчезали слѣды политическихъ обязательствъ, подъ гнетомъ которыхъ начала дѣйствовать новая династія, царь Алексѣй сдѣлалъ попытку и соборное избраніе превратить въ простой символическій обрядъ. Года за полтора до своей смерти, 1 сентября 1674 г. царь торжественно *объявилъ народу* старшаго царевича, какъ наследника престола, на Красной площади въ Москвѣ въ присутствіи высшаго духовенства, думныхъ людей и иноземныхъ резидентовъ, находившихся тогда въ Москвѣ. Это торжественное объявленіе наследника народу было формой, въ которой царь передавалъ власть сыну послѣ своей смерти, и единственнымъ актомъ, придававшимъ законный видъ воцаренію Федора, на котораго, какъ на Михаила внука, не простирались соборныя при-

говоръ 1613 г. Но такой явочный способъ передачи власти въ присутствіи народа съ его молчаливаго согласія не упрочился. По смерти Алексѣева сына царя Ѳеодора, не оставившаго прямого наслѣдника, повторилось активное избраніе, вынужденное обстоятельствами, но въ упрощенной, точнѣе, искаженной формѣ. Въ апрѣлѣ 1682 г., какъ только закрылъ глаза Ѳеодоръ, патріархъ, архіереи и бояре, пришедшіе проститься съ покойнымъ царемъ, собрались въ одной дворцовой палатѣ и стали думать, которому изъ двухъ оставшихся сыновей царя Алексѣя быть царемъ. Приговорили, что этотъ вопросъ должны рѣшить всѣхъ чиновъ люди Московскаго государства. Тотчасъ съ дворцоваго крыльца патріархъ съ архіереями и боярами велѣлъ собраться всѣхъ чиновъ людямъ на дворцовомъ дворѣ и тутъ же съ крыльца обратился къ собравшимся съ рѣчью; въ которой предложилъ тотъ же вопросъ. Не совѣмъ, впрочемъ, со значительнымъ перевѣсомъ голосовъ, былъ провозглашенъ младшій десятилѣтній царевичъ Петръ мимо слабоумнаго старшаго Ивана. Съ тѣмъ же вопросомъ патріархъ обратился къ высшему духовенству и къ боярству, стоявшимъ тутъ же на крыльцѣ, и тѣ высказались за Петра же. Послѣ того патріархъ пошелъ и благословилъ Петра на царство. Ввожу васъ въ эти подробности, чтобы показать, какъ просто дѣлалось тогда такое важное дѣло въ Москвѣ. Очевидно, на этомъ обыденномъ собраніи не было ни выборныхъ людей, ни соборныхъ совѣщаній. Вопросъ рѣшила разночинная толпа, оказавшаяся въ Кремлѣ по случаю смерти царя. Очевидно также, что люди, рѣшавшіе судьбу государства въ эту минуту съ патріархомъ во главѣ, не имѣли никакого понятія ни о правѣ, ни о соборѣ, ни о самомъ государствѣ, или нашли такія понятія излишними въ данномъ случаѣ. Но стрѣльцы, поднятые партіей ца-

ревны Софьи, отвѣчая на образъ дѣйствій высшихъ властей, послѣ бунта 15 мая 1682 г. заставили насигѣхъ устроить такую же пародію собора, который и выбралъ на престолъ обоихъ царевичей. Въ актѣ этого вторичнаго, революціоннаго выбора также читаемъ, что *все* чины государства били челомъ, чтобы „для всенароднаго умирения оба брата учинились на престолѣ царями и самодержавствовали обще“.

Боярская
попытка
1681 г.

Мы прослѣдили, какъ измѣнялась постановка верховной власти въ три первыхъ царствованія новой династіи и къ чему привели эти измѣненія по смерти третьяго царя. Вѣкъ, начавшійся усиленными заботами правящихъ классовъ о созданіи основныхъ законовъ, о конституціонномъ устройствѣ высшаго управленія, завершился тѣмъ, что страна осталась безъ всякихъ основныхъ законовъ, безъ упорядоченнаго высшаго управленія и даже безъ закона о преемствѣ престола. Не имѣя силъ создать такой законъ, изворачивались придворной интригой, символической явкой, подѣлкой земскаго собора и, наконецъ, военнымъ бунтомъ. Однако бояре не покинули своего политическаго преданія. Въ концѣ 1681 г., когда возбужденъ былъ вопросъ объ отмѣнѣ мѣстничества, т.-е. о разрушеніи одной изъ основъ политическаго значенія боярства, оно втихомолку сдѣлало еще попытку спасти свое положеніе. Видя крушеніе своихъ давнихъ надеждъ на господство въ государственномъ центрѣ, оно попыталось упрочиться въ провинціи. Составленъ былъ планъ раздѣла государства на крупныя историческія области, вошедшія въ его составъ и бывшія нѣкогда самостоятельными государствами. Въ эти области изъ наличныхъ представителей московской знати назначались *отчине*, несмѣняемые пожизненные намѣстники. Такъ явились бы полномочные мѣстные правители, „бояринъ и намѣстникъ князь“ царства Казанскаго или царства Сибирскаго и т. д. Царь

Федоръ далъ уже согласіе на этотъ планъ аристократической децентрализаціи управленія; но патриархъ, на благословеніе котораго препровожденъ былъ проектъ, разрушилъ его, указавъ на опасности, какими онъ угрожаетъ государству.

Перемѣна въ составѣ и значеніи земскихъ соборовъ — Земскіе соборы XVII в. одно изъ важнѣйшихъ слѣдствій Смутнаго времени. На соборы XVI в. призывались должностныя лица, органы центрального и мѣстнаго управленія. Но уже на соборахъ 1598 и 1605 гг. замѣтно присутствіе выборныхъ и отъ „простыхъ“ людей. Смута создала условія, которыя дали выборному элементу рѣшительное численное преобладаніе надъ должностнымъ и тѣмъ сообщили земскому собору характеръ настоящаго представительнаго собранія. Обстоятельства заставляли тогда общество принимать прямое участіе въ общественныхъ дѣлахъ, и само правительство вовлекало его въ это участіе, обращаясь къ народу съ воззваніями и увѣщаніями о содѣйствіи и крѣпкомъ стояніи за православную вѣру. Всему народу торжественно читали въ соборномъ храмѣ памфлеты на текущія событія съ примѣсю чудеснаго. Слова, малознакомыя прежде, *совѣтъ всей земли, общій земскій совѣтъ, всенародное собраніе, крѣпкая дума міромъ*, стали ходячимъ выраженіемъ новыхъ понятій, овладѣвшихъ умами. Изъ этихъ понятій всего глубже врѣзывалась въ общественное сознаніе мысль объ избраніи государя „совѣтомъ всей земли“. Расширяясь, эта мысль захватила всѣ земскія дѣла; о всякомъ земскомъ дѣлѣ считали необходимымъ учинить „крѣпкій общій совѣтъ“, и для того города устраивали съѣзды, выбирая изъ своей среды „лучшихъ людей“ отъ всякихъ чиновъ. Когда земля стала раздираться между царями-соперниками Василиемъ и Димитріемъ II, пробудилась мысль о единствѣ и цѣ-

лости государства, вспомнили о бѣдствіяхъ удѣльныхъ вѣковъ. Безъ выборныхъ представителей всѣхъ чиновъ не рѣшались дѣлать никакого важнаго шага. Посольство митрополита Филарета и кн. В. В. Голицына къ Сигизмунду въ 1610 г. сопровождала свита, въ которой числилось свыше 1000 человекъ выборныхъ изъ разныхъ чиновъ. Идя къ Москвѣ, кн. Пожарскій грамотами по городамъ также вызывалъ въ свой станъ выборныхъ изъ всякихъ чиновъ. Хотѣли, чтобы при каждомъ актѣ государственной важности присутствовала, по возможности, вся земля въ лицѣ своихъ представителей и этимъ присутствіемъ засвидѣтельствовала, что дѣло велось открыто и прямо, а не келейнымъ, застѣночнымъ заговоромъ противъ народа, какъ дѣйствовали Малюта Скуратовъ, Б. Годуновъ и самъ В. Шуйскій. Въ такомъ образѣ дѣйствій теперь видѣли корень бѣды, постигшихъ Русскую землю. Значить, выборный составъ земскаго собора схематически выработался въ общественномъ сознаніи пробными опытами еще до созыва избирательнаго собора 1613 г., который можно признать первымъ достовѣрнымъ опытомъ дѣйствительнаго народнаго представительства. Очистивъ Москву, бояре и воеводы второго ополченія призывали для земскаго совѣта и государскаго избранія выборныхъ лучшихъ людей, „крѣпкихъ и разумныхъ“, изъ всѣхъ чиновъ, не исключая посадскихъ и уѣздныхъ людей, торгово-промышленныхъ обывателей провинціальныхъ городовъ и крестьянъ: представителей этихъ обоихъ классовъ не видимъ на земскихъ соборахъ XVI в. Вожди ополченія хотѣли въ точности осуществить клиномъ вбитую Смутой въ умы идею всенароднаго, „вселенскаго“ или „всемирнаго совѣта“, по выраженію актовъ того времени. Въѣстъ съ составомъ измѣнилось и значеніе собора. Въ XVI в. правительство созывало должностной соборъ, чтобы найти въ немъ

отвѣтственныхъ исполнителей соборнаго приговора или царскаго указа. Вожди второго ополченія писали въ окружной грамотѣ по городамъ, что безъ государя государство ничѣмъ не строится. Мы уже видѣли, что избирательный соборъ 1613 г., исполнивъ свое учредительное дѣло, выборъ царя, тотчасъ превратился въ распорядительную комиссію, которая по указаніямъ и требованіямъ новоизбраннаго царя принимала предварительныя мѣры къ устройенію земли, пока не сформировалось постоянное правительство. Какъ скоро оно образовалось, собору указано было иное назначеніе. Въ 1619 г. было постановлено для устройства земли вызвать въ Москву изъ всѣхъ чиновъ всякаго города выборныхъ, „добрыхъ и разумныхъ людей“, которые умѣли бы рассказать обиды, насильства и разоренія, ими вынесенныя: выслушавъ отъ нихъ челобитые объ ихъ нуждахъ, тѣснотахъ, разореніи и обо всякихъ недостаткахъ, царь по совѣту съ отцомъ своимъ патріархомъ будетъ промышлять о государствѣ, „чтобы во всемъ поправить, какъ лучше“. Такимъ образомъ выборнымъ людямъ предоставлялось возбужденіе законодательныхъ мѣръ въ формѣ ходатайствъ, а верховное управленіе удерживало за собою право рѣшать возбужденные вопросы. Земскій соборъ изъ посителя народной воли превращался въ выразителя народныхъ жалобъ и желаній, а это, разумѣется, не одно и то же. При дальнѣйшемъ изученіи явленій XVII в. мы будемъ имѣть случай видѣть, какъ на основѣ изложенныхъ двухъ перемѣнъ опредѣлились устройство, дѣятельность и судьба земскихъ соборовъ.

Всѣ изложенныя слѣдствія Смуты, и новыя политическія Разореніе. понятія съ новымъ освѣженнымъ составомъ правительственнаго класса, и новая постановка верховной власти съ новымъ характеромъ земскаго собора, повидимому, обѣщали

плодотворное развитіе государства и общества и давали новой династіи обильный запасъ средствъ дѣйствія, духовныхъ и политическихъ, какихъ не имѣла старая династія. Но крутые переломы въ умахъ и порядкахъ всегда несутъ съ собою одну опасность: сумѣютъ ли люди воспользоваться ими, какъ слѣдуетъ, не создадутъ ли изъ новыхъ средствъ новыхъ для себя затрудненій? Слѣдствія Смуты обнаруживали произведенный насильственный перерывъ стараго политическаго преданія, разрушеніе государственнаго обычая, а люди, даже овладѣвшіе значительнымъ запасомъ соотвѣствующихъ перелому понятій, ступаютъ шатко, пока эти понятія, оторвавшія ихъ отъ стараго обычая, сами не переработаются въ твердые навыки. Изъ того, какъ перевернулась къ концу XVII в. постановка верховной власти, можно видѣть, что эта опасность сильно грозила Московскому государству. Опасность усиливалась еще другимъ рядомъ слѣдствій Смуты, совсѣмъ неблагоприятныхъ. Бури Смутнаго времени произвели глубокія опустошенія какъ въ хозяйственномъ положеніи народа, такъ и въ нравственномъ настроеніи русскаго общества. Страна была крайне разорена. Иностранцы, пріѣзжавшіе въ Московію вскорѣ по воцареніи Михаила, рисуютъ намъ страшную картину опустѣлыхъ или сожженныхъ сель и деревень съ заброшенными избами, которыя были наполнены еще не убранными трупами (1615 г.). Смердъ вынуждалъ зимнихъ путниковъ ночевать на морозѣ. Люди, уцѣлѣвшіе отъ Смуты, разбѣжались, кто куда могъ; весь гражданскій порядокъ разстроился, всѣ людскія отношенія перепутались. Нужно было много продолжительныхъ усилій, чтобы возстановить порядокъ, собрать разбѣжавшихся людей, посадить ихъ на прежнихъ мѣстахъ, втолкнуть ихъ въ житейскій обиходъ, изъ котораго ихъ вырвала смута. Отъ времени царя Мѣ-

хана сохранилось не мало поуѣздныхъ списковъ служилыхъ людей, *десятемъ*, и поземельныхъ описей, *писцовыхъ книгъ*, изображающихъ хозяйственное положеніе служилаго землевладѣльческаго и крестьянскаго населенія. Онѣ ярко рисуютъ экономическое разстройство Московскаго государства и народа въ первое царствованіе новой династіи. Прежде всего можно замѣтить перемѣну въ составѣ сельскаго крестьянскаго населенія, служившаго главнымъ источникомъ государственнаго дохода. По писцовымъ книгамъ XVI в., крестьянство распадалось по имущественной состоятельности на два класса: на крестьянъ собственно и на бобылей. Бобыли — тѣ же крестьяне, только маломочные, пахавшіе участки меньшихъ размѣровъ сравнительно съ крестьянскими или совсѣмъ безпашенные, владѣвшіе только усадьбами. Въ XVI в. крестьянство рѣшительно преобладало численностью надъ бобыльствомъ; по писцовымъ книгамъ Михайлова времени послѣ Смуты устанавливается иное, по мѣстамъ даже обратное отношеніе бобыльства къ крестьянству: первое уравнивается съ послѣднимъ или даже получаетъ надъ нимъ большой численный перевѣсъ. Такъ въ уѣздахъ Бѣлевскомъ, Мценскомъ и Елецкомъ на земляхъ уѣздныхъ служилыхъ людей въ 1622 г. находимъ 1187 крестьянъ и 2563 бобыля. Значитъ, смута заставила огромное количество крестьянъ бросить пашню или сократить ее. Такой ростъ бобыльства служилъ признакомъ расширенія пустоты, заброшенной пашни, и нельзя считать исключительнымъ случаемъ указаніе поземельной описи того времени на одинъ станъ Рязанскаго уѣзда, гдѣ въ 1616 г. въ помѣстьяхъ числилось пустоты въ 22 раза больше пашни. У келаря А. Палицына, хорошаго монастырскаго хозяина и хорошо освѣдомленнаго о хозяйственномъ положеніи отечества, находимъ любопытное подтвержденіе такого за-

пустѣнія. Онъ пишетъ, что во время трехлѣтняго неурожая при царѣ Борисѣ у многихъ въ житницахъ сберегались огромные запасы давно засыпаннаго хлѣба, гумна были переполнены одохьями и копнами и этими старыми запасами кормились свои и чужіе въ продолженіе 14 смутныхъ лѣтъ, когда „ораніе и сѣятва и жатва мятяшеса, мечу бо на выи у всѣхъ всегда належащу“. Это извѣстіе свидѣтельствуесть и о развитіи хлѣбопашества до Смуты, и о недостаткѣ хлѣбнаго сбыта, и о паденіи земледѣлія въ Смуту. Разстройство сельскаго хозяйства, сопровождавшееся такой перемѣной въ хозяйственномъ составѣ сельскаго населенія, должно было тяжело отозваться на частномъ землевладѣніи, преимущественно на хозяйственномъ положеніи провинціального дворянства. Приведу не для памяти, а для справки нѣсколько данныхъ по разнымъ наудачу взятымъ уѣздамъ изъ десятиль 1622 г., когда слѣды разоренія уже замечались. Боевая годность служилаго класса зависѣла отъ доходности его имѣній, отъ количества и состоятельности крестьянъ, населявшихъ его вотчины и помѣстья. У немногихъ уѣздныхъ дворянъ были вотчины; огромное большинство жило доходами съ помѣстій. Такъ въ Бѣлевскомъ уѣздѣ вотчины составляли $\frac{1}{4}$ всего уѣзднаго дворянскаго землевладѣнія, въ Тульскомъ немного болѣе $\frac{1}{5}$, въ Мценскомъ $\frac{1}{17}$, въ Елецкомъ $\frac{1}{157}$, въ Тверскомъ даже у *сбора*, наиболѣе состоятельнаго слоя провинціального дворянства, $\frac{1}{4}$. Помѣстья уѣздныхъ дворянъ были вообще очень мелки и населены крайне скудно: среднее помѣстье въ Тульскомъ уѣздѣ заключало въ себѣ 135 десятинъ пахотной земли, въ Елецкомъ — 124 дес., въ Бѣлевскомъ — 150 дес., въ Мценскомъ — 68 дес. Тяглыхъ хлѣбопашцевъ, крестьянъ и бобылей, въ этихъ четырехъ уѣздахъ приходилось по 2 человѣка на 120 дес. помѣстной земли, т. е. по 60 дес. на каждого

работника. Но не думайте, что вся эта пахотная земля действительно обрабатывалась и именно крестьянами и бобылями: вспахивалась незначительная ее доля, да и то не вся ими. Въ Тверскомъ уѣздѣ у зажиточнаго выборнаго дворянина изъ 900 десятинъ вотчинной и помѣстной земли обрабатывалось всего 95 дес.; изъ нихъ 20 дес. землевладѣлецъ пахалъ на себя своими дворовыми людьми; остальными 75 десятинами пользовались 28 крестьянъ и бобылей домохозяевъ, жившихъ въ 19 дворахъ, такъ что на каждый дворъ круглымъ числомъ приходилось по 4,6 дес. Крестьянская запашка бѣльшихъ размѣровъ была довольно рѣдкимъ явленіемъ. Притомъ въ Елецкомъ и другихъ названныхъ южныхъ уѣздахъ было много дворянъ совсѣмъ безземельныхъ, однодворцевъ, имѣвшихъ только усадьбы, безъ крестьянъ и бобылей, и „пустопомѣстныхъ“, у которыхъ не было и усадебъ: такъ въ Елецкомъ уѣздѣ изъ 878 дворянъ и дѣтей боярскихъ значилось 133 безземельныхъ и 296 однодворцевъ и пустопомѣстныхъ. Нѣкоторые дворяне бросали свои вотчины и помѣстья, поступали въ казаки или шли въ боярскіе дворы кабальными холопами и въ монастыри служками или же, по замѣчанію десятины, валялись по кабакамъ. Чѣмъ ниже падало служилое землевладѣніе, тѣмъ болѣе усиливалась необходимость возвышать служилымъ людямъ оклады денежнаго жалованья, чтобы поднимать ихъ на ноги для службы. Возвышеніе денежныхъ окладовъ вело къ увеличенію поземельныхъ налоговъ, падавшихъ на крестьянъ, а такъ какъ эти налоги разверстывались по пространству ташни, то крестьянинъ, не будучи въ состояніи выносить все возрастающей налоговой тяжести, сокращалъ свою запашку, чтобы платить меньше. Такъ казна попадала въ безысходный кругъ.

Настроеніе
общества.

Наконецъ, внутреннія затрудненія правительства усиливались еще глубокой переменой въ настроеніи народа. Новой династіи приходилось имѣть дѣло съ инымъ обществомъ, далеко не похожимъ на то, какимъ правили прежніе цари. Тревоги Смутнаго времени разрушительно подѣйствовали на политическую выправку этого общества: съ воцаренія новой династіи въ продолженіе всего XVII вѣка всѣ общественныя состоянія немолчно жалуются на свои бѣдствія, на свое обѣднѣніе, разореніе, на злоупотребленія властей, жалуются на то, отчего страдали и прежде, но о чемъ прежде терпѣливо молчали. Недовольство становится и до конца вѣка остается господствующей нотой въ настроеніи народныхъ массъ. Изъ бурь Смутнаго времени народъ вышелъ гораздо впечатлительнѣе и раздражительнѣе, чѣмъ былъ прежде, утратилъ ту политическую выносливость, какой удивлялись въ немъ иноземные наблюдатели XVII в., былъ уже далеко не прежнимъ безропотнымъ и послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства. Эта переменъ выразилась въ явленіи, какого мы не замѣчали прежде въ жизни Московскаго государства: XVII вѣкъ былъ въ нашей исторіи временемъ народныхъ мятежей. Это явленіе тѣмъ неожиданнѣе, что обнаруживается при царяхъ, которые своими личными качествами и образомъ дѣйствій, повидимому, всего менше его оправдывали.

Лекція XLV.

Ви́шнее положеніе Московскаго государства послѣ Смуты. — Задачи ви́шней политики при новой династіи. — Западная Русь со времени соединенія Литвы съ Польшей. — Перемены въ управленіи и въ сословныхъ отношеніяхъ. — Города и магдебургское право. — Люблинская унія. — Ея слѣдствія. Заселеніе степной Украйны. — Происхожденіе козачества. — Малороссійское козачество. — Запорожье.

Я изложилъ слѣдствія Смуты, обнаружившіяся во внутренней жизни государства и общества. Обратимся къ другому ряду явленій, шедшихъ изъ того же источника, къ ви́шнимъ отношеніямъ государства, установившимся послѣ Смуты.

Ви́шнее международное положеніе государства существенно измѣнилось подѣ дѣйствіемъ Смуты, стало несравненно тяжелѣе прежняго. Старая династія въ продолженіе полутора вѣка неуклонно вела ви́шнюю политику въ одномъ направленіи, дѣйствовала наступательно, медленно, но постоянно расширяла территорію своего государства, собирая разсыпанныя части Русской земли. Какъ только стало завершаться политическое объединеніе Великороссіи, тотчасъ выяснились дальнѣйшія задачи ви́шней политики. Великій князь Иванъ III, подбирая послѣдніе самостоятельныя русскіе міры, въ то же время заявилъ въ борьбѣ съ Польшей, что объединенная Великороссія не положитъ оружія, пока не воротитъ всѣхъ остальныхъ частей Русской земли, оторванныхъ сосѣдями, пока не соберетъ всей народности.

Задачи
ви́шней по-
литики.

Внукъ его, царь Иванъ, стремился распространить территорию русскаго государства до естественныхъ географическихъ границъ русской равнины, занятыхъ враждебными иноплеменниками. Такъ были поставлены на очередь двѣ задачи внѣшней политики: *завершеніе политическаго объединенія русской народности и расширеніе государственной территории до предѣловъ русской равнины*. Старая династія не разрѣшила ни той, ни другой задачи, ни національной, ни территориальной; однако были достигнуты значительные успѣхи на этомъ пути. Дѣдъ и отецъ Грознаго воротили земли Смоленскую и Сѣверскую, пробившись такимъ образомъ до Днѣпра. Самъ Грозный сперва обратился въ другую сторону, овладѣлъ среднимъ и нижнимъ Поволжьемъ, расширивъ восточныя границы государства до Урала и Каспія. Менѣе удачно было его дальнѣйшее движеніе на западъ. Съ этой стороны онъ хотѣлъ пріобрѣсти Ливонію, продвинуть границы государства до Балтійскаго моря, т.-е. до восточнаго его берега, какъ естественнаго рубежа равнины. Но ему не удалось овладѣть всѣмъ теченіемъ Западной Двины, и въ борьбѣ съ Баторіемъ онъ даже потерялъ старинные русскіе города по Финскому заливу и Ладожскому озеру, Яму (Ямбургъ), Копорье, Корелу (Кексгольмъ) и Иванъ-городъ. Его сынъ, царь Ѳеодоръ, послѣ новой войны со шведами (1590—1595 гг.) воротилъ потери отца и удержался на побережьи Финскаго залива, старинной Вотской пятины В. Новгорода, къ которой принадлежали эти города. Смутное время снова отбросило Московское государство съ западныхъ позицій, занятыхъ имъ въ XVI в. Поляки, оторвавъ у него области Смоленскую и Сѣверскую, отрѣзали Москву отъ Днѣпра, а шведы сбили ее съ береговъ Балтійскаго моря. Первый царь новой династіи вынужденъ былъ уступить Швеціи по договору

въ Столбовѣ (1517 г.) названные города и еще Орѣшекъ (Шлиссельбургъ), а Польшѣ по договору въ Деулинѣ (1618 г.) земли Смоленскую и Сѣверскую. Москва опять принуждена была отступить далеко отъ завѣтныхъ западныхъ рубежей. Новая династія дурно начинала: она не только отказалась отъ національнаго дѣла старой династіи, но и растеряла многое изъ того, что отъ нея унаслѣдовала. Вышнее положеніе государства ухудшалось еще пренебреженіемъ, съ какимъ стали относиться къ нему сосѣди со времени Смуты. Московскіе бояре въ 1612 г. писали въ окружной грамотѣ по городамъ: „со всѣхъ сторонъ Московское государство непріатели рвутъ; у всѣхъ окрестныхъ государей мы въ позоръ и въ укоризну стали“. Новая династія должна была еще болѣе прежней напрягать народныя силы, чтобы возратить потерянное: это былъ ея національный долгъ и условіе ея прочности на престолѣ. Съ перваго царствованія она и ведетъ рядъ войнъ, имѣвшихъ цѣлью отстоять то, чѣмъ она владѣла, или воротить то, что было потеряно. Народное напряженіе усиливалось еще тѣмъ, что эти войны, по происхожденію своему оборонительныя, сами собою, незамѣтно, помимо воли московскихъ политиковъ, превратились въ наступательныя, въ прямое продолженіе объединительной политики прежней династіи, въ борьбу за такія части Русской земли, которыми Московское государство еще не владѣло дотолѣ. Международныя отношенія въ восточной Европѣ тогда складывались такъ, что не давали Москвѣ перевести духъ послѣ первыхъ неудачныхъ усилій и приготовиться къ дальнѣйшимъ. Въ 1654 г. возставшая противъ Польши Малороссія отдалась подъ защиту московскаго государя. Это вовлекло государство въ новую борьбу съ Польшей. Такъ возникъ новый вопросъ — *малороссійскій*, еще болѣе усложнившій старые

запутанные смоленские и сѣверские счеты Москвы съ Рѣчью Посполитой. Малороссійскій вопросъ былъ исходнымъ моментомъ внѣшней московской политики съ половины XVII в. Онъ обращаетъ насъ къ исторіи Западной Руси. Но я коснусь ея лишь настолько, чтобы выяснитъ условія происхожденія этого вопроса. Эти условія вскрылись въ самомъ началѣ событія, его возбудившаго. Въ 1648 г. сотникъ малороссійскаго реестроваго войска Богданъ Хмельницкій поднялъ Запорожье противъ Рѣчи Посполитой. Его дружно поддержало малороссійское крестьянство, возставшее противъ своихъ господъ, польскихъ и ополячившихся русскихъ пановъ. Реестровые казаки также перешли на сторону Богдана, и образовалась грозная сила, съ которой Хмельницкій черезъ какія-нибудь пять-шесть мѣсяцевъ имѣлъ въ своихъ рукахъ чуть не всю Малороссію. Что такое была Рѣчь Посполитая, какое мѣсто занимала въ ней Малороссія, какъ очутились въ Малороссіи польскіе паны, какъ возникло малороссійское козачество и почему въ возстаніи применило къ нему украинское крестьянство — вотъ что нужно выяснитъ, чтобы видѣть корни малороссійскаго движенія 1648 г.

Западная
Русь.

Вопросъ о воссоединеніи Западной Руси былъ самымъ тяжелымъ дѣломъ внѣшней московской политики въ XVII в. Онъ сплелся изъ разнообразныхъ затрудненій, какія постепенно развились въ той Руси изъ политической сдѣлки польскихъ пановъ съ великимъ княземъ литовскимъ Ягайломъ въ концѣ XIV в. Въ силу этой сдѣлки 1386 г. великій князь литовскій вмѣстѣ съ рукой польской королевы Ядвиги получилъ и польское королевство. Сдѣлка основана была на обоюдныхъ расчетахъ сторонъ: Ягайло надѣялся, ставъ королемъ и принявъ католицизмъ со всѣмъ своимъ народомъ, найти въ Польшѣ и папѣ поддержку противъ опаснаго Тевтонскаго ордена, а полякамъ хотѣлось черезъ

Ягайла взять въ свое распоряженіе силы и средства Литвы и особенно Западной Руси, Волыни, Подолія, Украйны. Такъ сосѣднія государства Литва и Польша соединились династической связью. Это было механическое соединеніе двухъ несродныхъ и даже враждебныхъ государствъ, скорѣе дипломатическая интрига, разсчитанная на обоюдныя недоразумѣнія, чѣмъ политическій актъ, основанный на единствѣ взаимныхъ интересовъ. Тѣмъ не менѣе это событіе произвело важныя перемѣны въ положеніи Западной Руси. Покореніе этой Руси литовскими князьями сопровождалось подчиненіемъ Литвы русскому вліянію. Въ началѣ XV в. русскія области, вошедшія въ составъ Литовскаго княжества, земли Подольская, Волынская, Кіевская, Сѣверская, Смоленская и другія, какъ по пространству, такъ и по количеству населенія значительно превосходили покорившее ихъ Литовское государство. По племенному и культурному своему составу это Литовско-Русское княжество являлось больше русскимъ, чѣмъ литовскимъ государствомъ. Русскій языкъ и русское право, русскіе нравы вмѣстѣ съ православіемъ уже около ста лѣтъ распространялись среди полудикой языческой Литвы. Культурное сближеніе соединенныхъ народностей подъ преобладающимъ воздѣйствіемъ болѣе развитой изъ нихъ русской шло такъ успѣшно, что еще два-три поколѣнія, и къ началу XVI в. можно было ожидать полнаго сліянія Литвы съ Западной Русью. Со времени соединенія Литвы съ Польшей русское вліяніе въ Литовскомъ княжествѣ начало вытѣсняться польскимъ, которое проникало туда различными путями. Однимъ изъ нихъ служили сеймы, на которыхъ рѣшались общія дѣла обоихъ союзныхъ государствъ: литовско-русскіе вельможи, встрѣчаясь здѣсь съ польскими панами, знакомились съ ихъ политическими понятіями и съ порядками, господствовавшими

въ Польшѣ. Съ другой стороны, польское вліяніе проводилось въ Литву-Русь жалованными грамотами великихъ князей литовскихъ, которыя назывались *привиліями* и устанавливали въ Литвѣ такой же порядокъ управленія, такія же права и отношенія сословія, какія господствовали въ Польшѣ. Проникая этими путями, польское вліяніе глубоко измѣнило какъ устройство управленія, такъ и складъ общества въ русскихъ областяхъ, вошедшихъ въ составъ Литовскаго княжества.

Управленіе. Русскіе князья, владѣвшіе этими областями на древнемъ родовомъ правѣ подобно своимъ предкамъ XI и XII вв., подчиняясь власти вел. князя литовскаго, обязывались служить ему вѣрно и платить дань со своихъ владѣній, а онъ имъ жаловалъ ихъ княженія въ вотчину на наследственномъ правѣ или иногда во временное владѣніе, до „своей господарской воли“. Этимъ разрушено было старинное родовое владѣніе князей. Къ началу XVI в. они стали служилыми вотчинниками, полными собственниками своихъ княжествъ и вмѣстѣ со знатнѣйшими русскими боярами и литовскими вельможами образовали землевладѣльческую аристократію, подобную польской и даже болѣе вліятельную. Члены этой аристократіи, *паны*, составили правительственный совѣтъ или *раду* вел. князя литовскаго, которая сильно ограничивала его власть. По привилею вел. кн. Александра 1492 г. литовскій государь не могъ безъ согласія пановъ-рады вести сношенія съ иноземными государствами, издавать и измѣнять законы, распоряжаться государственными доходами и расходами, назначать на должности; мнѣнія рады король признавалъ для себя обязательными и даже въ случаѣ своего несогласія съ ними принималъ ихъ къ исполненію „ради своей и общей пользы“. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Литвѣ введены были по примѣру Польши

высшія правительственныя должности, *уряды*, становившіеся со временемъ пожизненными владѣніями, — *тетмана*, главнаго предводителя войскъ, *канцлера*, хранителя государственной печати, двухъ *подскарбіевъ*, министровъ финансовъ, *земскаго*, вѣдавшаго общегосударственныя доходы и расходы, и *надворнаго*, по дворцовому хозяйству; начальниками отдѣльныхъ областей, которыми прежде управляли русскіе князья по соглашенію съ вѣчевыми городами, назначались *воеводы*, отъ которыхъ зависѣли *каштеляны*, коменданты городовъ, помощники воеводъ, и *старосты повѣтовъ*, *округовъ*, на которые дѣлились воеводства. Такъ центральное и областное управленіе Литвы-Руси приблизилось къ польскому и получило аристократическій строй.

Привилеями, какъ общими или земскими, данными всему княжеству, такъ и мѣстными или областными, въ Литовской Руси устанавливались сословныя права и отношенія, подобныя тѣмъ, какія существовали въ Польшѣ. На Городельскомъ сеймѣ 1413 г., подтвердившемъ соединеніе Литвы съ Польшей, изданъ былъ привилей, по которому литовскіе бояре, принявшіе католицизмъ, получили права и привилегіи польской шляхты; привилей Казимира 1447 г. распространилъ эти права и на православную знать. По этимъ привилеямъ литовско-русскіе землевладѣльцы уравнивались съ польскими въ правахъ владѣнія вотчинами и жалованными имѣніями и освобождались отъ налоговъ и повинностей за исключеніемъ нѣкоторыхъ маловажныхъ, имѣвшихъ не столько финансовое, сколько символическое значеніе, какъ знакъ подданства; крестьяне господскіе изъяты были отъ суда великокняжескихъ урядниковъ и подчинены юрисдикціи своихъ господъ; сверхъ того привилей Казимира воспретилъ переходъ крестьянъ съ земель частныхъ владѣльцевъ на великокняжескія и обратно; эти постановленія положили начало

Русско-литовское и польское дворянство

закрѣпленію крестьянъ въ Литовскомъ княжествѣ по примѣру Польши, гдѣ крѣпостное право установлено было еще въ XIV в. Обще и мѣстные привилеи постепенно сравнивали литовско-русское дворянство въ правахъ и вольностяхъ съ польской шляхтой и сообщили ему значеніе господствующаго сословія въ княжествѣ съ обширной властью надъ крестьянскимъ населеніемъ, жившимъ на его земляхъ, и съ вліятельнымъ участіемъ въ законодательствѣ, судѣ и управленіи. Такое положеніе литовско-русской шляхты закрѣплено было въ XVI в. законодательнымъ сводомъ Литовскаго княжества, *Литовскимъ Статутомъ*. Начало этому своду положено было при Сигизмундѣ I изданіемъ Статута 1529 г. Послѣ этотъ первый сводъ неоднократно пересматривали и дополняли, соглашая его съ польскимъ законодательствомъ, вслѣдствіе чего на этомъ уложеніи отразилось сильное вліяніе польскаго права, смѣшавшагося въ Статутѣ съ древне-русскими юридическими обычаями, какіе сохранились въ Литовской Руси отъ временъ Русской Правды. Въ окончателной редакціи Литовскій Статутъ былъ изданъ на русскомъ языкѣ при Сигизмундѣ III въ 1588 г. По второму Статуту, утвержденному на Виленскомъ сеймѣ въ 1566 г., въ Литовскомъ княжествѣ вводились подобныя польскимъ повѣтовые шляхетскіе сеймики, которые собирались въ каждомъ *повѣтъ* (уѣздѣ) для выбора мѣстныхъ земскихъ судей въ сословный шляхетскій судъ, а также для избранія *земскихъ пословъ*, т.-е. представителей шляхты на общемъ или *валномъ* сеймѣ, по два отъ каждаго повѣта. Литовскій сеймъ, установленный Городельскимъ договоромъ, первоначально состоялъ только изъ литовскихъ князей и бояръ. Привилегированное положеніе, въ какое этотъ договоръ ставилъ литовскую знать, большею частью окатоличившуюся, передъ русской православной, побудило при-

соединенныя къ Литвѣ русскія области подняты противъ литовскаго правительства, когда по смерти Витовта (1430 г.) произошла новая усобица между Гедиминовичами. Въ этой борьбѣ русскіе князья и бояре завосвали себѣ права литовскихъ вельможъ и около половины XV в. получили доступъ на сеймъ, который сталъ общимъ или вальнымъ, какъ его теперь называли. Но сеймъ и послѣ того сохранялъ аристократическій характеръ: отъ русскихъ областей на немъ являлась только знать, князья и паны, которые призывались всѣ лично и имѣли рѣшающій голосъ. Въ первой половинѣ XVI в., при Сигизмундѣ I, русско-литовская шляхта ведетъ шумную борьбу съ своей знатью и добивается призыва на вальные сеймы. Статутъ 1566 г. устроилъ сеймовое представительство русско-литовской шляхты по образцу польскаго шляхетскаго сейма; въ вопросѣ о продолженіи литовско-польской уніи она была за вѣчное соединеніе съ Польшей: сліянiе русско-литовскаго сейма съ польскимъ по люблинскимъ постановленіямъ 1569 г. вполнѣ уравнивало ее въ политическихъ правахъ съ польскою шляхтою.

Усиленіе дворянства въ Литовскомъ княжествѣ сопровождалось упадкомъ старинныхъ городовъ Западной Руси. Въ старой Кіевской Руси области со своими волостными городами составляли цѣльныя земли, которыя подчинялись рѣшеніямъ вѣча старшихъ городовъ. Теперь со введеніемъ господарскихъ урядовъ областной городъ оторвался отъ своей области; мѣсто вѣча заступилъ назначаемый великимъ княземъ воевода съ подручными ему старостами, кастелянами и другими державцами; земско-городовое управление замѣнено было короннымъ. Въ то же время подгородныя земли, находившіяся въ общинномъ пользованіи городовъ, розданы были великими князьями въ частное владѣніе съ обязательствомъ ратной службы. Служилые землевла-

Города.

дѣльцы, бояре и *земляне*, прежде входившіе въ составъ городскихъ обществъ, теперь шляхетскими своими привилегіями обособились отъ *мѣщанъ* (*мѣсто* по-польски городъ, посадъ), торгово-промышленнаго городского населенія, и начали покидать города, селясь въ своихъ вотчинахъ и *всмуглахъ*, жалованныхъ имѣніяхъ. Старинныя области вѣчевыхъ русскихъ городовъ постепенно разлагались на княжескія и панскія вотчины, и обезсиленный вѣчевой городъ оставался одинокимъ среди этихъ чуждыхъ и часто враждебныхъ ему владѣльцевъ, расхитившихъ его исконную волость; голосъ его вѣча замыкался въ его стѣнахъ, не доходя до его пригородовъ. Великокняжескіе урядники, воеводы, кастеляны и старосты притѣсняли горожанъ. Чтобы вывести города Западной Руси изъ упадка, польско-литовскіе государи давали имъ нѣмецкое городовое самоуправленіе, *магдебургское право*, которое въ XIII и XIV вв. проникло въ Польшу вмѣстѣ съ нѣмецкими колонистами, наводнявшими тогда польскіе города. Еще въ XIV в. это самоуправленіе введено было въ городахъ Галицкой земли, которая присоединена была къ Польшѣ королемъ Казимиромъ Великимъ въ 1340 г.; съ половины XV в. магдебургское право распространилось и въ другихъ городахъ Западной Руси. По этому праву мѣщане получали нѣкоторыя торговыя привилегіи и льготы по отправленію казенныхъ повинностей и освобождались отъ подсудности воеводамъ и другимъ правительственнымъ урядникамъ. По магдебургскому праву городъ управлялся двумя совѣтами или коллегіями, *лавой*, члены которой (*лавники* — присяжные) подъ предсѣдательствомъ назначаемаго королемъ *войта* (нѣмецкое *Vogt*) производили судъ налъ горожанами, и *радой* съ выбранными изъ горожанъ *радцами* (ратманами) и *бурмистрами* во главѣ ихъ, которые завѣдывали дѣлами

по хозяйству, торговлѣ, благоустройству и благочинію города.

Политическое вліяніе Польши на Литву, сближая ли-^{Литовская} товско-русскій государственный строй съ польскимъ, въ XV и первой половинѣ XVI в. кое-какъ поддерживало многократно обновлявшійся новыми договорами династическій союзъ обихъ государствъ, то имѣвшихъ отдѣльныхъ государей, то соединявшихся подъ властью одного. Въ XVI в. сложилось новое сочетаніе обстоятельствъ, закрѣпившее польско-литовскую унію и сообщившее болѣе единства соединеннымъ государствамъ; это сочетаніе сопровождалось чрезвычайно важными слѣдствіями для всей восточной Европы и особенно для юго-западной Руси. Я разумѣю великій церковный расколъ въ западной Европѣ XVI в., т.-е. церковную реформацію. Казалось бы, какое было дѣло восточной Европѣ до какого-то нѣмецкаго доктора Мартина Лютера, который въ 1517 г. затѣялъ какой-то споръ объ истинномъ источникѣ вѣроученія, о спасеніи вѣрою и о другихъ богословскихъ предметахъ! Тѣмъ не менѣе этотъ церковный переворотъ на Западѣ не прошелъ безслѣдно и для восточной Европы: онъ не возмущалъ ея своими прямыми нравственно-религіозными слѣдствіями, но задѣлъ ее по отраженію или какъ отдаленный отзвукъ. Извѣстныя вольнодумныя движенія въ русскомъ церковномъ обществѣ XVI в. имѣли довольно тѣсную связь съ реформаціей и поддерживались идеями, шедшими съ протестантскаго Запада. Но я не рѣшаюсь сказать, гдѣ реформація сильнѣе подѣйствовала на международныя отношенія, на Западѣ или у насъ на Востокѣ. Съ этой стороны она является немаловажнымъ фактомъ и въ исторіи Русскаго государства. Вообще, я съ большой оговоркой принимаю мысль, будто древняя Русь жила полнымъ

особнякомъ отъ западной Европы, игнорируя ее и игнорируемая ею, не оказывала на нее и не воспринимала отъ нея никакого вліянія. Западная Европа знала древнюю Россію не лучше, чѣмъ новую. Но какъ и теперь, три-четыре вѣка назадъ Россія если и не понимала хода дѣлъ на Западѣ, какъ должно, то его слѣдствія испытывала на себѣ иногда сильнѣе, чѣмъ было нужно. Такъ случилось и въ XVI в. Чтобы упрочить династическую связь Литвы и Польши, польское правительство съ духовенствомъ во главѣ предпріяло усиленную пропаганду католицизма среди православной Литовской Руси. Эта пропаганда особенно была напряжена при третьемъ Ягеллонѣ Казимирѣ около половины XV в. и тотчасъ вызвала сильный отпоръ со стороны православнаго населенія Литвы. Благодаря тому уже въ концѣ XV в. началось распаденіе Литовскаго княжества: православные русскіе и даже литовскіе князья начали отходить отъ Литвы на службу къ московскому великому князю. Реформація круто измѣнила отношенія. Протестантскія ученія нашли въ Польшѣ воспримчивую почву, подготовленную тѣсными культурными связями съ Германіей. Много польской молодежи училось въ Виттенбергскомъ и другихъ нѣмецкихъ университетахъ. Три года спустя послѣ спора въ Виттенбергѣ, въ 1520 г. съѣхалось въ Петровкѣ польское духовенство и запретило полякамъ читать нѣмецкія протестантскія сочиненія: такъ быстро и успѣшно они здѣсь распространялись. Поддерживая духовенство, и польское правительство на Торунскомъ съѣздѣ того же года издало постановленіе, грозившее конфискаціей имущества и вѣчнымъ изгнаніемъ всякому, кто будетъ ввозить, продавать и распространять въ Польшѣ сочиненія Лютера и другихъ протестантовъ. Эти строгія запрещенія все усиливались: черезъ нѣсколько лѣтъ угроза конфискаціей была

замѣнена угрозой смертной казни. Но все это не помогало. Протестантизм овладевалъ польскимъ обществомъ; даже кievскій бискупъ Пацъ открыто проповѣдывалъ лютеранскій образъ мыслей. Изъ Польши и другихъ сосѣднихъ странъ протестантизмъ проникалъ и въ Литву. Около половины XVI в. здѣсь въ 700 католическихъ приходахъ уцѣлѣла едва тысячная доля католиковъ; остальные прихожане перешли въ протестанство. Прусскій Тевтонскій орденъ въ 1525 г. отпалъ отъ Римской церкви вмѣстѣ со своимъ магистромъ Альбертомъ, который принялъ титулъ герцога. Въ этомъ орденѣ стали появляться переводы протестантскихъ сочиненій на литовскій языкъ. Главнымъ распространителемъ протестантизма въ Литвѣ былъ учившійся въ сѣверной Германіи и получившій тамъ степень доктора литвинъ Авраамъ Кульва, который потомъ нашелъ себѣ преемника въ нѣмецкомъ священникѣ Винклерѣ. Оба эти проповѣдника распространяли лютеранство. Еще успѣшнѣе прививался тамъ кальвинизмъ, поддерживаемый вліятельнымъ литовскимъ магнатомъ Николаемъ Радзивиломъ Чернымъ, двоюроднымъ братомъ королевы Варвары, сначала тайной, а потомъ явной жены короля Сигизмунда-Августа. Въ началѣ второй половины XVI в. огромное большинство католическаго дворянства уже перешло въ протестантизмъ, увлекши за собою и нѣкоторую часть литовско-русской православной знати, Вишневецкихъ, Ходкевичей и др. Эти успѣхи протестантизма и подготовили Люблинскую унію 1569 г. Протестантское вліяніе ослабило энергію католической пропаганды среди Литовской Руси. Послѣдніе Ягеллоны на польскомъ престолѣ Сигизмундъ I и Сигизмундъ II Августъ (1506—1572) были равнодушны къ религіозной борьбѣ, завязавшейся въ ихъ соединенномъ государствѣ. Сигизмундъ-Августъ, мягкій и праздный гуляка, воспитанный

среди новыхъ вѣяній, подъ рукою, насколько ему позволяло государственное его положеніе, даже покровительство-валъ новымъ ученіямъ, самъ выдавалъ для чтенія протестантскія книги изъ своей библіотеки, въ придворной церкви допускалъ проповѣди въ протестантскомъ духѣ; ему было все равно при выѣздѣ изъ дворца, въ праздникъ, куда ѣхать, въ костелъ или въ кирку. Покровительствуя протестантамъ, онъ благоволилъ и къ православнымъ; постановленіе Городельскаго сейма, запрещающее православнымъ занимать государственныя и общественныя должности, онъ въ 1563 г. разъяснилъ такъ, что разъясненіе было равнозначительно отмѣнѣ. Съ ослабленіемъ католической пропаганды, которую поддерживали прежніе короли, православное населеніе Литвы перестало относиться бояливо или враждебно къ польскому правительству. Этотъ поворотъ въ народномъ настроеніи и сдѣлалъ возможнымъ продолженіе политической уніи Литвы съ Польшей. Сигизмундъ-Августъ приближался къ смерти бездѣтнымъ; съ нимъ гасла династія Ягеллоновъ, и слѣдовательно самъ собою прекращался династическій союзъ обоихъ государствъ. Пока католическая пропаганда, покровительствуемая польскимъ правительствомъ, дѣйствовала въ Литвѣ очень напряженно, православное литовско-русское населеніе не хотѣло и думать о продленіи союза. Поднимался тревожный вопросъ о дальнѣйшихъ отношеніяхъ Литвы къ Польшѣ. Но благодаря вѣротерпимости или благожелательному индифферентизму Сигизмунда-Августа православные перестали пугаться этой мысли. Противодѣйствія продленію уніи можно было ожидать только отъ литовскихъ вельможъ, которые боялись, что ихъ задавить польская шляхта, рядовое дворянство, а литовско-русское дворянство именно потому и желало вѣчнаго союза съ Польшей. Въ январѣ 1569 г. собрался въ Люблинѣ сеймъ для рѣшенія

вопроса о продленіи уніи. Когда обнаружилось противо-
дѣйствіе этому со стороны литовской знати, король привлечь
на свою сторону двухъ вліятельнѣйшихъ магнатовъ юго-
западной Руси: то были Рюриковичъ кн. Константинъ
Острожскій, воевода кievскій, и Гедиминовичъ кн. Алес-
ксандръ Чарторыйскій, воевода волинскій. Оба эти вель-
можи были вождами православнаго русско-литовскаго дво-
рянства и могли надѣлать королю много хлопотъ. Князь
Острожскій былъ могущественный удѣльный владѣлецъ, хотя
и признавалъ себя подданнымъ короля; во всякомъ случаѣ
онъ былъ богаче и вліятельнѣе послѣдняго, располагалъ
обширными владѣніями, захватывавшими чуть не всю ны-
нѣшнюю Волинскую губернію и значительныя части губерній
Подольской и Кіевской. Здѣсь у него было 35 городовъ и
болѣе 700 сель, съ которыхъ онъ получалъ дохода до 10 мил-
ліоновъ злотыхъ (болѣе 10 мил. руб. на наши деньги).
Эти два магната и увлекли за собой юго-западное русское
дворянство, и безъ того тяготѣвшее къ шляхетской Польшѣ,
а за нимъ послѣдовало и литовское, что и рѣшило вопросъ
объ уніи. На Люблинскомъ сеймѣ политическій союзъ обоихъ
государствъ быть признанъ навсегда неразрывнымъ и по пре-
сѣченіи династіи Ягеллоновъ. вмѣстѣ съ тѣмъ соединенное
государство получило окончательное устройство. Польша
и Литва соединились, какъ двѣ равноправныя половины
единаго государства, называвшіяся первая *Короной*, вторая
Княжествомъ, а обѣ вмѣстѣ получили названіе *Речи По-*
сполитой (переводъ лат. *respublica*). Это была респуб-
ликански устроенная избирательная монархія. Во главѣ
управленія становился король, избираемый общимъ сеймомъ
Короны и Княжества. Законодательная власть принадле-
жала сейму, составлявшемуся изъ *земскихъ пословъ*, т.-е. депу-
татовъ шляхты, только шляхты, и сенату, состоявшему

изъ высшихъ свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ обѣихъ частей государства. Но при общемъ верховномъ правительствѣ, органами котораго были сеймъ, сенать и король, обѣ союзныя части Рѣчи Посполитой сохраняли отдѣльную администрацію, имѣли особыхъ министровъ, особое войско и особые законы. Для исторіи юго-западной Руси всего важнѣе были тѣ постановленія Люблинскаго сейма, по которымъ нѣкоторыя области этой Руси, входившія въ составъ Литовскаго княжества, отходили къ Коронѣ: это были *Подляхія* (западная часть Гродненской губ.), *Волинъ* и *Украина* (губерніи Кіевская и Полтавская съ частью Подольской, именно съ Браславскимъ воеводствомъ, и съ частью Черниговской). При такихъ обстоятельствахъ состоялась Люблинская унія 1569 г. Она сопровождалась чрезвычайно важными слѣдствіями, политическими и національно-религіозными, для юго-западной Руси и всей восточной Европы.

Слѣдствія
уніи.

Постановленія Люблинскаго сейма были для Западной Руси завершеніемъ владычества Гедиминовичей и польскаго вліянія, которое они тамъ проводили. Поляки достигли, чего добивались почти 200 лѣтъ, вѣчнаго соединенія своего государства съ Литвой и прямого присоединенія къ Польшѣ заманчивыхъ по природнымъ богатствамъ областей юго-западной Руси. Гедиминовичи подъ польскимъ вліяніемъ разрушили много старины въ подвластной имъ Руси и внесли въ ея строй и жизнь не мало новаго. Облaстями старой Кіевской Руси правили княжескій родъ Рюриковичей со своими дружинами по соглашенію со старшими вѣчевыми городами областей, имѣя при слабомъ развитіи частнаго землевладѣнія непрочныя соціальныя и экономическія связи съ областными мірами. При Гедиминовичахъ этотъ зыбкій правительственный классъ смѣнила осѣдлая аристократія

крупныхъ землевладѣльцевъ, въ составъ которой вошли русскіе и литовскіе князья съ ихъ боярами, а надъ этой аристократіей съ упроченіемъ сеймовыхъ порядковъ стала брать верхъ военный классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, рядовое дворянство, шляхта. Старинныя области или земли Киевской Руси, тянувшія къ своимъ старшимъ городамъ, какъ къ политическимъ центрамъ, въ Литовской Руси разбилися на административные округа великокняжескихъ урядниковъ, объединявшіеся не мѣстными средоточіями, а общимъ государственнымъ центромъ. Наконецъ, сами старшіе города областей, чрезъ свои вѣча представлявшіе свои областныя міры передъ князьями, оторваны были отъ этихъ міровъ великокняжеской администраціей и частнымъ землевладѣніемъ, а замѣна вѣчевого строя магдебургскимъ правомъ превратила ихъ въ узко-сословныя мѣщанскія общества, заключенныя въ тѣсную чорту городской осѣдлости, и лишили земскаго значенія, участія въ политической жизни страны. Господство шляхты, пожизненные, а по мѣстамъ и наследственные уряды и магдебургское право—таковы три новости, принесенныя въ Литовскую Русь польскимъ вліяніемъ. Люблинская унія своими слѣдствіями сообщила усиленное дѣйствіе и четвертой новости, раньше подготовлявшейся польскимъ вліяніемъ, крѣпостному праву. Съ половины XVI в. замѣтно заселяется долго пустѣвшее среднее Подлѣпровье. Тамошнія привольныя степи сами собою манили къ себѣ поселенцевъ; успѣхи крѣпостного права въ Литвѣ поддерживали и усиливали этотъ переселенскій потокъ. Къ началу XVI в. здѣсь образовалось нѣсколько разрядовъ сельскаго земледѣльческаго населенія, различавшихся степенью зависимости отъ владѣльцевъ, начиная переходными крестьянами, *засядлыми и незасядлыми*, селившимися со ссудой отъ владѣльца или безъ ссуды и сохранявшими

Заселеніе степной Украины.

право перехода, и кончая *челядью невольной*, крѣпостными дворовыми хлѣбопашцами. Въ эпоху первого и второго Статута (1529—1566 гг.), по мѣрѣ политическаго роста шляхты, эти разряды все болѣе уравнивались въ направленіи къ наименьшей свободѣ. Унія 1569 г. ускорила движеніе въ эту сторону. При избирательныхъ короляхъ Рѣчи Посполитой законодательство, какъ и направленіе всей политической жизни страны, стало подъ непосредственное вліяніе польско-литовской шляхты, господствующаго класса въ государствѣ. Она не преминула воспользоваться своимъ политическимъ преобладаніемъ насчетъ подвластнаго ей сельскаго населенія. Съ присоединеніемъ русскихъ областей по обѣимъ сторонамъ средняго Днѣпра къ Коронѣ здѣсь стала водворяться польская администрація, вытѣсняя туземную русскую, а подъ ея покровомъ сюда двинулась польская шляхта, приобретаемая здѣсь земли и принося съ собою польское крѣпостное право, получившее уже рѣзкія очертанія. Туземное литовско-русское дворянство охотно перенимало землевладѣльческія понятія и привычки своихъ новыхъ сосѣдей изъ Привислиня и Западнаго Побужья. Если въ интересахъ казны законъ и правительство еще кое-какъ присматривали за поземельными тягловыми отношеніями крестьянъ къ землевладѣльцамъ, то личность крестьянина вполне предоставлялась усмотрѣнію его панарыцаря. Шляхта присвоила себѣ право жизни и смерти надъ своими крестьянами: убить хлопа для шляхтича было все равно, что убить собаку — такъ говорятъ современные польскіе писатели. Убѣгая отъ неволи, которая крѣпкой петлей затягивалась на крестьянинѣ, сельское населеніе усиленно отливало изъ внутреннихъ областей Короны и Княжества къ безбрежнымъ степямъ Украйны, спускаясь все ниже по Днѣпру и Восточному Бугу, куда

еще не успѣлъ пробраться шляхтичь. Вскорѣ этимъ движеніемъ стала пользоваться землевладѣльческая спекуляція, сообщая ему новую силу. Паны и шляхта выпрашивали въ пожизненное владѣніе староства въ пограничныхъ украинскихъ городахъ, въ Браславѣ, Каневѣ, Червасахъ, Переяславѣ, съ обширными подгородными пустырями, выхлопывали и просто захватывали нигдѣмъ не мѣренныя степныя шири и спѣшили заселять ихъ, приманивая щедрыми льготами бѣглыхъ мѣщанъ и крестьянъ. Украинскими степями тогда распоряжались, какъ въ недавнее время башкирскими землями или угодьями по восточному побережью Чернаго моря. Самые знатные и высокопоставленные люди, князья Острожскіе и Вишневецкіе, паны Потоцкіе, Замоискіе и т. д. безъ конца не стыдились ревностно участвовать въ расхищеніи казенныхъ пустынь по Днѣпру и его степнымъ притокамъ справа и слѣва. Но тогдашніе земельные спекулянты дѣйствовали все же добросовѣстнѣе своихъ позднихъ уральскихъ и кавказскихъ подражателей. Благодаря имъ степная Украина быстро оживала. Въ короткое время здѣсь возникали десятками новыя мѣстечки, сотнями и тысячами хутора и селенія. Одновременно съ заселеніемъ шло укрѣпленіе степей, безъ котораго оно было невозможно. Впереди цѣпи старыхъ городовъ, Браслава, Корсуня, Канева, Переяслава, выстраивались ряды новыхъ замковъ, подъ прикрытіемъ которыхъ возникали мѣстечки и села. Эти поселенія среди постоянной борьбы съ татарами складывались въ военныя общества, напоминавшія тѣ „заставы богатырскія“, какими еще въ X—XI вв. огораживались степныя границы Кіевской Руси. Изъ этихъ обществъ и образовалось малороссійское козачество.

Козачество составляло слой русскаго общества, нѣвогда распространенный по всей Руси. Еще въ XVI в. *козаками*

Происхо-
жденіе ко-
зачества.

9*

звали наемных рабочих, батрачивших по крестьянским дворам, людей без определенных занятий и постоянного местожительства. Таково было первоначальное общее значение козака. Позднѣ этому бродячему бездомному классу въ Московской Руси усвоено было званіе *вольныхъ гулящихъ людей* или *вольницы*. Особенно благопріятную почву для развитія напелъ этотъ людъ въ южныхъ краяхъ Руси, смежныхъ со степью, условія которой сообщили ему особый характеръ. Когда стала забываться гроза татарскаго погрома, завязалась хроническая мелкая борьба русскаго степного пограничья съ бродившими по степямъ татарами. Исходными и опорными пунктами этой борьбы служили укрѣпленные пограничные города. Здѣсь сложился классъ людей, съ оружіемъ въ рукахъ уходившихъ въ степь для рыбнаго и звѣринаго промысла. Люди отважные и бѣдные, эти вооруженные рыболовы и звѣрогоны, надобно думать, получали средства для своихъ опасныхъ промысловъ отъ мѣстныхъ торговцевъ, которымъ и сбывали свою добычу. Въ такомъ случаѣ они и здѣсь не теряли характера батраковъ, работавшихъ за счетъ своихъ хозяевъ. Какъ привычныхъ къ степной борьбѣ ратниковъ ихъ могли поддерживать и мѣстныя княжескія правительства. Этими людямъ при постоянныхъ столкновеніяхъ съ такими же татарскими степными добычниками и усвоено было татарское названіе *козаковъ*, потомъ распространившееся на вольныхъ бездомныхъ батраковъ и въ сѣверной Руси. Въ восточной полосѣ степного юга такія столкновенія начались раньше чѣмъ гдѣ-либо. Вотъ почему, думаю я, древнѣйшее извѣстіе о козачествѣ говорить о козакахъ рязанскихъ, оказавшихъ своему городу услугу въ столкновеніи съ татарами въ 1444 г. Въ Московской Руси еще въ XVI и XVII вв. повторялись явленія, которыя могли возникнуть только при зарожденіи козачества. Въ десят-

няхъ степныхъ уѣздовъ XVI в. встрѣчаемъ замѣтки о томъ или другомъ захудаломъ уѣздномъ сынѣ боярскомъ: „сбрелъ въ степь, спелъ въ козаки“. Это не значитъ, что онъ зачислился въ какое-либо постоянное козацкое общество, напримѣръ, на Дону: онъ просто нашелъ случайныхъ товарищей и съ ними, бросивъ службу и помѣстье, ушелъ въ степь погулять на волѣ, заняться временно вольными степными промыслами, особенно надъ татарами, а потомъ вернуться на родину и тамъ гдѣ-нибудь пристроиться. Елецкая десятина 1622 г. отмѣчаетъ цѣлую партію елецкихъ помѣщиковъ, бросившихъ свои вотчины и ушедшихъ въ козаки, а потомъ порадившихся въ боярскіе дворы холопами и въ монастыри служками. Первоначальной родиной козачества можно признать линію пограничныхъ со степью русскихъ городовъ, шедшую отъ средней Волги на Рязань и Тулу, потомъ переламывавшуюся круто на югъ и упиравшуюся въ Днѣпръ по чертѣ Путивля и Переяслава. Вскорѣ козачество сдѣлало еще шагъ въ своемъ наступленіи на степь. То было время ослабленія татаръ, раздѣленія Орды. Городовые козаки и прежде всего, вѣроятно, рязанскіе, стали осѣдать военно-промысловыми артелями въ открытой степи, въ области верхняго Дона. Донскихъ козаковъ едва ли не слѣдуетъ считать первообразомъ степного козачества. По крайней мѣрѣ, во второй половинѣ XVI в., когда козачество запорожское только еще начинало устроиться въ военное общество, донское является уже устроеннымъ. Въ составъ его входили и крещенные татары. Сохранилась челобитная таковаго новокрещена изъ крымскихъ татаръ. Въ 1589 г. онъ выѣхалъ изъ Крыма на Донъ и служилъ тамъ государю московскому 15 лѣтъ, „крымскихъ людей грабилъ и на крымскихъ людей и на улусы на крымскіе воевалъ съ козаками донскими хаживалъ, а съ Дону

въ Путивль пришелъ“. Онъ просить государя освободить его дворъ въ Путивлѣ отъ налоговъ и повинностей, „обѣлвить“ и велѣть ему служить царскую службу вмѣстѣ съ бѣлодворцами.

Малорос-
сійское ко-
зачество.

Извѣстія о козакахъ днѣпровскихъ идутъ позднѣе рязанскихъ, съ конца XV в. Ихъ происхождение и первоначальное общественное обличье было такъ же просто, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Изъ городовъ Кіевского, Волынскаго и Подольскаго края, даже съ верховьевъ Днѣпра, выходили партіи добычниковъ въ динуую степь „козаковать“, промыслять пчелой, рыбой, звѣремъ и татаринномъ. Весной и лѣтомъ эти прихожіе козаки работали на „уходахъ“, промысловыхъ угодьяхъ по Днѣпру и его степнымъ притокамъ, а на зиму стягивались со своей добычей въ приднѣпровскіе города и здѣсь осаживались, особенно въ Каневѣ и Черкасахъ, ставшихъ ранними и главными притонами козачества. Иные изъ этихъ козаковъ, какъ и въ сѣверной Руси, нанимались въ батраки къ мѣщанамъ и землевладѣльцамъ. Но мѣстныя географическія и политическія условія осложнили судьбы украинскаго козачества. Оно попало въ самый водоворотъ международныхъ столкновеній Руси, Литвы, Польши, Турціи и Крыма. Роль, какую пришлось играть днѣпровскому козачеству въ этихъ столкновеніяхъ, и сообщила ему историческое значеніе. Я только что сказалъ объ усиленіи колонизаціи Подднѣпровья, пополнявшей здѣшнее козаковавшее населеніе. Это былъ людъ, нужный для края и всего государства, но безпокойный, создававшій много затрудненій польскому правительству. Привычные къ борьбѣ степные промышленники доставляли лучшую оборону странѣ отъ татарскихъ набѣговъ. Но это было обоюдоострое оружіе. Однимъ изъ степныхъ отхожихъ промысловъ, даже главнымъ промысломъ козаковъ были ихъ

отвѣтныя набѣги на татарскія и турецкія земли. Нападали и съ суши и съ моря: въ началѣ XVII в. легкіе козацкіе челны громили татарскіе и турецкіе города по сѣвернымъ, западнымъ и даже южнымъ берегамъ Чернаго моря, проникали и въ Босфоръ къ Константинополю. Въ отместку турки грозили Польшѣ войной, которой поляки пуще всего боялись. Еще въ началѣ XVI в. составилъ въ Варшавѣ планъ, какъ сдѣлать козачество безвреднымъ, не мѣшая ему быть полезнымъ. Планъ состоялъ въ томъ, чтобы изъ беспорядочной и все разрастающейся массы козакующихъ выдѣлать наиболѣе благонадежную часть и взять ее на государственную службу съ жалованьемъ и съ обязанностью оборонять Украйну, а остальныхъ поворотить въ прежній родъ жизни. Впрочемъ, есть извѣстіе о козацкихъ ротахъ, наемныхъ для пограничной сторожевой службы уже въ самомъ началѣ XVI в. Вѣроятно, это былъ одинъ изъ временныхъ опытовъ образованія пограничной стражи изъ степныхъ вооруженныхъ добычниковъ. Только въ 1570 г. составили постоянный отрядъ въ 300 человекъ штатныхъ или списочныхъ, *реестровыхъ* козаковъ, какъ они послѣ назывались. При Стефанѣ Баторіи штатъ былъ увеличенъ до 500, потомъ постепенно поднимался и наконецъ въ 1625 г. доведенъ до 6 тысячъ. Но ростъ козацкаго штата нисколько не убавлялъ заштатнаго козачества. Этихъ нелегальныхъ козаковъ, въ большинствѣ изъ крестьянъ, мѣстные правители и паны старались воротить въ „посполство“, крестьянство, къ покинутымъ ихъ повинностямъ; но люди, уже отвѣдавшіе козацкой воли, упирались и считали себя въ правѣ не слушаться, ибо то же правительство, которое загоняло ихъ, какъ мужиковъ, подъ панское ярмо, во время войнъ обращалось къ нимъ же за помощью и призывало ихъ подъ знамена не въ списочномъ числѣ, а десятками тысячъ.

Такой двуличный образ действий правительства поселялъ въ заштатныхъ озлобленіе и приготавлилъ изъ нихъ взрывчатую массу, легко разгоравшуюся въ пожаръ, какъ скоро у нея являлся расторопный вожакъ. Между тѣмъ на нижнемъ Днѣпрѣ свивалось козацкое гнѣздо, въ которомъ украинское козацкое недовольство находило себѣ убѣжище и питомникъ, перерабатывавшій его въ открытыя возстанія. То было *Запорожье*.

Запорожье. Оно возникло незамѣтно изъ промысловаго козакованья, „козацтва на полѣ“, въ степи. Козаковавшіе обыватели пограничныхъ городовъ Украйны спускались по Днѣпру далеко на низъ, за пороги. Проф. Любавскій высказалъ предположеніе, что зародышемъ Запорожской Сѣчи была крупная козацкая артель, промышлявшая за порогами вблизи татарскихъ кочевій, и слѣды ея онъ находитъ уже въ концѣ XV в. Когда городовые козаки стали подвергаться стѣсненіямъ отъ польскаго правительства, они убѣгали въ знакомыя запорожскія мѣста, куда не могли пробраться ни польскіе комиссары, ни экзекуціонныя отряды. Тамъ на островахъ, которые образуетъ Днѣпръ, вырвавшись изъ пороговъ въ открытую степь и разливаясь широкимъ русломъ, бѣглецы устраивали себѣ укрѣпленныя стѣчи. Въ XVI в. главное поселеніе запорожцевъ возникло на ближайшемъ къ порогамъ острову Хортицѣ. Это и была знаменитая въ свое время Запорожская сѣчь. Позднѣе она переносилась съ Хортицы на другіе запорожскіе острова. Сѣчь представляла видъ укрѣпленнаго лагеря, обнесеннаго древесными завалами, *застькой*. Она снабжена была кое-какой артиллеріей, маленькими пушками, забранными въ татарскихъ и турецкихъ укрѣпленіяхъ. Здѣсь образовалось изъ безсемейныхъ и разноплеменныхъ пришельцевъ военно-промышленное товарищество, величавшее себя „рыцарствомъ“

войска Запорожскаго". Сѣчевики жили въ шалапахъ изъ хвороста, покрытыхъ лошадиными кожами. Они различались занятіями: одни были преимущественно добычники, жили военной добычей, другіе больше промышляли рыбой и звѣремъ, снабжая первыхъ продовольствіемъ. Женщины не допускались въ Сѣчь; женатые козаки, *сидни*, *мяздоки*, жили отдѣльно по зимовникамъ и сѣяли хлѣбъ, снабжая имъ сѣчевиковъ. До конца XVI в. Запорожье оставалось подвижнымъ, измѣчивымъ по составу обществомъ: на зиму оно расходилось по украинскимъ городамъ, оставивъ въ Сѣчи нѣсколько сотъ человѣкъ для охраны артиллеріи и прочаго сѣчевого имущества. Въ спокойное время лѣтомъ въ Сѣчи бывало налицо до 3 тысячъ человѣкъ; но она переполнялась, когда украинскому посольству становилось невтерпѣжь отъ татаръ или ляховъ и на Украинѣ что-либо затѣвалось. Тогда всякій недовольный, гонимый или въ чемъ-либо попавшійся, бѣжалъ за пороги. Въ Сѣчи не спрашивали пришельца, кто онъ и откуда, каковой вѣры, какого рода-племени: принимали всякаго, кто казался пригоднымъ товарищемъ. Въ концѣ XVI в. въ Запорожьи замѣтны признаки военной организаціи, хотя еще неустойчивой, установившейся нѣсколько позднѣе. Военнымъ братствомъ Запорожья, *кошемъ*, правилъ избираемый сѣчевою радой кошевой атаманъ, который съ выборными есауломъ, судьей и писаремъ составлялъ сѣчевую старшину, правительство. Кошь размѣщался отрядами, *куреньями*, которыхъ было потомъ 38, подъ командой выборныхъ куренныхъ атамановъ, также причислявшихся къ старшинѣ. Запорожцы всего болѣе дорожили товарищескимъ равенствомъ; все рѣшалъ сѣчевой кругъ, рада, козацкое коло. Со старшиной своей это коло поступало запросто, выбирало и смѣняло ее, а негодившихъ казнило, сажало въ воду, насыпавъ за пазуху достаточное

количество песку. Въ 1581 г. въ Сѣчь явился знатный панъ изъ Галиціи, безшабашный авантюристъ Зборовскій подбивать козаковъ къ набѣгу на Мосеву. Случавшее отъ бездѣлья и безденежья рыцарство съ радостью приняло затию пана и тотчасъ выбрало его въ гетманы. На походѣ козаки сами приставали къ нему, допытываясь, когда, Богъ дастъ, воротятся они изъ Мосевы въ добромъ здоровьи, не найдется ли у него еще какого дѣла, на которомъ они могли бы хорошо заработать; но когда, отказавшись отъ Мосевы, онъ предложилъ имъ походъ въ Персію, они едва его не убили, переругавшись между собой. Эта погоня за походнымъ заработкомъ, проще за грабежомъ и добычей, усиливалась по мѣрѣ накопленія козаковавшаго люда къ концу XVI в. Этотъ людъ не могъ уже продовольствоваться степнымъ рыбнымъ и звѣринымъ промысломъ и тысячами шатался по правобережной Украинѣ, обирая обывателей. Мѣстные власти не могли нигуда сбыть этихъ безработныхъ козаковъ, да и сами они не знали, куда дѣваться, и охотно шли за первымъ вожакомъ, звавшимъ ихъ въ Крымъ или Молдавію. Изъ такихъ козаковъ и составлялись шайки, набросившіяся на Московское государство, когда тамъ началась Смута. Набѣги на сосѣднія страны назывались тогда на Украинѣ „козацкимъ хлѣбомъ“. Ни до чего другого кромѣ добычи козакамъ не было дѣла, и на рѣчи Зборовскаго о преданности королю и отчизнѣ они отвѣчали простонародной поговоркой: *поки жита, поти быта* — до той поры живется, пока есть, чѣмъ кормиться. Но козаки не все пробавлялись чужбиной, крымской, молдавской или москальской: уже въ XVI в. очередь дошла и до отчизны. Нештощимо комплектуясь изъ накоплавшейся массы, Запорожье сдѣлалось очагомъ, на которомъ заваривались козацкія возстанія противъ самой Рѣчи Посполитой.

Итакъ Люблинская унія принесла въ юго-западную Русь три тѣсно связанныя между собою слѣдствія: крѣпостное право, усиленіе крестьянской колонизаціи Украины и превращеніе Запорожья въ инсуррекціонное убѣжище для поработеннаго русскаго населенія.

Лекція XLVI.

Правственный характер малороссійскаго козачества. — Козаки становятся за вѣру и народность. — Рознь въ козачествѣ. — Малороссійскій вопросъ. — Вопросы балтійскій и восточный. — Европейскія отношенія Московскаго государства. — Значеніе внешней политики Москвы въ XVII в.

Правствен-
ный харак-
теръ ко-
зачества.

Мы прослѣдили въ общихъ чертахъ исторію малороссійскаго козачества въ связи съ судьбами Литовской Руси до начала XVII в., когда въ его положеніи произошелъ важный переломъ. Мы видѣли, какъ измѣнялся характеръ козачества: ватаги степныхъ промышленниковъ выдѣлялись изъ своей среды боевыя дружины, жившія набѣгами на сосѣднія страны, а изъ этихъ дружинъ правительство вербовало пограничную стражу. Всѣ эти разряды козаковъ одинаково смотрѣли въ степь, искали тамъ поживы и этими поисками въ большей или меньшей степени способствовали оборонѣ постоянно угрожаемой юго-восточной окраины государства. Съ Люблинской уніи малороссійское козачество поворачивается лицомъ назадъ, на то государство, которое оно доселѣ обороняло. Международное положеніе Малороссіи деморализировало эту сбродную и бродячую массу, мѣшало зародиться въ ней гражданскому чувству. На сосѣднія страны, на Крымъ, Турцію, Молдавію, даже Москву козаки привыкли смотрѣть, какъ на предметъ добычи, какъ на „козацкій хлѣбъ“. Этотъ взглядъ они стали переносить

и на свое государство съ тѣхъ поръ, какъ на юго-восточной его окраинѣ начало водворяться панское и шляхетское землевладѣніе со своимъ крѣпостнымъ правомъ. Тогда они увидѣли въ своемъ государствѣ врага еще злѣе Крима или Турціи, и съ конца XVI в. начали опрокидываться на него съ удвоенной яростью. Такъ малороссійское козачество осталось безъ отечества и, значить, безъ вѣры. Тогда весь нравственный міръ восточно-европейскаго человѣка держался на этихъ двухъ неразрывно связанныхъ одна съ другою основахъ, на отечествѣ и на отечественномъ богѣ. Рѣчь Посполитая не давала козаку ни того, ни другого. Мысль, что онъ православный, была для козака смутнымъ воспоминаніемъ дѣтства или отвлеченной идеей, ни къ чему не обязывавшей и ни на что непригодной въ козачьей жизни. Во время войнъ они обращались съ русскими и ихъ храмами нисколько не лучше, чѣмъ съ татарами, и хуже, чѣмъ татарами. Православный русскій панъ Адамъ Кисель, правительственный комиссаръ у козаковъ, хорошо ихъ знавшій, въ 1636 г. писалъ про нихъ, что они очень любить религію греческую и ея духовенство, хотя въ религіозномъ отношеніи болѣе похожи на татаръ, чѣмъ на христіанъ. Козакъ оставался безъ всякаго нравственнаго содержанія. Въ Рѣчи Посполитой едва ли былъ другой классъ, стоявшій на болѣе низкомъ уровнѣ нравственнаго и гражданскаго развитія: развѣ только высшая іерархія малороссійской Церкви передъ церковной уніей могла потягаться съ козачествомъ въ одичаніи. Въ своей Украинѣ при крайне тугомъ мышленіи оно еще не привыкло видѣть отечество. Этому мѣшала и чрезвычайно сбродный составъ козачества. Въ пятисотенный списочный, реестровый отрядъ козаковъ, набранный при Стефанѣ Баторин, вошли люди изъ 74 городовъ и уѣздовъ западной Руси и Литвы, даже такихъ

отдаленныхъ, какъ Вильна, Полоцкъ, потомъ — изъ 7 польскихъ городовъ, Познани, Кракова и др., кромѣ того москали изъ Рязани и откуда-то съ Волги, молдаване и вдобавокъ ко всему по одному сербу, нѣмцу и татарину изъ Крыма съ некрещенымъ именемъ. Что могло объединять этотъ сбродъ? На шеѣ у него сидѣлъ панъ, а на боку висѣла сабля: бить и грабить пана и торговать саблей — въ этихъ двухъ интересахъ замѣнилось все политическое міросозерцаніе козака, вся социальная наука, какую преподавала Сѣчь, козацкая академія, высшая школа доблести для всякаго добраго козака и притонъ бунтовъ, какъ его называли поляки. Свои боевыя услуги козаки предлагали за надлежащее вознагражденіе и императору германскому противъ турокъ, и своему польскому правительству противъ Москвы и Крыма, и Москвѣ и Крыму противъ своего польскаго правительства. Раннія козацкія возстанія противъ Рѣчи Посполитой носили чисто социальный, демократическій характеръ безъ всякаго религіозно-національнаго оттѣнка. Они, конечно, зачинались на Запорожьѣ. Но въ первомъ изъ нихъ даже вождь былъ чужой, изъ враждебной козакамъ среды, измѣнившій своему отечеству и сословію, заматавшійся шляхтичъ изъ Подляхін Крыштофъ Косинскій. Онъ пристроился въ Запорожью, съ отрядомъ запорожцевъ нанялся на королевскую службу и въ 1591 г. только изъ-за того, что наемникамъ во-время не уплатили жалованья, набралъ запорожцевъ и всякаго козацкаго сброда и принялся разорять и жечь украинскіе города, мѣстечки, усадьбы шляхты и пановъ, особенно богатѣйшихъ на Украинѣ землевладѣльцевъ, князей Острожскихъ. Князь К. Острожскій побилъ его, взялъ въ плѣнъ, простилъ съ его запорожскими товарищами и заставилъ ихъ присягнуть на обязательствѣ смирно сидѣть у себя за порогами. Но мѣсяца

черезъ два Косинскіи поднялъ новое возстаніе, присягнувъ на подданство московскому царю, хвалился съ турецкой и татарской помощью перевернуть вверхъ дномъ всю Украину, перерѣзавъ всю тамошнюю шляхту, осадилъ городъ Черкассы, задумавъ вырѣзать всѣхъ его обывателей со старостой города, тѣмъ самымъ кн. Вишневецкимъ, который выпросилъ ему пощадy у кн. Острожскаго, и наконецъ сложилъ голову въ бою съ этимъ старостой. Его дѣло продолжали Лобода и Наливайко, которые до 1595 г. разоряли правобережную Украину. И вотъ этой продажной саблѣ безъ Бога и отечества обстоятельства навязали религіозно-національное знамя, судили высокую роль стать оплотомъ западно-русскаго православія.

Эта неожиданная роль была подготовлена возачеству другой уніей, церковной, совершившейся 27 лѣтъ спустя послѣ политической. Напомню мимоходомъ главные обстоятельства, которыя привели къ этому событію. Католическая пропаганда, возобновившаяся съ появленіемъ въ Литвѣ іезуитовъ въ 1569 г., скоро сломила здѣсь протестантизмъ и набросилась на православіе. Она встрѣтила сильный отпоръ сначала въ православныхъ магнатахъ съ княземъ К. Острожскимъ во главѣ, а потомъ въ городскомъ населеніи, въ братствахъ. Но среди высшей православной іерархіи, деморализованной, презираемой своими и притѣвляемой католиками, возникла старая мысль о соединеніи съ римской Церковью, и на Брестскомъ соборѣ 1596 г. русское церковное общество распалось на двѣ враждебныя части, православную и уніатскую. Православное общество перестало быть законной Церковью, признанной государствомъ. Рядовому православному духовенству со смертью двухъ епископовъ, не принявшихъ уніи, предстояло остаться безъ архіереевъ; русское мѣщанство теряло политическую опору

Ковани за
вѣру и на-
родность.

съ начавшимся повальнымъ переходомъ православной знати въ унію и католичество. Оставалась единственная сила, за которую могли ухватиться духовенство и мѣщанство, козачество со своимъ резервомъ, русскимъ крестьянствомъ. Интересы этихъ четырехъ классовъ были разные; но это различіе забывалось при встрѣчѣ съ общимъ врагомъ. Церковная унія не объединила этихъ классовъ, но дала новый стимулъ ихъ совмѣстной борьбѣ и помогла имъ лучше понимать другъ друга: и козаку, и хлопку легко было растолковать, что церковная унія — это союзъ ляхскаго короля, пана, есендва и ихъ общаго агента жида противъ русскаго бога, котораго обязанъ защищать всякій русскій. Сказать загнанному хлопку или своевольному козаку, помышлявшимъ о погромѣ пана, на землѣ котораго они жили, что они этимъ погромомъ побораютъ по обижаемому русскому богу, значило облегчить и ободрить ихъ совѣсть, придавленную шевелившимся гдѣ-то на днѣ ея чувствомъ, что какъ ни-какъ, а погромъ не есть доброе дѣло. Первые козацкія возстанія въ концѣ XVI в., какъ мы видѣли, еще не имѣли того религіозно-національнаго характера. Но съ начала XVII в. козачество постепенно втягивается въ православно-церковную оппозицію. Козацкій гетманъ Сагайдачный со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ вписался въ кievское православное братство, въ 1620 г. черезъ іерусалимскаго патріарха самовольно, безъ разрѣшенія своего правительства, возстановилъ высшую православную іерархію, которая и дѣйствовала подъ козацкой защитой. Въ 1625 г. глава этой новопоставленной іерархіи, митрополитъ кievскій, самъ призвалъ на защиту православныхъ кievлянъ запорожскихъ козаковъ, которые и утопили кievскаго войта за притѣсненіе православныхъ.

Роснь въ ко-
зачествѣ.

Такъ козачество получило знамя, лицевая сторона котораго призывала къ борьбѣ за вѣру и за народъ русскій,

а оборотная — къ истребленію или изгнанію пановъ и шляхты изъ Украйны. Но это знамя не объединяло всего козачества. Еще въ XVI в. среди него началось экономическое раздвоеніе. Козаки, ютившіеся по пограничнымъ городамъ и жившіе отхожими промыслами въ степи, потомъ начали осѣдять на промысловыхъ угодьяхъ, заводить хутора и пашни. Въ началѣ XVII в. нѣмѣ пограничные округа, какъ Каневскій, были уже наполнены козацкими хуторами. Займка, какъ обыкновенно бываетъ при заселеніи пустыхъ земель, становилась основаніемъ землевладѣнія. Изъ этихъ осѣдлыхъ козаковъ-землевладѣльцевъ преимущественно вербовалось реестровое козачество, получавшее отъ правительства жалованье. Съ теченіемъ времени реестровые раздѣлились на территориальные отряды, *полки*, по городамъ, служившимъ административными средоточіями округовъ, гдѣ жили козаки. Договоръ козаковъ съ короннымъ гетманомъ Конецпольскимъ въ 1625 г. установилъ реестровое козацкое войско въ 6 тыс. человекъ; оно дѣлилось тогда на шесть полковъ (Бѣлоцерковскій, Корсунскій, Каневскій, Черкасскій, Чигиринскій и Переяславскій); при Б. Хмельницкомъ полковъ было уже 16 и въ нихъ числилось свыше 230 сотенъ. Начало этого полкового дѣленія относятъ ко времени гетмана Сагайдачнаго († 1622 г.), который является вообще организаторомъ малороссійскаго козачества. Въ образѣ дѣйствій этого гетмана и вскрылся внутренний разладъ, таившійся въ самомъ складѣ козачества. Сагайдачный хотѣлъ рѣзко отдѣлить реестровыхъ козаковъ, какъ привилегированное сословіе, отъ простыхъ посполитыхъ крестьянъ, переходившихъ въ козаки, и на него жаловались, что при немъ воспольству было тяжело. Шляхтичъ самъ по происхожденію, онъ и на козачество переносилъ свои шляхетскія понятія. При такомъ отношеніи борьба козачества съ украин-

ской шляхтой получала особый характер: ея цѣлью становилось не очищеніе Украйны отъ пришлаго иноплеменнаго дворянства, а замѣщеніе его своимъ туземнымъ привилегированнымъ классомъ; въ реестровомъ козачествѣ готовилась будущая козацкая шляхта. Но истинная сила козачества заключалась не въ реестровыхъ. Реестръ даже въ составѣ 6 тысячъ вбиралъ въ себя не болѣе десятой доли того люда, который причислялъ себя къ козачеству и присвоилъ козацкія права. Это былъ вообще народъ бѣдный, бездомный, *юмота*, какъ его называли. Значительная часть его проживала въ панскихъ и шляхетскихъ вотчинахъ и въ качествѣ вольныхъ козаковъ не хотѣла нести одинаковыхъ съ посполитыми крестьянами повинностей. Польскіе управители и паны не хотѣли знать вольностей этого народа и старались повернуть вольницу въ посполство. Когда польское правительство нуждалось въ боевомъ содѣйствіи козаковъ, оно допускало въ козацкое ополченіе всѣхъ, реестровыхъ и нереестровыхъ, но по минованіи надобности вычеркивало, *выписывало* лишнихъ изъ реестра, чтобы вернуть ихъ въ прежнее состояніе. Эти *выписчики*, угрожаемые хлопской неволей, скоплялись въ своемъ убѣжищѣ Запорожьи и оттуда вели возстанія. Такъ зачинались козацкіе мятежи, которые идутъ съ 1624 г. на протяженіи 14 лѣтъ подъ предводительствомъ Жмайла, Тараса, Сулимы, Павлока, Острина и Гуни. Реестръ при этомъ или расходился на двѣ стороны, или весь становился за поляковъ. Всѣ эти возстанія были неудачны для козаковъ и кончились въ 1638 г. потерей важнѣйшихъ правъ козачества. Реестръ былъ обновленъ и поставленъ подъ команду польскихъ шляхтичей; мѣсто гетмана занялъ правительственный комиссаръ; осѣдлые козаки потеряли свои наследственные земли; нереестровые возвращены въ панскую неволю. Воль-

ное козачество было уничтожено. Тогда, по выраженію малороссійскаго лѣтописца, - всякую свободу у козаковъ отняли, тяжкія небывалыя подати наложили, церкви и службу церковную жидамъ запродали.

Ляхи и русскіе, русскіе и евреи, католики и уніаты, ^{Малороссій- ский во- просъ.} уніаты и православные, братства и архіереи, шляхта и посполство, посполство и козачество, козачество и мѣщанство, реестровые козаки и вольная голота, городовое козачество и Запорожье, козацкая старшина и козацкая чернь, наконецъ, козацкій гетманъ и козацкая старшина — всѣ эти общественныя силы, сталкиваясь и путаясь въ своихъ отношеніяхъ, попарно враждовали между собой и всѣ эти парныя вражды, еще скрытыя или уже вскрывшіяся, переплетаясь, затягивали жизнь Малороссіи въ такой сложный узелъ, распутать который не могъ ни одинъ государственный умъ ни въ Варшавѣ, ни въ Кіевѣ. Возстаніе Б. Хмельницкаго было попыткойъ разрубить этотъ узелъ козацкой саблей. Трудно сказать, предвидѣли ли въ Москвѣ это возстаніе и необходимость волей-неволей въ него вмѣшаться. Тамъ не спускали глазъ со Смоленской и Сѣверской земли и послѣ неудачной войны 1632—1634 гг. исподтишка готовились при случаѣ поправить неудачу. Малороссія лежала еще далеко за горизонтомъ московской политики, да и память о черкасахъ Лисовскаго и Сапѣги была еще довольно свѣжа. Правда, изъ Кіева засылали въ Москву съ заявленіями о готовности служить православному московскому государю, даже съ челобитьемъ къ нему взять Малороссію подъ свою высокую руку, ибо имъ, православнымъ малороссійскимъ людямъ, кромѣ государя дѣться негдѣ. Въ Москвѣ осторожно отвѣчали, что когда отъ поляковъ утѣсеніе въ вѣрѣ будетъ, тогда государь и подумаетъ, какъ бы вѣру православную отъ еретиковъ избавить. Съ самаго начала воз-

статія Хмельницькаго между Москвою и Малороссіей установились двусмысленныя отношенія. Успѣхи Богдана превзошли его помышленія: онъ вовсе не думалъ разрывать въ Рѣчью Посполитой, хотѣлъ только припугнуть зазнавшихся пановъ, а тутъ послѣ трехъ побѣдъ почти вся Малороссія очутилась въ его рукахъ. Онъ самъ признавался, что ему удалось сдѣлать то, о чемъ онъ и не помышлялъ. У него начала кружиться голова, особенно за обѣдомъ. Ему мерещилось уже Украинское княжество по Вислу съ великимъ княземъ Богданомъ во главѣ; онъ называлъ себя „единовладнымъ самодержцемъ русскимъ“, грозилъ всѣхъ ляховъ перевернуть вверхъ ногами, всю шляхту загнать за Вислу и т. д. Онъ очень досадовалъ на московскаго царя за то, что тотъ не помогъ ему съ самаго начала дѣла, не наступилъ тотчасъ на Польшу, и въ раздраженіи говорилъ московскимъ посламъ вещи, непригожія и къ концу обѣда, грозилъ сломать Москву, добраться и до того, кто на Москвѣ сидитъ. Простодушная похвальба смѣнялась униженнымъ, но не простодушнымъ раскаяніемъ. Эта измѣнчивость настроенія происходила не только отъ темперамента Богдана, но и отъ чувства лжи своего положенія. Онъ не могъ сладить съ Польшей одиными козацкими силами, а желательная внѣшняя помощь изъ Москвы не приходила, и онъ долженъ былъ держаться за крымскаго хана. Послѣ первыхъ побѣдъ своихъ онъ намекалъ на свою готовность служить московскому царю, если тотъ поддержитъ козаковъ. По въ Москвѣ медлили, выжидали, какъ люди, не имѣющіе своего плана, а чающіе его отъ хода событій. Тамъ не знали, какъ поступить съ мятежнымъ гетманомъ, принять ли его подъ свою власть, или только поддерживать изъ-за угла противъ поляковъ. Какъ подданный, Хмельницкій былъ менѣе удобенъ, чѣмъ какъ негласный союзникъ: поддан-

наго надобно защищать, а союзника можно покинуть по минованіи въ немъ надобности. Притомъ открытое заступничество за козаковъ вовлекало въ войну съ Польшей и во всю путаницу малороссійскихъ отношеній. Но и остаться безучастными къ борьбѣ значило выдать врагамъ православную Украину и сдѣлать Богдана своимъ врагомъ: онъ грозилъ, если его не поддержать изъ Москвы, наступать на нсе съ крымскими татарами, а не то, побившись съ ляхами, помириться да вмѣстѣ съ ними поворотиться на царя. Вскорѣ послѣ Зборовскаго договора, сознавая неизбежность новой войны съ Польшей, Богданъ высказалъ царскому послу желаніе въ случаѣ неудачи перейти со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ въ московскіе предѣлы. Только года черезъ полтора, когда Хмельницкій проигралъ уже вторую кампанію противъ Польши и потерялъ почти всѣ выгоды, завоеванныя въ первой, въ Москвѣ, наконецъ, признали эту мысль Богдана удобнѣйшимъ выходомъ изъ затрудненія и предложили гетману со всѣмъ войскомъ козацкимъ переселиться на просторныя и изобильныя земли государевы по рѣкамъ Дону, Медвѣдицѣ и другимъ угрожимъ мѣстамъ: это переселеніе не вовлекало въ войну съ Польшей, не загоняло козаковъ подъ власть султана турецкаго и давало Москвѣ хорошую пограничную стражу со стороны степи. Но событія не слѣдовали благоразумному темпу московской политики. Хмельницкій вынужденъ былъ къ третьей войнѣ съ Польшей при неблагопріятныхъ условіяхъ и усиленно молилъ московскаго царя принять его въ подданство; иначе ему остается отдаться подъ давно предлагаемую защиту турецкаго султана и хана крымскаго. Наконецъ въ началѣ 1653 г. въ Москвѣ рѣшили принять Малороссію въ подданство и воевать съ Польшей. Но и тутъ проволочили дѣло еще почти на годъ, только лѣтсмъ объявили

Хмельницкому о своемъ рѣшеніи, а осѣнью собрали земскій соборъ, чтобы обсудить дѣло по чину, потомъ еще подождали, пока гетманъ потерпѣлъ новую неудачу подъ Жванцемъ, снова выданный своимъ союзникомъ ханомъ, и только въ январѣ 1654 г. отобрали присягу отъ козаковъ. Послѣ капитуляціи подъ Смоленскомъ въ 1634 г. 13 лѣтъ ждали благоприятнаго случая, чтобы смыть позоръ. Въ 1648 г. поднялись козаки малороссійскіе. Польша очутилась въ отчаянномъ положеніи; изъ Украйны просили Москву помочь, чтобы обойтись безъ предательскихъ татаръ, и взять Украйну подъ свою державу. Москва не трогалась, боясь нарушить миръ съ Польшей, и 6 лѣтъ съ неподвижнымъ любопытствомъ наблюдала, какъ дѣло Хмельницкаго, испорченное татарами подъ Зборовомъ и Берестечкомъ, клонилось къ упадку, какъ Малороссія опустошалась союзниками татарами и звѣрски свирѣпою усобицей, и наконецъ, когда страна уже никуда не годилась, ее приняли подъ свою высокую руку, чтобы превратить правящіе украинскіе классы изъ польскихъ бунтарей въ озлобленныхъ московскихъ подданныхъ. Такъ могло идти дѣло только при обоюдномъ непониманіи сторонъ. Москва хотѣла прибрать къ рукамъ украинское воеводство, хотя бы даже безъ козацкой территоріи, а если и съ украинскими городами, то непременно подъ условіемъ, чтобы тамъ сидѣли московскіе воеводы съ дьяками, а Богданъ Хмельницкій рассчитывалъ стать чѣмъ-то въ родѣ герцога Чигиринскаго, правящаго Малороссіей подъ отдаленнымъ сюзереннымъ надзоромъ государя московскаго и при содѣйствіи козацкой знати, есауловъ, полковниковъ и прочей старшины. Не понимая другъ друга и не довѣряя одна другой, обѣ стороны во взаимныхъ сношеніяхъ говорили не то, что думали, и дѣлали то, чего не желали. Богданъ ждалъ отъ Москвы открытаго

разрыва съ Польшей и военнаго удара на нее съ востока, чтобы освободить Малороссію и взять ее подъ свою руку, а московская дипломатія, не разрывая съ Польшей, съ тонкимъ расчетомъ поджидала, пока козаки своими побѣдами доканаютъ ляховъ и заставятъ ихъ отступиться отъ мятежнаго края, чтобы тогда легально, не нарушая вѣчнаго мира съ Польшей, присоединить Малую Русь къ Великой. Жестоконъ насмѣшкой звучалъ московскій отвѣтъ Богдану, когда онъ мѣсяца за два до зборовскаго дѣла, имѣвшаго рѣшить судьбу Польши и Малороссіи, низко билъ челомъ царю „благословить рати своей наступить“ на общіихъ враговъ, а онъ въ Божіей часъ пойдетъ на нихъ отъ Украйны, моля Бога, чтобы правдивый и православный государь надъ Украйной царемъ и самодержцемъ былъ. На это видимо искреннее челобитіе изъ Москвы отвѣчали: вѣчнаго мира съ поляками нарушить нельзя, но *если король гетмана и все войско Запорожское освободитъ, то государь гетмана и все войско пожалуетъ, подъ свою высокую руку принять велитъ*. При такомъ обоюдномъ непониманіи и недоверіи обѣ стороны болѣе ушиблись объ то, чего не доглядѣли во-время. Отважная козацкая сабля и изворотливый дипломатъ, Богданъ былъ заурядный политическій умъ. Основу своей внутренней политики онъ разъ навеселѣ выказалъ польскимъ комиссарамъ: „провинится князь, рѣжь ему шею; провинится козаць, и ему тоже — вотъ будетъ правда“. Онъ смотрѣлъ на свое возстаніе, только какъ на борьбу козаковъ со шляхетствомъ, угнетавшимъ ихъ, какъ послѣднихъ рабовъ, по его выраженію, и признавался, что онъ со своими козаками ненавидитъ шляхту и пановъ до смерти. Но онъ не устранилъ и даже не ослабилъ той роковой соціальной розни, хотя ее и чуялъ, какая таилась въ самой козацкой средѣ, завелась до него и рѣзко

проявилась тотчасъ послѣ него: это — вражда козацкой старшины съ рядовымъ козачествомъ, „городовой и запорожской чернью“, какъ тогда называли его на Украинѣ. Эта вражда вызвала въ Малороссіи безконечныя смуты и привела къ тому, что правобережная Украина досталась туркамъ и превратилась въ пустыню. И Москва получила по заслугамъ за свою тонкую и осторожную дипломатію. Тамъ смотрѣли на присоединеніе Малороссіи съ традиционнополитической точки зрѣнія, какъ на продолженіе территориальнаго собиранія Русской земли, отторженіе обширной русской области отъ враждебной Польши къ вотчинѣ московскихъ государей, и по завоеваніи Бѣлоруссіи и Литвы въ 1655 г. поспѣшили внести въ царскій титулъ „всехъ Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца Литовскаго, Волынскаго и Подольскаго“. Но тамъ плохо понимали внутреннія общественныя отношенія Украины, да и мало занимались ими, какъ дѣломъ неважнымъ, и московскіе бояре недоумѣвали, почему это посланцы гетмана Выговскаго съ такимъ презрѣніемъ отзывались о запорожцахъ, какъ о пьяницахъ и игрокахъ, а между тѣмъ все козачество и съ самимъ гетманомъ зовется *Войскомъ Запорожскимъ*, и съ любопытствомъ спрашивали этихъ посланцовъ, гдѣ жилали прежніе гетманы, въ Запорожьѣ или въ городахъ, и изъ кого ихъ выбирали, и отсюда самъ Богданъ Хмельницкій избранъ. Очевидно, московское правительство, присоединивъ Малороссію, увидѣло себя въ тамошнихъ отношеніяхъ, какъ въ темномъ лѣсу. Зато малороссійскій вопросъ, такъ криво поставленный обѣими сторонами, затруднилъ и испортилъ виѣшнюю политику Москвы на нѣсколько десятилѣтій, завязилъ ее въ невылазныя малороссійскія дрязги, раздробилъ ея силы въ борьбѣ съ Польшей, заставилъ ее отказаться и отъ Литвы, и отъ Бѣлоруссіи

съ Волынью и Подоліей и еше-еже далъ возможность удержать лѣвобережную Украину съ Кіевомъ на той сторонѣ Днѣпра. Послѣ этихъ потерь Москва могла повторить про себя самое слова, какія однажды сказалъ, заплакавъ, Б. Хмельницкій въ упрекъ ей за неподаніе помощи во-время: „не того мнѣ хотѣлось и не такъ было тому дѣлу быть“.

Малороссійскій вопросъ своимъ прямымъ или косвеннымъ дѣйствіемъ усложнилъ внѣшнюю политику Москвы. Царь Алексѣй, начавъ войну съ Польшей за Малороссію въ 1654 г., быстро завоевалъ всю Бѣлоруссію и значительную часть Литвы съ Вильной, Ковной и Гродной. Въ то время какъ Москва забирала восточныя области Рѣчи Посполитой, на нее же напалъ съ сѣвера другой врагъ, шведскій король Карлъ X, который такъ же быстро завоевалъ всю Великую и Малую Польшу съ Краковомъ и Варшавой, выгналъ короля Яна Казимира изъ Польши и провозгласилъ себя польскимъ королемъ, наконецъ, даже хотѣлъ отнять Литву у царя Алексѣя. Такъ два непріятеля, бывшіе Польшу съ разныхъ сторонъ, столкнулись и поссорились изъ-за добычи. Царь Алексѣй вспомнилъ старую мысль царя Ивана о балтійскомъ побережьи, о Ливоніи, и борьба съ Польшей прервалась въ 1656 г. войной со Швеціей. Такъ опять сталъ на очередь забытый вопросъ о распространеніи территоріи Московскаго государства до естественнаго ея рубежа, до балтійскаго берега. Вопросъ ни на шагъ не продвинулся къ рѣшенію: Риги взять не удалось и скоро царь прекратилъ военныя дѣйствія, а потомъ заключилъ миръ со Швеціей (въ Кардисѣ 1661 г.), воротивъ ей всѣ свои завоеванія. Какъ ни была эта война безплодна и даже вредна Москвѣ тѣмъ, что помогла Польшѣ оправиться отъ шведскаго погрома, все же она помѣшала нѣсколько соединиться подъ властью одного короля двумъ государствамъ,

Балтійскій
вопросъ.

хотя одинаково враждебнымъ Москвѣ, но постоянно ослаблявшимъ свои силы взаимною враждой.

Восточный
вопросъ.

Уже умиравшій Богданъ и тутъ сталъ поперекъ дороги и друзьямъ, и недругамъ, обонимъ государствамъ, и тому, которому измѣнилъ, и тому, которому присягалъ. Испуганный сближеніемъ Москвы съ Польшей, онъ вошелъ въ соглашеніе со шведскимъ королемъ Карломъ X и трансильванскимъ княземъ Рагоца, и они втроемъ составили планъ раздѣла Рѣчи Посполитой. Истый представитель своего козачества, привыкшаго служить на всѣ четыре стороны, Богданъ перебивалъ слугой или союзникомъ, а подчасъ и предателемъ всѣхъ сосѣднихъ владѣтелей, и короля польскаго, и царя московскаго, и хана крымскаго, и султана турецкаго, и господаря молдавскаго, и князя трансильванскаго и кончилъ замысломъ стать вольнымъ удѣльнымъ княземъ малороссійскимъ при польско-шведскомъ королѣ, которымъ хотѣлось быть Карлу X. Эти предсмертныя возни Богдана и заставили царя Алексѣя кое-какъ кончить шведскую войну. Малороссія втянула Москву и въ первое прямое столкновеніе съ Турціей. По смерти Богдана началась открытая борьба козацкой старшины съ чернью. Преемникъ его Выговскій передался королю и съ татарами подъ Конотопомъ уничтожилъ лучшее войско царя Алексѣя (1659 г.). Ободренные этимъ и освободившись отъ шведовъ съ помощью Москвы, поляки не хотѣли уступать ей ничего изъ ея завоеваній. Началась вторая война съ Польшей, сопровождавшаяся для Москвы двумя страшными неудачами, пораженіемъ кн. Хованскаго въ Бѣлоруссіи и капитуляціей Шереметева подъ Чудновомъ на Волыни вслѣдствіе козацкой измѣны. Литва и Бѣлоруссія были потеряны. Преемники Выговскаго, сынъ Богдана Юрій и Тетеря измѣнили. Украйна раздѣлилась по Днѣпру на двѣ враждеб-

ныя половины, лѣвую московскую и правую польскую. Король захватилъ почти всю Малороссію. Обѣ борющіяся стороны дошли до крайняго истощенія: въ Москвѣ нечѣмъ стало платить ратнымъ людямъ и выпустили мѣдныя деньги по цѣнѣ серебряныхъ, что вызвало московскій бунтъ 1662 г.; Великая Польша взбунтовалась противъ короля подъ предводительствомъ Любомирскаго. Москва и Польша, казалось, готовы были выпить другъ у друга послѣднія капли крови. Ихъ выручилъ врагъ обѣихъ гетманъ Дорошенко, поддавшійся съ правобережной Украиной султану (1666 г.). Въ виду грознаго общаго врага Андрусовское перемиріе 1667 г. положило конецъ войнѣ. Москва удержала за собой области Смоленскую и Сѣверскую и лѣвую половину Украины съ Кіевомъ, стала широко растянутымъ фронтомъ на Днѣпрѣ отъ его верховьевъ до Запорожья, которое согласно своей исторической природѣ осталось въ межемочномъ положеніи, на службѣ у обѣихъ государствъ, Польскаго и Московскаго. Новая династія замолила свои столбовскіе, деулинскіе и поляновскіе грѣхи. Андрусовскій договоръ произвелъ крутой переломъ во внѣшней политикѣ Москвы. Руководителемъ ея вмѣсто осторожно-близорукаго Б. И. Морозова сталъ виновникъ этого договора А. Л. Ординъ-Нащокинъ, умѣвшій заглядывать впередъ. Онъ началъ разрабатывать новую политическую комбинацію. Польша перестала казаться опасной. Вѣковая борьба съ ней пріостановилась надолго, на цѣлое столѣтіе. Малороссійскій вопросъ заслонили другія задачи, имъ же и поставленныя. Онѣ направлены были на Ливонію, т.-е. Швецію, и на Турцію. Для борьбы съ той и другой нуженъ былъ союзъ съ Польшей, угрожаемой обѣими; она сама усиленно хлопотала объ этомъ союзѣ. Ординъ-Нащокинъ развилъ идею этого союза въ цѣлую систему. Въ запискѣ, поданной царю еще

до Андрусовскаго договора, онъ тремя соображеніями доказывалъ необходимость этого союза: только этотъ союзъ дастъ возможность покровительствовать православнымъ въ Польшѣ; только при тѣсномъ союзѣ съ Польшею можно удержать козаковъ отъ злой войны съ Великороссіей по наущенію хана и шведа; наконецъ, молдаване и волохи, теперь отдѣленные отъ православной Руси враждебной Польшею, при нашемъ союзѣ съ нею къ намъ пристанутъ и отпадутъ отъ турокъ, и тогда отъ самаго Дуная черезъ Днѣстръ изъ всѣхъ волоховъ, изъ Подолии, Червонной Руси, Волыни, Малой и Великой Руси составитя цѣльный многочисленный народъ христіанскій, дѣти одной матери, православной Церкви. Последнее соображеніе должно было встрѣтить въ царѣ особенное сочувствіе: мысль о турецкихъ христіанахъ давно занимала Алексѣя. Въ 1656 г. на Пасху, похристосовавшись въ церкви съ жившими въ Москвѣ греческими купцами, онъ спросилъ ихъ, хотятъ ли они, чтобы онъ освободилъ ихъ отъ турецкой неволи, и на понятный отвѣтъ ихъ продолжалъ: „когда вернетесь въ свою страну, просите своихъ архіереевъ, священниковъ и монаховъ молиться за меня, и по ихъ молитвамъ мой мечъ разсѣчетъ выю моихъ враговъ“. Потомъ съ обильными слезами онъ сказалъ, обращаясь къ боярамъ, что его сердце сокрушается о порабощеніи этихъ бѣдныхъ людей невѣрными и Богъ възыщетъ съ него въ день судный за то, что имѣя возможность освободить ихъ, онъ пренебрегаетъ этимъ, но онъ принялъ на себя обязательство принести въ жертву свое войско, казну, даже кровь свою для ихъ избавленія. Такъ рассказывали сами греческіе купцы. Въ договорѣ 1672 г. не задолго до нашествія султана на Польшу царь обязался помогать королю въ случаѣ нападенія турокъ и послать къ султану и хану отговаривать ихъ отъ

войны съ Польшей. Виды непривычныхъ союзниковъ далеко не совпадали: Польша прежде всего заботилась о своей внѣшней безопасности; для Москвы къ этому присоединялся еще вопросъ объ единовѣрцахъ и притомъ вопросъ обоюдосторонній — о турецкихъ христіанахъ съ русской стороны и о русскихъ магометанахъ съ турецкой. Такъ скрестились религіозныя отношенія на европейскомъ Востокѣ еще въ XVI в. Московскій царь Иванъ, какъ вы знаете, покори́лъ два магометанскія царства, Казанское и Астраханское. Но покоренные магометане съ надеждой и мольбой обращались къ своему духовному главѣ, преемнику халифовъ, султану турецкому, призывая его освободить ихъ отъ христіанскаго ига. Въ свою очередь подъ рукой турецкаго султана жило на Балканскомъ полуостровѣ многочисленное населеніе, единовѣрное и единоплеменное съ русскимъ народомъ. Оно также съ надеждой и мольбой обращалось къ московскому государю, покровителю православнаго Востока, призывая его освободить турецкихъ христіанъ отъ магометанскаго ярма. Мысль о борьбѣ съ турками при помощи Москвы тогда стала бойко распространяться среди балканскихъ христіанъ. Согласно договору московскіе послы поѣхали въ Константинополь отговорить султана отъ войны съ Рѣчью Посполитой. Знаменательныя вѣсти привезли они изъ Турціи. Проѣзжая по Молдавіи и Валахіи, они слышали такіе толки въ народѣ: „дажь бы только Богъ хотя малую побѣду одержать надъ турками христіанамъ, и мы тотчасъ стали бы промышлять надъ невѣрными“. Но въ Константинополѣ московскимъ посламъ сказали, что недавно приходили сюда послы отъ казанскихъ и астраханскихъ татаръ и отъ башьиръ, которые просили султана принять въ свое подданство царства Казанское и Астраханское, жалуюсь, что московскіе люди, нанавидя ихъ басурманскую вѣру,

многихъ изъ нихъ бьютъ до смерти и разоряютъ безпрестанно. Султанъ велѣлъ татарамъ потерпѣть еще немного и пожаловалъ челобитчиковъ халатами.

Европейскія
отношенія.

Такъ малороссійскій вопросъ потянулъ за собой два другихъ: вопросъ балтійскій — о приобрѣтеніи балтійскаго побережья и восточный — объ отношеніяхъ къ Турціи изъ-за балканскихъ христіанъ. Послѣдній вопросъ тогда вынашивался только въ идеѣ, въ благожелательныхъ помыслахъ царя Алексѣя и Ордина-Нащокина: тогда еще не под силу былъ русскому государству прямой практической приступить къ этому вопросу, и онъ пока сводился для московскаго правительства къ борьбѣ съ врагомъ, стоявшимъ на пути къ Турціи, съ Крымомъ. Этотъ Крымъ сидѣлъ бѣльмомъ на глазу у московской дипломатіи, входилъ досаднымъ элементомъ въ составъ каждой ея международной комбинаціи. Уже въ самомъ началѣ царствованія Алексѣя, не успѣвъ еще свести своихъ очередныхъ счетовъ съ Польшей, Москва склоняла ее къ наступательному союзу противъ Крыма. Когда Андрусовское перемиріе по Московскому договору 1686 г. превратилось въ вѣчный миръ и Московское государство впервые вступило въ европейскую коалицію, въ четверной союзъ съ Польшей, Германской имперіей и Венеціей противъ Турціи, Москва взяла на себя въ этомъ предпріятіи наиболѣе разученную ею партитуру, борьбу съ татарами, наступленіе на Крымъ. Такъ съ каждымъ шагомъ осложнялась внѣшняя политика Московскаго государства. Правительство завязывало вновь или восстанавливало порванныя связи съ обширнымъ кругомъ державъ, которыя были ему нужны по его отношеніямъ къ ближайшимъ враждебнымъ сосѣдямъ или которымъ оно было нужно по ихъ европейскимъ отношеніямъ. А Московское государство оказалось тогда нелишнимъ въ Европѣ. Въ пору

крайняго международнаго своего униженія, вскорѣ послѣ Смуты, оно не теряло извѣстнаго дипломатическаго вѣса. Международныя отношенія на Западѣ складывались тогда для него довольно благопріятно. Тамъ начиналась Тридцатилѣтняя война и отношенія государствъ теряли устойчивость; каждое искало вѣшной опоры, боясь одиночества. Московскому государству при всемъ его политическомъ безсиліи придавало силу его географическое положеніе и церковное значеніе. Французскій посоль Курмененъ, первый посоль изъ Франціи, явившійся въ Москву, не изъ одной только французской вѣжливости называлъ царя Михаила начальникомъ надъ восточной страной и надъ греческою вѣрою. Москва стояла въ тылу у всѣхъ государствъ между Балтійскимъ и Адриатическимъ моремъ и когда здѣсь международныя отношенія запутались и завязалась борьба, охватившая весь континентальный Западъ, каждое изъ этихъ государствъ заботилось обезпечить свой тылъ съ востока заключеніемъ союза или пріостановкой вражды съ Москвою. Вотъ почему съ самаго начала дѣятельности новой династіи кругъ вѣшнихъ сношеній Московскаго государства постепенно расширяется даже безъ усилій со стороны его правительства. Его вовлекаютъ въ различныя политическія и экономическія комбинаціи, складывавшіяся тогда въ Европѣ. Англія и Голландія помогаютъ царю Михаилу уладить дѣла съ враждебными ему Польшею и Швеціей, потому что Московія для нихъ выгодный рынокъ и удобный транзитный путь на востокъ, въ Персію, даже въ Индію. Французскій король предлагаетъ Михаилу союзъ тоже по торговымъ интересамъ Франціи на востокѣ, соперничая съ англичанами и голландцами. Самъ султанъ зоветъ Михаила воевать вмѣстѣ Польшу, а шведскій король Густавъ Адольфъ, обобравшій Москву по Столбовскому договору, имѣя общихъ

съ нею недруговъ въ Польшѣ и Австріи, внушаетъ московскимъ дипломатамъ идею антикатолическаго союза, соблазняетъ ихъ мыслью сдѣлать ихъ униженное отечество органическимъ и вліятельнымъ членомъ европейскаго политическаго міра, называетъ побѣдоносную шведскую армію, дѣйствовавшую въ Германіи, передовымъ полкомъ, бьющимся за Московское государство, и первый заводитъ постоянного резидента въ Москвѣ. Государство царя Михаила было слабѣе государства царей Ивана и Федора, но было гораздо менѣе одинокимъ въ Европѣ. Еще въ большей степени можно сказать это о государствѣ царя Алексѣя. Приѣздъ иноземнаго посольства становится тогда привычнымъ явленіемъ въ Москвѣ. Московскіе послы ѣздить ко всевозможнымъ европейскимъ дворамъ, даже къ испанскому и тосканскому. Впервые московская дипломатія выходитъ на такое широкое поприще. Съ другой стороны, то теряя, то приобрѣтая на западныхъ границахъ, государство непрерывно продвигалось на востокъ. Русская колонизація, еще въ XVI в. перевалившая за Уралъ, въ продолженіе XVII в. уходитъ далеко въ глубь Сибири и достигаетъ китайской границы, расширяя московскую территорію уже къ половинѣ XVII в. по крайней мѣрѣ тысячъ на 70 кв. миль, если только можно прилагать какую-либо геометрическую мѣру къ тамошнимъ приобрѣтеніямъ. Эти успѣхи колонизаціи на востокъ привели Московское государство въ столкновеніе и съ Китаемъ.

Значеніе
внѣшней
политики.

Такъ осложнились и затруднялись внѣшнія отношенія государства. Они оказали разностороннее дѣйствіе на его внутреннюю жизнь. Учащавшіяся войны все оцутительнѣе давали чувствовать неудовлетворительность домашнихъ порядковъ и заставляли присматриваться къ чужимъ. Учащавшіяся посольства умножали случаи для поучительныхъ на-

блюденій. Болѣе близкое знакомство съ западно-европейскимъ міромъ выводило хотя бы только правящія сферы изъ закодированнаго предразсудками и одиночествомъ круга московскихъ понятій. Но всего болѣе войны и наблюденія давали чувствовать скудость своихъ матеріальныхъ средствъ, доисторическую невооруженность и малую производительность народнаго труда, неумѣлость прибыльнаго его приложенія. Каждая новая война, каждое пораженіе несло правительству новыя задачи и заботы, народу новыя тяжести. Выѣшняя политика государства вынуждала все большее напряженіе народныхъ силъ. Достаточно краткаго перечня войнъ, вѣденныхъ первыми тремя царями новой династїи, чтобы почувствовать степень этого напряженія. При царѣ Михаилѣ шли двѣ войны съ Польшею и одна со Швеціей; всѣ три кончились неудачно. При Михайловомъ преемникѣ шли опять двѣ войны съ Польшею за Малороссію и одна со Швеціей; двѣ изъ нихъ кончились опять неудачно. При царѣ Федорѣ шла тяжелая война съ Турціей, начавшаяся при его отцѣ въ 1673 г. и кончившаяся бесполезнымъ Бахчисарайскимъ перемиріемъ въ 1681 г.: западная заднѣпровская Украина осталась за турками. Если вы считаете продолжительность всѣхъ этихъ войнъ, увидите, что на какія-нибудь 70 лѣтъ (1613—1682) приходится до 30 лѣтъ войны, иногда одновременно съ нѣсколькими неприятелями.

Лекція XLVII.

Колебанія во внутренней жизни Московскаго государства XVII в. — Два ряда нововведеній. — Направленіе законодательства и потребность въ новомъ сводѣ законовъ. — Московскій мятежъ 1648 г. и его отношеніе къ Уложенію. — Приговоръ 16 іюля 1648 г. о составленіи Уложенія и исполненіе приговора. — Письменные источники Уложенія. — Участіе соборныхъ выборныхъ въ его составленіи. — Приемы составленія. — Значеніе Уложенія. — Новыя идеи. — Новоуказныя статьи.

Возвращаемся ко внутренней жизни Московскаго государства. Изъ обзора ближайшихъ слѣдствій Смуты и внѣшней политики государства мы видѣли, что правительство новой династїи стало передъ трудными внѣшними задачами съ скудѣвшими наличными средствами, матеріальными и нравственными. Гдѣ оно будетъ искать недостававшихъ ему средствъ и какъ найдетъ ихъ — вотъ вопросъ, который теперь намъ предстоитъ изучить.

Колебанія.

Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы переберемъ всѣ наиболѣе видныя явленія нашей внутренней жизни. Они очень сложны, идутъ различными, часто пересѣкающимися и иногда встрѣчными теченіями. Но можно разглядѣть ихъ общій источникъ: это былъ тотъ же глубокой переломъ, произведенный Смутнымъ временемъ въ умахъ и отношеніяхъ, на который я уже указывалъ, говоря о ближайшихъ слѣдствіяхъ Смуты. Онъ состоялъ въ томъ, что пошатнулся обычай, на которомъ держался государственннй порядокъ

при старой династїи, перервалось преданіе, которымъ руководились созидатели и охранители этого порядка. Когда люди перестаютъ дѣйствовать по привычкѣ, выпускаютъ изъ рукъ нить преданія, они начинаютъ усиленно и суетливо размышлять, а размышленіе дѣлаетъ ихъ мнительными и колеблющимися, заставляетъ ихъ пугливо пробовать различные способы дѣйствія. Этой робостью отличались и московскіе государственные люди XVII в. Въ нихъ обиліе новыхъ понятій, плодъ тяжкаго опыта и усиленнаго размышленія, совмѣщалось съ шаткостью политической поступи, съ измѣнчивостью направленій, признакомъ непривычки къ своему положенію. Сознвая несоразмѣрность наличныхъ средствъ съ задачами, ставшими на очередь, они сначала ищутъ новыхъ средствъ въ старыхъ домашнихъ національныхъ источникахъ, напрягаютъ силы народа, чинятъ и до-строиваютъ или возстановляютъ порядокъ, завѣщанный отцами и дѣдами. Но замѣчая истощеніе домашнихъ источниковъ, они хлопотливо бросаются на-сторону, привлекаютъ иноземныя силы въ подмогу изнемогающимъ своимъ, а потомъ опять впадаютъ въ пугливое раздумье, не зашли ли слишкомъ далеко въ уклоненіи отъ родной старины, нельзя ли обойтись своими домашними средствами, безъ чужой помощи. Эти направленія, смѣняясь одно другимъ, во второй половинѣ XVII в. идутъ нѣкоторое время рядомъ, а въ концѣ его сталкиваются, производятъ рядъ политическихъ и церковныхъ потрясеній и переступивъ въ XVIII в., сливаются въ петровской реформѣ, которая насильственно вгоняетъ ихъ въ одно русло, направляетъ къ одной цѣли. Вотъ въ общихъ чертахъ ходъ внутренней жизни Московскаго государства съ окончанія Смуты до начала XVIII в. Теперь обратимся къ изученію отдѣльныхъ его моментовъ.

Два ряда нововведеній.

Какъ ни старалась новая династія дѣйствовать въ духѣ старой, чтобы заставить забыть, что она новая и потому менѣе законна, ей нельзя было обойтись безъ нововведеній. Смута такъ много поломала стараго, что самое возстановленіе разрушеннаго неизбѣжно получало характеръ обновленія, реформы. Нововведенія идутъ прерывистымъ рядомъ съ перваго царствованія новой династіи до конца вѣка, подготовляя преобразованія Петра Великаго. Согласно съ двумя указанными сейчасъ направленіями въ жизни Московскаго государства въ потокѣ этихъ подготовительныхъ нововведеній можно различить двѣ струи неодинаковаго происхожденія и характера, хотя по временамъ онѣ соприкасались и какъ будто даже сливались одна съ другою. Реформы одного ряда велись домашними средствами, безъ чужой помощи, по указаніямъ собственнаго опыта и разумѣнія. А такъ какъ домашнія средства состояли только въ расширеніи государственной власти насчетъ общественной свободы и въ стѣсненіи частнаго интереса во имя государственныхъ требованій, то каждая реформа этого порядка сопровождалась какой-либо тяжелой жертвой для народнаго благосостоянія и общественной свободы. Но въ людскихъ дѣлахъ есть своя внутренняя закономерность, не поддающаяся усмотрѣнію людей, которые ихъ дѣлаютъ, и обыкновенно называемая *силою вещей*. Съ перваго приступа къ реформамъ *по-своему* стала чувствоваться ихъ недостаточность или безуспѣшность, и тѣмъ болѣе росло это чувство, тѣмъ настойчивѣе пробивалась мысль о необходимости подражанія *чужому* или заимствованій со-стороны.

Потребность въ своѣхъ законахъ.

По самой цѣли самобытныхъ нововведеній, направленныхъ къ охранѣ или возстановленію разрушеннаго Смутой порядка, они отличались московской осторожностью и неполнотой, вводили новыя формы, новые приемы дѣйствія, избѣгая

новыхъ началъ. Общее направленіе этой обновительной дѣятельности можно обозначить такими чертами: предполагалось произвести въ государственномъ строѣ пересмотръ безъ переворота, частичную починку безъ перестройки цѣлаго. Прежде всего необходимо было упорядочить людскія отношенія, спутанныя Смутой, уложить ихъ въ твердыя рамки, въ точныя правила. Здѣсь правительству царя Михаила приходилось бороться со множествомъ затрудненій: нужно было все восстанавливать, чуть не сызнова строить государство — дотога былъ разбитъ весь его механизмъ. Авторъ упомянутой псковской повѣсти о Смутномъ времени прямо говорить, что при царѣ Михаилѣ „царство вновь строится начать“. Царствованіе Михаила было временемъ оживленной законодательной дѣятельности правительства, касавшейся самыхъ разнообразныхъ сторонъ государственной жизни. Благодаря тому къ началу царствованія Михаила преемника накопился довольно обильный запасъ новыхъ законовъ и почувствовалась потребность разобраться въ немъ. По установившемуся порядку московскаго законодательства новые законы издавались преимущественно по запросамъ изъ того или другаго московскаго приказа, вызывавшимся судебно-административной практикой каждаго, и обращались къ руководству и исполненію въ тотъ приказъ, вѣдомства котораго они касались. Тамъ согласно съ одной статьей Судебника 1550 г. новый законъ приписывали къ этому своду. Такъ основной кодексъ подобно стволу дерева давалъ отъ себя вѣтви въ разныхъ приказахъ: этими продолженіями Судебника были *указныя книги* приказовъ. Надобно было объединить эти вѣдомственные продолженія Судебника, свести ихъ въ одинъ цѣльный сводъ, чтобы избѣгнуть повторенія случая, едва ли одиночнаго, какой былъ при Грозномъ: А. Алашевъ внесъ въ Боярскую думу изъ своего

Челобитнаго приказа законодательный запросъ, который былъ уже рѣшенъ по запросу изъ Казеннаго приказа, и дума, какъ бы позабывъ сама недавнее выраженіе своей воли, велѣла казначеямъ записать въ ихъ указную книгу законъ, ими уже записанный. Бывало и такъ, что иной приказъ искалъ по другимъ закона, записаннаго въ его собственной указной книгѣ. Понятно, какъ дьякъ невѣжа могъ путать дѣла, а дьякъ дока вертѣтъ ими. Эту собственно кодификаціонную потребность, усиленную приказными злоупотребленіями, можно считать главнымъ побужденіемъ, вызвавшимъ новый сводъ и даже частью опредѣлившимъ самый его характеръ. Можно замѣтить или предположить и другія условія, повліявшія на характеръ новаго свода. Необычайное положеніе, въ какомъ очутилось государство послѣ Смуты, неизбежно возбуждало новыя потребности, ставило правительству непривычныя задачи. Эти государственныя потребности скорѣе, чѣмъ вынесенныя изъ Смуты новыя политическія понятія, не только усилили движеніе законодательства, но и сообщили ему новое направленіе, несмотря на все стараніе новой династіи сохранить вѣрность старинѣ. До XVII в. московское законодательство носило казуальный характеръ, давало отвѣты на отдѣльные текущіе вопросы, какіе ставила правительственная практика, не касаясь самыхъ основаній государственнаго порядка. Замѣной закона въ этомъ отношеніи служилъ старый обычай, всѣмъ знакомый и всѣми признаваемый. Но какъ скоро этотъ обычай пошатнулся, какъ скоро государственный порядокъ сталъ сходить съ привычной колеи преданія, тотчасъ возникла потребность замѣнить обычай точнымъ закономъ. Вотъ почему законодательство при новой династіи получаетъ болѣе органическій характеръ, не ограничивается разработкой частныхъ, конкретныхъ случаевъ государствен-

наго управленія и подходит все ближе къ самымъ основаніямъ государственнаго порядка, пытается, хотя и неудачно, уяснить и выразить его начала.

Труднѣе установить отношеніе Уложенія къ московскому мятежу 1648 г., случившемуся мѣсяца за полтора до приговора государя съ думой составить новый сводъ законовъ. Въ этомъ мятежѣ явственно всерылось положеніе новой династіи. Два первые царя ея не пользовались народнымъ уваженіемъ. Несмотря на свое земское происхожденіе эта династія довольно скоро вошла въ привычки старой, стала смотрѣть на государство, какъ на свою вотчину, и управлять имъ по-домашнему, съ благодушной небрежностью вотчинной усадьбы, вообще успѣшно перенимала недостатки прежней династіи, можетъ быть, потому, что больше перенимать было нечего. Изъ плохихъ остатковъ разбитаго боярства съ примѣсью новыхъ людей не лучше ихъ составился придворный кругъ, которому очень хотѣлось стать правящимъ классомъ. Вліятельнѣйшую часть этого круга составляли царскіе и особенно царицны родственники и любимцы. Престоль новой династіи надолго облегла атмосфера придворнаго фавора; временщики длиннымъ рядомъ тянутся по тремъ первымъ царствованіямъ: Салтыковы, кн. Репнинъ, опять Салтыковы при Михаилѣ, Морозовъ, Милославскіе, Никонъ, Хитрово при Алексѣѣ, Языковъ и Лихачевъ при Федорѣ. Самъ патріархъ Филаретъ титуломъ второго великаго государя приерывалъ въ себѣ самаго обыкновеннаго временщика, вовсе непохожаго на обходительнаго боярина, какимъ онъ былъ прежде, и назначившаго себѣ преемникомъ на патріаршемъ престолѣ чловѣка, все достоинство котораго заключалось лишь въ томъ, что онъ былъ дворовымъ сыномъ боярскимъ, попросту холопомъ Филарета. Какъ нарочно три первые царя вступали на

Мятежъ
1648 г.

престолъ въ незрѣломъ возрастѣ, оба первые 16-ти лѣтъ, третій 14-ти. Пользуясь сначала ихъ молодостью, а потомъ безхарактерностью, правящая среда развила въ управленіи произволъ и жорыстолюбіе въ размѣрахъ, которымъ позавидовали бы худшіе дьяки временъ Грознаго, кормившіе царя одной половиной казенныхъ доходовъ, а другую приберегавшіе себѣ, по выраженію тогдашнихъ московскихъ эмигрантовъ. Вспомогательнымъ поощреніемъ правительственныхъ злоупотребленій служила и привилегированная ихъ наказуемость: царь Михаилъ обязался, какъ мы знаемъ, людей вельможныхъ родовъ не казнить смертью ни за какое преступленіе, а только ссылатъ въ заточеніе, и при царѣ Алексѣѣ бывали случаи, когда за одно и то же преступленіе высокіе чины подвергались только царскому гнѣву или отставкѣ, а дьякамъ, подьячимъ и простымъ людямъ отсѣкали руки и ноги. Эти обязательства, принятые передъ боярами негласно, необнародованныя, составляли коренную ложь въ положеніи новой династіи и придавали ея воцаренію видъ царско-боярскаго заговора противъ народа. Характерно въ этомъ смыслѣ выраженіе Котошихина о царѣ Михаилѣ, что „хотя онъ самодержцемъ писался, однако безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлать ничего“, но радъ былъ покою, прибавляетъ къ этому Татищевъ, т.-е. предоставилъ все управленіе боярамъ. Народъ своимъ стихійнымъ чутьемъ понялъ эту ложь, и воцареніе новой династіи стало эрой народныхъ мятежей. Царствованіе Алексѣя въ особенности было „бунтатшнымъ временемъ“, какъ его тогда называли. Къ тому времени окончательно сложился въ составѣ московскаго общества и управленія типъ „сильнаго человѣка“ или „временника“, по тогдашнему выраженію. Это — властное лицо, заручившійся льготами землевладѣлецъ, свѣтскій либо духовный, или пріятный при дворѣ правитель, крѣпкій вѣрой

въ свою безнаказанность и достаточно безсовѣстный, чтобы всегда быть готовымъ, пользуясь своею мочью и общимъ безправіемъ, употребить силу надъ беззаступнымъ людомъ, „затѣснить и избидѣть многими обидами“. Это было едва ли не самое характерное и особенно удавшееся произведеніе внутренней политики новой династіи, выросшее въ московской правительственной средѣ изъ мысли, что царь въ ея рукахъ и безъ нея не обойдется. Простой народъ относился къ этимъ временщикамъ съ самой задушевной ненавистью. Московскій юньскій мятежь 1648 г., отозвавшійся во многихъ другихъ городахъ, былъ яркимъ выраженіемъ этого чувства. Столичное простонародье было особенно избижено сильными людьми, свѣтскими и духовными, не отстававшими отъ свѣтскихъ, патріархомъ, епископами, монастырями: выгонныя земли города были расхищены и заняты подъ слободы, загородные дворы и огороды, проѣзды въ окрестные лѣса распаханы, такъ что московскому простому обывателю некуда стало ни выгнать животину, ни проѣхать за дровами, чего искони при прежнихъ государяхъ не бывало. Юньскій бунтъ и былъ возстаніемъ „черныхъ людей“ на „сильныхъ“, когда „всколыбалася чернь на бояръ“ и принялась грабить боярскіе, дворянскіе и дьячьи дворы и избивать наиболѣе ненавистныхъ правителей. Острастка возымѣла сильное дѣйствіе: дворъ перепугался; принялись задабривать столичное войско и чернь; стрѣльцовъ поили по приказу царя; царскій тестъ нѣсколько дней сряду угощалъ у себя въ домѣ выборныхъ изъ московскихъ тяглыхъ обывателей; самъ царь во время крестнаго хода говорилъ рѣчь народу, звучавшую извиненіемъ, со слезами „упрашивалъ у черни“ свояка и дорогого человека Морозова; на обѣщанія не скупился. „Мира“ стали бояться; пошли толки, что государь сталъ милостивъ, сильныхъ

изъ царства выводить, сильныхъ побиваютъ ослопьемъ да каменьемъ. При старой династїи Москва не переживала такихъ бурныхъ проявленій народнаго озлобленія противъ правящихъ классовъ, не видывала такой быстрой смѣны пренебреженія къ народу заискиваніемъ передъ толпой, не слыхала такихъ непригожихъ рѣчей про царя, какія пошли послѣ мятежа: „царь глупъ, глядеть все изо рта у бояръ Морозова и Милославскаго, они всѣмъ владѣютъ и самъ государь все это знаетъ да молчитъ, чортъ у него умъ отнялъ“. Не лѣтній московскій мятежъ 1648 г., скоро отозвавшійся и въ другихъ городахъ, внушилъ мысль объ Уложеніи — на то были свои причины; но онъ побудилъ правительство привлечь къ участию въ этомъ дѣлѣ земскихъ представителей: на земскій соборъ, созванный на 1 сентября того же года для выслушанія и подписи свода, правительство смотрѣло, какъ на средство умиротворенія народа. Можно повѣрить патріарху Никону, который писалъ, какъ о дѣлѣ всѣмъ вѣдомомъ, что этотъ соборъ былъ созванъ не добровольно, „боязни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя правды ради“. Несомнѣнно, эти мятежи, не бывъ первоначальной причиной предпринятой кодификаціонной работы, однако отразились на ея ходѣ: правительственный испугъ испортилъ дѣло.

Приговоръ
16 июля.

Мысль составить Уложенію, починъ дѣла исходилъ отъ государя съ тѣснымъ соборомъ, т.-е. правительственнымъ совѣтомъ, состоявшимъ изъ Освященнаго собора и Боярской думы. Въ грамотахъ, разосланныхъ по областямъ лѣтомъ 1648 г., было объявлено, что велѣно написать Уложенную книгу по указу государя и патріарха, по приговору бояръ и по челобитью стольниковъ и стряпчихъ и всѣякихъ чиновъ людей. Трудно догадаться, когда и какъ было представлено правительству это челобитье всѣхъ чиновъ, даже было ли

когда-либо представлено. Говорить от имени всей земли было привычкой московских правительствъ, смѣнявшихся по пресѣченіи старой династіи. При новыхъ царяхъ челобитье „всякихъ чиновъ людей“ сдѣлалось стереотипной формулой, которой хотѣли оправдать всякое большое правительственное дѣло, не стѣсняясь точностью выражений: достаточно было какой-либо случайно составившейся группѣ людей разныхъ чиновъ обратиться съ ходатайствомъ на государево имя, чтобы вызвать указъ „по челобитью всѣхъ чиновъ людей“. Приказная поддѣлка подъ народную волю стала своего рода политической фикціей, сохранившейся для извѣстныхъ случаевъ доселѣ въ видѣ пережитка съ чисто-условнымъ значеніемъ. Достоверно то, что 16 июля 1648 г. государь съ Боярской думой и Освященнымъ соборомъ приговорилъ выбрать „пристойныя къ государственнымъ и земскимъ дѣламъ статьи“ изъ правилъ апостольскихъ и св. отцовъ, изъ законовъ греческихъ царей, а также собрать указы прежнихъ русскихъ государей и боярскіе приговоры, „справить“ эти указы и приговоры со старыми судебниками, а по какимъ дѣламъ въ судебникахъ прежнихъ государей указа не положено и боярскихъ приговоровъ не было, написать новыя статьи и все это сдѣлать „общимъ совѣтомъ“. Составить проектъ Уложенія поручено было особой кодификаціонной комиссіи изъ 5 членовъ, изъ бояръ князей Одоевскаго и Прозоровскаго, окольничаго кн. Волконскаго и двухъ дьяковъ, Леонтьева и Грибоѣдова. Все это были люди не особенно вліятельные, ничѣмъ не выдававшіеся изъ придворной и приказной среды; о кн. Одоевскомъ самъ царь отзывался пренебрежительно, раздѣляя общее мнѣніе Москвы; только дьякъ Грибоѣдовъ оставилъ по себѣ слѣдъ въ нашей письменности составленнымъ позднѣе, вѣроятно, для царскихъ дѣтей, первымъ у насъ

учебникомъ русской исторіи, гдѣ авторъ производитъ новую династію черезъ царицу Анастасію отъ сына небывалаго „государя Прусской земли“ Романова, сродника Августу, кесарю римскому. Три главные члена этой комиссіи были думные люди: значить, этотъ „приказъ кн. Одоевскаго съ товарищи“, какъ онъ называется въ документахъ, можно считать комиссіей думы. Комиссія выбирала статьи изъ указанныхъ ей въ приговорѣ источниковъ и составляла новыя; тѣ и другія писались „въ докладъ“, представлялись государю съ думой на разсмотрѣніе. Между тѣмъ къ 1 сентября 1648 г. въ Москву созваны были выборные изъ всѣхъ чиновъ государства, служившихъ и торгово-промышленныхъ посадскихъ; выборные отъ сельскихъ или уѣздныхъ обывателей, какъ отъ особой куріи, не были призваны. Съ 3 октября царь съ духовенствомъ и думными людьми слушалъ составленный комиссіей проектъ Уложенія, и въ то же время его читали выборнымъ людямъ, которые къ тому „общему совѣту“ были призваны изъ Москвы и изъ городовъ, „чтобы то все Уложеніе впредь было прочно и неподвижно“. Затѣмъ государь указалъ высшему духовенству, думнымъ и выборнымъ людямъ закрѣпить списокъ Уложенія своими руками, послѣ чего оно съ подписями членовъ собора въ 1649 г. было напечатано и разослано во всѣ московскіе приказы и по городамъ въ воеводскія канцеляріи для того, чтобы „всякія дѣла дѣлать по тому Уложенію“.

Составленіе
свода.

Такова внѣшняя исторія памятника, какъ она рассказана въ официальномъ къ нему предисловіи. На комиссію возложена была двоякая задача: во-первыхъ, собрать, разобрать и переработать въ цѣльный сводъ дѣйствующіе законы, разновременные, несогласенные, разбросанные по вѣдомствамъ, и потомъ нормировать случаи, не предусмотрѣнные этими законами. Вторая задача была особенно трудна.

Коммиссія не могла ограничиться собственной юридической предусмотрительностью и своимъ правовымъ разумѣніемъ, чтобы установить такіе случаи и найти нормы для ихъ опредѣленія. Необходимо было знать общественныя нужды и отношенія, изучить правовой разумъ народа, а также практику судебныхъ и административныхъ учреждений; по крайней мѣрѣ, мы такъ посмотрѣли бы на такую задачу. Въ первомъ дѣлѣ коммиссіи могли помочь своими указаниями выборные; для второго ей надобно было пересмотрѣть дѣло-производство тогдашнихъ канцелярій, чтобы найти прецеденты, „примѣрные случаи“, какъ тогда говорили, чтобы видѣть, какъ рѣшали не предусмотрѣнные закономъ вопросы областные правители, центральные приказы, самъ государь съ Боярской думой. Предстояла обширная работа, требовавшая долгихъ и долгихъ лѣтъ. Впрочемъ до такого мечтательнаго предпріятія дѣло не дошло: рѣшили составить Уложеніе ускореннымъ ходомъ, по упрощенной программѣ. Уложеніе раздѣлено на 25 главъ, содержащихъ въ себѣ 967 статей. Уже къ октябрю 1648 г., т.-е. въ два съ половиной мѣсяца, изготовлено было къ докладу 12 первыхъ главъ, почти половина всего свода; ихъ и началъ съ 3 октября слушать государь съ думой. Остальныя 13 главъ были составлены, заслушаны и утверждены въ думѣ къ концу января 1649 г., когда закончилась дѣятельность коммиссіи и всего собора и Уложеніе было закончено въ рукописи. Значитъ, этотъ довольно обширный сводъ составленъ былъ всего въ полгода съ чѣмъ-нибудь. Чтобы объяснить такую быстроту законодательной работы, надобно припомнить, что Уложеніе составлялось среди тревожныхъ вѣстей о мятежахъ, вспыхивавшихъ вслѣдъ за іюньскимъ московскимъ бунтомъ въ Сольвычегодскѣ, Козловѣ, Талицѣ, Устюгѣ и другихъ городахъ, и заканчивалось въ январѣ 1649 г.

подъ вліяніемъ толковъ о готовившемся новомъ возстаніи въ столицѣ. Торопились покончить дѣло, чтобы соборные выборные успѣли разнести по своимъ городамъ рассказы о новомъ курсѣ московскаго правительства и объ Уложеніи, обѣщавшемъ всѣмъ „ровную“, справедливую расправу.

Источники. Дѣйствительно, Уложеніе составлялось наспѣхъ, кое-какъ и сохранило на себѣ слѣды этой спѣшности. Не погружаясь въ изученіе всего приказнаго матеріала, комиссія ограничилась основными источниками, указанными ей въ приговорѣ 16 іюля. Это были Кормчая, именно вторая ея часть, заключающая въ себѣ кодексы и законы греческихъ царей (лекція XIII), московскіе судебники, собственно Судебникъ царскій, и дополнительные къ нему указы и боярскіе приговоры, т.-е. указныя книги приказовъ. Эти указныя книги — самый обильный источникъ Уложенія. Цѣлый рядъ главъ свода составленъ по этимъ книгамъ съ дословными или измѣненными выдержками: напримѣръ, двѣ главы о помѣстьяхъ и вотчинахъ составлены по книгѣ Помѣстнаго приказа, глава „о холопѣхъ судѣ“ по книгѣ приказа Холопьяго суда, глава „о разбойныхъ и о татинныхъ дѣлахъ“ по книгѣ Разбойнаго приказа. Кромѣ этихъ основныхъ источниковъ комиссія пользовалась и вспомогательными. Своеобразное употребленіе сдѣлала она изъ памятника сторонняго, Литовскаго Статута 1588 г. Въ сохранившемся подлинномъ свитѣ Уложенія встрѣчаемъ неоднократныя ссылки на этотъ источникъ. Составители Уложенія, пользуясь этимъ кодексомъ, слѣдовали ему, особенно при составленіи первыхъ главъ, въ расположеніи предметовъ, даже въ порядкѣ статей, въ подборѣ казусовъ и отношеній, требовавшихъ законодательнаго опредѣленія, въ постановкѣ правовыхъ вопросовъ, но отвѣтовъ искали всегда въ своемъ туземномъ правѣ, брали формулы самыхъ нормъ, правовыхъ положеній, но только общихъ тому и дру-

гому праву или безразличныхъ, устраняя все ненужное или несродное праву и судебному порядку московскому, вообще перерабатывали все, что заимствовали. Такимъ образомъ Статутъ послужилъ не столько юридическимъ источникомъ Уложенія, сколько кодификаціоннымъ пособіемъ для его составителей, давалъ имъ готовую программу.

Коммиссіи пришлось черпать еще изъ одного вспомогательнаго источника, тѣмъ болѣе важнаго, что это былъ источникъ живой, не архивный: разумью самый соборъ, точнѣе, соборныхъ выборныхъ, призванныхъ выслушать и подписать Уложеніе. Мы видѣли, какъ составлялся сводъ: инициатива дѣла шла отъ государя съ Боярской думой, проектъ свода былъ выработанъ канцелярскимъ порядкомъ, коммиссіей думы при содѣйствіи приказовъ, доставлявшихъ матеріалы и справки, рассмотрѣнъ, исправленъ и утвержденъ той же думой, а соборнымъ выборнымъ прочитанъ, сообщенъ къ свѣдѣнію и для подписи. Однако земское представительство не оставалось лишь страдательнымъ слушателемъ свода, помимо него заготовленнаго. Правда, ни изъ чего не видно, чтобы статья Уложенія при чтеніи выборнымъ обсуждалась ими; читая имъ статью за статью, у нихъ не спрашивали, *да* или *нѣтъ*; однако имъ предоставлено было значительное участіе въ дѣлѣ, принимавшее довольно разнообразныя формы. Приговоръ 16 іюля не имѣлъ въ виду новаго кодекса: онъ поручилъ коммиссіи только свести и согласить наличный запасъ законодательства, „государскіе указы и боярскіе приговоры со старыми судебниками справить“. Новыми статьями коммиссія только пополняла пробѣлы дѣйствующихъ законовъ. Она должна была дѣлать свое дѣло „общимъ совѣтомъ“ съ земскими выборными, которыхъ для того и призвали, чтобы быть на Москвѣ „для государева и земскаго дѣла съ государевыми боя-

Участіе
соборныхъ
выборныхъ

рами“ кн. Одоевскимъ съ товарищами или „быть у нихъ въ приказѣ“. Земскіе представители, значить, вводились въ составъ кодификаціонной комиссіи или при ней состояли. Знакомясь съ изготовлявшимся проектомъ, выборные, какъ свидущіе люди, указывали кодификаторамъ, что въ немъ слѣдуетъ измѣнить или пополнить, заявляли о своихъ нуждахъ, а комиссія облакала эти заявленія и указанія въ форму земскихъ челобитныхъ, которыя вносила въ думу. Тамъ по этимъ челобитнымъ „приговаривали“, давали рѣшенія, которыя объявлялись выборнымъ, какъ законы, и вносились въ Уложеніе. Такъ выборнымъ открытъ былъ путь къ участию въ самомъ проектѣ Уложенія. Трудно сказать, какъ происходили эти совѣщанія комиссіи, въ общемъ ли собраніи выборныхъ, которыхъ было не менѣе 290, или по какой-либо группировкѣ. Знаемъ, что 30 октября 1648 г. выборные отъ служилыхъ и посадскихъ торговыхъ людей подали въ комиссію отдѣльныя челобитныя о поворотѣ въ посадское тягло подгородныхъ слободъ, городскихъ дворовъ и торгово-промышленныхъ заведеній, принадлежавшихъ нетяглымъ владѣльцамъ. Комиссія объединила объ эти челобитныя и внесла въ думу, какъ общее ходатайство „отъ всея земли“. Изъ этихъ челобитныхъ, докладовъ, выписокъ или справокъ и думскихъ по нимъ приговоровъ выработалось цѣлое положеніе о составѣ посадскихъ обществъ и объ отношеніи къ нимъ стороннихъ людей, промышлявшихъ въ городахъ. Изъ этого положенія составлена глава XIX Уложенія „о посадскихъ людѣхъ“. Совѣщательныя указанія членамъ кодификаціонной комиссіи и представленіе черезъ нее челобитій въ думу — таковы двѣ формы участія выборныхъ въ составленіи Уложенія. Но была и третья форма, наиболѣе важная, ставившая соборныхъ выборныхъ въ прямое отношеніе уже не къ ком-

мисси, а въ самой государевой думѣ: это когда царь съ думой являлся среди выборныхъ и вмѣстѣ съ ними произносилъ приговоръ по возбужденному вопросу. Въ Уложеніи отмѣченъ одинъ такой случай, не единственный въ дѣйствительности. Выборные люди всѣхъ чиновъ были челомъ отъ всей земли отобрать церковныя земли, перешедшія во владѣніе духовенства вопреки закону 1580 г. Въ главу XVII Уложенія о вотчинахъ внесена статья (42), которая гласитъ, что государь, по совѣту съ Освященнымъ соборомъ и поговоривъ съ думными и выборными служилыми людьми, „соборомъ уложили“ воспретить всякое отчужденіе вотчинъ въ пользу Церкви. Выборные люди здѣсь прямо введены въ составъ законодательной власти, но не всѣ, а только *служилые*, какъ представители вотчинниковъ, которыхъ касалось дѣло, хотя челобитье шло отъ всей земли, отъ всякихъ чиновъ. Верховное правительство по уровню политическаго сознанія оказалось ниже земскаго представительства: послѣднее понимало интересъ всеземскій, а первое — только сословный. По документамъ извѣстны еще два прямо не указанные въ Уложеніи соборные приговора съ участіемъ выборныхъ. По челобитью выборныхъ служилыхъ людей государь съ думой и съ челобитчицами соборомъ уложилъ отмѣнить „урочныя лѣта“, т.-е. срокъ давности для возврата бѣглыхъ крестьянъ; этотъ приговоръ изложенъ въ первыхъ статьяхъ главы XI Уложенія о крестьянахъ. Еще важнѣе глава VIII „о искупленіи плѣнныхъ“, устанавливающая общій подворный налогъ для выкупа плѣнныхъ и таксу выкупа: эта глава заимствована изъ соборнаго приговора государя съ думой и „всякихъ чиновъ съ выборными людьми“. На этотъ разъ весь выборный составъ собора возымѣлъ законодательную власть. Наконецъ, одинъ частный случай живо рисуется и отношеніе выборныхъ

къ дѣлу Уложенія, и отношеніе правительства къ земскимъ челобитьямъ. Депутатъ курскаго дворянства Малышевъ, возвращаясь домой по окончаніи собора, выпросилъ себѣ царскую „береженую“, охранную грамоту, чтобы защитить его — отъ кого бы вы думали? — отъ его собственныхъ избирателей. Онъ опасался отъ нихъ всякаго дурна по двумъ причинамъ: за то, что не всѣ „нужи“ избирателей провелъ на соборѣ въ Уложеніе, и за то, что черезчуръ поревновалъ о благочестіи, въ особой челобитной царю „всякимъ дурномъ огласилъ“, охаялъ своихъ земляковъ курчанъ въ неблагопристойномъ проведеніи воскресныхъ и праздничныхъ дней. Грамота объявляетъ депутата передъ избирателями отъ перваго обвиненія, что онъ „разныхъ ихъ *прихотей* въ Уложеніе не исполнилъ“, а отвѣтственность по второму пункту Малышевъ взваливаетъ на правительство, на самого царя, жалуясь въ челобитной, что въ Уложеніи указаны только часы работы и торговли въ праздничные дни (X, 25), а запрета и наказанія за праздничное неблагоповеденіе согласно его челобитью указа не написано. Царь уважилъ просьбу неутомоннаго моралиста, велѣлъ послать грамоты о должномъ проведеніи праздниковъ „съ великимъ запрещеніемъ“, но Уложенія не пополнилъ.

Пріемы
составленія.

Теперь мы можемъ уяснить себѣ, какъ составлялось Уложеніе. Это былъ сложный процессъ, въ которомъ можно различить моменты *кодификации, совѣщанія, ревизіи, законодательнаго рѣшенія и заручной скрѣпки*: такъ назовемъ послѣдній моментъ, примѣняясь къ языку приговора 16 іюля. Эти моменты распредѣлялись между составными частями собора, Боярской думой и Освященнымъ соборомъ съ государемъ во главѣ, пятичленной комиссіей вв. Одоевского и выборными людьми, которые состояли собственно при комиссіи, а не при думѣ; совокупность этихъ частей и со-

ставляла соборъ 1648 г. Кодификаціонная часть была дѣломъ приказа кн. Одоевскаго и состояла въ выборкѣ и сводѣ узаконеній изъ указанныхъ ему источниковъ, а также въ редактированіи челобитій выборныхъ людей. Совѣщательный моментъ заключался въ участіи, какое принимали выборные въ работахъ комиссія. Это участіе, видѣли мы, выражалось въ челобитьяхъ, которыя имѣли значеніе дебатовъ, замѣняли пренія, обсужденіе, и извѣстенъ случай, когда челобитная выборныхъ получила характеръ прямого возраженія, сопровождавшагося отиѣной или исправленіемъ государева указа, противъ котораго она была направлена. Я уже упоминалъ о челобитѣ выборныхъ поворотить въ тягло льготныя подгородныя слободы частныхъ владѣльцевъ. Состоялся указъ отписать эти слободы на государя въ тягло, „сыскавъ“, разслѣдовавъ, откуда и когда пришли ихъ обыватели, и не распространяя этого сыска назадъ за 1613 г. Выборные, опасаясь обычной московской приказной проволоочки и сыскныхъ козней, обратились съ новой челобитной отписать слободы на государя „безъ лвтъ и безъ сыску, гдѣ кто нынѣ живетъ“. Въ тотъ же день ходатайство было доложено государю и получило полное удовлетвореніе. Ревизія и законодательное рѣшеніе принадлежали государю съ думой. Ревизія состояла въ пересмотрѣ дѣйствующихъ законовъ, какъ ихъ сводила комиссія въ своемъ проектѣ. Приговоръ 16 іюля какъ бы приостанавливалъ дѣйствіе этихъ законовъ, низводилъ ихъ на степень временныхъ правилъ — впредь до новаго законодательнаго ихъ утвержденія. Теряя силу правовыхъ нормъ, эти старые законы при составленіи Уложенія сохраняли однако значеніе источниковъ права. Въ думѣ или исправляли ихъ текстъ, или касались и содержанія, измѣняя или отиѣняя самыя нормы, чаще пополняя проектъ старымъ указомъ,

пропущеннымъ комиссіей, или новымъ узаконеніемъ, дававшимъ норму на не предусмотрѣнный прежде случай: такъ ревизія соединялась съ редакціей. Ограничусь однимъ отмѣченнымъ въ Уложеніи примѣромъ. Въ началѣ главы XVII о вотчинахъ комиссія помѣстила указы царя Михаила и патріарха Филарета о порядкѣ, въ какомъ призывать наслѣдниковъ къ наслѣдованію родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ. Дума утвердила эти статьи проекта, но прибавила къ нимъ постановленіе о томъ, въ какихъ случаяхъ матери и бездѣтныя вдовы вотчинниковъ обезпечиваются на счетъ выслуженныхъ вотчинъ. Ревизіей дума пользовалась безраздѣльно; но при законодательномъ рѣшеніи по свойству рѣшаемыхъ вопросовъ она принимала разнообразный составъ, дѣлясь своей законодательной властью съ другими частями собора. Иногда приговоръ произносился только государемъ съ думой, иногда съ участіемъ Освященного собора; по временамъ призывались выборные только гвѣоторыхъ чиновъ, и еще рѣже вопросъ рѣшался всѣмъ соборомъ съ выборными людьми всякихъ чиновъ. Желая, „чтобы то все Уложеніе впредь было прочно и неподвижно“, его выработывали собраніемъ, лишеннымъ всякой прочности и неподвижности. Общимъ и обязательнымъ дѣломъ собора, для чего собственно и созывали его, было закрѣпленіе свода подписями всѣхъ членовъ, должностныхъ, какъ и выборныхъ: это должно было со стороны правящихъ лицъ и народныхъ представителей служить ручательствомъ въ томъ, что они признаютъ Уложеніе правильнымъ, удовлетворяющимъ ихъ нуждамъ, и что „всякія дѣла будутъ дѣлать по тому Уложенію“. Патріархъ Никонъ былъ совсѣмъ неправъ, когда позорилъ этотъ сводъ законовъ, называя его „проклятой книгой, дьявольскимъ закономъ“: зачѣмъ онъ молчалъ, слушая и подписывая эту проклятую книгу

въ 1649 г. въ санѣ архимандрита Новоспасскаго монастыря?

По мысли, какую можно предположить въ основаніи ^{Значеніе} Уложенія, оно должно было стать послѣднимъ словомъ ^{уложенія.} московскаго права, полнымъ сводомъ всего накопившагося въ московскихъ канцеляріяхъ въ половинѣ XVII в. законодательнаго запаса. Эта мысль сквозить въ Уложеніи, но осуществлена не особенно удачно. Въ техническомъ отношеніи, какъ памятникъ кодификаціи, оно не перегнало старыхъ судебниковъ. Въ расположеніи предметовъ законодательства пробивается желаніе изобразить государственный строй въ вертикальномъ разрѣзѣ, спускаясь сверху, отъ Церкви и государя съ его дворомъ до козаковъ и корчмы, о чемъ говорятъ двѣ послѣднія главы. Можно съ немалыми усилиями свести главы Уложенія въ отдѣлы государственнаго права, судоустройства и судопроизводства, вещнаго и уголовнаго права. Но такія группировки остались для кодификаторовъ только порывами къ системѣ. Источники исчерпаны неполно и беспорядочно; статьи, взятые изъ разныхъ источниковъ, не всегда согласены между собою и иногда попали не на свои мѣста, скорѣе свалены въ кучу, чѣмъ собраны въ порядокъ. Если Уложеніе дѣйствовало у насъ почти въ продолженіе двухъ столѣтій до Свода Законовъ 1833 г., то это говоритъ не о достоинствахъ Алексѣевскаго свода, а лишь о томъ, какъ долго у насъ можно обойтись безъ удовлетворительнаго закона. Но какъ памятникъ законодательства, Уложеніе сдѣлало значительный шагъ впередъ сравнительно съ судебниками. Это уже не простое практическое руководство для судьи и управителя, излагающее способы и порядки возстановленія нарушеннаго права, а не самое право. Правда, и въ Уложеніи всего больше мѣста отведено формальному праву:

глава X о судѣ—самая обширная, по числу статей составляет едва не треть всего Уложенія. Оно допустило важные, но понятные пробѣлы и въ матеріальномъ правѣ. Въ немъ не находимъ основныхъ законовъ, о которыхъ тогда въ Москвѣ не имѣли и понятія, довольствуясь волей государя и давленіемъ обстоятельствъ; отсутствуетъ и систематическое изложеніе семейнаго права, тѣсно связаннаго съ обычнымъ и церковнымъ: не рѣшались трогать ни обычая, слишкомъ соннаго и неповоротливаго, ни духовенства, слишкомъ щекотливаго и ревниваго къ своимъ духовновѣдомственнымъ монополіямъ. Но все-таки Уложеніе гораздо шире судебныхниковъ захватываетъ область законодательства. Оно пытается уже проникнуть въ составъ общества, опредѣлить положеніе и взаимныя отношенія различныхъ его классовъ, говорить о служилыхъ людяхъ и служиломъ землевладѣніи, о крестьянахъ, о посадскихъ людяхъ, холопахъ, стрѣльцахъ и казакахъ. Разумѣется, здѣсь главное вниманіе обращено на дворянство, какъ на господствующій военно-служилый и землевладѣльческій классъ: безъ малаго половина всѣхъ статей Уложенія прямо или косвенно касается его интересовъ и отношеній. Здѣсь, какъ и въ другихъ своихъ частяхъ, Уложеніе старается удержаться на почвѣ дѣйствительности.

Новыя идеи. Но при общемъ охранительномъ своемъ характерѣ Уложеніе не могло воздержаться отъ двухъ преобразовательныхъ стремленій, указывающихъ, въ какомъ направленіи пойдетъ или уже шла дальнѣйшая стройка общества. Одно изъ этихъ стремленій въ приговорѣ 16 іюля прямо поставлено, какъ задача кодификаціонной комиссіи: ей поручено было составить проектъ такого Уложенія, чтобы „всякихъ чиновъ людемъ отъ большого и до меньшого чину судъ и расправа была во всякихъ дѣлѣхъ всемъ

ровна". Это — не равенство всѣхъ передъ закономъ, исключющее различіе въ правахъ: здѣсь разумѣется равенство суда и расправы для всѣхъ, безъ привилегированныхъ подсудностей, безъ вѣдомственныхъ различій и классовыхъ льготъ и изъятій, какія существовали въ тогдашнемъ московскомъ судоустройствѣ, имѣется въ виду судъ одинаковый, нелицепріятный и для боярина, и для простолюдина, съ одинаковой подсудностью и процедурой, хотя и не съ одинаковой наказуемостью; судить всѣхъ, даже пріѣзжихъ иноземцевъ, однимъ и тѣмъ же судомъ въ правду, „не стыдяся лица сильныхъ, и избавляти обидящаго (обидимаго) отъ руки неправеднаго“ — такъ предписываетъ глава X, гдѣ сдѣлана попытка начертать такой ровный для всѣхъ судъ и расправу. Идея такого суда исходила изъ принятаго Уложеніемъ общаго правила устранять всякое льготное состояніе и отношеніе, соединенное съ ущербомъ для государственнаго, особенно казеннаго интереса. Другое стремленіе, исходившее изъ того же источника, проведено въ главахъ о сословіяхъ и выражало новый взглядъ на отношеніе свободнаго лица къ государству. Чтобы выразумѣть это стремленіе, надобно нѣсколько отрѣшиться отъ современныхъ понятій о личной свободѣ. Для насъ личная свобода, независимость отъ другого лица, не только неотъемлемое право, ограждаемое закономъ, но и обязанность, требуемая еще и правами. Никто изъ насъ не захочетъ да и не можетъ стать формальнымъ холопомъ по договору, потому что никакой судъ не дастъ защиты такому договору. Но не забудемъ, что мы изучаемъ русское общество XVII в., — общество холоповладѣльческое, въ которомъ дѣйствовало крѣпостное право, выражавшееся въ различныхъ видахъ холопства, и къ этимъ видамъ именно въ эпоху Уложенія, какъ увидимъ это скоро, готовъ былъ прибавиться новый

видъ зависимости, крѣпостная крестьянская неволя. Тогда въ юридическій составъ личной свободы входило право свободного лица отдать свою свободу на-время или навсегда другому лицу безъ права прекратить эту зависимость по своей волѣ. На этомъ правѣ и основались различные виды древнерусскаго холопства. Но до Уложенія у насъ существовала личная зависимость безъ крѣпостнаго характера, создававшаяся личнымъ *закладомъ*. Заложиться за кого-либо значило: въ обезпеченіе ссуды или въ обмѣнъ за какую-либо иную услугу, напримѣръ, за податную льготу или судебную защиту, отдать свою личность и трудъ въ распоряженіе другого, но сохраняя право прервать эту зависимость по своему усмотрѣнію, разумѣется, очистивъ принятыя на себя обязательства заклада. Такіе зависимые люди назывались въ удѣльные вѣка *закладными*, а въ московское время *закладчиками*. Заемъ подъ работу былъ для бѣднаго челоука въ древней Руси наиболѣе выгоднымъ способомъ помѣщенія своего труда. Но отличаясь отъ холопства, закладничество стало усвоить себѣ холопью льготу, свободу отъ государственныхъ повинностей, что было злоупотребленіемъ, за которое теперь законъ и ополчился противъ закладчиковъ и ихъ пріемщиковъ: поворотивъ закладчиковъ въ тягло, Уложеніе (гл. XIX, ст. 13) пригрозило имъ за повторительный закладъ „жестокимъ наказаніемъ“, кнутомъ и ссылкой въ Сибирь на Лену, а пріемщикамъ „великой опалой“ и конфискаціей земель, гдѣ закладчики впредь жить будутъ. Между тѣмъ для многихъ бѣдныхъ людей холопство и еще больше закладничество было выходомъ изъ тяжелаго хозяйственнаго положенія. При тогдашней дешевизнѣ личной свободы и при общемъ безправіи льготы и покровительство, „заступа“, сильнаго пріемщика были цѣнными благами; потому отмѣна

закладничества поразила закладчиковъ тяжкимъ ударомъ, такъ что они въ 1649 г. затѣвали въ Москвѣ новый бунтъ, понося царя всякой неподобной бранью. Мы поймемъ ихъ настроеніе, не раздѣляя его. Свободное лицо, служилое или тяглое, поступая въ холопы или въ закладники, пропадало для государства. Уложеніе, стѣсняя или запрещаая такіе переходы, выражало общую норму, въ силу которой свободное лицо, обязанное государственнымъ тягломъ или службой, не могло отказываться отъ своей свободы, самовольно слагая съ себя обязанности передъ государствомъ, лежавшія на свободномъ лицѣ; лицо должно принадлежать и служить только государству и не можетъ быть ничьей частной собственностью: „крещеныхъ людей никому продавать не велѣно (XX, 97)“. Личная свобода становилась обязательной и поддерживалась кнутомъ. Но право, пользование которымъ становится обязательнымъ, превращается въ повинность. Мы не чувствуемъ на себѣ тяжести этой повинности, потому что государство, не дозволяя намъ быть холопами и даже полухолопами, оберегаетъ въ насъ самое дорогое наше достояніе, человѣческую личность, и все наше нравственное и гражданское существо стоитъ за это стѣсненіе нашей воли со стороны государства, за эту повинность, которая дороже всякаго права. Но въ русскомъ обществѣ XVII в. ни личное сознаніе, ни общественные нравы не поддерживали этой общечеловѣческой повинности. Благо, которое для насъ выше всякой цѣны, для русскаго чернаго человѣка XVII в. не имѣло никакой цѣны. Да и государство, воспрещая лицу частную зависимость, не оберегало въ немъ человѣка или гражданина, а берегло для себя своего солдата или плательщика. Уложеніе не отмѣняло личной неволи во имя свободы, а личную свободу превращало въ неволю во имя государствен-

наго интереса. Но въ строгомъ запретѣ закладничества есть сторона, гдѣ мы встрѣчаемся съ закладчиками въ одномъ порядкѣ понятій. Эта мѣра была частичнымъ выраженіемъ общей цѣли, поставленной въ Уложеніи, овладѣть общественной группировкой, разсажавъ людей по запертымъ наглухо сословнымъ вѣткамъ, сковать народный трудъ, сжавъ его въ узкія рамки государственныхъ требованій, поработивъ имъ частные интересы. Закладчики только раньше почувствовали на себѣ тяжесть, ложившуюся и на другіе классы. Это была общая народная жертва, вынужденная положеніемъ государства, какъ увидимъ, изучая устройство управленія и сословія послѣ Смуты.

Новоуказ-
ныя статьи.

Завершая собою законодательную работу прежняго времени, Уложеніе послужило исходнымъ моментомъ для дальнѣйшей законодательной дѣятельности. Недостатки его стали чувствоваться скоро по вступленіи его въ дѣйствіе. Его дополняли и исправляли по частямъ *новоуказныя статьи*, служившія прямымъ его продолженіемъ: таковы статьи *о татевныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ* 1669 г., *о помѣстьяхъ и вотчинахъ* 1676—1777 гг. и др. Этотъ детальный, часто мелочный пересмотръ отдѣльных статей Уложенія, исполненный колебаній, то отрицавшій, то возстановлявшій отдѣльныя узаконенія свода 1649 г., очень любопытенъ, какъ отраженіе момента московской государственной жизни, когда ея руководителями начало овладѣвать сомнѣніе въ пригодности нормъ права и приѣмовъ управленія, въ добротность которыхъ такъ вѣровали, и они конфузливо стали чувствовать потребность въ чемъ-то новомъ, недоморощенномъ, „европскомъ“.

Л е к ц і я XLVIII.

Затрудненія правительства. — Централизація мѣстнаго управленія; воеводы и губные старосты. — Судьба земскихъ учреждений. — Окружные разряды. — Сосредоточеніе центральнаго управленія. — Приказы Счетныхъ и Тайныхъ дѣлъ. — Сосредоточеніе общества. — Основные и переходные классы. — Образование сословій. — Служилые люди. — Посадское населеніе ; возвратъ закладниковъ въ посадское тягло.

Соборное Уложеніе 1649 г. завершило собой рядъ процессовъ нашей внутренней жизни, начавшихся со Смуты и подъ ея вліяніемъ, закрѣпило закономъ положеніе государства, создавшееся изъ этихъ процессовъ къ половинѣ XVII в. Мы замѣтили при новой династіи новыя понятія въ умахъ и новыхъ людей въ управленіи, новую постановку верховной власти и новый составъ земскаго собора. Всѣ эти новизны вытекали прямо или косвенно изъ одного печальнаго источника, изъ глубокаго общаго перелома русской жизни, произведеннаго Смутой, надломившаго силы народа и пошатнувшего выѣшнее положеніе государства. Тогда сталъ передъ правительствомъ новой династіи вопросъ, какъ выйти изъ затрудненій, въ какихъ оно очутилось. Мы обратились къ изученію капитальнаго памятника нашего законодательства XVII в., чтобы видѣть, въ какомъ направленіи дѣйствовало правительство, гдѣ и какъ оно искало выхода изъ тяжелаго положенія. Мы замѣтили, что

провозгласивъ отмѣну всякихъ льготныхъ изъятій въ судѣ и запретъ дальнѣйшаго расширенія несвободныхъ состояній, освобождавшихъ отъ государственныхъ тягостей, оно стремилось собрать въ своихъ рукахъ всѣ наличныя силы народа. Оно вообще тогда собирало все, что упѣлѣло отъ разрухи и могло ему пригодиться, недостававшія ему деньги, разбѣгавшихся людей, податныхъ плательщиковъ и ратниковъ, земскихъ выборныхъ для совѣта, наконецъ — самыя законы.

Восходы. Въ борьбѣ съ затрудненіями московское правительство хотѣло прежде всего собраться съ собственными силами, чувствовало потребность приобрести болѣе единства воли и болѣе энергіи въ дѣйствіяхъ. Съ этой цѣлью оно приняло послѣ Смуты централизовать управление, стягивать въ свои руки работу его силъ, мѣстныхъ и даже центральныхъ. Впрочемъ тогда въ Москвѣ понимали централизацию по-своему, не въ смыслѣ вѣдомственного подчиненія мѣстныхъ органовъ центральному управленію, а какъ соединеніе въ одномъ лицѣ или учрежденіи разнородныхъ предметовъ, взаимно соприкасающихся въ жизни: такъ въ сельской лавкѣ подъ одной вывѣской сосредоточиваются разнообразныя товары по мѣстнымъ пунктамъ спроса, а не разбрасываются по спеціальностямъ. Сами обыватели стояли на одной точкѣ зрѣнія съ правительствомъ, предпочитали имѣть дѣло съ однимъ учрежденіемъ по всякимъ своимъ нуждамъ и иногда заявляли правительству, что ихъ не въ мѣру тяготятъ приказы, которые вѣдаютъ ихъ по разнымъ дѣламъ, и что лучше бы вѣдать ихъ во всемъ одному приказу, чтобы „напрасныхъ обидъ и разоренья не было“. Этимъ практическимъ удобствомъ и руководились при царѣ Михаилѣ въ перестройкѣ мѣстнаго управленія. Старая династія покинула областное управленіе въ состояніи крайняго раз-

дробленія. Земская реформа царя Ивана разбила область, уѣздъ, на нѣсколько вѣдомствъ и на множество мѣстныхъ сословныхъ мировъ, городскихъ и сельскихъ, служилыхъ и тяглыхъ (лекція XXXIII и XXXIX). Каждый такой мѣстный миръ дѣйствовалъ обособленно, имѣлъ свое особое выборное управление. Всѣ эти миры ничѣмъ не объединялись между собою на мѣстѣ, кромѣ рѣдкихъ сословныхъ и всеуѣздныхъ выборовъ губныхъ старостъ, и каждый изъ этихъ мировъ черезъ своихъ выборныхъ управителей имѣлъ непосредственное отношеніе къ центральнымъ учрежденіямъ, приказамъ. Только въ пограничныхъ городахъ, гдѣ требовалась сильная военная власть, уже въ XVI в. введены были *воеводы*, которые сосредоточивали въ своихъ рукахъ власть надъ всѣмъ уѣздомъ по всѣмъ дѣламъ кромѣ духовныхъ. Такое раздробленное выборное областное управление могло дѣйствовать только въ спокойныя времена. Съ пресѣченіемъ старой династіи такія времена миновали надолго. Въ продолженіе Смуты всѣ области, даже внутреннія, подверглись опасности непріятельскаго нападенія; поэтому даже и во внутреннихъ уѣздахъ стали появляться воеводы. До насъ дошелъ документъ, составленной около 1628 г.: это — роспись 32 городовъ, гдѣ прежде воеводъ не было и гдѣ они явились съ „Разстригина прихода“, т.-е. съ царствованія перваго самозванца, съ 1605 г. Это преимущественно центральные города, *замосковные*, какъ они тогда назывались, Владиміръ, Переяславль, Ростовъ, Бѣлозерскъ и другіе. Изъ перечня этихъ городовъ, въ которыхъ воеводъ прежде не было, а были земскіе судьи, губные старосты и городовые приказчики, т.-е. выборныя сословныя власти, видно, что воеводство при царѣ Михаилѣ стало повсемѣстнымъ учрежденіемъ. Воеводѣ подчиненъ былъ весь уѣздъ со всѣми классами общества и по всѣмъ дѣламъ;

власть его простиралась на уѣздный городъ и на всѣ сельскія общества уѣзда, по дѣламъ какъ финансовымъ и судебнымъ, такъ и полицейскимъ и военнымъ. Съ виѣшной стороны введеніе воеводства могло казаться улучшеніемъ мѣстнаго управленія. Разрозненные мѣстные сословные міры объединились подъ одной властью; уѣздъ сталъ цѣльной административной единицей. Зато мѣстнымъ управленіемъ теперь руководилъ представитель центральной государственной власти, приказный человекъ по назначенію, а не земскій правитель по выбору. Съ этой стороны воеводство было рѣшительнымъ поворотомъ отъ земскаго начала, положеннаго въ основу мѣстныхъ учрежденій царя Ивана, къ бюрократическому порядку мѣстнаго управленія. Но оно не было возвратомъ къ старымъ намѣстничествамъ. Воевода назначался вѣдать уѣздъ не на себя подобно кормленщику, а на государя, какъ истая коронная власть. Поэтому воеводамъ неприличны были кормы и пошлины, какіе по уставнымъ грамотамъ шли въ пользу намѣстниковъ. Для центральныхъ московскихъ приказовъ воеводство дѣйствительно было удобствомъ. Сподручье было имѣть дѣло съ однимъ общимъ правителемъ уѣзда, притомъ своимъ ставленникомъ, чѣмъ съ многочисленными выборными уѣздными властями. Но для мѣстнаго населенія воеводство стало не только возстановленіемъ, но и ухудшеніемъ намѣстничьяго управленія. Воеводы XVII в. были сыновья или внуки намѣстниковъ XVI в. На протяженіи одного-двухъ поколѣній могли измѣниться учрежденія, а не нравы и привычки. Воевода не собиралъ кормовъ и пошлинъ въ размѣрахъ, указанныхъ уставной грамотой, которой ему не давали; но не были воспрещены добровольные приносы „въ почесть“, и воевода бралъ ихъ безъ уставной таксы, сколько руга выможетъ. Въ своихъ челобитныхъ

О назначеніи соискатели воеводскихъ мѣстъ такъ напярями и просили отпустить ихъ въ такой-то городъ на воеводство „покорниться“. На дѣлѣ вопреки своей идеѣ воеводство стало ухудшеннымъ продолженіемъ намѣстничества. Последнее по идеѣ было административнымъ жалованьемъ за ратную службу, а на дѣлѣ стало административной службой подѣ предложомъ жалованья за ратную повинность, потому что намѣстникъ все-таки правилъ и судилъ. Воеводство хотѣли сдѣлать административной службой безъ жалованья, а на дѣлѣ оно вышло неокладнымъ жалованьемъ подѣ предложомъ административной службы. Неопредѣленная точно широта власти воеводы поощряла къ злоупотребленіямъ. Стѣснительно-подробные наказы, какими снабжалъ воеводу отправлявшій его приказъ, однако предписывали ему въ концѣ концовъ поступать, „какъ пригоже, смотря по тамошнему дѣлу, какъ Богъ вразумитъ“, предоставляя ему полный произволъ. Понятно, почему земскіе люди XVII в. впоследствии съ сожалѣніемъ вспоминали времена, когда не было воеводъ. Необходимая при такомъ сочетаніи регламентаціи съ произволомъ неопредѣленность правъ и обязанностей располагала злоупотреблять первыми и пренебрегать вторыми, и въ воеводскомъ управленіи превышеніе власти чередовалось съ ея бездѣйствіемъ.

Воевода судилъ и рядилъ въ *смысей* или *приказной мѣстѣ*: это — наше губернское правленіе. Рядомъ съ воеводой стоялъ другой органъ центральной власти въ уѣздѣ со специальнымъ назначеніемъ, *губной староста*, сидѣвшій въ *губной мѣстѣ*; въ иныхъ уѣздахъ ихъ было двое и даже больше. Эта высшая судебно-полицейская власть въ уѣздѣ, возникшая еще въ XVI в., какъ мы знаемъ, имѣла смѣшанный характеръ, земскій по источнику полномочій и приказный по вѣдомству: губной староста выбирался на всесословномъ

Губные
старосты.

мѣстномъ сѣздѣ, но вѣдалъ не мѣстныя земскія, а общегосударственныя дѣла по важнѣйшимъ уголовнымъ преступлениямъ. Въ XVII в. губное вѣдомство расширилось: сверхъ разбоя и татбы къ нему отнесены были дѣла о душегубствѣ, поджогѣ, совращеніи изъ православія, оскорбленіи родительской власти и др. Вліяніе общаго направленія внутренней политики правительства сказалось въ томъ, что приказный элементъ въ должности губного старосты получалъ рѣшительное преобладаніе надъ земскимъ и это сближало губного старосту по характеру должности съ воеводой. Но это направленіе не соединялось съ опредѣленнымъ планомъ, было скорѣе правительственнымъ по зывомъ, чѣмъ программой, что и отразилось на безконечныхъ колебаніяхъ, какимъ подверглось взаимное отношеніе обѣихъ должностей: губные старосты то отминаясь, то восстанавливались; въ иныхъ мѣстахъ губныя дѣла поручались воеводамъ, въ другихъ губные старосты вѣдали воеводскія дѣла. По просьбѣ обывателей городомъ правилъ вмѣсто воеводы губной староста, а когда онъ становился негоденъ городу, назначался опять воевода съ порученіемъ вѣдать и губныя дѣла; губной староста дѣйствовалъ то независимо отъ воеводы, то былъ подчиненъ ему.

Судьба земскихъ учреждений.

Что же случилось съ собственно земскимъ сословнымъ самоуправленіемъ, вѣдавшимъ тяглое населеніе? Съ повсемѣстнымъ введеніемъ воеводъ оно не исчезло, но было стѣснено и подчинено воеводамъ и кругъ его дѣйствія сузился. Съ переходомъ судебной власти къ воеводамъ судныя коллегіи излюбленныхъ головъ съ цѣловальниками были закрыты; только въ дворцовыхъ и черныхъ крестьянскихъ волостяхъ да въ сѣверныхъ „поморскихъ“ уѣздахъ, въ нынѣшнихъ губерніяхъ Архангельской, Олонецкой, Вятской и Пермской, уцѣляли выборные земскіе судейки.

Въ кругу выборнаго земскаго управленія теперь остались дѣла финансовыя, т.-е. казенные сборы, и дѣла мѣстныхъ хозяйственныхъ. Казенные косвенные сборы, таможенные, питейные и другіе, вѣдались попрежнему *старыми* головами съ цѣловальниками. Сборъ прямыхъ налоговъ и хозяйственныхъ дѣла земскихъ обществъ городскихъ и сельскихъ оставались на рукахъ земскихъ старостъ съ цѣловальниками. Эти хозяйственные дѣла состояли въ сборахъ на мірскія нужды, въ распоряженіи мірской земли, въ выборахъ на разныя должности по земскому управленію, а также въ выборѣ приходскаго священника съ причтомъ. Земскій староста велъ свои дѣла въ *земской избѣ*, городской или уѣздной земской управѣ, всегда находившейся на посадѣ, за стѣнами городского кремля, гдѣ помѣщались избы сѣвская и губная. Ближайшій надзоръ за дѣйствіями земской избы принадлежалъ „совѣтнымъ людямъ“, выборнымъ гласнымъ посадскаго или сельскаго населенія уѣзда. Со введеніемъ воеводства на земское управленіе пала новая тяжелая повинность, кормленіе воеводъ и приказныхъ людей, дьяковъ и подъячихъ; этотъ расходъ едва ли не всего болѣе истощалъ „земскую коробку“. Земскій староста велъ расходную книгу, въ которую записывалъ все, на что тратились мірскія деньги, для отчета совѣтнымъ людямъ. Эти книги старостъ наглядно показываютъ, что значило въ XVII в. кормить воеводу. Изъ дня въ день староста записывалъ, что онъ тратилъ на воеводу и его приказныхъ людей. Онъ носилъ на воеводскій дворъ все нужное для домашняго и канцелярскаго обихода воеводы, мясо, рыбу, пироги, свѣчи, бумагу, чернила. Въ праздники или въ именины онъ ходилъ поздравлять воеводу и приносилъ подарки, калачи или деньги „въ бумажкѣ“, какъ ему самому, такъ и его женѣ, дѣтямъ, приказнымъ людямъ, дворовымъ слугамъ,

приживалкамъ, даже юродивому, проживавшему у воеводы. Эти расходныя книги всего лучше объясняютъ значеніе земскаго самоуправленія при воеводахъ. Староста земскій со своими цѣловальниками — лишь послушныя орудія приказной администраціи; на нихъ возложена вся черная административная работа, въ которой не хотѣлъ марать рукъ воевода съ дьякомъ и подъячими. Земство вело свои дѣла подъ наблюденіемъ и по указаніямъ воеводы; земскій староста вѣчно на посылкахъ у воеводы и лишь изрѣдка рѣшается вступаться за свой міръ противъ его распоряженій, заявляетъ протестъ, идетъ на воеводскій дворъ „лаять“ воеводу, выражаясь языкомъ тогдашней земской оппозиціи. Изъ такого отношенія земскаго управленія къ приказному развились чрезвычайныя злоупотребленія. Воеводское кормленіе часто вело къ разоренію земскихъ міровъ. Правительство, не прибѣгая къ радикальнымъ мѣрамъ, старалось по возможности устранить или ослабить это зло, изыскивая разныя къ тому средства, назначало на должности по указанію міра или предоставляло міру выбирать должностныхъ приказныхъ лицъ, воеводскія дѣла поручало выборнымъ губнымъ старостамъ, грозило въ указахъ и въ Уложеніи строгими взыскаціями за неправый судъ, дозволяло тяжущимся заявлять подозрѣніе на своего воеводу, предоставляя имъ въ такомъ случаѣ переносить свое дѣло на рѣшеніе къ воеводѣ сосѣдняго уѣзда. При царѣ Алексѣѣ запрещено было назначать дворянъ воеводами въ города, гдѣ у нихъ были вотчины или помѣстья. Неоднократно запрещаемы были при царѣ Михаилѣ и его преемникѣ всякіе денежныя и натуральныя кормы для воеводъ подъ угрозой взыскаціи взятое вдвое. Такъ централизація мѣстнаго управленія уронила земскія учрежденія, исказила ихъ первоначальный характеръ, лишила ихъ самостоятельности, не уменьшивъ

ихъ обязанностей и отвѣтственности. Это была также одна изъ жертвъ, принесенныхъ обществомъ государству.

Сосредоточеніе мѣстнаго управленія не ограничилось предѣлами уѣзда: уже при царѣ Михаилѣ сдѣланъ былъ еще шагъ впередъ въ эту сторону. Во время войнъ съ Польшей и Швеціей пограничные уѣзды по западной, южной и юго-восточной окраинѣ государства съ цѣлью лучшаго устройства внѣшней обороны правительство соединяло въ крупные военные округа, называвшіеся *разрядами*, въ которыхъ уѣздные воеводы были поставлены въ зависимость отъ главныхъ окружныхъ воеводъ, какъ высшихъ мѣстныхъ военно-гражданскихъ управителей и предводителей военно-служилыхъ людей, составлявшихъ окружные корпуса. Такъ еще въ началѣ царствованія Михаила упоминаются разряды *Рязанскій* и *Украинный*, въ составъ котораго входили Тула, Мценскъ и Новосиль. При царѣ Алексѣѣ появляются разряды *Новгородскій*, *Сѣвскій* или *Сѣверскій*, *Бѣлгородскій*, *Тамбовскій*, *Казанскій*. При царѣ Ѳеодорѣ предположено было и внутренніе уѣзды соединить въ такіе же военные округа, образовавъ разряды *Московскій*, *Владимірскій*, *Смоленскій*. Эти военные округа и послужили основаніемъ губернскаго дѣленія, введеннаго Петромъ Великимъ.

Окружные
разряды.

Централизація, хотя въ меньшей степени, коснулась и центрального управленія, гдѣ она была даже нужнѣе, чѣмъ въ областномъ. Говоря о московскихъ приказахъ XVI в., я уже имѣлъ случай замѣтить, что они и въ XVII в. строились попрежнему (лекція XXXVIII). Осложненіе государственныхъ потребностей и отправленій нагромоздило ихъ до полусотни. Въ нихъ трудно найти какую-либо систему: это была скорѣе куча крупныхъ и мелкихъ учрежденій, министерствъ, конторъ и временныхъ комиссій, какъ бы мы ихъ назвали. Количество приказовъ и безпорядочное раз-

Сосредоточеніе центр.
управленія.

граниченіе въ нихъ вѣдомствъ затрудняли контроль и направление ихъ дѣятельности: иногда само правительство не знало, куда приткнуть необычное дѣло, и безъ дальнѣйшихъ размышленій учреждало для него новый приказъ. Отсюда возникла потребность стянуть слишкомъ раздробленное центральное управленіе. Его сосредоточивали двумя способами: или подчиняли одному начальнику нѣсколько сродныхъ по вѣдомствамъ приказовъ, или нѣсколько приказовъ сливали въ одно учрежденіе; въ первомъ случаѣ группѣ приказовъ сообщалось одно руководство и направленіе, во второмъ нѣсколькимъ приказамъ сообщалась одинаковая организація. Тестъ царя Алексѣя И. Д. Милославскій былъ начальникомъ приказа Большой Казны, одного изъ департаментовъ министерства Финансовъ; но онъ же правилъ и приказами, вѣдавшими новые роды войскъ, какіе заводились въ XVI и XVII вв., именно *Стрелецкимъ*, *Рейтарскимъ*, *Иноземскимъ* да кстатѣ и невоеннымъ *Аптекаарскимъ*, такъ какъ при немъ состояли лѣвѣяра, тоже иноземцы. *Посольскому* приказу, вѣдавшему иностранныя дѣла, были подчинены девять другихъ приказовъ, вѣдавшихъ новоприсоединенныя области, *Малороссійскій*, *Смоленскій*, *Литовскій* и другіе, а также *Поломяничный*, завѣдывавшій выкупомъ плѣнныхъ. Вѣроятно, эти приписанные къ Посольскому приказу и помѣщались съ нимъ рядомъ въ длинномъ зданіи приказовъ, тянувшемся отъ Архангельскаго собора по кремлевскому обрыву къ Спаскимъ воротамъ. Путемъ этого сосредоточенія изъ множества мелкихъ учреждений складывалось нѣсколько крупныхъ вѣдомствъ, которыя послужили предшественниками коллегій Петра Великаго. Съ цѣлью надзора при царѣ Алексѣѣ возникли два новыхъ приказа. Контроль финансовый былъ порученъ приказу *Счетныхъ Дѣлъ*: онъ считалъ государственныя

Приказамъ
Счетныхъ и
Тайныхъ
дѣлъ.

доходы и расходы по книгамъ всѣхъ другихъ центральныхъ приказовъ и областныхъ учреждений и стягивалъ къ себѣ остатки отъ текущихъ расходовъ, гдѣ таковыя оказывались, обращался въ другіе приказы съ запросами по исполненію ассигновокъ, данныхъ должностнымъ лицамъ, посламъ, полковымъ воеводамъ, вызывалъ къ отчету изъ городовъ земскихъ дѣловальниковъ съ ихъ прихода-расходными книгами. Это было мѣсто, гдѣ объединялось финансовое счетоводство. Счетный приказъ существовалъ уже въ 1621 г. Другой былъ приказъ *Тайныхъ Дѣлъ*. Название этого приказа страшнѣе его вѣдомства: это не тайная полиція, а просто вѣдомство государева спорта, „потѣхи“, какъ тогда говорили. Царь Алексѣй былъ страстный сокольникій охотникъ. Приказы Тайныхъ Дѣлъ вѣдалъ 200 сокольниковъ и кречетниковъ, больше 3000 соколовъ, кречетовъ, ястребовъ и до 100.000 голубиныхъ гнѣздъ для корма и выучки охотничьихъ птицъ. Къ этимъ кречетамъ и голубямъ благодушный и расчетливый царь пристроилъ множество разнородныхъ дѣлъ не только своего личнаго обихода, но и общегосударственнаго управленія. Черезъ Тайный приказъ онъ велъ свою личную переписку, особенно по дипломатическимъ и военнымъ дѣламъ, слѣдилъ за хозяйствомъ нѣкоторыхъ своихъ имѣній, за дворцовыми соляными и рыбными промыслами; приказъ завѣдывалъ дѣлами любимаго царскаго Саввина Сторожевскаго монастыря, раздачей царской милостыни и т. п. Но черезъ тотъ же приказъ царь дѣлалъ личныя распоряженія по всевозможнымъ предметамъ общаго управленія, когда находилъ нужнымъ непосредственно вмѣшаться въ ходъ дѣла или взять на себя починъ и руководство въ какомъ-либо новомъ предпріятіи, еще не вошедшемъ въ обычный составъ управленія: такъ Тайный приказъ вѣдалъ рудное дѣло и гранатные заводы. Словомъ, это — собственная цар-

ская канцелярія. Она служила и органомъ особаго царскаго надзора за управленіемъ, который дѣйствовалъ помимо общаго контроля, шедшаго изъ Боярской думы. Котошихинъ описываетъ одинъ приемъ этого надзора. Присутствіе приказа состояло только изъ дѣдыка съ десяткомъ подьячихъ: думнымъ людямъ туда закрыты были двери. Этихъ подьячихъ царь причислялъ къ посольствамъ, ѣхавшимъ въ иностранныя государства, къ воеводамъ, шедшимъ въ походъ, для наблюденія за ихъ словами и поступками: „и тѣ подьячіе, пишетъ Котошихинъ, надъ послы и надъ воеводами подсматриваютъ и царю пріѣхавъ сказываютъ“. Разумѣется, великородные послы и воеводы понимали назначеніе этихъ маленькихъ лишнихъ людей въ ихъ свитѣ и задабривали ихъ „выше ихъ мѣры“, по выраженію Котошихина, и какъ органъ тайнаго административнаго надзора, предшественникъ петровскаго института фискаловъ, приказъ Тайныхъ Дѣлъ едва ли былъ удаченъ. Притомъ онъ былъ и безтактенъ. Котошихинъ пишетъ, что царь Алексѣй устроилъ этотъ приказъ „для того, чтобъ его царская мысль и дѣла исполнялися всѣ по его хотѣнію, а бояре бѣ и думные люди о томъ ни о чемъ не вѣдали“. Такъ царь дѣйствовалъ тайкомъ отъ ближайшихъ исполнителей своей воли, которыхъ самъ же и призывалъ къ власти и съ которыми жилъ въ такомъ видимомъ „совѣтѣ“, конспирировалъ противъ собственнаго правительства. По атавизму, притомъ совершенно фиктивному, старый удѣльный институтъ опричнины сказался въ царѣ, предки котораго никогда не бывали удѣльными князьями. Тайный приказъ успѣшили закрыть тотчасъ по смерти учредителя.

Составъ общества.

Вмѣстѣ съ централизаціей управленія еще въ усиле-
ной степени шло сосредоточеніе общества. Изъ устроитель-
ной дѣятельности старой династіи общество вышло столь же

дробнымъ, какъ и управленіе. Оно было разбито на множество разрядовъ, *чиновъ*, которые, не считая духовенства, можно свести въ четыре основныхъ класса или состоянія: это были 1) люди *служилые*, 2) *тяглые* посадскіе, 3) тяглые сельскіе и 4) *холопы*. По отношенію къ государству основные классы различались *родомъ повинностей*, связанныхъ съ имущественнымъ положеніемъ лицъ, въ служиломъ классѣ еще и съ происхожденіемъ, чины — *размѣрами* или степенью тяжести однородныхъ повинностей. Такъ повинностью служилыхъ людей землевладѣльцевъ была наследственная служба ратная и соединенная съ нею придворная и административная; по степени ея важности и тяжести, соотвѣтствовавшей размѣрамъ землевладѣнія и породѣ, служилый классъ распадался на чины думные, служилые московскіе и городовые. Посадскіе торгово-промышленные обыватели тянули посадское тягло „по животамъ и по промысламъ“, по оборотнымъ средствамъ и промысловымъ занятіямъ, а по размѣрамъ или доходности тѣхъ и другихъ и по связанной съ ними тяжести посадскихъ повинностей они дѣлились на *лучшихъ*, *среднихъ* и *молодыхъ*. На такіе же имущественно-податные разряды распадался и классъ сельскихъ людей или крестьянъ, тянувшихъ по-земельное тягло по размѣрамъ пашни. Холопы по праву не имѣли закономъ защищаемой собственности и ни служили, ни тянули тягла государству, а состояли въ крѣпостномъ дворомъ услуженіи у частныхъ лицъ, образуя такъ же нѣсколько видовъ неволи. Но эти классы, какъ и чины, не были устойчивыми и неподвижными обязательными состояніями. Лица могли переходить изъ одного класса или чина въ другой, свободныя по своей или государевой волѣ, холопы по волѣ своихъ господъ или по закону, могли мѣнять или соединять хозяйственныя занятія: служилый

человѣкъ могъ торговать въ городѣ, крестьянинъ перейти въ холопство или заниматься городскимъ промысломъ. При такой подвижности между основными классами образовалось нѣсколько промежуточныхъ, переходныхъ слоевъ разнороднаго соціальнаго состава. Такъ между служилыми людьми и холопствомъ кружился слой мелкопомѣстныхъ или безпомѣстныхъ дѣтей боярскихъ, которые то отбывали ратную службу со своихъ или отцовыхъ помѣстій, то поступали холопами во дворы къ боярамъ и другимъ служилымъ людямъ высшихъ чиновъ, образуя особый слой *боярскихъ служилыхъ людей*. Между служилымъ классомъ и посадскимъ населеніемъ стояли служилые люди „меньшихъ чиновъ“, служившіе не *по отечеству*, наследственно, а *по прибору*, по казенному найму: это были казенные кузнецы и плотники, воротники, пушкари и затинщики, состоявшіе при крѣпостяхъ и крѣпостной артиллеріи; они примыкали къ служилому классу, неся военно-ремесленную службу, но близко стояли и къ посадскому населенію, изъ котораго обыкновенно набирались, и занимались городскими промыслами, не неся посадскаго тягла. Около привилегированныхъ землевладѣльцевъ, свѣтскихъ и духовныхъ, ютились, выходя такъ же изъ посадовъ, закладчики, о которыхъ я уже говорилъ и еще буду говорить сейчасъ. Наконецъ, между холопами и свободными классами бродилъ многочисленный смѣшанно составленный слой *вольныхъ* или *гулящихъ* людей: въ него входили и затяглые родственники тяглыхъ домохозяевъ, неотдѣленные сыновья, братья и племянники, и захребетники, такъ же не имѣвшіе своего хозяйства, работавшіе при чужомъ, и дѣти духовенства, не пристроившіеся къ приходамъ, и дѣти боярскіе, замотавшіеся и бросившіе службу, но ни къ кому не поступившіе во дворъ, и крестьяне, покинувшіе папью и не избравшіе опредѣленнаго рода

жизни, и холопы, вышедшіе на волю и еще не давшіе на себя новой крѣпости. Всѣ такіе люди, живя въ селѣ, не имѣли земельного надѣла и не несли поземельнаго тягла, а обитая въ городѣ, промышляли, но не отбывали городскихъ повинностей.

Дробность чиновнаго дѣленія и присутствіе бродячихъ Образованіе сословій. промежуточныхъ слоевъ придавали обществу видъ чрезвычайно пестрой и беспорядочной массы. Такою подвижностью и пестротой общественнаго состава поддерживалась свобода народнаго труда и передвиженія. Но эта свобода крайне затрудняла приказное правительство и противорѣчила его стремленію, потомъ проведенному въ Уложеніи, всѣхъ привлечь къ работѣ на государство и строго регулировать народный трудъ въ интересахъ казны. Особенно неудобны были для него состоянія закладчиковъ и вольныхъ людей, грозившія постепеннымъ оскудѣніемъ ратныхъ силъ и изсякновеніемъ самыхъ источниковъ государственнаго дохода: пользуясь правомъ отказа отъ личной свободы и отъ соединенныхъ съ ней государственныхъ повинностей, оба эти состоянія грозили стать социальными убѣжищами для служилыхъ и тяглыхъ людей, не хотѣвшихъ ни служить, ни тянуть тягла. Устраняя эти затрудненія и опасности, законодательство съ воцаренія Михаила начинаетъ стягивать общество, какъ оно стягивало управленіе: оно соединяло дробные чины съ однородными повинностями въ крупные замкнутые классы, оставляя самые чины подвижными въ предѣлахъ того или другого класса, а промежуточные слои вгоняло въ эти классы по наибольшей сродности занятій. Эту социальную перестройку оно производило двумя приѣмами: наследственнымъ прикрѣпленіемъ людей къ состояніямъ, въ которыхъ заставлялъ ихъ крѣпившій ихъ законъ, и лишеніемъ свободныхъ лицъ права отказываться отъ личной

свободы. Такимъ образомъ общественный составъ упрощался и твердѣлъ: служба и тягло по колеблющемуся имущественному положенію или по измѣчивому занятію превращались въ неподвижныя повинности по рожденію; каждый классъ, округляясь, становился плотнѣе самъ въ себѣ и обособленнѣе отъ другихъ. Эти замкнутые и обязанные классы впервые въ исторіи нашего общественнаго строенія получили характеръ *сословій*, а самый процессъ, которымъ они созидались, можно назвать *фиксацией*, *отвержденіемъ состояній*. Такъ какъ этотъ процессъ совершался насчетъ свободы народнаго труда, то и достигавшійся имъ результатъ слѣдуетъ отнести къ числу жертвъ общества въ пользу государства.

Служилые
люди.

Это укрѣпленіе и обособленіе сословій повидимому началось со служилаго класса, наиболѣе нужнаго государству, какъ боевая сила. Уже Судебникъ 1550 г. дозволилъ принимать въ холопство только отставныхъ дѣтей боярскихъ, воспретивъ приѣмъ служащихъ и ихъ сыновей, даже не начавшихъ еще службы. Это былъ низшій и бѣднѣйшій служилый чинъ, въ которомъ находилось много охотниковъ поступать въ боярскіе люди. Законъ 1558 г. пояснилъ, что только сыновья дѣтей боярскихъ, достигшіе служилаго совершеннолѣтія (15 лѣтъ) и еще не поверстанные въ службу, могли становиться холопами, а несовершеннолѣтніе и совершеннолѣтніе, но уже записанные въ службу, не могли. Нужда и тяжесть службы побуждали нарушать и эти ограниченія. При царѣ Михаилѣ дворяне и дѣти боярскіе жаловались на массовое бѣгство въ холопы ихъ братьевъ, дѣтей и племянниковъ. Указомъ 9 марта 1642 г. велѣно было взять такихъ дворянъ-холоповъ изъ боярскихъ дворовъ на службу, если они имѣли помѣстья или вотчины и были уже зачислены въ службу, а впредь запрещалось принимать въ

холопство всякихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Этотъ запретъ внесенъ и въ Уложеніе. Такъ ратная служба стала наследственной безысходной сословной повинностью служилыхъ людей. Тогда же опредѣлились и спеціальныя ихъ сословныя права, какъ землевладѣльцевъ. Правомъ землевладѣнія пользовались дотолѣ и боярскіе люди, и соотвѣтствовавшіе имъ по общественному положенію монастырскіе служки; въ число тѣхъ и другихъ вступали государевы служилые люди съ вотчинами и помѣстьями. Законъ 1642 г. поворотилъ первыхъ на государеву службу, а Уложеніе лишило тѣхъ и другихъ права пріобрѣтать вотчины. Личное землевладѣніе, вотчинное и помѣстное, стало теперь сословной привилегіей служилаго класса, какъ ратная служба осталась его спеціальной сословной повинностью: тѣмъ и другимъ служилые чины объединялись въ одно сословіе и обособлялись отъ другихъ классовъ.

Такому же обособленію подверглось и посадское населеніе. Мы уже видѣли, какъ развитіе служилаго землевладѣнія въ XVI в. задержало ростъ города (лекція XXXIII). Смута разорила и разогнала посадскихъ тяглецовъ. Затрудненія, наступившія съ новой династіей, грозили новымъ разрушеніемъ едва начавшимъ оживать посадамъ. Чтобы быть исправными казенными плательщиками, посадскимъ обществамъ, связаннымъ круговой тягловою порукой, необходимы были достаточный постоянный комплектъ членовъ и обеспеченный сбытъ труда и товара. Тяжесть податей заставляла слабосильныхъ выходить изъ посада, продавая или закладывая свои дворы людямъ нетяглымъ, *бѣлымъ*. Въ то же время къ посадамъ пристраивался разночинный людъ: стрѣльцы, крестьяне изъ подгородныхъ селъ, церковные слуги, поповичи торговали и промысляли, отбивая торги и промыслы у оставшихся посадскихъ тяглецовъ, но не участвуя въ ихъ тяглѣ;

Посадское
населеніе.

даже попы и дьяконы вопреки церковнымъ правиламъ сидѣли въ лавкахъ. Бѣгство изъ посадскаго тягла находило себѣ вліятельное поощреніе сверху. Стоитъ замѣтить, что всякій разъ, какъ верховная власть слабѣла, господствующіе классы у насъ спѣшили пользоваться минутой и развивали широкую спекуляцію насчетъ свободы народнаго труда. Такъ при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ современники жалуются на усиленное развитіе кабалнаго холопства, въ чемъ дѣятельно участвовалъ самъ правитель Борисъ Годуновъ со своей родней. При царѣ Михаилѣ то же повторилось съ закладничествомъ. Я уже говорилъ объ этомъ видѣ частной зависимости, отличавшейся отъ холопства тѣмъ, что она не была крѣпостная, прекращалась по волѣ закладчика. Закладывались преимущественно посадскіе люди, торговые и ремесленные, и обыкновенно „за сильныхъ людей“, за бояръ, патріарха, епископовъ, за монастыри. Это было большое бѣдствіе для тяглыхъ посажанъ. Значительные посады въ Московскомъ государствѣ опоясывались казенными служилыми слободами, стрѣлецкими, пушкарскими, ямскими; населявшіе ихъ служилые приборные люди конкурировали въ торгахъ и промыслахъ съ посадскими людьми, не раздѣляя ихъ повинностей. Закладчики явились еще болѣе опасными соперниками. Сильные люди принимали ихъ массами и селили цѣлыми слободами на посадахъ или около не только на своихъ, но и на общественныхъ посадскихъ земляхъ. Въ патріаршей слободѣ на посадѣ Нижняго Новгорода жило въ 1648 г. болѣе 600 новопробылыхъ торговыхъ и ремесленныхъ людей, „которые въ тое слободу сошлись изъ разныхъ городовъ и поселилися для своего промыслу и легости“, какъ жаловались выборные отъ посадскихъ людей на Уложенномъ соборѣ. Это былъ новый видъ закладничества, притомъ незаконный. Личный закладъ

въ собственномъ, простѣйшемъ видѣ былъ заемъ подь работу съ обязательствомъ заработать его службой во дворѣ или на землѣ заимодавца. Теперь тяглые посадскіе закладывались безъ займа или съ фиктивнымъ займомъ обыкновенно за привилегированныхъ землевладѣльцевъ, свѣтскихъ и духовныхъ, и не отбывали имъ дворовой службы, а селились на ихъ льготныхъ земляхъ дворами и цѣлыми слободами и присвоили себѣ ихъ поземельныя льготы, самовольно избывая посадскаго тягла и занимаясь „всякими промыслами и торгами большими“. Это были капиталисты, а не бѣдные дворовые рабочіе подь ссуду. Такія условія были нарушеніемъ закона. Уже Судебникъ 1550 г. запретилъ торговымъ посадскимъ людямъ жить на нетяглою церковной землѣ въ посадахъ, пользуясь ея льготами. При царѣ Михаилѣ законъ строго обособлялъ посадскія земли тяглыя или черныя отъ нетяглыхъ или бѣлыхъ. Какъ воспрещалось бѣломѣстамъ обѣливать приобретаемые ими посадскіе тяглые дворы и мѣста, такъ не дозволялось и тяглымъ людямъ, селясь на бѣлой землѣ, по ней обѣливать самихъ себя. Закладничество было прямымъ злоупотребленіемъ: не будучи крѣпостнымъ холопствомъ, освободавшимъ отъ тягла, оно соединяло выгоды крѣпостной неволи съ выгодами тяглаго посадскаго промысла, не неся тягла, пользовалось правами безъ обязанностей. Уже при царѣ Михаилѣ жаловались на это зло, и правительство новой династїи по усвоенной имъ привычкѣ ничего не предупреждать и уступать только силѣ или угрозамъ удовлетворяло отдѣльныя жалобы, не объединяя ихъ въ общую мѣру. Такъ въ 1643 г. посадскіе гор. Тобольска жаловались на размноженіе закладчиковъ у тамошняго монастыря, которые тѣснили и обижали ихъ во всякихъ промыслахъ, и при этомъ челобитчики ставили правительству на видъ, что у нихъ государевыхъ служебъ служить

и оброка платить некому. Государь указалъ взять закладчиковъ въ посадъ и тягло имъ тянуть съ посадскими людьми вмѣстѣ. Настоячивыя жалобы на закладничество до собора и на самомъ соборѣ 1648 г., внушительныя и еще не остывшія впечатлѣнія июнскаго бунта въ Москвѣ и доступное даже тогдашнему московскому правительству опасеніе за казенные доходы вмѣстѣ съ желаніемъ пріобрѣсти многія тысячи новыхъ плательщиковъ — все это повело къ капитальной переборкѣ состава посадскаго населенія. Отдѣльныя мѣры, тогда принятыя, сведены въ главѣ XIX Уложенія о посадскихъ людяхъ. Всѣ слободы частныхъ владѣльцевъ, поселенныя на посадской землѣ, купленной или захваченной, отбирались на государя и приписывались въ тягло къ посадамъ безвозмездно за то: „не строй на государевой землѣ слободъ и не покупай посадской земли“. Заемныя и ссудныя записи, данныя на себя закладчиками пріемщикамъ, объявлены недействительными. Подгородныя вотчины и помѣстья, которыя сошлись съ посадами „дворы съ дворами“, такъ же приписывались къ посадамъ и обмѣнивались на казенныя села въ другихъ мѣстахъ. Закладничество впредь запрещалось подъ угрозой тяжелой кары, а посадскіе прикрѣплялись къ своему тяглу и къ посадамъ съ такою строгостью, что указъ 8 февраля 1658 г. грозилъ смертной казнью за переходъ изъ посада въ посадъ, даже за женитьбу внѣ посада. Такъ посадское тягло съ торговь и промысловъ стало сословной повинностью посадскаго населенія, а право городского торговаго и промысла его сословной привилегіей. Крестьяне могли продавать въ городѣ „всякіе товары“ на гостиномъ дворѣ только прямо съ возовъ, не держа лавокъ въ торговыхъ рядахъ.

Л е к ц і я XLIX.

Крестьяне на землях частных владѣльцевъ. — Условія ихъ положенія. — Холопство въ древней Руси. — Происхожденіе холопства абальнаго. — Апрельскій указъ 1597 г. — Задворные люди. — Появленіе крѣпостной крестьянской записи. — Ея происхожденіе. — Ея условія. — Крѣпостные крестьяне по Уложенію 1649 г. — Крестьянскіе *животы*. — Податная отвѣтственность за крѣпостныхъ крестьянъ. — Отличіе крѣпостного крестьянства отъ холопства въ эпоху Уложенія.

Въ одно время съ обособленіемъ классовъ служилого и посадскаго окончательно опредѣлилось и положеніе сельскаго земледѣльческаго населенія. Впрочемъ существенная перемѣна произошла лишь въ судьбѣ крестьянъ, жившихъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ и составлявшихъ главную массу сельскаго населенія. Эта перемѣна обособила ихъ рѣзче прежняго не только отъ другихъ классовъ, но и отъ другихъ разрядовъ сельскаго же населенія, отъ крестьянъ черныхъ или казенныхъ и дворцовыхъ: разумѣю установленіе крѣпостной неволи владѣльческихъ крестьянъ. Мы покинули сельскіе классы на началѣ XVII в. (лекція XXXVII). Мы видѣли, что казенные и дворцовые крестьяне уже къ этому времени были прикрѣплены къ землѣ или къ сельскимъ обществамъ. Положеніе крестьянъ владѣльческихъ оставалось неопредѣленнымъ, потому что на

немъ столкнулись разносторонніе интересы. Чтеніе о крестьянахъ въ XVI в. я закончилъ замѣчаніемъ, что въ началѣ XVII в. уже дѣйствовали всѣ экономическія условія неволи господскихъ крестьянъ и оставалось только найти юридическую норму, которая превратила бы фактическую ихъ неволю въ крѣпостную по закону.

Въ положеніи владѣльческаго крестьянства XVI в., какъ общественнаго класса, надобно различать три элемента: поземельное тягло, право выхода и нужду въ господской ссудѣ, т.-е. элементы политической, юридической и экономической. Каждый изъ нихъ былъ враждебенъ обоимъ другимъ, и измѣнчивый ходъ ихъ борьбы производилъ колебанія законодательства въ опредѣленіи государственнаго положенія класса. Борьба была вызвана элементомъ экономическимъ. По разнымъ причинамъ, частью нами уже изученнымъ, съ половины XVI в. стало увеличиваться количество крестьянъ, нуждавшихся въ ссудѣ для обзаведенія и для веденія своего хозяйства. Эта нужда влекла крестьянина къ долговой неволѣ и, столкнувшись съ его правомъ выхода, одолѣла его: это право, не отмѣненное закономъ, стало юридической фикціей. Тогда противъ неволи крестьянина выступило его поземельное тягло, отъ котораго освобождала крѣпостная неволя, и законодательство начала XVII в. борется противъ превращенія крестьянина въ холопа, устанавливая *отчность крестьянскую*, безвыходность тяглаго крестьянскаго состоянія. Въ сочетаніи этихъ элементовъ крестьянскаго положенія съ условіями древнерусской личной крѣпости и найдена была юридическая норма, установившая крѣпостную неволю владѣльческихъ крестьянъ.

Крѣпостью въ древнерусскомъ правѣ назывался актъ, символическій или письменный, утверждавшій власть лица надъ извѣстной вещью. Власть, укрѣпленная такимъ ак-

томъ, давала владѣльцу *крѣпостное* право на эту вещь. Предметомъ крѣпостного обладанія въ древней Руси были и люди. Такіе крѣпостные назывались *холопами* и *робами*. На древнерусскомъ юридическомъ языкѣ холопомъ назывался крѣпостной мужчина, робой — крѣпостная женщина. Въ документахъ нѣтъ терминовъ „рабъ“ и „холопка“: *рабъ* встрѣчается только въ церковно-литературныхъ памятникахъ. Холопство и было древнѣйшимъ крѣпостнымъ состояніемъ на Руси, установившимся за много вѣковъ до возникновенія крѣпостной неволи крестьянъ. До конца XV в. на Руси существовало только холопство *обемное* или *полное*, какъ оно стало называться позднѣе. Оно создавалось различными способами: 1) плѣномъ, 2) добровольной или по волѣ родителей продажей свободного лица въ холопство, 3) нѣкоторыми преступленіями, за которыя свободное лицо обращалось въ холопство по распоряженію власти, 4) рожденіемъ отъ холопа, 5) долговой несостоятельностью купца по собственной винѣ, 6) добровольнымъ вступленіемъ свободного лица въ личное дворовое услуженіе къ другому безъ договора, обезпечивающаго свободу слуги, и 7) женитьбой на рабѣ безъ такового же договора. Полный холопъ не только самъ зависѣлъ отъ своего *государя*, какъ назывался владѣлецъ холопа въ древней Руси, и отъ его наслѣдниковъ, но передавалъ свою зависимость и своимъ дѣтямъ. *Право на полное холопа наследственно, неволя полного холопа потомственна*. Существенною юридическою чертою холопства, отличавшею его отъ другихъ, некрѣпостныхъ видовъ частной зависимости, была непрекращаемость его по волѣ холопа: холопъ могъ выйти изъ неволи только по волѣ своего *государя*.

Въ Московской Руси изъ полного холопства выдѣлились различные виды смягченной, условной крѣпостной неволи.

Виды неволянаго холопства.

Такъ изъ личнаго служенія, именно изъ службы приказчекомъ по господскому хозяйству, тиуномъ или ключникомъ, возникло въ концѣ XV или въ началѣ XVI в. холопство *докладное*, названное такъ потому, что крѣпостной актъ на такое холопство, *докладная грамота*, утверждался съ доклада намѣстнику. Это холопство отличалось отъ полнаго тѣмъ, что право на докладнаго холопа мѣняло свои условія, иногда прекращалось со смертью господина, иногда передавалось его дѣтямъ, но не далѣе. Потомъ, я уже говорилъ о закладничествѣ. Оно возникало въ разные времена на разныхъ условіяхъ. Первоначальнымъ и простѣйшимъ его видомъ былъ личный закладъ или заемъ съ обязательствомъ должника работать на займодавца, живя у него во дворѣ. *Закупъ* временъ Русской Правды, *закладъ* удѣльныхъ вѣковъ, какъ и закладчикъ XVII в., не были холопы, потому что ихъ неволя могла быть прекращена по волѣ заложившагося лица. Долгъ погашался или его уплатой, или срочной отработкой по договору: „отслужать свой урокъ (срокъ) да пойдуть прочь, рубль заслужать, а не отслужать своего урока, ино дадутъ“, возвратять всё занятыя деньги, какъ читася про такихъ долговыхъ слугъ въ одномъ актѣ XV в. Но бывали закладныя, по которымъ закладникъ обязывался не погашать службой самаго долга, а только оплачивать проценты, служить „за ростъ“, и по истеченіи условленнаго срока возвратить „истину“, занятой капиталъ. Заемное письмо въ древней Руси называлось заимствованнымъ изъ еврейскаго словомъ *кабала*. Личная зависимость, возникавшая изъ обязательства служить за ростъ, укрѣплялась актомъ, который въ отличіе отъ заемной кабалы съ личнымъ закладомъ на условіи отработки назывался въ XVI в. *служилой кабалой* или *кабалой за ростъ служити*. Съ конца XV в. въ документахъ появляются ка-

Кабальное
холопство.

балъные люди; но въ нихъ долго еще незамѣтно признаковъ кабальнаго холопства. Заемная кабала подѣ личный закладъ была собственно *закладная*, давала закладнику право зарабатывать взятую впередъ ссуду безъ роста, погашать безпроцентный долгъ. По кабаль *ростовой*, получившей специальное названіе *служилой*, кабальный своей службой во дворѣ заимодавца зарабатывалъ только проценты, не освобождаясь отъ возврата капитала въ условленный срокъ или *урокъ*. Съ такимъ характеромъ являются кабальные люди въ документахъ до половины XVI в., и только такія служилыя кабалы зналъ Судебникъ 1550 г., устанавливая высшей суммой займа подѣ личный закладъ 15 руб. (700—800 руб. на наши деньги). Изъ одного закона 1560 г. видно, что кабальные люди по ростовымъ служилымъ кабаламъ подлежали искамъ объ уплатѣ долга — знакъ, что они не стали еще крѣпостными людьми, а оставались закладными съ правомъ выкупиться въ случаѣ возможности. Изъ него узнаемъ, что иные кабальные, оказавшись несостоятельными въ уплатѣ кабальнаго долга, сами просились въ холопство полное или докладное къ своимъ заимодавцамъ. Законъ воспретилъ это, предписавъ попрежнему выдавать несостоятельныхъ кабальныхъ истцамъ-заимодавцамъ „головой до искупа“, до уплаты или до отработки долга. Это запрещеніе вмѣстѣ съ готовностью самихъ кабальныхъ идти въ полное холопство и съ извѣстіемъ англійскаго посла Флетчера, которому въ 1588 г. сказывали въ Москвѣ, что законъ позволялъ кредитору продавать жену и дѣтей выданнаго ему головой должника навсегда или на время — все это показываетъ, что кабальныхъ тянули въ разныя стороны, ихъ собственныя дворовыя и господскія привычки къ привычному полному холопству, законъ ко временной некрѣпостной неволѣ. Въ этой

борьбѣ закладничество на условіи службы за ростъ переработалось, правда, въ холопство, только не въ полное, а въ кабальное. Выдача головой до искупа при обычной несостоятельности выданныхъ подвергала ихъ безсрочной отработкѣ займа. Такъ въ кабальную службу за ростъ входило и погашеніе самаго долга, личный закладъ подъ заемъ превращался въ личный наемъ съ полученіемъ наемной платы впередъ. Это соединеніе службы за ростъ съ погашеніемъ долга и личный характеръ кабального обязательства стали юридическими основами служилой кабалы, какъ крѣпости; ими полагался и предѣлъ кабальной службы. Какъ личное обязательство, связывавшее одно лицо съ другимъ, служилая кабала теряла силу со смертью одной изъ сторонъ. Въ XVII в. встрѣчаемъ по мѣстамъ кабалы съ обязательствомъ кабального „у государя своего слѣжить во дворѣ до своей смерти“. Но въ случаѣ смерти господина раньше холопа это условіе нарушало личный характеръ кабалы, заставляя кабального служить женѣ и дѣтямъ умершаго какъ бы наследственно. Между тѣмъ было два рода дворовыхъ слугъ, для которыхъ установился другой предѣлъ службы — смерть господина. Уже законъ 1556 г. постановилъ, что плѣнникъ, выданный въ холопство по суду, служить господину „до его живота“. Съ другой стороны, нѣкоторые на томъ же условіи поступали просто въ личное услуженіе не только безъ займа, но и безъ найма. Встрѣчаемъ служилую кабалу 1596 г., въ которой вольный человекъ обязуется служить не за ростъ, безъ займа, „по животъ“ господина, которому послѣ своей смерти отпустить слугу на волю съ женой, дѣтьми „и что у него живота наживеть, и съ приданіе его и дѣтей не дати за своими дѣтьми“. Здѣсь передъ нами три условія, въ которыхъ выражался личный характеръ служилой кабалы:

пожизненность владѣнія кабальнымъ, неотчуждаемость этого владѣнія и право кабальнаго на добытое на службѣ имущество. Эти условія, также вошедшія въ юридическій составъ кабальной службы, здѣсь устанавливаются договоромъ; по крайней мѣрѣ, до 1597 г. не извѣстны указы, узаконяющіе ихъ для кабальныхъ съ воли, не для полонянниковъ. Съ установленіемъ пожизненности служилая кабала получила характеръ холопей крѣпости: кабальный самъ по договору отказывался отъ права выкупиться и его неволя прекращалась только смертью или волей господина. Уже въ указѣ 1555 г. служилая кабала является со значеніемъ *крѣпости*, крѣпостного акта, на ряду съ полной и докладной, а въ одномъ завѣщаніи 1571 г. встрѣчаемъ и терминъ *кабальные холопы и роботы* вмѣсто обычнаго дотолѣ выраженія *кабальные люди* или просто *кабальные*. Тогда же становится извѣстна и форма служилой кабалы, державшаяся неизмѣнно цѣлое столѣтіе: вольный человекъ, одинъ или съ женой и дѣтьми, занималъ у извѣстнаго лица, обыкновенно у служилаго человека, нѣсколько рублей всегда ровно на годъ, отъ такого-то числа до того же числа слѣдующаго года, обязуясь „за ростъ у государя своего служить во дворѣ по вся дни, а полягутъ деньги по сроцѣ и мнѣ за ростъ у государя своего потому же служить по вся дни“. Эта стереотипная форма показываетъ, что она составила по нормѣ срочной закладной съ залогомъ лица, а не вещи, и съ предвидѣніемъ просрочки. Такія закладныя нерѣдки и сходны со служилыми кабалами въ условіяхъ и даже въ выраженіяхъ. Въ 1636 г. отецъ отдалъ займодавцу своего сына „на годъ служить“ съ обязательствомъ въ случаѣ неуплаты денегъ въ срокъ отпустить сына къ займодавцу „во дворѣ“.

Въ такомъ положеніи нашелъ кабальное холопство указъ, Указъ 1597 г. объявленный Холопѣму приказу 25 апр. 1597 г. Цѣлью

его было упорядочить холоповладѣніе, установить прочный порядокъ его укрѣпленія. Въ юридическій составъ кабалъной крѣпости онъ не вносилъ ничего новаго, только утвердивъ и формулировавъ сложившіяся уже отношенія. Постановивъ, что законную силу имѣютъ только служилыя кабалы, записанныя въ московскія кабалныя книги Холопьяго Суда и въ городахъ у приказныхъ людей, законъ предписываетъ кабалнымъ людямъ со своими женами и дѣтьми, поименованными въ ихъ кабалахъ, оставаться въ холопствѣ по тѣмъ кабаламъ, какъ и по докладнымъ, т.-е. до смерти своихъ господъ, и если кабалные будутъ предлагать выкупъ, господа могутъ денегъ отъ нихъ не принимать, челобитья о томъ холоповъ суду не слушать, а выдавать ихъ въ службу по тѣмъ кабаламъ до смерти ихъ господъ; дѣти кабалнаго, записанныя въ его кабалѣ или родившіяся во время его холопства, крѣпки отцову государю такъ же до его смерти. Но въ этомъ законѣ есть и новыя постановленія, вскрывающія закулисную игру господствующихъ классовъ насчетъ свободнаго труда. Рядомъ съ кабалными тогда существовали вольные слуги, служившіе безъ кабалъ, какъ вольнонаемная прислуга, или „добровольные холопы“, какъ называютъ ихъ документы. Иные служили такъ лѣтъ по 10 и больше, не желая давать на себя кабалъ своимъ хозяевамъ и сохраняя за собой право, признанное указомъ 1555 г., отойти отъ нихъ, когда захотятъ. Апрѣльскій законъ 1597 г. назначилъ срокъ для такой добровольной службы — меньше полугода: прослужившій полгода или больше обязанъ былъ давать на себя кабалу государю, который, его „кормилъ, одѣвалъ и обувалъ“. Карамзинъ вполне вѣрно оцѣнилъ это постановленіе, назвавъ его закономъ, „недостойнымъ сего имени своею явною несправедливостью“, изданнымъ „единственно

въ угодность знатному дворянству“. Однако это стѣсненіе вольной службы не обошлось безъ законодательныхъ колебаній: боярскій царь Василій Шуйскій воротился было къ закону 1555 г., но Боярская дума восстановила полугодовой срокъ добровольной службы, а Уложеніе сократило и этотъ короткий срокъ наполовину. Въ указѣ 1597 г. есть и другое постановленіе, показывающее, чьи интересы брали верхъ при слабомъ царѣ Ѳедорѣ. Законъ 1560 г., противодѣйствуя расширенію полного холопства, какъ я уже говорилъ, запретилъ несостоятельнымъ кабалнымъ людямъ продаваться въ полные и докладные холопы своимъ заимодавцамъ; по закону 1597 г. бѣглымъ кабалнымъ, пойманнымъ ихъ господами, разрѣшено было переходить въ болѣе тяжкую неволю къ своимъ господамъ, если сами того пожелаютъ. Апрельскій указъ скорѣе отягчилъ, чѣмъ облегчилъ крѣпостную неволю. Наблюдательный монахъ, келарь Авраамій Палицынъ помогаетъ объяснить такое направленіе законодательства. По его словамъ, при царѣ Ѳедорѣ вельможами, особенно родней и сторонниками все-сильнаго правителя Годунова, какъ и большимъ дворянствомъ, обуяла страсть поработать, кого только было можно: завлекали въ неволю всячески, ласками, подарками, вымогали „написаніе служивое“, служилую кабалу, силою и муками; иныхъ зазывали къ себѣ „винца токмо испить“; выпьеть неосторожный гость три-четыре чарочки — и холопъ готовъ: „о трехъ или четырехъ чарочкахъ достовѣренъ неволю рабъ бываше тѣмъ“. Но умеръ царь Ѳедоръ, воцарился Борисъ и наступили страшные голодные годы. Господа осмотрѣлись, и, увидавъ, что не могутъ прокормить многочисленной челяди, однихъ отпускали на волю, другихъ прогоняли безъ отпускныхъ, третьи разбѣгались сами, и все это живое богатство, такъ грѣшно нажитое,

разсыпалось и пошло прахомъ, а въ смуту многіе брошенныя холопы зло отплатили своимъ господамъ.

Объясненіе
ссуднаго
крестьян-
ства и ка-
балнаго
холопства.

Я воснулся исторіи кабальнаго холопства настолько, чтобы объяснить его дѣйствіе на судьбу владѣльческихъ крестьянъ. При первомъ взглядѣ трудно замѣтить точки соприкосновенія между столь различными общественными состояніями, какъ холопъ и крестьянинъ: одинъ былъ человѣкъ нетяглый, другой тянулъ тягло; одинъ работалъ на господскомъ дворѣ, другой на господской землѣ. Но въ господинѣ и заключалась точка соприкосновенія: онъ служилъ общимъ узломъ юридическихъ и хозяйственныхъ отношеній того и другого, распоряжался тѣмъ и другимъ. По воцареніи новой династии, какъ мы видѣли (конецъ лекціи XXXVII), отношеніе крестьянъ къ землѣ и къ землевладѣльцамъ оставалось неопредѣленнымъ. Законъ царя Василья 1607 г. о личномъ прикрѣпленіи по писцовымъ книгамъ въ Смуту утратилъ силу. Въ селѣ дѣйствовали порядки, установившіеся къ началу XVII в. Крестьянскіе договоры совершались на прежнихъ условіяхъ добровольнаго соглашенія: крестьянамъ „издѣля на меня дѣлатъ по поряднымъ записямъ какъ явъ съ ними уговоръ учиню полюбовно и въ записехъ напишемъ“—такъ писали въ договорахъ. При переходѣ имѣній изъ рукъ въ руки крестьяне, не связанные давностью или обязательствами по ссудѣ, могли уходить, куда хотѣли, новымъ владѣльцамъ до нихъ и до ихъ животовъ дѣла не было, „отпустить ихъ со всѣмъ“, какъ писалось въ актахъ. При этомъ крестьяне *старинные*, родившіеся на своихъ участкахъ или за своими владѣльцами, и *старожильцы*, отсидѣвшіе десятилѣтнюю давность, оставались на своихъ мѣстахъ, а новопосаженныхъ со ссудой владѣлецъ, ихъ посадившій, увозилъ къ себѣ въ другое свое имѣніе. Крестьяне продолжали

отрабатывать ростъ за полученную ссуду издѣльемъ, барщиной. Эта отработка роста и стала сближать ссудное крестьянство съ кабалнымъ холопствомъ. Издѣлье крестьянина было такой же личной работой на господина, какъ и служба кабалнаго за ростъ; только послѣдній служилъ во дворѣ, а первый работалъ на дворѣ, „ходилъ во дворъ, дворовое дѣло дѣлалъ“, какъ писалось въ порядныхъ грамотахъ. Хозяйственная близость вела и къ юридическому сближенію. Какъ скоро въ правѣ установилась мысль, что кабалное обязательство простирается не только на дѣйствія, но и на лицо кабалнаго, дѣлая его крѣпостнымъ, эта мысль настойчиво стала пробивать себѣ путь въ сознание землевладѣльцевъ и въ ихъ отношенія къ крестьянамъ. Такое распространительное пониманіе крестьянскихъ отношеній облегчалось и съ холопей стороны: движеніе крестьянства въ сторону холопства встрѣтилось съ противоположнымъ движеніемъ холопства въ сторону крестьянства. Подлѣ крестьянина-хлѣбопашца, исполнявшаго работу на барскій дворъ, появляется дворовый, становившійся хлѣбопашцемъ. Смутное время пронеслось по странѣ ураганомъ, который вымелъ массы крестьянства изъ центральныхъ областей государства. Почувствовалась острая нужда въ рабочихъ земледѣльческихъ рукахъ, которая заставила землевладѣльцевъ обратиться къ старинному испытанному средству, искать новыхъ рукъ для сельской работы въ холопствѣ. Они начали сажать своихъ дворовыхъ людей на пашню, давать имъ ссуду, обзаводить ихъ дворами, хозяйствомъ и земельными надѣлами. При этомъ съ холопомъ заключали особый договоръ, который подобно крестьянскому назывался *ссудной записью*. Такъ, среди холопства возникъ сельскій классъ, получившій названіе *задворныхъ людей*, потому что они селились особыми

Задворные
люди.

избами „за дворомъ“ землевладѣльца. Этотъ классъ появляется еще во второй половинѣ XVI вѣка: въ актахъ 1570—1580-хъ гг. встрѣчаемъ „задворья“, „задворныя дворишки“ за большимъ барскимъ дворомъ. Численность этого несвободнаго сельскаго класса замѣтно растетъ въ продолженіе XVII в. Въ поземельныхъ описяхъ первой половины вѣка они отмѣчаются не часто, но во второй половинѣ являются во многихъ мѣстностяхъ обычной и значительной составной частью земледѣльческаго населенія. Въ Бѣлевскомъ уѣздѣ по переписи 1630-хъ годовъ „людскіе“, холопы дворы, которые далеко не всѣ принадлежали задворнымъ, составляли немного менѣе 9%, всего земледѣльческаго населенія, крестьянскаго, бобыльскаго и холопьяго, жившаго на земляхъ служилыхъ землевладѣльцевъ особыми дворами; по переписи 1678 г. однихъ задворныхъ значилось 12%. Съ теченіемъ времени къ нимъ присоединилась и часть господской дворни, *дѣловые люди*, которые въ переписяхъ прописывались живущими въ помѣщичьихъ и вотчинничьихъ дворахъ, но состояли въ хозяйственномъ и юридическомъ положеніи, совершенно одинаковомъ съ задворными людьми. Задворные выходили изъ всѣхъ разрядовъ холопства, преимущественно изъ холопства кабалнаго. Но положеніе задворнаго человѣка, какъ холопа-хозяина, дворовладѣльца, имѣло и нѣкоторое юридическое дѣйствіе: задворный человѣкъ по закону 1624 г. самъ своимъ имуществомъ отвѣчалъ за свое преступленіе, а не его господинъ. Значить, его имущество признавалось его собственностью, хотя бы и не полной. Задворный и укрѣплялся особымъ способомъ: онъ давалъ на себя ссудную запись, не только селясь за барскимъ дворомъ съ воля, но и при переходѣ за барскій дворъ изъ двороваго холопства. Такимъ образомъ задворная запись созда-

вала особый видъ холопства, служившій переходомъ отъ дворовой службы на крестьянскую пашню.

Въ одной грамотѣ 1628 г. помѣщикъ пишетъ, что въ за-
селенную имъ пустошь онъ „своихъ дворовыхъ кабаль-
ныхъ и старинныхъ людей во крестьяне посадилъ и ссуду имъ давалъ“. Это не значить, что онъ сдѣлалъ своихъ холоповъ настоящими крестьянами: такая перемѣна положенія выводила холопа на волю и превращала его изъ нетяглаго челоуѣка въ податного хлѣбопашца; ни то, ни другое не было выгодно владѣльцу. И прежде холоповъ сажали на пашню: это былъ привычный пріемъ частнаго землевладѣльческаго хозяйства. Но прежде не говорили при этомъ, что сажали холоповъ „во крестьяне“. *Посадить холопа во крестьяне* — выраженіе, взятое не изъ права, а изъ новой практики поземельныхъ отношеній, и показываетъ, насколько тогда ссудный крестьянинъ приблизился къ холопу. Около того именно времени и въ крестьянскихъ договорахъ съ землевладѣльцами появляется чисто крѣпостное условіе. Сохранилась ссудная запись того же 1628 года, гдѣ вольный челоуѣкъ обязуется „за государемъ своимъ жить во крестьянехъ по свой животъ безвыходно“. Это условіе безвыходности принимало довольно разнообразныя формы выраженія. Прежде крестьянинъ, рѣдившійся на землю со ссудой, писалъ въ ссудной записи, что если онъ уйдетъ, не исполнивъ принятыхъ на себя обязательствъ, то на немъ взять землевладѣльцу свою ссуду и пеню или неустойку „за убытки и за волокиту“, за хозяйственныя потери и за издержки судебного взыскапія—и только. Теперь къ обязательству крестьянина уплатить неустойку за уходъ прибавлялось условіе: землевладѣльцу, *исударю*, „вольно меня отовсюду къ себѣ взяти“, „а и впредь таки я на томъ участкѣ крестьянинъ

Крѣпостная
крестьян-
ская запись

и жалець и тяглець“; „а крестьянство и впредь въ крестьянство“, за ту ссуду за государемь мнѣ „жить во крестьянствѣ вѣчно и никуда не сбѣжать“ и т. п. Всѣ эти формы значили одно: крестьянинъ самъ навсегда отказывался отъ права выхода и неустойку, погашавшую обязательства договора, превращалъ въ пеню за побѣгъ, не возвращавшую ему этого права и не уничтожавшую договора. Скоро эта безвыходность стала общимъ заключительнымъ условіемъ ссудныхъ записей: она и составила *крестьянскую крѣпость* или *вѣчность крестьянскую*, какъ говорили въ XVII в. Это условіе впервые и сообщило крестьянской ссудной записи значеніе крѣпостного акта, утверждавшаго личную зависимость безъ права зависимаго лица прекратить ее.

На происхожденіе.

Хронологическое совпаденіе крестьянской крѣпости съ посадной холоповъ „во крестьяне“ въ третьемъ десятилѣтіи XVII в. не было случайностью: то и другое имѣло тѣсную связь съ большимъ тогдашнимъ переломомъ въ государственномъ и землевладѣльческомъ хозяйствѣ. Смута сдвинула съ насиженныхъ мѣстъ массы старожилago тяглаго люда, городского и сельскаго, и разстроила старые земскіе міры, круговою порукой обезпечивавшіе казнѣ податную исправность своихъ членовъ. Одною изъ первыхъ заботъ правительства новой династіи было возстановить эти міры. На земскомъ соборѣ 1619 г. было постановлено переписать и разобрать тяглыхъ обывателей и при этомъ бѣглецовъ возвратитъ на старыя мѣста жительства, а закладчиковъ повернуть въ тягло. Долго это дѣло не удавалось по негодности исполнителей, писцовъ и дозорщиковъ. Эта неудача вмѣстѣ съ большимъ московскимъ пожаромъ 1626 г., истребившимъ поземельныя описи въ столичныхъ приказахъ, понудила правительство предпринять

въ 1627—1628 гг. новую общую перепись по болѣе широкому и обдуманному плану. Книги этой переписи имѣли полицейско-финансовое назначеніе привести въ извѣстность и укрѣпить на мѣстахъ податныя силы, какими могла располагать казна; съ этой цѣлью пользовались ими по отношенію къ крестьянамъ и впоследствии, со времени Уложенія. Переписью провѣрялись дѣйствовавшія поземельныя отношенія между крестьянами и владѣльцами, разрѣшались столеновенія, спорные случаи; но она не вносила въ эти отношенія новыхъ нормъ, не устанавливала этихъ отношеній, гдѣ ихъ не было, предоставляя это добровольному частному соглашенію сторонъ. Однако „писцовая записка“ по мѣсту жительства давала общую основу для такихъ соглашеній, регулировала ихъ и косвенно ихъ вызывала. Бродячій вольный хлѣбопашецъ, застигнутый писцомъ на землѣ владѣльца, куда онъ забрелъ для временной „крестьянской пристани“ и за нимъ записанный, волеяневолей рядился къ нему въ крестьяне на условіяхъ добровольнаго соглашенія и вдвойнѣ укрѣплялся за нимъ, какъ этой писцовой, такъ и порядной записью, какую давалъ на себя. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе договоры прямо съ кабальными условіями. Одни, прежде чѣмъ порядиться въ крестьяне, по нѣсколько лѣтъ жили у землевладѣльцевъ „добровольно“, безъ записи, какъ это дѣлали кабальные. Другіе, рядясь безъ ссуды, писали въ записяхъ, что они впредь обязуются жить за своими господами во крестьянствѣ по ихъ господскую смерть, а какъ ихъ, господъ, судомъ Божиимъ въ животъ не станеть, волю имъ, крестьянамъ, прочь отойти, куда похотятъ: это — основное условіе служилой кабалы. Иной, какъ въ приведенной порядной 1628 г., обязывался „за государемъ своимъ жить во крестьянехъ по *своей* животъ безвыходно“:

Ка условіа.

такъ иногда рядились и кабальные. Но обыкновенно крестьяне рядились „съ воли“ попрежнему со ссудой, которую иногда обязывали возвратить „всю сполна“ въ срокъ, иногда съ рассрочкой, „исподоволу“; чаще же всего договоры умалчивали объ этомъ предметѣ и обуславливали вернуть ссуды только неисполненіемъ хозяйственныхъ обязательствъ крестьянина или его побѣгомъ. Какъ ни были разнообразны, запутаны и сбивчивы условія крестьянскихъ записей того времени, въ нихъ все же можно разглядѣть основныя нити, изъ которыхъ сплеталась крестьянская крѣпость: то была *полицейская приписка* по мѣсту жительства, *ссудная задолженность*, *дѣйствіе кабалнаго холопства и добровольное соглашеніе*. Первые два элемента были основными источниками крѣпостнаго права, создававшими землевладѣльцу возможность приобрести крѣпостную власть надъ крестьяниномъ; вторые два имѣли служебное значеніе, какъ средства дѣйствительнаго приобретенія такой власти. Въ крестьянскихъ договорахъ можно, кажется, уловить самый моментъ перехода отъ воли къ крѣпости, и этотъ моментъ указываетъ на связь этого перехода съ общей переписью 1627 г. Самая ранняя изъ извѣстныхъ порядныхъ съ крѣпостнымъ обязательствомъ относится къ тому самому 1627 году, когда предпринята была эта перепись. Здѣсь „старые“ крестьяне помѣщика заключаютъ съ нимъ новый договоръ съ условіемъ отъ него „не сойти и не сбѣжать, оставаться крѣпкими ему во крестьянствѣ“. Какъ у старыхъ крестьянъ, у нихъ были опредѣленныя, установившіяся отношенія къ помѣщику; можетъ быть, по старожильству они и безъ того уже были безвыходными сидѣльцами на своихъ участкахъ, не могли расчитаться по полученнымъ когда-то ссудамъ; въ другихъ порядныхъ крестьяне прямо обязываются сво-

ему старому помѣщику быть крѣпкими „попрежнему“. Значитъ, новое крѣпостное условіе было только юридическимъ закрѣпленіемъ фактически сложившагося положенія. Полицейское прикрѣпленіе къ тяглу или къ состоянію по мѣсту жительства поднимало вопросъ объ укрѣпленіи крестьянина за владѣльцемъ, на землѣ котораго онъ записанъ. Готовыхъ юридическихъ нормъ для этого не было и ихъ по сходству хозяйственныхъ отношеній стали заимствовать изъ стороннихъ образцовъ, изъ служилой кабалы или задворной ссудной записи, комбинируя въ разныхъ мѣстахъ различно по добровольному соглашенію условія крестьянскаго тягла и дворовой службы. Къ такому смѣшенію разнородныхъ юридическихъ отношеній велъ самый переломъ, совершавшійся послѣ Смуты въ землевладѣльческомъ хозяйствѣ. Прежде предметомъ сдѣлки между крестьяниномъ-сѣмщикомъ и землевладѣльцемъ служила земля подъ условіемъ выдѣла доли произведеній земли или равноцѣннаго ей денежнаго оброка въ пользу землевладѣльца. Ссуда вовлекала въ расчетъ еще и личный крестьянскій трудъ на землевладѣльца, барщину, какъ дополнительную повинность за долгъ, и даже крестьянское имущество, инвентарь, создававшійся съ помощью ссуды. Послѣ Смуты условія поземельнаго учета еще измѣнились: опустѣлая земля упала въ цѣнѣ, а крестьянскій трудъ и барская ссуда вздорожали; крестьянинъ нуждался больше въ ссудѣ, чѣмъ въ землѣ, землевладѣлецъ искалъ больше работника, чѣмъ арендатора. Этой обоюдной нуждой можно объяснить одну запись 1647 г., когда крестьянская крѣпость уже упрочилась и изъ личной превращалась въ потомственную: здѣсь не крестьянинъ даетъ обязательство не уходить отъ помѣщика, а помѣщикъ обязуется не сгонять крестьянина съ его стараго обстроенаго жеребья—

иначе вольно ему, крестьянину, от помѣщика „прочь отойти на всѣ четыре стороны“. Та же обоюдная нужда со временемъ подъ давленіемъ общей переписи 1627 г. превратила крестьянскія порядныя изъ договоровъ о пользованіи господской землей въ сдѣлки на обязательный крестьянскій трудъ, а право на трудъ стало основой власти надъ личностью, надъ ея волей; да и самая эта перепись, какъ увидимъ, была вызвана потребностью казны перенести податное поземельное обложеніе съ пашни на самого хлѣбопашца. Въ новомъ складѣ хозяйственныхъ отношеній стали мѣшаться прежнія юридическія состоянія: холопы переходили въ крестьянство и наоборотъ, дворовые принимались за крестьянскую пашню, а пашенные крестьяне дѣлали дворовое дѣло, и изъ этого смѣшенія вышла крестьянская крѣпость.

Государство
и землевла-
дѣльцы.

Законъ и помѣщикъ, повидимому, поддерживали другъ друга въ погонѣ за крестьяниномъ. Но согласіе было только наружное: обѣ стороны тянули въ разныхъ направленіяхъ. Государству нуженъ былъ усидчивый тягалецъ, котораго всегда можно было бы найти по писцовой книгѣ на опредѣленномъ участіи и который частными обязательствами не ослаблялъ бы своей податной способности, а помѣщикъ искалъ пахотнаго холопа, который дѣлалъ бы исправно „дѣло его помѣщичье, пашенное и гуменное и дворовое“ и оброкъ платилъ бы, котораго сверхъ того можно было бы при случаѣ продать, заложить и въ приданое отдать безъ земли. Правительству перваго царя новой династіи, избраннаго при поддержкѣ высшей церковной іерархіи и дворянства, но связаннаго обязательствами передъ боярствомъ, въ крестьянскомъ дѣлѣ пришлось сводить счеты и съ крупнымъ землевладѣніемъ, боярскимъ и церковнымъ, и съ мелкимъ дворянствомъ. Поль-

зуюсь тяжелымъ положеніемъ податного населенія послѣ Смуты, крупные землевладѣльцы, бояре, архіереи, монастыри оттянули у казны къ себѣ въ льготные закладчики, подъ свою сильную „заступу“, множество тяглаго люда, въ томъ числѣ и крестьянъ. Земскій соборъ еще 3 іюля 1619 г. постановилъ: „тѣмъ закладчикамъ быть попрежнему, гдѣ кто былъ напередъ сего“, поворотить ихъ въ тягло на прежнія мѣста. Но цѣлыхъ 30 лѣтъ властная знать обоего чина, бѣлаго и чернаго, отбивалась отъ этого соборнаго приговора всей земли, и только въ Уложеніи 1649 г. дворянскіе и посадскіе выборные люди провели рѣшительныя статьи о конфискаціи боярскихъ и церковныхъ слободъ, населенныхъ закладчиками. Въ отношеніи къ крестьянамъ законодательству предстояло рѣшить много вопросовъ; но оно не спѣшило съ этимъ дѣломъ. Около Михаила, царя совѣтъ несерьознаго, не стояло ни одного серьезнаго государственнаго человѣка, и правительство шло за текущими дѣлами, не обгоняя ихъ и предоставляя самой жизни завязывать узлы, съ которыми не знали что дѣлать дальнѣйшія поколѣнія. Съ появленіемъ крѣпостнаго обязательства въ крестьянскихъ договорахъ законодательству необходимо было разграничить точною межей интересы государственный и частный. Писцовая книга крѣпила крестьянина къ состоянію, къ тяглу по мѣсту жительства, ссудная запись къ лицу по личному договору. Эта двойственность отразилась въ крестьянскихъ записяхъ шаткостью крѣпостной формулы. Чаще всего крестьянинъ неопредѣленно говоритъ, что онъ „по сей записи и впредь за государемъ своимъ во крестьянехъ крѣпокъ“. Нерѣдко крестьянинъ прикрѣпляется къ лицу по землѣ безъ обозначенія опредѣленнаго участка: крестьяне обязывались жить за государемъ своимъ въ такомъ-то селѣ или „гдѣ онъ

намъ указать“; крестьянинъ радился на крестьянскій участокъ, на который „онъ, государь, меня пожалуетъ по моей силѣ, на который я измогу“. Рѣже крестьянинъ укрѣплялся своему государю „по своему тяглому участку и по сей записи“, соединяя личное укрѣпленіе съ поземельнымъ, съ сидѣньемъ на известномъ тягломъ участкѣ, обязуясь жить на томъ участкѣ безвыходно и „съ того участка никуда не сойти“. Наконецъ, еще рѣже, и то уже къ концу XVII в., встрѣчаемъ прикрѣпленіе къ мѣсту, къ поселку, независимо отъ лица владѣльца; въ ссудной записи 1688 г. къ обычному крѣпостному обязательству крестьянина жить за владѣльцемъ въ такой-то деревнѣ прибавлено условіе — жить тому крестьянину въ той деревнѣ „и впредь за кѣмъ та деревня будетъ“. Точно такъ же законъ не устанавливалъ ни срока крестьянской крѣпости, ни размѣровъ повинностей, изъ нея вытекавшихъ, представляя все это добровольному соглашенію, а ссудныя записи здѣсь, какъ мы видѣли, придерживались неопредѣленныхъ условій служилой кабалы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, судя по сохранившимся поряднымъ записямъ Залѣсской половины Шелонской пятины 1646—1652 гг., точно определялась барщина: бобыль обязывался работать на боярина, „дѣлать боярское дѣло по одному дню пѣшему“ въ недѣлю, крестьянинъ по одному или по два дня „съ лошадыю“, либо одну недѣлю по одному дню, а другую по два. Но это были мѣстные обычаи, сложившіеся независимо отъ законодательной нормировки поземельныхъ отношеній. Стереотипной общей нормой было глухое обязательство крестьянина „помѣщичькое всякое дѣло дѣлать и оброкъ платить, чѣмъ онъ меня пожалуетъ, по моему участку изоброчить съ сосѣды вмѣстѣ“, или „помѣщика во всемъ слушать, пашню на него пахати и дворовое дѣло дѣлати“ и т. п.

Такъ безпорядочной борьбѣ частныхъ интересовъ представлено было рѣшеніе одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ государственнаго порядка — о предѣлахъ права землевладѣльца на трудъ его крѣпостнаго крестьянина. Это была либо недоглядка, либо малодушная уступка небрежнаго законодательства интересамъ дворянства, которое, какъ сильнѣйшая сторона, не приминуло воспользоваться своимъ преимуществомъ.

Другой правительственной уступкой дворянству въ крестьянскомъ дѣлѣ была отмѣна *урочныхъ лѣтъ*, давности для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Съ начала XVI в. дѣйствовалъ пятилѣтній срокъ, смѣнившійся по закону 1607 г. пятнадцатилѣтнимъ. Но послѣ Смуты воротились къ прежнему пятилѣтнему. При такомъ короткомъ срокѣ бѣглый легко пропадалъ для владѣльца, который не успѣвалъ провѣдать бѣглеца; чтобы вчинить искъ о немъ. Въ 1641 г. дворяне просили царя „отставить урочныя лѣта“; но вмѣсто того была только удлинена исковая давность для бѣглыхъ крестьянъ до десяти лѣтъ, для вывозныхъ до пятнадцати. Въ 1645 г. въ отвѣтъ на повторенное челобитіе дворянъ правительство подтвердило указъ 1641 г. Наконецъ, въ 1646 г., предпринимая новую общую перепись, оно вняло настойчивымъ ходатайствамъ дворянства и въ писцовомъ наказѣ этого года обѣщало, что „какъ крестьянъ и бобылей и дворы ихъ переписшутъ, и по тѣмъ переписнымъ книгамъ крестьяне и бобыли и ихъ дѣти и братья и племянники будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ“. Это обѣщаніе и было исполнено правительствомъ въ Уложеніи 1649 г., которое узаконило возвращать бѣглыхъ крестьянъ по писцовымъ книгамъ 1620-хъ годовъ и по переписнымъ 1646—1647 гг. „безъ урочныхъ лѣтъ“. Отмѣна исковой давности сама по себѣ не измѣняла юриди-

Отмѣна
урочныхъ
лѣтъ.

ческаго характера крестьянской крѣпости, какъ гражданскаго обязательства, нарушеніе котораго преслѣдовалось по частному почину потерпѣвшаго; она только кляла на крестьянство еще одну общую черту съ холопствомъ, искн о которомъ не подлежали давности. Но писцовый наказъ, отмѣняя исковую давность, при этомъ крѣпилъ не отдѣльныя лица, а цѣлые дворы, сложные семейные составы; писцовая приписка къ состоянію по мѣсту жительства, захватывавшая крестьянъ-домохозяевъ съ ихъ неотдѣленными нисходящими и боковыми, вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпляла ихъ и за владѣльцемъ, получавшимъ теперь право искать ихъ въ случаѣ побѣга безерочно, какъ холоповъ, и личную крестьянскую крѣпость превращала въ потомственную. Можно думать, впрочемъ, что такое расширеніе крестьянской крѣпости было только закрѣпленіемъ давно сложившагося фактическаго положенія: въ массѣ крестьянства сынъ при нормальномъ наслѣдованіи отцовскаго двора и инвентаря не заключалъ новаго договора съ владѣльцемъ; только когда наслѣдницей оставалась незамужняя дочь, владѣлецъ заключалъ особый договоръ съ ея женихомъ, входившимъ въ ея домъ „къ отца ея ко всему животу“. Наказъ 1646 г. отразился и на крестьянскихъ договорахъ: съ того времени учащаются записи, распространяющія обязательства договаривающихся крестьянъ и на ихъ семейства, а одинъ вольноотпущенный холостой крестьянинъ, рядясь на землю Кириллова монастыря со ссудой, простираетъ принимаемыя обязательства и на свою будущую жену съ дѣтьми, которыхъ „дасть ему Богъ по женитьбѣ“. Потомственность крестьянской крѣпости поднимала вопросъ объ отношеніи государства къ владѣльцу крѣпостныхъ крестьянъ. Обеспечивая интересы казны, законодательство еще въ XVI в. прикрѣпило казенныхъ крестьянъ къ тяглу

по участку или по мѣсту жительства и стѣснило передвиженіе крестьянъ владѣльческихъ. Съ начала XVII в. подобное же сословное укрѣпленіе постигло и другіе классы. То была генеральная переборка общества по родамъ государственныхъ тягостей. Въ отношеніи къ владѣльческимъ крестьянамъ эта переборка осложнялась тѣмъ, что между казной, въ интересѣ которой она производилась, и крестьяниномъ стоялъ землевладѣлецъ, у котораго были свои интересы. Законъ не вмѣшивался въ частныя сдѣлки одного съ другимъ, пока онѣ не нарушали казеннаго интереса: такъ допущено было въ ссудныя записи крѣпостное обязательство. Но то были частныя сдѣлки съ отдѣльными крестьянами — дворохозяевами. Теперь безсрочно укрѣплялось за землевладѣльцами все крестьянское населеніе ихъ земель и съ неотдѣленными членами крестьянскихъ семействъ. Личная крестьянская крѣпость *по договору*, по ссудной записи, превращалась въ потомственное укрѣпленіе *по закону*, по писцовой или переписной книгѣ; изъ частнаго гражданскаго обязательства рождалась для крестьянъ новая государственная повинность. Доселѣ законодательство строило свои нормы, собирая и обобщая отношенія, возникавшія изъ сдѣлокъ крестьянъ съ землевладѣльцами. Писцовымъ наказомъ 1646 г. оно само давало норму, изъ которой должны были возникнуть новыя отношенія хозяйственныя и юридическія. Уложенію 1649 г. предстояло ихъ направить и предусмотрѣть.

Это Уложеніе по своему обычаю отнеслось къ крѣпостнымъ крестьянамъ поверхностно, даже прямо фальшиво: статья 3 главы XI утверждаетъ, будто „по нынѣшней государевъ указъ государевы заповѣди не было, что никому за себя крестьянъ (рѣчь идетъ о бѣглыхъ) не приимати“, тогда какъ указъ 1641 г. ясно говоритъ: „не при-

Крѣпостные
по Уложе-
нію.

май чужихъ крестьянъ и бобылей“. Почти вся XI глава Уложения трактуетъ только о крестьянскихъ побѣгахъ, не выясняя ни сущности крестьянской крѣпости, ни предѣловъ господской власти, и набрана кой съ какими прибавками изъ прежнихъ узаконеній, не исчерпывая, впрочемъ, своихъ источниковъ. При составленіи схемы крестьянской крѣпости по казуальнымъ статьямъ Уложения эти узаконенія помогаютъ пополнить недомолвки неисправнаго кодекса. Законъ 1641 г. различаетъ въ составѣ крестьянской крѣпости три исковыя части: *крестьянство*, *крестьянскіе животы* и *крестьянское владѣніе*. Такъ какъ крестьянское владѣніе значитъ право владѣльца на трудъ крѣпостного крестьянина, а крестьянскіе животы — это его земледѣльческій инвентарь со всею движимостью, „пашенной и дворовой посудой“, то подъ *крестьянствомъ* остается разумѣть самую принадлежность крестьянина владѣльцу, т.-е. право послѣдняго на личность перваго независимо отъ хозяйственнаго положенія и отъ употребленія, какое дѣлалъ владѣлецъ изъ крестьянскаго труда. Это право укрѣплялось прежде всего писцовыми и переписными книгами, а также и „иными крѣпостями“, гдѣ крестьянинъ или его отецъ написанъ за владѣльцемъ. Безвредное пользованіе этими тремя составными частями крестьянской крѣпости зависѣло отъ степени точности и предусмотрительности, съ какою законъ опредѣлялъ условія крестьянскаго укрѣпленія. По Уложенію крѣпостной крестьянинъ наслѣдственно и потомственно былъ крѣпокъ *лицу*, физическому или юридическому, за которымъ его записала писцовая или однородная съ ней книга; онъ былъ этому лицу крѣпокъ *по землѣ*, по участку въ томъ имѣніи, въ помѣстьѣ или вотчинѣ, гдѣ его заставляла перепись; наконецъ, онъ былъ крѣпокъ состоянію, крестьянскому тяглу, которое онъ

несъ по своему земельному участку. Ни одно изъ этихъ условій не проведено въ Уложеніи послѣдовательно. Оно запрещало переводить помѣстныхъ крестьянъ на вотчинныя земли, потому что это разоряло государственныя имущества, какими были помѣстья, запрощало владѣльцамъ брать служилыя кабалы на своихъ крестьянъ и ихъ дѣтей и отпущать помѣстныхъ крестьянъ на волю, потому что тотъ и другой зеть выводилъ крестьянъ изъ тяглаго состоянія, лишая казну податныхъ плательщиковъ; но рядомъ съ этимъ оно разрѣшало увольненіе вотчинныхъ крестьянъ (XI, 30; XX, 113; XV, 3). Кромѣ того, Уложеніе молчаливо допускало или прямо утверждало совершавшіяся въ то время между землевладѣльцами сдѣлки, которыя отрывали крестьянъ отъ ихъ участковъ, допускало отчужденія безъ земли и притомъ съ отнятіемъ животновъ, даже предписывало переводы крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому безъ всякаго повода съ крестьянской стороны, по винѣ самихъ господъ. Дворянинъ, продавшій послѣ переписи свою вотчину съ бѣглыми крестьянами, подлежащими возврату, обязанъ былъ вмѣсто нихъ отдать покупщику изъ другой своей вотчины „такихъ же крестьянъ“, неповинныхъ въ плутнѣ своего господина, или у помѣщика, убившаго безъ умысла чужого крестьянина, брали по суду его „лучшаго крестьянина съ семьей“ и передавали владѣльцу убитаго (XI, 7; XXI, 71). Законъ оберегалъ только интересы казны или землевладѣльца; власть помѣщика встрѣчала законную преграду только при столкновеніи съ казеннымъ интересомъ. Личныя права крестьянина не принимались въ расчетъ; его личность исчезала въ мелочной казуистикѣ господскихъ отношеній; его, какъ хозяйственную подробность, судъ бросалъ на свои вѣсы для возстановленія нарушеннаго равновѣсія дворянскихъ интересовъ.

Для этого даже разрывали крестьянскія семьи: крѣпостная бѣглянка, вышедшая замужъ за вдовца, крестьянина или холопа чужого господина, выдавалась своему владѣльцу съ мужемъ, но дѣти его отъ первой жены оставались у прежняго владѣльца. Такое противоцерковное дробленіе семьи законъ допускалъ совершать безразлично надъ крестьяниномъ такъ же, какъ и надъ холопомъ (XI, 13). Одинъ изъ наиболѣе тяжелыхъ по своимъ слѣдствіямъ недосмотровъ Уложенія состоялъ въ томъ, что оно не опредѣляло точно юридическаго существа крестьянскаго инвентаря: ни составители кодекса, ни пополнявшіе его соборные выборные, среди которыхъ не было владѣльческихъ крестьянъ, не сочли нужнымъ ясно установить, насколько „животы“ крестьянина принадлежать ему и насколько его владѣльцу. Неумышленный убійца чужого крестьянина, свободный человѣкъ, платилъ „кабальные долги“ убитаго, подтверждаемые заемными письмами (XXI, 71). Значить, крестьянинъ какъ будто считался правоспособнымъ входить въ обязательства по своему имуществу. Но крестьянинъ, женившійся на бѣглой крестьянкѣ, выдавался вмѣстѣ съ женой ея прежнему владѣльцу безъ животныхъ, которые удерживалъ за собой владѣлецъ ея мужа (XI, 12). Выходить, что инвентарь крестьянина былъ только его хозяйственной принадлежностью, какъ крестьянина, а не его правовую собственность, какъ правоспособнаго лица, и крестьянинъ терялъ его даже въ томъ случаѣ, когда женился на бѣглянкѣ свѣдома и даже по волѣ своего владѣльца.

Крестьянскіе
животы.

Практика, вскрывающаяся въ частныхъ актахъ, выясняетъ эту двусмысленность закона. Здѣсь видимъ составъ и съ нѣкоторыхъ сторонъ самое юридическое значеніе крестьянскихъ животныхъ. Это — земледѣльческій инвентарь, деньги, скоть, хлѣбъ сѣяный и молочный, „плате всякое

и всякій домовый запасъ“. Изъ порядныхъ записей видимъ, что крестьянскіе животы переходили отъ крестьянина къ его сыновьямъ, женѣ, дочери въ видѣ наслѣдства, къ зятю какъ бы въ приданое, но во всѣхъ случаяхъ съ согласія или по волѣ владѣльца. Нерѣдко вольный холостой человекъ шелъ съ пустыми руками, только „душою да тѣломъ“, въ домъ къ помѣщикову крестьянину „въ годы и въ животы“, жениась на его дочери и обязуясь у тестя жить въ одномъ дворѣ известное число лѣтъ, напримѣръ 8 или 10, съ правомъ, отживъ урочныя лѣта, отдѣлиться и взять у тестя или послѣ него у его сына половину или треть во всемъ, не только въ животѣ, но и „въ хоромахъ и въ землѣ, въ полевой пашнѣ и въ огородахъ“. Точно такъ же женились на крестьянскихъ дочеряхъ и вдовахъ, идя въ ихъ дома къ животамъ ихъ умершихъ отцовъ или мужей. Этими животами „владѣли“ крестьяне, на дочеряхъ или вдовахъ которыхъ женились пришельцы; но женихи брали эти животы вмѣстѣ съ невѣстами у ихъ господъ, къ которымъ они при этомъ рядились „во крестьяне“, становясь ихъ крѣпостными. Такое совмѣщеніе въ одномъ имуществѣ двухъ различныхъ обладателей объясняется двойственнымъ происхожденіемъ крестьянскихъ животовъ: они обычно создавались трудомъ крестьянина съ помощью барской есуды. По Уложенію, видѣли мы, мужъ бѣглой крестьянки терялъ свои животы при выдачѣ его владѣльцу своей жены. Въ порядныхъ записяхъ 1630-хъ годовъ встрѣчаемъ еще болѣе выразительные случаи, не предвиденные Уложеніемъ: бѣгле выдávalись по суду ихъ владѣльцамъ вмѣстѣ съ женами-крестьянками, на которыхъ они женились въ бѣгахъ; но имущество, унаслѣдованное этими крестьянками отъ отцовъ или первыхъ мужей, удерживали за собой ихъ владѣльцы, разрѣшавшіе имъ эти браки. Господа считали

себя даже въ правѣ отчуждать животы своихъ крестьянъ по договору съ третьими лицами: въ 1640 г. вольный чело-вѣкъ, женись на вскормленницѣ крестьянина, порядился въ крестьяне къ его владѣльцу по кабальному праву до смерти господина, съ условіемъ, отживъ урочные годы во дворѣ „тестя своего“, взять у него или у его сына половину живота и съ женой „отойти прочь на волю“ къ прямому ущербу и крестьянскаго двора, и крестьянскаго общества. Очевидно, крестьянскіе животы — имущество, въ которомъ различались фактическое владѣніе и право собственности: первое принадлежало крѣпостному крестьянину, второе — землевладѣльцу. Это — нѣчто похожее на рабскій пекулій римскаго права или на *отаричу* древнѣйшаго права русскаго; владѣльческій крестьянъ эпохи Уложенія по имущественному своему состоянію возвращался въ положеніе своего соціальнаго предка, ролейнаго закупа Русской Правды. Такіе животы или *собины*, какъ они еще назывались въ XVII в., бывали и у холоповъ, которые по нимъ могли вступать въ имущественныя сдѣлки даже со своими господами: въ одной служилой кабалѣ 1596 г. холопъ, обязуясь служить господину „по его животъ“, обязываетъ и господина послѣ своего живота отпустить его на волю съ тѣмъ, что онъ, холопъ, „у него живота наживетъ“. Холопъ по закону не имѣлъ права собственности и могъ возложить на своего господина такое обязательство только въ расчетѣ на его нравственную порядочность. Очевидно, и Уложеніе смотрѣло на животы крѣпостныхъ крестьянъ такъ, какъ на холопы: только при такомъ взглядѣ оно могло постановить долги дворянъ и дѣтей боярскихъ въ случаѣ ихъ несостоятельности править въ ихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ на ихъ людяхъ, т.-е. холопахъ, и на крестьянахъ (X, 262). Этимъ объясняется

возможность упоминаемыхъ въ Уложеніи „кабальныхъ долговъ“ у крѣпостныхъ крестьянъ: такой крестьянинъ могъ по своимъ животамъ входить въ обязательства и на нихъ могли быть обращаемы взысканія, какъ и на животы за-дворныхъ холоповъ. Заслуживаетъ вниманія, что крестьянскій инвентарь является съ характеромъ холопьяго живота въ то самое время, когда въ ссудную запись только что стало входить крѣпостное обязательство: уже въ 1627—1628 гг. встрѣчаемъ явки помѣщиковъ, что у нихъ побѣжали ихъ крестьяне и „снесли живота *своею*“, лошадей и пр., на такую-то сумму. Крѣпостное право еще не успѣло установиться, какъ государственный институтъ, а владѣльцы, называя инвентарь крестьянъ ихъ животами, искали ихъ, какъ *сноса*, т.-е. какъ своей собственности, покраденной у нихъ бѣглецами. *Сносъ* — терминъ холопьяго языка: это — господское имущество, которое уносилъ съ собой или на себѣ (платье) бѣглый холопъ. Съ первыхъ же минутъ крѣпостной неволи крестьяне увидѣли себя прямо тяглыми холопами. Значить, признаніе крестьянскаго живота господской собственностью безъ точно опредѣленнаго закономъ юридическаго участія въ ней самого крестьянина было не слѣдствіемъ, а одной изъ основъ крѣпостной неволи владѣльческихъ крестьянъ: это — норма, въ какую отлилась давняя ссудная ихъ задолженность.

Писцовая приписка со ссудной записью, какъ юридическія средства потомственнаго укрѣпленія крестьянина, ссуда, какъ экономическая основа господскаго права на крестьянскіе животы, на инвентарь крестьянина, и барское тягло за земельный надѣлъ, какъ источникъ права дискреціоннаго распоряженія трудомъ крѣпостного — вотъ три узла, которые затянулись въ мертвую петлю, называвшуюся *крестьянской крѣпостью*. Затягивая ее, законодательство

Податная
отвѣтствен-
ность за
крѣпост-
ныхъ.

руководилось не чувством справедливости, даже не расчетомъ общей пользы, а соображеніемъ возможности, создавало не право, а только временное положеніе. Такой взглядъ держался еще при Петрѣ Великомъ и рѣшительно выраженъ крестьяниномъ Посошковымъ въ его книгѣ *О скудости и богатствѣ*, гдѣ онъ пишетъ, что помѣщики владѣютъ крестьянами временно, „а царю они вѣковыя“. Стало-быть, на крѣпостное крестьянство смотрѣли какъ на помѣстныя земли: это — государственное достояніе, уступленное на время частнымъ лицамъ и учрежденіямъ. Но какъ могло правительство даже временно такъ доверчиво подчинить частному интересу трудъ огромной массы населенія, которымъ питалось государство? Здѣсь недальновзорное правительство опиралось на наличное положеніе дѣлъ, созданное частью законодательствомъ, частью фактическими отношеніями прежняго времени. Издавна многіе землевладѣльцы получали право судить своихъ крестьянъ во всѣхъ дѣлахъ кромѣ важнѣйшихъ уголовныхъ, душегубства, разбоя и татбы съ поличнымъ. Мы видѣли также, что уже въ XVI в. землевладѣлецъ становился посредникомъ между своими крестьянами и казной въ дѣлахъ о казенныхъ платежахъ и иногда платилъ подати за нихъ (см. *о судахъ* въ лекціи XXXVII). Въ XVII в. отдѣльныя мѣстныя явленія стали обычными общими отношеніями. Съ переписи 1620-хъ гг. къ судебной власти владѣльца присоединился еще полицейскій надзоръ за крестьянами, которые за нимъ были записаны. Съ другой стороны, хозяйственный бытъ владѣльческихъ крестьянъ посредствомъ ссудъ, льготъ, издѣлій и оброковъ такъ перепутался съ барскимъ хозяйствомъ, что здѣсь обѣимъ сторонамъ стало трудно разграничиться. Въ столкновеніяхъ владѣльческихъ крестьянъ со сторонними людьми, особенно въ поземель-

ныхъ спорахъ, землевладѣлецъ, естественно, становился впереди своихъ крестьянъ, какъ собственникъ спорнаго предмета. Уложение (XIII, 7) только отмѣчаетъ, какъ общій, давній и привычный фактъ своего времени, что „за крестьянъ своихъ ищутъ и отвѣчаютъ они же, дворяне и дѣти боярскіе, во всякихъ дѣлѣхъ, кромѣ татыбы и разбоя и поличнаго и смертныхъ убійствъ“; значить, землевладѣльцы представляли своихъ крестьянъ въ тѣхъ судебныхъ дѣлахъ съ посторонними, въ которыхъ сами судили своихъ крестьянъ. Вогчинный судъ, полицейскій надзоръ и ходатайство по дѣламъ своихъ крестьянъ были судебно-административныя отправленія, въ которыхъ землевладѣлецъ замѣнялъ правительственнаго чиновника, и имѣли значеніе скорѣе обязанностей, чѣмъ правъ. Къ этимъ тремъ функціямъ, восполнявшимъ недостатокъ правительственныхъ орудій, прибавилась четвертая, направленная къ обезпеченію казеннаго интереса. Крестьянская крѣпость была допущена подѣ условіемъ, чтобы тяглый крестьянинъ, ставъ крѣпостнымъ, не переставалъ быть тяглымъ и способнымъ къ государственному тяглу. Крестьянинъ тянулъ это тягло со своего тяглаго участка за право земледѣльческаго труда. Какъ скоро крестьянскій трудъ былъ отданъ въ распоряженіе владѣльца, на послѣдняго переходила обязанность поддерживать его тяглоспособность и отвѣчать за его податную исправность. Это дѣлало землевладѣльца даровымъ инспекторомъ крѣпостнаго труда и отвѣтственнымъ сборщикомъ казенныхъ податей со своихъ крестьянъ, а эти подати превращало для крестьянъ въ одну изъ статей барскаго тягла, какъ крестьянское хозяйство, съ котораго шли эти подати, входило въ составъ барскаго имущества. За бѣглыхъ крестьянъ владѣлецъ платилъ подати до новой переписи. Уложение признаетъ уже устано-

вившимся порядкомъ правило „имати за крестьянъ государевы всякіе поборы съ вотчинниковъ и помѣщиковъ“, а за держаніе бѣглыхъ назначаетъ одно общее взысканіе съ пріемщика, какъ за государевы подати, такъ и за вотчинниковы и помѣщичьи доходы „по десяти рублевъ на годъ“ (XI, 6 и 21).

Отанція
крестьян-
ства отъ
холопства.

Законодательное признаніе податной отвѣтственности землевладѣльцевъ за своихъ крестьянъ было завершительнымъ дѣломъ въ юридической постройкѣ крѣпостной неволи крестьянъ. На этой нормѣ помирились интересы казны и землевладѣльцевъ, существенно расходившіеся. Частное землевладѣніе стало разсѣянной по всему государству полицейско-финансовой агентурой государственнаго казначейства, изъ его соперника превратилось въ его сотрудника. Примиреніе могло состояться только въ ущербъ интересамъ крестьянства. Въ той первой формациі крестьянской крѣпости, какую закрѣпило Уложеніе 1649 г., она еще не сравнялась съ холопьемъ, по нормамъ которой строилась. Законъ и практика проводили еще хотя и блѣдныя черты, ихъ раздѣлявшія: 1) крѣпостной крестьянинъ оставался казеннымъ тягломъ, сохраняя нѣкоторый обликъ гражданской личности; 2) какъ такового, владѣлецъ обязанъ былъ обзавести его земельнымъ надѣломъ и земледѣльческимъ инвентаремъ; 3) онъ не могъ быть обезземленъ взятіемъ во дворъ, а помѣстный и отпускомъ на волю; 4) его животы, хотя и находившіеся только въ его подневольномъ обладаніи, не могли быть у него отняты „насилствомъ“, по выраженію Котошихина; 5) онъ могъ жаловаться на господскіе поборы „черезъ силу и грабежомъ“ и по суду возвратитъ себѣ насильственный переборъ. Плохо выработанный законъ помогъ стереть эти раздѣльныя черты и погналъ крѣпостное крестьянство

въ сторону холопства. Мы это увидимъ, когда будемъ изучать крѣпостное хозяйство, экономическія слѣдствія крѣпостного права; доселѣ мы изучали его происхожденіе и составъ. Теперь замѣтимъ только, что съ установленіемъ этого права русское государство вступило на путь, который подъ покровомъ наружнаго порядка и даже пруспѣянія велъ его къ разстройству народныхъ силъ, сопровождавшемуся общимъ пониженіемъ народной жизни, а отъ времени до времени и глубокими потрясеніями.

Лекція I.

Господа и крѣпостные. — Крѣпостное право и земскій соборъ. — Общественный составъ земскаго собора въ XVII в. — Численный составъ его. — Выборы. — Ходъ дѣлъ на соборахъ. — Политическій характеръ соборовъ. — Условія ихъ непрочности. — Мысль о земскомъ соборѣ въ торговыхъ классахъ. — Распаденіе соборнаго представительства. — Что сдѣлалъ земскій соборъ XVII в. — Обзоръ сказаннаго.

Однимъ изъ слѣдствій обособленія сословій была новая политическая жертва, новая потеря для русскаго государственнаго порядка — *прекращеніе созывовъ земскаго собора.*

Господа и
крѣпостные.

Самымъ ѣдкимъ элементомъ сословнаго взаимоотножденія было крѣпостное право, составившееся изъ холопей и крестьянской неволи. Нравственное дѣйствіе этого права было шире юридическаго. Оно глубоко понизило уровень нашей гражданственности, и безъ того очень невысокій. Всѣ классы общества въ большей или меньшей степени, прямо или косвенно участвовали въ крѣпостномъ грѣхѣ по тѣмъ или другимъ крѣпостямъ, привилегированные „бѣлые“ чины, свѣтскіе и духовные, по ссуднымъ записямъ на крестьянъ, по служилымъ кабаламъ и другимъ актамъ на холоповъ, рядовые люди и даже боярскіе холопы по *жилымъ* записямъ на урочныя лѣта. Но особенно зловредно сказывалось это право на общественномъ положеніи и политическомъ воспитаніи землевладѣльческихъ классовъ. Допущенное закономъ и поддерживаемое полицейскою силой, крѣпостное

право дѣлало самихъ душевладѣльцевъ холопами наличной власти, расположенной къ такой поддержкѣ, и врагами всякой власти иного направленія. вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе энергичнымъ, жизненнымъ интересомъ землевладѣльческой среды становилась мелочная сутяжная борьба господъ съ крѣпостными и другъ съ другомъ изъ-за крѣпостныхъ; постепенно перерождаясь въ глубокую социальную разладицу, эта борьба надолго задержала правильный ростъ народныхъ силъ, и по ея винѣ землевладѣльческое дворянство, какъ руководящій классъ, дало извращенное, уродливое направленіе всей русской культурѣ. Такое дѣйствіе крѣпостного права уже въ XVII в. обнаруживалось яркими чертами. Холопій приказъ заваливался господскими явками о людскихъ и крестьянскихъ побѣгахъ и сносахъ, объ ихъ подговорахъ и похвальбахъ подметомъ, поклепомъ, поджогомъ, смертнымъ убойствомъ и всякими недобрыми дѣлами. Явка была необходима, чтобы не отвѣчать за бѣглеца, если онъ въ бѣгахъ начнетъ красть и разбивать. Бѣгали всѣ, и рядовые крѣпостные, и приказчики надъ людьми и животами, служившіе лѣтъ по 25, и сидѣвшіе у господъ своихъ „вверху у письма“, ихъ домашніе секретари. Бѣглые уносили и свои животы, платье, скоть, и прямое господское добро, иногда на большія суммы, тысячи на двѣ, на три (на наши деньги). Особенно старательно выкрадывали господскія коробейки съ людскими крѣпостями, чтобы скрыть исковыя улики, перемѣнивъ себѣ въ бѣгахъ имена. Но изощрялись и господа: съ погоней за бѣглецами они посылали дворовыхъ охотничьихъ собакъ, которыя при видѣ своихъ настигнутыхъ знакомцевъ ласками своими выдавали ихъ личность: „знае де ихъ“. Побѣги совершались въ одиночку и скопомъ семей въ пять-шесть. У подьячаго побѣжалъ изъ Суздаля крѣпостной съ семьей,

захвативъ господское имущество, при чемъ покушался поджечь и госпожу свою съ дѣтьми въ хоромахъ. Подьячій, находившійся тогда по дѣламъ службы въ Москвѣ, „побѣжалъ оттуда погоней“ за бѣглецами, а тотчасъ по его отъѣздѣ побѣжалъ съ Москвы оставшійся тамъ другой его крѣпостной, „поймавъ достальные его животы“: все это совершилось въ Суздаль и Москвѣ въ 8 дней. Общественныя положенія и отношенія, сами по себѣ не имѣвша ничего общаго съ крѣпостнымъ правомъ, втягивались въ него и искажались. Въ 1628 г. отъ дьяка бѣжалъ кабалный его человекъ Васька съ женой и черезъ 8 лѣтъ воротился къ нему попомъ Василюмъ, поставленнымъ въ этотъ санъ рукою митрополита казанскаго и свѣяжскаго. Послѣ Уложеніе постановило такихъ священнослужителей изъ холоповъ по искамъ ихъ господъ отсылать къ церковнымъ властямъ на предметъ поступленія съ ними „по правиламъ св. апостоль и св. отецъ“ (XX, 67). Попа Василя дьякъ принялъ, неизвѣстно, съ какимъ назначеніемъ, и въ томъ же году „тотъ его человекъ попъ Василій съ женою сбѣжалъ отъ него и снесъ съ собою его денегъ 28 руб.“ Условіямъ крѣпостнаго права было порабощено даже дѣло народнаго образованія въ самыхъ элементарныхъ его видахъ. Мальчика для обученія мастерству грамоты отдавали мастеру въ крѣпостные по жилой записи на урочные годы съ правомъ смирять ученика за ослушаніе „всякимъ смиреніемъ“. Въ 1624 г. московская богадѣленка отдала священнику московскаго женскаго монастыря своего сына для обученія грамотѣ и вмѣстѣ съ бабушкой ученика, старицей того же монастыря, ручалась съ неустойкой за его благоповеденіе и за то, что ученикъ, живя у своего учителя, будетъ у него „всякое дворовое дѣло дѣлать“. О. Харитонъ обучилъ ученика грамотѣ и письму въ 4 года, а крѣпостная

запись на него взята была на 20 лѣтъ. Мать и бабушка, увидя, что о. Харитонъ „того малаго сдѣлалъ человѣкомъ, грамотѣ вывучилъ“, а еще 16 лѣтъ будетъ томить его въ крѣпостной неволѣ, рѣшили, стакнувшись съ подходящими людьми, того малаго у попа скарать и потомъ на немъ же попѣ „его искарать“. Исходъ дѣла неизвѣстенъ. Быть бѣглымъ, какъ онъ рисуется въ актахъ, заставляетъ забывать, что имѣемъ дѣло съ христіанскимъ обществомъ, оборудованнымъ всякими властями, церковными и полицейскими. Дворовый человѣкъ убѣгалъ, бросая жену и дѣтей, бродилъ по барскимъ усадьбамъ, сказываясь вольнымъ и холостымъ, подъ чужимъ именемъ. Въ одной усадьбѣ его женили на дворовой и брали на него въ Холопьемъ приказѣ служилую кабалу. Новая жена становилась ему не „въ любовь“; онъ бросалъ ее и „попамятовавъ свой грѣхъ“, шелъ къ прежнему барину „старой своей жены и дочери выкрадывать“, но здѣсь и попадался. Такую повѣсть читаемъ въ одномъ актѣ 1627 г. Подобныя похождения крѣпостныхъ были столь обычны, что ихъ отмѣтило и Уложение (XX, 84).

Закрѣпощеніе крестьянъ нанесло земскому представителству двойной вредъ, политическій и нравственный. Крѣпостное право и земскій соборъ. Едва земскій соборъ сталъ складываться въ выборное всенародное представительное собраніе, какъ изъ состава его выпало почти все сельское земледѣльческое населеніе. Земскій соборъ потерялъ подъ собою земскую почву, сталъ представлять собою только службу и посадское тягло съ ихъ узкими сословными интересами. Принося къ престолу мысль лишь немногихъ классовъ, онъ не могъ привлечь къ себѣ ни должнаго вниманія сверху, ни широкаго довѣрія снизу. Мелкія черты крѣпостного быта, только что приведенныя мною изъ частныхъ актовъ, самой своей мелочностью на-

глядно очерчиваютъ уровень и объемъ тѣхъ житейскихъ интересовъ и отношеній, съ какими приходилъ носитель крѣпостного права въ среду народныхъ представителей. Въ господствующемъ землевладѣльческомъ классѣ, отчужденномъ отъ остальнаго общества своими привилегіями, поглощенномъ дрязгами крѣпостного владѣнія, разслабляемомъ даровымъ трудомъ, тупѣло чувство земскаго интереса, и дряхлѣла энергія общественной дѣятельности. Барская усадьба, угнетая деревню и чуждаясь посада, не могла сладить со столичной канцеляріей, чтобы дать земскому собору значеніе самодѣятельнаго проводника земской мысли и воли.

Обществен-
ный составъ
соборовъ
XVII в.

„Земскій соборъ“, „земскій совѣтъ“, „вселенскій соборъ“ Московскаго государства въ XVII в. составлялся изъ „всякихъ чиновъ людей“ или „изъ всякихъ людей всѣхъ городовъ Россійскаго царствія“, по выраженію соборныхъ актовъ. И теперь, какъ въ XVI в., въ составѣ земскаго собора различались два неравныя отдѣленія, выборное и невыборное, должностное. Это послѣднее состояло изъ двухъ высшихъ правительственныхъ учреждений, являвшихся на соборъ въ полномъ и даже расширенномъ составѣ, съ привлеченіемъ лицъ, не входившихъ въ ихъ обычный составъ: то были 1) Боярская дума съ дьяками изъ приказовъ и 2) Освященный соборъ патріарха, митрополитовъ и епископовъ съ приглашенными архимандритами, игуменами и протоіереями. Выборный составъ земскаго собора былъ довольно сложенъ. Это происходило отъ дробности и разнообразія избирательныхъ единицъ или „статей“. Такими единицами были, во-первыхъ, высшіе служилые столичные чины, стольники, стряпчие, дворяне московскіе и жильцы, также высшіе столичные торговые чины, гости и сотни гостинная и суконная (гильдіи): каждый изъ

этих чиновъ посылалъ на соборъ особыхъ представителей. За столичными чинами слѣдовало городовое, провинціальное дворянство. Здѣсь избирательной единицей служилъ не чинъ, а уѣздная сословная корпорація, состоявшая изъ трехъ чиновъ, выбора, дворянъ и дѣтей боярскихъ; только въ двухъ областяхъ, Новгородской и Рязанской, избирательными округами являются не цѣлые уѣзды, а ихъ части, въ первой пятины, во второй восемь становъ. Люди служилые *приборные*, не принадлежавшіе къ потомственному дворянству, въ томъ числѣ и служилые иноземцы, посылали на соборъ выборныхъ — столичные отъ своихъ строевыхъ частей, напримѣръ, стрѣльцы отъ стрѣлецкихъ приказовъ, полковы, уѣздные отъ подгородныхъ слободъ, какими они были тамъ расселены, стрѣлецкихъ, козачьихъ, пушкарскихъ. Проще было представительство тяглаго населенія: здѣсь господствовала территориальная избирательная единица, мѣстное общество или сгученный земскій міръ, а не чиновная курія или разбросанная сословная корпорація. Посадъ г. Москвы, точнѣе, посады дѣлились на „черныя сотни и слободы“; послѣднихъ считалось въ первой половинѣ XVIII в. 33. На соборахъ встрѣчаемъ выборныхъ отъ черныхъ сотенъ Дмитровской, Покровской, Срѣтенской, отъ полусотенъ Кожевницкой, Мясницкой, отъ слободъ Огородной, Саловой, Ордынской, Кузнецкой. Названія этихъ обществъ, доселѣ сохраняющіяся за московскими улицами, указываютъ какъ на территориальное, такъ и на промысловое, цеховое ихъ значеніе. Провинціальныя, „городовые“ посады представляли цѣльные избирательные округа. Итакъ соборные представители выбирались отъ высшаго столичнаго дворянства и купечества по *чинамъ*, отъ дворянъ городовыхъ по сословнымъ *корпорациямъ*, отъ приборныхъ служилыхъ людей въ столицѣ

по *строевымъ частямъ*, отъ приборныхъ городовыхъ, какъ и отъ всѣхъ тяглыхъ людей, столичныхъ и городовыхъ по *мірамъ*. На соборѣ 1613 г. сверхъ перечисленныхъ классовъ видимъ еще выборныхъ отъ городского духовенства и отъ „уѣздныхъ людей“, т.-е. сельскаго населенія. Трудно угадать порядокъ ихъ выборовъ. Подъ грамотой объ избраніи царя Михаила протопопъ г. Зарайска руку приложилъ за себя „и въ выборныхъ посадскихъ поповъ и уѣздныхъ мѣсто“. Но какъ получили свои полномочія эти выборные городскіе и сельскіе священники съ соборнымъ протоіереемъ во главѣ, на общемъ ли сѣздѣ всего зарайскаго духовенства, образовавшаго уѣздную духовную курію, или какъ иначе, — этого изъ документа не видно. Еще труднѣе уяснить себѣ представительство уѣздныхъ людей. Въ уѣздѣ, особенно на пристепномъ югѣ и юго-востокѣ, жили иногда крупными поселеніями приборные служилые люди, именно козаки. Но они причислялись къ городовымъ, а не къ уѣзднымъ людямъ и въ подписяхъ подъ грамотой 1613 г. подобно другимъ приборнымъ такъ прямо и прописываются своимъ спеціальнымъ козачьимъ званіемъ. Значить, подъ уѣздными людьми остается предполагать крестьянъ; потому, вѣроятно, они, какъ неслужилые тяглые люди, въ этихъ подписяхъ и стоятъ всегда рядомъ съ посадскими. Но ихъ здѣсь встрѣчаемъ въ такихъ уѣздахъ, какъ Коломенскій, Тульскій, гдѣ уже въ концѣ XVI в. по писцовымъ книгамъ незамѣтно казенныхъ крестьянъ. Значить, въ уѣздныхъ людяхъ избирательнаго собора можно предполагать и крестьянъ владѣльческихъ: слѣдовательно въ 1613 г. они еще признавались вольными, государевыми. Въ сѣверныхъ „поморскихъ“ городахъ, гдѣ было слабо или совсѣмъ отсутствовало служилое землевладѣніе, уѣздные крестьяне въ дѣлахъ по

земскому хозяйству и по отбыванію казенныхъ повинностей смыкались въ одно общество съ посадскими людьми своего города, составляли съ ними одинъ земскій уѣздный міръ, посылая въ городскую земскую избу, управу, „къ со-вѣту“, для совѣстныхъ совѣщаній, своихъ выборныхъ повѣренныхъ. Такъ поступали они и при выборѣ соборныхъ представителей, среди которыхъ потому могли являться и уѣздные крестьяне. Такъ ли было и въ южныхъ городахъ въ 1613 г., или уѣздные крестьяне образовали тамъ особую отъ посада избирательную курию, сказать не умѣю. Но на дальнѣйшихъ земскихъ соборахъ выборные представители духовенства и уѣздныхъ людей исчезаютъ, и соборы теряютъ всесословный составъ.

Число выборныхъ отъ каждой избирательной статьи измѣнялось и не имѣло значенія. На соборѣ 1619 г. было приговорено созвать въ Москву новый соборъ, выбравъ изъ всякаго города отъ духовныхъ людей по человѣку, отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ по два человѣка, да по стольку же отъ посадскихъ людей, а на соборѣ 1642 г. призывали „изъ большихъ статей“, людныхъ курій, отъ 5 до 20 выборныхъ, а „не изъ многихъ людей“ отъ 2 до 5 человѣкъ. На соборѣ 1648 г. указъ призывалъ отъ московскихъ служилыхъ чиновъ и отъ провинціальныхъ дворянскихъ корпорацій „большихъ городовъ“ по два представителя, „изъ меньшихъ“ по одному, отъ городскихъ посадовъ и отъ столичныхъ черныхъ сотенъ и слободъ тоже по одному, отъ высшихъ сотенъ по два и отъ гостей троекъ. Полноты и однообразія представительства не добивались или не умѣли добиться. На соборѣ 1642 г. встрѣчаемъ среди 192 выборныхъ его членовъ 44 депутата отъ столичныхъ служилыхъ чиновъ, именно 10 стольниковъ, 22 столичныхъ дворянина, 12 жильцовъ, а на со-

Численный составъ.

боръ 1648 г., одинъ изъ самыхъ людныхъ и полныхъ, на которомъ было не менѣе 290 выборныхъ членовъ, отъ столичныхъ служилыхъ чиновъ призвано было только 8 представителей. На соборахъ, составъ которыхъ извѣстенъ, отсутствуетъ цѣлый рядъ дворянскихъ корпорацій и посадовъ, потому что на мѣстные дворянскіе съѣзды являлись немногіе люди и выбрать было „не отъ чего“ или изъ посадскихъ людей выбрать было „не изъ кого“, посадскихъ людей въ городѣ мало или совсѣмъ нѣтъ, „а которые, писаль воевода, посадскіе людишки есть, и они въ твоёмъ, государь, дѣлѣ на кабакѣ и въ таможенномъ сборѣ въ цѣловальникахъ“. Вообще составъ собора былъ очень измѣнчивъ, лишень твердой, устойчивой организаціи. Въ этомъ отношеніи трудно подобрать два собора, похожіе другъ на друга, и едва ли хоть на одномъ соборѣ встрѣтились выборные отъ всѣхъ чиновъ и уѣздовъ, изъ всѣхъ избирательныхъ статей. На соборѣ 1648 г. присутствовали выборные отъ дворянъ и посадскихъ людей изъ 117 уѣздныхъ городовъ, а на соборѣ 1642 г. только выборные отъ дворянъ и только изъ 42 городовъ. При спѣшномъ созывѣ считали даже достаточнымъ присутствіе на соборѣ выборныхъ отъ областныхъ дворянъ, въ данную минуту отбывавшихъ въ Москвѣ очередную службу, а иногда соборъ составлялся только изъ столичныхъ чиновъ. Въ 1634 г. царь по дѣлу о новомъ налогѣ на военные надобности 28 января указалъ быть собору, а на другой день собрался и самый соборъ; на немъ среди другихъ столичныхъ чиновъ присутствовали „дворяне, которые на Москвѣ“.

Выборы.

Выборные члены собора избирались на мѣстныхъ сходахъ и съѣздахъ, въ уѣздныхъ городахъ по призыву и подъ надзоромъ городовыхъ воеводъ. Указы предписывали выбирать „лучшихъ людей, добрыхъ, умныхъ и постоянныхъ“.

ных*. Это значило, что требовались люди состоятельные, исправные и смышленные; потому старались выбирать изъ лучшихъ статей: напимѣрь, провинціальныя дворяне выбирали совѣтныхъ людей на соборъ изъ вышшаго городского чина, называвшагося *выборомъ*. Грамотность не была не-премѣннымъ условіемъ избираемости. Изъ 292 выборныхъ на соборѣ 1648 г. объ 18 членахъ неизвѣстно, были ли они грамотны; изъ остальныхъ 274 человекъ 141, т.-е. больше половины было неграмотныхъ. Избирательный протоколъ, подписанный избирателями, „выборный списокъ за руками“, передавался воеводѣ, какъ ручательство за годность избранниковъ „къ государеву и земскому дѣлу“. Воевода отсылалъ выборныхъ вмѣстѣ со своей отпиской въ Москву въ Разрядный приказъ, гдѣ провѣряли правильность выборовъ. Одинъ воевода отписалъ въ Москву, что онъ исполнилъ царскій указъ, послалъ на соборъ 1651 г. двоихъ лучшихъ дворянъ своего уѣзда, а касательно двухъ лучшихъ посадскихъ людей, сообразивъ, что въ его городѣ и всего-то налицо только три посадскихъ человека, да и тѣ худы, бродятъ межъ дворъ и къ такому дѣлу непригодны, самъ назначилъ представлять посадъ на соборѣ сына боярскаго да пушкаря. За это дьякъ Разряднаго приказа, оберегая свободу земскихъ выборовъ, положилъ на отпискѣ строгую помѣту: послать воеводѣ грамоту „съ осудомъ“, съ выговоромъ — „велѣно дворянамъ промежь себя выбрать дворянъ добрыхъ, а не ему воеводѣ выбрать, и за то его осудить гораздо; да онъ же воевода сглушилъ, мимо посадскихъ людей прислалъ въ ихъ мѣсто сына боярскаго да пушкаря“. Не видно, чтобы выборные приносили на соборъ письменныя инструкціи, наказы отъ своихъ избирателей. Только въ 1613 г. временное московское правительство въ грамотахъ по городамъ о при-

сылкѣ выборныхъ для избранія царя писало, чтобы эти выборные договаривались со своими избирателями накрѣпко и взяли у нихъ о царскомъ избраніи „полные договоры“. Это былъ случай исключительной важности, требовавшій всенароднаго единодушія и непосредственнаго народнаго голоса. Потому и кн. Пожарскій съ Мининымъ въ 1612 г., идя выручать Москву и созывая земскій соборъ, писалъ, чтобы города прислали съ выборными „совѣтъ свой за своими руками“, письменныя и подписанныя избирателями указанія, какъ имъ, вождямъ земскаго ополченія, противъ общихъ враговъ стоять и выбрать государя. Акты обыкновенныхъ соборовъ не упоминаютъ о письменныхъ наказахъ, и выборные на нихъ не ссылаются. Депутату предоставлялся извѣстный просторъ, а курскій дворянскій представитель на соборѣ 1648 г. даже выступилъ обличителемъ своихъ земляковъ, въ докладной запискѣ государю „курчанъ весь городъ всякимъ дурномъ огласилъ“, обвинивъ ихъ въ зазорномъ провозженіи церковныхъ праздникоу. Такая ревность о благоповеденіи была превышеніемъ депутатскихъ полномочій, вызвавшимъ горячій протестъ курчанъ, которые грозились „всякое дурно учинить“ надъ обличителемъ. Самый источникъ полномочій обязывалъ соборнаго представителя и безъ формальнаго наказа дѣйствовать въ согласіи съ избирателями, быть ходатаемъ „о нуждахъ своей братіи“, какія были ему заявлены при избраніи, и изъ дѣла того же курскаго депутата видимъ, что избиратели считали себя въ правѣ требовать отчета отъ своего выборнаго, почему на соборѣ не о всѣхъ нуждахъ земскихъ людей по ихъ челобитью государевъ указъ учиненъ. Такъ понимало соборнаго представителя и само правительство. Въ 1619 г. оно призывало выборныхъ отъ духовенства, дворянства и посадскаго населенія, „которые бы

умѣли разсказать обиды, насильства и разоренія“, чтобы царю „всякія ихъ нужи и тѣсноты и всякіе недостатки были вѣдомы“, и царь, выслушавъ отъ нихъ челобиття, учалъ бы „промышлять объ нихъ ко всему добру“. Выборный народный челобитчикъ на земскомъ соборѣ XVII в. смѣнилъ собою правительственнаго агента XVI в.; соборное челобитье стало нормой народнаго представительства, высшимъ порядкомъ законодательнаго взаимодействія верховной власти и народа, и мы уже знаемъ, какъ много пополненъ и исправленъ былъ этимъ порядкомъ плохой канцелярскій проектъ Уложенія 1649 г.

Въ такомъ отношеніи къ власти со стороны народнаго ^{Хоть дѣлъ на соборахъ.} представительства не могло быть ничего требовательнаго, обязующаго власть, ничего юридическаго: соборные вопросы могли рѣшаться обѣими сторонами только путемъ обоюднаго обмѣна психологическихъ настроеній. Это сказывалось и въ порядкѣ обсуждения соборныхъ вопросовъ. Избирательный соборъ 1613 г., какъ исключительный, имѣвшій учредительное значеніе, конечно, не можетъ быть вводимъ въ общую норму. Соборъ созывался всякій разъ особымъ царскимъ указомъ. Только однажды Освященный соборъ взялъ на себя официальный починъ въ дѣлѣ. Когда воротившійся изъ плѣна отецъ царя Михаила въ 1619 г. былъ посвященъ въ патріархи, онъ съ духовными властями приходилъ къ царю и совѣтовался съ нимъ о разныхъ нестроеніяхъ въ Московскомъ государствѣ. Царь съ отцомъ своимъ и со всѣмъ Освященнымъ соборомъ, съ боярами и со всѣми людьми Московскаго государства, „учиня соборъ“, говорили, какъ бы то все исправить и землю устроить. Этотъ случай объясняется тѣмъ, что патріархъ былъ не только предсѣдателемъ Освященнаго собора, но и государемъ-соправителемъ. Обыкновенно царь указывалъ по воз-

никшему дѣлу „учинити соборъ“ и открывалъ его (въ Столовой избѣ или въ Грановитой палатѣ) тѣмъ, что самъ „говорилъ на соборѣ“ или по его приказу и въ его присутствіи думный дьякъ читалъ „всѣмъ людямъ вслухъ письмо“ или „рѣчь“ съ изложеніемъ предмета, который подлежалъ соборному обсужденію. Такъ на соборѣ 1634 г. было объявлено, что для продолженія войны съ Польшей нуженъ новый чрезвычайный налогъ, безъ котораго государевой денежной казнѣ „быть не умѣть“. Царское предположеніе оканчивалось заявленіемъ собору, что государь „то ваше вспоможеніе учинить памятно и николи незабытно и впередъ учнетъ жаловать своимъ государскимъ жалованьемъ во всякихъ мѣрахъ“. Всѣ соборные чины, среди которыхъ незамѣтно городовыхъ, въ отвѣтъ на прочитанную рѣчь „говорили на соборѣ, что они денегъ дадутъ, смотря по своимъ пожиткамъ, что кому мочно дать“. Вотъ и все: выходитъ, какъ будто вопросъ порѣшенъ былъ однимъ днемъ, на одномъ общемъ засѣданіи, въ одинъ присѣсть, и черезъ 6 дней для сбора новаго налога „со всякихъ людей“ царь учредилъ комиссію изъ боярина, окольничаго, чудовскаго архимандрита и двухъ дьяковъ. Но по соборному акту 1642 г. подобный же вопросъ прошелъ черезъ сложную процедуру, которая, можетъ-быть, примѣнялась и на другихъ соборахъ, но стерта въ суммарномъ протоколномъ изложеніи сохранившихся актовъ. Въ 1737 г. донскіе козаки взяли Азовъ, отбили турецкіе приступы и предложили царю взятую крѣпость. На соборѣ въ присутствіи царя, духовныхъ властей и Боярской думы думный дьякъ сказалъ царскій указъ о созывѣ собора и затѣмъ только въ присутствіи думы прочиталъ выборнымъ письмо, въ которомъ царь ставилъ имъ двойной вопросъ: съ турками и крымцами за Азовъ воевать ли и если вое-

вать, гдѣ взять деньги, которыхъ понадобится много? Письмо указывало выборнымъ „помыслить о томъ накрѣпо и государю мысль свою объявить на письмѣ, чтобъ ему государю про то про все было извѣстно“. Царское письмо по прочтеніи было „всякихъ чиновъ выборнымъ людямъ для подлиннаго вѣдома роздано порознь при боярѣхъ“, а церковнымъ властямъ послано особо, чтобъ онѣ, поговоривъ о томъ отдѣльно, письменно объявили свою мысль государю. Думному дьяку велѣно было сказать чинамъ и допросить ихъ о соборномъ дѣлѣ. И на другихъ соборахъ чины были допрашиваны „порознь“ и отвѣчали письменными „сказками“ или „памятями“. Эти „допросы порознь по чинамъ“ были одной изъ формъ соборнаго голосованія. Другую форму встрѣчаемъ на соборѣ 1621 г., когда на предложеніе царя и патріарха воевать съ Польшей чины отвѣчали челобитьемъ — воевать. Разница между обѣими формами, сказкой по допросу и челобитьемъ на предложеніе, сколько можно судить по соборнымъ актамъ, заключалась въ томъ, что допросная память только излагала соображенія чиновъ по данному вопросу, предоставляя рѣшеніе государю, а челобитье давало болѣе рѣшительный отвѣтъ на предложеніе верховной власти и при этомъ могло осложнять дѣло какимъ-либо связаннымъ съ нимъ предложеніемъ и со стороны чиновъ, хотя это допускалось и въ допросныхъ памятяхъ. Выборные служилые люди на соборѣ 1642 г. были раздѣлены на три группы, изъ коихъ одну образовали стольники, другую московскіе дворяне, головы стрѣлецкіе и жильцы, третью всѣ городовые дворяне, и въ каждой группѣ приставленъ былъ особый дьякъ, вѣроятно, для руководства и особенно для редакціи письменнаго мнѣнія группы; только торговымъ людямъ столицы не дали дьяка, а посадскихъ людей изъ уѣздовъ совѣтъ

не видно на соборѣ. Но мѣнія подавались не по этой группировкѣ. Всего представлено было 11 письменныхъ „рѣчей“ или „сказокъ“: отъ духовныхъ властей, отъ стольниковъ, отъ дворянъ московскихъ, отъ двухъ дворянъ же, выдѣлившихся изъ своей группы съ особымъ мѣніемъ, отъ московскихъ стрѣльцовъ (сказки жильцовъ нѣтъ въ актѣ), отъ городскихъ дворянъ владимірцевъ, отъ дворянъ трехъ другихъ „замосковныхъ“ же, т.-е. центральныхъ городовъ, еще отъ 16 центральныхъ и западныхъ городовъ, отъ 23 городовъ, преимущественно южныхъ, отъ гостей и сотенъ гостинной и суконной, наконецъ отъ московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ. Въ такомъ порядкѣ записки и помѣщены въ актѣ собора вслѣдъ за поименнымъ перечнемъ 192 соборныхъ выборныхъ. По сказкамъ оказались выборные дворяне отъ 43 уѣздныхъ городовъ вмѣсто 42, обозначенныхъ въ перечнѣ; разница произошла отъ того, что въ подачѣ записокъ не участвовали выборные дворяне отъ 8 городовъ, поименованные въ перечнѣ, зато участвовали выборные отъ 9 городовъ, тамъ не упомянутыхъ. Трудно объяснить, какъ это случилось. Можно замѣтить, что въ составленіи записокъ участвовали не одни выборные городские дворяне, но и ихъ *земляки, случившіеся тогда въ Москвѣ по дѣламъ службы: такъ въ запискѣ трехъ городовъ значатся „лушане, которые здѣсь на Москвѣ“, тогда какъ въ перечнѣ отъ гор. Луха поименованъ всего 1 выборный. Да и городские дворянскіе депутаты, поименованные въ соборномъ перечнѣ, кажется, не были вызваны на соборъ изъ своихъ городовъ, а выбраны въ Москвѣ изъ дворянъ, отбывавшихъ здѣсь очередную службу. Указъ о созывѣ собора состоялся 3-го января, а съ 8-го января началась уже подача сказокъ. Этой сгѣшностью объясняется и отсутствіе на соборѣ выборныхъ отъ городскихъ посадовъ. За-

писки выборныхъ имѣютъ внутреннюю связь между собою: однѣ заимствуютъ изъ другихъ мысли, отдѣльныя выраженія, цѣлыя мѣста. Этимъ вскрывается ходъ соборныхъ совѣщаній. Выборные собирались гдѣ-то и какъ-то по группамъ, совѣщались, обмѣнивались мыслями съ другими, по ихъ сказкамъ пополняли и измѣняли свои записки: такъ сказка 23 городовъ во многомъ сходна съ запиской 16-ти, а мнѣніе черныхъ сотенъ и слободъ составлено по сказкѣ гостей и обихъ высшихъ сотенъ съ надлежащимъ примѣненіемъ къ классу. Между тѣмъ общихъ соборныхъ совѣщаній незамѣтно и общій соборный приговоръ не состоялся. Вопросъ рѣшенъ былъ царемъ съ боярами и рѣшенъ отрицательно, вѣроятно, подъ вліяніемъ угнетеннаго тона поданныхъ записокъ: Азова отъ козаковъ не принимать, съ турками и крымцами не воевать, потому что денегъ нѣтъ и взять ихъ не съ кого.

Не всѣ соборы шли, какъ въ 1642 г. Но подробный соборный протоколъ этого года помогаетъ уяснить политическое значеніе соборовъ XVII в. И тогда, какъ въ XVI в., они созывались въ чрезвычайныхъ случаяхъ для обсуждения важнѣйшихъ дѣлъ внутренняго государственнаго строенія и внѣшней политики, преимущественно вопросовъ о войнѣ и сопряженныхъ съ нею тягостяхъ. Перемена произошла не въ компетенціи собора, а въ составѣ и характерѣ соборнаго представительства: теперь правительству приходилось имѣть дѣло не съ должностными своими агентами, а съ выборными ходатаями о нуждахъ и недостаткахъ ихъ избирателей. Политическое значеніе соборныхъ совѣщаній зависѣло отъ участія въ нихъ Боярской думы съ государемъ во главѣ. Здѣсь можно замѣтить двоякій порядокъ: дума дѣйствовала или совместно съ выборными, или отдѣльно отъ нихъ. Въ послѣднемъ случаѣ бояре

Ихъ политическій характеръ.

съ государемъ присутствовали только при чтеніи собору правительственнаго предложенія, но потомъ отдѣлялись отъ собора, не участвовали въ дальнѣйшей работѣ выборныхъ. Впрочемъ эта работа ограничивалась совѣщаніями по группамъ и подачей отдѣльныхъ мнѣній, но не составлялось ни общаго заключительнаго засѣданія, ни соборнаго приговора. При такомъ порядкѣ соборъ получалъ только совѣщательное или освѣдомительное значеніе: заявленные выборными мнѣнія государь и бояре принимали къ свѣдѣнію, но законодательный моментъ, рѣшеніе вопроса удерживали за собой. Такъ шло дѣло на соборѣ 1642 г.; то же видѣли мы и на уложенномъ соборѣ 1648 г. Проектъ Уложения одновременно читали выборнымъ и докладывали государю съ думой, засѣдавшей въ другой палатѣ, отдѣльно отъ выборныхъ, съ которыми при этомъ „сидѣлъ“ особо для того назначенный бояринъ съ двумя товарищами, какъ бы образуя ихъ президіумъ. Но при такой раздѣльности занятій дума и соборъ совсѣмъ не походили на верхнюю и нижнюю палаты, какъ ихъ иногда называютъ. Дума съ государемъ во главѣ не являлась только однимъ изъ органовъ законодательства: это было само верховное правительство, вмѣщавшее въ себѣ всю полноту законодательной власти. Слушая статьи Уложения, она исправляла и утверждала ихъ, создавала законы. Соборъ выборныхъ не стоялъ рядомъ съ думой, а былъ пристроенъ къ ея кодификаціонной комиссіи. При слушаніи статей Уложения выборные били челомъ государю объ ихъ отмѣнѣ или пополненіи, и эти ходатайства черезъ комиссію восходили къ государю и боярамъ, которые, принявъ во уваженіе челобитые всякихъ чиновъ людей, приговаривали по нимъ новые законы. Въ другихъ случаяхъ соборные выборные получали болѣе прямое участіе въ законодательствѣ. Это

бывало, когда дума съ государемъ во главѣ прямо входила въ составъ собора, какъ бы сливалась съ нимъ въ одинъ законодательный корпусъ. Тогда бояре подавали мѣнѣе наравнѣ съ выборными, и составлялся общій соборный приговоръ, получавшій силу закона, а дума становилась распорядительной властью, принимавшей мѣры для исполненія соборнаго приговора. Такой порядокъ наблюдаемъ на цѣломъ рядѣ соборовъ царя Михаила, слѣдовавшихъ за избирательнымъ соборомъ 1613 г., именно на соборахъ 1618, 1619, 1621, 1632 и 1634 гг. Особенно выразительно проявился такой порядокъ на соборѣ 1621 г. Турція съ Крымомъ и Швеція звали Москву въ коалицію противъ Польши. Представлялся заманчивый случай расквитаться съ поляками за Смутное время. На соборѣ по этому дѣлу духовныя власти обязались молиться „о побѣдѣ и одолѣннн на вся враги“, бояре и всякіе служилые люди биться противъ короля, не щадя головъ своихъ, торговые люди давать деньги, какъ кому мочно, смотря по прожиткамъ. Составился общій соборный приговоръ всѣхъ чиновъ стать на польскаго короля въ союзѣ съ турецкимъ салтаномъ и съ крымскимъ царемъ и со свейскимъ королемъ. При этомъ дворяне и дѣти боярскіе били челомъ государю разобратъ ихъ по городамъ, кто какъ можетъ государеву службу служить, чтобъ „никаковъ человекъ въ избылыхъ не былъ“. По указъ о разборкѣ дворянъ и о разсылкѣ грамотъ по городамъ съ извѣщеніемъ о соборномъ приговорѣ и съ приказомъ служилымъ людямъ готовиться къ походу, „лошадей кормить и запасъ пасти“ государи, отецъ и сынъ, издали, „говоря съ бояры“, по приговору только думы безъ участія собора.

Такое законодательное значеніе земскій соборъ удерживаетъ за собой до послѣднихъ лѣтъ царствованія Михаила, Условія ихъ непрочности.

до 1642 г. Оно проявляется и повдѣе на соборѣ 1653 г. по малороссійскому дѣлу, когда бояре голосовали на соборѣ наравнѣ съ выборными, которые были „допрашиваны по чинамъ, порознь“, какъ въ 1642 г., но рѣшеніе принять Богдана Хмельницкаго въ московское подданство было принято государемъ по совѣту со всѣмъ соборомъ, а не по приговору только боярь. Даже совѣщательная дѣятельность собора 1648 г. прерывалась подѣ часть законодательнымъ моментомъ. Такъ „соборомъ уложили“ запретить церковнымъ учрежденіямъ пріобрѣтать и принимать въ закладъ служилыя вотчины (Уложеніе, XVII, 42). Но самая двойственность соборнаго голоса, то совѣщательнаго, то законодательнаго, обнаруживала политическую непрочность соборнаго представительства. Законодательный авторитетъ падалъ на соборъ заимствованнымъ свѣтомъ, не былъ ничѣмъ обезпеченъ, служилъ не признаніемъ народной воли, какъ политической силы, а только милостивымъ и временнымъ расширеніемъ власти на подданныхъ, не умалявшимъ ея полноты, да кстати и ослаблявшимъ ея отвѣтственность въ случаѣ неудачи. Это была подачка, а не уступка. Отсюда видима несообразности собора. Есть выборы, избиратели и выборные, вопросы правительства и отвѣты представителей, совѣщанія, подача мнѣній и приговоры, — словомъ, есть представительная процедура, но нѣтъ политическихъ опредѣленій, не устанавливается даже порядокъ дѣятельности, не опредѣляются ни сроки созыва соборовъ, ни ихъ однообразный составъ и компетенція, ни отношенія къ высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ; формы являются безъ нормъ, полномочія безъ правъ и обезпеченій, а между тѣмъ налицо есть поводы и побужденія, которыми обыкновенно вызываются и нормы, и обезпеченія; только поводы остаются безъ послѣдствій, побужденія безъ дѣйствія. Извѣстно,

какимъ дѣятельнымъ источникомъ правъ народнаго представительства на Западѣ служила правительственная нужда въ деньгахъ: она заставляла созывать государственные чины и просить у нихъ вспоможенія. Но чины помогали казнѣ не даромъ, вымогали уступки, покупали субсидіями права, обезпеченія. И у насъ въ XVII в. не было недостатка въ такихъ поводахъ и побужденіяхъ. Изъ всѣхъ соборовъ того вѣка, не говоря объ избирательныхъ, только три не имѣли видимой связи съ финансами: это — соборы 1618 г. по поводу движенія королевича Владислава на Москву, 1648 г. по дѣлу объ Уложеніи и 1650 г. по поводу псковскаго мятежа, когда правительство хотѣло воспользоваться нравственнымъ вліяніемъ собора на мятежниковъ. Всего чаще и внушительнѣе напоминала правительству о земскомъ соборѣ пустота казны: пока не возстановилось послѣ разоренія равновѣсіе обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ, то и дѣло приходилось прибѣгать къ чрезвычайнымъ налогамъ и разнообразнымъ или безвозвратнымъ запросамъ у капиталистовъ „на вспоможеніе“, безъ чего государевой казнѣ „быть не умѣть“. Оправдать такіе поборы можно было лишь волею всей земли. Въ 1616 г. съ богачей Строгановыхъ потребовали сверхъ 16 тыс. окладнаго налога еще 40 тыс. руб. авансомъ, въ зачетъ ихъ будущихъ казенныхъ платежей, и такое крупное требованіе, свыше 600 тыс. руб. на наши деньги, подкрѣпили „всемирнымъ приговоромъ“ собора: такъ „приговорили власти и всѣхъ городовъ выборные люди“, которыхъ трудно было ослушаться. Для нетяглыхъ людей такой соборный запросъ получалъ характеръ добровольной подписки на экстренныя нужды государства: въ 1632 г., въ началѣ польской войны, соборъ приговорилъ съ нетяглыхъ людей собрать на жалованье войску, „что это дастъ“, и духовныя власти тутъ же на со-

боръ объявили, сколько дають своихъ домовыхъ и келейныхъ денегъ, а бояре и всѣ служилые люди обѣщали принести роспись тому, что кто дастъ. Соборный приговоръ сообщалъ доброхотному даянію видъ обязательнаго самообложенія. Соборъ открывалъ казнѣ источники дохода, безъ которыхъ она не могла обойтись и которыхъ помимо собора никакъ не могла добыть. Здѣсь казна вполне зависѣла отъ собора. Выборные, жалуясь на управленіе, давали деньги, но не требовали, даже не просили правъ, довольствуясь благодушнымъ, ни къ чему не обязывавшимъ обѣщаніемъ „то вспоможенъе учинить памятно и николи незабытно и впередъ жаловать своимъ государскимъ жалованьемъ во всякихъ мѣрахъ“. Очевидно, мысль о правомѣрномъ представительствѣ, о политическихъ обезпеченіяхъ правомѣрности еще не зародилась ни въ правительствѣ, ни въ обществѣ. На соборъ смотрѣли, какъ на орудіе правительства. Дать совѣтъ, когда его спрашивали у земли, это — не политическое право земскаго собора, а такая же обязанность земскихъ совѣтниковъ, какъ и платежъ, какового требовала казна отъ земскихъ плательщиковъ. Отсюда — равнодушіе къ земскому представительству. Выборные изъ городовъ ѣхали на соборъ, какъ на службу, отбывали соборную повинность, а избиратели неохотно, часто только по вторичной повѣсткѣ воеводы являлись въ свой городъ на избирательные сѣзды. Не имѣя опоры въ политическихъ понятіяхъ, соборъ не находилъ ея ни въ стрѣбъ складывавшагося тогда управленія, ни въ своемъ собственномъ составѣ. Когда передъ русскимъ обществомъ послѣ Смуты стали тяжелые вопросы, рѣшать ихъ пришлось не единичному лицу, не какой-либо политической партіи или замкнутому кругу правительственныхъ лицъ: надъ рѣшеніемъ ихъ призывался поработать коллективный разумъ всей земли;

до чего додумывались отдѣльные умы правительственные и рядовые, все это собиралось въ одну земскую соборную думу и выражалось въ соборномъ приговорѣ или въ земскомъ челобитѣ. Можно было ожидать, что при такомъ значеніи собора въ центральномъ управленіи соборное, земское начало будетъ поддержано или даже усилено и въ управленіи мѣстномъ. Народное представительство неммыслимо безъ мѣстнаго самоуправленія. Свободный выборный и подневольный избиратель — внутреннее противорѣчіе. Между тѣмъ эпоха усиленной дѣятельности земскихъ соборовъ совпала со временемъ упадка земскихъ учреждений, подчиненія ихъ приказной власти. Законодательная дѣятельность при новой династіи потекла двумя встрѣчными струями; правительство одной рукой разрушало то, что создавало другой. Въ то время, когда земскихъ выборныхъ призывали изъ уѣздовъ рѣшать вопросы высшаго управленія рядомъ съ боярами и столичными дворянами, ихъ уѣздныхъ избирателей отдавали во власть этихъ бояръ и дворянъ. Приказный центръ становился убѣжищемъ земскаго начала, когда въ земскомъ уѣздѣ хозяйничалъ приказный. Такое же противорѣчіе обнаружилось и съ другой стороны: вскорѣ послѣ того какъ началъ дѣйствовать совѣтъ всякихъ чиновъ людей, создавшій новую династію, почти все сельское населеніе (85%, а съ дворцовыми крестьянами 95%) выведено было изъ состава свободнаго общества, и его выборные перестали являться на земскіе соборы, которые черезъ это потеряли всякое подобіе земскаго представительства. Наконецъ, съ обособленіемъ сословій и настроеніе отдѣльныхъ классовъ пошло врозь, ихъ взаимныя отношенія разлаживались. На соборѣ 1642 г. послышалась полная разногласица мнѣній и интересовъ. Освященный соборъ на вопросъ о войнѣ далъ стереотипный

отвѣтъ, что на то дѣло ратное — „разсмотрѣніе его царскаго величества и государевыхъ бояръ, а имъ государевымъ богомольцамъ то все не заобычай“, впрочемъ, въ случаѣ войны обѣщаль дать на ратныхъ людей по силѣ. Стольники и дворяне московскіе, верхи дворянства, будущая гвардія, кратко отписались, предоставивъ государю рѣшить вопросъ о войнѣ, объ изысканіи ратныхъ людей и средствъ на войну, а козакамъ велѣтъ удерживать Азовъ, пошлавъ имъ въ помощь охотниковъ. Дворяне Беклемишевъ и Желябужскій посовѣстились присоединиться къ отпискѣ своей братіи и подали разсудительно составленную записку, рѣшительно высказавшись за принятіе Азова и за уравнительную разверстку тягостей предстоящей войны между всѣми классами, не изъемя и монастырей. Наиболѣе сильные голоса послышались съ низовъ общества, представленнаго на соборѣ. Двѣ записки городовыхъ дворянъ 39 центральныхъ и южныхъ уѣздовъ — настоящіе политическіе доклады съ рѣзкой критикой дѣйствующихъ порядковъ и съ цѣлой преобразовательной программой. Они полны горькихъ жалобъ на разореніе, на неравномѣрное распредѣленіе служебныхъ тягостей, на льготное положеніе столичныхъ дворянъ, особенно служащихъ по дворцовому вѣдомству. Бѣльмомъ на глазу сидѣло у городского дворянства московское дьячество, разбогатѣвшее „неправеднымъ мздоимствомъ“ и настроившее себѣ такихъ палатъ каменныхъ, въ какихъ прежде и великородные люди не жили. Городовое дворянство просило распредѣлять служебныя повинности землевладѣльцевъ не по пространству земли, а по числу крестьянскихъ дворовъ, точно счастье, сколько за кѣмъ крестьянъ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ, пересмотрѣть земельныя богатства духовенства, пустить въ оборотъ на нужды государства „лежащую домовую

казну“ патріарха, архіереевъ и монастырей. Дворянство готово работать противъ враговъ „головами своими и всею душой“, но просить собирать ратныхъ людей со всякихъ чиновъ, только не трогая его „крѣпостныхъ людишекъ и крестьянишекъ“. Свои жалобы и проекты дворянство завершаетъ рѣзкимъ порицаніемъ всего управленія: „а разорены мы пуще турецкихъ и крымскихъ басурмановъ московскою волокитою и отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ“. Высшее московское купечество и торговые люди московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ подобно городовому дворянству — за принятіе Азова, не боятся войны, готовы на денежные жертвы, но говорить скромнѣе, минорнѣе, меньше проектируютъ, хотя такъ же горько плачутся на свое обнищаніе отъ налоговъ, казенныхъ служебъ, отъ воеводъ, просятъ государя „возрять на ихъ бѣдность“, съ грустью вспоминаютъ о разрушенномъ земскомъ самоуправленіи. Общій тонъ соборныхъ сказокъ 1642 г. довольно выразителенъ. На вопросъ царя, какъ быть, одни чины сухо отвѣчаютъ: какъ хочешь; другіе съ вѣрноподаннымъ добродушіемъ говорятъ: гдѣ взять людей и деньги, въ томъ ты, государь, воленъ и вѣдаютъ то твои бояре, „вѣчные наши господа промышленники“, попечители, но при этомъ даютъ понять земскому царю, что правленіе его изъ рукъ воиъ плохо, порядки, имъ заведенные, никуда не годятся, службы и налоги, имъ требуемые, людямъ не въ мочь, правители, имъ поставленные, всѣ эти воеводы, судьи и особенно дьяки своимъ мздоимствомъ и насильствомъ довели народъ до конечнаго обнищанія, разорили страну пуще татаръ, а богомольцы государевы, духовныя власти, только копятъ свою лежащую казну — „то наша холопей мысль и сказка“. Недовольство управленіемъ обострялось сословнымъ разладомъ: общественные классы

не единодушны, недовольны своимъ положеніемъ, сѣтуютъ на неравенство въ тягостяхъ; новую тягость верхніе стараются свалить на нижніе, торговые люди колютъ глаза служилымъ ихъ многими помѣстьями и вотчинами, а служилые торговымъ людямъ ихъ большими торгами, столичное дворянство коритъ городовое легкою службою, а городовые дворяне попрекаютъ столичныхъ доходными ихъ должностями и наживаемыми великими пожитками, не забывая при этомъ напомнить о пропадающихъ для государства богатствахъ Церкви и о неприкосновенности своихъ собственныхъ крѣпостныхъ людей и крестьянъ. Читая записки, поданныя сословными представителями на этомъ соборѣ, чувствуешь, что этимъ представителямъ нечего дѣлать вмѣстѣ, у нихъ общаго дѣла нѣтъ, а осталась только вражда интересовъ. Каждый классъ думаетъ про себя, особо отъ другихъ, знаетъ только свои ближайшія нужды и несправедливыя преимущества другихъ. Очевидно, политическое обособленіе сословій повело къ взаимному нравственному ихъ отчужденію, при которомъ не могла не разторгнуться ихъ совмѣстная соборная дѣятельность.

Земская
мысль въ
торговыхъ
классахъ.

Но погасая въ правящихъ и привилегированныхъ слояхъ, идея земскаго собора нѣкоторое время еще держалась въ небольшихъ кучкахъ тяглаго земства, оставшихся съ закрѣпощеніемъ владѣльческихъ крестьянъ подъ защитой закона. Въ заявленіяхъ высшаго московскаго купечества и московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ, на которыя падала черная работа управленія, проскользнула едва замѣтная черта, возвышающая ихъ надъ властными „бѣлыми чинами“. Выражая готовность служить государю своими головами, торговые и черносотенные люди заявляютъ, что принятіе Азова — дѣло не сословное, „дошло до всей государевой земли, православныхъ христіанъ головъ“,

и вся земля безъ всякихъ изъятій должна понести тяжести этого дѣла, чтобъ никто въ избылхъ не былъ. Ничего подобнаго не слышно со служилой дворянской стороны: тѣ чины только переборяются другъ съ другомъ, смотреть на чужіе рты, негодуя, что туда переппадаютъ лишніе куски, и стараясь свалить новыя служебныя тягости со своихъ плечъ на чужія. Торгово-промышленные люди знаютъ, зачѣмъ они пришли на соборъ, понимаютъ общеземскій интересъ, душу земскаго представительства. Въ этихъ черносотенцахъ XVII в., представлявшихъ собою низъ общества, еще теплилось чувство гражданскаго долга, уже гаснущее въ верхнихъ слояхъ, которые громоздились на ихъ плечахъ. Еще прямѣе и настойчивѣе выразили идею земскаго собора тѣ же классы нѣсколько позднѣе, когда онъ уже замиралъ. Отъ неудачной кредитной операціи съ мѣдными деньгами, выпущенными въ 1656 г., произошла дороговизна, вызвавшая сильный ропоть. Кризисъ касался всѣхъ и могъ быть устраненъ дружными совмѣстно съ правительствомъ усиліями всѣхъ классовъ общества; но правительство думало выйти изъ затрудненія посредствомъ совѣщанія только со столичными торговыми людьми. Допросить ихъ о томъ, какъ помочь горю, въ 1662 г. указано было вмѣстѣ съ другими Ильѣ Милославскому, тестю царя, совсѣмъ безсовѣстному боярину, который своими злоупотребленіями и обострилъ бѣду. Въ письменныхъ сказкахъ теперь, какъ и на соборѣ 1642 г., гости и торговые люди гостинной и суконной сотни, также черныхъ сотенъ и слободъ московскихъ сказали много дѣльнаго, обстоятельно вскрыли наличныя экономическія отношенія въ странѣ, ихъ нескладницу, сословный антагонизмъ села и посада, землевладѣльческаго и торговаго капитала, сказали много горькой правды и самому правительству, указавъ на его

непониманіе того, что творится въ странѣ, на его неумѣнье поддержать законный порядокъ, на его равнодушіе къ общественному голосу. По закону право городского торгова и промысла соединено было съ торговымъ тягломъ, съ платежомъ торговыхъ податей и пошлинъ, которыми государева казна полнилась, а нынѣ, жаловались торговые люди, всякими большими и лучшими промыслами и торгомами, презрѣвъ „всякое юсударственное правленіе, завладѣль *духовный и воинскій и судебный чинъ*, архіереи, монастыри, попы, всякіе служилые и приказные люди торгуютъ „въ тарханахъ безошлинно“, отчего чинится государству немалая тщета, а казнѣ въ пошлинахъ и во всякихъ податяхъ великая убыль. Притомъ, вынужденные продавать товары дорого на упавшія въ цѣнѣ мѣдныя деньги, торговые люди навлекли на себя ненависть всѣхъ чиновъ по ихъ недомыслию, „отъ неразсужденія“. Высказавъ свои соображенія, московскіе торговцы прибавляли въ одинъ голосъ, что о томъ, какъ дѣлу помочь, они больше ничего сказать не умѣютъ, потому что „*то дѣло великое всего юсударства, всей земли, всѣхъ городовъ и всѣхъ чиновъ*, и они у государя милости просятъ, указалъ бы онъ для того дѣла взять *изъ всѣхъ чиновъ на Москвѣ и изъ городовъ лутчихъ людей*, а безъ городскихъ людей имъ однимъ того дѣла рѣшить не умѣть“. Эта просьба торговыхъ свѣдущихъ людей о созывѣ собора — прикрытый протестъ противъ наклонности правительства замѣнять совѣтъ всей земли совѣщаніями съ сословными свѣдущими людьми, въ чемъ они видѣли дѣло правительственнаго недомыслия. Теперь московскіе торговые выборные указывали на ту же административную и общественную неурядицу, о которой такъ горячо заявляли 20 лѣтъ назадъ на соборѣ 1642 г. Но тогда они пользовались соборомъ для протеста противъ этой неурядицы,

а теперь смотреть на соборъ, какъ на средство ея устраненія. Но вѣдь соборъ и составлялся изъ виновниковъ этой неурядицы, изъ представителей классовъ, ее создававшихъ своимъ взаимнымъ антагонизмомъ. Значить, московскіе торговцы признавали соборъ единственнымъ средствомъ соглашенія разьединившихся общественныхъ силъ и интересовъ. Этимъ указывалась земскому представительству новая, дальнѣйшая задача. Оно возникло изъ смуты, чтобы возстановить власть и порядокъ; теперь ему предстояло установить порядокъ, котораго не умѣла создать возстановленная власть, устроить общество, какъ прежде оно устроило правительство. Но была ли подъ силу собору такая устроительная задача, когда само правительство было дѣятельнымъ факторомъ общественнаго разстройства? Возможно ли было такое соглашеніе, когда правящіе круги и привилегированные служилые классы въ немъ не нуждались, какъ виновники неурядицы, имъ выгодной, и были равнодушны къ общественному раздору, лишь бы не трогали ихъ „крѣпостныхъ людшекъ и крестьянишекъ“, а московскіе „гостишки и торговые людшки“, какъ они сами себя величали на соборѣ, были слишкомъ легковѣсной величиной, чтобы уравновѣсить общественныя отношенія? Съ установленіемъ крѣпостнаго права, при ничтожномъ политическомъ значеніи и гражданскомъ малодушіи духовенства, нужды и пользы тяглаго земскаго міра имѣли слабыхъ проводниковъ на соборѣ только въ торговыхъ столичныхъ и городовыхъ посадскихъ людяхъ. Гнетомые своими сословными тягостями, эти люди становились на соборѣ передъ подавляющимъ большинствомъ служилаго люда и передъ служилымъ же боярско-привазнымъ правительствомъ. Соборъ, на которомъ настаивали торговые люди въ 1662 г., не былъ созданъ, и правительству при-

шло съдержать новый московскій бунтъ, поднятый и подавленный съ обычнымъ московскимъ безмысліемъ.

Распаденіе
соборнаго
представительства.

Двойственность политическаго характера и политическая неустроенность собора, централизація и крѣпостное право, сословная разрозненность, наконецъ неспособность къ выполненію дальнѣйшей задачи, ставшей на очередь, — таковы наиболѣ замѣтныя условія непрочности земскаго собора; ими объясняется и прекращеніе его дѣятельности, постепенное замираніе соборнаго представительства. Я уже не говорю о низкомъ уровнѣ политическихъ понятій, привычекъ и потребностей, какъ бы сказать, политической температуры, — уровнѣ, при которомъ мерзнетъ всякое государственное учрежденіе, назначенное своей природой возбуждать духъ свободы: это условіе лежитъ въ основѣ всѣхъ остальныхъ, какъ оно же допустило всѣ неудачныя или вредныя нововведенія, которыми новая династія начала свою дѣятельность. Дѣйствіе перечисленныхъ условій обнаруживается въ постепенномъ распаденіи состава земскаго собора, которое началось очень рано. Уже на соборахъ, слѣдовавшихъ за избирательнымъ 1613 г., оно обозначилось исчезновеніемъ выборныхъ отъ духовенства и сельскаго населенія. Тогда соборъ утратилъ значеніе земскаго, всесословнаго, сталъ представлять службу и посадское тягло, а не землю. Но и это упрощенное, оторванное отъ всенародной почвы представительство иногда еще обрубалось: по нуждѣ или по усмотрѣнію правительство, не тревожа городовыхъ посадскихъ, призывало на совѣтъ только выборныхъ отъ столичныхъ чиновъ да отъ тѣхъ городовыхъ дворянъ, которые въ ту минуту по дѣламъ службы находились въ Москвѣ, а на соборѣ 1634 г., установившемъ чрезвычайный всеземскій сборъ „со всякихъ людей“ и между прочимъ пятую деньгу, падавшую преимущественно

на посадское население, выборныхъ отъ городскихъ посадовъ не видимъ. Такъ земскій соборъ разрушался снизу: отъ него отваливались нижніе, коренные земскіе его элементы, выборные отъ мѣстныхъ областныхъ обществъ, духовныхъ, тяглыхъ городскихъ и сельскихъ, даже служилыхъ, и земскій соборъ, теряя представительное значеніе, поворачивалъ назадъ къ старому типу XVI в., къ должностному собранію столичныхъ чиновъ, служилыхъ и торговыхъ, такъ какъ и торговые столичные чины соединяли въ себѣ тягло съ казенной службой. На соборѣ 1650 г. также не было городскихъ посадскихъ гласныхъ, а столичныхъ торговыхъ тяглыхъ людей представляли должностныя лица, старосты и соцкіе, какъ это бывало на соборахъ XVI в. Рядомъ съ территоріальнымъ сокращеніемъ соборнаго состава шло и социальное его разложеніе: правительство взазмѣнъ земскаго собора обращалось къ такой формѣ совѣщаній, которая отрицала самую его идею. Извѣстному государственному вопросу оно придавало специальное вѣдомственное или классовое значеніе и для обсужденія его призывало по выбору или по должности представителей только одного класса, котораго по его возвращенію вопросъ ближе касался. Такъ въ 1617 г. англійское правительство обратилось къ московскому съ предложеніями о позволеніи англійскимъ купцамъ ѣздить Волгой въ Персію и о торговыхъ льготахъ и концессіяхъ. Боярская дума отвѣчала на эти предложенія, что теперь „такого дѣла рѣшить безъ совѣта всего государства нельзя ни по одной статьѣ“; но совѣтъ всего государства ограничился опросомъ однихъ гостей и торговыхъ людей гор. Москвы. Даже на общемъ земскомъ соборѣ иные вопросы разрѣшались не всѣмъ его составомъ: такъ упомянутое соборное постановленіе о служилыхъ вотчинахъ было принято государемъ и думой

по совѣщанію съ духовенствомъ и служилыми людьми, безъ участія представителей другихъ классовъ. Съ 1654 г. земскій соборъ не созывался до смерти царя Ѳеодора (апрѣль 1682 г.). Государственныя дѣла чрезвычайной важности рѣшались государемъ съ думой и Освященнымъ соборомъ безъ земскаго. Такъ въ 1672 г., когда грозило страшное нашествіе султана, чрезвычайные сборы назначены были по приговору государя только съ думой и высшимъ духовенствомъ. Въ 1642 г. подобный случай, даже менѣе важный, заставилъ созвать земскій соборъ. Зато теперь правительство все чаще обращается къ сословнымъ совѣщаніямъ, и они остаются единственной формой участія общества въ правительственныхъ дѣлахъ. За 1660—1682 гг. известно же менѣе 7 такихъ обращеній правительства къ сословнымъ выборнымъ. Въ 1681 г. по вопросу о военной реформѣ призваны были на совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ боярина кн. В. В. Голицына выборные отъ служилыхъ чиновъ; на всѣ остальные сословныя совѣщанія по финансовымъ вопросамъ призывались выборные лишь отъ тяглыхъ людей. Такъ само правительство разрушало земскій соборъ, замѣняя или, точнѣе, подмѣняя земское представительство ни къ чему не обязывавшими особыми совѣщаніями со свѣдущими людьми, превращая общее государственное дѣло въ специальный классовый вопросъ.

Что сдѣлалъ
соборъ.

Такъ исторія земскаго собора въ XVII в. есть исторія его разрушенія. Это потому, что онъ возникъ изъ временной потребности безгосударной земли выйти изъ безнарядья и безгосударья, а потомъ держался на временной потребности новаго правительства укрѣпиться въ землѣ. Новой династіи и классамъ, на которые она опиралась, духовенству и дворянству, земскій соборъ былъ нуженъ, пока земля не оправилась отъ самозванческой встряски: по мѣрѣ успокоенія слабѣла и правительственная нужда

въ соборѣ. Однако слѣды его дѣятельности были долговѣчнѣе его самого. Явившись въ 1613 г. учредительнымъ и всесловнымъ собраніемъ, онъ создалъ новую династію, возстановилъ разрушенный порядокъ, два года слишкомъ замѣнялъ правительство, готовъ былъ превратиться въ постоянное учрежденіе, потомъ по временамъ получалъ законодательное значеніе, впрочемъ ничѣмъ не укрѣпляемое, собирався при царѣ Михаилѣ не менѣе 10 разъ, иногда изъ года въ годъ, при царѣ Алексѣѣ только 5 разъ и то лишь въ первые 8 лѣтъ царствованія, при этомъ постепенно уродовался, теряя одинъ свой органъ за другимъ, изъ всесловнаго превращаясь въ двухсловный и даже однословный, дворянскій, наконецъ распался на сословныя совѣщанія свѣдущихъ людей, ни разу не былъ созванъ при царѣ Ѳеодорѣ, дважды собирався наспѣхъ въ кой-какомъ случайномъ составѣ въ 1682 г., чтобы посадить на единое державный престолъ рядомъ обоехъ его младшихъ братьевъ, и въ послѣдній разъ созванъ былъ Петромъ въ 1698 г., чтобы судить царевну-заговорщицу Софью. Будучи не политической силой, а правительственнымъ пособіемъ, соборъ не разъ выручалъ правительство изъ затрудненій, оставилъ по себѣ слабый законодательный слѣдъ въ нѣсколькихъ статьяхъ Уложенія, подержался нѣкоторое время въ политическомъ сознаниіи московскихъ торговыхъ людей, а потомъ скоро былъ забытъ, и только крѣпкая историческая память поморскаго Сѣвера сохранила о немъ смутное воспоминаніе, рассказывая въ былинѣ, какъ царь Алексѣй Михайловичъ, тотъ самый, который въ шутку писалъ, что „всегда мірскихъ рѣчей слушаютъ“, но который собственно и заморилъ земскій соборъ, — какъ этотъ царь съ Лобнаго мѣста въ Москвѣ обращался къ своимъ подданнымъ:

Пособите государю думу думати.

Надо думать крѣпка дума, не продумати.

Обзоръ ска-
заннаго.

Земскій выборный соборъ входитъ въ жизнь Московскаго государства случайно по механическому толчку, какой дало пресѣченіе старой династіи, и потомъ появляется эпизодически, отъ времени до времени. На немъ впервые земля, народъ выступаетъ на правительственную сцену, когда на ней не стало правительства, появляется и послѣ, когда возстановленное правительство чувствовало нужду въ помощи земли, народа. Бѣдствія Смутнаго времени соединили послѣднія силы русскаго общества для возстановленія разрушеннаго государственнаго порядка. Представительный соборъ былъ созданъ этимъ вынужденнымъ общественнымъ единодушіемъ и поддерживалъ его. Народное представительство возникло у насъ не для ограниченія власти, а чтобы найти и укрѣпить власть: въ этомъ его отличіе отъ западно-европейскаго представительства. Но создавъ и поддерживая власть, соборъ, естественно, становился до времени ея участникомъ и со временемъ могъ стать въ силу привычки постояннымъ сотрудникомъ. Помѣшало то, что нужды возстановленнаго государства при правительственномъ способѣ ихъ удовлетворенія разстроили вымученное бѣдой общественное единодушіе, заставили разбить общество на обособленныя сословія и при этомъ отдать большинство крестьянства въ крѣпостную неволю землевладѣльцамъ. Это лишило земскій соборъ земскаго характера, сдѣлало его представительствомъ только верхнихъ классовъ, а въ то же время разъединило и эти классы политически и нравственно, политически — неравенствомъ сословныхъ правъ и обязанностей, нравственно — вытекавшимъ отсюда антагонизмомъ сословныхъ интересовъ. Съ другой стороны, испытанія Смутнаго времени и усиленная дѣятельность земскаго собора при царѣ Михаилѣ не расширили политическаго сознанія въ обществѣ:

настолько, чтобы сдѣлать земское представительство его насущной политической потребностью и превратить соборъ изъ временнаго вспомогательнаго средства правительства въ постоянный органъ народныхъ нуждъ и интересовъ. Въ обществѣ не образовалось вліятельнаго класса, для котораго соборное представительство стало бы такой потребностью. Съ установленіемъ крѣпостной неволи крестьянъ, дворянство, поглощая въ себя боярство, стало на дѣлѣ господствующимъ классомъ; но оно помимо собора нашло болѣе удобный путь для проведенія своихъ интересовъ — непосредственное обращеніе къ верховной власти съ коллективными челобітьями, а боярско-дворянскіе кружки, преемственно обсъдавшіе престолъ слабыхъ царей, облегчали этотъ путь. Столичное купечество, усвоившее идею земскаго представительства, одно не было въ силахъ отстоять ее, и ихъ выборные въ 1662 г. жаловались, что по ихъ представленіямъ мало что исполнялось. Такъ выясняются два ряда условій, помѣшавшихъ соборному представительству упрочиться въ XVII в.: 1) служба сначала опорой новой династіи и вспомогательнымъ органомъ управленія, земскій соборъ становился все менѣе нуженъ правительству по мѣрѣ упроченія династіи и роста правительственныхъ средствъ, особенно приказнаго чиновничества; 2) общество, разъединяемое сословными повинностями и классовой рознью при общей придавленности чувства права, не было въ состояніи дружной дѣятельностью превратить соборъ въ постоянное законодательное учрежденіе, огражденное политическими обезпеченіями и органически связанное съ государственнымъ порядкомъ. Значитъ, земское представительство пало вслѣдствіе усиленія централизаціи въ управленіи и государственнаго закрѣпощенія сословій.

Лекція II.

Связь явленій. — Войско и финансы. — Окладные налоги: косвенные; прямые — деньги данныя и оброчныя, ямскія, полонянничныя, стрѣleckія. — Писцовыя книги. — Неокладные сборы. — Опыты и реформы. — Соляная поштина и табачная монополія. — Мѣдные кредитные знаки и московскій бунтъ 1662 г. — Живущая четверть. — Подворное тягло и переписныя книги. — Сословная разверстка прямыхъ налоговъ. — Финансы и земство. — Распространеніе тягла на задворныхъ людей. — Распредѣленіе народнаго труда между государственными силами. — Чрезвычайные налоги. — Роспись доходовъ и расходовъ 1680 г.

Связь
адакскій.

Земское соборное представительство замерло поздне мѣстнаго земскаго самоуправления. Исчезновеніе одного и паденіе другого — параллельныя, хотя и не совпадающія по времени слѣдствія двухъ основныхъ перемѣнъ въ государственномъ порядкѣ, упомянутыхъ мною въ концѣ прошедшаго чтенія. Усиленіе централизаціи придавило мѣстныя земскія учрежденія, а ихъ упадекомъ и разобщеніемъ закрѣпощенныхъ сословій разбитъ былъ земскій соборъ, служившій высшимъ органомъ участія мѣстныхъ сословныхъ міровъ въ законодательствѣ. Обѣ эти основныя перемѣны вытекали изъ одного источника, изъ финансовыхъ нуждъ государства; эти нужды были скрытой пружиной, направлявшей и административныя и социальныя мѣры правительства, возбуждавшей его дѣятельность въ устроеніи управленія, какъ и общества, и заставившей принести столько жертвъ на счетъ общественнаго благоустройства и народнаго благосостоянія.

Финансы были едва ли не самымъ больнымъ мѣстомъ московскаго государственнаго порядка при новой династіи. Потребности, вызванныя учащенными, дорогими и рѣдко удачными войнами, рѣшительно перевѣшивали наличныя средства правительства, и оно терялось въ догадкахъ, какъ возстановить равновѣсіе. Рать въ конецъ заѣдала казну. Въ 1634 г., испрашивая у собора вспоможенія на продолженіе войны съ Польшей, царь объявлялъ, что казна, скопленная имъ въ мирные годы „не съ земли“, не изъ прямыхъ налоговъ, вся пошла на приготовленія къ войнѣ и теперь для содержанія вспомогательной рати „безъ прибыльной казны“, безъ чрезвычайныхъ налоговъ обойтись не сумѣтъ. Военныя неудачи при встрѣчѣ съ польскими и шведскими войсками заставили тревожно заняться улучшеніемъ вооруженныхъ силъ по иноземнымъ образцамъ. Два документа даютъ понять, какъ преобразовывалась дворянская милиція и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ дорожало ея содержаніе въ продолженіе 50 лѣтъ. Въ *смѣтномъ спискѣ* 1631 г. перечислены вооруженныя силы, которыя содержались непосредственно на казенный счетъ, помѣстнымъ, денежнымъ или хлѣбнымъ жалованьемъ. По смѣтному списку ихъ насчитывается до 70 тыс. Это столичные и городовые дворяне, пушкари, стрѣльцы, казаки и служилые иноземцы. Въ областяхъ бывшаго царства Казанскаго и Сибири числилось еще около 15 тыс. различныхъ восточныхъ инородцевъ, служилыхъ мурзъ и татаръ, ясачныхъ чувашъ, черемисъ, мордвы и башкиръ; но они не имѣли служилыхъ денежныхъ окладовъ, посылались на службу лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда, по выраженію смѣтнаго списка, „бываетъ всей землѣ повальная служба“, общая мобилизація. Еще въ 1670 г. Рейтенфельсъ любовался параднымъ царскимъ смотромъ 60-тысячнаго дворянскаго ополченія. Это были,

очевидно, не только столичные чины, но и верхніе слои провинціального дворянства, годные къ дальнимъ походамъ, со своими походными дворовыми людьми. Нарядные всадники ослѣпили иноземца блескомъ оружія и костюма. Но подъ Москвой они производили, особенно на эстетически воспримчиваго царя, болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ на боевыхъ поляхъ Литвы и Малороссіи, хотя имъ въ жертву отдано было громадное количество народнаго труда. Боевая годность всей этой пестрой массы, оборонявшей государство, дворянской, казачьей, татарской, чувашской, распускавшейся послѣ похода, можетъ быть опредѣлена словами Котошихина, что „ученія у нихъ къ бою не бываетъ и строю никакого не знаютъ“. Только стрѣльцы, соединенные въ постоянные полки, *приказы*, имѣли нѣсколько устроенный видъ. Реорганизация этого боевого матеріала заключалась въ томъ, что подъ командой иноземныхъ, преимущественно нѣмецкихъ полковниковъ и капитановъ, которыхъ выписывали сотнями, изъ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, преимущественно малопомѣстныхъ, пустопомѣстныхъ и безпомѣстныхъ, также изъ охотниковъ и рекрутовъ другихъ классовъ, даже крестьянъ и холоповъ, составлялись роты и полки конные, *рейтарскіе*, пѣшіе, *солдатскіе*, и смѣшанные коннопѣшаго строя, *драгунскіе*. Цѣлыя села по южной окраинѣ превращались въ военные поселенія. Въ 1647 г. монастырское село почти въ 400 крестьянскихъ дворовъ въ Лебедянскомъ уѣздѣ поверстано было въ драгунскую службу. По инструкціи 1678 г. всѣхъ „скудныхъ“ дворянъ, годныхъ къ службѣ, велѣно писать въ солдаты на ежемѣсячное жалованье, а указъ 1680 г. всѣхъ способныхъ къ полковой службѣ дворянъ Сѣверскаго, Бѣлгородскаго и Тамбовскаго разрядовъ записалъ въ солдатскую службу. Это были чрезвычайныя мѣры. Для нормальнаго

пополненія этихъ полковъ иноземнаго строя приведенъ былъ въ дѣйствіе новый и притомъ двойной способъ комплектованія, сборъ даточныхъ по числу крестьянскихъ дворовъ, напримѣръ со 100 дворовъ по рейтару и солдату, либо по семейному составу дворовъ, изъ двухъ или трехъ неотдѣленныхъ сыновей у отца или братьевъ одного, изъ четырехъ сыновей или братьевъ двоихъ брали въ солдаты. Это были уже настоящіе рекрутскіе *наборы*, призванные на помощь прежнему способу комплектованія, *прибору*. Эти наборы по вычисленію изслѣдователей въ 25 лѣтъ (1654—1679) вырвали изъ состава рабочаго населенія по меньшей мѣрѣ 70 тыс. человекъ. Полки новаго строя получали огнестрѣльное вооруженіе и строевое обученіе. *Роспись ратнымъ людямъ* 1681 г. представляетъ результаты этой медленной перестройки вооруженныхъ силъ. Всѣ ратные люди здѣсь расписаны на 9 *разрядовъ*, оружныхъ корпусовъ, о которыхъ мы уже говорили (л. XLVIII). Только московскій столичный корпусъ, состоявшій изъ 2624 человекъ столичныхъ чиновъ съ ихъ походными холопами и даточными людьми въ числѣ 21830 чел. и 5 тыс. стрѣльцовъ, остался при старомъ доморощенномъ строѣ. Въ 8 другихъ корпусахъ рядомъ съ 16 стрѣleckими приказами значилось полковъ иноземнаго строя 25 рейтарскихъ и 38 солдатскихъ подъ начальствомъ иноземныхъ полковниковъ; только 3 полками командовали русскіе въ званіи генераловъ. Изъ всей дворянской милиціи, которой по списку 1631 г. числилось около 40 тыс., теперь въ старомъ строю осталось лишь 13 тыс.; остальные вошли въ составъ 63 реформированныхъ полковъ численностью до 90 тыс. Это не была еще вполнѣ регулярная армія, потому что не была постоянной; по окончаніи похода и новые полки распускались по домамъ, оставляя послѣ себя только офицерскіе кадры.

Всего съ козаками, не считая 50 тыс. малорусскихъ, по росписи 1681 г. числилось 164 тыс. человекъ. Сопоставляя по возможности однородныя части войскъ по списку и росписи и опуская восточныхъ инородцевъ, которыхъ въ росписи нѣтъ, находимъ, что съ 1631 г. вооруженныя силы, лежавшія на плечахъ казны, возросли почти въ $2\frac{1}{2}$ раза. Наемная плата, „мѣсячный кормъ“ многочисленнымъ иноземнымъ полковникамъ и капитанамъ была очень высока, и когда они оставались на московской службѣ, превращалась въ пожизненное жалованье, половина котораго становилась послѣ нихъ пенсіей ихъ женамъ и дѣтямъ. Рейтары, солдаты и драгуны, вербуемые больше изъ недостаточныхъ классовъ, получали возвышенные денежные оклады, казенное вооруженіе и боевые припасы, а въ походѣ казенное продовольствіе. Стоимость арміи на наши деньги съ 3 милл. рублей въ 1631 г. возросла къ 1680 г. до 10 милл. Значить, при численномъ увеличеніи арміи почти въ $2\frac{1}{2}$ раза стоимость ея возросла больше, чѣмъ втрое. Соразмѣрно съ этимъ вздорожали и войны: неудачный полуторагодовой походъ подъ Смоленскъ при царѣ Михаилѣ обошелся по наименьшему расчету въ 7—8 милліоновъ, а двѣ первыя кампаніи противъ Польши при царѣ Алексѣѣ (1654—1655), сопровождавшіяся завоеваніемъ не только Смоленской земли, но и Бѣлоруссіи съ Литвой, стоили до 18—20 милл., что почти равнялось годовой суммѣ доходовъ, каковую получали въ 1680 г. центральныя финансовыя учрежденія.

Окладные
доходы.

Бюджетъ доходовъ росъ вмѣстѣ со вздорожаніемъ арміи. Чтобы объяснить себѣ, какъ правительство пыталось привести свои финансовыя силы въ уровеньъ со все возрастающими расходами государства, надобно представить себѣ, хотя въ общихъ чертахъ, раньше сложившійся финансовый порядокъ. Обыкновенныя средства казны составлялись изъ

доходовъ *окладныхъ и неокладныхъ*. Окладными доходами назывались податные сборы, которымъ напередъ назначался въ смѣтѣ опредѣленный обязательный для плательщиковъ размѣръ, *окладъ*. Окладные доходы составлялись изъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ. Подати или прямые налоги въ Московскомъ государствѣ падали либо на цѣлыя общества, либо на отдѣльныя лица. Совокупность податей, платимыхъ цѣлыми обществами, по общей раскладкѣ, составляла *тягло*, и люди, подлежавшіе такимъ платежамъ, назывались *тяглыми*. Главными предметами тяглового обложенія были земли и дворы, которые также назывались *тяглыми*. Основаніемъ податного обложенія служило *сошное письмо*, т.-е. расписаніе тяглыхъ земель и дворовъ на *сохи*. Соха — податная единица, заключавшая въ себѣ извѣстное число тяглыхъ посадскихъ дворовъ или извѣстное пространство тяглой крестьянской пашни: именно доброй земли помѣстной и вотчинной считалось въ сохѣ 800 четвертей въ одномъ полѣ, т.-е. 1200 десятинъ въ трехъ поляхъ (четверть — половина десятины), монастырской 600 четвертей, черной казенной 500. Количество четвертей средней и худой земли въ каждой изъ этихъ сохъ пропорціонально увеличивалось, при чемъ качество земли опредѣлялось ея доходностью, а не свойствомъ самой почвы. Составъ посадской сохи чрезвычайно разнообразился: въ Зарайскѣ, на примѣръ, въ концѣ XVI в. въ соху было положено лучшихъ, зажиточнѣйшихъ людей по 80 дворовъ, среднихъ по 100 дворовъ, а молодчихъ и убогихъ по 120 дворовъ, въ Вязьмѣ же въ первой половинѣ XVII в. считалось въ сохѣ 40 дворовъ лучшихъ людей, 80 среднихъ и 100 меньшихъ. Перечислимъ главные окладные доходы и начнемъ съ косвенныхъ налоговъ, изъ коихъ главные были *таможенные* и *кабакные* сборы: это былъ въ XVII в. самый обильный источникъ, которымъ

питалась московская казна. Таможенные налоги были очень разнообразны и взимались какъ при провозѣ, такъ и при продажѣ товаровъ; кабацкіе сборы получались отъ продажи питей, составлявшей казенную монополию. И для этихъ доходовъ правительство обыкновенно назначало извѣстные оклады и отдавало ихъ либо на откупъ, либо на вѣру, поручая таможенные сборы и продажу вина *стороннымъ* (присяжнымъ) головамъ и цѣловальникамъ, которыхъ обязаны были выбирать для того изъ своей среды мѣстные тяглые обыватели, а недоборы взыскивались съ выборныхъ или съ самихъ избирателей, если послѣдніе не доглядѣли и вовремя не донесли о воровствѣ или нерадѣніи первыхъ. Головамъ и цѣловальникамъ, уличеннымъ посторонними въ воровствѣ и корысти, законъ 1637 г. грозилъ „смертною казнию безъ всякой пощады“, т.-е. наказывалъ исполнителей за нерадѣніе или неспособность правительства, которое возлагало на обывателей не только повинность, но и надзоръ за ея отбываніемъ, что составляло его прямую обязанность. Въ половинѣ XVII в. косвенные налоги были объединены: въ 1653 г. вмѣсто многочисленныхъ таможенныхъ сборовъ введена такъ названная *рублевая* пошлина (по 10 денегъ съ рубля, т.-е. 5% продажной цѣны товаровъ съ продавца, и 5 денегъ съ рубля суммы, привезенной покупщикомъ на покупку товаровъ).

Деньги дан-
ные и оброч-
ныя.

Основные прямые налоги были *денги данныя* и *оброчныя*. Данными деньгами или *данью* назывались разные прямые налоги, которые падали на тяглое населеніе, торгово-промышленное посадское и земледѣльческое сельское, и взимались по числу сохъ, значившихся по писцовымъ книгамъ за извѣстнымъ городскимъ или сельскимъ обществомъ. *Оброкъ* имѣлъ двоякое значеніе. Иногда такъ называлась плата правительству за предоставленіе частному лицу права

пользоваться казенной землей, угодьем, или заниматься какимъ-либо промысломъ. Въ этомъ смыслѣ оброкомъ назывался казенный доходъ съ принадлежавшихъ казнѣ рыбныхъ ловель, сѣнныхъ покосовъ, звѣринныхъ гоновъ, также съ городскихъ торговыхъ лавокъ, харчевень, бань и другихъ промышленныхъ заведеній. Въ другихъ случаяхъ оброкъ означалъ общую подать, которою окладывались всѣ жители извѣстнаго округа взаменъ разныхъ другихъ податей и повинностей. Такъ оброкомъ назывался налогъ, заменившій кормы и пошлины намѣстниковъ и волостелей при отменѣ этихъ должностей въ царствованіе Грознаго. Только оброки этого послѣдняго рода входили въ составъ тягла и взимались по сошному письму. Дань и оброкъ въ смыслѣ общей подати уплачивались всегда въ *постоянномъ* количествѣ по неизмѣнному окладу, тогда какъ размѣры другихъ государственныхъ податей были измѣнчивы, опредѣлялись особыми царскими предписаніями.

Къ окладнымъ доходамъ причислялись еще Спеціальные налоги. специальные налоги, назначавшіеся на особыя потребности государства: таковы были деньги ямскія, полонянничныя и стрѣлецкія. *Ямскія* деньги собирались на содержаніе ямской гоньбы для провоза пословъ, гонцовъ, должностныхъ и ратныхъ людей, для чего по большимъ дорогамъ ставились ямы (яма — почтовая станція). Эта подать собиралась съ посадскихъ людей и съ крестьянъ также по сошному письму и поступала въ особое центральное учрежденіе, въ *Ямской* приказъ, который завѣдывалъ ямщиками, получавшими жалованье и прогоны за ѣзду, для чего они обязаны были содержать лошадей на ямахъ. *Полонянничныя* деньги — подворная, а не посошная подать, назначенная на выкупъ плѣнныхъ у татаръ и турокъ. Еще въ царствованіе Михаила она собиралась временно по особому распоряженію прави-

тельства. Потомъ она стала постоянной и по Уложенію 1649 года собиралась ежегодно „со всякихъ людей“, какъ тяглыхъ, такъ и нетяглыхъ, но не въ одинаковомъ размѣрѣ съ людей разныхъ состояній: посадскіе обыватели и церковные крестьяне платили со двора по 8 денегъ (на наши деньги около 60 коп.), крестьяне дворцовые, черные и помѣщичьи вдвое меньше, а стрѣльцы, казаки и прочіе служилые люди низшихъ чиновъ только по 2 деньги. По словамъ Котошихина, полонянничныхъ денегъ въ его время собиралось ежегодно тысячъ по 150 (около 2 милліоновъ рублей на наши деньги). Эту подать собиралъ завѣдывавшій выкупомъ полонянниковъ Посольскій приказъ. *Стрѣлецкая* подать назначена была на содержаніе стрѣльцовъ, постоянной пѣхоты, заведенной въ XVI в. при великомъ князѣ Василии. Сначала это былъ незначительный налогъ хлѣбомъ; въ XVII в. стрѣлецкая подать собиралась и хлѣбомъ и деньгами и по мѣрѣ увеличенія численности стрѣлцаго войска сильно возрастала, такъ что сдѣлалась, наконецъ, важнѣйшимъ прямымъ налогомъ. По свидѣтельству Котошихина, въ царствованіе Алексѣя стрѣльцовъ было въ Москвѣ даже въ мирное время больше 20 *приказовъ* (полковъ), по 800—1000 чел. въ каждомъ (22452 въ 1681 г.), да городовыхъ, т.-е. провинціальныхъ, приблизительно столько же.

Писцовыя
книжки.

Всѣ перечисленные подати кромѣ полонянничной взи­мались по сошному письму: правительство клало на каждую соху извѣстную сумму податей, окладъ, предоставляя плательщикамъ, тяглымъ людямъ сохи, раскладывать его между собой по платежнымъ средствамъ каждого, „верстаться межъ себя самимъ по своимъ животамъ, по промысламъ, по пашнямъ и по всякимъ угодыямъ“. Основаніемъ сошнаго обложенія служили *писцовыя книжки*. Отъ времени до времени правительство производило описи тяглыхъ недви-

жимыхъ имуществъ, разсылая для того по уѣздамъ писцовъ, которые описывали предметы обложенія по показаніямъ и документамъ обывателей, провѣряя тѣ и другіе прежними описями и личнымъ осмотромъ. Писцовая книга описываетъ городъ и его уѣздъ, ихъ населеніе, земли, уголья, торговли и промышленныя заведенія и лежація на нихъ повинности. Описывая городскія и уѣздныя поселенія, посады, слободы, села, деревни, починки, писцовая книга подробно пересчитываетъ въ каждомъ поселеніи тяглые дворы и „людей“ въ нихъ, домохозяевъ съ живущими при нихъ дѣтьми и родственниками, обозначаетъ пространство принадлежащей селенію земли пахотной, пустопорожней, сѣнокосной и лѣсной, владеть тяглые посадскіе дворы и сельскія пахотныя земли въ сохи и по нимъ высчитываетъ размѣръ тягла, падающаго на селеніе по землѣ и промысламъ его тяглыхъ обывателей. Въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи хранятся многія сотни писцовыхъ книгъ XVI и XVII вв., служащихъ основнымъ источникомъ исторіи финансоваго устройства и экономическаго быта Московскаго государства. Такія описи составлялись издавна, но лишь немногія книги дошли до насъ отъ конца XV в. по Новгороду Великому. При своемъ кадастровомъ и финансовомъ значеніи писцовыя книги помогали совершенію разныхъ гражданскихъ и другихъ актовъ: по нимъ разрѣшались поземельные споры, укрѣплялись права на владѣніе недвижимостями, производился сборъ даточныхъ людей. Когда отецъ царя Михаила Филаретъ возвратился изъ Польши, оба государя въ 1619 г. созвали соборъ и на немъ приговорили послать писцовъ и дозорщиковъ, которые бы описали всѣ города, разобрали обывателей и размѣстили ихъ по мѣстамъ, гдѣ они прежде жили и тянули тягло. Въ силу этого постановленія въ 1620-хъ годахъ предпринята была

общая перепись тяглаго населенія въ государствѣ съ цѣлью привести въ извѣстность и устроить его податныя силы. Эти именно книги конца 1620-хъ годовъ Уложеніе владеть документальной основой крѣпостной принадлежности крестьянина владѣльцу, основой, покрывающей всякія другія крѣпости; по нимъ рѣшались иски о бѣглыхъ крестьянахъ; эта перепись, видѣли мы, и втокнула крѣпостное условіе въ крестьянскія ссудныя записи.

Неокладные
сборы.

Второй разрядъ государственныхъ доходовъ, *неокладные* сборы состояли главнымъ образомъ изъ платежей за удовлетвореніе разныхъ нуждъ, съ которыми частныя лица обращались къ правительственнымъ учрежденіямъ: таковы были пошлины съ разныхъ частныхъ сдѣлокъ, съ просьбъ, какія подавались частными лицами въ административныя и судебныя мѣста, съ грамотъ, какія оттуда имъ выдавались, судебныхъ рѣшеній и т. п.

Соль и та-
бакъ.

На основѣ этого финансоваго порядка въ XVII в. вводились казной предпріятія двухъ родовъ: это были либо опыты, затѣи, разстраивавшія установившійся порядокъ, либо нововведенія, его перестраивавшія. Прежде всего казна принялась собирать своихъ растерянныхъ плательщиковъ. Смута выбила изъ тягла множество тяглыхъ людей. По возстановленіи порядка они продолжали свои тяглыя занятія, оставаясь внѣ тягла. Противъ этихъ „избылыхъ“ и поведена была продолжительная законодательная и полицейская борьба. Съ земскаго собора 1619 г. правительство преслѣдовало закладчиковъ и едва сладило съ ними при содѣйствіи собора 1648—49 гг. Тогда же Уложеніемъ было установлено, что непосадскіе люди, промышляющіе на посадѣ, обязаны или бросить свои промыслы, или участвовать въ посадскомъ тяглѣ. Съ цѣлью обезпечить казнѣ постоянный составъ прямыхъ или косвенныхъ работниковъ, законо-

дательство, какъ мы видѣли, сбило общество въ замкнутыя сословія, прикрѣпивъ каждое къ его повинностямъ, запретило самовольный выходъ изъ посадовъ и превратило договорную пожизненную неволю владѣльческихъ крестьянъ въ потомственную крѣпостную зависимость. Но какъ ни тщательно переписывали и прикрѣпляли обывателей, способныхъ къ тяглу, оставалось много избылыхъ, ускользавшихъ отъ казенныхъ повинностей. Хотѣли одной общей мѣрой, какъ рыбу большимъ неводомъ, захватить въ работу на казну все населеніе, рядовое и привилегированное, взрослое и малолѣтнее обоюго пола. Въ то самое время, когда на Западѣ политико-экономическая теорія меркантилистовъ настаивала на замѣнѣ прямыхъ налоговъ косвенными, на обложеніи потребленія вмѣсто капитала и труда, въ Москвѣ попытались вступить на тотъ же самый путь вполне самобытно, по указанію не какой-либо заносной теоріи, а дурной доморощенной практики. Въ московской финансовой политикѣ косвенные налоги вообще преобладали надъ прямыми. Въ XVII в. правительство особенно усердно истощало этотъ источникъ въ расчетѣ, что плательщикъ охотнѣе заплатитъ лишнее за товаръ, чѣмъ внесетъ прямой налогъ: тамъ онъ за переплату получаетъ хоть что-нибудь годное къ употребленію, а здѣсь не получаетъ ничего, кромѣ *платежной отписки*, квитанціи. Отсюда, можно думать, и родилась мысль, внушенная, какъ говорили, бывшимъ гостемъ, а теперь дьякомъ Назарьемъ Чистаго, замѣнить важнѣйшіе прямые налоги повышенной пошлиной на соль: соль нужна всѣмъ, слѣдовательно, всѣ въ мѣру ея потребленія будутъ платить казнѣ, и избылыхъ не будетъ. До 1646 г. казна взидала пошлины съ пуда соли 5 коп., приблизительно 60 коп. на наши деньги. По закону этого года соляная пошлина была увеличена вчетверо, до 20 коп.

съ пуда, до полукопейки съ фунта. Равняя по хлѣбнымъ цѣнамъ тогдашнюю полукопейку 6 копейкамъ нынѣшнимъ, видимъ, что только казенная пошлина шестеро превышала нынѣшнюю рыночную цѣну фунта соли. Цѣлымъ рядомъ простодушно-грубыхъ соображеній указъ оправдывалъ эту мѣру: будутъ отмѣнены стрѣльцкія и ямскія деньги, наиболѣе тяжелые и неравномѣрно распредѣляемые прямыя налоги; пошлина будетъ всѣмъ равна; въ избылкахъ ничего не будетъ; всѣ будутъ платить сами собою, безъ правежа, безъ жестокихъ взысканій; будутъ платить и проживающіе въ Московскомъ государствѣ иноземцы, ничего въ казну не платящіе. Но тонкіе расчеты не оправдались: тысячи пудовъ дешевой рыбы, которой питалось простонародье въ постное время, сгнили на берегахъ Волги, потому что рыбопромышленники не были въ состояніи посолить ее; дорогой соли продано было значительно меньше прежняго, и казна понесла большіе убытки. Потому въ началѣ 1648 г. рѣшено было отмѣнить новую пошлину. Она много усилила народное раздраженіе противъ администраціи, вызвавшее лѣтній мятежъ того года. Убивая дьяка Н. Чистаго, мятежники приговаривали: „вотъ тебѣ, измѣнникъ, за соль“. Та же финансовая нужда заставила набожное правительство поступиться церковно-народнымъ предубѣжденіемъ: объявлена была казенной монополіей продажа табаку, „богоненавистнаго и богомерзкаго зелья“, за употребленіе и торговлю которымъ указъ 1634 г. грозилъ смертною казнью. Казна продавала табакъ чуть не на вѣсь золота, по 50—60 коп. золотникъ на наши деньги. Послѣ мятежа 1648 г. отмѣнили и табачную монополію, возстановивъ законъ 1634 г. Не зная, что дѣ-

Мѣдныя
продитныя
деньги.

Еще плачевнѣе кончилось другое финансовое предпріятіе. Нужда въ деньгахъ сдѣлала московскихъ финансистовъ

XVII в. необычайно изобрѣтательными. Додумавшись до мысли о замѣнѣ прямыхъ налоговъ косвенными, они столь же самобытно пришли къ идеѣ государственнаго кредита. Въ 1656 г., когда оканчивалась побѣдоносная первая война съ Польшей и готовился разрывъ со Швеціей, въ московской казнѣ не хватило серебряной наличности на жалованье войску, и кто-то, говорили, близкій къ царю Ѡ. М. Ртищевъ подавъ мысль выпустить мѣдныя деньги съ принудительнымъ курсомъ серебряныхъ. Московскій рынокъ былъ уже приученъ къ денежнымъ знакамъ съ номинальной стоимостью; порча монета была вспомогательной доходной статью, которой пользовалась казна въ случаѣ нужды. Въ денежномъ оборотѣ не было ни туземной золотой, ни крупной серебряной монеты: рубль и полтина были счетныя единицы. Ходячей монетой служили маленькія *копейки*, *денги*, *полукопейки*, и *полушки*, *полуденьги*, вѣсомъ отъ 6 до 4 долей и менѣе. На рынкѣ покупатели, остерегаясь карманниковъ, обыкновенно, держали эти мелкія неуклюжей чеканки и овальной, впрочемъ неправильной формы монетки во рту за щеками. Не добывая своего серебра, московская казна выдѣлывала эту монету изъ привозныхъ нѣмецкихъ іохимсталеровъ, получившихъ у насъ названіе *ефимковъ*. И при этой операціи не забывали казеннаго интереса: ефимокъ на московскомъ рынкѣ ходилъ по 40—42 копейки, а переливался въ 64 копейки, такъ что казна наживала отъ переливки 52—60%. Иногда передѣлка ограничивалась наложеніемъ штемпеля, „царской печати“ на ефимокъ, и онъ изъ 40-копеечника становился 64-копеечникомъ. Только съ начала первой польской войны стали чеканить серебряныя рублевники и четвертаки по расчету нарицательной цѣны штемпельнаго ефимка. Теперь и надѣлали мелкой мѣдной монеты формы и вѣса серебряной. Сначала эти

металлическія кредитки пользовались полнымъ довѣріемъ, ходили *al pari*, „съ серебряными заровно“. Но соблазнительная операція попала въ падкія на соблазнъ руки. Денежные мастера, люди небогатые, вдругъ разбогатѣли и на глазахъ у всѣхъ начали сорить деньгами, пышно обстроились, разошлись женъ по-боярски, въ рядахъ покупали товары не торгуясь. Богатые купцы, даже московскіе гости, представленные присяжными надзирателями мѣднаго дѣла, покупали сами мѣдь, привозили ее вмѣстѣ съ казенной на Денежный дворъ, передѣлывали въ кредитную монету и отвозили на свои дворы. Рынокъ былъ наводненъ „воровскими“, вкраденными у государственнаго кредита мѣдными деньгами. Въ курсѣ мѣдной монеты образовался лажъ, быстро возрастающій: начавшись съ 4 копейекъ, разница между серебряными и мѣдными деньгами дошла до того, что въ концѣ 1660 г. за серебряный рубль давали 2 мѣдныхъ, въ 1663 г. сперва 12, а потомъ даже 15 руб. мѣдныхъ. Соответственно тому дорожали товары. Особенно затруднительное положеніе создавалось для ратныхъ людей, получавшихъ жалованье мѣдными деньгами по полному курсу. Слѣдствіе вскрыло, что плутни денежныхъ мастеровъ и гостей за большія взятки покрывала московская приказная администрація, проявившая здѣсь всю свою обычную приказную недобросовѣстность, а во главѣ ея коноводили тестъ царя бояринъ Илья Милославскій да мужъ тетки царицы по матери думный дворянинъ Матюшкинъ, которымъ поручено было мѣдное дѣло; Милославскому приписывали и прямое участіе въ этомъ воровствѣ. Приказнымъ, гостямъ и денежнымъ мастерамъ отсѣкали руки и ноги и ссылали, на тестя царь посердился, а дядю отставилъ отъ должности. Соучастники воровства, видя такую безнаказанность знатныхъ и пользуясь общими ропотомъ на дороговизну, задумали произвести смуту, тря-

нуть боярствомъ, какъ было въ 1648 г. Расклеенныя въ Москвѣ воззванія обвиняли въ измѣнѣ Илью Милославскаго и другихъ. Въ июлѣ 1662 г., когда царь жилъ въ подмосковномъ селѣ Коломенскомъ, мятежная толпа тысячъ въ пять подступила ко встрѣтившему ее царю съ требованіемъ поставить на судъ измѣнниковъ. При этомъ царя держали за пуговицы кафтана и заставили обѣщаться Богомъ и съ однимъ изъ мятежниковъ ударить по рукамъ на обѣщаніи, что онъ самъ разслѣдуетъ дѣло. Но когда другая толпа изъ Москвы, соединившаяся съ первой, стала невѣжливо требовать у царя измѣнниковъ, грозя, что если онъ не выдастъ ихъ добромъ, ихъ возьмутъ у него силой, Алексѣй крикнулъ стрѣльцамъ и придворнымъ, и началось повальное избіеніе безоружныхъ, сопровождавшееся пытками и казнями; массами топили въ р. Москвѣ или ссылали съ семействами въ Сибирь на вѣчное житіе. Царица съ іюльскаго испуга хворала больше года. Въ поддѣлкѣ мѣдныхъ денегъ, какъ и въ мятежѣ, участвовали люди различныхъ состояній, попы и причетники, монахи, гости, посадскіе, крестьяне, холопы; къ бунту пристали даже солдаты и нѣкоторые офицеры. Современники насчитывали больше 7 тысячъ человѣкъ, казненныхъ смертью по этому дѣлу, и больше 15 тысячъ наказанныхъ отсѣченіемъ рукъ и ногъ, ссылкой, конфискаціей имущества. Но „прямыхъ воровъ“, настоящихъ мятежниковъ, считали не больше 200 человѣкъ; остальная толпа, ходившая къ царю, состояла изъ любопытныхъ зѣвакъ. Операция съ мѣдными деньгами сильно разстроила торгово-промышленный оборотъ, и казна, выпутываясь изъ затрудненія, только содѣйствовала этому разстройству. Московскіе торговые люди на извѣстныхъ уже намъ совѣщаніяхъ 1662 г. со Стрѣшневымъ и все тѣмъ же Ильей Милославскимъ о причинахъ дороговизны довольно выразительно

изображали свое положеніе. Съ цѣлью восполнить истощенный запасъ привознаго монетнаго серебра казна принудительно скупала у русскихъ купцовъ на мѣдныя деньги вывозные русскіе товары, мѣха, пеньку, поташъ, говяжье сало, и перепродавала ихъ иноземцамъ на ихъ ефимки. Въ то же время русскіе купцы покупали привозные товары у иноземцевъ на серебро, потому что тѣ мѣдныхъ денегъ не принимали, а своимъ покупателямъ продавали эти товары на мѣдъ. Такимъ образомъ пущенное ими въ оборотъ серебро къ нимъ не возвращалось, дальнѣйшія закупки иноземнаго товара становились для нихъ невозможны, и они оставались и безъ серебра, и безъ товара, оказывались „безпромышленны“. Полная неудача предпріятія заставила ликвидировать его. Выпускъ мѣдныхъ кредитныхъ знаковъ, какъ безпроцентный государственный долгъ, предполагалъ возможность обмѣна на настоящія деньги. Указъ 1663 г. возстановлялъ серебряное обращеніе и запрещалъ держать и пускать въ оборотъ мѣдныя деньги, которыя велѣно было или переливать въ вещи, или приносить въ казну, гдѣ за мѣдный рубль платили по 10 денегъ серебромъ, по словамъ Котошихина, а по указу 26 іюня 1663 г. даже только по 2 деньги. Казна поступила какъ настоящій банкротъ, заплатила кредиторамъ по 5 коп. или даже по 1 коп. за рубль. На только-что упомянутую скушку казной вывозныхъ товаровъ у русскихъ купцовъ незадолго до іюльскаго бунта и вскорѣ послѣ по всѣмъ приказамъ собрано было безъ малаго полтора милліона рублей мѣдныхъ денегъ (милл. 19 на наши деньги) по номинальному ихъ курсу. Это была, безъ сомнѣнія, только часть мѣдной суммы, выпущенной съ Денежнаго двора; молва доводила сумму выпущенныхъ въ 5 лѣтъ мѣдныхъ денегъ до неизмовѣрно крупной цифры 20 милл. (около 280 милл. на наши деньги).

Гораздо серьёзнее были нововведения, какія удалось правительству провести въ устройствѣ финансовъ. Ихъ было три: измѣненіе окладной единицы прямого обложенія съ новымъ типомъ земельной описи, сословная разверстка прямыхъ налоговъ и привлеченіе земскихъ обществъ къ финансовому управленію. Въ порядкѣ прямого обложенія перешли отъ сошнаго письма къ *дворовому числу*, къ подворному обложенію. Но этотъ переходъ совершился не прямо отъ сохи къ двору, какъ окладной единицѣ, а черезъ промежуточную ступень, *живущую четверть*. Первый замѣтилъ и обследовалъ эту посредствующую ступень г. Лаппо-Данилевскій въ своемъ изслѣдованіи о прямомъ обложеніи въ Московскомъ государствѣ XVII в. Писцовыя книги помогаютъ уяснить происхожденіе этой окладной единицы. Сельская соха не была устойчивой платежной величиной. Переложное хозяйство постоянно выводило изъ тягла усталую пашню и вводило отдохнувшую. Во второй половинѣ XVI в. тягловая цѣльность сохи разрушалась въ центральныхъ областяхъ переселенческимъ движеніемъ къ окраинамъ и сокращеніемъ крестьянской запашки: брошенные надолго участки, „пометные жеребьи впустъ“, все расширялись на счетъ „живущей“, т.-е. платящей пашни. Сошнаго письма, выражаясь языкомъ писцовыхъ книгъ, не прибывало „изъ пуста въ живущее“, а наоборотъ. Смута почти совсѣмъ прервала сельскохозяйственную работу въ странѣ: по свидѣтельству современника, едва не всюду перестали пахать, кое-какъ пробавляясь старозапаснымъ хлѣбомъ. Когда въ странѣ поутихло, крестьяне, уцѣлѣвшіе на мѣстахъ или воротившіеся изъ бѣговъ, увидѣли вокругъ себя множество пустыхъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ съ пахотными участками, еще не успѣвшими порости лѣсомъ. Обзаводясь послѣ погрома, они изъ своей прежней тяглой пашни распахивали

крохотные клинья, а излишекъ труда обращали на „наѣзжую пашню“, на брошенныя и выбывшія изъ тягла поля своихъ бывшихъ сосѣдей, перебитыхъ, полоненныхъ или безъ вѣсти пропавшихъ. По писцовымъ книгамъ видимъ, что гдѣ въ концѣ XVI в. крестьяне пахали 4350 дес., тамъ въ 1616 г. оставалось живущей тяглой пашни 130 дес., тогда какъ наѣзжей нетяглой было 650 дес. Встрѣчаемъ имѣніе въ Рязанскомъ уѣздѣ, гдѣ въ 1695 г. значилось крестьянской пашни 1275 дес., а въ 1616 г. 9 крестьянскихъ дворовъ сидѣли на 3 тяглыхъ десятинахъ, припахивая наѣздомъ 45 дес. у сосѣднихъ „пустыхъ дворовъ“. Въ другихъ мѣстахъ встрѣчаемъ такіе участки, что приходилось по 6—7 крестьянскихъ дворовъ на одну живущую четверть, т. е. на полторы десятины въ 3 поляхъ, при 40—60 дес. наѣзжей пашни. Такое хозяйство наѣздомъ, соединенное по мѣстамъ съ крайнимъ умаленіемъ тяглой пашни, было убыточно казнѣ, и она хотѣла поставить это дѣло въ извѣстныя границы. Предпринимая въ 1620-хъ годахъ общую поземельную перепись, правительство рядомъуказовъ пыталось установить по уѣздамъ наибольшее количество дворовъ, обязанныхъ тянуть тягло съ живущей четверти. При этомъ оно колебалось и поправлялось, мѣняло свои росписи: такъ для столичныхъ чиновъ сперва было положено на живущую четверть очень льготное число, 12 дворовъ крестьянскихъ и 8 бобыльскихъ или 16 крестьянскихъ дворовъ, ровня полный крестьянскій дворъ двумъ бобыльскимъ; потомъ повысили окладъ слишкомъ впятеро, назначивъ по три крестьянскихъ двора на четверть, а затѣмъ нѣсколько польготили, опредѣливъ 5 дворовъ на четверть. Подворныя доли тягла, падавшаго на живущую четверть, высчитывались по числу дворовъ, на нее положенныхъ: если положено было 8 крестьянскихъ дворовъ, а крестьянинъ пахалъ

8-ю долю живущей четверти, онъ платилъ съ четверика пашни. Съ расширеніемъ тяглою пашни живущая четверть постепенно теряла значеніе мелкой доли сохи и становилась условной расчетной единицей обложенія. На дворъ, зачисленный на 8-дворной живущей четверти, начитывался платежъ съ четверика пашни, хотя бы онъ пахалъ 4—5 тяглыхъ четвертей. Разумѣется, соразмѣрно съ расширеніемъ тяглою пашни вышлся по сошной разверсткѣ и окладъ, падавшій на живущую четверть, т.-е. на группу дворовъ, на ней числившихся; но этотъ окладъ распредѣлялся по счетнымъ долямъ живущей четверти. На дворъ, платившій по книгамъ съ четверика пашни, при окладѣ въ два рубля на четверть насчитывался платежъ въ 25 коп., сколько бы ни пахалъ онъ. Но это былъ только расчетный, а не дѣйствительный платежъ: при разверсткѣ тягла дворъ, платившій по книгѣ съ четверика пашни, т.-е. съ $\frac{1}{16}$ десятины въ трехъ поляхъ, но пахавшій 4 тяглыхъ десятины, платилъ на дѣлѣ не наравнѣ со дворомъ, числившимся тоже на четверикѣ, но пахавшимъ 8 десятинъ. Пропорціональная пашнѣ разверстка платежа была уже дѣломъ самого крестьянскаго общества или помѣщика, а не писца-раскладчика.

Финансовая нужда привела къ мысли брать въ расчетъ при опредѣленіи поземельнаго тягла не просто наличную тяглую пашню, а и наличныя рабочія силы и мѣстные сельскохозяйственныя условія: хотѣли обложить не только пашню, но и самого пахаря съ цѣлью заставить его пахать больше. Это соображеніе и руководило установкой разнообразнаго и измѣнчиваго двороваго состава, какой полагался на живущую четверть въ разныхъ уѣздахъ. Не трудно однако предположить, что обложеніе, построенное на двухъ различныхъ основахъ, поземельной и подворной, путало и плательщика, и раскладчика. Эта двойственность увеличи-

Тяглый дворъ и переписныя книги.

вала техническія неудобства сошнаго письма: трудность измѣренія пахотныхъ площадей и сложенія ихъ въ сохи съ исключеніемъ перелоговъ, наѣзжей и лѣсомъ поросшей пашни, запутанныя вычисленія долей сохи по своеобразной древнерусской ариметикѣ дробей, признававшей числителемъ только единицу, а знаменателями только числа, дѣлимая на 2 да на 3, расчисленіе земли доброй, средней и худой, трудность провѣрки обывательскихъ показаній и ошибокъ самого писца, не говоря уже объ уловкахъ съ цѣлью уклониться отъ тягла или уменьшить его, — все это открывало широкій просторъ произволу, подвохамъ и недоразумѣніямъ. Подворное обложеніе было проще и могло быть равномернѣе. На соборѣ 1642 г. городовые дворяне заявили правительству настойчивую просьбу собирать деньги и всякіе запасы ратнымъ людямъ по числу крестьянскихъ дворовъ, а не по писцовымъ книгамъ. Мелкимъ помѣщикамъ было виднѣе, чѣмъ кому-либо, что съ закрѣпощеніемъ крестьянъ сельскохозяйственной силой, подлежащей эксплуатаціи, стали вмѣсто земли рабочія руки съ ихъ инвентаремъ. Въ 1646 г. и предпринята была общая подворная перепись, которая, поголовно укрѣпляя крестьянъ за владѣльцами безъ урочныхъ лѣтъ, вмѣстѣ съ тѣмъ переводила прямое обложеніе съ сошнаго письма на дворовое число. Подворная перепись была повторена въ 1678—79 гг. Такъ составились окладныя описи особаго типа, *переписныя книги*, которыя тѣмъ отличались отъ прежнихъ писцовыхъ, что въ послѣднихъ описывались преимущественно земли, уголья, промыслы — хозяйственныя *средства*, по которымъ населеніе облагалось податью, а въ переписныхъ — рабочія *силы*, которыя платили подать, тяглые двory и ихъ обыватели. Эти переписныя книги и служили основаніемъ подворнаго податнаго обложенія. Но и при новой окладной

единицъ порядокъ расчета и раскладки прямыхъ налоговъ остался прежній: правительство назначало для каждаго податного округа средній подворный окладъ подати и по числу тяглыхъ дворовъ высчитывало общую сумму податныхъ платежей для каждаго округа, а эту сумму плательщики сами распредѣляли между отдѣльными дворами тяглаго общества такъ же, какъ прежде между дворами сохи, по платежнымъ средствамъ, по „тяглу и промысламъ“ каждаго двора.

Переходъ къ подворному обложенію вызвалъ потребность въ объединеніи накопившихся со временемъ прямыхъ налоговъ: затруднительно было разверстывать ихъ по столь мелкой окладной единицѣ, какъ дворъ. Притомъ объединеніемъ косвенныхъ налоговъ въ 1653 г. данъ былъ образецъ и для прямыхъ. Но была существенная разница: косвенный налогъ знаетъ потребителя, игнорируя его экономическое положеніе, съ которымъ необходимо считаться налогу прямому. Крѣпостное право разбило все тяглое населеніе на два разряда: вольные городскіе и сельскіе обыватели платили со своего капитала и труда цѣликомъ государству, а крѣпостные дѣлили свой трудъ между государевой казной и землевладѣльческой конторой. Объединенную прямую подать приходилось распредѣлять между обоими разрядами плательщиковъ пропорціонально ихъ неодинаковой казенной налогоспособности. Предпочли другой исходъ, указанный нуждами самой казны. Изъ прямыхъ налоговъ, ставшихъ постоянными въ XVII в., особенно быстро росла подать на содержаніе все возрастающаго стрѣлецкаго корпуса, стрѣлецкія деньги: съ 1630 по 1663 г. она увеличилась почти въ 9 разъ. Слѣдствіемъ непосильнаго для плательщиковъ взгона подати явились недоимки. Послѣ подворной переписи 1678 г., присоединивъ къ стрѣлецкой подати нѣко-

Сословная
равнорестия

торые другіе прямыя налоги, указомъ 5 сентября 1679 г. ее перевели на дворовое число по неодинаковымъ окладамъ, „розными статьями“. Недоимки увеличивались. Сложивъ ихъ, правительство въ 1681 г. вызвало выборныхъ людей по два человекъ изъ города и запросило ихъ: нынѣшній окладъ стрѣльцкихъ денегъ платить имъ въ мочь или не въ мочь и для чего не въ мочь? Наэтотъ простодушно-невѣжественный запросъ выборные отвѣчали, что платить имъ не въ мочь отъ разоренія разными поборами и повинностями. Послѣ того комиссія московскихъ гостей поручено было установить болѣе легкой окладъ подати, и гости понизили ее на 31%. Московское правительство не совѣстилось своей неспособности, незнанія положенія дѣлъ, и даже охотно выставляло эти качества, какъ свои естественные законные недостатки, исправлять которые обязаны управляемые, какъ обязаны они восполнять его финансовыя недочеты: то и другое было ихъ земскою повинностью. По тому же указу 1679 г. полонянничныя и ямскія деньги также слиты были въ одну подать. Эти два объединенные налога и были распределены между двумя разрядами тяглыхъ людей: на тяглое посадское населеніе всѣхъ городовъ и на черныхъ крестьянъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ уѣздовъ взамѣнъ всѣхъ прежнихъ прямыхъ налоговъ положена была одна стрѣлцкая подать, разбитая на 10 подворныхъ окладовъ отъ 2 руб. до 80 коп. по платежной способности податныхъ округовъ или разрядовъ, а владѣльческіе крестьяне остальныхъ уѣздовъ, гдѣ они были, въ виду обремененія ихъ господскими повинностями, обложены были ямскими и полонянничными деньгами, соединенными въ одну подать, по 10 коп. съ двора церковныхъ крестьянъ, а съ крестьянъ дворцовыхъ и свѣтскихъ землевладѣльцевъ по 5 коп., въ 8 или въ 16 разъ меньше наименьшаго оклада стрѣлцкой подати. Изъ этого видно, какой громадны

источникъ дохода уступила казна въ безотчетное пользование владѣльцевъ крѣпостныхъ крестьянъ. Такъ и финансовая политика слѣдовала общему плану сословной розни, по какому складывался весь социальный московскій порядокъ въ XVII в.

Неудачная изобрѣтательность въ изысканіи новыхъ финансовыхъ средствъ внушила бережливость въ распоряженіи наличными. Стремленіе стянуть всѣ доходы въ центральную казну выражалось въ сокращеніи мѣстныхъ расходовъ, въ упраздненіи мѣстныхъ должностей, требовавшихъ себѣ корма и теперь признанныхъ излишними, разныхъ горододѣльцевъ, сыщиковъ, ямскихъ приказчиковъ, житничныхъ головъ, даже губныхъ старостъ. Всѣ дѣла по этимъ должностямъ возложены были на воеводъ, чтобы тяглымъ людямъ въ кормахъ лишней тягости не было и легче было имъ платить казенные налоги. Но были отмѣнены и поборы на самихъ воеводъ съ ихъ дьяками и подьячими. Съ тою же цѣлью удешевить взиманіе налоговъ на мѣстахъ восводы устранены были и отъ сбора новой стрѣлцовой подати, и отъ вмѣшательства въ таможенные и кабацкіе сборы: веденіе этихъ дѣлъ возложено на самихъ плательщиковъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей, черезъ ихъ выборныхъ старостъ и вѣрныхъ головъ съ цѣловальниками подѣ отвѣтственностью избирателей. Такъ возвращались къ земскимъ учрежденіямъ XVI в. Это было не восстановленіе земскаго самоуправления, а только переложеніе казенныхъ дѣлъ съ корыстныхъ коронныхъ чиновниковъ на мѣстныхъ даровыхъ и отвѣтственныхъ исполнителей.

Переходъ къ подворному обложенію еще въ двухъ отношеніяхъ важенъ для изученія социального склада Московскаго государства въ XVII в.: онъ расширилъ предѣлы податного обложенія или, точнѣе, осложнилъ составъ тяглаго

Финансы и
земство.

Тягло за-
водныхъ.

населенія и притомъ оставилъ данныя для сужденія о распредѣленіи народныхъ рабочихъ рукъ между правящими силами государства. Подворное обложеніе помогло казнѣ найти значительный разрядъ новыхъ плательщиковъ. Мы уже видѣли (л. XLIX), какъ задворные люди, холопы по юридическому своему значенію, были похожи на крестьянъ по хозяйственному положенію и даже по своимъ договорнымъ отношеніямъ къ господамъ, живя особыми дворами, пользуясь земельными надѣлами и отбывая крестьянскія повинности въ пользу владѣльцевъ. При переводѣ тягла съ пашни на дворы задворныхъ людей по ихъ дворамъ стали зачислять въ тягло наравнѣ съ крестьянами и бобылями: по указанію, встрѣченному г. Милоковымъ въ платежныхъ отпискахъ, такое зачисленіе началось съ подворной переписи 1678 г. Это — одинъ изъ первыхъ моментовъ юридическаго слиянія холоповъ и владѣльческихъ крестьянъ въ одинъ классъ крѣпостныхъ людей, завершившагося при Петрѣ Великомъ первою ревизіей.

Распреде-
леніе народ-
наго труда.

Переписныя книги 1678 г. оставили послѣ себя общій по государству итогъ тяглыхъ дворовъ, которымъ потомъ, даже при Петрѣ В., правительство пользовалось при расчетѣ податнаго обложенія. Этотъ итогъ даетъ возможность представить съ нѣкоторой ясностью социальный строй Московскаго государства, какъ онъ сложился къ послѣдней четверти XVII в., къ кануну реформы Петра. Документы сохранили этотъ итогъ въ разныхъ цифрахъ; наиболѣе надежная изъ нихъ — самая крупная: другія могли составиться по неполнымъ даннымъ; были побужденія убавлять число тяглыхъ дворовъ, но не для чего было его преувеличивать. По этому итогу перепись 1678 г. насчитала 888 тыс. тяглыхъ дворовъ, городскихъ и сельскихъ. Котошихинъ и указы 1686 и 1687 гг. приводятъ цифры дворовъ посадскихъ и черныхъ,

т.-е. вольныхъ крестьянскихъ, церковныхъ, дворцовыхъ и боярскихъ, принадлежавшихъ боярамъ, думнымъ и ближнимъ людямъ, высшему правительственному классу. Исключивъ сумму дворовъ всѣхъ этихъ разрядовъ изъ общаго итога по переписи 1678 г., получимъ число крестьянскихъ дворовъ, принадлежавшихъ служилымъ людямъ столичнымъ и городovýmъ, дворянству въ собственномъ смыслѣ слова. Распределение всей тяглою массы по разрядамъ владѣльцевъ представляется въ такомъ видѣ (въ круглыхъ цифрахъ):

Посадскихъ и черныхъ крестьянскихъ дворовъ.	92 тыс.	10,4%.
Церковныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ	118 „	13,3%.
Дворцовыхъ	83 „	9,3%.
Боярскихъ	88 „	10 %.
Дворянскихъ.	507 „	57 %.
	<u>888 тыс.</u>	<u>100 %.</u>

Этотъ раздѣлъ народнаго труда даетъ нѣсколько любопытныхъ указаній. Во-первыхъ, только десятая часть съ наибольшимъ всей тяглою массы, городской и сельской, удержала за собой тогдашнюю свободу, непосредственное стношеніе къ государству. Значительно больше половины всего тяглаго населенія отдано было служилымъ людямъ за ихъ обязанность оборонять страну отъ внѣшнихъ враговъ, десятая часть — правящему классу за трудъ управленія страной, менѣ одной десятой принадлежало государеву дворцу и значительно болѣе одной десятой — Церкви, именно одна шестая всего церковнаго крестьянства, почти 20 тыс., обязательно работала на высшую іерархію, т.-е. на монашество, отрекшееся отъ міра, чтобы духовно править имъ, и почти пять шестыхъ (исключая крестьянъ соборныхъ и

приходскихъ церквей) — на монастыри, т.-е. на монашество, отрекшееся отъ міра, чтобы на его счетъ молиться о его грѣхахъ. Наконецъ, почти девять десятыхъ всего тяглаго люда находилось въ крѣпостной зависимости отъ Церкви, дворца и военно-служилыхъ людей. Отъ государственнаго организма, такъ сложившагося, несправедливо было бы ждать желательнаго роста политическаго, экономическаго, гражданскаго и нравственнаго.

Чрезвычай-
ные налоги.

Какъ ни напрягало правительство податное обложение, оно обыкновенно не было въ состояніи точно смѣтить предстоящіе ему расходы, чтобы уравновѣсить ихъ съ текущими доходами, и уже среди самаго дѣла, на ходу замѣчало ошибочность своихъ предварительныхъ расчетовъ. Тогда оно прибѣгало къ чрезвычайнымъ средствамъ. Въ самое трудное время, въ первые годы царствованія Михаила, оно вмѣстѣ съ земскимъ соборомъ дѣлало принудительные займы у крупныхъ капиталистовъ вродѣ Строгановыхъ или Троицкаго Сергіева монастыря. Это были впрочемъ рѣдкіе случаи. Обыкновенными, такъ сказать, источниками чрезвычайныхъ доходовъ были „запросы волею“ и процентныя налоги. Изъ перваго источника почерпались „запросныя деньги“, изъ втораго *деньги пятая, десятая, пятнадцатая и двадцатая*. Тотъ и другой источникъ имѣлъ сословное значеніе. Запросъ волею — это добровольная подписка, къ какой правительство по соборному приговору призывало привилегированные классы, землевладѣльцевъ, духовныхъ и служилыхъ, для покрытія чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ. Мы уже видѣли, какъ въ 1632 г., въ началѣ войны съ Польшей, по приговору обоихъ государей съ соборомъ духовные и служилые чины собора одни тутъ же на засѣданіи заявили, что они готовы дать, а другіе обѣщали принести росписи тому, что кто дастъ. Подобнымъ поряд-

комъ испрошено было добровольное вспоможеніе и у собора 1634 г. Запросныя деньги взымались и съ некрѣпостныхъ крестьянъ, но не въ видѣ добровольной подписки, а какъ опредѣленный окладной налогъ въ размѣрѣ отъ 1 руб. до 25 коп. съ двора (14—3 руб. на наши деньги). Процентный налогъ — финансовое изобрѣтеніе собора, избравшаго новую династію, и падалъ на торговыхъ людей въ размѣрѣ пятой деньги. Въ 1614 г., на другой годъ по избраніи Миханла, этотъ соборъ приговорилъ собрать на ратныхъ людей „отъ избытковъ по окладу, кто можетъ отъ живота своего и промыслу на 100 рублевъ, съ того взяти пятую долю — двадцать рублевъ, а кто можетъ больше или меньше, и съ того взять по тому же расчету“. Такимъ образомъ въ приговорѣ даны заразъ по крайней мѣрѣ три несомвѣстныя основанія обложенія: *животы* — имущество, *промыслы* — оборотный капиталъ въ соединеніи съ трудомъ, *избытокъ по окладу* — чистый доходъ по оцѣнкѣ окладной комиссіи и наконецъ *возможность* дать больше или меньше — заявленіе по совѣсти о своемъ достаткѣ. Соборный приговоръ въ разосланномъ циркулярѣ изложенъ былъ московскими дьяками по однообразной дьячей методѣ всѣхъ вѣковъ — такъ, чтобы его можно было понять не менѣе, какъ въ трехъ смыслахъ. Мысль собора 1614 г. была довольно проста. Почему онъ назначилъ пятую деньгу, а не четвертую или шестую? Тогда въ торговомъ дисконтѣ при помѣщеніи денегъ въ ростъ обычный и высшій законный процентъ былъ „на пять шестой“, т.-е. 20%. Заемщикъ могъ брать деньги подъ такой процентъ только при возможности выручить занятымъ капиталомъ гораздо больше 20%. Значить, этотъ процентъ представлялъ тогда наименьшій чистый доходъ съ капитала и при нормальномъ оборотѣ удваивалъ его въ пять лѣтъ. Соборный приговоръ о пятой деньгѣ съ торговыхъ людей

требовалъ, чтобъ оборотный капиталъ уступилъ нуждавшейся казнѣ одинъ годъ своего прироста, отсрочивъ свое пятилѣтнее удвоеніе на шестой годъ. Такова схема налога: онъ не требовалъ пятой доли ни всякаго имущества, ни всего дохода съ него, а бралъ наименьшій чистый годовой доходъ только съ торговаго оборотнаго капитала или доходной недвижимости, лавки, завода и т. п. Но по винѣ плохого приказнаго изложенія соборный приговоръ вызвалъ много недоразумѣній и даже беспорядки. Въ однихъ мѣстахъ пятую деньгу поняли, какъ имущественный налогъ, и окладчики начали описывать всякое имущество, чѣмъ вызвали сопротивленіе плательщиковъ; въ другихъ его взидали по окладу какаго-либо обыкновеннаго налога, напримѣръ, стрѣлцкой подати. Ближе подошли къ смыслу налога тамъ, гдѣ его поняли, какъ налогъ на торговый оборотъ, и высчитавъ по таможеннымъ книгамъ, „на сколько рублей чьихъ товаровъ въ привозѣ и въ отпускѣ объявилось“, взидали пятую часть ихъ цѣны. Недоразумѣнія и столеновенія повторялись и при послѣдующихъ процентныхъ сборахъ, по неясности стереотипнаго выраженія „съ животовъ и промысловъ“. На дѣлѣ однако это были налоги на доходъ, что прямо отмѣчаетъ иноземецъ Рейтенфельсъ, бывшій въ Москвѣ въ 1670 г. Сборы эти падали на торгово-промышленныхъ людей всякаго званія, тяглыхъ и нетяглыхъ, кромѣ духовенства и „бѣлыхъ“ служилыхъ чиновъ, на стрѣльцовъ, пушкарей, всякихъ крестьянъ и бобылей, даже на торговыхъ холоповъ, „чей кто ни будь торгуетъ“. Пятинный сборъ 1614 г. повторился и въ 1615 г. Два раза собирали пятую деньгу во вторую польскую войну царя Михаила, въ 1633 и 1634 гг. Въ 1637—38 гг. для обороны отъ крымцевъ, удвоивъ стрѣлцкую подать, правительство выпросило у земскаго собора наборъ даточныхъ съ дворцо-

выхъ и владѣльческихъ крестьянъ и усиленный денежный сборъ съ торговыхъ людей — съ двора около 20 руб. на наши деньги, а съ черныхъ крестьянъ въ половину; въ 1639 г. чрезвычайный денежный сборъ повторился. Сборы поступали съ огромной недоимкой — знавъ, что плательщики изнемогали. Они и жаловались, что имъ „тяжко вельми“. Если прибавить къ этому принудительную скупку казной наиболѣе прибыльныхъ товаровъ, напримѣръ, льна въ Псковѣ по указной цѣнѣ, мы поймемъ горечь жалобы мѣстнаго лѣтописца: „и цѣна невольная, и купля нелюбовная, и во всемъ скорбь великая, и вражда несказанная, и всей земли ни купити, ни продати не смѣть никому же помимо“. Особенно часты и тяжки были чрезвычайные поборы при царяхъ Алексѣѣ и Ѳеодорѣ, когда продолжительныя и разорительныя войны съ Польшей, Швеціей, Крымомъ и Турціей требовали тяжелыхъ жертвъ людьми и деньгами. Въ 27 лѣтъ (1654—1680) собирали по разу 20-ю и 15-ю деньгу (5% и 6,66%), пять разъ 10-ю и дважды 5-ю деньгу (10% и 20%), не считая повторявшихся изъ года въ годъ сборовъ въ определенномъ однообразномъ окладѣ съ двора. Такъ всѣ эти сверхштатные налоги получали характеръ временно-постоянныхъ. Чрезвычайные налоги входили особой неокладной статьёй въ составъ обыкновенныхъ доходовъ.

Какихъ же финансовыхъ усилѣховъ достигло правительство въ XVII в. своимъ тяжелымъ, измѣнчивымъ и безпорядочнымъ податнымъ обложеніемъ? Котошихинъ, имѣя въ виду 1660-е годы, пишетъ, что ежегодно въ царскую казну во всѣ московскіе приказы приходитъ со всего государства 1.311.000 руб., кромѣ сибирской пушной казны, которой точно оцѣнить онъ не умѣетъ, а лишь чаятельно назначаетъ на нее больше 600 тыс. Черезъ 20 слишкомъ лѣтъ французскій агентъ Невилль, пріѣхавшій въ Москву

Роспись
1680 г.

въ 1689 г., слышалъ здѣсь, что ежегодный доходъ московской казны не превышаетъ 7—8 милл. французскихъ ливровъ. Такъ какъ ливръ въ XVII в. цѣнился у насъ въ $\frac{1}{6}$ руб., то Невилль сообщаетъ сумму, очень близкую къ цифрѣ денежнаго дохода у Котошихина (1.333 тыс. руб.), при чемъ такъ же затрудняется опредѣлить выручку отъ продажи казенныхъ товаровъ. Сохранилась роспись доходовъ и расходовъ 1680 г.; ее нашелъ и разработалъ г. Милюковъ въ своемъ изслѣдованіи о государственномъ хозяйствѣ Россіи въ связи съ реформой Петра Великаго. Сумма доходовъ здѣсь высчитана почти въ $1\frac{1}{2}$ милл. руб. (около 20 милл. на наши деньги). Самую крупную статью денежнаго дохода, именно 49% составляли косвенные налоги, главнымъ образомъ таможенные и кабацкіе сборы. Прямые налоги давали 44%; наибольшей статьей ихъ являются чрезвычайные налоги (16%). Почти половина денежнаго дохода шла на военные нужды (около 700.000 руб.). Государевъ дворець поглощалъ 15% бюджета доходовъ. На дѣла, относящіяся къ благоустройству, на общественныя постройки, на ямское дѣло, т.-е. на средства сообщенія, отпускалось меньше 5%. Впрочемъ роспись даетъ лишь приблизительное понятіе о государственномъ хозяйствѣ того времени. Не всѣ поступления доходили до центральныхъ приказовъ: много денегъ получалось и расходовалось на мѣстахъ. Хотя роспись 1680 г. сведена со значительнымъ остаткомъ, но дѣйствительное значеніе этого бюджета выражалось въ томъ, что ежегодные смѣтные оклады поступали далеко не сполна: недоимка, накопившаяся по 1676 г., превышала 1 милл., и въ 1681 г. ее вынуждены были сложить. Платежныя силы народа, очевидно, напряжены были до перенестоженія.

Лекція ІІІ.

Недовольство положеніемъ дѣлъ въ государствѣ. — Его причины. — Его проявленія. Народныя мятежи. — Отраженіе недовольства въ памятникахъ письменности. — Кн. И. А. Хворостининъ. — Патріархъ Никонъ. — Григ. Котошихинъ. — Юрій Крижанничъ.

Возстановляя порядокъ послѣ Смуты, московское правительство не задумывало радикальной ея домен, хотѣло Причины
недоволь-
ства. сберечь его старыя основы, предпринимало въ немъ только частичныя техническія перемѣны, которыя казались ему поправками, улучшеніями. Преобразовательныя попытки, касавшіяся устройства государственнаго управленія, обособленія сословій, подъема государственнаго хозяйства, были робки и непослѣдовательны, не вытекали изъ какого-либо общаго широко задуманнаго и практически разработаннаго плана, внушались, повидимому, случайными указаніями текущей минуты. Но эти указанія шли въ одномъ направленіи, потому что прямо или косвенно исходили изъ одного источника, изъ финансовыхъ затрудненій правительства, и всѣ его преобразовательныя опыты сами собой, съ принудительностью фізіологической потребности направлялись къ устраненію этихъ затрудненій и всѣ имѣли одинаково печальный исходъ, всѣ были неудачны. Туже стянутая, строго централизованная администрація не стала ни дешевле, ни исправнѣе, не сняла съ тяглыхъ обществъ ихъ тяжелыхъ казенныхъ служебъ; точнѣе раз-

граниченный сословный строй только усилилъ рознь общественных интересовъ и настроеній, а финансовыя нововведенія привели къ истощенію народныхъ силъ, къ банкротству и хроническому накопленію недоимокъ. Всѣмъ этимъ создавалось общее чувство тяжести положенія. Дворъ, личный составъ династіи и внѣшняя политика доводили это чувство до глубокаго народнаго недовольства ходомъ дѣлъ въ государствѣ. Московское правитель-ство въ первые три царствованія новой династіи производить впечатлѣніе людей, случайно попавшихъ во власть и взявшихся не за свое дѣло. При трехъ-четыре-хъ исклю-ченія-хъ все это были люди съ очень возбужденнымъ честолюбіемъ, но безъ оправдывающихъ его талантовъ даже безъ правительственныхъ навыковъ, замѣняющихъ таланты, и — что еще хуже всего этого — совсѣмъ лишен-ныхъ гражданскаго чувства. Такому подбору государствен-ныхъ дѣльцовъ помогало одно, повидимому, случайное обстоятельство. Что-то роковое тяготѣло надъ новой ди-настіей: судьба рѣшительно не хотѣла, чтобы выходившіе изъ новаго царскаго рода носители верховной власти до-зрѣвали до престола. Изъ пяти первыхъ царей трое, Ми-хаилъ, Алексѣй и Иванъ, воцарялись, едва вышедши изъ недорослей, имѣя по 16 лѣтъ, а двое еще моложе, Фе-доръ 14 лѣтъ, Петръ — 10. И другая фамильная особен-ность отличала эту династію: царевны обыкновенно выхо-дили крѣпкими, живучими, иногда энергичными, мужествен-ными дѣвками, какъ Софья, а царевичи, повторяя своего родоначальника, оказывались хилыми, недолговѣчными, иногда прямо убогими людьми, какъ Федоръ и Иванъ. Даже подъ живымъ цвѣтушимъ лицомъ царя Алексѣя скрывалось очень хрупкое здоровье, котораго хватило только на 46 лѣтъ жизни. Неизвѣстно, что вышло бы изъ

младшаго Алексѣева брата Димитрія, уродившагося нравомъ въ прадѣдушку своего Ивана Грознаго. Но если вѣрить Котошихину, приближенные царя-отца отравили злаго мальчика такъ осторожно, что никто о томъ не догадался, какъ будто царевичъ умеръ своей смертью. Точно такъ же и Петра нельзя брать въ расчетъ: онъ былъ исключеніемъ изъ всякихъ правилъ. У новаго царя являлось правительственное окруженіе прежде, чѣмъ онъ пріобрѣталъ умѣнье и охоту распознавать окружающихъ, а первые сотрудники давали окраску и направленіе всему царствованію. Это неудобство особенно выразительно сказывалось во внѣшнихъ дѣлахъ. Внѣшней политикой болѣе всего создавались финансовыя затрудненія правительства и она же была поприщемъ, на которомъ послѣ территориальныхъ потерь, понесенныхъ вслѣдствіе смуты, новой династіи предстояло прежде всего оправдать свое всеземское избраніе. Дипломатія царя Михаила, особенно послѣ плохо разсчитанной и неумѣло исполненной смоленской кампаніи, еще отличалась обычной осторожностью побитыхъ. При царѣ Алексѣѣ толчки, полученные отцомъ, стали забываться. Противъ воли вовлеченные въ борьбу за Малороссію послѣ долгаго раздумья, въ Москвѣ были окрылены блестящей кампаніей 1654—55 гт., когда сразу завоеваны были не только Смоленщина, но и вся Бѣлоруссія и Литва. Московское воображеніе побѣждало далеко впереди благоразумія: не подумали, что такими успѣхами обязаны были не самимъ себѣ, а шведамъ, которые въ то же время напали на поляковъ съ запада и отвлекли на себя лучшія польскія силы. Московская политика взяла необычайно большой курсъ: не жалѣли ни людей, ни денегъ, чтобы и разгромить Польшу, и посадить московскаго царя на польскій престоль, и выбить

шведовъ изъ Польши, и отбить крымцевъ и самихъ турокъ отъ Малороссіи, и захватить не только обѣ стороны Поднѣпровья, но и самую Галицію, куда въ 1660 г. направлена была армія Шереметева, — и всѣми этими переплетавшимися замыслами такъ себя запутали и обезсилили, что послѣ 21-лѣтней изнурительной борьбы на три фронта и ряда небывалыхъ поражений бросили и Литву, и Бѣлоруссію, и правобережную Украйну, удовольствовавшись Смоленской и Сѣверской землей да Малороссіей лѣваго берега съ Кіевомъ на правомъ, и даже у крымскихъ татаръ въ Бахчисарайскомъ договорѣ 1681 г. не могли вытягать ни удобной степной границы, ни отмѣны постыдной ежегодной дани хану, ни признанія московскаго подданства Запорожья.

Его прояв-
ленія.

Вмѣстѣ съ чувствомъ тяжести принесенныхъ жертвъ и понесенныхъ неудачъ росло и недовольство ходомъ дѣлъ. Оно попало на подготовленную Смутой почву общей возбужденности и постепенно охватило все общество сверху до низу, только выражалось неодинаково въ верхнихъ и нижнихъ слояхъ его. Въ народной массѣ оно сказалось цѣлымъ рядомъ волненій, которыя сообщили такой тревожный характеръ XVII вѣку: это — эпоха народныхъ мятежей въ нашей исторіи. Не говоря о прорывавшихся тамъ и сямъ вспышкахъ при царѣ Михаилѣ, достаточно перечислить мятежи Алексѣева времени, чтобы видѣть эту силу народнаго недовольства: въ 1648 г. мятежи въ Москвѣ, Устюгѣ, Козловѣ, Сольвычегодскѣ, Томскѣ и другихъ городахъ; въ 1649 г. приготовленія къ новому мятежу закладчиковъ въ Москвѣ, во-время предупрежденному; въ 1650 г. бунты въ Псковѣ и Новгородѣ; въ 1662 г. новый мятежь въ Москвѣ изъ-за мѣдныхъ денегъ; наконецъ, въ 1670—71 гг. огромный мятежь Разина на поволжскомъ

юго-востокѣ, зародившійся среди донского козачества, но получившій чисто социальный характеръ, когда съ нимъ слилось имъ же возбужденное движеніе простонародья противъ высшихъ классовъ; въ 1668—76 гг. возмущеніе Соловецкаго монастыря противъ новоисправленныхъ церковныхъ книгъ. Въ этихъ мятежахъ рѣзко вскрылось отношеніе простого народа къ власти, которое тщательно закрашивалось официальнымъ церемоналомъ и церковнымъ поученіемъ: ни тѣни не то что благоговѣнія, а и простой вѣжливости и не только къ правительству, но и къ самому носителю верховной власти. Нѣсколько иначе обнаружилось недовольство въ высшихъ классахъ. Если въ народной массѣ оно шевелило нервы, то наверху общества оно будило мысль и повело къ усиленной критикѣ домашнихъ порядковъ, и какъ тамъ толкается къ движенію злость на общественные верхи, такъ здѣсь господствующей нотой протестующихъ голосовъ звучитъ признаніе народной отсталости и безпомощности. Теперь едва ли не впервые встрѣчаемъ мы русскую мысль на трудномъ и скользкомъ поприщѣ публицистики, критическаго отношенія къ окружающей дѣйствительности. Заявленія такого характера уже были сдѣланы на земскомъ соборѣ 1642 г. и на совѣщаніи правительственной комиссіи съ московскими торговыми людьми о причинахъ дороговизны въ 1662 г. Не измѣняя своей политической дисциплинѣ, сохраняя почтительный тонъ, не позволяя себѣ крикливыхъ оппозиционныхъ нотъ, земскіе люди однако высказались довольно возбужденно о разстройствѣ управленія, о беспрепятственномъ нарушеніи законовъ привилегированными, о пренебреженіи къ общественному мнѣнію со стороны правительства, которое по указу государя допросить торговыхъ людей отбереть сказки, а исполнить по тѣмъ сказкамъ

какую-нибудь малость. Это были осторожныя коллективныя заявленія классовыхъ нуждъ и мнѣній. Съ большей энергій выражались личныя сужденія нѣкоторыхъ наблюдателей о положеніи вещей въ государствѣ. Ограничусь немногими примѣрами, чтобы показать, какъ отражалась русская дѣйствительность въ этихъ первыхъ попыткахъ общественной критики.

Кн. И. А. Хворостянинъ.

Первый такой опытъ становится извѣстенъ еще въ началѣ XVII в., во время Смуты, и несомнѣнно ею былъ навѣянъ. Князь И. А. Хворостянинъ былъ виднымъ молодымъ человекомъ при дворѣ перваго самозванца, сблизился съ поляками, выучился по-латыни, началъ читать латинскія книги и заразился католическими мнѣніями, латинскія иконы читилъ наравнѣ съ православными. За это при царѣ Василии Шуйскомъ его сослали на исправленіе въ Іосифовъ монастырь, откуда онъ воротился уже совсѣмъ озлобленнымъ и погибшимъ, впалъ въ вольнодумство, отвергалъ молитву и воскресеніе мертвыхъ, „въ вѣрѣ пошатался и православную вѣру хулилъ, про святыхъ угодниковъ Божіихъ говорилъ хульныя слова“. При этомъ онъ сохранилъ интересъ къ церковно-славянскоѣ литературѣ, былъ большою начетчикъ по церковной исторіи, обнаруживалъ неукротимый задоръ въ частныхъ книжныхъ преніяхъ, вообще отличался ученымъ самомнѣніемъ, „въ разумѣ себѣ въ версту не поставилъ никого“. Онъ владѣлъ и перомъ, въ царствованіе Михаила написалъ недурныя записки о своемъ времени, въ которыхъ онъ больше размышляетъ, чѣмъ рассказываетъ о событіяхъ и людяхъ. Смѣсь столь разнородныхъ мнѣній и увлеченій, встрѣтившихся въ одномъ сознаниіи и едва ли успѣвшихъ слиться въ цѣльное и твердое міросозерцаніе, но одинаково претившихъ православно-византійскимъ преданіямъ и понятіямъ, ставила кн. Хворости-

нина во враждебное отношеніе ко всему отечественному. Къ обрядамъ русской Церкви онъ относился съ вызывающимъ презрѣніемъ, „постовъ и христіанскаго обычая не хранилъ“, запрещалъ своимъ дворовымъ ходить въ церковь, въ 1622 г. пилъ всю Страстную „безъ просыпу“, утромъ въ Свѣтлое Воскресеніе до разсвѣта напился прежде, чѣмъ разговѣлся пасхой, не поѣхалъ во дворецъ христосоваться съ государемъ, у заутрени и обѣдни не былъ. Поставивъ себя такимъ поведеніемъ и образомъ мыслей въ полное общественное одиночество, онъ хотѣлъ отпроситься или даже бѣжать въ Литву либо въ Римъ и уже продавалъ свой московскій дворъ и вотчины. Царскій указъ, въ которомъ изложены всѣ эти вины вн. Хворостинина, съ особенной горечью осуждаетъ его за грѣхи противъ своихъ соотечественниковъ. При обыскѣ у князя вынуты были собственноручныя „книжки“ съ его произведеніями въ прозѣ и стихахъ, „въ виршѣ“, польскимъ силлабическимъ размѣромъ. Въ этихъ книжкахъ, какъ и въ разговорахъ, онъ выражалъ скуку и тоску по чужбинѣ, презрѣніе къ доморощеннымъ порядкамъ, писалъ многія узоризны про всякихъ людей Московскаго государства, обличалъ ихъ въ неосмысленномъ поклоненіи иконамъ, жаловался, „будто въ Москвѣ людей нѣтъ, все людъ глупый, жить не съ кѣмъ, сѣютъ землю рожью, а живутъ все ложью“ и у него общенія съ ними быть не можетъ никакого; этимъ же онъ всѣхъ московскихъ людей и родителей своихъ, отъ кого родился, обезчестилъ, положилъ на нихъ хулу и неразуміе и даже титула государева не хотѣлъ писать, какъ слѣдуетъ, именовалъ его „деспотомъ русскимъ“, а не царемъ и самодержцемъ. Князя сослали вторично „подъ началъ“ въ Кирилловъ монастырь, гдѣ онъ раскаялся, былъ возвращенъ въ Москву, восстановленъ

въ дворянствѣ и получилъ доступъ ко двору. Онъ умеръ въ 1625 г. Князь Хворостининъ — раннее и любопытное явленіе въ русской духовной жизни, ставшее много позднѣе довольно обычнымъ. Это не былъ русскій еретикъ типа XVI в. съ протестантской окраской, питавшій свою мысль догматическими и церковно-обрядовыми сомнѣніями и толкованіями — отдаленный отзвукъ реформаціонной бури на Западѣ: это былъ своеобразный русскій вольнодумецъ на католической подкладкѣ, проникшійся глубокой антипатіей къ византійско-церковной черствой обрядности и ко всей русской жизни, ею пропитанной, — отдаленный духовный предокъ Чаадаева.

Патріархъ
Никонъ.

Довольно неожиданно явленіе въ ряду обличителей доморощенныхъ политическихъ не порядковъ верховнаго блюстителя доморощенного порядка церковно-нравственнаго, самого всероссійскаго патріарха. Но это былъ не просто патріархъ, а самъ патріархъ Никонъ. Припомните, какъ онъ изъ крестьянъ поднялся до патріаршаго престола, какое огромное вліяніе имѣлъ на царя Алексѣя, который звалъ его своимъ „собиннымъ другомъ“, какъ потомъ друзья разсорились, вслѣдствіе чего Никонъ въ 1658 г. самовольно покинулъ патріаршій престолъ, надѣясь, что царь униженной мольбой воротитъ его, а царь этого не сдѣлалъ. Въ припадкѣ раздраженнаго чувства оскорбленнаго самолюбія Никонъ написалъ царю письмо о положеніи дѣлъ въ государствѣ. Нельзя, конечно, ожидать отъ патріарха безпристрастнаго сужденія; но любопытны краски, выбираемая патріархомъ, чтобы нарисовать мрачную картину современнаго положенія: всѣ онѣ взяты изъ финансовыхъ затрудненій правительства и изъ хозяйственнаго разстройства народа. Никонъ болѣе всего злился на учрежденный въ 1649 г. Монастырскій приказъ, который

судить духовенство по недуховнымъ дѣламъ и завѣдывалъ обширными церковными вотчинами. Въ этомъ приказѣ сидѣли бояринъ да дьяки; не было ни одного засѣдателя изъ духовныхъ лицъ. Въ 1661 г. Никонъ и написалъ царю письмо, полное обличеній. Намекая на ненавистный приказъ, патріархъ пишетъ, играя словами: „Судятъ и насилуютъ мірскіе судьи, и сего ради собралъ ты противъ себя въ день судный великій соборъ, вопіющій о неправдахъ твоихъ. Ты всѣмъ проповѣдуешь постытись, а теперъ и невѣдомо, кто не постытется ради скудости хлѣбной; во многихъ мѣстахъ и до смерти постытятся, потому что ѣсть нечего. Нѣтъ никого, кто былъ бы помилованъ: нищіе, слѣпые, вдовы, чернецы и черницы, всѣ данями обложены тяжкими; вездѣ плачь и сокрушеніе; нѣтъ никого веселящагося въ дни сіи“. Тѣ же густотемныя краски владеть Никонъ на финансовое положеніе государства и въ письмѣ 1665 г. къ восточнымъ патріархамъ, перехваченномъ московскими агентами. Жалуясь на захватъ царемъ церковныхъ имуществъ, онъ пишетъ: „берутъ людей на службу, хлѣбъ, деньги, берутъ немилостиво; весь родъ христіанскій отягчилъ царь данями сугубо, трегубо и больше, — и все бесполезно“.

При довольно исключительныхъ обстоятельствахъ предпринять былъ при томъ же царѣ другой русскій опытъ изображенія московскихъ порядковъ въ ихъ недостаткахъ. Григорій Котошихинъ служилъ подьячимъ Посольскаго приказа или младшимъ секретаремъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, исполнялъ неважныя дипломатическія порученія, потерпѣлъ напраслины, въ 1660 г. за ошибку въ титулѣ государя былъ битъ батогами. Во вторую польскую войну прикомандированный къ арміи кн. Юрія Долгорукаго, онъ не согласился исполнить незаконныя

Григ. Котошихинъ.

требованія главнокомандующаго и убѣгая отъ его мести, въ 1664 г. бѣжалъ въ Польшу, побывалъ въ Германіи и потомъ попалъ въ Стокгольмъ. Несходство заграничныхъ порядковъ съ отечественными, поразившее его во время странствованій, внушило ему мысль описать состояніе Московскаго государства. Шведскій канцлеръ гр. Магнусъ-де-ла-Гарди оцѣнилъ умъ и опытность Селищеаго, какъ назвалъ себя Котошихинъ за границей, и поощрялъ его въ начатомъ трудѣ, который и былъ такъ хорошо исполненъ, что сталъ однимъ изъ важнѣйшихъ русско-историческихъ памятниковъ XVII в. Но Котошихинъ дурно кончилъ. Въ Стокгольмѣ онъ прожилъ около полутора года, перешелъ въ протестанство, слишкомъ подружился съ женою хозяина, у котораго жилъ на квартирѣ, чѣмъ возбудилъ подозрѣніе мужа, и въ ссорѣ убилъ его, за что сложилъ голову на плахѣ. Шведскій переводчикъ его сочиненія называетъ автора челоуѣвомъ ума несравненнаго. Это сочиненіе въ прошломъ столѣтіи было найдено въ Упсалѣ однимъ русскимъ профессоромъ и издано въ 1841 г. Въ 13 главахъ, на которыя оно раздѣлено, описываются бытъ московскаго царскаго двора, составъ придворнаго класса, порядокъ дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ иноземными, устройство центральнаго управленія, войско, городское торговое и сельское населеніе и наконецъ, домашній бытъ высшаго московскаго общества. Котошихинъ мало разсуждаетъ, больше описываетъ отечественные порядки простымъ, яснымъ и точнымъ приказнымъ языкомъ. Однако у него всюду сквозитъ пренебрежительный взглядъ на покинутое отечество, и такое отношеніе въ нему служить темнымъ фономъ, на которомъ Котошихинъ рисуетъ, повидимому, безпристрастную картину русской жизни. Впрочемъ у него иногда прорываются и прямыя сужденія,

все неблагоклонныя, обличающія много крупныхъ недостатковъ въ быту и нравахъ московскихъ людей. Котошихинъ осуждаетъ въ нихъ „небогобоязненную натуру“, спесь, наклонность къ обману, больше всего невѣжество. Русскіе люди, пишетъ онъ, „породою своею спесивы и необычайны (непривычны) во всякому дѣлу, понеже въ государствѣ своемъ наученія никакого добраго не имѣютъ и не приемятъ кромѣ спесивства и безстыдства и ненависти и неправды; для науки и обычая (обхожденія съ людьми) въ ниня государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣры и обычаи и *волю* благу, начали бѣ свою вѣру отиѣнять (бросать) и приставаютъ къ инымъ и о возвращеніи къ домоу своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили“. Котошихинъ рисуетъ карикатурную картинку засѣданія Боярской думы, гдѣ бояре, „брады своя уставя“, на вопросы царя ничего не отвѣчаютъ, ни въ чемъ добраго совѣта дать ему не могутъ, „потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованные“. Котошихинъ мрачно изображаетъ и семейный бытъ русскихъ. Кто держится мнѣнія, будто древняя Русь при всѣхъ своихъ политическихъ и гражданскихъ недочетахъ сумѣла съ помощью церковныхъ правилъ и домостроевъ выработать крѣпкую юридически и нравственно семью, для того камнемъ претѣновенія ложится послѣдняя глава сочиненія Котошихина „О житіи бояръ и думныхъ и ближнихъ и иныхъ чиновъ людей“. Безстрастно изображены здѣсь произволъ родителей надъ дѣтьми, цинизмъ брачнаго сватовства и сговора, непристойность свадебнаго обряда, грубые обманы со стороны родителей неудачной дочери съ цѣлью какъ-нибудь сбыть съ рукъ плохой то-

варь, тяжбы, возникавшія изъ этого, битье и насильственное постриженіе нелюбимыхъ женъ, отравы женъ мужьями и мужей женами, бездушное формальное вмѣшательство церковныхъ властей въ семейныя дразги. Мрачная картина семейнаго быта испугала самого автора и онъ заканчиваетъ свое простое и безстрастное изображеніе возбужденнымъ восклицаніемъ: „благоразумный читатель! не удивляйся сему: истинная есть тому правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ Московскомъ государствѣ; а такого у нихъ обычая не повелось, какъ въ иныхъ государствахъ, смотрити и уговариватися времяемъ съ невѣстою самому“.

Юрій Кри-
жаничъ.

Сужденія русскаго человѣка, покинувшаго свое отечество, любопытно сопоставить со впечатлѣніями приплаго наблюдателя, пріѣхавшаго въ Россію съ надеждой найти въ ней второе отечество. Хорватъ, католикъ и патеръ Юрій Крижаничъ былъ человѣкъ съ довольно разностороннимъ образованіемъ, немного философъ и богословъ, немного политико-экономъ, большой филологъ и больше всего патріотъ, точнѣе, горячій панславистъ, потому что истиннымъ отечествомъ для него было не какое-либо исторически извѣстное государство, а объединенное славянство, т.-е. чистая политическая мечта, носившаяся гдѣ-то внѣ исторіи. Родившись подданнымъ турецкаго султана, онъ бѣднымъ сиротой вывезенъ былъ въ Италію, получилъ духовно-семинарское образованіе въ Загребѣ, Вѣнѣ и Болоньѣ и наконецъ поступилъ въ римскую коллегію св. Аванасія, въ которой римская Конгрегация для распространенія вѣры (*de propaganda fide*) вырабатывала специальныхъ мастеровъ-миссіонеровъ для схизматиковъ православнаго Востока. Крижаничъ предназначался, какъ славянинъ, для Московія. Его и самого тянуло въ эту далекую страну; онъ собираетъ

объ ней свѣдѣнія, представляетъ Конгрегаціи замысловатые планы ея обращенія. Но у него была своя затаенная мысль: миссіонерскій энтузіазмъ служилъ бѣдному студенту-славянину лишь средствомъ заручиться матеріальной поддержкой со стороны Конгрегаціи. Онъ и считалъ москвитянъ не еретиками или схизматиками отъ суемудрія, а просто христіанами, заблуждающимися по невѣжеству, по простотѣ душевной. Рано сталъ онъ думать и глубоко скорбѣть о бѣдственномъ положеніи разбитого и порабощеннаго славянства, и надобно отдать честь политической сообразительности Крижанича: онъ угадывалъ вѣрный путь къ объединенію славянъ. Чтобы людямъ сойтись другъ съ другомъ, имъ надобно прежде всего понимать другъ друга, а въ этомъ мѣшаетъ славянамъ ихъ разноязычіе. И вотъ Крижаничъ еще въ латинской школѣ старается не забыть родного языка славянскаго, старательно изучаетъ его, чтобы достигнуть въ немъ краснорѣчія, суетится и хлопочетъ очистить его отъ примѣсей, отъ мѣстной порчи, такъ переработать его, чтобы онъ былъ понятенъ всѣмъ славянамъ, для того задумываетъ и пишетъ грамматики, словари, филологическіе трактаты. И другая, только болѣе смѣлая догадка принадлежитъ ему: объединеніе всеразбитого славянства надобно было повести изъ какого-либо политическаго центра, а такого центра тогда еще не было налицо, онъ не успѣлъ еще обозначиться, стать историческимъ фактомъ, не былъ даже политическимъ чаяніемъ для однихъ и пугаломъ для другихъ, какъ сталъ позднѣе. И эту загадку чутко разгадалъ Крижаничъ. Онъ, хорватъ и католикъ, искалъ этого будущаго славянскаго центра не въ Вѣнѣ, не въ Прагѣ, даже не въ Варшавѣ, а въ православной по вѣрѣ и въ татарской по мнѣнію Европы Москвѣ. Надъ этимъ можно было смѣяться въ XVII в., можно по-

жалуй улыбаться и теперь; но между тогдашнимъ и нашимъ временемъ были моменты, когда этого трудно было не цѣнить. Какъ будущій центръ славянства, Крижаничъ и называетъ Россію своимъ вторымъ отечествомъ, хотя у него не было и перваго, а была только турецкая родина. Какъ онъ угадывалъ этотъ центръ, чутьемъ ли возбужденнаго патріота-энтузіаста, или размышленіемъ политика, сказать трудно. Какъ бы то ни было, онъ не усидѣлъ въ Римѣ, гдѣ Конгрегація засадила его за полемику съ греческой схизмой, и въ 1559 г. самовольно уѣхалъ въ Москву. Здѣсь римско-апостолическая затѣя, разумѣется, была покинута; пришлось смолчать и о своемъ патерствѣ, съ которымъ бы его и не пустили въ Москву, и онъ былъ принятъ просто какъ „выходецъ-сербенинъ Юрій Ивановичъ“ на ряду съ другими иноземцами, пріѣзжавшими на государеву службу. Чтобы создать себѣ прочное служебное положеніе въ Москвѣ, онъ предлагалъ царю разнообразныя услуги, вызывался быть московскимъ и всеславянскимъ публицистомъ, царскимъ бібліотекаремъ, написать правдивую исторію Московскаго царства и всего народа славянскаго въ званіи царскаго „историка-лѣтописца“; но его оставили съ жалованьемъ до 1¹/₂, а потомъ до 3 руб. въ день на наши деньги при его любимой работѣ надъ славянскою грамматикой и лексикономъ: онъ вѣдъ и ѣхалъ въ Москву съ мыслью повести тамъ дѣло лингвистическаго и литературнаго объединенія славянства. Онъ самъ признавался, что ему со своей мыслью о всеславянскомъ языкѣ кромѣ Москвы и некуда было дѣваться, потому что съ дѣтства онъ все свое сердце отдалъ на одно дѣло, на исправленіе „нашего искаженнаго, точнѣе, погибшаго языка, на украшеніе своего и всенароднаго ума“. Въ одномъ сочиненіи онъ пишетъ: „меня называютъ скитальцемъ, бродягой; это неправда: я пришелъ

къ царю моего племени, пришелъ къ своему народу, въ свое отечество, въ страну, гдѣ единственно мои труды могутъ имѣть употребленіе и принести пользу, гдѣ могутъ имѣть цѣну и сбытъ мои товары — разумѣю словари, грамматики, переводы“. Но черезъ годъ съ небольшимъ неизвѣстно за что его сослали въ Тобольскъ, гдѣ онъ пробылъ 15 лѣтъ. Ссылка впрочемъ только помогла его учено-литературной производительности: вмѣстѣ съ достаточнымъ содержаніемъ ему предоставленъ былъ въ Тобольскѣ полный досугъ, которымъ онъ даже самъ тяготился, жалуюсь, что ему никакой работы не даютъ, а кормятъ хорошо, словно скотину на убой. Въ Сибири онъ много писалъ, тамъ написалъ и свою славянскую грамматику, о которой такъ много хлопоталъ, надъ которой онъ, по его словамъ, думалъ и работалъ 22 года. Царь Федоръ воротилъ Юрія въ Москву, гдѣ онъ выпросился „въ свою землю“, уже не скрывая своего вѣроисповѣданія и сана каноника, „попа стриженнаго“, какъ объяснили это слово въ Москвѣ, и въ 1677 г. покинулъ свое названное отечество.

Изложенныя обстоятельства жизни Крижанича имѣютъ нѣкоторый интересъ, выясняя уголъ зрѣнія, подъ какимъ складывались его сужденія о Россіи, читаемыя нами въ самомъ обширномъ и тоже сибирскомъ его трудѣ, въ *Политическихъ думъ* или въ *Разговорахъ о владательствѣ*, т.-е. о политикѣ. Это сочиненіе состоитъ изъ трехъ частей: въ первой авторъ разсуждаетъ объ экономическихъ средствахъ государства, во второй о средствахъ военныхъ, въ третьей о мудрости, т.-е. о средствахъ духовныхъ, къ которымъ онъ присоединяетъ предметы самаго различнаго свойства, преимущественно политическаго. Такимъ образомъ обширное сочиненіе это имѣетъ видъ политическаго и экономического трактата, въ которомъ авторъ обнаружилъ боль-

Крижаничъ
о Россіи.

шую и разнообразную начитанность въ древней и новой литературѣ, нѣкоторое знакомство даже съ русской письменностью. Для насъ въ немъ всего важнѣе то, что авторъ всюду сравниваетъ состояніе западно-европейскихъ государствъ съ порядками государства Московскаго. Здѣсь Россія впервые ставится лицомъ къ лицу съ западной Европой. Изложу главныя сужденія, высказанныя здѣсь Крижаничемъ. Сочиненіе это имѣетъ видъ черновыхъ набросковъ, то на латинскомъ, то на какомъ-то особомъ самодѣльномъ славянскомъ языкѣ съ поправками, вставками, отрывочными замѣтками. Крижаничъ крѣпко вѣритъ въ будущее Россіи и всего славянства: они стоятъ на ближайшей очереди въ міровомъ преемственномъ воздѣльваніи мудрости смѣняющимися народами, въ переходѣ наузы и искусствъ отъ однихъ народовъ къ другимъ — мысль, близкая къ тому, что высказывали потомъ о круговоротѣ наукъ Лейбницъ и Петръ Великій. Никто да не скажетъ, пишетъ Крижаничъ, изобразивъ культурныя успѣхи другихъ народовъ, будто намъ славянамъ какимъ-то небеснымъ рокомъ заказанъ путь къ наукамъ. А я думаю, именно теперь настало время нашему племени учиться: теперь на Руси возвысился Богъ славянское царство, какого по силѣ и славіи никогда еще не бывало среди нашего племени; а такія царства — обычные разсадники просвѣщенія. „Адда и намъ треба учиться, яко подь честитымъ царя Алексѣя Михайловича владаніемъ мочь хочемъ древнія дивячины плѣсень отерть, умѣтелей ся научить, похвальнѣйшій общенія начинъ пріять и блаженѣго стана дочекать“. Вотъ образчикъ всеславянскаго языка, о которомъ такъ хлопоталъ Крижаничъ. Смысль его словъ: значить, и намъ надобно учиться, чтобы подь властью московскаго царя стереть съ себя плѣсень застарѣлой дикости, надобно обучиться наукамъ, чтобы начать жить

болѣе пристойнымъ общежитіемъ и добиться болѣе благополучнаго состоянія. Но этому мѣшаютъ двѣ бѣды или язвы, которыми страдаетъ все славянство: „чужебѣсія“, бѣшеное пристрастіе ко всему чужеземному, какъ толкуеть это слово самъ авторъ, и слѣдствіе этого порока, „чужевладство“, иноземное иго, тяготѣющее надъ славянами. Злобная нота звучитъ у Крижанича всякій разъ, какъ заводитъ онъ рѣчь объ этихъ язвахъ, и его воображеніе не скупится на самые отталкивающіе образы и краски, чтобы достойно изобразить ненавистныхъ порабитителей, особенно нѣмцевъ. „Ни одинъ народъ подъ солнцемъ, пишетъ онъ, искони вѣковъ не былъ такъ изобиженъ и посрамленъ отъ иноземцевъ, какъ мы славяне отъ нѣмцевъ; затопило насъ множество инородниковъ; они насъ дурачатъ, за носъ водятъ, больше того — сидятъ на хребтахъ нашихъ и ѣдятъ на насъ, какъ на скотинѣ, свиньями и псами насъ обзываютъ, себя считаютъ словно богами, а насъ дураками. Что ни выжмутъ страшными налогами и притѣсненіями изъ слезъ, потовъ, невольныхъ постовъ русскаго народа, все это пожираютъ иноземцы, купцы греческіе, купцы и полковники нѣмецкіе, крымскіе разбойники. Все это отъ чужебѣсія: всякимъ чужимъ вещамъ мы дивимся, хвалимъ ихъ и превозносимъ, а свое домашнее житіе презираемъ“. Въ цѣлой главѣ Крижаничъ перечисляетъ „срамоты и обиды“ народныя, какія славяне терпятъ отъ иноземцевъ. Россіи суждено избавить славянство отъ язвъ, которыми сама она не меньше страдаетъ. Крижаничъ обращается къ царю Алексѣю съ такими словами: „Тебѣ, пречестный царь, выпалъ жребій промышлять обо всемъ народѣ славянскомъ; ты, царь, одинъ данъ намъ отъ Бога, чтобы пособить задунайцамъ, чехамъ и *ляхамъ*, чтобы сознали они свое угнетеніе отъ чужихъ, свой позоръ и начали сбрасывать съ шеи нѣмецкое ярмо“.

Но когда Крижаничъ присмотрѣлся въ Россіи къ жизни всеславянскихъ спасителей, его поразило множество неустройствъ и пороковъ, которыми они сами страдаютъ. Сильнѣе всего возстаетъ онъ противъ самомнѣнія русскихъ, ихъ чрезмѣрнаго пристрастія къ своимъ обычаямъ и особенно противъ ихъ невѣжества; это главная причина экономической несостоятельности русскаго народа. Россія — бѣдная страна сравнительно съ западными государствами, потому что несравненно менѣе ихъ образована. Тамъ на Западѣ, пишетъ Крижаничъ, разумъ у народовъ хитры, смѣтливы, много книгъ о земледѣліи и другихъ промыслахъ, есть гавани, цвѣтутъ обширная морская торговля, земледѣліе, ремесла. Ничего этого нѣтъ въ Россіи. Для торговли она заперта со всѣхъ сторонъ либо неудобнымъ моремъ, пустынями, либо дикими народами; въ ней мало торговыхъ городовъ, нѣтъ цѣнныхъ и необходимыхъ произведеній. Здѣсь умы у народа тупы и косны, нѣтъ умнѣнья ни въ торговлѣ, ни въ земледѣліи, ни въ домашнемъ хозяйствѣ; здѣсь люди сами ничего не выдумаютъ, если имъ не покажутъ, лѣнны, непромышленны, сами себѣ добра не хотятъ сдѣлать, если ихъ не приневолятъ къ тому силой; книгъ у нихъ нѣтъ никакихъ ни о земледѣліи, ни о другихъ промыслахъ; купцы не учатся даже ариметикѣ и иноземцы во всякое время безощадно ихъ обманываютъ. Исторіи, старины мы не знаемъ и никакихъ политическихъ разговоровъ вести не можемъ, за что насъ иноземцы презираютъ. Та же умственная лѣнь сказывается въ некрасивомъ покроѣ платья, въ наружномъ видѣ и въ домашнемъ обиходѣ, во всемъ нашемъ быту: нечесаныя головы и бороды дѣлаютъ русскаго мерзкимъ, смѣшнымъ, какимъ-то лѣсовикомъ. Иноземцы осуждаютъ насъ за неопрятность: мы деньги прячемъ въ ротъ, посуду не моемъ; мужикъ подаетъ гостю полную братину и „оба-

два пальца въ ней окунуть“. Въ иноземныхъ газетахъ писали: если русскіе купцы зайдутъ въ лавку, послѣ нихъ цѣлый часъ нельзя войти въ нее отъ смрада. Жилища наши неудобны: окна низкія, въ избахъ нѣтъ отдушникъ, люди слѣпнутъ отъ дыма. Множество и нравственныхъ недостатковъ отмѣчаетъ Крижаничъ въ русскомъ обществѣ: пьянство, отсутствіе бодрости, благородной гордости, одушевленія, чувства личнаго и народнаго достоинства. На войнѣ турки и татары хоть и побѣгутъ, но не дадутъ себя даромъ убивать, обороняются до послѣдняго издыханія, а наши „вояки“ ежели побѣгутъ, такъ ужъ бѣгутъ безъ оглядки — бей ихъ, какъ мертвыхъ. Великое наше народное лихо — неумѣренность во власти: не умѣемъ мы ни въ чемъ мѣры держать, среднимъ путемъ ходить, а все норовимъ по окраинамъ да пропастямъ блуждать. Правленіе у насъ въ иной странѣ въ конецъ распушено, своевольно, безнарядно, а въ другой черезчуръ твердо, строго и жестоко; во всемъ свѣтѣ нѣтъ такого безнаряднаго и распушеннаго государства, какъ польское, и такого крутого правленія, какъ въ славномъ государствѣ русскомъ. Огорченный всѣми этими недостатками, Крижаничъ готовъ отдать преимущество передъ русскими даже туркамъ и татарамъ, у которыхъ онъ совѣтуетъ русскимъ учиться трезвости, справедливости, храбрости и даже стыдливости. Очевидно, Крижаничъ не закрывалъ глазъ передъ язвами русскаго общества, напротивъ, можетъ-быть, даже преувеличивалъ наблюдаемые недостатки. Очевидно, и Крижаничъ — славянинъ, не умѣлъ ни въ чемъ мѣры держать, прямо и просто смотрѣть на вещи. Но Крижаничъ не только плачется, а и размышляетъ, предлагаетъ средства для исцѣленія оплакиваемыхъ недуговъ. Эти средства разработаны у него въ цѣлую преобразовательную программу, которая получаетъ для

насть значеніе болѣе важное, чѣмъ какое могли бы имѣть досужія размышленія славянскаго пришельца, посѣтившаго Москву въ XVII в. Онъ предлагаетъ 4 средства исправленія. Это 1) просвѣщеніе, наука, книги — мертвые, но мудрые и правдивые совѣтники. 2) Правительственная регламентація, дѣйствіе сверху. Крижаничъ вѣруетъ въ самодержавіе: въ Россіи, говорятъ онъ, полное „самовладство“; царскимъ повелѣніемъ все можно исправить и завести все полезное, а въ иныхъ земляхъ это было бы невозможно. „Ты, царь, обращается Крижаничъ къ царю Алексѣю, держишь въ рукахъ чудотворный жезлъ Моисеевъ, которымъ можешь творить дивныя чудеса въ управленіи: въ твоихъ рукахъ полное самодержавіе“. На это средство Крижаничъ возлагаетъ большія надежды, хотя предлагаетъ довольно странныя способы его примѣненія: не знаетъ, напримѣръ, купецъ ариеметики — запрететь указомъ его лавочку, пока не выучится. 3) Политическая свобода. При самодержавіи не должно быть жестокости въ управленіи, обремененія народа непосильными поборами и взятками, того, что Крижаничъ называетъ „людодерствомъ“. Для этого необходимы извѣстныя „слободины“, политическія права, сословное самоуправленіе. Купцамъ надо предоставить право выбирать себѣ старость съ сословнымъ судомъ, ремесленниковъ соединить въ цеховыя корпораціи, всѣмъ промышленнымъ людямъ дать право ходатайствовать передъ правительствомъ о своихъ нуждахъ и о защитѣ отъ областныхъ правителей, крестьянамъ обезпечить свободу труда. Умѣренныя слободины Крижаничъ считаетъ уздой, воздерживающей правителей отъ „худобныхъ похотей“, единственнымъ щитомъ, коимъ подданные могутъ оборониться отъ приказническихъ злостей и можетъ быть ограждена правда въ государствѣ; ни запреты, ни казни не удержатъ правителей, „думни-

ковъ“ отъ ихъ людодерскихъ думъ, гдѣ нѣтъ слободинъ.

4) Распространеніе технического образованія. Для этого государство должно властно вмѣшаться въ народное хозяйство, учредить по всѣмъ городамъ техническія школы, указомъ завести даже женскія училища руководѣлій и хозяйственныхъ знаній съ обязательствомъ для жениха спрашивать у невесты свидѣтельства, чему она обучалась у мастерицъ-учительницъ, давать волю холопамъ, обучившимся мастерству, требующему особыхъ техническихъ знаній, переводить на русскій языкъ нѣмецкія книги о торговлѣ и ремеслахъ, призвать изъ-за границы иноземныхъ нѣмецкихъ мастеровъ и капиталистовъ, которые обучали бы русскихъ мастерству и торговлѣ. Всѣ эти мѣры должны быть направлены на усиленную принудительную разработку естественныхъ богатствъ страны и широкое распространеніе новыхъ производствъ, особенно металлическихъ.

Такова программа Юрія Крижанича. Она, какъ видимъ, очень сложна и несвободна отъ нѣкоторой внутренней нескладицы. Крижаничъ допустилъ въ свой планъ достаточно противорѣчій, по крайней мѣрѣ неясностей. Трудно понять, какъ онъ мирилъ другъ съ другомъ средства, предлагаемыя имъ для исправленія недостатковъ русскаго общества, какія, напримѣръ, полагалъ онъ границы между правительственной регламентаціей, скрѣпляемой самовладствомъ, и общественнымъ самоуправленіемъ, или какъ онъ надѣялся избавить славянскую шею отъ сидящихъ на ней нѣмцевъ, переводя нѣмецкія книги о ремеслахъ и призывая нѣмецкихъ ремесленниковъ, какъ у него „гостогонство“, гоненіе иноземцевъ, уживалось съ признаваемою имъ невозможностью обойтись безъ иноземнаго мастера. Но читая преобразовательную программу Крижанича, невольно воскликнешь: да это программа Петра Великаго, даже съ ея недостатками и противо-

рѣчіями, съ ея индивидуальной вѣрой въ творческую силу указа, въ возможность распространить образованіе и торговлю посредствомъ переводной нѣмецкой книжки о торговлѣ или посредствомъ временнаго закрытія лавочки у купца, не выучившагося ариметикѣ. Однако именно эти противорѣчія и это сходство придаютъ особый интересъ сужденіямъ Крижанича. Онъ единственный въ своемъ родѣ пришлый наблюдатель русской жизни, непохожій на множество иноземцевъ, случайно попадавшихъ въ Москву и записавшихъ свои тамошнія впечатлѣнія. Послѣдніе смотрѣли на явленія этой жизни, какъ на куріозныя странности некультурнаго народа, занимательныя для празднаго любопытства — не болѣе того. Крижаничъ былъ въ Россіи и чужой, и свой, чужой по происхожденію и воспитанію, свой по племеннымъ симпатіямъ и политическимъ упованіямъ. Онъ ѣхалъ въ Москву не просто наблюдать, а проповѣдывать, пропагандировать всеславянскую идею и звать на борьбу за нее. Эта цѣль прямо и высказана въ латинскомъ эпиграфѣ *Разноворогъ*: „Въ защиту народа! хочу вытѣснить всѣхъ иноземцевъ, поднимаю всѣхъ днѣпрянъ, ляховъ, литовцевъ, сербовъ, всякаго, кто есть среди славянъ воинственный мужъ и кто хочетъ ратовать заодно со мною“. Надобно было сосчитать силы сторонъ, имѣвшихъ столкнуться въ борьбѣ, и восполнить недочеты своей стороны по образцамъ противной, высматривая и заимствуя у нея то, въ чемъ она сильнѣе. Отсюда любимыя приемы изложенія у Крижанича: онъ постоянно сравниваетъ и проектируетъ, сопоставляетъ однородныя явленія у славянъ и на враждебномъ имъ Западѣ и предлагаетъ одно изъ своего сохранить, какъ было, другое исправить по-западному. Отсюда же и видныя его несообразности: это — противорѣчія самой наблюдаемой жизни, а не ошибки наблюдателя: приходилось заим-

ствовать чужое, учиться у враговъ. Онъ ищетъ и охотно отмѣчаетъ, что въ русской жизни лучше, чѣмъ у иноземцевъ, защищаетъ ее отъ инородческихъ клеветъ и напраслицъ. Но онъ не хочетъ обольщать ни себя, ни другихъ: онъ ждетъ чудесъ отъ самодержавія; но разрушительное дѣйствіе крутого московскаго управленія на нравы, благосостояніе и внѣшнія отношенія народа ни у одного предубѣжденнаго иностранца не изображено такъ ярко, какъ въ главѣ *Разговоръ* о московскомъ людодерствѣ. Онъ не поклонникъ всякой власти и думаетъ, что если бы опросить всѣхъ государей, то многіе не сумѣли бы объяснить, зачѣмъ они существуютъ на свѣтѣ. Онъ цѣнилъ власть въ ея идеѣ, какъ культурное средство, и мистически вѣровалъ въ свой московскій жезлъ Моисеевъ, хотя, вѣроятно, слышалъ и про страшный посохъ Грознаго, и про костыль больного ногами царя Михаила. Общій сравнительный подсчетъ наблюдений вышелъ у Крижанича далеко не въ пользу своихъ: онъ призналъ рѣшительное превосходство ума, знаній, нравовъ, благоустройства, всего быта инородниковъ. Онъ ставитъ вопросъ: какое же мѣсто занимаемъ мы, русскіе и славяне, среди другихъ народовъ и какая историческая роль назначена намъ на міровой сценѣ? Нашъ народъ — средній между „людскими“, культурными народами и восточными дикарями и какъ таковой долженъ стать посредникомъ между тѣми и другими. Отъ мелочныхъ наблюдений и детальныхъ проектовъ мысль Крижанича поднимается до широкихъ обобщеній: славяно-русскій Востокъ и инороднический Западъ у него — два особые міра, два рѣзко различные культурные типа. Въ одномъ изъ разговоровъ, какіе онъ вводитъ въ свой трактатъ, довольно остроумно сопоставлены отличительныя свойства славянъ, преимущественно русскихъ, и западныхъ народовъ. Тѣ наружностью красивы

и потому дерзки и горды, ибо красота рождает дерзость и гордость: мы ни то ни се, люди средніе обличіемъ. Мы не краснорѣчивы, не умѣемъ изъясняться, а они рѣчисты, смѣлы на языкъ, на рѣчи бранныя, „лаяльныя“, колкія. Мы косны разумомъ и просты сердцемъ: они исполнены всякихъ хитростей. Мы не бережливы и мотоваты, приходу и расходу смѣты не держимъ, добро свое зря разбрасываемъ: они скупы, алчны, день и ночь только и думаютъ, какъ бы потуже набить свои мѣшки. Мы лѣнны къ работѣ и наукамъ: они промышленны, не проспятъ ни одного прибыльнаго часа. Мы — обыватели убогой земли: они — уроженцы богатыхъ, роскошныхъ странъ и на заманчивыя произведенія своихъ земель ловятъ насъ, какъ охотники звѣрей. Мы просто говоримъ и мыслимъ, просто и поступаемъ, поспоримся и помиримся: они скрытны, притворны, злопамятны, обиднаго слова до смерти не забудутъ, разъ поссорившись, вовѣки искренно не помирятся, а помирившись, всегда будутъ искать случая къ отместкѣ. — Крижаничу можно отвести особое, но видное мѣсто среди нашихъ историческихъ источниковъ: болѣе ста лѣтъ не находимъ въ нашей литературѣ ничего подобнаго наблюденіямъ и сужденіямъ, имъ высказаннымъ. Наблюденія Крижанича даютъ изучающему новыя краски для изображенія русской жизни XVII в., а его сужденія служатъ провѣркой впечатлѣній, выносимыхъ изъ ея изученія.

Ни письма Никона, ни сочиненія Котошихина и Крижанича не получили въ свое время общей извѣстности. Сочиненіе Котошихина не было никѣмъ прочитано въ Россіи до четвертаго десятилѣтія минувшаго вѣка, когда его нашелъ въ библіотекѣ Упсальскаго университета одинъ русскій профессоръ. Книга Крижанича была „на верху“, во дворцѣ у царей Алексѣя и Ѳедора; списки ея находились

у вліятельныхъ приверженцевъ царевны Софьи Медвѣдева и кн. В. Голицына; кажется, при царѣ Ѳеодорѣ се собирались даже напечатать. Мысли и наблюденія Крижанича могли пополнить запасъ преобразовательныхъ идей, рѣившихся въ московскихъ правительственныхъ умахъ того времени. Но всѣмъ этимъ людямъ XVII в., сужденія которыхъ я изложилъ, нельзя отказать въ важномъ значеніи для изучающихъ тотъ вѣкъ, какъ показателямъ тогдашняго настроенія русскаго общества. Самой рѣзкой нотой въ этомъ настроеніи было недовольство своимъ положеніемъ. Съ этой стороны особенно важенъ Крижаничъ, какъ наблюдатель, съ видимымъ огорченіемъ описывавшій непріятныя явленія, которыхъ онъ не желалъ бы встрѣтить въ странѣ, представлявшей ему издали могучей опорой всего славянства. Это недовольство — чрезвычайно важный поворотный моментъ въ русской жизни XVII в.: оно сопро-вождалось неисчислимыми послѣдствіями, которыя составляютъ существенное содержаніе нашей дальнѣйшей исторіи. Ближайшимъ изъ нихъ было начало вліянія западной Европы на Россію. На происхожденіи и первыхъ проявленіяхъ этого вліянія я и хочу остановить ваше вниманіе.

Лекція LIII.

Западное вліяніе. — Его начало. — Почему оно началось въ XVII в.?— Встрѣча двухъ иновемныхъ вліяній и ихъ различіе. — Два направленія въ умственной жизни русскаго общества. — Постепенность западнаго вліянія. — Полки иновемнаго строя. — Заводы. — Помысли о флотѣ. — Мысль о народномъ хозяйствѣ. — Новая Нѣмецкая слобода. — Европейскій комфортъ. — Театръ. — Мысль о научномъ знаніи. — Первые проводники его. — Научные труды кіевскихъ ученыхъ въ Москвѣ. — Начатки школьнаго образованія. — Домашнее обученіе.

С. Полоцкій.

Обращаясь къ началу западнаго вліянія въ Россіи, необходимо напередъ точнѣе опредѣлить самое понятіе *вліянія*. И прежде, въ XV—XVI вв., Россія была знакома съ западною Европой, вела съ ней кое-какія дѣла, дипломатическія и торговыя, заимствовала плоды ея просвѣщенія, призывала ея художниковъ, мастеровъ, врачей, военныхъ людей. Это было *общеніе*, а не вліяніе. Вліяніе наступаетъ, когда общество, его воспринмающее, начинаетъ сознать превосходство среды или культуры вліяющей и необходимость у нея учиться, нравственно ей подчиняться, заимствуя у нея не одни только житейскія удобства, но и самыя основы житейскаго порядка, взгляды, понятія, обычаи, общественныя отношенія. Такіе признаки появляются у насъ въ отношеніи къ западной Европѣ только съ XVII в. Вотъ въ какомъ смыслѣ говорю я о *началѣ* западнаго вліянія съ этого времени.

Здѣсь мы обращаемся къ истокамъ теченій въ нашей исторіи, продолжающихся доселѣ. Почему же не въ XVI в. началось это вліяніе, духовно-нравственное подчиненіе? Его источникъ — недовольство своею жизнью, своимъ положеніемъ, а это недовольство исходило изъ затрудненія, въ какомъ очутилось московское правительство новой династіи и которое отозвалось съ большей или меньшей тягостью во всемъ обществѣ, во всѣхъ его классахъ. Затрудненіе состояло въ невозможности справиться съ насущными потребностями государства при наличныхъ домашнихъ средствахъ, какія давалъ существующій порядокъ, т.-е. въ сознаніи необходимости новой перестройки этого порядка, которая дала бы недостававшія государству средства. Такое затрудненіе не было новостью, не испытанной въ прежнее время; необходимость подобной перестройки теперь не впервые почувствовалась въ московскомъ обществѣ. Но прежде она не приводила къ тому, что случилось теперь. Съ половины XV в. московское правительство, объединяя Велико-россію, все живѣе чувствовало невозможность справиться съ новыми задачами, поставленными этимъ объединеніемъ, при помощи старыхъ удѣльныхъ средствъ. Тогда оно и принялось строить новый государственный порядокъ, понемногу разваливая удѣльный. Оно строило этотъ новый порядокъ безъ чужой помощи, по своему разумію, изъ матеріаловъ, какіе давала народная жизнь, руководясь опытами и указаніями своего прошлаго. Оно еще вѣрило попрежнему въ неиспользованные завѣты родной страны, способные стать прочными основами новаго порядка. Потому эта перестройка только укрѣпляла авторитетъ родной старины, поддерживала въ строителяхъ сознаніе своихъ народныхъ силъ, питала національную самоувѣренность. Въ XVI в. въ русскомъ обществѣ сложился даже взглядъ на объединитель-

Начало эс-
паднаго
вліянія.

ницу Русской земли Москву, какъ на центръ и оплотъ всего православнаго Востока. Теперь было совѣмъ не то: прорывавшаяся во всемъ несостоятельность существующаго порядка и неудача попытокъ его исправленія привели къ мысли о недоброкачественности самыхъ основаній этого порядка, заставляли многихъ думать, что истощился запасъ творческихъ силъ народа и доморощенного разумѣнія, что старина не дастъ пригодныхъ уроковъ для настоящаго и потому у нея нечему больше учиться, за нее не для чего больше держаться. Тогда и начался глубокой переломъ въ умахъ: въ московской правительственной средѣ и въ обществѣ появляются люди, которыхъ гнететъ сомнѣнiе, завѣщала ли старина всю полноту средствъ, достаточныхъ для дальнѣйшаго благополучнаго существованія; они теряютъ прежнее національное самодовольство и начинаютъ оглядываться по сторонамъ, искать указаній и уроковъ у чужихъ людей, на Западѣ, все болѣе убѣждаясь въ его превосходствѣ и въ своей собственной отсталости. Такъ на мѣсто падающей вѣры въ родную старину и въ силы народа является унынiе, недоувѣрiе къ своимъ силамъ, которое широко растворяетъ двери иноземному влiянiю.

Почему оно
началось
въ XVII в.?

Трудно сказать, отчего произошла эта разница въ ходѣ явленiй между XVI и XVII вв., почему прежде у насъ не замѣчали своей отсталости и не могли повторить созидательнаго опыта своихъ близкихъ предковъ: русскiе люди XVII в. что ли оказались слабѣе нервами и скуднѣе духовными силами сравнительно со своими дѣдами, людьми XVI в., или религиозна-нравственная самоуувѣренность отцовъ подорвала духовную энергiю дѣтей? Всего вѣроятнѣе, разница произошла отъ того, что измѣнилось наше отношенiе къ западно-европейскому миру. Тамъ въ XVI и XVII вв. на развалинахъ феодальнаго порядка создались большiя централизо-

важныя государства; одновременно съ этимъ и народный трудъ вышелъ изъ тѣсной сферы феодальнаго поземельнаго хозяйства, въ которую онъ былъ насильственно заключенъ прежде. Благодаря географическимъ открытіямъ и техническимъ изобрѣтеніямъ ему открылся широкій просторъ для дѣятельности, и онъ началъ усиленно работать на новыхъ поприщахъ и новымъ капиталомъ, городскимъ или торгово-промышленнымъ, который вступилъ въ успѣшное состязаніе съ капиталомъ феодальнымъ, землевладѣльческимъ. Оба эти факта, политическая централизація и городской, буржуазный индустриализмъ, вели за собою значительные успѣхи съ одной стороны въ развитіи техники административной, финансовой и военной, въ устройствѣ постоянныхъ армій, въ новой организаціи налоговъ, въ развитіи теорій народнаго и государственнаго хозяйства, а съ другой — успѣхи въ развитіи техники экономической, въ созданіи торговыхъ флотовъ, въ развитіи фабричной промышленности, въ устройствѣ торговаго сбыта и кредита. Россія не участвовала во всѣхъ этихъ успѣхахъ, тратя свои силы и средства на внѣшнюю оборону и на кормленіе двора, правительства, привилегированныхъ классовъ съ духовенствомъ включительно, ничего не дѣлавшихъ и неспособныхъ что-либо сдѣлать для экономическаго и духовнаго развитія народа. Потому въ XVII в. она оказалась болѣе отсталой отъ Запада, чѣмъ была въ началѣ XVI в. Итакъ западное вліяніе вышло изъ чувства національнаго безсилія, а источникомъ этого чувства была все очевиднѣе вскрывавшаяся въ войнахъ, въ дипломатическихъ сношеніяхъ, въ торговомъ обмѣнѣ скудость собственныхъ матеріальныхъ и духовныхъ средствъ передъ западно-европейскими, что вело къ сознанію своей отсталости.

Западное вліяніе, проникая въ Россію, встрѣтилось здѣсь съ другимъ господствовавшимъ въ ней дотолѣ вліяніемъ Его отношеніе къ греческому.

восточнымъ, греческимъ или византійскимъ. Между обими этими вліяніями можно замѣтить существенную разницу, и я теперь же сопоставлю ихъ, чтобы видѣть, что оставляло въ Россіи одно изъ нихъ и что приносило съ собою другое. Греческое вліяніе было принесено и проводилось Церковью и направлялось къ религіозно-нравственнымъ цѣлямъ. Западное вліяніе проводилось государствомъ и призвано было первоначально для удовлетворенія его матеріальныхъ потребностей, но не удержалось въ этой своей сферѣ, какъ держалось греческое въ своей. Византійское вліяніе далеко не захватывало всѣхъ сторонъ русской жизни: оно руководило лишь религіозно-нравственнымъ бытомъ народа, снабжало украшеніями и поддерживало туземную государственную власть, но давало мало указаній въ дѣлѣ государственнаго устройства, внесло нѣсколько нормъ въ гражданское право, именно въ семейныя отношенія, слабо отражалось въ ежедневномъ житейскомъ обиходѣ и еще слабѣе въ народномъ хозяйствѣ, регулировало праздничное настроеніе и времяпровожденіе и то лишь до конца обѣдни, но мало увеличило запасъ положительныхъ знаній, не оставило замѣтныхъ слѣдовъ въ будничныхъ привычкахъ и понятіяхъ народа, предоставивъ во всемъ этомъ свободный просторъ самобытному національному творчеству или первобытному невѣжеству. Но не захватывая всего человѣка, не лишая его туземныхъ національныхъ особенностей, его самобытности, оно зато въ своей сферѣ захватывало все общество сверху донизу, проникало съ одинаковой силой во всѣ его классы; оно и сообщало такую духовную цельность древнерусскому обществу. Напротивъ, западное вліяніе постепенно проникало во всѣ сферы жизни, измѣняя понятія и отношенія, напирая одинаково сильно на государственный порядокъ, на общественный и будничный бытъ, внося новыя полити-

ческія идеи, гражданскія требованія, формы обществитія, новыя области знанія, передѣлывая костюмъ, нравы, привычки и вѣрованія, перелицовывая наружный видъ и перестраивая духовный складъ русскаго человѣка. Однако, захватывая всего человѣка, какъ личность и какъ гражданина, оно по крайней мѣрѣ доселѣ не успѣло захватить всего общества: съ такой поглощающей силой оно подѣйствовало лишь на тонкій, вѣчно подвижной и тревожный слой, который лежитъ на поверхности нашего общества. Итакъ греческое вліяніе было церковное, западное — государственное. Греческое вліяніе захватывало все общество, не захватывая всего человѣка; западное захватывало всего человѣка, не захватывая всего общества.

Встрѣчей и борьбой этихъ двухъ вліяній порождены два два на-
правленія. направленія въ умственной жизни русскаго общества, два взгляда на культурное положеніе нашего народа. Развиваясь и осложняясь, мѣняя цвѣта, названія и приемы дѣйствія, оба направленія проходятъ двумя параллельными струями въ нашей исторіи. То скрываясь куда-то, то выступая наружу, какъ рѣчки въ песчаной пустынѣ, они всего болѣе оживляютъ вялую общественную жизнь, направляемую темной, тяжелой и пустой государственной дѣятельностью, которая съ нѣкоторыми свѣтлыми перерывами томительно длилась до половины XIX в. Впервые оба направленія обозначились во второй половинѣ XVII в. въ вопросѣ о времени пресуществленія св. даровъ и въ тѣсно связанномъ съ нимъ спорѣ о сравнительной пользѣ изученія языковъ греческаго и латинскаго, такъ что приверженцевъ обоихъ направленій можно было бы назвать эллинистами и латинистами. Во второй половинѣ XVIII в. яблоко раздора бросила въ русское общество французская просвѣтительная литература въ связи съ вопросомъ о зна-

ченіи реформы Петра, о самобытномъ національномъ развитіи. Націоналисты-самобытники называли себя люборуссами, а противниковъ корили кличками русскихъ полуфранцузовъ, галломановъ, вольнодумцевъ, чаще всего вольтерьянцевъ. Лѣтъ 70 тому назадъ приверженцы одного взгляда получили названіе западниковъ; сторонниковъ другого прозвали славянофилами. Можно такъ выразить сущность обоихъ взглядовъ на этой послѣдней стадіи ихъ развитіи. Западники учили: по основамъ своей культуры мы — европейцы, только младшіе по историческому своему возрасту, и потому должны итти путемъ, пройденнымъ нашими старшими культурными братьями, западными европейцами, усвоив плоды ихъ цивилизаціи. Да, возражали славянофилы, мы — европейцы, но восточные, имѣемъ свои самородныя начала жизни, которыя и обязаны разрабатывать собственными усилиями, не идя на привязи у западной Европы. Россія не ученица и не спутница, даже не соперница Европы: она — ея преемница. Россія и Европа — это смежныя всемірно-историческіе моменты, двѣ преемственныя стадіи культурнаго развитіи челоуѣчества. Усѣянная монументами — позволяю себѣ слегка пародировать обычный, нѣсколько приподнятый тонъ славянофиловъ, — усѣянная монументами западная Европа — обширное кладбище, гдѣ подъ нарядными мраморными памятниками спятъ великіе покойники минувшаго; лѣсная и степная Россія — неопрятная деревенская люлька, въ которой безпокойно возится и безпомощно кричитъ міровое будущее. Европа отживаетъ, Россія только начинаетъ жить, и такъ какъ ей придется жить послѣ Европы, то ей надо умѣть жить безъ нея, своимъ умомъ, своими началами, грядущими на смѣну отживающимъ началамъ европейской жизни, чтобы озарить міръ новымъ свѣтомъ. Значить, наша историческая моло-

доть обязывает насъ не къ подражанію, не къ заимствованію плодовъ чужихъ культурныхъ усилій, а къ самостоятельной работѣ надъ принципами собственной исторической жизни, сокрытыми въ глубинѣ нашего народнаго духа и еще не изношенными человѣчествомъ. Итакъ оба взгляда не только различно смотрятъ на историческое положеніе Россіи въ Европѣ, но и указываютъ ей различные пути историческаго движенія. Теперь не время предпринимать оцѣнку этихъ взглядовъ, разбирать, каково историческое назначеніе Россіи, суждено ли ей стать свѣтомъ Востока, или оставаться только тѣнью Запада. Мимоходомъ можно отмѣтить привлекательныя особенности обоихъ направленій. Западники отличались дисциплиной мысли, любовью къ точному изученію, уваженіемъ къ научному знанію; славянофилы подкупали широкой размахистостью идей, бодрой вѣрой въ народныя силы и той струйкой лирической діалектики, которая такъ мило прикрывала въ нихъ промахи логики и прорѣхи эрудиціи. Я изложилъ оба взгляда въ ихъ окончательномъ складѣ, осложненномъ разными туманными и сторонними примѣсами предпрошлаго и прошлаго вѣка. Моя задача отмѣтить минуточку зарожденія и ихъ первоначальный незатѣшливый видъ. Напрасно ведутъ ихъ съ реформы Петра: они родились въ головахъ людей XVII в. и именно людей, пережившихъ Смуту. Можетъ-быть, зарожденіе этихъ направленій подмѣтилъ дьякъ Иванъ Тимофеевъ, написавшій въ началѣ царствованія Михаила *Временникъ*, т. е. записки о своемъ времени, начиная съ царствованія Ивана Грознаго. Это очень умный наблюдатель: у него есть идеи и принципы. Онъ — политическій консерваторъ: несчастіе своего времени онъ объясняетъ измѣной старинѣ, разрушеніемъ древнихъ законныхъ установленій, отчего русскіе люди

начали вертѣться точно колесо; онъ горько жалуется на отсутствіе въ русскомъ обществѣ мужественной крѣпости, на неспособность его дружнымъ отпоромъ помѣшать какому-нибудь произвольному или незаконному нововведенію. Русскіе не вѣрятъ другъ другу, поворачиваются каждый спиною къ другому: одни смотрятъ на востокъ, другіе — на западъ. Да, такъ у него и сказано на его вычурномъ языкѣ: „мы другъ друзѣ любовнымъ союзомъ растояхомся, къ себѣ кождо насъ хребты обращахомся — овѣи къ востоку зрятъ, овѣи же къ западу“. Что это, удачное ли выраженіе, или мѣткое наблюденіе, — я сказать не умѣю; во всякомъ случаѣ во второе десятилѣтіе XVII в., когда писалъ Тимофеевъ, западничество у насъ было больше выходкой отдѣльныхъ чудаковъ, подобныхъ кн. Хворостинину, чѣмъ обдуманнымъ общественнымъ движеніемъ. Во всякомъ обществѣ всегда найдутся чуткіе люди, которые раньше другихъ начинаютъ думать и дѣлать то, что потомъ будутъ думать и дѣлать всѣ, не сознавая, почему они начинаютъ такъ думать и дѣлать, какъ есть болѣзненно-чуткіе люди, которые предчувствуютъ перемѣну погоды раньше, чѣмъ здоровые замѣтятъ ея наступленіе.

Постепенность вліянія.

Теперь познакомимся съ первыми проявленіями западнаго вліянія. Это вліяніе, насколько оно воспринималось и проводилось правительствомъ, развивалось довольно послѣдовательно, постепенно расширяя поле своего дѣйствія. Эта послѣдовательность исходила изъ желанія, скорѣе изъ необходимости для правительства согласовать нужды государства, толкавшія въ сторону вліянія, съ народной психологіей и собственной волею, отъ него отталкивавшими. Правительство стало обращаться къ иноземцамъ за содѣйствіемъ прежде всего для удовлетворенія наиболѣе насущныхъ матеріальныхъ своихъ потребностей, касавшихся

обороны страны, военного дѣла, въ чемъ особенно больно чувствовалась отсталость. Оно брало изъ-за границы военныя, а потомъ и другія техническія усовершенствованія нехотя, не заглядывая далеко впередъ, въ возможные послѣдствія своихъ начинаній и не допытываясь, какими усиліями западно-европейскій умъ достигъ такихъ техническихъ успѣховъ и какой взглядъ на мірозданіе и на задачи бытія направлялъ эти усилія. Понадобились пушки, ружья, машины, корабли, мастерства. Въ Москвѣ рѣшили, что всѣ эти предметы безопасны для душевнаго спасенія, и даже обученіе всѣмъ этимъ хитростямъ было признано дѣломъ безвреднымъ и безразличнымъ въ нравственномъ отношеніи: вѣдь и церковный уставъ допускаетъ въ случаѣ нужды отступленіе отъ каноническихъ предписаній въ подробностяхъ ежедневнаго обихода. Зато въ завѣтной области чувствъ, понятій, вѣрованій, гдѣ господствуютъ высшіе, руководящіе интересы жизни, рѣшено было не уступать иноземному вліянію ни одной пяди.

Этой осторожной уступкѣ русская армія XVII в. обязана была важными нововведеніями, русская обрабатывающая промышленность своими первыми успѣхами. Не разъ горькимъ опытомъ извѣдана была несостоятельность нашей конной дворянской милиціи при встрѣчѣ съ регулярной пѣхотой Запада, обученной строю и вооруженной огнестрѣльнымъ боемъ. Уже съ конца XVI в. Московское правительство начало исполнять свои рати иноземными боевыми силами. Сначала думали пользоваться боевой техникой Запада непосредственно, нанимая иноземныхъ ратниковъ и выписывая изъ-за границы боевые снаряды. Съ первыхъ лѣтъ царствованія Михаила правительство посылаетъ въ походы вмѣстѣ съ туземной ратью наемные отряды, однимъ изъ которыхъ командовалъ выѣзжіи англійскій князь Астонъ.

Полки иноземнаго строя.

Потомъ сообразили, что выгоднѣе перенять боевой строй у иноземцевъ, чѣмъ просто нанимать ихъ, и начали отдавать русскихъ ратныхъ людей на выучку иноземнымъ офицерамъ, образуя свои правильно устроенные и обученные полки. Этотъ трудный переходъ русской арміи къ регулярному строю предпринять былъ около 1630 г., передъ второй войной съ Польшей. Долго и хлопотливо съ осторожностью побитыхъ готовились къ этой войнѣ. Охотниковъ идти на московскую службу было на Западѣ вдоволь: въ странахъ, прямо или косвенно захваченныхъ Тридцатилѣтней войной, бродило много боевого люда, искавшаго работы для своей шпаги. Тамъ уже знали, что срокъ перемирія (Деулинскаго) у Москвы съ Польшей на исходѣ и — быть войнѣ. Въ 1631 г. наемный полковникъ Лесли подрядился набрать въ Швеціи пятитысячный отрядъ охочихъ пѣшихъ солдатъ, закупить для нихъ оружіе и подговорить нѣмецкихъ мастеровъ для новаго пушечнаго завода, устроеннаго въ Москвѣ голландцемъ Коэтомъ. Въ то же время другой подрядчикъ, полковникъ Фандамъ взялся нанять въ другихъ земляхъ *режиментъ* въ 1760 человекъ добрыхъ и ученыхъ солдатъ, также привести нѣмецкихъ пушкарей и опытныхъ инструкторовъ для обученія русскихъ служилыхъ людей ратному дѣлу. Иноземная воинская техника обходилась Москвѣ не дешево: на подъемъ, вооруженіе и годовое содержаніе Фандамова полка понадобилось до полутора милл. рублей на наши деньги; командиру пѣхотнаго полка, нанятаго Лесли, по контракту назначено было въ годъ жалованья не менѣе 22 тыс. руб. въ годъ на наши деньги. Наконецъ, въ 1632 г. двинули подъ Смоленскъ 32 тысячи войска съ 158 орудіями. Въ составъ этого корпуса входили 6 пѣхотныхъ полковъ иноземнаго строя подъ начальствомъ наемныхъ полковниковъ. Въ этихъ полкахъ

числилось болѣе 1½ тыс. наемныхъ нѣмцевъ и до 13 тыс. русскихъ солдатъ иноземнаго строя. Современный русскій хронографъ съ удивленіемъ замѣчаетъ, что никогда въ русской рати не бывало столько пѣхоты съ огнестрѣльнымъ вооруженіемъ, съ „огненнымъ боемъ“, и именно русской пѣхоты, обученной солдатскому строю и бою. Неудача всѣхъ этихъ приготовленій подъ Смоленскомъ не остановила реорганизаціи войска, дальнѣйшій ходъ которой намъ уже извѣстенъ. Для ея упроченія еще при царѣ Михаилѣ былъ составленъ уставъ для обученія ратныхъ людей иноземному строю, напечатанный при царѣ Алексѣѣ въ 1647 г. подъ заглавіемъ: *Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей.*

Заведеніе полурегулярнаго войска само собою возбуждало Заводы. вопросъ о средствахъ его вооруженія. Оружіе и артиллерійскіе снаряды выписывались изъ-за границы. Передъ войной 1632 г. велѣно было полковнику Лесли закупить въ Швеціи 10 тыс. мушкетовъ для арміи съ зарядами и 5 тыс. шпагъ, а во время войны выписывали изъ Голландіи десятки тысячъ пудовъ пороха и желѣзныхъ ядеръ, платя большую пошлину. Это было дорого и хлопотливо; стали думать о выдѣлкѣ собственнаго оружія. Нужда въ оружейныхъ заводахъ заставила обратить вниманіе на минеральныя богатства страны. У насъ вырабатывалось желѣзо въ окрестностяхъ Тулы и Устюжны изъ мѣстныхъ рудъ; это желѣзо передѣлывалось на домашнихъ горнахъ въ гвозди и другіе предметы домашняго обихода; въ Тулѣ выдѣлывали даже оружіе, самопалы, т.-е. ружья. Но все это не удовлетворяло нуждъ военнаго вѣдомства, и желѣзо тысячами пудовъ выписывалось изъ Швеціи. Чтобы повести металлургическое дѣло въ болѣе широкихъ размѣрахъ, нужно было призвать на помощь иноземныя знанія и капиталы. Тогда и начались

усиленные поиски всякой руды и принялись вызывать изъ-за границы „рудознатцев“, горных инженеров и мастеров. Уже въ 1626 г. разрѣшенъ былъ свободный прїѣздъ въ Россію англійскому инженеру Бульмерру, который „своимъ ремесломъ и разумомъ знаетъ и умѣетъ находить руду золотую и серебряную и мѣдную и дорогое каменье и мѣста такія знаетъ достаточно“. Съ помощью выписныхъ мастеровъ снаряжались развѣдочныя экспедиціи для разысканія и разработки серебряной и всякой иной руды въ Соликамскѣ, на Сѣверную Двину, Мезень, на Канинѣ Носѣ, на Югорскій Шаръ, за Печору, къ рѣкѣ Косвѣ, даже въ Енисейскѣ. Въ 1634 г. посылали въ Саксонію и Брауншвейгъ нанимать мѣдиплавильныхъ мастеровъ съ общаіемъ, что „имъ мѣди будетъ дѣлать въ Московскомъ государствѣ много“: значить, успѣли найти обильныя залежи мѣдной руды. Нашлись и заводчики, иноземные капиталисты. Въ 1632 г., передъ самой войной съ Польшей, голландскій купецъ Андрей Виніусъ съ товарищами получилъ концессію на устройство заводовъ близъ Тулы для выдѣлки чугуна и желѣза, обязавшись готовить для казны по удешевленнымъ цѣнамъ пушки, ядра, ружейные стволы и всякое желѣзо. Такъ возникли тульскіе оружейные заводы, послѣ взятые въ казну. Чтобы обезпечить ихъ рабочими, къ нимъ приписана была цѣлая дворцовая волость: такъ положено было начало классу заводскихъ крестьянъ. Въ 1644 г. другой компаніи иноземцевъ съ гамбургскимъ купцомъ Марселисомъ во главѣ дана была 20-лѣтняя концессія на устройство желѣзодѣлательныхъ заводовъ по рѣкамъ Вагѣ, Костромѣ, Шекснѣ и въ другихъ мѣстахъ на такихъ же условіяхъ. Въ самой Москвѣ еще при царѣ Михаилѣ былъ на Поганомъ прудѣ при рѣкѣ Неглинной заводъ, на которомъ иноземные мастера отливали большое

количество пушекъ и колоколовъ; здѣсь и русскіе довольно хорошо выучивались литейному дѣлу. Заводчикамъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность русскихъ людей, отданныхъ имъ на выучку, учить всякому заводскому дѣлу и никакого мастерства отъ нихъ не скрывать. Въ одно время съ желѣзными строились заводы поташные, стеклянные и другіе. Вслѣдъ зарудознатоками потянулись въ Москву изъ-за границы по зову правительства мастера пушечные, бархатнаго, канительнаго, часового дѣла и „водяного взвода“, каменщики, литейщики, живописцы: трудно сказать, какихъ только мастеровъ не выписывала тогда Москва и все съ условіемъ: „нашего бѣ государства люди то ремесло переняли“. Понадобился даже западно-европейскій ученый: магистръ лейпцигскаго университета Адамъ Олеарій, нѣсколько разъ бывавшій въ Москвѣ въ должности секретаря голштинскаго посольства и составившій замѣчательное описаніе Московскаго государства, въ 1639 г. получилъ приглашеніе на царскую службу въ такихъ выраженіяхъ: „вѣдомо намъ, великому государю, учинилось, что ты гораздо наученъ и навыченъ астрологіи и географусъ и небеснаго бѣгу и землемѣрью и инымъ многимъ надобнымъ мастерствамъ и мудростямъ, а намъ таковъ мастеръ годенъ“. По Москвѣ пошли враждебныя толки, что скоро пріѣдетъ волшебникъ, который по звѣздамъ узнаетъ будущее, и Олеарій отклонилъ предложеніе. На Западѣ люди и государства богатѣли широкой морскою торговлею, которая велась многочисленными торговыми флотами. Мысли о флотѣ, о гаваняхъ, о морской торговлѣ начали сильно занимать и московское правительство уже съ половины XVII в.: помышляли нанять въ Голландіи корабельныхъ плотниковъ и людей, которые могли бы управлять морскими кораблями; помянутый нами купецъ Виніусъ предлагалъ построить гребной флотъ для

Помысли о
флотѣ.

Каспійскаго моря. Въ 1669 г. на Окѣ, въ Коломенскомъ уѣздѣ, въ селѣ Дѣдиновѣ построили для Каспійскаго моря корабль *Орель*, вызвавъ для того корабельныхъ мастеровъ изъ Голландіи. Корабль съ нѣсколькими мелкими судами обошелся въ 9 тыс. рублей, около 125 тыс. руб. на наши деньги, и былъ спущенъ въ Астрахани; но тамъ этотъ первенецъ русскаго флота, какъ извѣстно, въ 1670 г. былъ сожженъ Разинымъ. Въ Московскомъ государствѣ были гавани на Бѣломъ морѣ у Архангельста, на Мурманѣ въ устьѣ Колы, но слишкомъ удаленныя отъ Москвы и отъ западно-европейскихъ рынковъ; отъ Балтійскаго моря мы были отрѣзаны шведами. Въ Москвѣ возникаетъ своеобразная мысль взять напрокатъ для будущаго московскаго флота чужія гавани. Въ 1662 г. московскій посолъ проѣздомъ въ Англію много говорилъ съ курляндскимъ канцлеромъ, нельзя ли какъ-нибудь завести московскіе корабли въ курляндскихъ гаваняхъ. Курляндскій канцлеръ отвѣтилъ, что великому государю пристойнѣе заводить корабли у своего города Архангельска.

Мысль о народномъ хозяйствѣ.

Среди всей этой заводской и рудокопной хлопотни въ московскомъ правительствѣ начинается какъ будто пробиваться мысль, особенно трудно ему дававшаяся. Оно строило свое финансовое хозяйство исключительно на узко-фискальномъ разсчетѣ, знало только казенную прибыль и не хотѣло имѣть никакого понятія о народномъ хозяйствѣ. При новомъ расходѣ, не покрываемомъ наличными поступлениями, оно обращалось къ своей привычной финансовой ариеметикѣ, пересчитывало списочныхъ плательщиковъ, по ихъ числу распредѣляло „всвалъ“ понадобившуюся сумму и предписывало собрать ее съ угрозами за недоборъ въ видѣ единовременнаго „запроса“ или постояннаго налога, предоставляя плательщикамъ верстаться между собою, какъ знаютъ,

и добывать деньги для платежа, какъ умѣютъ. Недоимки и докучливыя жалобы, что платить невмочь, служили единственными сдержками такой безпечальной финансовой политики. Увеличивая налоги, правительство не принимало никакихъ мѣръ къ усиленію налогоспособности народнаго труда. Однако наблюденія надъ торгово-промышленной оборотливостью и мастеровымъ умѣньемъ иноземцевъ и настоячивыя указанія своихъ торговыхъ людей, внушенныя такими же наблюденіями, постепенно вовлекали московскихъ финансистовъ въ кругъ незнакомыхъ имъ народно-хозяйственныхъ понятій и отношеній и противъ ихъ воли расширяли ихъ правительственный кругозоръ, навязывали имъ трудныя для ихъ умовъ мысли, что возвышенію налоговъ долженъ предшествовать подъемъ производительности народнаго труда, а для того онъ долженъ быть направленъ на новыя доходныя производства, на открытіе и разработку втунѣ лежащихъ богатствъ страны, для чего нужны мастера, знанія, навыки, организація дѣла. Такіе помыслы — первое впечатлѣніе, произведенное западнымъ вліаніемъ на московское правительство и нашедшее себѣ отзвукъ и въ обществѣ. Вызванныя имъ правительственныя хлопоты, поиски руды, корабельныхъ лѣсовъ, мѣсть для солончакъ, устройство лѣсопильныхъ заводовъ, опросы обывателей о вѣдомыхъ имъ прибыльныхъ угольяхъ, возбуждали населеніе видами на новый заработокъ и государево жалованье за указанія. Людямъ, указывавшимъ выгодное рудное мѣсторожденіе, обѣщали награду рублей въ 500, 1000 и больше на наши деньги. Донесуть въ Москву о большой алебастровой горѣ на С. Двинѣ — изъ Москвы шлютъ экспедицію съ нѣмцемъ во главѣ осмотрѣть и описать гору, договориться съ торговыми людьми, почему можно продать за море пудъ алебастру, нанять рабочихъ для ломки камня. Пошли слухи и толки,

что наверху жалуютъ за всякую полезную новость, какую кто найдетъ или придумаетъ. Когда въ обществѣ возникаетъ стремленіе, отвѣчающее насущной потребности, оно овладѣваетъ людьми, какъ мода или эпидемія, волнуетъ наиболѣе воспримчивыя воображенія и вызываетъ болѣзненные увлеченія или рискованныя предпріятія. Устройство вѣшной обороны страны, открытія и изобрѣтенія для ея усиленія стали животрепещущими вопросами со времени народныхъ потерь и униженій, причиненныхъ иноземцами въ Смуту. Въ 1629 г. тверской попъ Несторъ подалъ царю челобитную съ извѣщеніемъ „о великомъ дѣлѣ, какого Богъ не открывалъ еще никому изъ прежде жившихъ людей ни у насъ, ни въ другихъ государствахъ, но которое Огъ открылъ ему, попу Нестору, на славу государю и на избавленіе нашей огорченной землѣ, на страхъ и удивленіе ея супостатамъ“. Обѣщавъ попъ Несторъ соорудить государю дешево походный городокъ, въ которомъ ратные люди могутъ защищаться, какъ въ настоящей неподвижной крѣпости. Напрасно бояре упрашивали изобрѣтателя сдѣлать модель или чертежъ придуманнаго имъ подвижнаго редута, чтобы показать его государю. Попъ объявилъ, что не выдастъ государевыхъ очей, ничего не скажетъ, потому что не вѣритъ боярамъ. Его сослали въ Казань и три года продержали тамъ въ монастырѣ въ цѣпяхъ за то, что сказываетъ за собою великое дѣло, а дѣла не объявляетъ и дѣлаетъ это какъ будто для смуты, не въ своемъ разумѣ.

Такъ московское правительство и общество почувствовали настоятельную нужду въ военной и промышленной техникѣ западной Европы, даже рѣшимость поучиться той и другой. Можетъ-быть, въ первое время ничего кромѣ этой техники и не требовалось насущными потребностями государства; но общественное движеніе, разъ возбужденное извѣстнымъ

толчкомъ, обыкновенно на самомъ ходу осложняется новыми мотивами, влекущими его дальше намѣченного предѣла.

Усиленный спросъ привлечь въ Москву множество иноземныхъ техниковъ, офицеровъ и солдатъ, врачей, мастеровъ, купцовъ, заводчиковъ. Еще въ XVI в. при Грозномъ изъ западно-европейскихъ пришельцевъ образовалась подь Москвой по р. Яузѣ Нѣмецкая слобода. Бури Смутнаго времени разметали это иноземное гнѣздо. Съ воцаренія Михаила, когда усилился приливъ иноземцевъ въ столицу, они селились здѣсь гдѣ ни попало, покупая дворы у туземцевъ, заводили пивныя, построили кирпичи внутри города. Тѣсное соприкосновеніе пришельцевъ съ туземцами, соблазны и столкновенія, отсюда возникавшія, жалобы московскаго духовенства на сосѣдство кирокъ съ русскими церквами смущали московскія власти, и при царѣ Михаилѣ былъ изданъ указъ, воспрещавшій нѣмцамъ покупать дворы у москвичей и строить кирпичи внутри Москвы. Олеарій рассказываетъ объ одномъ изъ случаевъ, вынуждавшихъ у правительства мѣры къ разобращенію москвичей и иноземцевъ. Жены нѣмецкихъ офицеровъ, взятыя изъ иноземныхъ купеческихъ семействъ въ Москвѣ, глядя свысока на простыхъ купчихъ, хотѣли и въ киркѣ садиться впереди ихъ; но тѣ не уступали, и разъ у нихъ завязался въ церкви съ офицершами споръ, перешедшій въ драку. Поднявшійся шумъ вышелъ на улицу и привлекъ къ себѣ вниманіе патріарха, на бѣду проѣзжавшаго въ это время мимо кирки. Узнавъ, въ чемъ дѣло, владыка, какъ блюститель церковнаго порядка и среди иновѣрцевъ, приказалъ сломать кирку, и она была въ тотъ же день срыта до основанія. Этотъ случай надобно отнести къ 1643 г., когда старыя кирпичи внутри Москвы указано было сломать и отведено было мѣсто для новой кирки за Землянымъ валомъ, а въ 1652 г. и всѣ нѣмцы, разсѣянные по Москвѣ, высе-

Новая Нѣмецкая слобода.

лены были изъ столицы за Покровку на р. Яузу и тамъ на мѣстѣ бывшихъ нѣкогда нѣмецкихъ дворовъ отведены были имъ участки по чину и званію каждаго. Такъ возникла новая Нѣмецкая или Иноземская слобода, скоро разросшаяся въ значительный и благоустроенный городокъ съ прямыми широкими улицами и переулками, съ красивыми деревянными домиками. По свѣдѣніямъ Олеарія, въ слободѣ уже въ первые годы ея существованія было до тысячи человѣкъ, а другой иноземецъ Мейербергъ, бывшій въ Москвѣ въ 1660 г., неопредѣленно говорить о множествѣ иностранцевъ въ слободѣ. Тамъ были три лютеранскія церкви, одна реформатская и нѣмецкая школа. Разноплеменное, разноязычное и разнозванное населеніе пользовалось достаткомъ и жило весело, не стѣсняемое въ своихъ обычаяхъ и нравахъ. Это былъ уголокъ западной Европы, пріютившійся на восточной окраинѣ Москвы.

Европейскій
консортъ.

Это нѣмецкое поселеніе и стало проводникомъ западно-европейской культуры въ такихъ сферахъ московской жизни, гдѣ она еще не требовалась насущными матеріальными нуждами государства. Мастера, капиталисты и офицеры, которыхъ правительство выписывало для внѣшней обороны и для внутреннихъ хозяйственныхъ надобностей, вмѣстѣ со своей военной и промышленной техникой приносили въ Москву и западно-европейскій комфортъ, житейскія удобства и увеселенія, и любопытно слѣдить за московскими верхами, какъ они падко бросаются на иноземную роскошь, на привозныя приманки, ломая свои старые предубѣжденія, вкусы и привычки. Внѣшнія политическія отношенія, несомнѣнно, поддерживали эту склонность къ иноземнымъ удобствамъ и развлеченіямъ. Частыя посольства, пріѣзжавшія въ Москву изъ-за границы, возбуждали здѣсь желаніе показаться иноземнымъ наблюдателямъ въ лучшемъ видѣ,

показать, что и здѣсь умѣютъ жить, какъ живутъ хорошіе люди. Притомъ, какъ извѣстно, царь Алексѣй считался нѣкоторое время кандидатомъ на польскій престолъ и старался устроить придворную жизнь у себя наподобіе польскаго-королевскаго двора. Русскимъ посламъ, отправлявшимся за границу, правительство наказывало внимательно присматриваться къ обстановкѣ и увеселеніямъ заграничныхъ дворовъ, и можно замѣтить, какое важное значеніе придавали эти послы въ своихъ дипломатическихъ донесеніяхъ придворнымъ баламъ и особенно спектаклямъ. Дворянинъ Лихачевъ, отправленный въ 1659 г. къ тосканскому герцогу съ дипломатическимъ порученіемъ, былъ приглашенъ во Флоренцію на придворный балъ со спектаклемъ. Въ посольскомъ донесеніи эта „игра“ или „комедія“ описана съ мелочными подробностями — знакъ, что такимъ дѣломъ интересовались въ Москвѣ. Москвичи старались не пропустить ни одной сцены, ни одной декорации. „Объявились палаты, и бывъ палата и внизъ уйдетъ, и того было шесть перемѣнъ; да въ тѣхъ же палатахъ объявилось море, колеблемо волнами, а въ морѣ рыбы, а на рыбахъ люди ѣздятъ, а вверху палаты небо, а на облакахъ сидятъ люди... Да спускался съ неба на облакъ сѣдъ человекъ въ коретѣ, да противъ его въ другой коретѣ прекрасная дѣвица, а аргамачки (рысаки) подъ коретами какъ есть живы, ногами подрягиваютъ. А князь сказалъ, что одно — солнце, а другое — мѣсяцъ... А въ иной перемѣнѣ объявилось человекъ съ 50 въ латахъ и почали саблями и шпагами рубиться и изъ пицалей стрѣляти и человекъ съ три какъ будто и убили. И многіе предивные молодцы и дѣвицы выходятъ изъ занавѣса въ золотѣ и танцуютъ; и многія диковинки дѣлали“. Котошихинъ, описывая бытъ высшихъ московскихъ классовъ, говоритъ, что Московскаго государства люди „домами своими живутъ не-

гораздо устроенными“, а въ домахъ своихъ живутъ „безъ великаго жъ устроенія“, безъ особеннаго удобства и благолѣпія. На рисункахъ упомянутаго Мейерберга видимъ митропалита крутицкаго, ѣдущаго въ неуклюжихъ саняхъ, и наглухо закрытую кибитку, въ какой выѣзжала царица. Теперь, подражая иноземнымъ образцамъ, царь и бояре въ Москвѣ начинаютъ выѣзжать въ нарядныхъ нѣмецкихъ каретахъ, обитыхъ бархатомъ, съ хрустальными стеклами, украшенныхъ живописью; бояре и богатые купцы начинаютъ строить каменные палаты на мѣсто плохихъ деревянныхъ хоромъ, заводятъ домашнюю обстановку на иноземный ладъ, обиваютъ стѣны „золотыми кожами“ бельгійской работы, украшаютъ комнаты картинами, часами, которые царь Михайль, невольный домосѣдъ съ больными ногами, рѣшительно не знавшій, куда дѣвать свое время, такъ любилъ, что загромоздилъ ими свою комнату, заводятъ музыку на пирахъ: у царя Алексѣя во дворцѣ во время вечерняго стола „въ органы игралъ нѣмчинъ, въ трубы трубили и по литаврамъ били“. Иноземное искусство призывалось украшать туземную грубость. Царь Алексѣй своему любимцу, воспитателю и потомъ свояку, боярину Б. И. Морозову подарилъ свадебную карету, обтянутую золотой парчою, подбитую дорогимъ соболемъ и окованную вездѣ вмѣсто желѣза чистымъ серебромъ; даже толстыя шины на колесахъ были серебряныя. Въ 1648 г., грабя домъ Морозова, мятежники ободрали и исковеркали эту драгоценность. Тотъ же царь на помянутомъ вечернемъ пиру съ нѣмецкой музыкой жаловалъ своихъ гостей съ духовникомъ своимъ включительно, напоилъ всѣхъ допьяна; разѣхались далеко за полночь. Московскимъ посламъ предписывалось подговаривать за границей на государеву службу трубачей самыхъ добрыхъ и ученыхъ, которые умѣли бы

со всякимъ свидѣтельствомъ на высокої трубѣ танцы трубить. При дворѣ и въ высшемъ кругу развивается страсть къ „комедійнымъ дѣйствамъ“, театральнымъ зрѣлищамъ. Не безъ религіозной робости отважились въ Москвѣ на это увеселеніе, „бѣсовскую игру, пакость душевную“, по воззрѣніямъ строгихъ блюстителей истаго благочестія. Царь Алексѣй совѣтовался объ этомъ съ духовникомъ, который разрѣшилъ ему театральныя зрѣлища, приводя въ оправданіе примѣры византійскихъ императоровъ. „Комедіи“ играла на придворной сценѣ драматическая труппа, слѣшно набранная изъ дѣтей служилыхъ и торговыхъ иноземцевъ и кое-какъ обученная пасторомъ лютеранской церкви въ Нѣмецкой слободѣ магистромъ Іоганномъ Готфридомъ Грегори, которому царь въ 1672 г. на радости о рожденіи царевича Петра указалъ „учинить комедію“. Для этого въ подмосковномъ селѣ Преображенскомъ, впослѣдствіи любимомъ мѣстѣ игръ Петра, построены были театр, „комедійная хоромина“. Здѣсь въ концѣ того года царь и смотрѣлъ поставленную пасторомъ комедію объ Эсеири, такъ ему понравившуюся, что онъ пожаловалъ режиссера „за комедійное строеніе“ соболями цѣной до 1500 руб. на наши деньги. Кромѣ Эсеири Грегори ставилъ на царскомъ театрѣ еще Юдию, „прохладную“, т.-е. веселую комедію объ Іосифѣ, „жалостную“ комедію объ Адамѣ и Евѣ, т.-е. о паденіи и искупленіи человѣка и др. Несмотря на библейскіе сюжеты, это были не средневѣковыя правоучительныя мистеріи, а переводныя съ нѣмецкаго пьесы новаго пошиба, поражавшія зрителя страшными сценами казней, сраженій, пушечной пальбой, и вмѣстѣ съ тѣмъ (за исключеніемъ трагедіи объ Адамѣ и Евѣ) смѣшившія примѣсью комическаго, точнѣе, балаганнаго элемента въ лицѣ шута, необходимаго персонажа такой пьесы, съ грубыми, часто непристойными выход-

ками. Спѣшили заготовить и своихъ природныхъ актеровъ. Въ 1673 г. у Грегори уже училось комедійному дѣлу 26 молодыхъ людей, набранныхъ въ комедіанты изъ московской Новомѣщанской слободы. Не успѣли еще завести элементарной школы грамотности, а уже успѣшили устроить театральное училище. Отъ комедій съ библейскимъ содержаніемъ скоро перешли и къ балету: въ 1674 г. на заговѣннѣ царь съ царицей, дѣтьми и боярами смотрѣли въ Преображенскомъ комедію, какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана, послѣ чего нѣмцы и дворовые люди министра иностранныхъ дѣлъ Матвѣева, также обучавшіеся у Грегори театральному искусству, играли на „фіоляхъ, органахъ и на страментахъ и танцовали“. Всѣ эти новости и увеселенія, повторю, были роскошью для высшаго московскаго общества; зато они воспитывали въ немъ новые болѣе утонченныя вкусы и потребности, незнакомые русскимъ людямъ прежнихъ поколѣній. Остановится ли московское общество на этихъ удобствахъ и увеселеніяхъ, которыя оно столь нетѣрпиво заимствовало?

Мысль о
научномъ
знаніи.

На Западѣ житейскія удобства и изящныя развлеченія имѣли источникомъ не одно счастливое экономическое положеніе зажиточныхъ и досужихъ классовъ общества, не однѣ прихоти ихъ избалованнаго вкуса: въ созданіи этого комфорта участвовали продолжительныя духовныя усилія отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ; внѣшнія украшенія жизни развивались тамъ объ руку съ успѣхами мысли и чувства. Человѣкъ стремится создать себѣ житейскую обстановку, соотвѣтствующую его вкусамъ и взгляду на жизнь; но нужно много подумать и о своихъ вкусахъ, и о самой жизни, чтобы правильно установить это соотвѣтствіе. Заимствуя чужую обстановку, невольно и нечувствительно усвоаемъ вкусы и понятія, ее

создавшіе; безъ того самая обстановка покажется безвкусной и непонятной. Наши предки XVII в. думали иначе: первоначально, заимствуя западно-европейскій комфортъ, они думали, что имъ не понадобится усвоить чужія знанія и понятія, не придется отказываться отъ своихъ. Въ этомъ состояла ихъ простодушная ошибка, въ которую впадаютъ всѣ мнительные и запоздалые подражатели. Въ Москвѣ XVII в., бросаясь на заморскія приманки, такъ же стали понемногу и смутно чувствовать тѣ духовныя интересы и усилія, которыми онѣ были созданы, и полюбили эти интересы и усилія, прежде чѣмъ уяснили себѣ ихъ отношеніе къ доморощеннымъ понятіямъ и вкусамъ, полюбили ихъ сперва тоже какъ житейское развлеченіе, какъ пріятный и еще неиспытанный моціонъ засидѣвшейся на Требникѣ мысли. Въ одно время съ заимствованіемъ иноземныхъ потѣшныхъ „хитростей“ и увеселительныхъ „вымысловъ“ въ высшихъ московскихъ кругахъ какъ будто пробуждается умственная любознательность, интересъ къ научному образованію, охота къ размышленію о такихъ предметахъ, которые не входили въ обычный кругозоръ древнерусскаго человѣка, въ кругъ его ежедневныхъ насущныхъ потребностей. При дворѣ составляется кружокъ вліятельныхъ любителей западно-европейскаго комфорта и даже образованія: дядя царя Алексѣя, ласковый и веселый Никита Ив. Романовъ, первый богачъ послѣ царя и самый популярный изъ бояръ, покровитель и любитель нѣмцевъ, большой охотникъ до ихъ музыки и костюма и немножко вольнодумецъ; потомъ воспитатель и своякъ царя Бор. Ив. Морозовъ, въ преклонныхъ лѣтахъ горько жаловавшійся на то, что въ молодости не получилъ надлежащаго образованія, одѣвшій своего питомца съ состоявшими при немъ сверстниками въ нѣмецкое платье; околь-

ничій Оед. Мих. Ртищевъ, ревнитель наукъ и школьнаго образованія; начальникъ Посольскаго приказа, образованный дипломатъ Ав. Лавр. Ординъ-Нащокинъ; его преемникъ, бояринъ Артам. Серг. Матвѣевъ, дьячій сынъ, другой любимецъ царя, первый москвичъ, открывшій въ своемъ по-европейски убранномъ домѣ нѣчто въ родѣ журфичесовъ, собранія съ цѣлью поговорить, обмѣняться мыслями и новостями, съ участіемъ хозяйки и безъ покоевъ, устроитель придворнаго театра. Такъ нечувствительно измѣнялось отношеніе русскаго общества къ западной Европѣ: прежде на нее смотрѣли только какъ на мастерскую военныхъ и другихъ издѣлій, которыя можно купить, не спрашивая, какъ они дѣлаются; теперь сталъ устанавливаться взглядъ на нее, какъ на школу, въ которой можно научиться не только мастерствамъ, но и умѣнью жить и мыслить.

Первые
проводники
зап. вліанія.

Но древняя Русь и здѣсь не измѣнила своей обычной осторожности: она не рѣшалась заимствовать западное образованіе прямо изъ его мѣсторожденій, отъ его мастеровъ и работниковъ, а искала посредниковъ, которые могли бы передать ей это образованіе въ обезвреженной переработкѣ. Кто же могъ стать такимъ посредникомъ? Между старой Московскою Русью и западною Европою лежала страна славянская, но католическая — Польша. Церковное родство и географическое сосѣдство связали ее съ романо-германскою Европою, а раннее и несдержанное развитіе крѣпостнаго права въ связи съ политической свободой высшихъ классовъ сдѣлало польское дворянство праздною и воспримчивою почвою для западнаго образованія; но особенности страны и національнаго характера сообщили своеобразный мѣстный пошибъ заимствованной культурѣ. Замкнутая въ кругу одного сословія, пользовавшаяся исключительнымъ господствомъ въ государствѣ,

она воспитывала живое и веселое, но узкое и распущенное міросозерцаніе. Эта Польша и была первой передатчицей духовнаго вліянія западной Европы на Русь: западно-европейская цивилизація въ XVII в. приходила въ Москву прежде всего въ польской обработкѣ, въ шляхетской одеждѣ. Впрочемъ сначала даже не чистый полякъ приносилъ ее къ намъ. Значительная часть православной Руси была связана съ польской Рѣчью Посполитою насильственными политическими узамъ. Національная и религіозная борьба западно-русскаго православнаго общества съ польскимъ государствомъ и римскимъ католицизмомъ заставляла русскихъ борцовъ обращаться къ оружію, которымъ была сильна противная сторона, къ школѣ, къ литературѣ, къ латинскому языку; во всемъ этомъ западная Русь къ половинѣ XVII в. далеко опережала восточную. Западно-русскій православный монахъ, выученный въ школѣ латинской или въ русской, устроенной по ея образцу, и былъ первымъ проводникомъ западной науки, призваннымъ въ Москву.

Этотъ призывъ начать былъ самимъ московскимъ правительствомъ. Здѣсь западное вліяніе встрѣтилось съ движеніемъ, шедшимъ съ другой стороны. Изучая происхожденіе русскаго церковнаго раскола, мы увидимъ, что это движеніе было вызвано нуждами русской Церкви и частію направлялось даже противъ западнаго вліянія; но противныя стороны сошлись на одномъ общемъ интересѣ, на просвѣщеніи, и временно подали другъ другу руки для совмѣстной дѣятельности. Въ древнерусской письменности не было полнаго и исправнаго кодекса библіи. Русская церковная іерархія, поднимавшая такой чуть не вселенскій догматическій шумъ изъ-за вопросовъ объ аллилуйи и о секуляризаціи монастырскихъ земель, на протяженіи вѣковъ

В. Славинский и
А. Сатаковскій.

довольно спокойно обходилась безъ полного и исправнаго текста слова Божія. Въ половинѣ XVII в. (1649—1650 гг.) въ Москву выписали изъ Кіева изъ тамошней академіи при Братскомъ монастырѣ и изъ Печерской лавры ученыхъ монаховъ Епифанія Славинецкаго, Арсенія Сатановскаго и Дамаскина Птицкаго, поручивъ имъ перевести біблію съ греческаго языка на славянскій. Кіевскіе ученые вознаграждались умѣреннѣе нѣмецкихъ наемныхъ офицеровъ: Епифанію съ Арсеніемъ положено было поденнаго корму по 4 алтына, около 600 руб. въ годъ на наши деньги, не считая дароваго помѣщенія въ Чудовомъ монастырѣ со столомъ и добавочнымъ питьемъ изъ дворца по 2 чарки вина да по 4 кружки меду и пива на день; впрочемъ потомъ денежный окладъ былъ удвоенъ. Выписанные ученые кромѣ исполненія главнаго заказаннаго имъ дѣла должны были удовлетворять и другимъ потребностямъ московскаго правительства и общества. По приказамъ царя или патріарха они составляли и переводили разныя образовательныя пособія и энциклопедическіе сборники, географіи, космографіи, лексиконы; всѣ такія книги стали бойко спрашиваться московскимъ читающимъ обществомъ, особенно при дворѣ и въ Посольскомъ приказѣ; такія же книги выписывали черезъ русскихъ пословъ и изъ-за границы, изъ Польши. Епифаній перевелъ географію, *Книгу врачевскую анатомію*, *Гражданство и обученіе нравовъ дѣтскихъ*, т.-е. сочиненіе о политикѣ и педагогіи. Сатановскій перевелъ книгу *О градѣ царскомъ*, сборникъ всякой всячины, составленный изъ греческихъ и латинскихъ писателей, языческихъ и христіанскихъ, и обнимавшій весь кругъ тогдашнихъ ходячихъ познаній по всевозможнымъ наукамъ, начиная богословіемъ и философіей и кончая зоологіей, минералогіей и медициной. Пользовались всякими литера-

турными силами, попадавшимися под руку, привлекая къ дѣлу вмѣстѣ съ кievлянами и нѣмцевъ. Нѣкто фонъ-Дельденъ, служившій въ Москвѣ переводчикомъ, перевелъ на русскій нѣсколько книгъ съ латинскаго и французскаго, а Дорнъ, бывшій австрійскимъ посломъ въ Москвѣ, перевелъ краткую космографію. Сообщая объ этомъ, Олеарій прибавляетъ, что такія книги читаются многими изъ любознательной московской знати. Новую письменность этого рода поощряли не одни чисто научные, но и практическіе запросы. Около этого времени въ ней распространяются переводные лѣчебники. Въ старой описи дѣлъ Посольскаго приказа находимъ такое любопытное указаніе: въ 1623 г. состоявшій на московской службѣ голландецъ Фандергинъ представилъ въ приказъ какую-то статью объ „архимисской мудрости и объ иныхъ дѣлѣхъ“; послѣ того въ 1626 г. онъ подалъ въ тотъ же приказъ записку „о высшей философской алхиміи“. Очевидно, въ Москвѣ съ большимъ любопытствомъ собирали свѣдѣнія о той таинственной и соблазнительной наукѣ, помощью которой надѣялись узнать искусство дѣлать золото. Но самое содержаніе переводныхъ и компилятивныхъ сборниковъ Славинецкаго и Сатановскаго указываетъ на пробужденіе научнаго интереса, насколько онъ былъ тогдашнимъ московскимъ умамъ доступенъ.

Такъ почувствовалась московскимъ обществомъ потребность въ книжномъ знаніи, въ научномъ образованіи, и посѣяны были зачатки школьнаго обученія, какъ необходимаго средства для пріобрѣтенія такого образованія. Эта потребность поддерживалась все учащавшимися сношеніями съ западными государствами, заставлявшими московскую дипломатію изучать ихъ положеніе и взаимныя отношенія. Въ Москвѣ пытаются завести школы и правительство, и

Начатки
школьнаго
образова-
нія.

частныя лица. Восточные греческіе іерархи давно не раз указывали московскимъ царямъ на необходимость завести въ Москвѣ греческую школу и типографію. Изъ Москвы искали и просили, съ Востока предлагали и присылали учителей для этой школы; но дѣло все какъ-то не удавалось. При царѣ Михаилѣ едва было и не устроилась желанная школа. Въ 1632 г. пріѣхалъ отъ александрійскаго патріарха монахъ Іосифъ. Его убѣдили остаться въ Москвѣ и поручили ему переводить на славянскій языкъ греческія полемическія книги противъ латинскихъ ересей, а также на „учительномъ дворѣ учить малыхъ робятъ греческому языку и грамотѣ“. Дѣло не пошло за скорой смертью Іосифа; однако мысль основать въ Москвѣ учебное заведеніе, которое служило бы разсадникомъ просвѣщенія для всего православнаго Востока, не была покинута ни въ Москвѣ, ни на Востокѣ. Близъ патріаршаго двора (въ Чудовомъ монастырѣ) учредили греко-латинскую школу, которой управлялъ грекъ Арсеній, а этотъ грекъ пріѣхалъ въ Москву въ 1649 г., но скоро былъ сосланъ по подозрѣнію въ неправовѣрїи на Соловки. И Епифаній Славинецкій съ Арсеніемъ Сатовскимъ вызывались въ Москву между прочимъ „для риторскаго ученія“; но неизвѣстно, нашлись ли у нихъ ученики въ Москвѣ. Въ 1665 г. тремъ подьячимъ изъ приказовъ Тайнаго и Дворцоваго велѣно было учиться „по-латынямъ“ у западно-русскаго ученаго Симеона Полоцкаго, для чего въ Спасскомъ монастырѣ въ Москвѣ построено было особое зданіе, которое въ документахъ такъ и зовется „школой для грамматичнаго ученія“. Не думайте, что это были настоящія, правильно устроенныя на нашъ взглядъ школы съ выработаннымъ уставомъ, учебными планами и программами, постояннымъ преподавательскимъ штатомъ и т. п. Это были случайныя и временныя порученія тому или дру-

тому приважному ученому обучать греческому или латинскому языку молодыхъ людей, которыхъ посылало къ нему правительство или которые сами хотѣли у нихъ учиться. Таковъ былъ первоначальный видъ русской казенной школы въ XVII в., бывшій прямымъ продолженіемъ древне-русскаго способа обученія грамотѣ: духовныя лица или особые мастера брали дѣтей на выучку за условленную плату. По мѣстамъ частныя лица, а можетъ-быть и общества, строили для этого особыя зданія: являлась какъ бы постоянная публичная школа. Въ 1685 г. въ гор. Боровскѣ близъ торговой площади стояла подлѣ городской богадѣльни „школа для ученія дѣтямъ“, построенная мѣстнымъ священникомъ. Можно думать, что на нужды домашняго или школьнаго обученія разсчитаны были и появляющіяся около половины XVII в. учебныя изданія: такъ въ 1648 г. была издана въ Москвѣ славянская грамматика западно-русскаго ученаго Мелетія Смотрицкаго, а въ 1649 г. перепечатали изданный въ Кіевѣ краткій катихизисъ Петра Могилы, ректора кіевской академіи и потомъ кіевскаго митрополита. Частныя лица соперничали съ правительствомъ въ содѣйствіи просвѣщенію. Впрочемъ и эти ревнители просвѣщенія принадлежали обыкновенно къ правительственному классу. Самымъ горячимъ изъ такихъ ревнителей былъ довѣренный совѣтникъ царя Алексеѣя, окольникій Ѡ. М. Ртищевъ. Онъ устроилъ подъ Москвой Андреевскій монастырь, куда въ 1649 г. на свой счетъ вызвалъ изъ Кіево-Печерскаго и другихъ малороссійскихъ монастырей до 30 ученыхъ монаховъ, которые должны были переводить иностранныя книги на русскій языкъ и обучать желающихъ грамматикѣ греческой, латинской и славянской, риторикѣ, философіи и другимъ словеснымъ наукамъ. Самъ Ртищевъ сталъ студентомъ этой вольной школы, ночи просиживалъ въ монастырѣ, бесѣдуя

съ учеными, учился у нихъ греческому языку и упрости Епифанія Славинецкаго составить греко-славянскій лексиконъ для нуждъ этой школы. Къ прїѣзжимъ южно-рускимъ старцамъ применили и нѣкоторые изъ московскихъ ученыхъ монаховъ и священниковъ. Такъ возникло въ Москвѣ ученое братство, своего рода вольная академія наукъ. Пользуясь своимъ значеніемъ при дворѣ, Ртищевъ заставлялъ нѣкоторыхъ изъ служащей московской молодежи ходить къ кievскимъ старцамъ въ Андреевскій монастырь учиться по-латыни и по-гречески. Въ 1667 г. прихожане московской церкви Іоанна Богослова (въ Китаѣ-городѣ) задумали устроить при своемъ храмѣ училище, не простую приходскую школу грамоты, а общеобразовательное учебное заведеніе съ преподаваніемъ „грамматической хитрости, языковъ славенскаго, греческаго и латинскаго и прочихъ свободныхъ ученій“. Они подали о томъ челобитную царю и при этомъ били еще нѣкоему „честному и благоговѣйному мужу“ быть ходатаемъ предъ царемъ объ ихъ дѣлѣ, просили благословенія у патріарховъ московскаго и восточныхъ, бывшихъ тогда въ Москвѣ по дѣлу Никона, и наконецъ московскій патріархъ, преимущественно во уваженіе къ неотступнымъ моленіямъ того благоговѣйнаго мужа, едва ли не того же Ртищева, который и внушилъ мысль объ училищѣ, соизволилъ и благословеніе дать, „да трудолюбивы спудей (студенты) радуются о свободѣ взысканія и свободныхъ ученій мудрости и собираются во общее гимнасіонъ ради изощренія разумовъ отъ благонкусныхъ дидаскаловъ“. Неизвѣстно, была ли открыта эта школа.

С. Полоцкій. Люди высшаго московскаго класса старались запастись средствами для домашняго образованія своихъ дѣтей, принимая къ себѣ въ дома прїѣзжихъ учителей, западно-русскихъ монаховъ и даже поляковъ. Самъ царь Алексѣй

подавалъ примѣръ въ этомъ. Онъ не удовлетворился элементарнымъ обученіемъ, какое получили его старшіе сыновья Алексѣй и Ѳеодоръ отъ московскаго приказнаго учителя, велѣлъ обучать ихъ иноземнымъ языкамъ латинскому и польскому и для довершенія ихъ образованія призвалъ западно-русскаго ученаго монаха Симеона Ситіановича Полоцкаго, воспитанника кіевской академіи, знакомаго и съ польскими школами. Симеонъ — пріятный учитель, облакавшій науку въ привлекательныя формы. Въ его виршахъ можно видѣть стихотворный конспектъ его уроковъ. Здѣсь онъ касается и политическихъ предметовъ, стараясь развить въ своихъ царственныхъ питомцахъ политическое сознаніе.

Како гражданство прѣблагое бываетъ,
Гражданствующимъ (правителямъ) знати подобаесть.

Онъ рисуетъ своимъ ученикамъ политическій идеалъ отношеній царя къ подданнымъ въ образѣ добраго пастыря и овецъ.

Тако начальникъ долженъ есть творити —
Бремя подданныхъ крѣпостно носить,
Не презирати, не за псы имѣти,
Паче любить, яко своя дѣти.

Интересъ къ переводнымъ и даже подлиннымъ польскимъ книгамъ вмѣстѣ съ польскимъ языкомъ при помощи домашнихъ учителей проникаетъ во дворецъ московскаго царя и въ дома московскаго боярства. Старшіе сыновья царя Алексѣя, какъ я сказалъ, обучены были языкамъ польскому и латинскому; царевичъ Ѳеодоръ выучился даже искусству слагать вирши и былъ сотрудникомъ С. Полоцкаго въ стихотворномъ переложеніи Псалтыря, переложилъ два псалма. Объ немъ говорили, что онъ былъ любитель наукъ, особенно математическихъ. Одна изъ царевенъ, Софья,

также обучалась польскому языку и читала польскія книги, даже букву *y* писала по-латыни. По свидѣтельству Лазаря Барановича, архіепископа черниговскаго, въ его время „царскій синклитъ польскаго языка не гнушался, но читалъ книги и исторіи лянскія въ сладость“. Иные изъ московскаго общества старались черпать западную науку изъ первыхъ источниковъ и тѣмъ усерднѣе, что она стала считаться необходимою для успѣховъ на службѣ. Бояринъ Матвѣевъ училъ своего сына латинскому и греческому языку. Предшественникъ его по управленію Посольскимъ приказомъ Ординъ-Нащокинъ окружилъ своего сына плѣнными поляками, которые внушили ему такую любовь къ Западу, что соблазнили молодого человѣка бѣжать за границу. Первый русскій резидентъ въ Польшѣ Тяпкинъ отдалъ своего сына въ польскую школу. Въ 1675 г., посылая его въ Москву съ дипломатическимъ порученіемъ, отецъ представилъ его во Львовѣ королю Яну Собѣскому. Молодой человѣкъ произнесъ передъ королемъ рѣчь, въ которой благодарилъ его „за хлѣбъ, за соль и за науку школьную“. Рѣчь была сказана на тогдашнемъ школьномъ полупольскомъ и полулатинскомъ жаргонѣ, при чемъ, по донесенію отца, „сыночекъ такъ явственно и изобразительно свою орацію предложилъ, что ни въ одномъ словѣ не запнулся“. Король пожаловалъ оратору сотню золотыхъ и 15 аршинъ краснаго бархата.

Такъ почувствовали въ Москвѣ потребность въ европейскомъ искусствѣ и комфортѣ, а потомъ и въ научномъ образованіи. Начали иноземнымъ офицеромъ и нѣмецкой пушкой, а кончили нѣмецкимъ балетомъ и латинской грамматикой. Вызванное насущными матеріальными нуждами государства, западное вліяніе вмѣстѣ съ необходимымъ приносило и то, чего не требовали эти нужды, безъ чего можно было пока обойтись, съ чѣмъ можно было еще поременить.

Лекція LIV.

Начало реакціи западному вліянію. — Протестъ противъ новой науки. — Церковный расколъ. — Повѣсть о его началѣ. — Какъ обѣ стороны объясняютъ его происхожденіе. — Сила религиозныхъ обрядовъ и текстовъ. — Психологическая его основа. — Русь и Византія. — Затмѣніе идеи вселенской Церкви. — Преданіе и наука. — Національно-церковное самомиѣніе. — Государственныя нововведенія. — Патріархъ Никонъ.

Потребность въ новой наукѣ, шедшей съ Запада, встрѣтилась въ московскомъ обществѣ съ укоренившейся здѣсь въѣзjami неодолимой антипатіей и подозрительностью ко всему, что шло съ католическаго и протестантскаго Запада. Едва московское общество отвѣдало плодовъ этой науки, какъ имъ ужъ начинается овладѣвать тяжелое раздумье, безопасна ли она, не повредитъ ли чистотѣ вѣры и нравовъ. Это раздумье — второй моментъ въ настроеніи русскихъ умовъ XVII в., наступившій вслѣдъ за недовольствомъ своимъ положеніемъ. Онъ также сопровождался чрезвычайно важными послѣдствіями. До насъ дошелъ отрывокъ одного слѣдственнаго дѣла, производившагося въ 1650 г.; въ немъ наглядно изображается, съ чего началось, чѣмъ прежде всего навѣвалось это раздумье. Въ дѣлѣ выступаетъ все учащаяся московская молодежь. То были Лучка Голосовъ (впослѣдствіи думный дворянинъ, членъ государственнаго совѣта Лукьянъ Тимоѣевичъ Голосовъ), Сте-

Начало реакціи западному вліянію.

панъ Алябьевъ, Иванъ Засѣцкій и дьячокъ Благовѣщенскаго собора Костка, т.-е. Константинъ Ивановъ. Это былъ тѣсный кружокъ друзей, соединенныхъ одинаковыми думами. „Вотъ учится у кievлянъ, толковали они, Ѡ. Ртищевъ греческой грамотѣ, а въ той грамотѣ и еретичество есть“. Алябьевъ показывалъ на допросѣ, что когда жилъ въ Москвѣ старецъ Арсеній грекъ, онъ, Степанъ, хотѣлъ было у него поучиться по-латыни, а какъ того старца сослали на Соловки, онъ, Степанъ, учиться пересталъ и азбуку изодралъ, потому что начали ему говорить его родные да Лучка Голосовъ съ Ивашкой Засѣцкимъ: „перестань учиться по-латыни, дурно это, а какое дурно, того не сказали“. Самъ Голосовъ по властному приглашенію Ртищева долженъ былъ въ Андреевскомъ монастырѣ учиться по-латыни же у кievскихъ старцевъ; но онъ противъ ихъ науки, считалъ ее опасной для вѣры и говорилъ дьячку Иванову: „скажи своему протопопу (Благовѣщенскаго собора Стефану Вонифатьеву, духовнику царя), что я у кievскихъ старцевъ учиться не хочу, старцы они недобрые, я въ нихъ добра не нашель и добраго ученья у нихъ нѣтъ; теперь я пока угождаю Ѡ. М. Ртищеву изъ страха, а впредь у нихъ учиться ни за что не хочу“. Къ этому Лучка прибавилъ: „да и кто по-латыни ни учился, тотъ съ праваго пути совратился“. Около того же времени и при содѣйствіи того же Ртищева поѣхали въ Кіевъ довершать свое образованіе въ тамошней академіи два другихъ молодыхъ человѣка изъ Москвы, Озеровъ и Зеркальниковъ. Дьячокъ Костка съ собесѣдниками не одобряли этой поѣздки, боясь, что какъ эти молодые люди доучатся въ Кіевѣ и воротятся въ Москву, будетъ здѣсь съ ними много хлопотъ, а потому хорошо бы ихъ до Кіева не допустить и воротить назадъ: и безъ того уже они всѣхъ укоряютъ и ни во что

ставять благочестивыхъ московскихъ протопоповъ, говорятъ про нихъ, „враки де они вракають, слушать у нихъ нечего и себѣ чести не дѣлають, учать просто, сами не знаютъ, чему учать“. Тѣ же ревнители благочестія шептали и про боярина Б. И. Морозова, что онъ держитъ при себѣ отца духовнаго только „для прилики людской“, а ужъ если кievлянъ началъ жаловать, явное дѣло, туда же уклонился, къ ихъ же ересямъ.

Видимъ, что одна часть учащейся молодежи порицала другую за воспитываемое новой наукой самомнѣніе и заносчивую критику всѣми признанныхъ доморощенныхъ авторитетовъ. Это — не старческое охранительное брюзжанье на новизны, а отраженіе взгляда на науку, коренившагося въ самой глубинѣ древнерусскаго церковнаго сознанія. Наука и искусство цѣнились въ древней Руси по ихъ связи съ Церковью, какъ средства познанія слова Божія и душевнаго спасенія. Знанія и художественныя украшенія жизни, не имѣвшія такой связи и такого значенія, разсматривались, какъ праздное любопытство неглубокаго ума или какъ лишнія несерьезныя забавы, „потѣхи“; такъ смотрѣли на бахарей, сказочниковъ, скомороховъ. Церковь молчаливо ихъ терпѣла, какъ дѣтскія рекреационныя игры и рѣзвостя, а строгая церковная проповѣдь порой порицала ихъ, какъ опасныя увлеченія или развлеченія, которыя легко могутъ превратиться въ бѣсовскія козни. Во всякомъ случаѣ ни такому знанію, ни такому искусству не придавали образовательной силы, не давали мѣста въ системѣ воспитанія; ихъ относили къ низменному порядку жизни, считали если не прямыми пороками, то слабостями падкой ко грѣху природы человѣческой. Наука и искусство, какія приносило западное вліяніе; являлись съ другимъ болѣе притязательнымъ видомъ: они шли въ ряду

Протестъ
противъ
новой
науки.

интересовъ высшаго разбора, не какъ уступки людской слабости, а какъ законныя потребности человѣческаго ума и сердца, какъ необходимыя условія благоустроеннаго и благообразнаго общежитія, находившія свое оправданіе въ себѣ самихъ, а не въ служеніи нуждамъ Церкви. Западнѣй художникъ или ученый являлся у насъ не русскимъ скоморохомъ или начетчикомъ отреченныхъ книгъ, а почтеннымъ магистромъ комедійныхъ дѣйствъ или географусомъ, котораго само правительство признавало „гораздо навычнымъ во многихъ надобныхъ мастерствахъ и мудростяхъ“. Такъ западная наука или, говоря общѣе, культура, приходила къ намъ не покорной служительницей Церкви и не подсудимой, хотя и терпимой ею грѣшницей, а какъ бы соперницей или въ лучшемъ случаѣ сотрудницей Церкви въ дѣлѣ устроенія людскаго счастья. Древнерусская мысль, опутанная преданіемъ, могла только испуганно отшатнуться отъ такой сотрудницы, а тѣмъ паче соперницы. Легко понять, почему знакомство съ этой наукой тотчасъ возбудило въ московскомъ обществѣ тревожный вопросъ: безопасна ли эта наука для правой вѣры и благонравія, для вѣковыхъ устоевъ національнаго быта? Вопросъ поднялся еще въ ту минуту, когда проводниками этой науки были у насъ свои же православные западно-русскіе ученые. Но когда учителями явились иностранцы, протестанты и католики, вопросъ долженъ былъ еще болѣе обостриться. Возбужденное имъ сомнѣніе въ нравственно-религіозной безопасности новой науки и приносившаго ее западнаго вліянія привело къ тяжелому перелому въ русской церковной жизни, къ расколу. Тѣсная связь этого явленія съ умственнымъ и нравственнымъ движеніемъ въ московскомъ обществѣ XVII в. заставляетъ меня остановить ваше вниманіе на происхожденіи раскола въ русской Церкви.

Русскимъ церковнымъ расколомъ называется отдѣленіе Церковный расколъ. значительной части русскаго православнаго общества отъ господствующей русской православной Церкви. Это раздѣленіе началось въ царствованіе Алексѣя Михайловича вслѣдствіе церковныхъ новшествъ патріарха Никона и продолжается доселѣ. Раскольники считаютъ себя такими же православными христіанами, какими считаемъ себя и мы. Старообрядцы въ собственномъ смыслѣ не расходятся съ нами ни въ одномъ догматѣ вѣры, ни въ одномъ основаніи вѣроученія; но они откололись отъ нашей Церкви, перестали признавать авторитетъ нашего церковнаго правительства во имя „старой вѣры“, будто бы покинутой этимъ правительствомъ; потому мы и считаемъ ихъ не еретиками, а только раскольниками, и потому же они насъ называютъ церковниками или никоніанами, а себя старообрядцами или старовѣрами, держащимися древняго дониконовскаго обряда и благочестія. Если старообрядцы не расходятся съ нами въ догматахъ, въ основаніяхъ вѣроученія, то спрашивается, отъ чего же произошло церковное раздѣленіе, отъ чего значительная часть русскаго церковнаго общества оказалась за оградой русской господствующей Церкви. Вотъ въ немногихъ словахъ повѣсть о началѣ раскола.

До патріарха Никона русское церковное общество было Повѣсть о его началѣ. единымъ церковнымъ стадомъ съ единымъ высшимъ пастыремъ; но въ немъ въ разное время и изъ разныхъ источниковъ возникли и утвердились нѣкоторые мѣстные церковныя мнѣнія, обычай и обряды, отличные отъ принятыхъ въ Церкви греческой, отъ которой Русь приняла христіанство. Таковы были двуперстное крестное знаменіе, образъ написанія имени *Исусъ*, служеніе литургіи на семи, а не на пяти просфорахъ, хожденіе *по-солонь*, т.-е. по солнцу

(отъ лѣвой руки къ правой, обратившись лицомъ къ алтарю), въ нѣкоторыхъ священнодѣйствіяхъ, напримѣръ, при крещеніи вокругъ купели или при вѣнчаніи вокругъ аналоя, особое чтеніе нѣкоторыхъ мѣстъ символа вѣры („царствію Его *нѣсть* конца“, „и въ Духа Святаго, *истиннаго* и животворящаго“), двоеніе возгласа *аллилуіа*. Нѣкоторые изъ этихъ обрядовъ и особенностей были признаны русской церковной іерархіей на церковномъ соборѣ 1551 г. и такимъ образомъ получили законодательное утвержденіе со стороны высшей церковной власти. Со второй половины XVI в., когда въ Москвѣ началось книгопечатаніе, эти обряды и различія стали проникать изъ рукописныхъ богослужебныхъ книгъ въ печатныя ихъ изданія и черезъ нихъ распространялись по всей Россіи. Такимъ образомъ печатный станокъ придалъ новую цѣну этимъ мѣстнымъ обрядовымъ и текстуальнымъ различіямъ и расширилъ ихъ употребленіе. Нѣкоторыя изъ такихъ различій внесли въ свои изданія справщики церковныхъ книгъ, напечатанныхъ при патриархѣ Іосифѣ въ 1642—1652 гг. Такъ какъ вообще текстъ русскихъ богослужебныхъ книгъ былъ неисправенъ, то преемникъ Іосифа патриархъ Никонъ съ самаго начала своего управленія русскою Церковью ревностно принялся за устраненіе этихъ неисправностей. Въ 1654 г. онъ провелъ на церковномъ соборѣ постановленіе переиздать церковныя книги, исправивъ ихъ по вѣрнымъ текстамъ, по славянскимъ пергаменнымъ и древнимъ греческимъ книгамъ. Съ православнаго Востока и изъ разныхъ угловъ Россіи въ Москву навезли горы древнихъ рукописныхъ книгъ греческихъ и церковно-славянскихъ; исправленныя по нимъ новыя изданія разосланы были по русскимъ церквамъ съ приказаніемъ отобрать и истребить неисправныя книги, старопечатныя и старописьменныя. Ужаснулись

православные русскіе люди, заглянувши въ эти новоисправленные книги и не найдши въ нихъ ни двуперстія, ни Ісуса, ни другихъ освященныхъ временемъ обрядовъ и начертаній: они усмотрѣли въ этихъ новыхъ изданіяхъ новую вѣру, по которой не спасались древніе святые отцы, и прокляли эти книги, какъ еретическія, продолжая совершать служеніе и молиться по старымъ книгамъ. Московскій церковный соборъ 1666—1667 гг., на которомъ присутствовали два восточные патріарха, положилъ на неповорныхъ клятву (анаѣму) за противленіе церковной власти и отлучилъ ихъ отъ православной Церкви, а отлученные перестали признавать отлучившую ихъ іерархію своей церковной властью. Съ тѣхъ поръ и раскололось русское церковное общество, и этотъ расколъ продолжается до настоящаго времени.

Отъ чего же произошелъ расколъ? По объясненію старообрядцевъ, отъ того, что Никонъ, исправляя богослужебныя книги, самовольно отмѣнилъ двуперстіе и другіе церковные обряды, составляющіе святоотеческое древле-православное преданіе, безъ котораго невозможно спастись, и когда вѣрные древнему благочестію люди встали за это преданіе, русская іерархія отлучила ихъ отъ своей испорченной Церкви. Но въ такомъ объясненіи не все ясно. А какимъ образомъ двуперстіе или хожденіе по-солонь сдѣлалось для старообрядцевъ святоотеческимъ преданіемъ, безъ котораго невозможно спастись? Какимъ образомъ простой церковный обычай, богослужебный обрядъ или текстъ могъ пріобрѣсти такую важность, стать неприкосновенной святыней, догматомъ? Православные даютъ болѣе глубокое объясненіе. Расколъ произошелъ отъ невѣжества раскольниковъ, отъ узкаго пониманія ими христіанской религіи, отъ того, что они не умѣли отличить въ ней существенное отъ внѣшняго, содержа-

Мнѣніе о
его прои-
хожденіи.

ніе отъ обряда. Но и этотъ отвѣтъ не разрѣшаетъ всего вопроса. Положимъ, извѣстные обряды, освященные преданіемъ, мѣстной стариной, могли получить неподобающее имъ значеніе догматовъ; но вѣдь и авторитетъ церковной іерархіи освященъ стариной и притомъ не мѣстной, а вселенской, и его признаніе необходимо для спасенія: св. отцы не спасались и безъ него, какъ безъ двуперстія. Какимъ образомъ старообрядцы рѣшились пожертвовать однимъ церковнымъ установленіемъ для другого, отважились спастись безъ руководства законной іерархіи, ими отвергнутой?

Объясняя происхожденіе раскола, у насъ часто съ особеннымъ удареніемъ и нѣкоторымъ пренебреженіемъ указываютъ на слѣпую привязанность старообрядцевъ къ обрядамъ и текстамъ, къ буквѣ Писанія, какъ въ чему-то очень неважному въ дѣлѣ религія. Я не раздѣляю такого пренебрежительнаго взгляда на религіозный обрядъ и текстъ. Я не богословъ и не призванъ раскрывать богословскій смыслъ такихъ предметовъ. Но религіозный текстъ и обрядъ, какъ и всякій обрядъ и текстъ съ практическимъ, житейскимъ дѣйствіемъ, кромѣ специально богословскаго имѣетъ еще общее психологическое значеніе и съ этой стороны, какъ и всякое житейское, т.-е. историческое явленіе, можетъ подлежать историческому изученію. Только съ этой народно-психологической стороны я и касаюсь происхожденія раскола.

Сила религіозныхъ обрядовъ и текстовъ.

Въ религіозныхъ текстахъ и обрядахъ выражается сущность, содержаніе вѣроученія. Вѣроученіе слагается изъ вѣрованныхъ двухъ порядковъ: одни суть *истины*, которыя устанавливаютъ міросозерцаніе вѣрующаго, разрѣшая ему высшіе вопросы мірозданія; другія суть *требованія*, которыя направляютъ нравственные поступки вѣрующаго, указывая ему задачи его бытія. Эти истины и эти требо-

ванія выше познавательныхъ средствъ логически мыслящаго разума и выше естественныхъ влеченій человѣческой воли; потому тѣ и другія и почитаются свыше откровенными. Мыслимыя, т. е. доступныя пониманію формулы религиозныхъ истинъ суть *догматы*; мыслимыя формулы религиозныхъ требованій суть *заповѣди*. Какъ усвояются тѣ и другія, когда они недоступны ни логическому мышленію, ни естественной волѣ? Они усвояются религиознымъ познаніемъ или мышленіемъ и религиознымъ воспитаніемъ. Не смущайтесь этими терминами: религиозное мышленіе или познаніе есть такой же способъ человѣческаго разумѣнія, отличный отъ логическаго или разсудочнаго, какъ и пониманіе художественное; оно только обращено на другіе болѣе возвышенные предметы. Человѣкъ далеко не все постигаетъ логическимъ мышленіемъ и, можетъ-быть, даже постигаетъ имъ наименьшую долю постижимаго. Усвояя догматы и заповѣди, вѣрующій усвояетъ себѣ извѣстныя религиозныя идеи и нравственныя побужденія, которыя такъ же мало поддаются логическому разбору, какъ и идеи художественныя. Развѣ понятный вамъ музыкальный мотивъ вы подведете подъ логическія схемы? Эти религиозныя идеи и побужденія суть *творенія*. Педагогическимъ пособіемъ для ихъ усвоенія служатъ извѣстныя церковныя дѣйствія, совокупность которыхъ составляетъ богослуженіе. Догматы и заповѣди выражены въ священныя текстахъ, церковныя дѣйствія облечены въ извѣстные обряды. Все это лишь формы вѣрованій, оболочка вѣроученія, а не его сущность. Но религиозное пониманіе, какъ и художественное, отличается отъ логическаго и математическаго тою особенностью, что въ немъ идея или мотивъ неразрывно связаны съ формой, ихъ выражающей. Идею, выведенную логически, теорему, доказанную математически, мы понимаемъ, какъ бы ни была

формулирована та и другая, на какомъ бы ни было намъ знакомомъ языкѣ и какимъ угодно понятнымъ стилемъ или даже только условнымъ знакомъ. Не такъ дѣйствуетъ религиозное и эстетическое чувство: здѣсь идея или мотивъ по закону психологической ассоціаціи органически сростаются съ выражающими ихъ текстомъ, обрядомъ, образомъ, ритмомъ, звукомъ. Забудете рисунокъ или музыкальное сочетаніе звуковъ, которое вызвало въ васъ извѣстное настроеніе — и вамъ не удастся воспроизвести это настроеніе. Какое угодно великолѣпное стихотвореніе переложите въ прозу, и его обаяніе исчезнетъ. Священные тексты и богослужебные обряды складывались исторически и не имѣютъ характера неизмѣнности и неприкосновенности. Можно придумать тексты и обряды лучше, совершеннѣе тѣхъ, которые воспитали въ насъ религиозное чувство; но они не замѣнятъ намъ нашихъ худшихъ. Когда православный русскій священникъ восклицаетъ въ алтарѣ *Горь имъ имъ сердца*, въ православномъ вѣрующемъ совершается привычный ему подъемъ религиознаго настроенія, помогающій ему отложить всякое житейское попеченіе. Но пусть тотъ же священникъ сдѣлаетъ возгласъ католическаго патера *Surgit corda* — тотъ же вѣрующій, какъ бы хорошо онъ ни зналъ, что это тотъ же самый возгласъ, только на латинскомъ языкѣ и въ стилистическомъ отношеніи даже болѣе энергичный, вѣрующій не поднимется духомъ отъ этого возгласа, потому что не привыкъ къ нему. *Такъ религиозное міросозерцаніе и настроеніе каждого общества неразрывно связаны съ текстами и обрядами, изъ воспитавшими.* ✕

Ея психологическая основа.

Но, можетъ-быть, такая тѣсная связь религиозныхъ обрядовъ и вообще формъ съ сущностью вѣроученія сама по себѣ есть только недостатокъ религиознаго воспитанія и вѣрующій духъ можетъ обойтись безъ этихъ тяжелыхъ

обрядовыхъ накладокъ, а потому надобно помогать ему безъ нихъ обходиться? Да, можетъ-быть, со временемъ, когда-нибудь эти накладки и станутъ излишними, когда человѣческій духъ путемъ дальнѣйшаго совершенствованія освободитъ свое религіозное чувство отъ вліянія внѣшнихъ впечатлѣній и отъ самой потребности въ нихъ, будетъ молиться „духомъ и истиною“. Тогда и религіозная психологія будетъ другая, непохожая на ту, какую воспитывала практика всѣхъ доселѣ извѣстныхъ религій. Но съ тѣхъ поръ, какъ люди стали себя помнить, въ продолженіе тысячелѣтій и до нашихъ дней они не умѣли обойтись безъ обряда ни въ религій, ни въ другихъ житейскихъ отношеніяхъ нравственнаго характера. Надобно строго различать способъ усвоенія истины сознаниемъ и волей. Для сознанія достаточно извѣстнаго усилія мысли и памяти, чтобы понять и запомнить истину. Но этого очень мало, чтобы сдѣлать истину руководительницей воли, направительницей жизни цѣлыхъ обществъ. Для этого нужно облечь истину въ формы, въ обряды, въ цѣлое устройство, которое непрерывнымъ потокомъ надлежащихъ впечатлѣній приводило бы наши мысли въ извѣстный порядокъ, наши чувства въ извѣстное настроеніе, долбило бы и размягчало нашу грубую волю и такимъ образомъ, посредствомъ непрерывнаго упражненія и навыка, превращало бы требованія истины въ привычную нравственную потребность, въ произвольное влеченіе воли. Сколько прекрасныхъ истинъ, озарявшихъ духъ человѣческій и способныхъ освѣтить и согрѣть людское общежитіе, погибло безслѣдно для него только потому, что онѣ не успѣли во-время облечься въ такое устройство и помощью его не были достаточно разучены людьми! Такъ не въ одной религій, такъ и во всемъ. Какой угодно великолѣпный музыкальный мотивъ

не произвести на насъ должнаго художественнаго впечатлѣнія въ томъ простомъ схематическомъ видѣ, въ какомъ онъ родится въ художественномъ воображеніи композитора; его надобно разработать, положить на инструментъ или на цѣлый оркестръ, повторить въ десяткѣ ладовъ и варіацій и разыграть передъ цѣлымъ собраніемъ, гдѣ маленькій восторгъ каждаго слушателя заразить его сосѣдей справа и слѣва и изъ этихъ миниатюрныхъ личныхъ восторговъ составитъ громадное общее впечатлѣніе, которое каждый слушатель унесетъ къ себѣ домой и много дней будетъ имъ обороняться отъ невзгодъ и пошлостей ежедневной жизни. Люди, слышавшіе проповѣдь Христа на горѣ, давно умерли и унесли съ собою пережитое ими впечатлѣніе; но и мы переживаемъ долю этого впечатлѣнія, потому что текстъ этой проповѣди вставленъ въ рамки нашего богослуженія. Обрядъ или текстъ — это своего рода фонографъ, въ которомъ застылъ нравственный моментъ, когда-то вызвавшій въ людяхъ добрыя дѣла и чувства. Этихъ людей давно нѣтъ, и моментъ съ тѣхъ поръ не повторился; но помощью обряда или текста, въ который онъ скрылся отъ людского забвенія, мы по мѣрѣ желанія воспроизводимъ его и по степени своей нравственной восприимчивости переживаемъ его дѣйствіе. Изъ такихъ обрядовъ, обычаевъ, условныхъ отношеній и приличій, въ которые отлились мысли и чувства, исправлявшія жизнь людей и служившія для нихъ идеалами, постепенно путемъ колебаній, споровъ, борьбы и крови складывалось людское общежитіе. Я не знаю, каковъ будетъ человѣкъ черезъ тысячу лѣтъ; но отнимите у современнаго человѣка этотъ нажитой и доставшійся ему по наслѣдству скарбъ обрядовъ, обычаевъ и всякихъ условностей — и онъ все забудетъ, всему разучится и долженъ будетъ все начинать сызнова.

Но если такова религіозная психологія всякаго церковнаго общества, что оно не может обойтись безъ обряда и текста, то почему же нигдѣ изъ-за обряда и текста не поднималось такого шумнаго спора и не бывало раскола, какъ это случилось у насъ въ XVII в.? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надобно припомнить нѣкоторыя явленія нашей церковной жизни до XVII в.

До XV в. русская Церковь была послушной дочерью Византіи, своей митрополіи. Оттуда она принимала своихъ митрополитовъ и епископовъ, церковные законы, весь чинъ церковной жизни. Авторитетъ греческаго православія много вѣковъ стоялъ у насъ непоколебимо. Но съ XV в. этотъ авторитетъ началъ колебаться. Великіе князья московскіе, почувствовавъ свое національное значеніе, поспѣшили внести это чувство и въ церковныя отношенія, не хотѣли и въ церковныхъ дѣлахъ зависѣть отъ посторонней власти, ни отъ императора, ни отъ патріарха цареградскаго. Они завели обычай назначать и посвящать всероссійскихъ митрополитовъ у себя дома, въ Москвѣ, и только изъ русскаго духовенства. Провести эту перемѣну было тѣмъ легче, что греческихъ іерарховъ не чтили на Руси особенно высоко. Древняя Русь высоко ставила церковный авторитетъ и святости греческаго Востока, но грекъ и плуть всегда считались у насъ синонимами: „былъ онъ лъстивъ, потому что былъ онъ грекъ“, говоритъ наша лѣтопись XII в. объ одномъ епископѣ-грекѣ. Такой взглядъ составился очень рано и просто. Насаждать христіанство въ далекой и варварской митрополіи константинопольскаго патріархата присылались въ большинствѣ далеко не лучшіе люди изъ греческой іерархіи. Отчужденные отъ паствы языкомъ, понятіями и сановнымъ церемоніаломъ, они не могли пріобрѣсти пастырскаго вліянія, довольствовались установкой внѣшняго церковнаго

Русь и
Византія.

благолѣпія усердіемъ набожныхъ князей и старательно пересылали на родину русскія деньги, на что считъ нужнымъ намекнуть одинъ почтенный новгородскій владыка XII в. изъ русскихъ въ пастырскомъ поученіи духовенству своей епархіи. За іерархію цѣплялось много всякаго рядового грека, приходившаго поживиться отъ новопросвѣщенныхъ. А потомъ греческая іерархія въ XV в. страшно уронила себя въ глазахъ Руси, принявъ флорентійскую унію 1439 г., согласившись на союзъ православной Церкви съ католической, устроенный на соборѣ во Флоренціи. За византійскую іерархію у насъ держались съ такимъ довѣріемъ въ борьбѣ съ латинствомъ, а она, эта іерархія, сама отдалась римскому папѣ, выдала головой восточное православіе, насажденное апостолами, утвержденное святыми отцами и семью вселенскими соборами, и если бы великій князь московскій Василій Васильевичъ не обличилъ злоковеннаго врага, сатанина сына грека Исидора митрополита, принесшаго унію въ Москву, олатынилъ бы онъ русскую Церковь, исказилъ бы древнее благочестіе, насажденное у насъ святымъ княземъ Владиміромъ. Нѣсколько лѣтъ спустя Царьградъ былъ завоеванъ турками. Уже и прежде на Руси привыкли посматривать на грековъ свысока и подозрительно. Теперь въ паденіи царьградскихъ стѣнъ передъ безбожными агарянами увидѣли на Руси знакъ окончательнаго паденія греческаго православія. Послушайте, какъ самоувѣренно объясняетъ связь міровыхъ событій своего времени русскій митрополитъ Филиппъ I. Въ 1471 г. онъ пишетъ замутившимся противъ Москвы новгородцамъ: „и о томъ, дѣти, подумайте: Царьградъ непоколебимо стоялъ, пока въ немъ, какъ солнце, сіяло благочестіе, а какъ скоро покинулъ онъ истину да соединился съ латиной, такъ и попалъ въ руки поганыхъ“. Померкъ тогда въ глазахъ Руси свѣтъ

православнаго Востока; какъ палъ древній первый Римъ отъ ересей и гордости, такъ теперь палъ и второй Римъ — Царьградъ отъ непостоянства и безбожныхъ сыродцевъ. Эти событія произвели на Русь глубокое, но не безотрадное впечатлѣніе. Старыя свѣтила церковныя погасли, греческое благочестіе подернулось мракомъ. Одинокой почувствовала себя православная Русь во всемъ поднебесномъ мірѣ. Мировыя событія невольно заставляли ее противопоставлять себя Византіи. Москва сбрасывала съ себя агарянское иго почти въ то самое время, когда Византія надѣвала его на свою шею. Если другія царства падали за измѣну православію, то Москва будетъ непоколебимо стоять, оставаясь вѣрна ему. Она — третій и послѣдній Римъ, послѣднее и единственное въ мірѣ убѣжище правой вѣры, истиннаго благочестія. Эти помыслы возвышали и расширяли историческій кругозоръ древнерусскихъ мыслителей XVI в. и наполняли ихъ тревожными думами о судьбахъ Россіи. Отечество тогда получило въ ихъ глазахъ новое высокое значеніе. Русскій инокъ Филоеѣй писалъ вел. кн. Василию, отцу Грознаго: „Внимай тому, благочестивый царь! Два Рима пали, третій — Москва стоитъ, а четвертому не бывать. Соборная Церковь наша въ твоемъ державномъ царствѣ одна теперь паче солнца сіяетъ благочестіемъ во всей поднебесной; всѣ православныя царства собрались въ одномъ твоемъ царствѣ; на всей землѣ одинъ ты — христіанскій царь“. Вѣра православная въ Царьградѣ испроказилась махметовой прелестью безбожныхъ агарянъ, а у насъ на Руси паче просіяла святыхъ отецъ ученіемъ: такъ писали наши книжники XVI в. И такой взглядъ сталъ вѣрованіемъ образованнаго древнерусскаго общества, даже проникъ въ народную массу и вызвалъ рядъ легендъ о бѣгствѣ святыхъ и святыхъ изъ обоихъ павшихъ Римовъ въ новый, третій Римъ, въ Москов-

ское государство. Такъ сложились у насъ въ XV—XVI вв. сказанія о приплытіи преп. Антонія-римлянина по морю на камнѣ со святынями въ Новгородъ, о чудесномъ переселеніи чудотворной Тихвинской иконы Божіей Матери съ византійскаго Востока на Русь и пр. Къ тому же люди, пріѣзжавшіе съ разореннаго православнаго Востока на Русь просить милостыни или пріюта, укрѣпляли въ русскихъ это національное убѣжденіе. Въ царствованіе Феодора Ивановича пріѣхалъ въ Москву за милостыней цареградскій патріархъ Іеремія, который въ 1589 г. посвятилъ московскаго митрополита Іова въ санъ всероссійскаго патріарха, чѣмъ окончательно закрѣпилъ давно совершившееся іерархическое обособленіе русской Церкви отъ константинопольскаго патріархата. Какъ будто этотъ пріѣзжій іерархъ подслушалъ задушевные помыслы русскихъ людей XVI в.: такъ близки къ мыслямъ Филоея его слова объ учрежденіи патріаршества въ Москвѣ, обращенныя къ московскому царю: „Воистину въ тебѣ Духъ Св. пребываетъ и отъ Бога такая мысль внушена тебѣ; ветхій Римъ палъ отъ ересей, вторымъ Римомъ — Константинополемъ завладѣли агарянскіе внуки, безбожныя турки, твое же великое Россійское царство, третій Римъ, всѣхъ превзошло благочестіемъ; ты одинъ во всей вселенной именуешься христіанскимъ царемъ“.

Затмѣніе
вселенской
идеи.

Всѣ эти явленія и впечатлѣнія очень своеобразно настроили русское церковное общество. Къ началу XVII в. оно прониклось религіозной самоувѣренностью; но эта самоувѣренность воспитана была не религіозными, а политическими успѣхами православной Руси и политическими несчастіями православнаго Востока. Основнымъ мотивомъ этой самоувѣренности была мысль, что православная Русь осталась въ мірѣ единственной обладательницей и хранительницей христіанской истины, чистаго православія. Изъ

этой мысли посредством нѣкоторой перестановки понятій національное самомиѣніе вывело убѣжденіе, что христіанство, которымъ обладаетъ Русь, со всѣми его мѣстными особенностями и даже съ туземной степенью его пониманія есть единственное въ мірѣ истинное христіанство, что другого чистаго православія кромѣ русскаго нѣтъ и не будетъ. Но по нашему вѣроученію, хранительница христіанской истины есть не какая-либо помѣстная, а вселенская Церковь, соединяющая въ себѣ не только живущихъ въ извѣстное время и извѣстномъ мѣстѣ, но и всѣхъ когда-либо и гдѣ-либо жившихъ правовѣрныхъ. Какъ скоро русское церковное общество признало себя единственнымъ хранителемъ истиннаго благочестія, мѣстное религиозное сознание было имъ признано мѣриломъ христіанской истины, т.-е. идея вселенской Церкви замкнулась въ тѣсныя географическія предѣлы одной изъ помѣстныхъ церквей; вселенское христіанское сознание заключилось въ узкій кругозоръ людей извѣстнаго мѣста и времени. Христіанское вѣроученіе, говорилъ я, облечено въ извѣстныя формы, выражается въ извѣстныхъ обрядахъ для непосредственнаго пониманія, формулируется въ текстахъ для изученія и осуществляется на практикѣ въ церковныхъ правилахъ. Пониманіе текстовъ вѣроученія и практика церковныхъ правилъ углубляется и совершенствуется съ успѣхами религиознаго сознанія и его движущей силы — разума, вооруженнаго вѣрой. Помощью обрядовъ, текстовъ и правилъ религиозная мысль углубляется въ тайны вѣроученія, постепенно уясняя ихъ себѣ и направляя религиозную жизнь. Эти обряды, тексты и правила, повторяю, не составляютъ сущности вѣроученія; но по свойству религиознаго пониманія и воспитанія они въ каждомъ церковномъ обществѣ тѣсно срастаются съ вѣроученіемъ, становятся для cadaго

общества формами религіознаго міросозерцанія и настроенія, трудно отдѣляемыми отъ содержанія. Впрочемъ, если они въ извѣстномъ обществѣ искажаются или уклоняются отъ первоначальныхъ нормъ вѣрученія, есть средство ихъ исправленія. Такимъ средствомъ провѣрки и исправленія, коррективомъ пониманія христіанской истины для каждаго мѣстнаго церковнаго общества служить религіозное сознаніе вселенской Церкви, авторитетомъ которой исправляются мѣстныя церковныя уклоненія. Но какъ скоро православная Русь признала себя единственной обладательницей христіанской истины, такого способа провѣрки для нея не стало. Признавъ само себя вселенскою Церковью, русское церковное общество не могло допустить повѣрки своихъ вѣрованій и обрядовъ со стороны. Какъ скоро русскіе православные умы стали на эту точку зрѣнія, въ нихъ укрѣпилась мысль, что русская помѣстная Церковь обладаетъ всей полнотой христіанскаго вселенскаго сознанія, что русское церковное общество уже восприняло все, что нужно для спасенія вѣрующаго, и ему нечему больше учиться, нечего и не у кого больше заимствовать въ дѣлахъ вѣры, а остается только бережно хранить воспринятое сокровище. Тогда на мѣсто вселенскаго сознанія мѣриломъ христіанской истины стала національная церковная старина. Русскимъ церковнымъ обществомъ было признано за правило, что подобаетъ молиться и вѣровать, какъ молились и вѣровали отцы и дѣды, что внукамъ ничего не остается болѣе, какъ хранить безъ размышленія дѣдовское и отцовское преданіе. Но это преданіе — остановившееся и застывшее пониманіе: признать его мѣриломъ истины значило отвергнуть всякое движеніе религіознаго сознанія, возможность исправленія его ошибокъ и недостатковъ. Съ минуты такого признанія всѣ усилія

русской религиозной мысли должны были направиться не къ тому, чтобы углубляться въ тайны христіанскаго вѣроученія, усвоить себѣ возможно вѣрнѣе и полнѣе, жизненнѣе вселенское религиозное сознаніе, а единственно къ тому, чтобы сберечь свой наличный мѣстный запасъ религиознаго пониманія со всѣми мѣстными обрядами и оградить его отъ измѣненія и нечистаго прикосновенія со стороны.

Изъ такого настроенія и склада религиозныхъ понятій вышли два важныя слѣдствія, съ которыми тѣсно связалось возникновеніе раскола: 1) церковные обряды, завѣщанные мѣстной стариной, получили значеніе неприкосновенной и неизмѣнной святыни; 2) въ русскомъ обществѣ установилось подозрительное и надменное отношеніе къ участию разума и научнаго знанія въ вопросахъ вѣры. Эта наука, процвѣтавшая въ другихъ христіанскихъ обществахъ, — такъ стали думать на Руси, — не спасла же она тѣхъ обществъ отъ ересей, свѣтъ разума не помѣшалъ тамъ померкнуть вѣрѣ. Смутно помня, что корни мірской науки кроются въ языческой греко-римской странѣ, у насъ брезгливо помышляли, что эта наука все еще питается нечистыми соками такой дурной почвы. Поэтому гадливое и боязливое чувство овладѣвало древле-русскимъ человѣкомъ при мысли о риторской и философской еллинской мудрости: все это дѣло грѣшнаго ума, предоставленнаго самому себѣ. Въ одномъ древне-русскомъ поученіи читаемъ: „богомерзостенъ предъ Богомъ всякій, кто любитъ геометрію; а се душевные грѣхи — учиться астрономіи и еллинскимъ книгамъ; по своему разуму вѣрующій легко впадаетъ въ различныя заблужденія; люби простоту больше мудрости, не изыскай того, что выше тебя, не испытай того, что глубже тебя, а какое дано тебѣ отъ Бога готовое ученіе, то и держи“. Въ школь-

Преданіе
и наука.

ныхъ прописяхъ помѣщалось наставленіе: „Братія, не высокоумствуйте! Если спросятъ тебя, знаешь ли философію, отвѣчай: еллинскихъ борзостей не текохъ, риторскихъ астрономовъ не читахъ, съ мудрыми философами не бвахъ, философію ниже очима видѣхъ; учуся книгамъ благодатнаго закона, какъ бы можно было мою грѣшную душу очистить отъ грѣховъ“. Такойъ взглядъ питалъ самоуверенность незнанія: „аще не ученъ словомъ, но не разумомъ, писалъ про себя древне-русскій книжникъ, не ученъ діалектикѣ, риторикѣ и философіи, но разумъ Христовъ въ себѣ имѣю“. Такъ древне-русскимъ церковнымъ обществомъ утрачивались средства самоисправленія и даже самыя побужденія къ нему.

Национально-церковное самознѣніе.

Я изложилъ воззрѣнія, въ которыхъ укрѣпилось древне-русское церковное общество къ XVII в. Въ наивной своей формации это были престонародныя воззрѣнія, впрочемъ, захватывавшія и массу рядового духовенства, бѣлаго и чернаго. Въ правящей іерархіи они не выражались такъ грубо, однако безотчетно входили въ составъ ея церковнаго настроенія. Въ сослуженіи съ пріѣзжимъ греческимъ архіереемъ, даже патріархомъ, слѣдя зорко за каждымъ его движеніемъ, наши „власти“ тутъ же съ великодушнымъ снисхожденіемъ указывали ему на допускаемыя имъ въ частностяхъ отступленія отъ принятаго въ Москвѣ богослужебнаго чина: „у насъ того чину не ведется, наша истинная православная христіанская Церковь не пріяла сего чина“. Это поддерживало въ нихъ сознаніе своего обрядоваго превосходства передъ греками, и довольныя этимъ, онѣ уже не думали о соблазнѣ, какой производили среди молящихся, прерывая священнодѣйствіе обрядовыми пререканіями. Не было ничего необычнаго въ привязанности русскихъ къ церковнымъ обрядамъ, въ которыхъ они воспи-

тывались: въ ней надобно видѣть скорѣе народно-психологическую неизбѣжность, естественно-историческое условіе религіознаго пониманія, чѣмъ органическій или хроническій недугъ русскаго религіознаго чувства; это — просто признакъ историческаго возраста народа. Органическій порокъ древне-русскаго церковнаго общества состоялъ въ томъ, что оно считало себя единственнымъ истинно-правовѣрнымъ въ мірѣ, свое пониманіе Божества исключительно правильнымъ, Творца вселенной представляло своимъ собственнымъ русскимъ богомъ, никому болѣе не принадлежащимъ и невѣдомымъ, свою помѣстную Церковь ставило на мѣсто вселенской. Самодовольно успокоившись на этомъ мнѣніи, оно и свою мѣстную церковную обрядность признало неприкосновенной святыней, а свое религіозное пониманіе нормой и коррективомъ боговѣдѣнія. Встрѣча этихъ воззрѣній съ тѣмъ, что дѣлалось въ государствѣ, усилило ихъ возбужденный характеръ.

Мы видѣли, что съ воцареніемъ новой династіи у насъ предприняты были политическія и экономическія нововведенія, предметомъ которыхъ было устройство народной обороны и государственнаго хозяйства. Почувствовавъ потребность въ новыхъ, заимствованныхъ техническихъ средствахъ, государство во множествѣ призывало иноземцевъ, лютеранъ и кальвинистовъ. Правда, ихъ призывали для обученія солдатъ, литья пушекъ, стройки заводовъ; все это очень мало касалось нравственныхъ понятій и еще менѣе религіозныхъ воззрѣній. Но древне-русскій человекъ своимъ конкретнымъ мышленіемъ не привыкъ различать житейскія отношенія, не умѣлъ и не хотѣлъ раздѣлять разныя стороны жизни. Если нѣмецъ командуетъ русскими ратными людьми и учитъ ихъ своей ратной хитрости, стало быть, надо и одѣваться, и бороду брить по-нѣмецки,

Государ-
ственнымъ
нововве-
денія.

и вѣру принять нѣмецкую, табакъ курить, молоко пить по средамъ и пятницамъ, а свое древнее благочестіе покинуть. Совѣсть русскаго человѣка въ раздумьи стала между родной стариной и Нѣмецкой слободой. Все это настроило русское общество въ половинѣ XVII в. чрезвычайно тревожно и подозрительно, и это настроеніе обнаруживалось при каждомъ случаѣ. Въ 1648 г., когда молодой царь Алексѣй собирался жениться, въ Москвѣ вдругъ пошли толки, что скоро настанетъ конецъ древнему благочестію и будутъ введены новые иноземные обычаи. При такомъ настроеніи попытка исправить церковные обряды и текстъ богослужебныхъ книгъ легко могла показаться смущенному и пугливому церковному обществу посягательствомъ на самую вѣру. Случилось такъ, что за это исправленіе принялся іерархъ, который по самому характеру своему способенъ былъ довести это настроеніе до крайней степени напряженія. Патриархъ Никонъ, посвященный въ этотъ санъ въ 1652 г., самъ по себѣ заслуживаетъ того, чтобы въ очеркѣ происхожденія раскола удѣлять ему минуту вниманія.

Патриархъ
Никонъ.

Онъ родился въ 1605 г. въ крестьянской средѣ, при помощи своей грамотности сталъ сельскимъ священникомъ, но по обстоятельствамъ жизни рано вступилъ въ монашество, закалилъ себя суровымъ искусомъ пустынножительства въ сѣверныхъ монастыряхъ и способностью сильно вліять на людей приобрѣлъ неограниченное довѣріе царя, довольно быстро достигъ сана митрополита новгородскаго и наконецъ 47 лѣтъ отъ роду сталъ всероссійскимъ патриархомъ. Изъ русскихъ людей XVII в. я не знаю человѣка крупнѣе и своеобразнѣе Никона. Но его не поймешь сразу: это — довольно сложный характеръ и прежде всего характеръ очень неровный. Въ спокойное время, въ еже-

дневномъ обиходѣ онъ былъ тяжелъ, капризенъ, вспыльчивъ и властолюбивъ, больше всего самолюбивъ. Но это едва ли были его настоящія, коренныя свойства. Онъ умѣлъ производить громадное нравственное впечатлѣніе, а самолюбивые люди на это неспособны. За ожесточеніе въ борьбѣ его считали злымъ; но его тяготила всякая вражда, и онъ легко прощалъ врагамъ, если замѣчалъ въ нихъ желаніе пойти ему навстрѣчу. Съ упрямыми врагами Никонъ былъ жестокъ. Но онъ забывалъ все при видѣ людскихъ слезъ и страданій; благотворительность, помощь слабому или больному ближнему была для него не столько долгомъ пастырскаго служенія, сколько безотчетнымъ влеченіемъ доброй природы. По своимъ умственнымъ и нравственнымъ силамъ онъ былъ большой дѣлецъ, желавшій и способный дѣлать большія дѣла, но только большія. Что умѣли дѣлать всѣ, то онъ дѣлалъ хуже всѣхъ; но онъ хотѣлъ и умѣлъ дѣлать то, за что не умѣлъ взяться никто, все равно, доброе ли то было дѣло, или дурное. Его поведеніе въ 1650 г. съ новгородскими бунтовщиками, которымъ онъ далъ себя избить, чтобы ихъ образумить, потомъ во время московскаго мора 1654 г., когда онъ въ отсутствіе царя вырвалъ изъ заразы его семью, обнаруживаетъ въ немъ рѣдкую отвагу и самообладаніе; но онъ легко терялся и выходилъ изъ себя отъ житейской мелочи, ежедневнаго вздора; минутное впечатлѣніе разрасталось въ цѣлое настроеніе. Въ самыя трудныя минуты, имъ же себѣ созданныя и требовавшія полной работы мысли, онъ занимался пустяками и изъ-за пустяковъ готовъ былъ поднять большое шумное дѣло. Осужденный и сосланный въ Терапонтонъ монастырь, онъ получалъ отъ царя гостинцы, и когда разъ царь прислалъ ему много хорошей рыбы, Никонъ обидѣлся и отвѣтилъ

упрекомъ, зачѣмъ не прислали овощей, винограду въ па-токѣ, яблочекъ. Въ добромъ настроеніи онъ былъ находчивъ, остроуменъ, но обиженный и раздраженный, терялъ всякій тактъ и причуды озлобленнаго воображенія принималъ за дѣйствительность. Въ заточеніи онъ принялся лѣчить больныхъ, но не утерпѣлъ, чтобы не колынуть царя своими цѣлительными чудесами, послалъ ему списокъ излѣченныхъ, а царскому посланцу сказывалъ, былъ де ему глаголь, отнято де у тебя патріаршество, зато дана чаша лѣкарственная: „лѣчи болящихъ“. Никонъ принадлежалъ къ числу людей, которые спокойно переносятъ страшныя боли, но охаютъ и приходятъ въ отчаяніе отъ булавочнаго укола. У него была слабость, которой страдаютъ нерѣдко сильные, но мало выдержанные люди: онъ скучалъ покоемъ, не умѣлъ терпѣливо выжидать; ему постоянно нужна была тревога, увлеченіе смѣлою ли мыслью, или широкимъ предпріятіемъ, даже просто хотя бы ссорой съ противнымъ человѣкомъ. Это словно парусъ, который только въ бурю бываетъ самимъ собой, а въ затишье треплется на мачтѣ бесполезной тряпкой.

Лекція LV.

Положеніе русской Церкви при вступленіи Никона на патріаршій престолъ. — Его идея вселенской Церкви. — Его новшества. — Чѣмъ Никонъ содѣйствовалъ церковному расколу? — Латинобоязнь. — Признанія первыхъ старообрядцевъ. — Обзоръ сказаннаго. — Народно-психологическій составъ старообрядства. — Расколъ и просвѣщеніе. — Содѣйствіе раскола западному вліянію.

Почти еще во цвѣтѣ лѣтъ и съ нетронутымъ запасомъ силъ Никонъ сталъ патріархомъ русской Церкви. Онъ попалъ въ бурливый и мутный водоворотъ разностороннихъ стремленій, политическихъ замысловъ, церковныхъ недоразумѣній и придворныхъ интригъ. Государство готовилось воевать съ Польшей, свести съ ней затянувшіеся со Смутаго времени счеты и сдержать прикрытый ея флагомъ католическій натискъ на западную Русь. Для успѣха въ этой борьбѣ Москвѣ нужны были протестанты, ихъ военное искусство и промышленныя указанія. Для русской церковной іерархіи возникла двусторонняя забота: надобно было поощрять царское правительство къ борьбѣ съ католиками и сдерживать его отъ увлеченія протестантами. Подъ гнетомъ этой заботы въ застоявшейся церковной жизни появляются признаки нѣкотораго движенія. Готовясь къ борьбѣ, русское церковное общество насторожилось, спѣшило ирибраться, почиститься, собраться съ силами, внимательно пріемотрѣться къ своимъ недостаткамъ: из-

Положеніе
Церкви.

даются строгіе указы противъ суевѣрій, языческихъ обычаевъ въ народѣ, безобразнаго проважденія праздниковъ, противъ кулачныхъ боевъ, зазорныхъ игрищъ, пьянства и невѣжества духовенства, противъ безпорядковъ въ богослуженіи. Спѣшили возможно скорѣе вымести соръ, небрежно копившійся вмѣстѣ съ церковными богатствами 6½ столѣтій. Стали искать союзниковъ. Если государству понадобился мастеръ-нѣмецъ, то Церковь почувствовала нужду въ учителѣ грекѣ или кievлянинѣ. Отношенія къ грекамъ улучшаются: вопреки прежнему недоувѣрчивому и пренебрежительному взгляду на ихъ пестрое благочестіе теперь въ Москвѣ признають ихъ строго православными. Сношенія съ восточной іерархіей оживляются: все чаще появляются въ Москвѣ восточные іерархи съ просьбами и предложеніями; все чаще обращаются изъ Москвы на Востокъ къ греческимъ владыкамъ съ запросами по церковнымъ нуждамъ и недоумѣніямъ. Русская автокефальная Церковь съ подобающимъ благоговѣнствомъ относится къ Церкви константинопольской, какъ къ своей бывшей митрополіи; мнѣніямъ восточныхъ патріарховъ въ Москвѣ внемлютъ, какъ голосу вселенской Церкви; никакого важнаго церковнаго недоумѣнія не рѣшаютъ безъ ихъ согласія. Греки шли навстрѣчу шедшимъ изъ Москвы призывамъ. Въ то время какъ Москва искала свѣта на греческомъ Востокѣ, оттуда шли внушенія самой Москвѣ стать источникомъ свѣта для православнаго Востока, питомникомъ и разсадникомъ духовнаго просвѣщенія для всего православнаго міра, основать высшее духовное училище и завести греческую типографію. Въ то же время доувѣрчиво пользовались трудами и услугами кievской учености. Но всѣ эти духовныя силы легче было собрать, чѣмъ объединить, наладить для дружной работы. Кievскіе академики и ученые

греки являлись въ Москву спесивыми гостями, коловшимъ глаза хозяевамъ своимъ научнымъ превосходствомъ. Приворные сторонники западной культуры, какъ Морозовъ и Ртищевъ, дорожа нѣмцами, какъ мастерами, привѣчали грековъ и кievлянъ, какъ церковныхъ учителей, и помогали Никонову предшественнику, патріарху Іосифу, который тоже держался обновительнаго направленія вмѣстѣ съ царскимъ духовникомъ Стефаномъ Вонифатьевымъ, хлопоталъ о школахъ, о переводѣ и изданіи образовательныхъ книгъ, а для проведенія въ народную массу благопристойныхъ понятій и нравовъ Стефанъ вызвалъ изъ разныхъ угловъ Россіи популярныхъ проповѣдниковъ, священниковъ Ивана Неронова изъ Нижняго, Давіила изъ Костромы, Логгина изъ Мурома, Аввакума изъ Юрьевца Повольскаго, Лазаря изъ Романова-Борисоглѣбска. Въ этой компаніи вращался и Никонъ, пока молчаливо себѣ на умѣ присматриваясь къ товарищамъ, своимъ первымъ будущимъ врагамъ. Но Ртищева за научныя наклонности заподозрили въ ереси, а царскій духовникъ, съ виду благодушный и смиренный назидатель царя, при первомъ столкновеніи обругалъ передъ нимъ патріарха и весь Освященный соборъ волками и губителями, сказавъ, что въ Московскомъ государствѣ и Церкви-то Божіей совсѣмъ нѣтъ, такъ что патріархъ билъ челомъ царю по силѣ Уложенія, присуждающаго смертную казнь за хулу на соборную и апостольскую Церковь. Наконецъ и подобранные духовникомъ сотрудники перестали слушаться своего вожака, говорили съ нимъ „жестoko и противно“, попросту ругались и съ фанатическимъ самозабвеніемъ во имя того же русскаго бога набросились на патріарха и всѣхъ нововводителей съ ихъ новыми книгами, идеями, порядками и учителями, не разбирая ни нѣмцевъ, ни грековъ, ни кievлянъ. Духовникъ царскій былъ правъ,

сказавъ, что въ Московскомъ государствѣ нѣтъ Церкви Божіей, если подѣ Церковью разумѣть церковно-іерархическую дисциплину и богослужебный порядокъ. Здѣсь царилъ безнорядъ и безчиніе. Набожная, выдержанная въ церковности русская паства скучала долгимъ стояніемъ въ храмѣ. Угождая ей, духовенство самовольно ввело ускоренный порядокъ богослуженія: читали и пѣли разное въ два, въ три голоса или одновременно дьячокъ читалъ, дьяконъ говорилъ эктению, а священникъ возгласы, такъ что ничего нельзя было разобрать, лишь бы было прочтано и спѣто все положенное по Служебнику. Еще Стоглавый соборъ строго воспретилъ такое многогласіе; но духовенство не слушалось соборнаго постановленія. За такое безчиніе достаточно было подвергать безчинныхъ священнослужителей дисциплинарному взысканію. Но патріархъ по приказу царя въ 1649 г. созвалъ по этому дѣлу цѣлый церковный соборъ, который, опасаясь ропота духовенства и мірянъ, утвердилъ беспорядокъ. Въ 1651 г. недовольство сторонниковъ церковнаго благочинія понудило на новомъ соборѣ перерѣшить дѣло въ пользу единогласія. Высшіе пастыри Церкви боялись своей паствы и даже подвластнаго духовенства, а паства ни во что не ставила своихъ пастырей, которые подѣ гнетомъ измѣнчивыхъ вліяній метались изъ стороны въ сторону, не отставая въ законодательной растерянности отъ государственнаго правительства.

Идея вселенской Церкви

Можно было бы подивиться духовной силѣ Никона, сумѣвшаго среди этой взбаламученной разносторонними вѣяніями церковной мути выработать и донести до патріаршаго престола ясную мысль о Церкви вселенской и объ отношеніи къ ней помѣстной Церкви русской, если бы онъ внесъ въ эту мысль болѣе серьезнаго содержанія. Онъ вступилъ

въ управленіе русской Церковью съ твердой рѣшимостью возстановитъ полное согласіе ея съ Церковью греческой, уничтоживъ всѣ обрядовыя особенности, которыми первая отличалась отъ послѣдней. Не было недостатка во внушеніяхъ, поддерживавшихъ въ немъ сознаніе необходимости этого единенія. Восточные іерархи, все чаще наѣзжавшіе въ Москву въ XVII в., укоризненно указывали русскимъ церковнымъ пастырямъ на эти особенности, какъ на мѣстныя новизны, могущія разстроить согласіе между помѣстными православными церквами. Незадолго до вступленія Никона на патріаршую кафедру случилось событіе, указывавшее на такую опасность. На Афонѣ монахи всѣхъ греческихъ монастырей, составивъ соборъ, признали двуперстіе ересью, сожгли московскія богослужебныя книги, въ которыхъ оно было положено, и хотѣли сжечь самого старца, у котораго нашли эти книги. Можно угадывать личное побужденіе, заставлявшее Никона больше всего заботиться объ упрощеніи тѣснаго общенія русской Церкви съ восточными, русскаго патріарха со вселенскими. Онъ понималъ, что вялыя преобразовательныя поползновенія патріарха Іосифа и его единомышленниковъ не выведутъ русской Церкви изъ ея безотраднaго положенія. Онъ воочію видѣлъ, какимъ жалкимъ статистомъ служилъ на придворной сценѣ всероссійскій патріархъ, по собственному опыту зналъ, какъ легко настойчивый человекъ можетъ повернуть молодого царя въ любую сторону, и его взрывчатое самолюбіе возмущалось при мысли, что и онъ, патріархъ Никонъ, можетъ стать игрушкой въ рукахъ какого-нибудь зазнавагося царскаго духовника подобно своему предшественнику, къ концу патріаршества ждавшему со дня на день отставки. На высотѣ апостольскаго престола въ Москвѣ Никонъ долженъ былъ чувствовать себя одино-

кимъ и искалъ опоры на сторонѣ, на вселенскомъ Востокѣ, въ тѣсномъ единеніи съ восточными сопредостольниками, ибо авторитетъ вселенской Церкви при всей трудности этого представленія для московскаго церковнаго разумѣнія все же былъ нѣкоторымъ пугаломъ для набожно-трусливой, хотя и всевластной московской совѣсти. По своей привычкѣ всякую идею, всякое чувство, его захватывавшее, разрабатывать при содѣйствіи воображенія, онъ забывалъ свою нижегородскую мордовскую родину и хотѣлъ заставить себя стать грекомъ. На церковномъ соборѣ 1655 г. онъ объявилъ, что хотя онъ русскій и сынъ русскаго, но его *отца* и убѣжденія греческія. Въ томъ же году послѣ торжественной службы въ Успенскомъ соборѣ онъ на глазахъ всего молившагося народа снялъ съ себя русскій клобукъ и надѣлъ греческій, что впрочемъ вызвало не улыбку, а сильный ропоть, какъ вызовъ всѣмъ вѣровавшимъ, что въ русской Церкви все предано апостолами по внушенію Св. Духа. Никонъ хотѣлъ даже столь имѣть греческій. Въ 1658 г. самъ архимандритъ греческаго монастыря на Никольской улицѣ съ келаремъ „строили кушанье государю патриарху по-гречески“ и за то получили по полтинѣ, рублей по 7 на наши деньги. Укрѣпившись опорой внѣ сферы московской власти, Никонъ хотѣлъ быть не просто московскимъ и всероссійскимъ патриархомъ, а еще однимъ изъ вселенскихъ и дѣйствовать самостоятельно. Онъ хотѣлъ дать дѣйствительную силу титулу „великаго государя“, какой онъ носилъ наравнѣ съ царемъ, все равно, была ли это снисходительно допущенная узурпація, или неосторожно пожалованная „собинному другу“ царская милость. Онъ ставилъ священство не только вровень съ царствомъ, но и выше его. Когда его упрекали въ папизмъ, онъ безъ смущенія отвѣчалъ: „за доброе отчего

и папу не почитать? тамъ верховные апостолы Петръ и Павелъ, а онъ у нихъ служить“. Никонъ бросилъ вызовъ всему прошлому русской Церкви, какъ и окружающей русской дѣйствительности. Но онъ не хотѣлъ считаться со всѣмъ этимъ: передъ носителемъ вѣчной и вселенской идеи должно исчезать все временное и мѣстное. Вся задача въ томъ, чтобы установить полное согласіе и единеніе Церкви русской съ другими помѣстными православными церквами, а тамъ ужъ онъ, патріархъ всея Руси, сумѣетъ занять подобающее мѣсто среди высшей іерархіи вселенской Церкви.

Никонъ приступилъ къ дѣлу возстановленія этого со-Новшества. гласія со своей обычной ревностью и увлеченіемъ. Вступая на патріаршій престолъ, онъ связалъ боярское правитель-ство и народъ торжественною клятвой дать ему волю устроить церковныя дѣла, получилъ своего рода церковную диктатуру. Ставъ патріархомъ, онъ на много дней затворился въ книгохранилищѣ, чтобы разсмотрѣть и изучить старыя книги и спорные тексты. Здѣсь, между прочимъ, онъ нашелъ грамоту объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, подписанную въ 1593 г. восточными патріархами, въ которой онъ прочиталъ, что московскій патріархъ, какъ братъ всѣхъ прочихъ православныхъ патріарховъ, во всемъ долженъ быть съ ними согласенъ и истреблять всякую новизну въ оградѣ своей Церкви, такъ какъ новизны всегда бываютъ причиной церковнаго раздора. Тогда Никономъ овладѣлъ великій страхъ при мысли, не допустила ли русская Церковь какого-нибудь отступленія отъ православнаго греческаго закона. Онъ началъ разсматривать и сличать съ греческимъ славянскій текстъ символа вѣры и богослужебныхъ книгъ и вездѣ нашелъ перемѣны и несходства съ греческимъ текстомъ. Въ сознаніи своего долга под-

держивать согласіе съ Церковью греческой онъ рѣшилъ приступить къ исправленію русскихъ богослужебныхъ книгъ и церковныхъ обрядовъ. Онъ началъ съ того, что своею властью безъ собора въ 1653 г. передъ великимъ постомъ разослалъ по церквамъ указъ, сколько слѣдуетъ власть земныхъ поклоновъ при чтеніи извѣстной молитвы св. Ефрема Сирина, при чемъ предписывалъ также креститься тремя перстами. Потомъ онъ ополчился противъ русскихъ иконописцевъ своего времени, которые отступали отъ греческихъ образцовъ въ писаніи иконъ и усвоили приемы католическихъ живописцевъ. Далѣе при содѣйствіи юго-западныхъ монаховъ онъ ввелъ на мѣсто древняго московскаго унисоннаго пѣнія новое кievское партесное, а также завелъ небывалый обычай произносить въ церкви проповѣди собственнаго сочиненія. Въ древней Руси подозрительно смотрѣли на такія проповѣди, видѣли въ нихъ признакъ самовѣнія проповѣдника; пристойнымъ считали читать поученія св. отцевъ, хотя обыкновенно и ихъ не читали, чтобъ не замедлять церковной службы. Никонъ самъ любилъ и былъ мастеръ произносить поученія собственнаго сочиненія. По его внушенію и примѣру и пріѣзжіе кievляне начали говорить въ московскихъ церквахъ свои проповѣди, иногда даже на современныя темы. Легко понять смущеніе, въ какое должны были впасть отъ этихъ новизнъ православныя русскіе умы, и безъ того тревожно настроенные. Распоряженія Никона показывали русскому православному обществу, что оно доселѣ не умѣло ни молиться, ни писать иконъ и что духовенство не умѣло совершать богослуженіе, какъ слѣдуетъ. Это смущеніе живо выразилъ одинъ изъ первыхъ вождей раскола, протопопъ Аввакумъ. Когда вышло распоряженіе о великопостныхъ поклонахъ, „мы, пишетъ онъ, собрались и задумались: видимъ, зима на-

ступается, сердце озябло и ноги задрожали“. Смущеніе должно было усилиться, когда Никонъ приступилъ въ исправленію богослужебныхъ книгъ, хотя это дѣло онъ провелъ черезъ церковный соборъ 1654 г. подъ предсѣдательствомъ самого царя и въ присутствіи Боярской думы: соборъ постановилъ при печатаніи церковныхъ книгъ исправлять ихъ по древнимъ славянскимъ и по греческимъ книгамъ. Богослужебныя книги въ древней Руси плохо отличали отъ Свящ. Писанія. Потому предпріятіе Никона возбуждало вопросъ: неужели и божественное писаніе неправо? что же послѣ этого есть праваго въ русской Церкви? Тревога усиливалась еще тѣмъ, что всѣ свои распоряженія патріархъ вводилъ порывисто и съ необычайнымъ шумомъ, не готовя къ нимъ общества и сопровождая ихъ жестокими мѣрами противъ ослушниковъ. Оборвать, обругать, проклясть, избить неугоднаго человѣка — таковы были обычные приемы его властнаго паствительства. Такъ онъ поступилъ даже съ епископомъ коломенскимъ Павломъ, возражавшимъ ему на соборѣ 1654 г.: безъ соборнаго суда Павелъ былъ лишенъ кафедры, преданъ „лютому біенію“ и сосланъ, сошелъ съ ума и погибъ безвѣстной смертію. Одинъ современникъ рассказываетъ, какъ Никонъ дѣйствовалъ противъ новаго иконописанія. Въ 1654 г., когда царь былъ въ походѣ, патріархъ приказалъ провозвести въ Москвѣ обыскъ по домамъ и забрать иконы новаго письма вездѣ, гдѣ онѣ окажутся, даже въ домахъ знатныхъ людей. У отобранныхъ иконъ выкалывали глаза и въ такомъ видѣ носили ихъ по городу, объявляя указъ, который грозилъ строгимъ наказаніемъ всѣмъ, кто будетъ писать такія иконы. Вскорѣ послѣ того въ Москвѣ настала моровая язва и случилось солнечное затменіе. Москвичи пришли въ сильное волненіе, собирали сходки и бранили патріарха,

говоря, что морь и затменіе — кара Божія за нечестіе Никона, ругающагося надъ иконами, собирались даже убить иконоборца. Въ 1655 г. въ недѣлю православія патріархъ совершалъ въ Успенскомъ соборѣ торжественное богослуженіе въ присутствіи двухъ восточныхъ патріарховъ, антиохійскаго и сербскаго, случившихся тогда въ Москвѣ. Послѣ литургіи Никонъ, прочитавъ бесѣду о поклоненіи иконамъ, произнесъ сильную рѣчь противъ новой русской иконописи и предалъ церковному отлученію всѣхъ, кто впредь будетъ писать или держать у себя новыя иконы. При этомъ ему подносили отобранныя иконы и онъ, покаявая каждую народу, бросалъ ее на желѣзный полъ съ такою силою, что икона разбивалась. Наконецъ онъ приказалъ сжечь неисправныя иконы. Царь Алексѣй, все время смиренно слушавшій патріарха, подошелъ къ нему и тихо сказалъ: „нѣтъ, батюшка, не вели ихъ жечь, а прикажи лучше зарыть въ землю“.

Содѣйствіе
Никона
расколу.

Что было всего хуже, такое ожесточеніе противъ привычныхъ церковныхъ обычаевъ и обрядовъ вовсе не оправдывалось убѣжденіемъ Никона въ ихъ душевредности и въ исключительной душеспасительности новыхъ. Какъ до возбужденія вопросовъ объ исправленіи книгъ самъ онъ крестился двумя перстами, такъ и послѣ допускалъ въ Успенскомъ соборѣ и сугубую и трегубую аллилуію. Уже въ концѣ своего патріаршества, въ разговорѣ съ покорившимся Церкви противникомъ Иваномъ Нероновымъ о старыхъ и новоисправленныхъ книгахъ, онъ сказалъ: и тѣ и другія добры; все равно, по коимъ хочешь, по тѣмъ и служишь. Значить, дѣло было не въ обрядѣ, а въ противленіи церковной власти. Нероновъ съ единомышленниками и былъ проклятъ на соборѣ 1656 г. не за двуперстіе или старопечатныя книги, а за то, что не покорялся церков-

ному собору. Вопросъ сводился съ обряда на *правило*, обязывавшее повиноваться церковной власти. На томъ же основаніи и соборъ 1666/7 гт. положилъ клятву на старо-обрядцевъ. Дѣло получало такой смыслъ: церковная власть предписывала непривычный для паствы обрядъ; непокорявшіеся предписанію отлучались не за старый обрядъ, а за непокорность; но кто раскаивался, того воссоединяли съ Церковью и разрѣшали ему держаться стараго обряда. Это похоже на пробную лагерную тревогу, пріучающую людей быть всегда въ боевой готовности. Но такой искусь церковнаго послушанія — пастырская игра религіозной совѣстью пасомыхъ. Протоповъ Аввакумъ и другіе не нашли въ себѣ столь гибкой совѣсти и стали расколочителями. А объяви Никонъ въ самомъ началѣ дѣла всей Церкви то же, что онъ сказалъ покорившемуся Неронову, не было бы и раскола. Никонъ много помогъ успѣхамъ раскола тѣмъ, что плохо понималъ людей, съ которыми ему приходилось считаться, слишкомъ низко цѣнилъ своихъ первыхъ противниковъ, Неронова, Аввакума и другихъ своихъ бывшихъ друзей. Это были не только популярныя проповѣдчики, но и народные агитаторы. Свой учительный даръ они показывали преимущественно на ученіяхъ св. отцовъ, особенно Іоанна Златоуста, на *Маргаритъ*, какъ назывался сборникъ его поученій. И Нероновъ, священствуя въ Нижнемѣ, не разставался съ этой книгой, читалъ и толковалъ ее съ церковной кафедры, даже по улицамъ и площадямъ, собирая большія толпы народа. Неизвѣстно, много ли было богословскаго смысла въ этихъ экзегетическихъ импровизаціяхъ, но темперамента, несомнѣнно, было съ избыткомъ. Притомъ это былъ жестокой обличитель мірскихъ пороковъ, пьянства духовныхъ, гроза скомороховъ, даже воеводскихъ злоупотребленій, за что не разъ былъ

бываемъ. Когда онъ сталъ настоятелемъ Казанскаго собора въ Москвѣ, туда на его служеніе сходилась вся столица, переполняла храмъ и паперть, облѣпляла окна; самъ царь съ семьей приходилъ послушать проповѣдника. На Неронова похожи были и другіе изъ братіи царскаго духовника. Популярность и благоволеніе двора наполнили ихъ непомятой дерзостью. Привыкнувъ запросто обходиться съ Никономъ до патріаршества, они теперь стали грубить ему, срамить его на соборѣ, доносить на него царю. Патріархъ отвѣчалъ имъ жестокими карами. Муромскій протопопъ Логгинъ, благословляя жену мѣстнаго воеводы въ его домѣ, спросилъ ее, не набѣлена ли она. Обиженный хозяинъ и гости заговорили: ты, протопопъ, хулишь бѣдила, а безъ нихъ и образа не пишутся. Если, возразилъ Логгинъ, составы, какими пишутся образа, положить на ваши рожи, вамъ это не понравится; самъ Спасъ, пресв. Богородица и всѣ святые честиѣ своихъ образовъ. Въ Москву сейчасъ доносъ отъ воеводы: Логгинъ похулилъ образа Спасителя, Богородицы и всѣхъ святыхъ. Никонъ, не разобравъ этого нелѣпаго дѣла, подвергъ Логгина жестокому аресту въ отместку за то, что протопопъ прежде уворялъ его въ гордости и высокоуміи. Внося личную вражду въ церковное дѣло, Никонъ одновременно и ронялъ свой пастырскій авторитетъ, и украшалъ страдальческимъ вѣнцомъ своихъ противниковъ, а разгоняя ихъ по Россіи, снабжалъ глухіе углы ея умѣлыми сѣятелями старовѣрья. Такъ Никонъ не оправдалъ своей диктатуры, не устроилъ церковныхъ дѣлъ, напротивъ, еще болѣе ихъ разстроилъ. Власть и придворное общество погасили въ немъ духовныя силы, дарованныя ему щедрой для него природой. Ничего обновительнаго, преобразовательнаго не внесъ онъ въ свою пастырскую дѣятельность; всего менѣе было этого въ пред-

принятомъ имъ исправленіи церковныхъ книгъ и обрядовъ. **Корректура** — не реформа, и если корректурныя поправки были приняты частью духовенства и общества за новые догматы и вызвали церковный мятежь, то въ этомъ прежде всего виновать самъ Никонъ со всей русской іерархіей: зачѣмъ онъ предпринималъ такое дѣло, обязанный знать, что изъ него выйдетъ, и что же дѣлали русскіе пастыри въ продолженіе столѣтій, если не научили своей паствы отличать догматъ отъ сугубой аллилуіи? Никонъ не перестраивалъ церковнаго порядка въ какомъ-либо новомъ духѣ и направленіи, а только замѣнялъ одну церковную форму другой. Самую идею вселенской Церкви, во имя которой предпринято было это шумное дѣло, онъ понялъ слишкомъ узко, по-раскольничьи, съ внѣшней обрядовой стороны, и не сумѣлъ ни провести въ сознаніе русскаго церковнаго общества болѣе широкаго взгляда на вселенскую Церковь, ни закрѣпить его какимъ-либо вселенскимъ соборнымъ постановленіемъ, и завершилъ все дѣло тѣмъ, что въ лицо обругалъ судившихъ его восточныхъ патріарховъ султанскими невольниками, бродягами и ворами: ревнуя о единеніи Церкви вселенской, онъ раскололъ свою помѣстную. Основная струна настроенія русскаго церковнаго общества, косность религіознаго чувства, слишкомъ крѣпко натянутая Никономъ, оборвавшись, больно хлестнула и его самого, и правящую русскую іерархію, одобвившую его дѣло.

Кромѣ собственнаго образа дѣйствій Никоноу располагалъ еще двумя вспомогательными средствами для борьбы со старовѣрческимъ упрямствомъ, которыя при данной имъ дѣлу постановкѣ столь же удачно способствовали успѣхамъ старовѣрья. Во-первыхъ, ближайшими сотрудниками Никона и проводниками его церковныхъ нововведеній были южно-

Латино-
бояръ.

русскіе ученые, о которыхъ знали въ Москвѣ, что они тѣсно соприкасались съ польскимъ католическимъ міромъ, или такіе греки, какъ помянутый Арсеній, бродяга-перекрестъ, бывшій католикъ и по слухамъ даже басурманъ, довѣренный книжный справщикъ Никона, вывезенный имъ изъ Соловецкаго исправительнаго подначала, „ссылный чернецъ темныхъ римскихъ отступленій“, какъ объ немъ тогда отзывались. Притомъ введеніе церковныхъ новшествъ сопровождалось рѣзкими попреками со стороны пріѣзжихъ малороссовъ и грековъ, направленными противъ великороссовъ. Кіевскій монахъ, хохоль, „нехай“, какъ тогда говорили, на каждомъ шагѣ кололъ глаза великорусскому обществу, особенно духовенству, злорадно коря его въ невѣжествѣ, безъ умолку твердя о его незнакомствѣ съ грамматикой, риторикой и другими школьными науками. Симеонъ Полоцкій торжественно съ церковной кафедрѣ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ возвѣщалъ, что премудрость не имѣетъ въ Россіи гдѣ главу приклонить, что русскіе ученія чуждаются и мудрость, предстоящую Богу, презираютъ, говорилъ о невѣждахъ, которые смѣютъ называться учителями, не бывъ нигдѣ и никогда учениками: „поистинѣ это не учителя, а мучители“. Подъ этими невѣждами разумѣлись прежде всего московскіе священники. Въ хранителяхъ древнерусскаго благочестія эти попреки возбуждали раздраженные вопросы: точно ли они такъ невѣжественны, да и эти привозныя школьныя науки въ самомъ ли дѣлѣ такъ ужъ необходимы для охраненія ввѣреннаго русской Церкви сокровища? Общество и безъ того уже было настроено тревожно и подозрительно вслѣдствіе наплыва иноземцевъ, а къ этому прибавлялось еще раздраженное чувство національнаго достоинства, оскорбляемое своею же православной братіей. Наконецъ, русскіе и восточные

іерархи на соборѣ 1666—7 г., предавъ анаѳемѣ двуперстіе и другіе обряды, признанные Стоглавымъ соборомъ 1551 г., торжественно объявили, что „отцы этого собора мудрствовали невѣжествомъ своимъ безразсудно“. Такимъ образомъ русская іерархія XVII в. предала полному осужденію русскую церковную старину, которая для значительной части тогдашняго русскаго общества имѣла вселенское значеніе. Легко понять смущеніе, въ какое всѣ эти явленія повергли православные русскіе умы, воспитанные въ описанномъ религіозномъ самодовольствѣ и такъ тревожно настроенные. Это смущеніе и повело къ расколу, какъ скоро найдена была разгадка непонятныхъ церковныхъ новведеній. Участіе въ нихъ пріѣзжихъ грековъ и западно-русскихъ ученыхъ, которыхъ подозрѣвали въ связи съ латинствомъ, назойливое навязываніе ими школьныхъ наукъ, процвѣтавшихъ на латинскомъ Западѣ, появленіе церковныхъ новшествъ вслѣдъ за западными новинами, неразумное пристрастіе правительства къ казавшимся ненужными заимствованіямъ съ того же Запада, откуда накликали и сытно кормили столько еретическаго люда, — все это распространило въ русскомъ рядовомъ обществѣ догадку, что церковныя новшества — дѣло тайной латинской пропаганды, что Никонъ и его греческіе и кіевскіе сотрудники суть орудія папы, еще разъ задумавшаго олатынить русскій православный народъ.

Достаточно заглянуть въ самыя раннія произведенія старообрядческой литературы, чтобы видѣть, что именно такія впечатлѣнія и опасенія руководили первыми борцами раскола и ихъ послѣдователями. Въ числѣ этихъ произведеній видное мѣсто занимаютъ двѣ челобитныя, изъ которыхъ одна подана была царю Алексѣю въ 1662 г. чернецомъ Савватіемъ, а другая въ 1667 г. братіей Соловецкаго монастыря, возставшей противъ никоновыхъ нововведеній.

Признаніе
первыхъ
старообрад-
цевъ.

Издатели исправленныхъ богослужебныхъ книгъ при Никоиѣ кололи глаза приверженцамъ старыхъ неисправныхъ книгъ тѣмъ, что они не знали грамматики и риторики. Въ отвѣтъ на это чернецъ Савватій пишетъ царю о новыхъ книжныхъ исправителяхъ: „Ей, государь! смутились и книги портятъ, а начали такъ плутать недавно: свела ихъ съ ума несовершенная ихъ грамматика да прѣвзѣіе нехай“. Церковныя нововведенія Никона оправдывались одобреніемъ восточныхъ греческихъ іерарховъ; но греки давно уже возбуждали въ русскомъ обществѣ подозрѣніе насчетъ чистоты своего православія, и въ отвѣтъ на обращеніе къ ихъ авторитету соловецкая челобитная замѣчаетъ, что греческіе учителя сами лба перекрестить „по подобію“, какъ подобаеть, не умѣютъ и безъ крестовъ ходятъ; имъ самимъ слѣдовало бы учиться благочестію у русскихъ людей, а не учить послѣднихъ. Церковные нововводители увѣряли, что обряды русской Церкви неправы; но та же челобитная, смѣшивая обрядъ съ вѣроученіемъ и становясь за русскую церковную старину, пишетъ: „нынѣ новые вѣроучители учатъ насъ новой и неслыханной вѣрѣ, точно мы мордва или черемиса, Бога не знающая; пожалуй, придется намъ вторично креститься, а угодниковъ Божиихъ и чудотворцевъ вонъ изъ церкви выбросить; и такъ уже иноземцы смѣются надъ нами, говоря, что мы и вѣры-то христіанской по сіе время не знали“. Очевидно, церковныя нововведенія задѣвали самую чувствительную струну въ настроеніи русскаго церковнаго общества, его національно-церковную самоувѣренность. Протопопъ Аввакумъ, одинъ изъ первыхъ и самый жаркій боецъ за расколъ, является самымъ вѣрнымъ истолкователемъ его основной точки зрѣнія и его побужденій. Въ образѣ дѣйствій и въ сочиненіяхъ этого старообрядческаго борца выражается вся

сущность древнерусскаго религіознаго міровоззрѣнія, какъ оно сложилось къ изучаемому времени. Аввакумъ видитъ источникъ церковной бѣды, постигшей Русь, въ новыхъ западныхъ обычаяхъ и въ новыхъ книгахъ: „Охъ, бѣдная Русь! восклицаетъ онъ въ одномъ сочиненіи, что это тебѣ захотѣлось латинскихъ обычаевъ и нѣмецкихъ поступковъ?“ И онъ того мнѣнія, что восточные церковные учителя, которыхъ призывали на Русь научить и наставить ее въ церковныхъ недоумѣніяхъ, сами нуждаются въ наученіи и вразумленіи и именно со стороны Руси. Въ своей автобіографіи онъ рисуеть неподобную сцену, разыгравшуюся на судившемъ его церковномъ соборѣ 1667 г., именно свое поведеніе въ присутствіи восточныхъ патріарховъ. Послѣдніе говорятъ ему: „ты упрямъ, протопопъ: вся наша Палестина, и сербы, и албанцы, и римляне, и ляхи — всѣ тремя перстами крестятся; одинъ ты упорно стоишь на своемъ и крестишься двумя перстами; такъ не подобаетъ“. Аввакумъ возразилъ: „Вселенскіе учителя! Римъ давно палъ, и ляхи съ нимъ же погибли, до конца остались врагами христіанамъ; да и у васъ православіе пестро, отъ насилія турскаго Махмета немощны вы стали и впредь пріѣзжайте къ намъ учиться; у насъ Божіей благодатью самодержавіе и до Никона-отступника православіе было чисто и непорочно и Церковь безмятежна“. Сказавъ это, подсудимый отошелъ къ дверямъ палаты да на бокъ и повалился, приговаривая: „посидите вы, а я полежу“. Нѣкоторые засмѣялись, говоря: „дуракъ протопопъ, и патріарховъ не почитаетъ“. Аввакумъ продолжалъ: „мы уроды Христа ради; вы славны, а мы безчестны; вы сильны, а мы немощны“. Основную мысль, руководившую первыми вождями раскола, Аввакумъ выразилъ такъ: „хотя я несмысленный и очень неученый человѣкъ, да то знаю, что все, святыми отцами Церкви

преданное, свято и непорочно; держу до смерти, якоже пріяхъ, не прелагаю предѣль вѣчныхъ; до насъ положено — лежи оно такъ во вѣки вѣкомъ“. Эти черты древнерусскаго религіознаго міросозерцанія, которому событія XVII в. сообщили чрезвычайно болѣзненное возбужденіе и одностороннее направленіе, цѣлькомъ перешли въ расколъ, легля въ основаніе его религіознаго міросозерцанія.

Обзоръ складаннаго.

Такъ я объясняю происхожденіе раскола. Припомнимъ еще разъ изложенныя наблюденія, чтобы отдать себѣ отчетъ въ этомъ фактѣ и въ его значеніи.

Внѣшнія бѣдствія, постигшія Русь и Византію, уединили русскую Церковь, ослабивъ ея духовное общеніе съ церквами православнаго Востока. Это помутило въ русскомъ церковномъ обществѣ мысль о вселенской Церкви, подставивъ подъ нее мысль о Церкви русской, какъ единственной православной, замѣнившей собою Церковь вселенскую. Тогда авторитетъ вселенскаго христіанскаго сознанія былъ подмѣненъ авторитетомъ мѣстной національной церковной старины. Замкнутая жизнь содѣйствовала накопленію въ русской церковной практикѣ мѣстныхъ особенностей, а преувеличенная оцѣнка мѣстной церковной старины сообщила этимъ особенностямъ значеніе неприкосновенной святости. Житейскіе соблазны и религіозныя опасности, принесенныя западнымъ вліяніемъ, насторожили вниманіе русскаго церковнаго общества, а въ его руководителяхъ пробудили потребность собираться съ силами для предстоявшей борьбы, осмотрѣться и прибратъсь, подкрѣпиться содѣйствіемъ другихъ православныхъ обществъ и для того тѣснѣе сойтись съ ними. Такъ въ лучшихъ русскихъ умахъ около половины XVII в. оживилась замравшая мысль о вселенской Церкви, обнаружившаяся у патріарха Никона нетерпливой и порывистой дѣятельностью, направленной къ обра-

довому сближенію русской Церкви съ восточными церквами. Какъ самая эта идея, такъ и обстоятельства ея пробужденія и особенно способы ея осуществленія вызвали въ русскомъ церковномъ обществѣ страшную тревогу. Мысль о вселенской Церкви выводила это общество изъ его спокойнаго религіознаго самодовольства, изъ національно-церковнаго самомиѣнія. Порывистое и раздраженное гоненіе привычныхъ обрядовъ оскорбляло національное самолюбіе, не давало встревоженной совѣсти одуматься и переломить свои привычки и предрасудки, а наблюденіе, что латинское вліяніе дало первый толчокъ этимъ преобразовательнымъ порывамъ, наполнило умы паническимъ ужасомъ при догадкѣ, что этой ломкой родной старины двигаетъ скрытая злокозненная рука изъ Рима.

Итакъ расколъ, какъ религіозное настроеніе и какъ протестъ противъ западнаго вліянія, произошелъ отъ встрѣчи преобразовательнаго движенія въ государствѣ и Церкви съ народно-психологическимъ значеніемъ церковнаго обряда и съ національнымъ взглядомъ на положеніе русской Церкви въ христіанскомъ мірѣ. Съ этихъ сторонъ онъ есть явленіе народной психологіи и только. Въ народно-психологическомъ составѣ старообрядства надобно различать три основные элемента: 1) церковное самомиѣние, по винѣ котораго православіе у насъ превратилось въ національную монополию (*націоналізація вселенской Церкви*); 2) косность и робость богословской мысли, не умѣвшей усвоить духа новаго чуждаго знанія и испугавшейся его, какъ нечистаго латинскаго навожденія (*латинобоязнь*), и 3) инерція религіознаго чувства, не умѣвшаго отрѣшиться отъ привычныхъ способовъ и формъ своего возбужденія и проявленія (*язмыческая обрядность*). Но протестующее противощерковное настроеніе раскола превратилось въ церков-

Народно-психологическій составъ старообрядства.

ный мятежь, когда старообрядцы отказались повиноваться своимъ церковнымъ пастырямъ за ихъ предполагаемую привязанность къ латинству, а рускіе церковные іерархи съ двумя восточными патріархами на московскомъ соборѣ 1667 г. отлучили непокорныхъ старообрядцевъ отъ православной Церкви за ихъ противленіе канонической власти церковныхъ пастырей. Съ того времени расколъ и получилъ свое бытіе не только какъ религіозное настроеніе, но и какъ особенное церковное общество, отдѣлившееся отъ господствующей Церкви.

Расколъ и
просвѣ-
щеніе.

Расколъ скоро отозвался и на ходъ русскаго просвѣщенія, и на условія западнаго вліянія. Это вліяніе дало прямой толчокъ реакціи, породившей расколъ, а расколъ въ свою очередь далъ косвенный толчокъ школьному просвѣщенію, на которое онъ такъ ополчался. И греческіе, и западно-русскіе ученые твердили о народномъ русскомъ невѣжествѣ, какъ о коренной причинѣ раскола. Теперь и стали думать о настоящей правильной школѣ. Но какого она должна быть типа и направленія? Здѣсь расколъ помогъ раздѣлиться взглядамъ, прежде сливавшимся по недоразумѣнію. Пока передъ глазами стояли вѣшніе еретики, папезники и люторы, для борьбы съ ними радушно призывали и грековъ, и кіевлянъ, и Епифанія Славинецкаго, приходившаго съ греческимъ языкомъ, и Симеона Полоцкаго — съ латинскимъ. Но теперь завелись еретики домашніе, старовѣры, отпавшіе отъ Церкви за ея латинскія новшества, и *хлѣбопоклонники*, исповѣдывавшіе латинское ученіе о времени пресуществленія св. даровъ, и заводчикомъ этой ереси въ Москвѣ считали латиниста С. Полоцкаго. Возникъ горячій споръ объ отношеніи къ обоимъ языкамъ, о томъ, который изъ нихъ долженъ лечь въ основу православнаго школьнаго образованія. Эти языки были тогда не просто разные грамматики

и лексиконы, а разныя системы образованія, враждебныя культуры, непримиримыя міросозерцанія. Латынь — это „свободныя ученія“, „свобода взысканія“, свобода изслѣдованія, о которой говоритъ благословенная грамота прихожанамъ церкви Іоанна Богослова; это — науки, отвѣчающія и высшимъ духовнымъ, и ежедневнымъ житейскимъ нуждамъ человѣка, а греческій языкъ — это „священная философія“, грамматика, риторика, діалектика, какъ служебныя науки, вспомогательныя средства для уразумѣнія Слова Божія. Восторжествовали, разумѣется, эллинисты. Въ царствованіе Ѳеодора въ защиту греческаго языка написана была статья, которая начинается постановкой вопроса и отвѣтомъ на него: „Учитися ли намъ полезнѣе грамматикѣ, риторикѣ, философіи и ееологій и стихотворному художеству и оттуду познавати божественная писанія, или не учася симъ хитростемъ, въ простотѣ Богу угождати и отъчтенія разумъ святыхъ писаній познавати, — и что лучше російскимъ людямъ учитися греческаго языка, а не латинскаго“. Латинское ученіе по этой статьѣ безусловно вредно и губительно, грозитъ двумя великими опасностями: прослышавъ о принятіи этого ученія въ Москвѣ, лукавыя іезуиты подырадутся со своими неудобопознаваемыми силлогизмами и душетлительными аргументами“, и тогда съ Великой Россіей повторится то же, что испытала Малая, гдѣ „быша мало не всѣ уніаты — рѣдціи останася во православіи“; потомъ, если въ народѣ, особенно въ „простакахъ“, прослышать о латинскомъ ученіи, не знаю, писать авторъ, какого ждать добра, „точію избави Боже всякія противности“. Въ 1681 г. при московской типографіи на Цикольской открыто было училище съ двумя классами для изученія греческаго языка въ одномъ славянскаго въ другомъ. Руководилъ этой типографской школой долго

жившій на Востокѣ іеромонахъ Тимошеей съ двумя учителями греками. Въ школу вступило 30 учениковъ изъ разныхъ сословій. Въ 1686 г. ихъ числилось уже 233 человекъ, Потомъ заведена была и высшая школа, славяно-греко-латинская академія, открытая въ 1686 г. въ Заиконоспасскомъ монастырѣ на Никольской же. Руководить ей призваны были греки братья Лихуды. Сюда перевели старшихъ учениковъ типографскаго училища, которое стало какъ бы низшимъ отдѣленіемъ академіи. Въ 1685 г. ученикъ Полоцкаго Сильвестръ Медвѣдевъ поднесъ правительницѣ царевнѣ Софьѣ привилегій или уставъ академіи, составленный еще при царѣ Ѳеодорѣ. Характеръ и задачи академіи ясно обозначены нѣкоторыми пунктами устава. Она отрывалась для людей всѣхъ состояній и давала служебные чины воспитанникамъ. На должности ректора и учителей допускались только русскіе и греки; западно-русскіе православные ученые могли занимать эти должности только по свидѣтельству достовѣрныхъ благочестивыхъ людей. Строго запрещалось держать домашнихъ учителей иностранныхъ языковъ, имѣть въ домахъ и читать латинскія, польскія, нѣмецкія и другія еретическія книги; за этимъ, какъ и за иновѣрною пропагандою среди православныхъ, наблюдала академія, которая судила и обвиняемыхъ въ хулѣ на православную вѣру, за что виновные подвергались сожженію. Такъ продолжительныя хлопоты о московскомъ разсадникѣ свободныхъ ученій для всего православнаго Востока завершились церковно-полицейскимъ учебнымъ заведеніемъ, которое стало первообразомъ церковной школы. Поставленная на стражѣ православія отъ всѣхъ европейскихъ еретиковъ, безъ приготовительныхъ школъ, академія не могла проникнуть своимъ просвѣтительнымъ влияніемъ въ народную массу и была безопасна для раскола.

Сильнѣе воздѣйствоваль расколъ въ пользу западнаго вліянія, которымъ былъ вызванъ. Церковная буря, поднятая Никономъ, далеко не захватила всего русскаго церковнаго общества. Расколъ начался среди русскаго духовенства, и борьба въ первое время шла собственно между русскою правящею іерархіею и той частью церковнаго общества, которая была увлечена оппозиціею противъ обрядовыхъ новшествъ Никона, веденной агитаторами изъ подчиненнаго бѣлаго и чернаго духовенства. Даже не вся правящая іерархія была первоначально за Никона: епископъ коломенскій Павелъ въ ссылкѣ указывалъ еще на трехъ архіереевъ, подобно ему хранившихъ древнее благочестіе. Единодушіе здѣсь устанавливалось лишь по мѣрѣ того, какъ церковный споръ передвигался съ обрядовой почвы на каноническую, превращался въ вопросъ о противленіи паствы законнымъ пастырямъ. Тогда въ правящей іерархіи всѣ поняли, что дѣло не въ древнемъ или новомъ благочестіи, а въ томъ, остаться ли на епископской каедрѣ безъ паствы, или пойти съ паствою безъ каедръ подобно Павлу коломенскому. Масса общества вмѣстѣ съ царемъ относилась къ дѣлу двойственно: принимали нововведенія по долгу церковнаго послушанія, но не сочувствовали нововводителю за его отталкивающій характеръ и образъ дѣйствій; сострадали жертвамъ его нетерпимости, но не могли одобрять непристойныхъ выходокъ его изступленныхъ противниковъ противъ властей и учрежденій, которыя привыкли считать опорами церковно-нравственнаго порядка. Степенныхъ людей не могла не повергнуть въ раздумье сцена въ соборѣ при разстриженіи протопопа Логгина, который по снятіи съ него однорядки и кафтана съ бранью плевалъ черезъ порогъ въ алтарь въ глаза Никону и сорвавъ съ себя рубашку, бросилъ ее въ лицо патріарху.

Содѣйствіе
раскола
западному
вліянью.

Мыслящіе люди старались вдуматься въ сущность дѣла, чтобы найти для своей совѣсти точку опоры, которой не давали пастыри. Ртищевъ, отецъ ревнителя наукъ, говорилъ одной изъ первыхъ страдалицъ за старую вѣру кн. Урусовой: смущаетъ меня одно—не вѣдаю, за истину ли терпите. Онъ могъ спросить и себя, за истину ли ихъ мучать. Даже дьяконъ Ѳеодоръ, одинъ изъ первыхъ борцовъ за расколъ, въ тюрьмѣ наложилъ на себя постъ, чтобы узнать, что есть неправого въ древнемъ благочестіи и что правого въ новомъ. Иные изъ такихъ сомнѣвавшихся уходили въ расколъ; большая часть успокоивались на сдѣлѣ съ совѣстью, оставались искренне преданы Церкви, но отдѣлялись отъ нея церковною іерархію и полное равнодушіе къ послѣдней прикрывали привычнымъ наружно-почтительнымъ отношеніемъ. Правящія государственныя сферы были рѣшительнѣе. Здѣсь надолго запомнили, какъ глава церковной іерархіи хотѣлъ стать выше царя, какъ онъ на вселенскомъ судилищѣ въ 1666 г. срамилъ московскаго носителя верховной власти, и признавъ, что отъ этой іерархіи кромѣ смуты ждать нечего, молчаливо, безъ словъ, общимъ настроеніемъ рѣшили предоставить ее самой себѣ, но до дѣятельнаго участія въ государственномъ управленіи не допускать. Этимъ закончилась политическая роль древнерусскаго духовенства, всегда плохо поставленная и еще хуже исполняемая. Такъ было устранено одно изъ главныхъ препятствій, мѣшавшихъ успѣхамъ западнаго вліянія. Такъ какъ въ этомъ церковно-политическомъ кризисѣ ссора царя съ патріархомъ неувимыми узлами сплелась съ церковною смутой, поднятой Никономъ, то ея дѣйствіе на политическое значеніе духовенства можно признать косвенной услугой раскола западному вліянію. Расколъ оказалъ ему и болѣе прямую услугу, ослабивъ дѣйствіе другого

препятствія, которое мѣшало реформѣ Петра, совершавшейся подѣ этимъ вліяніемъ. Подозрительное отношеніе къ Западу распространено было во всемъ русскомъ обществѣ и даже въ руководящихъ кругахъ его, особенно легко поддававшихся западному вліянію, родная старина еще не утратила своего обаянія. Это замедляло преобразовательное движеніе, ослабляло энергію нововводителей. Расколъ уронилъ авторитетъ старины, поднявъ во имя ея мятежъ противъ Церкви, а по связи съ ней и противъ государства. Большая часть русскаго церковнаго общества теперь увидѣла, какія дурныя чувства и наклонности можетъ воспитывать эта старина и какими опасностями грозитъ слѣпая къ ней привязанность. Руководители преобразовательнаго движенія, еще колебавшіеся между родной стариной и Западомъ, теперь съ облегченной совѣстью рѣшительнѣе и смѣлѣе пошли своей дорогой. Особенно сильное дѣйствіе въ этомъ направленіи оказалъ расколъ на самого преобразователя. Въ 1682 г., вскорѣ по избраніи Петра въ цари, старообрядцы повторили свое мятежное движеніе во имя старины, старой вѣры (споръ въ Грановитой палатѣ 5 іюля). Это движеніе, какъ впечатлѣніе дѣтства, на всю жизнь врѣзалось въ душѣ Петра и неразрывно связало въ его сознаніи представленія о родной старинѣ, расколѣ и мятежѣ: старина — это расколъ; расколъ — это мятежъ; слѣдовательно старина — это мятежъ. Понятно, въ какое отношеніе къ родной старинѣ ставила преобразователя такая связь представленій.

Лекція LVI.

Царь Алексѣй Михайловичъ. — О. М. Ртищевъ.

Мы видѣли *движенія*, происходившія въ русскомъ обществѣ XVII в. Намъ остается взглянуть на *людей*, стоявшихъ тогда во главѣ его. Это необходимо для полноты наблюденія. Изъ противоположныхъ теченій, волновавшихъ русское общество, одно отталкивало его къ старинѣ, а другое увлекало впередъ, въ темную даль невѣдомой чужбины. Эти противоположныя вліянія рождали и распространяли въ обществѣ смутныя чувства и настроенія. Но въ отдѣльныхъ людяхъ, становившихся впереди общества, эти чувства и стремленія уяснялись, превращались въ сознательныя идеи и становились практическими задачами. Притомъ такія представительныя, типическія лица помогутъ намъ полнѣе изучить составъ жизни, ихъ воспитавшей. Въ такихъ лицахъ цѣльно собирались и выпукло проступали такіе интересы и свойства ихъ среды, которые терялись въ ежедневномъ обиходѣ, спорадически бродя по зауряднымъ людямъ, разбросанными и безсильными случайностями. Я остановлю ваше вниманіе только на немногихъ людяхъ, шедшихъ во главѣ преобразовательнаго движенія, которымъ подготовлялось дѣло Петра. Въ ихъ идеяхъ и въ задачахъ, ими поставленныхъ, всего явственнѣе обнаруживаются существенные результаты этой под-

готовки. То были идеи и задачи, которыя прямо вошли въ преобразовательную программу Петра, какъ завѣтъ его предшественниковъ.

Первое мѣсто между этими предшественниками принадлежитъ безспорно отцу преобразователя. Въ этомъ лицѣ отразился первый моментъ преобразовательнаго движенія, когда вожди его еще не думали разрывать со своимъ прошлымъ и ломать существующее. Царь Алексѣй Михайловичъ принялъ въ преобразовательномъ движеніи позу, соответствующую такому взгляду на дѣло: одной ногой онъ еще крѣпко упирался въ родную православную старину, а другую уже занесъ было за ея черту, да такъ и остался въ этомъ нерѣшительномъ переходномъ положеніи. Онъ выросъ вмѣстѣ съ поколѣніемъ, которое нужда впервые заставила заботливо и тревожно посматривать на еретическій Западъ въ чаяніи найти тамъ средства для выхода изъ домашнихъ затрудненій, не отрекаясь отъ понятій, привычекъ и вѣрованій благочестивой старины. Это было у насъ единственное поколѣніе, такъ думавшее: такъ не думали прежде и перестали думать потомъ. Люди прежнихъ поколѣній боялись брать у Запада даже матеріальныя удобства, чтобы ими не повредить нравственнаго завѣта отцовъ и дѣдовъ, съ которымъ не хотѣли разставаться, какъ со святыней; послѣ у насъ стали охотно пренебрегать этимъ завѣтомъ, чтобы тѣмъ вкуснѣе были матеріальныя удобства, заимствуемыя у Запада. Царь Алексѣй и его сверстники не менѣе предковъ дорожили своей православной стариной; но нѣкоторое время они были увѣрены, что можно щеголять въ нѣмецкомъ кафтанѣ, даже смотрѣть на иноземную потѣху, „комедійное дѣйство“, и при этомъ сохранить въ неприкосновенности тѣ чувства и понятія, какія необходимы, чтобы съ набожнымъ страхомъ помышлять

о возможности нарушить постъ въ крещенскій сочельникъ до звѣзды.

Царь Алексѣй родился въ 1629 г. Онъ прошелъ полный курсъ древнерусскаго образованія или *словеснаго ученія*, какъ тогда говорили. По заведенному порядку тогдашней педагогика на шестомъ году его посадили за букварь, нарочно для него составленный патриаршимъ дьякомъ по заказу дѣдушки, патриарха Филарета, — извѣстный древнерусскій букварь съ титлами, заповѣдами, краткимъ катихизисомъ и т. д. Училъ царевича, какъ это было принято при московскомъ дворѣ, дьякъ одного изъ московскихъ приказовъ. Черезъ годъ перешли отъ азбуки къ чтенію Часовника, мѣсяцевъ черезъ пять къ Псалтирю, еще черезъ три принялись изучать Дѣянія апостоловъ, черезъ полгода стали учить писать, на девятомъ году пѣвчій дьякъ, т.-е. регентъ дворцоваго хора, началъ разучивать Охтой (Октоихъ), нотную богослужебную книгу, отъ которой мѣсяцевъ черезъ восемь перешли къ изученію „страшнаго пѣнія“, т.-е. церковныхъ пѣснопѣній Страстной седмицы, особенно трудныхъ по своему напѣву — и лѣтъ десяти царевичъ былъ готовъ, прошелъ весь курсъ древнерусскаго гимназическаго образованія: онъ могъ бойко прочесть въ церкви часы и не безъ успѣха пѣть съ дьячкомъ на клиросѣ по крюковымъ нотамъ стихиры и каноны. При этомъ онъ до мельчайшихъ подробностей изучилъ чинъ церковнаго богослуженія, въ чемъ могъ поспорить съ любымъ монастырскимъ и даже соборнымъ уставщикомъ. Царевичъ прежняго времени, вѣроятно, на этомъ бы и остановился. Но Алексѣй воспитывался въ иное время, у людей котораго настойчиво стучалась въ голову смутная потребность ступить дальше, въ таинственную область эллинской и даже латинской мудрости, мимо которой, боязливо чураясь и крестясь, пробѣ-

галъ благочестивый русскій грамотей прежнихъ вѣковъ. Нѣмецъ со своими нововымышленными хитростями, уже забравшійся въ ряды русскихъ ратныхъ людей, проникалъ и въ дѣтскую комнату государева дворца. Въ рукахъ ребенка Алексѣя была уже „потѣха“, конь нѣмецкой работы и нѣмецкія „карты“, картинки, купленные въ Овощномъ ряду за 3 алтына 4 деньги (рубля полтора на наши деньги) и даже дѣтскія латы, сдѣланныя для царевича мастеромъ нѣмчиномъ Петромъ Шальтомъ. Когда царевичу было лѣтъ 11—12, онъ обладалъ уже маленькой библіотекой, составившейся преимущественно изъ подарковъ дѣдушки, дядекъ и учителя, заключавшей въ себѣ томовъ 13. Большею частью это были книги Свящ. Писанія и богослужебныя; но между ними находились уже грамматика, печатанная въ Литвѣ, космографія и въ Литвѣ же изданный какой-то лексиконъ. Къ тому же главнымъ воспитателемъ царевича былъ бояринъ Б. И. Морозовъ, одинъ изъ первыхъ русскихъ бояръ, сильно пристрастившійся къ западно-европейскому. Онъ ввелъ въ учебную программу царевича пріемъ нагляднаго обученія, знакомилъ его съ нѣкоторыми предметами посредствомъ нѣмецкихъ гравированныхъ картинокъ; онъ же ввелъ и другую еще болѣе смѣлую новизну въ московскій государевъ дворецъ, одѣлъ цесаревича Алексѣя и его брата въ нѣмецкое платье.

Въ зрѣлые годы царь Алексѣй представлялъ въ высшей степени привлекательное сочетаніе добрыхъ свойствъ вѣрнаго стариннѣ древнерусскаго чловѣка съ склонностью къ полезнымъ и пріятнымъ новшествамъ. Онъ былъ образцомъ набожности, того чиннаго, точно размѣреннаго и твердо разученнаго благочестія, надъ которымъ такъ много и долго работало религіозное чувство древней Руси. Съ любимъ инокомъ могъ онъ поспорить въ искусствѣ мо-

литься и поститься: въ Великій и Успенскій постъ по воскресеньямъ, вторникамъ, четвергамъ и субботамъ царь кушалъ разъ въ день, и кушанье его состояло изъ капусты, груздей и ягодъ — все безъ масла; по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ во всѣ посты онъ не ѣлъ и не пилъ ничего. Въ церкви онъ стоялъ иногда часовъ по пяти и по шести сряду, клалъ по тысячѣ земныхъ поклоновъ, а въ иные дни и по полторы тысячи. Это былъ истовый древнерусскій богомолецъ, стройно и цѣльно соединявшій въ подвигъ душевнаго спасенія трудъ тѣлесный съ напряженіемъ религіознаго чувства. Эта набожность оказывала могущественное вліяніе и на государственныя понятія, и на житейскія отношенія Алексѣя. Сынъ и преемникъ царя, пользовавшагося ограниченою властью, но самъ вполне самодержавный властелинъ, царь Алексѣй крѣпко держался того выспрежняго взгляда на царскую власть, какой выработало старое московское общество. Преданіе Грознаго звучитъ въ словахъ царя Алексѣя: „Богъ благословилъ и предалъ намъ, государю, править и разсуждать люди своя на востокъ и на западъ и на югъ и на сѣверъ вправду“. Но сознаніе самодержавной власти въ своихъ проявленіяхъ смягчалось набожной кротостью, глубокимъ смиреніемъ царя, пытавшагося не забыть въ себѣ человѣка. Въ царѣ Алексѣѣ нѣтъ и тѣни самонадѣянности, того щекотливаго и мнительнаго, обидчиваго властолюбія, которымъ страдалъ Грозный. „Лучше слезами, усердіемъ и низостью (смиреніемъ) передъ Богомъ промыслъ чинить, чѣмъ силою и славой (надменностью)“, писалъ онъ одному изъ своихъ воеводъ. Это соединеніе власти и кротости помогало царю ладить съ боярами, которымъ онъ при своемъ самодержавіи уступалъ широкое участіе въ управленіи; дѣлиться съ ними властью, дѣйствовать съ ними объ руку было для него

привычкою и правиломъ, а не жертвой или досадной уступкой обстоятельствамъ. „А мы, великій государь, писалъ онъ кн. Никитѣ Одоевскому въ 1652 г., ежедневно просимъ у Создателя и у Пречистой Его Богоматери и у всѣхъ святыхъ, чтобы Господь Богъ даровалъ намъ, великому государю, и вамъ, боярамъ, съ нами единодушно люди Его свѣтovy управить вправду всѣмъ ровно“. Сохранилась весьма характерная въ своемъ родѣ записочка царя Алексѣя, коротенькій конспектъ того, о чемъ предполагалось говорить на засѣданіи Боярской думы. Этотъ документъ показываетъ, какъ царь готовился къ думскимъ засѣданіямъ: онъ не только записалъ, какіе вопросы предложить на обсужденіе бояръ, но и намѣтилъ, о чемъ говорить самому, какъ рѣшить тотъ или другой вопросъ. Кой о чемъ онъ навелъ справки, записалъ цифры; объ одномъ онъ еще не составилъ мнѣнія и не знаетъ, какъ высказутся бояре; о другомъ онъ имѣеть нерѣшительное мнѣніе, отъ котораго откажется, если стануть возражать. Зато по нѣкоторымъ вопросамъ онъ составилъ твердое сужденіе и будетъ упорно за него стоять въ совѣтѣ: это именно вопросы простой справедливости и служебной добросовѣстности. Астраханскій воевода, по слухамъ, уступилъ калмыкамъ православныхъ плѣнниковъ, ими захваченныхъ. Царь рѣшилъ написать ему „съ грозой и съ милостью“, а если слухъ оправдается, казнить его смертью или по меньшей мѣрѣ отсѣчь руку и сослать въ Сибирь. Эта записочка всего нагляднѣе рисуетъ простоту и прямоту отношеній царя къ своимъ совѣтникамъ, равно и внимательность къ своимъ правительственнымъ обязанностямъ.

Общественные нравы и понятія въ иныхъ случаяхъ перемогали добрыя свойства и влеченія царя. Властный человекъ въ древней Руси такъ легко забывалъ, что онъ

не единственный человек на свѣтѣ, и не замѣчалъ рубежа, до котораго простирается его воля и за которымъ начинаются чужое право и общеобязательное приличіе. Древнерусская набожность имѣла довольно ограниченное поле дѣйствія, поддерживала религиозное чувство, но слабо сдерживала волю. Отъ природы живой, впечатлительный и подвижной, Алексѣй страдалъ вспыльчивостью, легко терялъ самообладаніе и давалъ излишній просторъ языку и рукамъ. Однажды, въ пору уже натянутыхъ отношеній къ Никону, царь, возмущаемый высокомеріемъ патріарха, изъ-за церковнаго обряда поссорился съ нимъ въ церкви въ Великую пятницу и выбранилъ его обычной тогда бранью московскихъ сильныхъ людей, не исключая и самого патріарха, обозвавъ Никона мужикомъ,сыномъ. Въ другой разъ въ любимомъ своемъ монастырѣ Саввы Сторожевскаго, который онъ недавно отстроилъ, царь праздновалъ память св. основателя монастыря и обновленіе обители въ присутствіи патріарха антиохійскаго Макарія. На торжественной заутренѣ чтець началъ чтеніе изъ житія святого обычнымъ возгласомъ: *Благослови, отче*. Царь вскочилъ съ кресла и закричалъ: „Что ты говоришь, мужикъ,сынъ: *Благослови, отче?* Тутъ патріархъ; говори: *Благослови, владыко!* Въ продолженіе службы царь ходилъ среди монаховъ и училъ ихъ читать то-то, пѣть такъ-то; если они ошибались, съ бранью поправлялъ ихъ, велъ себя уставщикомъ и церковнымъ старостой, зажигалъ и гасилъ свѣчи, снималъ съ нихъ нагаръ, во время службы не переставалъ разговаривать со стоявшимъ рядомъ пріѣзжимъ патріархомъ, былъ въ храмѣ какъ дома, какъ будто на него никто не смотрѣлъ. Ни доброта природы, ни мысль о достоинствѣ сана, ни усилія быть набожнымъ и порядочнымъ ни на вершокъ не поднимали царя выше грубѣйшаго изъ его подданныхъ.

Религіозно-нравственное чувство разбивалось о неблаго-воспитанный темпераментъ и даже добрыя движенія души получали непристойное выраженіе. Вспыльчивость царя чаще всего возбуждалась встрѣчей съ нравственнымъ безобразіемъ, особенно съ поступками, въ которыхъ обнаруживались хвастовство и надменность. Кто на похвалѣ ходитъ, всегда посрамленъ бываетъ: таково было житейское наблюденіе царя. Въ 1660 г. князь Хованскій былъ разбитъ въ Литвѣ и потерялъ почти всю свою двадцатитысячную армію. Царь спрашивалъ въ думѣ боярѣ, что дѣлать. Бояринъ И. Д. Милославскій, тестъ царя, не бывавшій въ походахъ, неожиданно заявилъ, что если государь пожалуетъ его, дастъ ему начальство надъ войскомъ, то онъ скоро приведетъ плѣнникомъ самого короля польскаго. „Какъ ты смѣешь, закричалъ на него царь, ты, страдникъ, худой человѣчишка, хвастаться своимъ искусствомъ въ дѣлѣ ратномъ! когда ты ходилъ съ полками, какія побѣды показалъ надъ непріателемъ?“ Говоря это, царь вскочилъ, далъ старику пощечину, надралъ ему бороду и пинками вытолкнувъ его изъ палаты, съ силой захлопнулъ за нимъ двери. На хвастуна или озорника царь вспылить, пожалуй даже пустить въ дѣло кулаки, если виноватый подъ руками, и ужъ непремѣнно обругаетъ вволю: Алексѣй былъ мастеръ браниться тою изысканной бранью, какою умѣетъ браниться только негодующее и незлопамятное русское добродушіе. Казначей Саввина Сторожевоваго монастыря отецъ Никита, выпивши, подрался со стрѣльцами, стоявшими въ монастырѣ, прибилъ ихъ десятника (офицера) и велѣлъ выбросить за монастырскій дворъ стрѣлцкое оружіе и платье. Царь возмущенъ этимъ поступкомъ, „до слезъ ему стало, во мглѣ ходилъ“, по его собственному признанію. Онъ не утерпѣлъ и написалъ грозное письмо буйному монаху. Характеренъ

самый адресъ посланія: „Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Руссїи врагу Божию и богоненавистцу и хриstopродавцу и разорителю чудотворцева дому и единомысленику сатанину, врагу проклятому, ненадобному шпыню и злему пронырливому злодѣю казначею Микитѣ“. Но приливъ царственнаго гнѣва разбивался о мысль, никогда не покидавшую царя, что на землѣ никто не безгрѣшенъ передъ Богомъ, что на Его судѣ всѣ равны, и и цари и подданные: въ минуты сильнѣйшаго раздраженія Алексѣй ни въ себѣ, ни въ виноватомъ подданномъ старался не забыть человѣка. „Да и то себѣ вѣдай, сатанинъ ангель, — писалъ царь въ письмѣ къ казначею, — что одному тебѣ да отцу твоему діаволу годна и дорога твоя здѣшняя честь, а мнѣ грѣшному здѣшняя честь, аки прахъ, и дороги ли мы передъ Богомъ съ тобою и дороги ли наши высокосердечныя мысли, доколѣ Бога не боимся“. Самодержавный государь, который могъ сдуть съ лица земли отца Микиту, какъ пылинку, пишетъ далѣе, что онъ самъ со слезами будетъ милости просить у чудотворца преп. Саввы, чтобы оборонилъ его отъ злонаправнаго казначея: „на ономъ вѣкѣ разсудитъ насъ Богъ съ тобою, а oprичъ того мнѣ нечѣмъ отъ тебя оборониться“. При добротѣ и мягкости характера это уваженіе къ человѣческому достоинству въ подданномъ производило обаятельное дѣйствіе на своихъ и чужихъ и заслужило Алексѣю прозваніе „тишайшаго царя“. Иностранцы не могли надивиться тому, что этотъ царь при безпредѣльной власти своей надъ народомъ, привыкшимъ къ полному рабству, не посягнулъ ни на чье имущество, ни на чью жизнь, ни на чью честь (слова австрійскаго посла Мейерберга). Дурныя поступки другихъ тяжело дѣйствовали на него всего болѣе потому, что возлагали на него противную ему обязанность наказывать за нихъ. Гнѣвъ его былъ отход-

чивъ, проходилъ минутной вспышкой, не простираясь далѣе угрозъ и пинковъ, и царь первый шелъ навстрѣчу къ потерпѣвшему съ прощеніемъ и примиреніемъ, стараясь приласкать его, чтобы не сердился. Страдая тучностью, царь разъ позвалъ нѣмецкаго „дохтура“ открыть себѣ кровь; почувствовавъ облегченіе, онъ по привычкѣ дѣлится всякимъ удовольствіемъ съ другими предложилъ и своимъ вельможамъ сдѣлать ту же операцію. Не согласился на это одинъ бояринъ Стрѣшневъ, родственникъ царя по матери, ссылаясь на свою старость. Царь вспылить и прибилъ старика, приговаривая: „твоя кровь дороже что ли моей? или ты считаешь себя лучше всѣхъ?“ Но скоро царь и не зналъ, какъ задобрить обиженнаго, какіе подарки послать ему, чтобы не сердился, забывъ обиду.

Алексѣй любилъ, чтобы вокругъ него всѣ были веселы и довольны; всего невыносимѣе была ему мысль, что кто-нибудь имъ недоволенъ, ропщетъ на него, что онъ кого-нибудь стѣсняетъ. Онъ первый началъ ослаблять строгость заведеннаго при московскомъ дворѣ чопорнаго этикета, дѣлавшаго столь тяжелыми и натянутыми придворными отношеніями. Онъ нисходилъ до шутки съ придворными, ѣздилъ къ нимъ запросто въ гости, приглашалъ ихъ къ себѣ на вечернія пирушки, поилъ, близко входилъ въ ихъ домашнія дѣла. Умѣнье входить въ положеніе другихъ, понимать и принимать къ сердцу ихъ горе и радость было одною изъ лучшихъ чертъ въ характерѣ царя. Надобно читать его утѣшительныя письма къ кн. Ник. Одоевскому по случаю смерти его сына и къ Ордину-Нащокину по поводу побѣга его сына за границу, — надобно читать эти задуманные письма, чтобы видѣть, на какую высоту деликатности и нравственной чуткости могла [поднять даже неустойчиваго человѣка эта способность проникаться чу-

жимъ горемъ. Въ 1652 г. сынъ кн. Ник. Одоевскаго, служившаго тогда воеводой въ Казани, умеръ отъ горячки почти на глазахъ у царя. Царь написалъ старику отцу, чтобы утѣшить его, и между прочимъ писалъ: „и тебѣ бы, боярину нашему, черезъ мѣру не скорбѣть, а нельзя, чтобы не поскорбѣть и не поплакать, и поплакать надобно, только въ мѣру, чтобы Бога не прогнѣвить“. Авторъ письма не ограничился подробнымъ рассказомъ о неожиданной смерти и обильнымъ потокомъ утѣшеній отцу: окончивъ письмо, онъ не утерпѣлъ, еще приписалъ: „князь Никита Ивановичъ! не горюй, а уповай на Бога и на насъ будь надеженъ“. Въ 1660 г. сынъ Ордина-Нащокина, молодой человекъ, подававшій большія надежды, которому иноземные учителя вскружили голову рассказами о западной Европѣ, бѣжалъ за границу. Отецъ былъ страшно сконфуженъ и убитъ горемъ, самъ увѣдомилъ царя о своемъ несчастіи и просилъ отставки. Царь умѣлъ понимать такія положенія и написалъ отцу задушевное письмо, въ которомъ защищалъ его отъ него самого. Между прочимъ онъ писалъ: „Просишь ты, чтобы дать тебѣ отставку; съ чего ты взялъ просить объ этомъ? думаю, что отъ безмѣрной печали. И что удивительнаго въ томъ, что надурилъ твой сынъ? отъ малоумія такъ поступилъ. Человекъ онъ молодой, захотѣлось посмотрѣть на міръ Божій и его дѣла; какъ птица полетаетъ туда и сюда и, налетавшись, прилетаетъ въ свое гнѣздо, такъ и сынъ вашъ припомнить свое гнѣздо и свою духовную привязанность и скоро въ вамъ воротится“.

Царь Алексѣй Михайловичъ былъ добрѣйшій человекъ, славная русская душа. Я готовъ видѣть въ немъ лучшаго человека древней Руси, по крайней мѣрѣ, не знаю другого древнерусскаго человека, который производилъ бы болѣе пріятное впечатлѣніе — но только не на престолѣ. Это

былъ довольно пассивный характеръ. Природа или воспитаніе были виною того, что въ немъ развились преимущественно тѣ свойства, которыя имѣютъ такую цѣну въ ежедневномъ житейскомъ обиходѣ, вносятъ столько свѣта и тепла въ домашнія отношенія. Но при нравственной чуткости царю Алексѣю не доставало нравственной энергіи. Онъ любилъ людей и желалъ имъ всякаго добра, потому что не хотѣлъ, чтобы они своимъ горемъ и жалобами разстраивали его тихія личныя радости. Въ немъ, если можно такъ выразиться, было много того нравственнаго сибаритства, которое любитъ добро, потому что добро вызываетъ пріятныя ощущенія. Но онъ былъ мало способенъ и мало расположенъ что-нибудь отстаивать или проводить, какъ и съ чѣмъ-либо долго бороться. Рядомъ съ даровитыми и честными дѣльцами онъ ставилъ на важные посты людей, которыхъ самъ цѣнилъ очень низко. Наблюдатели непредубѣжденные, но и непристрастные, выносили несогласимыя впечатлѣнія, изъ которыхъ слагалось такое общее сужденіе о царѣ, что это былъ бы добрѣйшій и мудрѣйшій государь, если бы не слушался дурныхъ и глухихъ совѣтниковъ. Въ царѣ Алексѣѣ не было ничего боевого; всего менѣе имѣлъ онъ охоты и способности двигать впередъ, понужать и направлять людей, хотя и любилъ подчасъ собственноручно „смирить“, т.-е. отколотить неисправнаго или недобросовѣстнаго слугу. Современники, даже иностранцы, признавали въ немъ богатые природныя дарованія; воспримчивость и любознательность помогли ему пріобрѣсти замѣчательную по тому времени начитанность не только въ божественномъ, но и въ мірскомъ писаніи; объ немъ говорили, что онъ „навыченъ многимъ философскимъ наукамъ“; духъ времени, потребности минуты также будили мысль, задавали новые

вопросы. Это возбужденіе сказалось въ литературныхъ наклонностяхъ царя Алексѣя. Онъ любилъ писать и писалъ много, больше, чѣмъ кто-либо изъ древнерусскихъ царей послѣ Грознаго. Онъ пытался изложить исторію своихъ военныхъ походовъ, дѣлалъ даже опыты въ стихотворствѣ: сохранилось нѣсколько написанныхъ имъ строкъ, которыя могли казаться автору стихами. Всего больше оставалъ онъ писемъ къ разнымъ лицамъ. Въ этихъ письмахъ много простодушія, веселости, подчасъ задушевной грусти, и просвѣчиваетъ тонкое пониманіе ежедневныхъ людскихъ отношеній, мѣткая оцѣнка житейскихъ мелочей и заурядныхъ людей, но не замѣтно ни тѣхъ смѣлыхъ и бойкихъ оборотовъ мысли, ни той ироніи, — ничего, чѣмъ такъ обильны посланія Грознаго. У царя Алексѣя все мило, много рѣчиво, иногда живо и образно, но вообще все сдержанно, мягко, тускло и немного сладковато. Авторъ, очевидно, человѣкъ порядка, а не идеи и увлеченія, готового разстроить порядокъ во имя идеи; онъ готовъ былъ увлекаться всѣмъ хорошимъ, но ничѣмъ исключительно, чтобы ни въ себѣ, ни вокругъ себя не разрушить спокойнаго равновѣсія. Складъ его ума и сердца съ удивительною точностью отражался въ его полной, даже тучной фигурѣ, съ низкимъ лбомъ, бѣлымъ лицомъ, обрамленнымъ красной бородой, съ пухлыми румяными щеками, русыми волосами, съ кроткими чертами лица и мягкими глазами.

Этому-то царю пришлось стоять въ потокѣ самыхъ важныхъ внутреннихъ и вѣшнихъ движеній. Разностороннія отношенія, старинныя и недавнія, шведскія, польскія, крымскія, турецкія, западно-русскія, социальныя, церковныя, какъ нарочно, въ это царствованіе обострились, встрѣтились и перепутались, превратились въ неотложные вопросы и требовали рѣшенія, не соблюдая своей исторической

очереди, и надъ всѣми ними, какъ общій ключъ къ ихъ рѣшенію, стоялъ основной вопросъ: оставаться ли вѣрнымъ родной старинѣ, или брать уроки у чужихъ? Царь Алексѣй разрѣшилъ этотъ вопросъ по-своему: чтобы не выбирать между стариной и новшествами, онъ не разрывалъ съ первой и не отворачивался отъ послѣднихъ. Привычки, родственныя и другія отношенія привязывали его къ стародаумамъ; нужды государства, отзывчивость на все хорошее, личное сочувствіе тянули его на сторону умныхъ и энергическихъ людей, которые во имя народного блага хотѣли вести дѣла не по-старому. Царь и не мѣшалъ этимъ новаторамъ, даже поддерживалъ ихъ, но только до перваго раздумья, до перваго энергичнаго возраженія со стороны стародумовъ. Увлекаемый новыми вѣяніями, царь во многомъ отступалъ отъ старозавѣтнаго порядка жизни, ѣздилъ въ нѣмецкой каретѣ, бралъ съ собой жену на охоту, возилъ ее и дѣтей на иноземную потѣху, „комедійныя дѣйства“ съ музыкой и танцами, поилъ допьяна вельможъ и духовника на вечернихъ пирушкахъ, при чемъ нѣмчинъ въ трубы трубилъ и въ органы игралъ; далъ дѣтямъ учителя, западно-русскаго ученаго монаха, который повелъ преподаваніе дальше Часослова, Псалтыря и Октоиха, училъ царевичей языкамъ латинскому и польскому. Но царь Алексѣй не могъ стать во главѣ новаго движенія и дать ему опредѣленное направленіе, отыскать нужныхъ для того людей, указать имъ пути и приемы дѣйствія. Онъ былъ не прочь срывать цвѣтки иноземной культуры, но не хотѣлъ марать рукъ въ черной работѣ ея посѣва на русскоѣ почвѣ.

Несмотря однако на свой пассивный характеръ, на свое добродушно-нерѣшительное отношеніе къ вопросамъ времени, царь Алексѣй много помогъ успѣху преобразователь-

наго движенія. Своими часто беспорядочными и непослѣдовательными порывами къ новому и своимъ умѣньемъ все сглаживать и улаживать онъ приручилъ пугливую русскую мысль къ вліяніямъ, шедшимъ съ чужой стороны. Онъ не далъ руководящихъ идей для реформы, но помогъ выступить первымъ реформаторамъ съ ихъ идеями, далъ имъ возможность почувствовать себя свободно, проявить свои силы и отерылъ имъ довольно просторную дорогу для дѣятельности, не далъ ни плана, ни направленія преобразованій, но создалъ преобразовательное настроеніе.

Мы познакоимся съ однимъ изъ такихъ дѣльцовъ преобразовательнаго направленія, притомъ съ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ царя Алексѣя, какъ будто похожимъ на него по основнымъ чертамъ своего характера и однакожъ — какая разница въ ихъ подборѣ, общемъ складѣ и проявленіи сходныхъ свойствъ!

Ф. М. Ртищевъ.

Почти все время царствованія Алексѣя Михайловича неотлучно находился при немъ, служа по дворцовому вѣдомству, его ближній постельничій, а потомъ дворецкій и воспитатель (дядька) старшаго царевича Алексѣя Федоръ Михайловичъ Ртищевъ. Онъ былъ почти сверстникъ царя Алексѣя, родился годами четырьмя раньше его (1625 г.) и умеръ года за три до его смерти (1673). Стороннимъ наблюдателямъ онъ былъ мало замѣтенъ: не выступать впередъ, оставаться въ тѣни было его житейской привычкой. Хорошо еще, что какой-то современникъ оставилъ намъ небольшое *житіе* Ртищева, похожее скорѣе на похвальное слово, чѣмъ на біографію, но съ нѣсколькими любопытными чертами жизни и характера этого „милостиваго мужа“, какъ его называетъ біографъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ и немного странныхъ людей, у которыхъ совсѣмъ нѣтъ самолюбія. Наперекоръ природнымъ инстинктамъ и исконнымъ

привычкамъ людей Ртищевъ въ заповѣди Христа любить ближняго, какъ самого себя, исполнялъ только первую часть: онъ и самого себя не любилъ ради ближняго — совершенно евангельскій человекъ, правая щека котораго просто, безъ хвастовства и расчета, подставлялась ударившему по лѣвой, какъ будто это было требованіемъ физическаго закона, а не подвигомъ смиренія. Ртищевъ не понималъ обиды и мести, какъ иные не знаютъ вкуса въ винѣ и не понимаютъ, какъ это можно пить такую непріятную вещь. Нѣкто Иванъ Озеровъ, нѣкогда облагодѣтельствованный Ртищевымъ и при его содѣйствіи получившій образованіе въ Кіевской академіи, потомъ сталъ его врагомъ. Ртищевъ былъ его начальникомъ, но не хотѣлъ пользоваться своей властью, а пытался утолить его вражду упорнымъ смиреніемъ и доброжелательствомъ; онъ приходилъ къ его жилищу, тихо стучался въ дверь, получалъ отказъ и опять приходилъ. Выведенный изъ терпѣнья такой настойчивою и досадной кротостью, хозяинъ впускалъ его къ себѣ, бранился и кричалъ на него. Не отвѣчая на брань, Ртищевъ молча уходилъ отъ него и опять приходилъ съ привѣтомъ, какъ будто ничего не бывало. Такъ продолжалось до смерти упрямаго недруга, котораго Ртищевъ и похоронилъ, какъ хоронятъ добрыхъ друзей. Изъ всего нравственнаго запаса, почерпнутаго древней Русью изъ христіанства, Ртищевъ воспиталъ въ себѣ наиболѣе трудную и наиболѣе сродную древнерусскому человеку доблесть — смиренномудріе. Царь Алексѣй, выросшій вмѣстѣ со Ртищевымъ, разумѣется, не могъ не привязаться къ такому человеку. Своимъ вліяніемъ царскаго любимца Ртищевъ пользовался, чтобы быть миротворцемъ при дворѣ, устранять вражды и столкновенія, сдерживать сильныхъ и заносчивыхъ или неуступчивыхъ людей вродѣ боярина Моро-

зова, протопопа Аввакума и самого Никона. Такая трудная роль тѣмъ легче удавалась Ртищеву, что онъ умѣлъ говорить правду безъ обиды, никому не кололъ глазъ личнымъ превосходствомъ, былъ совершенно чуждъ родословнаго и чиновнаго тщеславія, ненавидѣлъ мѣстническіе счеты, отказался отъ боярскаго сана, предложеннаго ему царемъ за воспитаніе царевича. Соединеніе такихъ свойствъ производило впечатлѣніе рѣдкаго благоразумія и непоколебимой нравственной твердости: благоразуміемъ, по замѣчанію цесарскаго посла Мейерберга, Ртищевъ, еще не имѣя 40 лѣтъ отъ роду, превосходилъ многихъ стариковъ, а Ординъ-Нащокинъ считалъ Ртищева самымъ крѣпкимъ человѣкомъ изъ придворныхъ царя Алексѣя; даже козаки за правдивость и обходительность желали имѣть его у себя царскимъ намѣстникомъ, „княземъ малороссійскимъ“.

Для успѣха преобразовательнаго движенія было очень важно, что Ртищевъ стоялъ на его сторонѣ. Нося въ себѣ лучшіе начала и завѣты древнерусской жизни, онъ понималъ ее нужды и недостатки и сталъ въ первомъ ряду дѣятелей преобразовательнаго направленія, а дѣло, за которое становился такой дѣлецъ, не могло быть ни дурнымъ, ни безуспѣшнымъ. Онъ одинъ изъ первыхъ поднялъ голосъ противъ извѣстныхъ уже намъ богослужебныхъ безчиній. Больше чѣмъ кто-либо при царѣ Алексѣѣ заботился онъ о водвореніи въ Москвѣ образованія при помощи кievскихъ ученыхъ, и ему даже принадлежалъ починъ въ этомъ дѣлѣ. Ежеминутно на глазахъ у царя и располагая его полнымъ довѣріемъ, Ртищевъ однако не сталъ временщикомъ и не остался безучастнымъ зрителемъ поднимавшихся вокругъ него движеній. Онъ участвовалъ въ самыхъ разнообразныхъ дѣлахъ по порученію или по собственному почину, управлялъ приказами, разъ въ 1655 г. успѣшно

исполнилъ дипломатическое порученіе. Чуть гдѣ проявлялась попытка исправить, улучшить положеніе дѣлъ, Ртищевъ былъ тутъ со своимъ содѣйствіемъ, ходатайствомъ, совѣтомъ, шелъ навстрѣчу всякой обновительной потребности, нерѣдко самъ возбуждалъ ее и тотчасъ сторонился, отходилъ на второй планъ, чтобы не стѣснять дѣльцовъ, ни у кого не перебивалъ дороги. Миролюбивый и доброжелательный, онъ не выносилъ вражды, злобы, ладилъ со всѣми выдающимися дѣльцами своего времени, и съ Ординымъ-Нащокинымъ, и съ Никономъ, и съ Аввакумомъ, и со Славянецкимъ, и съ Полоцкимъ при всемъ несходствѣ ихъ характеровъ и направленій, старался удержать старовѣровъ и никоніанъ въ области богословской мысли, книжнаго спора, не допуская ихъ до церковнаго раздора, устраивалъ въ своемъ домѣ пренія, на которыхъ Аввакумъ „бранился съ отступниками“, особенно съ С. Полоцкимъ, до изнеможенія, до опьяненія.

Если вѣрить извѣстію, что мысль о мѣдныхъ деньгахъ была внушена Ртищевымъ, то надобно признать, что его правительственное вліяніе простиралось за предѣлы дворцоваго вѣдомства, въ которомъ онъ служилъ. Впрочемъ не государственная дѣятельность въ точномъ смыслѣ слова была настоящимъ дѣломъ жизни Ртищева, которымъ онъ оставилъ по себѣ память: онъ избралъ себѣ не менѣе трудное, но менѣе видное и болѣе самоотверженное поприще — служеніе страждущему и нуждающемуся человѣчеству. Биографъ передаетъ нѣсколько трогательныхъ чертъ этого служенія. Сопровождая царя въ польскомъ походѣ (1654 г.), Ртищевъ по дорогѣ подбиралъ въ свой экипажъ нищихъ, больныхъ и увѣчныхъ, такъ что отъ тѣсноты самъ долженъ былъ пересаживаться на коня, несмотря на многолѣтнюю болѣзнь ногъ, въ попутныхъ городахъ и

ослахъ устраивалъ для этихъ людей временные госпитали, гдѣ содержалъ и лѣчилъ ихъ на свой счетъ и на деньги, данныя ему на это дѣло царицей. Точно такъ же и въ Москвѣ онъ велѣлъ собирать по улицамъ валявшихся пьяныхъ и больныхъ въ особый приютъ, гдѣ содержалъ ихъ до вытрезвленія и излѣченія, а для неизлѣчимыхъ больныхъ, престарѣлыхъ и убогихъ устроилъ богадѣльню, которую также содержалъ на свой счетъ. Онъ тратилъ большія деньги на выкупъ русскихъ плѣнныхъ у татаръ, помогалъ иноземнымъ плѣнникамъ, жившимъ въ Россіи, и узникамъ, сидѣвшимъ въ тюрьмѣ за долги. Его человеколюбіе вытекало не изъ одного только состраданія къ безпомощнымъ людямъ, но и изъ чувства общественной справедливости. Это былъ очень добрый поступокъ Ртищева, когда онъ подарилъ городу Арзамасу свою подгородную землю, въ которой горожане крайне нуждались, но которой не могли купить, хотя у Ртищева былъ выгодный частный покупатель, предлагавшій ему за нее до 14000 на наши деньги. Въ 1671 г., прослышавъ о голодѣ въ Вологдѣ, Ртищевъ отправилъ туда обозъ съ хлѣбомъ, какъ будто порученный ему нѣкоторыми христіанами для раздачи нищимъ и убогимъ на поминъ души, а потомъ переслалъ бѣдствующему городу около 14000 руб. на наши деньги, продавъ для того часть своего платья и утвари. Ртищевъ повидному понималъ не только чужія нужды, но и нескладичи общественнаго строя и едва ли не первый дѣятельно выразилъ свое отношеніе къ крѣпостному праву. Біографъ описываетъ его заботливость о своихъ дворовыхъ людяхъ и особенно о крестьянахъ: онъ старался соразмѣрить работы и оброки крестьянъ съ ихъ средствами, поддерживалъ ихъ хозяйства соудами, при продажѣ одного своего села уменьшилъ его цѣну, заставивъ покупателя помянуться, что онъ не усилитъ

ихъ барщинныхъ работъ и оброковъ, передъ смертью всѣхъ дворовыхъ отпустилъ на волю и умолялъ своихъ наследниковъ, дочь и зятя, только объ одномъ — на поминъ его души возможно лучше обращаться съ завѣщанными имъ крестьянами, „ибо, говорилъ онъ, они намъ суть братья“.

Неизвѣстно, какое впечатлѣніе производило на общество отношеніе Ртищева къ своимъ крестьянамъ; но его благотворительные подвиги повидимому не остались безъ вліянія на законодательство. Въ царствованіе Алексѣева преемника возбужденъ былъ вопросъ о церковно-государственной благотворительности. По указу царя произвели въ Москвѣ разборку нищихъ и убогихъ, питавшихся подаваніями, и дѣйствительно безпомощныхъ помѣстили на казенное содержаніе въ двухъ устроенныхъ для того богадѣльняхъ, а здоровыхъ опредѣлили на разныя работы. На церковномъ соборѣ, созванномъ въ 1681 г., царь предложилъ патриарху и епископамъ устроить такіе же пріюты и богадѣльни по всѣмъ городамъ, и отцы собора приняли это предложеніе. Такъ частный починъ вліятельнаго и добраго человѣка легъ въ основаніе цѣлой системы церковно-благотворительныхъ учрежденій, постепенно возникавшихъ съ конца XVII в. Тѣмъ особенно и важна дѣятельность тогдашнихъ государственныхъ людей преобразовательнаго направленія, что ихъ личные помыслы и частныя усилія превращались въ законодательные вопросы, которые разрабатывались въ политическія направленія или въ государственныя учрежденія.

Лекція LVII.

А. Л. Ординъ-Нащокинъ.

Изъ ряда сотрудниковъ царя Алексѣя рѣзкой фигурой выступаетъ самый замѣчательный изъ московскихъ государственныхъ людей XVII в. Аѳ. Лавр. Ординъ-Нащокинъ.

Московский государственный человекъ XVII в.! Самое это выраженіе можетъ показаться злоупотребленіемъ современной политической терминологіей. *Государственный человекъ* — вѣдь это значитъ развитой политическій умъ, способный наблюдать, понимать и направлять общественныя движенія, съ самостоятельнымъ взглядомъ на вопросы времени, съ разработанной программой дѣйствія, наконецъ съ извѣстнымъ просторомъ для политической дѣятельности — цѣлый рядъ условій, присутствія которыхъ мы совсѣмъ не привыкли предполагать въ старомъ Московскомъ государствѣ. Да, до XVII в. этихъ условій, дѣйствительно, не замѣтно въ государствѣ московскихъ самодержцевъ, и трудно искать государственныхъ людей при ихъ дворѣ. Ходъ государственныхъ дѣлъ тогда направлялся заведеннымъ порядкомъ да государевой волей. Личный умъ прятался за порядокъ, лицо служило только орудіемъ государевой воли; но и порядокъ, и самая эта воля подчинялись еще сильнѣйшему влиянію обычая, преданія. Въ XVII в. однако московская государственная жизнь начала

прокладывать себѣ иные пути. Старый обычай, заведенный порядокъ пошатнулись; начался сильный спросъ на умъ, на личныя силы, а воля царя Алексѣя Михайловича для общаго блага готова была подчиниться всякому сильному и благонамѣренному уму.

Царь Алексѣй, сказалъ я, создалъ въ русскомъ обществѣ XVII в. преобразовательное настроеніе. Первое мѣсто въ ряду государственныхъ дѣльцовъ, захваченныхъ такимъ настроеніемъ, безспорно принадлежитъ самому блестящему изъ сотрудниковъ царя Алексѣя, наиболѣе энергическому провозвѣстнику преобразовательныхъ стремленій его времени, боярину Аѳанасію Лаврентьевичу Ордину-Нащокину. Этотъ дѣлецъ вдвойнѣ любопытенъ для насъ, потому что велъ двойную подготовку реформы Петра Великаго. Во-первыхъ, никто изъ московскихъ государственныхъ дѣльцовъ XVII в. не высказалъ столько, какъ онъ, преобразовательныхъ идей и плановъ, которые послѣ осуществилъ Петръ. Потомъ, Ордину-Нащокину пришлось не только дѣйствовать по-новому, но и самому создавать обстановку своей дѣятельности. По происхожденію своему онъ не принадлежалъ къ тому обществу, среди котораго ему пришлось дѣйствовать. Привилегированнымъ питомникомъ политическихъ дѣльцовъ въ Московскомъ государствѣ служило старое родовитое боярство, пренебрежительно смотрѣвшее на массу провинціального дворянства. Ординъ-Нащокинъ былъ едва ли не первымъ провинціальнымъ дворяниномъ, проложившимъ себѣ дорогу въ кругъ этой спесивой знати, а за нимъ уже потянулась вереница его провинціальной братіи, скоро разбившей плотныя ряды боярской аристократіи.

Аѳанасій Лаврентьевичъ былъ сынъ очень скромнаго псковскаго помѣщика; въ Псковскомъ и въ ближнемъ То-

А. Л. Ординъ-Нащокинъ

ропецьомъ уѣздахъ ютилось цѣлое фамиліное гнѣздо Нащокиныхъ, которое шло отъ одного виднаго служилаго челоуѣка при московскомъ дворѣ XIV в. Изъ этого гнѣзда, захуадавашаго послѣ своего родоначальника, вышелъ и нашъ Аванасій Лаврентьевичъ. Онъ сталъ извѣстенъ еще при царѣ Михаилѣ: его не разъ назначали въ посольскія коммисіи для размежеванія границъ со Швеціей. Въ началѣ Алексѣева царствованія Ординъ-Нащокинъ уже считался на родинѣ виднымъ дѣльцомъ и усерднымъ слугою московскаго правительства. Вотъ почему во время псковскаго бунта 1650 г. мятежники намѣревались убить его. При усмиреніи этого бунта московскими полками Ординъ-Нащокинъ показалъ много усердія и умѣнья. Съ тѣхъ поръ онъ пошелъ въ гору. Когда въ 1654 г. открылась война съ Польшею, ему порученъ былъ чрезвычайно трудный постъ: съ малыми военными силами онъ долженъ былъ сторожить московскую границу со стороны Ляввы и Ливоніи. Онъ отлично исполнилъ возложенное на него порученіе. Въ 1656 г. началась война со Швеціей, и самъ царь двинулся въ походъ подъ Ригу. Когда московскія войска взяли одинъ изъ ливонскихъ городовъ на Двинѣ, Кокенгаузенъ (старинный русскій Кукейносъ, когда-то принадлежавшій полоцкимъ князьямъ), Нащокинъ былъ назначенъ воеводой этого и другихъ новозавоеванныхъ городовъ. На этой должности Ординъ-Нащокинъ дѣлаетъ очень важныя военныя и дипломатическія дѣла, сторожить границу, завоевываетъ ливонскіе городки, ведетъ переписку съ польскими властями; ни одно важное дипломатическое дѣло не дѣлается безъ его участія. Въ 1658 г. его усиліями заключено было Валіесарское перемиріе со Швеціей, условія котораго превзошли ожиданія самого царя Алексѣя. Въ 1665 г. Ординъ-Нащокинъ сидѣлъ воеводой въ родномъ

своемъ Псковѣ. Наконецъ, онъ сослужилъ самую важную и тяжелую службу московскому правительству: послѣ утомительныхъ восьмимѣсячныхъ переговоровъ съ польскими уполномоченными онъ заключилъ въ январѣ 1667 г. въ Андрусовѣ перемиріе съ Польшей, положившее конецъ опустошительной для обѣихъ сторонъ тринадцатилѣтней войнѣ. Въ этихъ переговорахъ Нащокинъ показалъ много дипломатической сообразительности и умѣнья ладить съ иностранцами и вытягаль у поляковъ не только Смоленскую и Сѣверскую землю и восточную Малороссію, но и изъ западной Кіевъ съ округомъ. Заключеніе Андрусовскаго перемирія поставило Аѳанасія очень высоко въ московскомъ правительствѣ, составило ему громкую дипломатическую извѣстность. Дѣлая всѣ эти дѣла, Нащокинъ быстро поднимался по чиновной лѣстницѣ. Городовой дворянинъ *по отечеству*, по происхожденію, по заключеніи упомянутаго перемирія онъ былъ пожалованъ въ *бояре* и назначенъ главнымъ управителемъ Посольскаго приказа съ громкимъ титуломъ „царской большой печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателя“, т.-е. сталъ государственнымъ канцлеромъ.

Такова была служебная карьера Нащокина. Его родина имѣла нѣкоторое значеніе въ его судьбѣ. Псковскій край, пограничный съ Ливоніей, издавна былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ сосѣдними нѣмцами и шведами. Раннее знакомство съ иностранцами и частыя сношенія съ ними давали Нащокину возможность внимательно наблюдать и изучить ближайшія къ Россіи страны западной Европы. Это облегчалось еще тѣмъ, что въ молодости Ордину-Нащокину какъ-то посчастливилось получить хорошее образованіе: онъ зналъ, говорили, математику, языки латинскій и нѣмецкій. Служебныя обстоятельства заставили его познакомиться и съ польскимъ языкомъ. Такъ онъ рано и осно-

вательно подготовился къ роли дѣльца въ сношеніяхъ Московскаго государства съ европейскимъ Западомъ. Его товарищи по службѣ говорили про него, что онъ „знаетъ нѣмецкое дѣло и нѣмецкіе обычаи знаетъ же“. Внимательное наблюденіе надъ иноземными порядками и привычка сравнивать ихъ съ отечественными сдѣлали Нащокина ревностнымъ поклонникомъ западной Европы и жестокимъ критикомъ отечественнаго быта. Такъ онъ отрѣшился отъ національной замкнутости и исключительности и выработалъ свое особое политическое мышленіе: онъ первый провозгласилъ у насъ правило, что „доброму не стыдно навязать и со стороны, у чужихъ, даже у своихъ враговъ“. Послѣ него остался рядъ бумагъ, служебныхъ донесеній, записокъ или докладовъ царю по разнымъ политическимъ вопросамъ. Это очень любопытные документы для характеристики какъ самого Нащокина, такъ и преобразовательнаго движенія его времени. Видно, что авторъ говоритъ и бойкое перо; не даромъ даже враги признавали, что Аѳанасій умѣлъ „слагательно“, складно писать. У него было и другое еще болѣе рѣдкое качество — тонкій, цѣпкій и ѣмкій умъ, умѣвшій быстро схватывать данное положеніе и комбинировать по своему условія минуты. Это былъ мастеръ своеобразныхъ и неожиданныхъ политическихъ построеній. Съ нимъ было трудно спорить. Вдумчивый и находчивый, онъ иногда выводилъ изъ терпѣнія иноземныхъ дипломатовъ, съ которыми велъ переговоры, и они ему же пеняли за трудность имѣть съ нимъ дѣло: не пропустить ни малѣйшаго промаха, никакой непоследовательности въ дипломатической діалектикѣ, сейчасъ поддѣнеть и поставить втупицѣ оплошнаго или близорукаго противника, отравить ему чистыя намѣренія, самимъ же имъ внушенныя, за что однажды пеняли ему польскіе комиссары, съ нимъ переговаривавшіеся. Такое направле-

ние ума совмѣщалось у него съ неугомонной совѣстью, съ привычкой колоть глаза людямъ ихъ несообразительностью. Ворчать за правду и здравый разумъ онъ считалъ своимъ долгомъ и даже находилъ въ томъ большое удовольствіе. Въ его письмахъ и докладахъ царю всего рѣзче звучитъ одна нота: всѣ они полны немолчныхъ и часто очень желчныхъ жалобъ на московскихъ людей и московскіе порядки. Ординъ-Нащокинъ вѣчно на все ропщетъ, всѣмъ недоволенъ: правительственными учрежденіями и приказными обычаями, военнымъ устройствомъ, нравами и понятіями общества. Его симпатіи и антипатіи, мало раздвѣляемые другими, создавали ему неловкое, двусмысленное положеніе въ московскомъ обществѣ. Привязанность его къ западно-европейскимъ порядкамъ и порицаніе своихъ нравились иноземцамъ, съ нимъ сблизившимся, которые снисходительно признавали въ немъ „ноглупаго подражателя“ своихъ обычаевъ. Но это же самое надвѣвало ему множество враговъ между своими и давало поводъ его московскимъ недобротамъ смѣяться надъ нимъ, называть его „иноземцемъ“. Двусмысленность его положенія еще усиливалась его происхожденіемъ и характеромъ. Свои и чужіе признавали въ немъ человека остраго ума, съ которымъ онъ пойдетъ далеко; этимъ онъ задѣвалъ много встрѣчныхъ самолюбій и тѣмъ болѣе, что онъ шелъ не обычной дорогой, къ какой предназначенъ былъ происхожденіемъ, а жесткій и нѣсколько задорный нравъ его не смягчалъ этихъ столкновеній. Нащокинъ былъ чужой среди московскаго служебнаго міра и какъ политическій новикъ долженъ былъ съ бою брать свое служебное положеніе, чувствуя, что каждый его шагъ впередъ увеличиваетъ число его враговъ, особенно среди московской боярской знати. Такимъ положеніемъ выработалась его своеобразная манера держаться среди враждеб-

наго ему общества. Онъ зналъ, что его единственная опора — царь, не любившій надменности, и, стараясь обезпечить себѣ эту опору, Нащокинъ прикрывался передъ царемъ отъ своихъ недруговъ видомъ загнаннаго скромника, смиреніемъ до самоуничженія. Онъ не высоко цѣнитъ свою службищу, но не выше ставитъ и службу своихъ знатныхъ враговъ и всюду горько на нихъ жалуется. „Передъ всѣми людьми, пишетъ онъ царю, за твое государево дѣло никто такъ не возненавиженъ, какъ я“, называетъ себя „облихованнымъ и ненавидимымъ человѣчкомъ, не имѣющимъ, гдѣ приклонить грѣшную голову“. При всякомъ затрудненіи или столкновеніи съ вліятельными недругами онъ проситъ царя отставить его отъ службы, какъ неудобнаго и неумѣлаго слугу, отъ котораго можетъ только пострадать государственный интересъ. „Государево дѣло ненавидятъ ради меня, холопа твоего“, пишетъ онъ царю и проситъ „откинуть отъ дѣла своего омерзѣлаго холопа“. Но Аеанасій зналъ себѣ цѣну, и про его скромность можно было сказать, что это — напускное смиреніе паче гордости, которое не мѣшало ему считать себя прямо человѣкомъ не отъ міра сего: „если бы я отъ міра былъ, міръ своего любилъ бы“, писалъ онъ царю, жалуясь на общее къ себѣ недоброжелательство. Думнымъ людямъ противно слушать его донесенія и совѣты, потому что „они не видятъ стези правды и сердце ихъ одобелѣло завистью“. Злая иронія звучитъ въ его словахъ, когда онъ пишетъ царю о правительственномъ превосходствѣ боярской знати сравнительно со своей худородной особой. „Думнымъ людямъ никому не надобенъ я, не надобны такія великія государственныя дѣла... У такихъ дѣлъ пристойно быть изъ ближнихъ бояръ: и роды великіе, и друзей много, во всемъ пространнѣйшій смыслъ имѣть и жить

умѣють; отдаю тебѣ, великому государю, мое крестное цѣлованіе, за собою держать не смѣю по недостатку умишка моего“.

Царь долго и настойчиво поддерживалъ своенравнаго и запальчиваго дѣльца, терпѣливо выносилъ его скучные жалобы и попреки, увѣрялъ его, что ему нечего бояться, что его никому не выдадутъ, грозилъ его недругамъ великими опалами за вражду съ Аванасіемъ и предоставлялъ ему значительный просторъ для дѣятельности. Благодаря этому Ординъ-Нащокинъ получилъ возможность не только обнаружить свои административные и дипломатическіе таланты, но и выработать, даже частью осуществить свои политическіе планы. Въ письмахъ своихъ къ царю онъ больше порицаетъ существующее или полемизируетъ съ противниками, чѣмъ излагаетъ свою программу. Однако въ его бумагахъ можно набрать значительный запасъ идей и проектовъ, которые при надлежащей практической разработкѣ могли стать и стали надолго руководящими началами внутренней и внѣшней политики.

Первая идея, на которой упорно стоитъ Нащокинъ, заключалась въ томъ, чтобы во всемъ брать образецъ съ Запада, все дѣлать „съ примѣру стороннихъ чужихъ земель“. Это — исходная точка его преобразовательныхъ плановъ; но не все нужно брать безъ разбора у чужихъ. „Какое намъ дѣло до иноземныхъ обычаевъ, говаривалъ онъ: ихъ платье не по насъ, а наше не по нихъ“. Это былъ одинъ изъ немногихъ западниковъ, подумавшихъ о томъ, что можно и чего не нужно заимствовать, искавшихъ соглашенія общеевропейской культуры съ національной самобытностью. Потому Нащокинъ не могъ помириться съ духомъ и привычками московской администраціи, дѣятельность которой неумѣренно руководилась личными счетами и отно-

шеніями, а не интересомъ государственнаго дѣла, порученнаго тому или другому дѣльцу. „У насъ, пишетъ онъ, любятъ дѣло или ненавидятъ его, смотря не по дѣлу, а по человѣку, который его дѣлаетъ: меня не любятъ, а потому и дѣломъ моимъ пренебрегаютъ“. Когда царь выражалъ Нащокину неудовольствіе за его нелады съ тѣмъ или другимъ знатнымъ завистникомъ, Аѳанасій отвѣчалъ, что личной вражды у него нѣтъ, но „о государевѣ дѣлѣ сердце болитъ и молчать не даетъ, когда въ государевѣ дѣлѣ вижу чье нерадѣнье“. Итакъ дѣло въ дѣлѣ, а не въ лицахъ — вотъ второе правило, которымъ руководился Нащокинъ. Главнымъ его поприщемъ была дипломатія, и это былъ дипломатъ первой величины, по признанію современниковъ, даже иностранцевъ; по крайней мѣрѣ, онъ едва ли не первый изъ русскихъ государственныхъ людей заставлялъ иностранцевъ уважать себя. Англичанинъ Коллинсъ, врачъ царя Алексѣя, прямо называетъ Нащокина великимъ политикомъ, который не уступитъ ни одному изъ европейскихъ министровъ. Зато и онъ уважалъ свое дѣло. Дипломатія составляетъ, по его мнѣнію, главную функцію государственнаго управленія, и только достойные люди могутъ браться за такое дѣло. „На государственныя дѣла, писалъ онъ, подобаетъ мысленныя очеса устремлять безпорочнымъ и избраннымъ людямъ къ расширенію государства со всѣхъ сторонъ, а это есть дѣло одного Посольскаго приказа“.

У Нащокина были свои дипломатическіе планы, своеобразныя взгляды на задачи внѣшней московской политики. Ему пришлось дѣйствовать въ ту минуту, когда ребромъ были поставлены самыя щекотливыя вопросы, питавшіе непримиримую вражду Московскаго государства съ Польшей и Швеціей, вопросы о Малороссіи, о Балтійскомъ берегу.

Обстоятельства поставили Нащокина въ самый водоворотъ сношеній и столкновеній, вызванныхъ этими вопросами. Но у него не закружилась голова въ этомъ водоворотѣ: въ запутанныхъ дѣлахъ онъ умѣлъ отдѣлять важное отъ шумнаго, привлекательное отъ полезнаго, мечты отъ достижимаго. Онъ видѣлъ, что въ тогдашнемъ положеніи и при наличныхъ средствахъ Московскаго государства для него неразрѣшимъ въ полномъ объемѣ вопросъ малороссійскій, т.-е. вопросъ о воссоединеніи югозападной Руси съ Велико-россіей. Вотъ почему онъ склонялся къ миру и даже къ тѣсному союзу съ Польшей и хотя хорошо зналъ, какъ онъ выражался, „зѣло шаткій, бездушный и непостоянный польскій народъ“, но отъ союза съ нимъ ждалъ разнообразныхъ выгодъ. Между прочимъ, чаялъ онъ, турецкіе христіане, молдаване и волохи, послышавъ про этотъ союзъ, отложатся отъ турокъ, и тогда всѣ дѣти Восточной Церкви, обитающія отъ самаго Дуная вплоть до предѣловъ Великой Россіи и нынѣ разъединяемая враждебной Польшей, сольются въ многочисленный христіанскій народъ, покровительствуемый православнымъ царемъ московскимъ, и сами собою прекратятся шведскія возни, возможныя только при русско-польской распрѣ. Въ 1667 г. польскимъ посламъ, пріѣхавшимъ въ Москву для подтвержденія Андрусовскаго договора, Нащокинъ въ одушевленной рѣчи развивалъ свои мечты о томъ, какой великой славой покрылись бы всѣ славянскіе народы и какія великія предпріятія увѣнчались бы успѣхомъ, если бы племена, населяющія наши государства и почти всѣ говорящія по-славянски отъ Адриатическаго до Нѣмецкаго моря и до Сѣвернаго океана, соединились, и какая слава ожидаетъ оба государства въ будущемъ, когда они, стоя во главѣ славянскихъ народовъ, соединятся подъ одною державою.

Хлопоча о тѣсномъ союзѣ съ вѣковымъ врагомъ и даже мечтая о династическомъ соединеніи съ Польшей подъ властью московскаго царя или его сына, Нащокинъ производилъ чрезвычайно крутой поворотъ во внѣшней московской политикѣ. Онъ имѣлъ свои соображенія, оправдывавшія такую перемѣну въ ходѣ дѣлъ. Малороссійскій вопросъ въ его глазахъ былъ пока дѣломъ второстепеннымъ. Если, писалъ онъ, черкасы (козаки) измѣняютъ, то стоятъ ли они того, чтобы стоять за нихъ? Дѣйствительно, съ присоединеніемъ восточной Малороссіи главный узелъ этого вопроса развязывался, Польша переставала быть опасной для Москвы, твердо ставшей на верхнемъ и среднемъ Днѣпрѣ. Притомъ нельзя было навсегда удержать временно уступленный Кіевъ и присоединить западную Малороссію, не совершивъ международной неправды, не нарушивъ Андрусовскаго перемирія. А Нащокинъ былъ однимъ изъ рѣдкихъ дипломатовъ, обладающихъ дипломатической совѣстливостью, качествомъ, съ которымъ и тогда неохотно мирилась дипломатія. Онъ ничего не хотѣлъ дѣлать безъ правды: „лучше воистину принять злomu животу моему конецъ и вовеки свободну быть, нежели противно правды дѣлати“. Поэтому, когда гетманъ Дорошенко съ западной Малороссіей, отложившись отъ Польши, поддался турецкому султану, а потомъ изъявилъ согласіе стать подъ высокую руку царя московскаго, Нащокинъ на запросъ изъ Москвы, можно ли принять Дорошенка въ подданство, отвѣчалъ рѣшительнымъ протестомъ противъ такого нарушенія договоровъ, выразилъ даже негодованіе, что къ нему обращаются съ такими некорректными запросами. По его мнѣнію, дѣло надобно было повести такъ, чтобы сами поляки, разумно взвѣсивъ свои и московскіе интересы, для упроченія русско-польскаго союза противъ басурманъ и для успокоенія Украины добро-

вольно уступили Москвѣ и Кіевъ, и даже всю западную Малороссію, „а нагло писать о томъ въ Польшу невозможно“. Еще до перемирія въ Андрусовѣ Нащокинъ убѣждалъ царя, что съ польскимъ королемъ „надобно мириться въ мѣру“, на умѣренныхъ условіяхъ, чтобы поляки не искали потомъ перваго случая отомстить: „взять Полоцкъ да Витебскъ, а если поляки заупрямятся, то и этихъ городовъ не надобно“. Въ докладѣ о необходимости тѣснаго союза съ Польшей у Нащокина вырвался даже неосторожный намекъ на возможность отступить и отъ всей Малороссіи, а не отъ западной только, ради упроченія союза. Но царь горячо возсталъ противъ такого малодушія своего любимца и очень энергично выразилъ свое негодованіе. „Эту статью, отвѣчалъ ему царь, отложили и велѣли выкинуть, потому что непристойна, да и для того, что обрѣли въ ней полтора ума, одинъ твердый разумъ да половину второго, колеблемаго вѣтромъ. Собакъ недостойно ѣсть и одного куса хлѣба православнаго (полякамъ не подобаетъ владѣть и западной Малороссіей): только то не по нашей волѣ, а за грѣхи учинится. Если же оба куса святаго хлѣба достанутся собакъ — охъ, какое оправданіе приметъ допустившій это? Будетъ ему воздаяніемъ преисподній адъ, прелютый огонь и немилосердныя муки. Человѣче! иди съ миромъ царскимъ среднимъ путемъ, какъ началъ, такъ и кончай, не уклоняйся ни направо, ни налево; Господь съ тобою!“ И упрямый человѣкъ сдался на набожный вздохъ своего государя, котораго порой прямо не слушался, крѣпко ухватился и за другой кусокъ православнаго хлѣба, вытягавъ у поляковъ въ Андрусовѣ вмѣстѣ съ восточной Малороссіей еще Кіевъ изъ западной.

Помыслы о соединеніи всѣхъ славянъ подъ дружнымъ руководствомъ Москвы и Польши были политической

идиллей Нащокина. Какъ практическаго дѣльца, его больше занимали интересы болѣе дѣловаго свойства. Его дипломатическій взглядъ обращался во все стороны, всюду внимательно высматривая или заботливо подготавливая новыя прибыли для казны и народа. Онъ старался устроить торговыя сношенія съ Персией и Средней Азіей, съ Хивой и Бухарой, снаряжалъ посольство въ Индію, смотрѣлъ и на Дальній Востокъ, на Китай, помышлялъ объ устройствѣ козацкой колонизаціи Поамурья. Но въ этихъ поискахъ на первомъ планѣ, разумѣется, оставалась въ его глазахъ ближайшая западная сторона, Балтійское море. Руководясь народно-хозяйственными соображеніями не меньше, чѣмъ національно-политическими, онъ понималъ торгово-промышленное и культурное значеніе этого моря для Россіи, и потому его вниманіе было усиленно обращено на Швецію, именно на Ливонію, которую, по его мнѣнію, слѣдовало добыть во что бы ни стало: отъ этого пріобрѣтенія онъ ждалъ громадной пользы для русской промышленности и казны царя. Увлекаемый идеями своего дѣльца, царь Алексѣй смотрѣлъ въ ту же сторону, хлопоталъ о возвращеніи бывшихъ русскихъ владѣній, о пріобрѣтеніи „морскихъ пристанищъ“, гаваней, Нарвы, Иванъ-города, Орѣшка и всего теченія рѣки Невы со шведской крѣпостцой Канцами (Ніеншанць), гдѣ поздѣе возникъ Петербургъ. Но Нащокинъ и здѣсь шире смотрѣлъ на дѣло: онъ доказывалъ, что изъ-за мелочей не слѣдуетъ выпускать изъ виду главной цѣли, что Нарва, Орѣшекъ — все это неважныя пунеты; нужно пробраться прямо къ морю, пріобрѣсти Ригу, пристань которой открываетъ ближайшій прямой путь въ западную Европу. Составить коалицію противъ Швеціи, чтобы отнять у нея Ливонію — это была завѣтная мысль Нащокина, составлявшая душу его дипломатическаго плана. Для этого онъ хлопоталъ о мирѣ съ ха-

номъ крымскимъ, о тѣсномъ союзѣ съ Польшей, жертвуя западной Малороссіей. Эта мысль не увѣнчалась успѣхомъ; но Петръ Великій цѣликомъ унаслѣдовалъ эти помыслы отцова министра.

Впрочемъ политическій кругозоръ Нащокина не ограничивался вопросами внѣшней политики. Нащокинъ по-своему смотрѣлъ и на порядокъ внутренняго управленія въ Московскомъ государствѣ: онъ былъ недоволенъ какъ устройствомъ, такъ и ходомъ этого управленія. Онъ возставалъ противъ излишней регламентаціи, господствовавшей въ московскомъ управленіи. Здѣсь все держалось на самой стѣснительной опекѣ высшихъ центральныхъ учрежденій надъ подчиненными исполнителями: исполнительные органы были слѣпыми орудіями данныхъ имъ сверху наказовъ. Нащокинъ требовалъ извѣстнаго простора для исполнителей: „не во всемъ дожидаться государева указа, писалъ онъ: вездѣ надобно воеводское разсмотрѣніе“, т.-е. дѣйствіе по собственному соображенію уполномоченнаго. Онъ указывалъ на примѣръ Запада, гдѣ во главѣ войска ставится знающій полководецъ, самъ рассылающій указы подчиненнымъ начальникамъ, а не требующій на всякую мелочь указа изъ столицы. „Гдѣ глазъ видитъ и ухо слышитъ, тутъ и надо промыслъ держать неотложно“, писалъ онъ. Но требуя самостоятельности для исполнителей, онъ возлагаетъ на нихъ и большую отвѣтственность. Не по указу, не по обычаю и рутинѣ, а по соображенію обстоятельствъ минуты должна дѣйствовать администрація. Такую дѣятельность, основанную на личной сообразительности дѣльца, Нащокинъ называетъ „промысломъ“. Грубая сила мало значить. „Лучше всякой силы промыслъ; дѣло въ промыслѣ, а не въ томъ, что людей много; и много людей, да промышленника нѣтъ, такъ ничего ис выйдеть; вотъ шведъ всѣхъ сосѣднихъ государей

безлюднѣе, а промыслѣ надъ всѣми верхъ беретъ; у него никто не смѣетъ отнять воли у промышленника; половину рати продать да промышленника купить — и то будетъ выголдѣе“. Наконецъ, въ административной дѣятельности Нащокина замѣчаемъ черту, которая всего болѣе подкупаетъ насъ въ его пользу: это — при взыскательности и исполнительности безпримѣрная въ московскомъ управленіи внимательность къ подчиненнымъ, участіе сердца, чувства человѣчности въ отношеніи къ управляемымъ, стремленіе пасть ихъ силы, ставить ихъ въ такое положеніе, въ которомъ они съ наименьшей затратой усилій могли бы принести наиболѣе пользы государству. Во время шведской войны въ покоренномъ краю по Западной Двинѣ русскіе рейтары и донскіе козаки принялись грабить и мучить обывателей, хотя тѣ уже присягнули московскому царю. Нащокинъ, сидя тогда воеводой въ Кукейнось, возмущался до глубины души такимъ разбойничьимъ способомъ веденія войны; у него сердце обливалось кровью отъ жалобъ разоряемаго населенія. Онъ писалъ царю, что ему приходится посылать помощь и противъ непріятелей, и противъ своихъ грабителей. „Лучше бы я на себѣ раны видѣлъ, только бы невинные люди такой крови не терпѣли; лучше бы согласился я быть въ заточеніи необратномъ, только бы не жить здѣсь и не видать надъ людьми такихъ злыхъ бѣдъ“. Царь Алексѣй всего болѣе способенъ былъ оцѣнить это качество въ своемъ сотрудникѣ. Въ грамотѣ 1658 г., возводя Нащокина въ думные дворяне, царь хвалитъ его за то, „что онъ алчныхъ кормитъ, жаждущихъ поить, нагихъ одѣваетъ, до ратныхъ людей ласковъ, а ворами не спускаетъ“.

Таковы административные взгляды и приемы Нащокина. Онъ дѣлалъ нѣсколько попытокъ практическаго примѣненія

своихъ идей. Наблюденія надъ жизнью западной Европы привели его къ сознанию главнаго недостатка московскаго государственнаго управленія, который заключался въ томъ, что это управленіе направлено было единственно на эксплуатацію народнаго труда, а не на развитіе производительныхъ силъ страны. Народно-хозяйственные интересы приносились въ жертву фискальнымъ цѣлямъ и цѣнились правительствомъ лишь какъ вспомогательныя средства казны. Изъ этого сознанія вытекали вѣчные толки Нащокина о развитіи промышленности и торговли въ Московскомъ государствѣ. Онъ едва ли не раньше другихъ усвоилъ мысль, что народное хозяйство само по себѣ должно составлять одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ государственнаго управленія. Нащокинъ былъ однимъ изъ первыхъ политико-экономовъ на Руси. Но чтобы промышленный классъ могъ дѣйствовать производительнѣе, надо было освободить его отъ гнета приказной администраціи. Управляя Псковомъ, Нащокинъ попытался примѣнить здѣсь свой проектъ городского самоуправленія, взятый „съ примѣру стороннихъ чужихъ земель“, т.-е. западной Европы. Это единственный въ своемъ родѣ случай въ исторіи мѣстнаго московскаго управленія XVII в., не лишенный даже нѣкотораго драматизма и ярко характеризующій какъ самого Нащокина, его виновника, такъ и порядки, среди которыхъ ему приходилось дѣйствовать. Приѣхавъ въ Псковъ въ мартѣ 1665 г., новый воевода засталъ въ родномъ городѣ страшную неурядицу. Онъ увидѣлъ великую вражду между посадскими людьми: „лутчіе“, состоятельнѣйшіе купцы, пользуясь своей силой въ городскомъ общественномъ управленіи, обижали „среднихъ и мелкихъ людишекъ“ въ разверсткѣ податей и въ нарядахъ на казенныя службы, вели городскія дѣла „своимъ изволомъ“, безъ вѣдома остальнаго общества; тѣ

и другіе разорялись отъ тяжебъ и приказной неправды; изъ-за нѣмецкаго рубежа въ Псковъ и изъ Пскова за рубежь провозили товары безошлинно; маломочные торговцы, не имѣя оборотнаго капитала, тайно брали у нѣмцевъ деньги на подрядъ, скупали подешевле русскіе товары и какъ свои продавали, точнѣе, передавали ихъ своимъ довѣрителямъ, довольствуясь ничтожнымъ коммиссіоннымъ заработкомъ, „изъ малаго прокормленія“; этимъ они донельзя сбивали цѣны русскихъ товаровъ, сильно подрывали настоящихъ капиталистовъ, должны неоплатно иноземцамъ, разорялись. Нащокинъ вскорѣ по прїѣздѣ предложилъ псковскому посадскому обществу рядъ мѣръ, которыя земскіе старосты Пскова, собравшись съ лучшими людьми въ земской избѣ (городской управѣ) „для общаго всенароднаго совѣту“, должны были обсудить со всякимъ усердіемъ. Здѣсь при участіи воеводы выработаны были „статьи о градскомъ устройствѣ“, своего рода положеніе объ общественномъ управленіи гор. Пскова съ пригородами въ 17 статьяхъ. Положеніе было одобрено въ Москвѣ и заслужило милостивую похвалу царя воеводѣ за службу и радѣнье, а псковскимъ земскимъ старостамъ и всѣмъ посадскимъ людямъ „за ихъ добрый совѣтъ и за радѣнье во всякихъ тебрыхъ дѣлѣхъ“.

Важнѣйшія статьи положенія касаются преобразования посадскаго общественнаго управленія и суда и упорядоченія внѣшней торговли, одного изъ самыхъ дѣятельныхъ нервовъ экономической жизни Псковскаго края. Посадское общество гор. Пскова выбираетъ изъ своей среды на три года 15 человекъ, изъ коихъ пятеро по очереди въ продолженіе года ведутъ городскія дѣла въ земской избѣ. Въ вѣдѣніи этихъ „земскихъ выборныхъ людей“ сосредоточиваются городское хозяйственное управленіе, надзоръ

за питейной продажей, таможенными сборомъ и торговыми сношеніями псковичей съ иноземцами; они же и судятъ посадскихъ людей въ торговыхъ и другихъ дѣлахъ; только важнѣйшія уголовныя преступленія, измѣна, разбой и душегубство, остаются подсудны воеводамъ. Такъ псковскій воевода добровольно поступался значительной долей своей власти въ пользу городского самоуправления. Въ особо важныхъ городскихъ дѣлахъ очередная треть выборныхъ совѣщается съ остальными и даже призываетъ на совѣтъ лучшихъ людей изъ посадскаго общества.

Нащокинъ видѣлъ главные недостатки русской торговли въ томъ, что „русскіе люди въ торговлѣ слабы другъ передъ другомъ“, неустойчивы, не привыкли дѣйствовать дружно и легко попадаютъ въ зависимость отъ иностранцевъ. Главныя причины этой неустойчивости — недостатокъ капиталовъ, взаимное недоверіе и отсутствіе удобнаго кредита. На устраненіе этихъ недостатковъ и были направлены статьи псковскаго положенія о торговлѣ съ иноземцами. Маломочные торговцы распредѣляются „по свойству и знакомству“ между крупными капиталистами, которые наблюдаютъ за ихъ промыслами. Земская изба выдаетъ имъ изъ городскихъ суммъ ссуды для покупки русскихъ вывозныхъ товаровъ. Для торговли съ иноземцами учреждаются подъ Псковомъ двѣ двухнедѣльныя ярмарки съ безпошлиннымъ торгомъ, отъ 6 января и отъ 9 мая. Къ этимъ ярмаркамъ мелкіе торговцы на полученную ссуду при поддержкѣ капиталистовъ, къ которымъ приписаны, скупаютъ вывозные товары, записываютъ ихъ въ земской избѣ и передаютъ своимъ принципаламъ; тѣ уплачиваютъ имъ покупную стоимость принятыхъ товаровъ для новой закупки къ слѣдующей ярмаркѣ и дѣлаютъ имъ „наддачу“ къ этой покупной цѣнѣ „для прокормленія“, а продавъ иноземцамъ

довѣренный товаръ по установленнымъ большимъ цѣнамъ, выдаютъ своимъ клиентамъ причитающуюся имъ „полную прибыль“, компанейскій дивидендъ. Такое устройство торговаго класса должно было сосредоточить обороты внѣшней торговли въ немногихъ крѣпкихъ рукахъ, которыя были бы въ состояніи держать на надлежащей высотѣ цѣны туземныхъ товаровъ.

Такія своеобразныя торговыя товарищества рассчитаны были на возможность дружнаго сближенія верхняго торговаго слоя съ посадскою массою, значить, на умиротвореніе той общественной вражды, какую нашель Нащокинъ въ Псковѣ. Расчетъ могъ быть основанъ на обоюдныхъ выгодахъ обѣихъ сторонъ, патроновъ и кліентовъ: сильные капиталисты доставляли хорошую прибыль маломочнымъ компанейщикамъ, а послѣдніе не портили цѣны сильнымъ. Важно и то, что эти товарищества состояли при городской управѣ, которая становилась ссуднымъ банкомъ для маломочныхъ и контролемъ для ихъ патроновъ: посадское общество гор. Пскова при зависимости отъ него пригородовъ получало возможность черезъ свой судебно-административный органъ руководить внѣшней торговлей всего края. Но общественная рознь помѣшала успѣху реформы. Маломочные посадскіе псковичи приняли новое положеніе, какъ царскую милость, но „прожиточные люди“, богачи, городскіе воротилы, оказали ему противодѣйствіе и нашли себѣ поддержку въ столицѣ. Можно себѣ представить, какъ „ненавидимо“ встрѣчено было предпріятіе Нащокина московекимъ боярскимъ и приказнымъ міромъ: здѣсь въ немъ усмотрѣли только дерзкое посягательство на исконныя права и привычки воеводъ и дьяковъ въ угоду тяглаго посадскаго мужичья. Можно подивиться, какъ успѣлъ Нащокинъ въ 8 мѣсяцевъ воеводства не только обдумать идею и планъ

сложной реформы, но и обладать суетливыми подробностями ея исполненія. Преемникъ Нащокина въ Псковѣ кн. Хованскій, чванный поборникъ боярскихъ притязаній, „тараруй“, какъ его прозвали въ Москвѣ, болтунъ и хвастунъ, котораго „всякъ дуракомъ называлъ“, по выраженію царя Алексѣя, представилъ государю псковское дѣло Нащокина въ такомъ свѣтѣ, что царь отмѣнилъ его, несмотря на свой отзывъ о князѣ, уступая своей слабости — рѣшать дѣла по послѣднему впечатлѣнію.

Нащокинъ не любилъ сдаваться ни врагамъ, ни враждебнымъ обстоятельствамъ. Онъ такъ вѣрилъ въ свою псковскую реформу, что впалъ въ самообольщеніе при своемъ критическомъ умѣ, такъ хорошо выправленномъ на изученіи чужихъ ошибокъ. Въ псковскомъ городскомъ положеніи онъ выражаетъ надежду, что когда эти псковскія „градскія права въ народѣ постановлены и устроены будутъ“, на то смотря, жители и другихъ городовъ будутъ надѣяться, что и ихъ пожалуютъ такимъ же устроеніемъ. Но въ Москвѣ рѣшили прямо наоборотъ: въ Псковѣ не подобаетъ быть особому мѣстному порядку, „такому уставу быть въ одномъ Псковѣ не умѣть“. Однако въ 1667 г., ставъ начальникомъ Посольскаго приказа, во вступленіи къ проведенному имъ тогда Новоторговому уставу Нащокинъ не отказалъ себѣ въ удовольствіи, хотя совершенно безплодно, повторить свои псковскія мысли о выдачѣ ссудъ недостаточнымъ торговцамъ изъ московской таможи и городскихъ земскихъ избъ, о томъ, чтобы маломочные торговые люди складывались съ крупными капиталистами для поддержанія высокихъ цѣнъ на русскіе товары и т. д. Въ этомъ уставѣ Нащокинъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ въ своихъ планахъ устроенія русской промышленности и торговли. Уже въ 1665 г. псковскіе посадскіе люди хода-

тайствовали въ Москвѣ, чтобы ихъ по всѣмъ дѣламъ вѣдали въ одномъ приказѣ, а не волочиться бы имъ по разнымъ московскимъ учрежденіямъ, терпя напрасныя обиды и разореніе. Въ Новоторговомъ уставѣ Нащокинъ провелъ мысль объ особомъ приказѣ, который вѣдалъ бы купеческихъ людей и служилъ бы имъ въ пограничныхъ городахъ обороной отъ другихъ государствъ и во всѣхъ городахъ защитой и управой отъ воеводскихъ притѣсненій. Этотъ *Приказъ купецкихъ дѣлъ* имѣлъ стать предшественникомъ учрежденной Петромъ Великимъ Московской ратуши или Бурмистерской палаты, вѣдавшей все городское торгово-промышленное населеніе государства.

Таковы преобразовательные планы и опыты Нащокина. Можно подивиться широтѣ и новизнѣ его замысловъ, разнообразію его дѣятельности: это былъ плодовитый умъ съ прямымъ и простымъ взглядомъ на вещи. Въ какую бы сферу государственнаго управленія ни попадалъ Нащокинъ, онъ подвергалъ суровой критикѣ установившіеся въ ней порядки и давалъ болѣе или менѣе ясный планъ ея преобразованія. Онъ сдѣлалъ нѣсколько военныхъ опытовъ, замѣтилъ недостатки въ военномъ устройствѣ и предложилъ проектъ его преобразованія. Конную милицію городовыхъ дворянъ онъ признавалъ совсѣмъ непригодной въ боевомъ отношеніи и считалъ необходимымъ замѣнить ее обученнымъ иноземному строю ополченіемъ изъ пѣшихъ и конныхъ „даточныхъ людей“, рекрутовъ. Очевидно, это — мимоходомъ высказанная мысль о регулярной арміи, комплектуемой рекрутскими наборами изъ всѣхъ сословій. Что бы ни задумывалось новаго въ Москвѣ, заведеніе ли флота на Балтійскомъ или Каспійскомъ морѣ, устройство заграничной почты, даже просто разведеніе красивыхъ садовъ съ выписными изъ-за границы деревьями и цвѣтами, —

при всякомъ новомъ дѣлѣ стоялъ или предполагался непременно Ординъ-Нащокинъ. Одно время по Москвѣ ходили даже слухи, будто онъ занимается пересмотромъ русскихъ законовъ, перестройкой всего государства и именно въ духѣ децентрализаціи, въ смыслѣ ослабленія столичной приказной опеки надъ мѣстными управленіями, съ которой Нащокинъ воевалъ всю свою жизнь. Можно пожалѣть, что ему не удалось сдѣлать всего, что онъ могъ сдѣлать; его неуступчивый и строптивый характеръ положилъ преждевременный конецъ его государственной дѣятельности. У Нащокина не было полного согласія съ царемъ во взглядахъ на задачи внѣшней политики. Оставаясь вполнѣ корректнымъ дипломатомъ, виновникъ Андрусовскаго договора вѣрнѣе стоялъ за точное его исполненіе, т.-е. за возможность возвращенія Кіева Польшѣ, что царь считалъ нежелательнымъ, даже прямо грѣшнымъ дѣломъ. Это разногласіе постепенно охлаждало государя къ его любимцу. Назначенный въ 1671 г. для новыхъ переговоровъ съ Польшей, въ которыхъ ему предстояло разрушать собственное дѣло, нарушать договоръ съ поляками, скрѣпленный всего годъ тому назадъ его присягой, Нащокинъ отказался исполнить порученіе, а въ февралѣ 1672 г. игуменъ псковской Крыпецкой пустыни Тарасій постригъ Аеанасія въ монахи подъ именемъ Антонія. Онъ записалъ себѣ на память день своей отставки, 2 декабря 1671 г., когда царь при всѣхъ боярахъ его „милостиво отпустилъ и отъ всее мірскіе суеты свободилъ явно“. Послѣднія мірскія заботы инока Антонія были сосредоточены на устроенной имъ во Псковѣ богадѣльнѣ. Онъ умеръ въ 1680 г.

Ординъ-Нащокинъ во многомъ предупредилъ Петра и первый высказалъ много идей, которыя осуществилъ преобразователь. Это былъ смѣлый, самоувѣренный бюрократъ,

знавшій себѣ цѣну, но при этомъ заботливый и доброжелательный къ управляемымъ, съ дѣятельнымъ и дѣловымъ умомъ; во всемъ и прежде всего онъ имѣлъ въ виду государственный интересъ, общее благо. Онъ не успокоивался на рутинѣ, всюду зорко подмѣчалъ недостатки существующаго порядка, вѣрно соображалъ средства для ихъ устранения, чутко угадывалъ задачи, стоявшія на очереди. Обладая сильнымъ практическимъ смысломъ, онъ не ставилъ далекихъ цѣлей, слишкомъ широкихъ задачъ. Умѣя найтись въ разнообразныхъ сферахъ дѣятельности, онъ старался устроить всякое дѣло, пользуясь наличными средствами. Но твердя безъ умолку о недостаткахъ дѣйствующаго порядка, онъ не касался его основаній, думалъ поправлять его по частямъ. Въ его умѣ неясные преобразовательные порывы Алексѣева времени впервые стали облекаться въ отчетливые проекты и складываться въ связанный планъ реформы; но это не былъ радикальный планъ, требовавшій общей ломки: Нащокинъ далеко не былъ безрасчетнымъ новаторомъ. Его преобразовательная программа сводилась къ тремъ основнымъ требованіямъ: къ улучшенію правительственныхъ учрежденій и служебной дисциплины, къ выбору добросовѣстныхъ и умѣлыхъ управителей и къ увеличенію казенной прибыли, государственныхъ доходовъ посредствомъ подъема народнаго богатства путемъ развитія промышленности и торговли.

Я началъ чтеніе замѣчаніемъ о возможности появленія у насъ государственнаго челоуѣка въ XVII в. Если вы вдумаетесь въ превратности, въ мысли, въ чувства, во всё перипетіи описанной государственной дѣятельности далеко не рядового ума и характера, въ борьбу Ордина-Нащокина съ окружающими его условіями, то поймете, почему такіа счастливыя случайности были у насъ такъ рѣдки.

При всемъ несходствѣ характеровъ и дѣятельностей одна ^{Ртищевъ и} общая черта сближала Ртищева и Ордина-Нащокина: оба ^{Ординъ-} они были новые люди своего времени и дѣлали каждый ^{Нащокинъ} новое дѣло, одинъ въ политикѣ, другой въ нравственномъ быту. Этими они отличались отъ царя Алексѣя, который вросъ въ древнерусскую старину всѣмъ своимъ разумомъ и сердцемъ и только развлекался новизной, украшая съ ея помощью свою обстановку или улаживая свои политическія отношенія. Ртищевъ и Нащокинъ въ самой этой старинѣ умѣли найти новое, открыть еще нетроутыя и неиспользованныя ея средства и пустить ихъ въ оборотъ на общее благо. Западные образцы и научныя знанія они направляли не противъ отечественной старины, а на охрану ея жизненныхъ основъ отъ нея самой, отъ узкаго и черстваго ея пониманія, воспитаннаго въ народной массѣ дурнымъ государственнымъ и церковнымъ руководствомъ, отъ рутины, которая ихъ мертвила. Нащокинъ, дипломатъ, настойчиво и бранчиво проводилъ мысль, что внѣшніе успѣхи, дипломатическіе и военные, непрочны, если не подготовляются и не поддерживаются усовершенствованіемъ внутренняго устройства, что внѣшняя политика должна служить развитію производительныхъ силъ страны, но не истощать ихъ, а богатый царедворецъ Ртищевъ пополнялъ мысль своего задорнаго друга, кротко внушая своимъ образомъ дѣйствій, что и экономическіе успѣхи малоцѣнны, когда нѣтъ главныхъ условій благоустроеннаго общежитія, каковы построенныя на справедливости отношенія общественныхъ классовъ, просвѣщенное религіозно-нравственное чувство, не затемняемое вымышленными обрядами и суевѣріями, и благотворительность, проявляющаяся не въ однихъ случайныхъ личныхъ порывахъ, а устроенная въ общественное учрежденіе. Одинокіе воины въ полѣ, Ртищевъ и Нащо-

кинъ однако не вопіяли въ пустынь: оба еще держались крѣпко старозавѣтныхъ формъ и сочувствій, одинъ основалъ монастырь, другой кончилъ монастыремъ; но ихъ идеи, полупонятія и полупризнанія современниками, добрались до другого времени и помогли понять старорусскія извращенія политической и религіозно-нравственной жизни.

Л е к ц і я LVIII.

Кн. В. В. Голицынъ. — Подготовка и программа реформы.

Младшимъ изъ предшественниковъ Петра былъ кн. В. В. Голицынъ, и онъ уходилъ отъ дѣйствительности гораздо дальше старшихъ. Еще молодой человекъ, онъ былъ уже виднымъ лицомъ въ правительственномъ кругу при царѣ Федорѣ и сталъ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ людей при царевнѣ Софѣ, когда она по смерти старшаго брата сдѣлалась правительницей государства. Властолюбивая и образованная царевна не могла не замѣтить умнаго и образованнаго боярина, и кн. Голицынъ личной дружбой связалъ свою политическую карьеру съ этой царевной. Голицынъ былъ горячій поклонникъ Запада, для котораго онъ отрѣшился отъ многихъ завѣтныхъ преданій русской старины. Подобно Нащокину онъ бѣгло говорилъ по-латыни и по-польски. Въ его обширномъ московскомъ домѣ, который иноземцы считали однимъ изъ вѣликолѣпнѣйшихъ въ Европѣ, все было устроено на европейскій ладъ: въ большихъ залахъ простѣнки между окнами были заставлены большими зеркалами, по стѣнамъ висѣли картины, портреты русскихъ и иноземныхъ государей и нѣмецкія географическія карты въ золоченыхъ рамахъ; на потолкахъ нарисована была планетная система; множество часовъ и термометръ художественной работы довершали убранство комнатъ. У Голицына была значительная и разнообразная бібліотека изъ рукописныхъ и

Кн. В. В.
Голицынъ.

печатныхъ книгъ на русскомъ, польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: здѣсь между грамматиками польскаго и латинскаго языка стояли кievскій лѣтописецъ, нѣмецкая геометрія, Алкоранъ въ переводѣ съ польскаго, четыре рукописи о строеніи комедій, рукопись Юрія сербенина (Крижанича). Домъ Голицына былъ мѣстомъ встрѣчи для образованныхъ иностранцевъ, попадавшихъ въ Москву, и въ гостепрѣимствѣ къ нимъ хозяинъ шелъ дальше другихъ московскихъ любителей иноземнаго, принималъ даже иезуитовъ, съ которыми тѣ не могли мириться. Разумѣется, такой человекъ могъ стоять только на сторонѣ преобразовательнаго движенія и именно въ латинскомъ, западно-европейскомъ, не лихудовскомъ направленіи. Одинъ изъ преемниковъ Ордина-Нащокина по управленію Посольскимъ приказомъ, кн. Голицынъ развивалъ идеи своего предшественника. При его содѣйствіи состоялся въ 1686 г. Московскій договоръ о вѣчномъ мирѣ съ Польшей, по которому Московское государство приняло участіе въ коалиціонной борьбѣ съ Турціей въ союзѣ съ Польшей, Германскою имперіей и Венеціей и этимъ формально вступило въ концертъ европейскихъ державъ, за что Польша навсегда утверждала за Москвою Кіевъ и другія московскія пріобрѣтенія, временно уступленныя по Андрусовскому перемирію. И въ вопросахъ внутренней политики кн. Голицынъ шелъ впереди прежнихъ дѣльцовъ преобразовательнаго направленія. Еще при царѣ Ѳедорѣ онъ былъ предсѣдателемъ комиссіи, которой поручено было составить планъ преобразованія московскаго военнаго строя. Эта комиссія предложила ввести нѣмецкій строй въ русское войско и отмѣнить мѣстничество (законъ 12 января 1682 г.). Голицынъ безъ умолку твердилъ боярамъ о необходимости учить своихъ дѣтей, выхлопоталъ разрѣшеніе посылать ихъ въ польскія школы, совѣтовалъ приглашать польскихъ гувер-

неровъ для ихъ образованія. Несомнѣнно, широкіе преобразовательные планы роились въ его головѣ. Жаль, что мы знаемъ только ихъ обрывки или неясные очерки, записанные иностранцемъ Нёвиллемъ, польскимъ посланцомъ, пріѣхавшимъ въ Москву въ 1689 г. незадолго до паденія Софьи и Голицына. Невилль видался съ княземъ, говорилъ съ нимъ по-латыни о современныхъ политическихъ событіяхъ, особенно объ англійской революціи, могъ отъ него кое-что слышать о положеніи дѣлъ въ Москвѣ и тщательно собиралъ о немъ московскіе слухи и свѣдѣнія. Голицына сильно занималъ вопросъ о московскомъ войскѣ, недостатки котораго онъ хорошо извѣдалъ, не разъ командуя полками. Онъ, по словамъ Невилля, хотѣлъ, чтобы дворянство ѣздило за границу и обучалось тамъ военному искусству, ибо онъ думалъ замѣнить хорошими солдатами взятыхъ въ даточные и непригодныхъ къ дѣлу крестьянъ, земли которыхъ оставались безъ обработки на время войны, а взамѣнъ ихъ безплезной службы обложить крестьянство умѣренной поголовной податью. Значить, даточные рекруты изъ холоповъ и тяглыхъ людей, которыми пополняли дворянскіе полки, устранились и армія, вопреки мысли Ордина-Нащокина, сохраняла строго-сословный дворянскій составъ съ регулярнымъ строемъ шодъ командой обученныхъ военному дѣлу офицеровъ изъ дворянъ же. Военно-техническая реформа въ мысляхъ Голицына соединялась съ переворотомъ соціально-экономическимъ. Преобразование государства Голицынъ думалъ начать освобожденіемъ крестьянъ, предоставивъ имъ обрабатываемыя ими земли съ выгодой для паря, т.-е. казны, посредствомъ ежегодной подати, что по его расчету увеличивало доходъ казны болѣе чѣмъ на половину. Иноземецъ кое-чего не слышалъ и не объяснилъ условій этой поземельной операціи. Такъ какъ на дворянахъ оставалась обязательная и наслѣд-

ственная военная служба, то по всей вѣроятности насчетъ поземельнаго государственнаго оброка съ крестьянъ предполагалось увеличить дворянскіе оклады денежнаго жалованья, которые должны были служить вознагражденіемъ за потерянные помѣщиками доходы съ крестьянъ и за отошедшія къ нимъ земли. Такимъ образомъ по плану Голицына операція выкупа крѣпостнаго труда и надѣльной земли крестьянъ совершалась посредствомъ замѣны капиталной выкупной суммы непрерывнымъ доходомъ служилыхъ землевладѣльцевъ, получаемымъ отъ казны въ видѣ возвышеннаго жалованья за службу. При этомъ не стѣсненный закономъ помѣщичій произволъ въ эксплуатаціи крѣпостнаго труда замѣнялся опредѣленнымъ поземельнымъ казеннымъ налогомъ. Подобныя мысли о разрѣшеніи крѣпостнаго вопроса стали возвращаться въ русскіе государственные умы не раньше, какъ полтора вѣка спустя послѣ Голицына. Много другаго слышалъ Невилль о планахъ этого вельможи, но не передавая всего слышаннаго, иноземецъ ограничивается общими нѣсколькими идиличнымъ отзывомъ. „Если бы я захотѣлъ написать все, что узналъ объ этомъ князѣ, я никогда бы не кончилъ; достаточно сказать, что онъ хотѣлъ населить пустыни, обогатить нищихъ, дикарей превратить въ людей, трусовъ въ храбрецовъ, пастушечьи шалаши въ каменные палаты“. Читая рассказы Невилля въ его донесеніи о Московіи, можно подивиться смѣлости преобразовательныхъ замысловъ „великаго Голицына“, какъ величаетъ его авторъ. Эти замыслы, переданные иностранцемъ отрывочно, безъ внутренней связи, показываютъ однако, что въ основаніи ихъ лежалъ широкій и повидимому довольно обдуманый планъ реформъ, касавшійся не только административнаго и экономическаго порядка, но и сословнаго устройства государства и даже народнаго просвѣщенія. Конечно, это были

мечты, домашніе разговоры съ близкими людьми, а не законодательные проекты. Личныя отношенія кн. Голицына не дали ему возможности даже начать практическую разработку своихъ преобразовательныхъ замысловъ: связавъ свою судьбу съ царевной Софьей, онъ палъ вмѣстѣ съ нею и не принималъ участія въ преобразовательной дѣятельности Петра, хотя былъ ближайшимъ его предшественникомъ и могъ бы быть хорошимъ его сотрудникомъ, если не лучшимъ. Въ законодательствѣ слабо отразился духъ его плановъ: смягчены условія холопства за долги, отиѣнены закапываніе мужеубійць и смертная казнь за возмутительныя слова. Усиленіе карательныхъ мѣръ противъ старообрядцевъ нельзя ставить цѣликомъ насчетъ правительства царевны Софьи: то было профессиональное занятіе церковныхъ властей, въ которомъ государственному управленію приходилось обыкновенно служить лишь карательнымъ орудіемъ. Къ тому времени церковныя гоненія выросли въ старообрядческой средѣ изувѣровъ, по слову которыхъ тысячи совращенныхъ жгли себя ради спасенія своихъ душъ, а церковные пастыри ради того же жгли проповѣдниковъ самосожженія. Ничего не могло сдѣлать и для крѣпостныхъ крестьянъ правительство царевны, пристращавшей буйныхъ стрѣльцовъ дворянами, пока не явилась возможность припугнуть дворянъ стрѣльцами и козаками. Однако несправедливо было бы отрицать участіе идей Голицына въ государственной жизни; только его надо искать не въ новыхъ законахъ, а въ общемъ характерѣ 7-лѣтняго правленія царевны. Своимъ и шуринъ царя Петра, слѣдовательно противникъ Софьи, кн. Б. И. Куракинъ оставилъ въ своихъ запискахъ замѣчательный отзывъ объ этомъ правленіи. „Правленіе царевны Софьи Алексѣевны началось со всею прилежностію и правосудіемъ всѣмъ и ко удовольствію

народному, такъ что никогда такого мудраго правленія въ Россійскомъ государствѣ не было; и все государство пришло во время ея правленія чрезъ семь лѣтъ въ цвѣтъ великаго богатства, также умножилась коммерція и всякія ремесла, и науки почали быть возставлять латинскаго и греческаго языку..... и торжествовала тогда довольность народная“. Свидѣтельство Куракина о цвѣтѣ великаго богатства повидимому подтверждается и извѣстіемъ Невилля, что въ деревянной Москвѣ, считавшей тогда въ себѣ до полумилліона жителей, въ министерство Голицына построено было болѣе трехъ тысячъ каменныхъ домовъ. Неосторожно было бы подумать, что сама Софья своимъ образомъ дѣйствій вынудила у противника такой хвалебный отзывъ о своемъ правленіи. Эта тучная и некрасивая полудѣвица съ большой неуклюжей головой, съ грубымъ лицомъ, широкой и короткой таліей, въ 25 лѣтъ казавшаяся 40-лѣтней, властолюбію пожертвовала совѣстью, а темпераменту стыдомъ; но достигнувъ власти путемъ постыдныхъ интригъ и кровавыхъ преступленій, она, какъ принцесса „великаго ума и великій полетикъ“, по словамъ того же Куракина, нуждаясь въ оправданіи своего захвата, способна была внимать совѣтамъ своего перваго министра и „голанта“, тоже человѣка „ума великаго и любимаго отъ всѣхъ“. Онъ окружилъ себя сотрудиками, вполнѣ ему преданными, все незнатными, но дѣльными людьми вродѣ Неплюева, Касогова, Змѣева, Украинцева, съ которыми и достигъ отмѣченныхъ Куракинымъ правительственныхъ успѣховъ.

Кн. Голицынъ былъ прямымъ продолжателемъ Ордина-Нащокина. Какъ человѣкъ другаго поколѣнія и воспитанія, онъ шелъ дальше послѣдняго въ своихъ преобразовательныхъ планахъ. Онъ не обладалъ ни умомъ Нащокина, ни его правительственными талантами и дѣловымъ навѣ-

комъ, но былъ книжно образованнѣе его, меньше его работалъ, но больше размышлялъ. Мысль Голицына, менѣе сдерживаемая опытомъ, была смѣлѣе, глубже проникала въ существующій порядокъ, касаясь самыхъ его основаній. Его мышленіе было освоено съ общими вопросами о государствѣ, объ его задачахъ, о строеніи и складѣ общества: не даромъ въ его библіотекѣ находилась какая-то рукопись „о гражданскомъ житіи или о поправленіи всѣхъ дѣлъ, яже належатъ обще народу“. Онъ не довольствовался подобно Нащокину административными и экономическими реформами, а думалъ о распространеніи просвѣщенія и вѣротерпимости, о свободѣ совѣсти, о свободномъ въѣздѣ иноземцевъ въ Россію, объ улучшеніи соціальнаго строя и нравственнаго быта. Его планы шире, отважнѣе проектовъ Нащокина, но зато идиличнѣе ихъ. Представители двухъ смежныхъ поколѣній, оба они были родоначальниками двухъ типовъ государственныхъ людей, выступающихъ у насъ въ XVIII в. Всѣ эти люди были либо нащокинскаго, либо голицынскаго пошиба: Нащокинъ — родоначальникъ практическихъ дѣльцовъ петрова времени; въ Голицынѣ замѣтны черты либеральнаго и нѣсколько мечтательнаго екатерининскаго вельможи.

. Я окончилъ обзоръ подготовки реформы Петра; позвольте мнѣ свести итоги сказаннаго.

Мы видѣли, съ какими колебаніями шла подготовка. Русскіе люди XVII в. дѣлали шагъ впередъ и потомъ отставали, чтобы подумать, что они сдѣлали, не слишкомъ ли далеко шагнули. Судорожное движеніе впередъ и раздумье съ пугливой оглядкой назадъ — такъ можно обозначить культурную походку русскаго общества въ XVII в. Обдумывая каждый свой шагъ, они проишли меньше, чѣмъ сами думали. Мысль о реформѣ вызвана была въ нихъ по-

Подготовка
и программа
реформы.

требностями народной обороны и государственной казны. Эти потребности требовали обширных преобразований въ государственномъ устройствѣ и хозяйственномъ быту, въ организаціи народнаго труда. Въ томъ и другомъ дѣлѣ люди XVII в. ограничились робкими попытками и нерѣшительными заимствованіями у Запада. Но среди этихъ попытокъ и заимствованій они много спорили, бранились и въ этихъ спорахъ кой о чемъ подумали. Ихъ военныя и хозяйственныя нужды столкнулись съ ихъ завѣтными вѣрованіями и закоренѣлыми привычками, съ ихъ вѣковыми предрасудками. Оказалось, что имъ нужно больше, чѣмъ они могутъ и хотятъ, чѣмъ подготовлены сдѣлать, что для обезпеченія своего политическаго и экономическаго существованія имъ необходимо передѣлать свои понятія и чувства, все свое міросозерцаніе. Такъ они очутились въ неловкомъ положеніи людей, отставшихъ отъ собственныхъ потребностей. Имъ наудобилось техническое знаніе, военное и промышленное, а они не только не имѣли его, но и были дотолѣ убѣждены, что оно ненужно и даже грѣховно, потому что не ведетъ къ душевному спасенію. Какихъ же успѣховъ достигли они въ этой двойной борьбѣ со своими нуждами и съ самими собой, съ своими собственными предубѣжденіями?

Для удовлетворенія своихъ матеріальныхъ нуждъ они въ государственномъ порядкѣ произвели не особенно много удачныхъ перемѣнъ. Они показывали нѣсколько тысячъ иноземцевъ, офицеровъ, солдатъ и мастеровъ, съ ихъ помощью кое-какъ поставили значительную часть своей рати на регулярную ногу и то плохую, безъ надлежащихъ приспособленій, и построили нѣсколько фабрикъ и оружейныхъ заводовъ, а съ помощью этой подправленной рати и этихъ заводовъ послѣ большихъ хлопотъ и усилій съ трудомъ вернули двѣ потеряныя области, Смоленскую и Сѣверскую,

и едва удержали въ своихъ рукахъ половину добровольно отдавшейся имъ Малороссіи. Вотъ и всѣ существенныя плоды ихъ 70-лѣтнихъ жертвъ и усилій! Государственнаго порядка они не улучшили, напротивъ, сдѣлали его тяжелѣе прежняго, отказавшись отъ земскаго самоуправленія, обособленіемъ сословій усиливъ общественную рознь и пожертвовавъ свободой крестьянскаго труда. Зато въ борьбѣ съ самими собой, со своими привычками и предубѣжденіями они одержали нѣсколько важныхъ побѣдъ, облегчившихъ эту борьбу дальнѣйшимъ поколѣніямъ. Это была ихъ безспорная заслуга въ дѣлѣ подготовки реформы. Они подготавливали не столько самую реформу, сколько себя самихъ, свои умы и совѣсти къ этой реформѣ, а это менѣе видная, но не менѣе трудная и необходимая работа. Попытаюсь обозначить въ короткомъ перечнѣ эти ихъ умственные и нравственныя завоеванія.

Во-первыхъ, они сознались, что многого не знали изъ того, что нужно знать. Это была самая трудная побѣда ихъ надъ собой, надъ своимъ самолюбіемъ и своимъ прошедшимъ. Древнерусская мысль усиленно работала надъ вопросами нравственно-религіознаго порядка, надъ дисциплиной совѣсти и воли, надъ покореніемъ ума въ послушаніе вѣрѣ, надъ тѣмъ, что считалось спасеніемъ души. Но она пренебрегала условіями земнаго существованія, видя въ немъ законное царство судьбы и грѣха, и потому съ безсильною покорностью отдавала его на произволь грубаго инстинкта. Она сомнѣвалась, какъ это можно внести и стоитъ ли вносить добро въ земной міръ, который по Писанію во злѣ лежитъ, слѣдовательно и обреченъ во злѣ лежать, и была убѣждена, что наличный житейскій порядокъ такъ же мало зависитъ отъ человѣческихъ усилій, такъ же неизмѣненъ, какъ и порядокъ міровой. Вотъ эту вѣру въ ро-

ковую неизмѣнность житейскаго порядка и начало колебать двустороннее вліяніе, шедшее извнутри и извнѣ. Внутреннее вліяніе исходило изъ потрясеній, испытанныхъ государствомъ въ XVII в. Смутное время впервые и больно ударило по соннымъ русскимъ умамъ, заставило способныхъ мыслить людей раскрыть глаза на окружающее, взглянуть прямымъ и яснымъ взглядомъ на свою жизнь. У писателей того времени, у келаря А. Палицына, у дьяка И. Тимоеева, у кн. И. Хворостинина ярко просвѣчиваетъ то, что можно назвать исторической мыслью, наклонность вникнуть въ условія русской жизни, въ самыя основы сложившихся общественныхъ отношеній, чтобы здѣсь найти причины пережитыхъ бѣдствій. И послѣ Смуты до конца вѣка все увеличивавшіяся государственныя тягости поддерживали эту наклонность, питая недовольство, прорывавшееся въ рядѣ мятежей. На земскихъ соборахъ и въ особыхъ совѣщаніяхъ съ правительствомъ выборные люди, указывая на всяческіе непорядки, обнаруживали вдумчивое пониманіе печальной дѣйствительности въ предлагаемыхъ средствахъ ея исправленія. Очевидно, мысль тронулась и пыталась повлечь за собою застоявшуюся жизнь, не видя въ ней болѣе свыше установленнаго неприкосновеннаго порядка. Съ другой стороны, западное вліяніе приносило къ намъ понятія, направлявшія мысль на условія и удобства именно земнаго общежитія и ставившія его усовершенствованіе самостоятельной и важной задачей государства и общества. Но для этого нужны были знанія, какихъ не имѣла и которыми пренебрегала древняя Русь, особенно изученіе природы и того, чѣмъ она можетъ служить потребностямъ человѣка: отсюда усиленный интересъ русскаго общества XVII в. къ космографическимъ и другимъ подобнымъ сочиненіямъ. Само правительство поддерживало этотъ интересъ, начиная подумывать о разработкѣ

постронутыхъ богатствъ страны, разыскивая всякіе минералы, для чего требовалось то же знаніе. Новое вѣяніе захватывало даже такихъ слабыхъ людей, какъ царь Федоръ, слывшій за великаго любителя всякихъ наукъ, особенно математическихъ, и по свидѣтельству Сильвестра Медвѣдева заботившійся не только о богословскомъ, но и о техническомъ образованіи: онъ собиралъ въ свои царскія мастерскія „художниковъ всякаго мастерства и рукодѣлія“, платилъ имъ хорошее жалованье и самъ прилежно слѣдилъ за ихъ работами. Мысль о необходимости такого знанія съ конца XVII в. становится господствующей идеей передовыхъ людей нашего общества, жалобы на его отсутствіе въ Россіи — общимъ мѣстомъ въ изображеніи ея состоянія. Не подумайте, что это сознаніе или эта жалоба тотчасъ повели къ усвоенію понадобившагося знанія, что это знаніе, ставъ очереднымъ вопросомъ, скоро превратилось въ насущную потребность. Далеко нѣтъ: у насъ необыкновенно долго и осторожно собирались приступить къ рѣшенію этого вопроса; во весь XVIII в. и большую часть XIX вѣка размышляли и спорили о томъ, какое знаніе пригодно намъ и какое опасно. Но пробудившаяся потребность ума скоро измѣнила отношеніе къ существующему житейскому порядку. Какъ скоро освоились съ мыслью, что помощью знанія можно устроить жизнь лучше, чѣмъ она идетъ, тотчасъ стала падать увѣренность въ неизмѣнности житейскаго порядка и возникло желаніе устроиться такъ, чтобы жилось лучше; возникло это желаніе прежде, чѣмъ успѣли узнать, какъ это устроить. Въ знаніе увѣровали прежде, чѣмъ успѣли овладѣть имъ. Тогда принялись пересматривать всѣ углы существующаго порядка и какъ въ домѣ, давно не ремонтированномъ, всюду находили запущенность, ветхость, соръ, недосмотры. Стороны жизни, казавшіяся

прежде болѣе крѣпкими, перестали возбуждать довѣріе къ своей прочности. До сихъ поръ считали себя сильными вѣрой, которая безъ грамматики и риторики способна постигать разумъ Христовъ, а восточный іерархъ Паясій Лигаридъ указывалъ на необходимость школьнаго образованія для борьбы съ расколомъ, и русскій патріархъ Іоакимъ, вторя ему, въ направленномъ противъ раскола сочиненіи писалъ, что многіе и изъ благочестивыхъ людей уклонились въ расколъ по скудости ума, по недостатку образованія. Такъ умъ, образованіе были признаны опорами благочестія. Переводчикъ Посольскаго приказа Фирсовъ въ 1683 г. перевелъ Псалтырь. И этотъ чиновничекъ министерства иностранныхъ дѣлъ признаетъ необходимымъ обновить церковный порядокъ помощію знанія. „Нашъ російскій народъ, пишетъ онъ, грубый и неученый; не только простые, но и духовнаго чина люди истинныя вѣдомости и разума въ св. Писаніи не ищутъ, ученыхъ людей поносятъ и еретиками называютъ“.

Въ пробужденіи этой простодушной вѣры въ науку этой довѣрчивой надежды съ ея помощію все исправить, по моему мнѣнію, и заключался главный нравственный успѣхъ въ дѣлѣ подготовки реформы Петра Великаго. Этой вѣрой и надеждой руководился въ своей дѣятельности и преобразователь. Та же вѣра поддерживала насъ и послѣ преобразователя всякій разъ, когда мы, изнемогая въ погонѣ за успѣхами западной Европы, готовы были упасть съ мыслью, что мы не рождены для цивилизаціи, и съ ожесточеніемъ бросались въ самоуничженіе.

Но эти нравственныя пріобрѣтенія достались людямъ XVII в. не даромъ, внесли новый разладъ въ общество. До той поры русское общество жило вліяніями туземнаго происхожденія, условіями своей собственной жизни и уха-

заніями природы своей страны. Когда на это общество повѣяла иноземная культура, богатая опытами и знаніями, она, встрѣтившись съ доморощенными порядками, вступила съ ними въ борьбу, волнуя русскихъ людей, путая ихъ понятія и привычки, осложняя ихъ жизнь, сообщая ей усиленное и неровное движеніе. Производя въ умахъ броженіе притокомъ новыхъ понятій и интересовъ, иноземное вліяніе уже въ XVII в. вызвало явленіе, которое еще болѣе запутывало русскую жизнь. До тѣхъ поръ русское общество отличалось однородностью, цѣльностью своего нравственно-религіознаго состава. При всемъ различіи общественныхъ положеній, древне-русскіе люди по своему духовному облику были очень похожи другъ на друга, утоляли свои духовныя потребности изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ. Бояринъ и холопъ, грамотей и безграмотный запоминали неодинаковое количество священныхъ текстовъ, молитвъ, церковныхъ пѣснопѣвній и мірскихъ бѣсовскихъ пѣсень, сказокъ, старинныхъ преданій, неодинаково ясно понимали вещи, неодинаково строго заучивали свой житейскій катихизисъ. Но они твердили одинъ и тотъ же катихизисъ, въ положенное время одинаково легкомысленно грѣшили и съ одинаковымъ страхомъ Божиимъ приступали къ покаянію и причащенію до ближайшаго разрѣшенія „на вся“. Такіе однообразные изгибы автоматической совѣсти помогали древне-русскимъ людямъ хорошо понимать другъ друга, составлять однородную нравственную массу, устанавливали между ними нѣкоторое духовное согласіе вопреки соціальной розни и дѣлали смѣняющіяся поколѣнія периодическимъ повтореніемъ разъ установившагося типа. Какъ въ царскихъ палатахъ и боярскихъ хоромахъ затѣйливой рѣзбой и позолотой прикрывался простенькій архитектурный планъ крестьянской деревянной избы, такъ и въ

вычурномъ изложеніи русскаго книжника XVI—XVII вв. проглядываетъ непритязательное наслѣдственное духовное содержаніе „сельскаго невѣгласа, проста умомъ, простѣйша же разумомъ“. Западное вліяніе разрушило эту нравственную цѣльность древне-русскаго общества. Оно не проникало въ народъ глубоко, но въ верхнихъ его классахъ, по самому положенію своему наиболѣе открытыхъ для внѣшнихъ вѣяній, оно постепенно пріобрѣтало господство. Какъ трескается стекло, неравномѣрно нагрѣваемое въ разныхъ своихъ частяхъ, такъ и русское общество, неодинаково проникаясь западнымъ вліяніемъ во всѣхъ своихъ слояхъ, раскололось. Расколъ, происшедшій въ русской Церкви XVII в., былъ церковнымъ отраженіемъ этого нравственнаго раздвоенія русскаго общества подѣ дѣйствіемъ западной культуры. Тогда стали у насъ другъ противъ друга два міросозерцанія, два враждебные порядка понятій и чувствъ. Русское общество раздѣлилось на два лагеря, на почитателей родной старины и ширверженцевъ новизны, т.-е. иноземнаго, западнаго. Руководящіе классы общества, оставшіеся въ оградѣ православной Церкви, стали проникаться равнодушіемъ къ родной старинѣ, во имя которой ратовалъ расколъ, и тѣмъ легче отдавались иноземному вліянію. Старообрядцы, выкинутые за церковную ограду, стали тѣмъ упорнѣе ненавидѣть привозныя новшества, приписывая имъ порчу древне-православной русской Церкви. Это равнодушіе однихъ и эта ненависть другихъ вошли въ духовный составъ русскаго общества, какъ новыя пружины, осложнившія общественное движеніе, тянувшія людей въ разные стороны.

Особенно счастливымъ условіемъ для успѣха преобразовательныхъ стремленій надобно признать дѣятельное участіе отдѣльныхъ лицъ въ ихъ распространеніи. То были

послѣдніе и лучшіе люди древней Руси, положившіе свой отпечатокъ на стремленія, которыя они впервые проводили или только поддерживали. Царь Алексѣй Михайловичъ пробудилъ общее и смутное влеченіе къ новизнѣ и усовершенствованію, не порывая съ родной стариной. Благодушно благословляя преобразовательныя начинанія, онъ приручалъ къ нимъ пугливую русскую мысль, самымъ своимъ благодушіемъ заставляя вѣрить въ ихъ нравственную безопасность и не терять вѣры въ свои силы. Бояринъ Ординъ-Нащокинъ не отличался ни такимъ благодушіемъ, ни набожной привязанностью къ родной старинѣ и своимъ неугомоннымъ ворчаньемъ на все русское могъ нагнать тоску и уныніе, заставить опустить руки. Но его честная энергія невольно увлекала, а его свѣтлый умъ сообщалъ смутнымъ преобразовательнымъ порывамъ и помысламъ видъ такихъ простыхъ, отчетливыхъ и убѣдительныхъ плановъ, въ разумность и исполнимость которыхъ хотѣлось вѣрить, польза которыхъ была всѣмъ очевидна. Изъ его указаній, предположеній и опытовъ впервые стала складываться цѣльная преобразовательная программа, не широкая, но довольно отчетливая программа реформы административной и народно-хозяйственной. Другіе менѣе видные дѣльцы пополняли эту программу, внося въ нее новые мотивы или распространяя ее на другія сферы государственной и народной жизни, и такимъ образомъ подвигали дѣло реформы. Ртищевъ пытался внести нравственный мотивъ въ государственное управленіе и возбудилъ вопросъ объ устройствѣ общественной благотворительности. Кн. Голицынъ мечтательными толками о необходимости разностороннихъ преобразованій будилъ дремавшую мысль правящаго класса, признававшаго существовавшій порядокъ вполне удовлетворительнымъ.

Этимъ я заканчиваю обзоръ явленій XVII вѣка. Онъ весь былъ эпохой, подготовлявшей преобразованія Петра Великаго. Мы изучили дѣла и видѣли рядъ людей, воспитанныхъ новыми вѣяніями XVII в. Но это были лишь наиболѣе выдавшіеся люди преобразовательнаго направленія, за которыми стояли другіе, менѣе крупные: бояре Б. И. Морозовъ, Н. И. Романовъ, А. С. Матвѣевъ, цѣлая фаланга кievскихъ ученыхъ и въ сторонѣ — пришлецъ и изгнанникъ Юрій Крижаничъ. Каждый изъ этихъ дѣльцовъ, стоявшихъ въ первомъ и второмъ ряду, проводилъ какую-нибудь преобразовательную тенденцію, развивалъ какую-нибудь новую мысль, иногда цѣлый рядъ новыхъ мыслей. Судя по нимъ, можно подивиться обилію преобразовательныхъ идей, накопившихся въ возбужденныхъ умахъ того мятежнаго вѣка. Эти идеи развивались наскоро, безъ взаимной связи, безъ общаго плана; но сопоставивъ ихъ одніе съ другими, видимъ, что онѣ складываются сами собою въ довольно стройную преобразовательную программу, въ которой вопросы внѣшней политики сдѣлались съ вопросами военными, финансовыми, экономическими, социальными, образовательными. Вотъ важнѣйшія части этой программы: 1) миръ и даже союзъ съ Польшей; 2) борьба со Швеціей за восточный балтійскій берегъ, съ Турціей и Крымомъ за южную Россію; 3) завершеніе переустройства войска въ регулярную армію; 4) замѣна старой сложной системы прямыхъ налоговъ двумя податями, подушной и поземельной; 5) развитіе внѣшней торговли и внутренней обрабатывающей промышленности; 6) введеніе городского самоуправления съ цѣлью подъема производительности и благосостоянія торгово-промышленнаго класса; 7) освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ съ землей; 8) заведеніе школъ не только общеобразова-

тельныхъ съ церковнымъ характеромъ, но и техническихъ, приспособленныхъ къ нуждамъ государства, — и все это по иноземнымъ образцамъ и даже съ помощью иноземныхъ руководителей. Легко замѣтить, что совокупность этихъ преобразовательныхъ задачъ есть не что иное, какъ преобразовательная программа Петра: эта программа была вся готова еще до начала дѣятельности преобразователя. Въ томъ и состоитъ значеніе московскихъ государственныхъ людей XVII вѣка: они не только создали атмосферу, въ которой выросъ и которой дышалъ преобразователь, но и начертали программу его дѣятельности, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ шедшую даже дальше того, что онъ сдѣлалъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

- Лекція ХLI. IV періодъ 1. — Главные факты 2. — Ихъ отношеніе 4. — Внѣшняя политика и внутренняя жизнь 8. — Общій ходъ дѣлъ 11. — Ростъ политическаго сознанія 14. — Начало смуты 17. — Конецъ династіи. Царь Ѳеодоръ 18. — Б. Годуновъ 22. — Борисъ на престолѣ 25. — Толки и слухи про Бориса 27. — Самозванство 31.
- Лекція ХLII. *Послѣдовательное вхожденіе въ смуту всѣхъ классовъ общества (32—58).* Царь Борисъ 32. — Лжедмитрій 36. — В. Шуйскій 40. — Подкрестная запись В. Шуйскаго 42. — Ея характеръ и происхожденіе 43. — Ея политическое значеніе 45. — Второй слой правящаго класса вступаетъ въ смуту 46. — Договоръ 4 февр. 1610 г. 49. — Московскій договоръ 17 авг. 1610 г. 51. — Провинціальное дворянство и земскій приговоръ 30 іюня 1611 г. 53. — Участіе низшихъ классовъ въ смутѣ 56.
- Лекція ХLIII. Ходъ смуты 59. — Государство — вотчина 61. — Выборный царь 64. — Тягловый строй государства 65. — Общественная ровнь 68. — Самозванство 70. — Выводы 71. — Второе ополченіе 72. — Избраніе Михаила 74. — Романовы 78.
- Лекція ХLIV. *Ближайшія слѣдствія смуты (81—112).* Новые политическія понятія 82. — Ихъ проявленія 85. — Правящій классъ 87. — Разстройство мѣстничества 89. — Царь и боярство 92. — Боярская дума и земскій соборъ 97. — Упрощеніе верховной власти 100. — Боярская попытка 1681 г. 104. — Земскіе соборы XVII в. 105. — Разореніе 107. — Настроеніе общества 112.
- Лекція ХLV. *Внѣшнее положеніе Московскаго государства послѣ смуты (113—161).* Задачи внѣшней политики 113. — Западная Русь 116. — Управленіе 118. — Русско-литовское и польское дворянство 119. — Города 121. — Люблинская унія 123. — Слѣдствія уніи 128. — Заселеніе степной Украйны 129. — Происхожденіе козачества 131. — Малороссійское козачество 134. — Запорожье 136.

Лекція XLVI. Нравственный характеръ козачества 140. — Козаки за вѣру и народность 143. — Рознь въ козачествѣ 144. — Мало-россійскій вопросъ 147. — Балтійскій вопросъ 153. — Восточный вопросъ 154. — Европейскія отношенія 158. — Значеніе виѣшной политики 160.

Лекція XLVII. Колебанія во внутренней жизни Московскаго государства XVII в. 162. — Два ряда нововведеній 164. — Потребность въ сводѣ законовъ 164. — Мятежъ 1648 г. 167. — Приговоръ 17-го іюля 170. — Составленіе свода 172. — Источники 174. — Участіе соборныхъ выборныхъ 175. — Приемы составленія 178. — Значеніе Уложенія 181. — Новыя идеи 182. — Новоуказныя статьи 186.

Лекція XLVIII. Воеводы 188. — Губные старосты 191. — Судьба земскихъ учрежденій 192. — Окружные разряды. Сосредоточеніе центрального управленія 195. — Приказы счетныхъ и тайныхъ дѣлъ 196. — Составъ общества 198. — Образование сословій 201. — Служилые люди 202. — Посадское населеніе 203. — Закладчики 204.

Лекція XLIX. *Владѣльческіе крестьяне (207—239).* Виды неполнаго холопства 209. — Кабальное холопство 210. — Указъ 1597 г. 213. — Сближеніе ссуднаго крестьянства и кабальнаго холопства 216. — Задворные люди 217. — Крѣпостная крестьянская запись 219. — Ея происхожденіе 220. — Ея условія 221. — Государство и землевладѣльцы 224. — Отиѣна урочныхъ дѣтъ 227. — Крѣпостные по Уложенію 229. — Крестьянскіе животы 232. — Податная отвѣтственность за крѣпостныхъ 235. — Отличія крестьянства отъ холопства 238.

Лекція L. Господа и крѣпостные 240. — Крѣпостное право и земскій соборъ 243. — Общественный составъ соборовъ XVII в. 244. — Численный составъ 247. — Выборы 248. — Ходъ дѣлъ на соборахъ 251. — Ихъ политическій характеръ 255. — Условія ихъ непрочности 257. — Земская мысль въ торговыхъ классахъ 264. — Распаденіе соборнаго представительства 268. — Что сдѣлалъ соборъ 270. — Обзоръ сказаннаго 272.

Лекція LI. Связь явленій 274. — Войско и финансы 275. — Окладные доходы 278. — Деньги данныя и оброчныя 280. — Спеціальныя налоги 281. — Писцовыя книги 282. — Неокладные сборы. Соль и табакъ 284. — Мѣстныя кредитныя деньги 286. — Живущая

четверть 291. — Тяглый дворъ и переписныя книги 293. — Словная разверстка 295. — Финансы и земство 297. — Тагло заводныхъ 297. — Распредѣленіе народнаго труда 298. — Чрезвычайные налоги 300. — Роспись 1680 г. 303.

Лекція LII. Недовольство 306. — Его проявленія 309. — Кн. И. А. Хворостининъ 311. — Патріархъ Никонъ 313. — Григ. Котошихинъ 314. — Ю. Крижаничъ 317. — Крижаничъ о Россіи 320.

Лекція LIII. Начало западнаго вліянія 331. — Почему оно началось въ XVII в. 332. — Его отношеніе къ греческому 333. — Два направленія 335. — Постепенность вліянія 338. — Полеки нидерланднаго строя 339. — Заводы 341. — Помыслы о флотѣ 343. — Мысль о народномъ хозяйствѣ 344. — Новая Нѣмецкая слобода 347. — Европейскій комфортъ 348. — Мысль о научномъ знаніи 352. — Первые проводники его 354. — Е. Славинецкій и А. Сатамовскій 355. — Начатки школьнаго образованія 357. — С. Подокій 360.

Лекція LIV. Начало реакціи западному вліянію 363. — Протестъ противъ новой науки 365. — Церковный расколъ. Повѣсть о его началѣ 367. — Мнѣнія о его происхожденіи 369. — Сила религиозныхъ обрядовъ и текстовъ 370. — Ея психологическая основа 372. — Русь и Византія 375. — Затменіе вселенской идеи 378. — Преданіе и наука 381. — Национально-церковное самоопредѣленіе 382. — Государственныя нововведенія 383. — Патріархъ Никонъ 384.

Лекція LV. Положеніе Церкви 387. — Идея вселенской Церкви 390. — Новшества 393. — Соудѣйствіе Никона расколу 396. — Латнобоязнь 399. — Признанія первыхъ старообрядцевъ 401. — Обзоръ сказаннаго 404. — Народно-психологическій составъ старообрядства 405. — Расколъ и просвѣщеніе 406. — Соудѣйствіе раскола западному вліянію 409.

Лекція LVI. Царь *Алексѣй Михайловичъ* (412—426). *Θ. М. Ртищевъ* (426—431).

Лекція LVII. *А. Л. Ординъ-Нащокинъ* (433—455). — Ртищевъ и Ординъ-Нащокинъ 455.

Лекція LVIII. *Кн. В. В. Голицынъ* (457—463). — Подготовка и программа реформы 463.

Лекція
R 10

DEC 5 - 1929

